И.А.Бунин

ПИСЬМА

1885–1904 годов

И.А.Бунин • ПИСЬМА 1885–1904 годов



И.А.Бунин. Фотография Б.Б.Пейроша. Орел, 1890

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького
Российский государственный архив литературы и искусства
Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева
Музей И.А.Бунина в Орле

И.А.Бунин

ПИСЬМА
1885–1904 годов

Под общей редакцией
О.Н.Михайлова

Москва
ИМЛИ РАН
2003

ББК 83.3

Подготовка текстов писем и комментарии
С.Н.Морозова, Л.Г.Голубевой, И.А.Костомаровой

Рецензенты
А.А.Козловский, Л.А.Спиридонова

Редактор
В.Н.Терехина

Составители выражают большую благодарность
Н.Б.Волковой (РГАЛИ), И.П.Сиротинской (РГАЛИ), М.А.Айвазяну (ОР ИМЛИ),
В.С.Барахову (АГ ИМЛИ), В.В.Сафроновой (ОГЛМТ), Е.М.Шинковой (ОГЛМТ)
за содействие в работе над книгой.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н.Михайлова; Подгот. текстов и коммент. С.Н.Морозова, Л.Г.Голубевой, И.А.Костомаровой. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 768 с., 1 л. портр.: ил.

Книга представляет эпистолярное наследие И.А.Бунина за 1885–1904 годы. В издании собраны все выявленные на сегодняшний день письма И.Бунина за этот период. Помимо частной и деловой корреспонденции писателя в настоящее издание включены его письма в редакции газет, а также коллективные письма с его подписью. В большинстве своем письма публикуются впервые и дают бесценный биографический материал и большую панораму культурной жизни России рубежа веков.

Издание осуществлено при финансовой
поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-04-16041 д

ISBN 5-9208-0155-7

От редакции

Настоящая книга представляет собой впервые предпринимаемое отдельное издание писем И.А.Бунина 1885–1904 годов.

Письма И.А.Бунина — это своего рода автобиографическое повествование писателя о жизни, о начале и развитии своего творчества. Эпистолярное наследие Бунина имеет разнообразную тематику: события личной жизни, история создания произведений, дневники путешествий, литературные связи — взаимоотношения с писателями, редакторами, критиками, издателями, знакомства с художниками, актерами, режиссерами. Также в письмах содержатся отклики на события общественной и культурной жизни России конца XIX — начала XX века, отзывы о критике и советы начинающим авторам и писателям-современникам.

Перед читателем раскрывается жизнь деревни и провинциальных городов, двух столиц — Москвы и Петербурга — и картина зарубежных путешествий писателя. Эпистолярное собрание писателя представляет собой незаменимый и очень ценный материал для биографии Бунина, для написания «Летописи жизни и творчества И.А.Бунина» и для работы над научным собранием сочинений писателя.

Отдельным изданием письма Бунина не выходили (за исключением книги: Письма Буниных к художнице Т.Логиновой-Муравьевой, 1936–1961. — Париж, 1982). При жизни писателя его письма издавались только однажды и без его на это согласия: Касторский С.М. М.Горький и И.Бунин: Переписка // М.Горький: Материалы и исследования. — М.; Л., 1936. — Т. 2. — С. 383–460.

В двух завещаниях Бунин выразил свою волю, в частности, и по поводу переписки. В мае 1942 года писатель настоятельно требовал: «В России осталось много всяких писем ко мне. Если эти письма сохранились, то уничтожьте их все, *не читая*, — кроме писем ко мне более или менее известных писателей, редакторов, общественных деятелей и т.д. (если эти письма более или менее интересны).

Все *мои* письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать. С просьбой об этом обращаюсь и к моим адресатам, то есть к владельцам этих писем. Я писал письма почти всегда дурно, небрежно, наспех и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал, — в силу разных обстоятельств. (Одним из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросясь меня, отдал в печать)» (К моему завещанию // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 9. — С. 480). В 1951 году Бунин вновь говорил о своей переписке, но уже не в столь категоричной форме: «После меня явится, может быть, у кого-нибудь мысль печатать мои письма, дневники, записные книжки. О письмах я уже писал в другом месте («К моему завещанию»): я чрезвычайно прошу не печатать их, — я писал их всегда как попало, слишком небрежно и *порою* не совсем кое-где искренне (в силу тех

или иных обстоятельств), да и просто неинтересно; из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки — чаще всего *как биографический материал.* (Если бы нашелся умный и тонкий человек, который мог бы выбрать эти отрывки!)» (К моему литературному завещанию // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 9. — С. 483).

Однако письма И.Бунина периодически публиковались, нередко в отрывках, с купюрами, что подчас оставляло за рамками важный биографический материал.

Впервые после кончины Бунина его письма появились в печати в 1956 году. Немало писем Бунина было опубликовано в различных журналах и литературных сборниках, как в России — А.К.Бабореко, Л.Н.Афониным, А.А.Ниновым и др., так и за рубежом — М.Э.Грин, Л.Ф.Зуровым, Г.П.Струве, А.Звеерсом и др. Также письма Бунина появлялись и в мемуарной литературе. При этом надо отметить, что публикация писем Бунина за рубежом началась лишь с 1964 года, после смерти В.Н.Муромцевой-Буниной (см.: Письма И.А.Бунина и его корреспондентов: Библиография 1896–1997 / Сост. С.Н.Морозов // Российский литературоведческий журнал. — 1999. — № 12. — С. 197–213).

Большая часть писем Бунина была опубликована в томе 84 «Литературного наследства» (М., 1973).

В настоящее издание включены все известные на сегодняшний день письма и телеграммы за 1885–1904 годы. Всего — 733, из них 413 писем публикуются впервые.

Все письма печатаются по автографам, исключение составляют четыре письма к В.В.Пащенко (90, 167, 168, 180), письмо к Ю.А.Бунину (652), и практически все письма в редакции газет (181, 217, 232, 240а, 394), автографы которых нам неизвестны. Публиковавшиеся ранее письма вновь сверены с автографами.

Письма Бунина печатаются полностью, без купюр (за исключением слов, неудобных для печати).

Все письма в данном издании расположены в общем хронологическом ряду, с единой нумерацией. Коллективные письма с подписью Бунина вынесены в отдельный раздел.

Перед текстом письма, вслед за порядковым номером и фамилией адресата, независимо от наличия или отсутствия авторской даты, дается полная редакционная дата с указанием места написания. Однако в случае, когда Бунин писал письмо в дороге (в поезде, на корабле и т.п.) указывается место отправления письма. Все даты приводятся по старому стилю; даты писем, написанных за границей, приводятся также и по новому стилю, при этом первой указывается дата того стиля, который был принят в месте подачи письма. Если на письме имеется авторская дата, она сохраняет в печатном тексте формулировку подлинника, при этом ошибки, встречающиеся у Бунина (ошибочные число, месяц, год написания), в тексте не исправляются. Все редакционные даты, при отсутствии или неточности авторской даты, а также исправления неточных или ошибочных датировок, под которыми письма значились в прежних изданиях, обосновываются в комментариях. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода, причем «началом» месяца считаются 1–10 числа, «серединой» месяца — 11–20 числа, «концом» месяца — 21–31 числа. Недатированные письма, написанные на открытках и закрытых письмах, датируются по почтовому штемпелю. При датировке писем принимаются во

внимание почтовые штемпели на сохранившихся конвертах, однако в первую очередь анализируется само письмо, т.к. конверты могли быть перепутаны или сохраниться только конверты без писем. При наличии нескольких писем неопределенной датировки они располагаются в порядке убывающей точности их редакционных датировок; в случае наличия нескольких писем с одинаковой возможностью последней даты порядок их определяется по возможным начальным датам. Письма, которые писались в течение нескольких дней (например, письма-дневники к В.В.Пащенко, Ю.А.Бунину), помещаются по последней дате, независимо от начальной. Письма к разным лицам, написанные в один и тот же день, если нельзя установить их последовательность, располагаются по алфавиту адресатов. Если дата или какие-либо ее элементы установлены только предположительно и вызывают сомнение, — после нее (или после сомнительного ее элемента) выставляется вопросительный знак в угловых скобках <?>.

Тексты писем Бунина печатаются с соблюдением возможной точности в расположении дат, обращений, заключительных формул, подписи и т.д. Сокращенно написанные слова дополняются в редакционных скобках < >, кроме общепринятых сокращений (т.д., т.п., т.е., т.к., руб., коп., губ., ул., кв. и др.), часто встречающихся в письмах сокращений (Птб., почт. ст., экз., м.б., напр., изд., ред., о-во и т.д.), а также сокращений, допускающих несколько вариантов прочтения. Такими же угловыми скобками с многоточием между ними <...> заменяются слова (с сохранением первой буквы), неудобные для печати. Слова, зачеркнутые в автографе Буниным, приводятся в подстрочных сносках только в том случае, когда они важны для понимания содержания письма. Мелкие исправления и вычеркивания, не имеющие смыслового значения, во внимание не принимаются. Очевидные описки исправляются без оговорок — за исключением описок в авторских датах. Слова, прочитанные предположительно (при нечетко написанном или поврежденном автографе), сопровождаются вопросительным знаком в угловых скобках <?>. Если какое-либо слово или ряд слов в письме не поддается прочтению, — в текст вводится обозначение <нрзб> с цифрой, соответствующей числу (если это можно установить) непрочитанных слов, если их больше одного. Все случаи повреждения автографа, создающие невосстановимые пробелы в тексте (зачеркнутые адресатом или другими лицами слова и строки, не поддающиеся прочтению, вырезанные или оторванные части автографа и т.п.), оговариваются в подстрочных примечаниях или комментариях.

Все редакционные пояснения и примечания к тексту, а также переводы иноязычных слов и выражений (не дается перевод общеупотребляемых слов и выражений типа: madame, merci, à la, sic) печатаются петитом в подстрочных сносках, обозначенных строчными буквами. Примечания к тексту, принадлежащие самому Бунину, печатаются в подстрочных сносках со звездочками тем же шрифтом, что и основной текст. Слова, подчеркнутые Буниным один раз, воспроизводятся курсивом, два раза — полужирным курсивом, три раза — полужирным курсивом с разрядкой; слова, подчеркнутые более трех раз, оговариваются в комментариях с указанием количества подчеркиваний. Названия газет, журналов, сборников и произведений даются в кавычках, даже если таковые отсутствуют в автографе.

Пометы других лиц на автографах писем Бунина приводятся в комментариях лишь в тех случаях, когда они поясняют содержание письма или имеют биографическое значение.

Приписки в текстах писем Бунина, принадлежащие другим лицам, набираются петитом. Перед ними ставятся инициалы и фамилия авторов в угловых скобках, набранные курсивом и заканчивающиеся двоеточием. Например: <*Е.А.Бунин:*>.

Приводимые автором стихотворные цитаты печатаются корпусом. Приложенные к письмам и посланные при них произведения Бунина не печатаются, а только наличие их отмечается в комментариях. Исключение допускается в тех случаях, когда, например, стихотворение не приложено, а органично включено в текст письма.

Письма Бунина печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации. При этом сохраняются некоторые характерные особенности авторского написания, играющие стилистическую или смысловую роль. Сохраняются употребляемые Буниным прописные буквы (в том числе в словах «Бог», «Божья Матерь», «Царствие Небесное» и т.д.). В словах «Бог», «Божий», «Господь» и в словосочетаниях с ними сохранена авторская прописная буква везде, кроме междометия «ей-богу». Сохраняется прописная буква в «Вы» как форма вежливости. Сохраняются намеренно искаженные написания («пасяйте», «чузяя» и т.п.), воспроизводятся авторские архаические и просторечные грамматические формы.

Что касается пунктуации, то в текст вводятся, например, нередко отсутствующие в эпистолярной скорописи запятые перед придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами и пр., но сохраняются характерные для Бунина употребления тире (внутри фраз), многоточий, эмоциональных знаков, а также знаков, имеющих интонационное значение.

Вспомогательный аппарат издания состоит из комментариев и указателей. Комментарии к письмам состоят из текстологической справки и историко-литературных, биобиблиографических, исторических и других необходимых пояснений, привязанных к тексту письма арабскими цифрами. В комментариях к первому письму конкретного адресата дается биографическая справка о данном лице с указанием о характере переписки Бунина с ним. Однако в данном издании принят единый принцип: комментировать конкретное лицо при первом упоминании. Если данное лицо встречается позднее как адресат и было прокомментировано ранее, то при первом письме к этому лицу дается только характеристика переписки Бунина с ним. В комментариях широко цитируются ответные письма корреспондентов Бунина, по возможности цитируются письма третьих лиц, а также используется мемуарная литература о Бунине.

Книга содержит указатели: писем Бунина по адресатам; имен, упоминаемых в издании; произведений Бунина, упоминаемых в письмах и комментариях к ним; географический; периодических изданий, упоминаемых в книге. Необходимость географического указателя обусловлена тем, что составление обычного в подобных изданиях указателя мест пребывания писателя нецелесообразно в связи с частыми перемещениями Бунина. Во-первых, все поездки писателя и их сроки в настоящий момент выявить не представляется возможным, а во-вторых, этот указатель (по сравнению с географическим) занял бы очень много места.

Общие пояснения к тому писем даны во вступительной статье к комментариям. Перед вступительной статьей приведен список условных сокращений.

Письма
1885–1904 годов

1. Ю.А.БУНИНУ

21 мая 1885. Елец

21 мая 1885 г.
Елец

Милый и дорогой
Юлинка!

Письмо твое мы получили от 10 мая; в нем ты пишешь, что не получил ответ, но вышло так, что мы послали письмо тебе 11 мая[1], а ты 10-го; мы все, слава Богу, живы и здоровы; мама ходила за тебя в Задонск Богу молиться[2]; у меня нынче был экзамен[3] из французского яз.; надеюсь, что выдержал; завтра самый страшный экзамен — из математики. Маша[4] также учится. Мама, я, а также все тебя целуем и ждем с нетерпением еще письма от тебя.

Брат твой Иван Ал. Бунин.

<*В.А.Орлова:*> Дорогой мой брат Юлинька.

Письмо мы твое получили, которому были очень рады, ты пишешь, что давно писем не получал, мы тебе послали письмо 11-го, ты, наверное, его уже получил. Мама ходила в Задонск Богу молиться, а дня за три перед этим мы с отцом ездили в Задонск Богу молиться. Мы, слава Богу, все живы-здоровы, у Вани сегодня был экзамен по математике, мы думаем с ним, что он выдержал, потому что он что-то там написал ответ такой же, как у первого ученика. Юлинька, Ваня тебе написал письмо 21-го, но на этот же день не отнесли на почту, уже я-то тебе пишу 22-го.

Целую тебя крепко, мой дорогой, и желаю тебе от Бога всего хорошего.

Остаюсь твоя сестра Вера Орлова.

2. Ю.А.БУНИНУ

6 сентября 1888. Елец

6 сентября.

Милый Юлинька! Письмо твое получил нонче, но отвечать тебе как следует сейчас не могу, потому что запряжена лошадь и Настя[1] спешит домой (мы здесь, т.е. в городе, с нею). Твоему письму я очень обрадовался главным образом потому, что оно длинно. Спасибо тебе за то, что пишешь сравнительно подробно. Пиши, пожалуйста, и наперед таким образом. С своей стороны я постараюсь делиться с тобою всем, что есть в моей душе и уме. Но сейчас писать некогда. Завтра же или нонче вечером напишу тебе из Глотова[2] и поболтаю обо всем. Пока же скажу, что все живы и здоровы. Насчет денег мы похлопочем. Скучать мне еще

не пришлось. До 2-го числа я все время был с Глебурой, 2-го числа провожал его до Ефремова, потом ездил к мировому с Настей. (Кстати, — Федьку осудили на 20 дней, а Ваську на 2 месяца сидеть при волости). Потом отправился в город. Раскисать вообще не буду. Только бы поскорее нам свидеться! Но до свидания еще может далеко и потому ограничимся письмами. Прощай пока. Пожалуйста, прости за безалаберное письмо — некогда! Твой друг и брат

Иван Бунин.

P.S. При этом письме ты найдешь еще другое, которое я получил 31-го августа.

Да, вот что еще! На адресе для отца[3] прибавляй: «в дер. Озёрки»[4], а то отцово письмо попало к другому А.Н.Бунину и я его получил измятое и, кажется, прочитанное.

3. Ю.А.БУНИНУ

15 сентября 1888. Елец

Дорогой Юлий! При этом письме ты найдешь 10 руб. Я отлично знаю, что это слишком недостаточно, но делать нечего: только завтра у нас начнут молотить овес и в понедельник или во вторник на следующей неделе[1] мы непременно вышлем тебе еще. К тому же Софья Федоровна спрашивала твой адрес по просьбе Александры Федоровны, которая хочет с тобой расплатиться за Леву[2].

Сейчас уже около одиннадцати часов и поэтому писать больше нельзя: иначе опоздаю отправить деньги. Возвратившись с почты, сяду и поговорю с тобой обо всем поподробней[3].

Твой брат Ив.Бунин.

15 сентября
88 г.
Елец, Ливенское подвор<ье> 1.

4. Ю.А.БУНИНУ

15 сентября 1888. Елец

15 сент. 88 г. Милый Юлинька!

Немного запоздал тебе ответом. Обещался я писать тебе еще 5-го (когда послал тебе первое письмо)[1], но из Глотова письма послать не пришлось, хотя я был там и передал твой поклон Софье и Григорию Андреевичу[2]. Он в восторге от него и ждет твоего письма. Жду также и я, потому что ты писал уже давно. Очень интересно бы знать про вольнослушание и про то, что ты теперь поделываешь и на что надеешься. Софья Федоровна почти уверена, что Горкуша найдет тебе местечко,

потому <что> пользуется большим влиянием. Жаль, конечно, что ты не встретил почти никого[а].

ниматься, а перед этим почти не был дома до 2-го сент. (когда уехал Глеб), я каждый день был у него. Шлялись в Мишин лес, ездили на Березовку верхами, в город к Софье. Глеб просидел у нее весь день вопреки своему обещанию не ездить никуда, а тем паче к Софье. Кстати сказать, за последнее время мы с ним сошлись ближе. Христина[3] даже рассказывала вчера, что он «страшно» полюбил, называл очень умным малым, заступался, — словом (по словам Христины, разумеется) так нежно относился ко мне, что перед отъездом целый день не обедал, все меня поджидал и приговаривал: что же это[б].

2-го я провожал его до Ефремова (паршивый городишка!); ездили с Софьей Федоровной. Она провожала Лену и с ним не разговаривала, да и вообще страшно зла на него. На крестинах у Виктора (дочь Ольга, кум — Федор Мих., кума — Наталья Семенов<на>) страшно ругала его и не без едкости заметила, что <я> его «приверженец», хотя относится она ко мне весьма хорошо. Третьего дня я сидел у них часов 5. Были Воробьевы, Ольга Семеновна снимала меня: я сел в позу Фофанова в саду на стуле[4]. Теперь они уехали и Озёрки совсем опустели. Тишина мертвая, дни тихие, ясные, осенние вполне. Но гулять я еще не ходил ни по знаменской, ни глотовской дороге: одному как-то скучно брести по пустынным и безлюдным полям...

Читать почти что нечего: «Русская мысль» ни июль, ни август у Рышк<овых>[5] еще не появлялась. «Северный вестник» только за сентябрь. Ты, наверное, знаешь его содержание. Не правда ли здорово озаглавлена статья у Прото<по>пова про Мак. Белинского: «Пустоцвет»[6]? Привез я также «Книжки Недели», узрел свои стихотворения[7]. Видел ли их ты? Не изменил Гайдебуров[8], однако, ни слова; думаю послать еще. Напиши мне, что делать с «Поэзией и отвлеченным мышлением»[9]? Послать ли в «Неделю»?

Прощай, мой милый Юынка! Очень мне хотелось бы теперь повидать тебя, поговорить с тобою... Пиши хоть поскорее. А пока прощай.

Твой любящий брат
Ив.Бунин.

P.S. В Ельце новость: умер исправник.

Кланяйся Маше, Марье Константиновне[10]. Мать и все целуют тебя.

Ив.Бунин же.

[а] Далее оторвана нижняя половина листа.

[б] Далее оторвана половина листа.

5. Ю.А.БУНИНУ

Между 20 и 23 сентября 1888. Глотово

Дорогой Юринька! Напиши, голубчик, когда же я могу приехать к тебе[1]? Ведь на мое прожитие, право, надо немного: только еда рублей за 8 да еще пустяки кое-какие, — вообще рублей десять. Скука ужасная! Пиши скорее.

Пока до свидания, дорогой мой.

Твой Ив.Бунин.

P.S. Твоего второго письма еще <не> получал. Когда получу, буду писать подробнее. Особенных новостей никаких.

Посылаю тебе набросанные нынче «стихотв<орения> в прозе». Напиши скорее, годятся ли они в «Неделю»[2].

6. Ю.А.БУНИНУ

29 сентября 1888. Глотово

Глотово
29 сентября.

Милый Юринька!

Ты пишешь, почему я не сообщаю тебе в подробностях о нашем житье-бытье, говоришь, чтобы я постарался *во что бы то ни стало* сохранить наш клочок земли[1]. На это особенно утешительного ответить нельзя. Я и мать уже несколько раз говорили отцу про Дворянский банк и упоминали, что декабрь уже недалеко. Но ты, разумеется, знаешь, можно ли с ним оговорить и что он на это возражает. А время в самом деле идет... К тому же Мещеринова, когда отец возил ей проценты на днях, сказала, чтобы мы извинили ей, потому что она по некоторым обстоятельствам должна представить вексель в ноябре. В противном случае она требует, чтобы мы заплатили ей хотя 100 рублей. Дела, как видишь, плоховаты. Отец возил продавать овес, но денег тебе не послал, говорит, что, может быть, вышлет на днях. Из письма его ты увидишь, что он тебе советует вернуться домой. Но я не думаю, чтобы это было особенно хорошо теперь. Через месяц, через два, в случае неполучения места, это еще будет смысл иметь.

Но — «печалиться — хвост замочалится», как говорит Евгений[2]. Постараюсь опять в скором времени потолковать с отцом посерьезней о Дворянском банке. Я, конечно, понимаю, что надо действовать во что бы то ни стало. В крайнем случае лучше, как ты сам говорил, сарай какой-нибудь продать, но не допустить, чтобы все погибло.

По некоторой ассоциации мыслей (от сарая мысленно я перешел вообще к постройкам, от построек к пожарам этих построек и т.д.) я быстро вспомнил, что у нас случился пожар: изба и все, положительно все пожитки Варвары Николаевны[3] стали жертвою пламени. Не уцелело даже ни клочка одежды, ни блюдечка. Сама она в погоне за этими гор-

шочками и блюдечками, обожгла себе руки так, что они покрылись волдырями почти сплошными. Я еще не видал ее, но Евгений говорит, что она, кажется, совсем рехнулась. Погорели все французские вокабулы, все псалтыри и т.д. Теперь она у Христины. Уверяет, что ее поджег Мотька[4]. Перед пожаром, говорит она, приходил он к ней за деньгами пьяный, ругал и хотел даже бить. На самом деле, может быть, что поджег он.

Верочкина[5] земля осталась за Евгением. На днях он поехал совершать купчую или данную, что ли, не знаю, право. Кстати, Верочка теперь в очень дурных обстоятельствах. Мастерской у ней уже нету, живет она в одном доме с Селивановым, около его кухни в какой-то каморке и питается крошками от стола его. Впрочем не теряет надежды на лучшее будущее: изменить ее дурное положение дóлжно, видишь ли, тебе: «Как Юрий получит место, так я непременно, непременно укачу к нему!» Затем... Затем — нового ничего. «Та же Арина, та же полтина, любезный родной!» Был я 17 у Софьи. Скука была смертная. Приезжал морж или филин, как называет Евгений, Тихон Иванович в черной паре, пел «Огородника» и свою пресловутую хохлацкую песню. Спрашивал про тебя. «Вот славно, говорит, если Юл.Ал. получит скоро место учителя. Ему можно будет ходить в университет и слушать лекции». Я его уверил, конечно, что ты кончил черт знает когда еще. В Глотовой, однако, я бываю часто. Григорий Андреевич восхищается моими стихами...

Ну, прощай. От Климента Исаевича прислали. Он везет письмо на вокзал. Очень скоро буду писать.

Твой Ив.Бунин.

7. Ю.А.БУНИНУ

14 октября 1888. Орел

14 октября.

Дорогой Юринька! Письмо твое из Орла я не получал. Поэтому и не писал до сих пор, не знал, где ты. Теперь прежде всего могу сообщить тебе неприятную новость: на днях к нам являлся урядник и приносил бумагу из министерства, в которой сказано, что «прошение такого-то о том-то признано не подлежащим удовлетворению». К тому же становой велел спросить, где ты. Я написал, что 23-го ты выехал в Харьков. Не горюй, голубчик! Что же делать, этого почти должно было ожидать.

Теперь еще вот что: Ник<олай> Фед<орович>[1] покупает у Евгения землю. А Евгений предлагает нам променяться с нами следующим образом: он дает Верочкину болотную и из материной 4 десятины. А мы ему наши 20, без усадьбы, разумеется. Выгоды, по его словам, будут следующие: во-первых, мы избавимся от расхода на купчую, которую будет выдавать отец матери, ибо передача совершится так: отец выдаст Евгению купчую на 20 десятин, а Евгений матери на 16. Остальные *четыре*

перейдут к нам от того, что мать будет совершать с Евгением купчую уже не на 16, а на 12. Обе купчие на Евгеньев счет. Предварительно Евгений заложил 16 десятин в Земельный банк. Денег возьмет рублей 1200. Эти 1200 рублей вместе с материными 400-ми пойдут на уплату Бибиковой[2]. Матери при этом придется занять 200 рублей. Уплатив до декабря сумму Бибиковой, мы избавимся от процентов (200 рублей, которые надо будет платить Бибиковой, если мы не уплатим сумму). Расходы по хлопотам в банке Евгеньевы. Следовательно, у нас окажется незаложенными, чистыми 9 десятин (с усадьбой). Посев, следующий, возьмет Евгений (на болотной-то).

Про все про это он тебе писал уже. Но боюсь, подробно ли. Пиши же скорей свое мнение. За тобою дело.

Живу по-прежнему. Перешел в детскую. Прочел «Анну Каренину», несколько «дневников читателя» Н.М., «Пестрые письма», несколько статей Георга Брандеса из «В<естника> Е<вропы>»[3]. Все это беру у Н<иколая> Федоровича: у него теперь целый ящик книг.

Что еще? Серый околел. Ушел под <нрзб> и скончался.

Получил «С<еверный> в<естник>», «Неделю». В «Кн<ижках> Нед<ели>» за октябрь мое стихотворение[4]. Читал ли?

Купил себе пальто, калоши, шапку. За все заплатил 23 рубля.

Пишу это письмо на вокзале, на Орловском, еду на Глотово.

У нас зима, холод страшный. Ну, пока прощай, мой милый и уважаемый Юринька.

Твой Ив.Бунин.

Читая про Харькову и Терната, хохотал.

Всем поклон[а].

Вышли нашу карточку[б].

8. Ю.А.БУНИНУ

18 октября 1888. Озёрки

Дорогой Юринька!

Вместе с твоим письмом я получил еще три: из Орла от Семеновой, из Москвы от Левы и от Гайдебурова (от Гайдеб<урова>, получил, впрочем, еще письмо, кажется, 14-го окт.). Семенова пишет[1], что сама изданием книг не занимается (я ее спрашивал, не купит ли она мои стихотворения или «Историю Бисмарка»)[2], но подходящего издателя может найти с удовольствием. Лева просит узнать[3], какого мнения о нем Маша Р. и можно ли с ней затеять переписку; в заключение сожалеет, что она с ним слишком «не нахальна»; «мне бы очень хотелось, если бы она была со мною понахальнее, что и требуется для удовлетво-

---

[а] Приписано на верхнем поле последней страницы.

[б] Приписано в начале письма.

рения меня», — прибавляет он в конце. Больше всего интересны письма от Гайдебурова. Первое — ответ на мое письмо[4], которое вместе с стихотворением я послал из Ельца уже 27-го сентября. Стихи все-таки попали в октябрьскую книжку[5], хотя я ее не видел еще, потому что она запоздала выходом (неужели потому, что мое стихотворение запоздало? Если так, — вот, брат, внимательность-то!).

Второе письмо меня сначала испугало даже[6]. «Ну, думаю, к сожалению, напечатать нет возможности... и т.д.» Словом, отказ. Оказывается, что Гайдебуров толкует про «Родину» и предостерегает от нее. Я ответил ему[7], что советом его, конечно, постараюсь воспользоваться (написал также, что «Дубовые листья»[8] (кстати сказать, я сам насилу вспомнил, что это за стихотворение) посланы еще летом прошлого года). Но, по правде сказать, я стал немного в тупик. Напиши, пожалуйста, как поступить? Сразу перестать сотрудничать в «Родине», согласись, немного совестно и неловко. Главным же образом меня смущают мои журнальные обозрения[9]. Ведь я все-таки писал, что буду каждый месяц присылать по статье.

Но вообще все это пустяки и я очень доволен его письмами. Написал ему также, что желаю получать лучше «Неделю», чем денежное вознаграждение. Получу, значит, «Недельку» с самого января чистенькую («афиски!»). Доволен я еще тем, что ты дал «Эпохе» выбраться на свет Божий[10]. Лишний хороший журнальчик не мешает. К тому, может быть, ты к ней пристроишься (а может быть, — чем черт не шутит, — впоследствии и я). Григорий Андреевич уже послал 11 почтовых марок, чтобы ему выслали первую книжку. Он тоже ужасно обрадовался[11], увидев объявление об «Эпохе». («Дуничка! Дуничка» ы...-ы...-ы...-ы... «Эпоха» — то!»).

Теперь — о чем попало. Буду без всякой связи сообщать тебе новости. Во-первых, у нас совершилось возвращение Марфутки. Маша по целым дням сидит с ней на печке и, по обыкновению, распевает. На днях как-то мама на нее страшно заливалась — плакала, но упрашивала Машу продолжать, а Маша вздумала петь на мотив «Иду, иду к Машуньке!..» свою песню: «Позвать ко мне Юрия, а Юрия нету!..» Отец хочет послать тебе на неделе денег и, наверно, пошлет вправду, хотя немного. (Кстати, — ты, брат, слишком мало говоришь мне о своих средствах. Денег у тебя, должно быть, совсем нет. Как ты пробиваешься?) Домашние наши дела все так же плохи; отец за последнее время страшно пил, ежесекундно устраивает скандалы и слышать не хочет об деле. Недавно только протрезвился. Не знаю, что делать... Лошади все целы, впрочем... Но для Мещериновой, должно быть, придется продать пару.

Я пишу мало. Гулять совсем почти не хожу. Погода плоха. Недавно как гулял по большой дороге вечером, да грустно! Вечера какие-то тихие и темные... Все тихо, задумчиво, грустно. Было два полных зазимка. Зима, должно быть, скоро. Читать почти нечего. Софья выписала Короленко. Мы с Григорием Андр<еевичем> наслаждались вполне. В

самом деле — роскошь. Авдот<ья> Вук<оловна>[12] иногда плакала. На Казанскую думаем сыграть «Шутников» Островского[13], да вряд ли выйдет. Играть хочет Петя[14], я, Григор<ий> Андр<еевич>, Софья, Авдот<ья> Вук<оловна>, Василий Александрович, Тихон Иван<ович>, Култышка[15], Ольга Ивановна.

От Тешковой (помнишь, — живет около Павла Гавриловича) получил два стихотворения. Называет меня «светом во тьме», говорит, что «полон и глубок мой душевный мир» и в таком роде. Вообще я удивился немного такому поклонению моему таланту; Григор<ий> Андр<еевич> говорит, что она почти плакала, читая некоторые мои стихотворения в «Родине». Я ей ответил тоже стихотворением. В общем — немножечко скучно. Жалко мне тебя очень... Ну да впрочем Бог милостив. Прощай, дорогой брат. Дай Бог поскорее увидаться. Пиши, пожалуйста, поподробнее, где бываешь, что разговариваешь и, главное, как твоя статья? Ты о ней совсем молчишь.

Настя, Евгений, Маша, мама — все тебя целуют. Мама просит передать, что она тебе очень благодарна, что ты сравнительно часто пишешь.

Твой друг и любящий брат
Ив.Бунин.

Озёрки, 18 октября
88 г.

P.S. Передай мой поклон Марье Константиновне. Получал ли ты деньги за Мишу?

9. Ю.А.БУНИНУ

20 ноября 1888. Елец

Ливен. подворье. 20 ноября 88 г.

Дорогой и милый Юричка! Только сейчас прочел твое письмо и еще больше тебя удивился, кто перехватил твое письмо от 30 октября. Я его и в глаза не видал, так что не знаю до сей поры, получил ли ты мое письмо с 2-мя письмами Гайдебурова[1] или они пропали? Пропасть, мне кажется, они не могли, потому что Евгений отправил их заказными и привез мне квитанцию. Между тем, ты, напр., толкуешь про «Родину» так, словно не читал письма Гайдебурова, в котором он советует, «ввиду того, что у меня есть несомненные задатки поэтического творчества, остерегаться от участия в журналах подобного литературного качества, как "Род."». Дело, во всяком случае, вышло путаное, и я очень сожалею, что не видал твоего письма. Если ты писал в нем что-либо интересное, — напиши, пожалуйста, опять. Мать ужасно беспокоилась из-за тебя, удивлялась твоему (мнимому) молчанию. Пожалуйста, отвечай мне поскорее. Ты, разумеется, поверишь мне, как всегда я бываю рад, получивши твое письмо.

Дела наши еще очень плохи. На днях отец был у Мещериновой, говорит, что она отсрочила на несколько времени, хотя, в сущности, эта отсрочка ничего не значит, потому что Мещеринова в деньгах нуждается и не нынче, так завтра подаст вексель к взысканию, если мы не заплатим ей хотя ста рублей. А тут Бибиковы. И что скверней всего, отец до гадости спокоен. Мы с Евгением придумывали такую вещь: мать соглашается продать ему Болотную и этими деньгами заплатить хотя половину долга Бибиковым, в том, разумеется, случае, если отец отдаст ей Озёрскую дачу и 25 десятин. Я говорил это отцу, он ломается. В крайнем случае он бы, наверно, согласился, и это бы была превосходная штука, так как Озёрки тогда уж наверняка остались бы нашими. Но горе в том, что и Захарка ломается: просит с Евгения отсталого 1000 руб. Евгений, разумеется, на это согласиться не может. Таким образом, еще ничего не выяснилось, и я не знаю, что делать... Дело наше, а в частности мое, следовательно, выходит говно. Может быть, Господь даст как-нибудь выпутаться. Про свои научные работы многого сказать не могу: не принимался совсем за алгебру, но повторял арифметику (и, ей-богу, серьезно) и делал задачи (почти все по Малинину[2] на все арифметические действия); затем по геометрии повторяю (осталось страниц 30) планиметрию; делал те, которые смог, задачи. Повторил логику, выучил катехизис и древнюю и среднюю историю Илловайского[3], начал повторять географию. Хочу приняться посильнее: одному, к тому же, скучно. Бываю каждый день у Евгения (он тебя, конечно, вместе с Настей просит целовать), записался вместе с Григорием Андреевичем и Софьей в библиотеку. Софья, разумеется, ничего не читает, и мы с ним распоряжаемся. Читали в «В<естнике> Е<вропы>» «Мелочи жизни» Н.Щедрина, «О новейших поэтах» статьи Арсеньева[4] и кой-что другое. Вообще, выбор в Елецкой библиот<еке> ты знаешь сам какой; сейчас был там, взял (читаем по 1-му разу) «Подчиненность женщины» Милля, «Стихотворения» *Клиншеева,* «Сев<ерный> вест<ник>» за ноябрь и по ошибке «В<естник> Е<вропы>» за 82-ой год. Там, мне сказала библиотекарша, помещена «Клара Милич», а оказался рассказ (Тургенева тоже) «Отчаянный»[5] (я, брат, не слыхал даже, чтобы он написал такой). Завтра переменю и рано уеду в деревушку — Озеркѝ, как говорит контролер (кстати, — контролер, было, подвергся на заводе за сквернословие убиению поленом и уехал из Глотова *навсегда*). Вообще, читать есть что. Получил всю «Неделю», получаю *бесплатно «Орлов<ский> вестн<ик>»* (помнишь, я летом послал туда набросок о школах[6]; на днях я напомнил письмом про это Семеновой[7] и, узнав, что он напечатан, написал о бесплатной высылке газеты. Получаю теперь аккуратно. Писал ли я тебе, что Василий Александрович тоже литератор, поместил в «Орлов<ском> вестн<ике>» штуки три корреспонденции[8] и тоже получает бесплатно. В Глотовой прогресс: Клим Исаев выписывает «Орлов<ский> вестн<ик>» и на будущий год «Сын отечест<ва>», Лев Ис<аев> — «Сверчка», «Хлябал» — охотничий какой-то журнал, Григор<ий> Андр<еевич> — «Эпоху», Софья хочет «Родник»,

Пав<ел> Гавр<илович> — «Родину» и т.д. Только Култышка «не...», — охотится все. Заговорив про Глотово, сообщу еще кое-что из ее жизни: Варвара Алексеевна уже больше двух недель вышла замуж. Муж (Никифор Макринов) семинар огромного роста, с большим туловищем, к которому очень не идут тонкие ноги и громадные сапоги — лодками. Лицом все-таки ничего. Но молчалив и неразвит, должно быть, до безобразия. Попросил у Гр<игория> Андр<еевича> что-нибудь почитать. Тот ему Гаршина, думая угодить и обрадовать. И вдруг — «Нет это мне не надо, мне что-нибудь, а это, небось, скучно!» Мы сейчас притащили ему «Церковь в катакомбах» Домбровского[9]. Пороху, как ты выражаешься, значит, не выдумает. Когда засмеется, — грубым, коротким ворчаньем, — лицо принимает наивно идиотское выражение. Видел я его, впрочем, один раз...

Прощай, мой драгоценный, милый Юричка!

Твой любящий друг
Ив.Бунин.

P.S. Читал ли ты *у нас* (каково?) в «Неделе» статью графа Льва Николаевича Толстого[10]?

В ноябрьскую «Книжку Недели» не попал по своей вине. Отец не дал лошадей ни до станции, ни до Глотова.

10. Ю.А.БУНИНУ

26 декабря 1888. Глотово

26 декабря 88-го г.

Драгоценный Юринька! Извини, пожалуйста, голубчик, что не мог писать тебе к празднику[1]. Ты поймешь, конечно, что я совсем это не из того, чтобы быть пред тобою невежею, — а потому, разумеется, что неоткуда было письма послать. Теперь, когда я в Глотовом, я могу исполнить это и от всей души поздравить тебя с праздником. Письмо твое от 27 получил еще в начале декабря, но отвечал не сейчас опять-таки по некоторой причине, а именно: ждал, пока окончательно уладятся наши дела. Положим, они и сейчас не уладились еще, но все-таки исход яснее. Мещериновой заплатили рублей 230-ть и упросили подождать. Я был у ней и с удовольствием увидел, что это — замечательно деликатная и добрая женщина. У Бибиковых был отец, они тоже согласились подождать проценты, но на неделю на полторы — не более. Отец наконец решил окончательно передать матери Озёрки. Евгений покупает у матери 16 десятин, но сейчас дает только 300 рублей для уплаты процентов. Остальные тогда, когда он получит по своим векселям с <нрзб> и с Софьи, т.е. в мае 89-го. Завтра или послезавтра, словом, до Нового года, наверно, все устроится и кончится. Вот все, что я могу сообщить тебе о «делах». О них пока довольно.

Прежде всего скажу тебе, что пишу письмо едва не со слезами. Тоска такая, что грудь даже ломит[2]. Правда, я все время старался исполнять твой совет и все время не раскисал почти ни капли. Но вчера и нонче — как дьявол на мне поехал. И понимаешь, дорогой мой Юричка, ничего не могу с собой сделать: вчера целый вечер едва сидел. Просто видеть никого не могу из этих скотов. Нонче то же самое.

«Одинокий, потерянный,
Как в пустыне стою...»[3]

Милый, голубчик, ей-богу, не ломаюсь! Даже ночью снится что-то необычайно темное и грустное, сердце щемит во сне даже. Евгений говорит, что это — желчь. Но хотя я и чувствую себя в самом деле нездоровым, не соглашаюсь с ним: лицо совершенно не желтое. Похудел я, правда, здорово и бесцветен, как рыба...

В «Родине» во всю осень ничего моего не появлялось[4]. Относительно участия в ней последую твоему совету. Читал ли ты в декабрьской «Книжке Недели» два мои стихотворения[5] и как они тебе понравились? Напиши. Ужасно жаль, что ты не приехал к Рождеству. Полежали бы опять в детской на кровати, поговорили бы и почитали. У меня есть полное собрание сочинений Альбова, книжка Минского и Ясинского (стихотворения)[6], читал на днях «С двух сторон» Короленко, прочитал «Обрыв» Гончарова, «Минеральные воды» и некот<орые> другие вещи Эртеля. Хочу выписать себе новое издание Гл. Успенского в 2 т. за 3 руб.[7]. Что-то почитываешь ты, как провел праздник (т.е. пока 2 дня только). У нас, разумеется, все идет поразительно похоже на прошлый год. Ну, пока прощай, крепко, крепко целую тебя, милый и уважаемый брат.

Твой Ив.Бунин.

Настя, Евгений и остальные целуют тебя.

Передай поклон Глебу (он наверно в Харькове?) и Марии Константиновне. Через несколько дней буду еще писать.

11. Ю.А.БУНИНУ

29 декабря 1888. Елец

Дорогой Юричка! Нонче, наконец, дела наши кончены, и я спешу поэтому написать поподробнее, как мы устроились. Мать выдала Евгению задаточную на болотную землю; срок совершения купчей назначили 1-го июля. Денег с него получено пока 215 рублей (они пошли почти все (200 руб.) на проценты Бибиковым), остальные 85 рублей (которые пойдут на хлопоты перезаложить Озёрки в Двор<янском> банке) — на Святках (не позднее последних дней). Вместо остальной суммы Евгений передал матери вексель Отто Карловича[1] на 1000 рублей. Надпись на векселе я настоял сделать такую, что в случае смерти От<то> Карл<овича> обязан будет заплатить Евгений (такая надпись называет-

ся «ответственной-бланковой». Мне ее указал нотариус). Отец с матерью сделали тоже задаточную с тем условием, чтобы купчая должна быть сделана 31-го августа. Задатку, написано в ней, отец получил 1150 рублей. Как видишь, дела устроились, слава Богу, сравнительно ничего. Пиши, ради Бога, скорее, мать ужасно беспокоится. Мы сейчас все сидим в нумере Лив<енского> подв<орья> (т.е. я, Евгений и мать, отец спит); мать поминутно упрашивает написать тебе это.

Прощай, мой драгоценный и уважаемый Юричка. Писать больше некогда, Евгений торопит на вокзал (едем в Глотово).

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

29 декабря 88-го г.
1/6 вечера.

См. на обороте.

<*Е.А.Бунин:*> Милый брат Юлий!
Косолобый[2] тебе сейчас пишет как мы устроили дело, но добавлю, что контракт с Захаром остается пока действительным, но думаю с ним как-нибудь сойтись, в отношении, брат, винной моей лавки очень скверно, права еще не брал, нет денег, думаю достать, и все-таки будет бесполезно, так как у нас в Озёрках Илья Ромашков получил разрешение и взял уже права на винную лавку в доме Резвой и, разумеется, придется конкурировать, убытки будут непременно и у него, мой хромой дьявол. Мы, слава Богу, живы и здоровы. Целуем тебя и ожидаем от тебя известий, как ты устроился. Любящий брат твой Е.Бунин.

12. И.А.БЕЛОУСОВУ

19 января 1889. Елец

Милостивый государь
Ива́н Алексеевич!

От Егора Ивановича[1] получил в подарок Вашу книгу[2], переводы из Шевченко, и узнал, что Вы желаете со мной познакомиться, хотя письменно. «Вы, — сказал мне Егор Иванович, — ищете “мотивов” начать переписку». Ну вот Вам и «мотив». Пишите, как получите мое письмо, — и, может быть, тогда у нас найдется, чем поделиться друг с другом. Пока же, — до свидания.

Ваш покорный слуга
Ив.Бунин.

Адрес мой: Елец, Орловск. губ. Ивану Алексеевичу Бунину.

Елец
19 января 89-го г.
Вечер.

13. Ю.А.БУНИНУ

20 января 1889. Елец

Милый и уважаемый Юричка! То, о чем я хочу тебе написать, наверно, очень удивит тебя, так что ты, пожалуй, не поверишь мне вполне. Поэтому загодя прошу тебя отнестись к моему письму посерьезнее и дать мне серьезный совет. Дело в следующем.

Вчера я отправился к Назарову вечером и не застал его. Жена его говорит, что я ему *страшно* нужен. Я в Биржу. Там он мне сообщил следующее: «У меня, говорит, три раза была Семенова (издательница "Орловск<ого> вест<ника>") и убедительно просила передать Вам, что она просит Вас быть при "Орловск<ом> вестнике" *помощником редактора*[1]. Редактор (неофициальный) там некто Борис Петрович Шелихов. Он тоже был у меня и говорил то же самое. Потом писал об этом». Я спросил у Назарова, что, может быть, Шелихов думает, что я был где-нибудь в университете или не знает, что мне 18 лет; Назаров говорит, что Шелихов и Семенова знают отлично, что я нигде почти не был, знают, что я так молод, но думают, что я для них вполне годен. Шелихов слишком занят и типографией, и корректурой, и корреспонденциями, и т.п., так что ему некогда перерабатывать даже различные сведения из жизни Орла. Поэтому он думает, что я ему буду хорошим помощником, буду писать фельетоны, журнальные заметки и т.п. Семенова читала в «Родине» мое журнальное обозрение[2] и восхищается моим умением владеть пером. Просила также через Назарова у меня позволения перепечатывать из «Недели» мои стихотворения[3]. Относительно всего этого я сначала не доверял Назарову, но он мне показывал письма Семеновой и Шелихова обо мне. Письмо Шелихова к Назарову обо мне сейчас у меня... Назарову он говорил, что они мне дадут готовую квартиру и 35–40 рублей в месяц. Вот, брат, какие дела. Пожалуйста, не подумай, что я хоть несколько вру или преувеличиваю. Ответь, ради Бога, скорее. Я так и написал Семеновой[4], что не могу раньше первых чисел февраля дать ей положительный ответ и просил сообщить ее условия подробнее. Я думаю, голубчик Юричка, что при недурных условиях можно согласиться с радостью. При редакции прекрасная библиотека, получаются буквально *все* журналы. Подумай, какая прелесть! К тому же навсегда там меня не привяжут. Семенова, говорит Назаров, прекрасная, простая дама или барышня что ли (она живет вполне официально с Шелиховым: молоденькая еще!). Отвечай же, Юричка, поскорее, ехать мне или нет.

О домашнем житье-бытье поговорю в другой раз. Твои слова всегда на меня влияют. Я знаю, голубчик, что твое письмо не фразы. Я, честное слово, теперь всегда стараюсь себя подтягивать и ободрять рассудком. Прощай, мой драгоценный. Пиши же скорее.

Искренно любящий и уважающий тебя

Ив.Бунин.

Елец, 20 января.

14. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 февраля 1889. Озёрки

Вечер 3-го февраля 89-го года
д. Озёрки, Елецкого уезда.

Только сейчас получил Ваше письмо, уважаемый Иван Алексеевич, и сейчас же сажусь отвечать Вам. Вы спрашиваете моего мнения относительно Вашей книги[1] и я с удовольствием готов удовлетворить Вашему желанию: на меня она произвела хорошее впечатление, во-первых, своим легким и отделанным стихом и, во-вторых, тем, что в ней есть несколько переводов (весьма верных и вообще хороших) тех из стихотвор<ений> Шевченко, которые замечательны по глубине и теплоте чувства. Мне только жаль, отчего Вы не перевели и не поместили в Вашу книжечку такие, напр., превосходные и высокопоэтические вещи Т<араса> Г<ригорьевича>, как «Як умру я, поховайте...», «Думы мои, думы мои...», «И широкую долыну...» (кажется так?), «Огни горят музыка грае...» и т.п. Не оттого ли, что у них есть уже переводы[2]? Если так, то Вы отчасти правы, но правы опять-таки отчасти — и вот почему; многие из перевод<ов> названных мною стих<отворений> Т<араса> Г<ригорьевича> не совсем удачны и вообще стоят много ниже подлинника. Так, напр., перевод стихотв<орения> «И широкую долыну...», сделанный А.Н.Плещеевым[3] (кажется, им), по моему мнению, не совсем хорош; он начинается так:

И долину, и могилу,
И вечерний тихий час,
Все, что снилось, говорилось
Вспоминал я много раз...

Но уже по началу можно судить, как мало он передает подлинник. Самый измененный размер много портит дело. Вспомните, Иван Алексеевич, как хорош первый куплет этого стихот<ворения> у Шевченко! Какая глубокая, поэтическая грусть и как музыкально звучит она в конце этого куплета: «...Не забуду я!..»

Из Ваших «украинских мотивов» мне понравились три стихотв<орения> «Я нигде тебя не вижу», «Украинская ночь» и «Знаю, знаю твое горе!..» Но вообще, сказать по правде, Ваши неукраинские, оригинальные стихот<ворения>, как, напр., в «Вестнике»[4], мне нравятся более.

Про г. Эдельмана я ровно ничего не знаю; прочитавши же в Вашем письме про его проделку, пришел к убеждению, что подобных нахалов немало: так, напр., в той же «Родине», не помню в каком нумере, помещено было стих<отворение> под заглавием: «На могиле страдалицы»[5], в котором я сразу узнал одно из стихот<ворений> Б.Левина, помещ<енное> в «Живоп<исном> обозрении» за 78-й г.[6]. Списано буквально слово в слово!..

Изданного, Иван Алексеевич, у меня ничего нету: издавать мне рано, потому что надеюсь на бóльшее развитие своего таланта. К тому же мне не советуют делать этого многие близкие люди и такие компетентные в литературе лица, как П.А.Гайдебуров[7]. Следовательно, прислать не

могу ничего, хотя прислал бы с удовольствием. Нового — тоже почти ничего нет. Читали ли Вы мои стихот<ворения> в «Книжках Недели» и в том числе последнее мое стихотв<орение> в январской книге[8]? В «Книжк<ах> Недели» я пишу исключительно. В «Родину» я не давал ничего почти с самого лета[9]. Этот журнальчик много вредит себе и производит плохое впечатление тем, что помещает, напр., таких г.г., как какого-то Тодорова, Софийского[10] и т.п. Читали ли Вы в ней мои статьи о поэзии и мою статью про Назарова (№ 28 или 29)[11]? Напишите, кто у Вас есть из знакомых литераторов, каков состав редакции «Вестника»[12]; не знаете ли чего подробного про г. Вдовина[13]. Его письмо у Егора Иванов<ича> меня заинтересовало. Это один из самоучек, как видно, умный человек. Жду Вашего письма вскоре. Потолкуем тогда о поэзии, о Ваших и моих взглядах на нее и т.п.

Ваш Ив.Бунин.

Адрес мой тот же.

15. Ю.А.БУНИНУ

17 марта 1889. Елец

Елец, 17-ое м.

Дорогой Юричка!

Извини, пожалуйста, что не сразу тебе ответить мог. Первое твое письмо получил я только 15-го и поэтому решился написать тебе прямо из города, т.е. отвечал на твое окончательное письмо. Ты просишь известить тебя телеграммой, куда я намереваюсь, — я это исполнил. Не знаю, получил ли ты ее. Теперь пишу подробнее.

Разумеется, мне много приятнее, да и выгоднее жить в Харькове, т.е. с тобою. Было бы очень и очень хорошо, если бы ты мне нашел хотя какую-нибудь пустяковую работу при *«Южном крае»* или при «Харьковских[a].

16. А.Н., Л.А., М.А., Е.А., Н.К.БУНИНЫМ

13, 14, 15 апреля 1889. Севастополь

Севастополь, 13 апреля
1889 г.

Дорогие папа, мама, Мусинька, Евгений
и Настюрочка!

Вам, должно быть, в эту минуту ужасно странно представить себе, что Ваня сидит в Севастополе, на террасе гостиницы, в двух шагах от которой начинается Черное море? Мне самому это как-то странно... Я

---

[a] Далее текст утрачен.

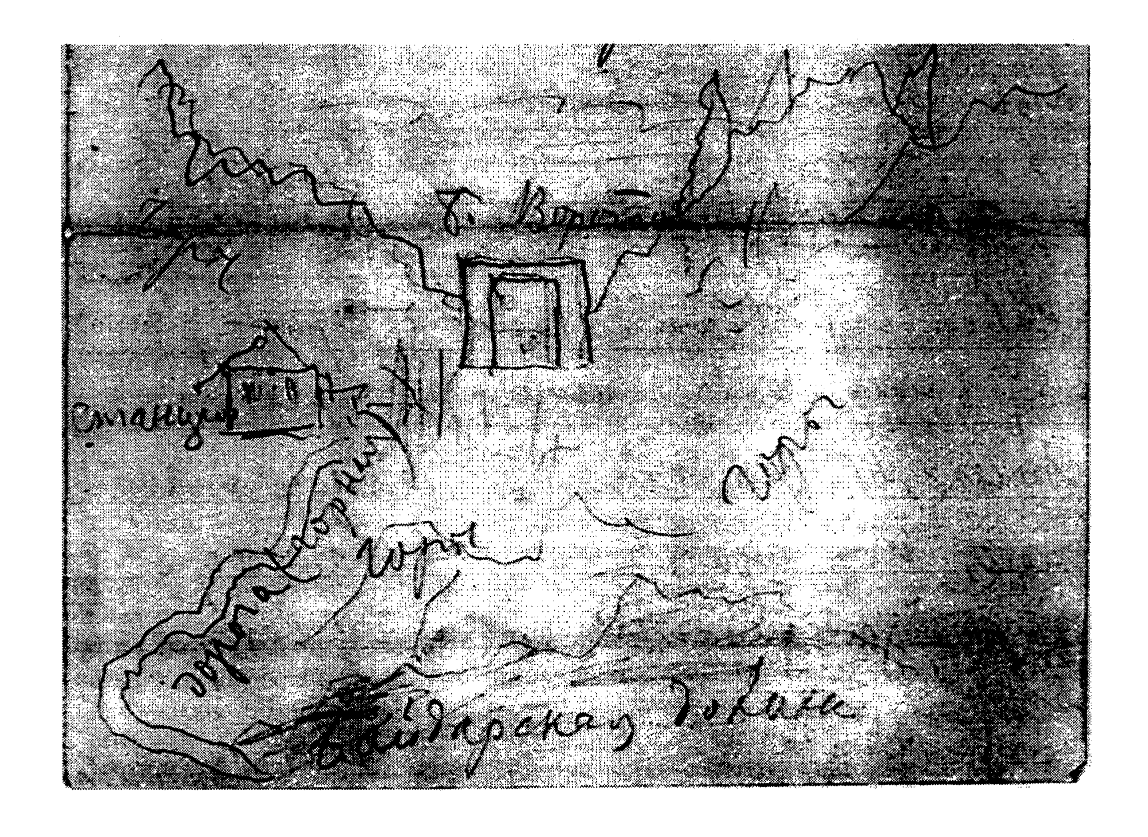
приехал в Севастополь только сегодня и еще не привык к мысли, что я наконец — в Крыму... В особенности странно показалось, когда я сегодня проснулся на рассвете и взглянул из окна вагона... Картина представилась такая, какую вообразить себе, не видя Крыма, я думаю, невозможно: по обеим сторонам дороги в утреннем голубом тумане разбегались горы, покрытые лесами, виднелись ущелья, а внизу по долине — стройные, гигантские кипарисы и тополи. Какие-то особенные деревца, кажется рододендроны и олеандры, в полном цвету, — в белых розах... Станции утопают в яркой зелени. Поезд мчится то глубоко в долинах, то по отвесным скалам, то скрывается в туннелях. В туннелях — жутко: темь буквально могильная, в особенности после станции «Бель-бек». Когда поезд наконец вынырнул из него на свет, я невольно замер: направо, глубоко внизу, в широкой цветущей долине, в зелени, среди кипарисов утопал не то городок какой-то, не то аул, штук пятьдесят белых домиков; за ними по обеим сторонам горы, а среди гор — расстилалось в тумане и сливалось с горизонтом — море! В утренней голубой мгле — оно как-то особенно было величаво и бесконечно.

Севастополь мне не особенно понравился. Ты, папа, наверное, не узнал бы его: теперь он совершенно отстроился, но плох тем, что почти совершенно лишен зелени. Красоту его составляет, разумеется, море. Часа в 3 дня я нанял парусную лодку, ездил (конечно, не один, а с рыбаком) к Константиновской крепости, потом в открытое море. День сегодня был — прелестный; волны прозрачные, совершенно изумрудные. Даль видна верст на 40. Вечером гулял на бульваре, слушал музыку, смотрел на закат солнца, — выбрал на самом берегу на возвышении скамеечку и одиноко сидел, глядя вдаль, до тех пор, пока совсем не стемнело. Потом воротился в свой нумер и, вспомнив, что я теперь отделен от вас целою тысячею верст, загрустил немного...

До свидания, мои дорогие; завтра отправляюсь к Байдарским воротам, а потом в Ялту.

15 и 14 апреля.

Сегодня я отправился к Байдарским воротам. Ехать пришлось на перекладных (до Байдарских ворот две станции) по шоссе, в бричке. Бричка совершенно в таком же роде, как обыкновенные солдатские телеги, крашенные зеленою краскою; лошадей впрягается пара, в дышло. Ехать во всяком случае не очень-то удобно, да и дорога сначала от Севастополя неинтересная: голая, песчаная и каменистая. Однако, начиная от Балаклавы, идут уже горы и местность меняется; чем дальше — горы все неприступнее и выше, леса по ним гуще и живописнее, становится дико и глухо, изредка где-нибудь у подошвы горы белеет одинокая татарская хатка; самая большая деревенька — это Байдары, в Байдарской долине. Там уж настоящая красота. Долина вся кругом в горах, вся в садах; не знаю почему, только горы постоянно в какой-то голубой дымке, — словом, роскошь. Около самых Байдарских ворот — станция. Байдарскими воротами называется широкий проход между двумя самыми высокими горами — вот как



В этом проходе, как видно на рисунке, построены искусственные ворота. Я слез на станции и спокойно пошел к воротам. Но едва я вышел из ворот, как отскочил назад и замер от невольного ужаса: море поразило меня опять. Под самыми воротами — страшный обрыв (если спускаться по этому обрыву по извилистой дороге — до моря считается версты три!), а под ним и впереди, и направо, и налево верст на 50 вдаль — открытое море. Поглядишь вниз — холод по коже подирает; но все-таки красиво. Справа и слева ворот — уходят в небо скалы, шумят деревья; высоко, высоко кружатся орлы и горные коршуны. С моря плывет свежий, прохладный ветер: воздух резкий.

Ночевал я на станции и утром отправился обратно пешком (до Севастополя — 40 верст). Сначала шел прекрасно; в Байдарах есть трактир, зашел, ел яйца, пил крымское вино. На улицах — сидят на земле татары, пробуют лошадей и т.д. Около деревни встретил пастуха, загорелую круглую морду под огромной мохнатой шапкой. Сел, разговор начали:

— «Сабан — хайрос», — говорит пастух.

— Сиги — манан, — отвечаю я ему дружески.

Пастух осклабился; потом развернул какие-то вонючие шкуры, достал куски черного, как уголь, сухого хлеба. — «Отмек куша́ешь?» — спрашивает и подает мне. Я взял, спрятал и пошел дальше.

Полдень застал меня в горах, жара, дышать невозможно; кое-как добрался до станции, потом нанял обратного ямщика и за 30 коп. доехал до Севастополя. Ямщик оказался славный малый, солдат, настоящий тип. Низенький, коренастый; ватный картуз набок, на левом виске ухарски взбиты волосы. Сквернословит несмолкая.

—27 лет живу здесь, туда-е — мать, — рассказывал он, — проклятая сторона! Хоть такое событие взять: жил я тут с одной: полная, туда-е мать, красивая... Только подарил я ей башмаки; глядь, а у ней полюбник! А, каково? Не шкура, туда-е — мать? Однако и я не сплоховал: «нет, говорю, стой, я, говорю, не дозволю», — то и взял башмаки назад.

На дороге он на гривенник хватил спирту и осовел. Лицо запотело, картуз на затылке, смотрит вдаль глупыми глазами...

— Ишь зеленя-то! — забормотал он шепотом. — И у нас теперь зеленя! Птички эти, бывалыча, выдешь: глядь — журавчик — ти, ти, ти, ти... бегить, бегить; хвостик задрамши...

Скоро мое путешествие кончилось.

Прощайте же пока, мои дорогие.

Ваш Ив.Бунин.

17. Ю.А.БУНИНУ

Июнь 1889. Орел

Дорогой Юричка! Прости за долгое молчание. По приезде моем в деревню писать было почти не о чем. А потом вышло как-то глупо: ни копейки денег! Был раз в Ельце с пятью рублями, — из них трынки нельзя было тратить, — стоял я у Верочки[1]. Ну да что об этом. Денег раздобыл только недавно. Письмо твое получил числа 4-го. Вот подлая штука вышла с «Киевской стариной»; послал ли ты эту статью в «Экономический журнал»[2]? Не получал ли ответа из «Русской мысли»?

Я живу недурно; здоровье поправилось, слабости почти не чувствую никогда, — а все молоко! — пью и страшно помогает. Приезжай поскорее: лето у нас стоит прекрасное. Мы тебя ждем к Кирикам[3].

Евгений с матерью переписал задаточную расписку. Денег с Отто Карловича еще не получала. Да и получать-то придется не 1000, как сказано, а 700, потому что Евгений забрал 300 (Отто не знал до сей поры, что вексель передан). Евгений говорит, что он не мог не взять этих трехсот рублей, и если мы не хотим взять 700 рублей, он отдаст нам землю назад и просит только вексель на те деньги, которые мы взяли у него для Бибиковых. Как видишь, невозможно было не согласиться взять хотя 700. Поступок подлый!

Лиза[4] тебе наверно писала, что я ее в Орле не видал? Я выходил в 12 часов к корпусу, ходил и по направлению к Болховской, — словом, ждал больше получаса, больше ждать не мог, — погода стояла холодная, а я и так простудился, переночевав в холодном вокзале.

Как ты? Милый мой, мне очень было грустно читать, что ты «из сил выбился!» Приезжай поскорее.

Я сейчас в Орле, в редакции. Приехал на несколько дней, привез рукописи. Шелихов все просит что-нибудь беллетристического[5]: у них совершенно почти нечего печатать.

Пиши скорее, на Измалково.

Глубоко уважающий тебя и
искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

Поклонись всем знакомым. Очень желал бы повидать кого-нибудь из них!

18. Е.А. и Н.К.БУНИНЫМ

17 ноября 1889. Харьков

17 ноября.

Дорогие мои Евгений и Настюрочка!

Не писал до сих пор вот почему: во-первых, был дня четыре в Орле и еще не знал, поеду ли в Харьков или возвращусь домой; во-вторых, приехавши в Харьков, дня два ждал пока схожу в банк и мне выдадут устав: хотел, значит, написать и послать письмо вместе с уставом. Но сходить в банк не пришлось оттого, что со мной случилась страшная гадость: в Харькове тиф и я, к несчастью, заразился; кажется, 12-го числа я заболел *тифоидом*[1], т.е. болезнью, похожею на тиф, только слабее. К счастью, наш знакомый доктор успел помочь мне сразу, иначе дело вышло бы худо; теперь мне много лучше и я, должно быть, совсем встану здоровым числа 25-го, т.е. можно будет выходить на улицу. Опасности во всяком случае ни малейшей; вечерами бывает сильный жар и общий упадок сил, но это скоро прекратится.

Что же касается банковского устава, то завтра отправится за ним Юрий. Кстати о Юрии: заниматься у Гордеенко он еще не начал, репетирует гимназиста. Горкуша обещался почти наверняка выхлопотать ему место в «Обществе страхования жизни». Жалованье будет хорошее — тысячи полторы или 2. Говорит, что впоследствии лет через пять можно будет получать тысяч 20. Вот бы было хорошо!

С профессором Белоусовым не советовался: он в Крыму. Может быть, скоро воротится.

Живем мы на квартире у одного знакомого. Адрес такой: Рубановский переулок, дом Булатникова, № 8, квартира Федора Алексеевича Ребинина, для передачи И.А.Бунину.

Когда выеду, еще не знаю. Но <во> всяком случае, как встану, так вскоре и выеду.

Послезавтра буду писать еще и, должно быть, пошлю устав.

Убеди же отца поскорей начинать дело.

Пока же целую Вас крепко, крепко; прощайте и не забывайте
любящего Вас
Ив.Бунина.

Ради Бога, не показывайте этого письма матери; она страшно испугается, а пугаться вовсе нечего. Бог даст, скоро совсем поправлюсь.

Только будет страшно жаль, если проклятая болезнь сделает то, что я не попаду к Вам на праздник.

Ив.Бунин.

P.S. По правде сказать, страшно скучно одному: Ребинин уходит с утра на службу, Юрий на урок, а потом в библиотеку, так что до вечера я совершенно один... Грустно! Во время болезни как-то особенно жаль всех своих. Чувствуешь себя каким-то одиноким и забытым. Ну, да делать нечего...

До свидания, дорогие мои!

19. Ю.А.БУНИНУ

Начало января 1890. Елец <?>

Юринька! милый, дорогой Юринька! В эту минуту я чувствую такую безграничную любовь к тебе и столько раскаяния во многом, что положительно не могу не написать тебе. Я сказал: «в эту минуту», но это, ей-богу, не значит, что все мое чувство к тебе — пустяки. Эта минута есть выражение всего *моего хорошего к тебе,* которое иногда, по воле обстоятельств, так сказать, заслоняется ими же. Прости, ради Бога, ради Христа, что я не побыл с тобою в деревне. Милый! Я сейчас до слез жалею сам об этом. Сколько бы мы вспомнили, сколько бы поговорили! Получивши твое письмо и вдруг уже ясно *почувствовав,* что тебя уже нет, я ужаснулся... Ты может подумаешь, что я сфразировал в последнем выражении. Да, ей-богу, нет! Ну да что толковать!

Я ездил в Орел, пробыл там дня 4, клянусь Богом, употреблял все усилия получить деньги[1], — но мне дали только 15 рублей, из которых я заплатил в гостиницу 7 р. 60 (ведь ты же знаешь, у меня почти совсем не было денег, когда ты уезжал). Обещались отдать остальные *непременно* к половине января. Вышлю, Богом клянусь!

Милый! Я оскотенел, ты думаешь? Правда, я чувствую, что кое в чем я виноват, да, ей-богу, чувствую. Ох, Юринька! Как бы я хотел сейчас поцеловать твою руку и зареветь, как собака! Чтоб провалилась вся дьявольская обстановка, приведшая меня к некоторому. Погоди — строг буду, то черт знает чего! Эх, да не писать бы сейчас, а тебя сюда! Впрочем — опять подумаешь, что лгу, хочу выгородить себя! Как знаешь!

Напиши мне, ради Христа, как ты был в деревне, что видел, что чувствовал — подробнее, подробнее.

Получил телеграмму?

Лизе поклон. Целую ее, ее руку. Ее люблю, ей-богу, люблю!

Перо сломал.

Милый мой!

Так как сейчас идут на почту, то спешу и не могу написать. Прилагаю тебе приготовленное.

20. Ю.А.БУНИНУ

До мая 1890. Озёрки

Резвой[1] рождение) заявил, что я «содрал» это из «Живопис<ного> обозрен<ия>». Все, конечно (злы на меня все — за Шумского), обрадовались, и Шумский сказал, что он завтра же напишет в «Орлов<ский> вестн<ик>» о таком лит<ературном> воровстве. Затем читали новую поэму Н.Осипов<а> про меня, где между прочим говорится: «А мы юному поэту уши выдерем за это!» Хорош Н.Осипов! И все это пишет за то, что Шумский привез и подарил ему *сапоги*.

Новостей особенных нету. Евгений все торгуется с Н<иколаем> Фед<оровичем>[2] относительно земли и, наверно, продаст все: Валентин покупает болотную. Так что Евген<ий> может навсегда покинуть Озёрки. Кстати, вспомнил о Н<иколае> Ф<едоровиче>: у него был тот господин, про которого он говорил (из Сибири); кланяется тебе и передает, что умер -н.

Мы уже получили из Дворянского банка уведомление, что ссуда разрешена нам в количестве 1800 рублей. Скоро пришлют для подписи залоговое свидетельство.

Ради Бога — достань где-нибудь программу для сельских учителей да поскорее, а то, как мне сказал Н<иколай> Фед<орович>, осенью меня уже зачислят в разряд отбывающих воинскую повинность[3] (это делают за год до настоящего «бритья») и пути мне будут отрезаны. Напиши и посоветуй. Григ<орий> Андр<еевич> уверяет, что экзамен легок до безобразия.

Ну, пока до свидания, милый и дорогой Юринька. Кланяйся дорогому «добр. кор.» и всем, всем!

Скажи, *что на коленях умоляю Зинаиду Ивановну перевести мне всю «Роллу»*[4]. Ради Бога, прошу ее. *Да поскорее.*

Любящий тебя И.Бунин.

P.S. Сеньку Новосельского прислали по этапу; пробыл он с месяц, в течение которого он буквально не переставая бил жену, продавал последние мерки ржи и т.п. Теперь наконец ему выдали пачпорт, и он уехал.

21. Л.Н.ТОЛСТОМУ

12 июня 1890. Елец

Глубокоуважаемый
Лев Николаевич!

Я — один из тех многих, которые, с глубоким интересом и уважением следя за каждым Вашим словом, берут на себя смелость беспокоить Вас своими сомнениями и думами о своей собственной жизни. Я знаю при этом, что Вас, наверно, уже утомило выслушивать часто очень шаблонные и однообразные вопросы, и потому вдвойне чувствую себя неловко, прося Вас ответить, могу ли я когда-либо побывать у Вас и воспользоваться хотя на несколько минут Вашею беседою. Я прочитал Ваше «Послесловие»[1], и Ваши мысли слишком поразили меня; высказанные Вами настолько резко, что я не то что не соглашаюсь с Вами, но не могу, так сказать, вместить Ваших мыслей.

Хотелось бы спросить Вас кое о чем поподробнее.

Напишите же, глубокоуважаемый Лев Николаевич, могу ли завернуть к Вам и когда[2].

Мой адрес: Елец, Орловской губ., Ивану Алексеевичу Бунину.

Глубоко уважающий Вас
И.Бунин.

12 июня
90 года.

22. Ю.А.БУНИНУ

28 или 29 июня 1890. Озёрки

Милый и дорогой Юринька! Я, ей-богу, не ожидал, что ты на меня обидишься за мое молчание. Произошло оно оттого, что твой адрес я потерял, а у Евгения не списал и как нарочно забывал. Приеду, например, в Орел или в Елец, сяду писать, — а адреса-то нету. Честное слово не вру. Мне, напротив, очень хотелось написать тебе: я ужасно обрадовался, что все-таки ты теперь перестанешь биться как рыба об лед. Как бы я желал повидать тебя! Приезжай, ради Бога, поскорее. Я уже кровать другую поставил в гостиной. У нас стоит замечательное лето. Этакого не запомнят. Дни страшно жаркие; бывает, например, до 37°. Хорошо, ей-богу!

Про наши дела ты уже, наверно, знаешь; Евгений говорит, что он писал тебе; 200 рублей мы заняли у Отто Карловича, и я был в Орле, внес в банк 334 р. Так что теперь мы все-таки обеспечены на время.

Напиши, пожалуйста, какова Полтава[1], есть ли там или, по крайней мере, будут ли знакомые вроде харьковских.

У нас нового не особенно много. Я все разъезжал. Был в Орле с неделю (и опять не мог написать тебе без адреса), потом поехал с Шелехо-

вым (ред<актором> «Орлов<ского> вест<ника>») к Л.Толстому «потолковать». Толстого не застали, и вчера я вернулся домой. Мне пришло в голову сообщить тебе кое-какие наши новости. Я это написал еще с месяц тому назад, но, как уже говорил, отослать не приходилось. Поэтому я и посылаю тебе их. Ты не сочти за свинство с моей стороны, — дело в том, писать тороплюсь: Евгений сейчас едет на станцию.

Так вот, прежде всего, интересна Софьина[2] история. Она теперь живет с неким Штейманом. Откуда он, — Бог его знает. Знаю только, что он приезжал из Орла гостить к Николаевым[а].

Малый, вышедший из 6-го или 5-го класса реальной гимназии, имеющий в банке 14 тысяч. Здоровенный мужичина. Не делал буквально ничего и жил у Николаевых на квартире. Но с масленицы у него нашлось дело. Познакомились с Софьей Николаевной и вместе с ними и он. Затем стал часто бывать, играть в преферанс, засиживаться до 4 часов ночи и входить все в более и более приятельские отношения с Софьей. Следствием этого было то, что устроил нарочно ссору с Николаевыми и переехал на квартиру к Култышке[3] (за 30 рублей в месяц) и стал бывать у Софьи уже *буквально* каждый день (NB) или даже больше: только ночевать дома; а у Софьи он сидит с нею вдвоем в кабинете и нескончаемо пьет пиво. Как кто-либо приходит — Софья подымается и уходит в другую комнату. Он, разумеется, за нею и опять сидят *вдвоем,* шепчутся, пьют пиво и, наверно, даже делают что-нибудь больше: ведь не поверишь, что просто смотреть гадко! Изо дня в день одна и та же история. Говорят друг при друге «жопа», «говно» безо всякого стеснения. Ездят в город. Ну, словом, Софья дошла до нахальства. Климент у ней уже не бывает: месяца два тому назад, ночью, часа в 3 явился к Софье и застал их сидящими вдвоем в гостиной. Наговорил ей дерзостей, сказал ей, что «между нами все кончено» и был «выхвачен» из дому под руки[б].

Зачеркнутое — теперь уже недействительно.

Читал «Крейцерову сонату» — давали Воробьевы; рукопись попалась одна из лучших и верных. Я положительно поражался, сколько правды в ней. Да правда-то такая неприкрашенная; это мне тоже понравилось. Неправда тоже есть — только ведь это не толстовская, т.е. говорит ее Позднышев? Напиши, милый Юричка, как-нибудь о ней... Да впрочем,

---

[а] Далее зачеркнуто несколько слов: <нрзб> милая с нею (про родителей его ничего не известно).

[б] Далее зачеркнуто: Дела по имению все-таки страшно плохи. Вот-вот может все продаться. Как я уже писал тебе, мы хотели сдать землю, — всего за 205 руб. Мужик, который хотел снять — вдруг отказался. Теперь, может быть, снимет Федор Артемьев (лавочник Рождественский). А то истечет срок залоговой подписки, дело о земле придется вести снова, а Бибиковы в это время представят. Ждать больше они уже не хотят, подыскали себе еще какого-то заемщика. Кстати, — я у них бываю, т.е. не официально, иногда, а просто в гостях. У них собирается много молодежи, кое о чем толкуют, играют на рояле и т.п.

это как-то не выйдет, наверно. Вот кабы ты приехал? Приезжай, милый и дорогой Юричка!

Евгений — наконец-то! — был в Рязани и в Москве! Ездил с Александрой Гавриловной[4], думал купить с торгов недалеко от нас именьице, заложенное в Московском банке.

Посылаю тебе свою статейку об Успенском[5]. Был сам в Лобановом. Одобряешь, что написал? Или не следовало сообщать такие голые факты?

Прощай пока, милый и дорогой Юричка! Целую тебя крепко-крепко.

Глубоко уважающий тебя
И.Бунин.

Пиши поскорее. Прости за мои — ей-богу, невольные какие-то — промедления в ответах.

P.S. Часто, милый Юричка, запечаливаюсь, все думаю-гадаю о своем житье. Поделиться, брат, не с кем. О многом всегда хочу поговорить, — но это как-то не выразить: мы редко переписываемся. Впрочем, всегда помню твой совет — не быть жопой.

Кажется мне все, что я говнею. Говорю это без рисовки — ты поверишь. И, дорогой мой Юричка! не из подлости говорю — часто вспоминаю, насколько я умнею и благороднею, когда с тобою.

Приезжай же по возможности. Может быть, хоть к июлю приедешь?

Посылаю тебе статейку о Шамане[6]. Это оттиск из «Орловск<ого> вестника».

23. Ю.А.БУНИНУ

Середина июля 1890. Елец <?>

Милый и дорогой мой Юринька!

Твое письмо и обрадовало и страшно насмешило меня: я хохотал, как бешеный, читая то место, где ты пишешь про Николаевых и в особенности про участь стихотв<орения>, погибшего *«в недрах»* нужника. Это просто, черт знает, как здорово. Потом ты пишешь про мою неаккуратность, — это меня немного удивило; удивило только потому, что «в чужой ... соломинку ты видишь» (помнишь Фед<ора> Алексеевича?), а сам так же неаккуратен: отчего же ты ни строчки не написал про брошюрку, которая была вложена в моем письме, «Шаман и Мотька»[1]? Напиши, голубчик. Заниматься непременно буду. Скука там страшная. Только и развлекаюсь, что частыми поездками в Орел. Лизу никогда не вижу, а теперь и не стараюсь, — она ведь в деревне. Впрочем, может быть, приехала уже, так что телеграфируй ей, — я буду в Орле около 20-го[2]. С редакцией я сошелся тесно. Они, правда, и не особенно отличные, но и вовсе не «ужасные» люди. Деньжонок все-таки приходится порядочно: строчу корреспонденции для «Литературы и печати»[3] и т.д. Выходит с фельетонами[4] рублей 20 в месяц. У меня теперь даже своя лошадь. Приезжай, ради Бога, — страсть как хочется повидать тебя.

В Ельце у меня завелись знакомства. Очень часто бываю у некоего Пащенко[5], — доктора; семья у него в высшей степени милая и интеллигентная; в особенности дочь[6]! Пащенко когда-то держал в Харькове оперу, жена его была актриса[7], как говорят, недурная.

Новостей особенных нету. Евгений уже написал с Н<иколаем> Ф<едоровичем> запродажную[8]. В октябре все будет кончено.

Приезжай же, ради Бога. Пиши почаще.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

Из Орла опять напишу.
Статья об Успенском приложена[9].

24. Ю.А.БУНИНУ

22 июля 1890. Орел

22 июля.

Милый и дорогой Юринька!

Исполняю твое условие, — пишу сию минуту же по получении письма. Оно меня ужасно обрадовало, — я думал, что ты не ответишь так мило — скоро. Ты пишешь, что ты рад, получая мои письма; я, брат, вдесятеро более рад. За последнее время я как-то особенно чувствую тяжесть от того, что не вижу тебя. Я не то что понял, — почувствовал, что никто в мире не может быть для меня таким милым, дорогим другом и братом. Поверь, голубчик Юринька, что все, что я говорю, — искренно, даже больше, — не могу выразить, до чего я люблю и уважаю тебя! Сейчас я в Орле. Приехал с двумя барышнями (елецкими) с некой Елен<ой> Ник<олаевной> Токаревой[1] и девицей Пащенко. Я уже писал тебе про этих Пащенко; девица мне очень нравится. Умная, красивая и славная. Только ты не подумай, что я стал Дон Жуаном и «влюблен» уже в нее. Напротив, — я, брат, стал очень равнодушен ко всему этому. С Н<астей>[2] все *кончено*. Да и слава Богу, что кончилась эта позорная история. Ни я, ни она не оттолкнули, так сказать, определенно друг друга, — так как-то разъехалось. Больше, разумеется, она. Я все-таки любил ее, т.е. привязан был, если хочешь — любил свою любовь. Осталось какое-то грустное утомление. Ну да что об этом толковать. «Что прошло — того не будет». Впрочем, ты не подумай, что я стал вообще вял к поэзии, к красоте в любви и природе. Нет, я все такой же. В настоящее время все читаю Полонского и очень часто испытываю ощущение, которое характеризовал Фофанов:

«Он мрачен, он угрюм, *душа его полна*
Каких-то смутных слов и ноющей печали
И плачет, как струна...»[3]

Что за милый и дорогой Полонский! Напр.:

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожку кибитки моей;
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.
За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны;
Вой протяжный голодных волков — NB
Раздается в тумане лесов
Мне мерещатся странные сны…
Мне все чудится, будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет»[4]… и т.д.

Удивительно хорошо, за исключением подчеркнутой на этой странице строки[а]!..

Читаю «Войну и мир» и в некоторых местах прихожу в неистовый восторг. Что за прелесть, напр., эта Наташа! Великое мастерство! Просто благоговение какое-то чувствую к Толстому! Читаю еще Островского, — сейчас «Снегурочку». Был вчера в летнем саду «Эрмитаж» и в его летнем театре. Тут играет какое-то товарищество во главе с каким-то Тинским[5]. Представление состояло из чтения куплектов и избитых стихотв<орений> («Эх, кабы Волга-матушка да вспять побежала»), сцены поединка из оперы «Евгений Онегин»[6] и пения романсов. Впечатление ото всего жалкое, хотя вообще тут актеры недурные. Пел какой-то Львов — молодой человек, худой, немного с кривыми ногами, с всклокоченной головой. При сильных нотах по-идиотски (без резкости) вытягивает физиономию, наклоняется всем корпусом вперед и с ужасными глазами орет на весь театр:

Там, гдэ буря на просторе
Над пучиною шуми-и-ит![7]

Пение в поединке тоже было говенное, но мотив арии Ленского мне очень понравился.

Евгений писал тебе, что ред<акция> «Орл<овского> вестн<ика>» покупает у меня стихи[8], дают 500 руб. (клянусь Богом!), но с тем, чтобы они печатать могли сколько угодно изданий и чтобы стихотв<орений> было штук 150. Я на это не соглашаюсь; они предлагают еще условие: 100 руб. за одно издание, издать только в 500 экземплярах. Как думаешь, согласиться? Напиши, ради Бога, об этом поскорее. Издадут, гово-

а Имеется в виду строка: «Мне все чудится, будто скамейка стоит…».

рят, превосходно и на обложке будет сказано, что «ограниченное число экземпляров».

Теперь о наших новостях. Их почти нет, кроме, разве, того, что роман нашей кузины[9], кажется, уже кончился: ее любовник (Штейман) купил себе имение и заглядывает к ней редко; видно, надоела. Потом, — ты представить себе не можешь, что у них за отношения. Он теперь, когда приезжает, на всяком шагу придирается и при всех прямо ругает ее: «Что ерунду несете, что за бабье глупое любопытство, убирайтесь от меня подальше» и т.д. Вот приедешь, сам увидишь, если не веришь. Она только смущенно, б<...> улыбается...

Николаевы — это арендаторы Козаковского в Глотовом имении. Отец — жид выкрест, старик, хрипучий, худой, необыкновенно притворно радушный; сын — поэт, рыжий, хромой, худой, как щепка, из III класса гимназии. Думает о себе черт знает что и, кажется, занимается онанизмом. Да, кстати, об онанизме: Николай Осипович[10] теперь у нас живет.

Николаев этот со всеми в Глотовой перессорился и теперь нигде не бывает.

Надеюсь все-таки, что ты непременно приедешь в августе. Тогда посмотришь всех сам.

Евгений после продажи не знает, что будет делать. Будет, наверно, искать имение побольше.

Прощай пока, мой дорогой и милый Юринька.

Горячо любящий тебя
Ив.Бунин.

Читал мое стих<отворение> в послед<ней> «Книжке Недели»[11]?
Пиши же скорее, хоть на Измалково, на Григория Андреевича.

25. Ю.А.БУНИНУ

27 июля 1890. Орел

Милый и дорогой Юринька! Я до сих пор еще в Орле. Занимаюсь в редакции (я, знаешь ведь, по-мальчишески люблю эту обстановку), хожу в летний сад и даже... как ты думаешь, на что решился? — Драму пишу[1]!.. Попытка не пытка... Ты сам часто это говоришь. Может выйдет и жалкая штука, — да если мне хочется писать?.. Кончу, должно быть, в середине августа и пришлю тебе, если ты уже будешь настолько груб, что сам не вырвешься в Озёрки. Ты писал в прошлом письме, что желал бы видеть все мои фельетоны в «Орлов<ском> вестн<ике>». Думаю, что все тебе будет неинтересно. Так, напр., в конце июня было три моих фельетона, — перевод еврейской повести «Кляча»[2] (т.е. переводил, разумеется, не я, а жид — резчик печатей, а я переписал его перевод своими словами). Предисловие к этой «Кляче», впрочем, посылаю... Или, например, тоже недавно был мой фельетон «Театр гр. Ка-

менского в Орле»[3] — опять-таки статья, составленная на основании каких-то мемуаров Шестакова в «Деле» за 73 год[4]. Главным же образом строчу «Литературу и печать»[5], — заметки говенные и маленькие, а за месяц все-таки набирается денег до 15, а иногда с фельетоном 20 рублей. Две копейки за строку. Впрочем, за последнее время стал писать меньше: надоело, опошлишься. Да и ты вряд ли рад, как ты пишешь, что я строчу все это. Я, брат, помню твой совет не поддаваться «писательскому зуду»...

Почему-то (должно быть потому, что в Харькове, бывало, об этом говорили и ругали меня) вспомнил сейчас о «Телячьей шапке и козьей шубе». Вспомнил с искренней грустью, как обо всем прошлом, и с любовью. Напиши, ради Бога, как-нибудь его адрес. Знаю, что в Ригу, а дальше ничего.

Кстати, о адресах. Получил ли ты еще мое прошлое письмо[6], посланное мною из Орла. Со мною опять нет твоего адреса, а я, словно малофейку трясу, — не забываю его.

Недавно читали «Послесловие» Толстого[7]... Впрочем об этом уже, кажется, писал...

Ну что еще? Дома давно не был и про него ничего не знаю. Описывать все, что сейчас вокруг меня, удобно только в разговоре, лежа в гостиной... Я опять к тому же клоню...

Прощай пока, милый и дорогой мой! Каждый раз, когда пишу к тебе — расчувствуюсь. Но тут, впрочем, дурного и странного ничего нет. Знаешь, что сейчас думаю?.. Думаю, как хорошо, что между нами такие простые, братские, дружеские отношения. Вот уже когда не может мелькнуть даже мысли о каких-нибудь затаенных неприятностях между нами, все равно как никогда не скажем друг другу: «А ведь мы с тобой, брат, на “ты” разговариваем»...

Впрочем, что-то не разберу, может, и не особенно ясно мое сравнение...

Спать хочется: второй час ночи, только вернулся из театра[8]. Где-то, как-то ты сейчас лежишь, сидишь, спишь или занимаешься? Какая это Полтава, какая то улица, где ты живешь и т.д.?.. Хотелось бы перенестись к тебе.

Крепко целую тебя и желаю тебе доброй ночи, дорогой и милый мой Юринька!

И.Бунин.

Ночь.

26. Ю.А.БУНИНУ

Между 4 и 8 августа 1890. Глотово

— Уж не знаю, какой это ключ на столе был. Там не могло быть. В другой раз ты, пожалуйста, не смей без меня по шкапам...

— Ну извини, — говорю, и берусь за картуз.

— То-то извини!

Ну уж тут я не выдержал.

— Да что же ты, наконец, хотел сказать этим, — заорал я на весь дом, — а? Что ты, чем это меня называешь при всех? Да я тебе, стерве, горло перерву! Молчать, мужлан проклятый.

Все вскочили, схватили меня.

— Какие я ключи подбираю, дура проклятая, — ору я, — ведь за это тебе башку разломаю!..

Каково? Насилу, брат, унялся. Сейчас же, разумеется, ушел к Гр<иго-рию> А<ндреевичу>. Через полчаса поехал Штейман и позвал меня к себе. Он, к моему удивлению, не разозлился. Она уже надоела ему, эта б<...> поганая. Да, брат, б<...>; теперь все уже «наголо» говорят.

Ну да ну ее к черту. Злоба берет. Вот, брат, какие истории.

Больше новенького ничего. Все, слава Богу, живы и здоровы.

Пиши поскорее, милый, а пока прощай.

Твой И.Бунин[а].

27. В.В.ПАЩЕНКО

22, 23 августа 1890. Озёрки

22-го, вечером.

Откровенность, — выражаясь «высоким стилем», — самый верный залог хороших отношений. А для тех хороших отношений, которыми даже дорожишь страшно, она прямо-таки необходима, желательна в высшей степени. Поэтому буду стараться быть искренним и откровенным насколько возможно сам и прошу и тебя об этом, моя ненаглядная, моя дорогая Ляличка! И вот первая просьба в этом роде: никогда не читай моих писем, никогда не отвечай на них, если только тебе придется читать их... ну, не то что с неприятным чувством, а хотя бы даже с некоторым самым небольшим насилованием себя и с *невольной* мыслью о том, что пишу не то, что думаю и чувствую, т.е. лгу, проще. Видит Бог, милая Ляличка, как я люблю тебя и как «люблю свою любовь к тебе», как хочу, чтоб она была ничем не запятнанной!

Прости мне это «предисловие». Знаю, что можешь подумать, что в нем сквозит маленькое недоверие. Да и должна подумать. Оно, правда, есть. Но, ей-богу, невольное. Ты странно относишься ко мне. Вот хоть бы утром: «вы не приедете к нам до 22 сентября!» Что это значит? Разве я навязчив? И разве можно подумать, слыша это, что я для тебя нужен и хоть сколько-нибудь дорог? Конечно, *прежде* это, может быть, было бы для меня и грустно, но понятно. Прежде я не задумался бы не сказать ни слова и не приезжать хоть до 22 сент. *91 года*. Прежде, милая

[а] Далее зачеркнуто: Сейчас с ужасом увидел, что мои *два* письма из Орла[1] к тебе пропали: я писал «Новое строение, д. Серошанова», а у тебя в письме «*Волошинова!*» Ужасно досадно! *Я*, честное благородное слово, писал тебе сейчас же после получения твоего письма на Орел. 2 — дня через три.

Ляличка, я любил тебя все-таки не так. Прежде я любил и моя любовь могла бы выразиться как?

Я тебе ничего не скажу,
Я тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть...
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет...
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... Я дрожу...
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу...[1]

А теперь — несколько не то. Я все-таки позволяю себе рассчитывать и на твое некоторое чувство ко мне. И оттого-то не могу «уйти от тебя»... Да и — Господи! — как тяжело в юности сказать себе «удались от людей, Офелия!»[2] Я не сентиментальничаю, голубчик, — это только форма. Я бы не сдержался. Отчего? Оттого что пришлось бы, *невольно* пришлось бы сказать тебе:

Я свободен, свободен опять,
Но томит меня это тоской! —
Если ночью начну я в мечтах засыпать,
Ты сидишь, как бывало, со мной;
Мне мерещатся снова они,
Эти жаркие летние дни,
Эти светлые ночи бессонные,
Разговоры и ласки твои,
Тихим смехом твоим озаренные...
А проснуся я — ночь, как могила темна
И подушка моя холодна
И мне некому сердце излить
И напрасно молю я волшебного сна,
Чтоб на миг мою жизнь позабыть!
Если ж многие дни без свиданья пройдут,
Я тоскую, не помня тяжелых обид,
Если песню, что любишь ты, вдруг запоют,
Если имя твое невзначай назовут,
Мое сердце до боли скорбит...[3]

Да, ей-богу, это верно! До боли!.. Милая, драгоценная моя, поверь мне хоть раз *всем сердцем!..* Вот эти отрывки стихов — разве думаешь по шаблону поступаю? Нет, Богом клянусь, что каждое слово «ударяет» мне сердцу... А то пожалуй, правда, можно бы подумать многое. Да и не стал бы я. И неужели мне надо многое скрывать от тебя? Не дай Господи, если настанет такой проклятый день, когда сознаю необходимость этого.

Поздно уж... За день было слишком много ощущений... То хотелось мне резко спросить тебя: «Любишь? Нет? За что?» и т.<д.>; то хотелось, ей-богу, до слез почти, хоть на секунду увидеть тебя, броситься, обнять, чтоб до боли, целовать каждую складку твоего платья... Но теперь — как-то стихает. И хочется только почти в умилении, с бесконечной нежностью издалека благословить свою любовь, пожелать тебе всего-всего хорошего, светлого, счастливого, тебе, моей ненаглядной, моей... ну, даже не знаю какой, Ляличке! Только и звучит в душе что-то неизъяснимо милое и поэтичное, как твое «То было раннею весной»[4] или грациозно-нежные звуки песни Чайковского про весеннюю зарю[5]. «Переливы зари!»..

Ляличка! Воргол[6]! «Белый песочек», лунные ночи и все, все! — как я люблю вас!..

23-го. Утром.

Нынче, прочтя все вчерашнее, я подумал опять: «а ведь, должно быть, придется в самом деле закрыться». И знаешь, почему? Во-первых, потому, что настроение у меня грустней и серьезней вчерашнего, а во-вторых, — оттого, что мне пришло в голову: «а ведь она вовсе не чувствует себя такой близкой ко мне, как я». И это, кажется, верно и очень прискорбно. Что это верно — как-то «чую», да и факты есть. Вот хоть бы история с Петр<ом> Иванов<ичем>, пригласившим тебя в компаньонки к своей матери. Ведь ты же не сказала мне. Ради Христа не подумай, что это говорю из любопытства или из чего-либо другого жалкого. Этот факт мне интересен только потому, что характеризует твое не вполне близкое расположение ко мне... Впрочем, эту материю можно оставить... Прости мне.

Пиши, ради Бога, мне, если захочется — как живешь, где была — ну все, все, даже мелочи, пустяки; все мне будет мило и интересно от тебя. Тогда и мне будет легче писать. А пока — прощай, моя ненаглядная, мой ангел Ляличка! В другой раз напишу что-нибудь поумней и поинтересней. Сейчас даже боюсь, что пишу напрасно: письма не получишь или получишь очень не скоро.

Хочешь хороших стишков? Найдешь при письме. Чудное![7]

28. В.В.ПАЩЕНКО

27 августа 1890. Озёрки

27 августа 90 года.

Nur das Irthum ist das Leben
Und das Wissen ist der Todt!

т.е. «Только заблуждение есть жизнь, а знание — смерть»[1]. Не правда ли, славное начало для письма? И не правда ли еще то, что легко можно подумать: «вишь ведь все цитаты, все претензии на глубокомыслие, на развитие и т.д. и т.д.»? Да, вообще, правда, т.е. случается так, но в дан-

ном случае, ей-богу, нет. Я бы не стал выкидывать таких штук, если бы не предполагал, что ты все-таки веришь в мою искренность, по крайней мере, *перед тобою,* в то, что я не стану перед тобою рисоваться. Из-за чего? Рисовку понять легко, а в особенности тебе, моя дорогая Лялячка!

Выписал эту цитату из Шиллера потому, что, действительно, за последнее время она мне часто приходила в голову. «Может она в самом деле верна», — думал я. А думал вот при каких обстоятельствах: сижу один-одинешенек, погода хмурая, *письма нету*... В голову под влиянием всего этого, и в особенности последнего, начинают лезть самые скверные мысли. Настроение... но про настроение, т.е. про чувства, говорить лучше не следует: это всегда заведет в «лиризм», а он, пожалуй, и надоедлив может быть. Поэтому — про мысли. «Не пустяки ли уж все это, думаешь, все — любовь, хорошие минуты, нравственное просветление и т.д. и т.д.? И можно ли верить другим, и можно ли верить себе, и стоит ли верить, и не лучше ли пить, есть, спать, гнать от себя всякие эти «просветления» и т.д. и т.д.?» Думаешь, думаешь, да и ляжешь на диван поудобнее, помягче, и начинаешь все более и более настраивать себя на серьезный, холодный тон. Настраиваешь, настраиваешь — просто смерть станет! Только одно и спасение: заснешь нечаянно... А проснешься, подойдешь к окну, растворишь окно — и все исчезнет совершенно: день свежий, немного пасмурный, но какой-то бодрящий; ветер так и охватывает... Чувство молодости, силы и счастья сразу разольется по всему организму. «Нет, мол, лучше стоять у открытого окна, лучше простудиться, чем лежать, лучше верить, чем быть холодным и вялым». И вот тут-то повторишь искренне, что может быть в самом деле —

Nur das Irthum ist das Leben
Und das Wissen ist der Todt!

И уйдешь в поле, в лес, уже желтый и полуобнаженный, подымешься куда-нибудь на возвышенность и покорно отдаешься какой-то тихой, хорошей печали. О чем? Мало ли о чем... Да и осень к тому же уже чувствуется. Глядишь и видишь, как ветреный день чист и прозрачен, как широко, необычайно широко раздвинулись пустынные дали... Вместе с настроением еще значительнее и поэтичнее кажется и этот полуосенний день и эти дали и эти поэтично унылые поля...

Отчего, в самом деле, не напишешь? Мне, ей-богу, очень и очень скверно от этого.

Дни свои провожу именно среди таких различных душевных ощущений. Много, впрочем, читаю. Так, напр., прочитал полностью ром<ан> Зола «Человек-зверь»[2] и положительно в восхищении от него, кроме разве некоторых мест. Привесть или прислать тебе его? Ей-богу, прочитать следует. Прочитай еще «Мысли о сценическом искусстве» С.А.Юрьева («Русская мысль» за прошлый год)[3]. Много интересного и полезного.

Был на охоте с гончими. Поехал верхом да еще с ружьем за плечами. Чувствовал себя весьма и весьма недурно. Особенно хорошо в лесу. Весь уж он усыпан листьями. На верхушках (в особенности в березовых чащах) осталось листьев немного, да и те уже светло-желтые. От этого в лесу — как в залах с стеклянными потолками: мягкий, тихий свет... Только один курьез: стал на опушке и задумался. Вдруг — собаки... ближе, ближе... Наконец на опушке. Впереди несется лисица. Я, не долго думая, ружье — долой да как гряну! Лошадь на дыбы, в сторону, ружье — в другую, я — в третью... Слава Вельзевулу, что хоть об межу пришелся, а не об дерево.

29. Ю.А.БУНИНУ

28 августа 1890. Озёрки

28 августа 90 года.

На этот раз, дорогой Юринька, не извиняюсь за долгое молчание. Ей-богу, *не мог* написать тебе: я колебался все, следует или не следует написать тебе об одной штуке, случившейся со мной. Хотя эта штука и серьезна *для меня,* но со стороны она может показаться несерьезной. Повторяю, — для меня она серьезна, уже хотя бы потому, что произвела на меня сильное действие, — серьезна, по крайней мере, *теперь.* После, может быть, я и сам буду глядеть на нее иначе, — ну да ведь мало ли каких и даже очень частых перерождений не замечаешь за собою. Ты же со стороны, не зная как следует всех ее подробностей и, так сказать, развития и теперь можешь подумать: «Глупости, мальчишество»... И мне было немного неловко... Только сегодня я твердо решил, что все равно ты ее будешь знать; кому же, как ни тебе, следует все знать за мною?..

Я почти убежден, что ты уже догадался, какая это штука. Да, штука — любовная... Тут я немного останавливаюсь в затруднении: черт ее знает, как бы это получше рассказать тебе все. *Верь, ради Бога,* что напишу с полною правдою и откровенностью, *ничего не преувеличивая.* Легче всего ты можешь заподозрить, что я буду «пристрастно» описывать тебе качества моего «предмета». Но не заподозревай: чтобы оценить ее беспристрастно, я уже не раз напрягал все свои «жалкие умственные средства» и напишу только *истинные,* а не те, которые *сейчас* выдумать можно, результаты этого «напряжения»... Когда, напр., была история с Настей[1], я, — сознаюсь, — преувеличивал ее достоинства, т.е. не то что старался развить в себе... способность незамечания, что ли, ее недостатков, но только скрывал их перед тобою или, по крайней мере, говорил, что не вижу многих из них. Здесь же не то; не с того началось (т.е. лучше не «ни с того ни с сего»), да и не так смотрю на эту историю. Впрочем, тебе надоело, должно быть, это «предисловие». Дело вот какое:

С Н<астей>, как я уже писал тебе, у нас давно «разъехалось», именно «разъехалось», — с полгода уже. Да и будучи в связи с нею, я иногда невольно глядел на некоторых хороших барышень не то что с любовью, а по крайней мере, с поэтически-нежным чувством. Это и понятно: она же не могла ни в чем, так сказать, *в нравственном* удовлетворять меня. Почти так же я глядел и на Варвару Владимировну Пащенко, про которую я писал тебе. Говорю *почти* так же, ибо к ней, Богом клянусь, я чувствовал именно «товарищескую» (как говорит Верочка[2]) дружбу. Я познакомился с нею года полтора тому назад (кажется в июне прошлого года)[3] в редакции «Орлов<ского> вестн<ика>». Вышла к чаю утром девица высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне. Я даже сначала покосился на нее: от пенсне она мне показалась как будто гордою и фатоватою. Начал даже «придираться». Она кое-что мне «отпела» довольно здорово. Потом я придираться перестал. Она мне показалась довольно умною и развитою. (Она кончила курс в Елецкой гимназии). Потом мы встретились в ноябре (как я к тебе ехал). Тут я прожил в редакции неделю и уже подружился с нею, даже откровенничал, т.е. изливал разные мои чувства. Она сидела в своей комнате с отворенною дверью, а я, по обыкновению, на перилах лестницы, около двери. (На втором этаже). Не помню, говорил ли я тебе все это. Если и не говорил, то только потому, что не придавал этому никакого значения и, ради Христа, не думай, что хоть каплю выдумываю. Ну из-за чего мне?

Потом мы встретились в самом начале мая у Бибиковых[4] очень радостно, друзьями. Проговорили часов пять без перерыву, гуляя по садочку. Сперва она играла на рояле в беседке все из Чайковского, потом бродили по дорожкам. Говорили о многом; она, честное слово, здорово понимает в стихах, в музыке. И не думай, пожалуйста, что был какой-нибудь жалкий шаблонный разговор. Уходя и ложась спать, я думал: «вот милая, чуткая девица». Но кроме хорошего, доброго и, так сказать, чувства удовлетворения потребности поговорить с кем-нибудь, ничего не было...

Потом мы вместе поехали в Орел, — через несколько дней, — слушать Росси[5]. Опять пробыли в Орле вместе с неделю. Иногда, среди какого-нибудь душевного разговора, я позволял себе поцеловать ее руку — до того мне она нравилась. Но чувства ровно нимало не было. В это время я как-то особенно недоверчиво стал относиться к влюблению. «Все, мол, х<...>. Пойдут неприятности и т.д.».

Можешь поверить мне, что за это время я часто думал и оценивал ее и, разумеется, беспристрастно. Но симпатичных качеств за нею, несмотря на мое недоверие, все-таки было больше, чем мелких недостатков. Не знаю, впрочем, может быть, ошибаюсь.

С июня я начал часто бывать у них в доме[6]. С конца *июля* я вдруг почувствовал, что мне смертельно жалко и грустно, напр., уезжать от них. Все больше и больше она стала казаться мне милою и хорошею; я это начал уже чувствовать, а не умом только понимать. Но не называл это началом влюбления и, помнишь, пиша тебе из Орла о ней[7], говорил

правду. Сильное впечатление (в смысле красоты и т.п.) произвела она на меня накануне моего отъезда, со сцены: она играла в «Перекати-поле»[8] (Гнедича) любительницей, играла вполне недурно, главное, — очень естественно*. Ночью, вспомнив, что я завтра уезжаю, я чуть не заплакал. Утром я написал ей, напрягая всю свою искренность, стихотворение:

Нынче ночью поезд шумный
Унесет меня опять...
Сядь же ближе... Дай мне ручку
На прощанье поласкать.
Ты прости за вольность эту:
Даже больше я скажу,—
Я признаюсь, что с тревогой
На тебя давно гляжу.
Уж давно щемит мне сердце
От желанья — быть с тобой,
Ближе быть к тебе и нежно
Охватить твой стан рукой.
Ты давно мне милой стала;
Но колеблюсь я; боюсь,
Что опять с одной тоскою
От счастливых грез очнусь...
Ну да чтó об этом?.. Будет!..
Мне твоей любви не знать;
Нынче ночью поезд шумный
Унесет меня... опять.
Может быть любовью это
И нельзя назвать... Но верь:
Просто, искренно, как с милой,
Говорю с тобой теперь.
Жизнь еще <не> оскорбила
Это чувство. И дай Бог,
Чтоб оно не потемнело
От обид и от тревог...
Никогда уж больше в жизни
Не скажу об этом я...
Об одном прошу: порою
Вспоминай и про меня!
Грустно будет, коль напрасно
Душу я тебе открыл...
Мало в юности мы ценим
Тех любовь, кто нам не мил...

---

* Она готовится в «настоящие» актрисы[9]. Мать у ней тоже была актрисой, а отец прежде держал оперу в Харькове. Прожился и стал уже специально заниматься докторством.

Будь же чуткой... Сядь поближе,
Дай мне ручку поласкать,
Дай хоть видеть, что могла ты
Все простить и все понять*.

Написал и сейчас же злобно зашагал вниз. Простились мы очень холодно, по крайней мере, и она и я с серьезным видом. Это было в самом конце июля.

В начале августа я опять был у них. Когда я начал бормотать, что, мол, не вздумайте еще посмеяться над стих<отворением>, она сказала: «Если вы меня считаете способной на это, зачем писали? И зачем подозреваете, когда знаете, как я отношусь к Вам. Вы мне всегда казались милым и хорошим, как никто». Уехал я опять с грустно-поэтичным чувством. Дома я долго размышлял над этим. Чувство не проходило. И хорошее это было чувство. Я еще никогда так разумно и благородно не любил. Все мое чувство состоит из поэзии. Я, напр., в жизни никогда не чувствовал к ней полового влечения. А приходилось, напр., сидеть колено об колено в гамаке, в саду, или, впоследствии, обниматься и целоваться. Т.е. не капли! я даже на себя удивлялся. Знаешь, у меня совсем почти никогда не бывает теперь похотливого желания. Ужасной кажется гадостью... Впрочем, ты может быть не поверишь...

А целованье и обниманье случилось так. Надо тебе сказать, что я никогда не ждал и не надеялся на него. Я только наслаждался своими хорошими чувствами. Ей-богу, правда, только наслаждался. Милый Юринька, ты не поверишь, каким перерожденным я чувствовал и чувствую себя!..

8 августа я опять приехал к ним в Елец и вместе с ее братом[10] и с нею поехал к Анне Николаевне Бибиковой** в имение их верст за 10 от Ельца на Воргле. У Бибиковой есть еще брат Арсений[11] (лет 18), приехала еще некая Ильинская, барышня, занимавшаяся прежде в «Орловск<ом> вестн<ике>». Стариков — только один Бибиков, но он к нам почти не показывался. Было очень весело и хорошо. Мы провели там трое суток. И вот 12-го ночью мы все сидели на балконе. Ночь была темная, теплая. Мы встали и пошли гулять с Пащенко по темной акациевой аллее. Заговорили. Между прочим, держа ее под руку, я тихонько поцеловал ее руку.

— Да вы уж серьезно не влюблены ли, — спросила она.

— Да что об этом толковать, — сказал я, — впрочем, если на откровенность, т.е., кажется, *да*.

Помолчали.

— А знаете, — говорит, — я тоже, кажется... могу полюбить Вас.

У меня сердце дрогнуло.

— Почему думаете?

---

* Напиши, как ты находишь это стих<отворение>? Карамзин? Только, ей-богу, искренний.

** Вот тоже милая и умная девушка!

— Потому, что иногда... я вас ужасно люблю... и не так, как друга; только я еще сама не знаю. Словно весы колебаются. Напр., я начинаю ревновать Вас... А вы — серьезно это порешили, продумали?

Я не помню что ответил. У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уж обычное... Я даже не сразу опомнился! Господи! что это за ночь была!

— Я тебя страшно люблю сейчас, — говорила она, — страшно... Но я еще не уверена. Ты правду говоришь, что часто на то, что говоришь вечером, как-то иначе смотришь утром. Но сейчас... Может быть, ввиду этого мне не следовало так поступать, но все равно... Зачем скрываться?.. Ведь сейчас, когда я тебе говорю про свою любовь, когда целую тебя, я делаю все это страшно искренно...

На другой день она действительно попросила меня «забыть эту ночь». Вечером у нас произошел разговор. Я просил ее объяснить мне, почему у нее такие противоречия. Говорит, что сама не знает; что сама не рада. Расплакалась даже. Я ушел, как бешеный. На заре она опять пришла на балкон (все сидели в доме, а я один на нем), опять обняла, опять начала целовать и говорить, что она страшно бы желала, чтобы у нее было всегда ровное чувство ко мне.

Кажется, 14-го мы уехали с Воргла. Я верхом провожал ее до Ельца. На прощанье она попросила меня возвратить ее карточку.

— Хорошо, — сказал я и заскакал, как бешеный. Я приехал в Орловскую гостиницу[12] совсем не помня себя. Нервы, что ли, только я рыдал в номере, как собака, и настрочил ей предикое письмо[13]: я, ей-богу, почти не помню его. Помню только, что умолял хоть минутами любить, а месяцами ненавидеть. Письмо сейчас же отослал и прилег на диван. Закрою глаза — слышу громкие голоса, шорох платья около меня... Даже вскочу... Голова горит, мысли путаются, руки холодные — просто смерть. Вдруг стук — письмо! Впоследствии я от ее брата узнал, что она плакала и не знала, что делать. Наконец, настрочила мне:

«Да пойми же, что весы не остановились, ведь я же тебе сказала. Я не хочу, я пока, видимо, не люблю тебя так, как тебе бы хотелось, но, может быть, со временем я и полюблю тебя. Я не говорю, что это невозможно, но у меня нет желания солгать тебе. Для этого я тебя слишком уважаю. Поверь и не сумасшествуй. Этим сделаешь только хуже. Со временем, может быть, я и сумею оценить тебя вполне. Надейся. Пока же я тебя очень люблю, но не так, как тебе нужно и как бы я хотела. Будь покойнее».

До сих пор еще не определилось ничего. И несмотря на то, что чувство у меня по-прежнему страшно сильно, я хочу все это послать к х<...>, если только вынесу. Просто измучился.

Напиши мне поскорее, драгоценный Юринька, или хорошо, кабы ты приехал. Мать очень часто плачет.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

P.S. Повторяю кое-что из географии, катехизиса и истории. Читаю Аполлона Григорьева, — у меня целый большой том[14]. В следующий раз хочу потолковать с тобой о некоторых его взглядах. Прочитал ром<ан> Зола[15]. Он произвел на меня очень сильное действие. Думаю, что в нем захвачено побольше, чем в «Крейцеровой сонате»[16], напр. Отчего же мало писали про него?

Впрочем, мне все-таки непонятен, напр., Жак. Ведь «выдумать» на человека все можно. Потом, как небрежно описано душевное состояние Рубо после убийства. После него, напр., почти нет не одной сцены между Рубо и Севериной, которая характеризовала бы их отношения, чувства поярче. И потом — слишком уж легко у Зола решаются люди на убийство, напр., Северина на подговариванье Жака убить Рубо. Неужто в современном человеке живет такой — (не зверь) — а *скот?* Вообще, во многих местах только описания, а не изображения. Но, в общем, — сильное, тяжелое впечатление. Великий он все-таки писатель!

Напиши мне про него.

Посылаю тебе еще одно письмо, уже давно написанное, но не отосланное. Вот, брат, тоже история!

В «Северном вестнике» или в августе (я не видал) или в сентябре — мое стих<отворение>[17].

В «Наблюдателе» — тоже[18]. Сам опять-таки не видал, а говорил Михаил Яковл<евич>, который видел.

«Северный вестник» — представь — платит по 50 к. за строчку: я получил письмо от секретаря, какого-то Миляшкина[19]. В след<ующий> раз пришлю тебе это письмо, дабы удостоверить.

А «Наблюд<атель>» поместил, даже ничего не ответив на мое письмо[20]. Вот ослы!

30. В.В.ПАЩЕНКО

4, 5, 6 сентября 1890. Орел

1 час ночи. 4-го сентября.

Милая моя и хорошая Ляличка! Ей-богу, странна натура человеческая! Ведь вот я тебя страшно люблю, всегда люблю в каждый момент и счастлив всем сердцем, когда с тобою. Но когда я не вижу тебя, после отъезда, напр., ты мне вдесятеро становишься дороже и в тысячу раз сильнее я люблю тебя! Казалось бы, что в такую минуту явись ты внезапно — я не знаю, что сделал бы... Все, что ты говорила, каждое твое движение, каждый поцелуй чувствуется еще сильнее в такие минуты... Или в самом деле, жизни, пока живешь, не чувствуешь так сильно, т.е. живешь больше всего прошедшим?

Представь! — Бориса Петровича нету еще! И приедет, по словам Н<адежды> А<лексеевны>, не ранее, как через пять дней. Прислал теле-

грамму из-под Богородицка (из гор. Венева), чтобы ему выслали 20 р. Денег у него ни копейки! Значит, пока получит, да пока то да се, как говорится... И действительно, не ранее пяти дней. Скука без него, сама знаешь, ужасная! Говорить с Н<адеждой> А<лексеевной> о делах весьма не люблю, — значит, насчет моего поступления к ним дело затянется. Я уж, разумеется, не стану сидеть в Орле да еще с одной Н<адеждой> А<лексеевной> целых пять дней, хотя она и предлагает остаться до 9 — первого спектакля у Черепанова[1].

Новостей у них мало. Ходит заниматься к ним Померанцев, брат «писательницы»[2], кончивший курс в реальном и поступающий... или т.е. не поступающий, а уже поступивший учеником на телеграф. Вот померанцевская страсть к телеграфу! Да, еще — Большаков опять пьянствует. Хотят на днях прогнать.

Ждут еще какую-то девицу из Вологды. Обещала приехать непременно — и вот уже с полмесяца ни слуху ни духу. Время-то, значит, для моего поступления очень удобное — да вот Борис-то Петрович загулял на старости лет. Впрочем, может быть, поборю себя и переговорю с Н<адеждой> А<лексеевной>. Только ведь вот что — вообразит, что я нуждаюсь в этом месте и начнет ломаться... Прости, голубчик, за такое выражение о твоей тетушке.

Вот тебе пока новости. Остальное — завтра. Голова ужасно болит. Дорогой ни за что не заснул, несмотря на то, что истратил лишних 2 р. 50 на 2-ой класс. Покойной ночи, моя ненаглядная!

5 сентября.

Проснулся сегодня, глянул — 11 часов. Вышел в редакцию — никого уже нету. Сейчас сижу за столом Бориса Петровича. Тишина мертвая и тем более, что все везде прибрано, вымыто, уложено. Мне везде почему-то в прибранном месте кажется тише. Н<адежда> А<лексеевна> пишет на своем месте. Остальных — никого. Штандель на репортерских розысках, Померанцев уже ушел, Марья Алекс. — с детьми не знаю где. Просто смерть. Притом — тоска. Я ужасно без тебя скучаю, а в особенности в своей «гостиной». Завтра, видно, уеду с утренним — вновь увижу ее. Завтра же пошлю это письмо и надеюсь, что *вскоре* исполнишь обещание. Очень хотелось бы получить от тебя хорошее, искреннее письмо. Ты еще до сих пор чуждаешься меня. Или не любишь, или не нужен я тебе...

Сходил на Болховскую[3], в библиотеку, зашел купить картуз, рыл, рыл — все сапожнические. И представь! — отхватил «Дворянский» (черный, с красным околышем). Правда, глупо? Всякий будет думать, что форсит малый. Ну да черт их дери. Он все-таки очень красив. Н<адежда> А<лексеевна>, разумеется, глумилась немного, хотя вобще она со мной весьма любезна. А то бы я удрал в гостиницу.

Сейчас решился наконец переговорить с Н<адеждой> А<лексеевной> о месте. Начал (ей-богу, невольно) как-то глупо и неестественно. Заговорила она что-то о служащих. «Ну, думаю, пожалуй, сейчас стоит ска-

зать». Закурил папиросу, сел, нога на ногу, потянулся немного, зевнул притворно и, зажмурившись, небрежно выпустил: «Да вы, Н<адежда> А<лексеевна>, примите вот меня поработать». — «Вас? — говорит, — да ведь вам надоест скоро?» Я вздернул плечами. «Если бы, говорю, думал, что надоест, то значит не любил бы это дело; а я и прошусь единственно из того, что оно мне нравится. Я *вообще* вовсе не нуждаюсь в месте, т.е. в каком бы то ни было». — «Да ведь с Борисом Петровичем поссоритесь. С ним ведь нельзя без этого». А сама перебирает что-то и напевает. Потом перешла на Бориса Петр<овича> вообще и опять перебирает, и опять напевает. «Ага, хочет показать, что у них вовсе уже не так нужен служащий... Ломается, думаю». Разозлился и смолк. Вот тебе и все.

За обедом сказал к слову и о агентуре. Тоже отвечала вяло и уж, ей-богу, не разобрать, что сказала. Не то «да», не то «ладно». Я опять смолк. А тут посетитель какой-то — так дело и разъехалось.

Ну что еще? Многое, многое хотелось бы сказать. Но то, что имело бы место в разговоре, как-то не выходит в письме. Прощай пока, моя милая, моя славная Ляличка! Позволяю себе думать и чувствовать, как бы хорошо было сейчас обнять тебя покрепче, по-юношески, как самого дорогого и близкого душе человека!..

P.S. Сейчас снова вынимаю письмо из конверта и сажусь писать. Сейчас половина 4 ночи. Проснулся я внезапно. Знаешь, что приснилось? Ты, может быть, даже не поверишь, но я не «шутю»: что ты замужем за *Леонидом* Марковичем[4]. Будто мы сидели где-то вместе, и вдруг ты поднимаешься уходить. Почему-то (это бывает во сне) я вдруг *почувствовал,* как будто вспомнил, что ты идешь к мужу, к Алейникову. Так и обдало неприятным холодом!

Я и забыл приписать тебе, что прочел почти (часов с 6 до 12 с перерывами) «Дым» Тургенева. Я уже давно читал его и теперь прочел его с новым интересом. Многое в нем мне не понравилось. Не понравился даже тон (местами) — грубо-шутливая и насмешливая и притом поверхностная характеристика «света» — тон вовсе не тургеневский. Я знаю, что этот «свет» — пошлость и подлость, и глупость, но у него он малохудожественно обрисован. Но вообще роман произвел сильное впечатление: страшное, злобное волнение овладело мною. Только, слава Богу, что теперь, кажется, уже нет таких Ирин. Разумеется, Литвинов в дураках — она его вовсе не любила. При сильной любви нельзя таких штук проделывать.

6 сентября.

Отправить сегодня письмо опоздал. Теперь вскрываю конверт, чтобы сообщить тебе новость, новость для меня, новость, которая меня настолько удивила и поразила, что у меня от обиды сердце замерло: Марья Алекс. сейчас сказала мне, что «мы с Варв<арой> Вл<адимировной> нашли наверху, в сумке (какой-то), стихи Ивана Алексеевича и начали

читать. Там написано было что-то про поезд[5] и т.д. Мы часа два хохотали».

Это, разумеется, мои стихи, которые я дал тебе при отъезде? Что же значит этот «хохот». Что же там было глупого, смешного или жалкого? Я положительно сбит с толку и, главное, не знаю верить или нет. Оно как будто пустяки, но если эти пустяки верны, то они много значат. Одно только чувство *искреннего* доверия и уважения к тебе заставляет меня думать, что что-нибудь не так. В противном случае — это и не знаю что! Не забудь, дорогая моя, *откровенно* написать мне об этом. Сейчас сижу, как обваренный кипятком. Я даже объяснить не могу получше всех проклятых ощущений, которые невольно поднялись и ударили в голову мне. Если это так — ужасно! Если не так — объясни, ради Бога, и прости за подозрения.

31. В.В.ПАЩЕНКО

7 сентября 1890. Курск <?>

Уезжая, я мучился желанием увидать тебя... Как-то особенно одиноко и грустно мне было в этот вечер; чувствовалось, что одна ты могла успокоить меня одним ласковым словом... Также и в поезде. Давно у меня не было так переполнено сердце какою-то грустью, лаской и нежностью к тебе. Думая о тебе, вспоминая прошлое, один-одинешенек в тихом второклассном вагоне московско-брестского поезда, который бежал по лесам, теплой, мутной ночью, мне хотелось плакать от таких молодых, чистых и любовных мелодий, каких я давно не слыхал у себя в сердце. И представляя тебя, я представил, как я возьму твои ручки, обниму тебя, потихоньку назову другом мою дорогую девочку...[a]. Отчего же, Варенька, наши желания и ощущения не свидятся? Ты так мало интересуешься нашей встречей, что пишешь записку, в которой говоришь: «зайди в кружок»[1]... Что ж? Зайду.

Вероятно, тебе не понравилось бы, если бы я, напр., вместо того, чтобы переть встречать тебя на вокзале ночью 3 версты, как я это делал, сказал бы тебе: «когда приедешь, — зайди... Ну хоть к Белоконским[2]. Я там буду»...

32. В.В.ПАЩЕНКО

8 сентября 1890. Харьков

г. Харьков, 8 сентября.

Ты, наверно, страшно удивишься, прочтя написанное вверху. Но не удивляйся, моя ненаглядная Ляличка! Да, я в Харькове и случилось это

---

[a] Далее зачеркнуты слова: понятно, что мне хотелось видеть тебя не при гг. Мироновых[3].

так: Н<адежда> А<лексеевна> посоветовала мне съездить в Курск, — Фесенко, издатель газеты «Курский листок», продает право издания[1]. Редакторы (они у него наемные) уже второй раз за нынешний год уходят от него, денежные дела его крайне плохи и он, наверно, по словам Н<адежды> А<лексеевны>, передаст право издания за очень небольшую сумму, т.е. тысячи за три. Отдать это я могу и потому, поразмыслив немного, я набил себе папиросочек, встал да и поехал. Конечно, я не бесповоротно решил купить, я еще подумаю, даже в случае его согласия, посоветуюсь кое с кем и т.д. Но разузнать все-таки не мешает. Такие случаи редки. Вот, значит, одна цель поездки. Вторая — если уж не продаст или я не решусь связать себя с таким трудным и серьезным делом, — то, может быть, возьмет наемным редактором. Представь, дорогой мой ангел Ляличка, — своя газета, распоряжайся как хочешь. Я бы, кажется, ни одной ночи не спал бы, да вник в это дело, поставил бы газету хоть сколько-нибудь на ноги... Конечно, и это еще не решенное, т.е. опять-таки даже в случае согласия Фесенко и на это, я не сразу решусь, *опять-таки* надо сообразиться, но *опять-таки* разузнать следует. Да и вообще — отчего не проехаться? Ведь домой-то возвратиться и сидеть одному — не особенно приятно!.. Вот я и поехал, поехал в Курск. Но как же Харьков? Да вот так: еду; день светлый, солнечный. Местность кругом роскошная: поля, ровные, ровные, широко и привольно уходят в голубые дали, деревни синеют пейзажами... Ну, словом, будто глаза открываются. Стоишь на площадке, поезд несется быстро, равнина проходит за равниною, и на душе становится шире и лучше. Притом же любовь, самая благородная и светлая, любовь к тебе, ненаглядная Ляличка, наполняет ее. Вспомнилось все: и ты, и Воргол, и Анна Николаевна, и Арсик[2], и все, что связано с моею любовью. «Да не проехать ли в Харьков», — подумал я и вспомнил еще, что мне нужно переговорить к тому же с Ан<ной> Ник<олаевной> о деле (у нас есть некоторые, денежные — долг) и, недолго думая, в Курске взял билетик да и «прикатил».

Завтра снова уеду и прямо домой. Во вторник (11-го) буду дома и надеюсь застать твое письмо — что-то ты напишешь? За последние дни я еще больше как-то сознал и почувствовал всю глубину и искренность своего чувства к тебе. Да, я люблю тебя! Никто в мире не дорог мне так, как ты, Ляличка! Ей-богу, правду говорю... И никто или лучше — ничто в мире не дорого мне так, как мое чувство и именно потому, что я с радостью, с волнением ощущаю, что оно глубоко, благородно и серьезно. Дай Бог, чтобы ты тоже поняла его, поняла опять-таки глубоко и серьезно. И я надеюсь, что ты поймешь. Знаешь, — когда я думаю о тебе, когда я чувствую *свою душу,* у меня именно звучит «молитва тихая любви»[3]. Не желаю тебе в жизни ничего *хорошего и светлого* (оно различно понимается), но желаю тебе *быть* всегда *хорошею и светлою,* стараться быть такою. Счастье само родится из этого. Милая, дорогая моя!..

Бибиковых нашел через адресный стол. Ходили с Арсиком в Художественный музей[4], в университетский сад, лежали на траве — и день прошел почти, — право, славно. Потом наслаждались благами цивилизации: зашли в гостиницу «Руфа», где я остановился, прошли в общую залу (роскошная, светлая, с паркетными полами и лепными цветными потолками), обедали, пили за твое здоровье и т.д. Прощай пока. Не забывай меня! Подумай о наших отношениях и вспомни, что надо жить пока живется. Не дай Бог оглянуться впоследствии назад и подумать: «Эх, кабы можно было начать жить сначала»!..

Весь твой И.Бунин.

33. Ю.А.БУНИНУ

Между 23 и 26 сентября 1890. Орел <?>

Дорогой Юринька! Причину нашего страшного смятения объяснит тебе письмо Евгения[1]. Я просто чуть с ума не сошел. Послал две телеграммы в Харьков[2], но на них не получил ответа. Мне такую штуку сказал в городе Ося[3]. Я поскакал к Шумскому, спросить поподробнее Юдина. Тот неловко заявил мне, что действительно слышал о твоей смерти. Остальное — ты поймешь.

Теперь же меня страшно волнует вот что: получил ли ты мое письмо в 24 страницы[4], где я рассказывал тебе одну историю. Если оно не отослано с завода, и кто-нибудь его вскрыл — дело дрянь. Девушка, о которой я пишу, может быть в плохом положении. Ответь же.

Пока до свидания. Целую тебя крепко.

И.Бунин.

P.S. Теперь мы, слава Богу, все успокоились.

Насчет банка вот что: я отдал их Осмоловскому, а он говорит, что нужно еще приплаты, так как учет процентов новый; ведь деньги-то после заявления банка о недостаче 335 р. доставлены через 4 месяца.

34. В.В.ПАЩЕНКО

26 сентября 1890. Озёрки

Ну уж и доехал же я, дорогая моя! Прежде всего — ветер: в городе он был совсем не заметен, а в поле просто измучил меня. Рвет прямо навстречу и не дает ни на минуту запахнуться в свою «шкуру». Приходится держать полы ее обеими руками, а это тоже невозможно: править надо. Потом — дождь! Да ведь какой, — как из желоба! От самой Гущиной до Овсяного Брода (это верст 9 или 10) поливал меня. Каково положение? За шею течет, с картуза ручьи, седло все мокрое! Бросил поводья, укутался кое-как и тащусь шагом. Смотрю — впереди тащится чья-то карета четвернею. Кучера на козлах нету, сидит внутри. «Ну, думаю, значит один, без господ» и прямо подлетаю к дверце. «Пусти к себе — целковый на водку!» Выглянул и ни слова! «Да что ты, оглох что ли, — завопил я, — видишь, каково мне. Пусти сейчас!..» Вдруг из-за

него показывается шляпка. «Что вам угодно? Что вы кричите?» — «Ах, Боже мой, pardon, pardon!» — да как стригану в сторону, — со стыда просто сгорел... Кое-как все-таки добрался, переоделся, умылся и стал слушать домашние новости. Оказывается, что мать было умерла от такой вести об Юлии[1]. Евгений плакал как ребенок! Да и нельзя было не верить. Рышков пришел к нам и стал всех уверять, что это *неоспоримый* слух. Успокоились только тогда, когда получили совершенно такую же телеграмму, как и я...

Сейчас пишу тебе полулежа. У меня болит голова, жар и т.п. Почувствовал среди ночи. Поднял голову — голова тяжелая, сердце бьется, руки горят. Простудился немного... Ну да это ерунда. У нас в деревне доктор, некто Цвиленев[2], и говорит, что это пустяки. На душе у меня все-таки хорошо, мой ангел, моя бесценная Варичка!.. Не забывай меня! Мне, знаешь, все-таки совершенно против воли кажется, что ты меня забудешь, кажется, все это пройдет «светлым сном». Право, я не фразирую, бесценная моя, когда говорю, что много раз, много ошибок пришлось испытать мне... И вот только это невольное сомнение затемняет грустью мое хорошее настроение. Но все-таки я счастлив! Ты, знаешь, изменилась за последние дни. Ты стала настоящею *девушкою*. А девушку я понимаю, как существо милое, нежное и любящее. Если б ты знала, как бы хотел сейчас целовать твои ручки! Вся красота, вся поэзия жизни охватывает меня в такие минуты... Помнишь, ты (у пианино) сказала: «к чему все это?» Я не понимаю этого. Жизнь есть любовь. Это известно было даже древним. И если ты согласна, что «жизнь для жизни нам дана», то как можешь отрицать, что любовь дана для любви? Это своего рода «искусство для искусства». Если ты искренно любишь меня (а я верю этому вполне), то согласишься со мною, согласишься не только умом, но и сердцем.

Но я даже думаю, что будем когда-нибудь спокойнее за свое положение. Впрочем, об этом поговорим при свидании.

Пока же — целую тебя крепко-крепко!

Весь твой, глубоко и искренно
любящий, И.Бунин.

P.S. Так мы увидимся первого? Напиши, в чем же ты решила играть[3].

26-го сент. 90 г.

35. В.В.ПАЩЕНКО

26 сентября 1890. Озёрки

Вечер 26-го.

Нынче отправил тебе письмо и уже опять пишу. Хотелось бы без конца говорить с тобою, дорогая моя!

Все, что прощаясь ты мне говорила,
Снова твержу я в невольной тоске...

Путь одинок мой, дорога уныла...
Что-то в уютном твоем уголке?
Слышен ли смех? Догорают ли свечи?
Так же ль блистает твой взор, как вчера?
Те же милые, юные речи
Будут немолчно звучать до утра?
Кто там с тобой? Ты глядишь ли бесстрастно
Или забилося сердце в груди?..
Только б тебя полюбить не напрасно,
Только бы не было слез впереди!..
Только бы кончился день без печали,
Только бы вечер прошел веселей!
Только бы сны золотые летали
Над ненаглядной моей!..

В самом деле — что-то ты сейчас поделываешь? Я больше лежу. Жар у меня усилился. С полчаса тому назад был такой сильный приступ, что я просто задыхался. От хины страшно звенит и шумит в голове. А мне это как-то нравится. Закроешь глаза, кажется, кто-то подошел близко-близко и что-то шепчет... Вообще странное состояние... К первому все-таки думаю поправиться. Ерунда! А на дворе — света Божьего не видно! Снег валит, ветер, темнота. И это мне тоже нравится... Читаю Карлейля[1], но мысли совсем о другом. Все о тебе, моя бесценная Варичка! Как бы хорошо, если бы ты сейчас была со мною, сидела здесь, около кровати! Милая, радость моя! Покойной ночи. Я, должно быть, не засну всю ночь и всю ночь буду думать о тебе.

Твой И.Бунин.

без 15 м. 10 ч.

36. Ю.А.БУНИНУ

29 сентября 1890. Орел

29 сентября.

Дорогой Юринька! Что же ты не ответил ничего на мое письмо или скорее целую повесть «моей любви»[1]? Ведь послал-то я ее еще в конце августа. О тебе просто ни слуху ни духу. Ни сам не едешь, не напишешь ничего.

Был я в Харькове у Бибиковой Анны Николаевны. Она теперь там в музыкальной школе. С банком еще до сих пор не устроились. Требует еще доплаты процентов Анне Николаевне. Тех 335 р., которых у нас недостаточно. Вскоре, может быть, продам стихи и приплачу[2]. Во всяком случае — опасности никакой. Анна Ник<олаевна> роскошная девушка и нисколько не притесняет.

Видел в Харькове почти всех. Они гнали меня к тебе[3], и я думал, да деньжонок было обмалковато. Они сказали, что ждут тебя в Харьков к 20 и потому Эм<мануил> Дм<итриевич>[4] тебе так долго не писал.

У нас все, славу Богу, здоровы. Мама скучает. Приезжай, милый, если можно.

Напишу к тебе поподробнее, как получу от тебя письмо.

А пока — прощай.

Горячо любящий тебя
И.Бунин.

Завтра уезжаю из Орла.

37. В.В.ПАЩЕНКО

6 октября 1890. Орел

6 октября 90 года.

Милая, бесценная Ляличка! Доехал я, как и следовало ожидать, вполне благополучно. Только оказалось, что поезд приходит в Орел без 10 м. одиннадцать, так что к почтовому, отходящему в половину первого, письмо мое, разумеется, попасть не могло. Значит, получишь письмо только послезавтра. Карточку посылаю[1], но она, кажется, плоха, — не похожа, по-моему, хотя все говорят противное... Фатоват я вышел. Правда? А потом — эта идиотская бурка вовсе ни к селу ни к городу к сюртучку и белому галстуху. Карточка, где я с Б<орисом> П<етровичем>, еще хуже[2].

Вчера мне в *особенности* почему-то было тяжело уезжать... Господи! Как я любил тебя, моя бесценная, мой ангел Ляличка!.. *До боли* любил!.. Люблю страшно-искренно и сейчас, но теперь улеглось это острое чувство разлуки.

Скажешь — «манная каша?..» Что ж, называй если хочешь. Но я не изменю себя. Володенька[3] говорит, что можно сильно любить, но не распускать себя. Так. Только что это значит «не распускать»? Чувство заглушать? Или скрывать его? Да и потом — разве любить и отдаваться всему, что «она приносит с собою» — значит быть бесцветностью, бесхарактерностью?.. Чушь! Напротив, я в такие минуты больше всего — *живу*...

Напиши же мне, когда будешь играть, *непременно*. Хоть на минуту, хоть в театре только, погляжу тебя. А пока — до свидания. Крепко-крепко целую тебя, моя бесценная, жизнь моя, Ляличка!

Весь твой И.Бунин.

P.S. Скажи Володе, что к Кашкину[4] заходил — «рустика»[5] нету. Спрошу еще у Шемаева[6].

38. Ю.А.БУНИНУ

28 октября 1890. Глотово

Ради Христа, прости, дорогой Юлинька, за мое молчание: все день ото дня собирался приехать.

Теперь порешил быть у тебя дней через 5–7[1]. Поэтому не пишу ничего — обо всем перетолкуем. Когда приеду — дам телеграмму.

Твой И.Бунин.

Нельзя ли повидаться с Лизою? Когда поеду в Орел, дам телеграмму — «сегодня», мол, и только извести тогда ее.

28 октября
1890 года.
с. Глотово.

39. Ю.А.БУНИНУ

16 ноября 1890. Орел

1890 г. 16-го ноября.

Милый Юринька!

Хотел к тебе приехать[1], но «Орловск<ий> вестн<ик>» надул, не дал денег. Видел раза три Лизу. О подробностях она тебе, наверно, написала. Если хочешь, чтобы я приехал, пришли 10–15 р., если есть, конечно, а нету — не надо. ***Извести*** (ради Бога) *прямо* по получении письма телеграммою из одного слова: «Пришлю» или «Нет». Орел, «Орловский вестник», Бунину.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

40. А.Н. и Л.А.БУНИНЫМ

18 ноября 1890. Орел

1890 г. 18-го ноября.

Моя дорогая, ненаглядная папочка и мамочка!

Простите, что не писал к Вам до сих пор: вы ведь знаете, что я свинья, но свинья, которая все-таки ужасно любит вас...

Послезавтра еду к Юлию[1]; возвращусь, как он пишет, *с ним* недели через полторы.

Вполне жив и здоров.

Крепко целую Вас, дорогого быка — Мусиньку[2] и всех.

Глубоко любящий
И.Бунин.

41. Ю.А.БУНИНУ

10 декабря 1890. Орел

1890 г. 10-го декабря.

Дорогой Юринька!

Доехал, как и следовало ожидать, благополучно[1]. В Харькове пробыл до вечернего поезда. Оказалось, что вагоны почти пустые, так что я как лег в Харькове — так и спал до последней станции перед Курском. В Харькове был у Воронцов, все ждут тебя и «добрые», и в особенности Вера. Видел Фанни, был у Марьи Конст<антиновны> и Бибиковой. У первой — не оказалось Луи Блана[2], а вторая — очень весела и даже довольна, что ты прислал денег. Говорил, что деньги нельзя до 23–24 — согласна. Вообще она больше всего занята пением со студентами и мальчишествует до бесконечно<сти>. Богом клянусь, что не вру ни слова. Бориса Петр<овича> я не застал: он в Калуге. Завтра, должно быть, приедет. Тогда напишу и о результате стихов. Остался в Орле (уеду только послезавтра)[3], во-первых, поэтому, а, <во->вторых, — помочь Надежд<е> Алек<сеевне> — она положительно одна. Сотрудник — Штандель[4] — попал третьего дня в острог: украл вместе с корректором платье в редакции, икону у хозяйки, где стоял корректор, и хотел удрать в Москву. На вокзале их поймали. Как видел ты из письма Бор<иса> Петр<овича>, они очень желают, чтобы я поступил к ним.

Лизу увижу, должно быть, завтра. О результатах этого свидания напишет тебе она.

Приезжай же, ради Бога. Дай тогда телеграмму в Елец.

Поцелуй дорогого Ив<ана> Васильев<ича>[5] и Вл.Н. Всем — поклон. Вспоминаю всех с добрым, светлым чувством, а обеды — с умилением. Скажи им это.

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

По повестке — получил. Это из «*Наблюдателя*»[6].

Адрес Бибиковой: угол Кузнецкой и Подольской ул., дом Люсиной, А.Н.Биб<иковой>.

42. Ю.А.БУНИНУ

15 декабря 1890. Орел

Дорогой Юринька!

Видел раза четыре («Пидгоряне», «Ой, не ходи Грыцю», «Черноморци», «Дай сердцю волю») Заньковецкую[1] и не видал Лизу. Раза четыре выходил на плац — все нету. Думаю даже послать ей записочку, потому что уеду 18-го: приехала Варя в Орел играть в драматическом кружке[2]...

Ну, брат, Заньковецкая! Три раза плакал от нее!..

Дня через два, может быть, вышлю деньги — 50 р. Книжку мою[3] порешил разослать бесплатным приложением при «Орлов<ском> вестнике». Ничего?

Прощай пока, дорогой Юринька! Я, брат, тут строчу — нет конца, да все передовицы[4]. Они меня приглашают специально для этого. Числа с 10 января поступлю[5].

Кое-что прилагаю[6].

И.Бунин.

Передовиц не посылаю — неинтересные: «Новое важное постановление Св. Синода», «Матери-страдалицы» (о устройстве родильного приюта в Орле) и т.д.

43. А.П.ЧЕХОВУ

Начало января 1891. Елец

Многоуважаемый
Антон Павлович!

Начинающие «писатели» имеют обыкновение ужасно надоедать различным редакторам, поэтам, беллетристам, более или менее известным, и очень многим другим с просьбами прочесть их произведения, сказать «беспристрастное» мнение и т.д. и т.д., — я принадлежу к этим господам, сознаю, что подобные просьбы иногда просто даже нетактичны и невежливы и... все-таки предлагаю их. К гг. редакторам обращаться считаю, впрочем, излишним, почему — понятно. Обратиться поэтому решился к какому-либо писателю. Так как Вы самый любимый мной из современ<ных> писателей и так как я слыхал от некоторых моих знакомых (харьковских), знающих Вас, что Вы простой и хороший человек, — то «выбор» мой «пал» на Вас. К Вам я решился обратиться с следующей просьбой: если у Вас есть свободное время для того, чтобы хоть раз обратить внимание на произведения такого господина, как я, — обратите, пожалуйста. *Ответьте мне, ради Бога, могу ли когда-нибудь прислать Вам два* или три моих (печатных) рассказа[1] и прочтете ли Вы их когда-нибудь от нечего делать, чтобы сообщить мне несколько Ваших заключений. Простите меня за назойливость, глубокоуважаемый Антон Павлович, и будьте снисходительны к просьбе

искренно уважающего Вас
Ив.Бунина.

Адрес: «Елец, Орловск<ой> губ. Ивану Алексеевичу Бунину».

P.S. Стихи я печатал в «Неделе», «Северном вестнике» и еще кое-где, а рассказы в местной газете, в «Орл<овском> вест<нике>»[2].

44. В.Е.ПАЩЕНКО

13 января 1891. Орел

Г. Орел
13 января 91 года.

Будьте добры, многоуважаемый Владимир Егорович, передайте, пожалуйста, прилагаемые карточки[1]: одну Володе (где я один снят), а другую тому, кто захочет взять (конечно, в Вашем семействе).

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

P.S. Всем поклон.

45. В.В.ПАЩЕНКО

17 января 1891. Орел

Орел
17 января 91 г.

Б<орис> П<етрович> письма, разумеется, не распечатал, а главное, отчего ты не написала до востребования? Мне кажется, милая, что ты просто не хотела мне писать иного письма, а до востребования пришлось бы написать не так официально... Впрочем, прости меня: может быть, что я несу чепуху... Твое письмо привело меня в несколько невеселое настроение: в Елец я не должен ехать, хотя и вполне могу, потому что чем-то напорчу Мещеринову[1], 25 приедешь с *мамою*[2]... Нечего сказать!.. Да, впрочем, и не 25-го, а *после* 25-го! Это когда же? Это, наверно, дней через 10–15 после него. Невесело!.. Одно хотя бы: письма твои. Но я не настолько самоуверен, чтобы на самом деле ждать их. Впрочем, *не подумай,* милая, что я и на почту не буду ходить. Почему это <2 нрзб>[a]. Разве на почте могут знать, что это мне письмо от тебя?.. Кстати, по какой-то «ассоциации идей» мне сейчас пришла в голову та история — насчет того, будто бы я болтал и рассказывал, что женюсь на тебе. Ну кому я мог говорить? Не говорил, не говорил и не говорил! — в особенности странно, что будто кому-то из *знакомых*!..

Впрочем, все это пустяки. Перечитал и понял это.

Я, милая, опять повесил нос...

Уехал я в тот же день[3], или лучше — в ту же ночь. С самых первых верст у меня заныло сердце... Не смейся, драгоценная моя, что это повторяется почти в каждом письме. Ляличка! Ведь я люблю! Ты говорила мне, что за последнее время я изменился, изменился к худшему, стал будто бы меньше любить тебя: Неправда! Говорю тем более уверенно, что в эти дни особенно сознал это. По целым дням и ночам, во сне, как живая стоит предо мною моя ненаглядная девочка!.. Не смущайся, бесценная, милая Варенька, что последняя фраза звучит несколько непросто! — дорогая моя! я в таком настроении, что сказал бы еще многое,

---

[a] Здесь письмо дефектно.

если бы не боялся, что подумаешь, что я фразирую и стараюсь только покрасивей выразиться. Как я любил тебя, когда ехал, в ту ночь. Что за ночь была! и какой хороший оттенок она придавала моему чувству... Настоящая зимняя — голубая и поразительно светлая ночь!.. Знаешь, что мне думалось, когда поезд шел мимо переезда на Воргол, где именье-то, кажется, Черникинское? Мне, право, неловко немного, но скажу: мне думалось: «Как бы я был счастлив, если бы эта усадьба <нрзб>[а], красивая и живописная, была бы, напр., моя, и мы жили бы там с Варенькой! Здорово было бы погулять ночью такою светлою, морозною, когда огни в окнах кажутся золотыми, каждый звук отдается в лесу, наполненном лунным светом, и каждая легкая тень видна далеко, как нарисованная, под голубым ночным небом»... Э, да что! Ведь скажешь, сентиментальничаю... Впрочем, нет, если любишь еще, не скажешь...

А на другой день и после как мне было грустно! Вот когда я искренно понимал, как мне будет тяжело, если ты хоть немного забудешь меня. О, моя бесценная, дорогая моя, жизнь моя, Варенька! Не делай этого, постарайся не делать этого! Хоть бы слово твое услышать! Как я ни стараюсь разубедить себя, что мы вовсе не навсегда расстались — ничего не поделаю. Деточка! *не заподозри ты, ради Христа, прошу тебя, что и сейчас-то я преувеличиваю!..*

По вечерам в особенности... Неужели ты сама не испытывала этих минут, когда так грустно и хорошо, когда, по выражению Гейне, «всю душу обвевает и уносит куда-то мучительное счастье молодости и любви»[4]? Ощущение такое бывает, когда, напр., слушаешь чудную, грустную музыку!..

Варенька! Бесценная! подумай о нашем будущем. Реши определенно, будешь ли ты моею женою. Я бы, как собака, работал, что<бы> ты была покойна, чтобы ты любила меня!.. Милая, бесценная моя! Как бы я хотел обнять тебя! Не глумись, Варюшечка, над моими «излияниями». Право, искренно.

С Б<орисом> П<етровичем> пока еще очень тихо, хотя работой меня заваливают уже. Кругом, напр., голова пошла, когда пришлось, напр., составлять статью о *мукомольном* деле (!), в котором я понимаю столько же, сколько свинья в апельсинах; а потом «крестьянские кредиты», а потом «народные чтения», «садоводство»[5] и т.д. А дневники[6]! Черт ногу сломает! Посылали уже в думу, так что был в театре только раз, вчера. Заметка о нем в 17 №[7].

Но служить, думаю, можно и буду.

Ну так как же? Приедешь? Напишешь? Пиши на «Бардино». Числа 20-го я хочу съездить в деревню.

Напиши![8]

Получила карточку?

Поедешь к Турбиным[9]?

Целую тебя крепко, до боли крепко.

Весь твой И.Бунин.

[а] Здесь письмо дефектно.

46. В.В.ПАЩЕНКО

17 января 1891. Орел

Вернувшись с «Горя от ума» —
— следствием чего разговариваю стих<ами>.
17 января
около 12 ч. н<очи>

Голубчик Ляличка! Позволишь мне чуть-чуть
Посплетничать?.. Ей-богу, удивленье! —
Тут[а] *новая чета* подверглася «глумленью», —
Уж Травиной[1] теперь нас нечем упрекнуть
    Представь — воочию у нас свершилось чудо!
    Сама теперь сидит по целым вечерам
    Запершись наверху... где, если помнишь, нам
    Бывало тоже ведь не худо...
Да не одна! — Все Померанцев с ней!
Он с каждым днем все чаще и смелей
После обеда к «нам» (!) заходит
Уходит вечером[б] туда, где «потеплей»*
    И глаз не сводит!
    Она... я не могу сказать
    И не настолько я скотина,
    Чтоб, что-нибудь решиться утверждать
    Или лукаво намекать,
    Какая этому причина,
А только думаю, что тут
Не о погоде речь ведут!..
    К тому ж — история!.. На днях
    (Я говорю уже серьезно)
    Наш Померанцев *весь в слезах***
    Явился ночью уже поздно
И прямо к «Борьке»[2]... Тот сидит
И, всей коротенькой качаясь фигурой,
Спокойно дремлет с корректурой...
    Вдруг Померанцев тормошит:
    — «Борис Петрович! ради Бога!..»
    «Что, что? Вас черт сам не поймет».
    — «Она... послушайте ж немного!..
Она кричит: *«найду исход!»*
«Что за исход? И кто она?»
— «Ах, Боже мой! — да Травина

---

* Холод у нас опять ужасный.
** Не думай, что для рифмы сказал.
[а] Первоначально: теперь.
[б] Зачеркнуто: А вечером уйдет.

Мы с ней в театре толковали...
Она сначала ничего была...
Потом... мы говорить начали...
Ну... и расплакалась, вскочила и ушла!
Мне, говорит, найти исход придется»...*

В самом деле, Варенька, история! Все это — факт! Сидят по целым вечерам вместе, потом этот «исход»! Какой исход и из чего исход — мы определенно не знаем, но, по словам Померанцева, она могла отравиться. Определенно он тоже ничего не сказал, а на утро даже и заминал об этом разговор. Она же стала страшно хмурая, раздражается до слез самыми пустяками и т.д. Бог их знает что! Думаем только, что что-то вроде начала любви.

Прости мне, драгоценная моя, это сообщение. Помни, что не глумлюсь и говорю тебе это как человеку, с которым всем хочется поделиться.

Впрочем, об этом будет...

О чем же еще? Работаю и, к моему удивлению, не ленюсь. Борис Петрович пока страшно дружественен. Нового тут, кроме рассказанной истории — ничего. Ведь ты знаешь, как поразительно однообразна редакционная жизнь. Да! Театральное искусство процветает! Каждый день рисую на громадных картонах декорации, печатаются афиши, напр., следующего содержания:

Театр.

Вокруг Света[3]
Мужик — Васильев[4]
Девочка — Черногорский
Барин — Черепанов[5].

Роль девочки играет Вадя под таким подходящим псевдонимом! Каждый вечер просто стон стоит в столовой!.. Что же касается нашего «театра взрослых», то в нем теперь совсем недурно: как ты уже видела, наверно, из моих «дневников»[6], Рощин-Инсаров играет превосходно[7]. Послезавтра первый спектакль *Иванова-Козельского*[8]. Этот пробудет долго... Люблю тебя по-прежнему и скучаю минутами страшно... Варюша! Милая! Думаешь ты сейчас обо мне? Нет, должно быть... Если бы можно было, чтобы каждая моя мысль, каждое ощущение долетали до тебя!

Людские так грубы слова,—
Не скажешь — лишь сердце измучишь!..[9]

Варюшечка! бесценная! Невесело мне!..

Весь, ей-богу, весь твой
И.Бупин.

---

* Импровизация к черту! Не рад, что затеял... Ведь это наслушавшись стихотв<орного> говора в «Горе от ума».

47. Ю.А.БУНИНУ

Начало февраля 1891. Орел

Милый братка!

Места я еще не нашел. Поставил объявление, ходил в Статистическое бюро к заведующему — Евдокимову[1], — он сказал, что теперь он не может дать мне работы, но что в марте, вероятно, даст, так чтобы я приготовил бумаги. Объявление еще не принесло результатов. Затем есть еще надежда на корректорство: в типографии Зайцевой[2] служит корректором один молодой еврей, некто Цадиков, знакомый мне и Варе. Она встретила его недавно и он сообщил ей, что вскоре уезжает, так что его место будет свободно. Сейчас я иду к его родным и узнаю окончательно. Все-таки плохо дело!..

У меня гвоздем сидит в голове неисполнимая мечта: Над<ежда> Ал<ексеевна> сообщила мне, что продается за 1200 рублей право на издание «Смоленского вестника»[3] и уговаривает меня поехать в Смоленск, узнать об этом окончательно, узнать, не найдется ли два компаньона-пайщика и затем искать 400 рублей. «Я, — говорит она, — знаю, что дела "Смоленского вестника" не особенно плохи, так что Вы могли бы в скором времени отделаться от компаньонов»... Только где же я могу достать эти 400–600 рублей?.. Не думаю, что это ерунда: ведь это дало бы мне и дело хорошее, любимое, интересное и обеспеченное более или менее положение, — словом, моя бы жизнь обновилась! И никто, никто не поможет! Неужто я до сих пор мальчик, неужто я так глуп, что мне нельзя ничего доверить и можно только ожидать, что я способен только шарлатанить? Упрекают меня, что я бездельник, что я шарлатан и т.д. А упрекать-то было бы хорошо тогда, когда мне кто-нибудь помог, поставил мало-мальски на дорогу... Вот если бы и тогда я оказался шарлатаном и мальчишкой — тогда дело другое!

Умоляю тебя — подумай об этом, напиши что-нибудь по этому поводу мне, посоветуй!..

Я перешел на другую квартиру. Плачу теперь за комнату, за обеды и ужин 16 рублей. Остальное все — чай, керосин, прачка — мое. Такая цена мне лучше: без чая-то можно посидеть. Адреса дома еще не знаю, знаю только, что живу на Введенской[4]... Поэтому пиши (***поскорее!***) на библиотеку «Орловского вестника», на мое *имя*.

48. Ю.А.БУНИНУ

Середина февраля 1891. Орел

Места я, Юринька, пока не нашел никакого. Надежда на корректорство лопнула. Ходил я к Потемкину[1] некоему, который состоит начальником Витебского управления, и просил места. Сказал, что может быть... подумает... Не знаю, что делать.

А тут еще такая история, что хоть на осину! Буквально волосы дыбом становятся! Дело в том, что, как ты знаешь, я имел глупость... или даже, если хочешь, подлость заложить у братьев Захаровых двое часов (и стоят-то всего новые — обои — 15–18 рублей). Часы пропали... и вот вчера получаю опять открытое письмо: «Г. Орел. Ред. “Орловского вестника”, для передачи Ивану Алексеевичу Бунину. Прошу Ивана Алексеевича Бунина возвратить нам взятые у меня и у брата Валерия двое часов, взятые обманом, или, если они заложены, прислать квитанции. Егор Захаров».

Каково? Что делать? Господи! Да неужто вы, господа, только ругать меня способны целый век? Ей-богу, пожалеть можно!..

Пришли мне, если можешь, 2–3 рубля. Буду глубоко благодарен. Адрес для письма на библиотеку «Орловского вестника»... Прощай.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

P.S. Смотри, *не* напиши Варе о часах. Она считает, что это — ложь, только выходка с целью опозорить меня.

Пиши, ради Бога![a]

49. В.В.ПАЩЕНКО

2 марта 1891. Орел

Вечер 2-го марта.

Был у мамы[1]. Приехал раньше и дожидался ее. Когда же она вернулась и пошла в свою комнату, я догнал ее и попросил позволить сказать с нею хотя несколько слов. «О чем это еще?» — спросила она сперва сухо и недовольно; но потом, когда увидала, что я действительно пришел измученный, как собака, переменилась. Говорили мы очень долго, часов около 2-х без перерыва. Она главным образом упирала на то, что я не сказал ей о происшедшем сразу[2], говорила, что хотя и не считает меня за нечестного человека, но все-таки не может относиться ко мне *вполне* по-прежнему и в конце концов сказала, что я должен навеки забыть этот момент, бывать у вас в доме хотя бы даже из-за того, чтобы внезапным разрывом не дать повода к различным толкам, и главное, — относиться к тебе чисто по-дружески и подальше. Я силою обстоятельств принужденный со всем соглашаться, вполне согласился и с этим и ушел от нее как человек близкий более или менее для нее. Она даже в конце советовала мне заниматься получше, давала советы... После прощанья мы оба искали пить воды (видишь — как мирно), но не нашли и расстались. Не знаю, действительно ли она теперь настроена против меня мирно или это только, с позволения сказать, маневр: *она хочет убедить нас, что это действительно одна глупость, хочет своим*

[a] Приписано в начале письма.

спокойствием показать, что она беспристрастна и сделать нас действительно далекими... Между прочим, говорила, чтобы я отнюдь не искал свиданий с тобою — ну встретимся когда-нибудь и ладно, — можем быть дружны, можем говорить, *но только в том случае,* если оба поручимся, что сумеем удержать в себе порывы хотя бы на маленькую интимность. О том, что я могу рассчитывать — жениться на тебе хотя когда-нибудь — ни слова. Она говорит, что вполне убедила тебя; ты согласилась с ней, что действительно и думать нечего о нашей женитьбе: во-первых, говорит, что могут сказать добрые люди, когда узнают, что Пащенко выдали свою дочь за «мальчика» без всяких средств, без положения? во-вторых, ты не любишь, не можешь меня любить, потому что я был в твоих глазах всегда все-таки *мальчик, далеко неровня тебе и т. д.* Так ли все это — вопрос щекотливый и его лучше следует оставить втуне. Ну мальчик, ну глуповат, ну неровня — что же делать?..

Не могу надеяться, чтобы ты думала обо мне таким образом *прежде,* но не могу не сомневаться, что *теперь* ты думаешь так: мама говорит, что она «открыла» тебе глаза и ты вполне согласилась. Да ты если и не вполне согласилась, то согласилась отчасти: ты решила порвать со мной почти все, стать для меня не моею милою, а только хорошею знакомою. Неужели это возможно при любви? Неужели возможно для этой любви, чтобы она никогда не выразилась в ласке, в близости, в счастье поцелуя?.. Не думай, что я могу разлюбить тебя от этого, но мне крайне, крайне тяжело лишиться если не всего, то многого. Избави тебя Бог думать, чтобы я позволил себе требовать или *просить тебя против твоего желания* быть со мною не только близкою знакомою, но и моею милою. Но, повторяю, не могу же я не тосковать об потере этого, не могу быть спокойным и радостным, когда у меня отрывают частичку моего сердца. И неужели это не одиночество — не видеть тебя, знать, что меня никто не осчастливит ласкою, знать, что я буду должен по целым месяцам или хоть неделям работать, быть вечно одному и видать тебя только редко-редко, да и то при всех, не сказать тебе *прежнего* слова?..

Не думай, что я хочу вызвать сожаление: избави меня Бог!.. Я прежде тебя говорил, говорил не раз, что мог бы тебя любить, даже зная, что ты меня не любишь так, как я. Но подумай — как могу я отказаться теперь от счастия, которое уже я узнал, которое стало для меня необходимостью, — как могу я отказаться *спокойно?* Если ты меня любишь, ты поймешь, что даже любя, любя искренно, считая за счастие даже симпатию любимого человека, нельзя не мучиться о потере того, что уже было. Закатывается, деточка, мое солнце! Должно быть, это был сон...

Я заснул — глубок был сон целебный
И прекрасно было сновиденье...

Смолкли жизни темные угрозы...
Снилось мне... Не помню, что мне снилось,

3 — 8284

Но в глазах дрожали *счастья слезы*
И в груди *желанье* счастья билось...

А ведь может быть и хуже: *постепенно охлаждая себя ко мне, стараясь быть все более и более далеко от меня, ты можешь убить чувство.* Время все может убить, в особенности при старании...

Поверь, что как я ни буду мучиться, как я ни буду томиться страшным одиночеством, я не надоем тебе. Вот уж началось: может быть, у меня сейчас сердце разрывается — *да, разрывается!,* может быть, я плачу, как мальчишка, я уж пересиливаю себя, я уже переношу тягость не видать тебя, когда мог бы...

Ну да будет... всего, деточка, не расскажешь да, ей-богу, и возможности нет!

50. В.В.ПАЩЕНКО

Не позже 6 марта 1891. Орел

Хозяйка уезжает завтра, — следовательно, и я могу съехать завтра. Приходи, значит, на Введенскую[1], — да пораньше! — очень соскучился. Сегодня был у Аб[2], ходил с Р.Л. к Берчанским[3]. Сейчас иду на Пуховую[4]. О результатах всего этого расскажу, — надо потолковать серьезно. Дома буду к 5 часам обязательно. Приходи же, зверочек!

У меня есть «Рассказы» Чехова[5], о которых я тебе говорил. Хочешь — почитаем?..

Весь твой И.Бунин (каково?)
а?

51. В.В.ПАЩЕНКО

6 марта 1891. Орел

1891 г. 6-го марта 1/2 пятого.

Когда я простился с тобою и пошел домой, я был совсем спокоен. Слишком я верил в эту минуту в твою душевную близость и любовь ко мне; верю, ей-богу, верю, Варя, и сейчас в это, но настроение изменилось. Это, конечно, и я и ты знали заранее, но я обещался тебе писать все и потому буду писать даже совсем мелочи... Напр., знаешь, как и в какой момент мне стало страшно жалко и тебя и всего моего времени с тобою? — Когда я пришел, я сейчас же бросился к работе, к газетам, и почти до самого обеда только и думал о них, совсем был спокоен. Потом, сидя за столом, глянул как-то на книжку «Наблюдателя» и вдруг, поразительно вдруг, вспомнил, что ты уже на вокзале, что я тебя не увижу, что прошло безвозвратно наше время в Орле, наши свидания у Аб и в библиотеке. А ведь, — ты помнишь, — все брала там «Наблюдатель», — по крайней мере, в последний раз я застал тебя с ним. «Понимаете, история-то какая?»

Автограф письма к В.В.Пащенко.
Не позже 6 марта 1891 г.

А вот сейчас <нрзб>[а] на столе развернутая папка с «Орл<овским> вестн<иком>» за октябрь и на нем то, что пишу тебе. Пускай думают, что я пишу «дневник»[1] какой-нибудь... Дневник, да не тот. У меня сейчас вовсе не «Орл<овский> вестн<ик>» в голове. Мне страсть, как грустно и хорошо; все напеваю кусочек из «Кто нас венчал»[2], и он мне ужасно нравится... Кто-то нас венчал, дорогая моя? Нас венчает, нас соединяет хорошая, молодая любовь, симпатия, нас соединяет все то светлое и поэтичное, что навевает нам память и думы друг о друге, память о наших лучших минутах! Это не фразы! Если бы это были фразы — значит мы не любим друг друга: если нет в любви высоких, поэтических минут, она не любовь!

Хотелось бы мне побыть одному, уйти в поле, чтобы поле зеленело первыми зеленями, чтобы чернела местами талая земля, чтобы даль синела по-весеннему... Хотелось бы мне там думать о тебе, деточка, милая, дорогая моя! думать, перебирать все время нашей любви с самого начала... Как оно дорого мне!

Помни, Варя, что даже если и не суждено нам остаться навсегда близкими, это время будет самым светлым утром, по крайней мере, в моей жизни. Я бы хотел, чтобы и ты так думала про себя...

Вот еще что: я хотел бы, чтобы <не> было натяжки в наших чувствах, чтобы ни над чем не могли мы улыбнуться впоследствии.

---

7 часов.

Давеча мне не дали писать еще корректурою.

Теперь сижу в своей комнате. Ужинать я не стал, и потому мой день почти кончен. Скоро спать лягу: нездоров. Хочу спросить еще вот что: послать или нет тебе «официальное» письмо, о котором говорил тебе давеча у Аб в передней, письмо с просьбой «забыть, простить» и т.д. Если бы мама[3] его взорвала, — хорошо, ну, а если оно попадет утром к Вл<адимиру> Егор<овичу>[4]. Как думаешь? Кстати сказать, что это мама вчера у Хлебниковой[5] была страшно холодна со мной. Ведь когда вы были в редакции, она была со мной ничего.

Прочти, пожалуйста, <нрзб>[б] стих<отворение> Фофанова в последнем нумере «Звезды»[6]:

Ночка белая,
Ночка вешняя,
Не гляди ко мне
В мою горенку!..

[а] Здесь текст дефектен.
[б] Здесь письмо дефектно.

Прелесть!.. Так и представляется какая-то милая, добрая девушка; думает она у открытого окна, а ночь теплая, апрельская, не лунная, а светлая... Ну да ты сама поймешь. Право, хорошо. Сентиментального тут ничего нет. Прочтешь? — Да, я уверен. Вот сейчас мысль о том, что ты исполнишь все, что я говорю, даже в пустяках, доставила мне большое удовольствие. Голубчик, деточка! Ведь это твоя кротость, твое «послушание» больше всего, лучше всего говорит мне о твоем нежном отношении ко мне. *Я это ценю страшно!* Я тебя уважаю за это, я уважаю в тебе это благородное чувство, — ей-богу, оно благородно...

Сейчас лягу спать. Как допишу, достану твою карточку (ту, которую люблю) и твои детские портреты и все перецелую. А тебя самое обнимаю, целую крепко-крепко, моего ангела, хоть заочно. Что-то ты в эту минуту делаешь?..

Не грусти, радость моя, не печалься, Варенька, *ни о чем,* — <нрзб>[а]

Твой, весь твой И.Бунин.

Пиши, ради Христа, скорее, все, все!

52. В.В.ПАЩЕНКО

7, 8 марта 1891. Орел

1891 г. 7-го марта 1/2 второго.

Проснулся часов в восемь, исполнил твой совет — поцеловал твое дорогое личико на карточке; потом, разумеется, вышел в редакцию и занимался до одиннадцати часов. Послал тебе письмо. Бор<ис> Петр<ович> ужасно весел и потому в доме царит «светлый дух». Ездил с ним на Болховскую[1], взял себе из библиотеки том Гете и первый том исторических сочинений Соловьева[2] — разумеется, не шарлатана — Соловьева[3], романиста из «Нивы», а его отца. В томе Гете есть «Вертер» и письма из Швейцарии[4]: буду наслаждаться чудными описаниями природы...

Пообедал, посидел с Б<орисом> П<етровичем>, он играл мне «Белые ночи»[5]. Поиграй и ты их, вспомни меня.

Сейчас вот сел писать тебе. Дети ужасно мешают. Выпроводил их и запер дверь на щеколду. Был у меня Илья Сергеевич[6], должно быть, нынче вечером переедет ко мне.

Вот и все <нрзб>[б]. Неинтересно? Ну да ничего. Для *тебя* ведь интересно?

Еще вот что могу сообщить: здоровье мое много лучше, — грудь совсем не болит, кашель небольшой и легкий.

Надумал непременно на днях поехать верхом за город: возьму напрокат. В Орле есть лица, дающие выезженных лошадей по часам. Ничего?

Сейчас сделаю папироску и лягу с Гете.

[а] Две последние строки дефектны.

[б] Здесь письмо дефектно.

9 часов.

Сейчас вернулся от Кат<ерины> Алек<сандровны>[7] и хотел тебе написать. Но посылают в думу[8], на заседание[а].

Без десяти минут 1 ч. ночи.

К Катер<ине> Алек<сандровне> попал отчасти по желанию, отчасти случайно. Был в библиотеке часов в 6, брал некоторые старые газеты, и встретил Вл<адимира> Мих<айловича>[9]. Он меня уговорил пойти к ней. Там обычная компания, или нет — не особенно обычная: были, кроме Жедринского[10], Еф<им> Львович[11] и Рокотов. Кат<ерина> Алек<сандровна> невесела, расстроена, разозлилась на ерунду, которую мололи все, взяла меня и увела в зал. Там на мой вопрос, чего она расстроена, она мне сказала, что «глубоко оскорблена людскою злостью» и передала мне всю подробную историю своего горя, все про своего мужа. Он, кажется, действительно или дрянь, или «тряпка», или, вернее всего, скверная тряпка. Как же такое, бросить человека для женщины, которую не любишь как следует, бросить без всякой борьбы, разорвать в какой-нибудь месяц десятилетнюю жизнь с женою. Бедная и милая Кат<ерина> Александровна!.. Ну что еще? Да, вот новости: приехал к нам из Вологды молодой человек, — выписали его для корректорства, и обращают на него такой нуль внимания, что он уже два дня буквально не вставая сидит в конторе перед столом и не знает, что делать: никто ни слова; а он — робкий, молодой, вологодский выговор, длинные волосы, совершенно такого цвета, как у Евг<ении> Вит<альевны>[12]...

Кстати о Евг<ении> Вит<альевне>. У ней история с гувернанткой: Евг<ения> Вит<альевна> попросила немку отправить два письма. Немка взяла, сказала, что отправила. И вдруг сегодня Евг<ения> Вит<альевна> нашла у ней за кроватью эти письма: одно взорвано, а другое расклеено, прочитано и опять заклеено. Марки, разумеется, пошли в пользу отправителя. Хороши гадости?

Ну, пока до свидания, голубеночек мой, деточка, хорошая моя! Боюсь я, что надоел тебе такими подробностями своего «существования»...

Утомлен я ужасно (почти до часу томили г.г. гласные). Сейчас лягу спать. Покойной ночи, бесценная моя! Целую твои губки, ручки, щечки, «глазы», лобик... все, все, ножки даже, за которые ты, ей-богу, не знаю почему, сердишься. Не думай, что я притворялся, когда целовал их: не помню, Варя, чтобы я когда обманывал тебя в своем чувстве.

Как бы хотел я сейчас сказать: «Варюшечка, милая, обними меня покрепче, покрепче!» Как бы я хотел заснуть с тобою, в твоих объятьях!..

Глубоко уважающий тебя и любящий

И.Бунин.

Пиши! Напиши хоть что-нибудь[б].

[а] Этот абзац в письме написан карандашом.

[б] Здесь письмо дефектно.

1891 г. 8-го марта Около 8 часов утра.

Не могу не сообщить тебе крайне тяжелого для меня известия. Сейчас Б<орис> Петрович> принес мне письмо; оно оказалось от брата Евгения[13]. Он пишет из Ельца, только что вернувшись из Москвы. Там осталась Настя, его жена; она едва жива; она и прежде бывала больна, но теперь дело приняло крайне дурной оборот. Евгений приехал только для того, чтобы взять ей из Елецкой полиции вид на жительство. В конце письма он говорит: «Жизнь моя, милый Иван, как есть вся расстроена и испорчена»...

Как думаешь, хорошо? Он, деточка, никогда не фразирует. Я просто заплакал над этим проклятым письмом... Господи! Если бы ты была со мною!

Твой И.Бунин.

53. В.В.ПАЩЕНКО

8, 9, 11 марта 1891. Орел

1891 г. 8-го марта около 12-ти часов ночи.

Варюша! Хорошая моя! бесценная моя! Прежде всего — люблю тебя! Это для тебя не новость — но это слово, ей-богу, рвется у меня наружу. Если бы ты была сейчас со мною! — Какими бы горячими и нежными ласками я доказал бы тебе это! Я бы стоял пред тобою на коленях, целовал бы до боли твои ножки, я бы прижал тебя всю-всю к себе... я бы не знаю, что бы сделал. Не думай только, мамочка, ангел мой, что во мне говорит только страсть: нет, ты друг, ты мой бесценный, милый, близкий человек!..

Не удивляйся моим словам, моим излияниям. Мне страшно грустно о тебе, я хожу, как покинутый всеми. А покинула меня только ты одна, но ты для меня значишь больше, чем все, кто бы ни был со мною...

Ну я, напр., даже не знаю — что ты сейчас делаешь, где сидишь, о чем думаешь... А я сейчас только от Хлебниковой. Утром, т.е. часов <в> 12-ть (пообедал немного раньше, я и Б<орис> П<етрович>, — виноградом) был в библиотеке, встретил там Турчанинова[1]; с ним мы пошли гулять. День был замечательный: тепло настолько, что, кажется, можно гулять в одной рубашке; облака веселые, летние... На Болховской сухо, народу много... Воротившись, я принялся за работу и, разумеется, сидел до половины восьмого. Тут пришел Илья Сергеевич и уговорил меня поехать к К.А. Поехали. Нового там ничего, интересного тоже. К тому же я как<-то> невольно «хандрил»... Вот тебе и весь день.

Новости такие: переехал ко мне Илья Серг<еевич>. Накануне он ночевал вместе с Турч<аниновым>, Жедр<инским> и каким-то Шелеховским в «Берлине»[2]. Турч<анинов> умирал со смеху, рассказывая про И<лью> С<ергеевича>. «Велел, говорит, разбудить себя лакею в 8 ч. Я проснулся как раз к восьми и толкаю его: “Илья Сер<геевич>! Ил<ья> Сер<геевич>! Вставай, пора!”

— Что?
— Вставай!
— К черту! Я велел себя лакею разбудить! А ты чего лезешь?»...
Потом лакей приносит штиблеты. Илья Сер<геевич> уже задремал снова.
— «Барин! Штиблеты-с принес».
Опять грозное: «Что?»
— «Штиблеты-с»...
Илья Сер<геевич> неизвестно почему и отчего как гаркнет на это:
— Животное! *Мои с рогами!*
Мы, рассказывает Турчанинов, со смеху померли... Должно быть, И<лья> С<ергеевич> хотел этим сказать, что его штиблеты с узкими носками...

Но это в сущности не новость, а пустяки. Представить себе, Варя, не можешь, какая у нас история: немка, кроме писем, еще две рубашки стащила у Н<адежды> А<лексеевны>, спрятала их к себе в корзину, корсет Евг<ении> Вит<альевны> и намеревалась заглянуть в ящик с деньгами: у ней под подушкой нашли один из ключей, которым запирают этот ящик. Когда ее стали спрашивать, как попали к ней рубашки, она смешалась и сказала, что «смешала» с своими. Б<орис> П<етрович> говорит, что это ерунда уже потому, что Н<адежда> А<лексеевна> носит оригинальные рубашки: без выкроенной груди...

До завтра, бесценная моя! Надо еще написать Евгению[3]: страшно жаль и его и Настю.

---

9 марта.
2 часа.

Главный интерес сегодняшнего дня — процесс Б<ориса> П<етровича>[4]. Все мы только что вернулись сейчас из суда. Я, разумеется, показал все до пустяков, как было... Дело отложено до окончательного разбора, когда явятся еще некоторые свидетели — со стороны афишера[5]... Пойду обедать...

Вечером поздно.

Сейчас вернулся с прогулки. У нас теперь занимается (пишет катал<ог> франц<узских> книг) гимназист — автор «той» исторической повести, — так вот я с ним пошел. И ночь же хороша! — Месяц высоко стоит над городом. Ночь как-то по-весеннему свежа и прозрачна. Подходили к городск<ому> саду, видели как между его деревьями стоял легкий голубоватый туман, скорее похожий на густой лунный свет. На другой стороне города, которая неясно белела под месяцем, сверкали (буквально) золотые огни, слышался затихающий шум... Когда мы гуляли по бульвару, гимназист все напевал какую-то французскую шансонетку, говорил мне, «что это очень маленькая музыкальная вещь», — вообще держался неестественно, да я и не злился: мне было хорошо;

хотелось посвободнее раскрыть пальто, идти бодро и легко по сухой дорожке бульвара, не отрываясь глядеть на месяц среди светлых, ночных облаков... Сейчас уже часов двенадцать и моя Варенька, должно быть, спит уже; я мысленно, ей-богу, с нею, в ее комнатке. Там, должно быть, хорошо: месяц с дальнего синего неба ласково глядит в окна; <комната ?> наполнена лунным светом...

Как бы я хотел прийти, сесть около нее на кровать, поцеловать ее ручки, поговорить с нею потихоньку... Милая, дорогая моя! покойной ночи...

---

11 марта.
Утром.

Вчера утром я ходил на почту и, разумеется, ничего не получил. Это было неприятно. «Да я ведь ради Бога просил, — думал я, — быть во всем, во всем откровенной. И если не надеяться писать, зачем говорить?» Поэтому я и не писал ничего целый <день> — конечно не потому, чтобы сильно разозлился, а так — настроение на некоторое время упало. Часа в четыре был с И<льей> С<ергеевичем> у Хлебниковой: одна и скучает. От Хлебниковой зашел купил себе шапку, скверную, ибо в затруднительном положении был: картуз не велено и шляпы тоже... От Ховайло[6] (шляпн<ый> магаз<ин>) пошел к Аб. Роза Львовна играла мне все наши пьесы. Просидел часа четыре, затем ушел*. Вечером рано лег спать. Сегодня получил твое письмо. Отвечу на него по пунктам: Дневника я от тебя и не ждал, а получить мне твое письмо — ты, конечно, знаешь, приятно или так себе.

Переписывать статью — напрасно не переписываешь, если только не скучно: я дал ее вовсе не для того, чтобы «утешить тебя».

Затем ты говоришь, что мы еще долго, долго не увидимся. Раиса Львовна[7] говорит, что ты обещалась скоро приехать. Правда? Я же могу приехать на денек на третьей неделе, в начале[8].

Затем — про мое развитие: ты говоришь, что *уйдешь от меня, если я буду складывать руки*[a]. Что же я сделаю. Я мог бы писать, если бы *был свободен*. А откуда свобода? В деревне мне жить, во-первых, скучно, а во-вторых, — не хочу сидеть «на шее». Следовательно, надо работать не в «Орл<овском> вестн<ике>», так где-нибудь. А когда у меня целый день забита голова посторонним, когда у меня нет минут для «свободных мечтаний» (не смейся — в поэзии это главное) — как я буду писать?

Если же ты уйдешь — у меня потухнет даже все; тогда уже совсем темная, будничная жизнь... И неужели я тебе дорог не как человек, а как литератор с более или менее известной фамилией?..

---

* Маленький вопрос: ведь ты 2 р. у ней брала? <нрзб> два.

[a] Подчеркнуто карандашом.

Право, в одном слове сказать, кто и что виноваты, что я приостановился — трудно. Я сознаю это, но думаю все-таки, что это временное. Может отчасти и самонадеянность помешала: ведь я, начавши писать, так сказать, с литературных азов, через полтора года попал в настоящую <литературу> (<нрзб> в толстый журнал)[9]. А теперь, правда, дело идет туже.

Право, я сам, деточка, не раз думал об этом, не раз мучился. Может быть, в будущем будет посветлей.

Прощай пока, надо отправить письмо. Напишу еще раз по этому поводу.

Еще раз прошу тебя *писать письма только когда очень хочется:* не хочу натяжки! Я все, все, каждое твое движение души *должен* знать.

Целую тебя.

Твой И.Бунин.

P.S. Немка уехала.

Поцелуй Володю, милого и благородного Володю. Ему напишу. Разве моего первого письма он не получал[10]?

Пиши прямо на редакцию: никакого нет затруднения.

54. В.В.ПАЩЕНКО

29 марта 1891. Орел

29 марта.

Прости мне, милая Варя, — но должен сказать тебе откровенно, что все мое хорошее и радостное чувство любви к тебе сразу расстроилось, когда я начал читать твое письмо от 22 марта. Что за тон? — Какой-то не только холодный, но даже раздраженный... «Не бойтесь пожалуйста, будьте покойны... даже не нуждаюсь знать Ваших писем»... — Вот какой тон. К чему и за что он? За что ты преднамеренно настраиваешь себя против меня? Даю тебе честное слово, — если не веришь иному, — никаких секретов от тебя я даже *не желаю* иметь, и письмо, которое ты прислала, я с удовольствием дам тебе прочитать, не потому, разумеется, что ты интересуешься им, а чтобы доказать, что ты ошибаешься. Те же письма, где затрагиваются дела, напр., Евгения, человека очень скрытного, я не *имею права* показывать... Не подозревай меня, милая, хорошая моя, что я хочу быть далеким от тебя. Искренно говорю, — избавь Бог от этого!.. Затем — как понимать выражение: «Написала бы еще что-нибудь, да думаю, — будет с него». А я вот думаю, что мы с тобой при писании писем должны «руководствоваться» собственным желанием, потому что когда я, например, пишу, — мне *самому* приятно поговорить с моею дорогою девочкою. При конце письма можно говорить: «будет с *меня,* а не с него»... А то ведь это похоже на то, будто мы друг другу милость оказываем... Вообще от этой фразы у меня осталось впечатление, несколько похоже на впечатление от твоего первого письма ко мне, в Орловскую гостиницу. Если мы сошлись, если мы любим

друг друга, то не должны смотреть свысока один на другого. «Вы, мол, меня любите, ну а я... будьте довольны, если я Вам руку позволю поцеловать или буду с Вами ласкова хоть час»... Что ж, я, ей-богу, никогда не был нахалом и могу довольствоваться с известным «переломлением» себя и такими вещами, но ведь это будут уже *другие,* очень не дружеские и не близкие отношения. Неужели ты их хочешь?

Оговариваюсь, впрочем, — *если все это шутка* с твоей стороны, то *я все* свои слова беру назад и, *ради Бога, прошу не принимать их в расчет.*

55. Ю.А.БУНИНУ

Конец марта 1891. Орел

Милый, дорогой Юринька! Когда я получил твое письмо, я был еще совсем болен, начал тебе писать письмо и не кончил! Теперь могу написать тебе все; в том начале выходило все чересчур болезненно; теперь уже как-то одеревенел и могу написать спокойно.

Прежде всего — верь всему, что напишу, верь моей глубокой искренности. Иначе брось мое письмо к черту.

Кажется, до самого последнего времени я понимал свое положение не так, как теперь. Сперва я понимал его только «умом», не задумывался, относился легко. Но когда накопилось всего уже чересчур много, я почувствовал...

Скажи, пожалуйста, — неужели ты думал, что я на самом деле такая скотина, что не понимаю, насколько страшно я запутался? А я, брат, запутался. Прежде всего я понял, что мое образование кончено. Теперь я уже никогда не приготовлюсь и в ноябре буду солдатом[1]. Сознаю, что это гадость, слабость, — но ведь я сам — эта слабость — и, следовательно, я мучился и мучаюсь ***вдвойне***. Вдумайся. Затем кое-что помельче: где мне жить? Дома? Бедность, грязь, холод, *страшное одиночество* — раз. Глядеть в глаза семье, перед которой я глубоко виноват — тяжело, страшно тяжело — два... Следовательно, как я поеду туда? Да я и так там не был с декабря. В редакции — работа проклятая, сволочи они оказались при близком сожительстве — страшные. Я сам думал, что не буду работать, буду лениться иногда. Вышло иначе: я работал, как никогда в жизни... Ты удивишься, не поверишь, — я и сам не верил. Но поборол себя. И в награду за это придирки, кричат как на сапожника, устраивают скандалы из того даже, если я пойду вечером в гости... Да что — не расскажешь. Я говорил Лизе.

Затем — перед тобой свинство, затем эта любовная история. Вдумывался, образумливал себя, говорил себе, что мне уж видно не до любов<ных> историй — нет, не могу забить себя. А разве я могу жениться? Мне даже приходится не видать ее черт знает по скольку.

В конце января я был в Ельце. Там, желая проехать домой и не смея, не имея даже возможности вследствие безденежья, я дошел черт знает

до чего. Когда я поехал в Орел, я был совсем больной, я плакал навзрыд в вагоне и наконец около самых «Казаков»[2] выскочил из вагона, с платформы. Убился не особенно и был приведен стрелочником в вокзал. Тут расспросы жандарма, скотина начальник станции. До вечера один-одинешенек я проревел в дамской комнате. Даже соображение совсем ослабло. Вечером меня препроводили в Елец. Там я пролежал у Пащенко дня четыре; желчь разлилась ужасная. Воротился в Орел — скандал, ежедневные упреки в том, что я целую неделю был в отсутствии. Я опять разболелся. И надо было через силу работать. Плохо, смутно прошел февраль. В конце февраля мы, т.е. я, Варя и ее мать, поехали в Елец. В вагоне ночью у меня болели зубы. Я лег, и Варя стала укрывать меня пледом и целовать меня, ласкать. В это время подошла ее мать! Мы, разумеется, не стали отрицать. Разумеется, на другой день вышел скандал...

Главным образом она возмутилась, что мы не сказали ей всего сперва, сначала... Но это все ты, пожалуй, сочтешь пустяками... Денег у меня теперь нету. Рублей 40 будет только к Святой[3]. Хорошо все? Комментировать подробнее все сказанное — не могу даже. Прощай пока. Я теперь, брат, чувствую себя настолько несчастным, настолько погибшим, что не могу ныть: все это слишком серьезно. Только скажу одно: я страдал за два послед<них> месяца так, как, может быть, не буду во всю жизнь. Хочешь поверить — верь, хочешь пожалеть хоть немного — пожалей, брат. Ну да будет (см. на об.)

И.Бунин.

После Ельца я шлялся целый день за городом и страшно простудился. Теперь у меня болит грудь, кашель — Л<изу>, следоват<ельно>, видеть не могу.

Пиши на Елец. С редакцией разошелся, когда уже было написано это письмо. Вышла громадная ссора из-за моих заметок о «Моск<овских> ведом<остях>»[4]. Они страшно боятся цензуры. Б<орис> П<етрович> в конце концов сказал, что он даст мне в «рыло». Он бешеный, прямо-таки больной, но я не мог снесть — уехал. Еду домой!

56. В.В.ПАЩЕНКО

4 апреля 1891. Елец

Зачем ты упрекаешь меня, драгоценная моя! Мог ли иначе поступать, могу ли я рассуждать, я делал все почти бессознательно. Ведь ты же знаешь меня... Мог ли я «<нрзб> — батюшкой» ждать поезда до другого дня? Все это пустяки, на которые, Богом клянусь, не обращаю внимания! Голубеночек мой! Лена[1] торопит, а хотелось бы побольше написать. И глазочки, и ручки, и ножки целую тебе, ненаглядная моя, за твое письмецо. Только как же это ты не будешь мне писать? Я завтра уеду с соседом, которого встретил, а в субботу непременно приеду[2]. <Дома быть?> придется очень недолго, значит, — а все-таки я буду

ужасно бояться. Если ты сама такая, так я Лену попрошу написать послезавтра об твоем здоровье. Послезавтра же я получу (если она напишет и отправит утром) на Становой[3]. Рассказывала тебе Лена, как я сидел в «чижовке»[4]? Вот история-то!

Привезу тебе Писарева и еще кое-что. Первые дни после приезда домой я запоем писал, а потом твое 1-ое апреля здорово меня пристукнуло, хотя я и надеялся, что это шутка. А вдруг, думаю, это только совпадение? Все пройдет, пустяки. Я люблю тебя бесконечно, ты моя бесценная, хорошая, умная девочка! Деточка! ей-богу, у меня все сердце — твое!.. Прощай пока.

Да... Тетка Роза[5] торопит меня <с> ответом, согласен ли я получить место в статистике. Не пишет она тебе, знаешь ли, что Мещеринов ушел из библиотеки?

57. Ю.А.БУНИНУ

4, 9 апреля 1891. Елец.

Елец, 4 апреля.

Ты не поверишь, милый, родимый Юричка, до чего тронуло меня твое письмо. Господи! До чего чисто и благородно твое сердце! Есть люди, хорошо относящиеся ко мне, да ну их всех к дьяволу — только ты один истинно близкий, родной мне человек. Недавно очень-очень искренно я писал стихотв<орение> и в нем говорил:

О чем, да и с кем толковать?
При *искреннем даже желаньи*
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья...
И каждый из нас одинок
И каждый почти что невинен,
Что так от других он далек,
Что путь его скучен и длинен...[1]

Нет, сейчас мне кажется несколько иное...

Прости это излияние — оно, может быть, не нужно тебе, но мне нужно, голубчик, дорогой мой! Это, брат, не сентиментальности, тем более, что в другой раз воздержусь. Право, много в моем «бытии» такого, что «было бы смешно, если бы не было грустно»[2], по крайней мере, для меня. Представь себе, напр., такую историю. Вчера из Озёрок я поехал с Цвиленевым[3] на Становую. Ехали через Середнюю Мельницу, так что подъехали прямо к платформе, т.е. переехать нельзя, надо объезжать около будки. Цвиленев (старик) поехал, а я слез и перехожу к платформе через линию. Стрелочник вышел и кричит, чтобы я не «смел переходить через линию». «Вот х<...>! — отвечаю я ему. — Чего ты кипятишься-то?» Он меня по матерку при рабочих. Я прихожу в вокзал и требую жалобную книгу. Жандарм — родственник стрелочнику — по-

дает книгу и «принимая во внимание» мое говенное пальтишко, начинает глумиться. Я, ей-богу, не стал с ним ругаться, ни одного слова не сказал ему, а только записал его тоже в жалоб<ную> книгу. Он глянул и, видимо, струсил. И вот, чтобы оправдать себя косвенным образом, он требует у меня паспорт! «Да что ты, с ума сошел, говорю, меня вот все мужики знают, начальник станции, наконец, вот помещик (указываю на Цвиленева), который меня с младенчества знает...» — «Нам дела нет. Вид!» — отвечает жандарм. Вида, разумеется, нет, и вот составляется акт («унтер-офицер Макаров, принимая во внимание на основании таких и таких-то статей постановил *неизвестного* человека, назвавшегося дв<орянином> И<ваном> А<лексеевичем> Б<униным>, *а может быть, он не тот,* отправить в ближайшее волостное правление для удостоверения личности...» Я к Цвиленеву — тот поскорее уезжает, я к начальн<ику> станции — тот — «не наше дело, может быть, ему кажется, что-нибудь подозрительным...» И в конце концов меня под конвоем мужиков *ведут* в Становую и, так как старшина в отлучке, *запирают в холодную!* — Расстроило меня это (я стал нервен, как жопа) до невозможности! Скука, на дворе дождь, в холодной — холод, вонь, мертвая тишина — и замок! До позднего вечера просидел я. Наконец пришел старшина, разумеется, узнал меня... но удостоверить мою личность *не может!* Каково? Только благодаря поруке Ивана Тихонова меня наконец в 10 часу выпустили. Прихожу на станцию, получаю письмо — пишет подруга В<ари>, что В<аря> заболела тифом: *едва говорит!* Что мне делать? Поезда — ждать до другого дня, лошадей нанять — и не на что, да и некого — все работают... И вот я, как шалелый реву сижу в вокзале! Часам к 11 ночи я дошел до того, что по линии в темноте с 1 р. 20 к. в кармане пешком иду в Елец! Не поверишь? Богом тебе клянусь. Измучился от холода, от усталости, от дум о здоровье Вари до последних пределов. В 6 ч. утра пришел в Елец, заснул 1 ч. на вокзале (шел-то по линии) и явился в Елец. Слава Богу, здоровье В<ари> как будто лучше — может быть, и не тиф.

Сейчас сижу в Моск<овских> номерах у «Каустова». Выспался и ободрился. Денег — почти ни копейки, так что придется идти домой опять пешком. Ну да ничего!.. Или я идиот, или очень умен...

За последнее время жил в деревне. Из Орла от знакомых (от Белоконского и Евдокимова — не знаешь?) получил извещение, не желаю ли я поступить с мая до августа в земск<ую> упр<аву> статистиком — ездить по деревням. Жалованье — немного меньше 50 р., знаний особенных не нужно. Пишет, что если я желаю, то чтобы *вскоре* известил, прислал бы на имя председателя земск<ой> упр<авы> бумаги и прошение. Немедленно сообщи твое *мнение* об этом. Должно быть не поступлю, уже потому, что надо вскоре, а у меня бумаги в гимназии, за котор<ые> нужно 15 р.

Орел, 9 апреля.

Был в управе у Евдокимова: он сказал, чтобы я представил бумаги до первых дней Страстной[4] и буду статистиком. Работа — собирать сведения и больше ничего. Во вторник на Фоминой[5] надо отправиться в командировку и ездить до первых чисел июля, ни одного дня за это время свободного не будет. Ну да ничего. Работа, говорит, такая, что легче не может быть. Что мне делать? Как я бумаги выкуплю, где за них взять 20 руб.? А страшно хочется!

Жалованье в месяц — 49 рублей, разъезды земские.

Ради Христа, ответь на Елец *немедленно,* о другом — напишу после.

Горячо любящий
тебя
Ив.Бунин.

58. В.В.ПАЩЕНКО

9 апреля 1891. Орел

9 апреля.

Прости, голубчик, за промедление: хотел написать тебе еще вчера, но решил подождать окончательного решения моей статистической участи. Сегодня она решена. Вот подробности моего посещения Евдокимова. Я его видел в статистическом бюро, в земс<кой> упр<аве>, куда пошел с Мещериновым. Последний уже статистик и ходит в управу, чтобы дня за 3 — за 4 «подготовиться» к будущей работе. Он предупредил меня, что третьего дня в управе было несколько человек, желающих попасть в статистики, но им отказывали и сказали, что штат полон. Пошел я, следовательно, наугад. Но Евдокимов (ты, конечно, знаешь, что я знаком с ним) принял меня очень дружески и сказал:

— Я отказал тем потому, что имел в виду вас. Буду очень рад, если Вы поступите. Исполните только формальность, — подайте бумаги Шеншину[1], а остальное не его дело. Подать, впрочем, надо возможно скорее, не позднее первых дней Страстной[2]. На Страстной, если хотите, походите до четверга в управу, посмотрите, как возникают бланки для собирания сведений. Затем прямо после Святой[3], во вторник, мы обязательно должны отправиться в командировку.

— А как, — спрашиваю, — она будет продолжительна и возможно ли будет во время ее хотя на день приезжать, напр., в Орел?

— Нет, ни в каком случае, ни одного дня. Возвратимся мы все в начале июля.

— А жалованье?

— Сорок рублей. Разъезды земские... Вам придется собирать сведения только у помещиков, но путешествовать вдвоем; другой будет более опытный в статистических приемах человек и будет собирать сведения у крестьян, где гораздо труднее.

Вот тебе наш разговор слово в слово. Мы с тобой, значит, расстанемся на *Фоминой*[4] и встретимся только в начале *июля*. Ни одного дня в течение этого времени мы не будем вместе... Но поступать надо и я поступлю непременно[5].

Правда, невесело будет. Ведь я люблю тебя! Драгоценная моя, деточка моя, голубеночек! Вся душа переполнена безграничной нежностью к тебе, весь живу тобою. Варенька! как томишься в такие минуты! Можно разве написать? Нет, я хочу сейчас стать перед тобою на колени, чтобы ты сама видела все, — чтобы даже в глазах светилась вся моя нежность и преданность тебе... Неужели тебе покажутся эти слова скучным повторением? Ради Христа, люби меня, я хочу, чтобы в тебе даже от моей заочной ласки проснулось сердце. Господи! ну да не могу я сказать всего. Право, кажется, что много хорошего есть у меня в сердце, и все твое, — все оживляется только от тебя. О, Варюшечка, не хвастовство это! К чему сейчас скверное мелкое самолюбие?..

Вот, напр., за последнее время я ужасно чувствую себя «поэтом». Без шуток, даже удивляюсь. Все — и веселое и грустное — отдается у меня в душе музыкой каких-то неопределенных хороших стихов, чувствую какую-то твердую силу создать что-то настоящее. Ты, конечно, не знаешь, не испытывала такое состояние внутренней музыкальности слов и потому, может быть, скажешь, что я чепуху несу. Ей-богу, нет. Ведь я же все-таки родился с частичкой этого. О, деточка, если бы ты знала все эти мечты о будущем, о славе, о счастии творчества. Ты должна знать это: все, что есть у меня в сердце, ты должна знать, дорогой мой друг. Нет, я, ей-богу, буду, должно быть, человеком. Только, кажется мне, что для этого надо не «место», а сохранять, как весталке, чистоту и силу души. А ты называешь это мальчишеством. Голубчик, ты забываешь, что я ведь готовил себя с малолетства для другой, более идеалистической жизни...

Но будет об этом, — как же вот мы расстанемся-то? Ведь теперь-то еще не вполне сознаем это, а ведь после-то?.. Господи! я и не знаю просто!.. Во всяком случае ты должна (если конечно хочешь) *непременно* приехать на Страстной в Орел и пробыть до моего отъезда. Приедешь? Употреби все, — ведь ты меня любишь. Кат<ерина> Ал<ександровна> напишет тебе — причиной выставит или примерку платьев, хотя и написала, что они не будут к Святой, или еще что-нибудь. Но, ради Бога, приезжай! Иначе *до отъезда мы увидимся в Ельце на 1–2 часа* и потом...

Приеду в Елец в пятницу или субботу (напишу определенно) на этой неделе[6] и из Ельца поеду с бумагами в Орел. Если же ты выздоровела и можешь поехать, — *поедем, ради Христа, в воскресенье в Орел или в понедельник вместе*. Ну захоти!.. Теперь я в Елец не заеду (еду завтра). *Своим, конечно, не сказывай, что я поеду в Орел.*

Ну еще что? Да, вот удивление: зашел я к Н<адежде> А<лексеевне> и Борис Петрович встретил меня как ни в чем не бывало, даже более, — радушно, *как никогда,* звал прийти ночевать, весел и т.д. Ве-

чером вчера я у них опять был. Н<адежда> А<лексеевна>, расспрашивая о вас, спросила, что значит какое-то странное отношение ко мне В<арвары> П<етровны>. Я сказал, что я делал тебе через нее предложение, и как она отпела мне. Б<орис> П<етрович> страшно возмутился, кричал, что «я бы ей такую... я бы ей...» и т.д. В конце концов сказал: «Какого же черта Вы не сказали мне тогда, — я разве не понял бы, что в таком положении, после такого грубого отказа вы не могли работать как следует. Теперь очень понятно, что если Вы делали неаккуратно. Я очень хорошо сознаю и нисколько не винил бы». Вообще деликатен (серьезно), ласков до крайности. Сегодня я у них: собрался уезжать, но он упросил меня остаться до завтра. Едет со мной до Казаков. Прощай пока. Целую тебя, мою бесценную, нежно, от всего сердца и крепко-крепко. Будь здорова поскорее. Напиши, ради Христа, сейчас по получении этого письма на Становую о здоровье: ведь знаешь, как я боюсь за тебя. Мамочка, голубеночек, ненаглядный мой!..

Весь, весь твой И.Бунин.

У Катер<ины> Алекс<андровны> горе: Митя[7] перестал пить, но после этого поехал, по ее словам, *якобы* в деревню и вот две недели ни слуху ни духу. Сегодня она ужасно расстроена и посыла<ла> меня искать его по городу: ездил часа 2, но нигде не оказалось.

59. В.В.ПАЩЕНКО

19 апреля 1891. Орел

19 апреля.

Все твои приказания, голубчик, исполнил: был у Рауля[1], отдал ему самому волосы, заходил в редакцию, удивил Н<адежду> А<лексеевну> своим появлением и отдал книжку Евг<ении> Вит<альевне>. Сейчас сижу в «нашей» комнатке, — приставил столик из-под зеркала к кровати и очень уютно уселся за ним, пользуюсь совершенной свободой, потому что Ек<атерина> Ал<ександровна> с Ж.[2] отправились искать «воздуха, простора и т.д.» Прогулка в Ботанический сад, разумеется, расстроилась: Митя куда-то уехал, опоздал и вернулся только недавно. Часа в четыре, когда я только что вернулся из редак<ции>, К<атерина> А<лександровна> послала меня за «теткой Розой»[3], как она сама сказала. Я отправился к Варв<аре> Львовне[4], привез тетку, но, как уже сказано, прогулка не состоялась, да я не жалею: слишком утомлен во всех отношениях. Спасибо хоть тетке: с ней я отдохнул, разговорился о тебе, — исключительно толковал о нашем будущем, рисовал хорошие картины... Зверочек мой, дорогой мой, бесценный! Целый день не мог себя преодолеть, прогнать грустное, томительное чувство. Ну не могу я спокойно расставаться с тобою, не могу каждый раз не писать об этом. — Да ведь у меня сердце разрывается. Ведь это не нервы — слишком глубоко наполнено сердце. Я не могу передать тебе этих ощущений: каждый раз, когда скроются твои ненаглядные «чистенькие» глазы, я

как-то теряюсь, не могу ни о чем больше думать. Все о тебе! Все «наше», все наши лучшие дни и минуты — и осенью, и зимою и за последнее время встают передо мною с поразительной ясностью; я переживаю *все* прошлое счастие и оно заставляет глубоко жить сердцем. Вот когда я могу сказать-то:

О болезненное счастие —
Счастие прошлого, — с какой
Безграничной грустной нежностью
Овладело ты душой![5]

Нет, впрочем, — увидимся, тогда и поговорю с тобой подолже о своем странном характере. Я хочу, чтобы ты знала его вполне. Скажи, — ведь ты никогда не томилась после разлуки целый день таким же безгранично-нежным и грустным чувством обо мне? Радость моя, сердце мое, женочка! это не значит, что я не верю тебе: *верю, глубоко верю тебе!* Как мне было больно за мою последнюю вспышку! Я убедился вчера. Помнишь, — ты вскочила на кровати и, стоя на коленях, бросилась ко мне? Никогда, никогда не забуду этого слова, восклицания «Ваничка!», этого светлого, глубоко-любящего взгляда! Как я оценил его, как я уважаю тебя! *Ради Христа, приезжай на Святой,* напиши поскорее!

Я не могу без тебя! Серьезно, очень серьезно прошу тебя подумать вот об чем: нельзя ли нам повенчаться летом, прямо после твоего поступления на службу в Вит<ебское> упр<авление>[6]. Средства? Да ведь ты все равно хотела жить исключительно на свои деньги, а я тоже должен — с тобой ли живя или нет, — зарабатывать себе: ведь с голоду все равно не буду сидеть. Родители? — Надо серьезно побороть себя и несмотря ни на что поставить на своем: пойми — после одной тяжелой сцены с ними, после дневного, ну недельного страдания, ты станешь навсегда моею. Неужели тебе будет совестно назваться моею женою. Не думаю, чтобы я заслужил неуважение. На меня многие смотрят все-таки хорошо...

Подумай, ради Бога, — *говорю серьезно, как никогда.* Мы должны при свидании поговорить как следует, *непременно.* Не мальчишествую, — долго обдумывал и разговаривал с теткой[7] об этом. Ну да об этом надо потолковать как следует. Жду только приезда...

О, эта «наша» комнатка. Поверишь — я весь день боялся входить в нее: *сердце сжимается;* сколько уже воспоминаний! Сколько раз в ней глядели на меня глубоко и нежно дорогие «глазы»... Зверочек! Родимый! Нет, я тебя *свято, чисто* люблю! Перед престолом Царя Небесного могу повторить это! И когда ты станешь около меня перед венчальным налоем, в белом, девственном платье, моею невестою перед Богом и людьми, — ты для меня будешь девушкою. Когда-то только это будет наяву?..

Когда это письмо ты получишь, будет светлый день Светлого праздника[8]. Знай, что я заочно поздравлю тебя и похристосуюсь с тобою.

Ну, до свидания, зверочек! Обнимаю тебя и целую нежно-нежно в хорошенькие губки... Ложусь спать.

Не рви моих писем.

Весь твой Ив.Бунин.

P.S. Видел на столе у Над<ежды> Алек<сеевны> оригинал афиши на два первые спектакля с участием Мартыновой, Людвигова и пр.: первый спектакль — 24-го («Надо разводиться» и «Подозрительные личности»), второй — 25 («Нина» и еще что-то)[9].

Напиши как можно скорее. О зверочек! О дорогой, бесценный мой!

60. Ю.А.БУНИНУ

9 мая 1891. Орел

Орел, 9 мая.

Дорогой мой Юринька! Я уехал из дому на Страстной, надеясь в Орле попасть в статистики. Но, во-первых, у меня не было денег выкупить бумаги, а во-вторых, оказалось, что губернатор не разрешает собирать в нынешнем году компанию статистиков, да и вообще поездку. Так что до сих пор я в Орле с В<арей>. Обстоятельств случилось страшно много, замучен я, как собака. Мне *как смерти не миновать надо* поговорить с тобою. Ради Христа! Если можешь, вышли 10 рублей, приеду тогда прямо по получении их. Пишу это потому, что знаю, что ты не станешь из «деликатности» стеснять себя. Можно — так, нельзя — не надо. Только Богом тебе клянусь, что ты мне необходим. *Я в июле обвенчаюсь!* Не называй дураком, мальчишкой и т.д. Я все расскажу, только дай, <ради> Христа, возможность поговорить с тобою. Все расскажу. Ответь *немедленно* в Орел, в редакцию, жду сижу[1].

И.Бунин.

61. В.В.ПАЩЕНКО

Начало мая 1891. Орел

Сейчас, Варя, я поехал с Б<орисом> П<етровичем> на вокзал, заехал к тебе, чтобы взять денег, тебя не застал и, проследовав дальше, принужден был чуть не с ревом возвратиться с Московск<ой> улицы: дело в том, что еще сегодня на заре я проснулся от нестерпимой зубной боли, так что не пошел даже читать корректуру, а только в 10 часов отправился к Анитовой[1]. Подробности этого посещения — лично, а теперь скажу только, что *помираю* от зуб! Убедившись при этом, что воздух — страшно увеличивает боль, не могу идти к тебе и прошу, *если можно, прийти сейчас в ред<акцию>.*

62. В.В.ПАЩЕНКО

14 мая 1891. Орел

14 мая 91 г.

Сейчас, Варя, без 15 м. 6 ч., — следовательно, прошло меньше 6 часов, как мы в последний раз обнялись; за это время я пообедал, пил чай и прочитал почти всю корректуру; вот и все... Что же я могу написать тебе?.. А между тем, страшное желание поговорить с тобою, написать тебе; написать могу только о себе... да ты про меня знаешь: тоскливо, деточка, ужас, как тоскливо! Об чем ни подумаю, что ни представлю себе из того, что я буду делать за эти две недели без тебя, — все ерунда...

По виду я угрюм... Душа моя полна
Каких-то милых снов и ноющей печали
И плачет как струна!..[1]

Без шуток, это очень подходит к моему настроению. Как бы оно быстро оставило меня, как бы я ожил, если бы сейчас я мог бросить перо, пойти в «нашу» комнату и прилечь к тебе на колени! Ото всего сердца, нежно, ласково целую их заочно, целую каждый пальчик твоих ручек! Ты, зверочек, не укоряй меня за то, что я умею только толковать с тобою о нашей любви! Я умею, голубчик, и другое, только думаю, что для меня первое важнее и не хочу отгонять от себя таких дум.

А ведь все веселы: сию минуту, когда я поднял голову, я увидал «драку»: Евг<ения> Вит<альевна> дерется с Б<орисом> П<етровичем> и умирает со смеху, как он как суслик подскакивает на пол-аршина от пола... Сейчас приходил некто Неручев[2], сотрудник и нанялся в корректора: послезавтра утром он начнет заниматься. Следовательно, *я уеду завтра в ночь домой*[3]. *Напиши мне на Измалково*[4], завод Бахтеярова[5], Евгению Алексеевичу Бунину для передачи мне. Если же ты будешь опасаться, что он прочтет (этого, положим, не будет), то пиши просто на мое имя. Ради Христа, напиши да поскорее, поскорее.

Завтра в городском театре будут играть приехавшие малороссы под упр<авлением> Садовского[6]. Жаль, что ты не увидала их. Да и я не увижу, — уеду, потому что только дома успокоюсь. Там ведь хорошо: зелено, свежо и тихо; окна в моей «гостиной» открыты, ветер теплый, полевой, пахнет сиренью, в белой черемухе жужжат пчелы, а на пруде, под садом, раздаются только гулкие удары валька... Все буду думать о тебе. Девочка! да люблю же я тебя, люблю глубоко и серьезно. Будь и ты серьезна в наших отношениях, помни, что свою молодость, все хорошее, что только есть, я отдаю тебе! Это правда, Варя, и я счастлив этим!

Чтобы письмо попало к тебе завтра, я сейчас посылаю его. Напишу тебе если не завтра, то послезавтра, из деревни; отправлю с ночным поездом, так что ты получишь его 17-го.

Выбери, голубчик, время, напиши мне поподробнее, — напиши, как подействовала на тебя семейная сцена[7], не упадет ли в тебе решитель-

ность! Не слушай их, Варенька, право, не стоит, потому что они только могут преднамеренно разуверять тебя. Я убежден, что мы будем счастливы. Честное слово, буду непременно искать места, где бы они ни были, — в Полтаве, в Орле, — *непременно*.

До свидания! О бесценная моя, если бы я мог сейчас расцеловать твою «холодную морду»!.. Нет, последнее слово *на бумаге* как-то грубо... личико, Варенька, милые губки дорогого ненаглядного зверка!

Твой, весь твой.

И.

63. В.В.ПАЩЕНКО

16 мая 1891. Орел

16 мая.

Я, Варюша, невольно обманул и тебя и себя: думал уехать вчера вечером, а остался еще на два дня. Из-за этого твое письмо получу уже на Измалково 18-го. Сейчас иду с Н<адеждой> А<лексеевной> на почту, может быть, ты ей написала... А остался я больше из-за того, что мы с Б<орисом> П<етровичем> задумали сшить себе матросские костюмы. Хорошо мне будет?

Дела в редакции, как оказалось неожиданно, очень плохи: симпатии Б<ориса> П<етровича> к Померанцевой[1] оказываются не шуткой. 14-го вечером она была у нас. Сидели (Б<орис> П<етрович>, Н<адежда> А<лексеевна> и она) в нашем саду. Когда я пришел туда, у них шел какой-то оживленный разговор. «Знаете, И<ван> А<лексеевич>, — говорит Н<адежда> А<лексеевна>, — мы разъезжаемся с Борисом». — «Это почему? Шутите?» — «Честное слово, нет. Это он не в первый раз предлагает». Как-то странно, неестественно смеется, голос дрожит. Потом Б<орис> П<етрович> взял меня под руку и битых три часа ходил со мною по саду, доказывал, что с одной женщиной жить всю жизнь глупо, что Н<адежда> А<лексеевна> отрывает у него руки, что им *необходимо* разойтись и все сводится к Померанцевой. Вчера вечером все они были в «Эрмитаже»[2]. Не знаю, что у них было, но только Н<адежда> А<лексеевна> вышла утром с такими распухшими глазами, что было ясно, что она очень долго плакала. Померанцева внезапно сегодня уехала. Вот, голубчик, история-то... Конечно, разойтись не разойдутся, но положение плохое.

Пришла Н<адежда> А<лексеевна> и торопит: скоро девять часов и мы опоздаем, закроют почту. Обнимаю тебя и целую и губки, и глазки, и ручки, бесценная моя! Завтра напишу непременно; получишь, значит, 18. Напиши, ради Христа, на Измалково. Твой всей душою И.Бунин.

Уеду непременно завтра вечером[a].

---

[a] Приписано в начале письма в верхнем правом углу.

64. В.В.ПАЩЕНКО

17 мая 1891. Орел

17 мая 91 г.

Прежде всего, зверочек, вот что: как же ты известишь меня, когда приедешь из Москвы[1], и когда я увижу тебя в Ельце? Я поеду в Полтаву еще дня через четыре, пробуду там около двух недель, так что напиши мне в Полтаву: «Новое строение, дом Волошиновой, Юлию Алексеевичу Бунину для передачи мне». Напиши мне непременно и так, как я говорю.

Сегодня вечером я, должно быть, уезжаю из Орла. Был вчера в «Эрмитаже», смотрел оперетку «Принц Аррагонский»[2], познакомился с Васильевым. Симпатичный мал<ый> и даже неглуп. Впрочем, в «Эрмитаже» мне было скучно: я уже не раз говорил тебе, как на меня действуют даже очень недалекие воспоминания. Так и вчера. Был я один, и просто сердце изныло; сидел на той скамеечке, где мы с тобою курили, и все вспоминал тебя, мою бесценную, дорогую девочку. «Пи-пи-пи»... Ох, Господи, как бы я расцеловал тебя! Голубеночек мой, не сиди долго в Москве. Я просто издохну от тоски...

Что же бумаги, как говорила, пришлешь? Должно быть, нет? Или вы тогда с Н<адеждой> А<лексеевной> передумали? Чего же ты не напишешь ей? Она сегодня опять идет со мной на почту, — видишь, она любит тебя и интересуется, что с тобою; напиши ей, пожалуйста.

А мне на Измалково напишешь?.. Сегодня я не спал всю ночь. Пришел из «Эрмитажа» во втором часу, потом сидел писал; только что лег — за Б<орисом> П<етровичем> приехал извозчик на пожар. Я поехал с ним. Пожар был в слободе, так что нам в конце Садовой улицы (там гора) пришлось переезжать через реку. Были еще предрассветные сумерки; от теплой воды шел пар, по садам (там их много) щелкали соловьи... просто прелесть. Часов в 5-ть мы вернулись и велели ставить самовар. Так и просидели до семи часов. Заснул я часов в восемь.

Да, я тебе и забыл написать — я получил письмо из Полтавы. Брат меня очень зовет приехать непременно переговорить со мною.

Ну что еще? Напиши мне, если можно будет, несколько раз с *выставки,* в Полтаву, буду там непременно. Еще раз умоляю тебя, зверочек, драгоценный мой, не поддаваться родительским влияниям. Неужели ты меня серьезно не любишь или не веришь. Н<адежда> А<лексеевна> как-то сказала, что ты, разговаривая с Е.Н., между прочим, заметила: «если И<вану> А<лексеевичу> нужно обладать мною, то из-за этого жениться не следует»? Что ж, в самом деле так думаешь? Скажи ты мне, *ради Христа,* откровенно, если думаешь, что мои слова о нравственности — фразы...

Прощай пока. Не поверишь, до чего жалко, что это последнее письмо к тебе до нашего свидания. Обнимаю тебя, деточка, так же горячо и любовно, как и в самые наши былые минуты. Поклонись Володе. Что Арсик — не уехал?

Бесконечно любящий и уважающий тебя *Ив.*

65. Ю.А.БУНИНУ

24 мая 1891. Глотово

24 мая.
Глотово.

В Орле (дней пять тому назад) я получил твое письмо последнее, длинное[1], а сегодня мне привезли из города (С<офья> Н<иколаевна>, с которой я помирился) письмо от 5 мая. В нем ты говоришь, что не получаешь от меня известий... А мое письмо с описанием моей истории в Становой[2]? Богом клянусь, не вру, — послал перед Святой.

Что же касается последнего письма[3], — то вот что: разумеется, никогда не решусь сделать шага без твоего совета и разговора. Ты просишь описать все подробно... да как это описать наши отношения, наши данные для свадьбы и т.д. Это надо исписать листов 10 и то не изобразишь. Поэтому-то я и рвался так к тебе. Теперь я дома и строчу кое-что в «Орл<овский> вестн<ик>» (помирились!)[4], жду, пока денег дадут и я смогу к тебе приехать[5]. Во всяком случае приеду *непременно*.

Ты говоришь, что я больше истратил в Орле, чем бы приехать? Да ведь я уже в редакции, — какие же траты. Ну о семейных делах пишет тебе Евгений, а о своих ощущениях, о своих делах, ей-богу, не могу писать, потому что все мелочи, — важные, но мелочи трудно передаваемы.

Приеду *вот-вот,* честное слово.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

Сборник мой скоро выйдет[6].

P.S. Вполне согласен с тобой, что ты говоришь в письме о браке, но надо поговорить.

Пиши на Измалково. Напиши матери — обижается.

66. Ю.А.БУНИНУ

29 мая 1891. Озёрки

29 мая.

Сижу в Озёрках... Сейчас на дворе вечер, льет дождь, в темноте шумит мокрый сад, а в зале, где я поселился, холод анафемский... Маши нету, — она уже вторую или третью неделю живет в Глотовом, у Софьи, отец уже лег спать, мать хлебает суп из пшена в девичьей. Сижу один... Ну, брат, должно быть не в одном остроге так не тяжело, как мне одному тут!

Я у тебя серьезно и искренно прошу прощенья, что надоедаю тебе нытьем: мне самому противно, но делать нечего. Если бы ты знал, как мне тяжко! Повторяю тебе, — может быть, я сволочь, может быть, болен, может быть, всем противен своим бессилием — мне все равно. Ну да, я сволочь, если хочешь, — потому что я больше всего думаю сей-

час о деньгах. У меня нет ни копейки, заработать, написать что-нибудь — не могу, не хочу... Штаны у меня старые, штиблеты истрепаны. Ты скажешь, — пустяки. Да, я считал бы это пустяками прежде, но теперь это мне доказывает, до чего я вообще беден как дьявол, до чего мне придется гнуться, *поневоле* расстраивать все свои лучшие думы, ощущения заботами (например, сегодня я съел бутылку молока и супу даже без «мягкого» хлеба и целый день не курил, — нé на что).

И этакая дура хочет жениться, скажешь ты. Да, хочу! *Сознаю* многие скверности, препятствующие этому, и потому вдвойне — беда!.. Кстати, о ней: я ее люблю (знаю это потому, что чувствовал не раз ее другом своим, видел нежною со мною, готовой на все для меня); это раз; во-вторых, если она и не вполне со мною единомышленник, то все-таки — девушка, многое понимающая... Ну да впрочем куда мне к черту делать сейчас характеристики!..

Я тебя, кроме твоих советов, которые, Богом клянусь, ценю глубоко, дорогой мой, милый Юринька, хотел просить еще места в Полтаве, рублей на 40, на 35 да еще буду кое-что зарабатывать литерат<урой> — проживем с нею; а, главное, *с тобою* в одном городе!..

Пишу несвязно, по-мальчишески — понимаю. Лучше не могу. Прощай и не называй меня дураком: мне тяжко, как собаке, — смерть моя!

Может быть, приеду к тебе, когда — не знаю.

Читаю Шпильгагена «Загадочные натуры»[1].

Если есть у тебя письма на мое имя — пришли, ради Христа. Я думал, что поеду к тебе и велел ей писать в Полтаву. Пиши на Глотово через Измалково — там почтовая контора, не пропадут.

И.Бунин.

67. В.В.ПАЩЕНКО

13 июня 1891. Озёрки

Озёрки, 13 июня.

Вот я и в Озёрках, Варенька... За последнее время я как-то странно живу — неопределенно, — где день, где ночь, — и потому, когда попадаю в Озёрки, в тишину небольшой деревушки, я особенно сильно замечаю эту тишину, отдыхаю ото всего, что приходится и думать, и чувствовать... К тому же со вчерашнего вечера я очень спокойно и счастливо настроен, так что день прошел очень хорошо, с самого утра, когда я часов в одиннадцать проснулся в своей комнате. Солнце ударяло в открытые окна и мухи весело шумели на верхних стеклах... Последнее произвело на меня *особенно-деревенское впечатление* и я долго и с удовлетворением вслушивался в тишину летнего полдня; долго глядел, как солнце и ветер тихо играли в легких и прозрачных листьях кленов, которые стоят у меня под окном, как в поле на противоположном косогоре оставляет ветер подвижный след, убегая темною струею по хлебам... Ласточки без крика одна за другою скользили в саду, а где-то, должно быть, кухаркина девочка напевала тонким-тонким голоском...

И такая тишина обнимала со всех сторон, так тихо плыли облака по небу, а я сидел на окне, щурился от солнца, вслушивался и весь наполнялся и грустью, и радостью, и «предчувствием будущего и сожалением о прошлом». Милый, дорогой мой зверочек! не упрекай меня за эту старую песню: я люблю ее, но ты не должна думать, что она одна у меня, ты не должна думать, что у меня в душе в самом деле только и бывают ощущения немного поэтичной, сентиментальной задумчивости. Будто только, как говорят некоторые, у меня и недурного? Избавь тебя Бог подумать сейчас, что хвалюсь чем-нибудь. Я только говорю тебе, как ненаглядному, дорогому товарищу, все, что мне *кажется.* Ведь думаю же я про себя...

Ел<ена> Ник<олаевна> назвала меня мальчишкой, который еще настолько слаб и глуп, что может подохнуть с голоду, Володя — подлецом[1]. Кажись достаточно?.. К этому надо еще прибавить, что такие их мнения — может быть, отголоски мнений многих других господ. Я, честное слово, не зол на них и не унизился бы до того, чтобы опровергать это. Только кому же ты-то должна верить? Надо какой-нибудь одной стороне, но только *вполне.* «Маргаритки не растут на одном стебле с крапивою», говорится в одном месте в Шекспировском «Генрихе IV»[2] и я, признавая в человеческой душе большую раздвоенность, все-таки думаю, что такие *резкие* противоположности не могут совмещаться, — в особенности в молодом человеке. Что-нибудь должно *перевешивать* и исключать такие *резкие* противоположности. К тому же Володя, как и другие подобные, имеют чисто внешнее представление о человеческой честности и достоинстве порядочного человека. Последнее заключается в стремлении отдаваться всему новому, прогрессивному во взглядах на самую суть жизни и т.д. Никто не отрицает, что должно *в принципе,* в идеале что ли, жить порядочно, строго даже в самых малых пустяках, но ведь внутреннее все-таки дороже внешнего, если понимать внутреннее как проявление *оснований* души...

Опять-таки — повторяю, что если ты подумаешь, что я здесь хочу *из-за мелкого самолюбия, косвенно* намекнуть на себя, — значит, ты ни капли не уважаешь меня.

Эх, Варенька, может быть, придет время, — буду заботиться о том, чтобы, напр., убивать в себе чувство, — грусти, радости, — из-за того, чтобы какие-либо «остальные гости» не посмотрели на меня как на «дурака», — только хуже будет...

68. В.В.ПАЩЕНКО

18 июня 1891. Озёрки

18 июня.

Ты, дорогая моя, знаешь, насколько я ценю твое каждое ласковое слово, каждое проявление твоей нежности ко мне... ты знаешь, зверочек мой, как мне дорог каждый хороший миг нашего прошлого... помнишь, напр., наши дни в редакции в ноябре, хотя бы эту переписку

для меня стихотворений?.. помнишь, как ты сказала мне раз в театре, что если даже мы разойдемся, у тебя навсегда останется обо мне «самое светлое, поэтичное воспоминание»? Помнишь? Так уж, наверно, знаешь, что *я-то* не забуду. И потому — зачем мне говорить, как я отнесся к твоему письму? Милая, хорошая моя!

Ты говоришь, что «жить в семье можно», что странно было бы, если бы каждый тянул в свою сторону, что *«твой протест становится все слабее и слабее»*... Как же ты при этом говорила, что ты *все равно* уйдешь ко мне? Я понимаю, я не смею, да и не за что упрекнуть тебя, Варенька... Я, говорю, вижу, что ты мучаешься, собственно говоря, между рассудком и сердцем. Рассудок — за семью, сердце — за меня... Как же быть? Как я могу помочь? Неужели ты рассудком не любишь меня, не представляешь ничего хорошего в нашем будущем? «Жить в семье можно», — но разве «надо»? Надо только в том случае, если тебе со мной будет хуже. Если же *надо* только потому, чтобы, так сказать, не вносить разлад в семью, потому что она налагает известное подчинение требованиям, но ведь это немного не так: в *разладе-то* и трагизм многих семей *и его нельзя устранить подчинением,* если раз сердце рвется в другую сторону. Правда, многие подчиняются, — *но ведь это опять ведет к массе неурядиц, дрязг и разладов, наполняющих жизнь огромного большинства. Разве это человечно?* Если подчинишься требованию семьи в известный час обедать — ломка небольшая, но если допустить кое-что другое...

Повторяю тебе — я понимаю тебя, бесценная моя! Не упрекаю — избавь Бог, боюсь только за то, чтобы требования семьи, исполнение которых, по-моему, не устраняет *внутреннего* разлада, не пересиливали бы требований твоего сердца... Впрочем, еще поговорим при свидании. Теперь тороплюсь. Рассветает и сейчас надо посылать на станцию к поезду... и хорошо рассветает! Сижу у окон и пишу тебе. Самый свежий степной воздух чувствуется мне в открытые окна из темного сада... Деревня мирно спит короткую летнюю ночь, а уж за садом где-то вдалеке чуть-чуть брезжит рассвет... «Полосой зеленоватой уж обозначился восток; туда тепло и ароматы погнал со степи ветерок»[1]... Как поразительно-художественно и поэтично сказано это у Майкова!..

До свидания, милая, хорошая, ненаглядная моя девочка!.. Ты теперь, должно быть, спишь крепким сном... Только где? Куда ты уехала?

Весь, весь твой, дорогая моя!..
И.Бунин.

P.S. Подумай о том, что я пишу про семью, подумай и сама. Только Богом умоляю — будь *откровенна* и *немного порешительнее.* ***Я перенесу.*** Избавь Бог, чтобы ты после раскаялась хотя немного! *Лучше забудь меня!* Это не фраза, не рисовка. Приеду *с Измалкова 21-го 8 ч. 40 м. вечера. Встреть, если можно,* на платформе, хотя минуту со мною! Девочка! Целую твои ручки, губки, глазки, все, все! 22-го, значит, у Лены? Буду в городск<ом> саду в 9 ч.

69. В.В.ПАЩЕНКО

22 июня 1891. Измалково

Измалково.

Драгоценная моя! пишу тебе на станции, пользуясь пятиминутною стоянкою. Я не могу не сказать тебе в эту минуту, что вся моя душа переполнена тобою. Варя! дорогая моя! ты *друг* мне, ты моя милая, близкая, любимая!.. Прости мне, ради Бога, прости мою давешнюю маленькую вспышку, мое недовольство.

Если мучимый страстью мятежной
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе его кроткой и нежной[1] (к тебе по К.М. <?>)

Варя, милая! Звонок!

70. В.В.ПАЩЕНКО

23, 24 июня 1891. Орел

1891 г. 23-го 10 ч. утра.

Вчера с Измалкова я забыл написать тебе[1], что встретил на платформе папу[2]. Поговорили мы немного, но он был приветлив. Я сказал, что еду в Полтаву, — пробуду или месяца 2$^1/_2$ или дней 20. Смущало меня то, что он вернется домой и скажет маме[3], что видел меня. Она, конечно, сделает выводы. «А, мол, он был в городе и Лялька[4] пропадала»... Так что я, разговаривая про жару, между прочим, сказал: «Ну и сжарился же я сегодня: ездил на Воргол, нарвался — Бибиковы оказываются в Москве, так что ерунды только наделал»... Как видишь, — пришлось солгать, что, конечно, доставило мало удовольствия. Впрочем, когда я поехал, я все забыл. Деточка! Я был переполнен нежностью и радостью. Как я рад, как благодарен тебе за эти две прогулки[5], которые оставили самое милое, дорогое впечатление. Нет, Варичка, не меньше я люблю тебя. Я радостен потому, что вполне верю тебе. Ты любишь меня! Очень и очень сознательно написал я вчера тебе с Измалкова. Да, ты, *близкая моя, друг* мой! Я никогда еще не чувствовал этого так определенно... Ты была за эти два свидания как будто иная: как бы это сказать?.. — просветленная, ласковая, любящая. О зверочек мой! Посмотри — когда я вернусь к тебе, как я радостно и любовно кинусь к тебе, с каким нежным уважением буду целовать твои ручки! Только не забывай и будь во всем, во всем откровенна со мною...

Вчера я так захотел написать тебе, что едва дождался Измалкова. Конверт, надписанный еще дома — половина мною, половина — Евгением, был, а карандаш я попросил у начальника станции. Пока он искал его, пока наконец предложил мне писать в телеграфной комнате карандашом, привязанным к какой-то книге, прозвенел первый звонок, а второй застал меня на словах:

Злое чувство проснулось вдруг[6]... Помнишь ты это стих<отворение> Некрасова? Прости, повторяю тебе, прости, зверочек, мою вспышку. Я боюсь, что она хоть немного испортила у тебя впечатление от этого летнего, теплого вечера в зеленой лесной долинке...

Н<адежду> А<лексеевну> я застал в саду, за чаем. Между разговором, она спросила, отчего же ты не отвечаешь на ее последние письма; сказала, что получила письмо от тебя только одно, в котором ты просишь что-то напомнить мне перед отъездом в Полтаву. — «Да что же?» — спрашиваю. «Не знаю». — «И больше ничего не пишет?» — «Почти ничего»... Что, Варенька, напомнить?..

Б<ориса> П<етровича> нету, уехал для окончательного объяснения с Помер<анцевой>. Н<адежда> А<лексеевна> показывала мне отрывки из его последнего письма (из Калуги), где он пишет: «напиши Шурке, — она такая веселая, милая и нежная!»... Как видишь — уже ничто не скрывается. Даже выезжая из редакции, он послал «Шурке» откровенную телеграмму: «Встречай на вокзале». По словам Н<адежды> А<лексеевны> все должно скоро кончится, — Б<орис> П<етрович> уезжает совсем в Киев, так что Н<адежда> А<лексеевна> приглашает меня заниматься у нее на хорошее жалованье. «Надеюсь, говорит, со мной-то не поссоритесь». Что ты об этом думаешь? Ведь на самом деле, если этот разрыв совершится — чего я, ей-богу, очень не желаю, — лучшей службы мне не найти.

В Полтаву еду завтра утром — Н<адежда> А<лексеевна> просит подождать Б<ориса> П<етровича>, которому что-то нужно со мною переговорить или так повидаться — не знаю.

Немного погодя, пришел Дм<итрий> Вл<адимирович?>, сумрачный, ибо Евг<ения> Вит<альевна> уехала еще 15-го и вчера прислала ему очень обидное письмо. «Какое же?» — спрашиваю. «Да так, — лучше бы не писала». — «Да вы, говорю, уж не скрытничайте, ведь видно все». — «Да я и не скрываюсь», — и показал мне ее письмо. Пишет из Алексина (в Тульск<ой> губ.), где они на даче у какой-то Мани. Там «превесело»: на даче поблизости был Чехов и ей пришлось с ним «не только поговорить, но и пофилософствовать о семейной жизни». Заключает она письмо почти что так (разумеется, слово в слово не помню): «Вообще было много молодых людей, вполне интеллигентных, с которыми можно обо всем поговорить, не как *с тобою* (sic!). Ты не обижайся, я от души тебе говорю, и мне жаль, что ты так не развит, — не удовлетворишь никогда меня»... Как прикажете понимать такие отношения? Люди на «ты» и один другому заявляет, что ты глупее меня и неразвитее и т.д. Не понимаю, за что же она его любит, как могла так сойтись с ним? Глуповата еще — вот что. Единственное объяснение, ибо она очень нравственная девушка.

Перед вечером был у Розы Львовны; она расспрашивала про тебя и про то, напишешь ли ты ей. Все, Варенька, требуют от тебя писем!.. Потом у нее собралась компания — Рокотов и два каких-то отвратительных господина. Рокотов все старался поддеть меня за то, что я на-

писал еще месяц тому назад, что Чельская лучше Ратмировой[7], силился острить, затем заспорил об театральном искусстве, но представил такие глупые возражения, что попал в дурацкое положение. В конце концов он ничего не нашелся сказать, как только такую фразу: «Да чего вы со мною спорите — я целый век при театре, я родился в третьей уборной Киевского театра, а вы, быть может, и бывали-то в нем десять раз»... Я ответил, что, вероятно, его компетенция и не простерлась далее уборных... Ну да черт с ним... Если не приедет Б<орис> П<етрович> — завтра останусь и напишу.

24 июня.

Б<орис> П<етрович>, как и следовало ожидать, не приехал. Сегодня целый день почти занимался в редакции, был в зверинце, в купальне и сейчас пишу на столе Б<ориса> П<етровича>. Завтра непременно уеду с 5-часовым поездом (утром) и следующее письмо будет или с дороги или из Полтавы. Напиши поскорее, что у вас случилось?..

Девочка! Милая! В редакции скука, так что мне совсем стало грустно без тебя. Вечер душный, в саду играет музыка и все это живо напоминает, как мы были с тобою здесь в мае. Господи! Как бы я хотел, чтобы ты сейчас приласкала меня!..

Ну да ничего — подождем. До свидания, или лучше сказать до следующего письма! Н<адежда> А<лексеевна> и Д<митрий> В<ладимирович> передают тебе поклон.

Весь твой И.Бунин.

71. В.В.ПАЩЕНКО

28 июня 1891. Полтава

Полтава, 28 июня
91 г.

Ну вот я и в Полтаве. В Орле, как уже писал тебе[1], поджидал Б<ориса> П<етровича> — надо было дать ему доверенность для мирового секретаря, но он пропал, очевидно, надолго, так что я пошлю ему доверенность отсюда. Кажется у них близка развязка...[2] Ну да Господь с ними... С дороги я хотел писать тебе... вспомнилось мне, как я ехал в сентябре в Харьков и писал тебе из вагона[3]. Забыла ты это письмо? А ведь это все невозвратное, дорогое для меня время, которое никогда не забывается. Думал я за это время, дорогая моя деточка, еще и следующее: как можно так узко, как иногда мы смотрим, смотреть на будущее? Неужели возможно обратить жизнь в будничную, *однообразную* и томящую скуку, когда так широк мир Божий? И неужели будет это у нас, любящих друг друга? Нет, Варенька, бесценная, ненаглядная моя, кажется, что жить можно, хорошо жить! Мало ли будет у нас перемен в жизни, перемен вовсе не к дурному, а к хорошему, к разнообразной жизни? Будь только другом мне и, мне кажется, каждая наша поездка какая-нибудь будет светлым веселым днем...

В Полтаве, конечно, очень обрадовался брату[4]. Застал его дома. Поговорили с час кое о чем и пошли в типографию (они опять печатают брошюру и мне опять придется читать корректуру); после типографии были у его знакомых, которых тебе не описываю потому, что ты, во-первых, почему<-то> предубежденно к ним относишься, а во-вторых, это нелегко — описать целую компанию. Воротились мы около часа ночи и проговорили до утра. Я рассказывал про тебя. Он ничего не говорил и только просил *как можно подробнее* рассказать всю нашу историю. Пришлось сделать это; рассказывал я долго и он в конце концов сказал: «ты, конечно, знаешь, что при браке я больше всего обращаю внимание, любят ли люди друг друга, имеют ли общие интересы, уважают ли... По твоему рассказу я все-таки не могу *вполне* определенно узнать этого, так что вы должны в данном случае надеяться на себя... Мне кажется, что она тебя любит («кажется» потому, что как же иначе я могу выразиться, не видав ее?), ты же можешь сам себя знать... Остается вопрос о материальной стороне дела. Прежде всего тебе нужно узнать, возьмут ли тебя в солдаты, — для этого нужно теперь же обратиться к врачу, чтобы он вымерил, выслушал и т.д. Место тебе, конечно, нужно необходимо, но будет ли в Полтаве — не знаю. Об этом кое-кого порасспросим. Также и поговорим еще и о твоей истории»... Результаты этих разговоров я, конечно, тебе сообщу... На другой день (какое светлое тихое утро стояло, когда мы сидели в саду и пили молоко!) были в купальне (среди города в саду устроены бассейны), потом снова у знакомых. Собираемся целою компанией в степи, на шведские могилы. Я проектирую уйти пешком куда-нибудь верст за 20–30, побродить по деревушкам, по степи... Это непременно. Все, конечно, будет тебе написано... Пока — до свидания!.. Кстати, — мы не встретимся в Орле? Ведь Н<адежда> А<лексеевна> писала, чтобы ты приехала?.. Не «совершилось» у вас? Чего не пишешь? Я уже послал тебе адрес. Где ты сейчас? Дорогая, радость моя! Зверочек! Пиши, милая! *Не забывай, что ты дороже для меня всех на свете!* Ты, конечно, знаешь это!.. Завтра опять буду писать...

Помнишь, я говорил тебе, что у меня видел твою карточку некий Орлов? Кланяется!..[a].

72. В.В.ПАЩЕНКО

1 июля 1891. Полтава

Полтава, 1 июля.

Ждал от тебя весточки и потому не писал тебе эти дни. Предполагаю, что ты или на Воргле, или у Турб<иных>, или же в доме у вас стало совсем неладно и тревожно... Иначе не знаю, отчего не напишешь, бесценный, милый мой зверочек, хотя несколько слов? Милая! надо ли мне

---

[a] Приписано в начале письма.

повторять, что ты один человек, при воспоминании о котором у меня так хорошо и любовно раскрывается сердце? Впрочем, не прими это за прежнее нытье... нет, я лучше расскажу тебе поподробней про свое существование. Живу сравнительно регулярно. Просыпаюсь часов в 7 или в 8, пью, конечно, чай и молоко... Затем, брат садится заниматься, я — читать. Читаю Шпильгагена «Два поколения»[1] — один из его лучших романов, «Русскую мысль» и понемногу — философские статьи Куно Фишера[2]. Главным образом он затрагивает течения философской мысли в произведениях германской литературы начала нынешнего столетия, так что читаю с интересом. Часов около одиннадцати сажусь около окна и гляжу по широкой, поросшей травой улице Нового Строения, с ее низенькими белыми домиками и рядами зеленых пирамидальных тополей. Но меня занимают не тополи, а приземистый, рыжеватый хохлик-почтальон, который не спеша проходит в этот час по нашему «Строению»... Хохлик, конечно, проходит без последствий мимо, и я снова принимаюсь читать... Часов около трех мы отправляемся обедать. Обедает брат вместе с тремя другими знакомыми — товарищами у некоего доктора Женжуриста[3], так что за стол нас садится семь человек: Женжурист, флегматичный и добродушный хохол, его жена — худенькая, нервная и болезненная женщина с превосходными «южными» глазами, затем Орлов, милый, но очень странный и смешной человек с громадною круглою головою и с лицом эскимоса, некто Нечволодов[4], — болгарин, и затем еще один статистик — «безличная» личность... После обеда отправляемся купаться и почти на каждом перекрестке (в Полтаве буквально на каждом перекрестке построено по 2–3 будочки, где продают сельтерскую воду с сиропом) и пьем эту самую воду. Часов от 5 до 7 брат снова занимается, а вечером всей компанией отправляемся гулять за город. Особенно хорошее впечатление оставила вчерашняя прогулка. Пошли по Новому Строению, которое выходит прямо в поле. Окраины Полтавы вообще не имеют ни капли сходства с окраинами, напр., Орла или Ельца, где обыкновенно начинаются грязные лачужки, кучи мусора и т.д. Здесь окраины состоят из чистеньких, белых хат среди густых садиков с гигантскими тополями. Мы прошли около плетней и вышли в поле. Далеко-далеко за степью догорал закат... Кое-где в хуторах мигали золотые огоньки... Мы пошли по межам среди хлебов и копен (уже косят) и все как-то сразу примолкли. Тишина и теплота настоящей украинской ночи, дремотный сухой треск кузнечиков и далекий мирный свет запада повеяли на всех как-то успокаивающе, напомнили, может быть, всем самые хорошие минуты в жизни. Когда же наконец все сели где-то на меже, я лег поодаль и все думал... Варенька! дорогая моя! ведь ты знаешь, как ты близка мне, знаешь, что самые поэтичные минуты всегда связаны с тобою, и поэтому можешь понять, о чем и о ком я думал! Если бы ты была со мною в это время! Я бы положил голову к тебе на колени, целовал бы твои ручки... Тысячу раз прав Б<орис> П<етрович>, когда сказал, что иногда достаточно взять за руку любимого человека, чтобы на душе стало хорошо и спокойно!

Потом Женжурист и Нечволодов запели прелестную грустную песню — «И солнце не гріе, и вітер не віе»... А в полях уже стало совсем темно. «Теплым ветром потянуло, смолк далекий гул, степь безмолвная уснула, гуртовщик уснул»...[5]

Воротились мы уже около часа ночи.

Однако что же он о деле-то? — скажешь ты. Уверяю тебя, Варя, я не так глуп, чтобы не думать о нем, т.е. о возможности поскорее устроиться. При всей моей непрактичности, я никак не могу забыть такой простой вещи, как вопрос о материальной стороне нашей жизни. Говорил, как уже писал тебе, брату о месте, просил его спросить у его «влиятельных» знакомых. Но последние, т.е., напр., заведующий статистическим бюро Кулябко-Карецкий[6], или на дачах, или в отпуску. Кулябко-Карецкий собственно в Кременчуге, так что сейчас ничего нельзя сделать. Брат предлагает мне в случае моего поступления на какую-либо службу в Полтаве, кроме нее еще заниматься у него, помогать. У него такая масса работы, что ему одному трудно. «Вознаграждение» — 25 рублей. Если я займу место в Полтаве хотя рублей в 20–25 да эти 25, да зарабатывать литературой буду по меньшей мере около этого — я думаю хорошо. С этим вполне согласен и брат и не видит в этом ничего призрачного или невозможного... Говорю это потому, что ведь ты думаешь будто я всегда воздушные замки строю. До ноября, говорит брат, все-таки надо подождать венчанием — спокойнее будет, когда и я и ты будем определенно знать, что меня не возьмут. Тебе же все-таки непременно следует уехать в августе или в начале сентября в Орел, в Витебск<ое> правление[7]. Напиши мне, что ты думаешь еще вот про что: ведь если Б<орис> П<етрович> уедет, я могу остаться при редакции. Я писал тебе, что Н<адежда> А<лексеевна> говорила мне об этом. Ведь это тоже было бы хорошо. Ну, пока будет. До скорого свидания, ненаглядная моя! Приеду числа 15-го, но, конечно, до того времени еще 10 раз напишу.

Весь твой И.Бунин.

Полтава, 1-го июля 91 года.

Следующее письмо до востребования, К.П.<С. или О.?> буквы только поставлю[a].

73. В.В.ПАЩЕНКО

7 июля 1891. Полтава

Полтава, 7 июля.

Я, милая, прежде всего хочу попросить у тебя извинения: я написал Ел<ене> Ник<олаевне> письмо[1], где немного резко выразил свое удивление по поводу твоего молчания. Не принимай этого в расчет, дорогая

---

[a] Последнее предложение приписано в начале письма.

моя, хорошая! Я опасаюсь только одного, — или тебя или Ел<ены> Ник<олаевны> нет в городе, так что не пропадают ли мои письма даром? Поэтому это письмо пишу наугад...

Я уже писал тебе, что теперь, когда все почти «нужные» люди поразъехались из города, ничего нельзя сказать определенного о месте в Полтаве. Писал также, что брат обещал мне непременно позаботиться для меня о месте, чтобы потом известить. К этому могу прибавить, что в Полт<авском> сельско-хозяйств<енном> обществе будет вскоре свободно место помощника (младшего) бухгалтера; заведующий там некий Квитко[2], через которого можно будет получить это место. Придется только пройти руководство по бухгалтерии, — это весьма нетрудно. Когда это будет определеннее — брат мне сообщит...

Ну-с, о деле, право, больше нечего сказать. Что можно сделать в такой короткий срок, который я пробываю в Полтаве? Но повторяю тебе, — я вовсе не легкомысленно отношусь к такой важной для меня вещи, как получение места.

11-го или, самое позднее, 12-го я уезжаю из Полтавы. В Орле пробуду до 16-го. Пока же живу по-прежнему. Ездили, между прочим, кататься на лодке впятером: я, Юлий, Лидия Александровна Женжурист, Нечволодов и Орлов. Поехали часов в 9, вниз по Ворскле. Месяц стоял еще невысоко и далеко по широкой реке, между темными берегами, дрожали золотые отражения от него. Около лодки вода походила на темное масло, разбегаясь плавными, тихими струями... Гребли медленно, но лодка шла вниз по течению, и скоро начали открываться роскошные виды: то, напр., плывет между высокими узкими берегами; потом река делает крутой изгиб и мы выплываем на широкую водную равнину, освещенную месячным, прозрачным туманом. По берегам шли рощи, которые стояли совсем черными и молчаливыми... Часам к 12-ти мы приехали в Терешки. Терешки — малороссийские хутора на берегу реки; туда обыкновенно съезжаются целые компании, так что и теперь мы увидели на берегу костры и целую ватагу студентов-хохлов. Они пели песни, бродили по берегу и вообще вели себя как истые хохлы, попавшие после города в родные хутора. Мы закусывали в настоящей украинской хате, чистенькой, просторной, с образами, убранными засохшими ветвями березок. И слушал разговор семьи и быстрые певучие интонации Олэны, которая подавала нам молоко и «коржики», мне все казалось, что я на малороссийском спектакле. Воротились мы уже в 6 часов. Плыли медленно, и хорошо мне было на заре глядеть на рассвет над широкой, живописной рекой!.. Только отчего мне всегда при рассвете вспоминается Воргол? Видно никогда не забуду этой ночи «поздним летом»...

Дорогая моя, радость моя! Когда же это я увижу тебя? Ведь разве возможно этими дурацкими кавычками, называемыми буквами, сказать что-нибудь как следует?.. Впрочем, стараюсь не скучать и работаю над одной вещью. Не хочу говорить, потому что ты недоверчиво относишься

к моим работам, но покажу, как приеду. Когда увижу, где? — ничего не знаю...

Целую мои ненаглядные «глазы», губки и лобик!..

Весь твой И.Бунин.

От Н<адежды> А<лексеевны> и Б<ориса> П<етровича> получил очень теплые письма[3]. Что ты ей писала?

74. В.В.ПАЩЕНКО

12 июля 1891. Полтава

Полтава, 12 июля.

Милый мой зверочек! Сегодня в 2 часа ночи выезжаю из Полтавы. Как тебе известно, мне нужно в Ельце приписаться к воинскому участку[1], — я дал подписку вернуться в половине июля. Это раз. Во-вторых, я еду 22-го с Над<еждой> Ал<ексеевной> в Москву[2]... Ergo[a], — оставаться в Полтаве больше нельзя.

Я уже писал тебе, что пробуду в Орле до 16, т.е. из Орла выеду 15-го с ночным. Это письмо ты получишь 14-го днем, следовательно, вполне можешь написать мне в Орел: 15-го вечером письмо твое будет в Орле, я схожу получу в 8 часов. Напишешь мне, где я тебя увижу... если, конечно, хочешь или, лучше сказать, *можешь* меня видеть...

Бога ради, не прими последнюю фразу за «ехидство»... Правда, меня очень и очень удивляет, почему ты не захотела написать мне хоть пару слов о себе... Да и как я могу не удивляться? Как могу объяснить? Думать, что не было времени — значит думать чепуху: ведь писала же ты два раза Над<ежде> Ал<ексеевне>... Домашние дела? Они еще тихи. Наконец, — нерасположение писать вследствие плохого и неопределенно-томительного душевного состояния?.. Но как я могу допустить его после наших последних разговоров? Милая, хорошая моя! Я знаю, что прежде оно было, и, ей-богу, искренно говорю тебе, что виноват перед тобой, не сумевши, вследствие своего плохого настроения, вникнуть в твое положение... Но теперь?...

Прощай пока, Варюшечка, и хоть не забывай того, что я всегда, как и теперь, искренно и горячо любил тебя...

75. В.В.ПАЩЕНКО

14 июля 1891. Орел

14 июля 91 года.

Ходил сейчас на почту, получил твое письмо и окончательно попал в тяжелое, запутанное положение. Я и раньше понял — из твоего молчания и кое из каких мелочей, которые узнал, — что для меня многое кон-

---

[a] Следовательно (лат.)

чено, *многое ушло* и не вернется... Теперь я убедился в этом *бесповоротно...* Но все-таки пишу с невольным чувством боязни и неловкости: я боюсь, что ты не вполне поверишь мне, не вполне поймешь меня... А написать я *должен,* не могу смолчать и, ради Бога, вдумайся в то, что я скажу. Я спрошу тебя прежде всего: скажи мне, — были ли у тебя хоть *когда-либо, хоть раз* основания думать, что я тебя не любил и не люблю? Нет! Называй как хочешь мою любовь — мальчишеской, глупой, — но не забудь, что мое чувство к тебе было и есть *жизнью* для меня, что я готов был на все из-за него, что каждый твой неласковый взгляд был для меня мукою и да, мукою! Это не фразы! Никто не имеет права не поверить мне, никто! Много раз я говорил и теперь повторяю: только у скота не бывает минут, когда[а] бывает не до фраз и не до фанфаронства... Что же мне ставить в упрек? То, что у меня бывали сомнения относительно полноты твоего чувства? Да я сам всем сердцем страдал из-за них, меня самого против воли толкали на них факты! Что же еще? На чем основаны твои последние мысли, что я разлюбил тебя. Если разлюбил в месяц — значит прежде не любил сильно? *Нельзя* этого говорить! Нельзя было без сильной любви вынесть все оскорбления и ненормальности на Воргле в прошлом году, нельзя было доходить до безумного отчаяния при каждой нашей размолвке, нельзя было, наконец, чувствовать в каждую покойную минуту такую невыразимую нежность, ласку к тебе, как к самому дорогому, ненаглядному моему другу... Повторяю — избавь Бог тебя думать, что я преувеличиваю, желаю пробудить в тебе сожаление ко мне. *Нет,* никогда! Не думай также, что я сейчас в экстренном настроении — я в твердом уме и трезвой памяти, я давно ко всему приготовился. Ты говорила, что я стал рассудителен, что у меня, значит, угасло чувство. Что это? Как же ты говорила мне постоянно, что веришь мне во всем? Но всему есть предел, во всем есть известные перемены формы. Я на каждом шагу слышал упреки и просьбы не поддаваться тоске, уметь владеть собою, закрывать чувство. Я обдумал, во многом согласился, понял, что лучше пусть на душе будет беспросветное несказанное горе, но я не буду забывать о внешней жизни, не допущу себе размозжить голову... У всякого[б] существа есть животное тяготение к жизни, есть, значит, и у меня. Ведь если бы это «размозжение» было только в теории, а то ведь ты знаешь, что мне бывало не до шуток! В чем же упрек мне? Он вынуждает меня сказать теперь совсем неуместное и никому не нужное — сказать, насколько было у меня каждый час полно сердце любовью к тебе, ласкою... как каждый день у меня холодели руки, когда почтальон проходил без последствий; не знаю, наконец, насколько мне лучше сейчас, чем в послед<нюю> ночь на Воргле, но знаю, что задавлю отчаяние! Не сожаления, ни бессилия ни от кого, ни от себя не хочу! Та часть гордос-

---

[а] Далее зачеркнуто: ему.

[б] Далее зачеркнуто: человека.

ти, которая у меня была долго, долго под спудом, выходит против воли наружу...

И напрасно ты писала мне последнее письмо: во-первых, я *никак* не могу поверить, чтобы не было *двух* минут написать любимому человеку, прочесть его письмо. Во-вторых, то, о чем я просил написать, т.е. где я тебя увижу — ты не написала, не обратила на такой вопрос внимания, а как-то неопределенно говоришь, что мы *когда-то* увидимся в Орле. Не могу опять-таки понять, как можно так неопределенно думать о свидании с близким человеком.

Упреки моему брату незаслуженные[1]. Прежде всего, как могла ты придать значение, что я написал «история»? Разве ты забыла, что эта «история» наполняет мне всю жизнь, что каждый день прошлого в ней я не могу вспомнить без боли сожаления. Ты все это знаешь, ты *должна* верить мне. У меня и мысли в жизни никогда не было отнестись иронически к лучшей, дорогой поре моей молодости. Брат знает, что у меня своя голова и что, следовательно, он *ничего* не мог дать мне кроме совета: владеть собой, помнить серьезность брака и поскорее, поэнергичнее устроить себя, чтобы была покойна наша жизнь с тобою. Богом тебе клянусь, что брат мой не осел, чтобы посметь, не зная тебя, относиться к тебе дурно. Значит, я дурно относился? Да что же это, это что-то дикое! А составить несколько фраз по-франц<узски> в духе второго класса я умею. Прощай. *Не хочу,* чтобы у тебя осталось дурное воспоминание! Не хочу, чтобы ты никогда не пожалела наше прошлое. И *только* из-за этого прошу: вспомни все, подумай, любил ли я, люблю ли и какая будет у тебя жизнь, новая... А для нашей — конец!

76. В.В.ПАЩЕНКО

16 июля 1891. Озёрки

Нет, ей-богу, не могу так. Никогда не прекратится моя подозрительность, никогда я не буду спокоен и не исчезнут между нами ссоры, которые утомляют тебя и расстраивают нас обоих, никогда, повторяю, — пока ты не станешь со мною во *всяком* пункте откровенна. Ты подумаешь: «нельзя без этого, ибо он человек, который изо всего готов устраивать черт знает что, который чересчур стесняет мою жизнь»... Что же, в самом деле, предпринять в этом отношении? А вот что: если обстоятельства уже стали на ту точку, что ты уже не находишь удовольствия и удовлетворения жить главным образом для меня, как я живу для тебя, если ты ощущаешь противное *часто* — серьезно говорю — нам надо разойтись или же, по крайней мере, сказать это определенно, чтобы запросы в этом отношении уменьшились. Если же этого нет — надо тебе быть *прямее, дружественнее, открытее, как можно более.* Я, с своей стороны, глубоко сознав, что я иногда чересчур преувеличивал кое-что, даю тебе слово быть терпимее, быть таким *без всякой натяжки и тягости,* т.е. действовать так, не скрывая в себе ничего, но пото-

му, что скрывать будет нечего — ну, яснее сказать, *не будет во мне* этих неудовольствий, которые я тебе высказывал.

Ну да будет. Ради Бога, прошу тебя еще не думать, что я сомневаюсь в чем-либо относительно тебя или претендую... Нет, милая, бесценная моя!

Где же мы увидимся в Ельце? Я приеду туда дня через три-четыре, — *когда именно,* напишу. Ты, с своей стороны, напиши, где я тебя могу увидеть. Напиши поскорее, да поподробнее. «Марку прилагаю»... Деточка, не рассердишься? Ведь ты, помнишь, сама говорила, что так лучше устранить неудобство относительно того, на что тебе брать у родителей деньги.

Следующее письмо будет на Лену[1], а потом можно еще выдумать адрес. Ты же, конечно, на *«Измалково, завод Е.Бахтеярова, мне».*

Ну, прощай пока. Смотри, не передумай относительно Полтавы. Я все *устрою твердо и определенно.* Господи, до чего я нетерпеливо жду этого счастия, когда ты наконец будешь моею *женою!* Помнишь, бесценный зверочек, тебе даже это слово было приятно. А теперь? да?.. Ради Бога, устрой свидание. Ведь каждый твой поцелуй, каждое слово оживляют мне всю душу!

77. В.В.ПАЩЕНКО

18 июля 1891. Озёрки

18 июля Озёрки.

Сегодня, Варенька, ездил к земскому начальнику и не застал его дома. Будет только завтра. Следовательно, и приехать могу в Елец завтра не утром, а вечером в 8 ч. 40 или же послезавтра в 7 часов утра. Во всяком случае, значит, завтра в Пет<ербургск>ую гост<иницу>[1] не заходи, а *зайди 20-го...* Может быть, кроме этого, и на платформе завтра встретишь? — хотя я и не утверждаю *вполне,* приеду ли вечером или утром. Во всяком случае на платформу приди, если только будешь свободна вполне. А *туда* (20-го) приди, *пожалуйста,* ангелочек мой! Только приди опять такою же милою, ласковою и любящею девочкою! Ведь ты не знаешь, как я любуюсь тобою в такие светлые минуты! Я хочу поехать в Москву[2] совсем счастливый и веселый, хочу еще раз видеть тебя такою же ненаглядною, *определенною, моею,* хочу поговорить с тобою!.. До скорого свидания, зверок!

Весь твой И.Бунин.

78. В.В.ПАЩЕНКО

20 июля 1891. Елец

20-го, Елец.

Варенька! дорогая моя! я положительно не знаю, когда же наконец у нас кончатся недоразумения. Твоя записочка в Пет<ербургской> гост<инице> меня удивила ужасно: почему ты нашла мое письмо делан-

ным[1]? Ведь это же обидно! Если деланное — как же веришь? Богом тебе клянусь, что для меня невыносимо тяжело такое недоверие. Я не хотел тебя видеть? Писал ласковые слова без всякого чувства? Да что же я за негодяй такой? Я решительно забыл, что тебе нельзя быть 20-го и немудрено. Мне было слишком радостно, слишком я был удивлен тем вечером! Но если бы я не забыл, я бы послал к черту всех земских начальников и все дела. Ты не можешь не верить, ты знаешь, что для меня всегда была дороже всего каждая минута свидания!..

Или опять деланное?.. Бесценная моя! ради самого Создателя, зайди *поскорее* в Петербургскую, хотя на *10 минут, умоляю!* Я измучился! И если ты не поверишь мне хотя наполовину, тогда я не знаю, что мне думать.

Твой И.Бунин.

Когда к Ворглу? Надолго ли?
Зайди — *Ради Бога! Поскорее!*
Я не могу так уехать.

79. В.В.ПАЩЕНКО

21 июля 1891. Елец

Если, Варечка, тебе не придется переживать утомительной сцены с этой.., если ты не сердита на меня и если вчерашний день и наше чтение *все-таки* (т.е. несмотря на проклятый последний разговор) оставили в тебе хорошее впечатление, — приходи, дорогаечка моя, *поскорее.* Ведь я нынче, зверочек, уеду и мы расстанемся почти на неделю. Приходи, моя ненаглядная девочка! Я тебя очень люблю!

80. А.Н. и Л.А.БУНИНЫМ

22 июля 1891. Орел

Дорогие мои!

Был в Полтаве, — Юринька жив и здоров, обещается *непременно* приехать в августе. Мы послали вам письмо[1] с его карточкой, но вы, оказывается, его не получили — верьте не верьте, а ей-богом клянусь, не вру. Он, вероятно, еще вам писал. Был я, как известно, в Глотовом, ездил к Кузьмичу за метрической выписью, не застал его и никак не мог заехать в Озёрки, потому что торопился в Орел, 22-го мы обязательно должны были ехать с Над<еждой> Алексеевной в Москву[2]. Нынче 22-е и мы вечером едем. В начале[a].

---

[a] Далее текст утрачен.

81. В.В.ПАЩЕНКО

22 июля 1891. Орел

Орел, 22-го июля.

Приехал в Орел, не застал никого дома (Н<адежда> А<лексеевна> была в гостях, Б<орис> П<етрович> на пожаре) и нашел на подушке в спальне твое письмо. Сперва я не хотел его прочесть: ты сама говорила это... Но сообразив, что знать твое отношение ко мне в такую исключительную минуту, котор<ая> была, весьма важно, разорвал конверт и к концу письма пришел к заключению, что *необходимо* даже поговорить о нем... Но прежде вот что: ради Бога, не подумай, что я сейчас хоть *немного* настроен против тебя, что я буду «рассуждать» и т.д., — нет, милая, дорогая моя! Ведь вот какое неудобство писем: если бы мы сейчас говорили не на бумаге, ты бы могла *видеть, как* я говорю, чувствовать, что я люблю тебя нежно, всей душою, что говорю потому, что ты дорога мне. Поверь мне, ненаглядная Варенька!.. Ну так вот, ты в начале письма говоришь: «я не хотела писать тебе: ведь и у меня есть гордость»... Конечно, есть, но причем она тут? Обидел я тебя? Или, лучше и точнее, *была ли у меня цель* обидеть? Нет, не была!.. Разлюбил? Опять нет. Отказывался от тебя? Но ведь это был не отказ от тебя *добровольный* (выстраданный, Варя!), а скорее, если можно так выразиться, заявление, что *я считаю* все конченным, что я думаю, что у тебя совершенно упало чувство! Если я ошибся, то разве этим можно оскорбить в том *случае, когда для этого была масса поводов.* Я упоминал про свою гордость[1], так ведь... ну, ей-богу, она страдала. Подумай, — поставь себя на мое положение: ты меня любишь, ты дорожишь моими письмами, хочешь знать, положим, где я, что со мною, *просишь в каждом письме написать тебе,* и я ни *на одну просьбу не обращаю внимания!..* ну разве не станет больно и обидно? Именно в таком положении (да в него входило еще другое кое-что) был я... Вот тут уже действительно страдает гордость, и, я думаю, будь ты в таком полож<ении>, обиделась бы очень... Правда?.. Дальше ты говоришь, что я «вполне отомстил тебе, нанес страшный удар и чувству, и самолюбию, и гордости». Нет, милая, хорошая моя! *Ничем,* не *желал* и не думал наносить...

Наконец, ты пишешь: «если бы мы уже сошлись с тобой, то твое разочарование принесло бы тебе еще больше мучительных минут, чем теперь»... Это отчасти правда. Я никогда не хотел тебя оскорблять, *не мог* никогда *желать* разрыва, всегда любил тебя... но как же? — спросишь ты... А так, что я с каждым днем все больше привязываюсь к тебе (это правда, Варенька!), с каждым днем все более хочу видеть с твоей стороны близости ко мне, дружбы, и предъявляю все бóльшие желания... Понятно, что когда они не исполняются, мне становится тяжело невыносимо... Разлюбить тебя я не могу, потому что ты знаешь, *как* я тебя любил и люблю... От любви излечиваются, уходят так же, как, напр., утешаются: только навсегда, дорогая моя, остается в сердце... ну как бы это? — предмет что ли, который можно долго-долго оплакивать втайне

и любить постоянно... Но при всем том уйти возможно *в силу той же любви,* когда не видишь и *уже нет* надежды на чувство милого человека...

«Прежде ты сам говорил, — пишешь ты в конце, — что на все готов для меня, теперь у тебя явилось животное тяготение к жизни»... *Да,* но есть временные пределы к готовности. Когда убеждаешься бесповоротно, что готовность эта никому не нужна, тогда что же? Животное тяготение... только «животное» не в смысле «скотского»... Если это было настроением минуты, то я хочу надеяться, что ты сочтешь (да и считала уже!) его несправедливым и хоть для меня не будешь давать им воли. Зачем они, Варенька? Зачем, напр., ты сейчас же не отогнала мысль о деланности моего письма из деревни[2]? Что было деланного? Или тебе показалась деланной моя фраза, что я «любуюсь тобою, когда ты милая и ласковая»? Нет, любуюсь, повторяю. Если бы ты только знала, как я ценю такие минуты! Да и как не ценить их, когда ты в них совершенно забываешь *всякие* сомнения, когда все лучшее, все благородное и дорогое мне выражается у тебя в полноте, светится в твоих дорогих вымытых «глазах» и чувствуется в каждом звуке твоего голоса! Драгоценная моя, радость моя, голубчик мой! Люблю тебя! В Казаках ничего нельзя было сказать! В такие маленькие свидания всегда выходит так, что както растериваешься и *ничего* не скажешь...

На Воргле Арсик все заводил речи о наших отношениях, о тебе и т.д. Все это навело меня на мысль сказать тебе следующее: я нисколько не ревную, не смею не верить тебе ни в чем в этом отношении, но мне положительно неприятно, что он по целым дням толкует с тобой о своих чувствах. Я думаю, что тебе должно становиться прямо неловко: это всегда так бывает со всеми, да и понятно. Для какой цели он толкует?.. Словом, я говорю очень серьезно и прошу тебя: *прекрати это!* Скажи ему! Мне это очень неприятно, да и как я отделаюсь от этого чувства? Ведь вот тебе неприятно немного, что я еду с Н<адеждой> А<лексеевной> в Москву, а представь себе, если бы она все время толковала со мной о любви... предположим, что она любит... о чувствах своих, и я бы все выслушивал бы, не давая понять, что мне неловко... Ей-богу, ты рассердилась бы и подумала про меня, что я желаю этого... Ну, словом, я *не могу* не сказать, что это надо остановить!

Я, ей-богу, милая, стесняюсь писать на Ан<ну> Ив<ановну>[3]. А ну как письмо попадет маме[4]? Ведь сколько оскорблений вынесет Ан<на> Ив<ановна>! Бог знает, что будет. Напиши, что ты думаешь об этом и нельзя ли писать куда-либо? Из Москвы (едем, оказывается, завтра) напишу тебе и надеюсь на ответ. До свидания, деточка моя! Прочти все повнимательнее и тогда ты поймешь, что я *ни словом* не хотел тебе доставить неприятного. Еще раз спасибо за любимую карточку, за хорошее, милое письмецо, которое так успокоило меня. Не забывай и ты меня! Я как-то невольно все еще боюсь за это. Целую милое личико, губки и, как всегда, дорогие «глазы». Люблю тебя, Варенька, верь мне!

Весь твой И.Бунин.

P.S. В первый день приезда в Москву снимусь. Как прислать карточку? Сколько пробудешь на этом Воргле?

Тет<ке> записочку посылаю[5].

82. В.В.ПАЩЕНКО

26 июля 1891. Москва

Москва; Неглинный проезд,
номера г-жи Ечкиной,
26-го.

Прости, дорогая Варичка, за молчание. Ей-богу, голубчик, нельзя было написать раньше. Выехали мы из Орла 23-го, 24-го утром были в Туле и просидели там до часу ночи, — у Над<ежды> Алек<сеевны> были дела. Можно бы, значит, было написать оттуда, но дело в том, что мы всю ночь в вагоне не спали и я навел[1] это в Туле: проспал до трех часов. Перед самым... как бы это сказать? — просыпанием (глупое слово?) мне приснился какой-то пустынный берег моря, однообразно-медленный шум прибоя и стая белых чаек на прибрежье. Они сидели и, как мне казалось во сне, с нетерпением ждали ветра. В воздухе было как-то томительно и душно... Казалось, что если не повеет ветром, ничто не выдержит этого напряженного состояния... Я сам ощущал это напряженное состояние и когда наконец открыл глаза, то сообразил, что все это произошло от духоты в номере. Но сон оставил впечатление. Я полежал несколько минут с закрытыми глазами и у меня создалось несколько картин в духе сна, создалось какое-то хорошее стихотворение в прозе, которое наполнило душу обычным в такие минуты высоким чувством «поэзии» и эстетического наслаждения своими представлениями. Это — частички творчества, и ты не думай, Варенька, что я говорю «слова»: чудные минуты! Когда я сел обедать, я старался, по обыкновению, мало говорить, оберегал свою внутреннюю работу. Понимаешь ты это ощущение? Оно похоже на ощущение после первого признания в любви, после целомудренного счастия первых поцелуев... Повторяю, — может быть, тебе это покажется словами, но это будет только потому, что я не умею выразиться... Ну, словом, как бы там ни было, а после обеда я сейчас же сел строчить и написал не то сказку, не то стихотворение в прозе[2]; вышла, как мне кажется, неглупая вещичка... Напечатаю ее в «Заре» (московское издание)[3] и тогда покажу тебе или раньше, — в черновике... Если же ты поверишь, что все это было так, — Над<ежда> Алек<сеевна> тому свидетель... Вечером мы побродили по Туле (плохой, пустынный и какой-то голый город) и благополучно отбыли. Вчера мы первым делом (приехали утром) напились чаю и отправились на выставку; пробыли там до трех часов, после чего захотелось побродить по Москве; были в Кремле, а вечер — в «Эрмитаже»[4]. Содрали там с нас ужасно, но зато слышал одну тирольскую песню, спетую Тартаковым[5], — говорю одну, потому что оперетка, «Le marchand

d'oiseaux»[6], в которой он пел вчера, до того глупа, бессодержательна и немузыкальна, что в ней не было ни одного почти хорошего места. Да и странно было видеть Тартакова, откалывающего глупейшие опереточные вещи, глупенькие остроты и т.д.

Сейчас сел тебе писать, но в сущности порядочного письма не выйдет: Над<ежда> Алек<сеевна> ходит по нумеру и дожидается: надо ехать на выставку, сегодня нам должны выдать бесплатные билеты. Сказали — явиться в одиннадцать часов, так что сейчас надо отправляться. И впечатления от выставки и все, что хочу сказать, напишу вечером. До свидания, деточка! Богом тебе клянусь, что страшно хочу поговорить с тобою, дорогая моя, милая, ненаглядная! До вечера. ***Пиши, адрес написал,*** да и раньше ты его знала из письма Н<адежды> А<лексеевны>.

Пробуду здесь до вечера 1-го числа, — напиши, значит, до этого времени, где увижу. Вечером напишу хорошее письмо! Прости за это, прости за мою вину.

83. В.В.ПАЩЕНКО

27 июля 1891. Москва

Москва, 27 июля.

Вчера, ненаглядный зверочек, я обещал написать тебе вечером. Не исполнил этого вследствие «переутомления». Воротившись с выставки, мы обедали в Большом Моск<овском> трактире (sic!), слушали попурри из «Демона»[1] и «Евгения Онег<ина>». Машина там — лучшая в России, но испортила она мне впечатление «Тореадором» из «Кармен»[2]; ты знаешь, что это производит на меня немного... нехорошее впечатление (постоянно связывается с представл<ением> об Алейник<ове>), а она, проклятая, как нарочно, после означенного, — два раза подряд «Тореадора»!

Ну да это все глупости... Ну так вот — из «Московского» я отправился в библиотеку, надо было кое-что посмотреть, — и просидел там почти до 7 ч. Воротился в нумер, выпил стакан чаю и на выставку — хотелось посмотреть, что там такое творится вечером. Оказалось — ерунда. Вечер был дождливый, публики было 5 человек с небольшим (лицезрел Андрея Коротнева![3]), освещение — самое скаредное (скупы французы!)... только фонтаны немножечко очаровали... Воротился я иззябший и с мокрыми ногами, почему и заснул вскоре... Сейчас был в редакции «Зари». На Петровке вошел в темные ворота д. Кредитного общества, прошел по грязному застроенному двору и очутился во входе небольшого каменного флигеля. Проследовал далее по узеньким темным сеням и, завернувши направо, очутился в низенькой каморке. Два шкафа, стол с бумажками и бумаги и громадная, безобразная старуха с лошадиным лицом! Можешь себе представить! «Могу видеть секретаря?» — «Нет». — «Когда же?» — «Часа в четыре»... Вздохнул и поскорее выбрался...

Надежды Алек<сеевны> сейчас нет, она поехала по делам, заедет к Юл.Игн.Закс, куда я должен за нею зайти и путешествовать на выставку... Ну вот тебе и все... так сказать, «официальный отдел»... Про «неофициальный» должен тебе сказать, что я иногда затрудняюсь писать в нем: часто хочу написать тебе нежно, ласково, но боюсь твоего недоверия: ты же не веришь мне теперь! А я не могу так писать: верь мне!.. Вот тогда, когда я уехал в Полтаву, помнишь, что я тебе писал из Орла[4]? До чего искренно и любя я говорил с тобою! И ты в то же время спрашивала Н<адежду> А<лексеевну>, не разлюбил ли я тебя, сомневалась и т.д. Драгоценная моя! оставь это. В сотый раз повторяю: ***нельзя*** нам друг другу врать хотя бы в мелочах, — из этого создается недоверие друг к другу; раз заметишь неискренность — в другой раз будешь невольно не верить... мы сами можем себе много-много портить этим и, понимая это, я не могу так поступать, не говоря уже про то, что если врать *тебе*, — значит быть негодяем. Кому же тогда не врать?.. Эх, Варенька, если бы сейчас передо мною была не фотография «Анели *Клименко*»[5], а живая Варюшечка! Деточка, бесценная моя! Милые, драгоценные, умные, «остренькие» глазки! Только на бумаге могу поцеловать их! Издалека все мое сердце рвется к тебе, родная моя, деточка, зверочек мой сладкий!..

Прощай пока... Весь, весь, весь твой Иван.

84. В.В.ПАЩЕНКО

30 июля 1891. Москва

Москва, 30 июля.

«Бей, но выслушай!» или лучше прочти, *подумай и тогда уж сердись.*

Я положительно не знаю, когда я избавлюсь от тяжелой необходимости напоминать тебе, милая Варичка, что не писать мне — *нельзя.* Ведь, ей-богу же, самому неприятно говорить об этом (выходит какой-то постоянный упрек!) и тебе, вероятно, слушать скучно... Теперь говорю решительно в ***последний*** раз: не *могу* быть в таком положении, — не стану сам писать, решивши предоставить тебе судить как придется о моем чувстве...

Ты начинаешь мне не верить, что я люблю, напр., из-за того, что я стал будто бы спокойнее, из-за того, что я иногда не сумею сдержать себя... Скажи, ради Христа, — что я могу думать? Я тебе сотни раз говорил, что я буду довольствоваться *двумя* словами от тебя, что не получая от тебя никакой весточки, постоянно ожидая ее, *т.е. находясь то в вере, то в неверии (невольном опять-таки!)*, — словом, в напряженном состоянии, которое томительнее всего на свете, — я дохожу минутами черт знает до чего. Сотни раз прошу об этом и — нуль внимания! Не любишь писать? Но ведь меня любишь? Если так — можно войти в некоторый компромисс с своим желанием? Знай я, напр., что

ты страшно желаешь... ну, допустим нелепость, чтобы я пешком припер в Елец из Москвы, — Богом клянусь, пошел бы... Конечно, если уж нежелание очень сильно и превышает любовь — тогда избавь Бог это делать...

Варя! дорогая моя! Ведь ты знаешь, что я ценю каждое проявление твоего чувства, каждое ласковое твое слово и на каждую ласку во всякий момент я отзовусь всем своим сердцем, всем, что есть в нем хорошего и любовного! Часто в думах, отдаваясь своей любви, я готов бы был расцеловать твои ножки, каждый пальчик твоих ручек!.. Но homo sum...[a]. И поэтому не должна бы приписывать мои невольные плохие настроения тому, что я тебя не люблю... Только повторяю, что я решительно *не могу* быть в таком положении. Оно даже глупо и обидно: получать постоянно на ласку и на свои слова молчание — незавидно... Помни, что я ни с кем не соглашусь, что это пустяки — я этим молчанием многое измериваю...

Весь твой И.Бунин.

Москва наскучила... 4-го буду в Ельце.

85. Ю.А.БУНИНУ

31 июля 1891. Москва

Милый братка! Что же не пишешь? Я в Москве уже более недели[1]. Уезжаю послезавтра. Выставка мне не особенно понравилась... Да, впрочем, можешь почитать в «Ор<ловском> вест<нике>» мои впечатления[2]: Сем<ен> Аз<арьевич> получает. Насчет твоего сотрудничества Н<адежда> А<лексеевна> тебе пишет[3]. Написала еще с неделю тому назад и поручила мне отправить вместе со своим письмом. Я же, как видишь, посылаю только теперь. Ужасно замотался в Москве... Пиши, ради Бога, в Орел, буду очень аккуратен в ответах.

С Вар<варой> Вл<адимировной> снова помирились. Теперь совсем спокоен.

31 июля 91 г.

Всем поклон. Не рассердился Ив<ан> Вас<ильевич>?

86. В.В.ПАЩЕНКО

3 августа 1891. Орел

Орел, 3 августа.

Нынче приехал в Орел. Н<адежда> А<лексеевна> осталась в Туле, чтобы не встречаться с Померанцевой, которая, она думала, здесь. Но Помер<анцевой> не оказалось, не оказалось и Б<ориса> П<етровича>.

---

[a] Я человек (лат.).

Сказал, что уехал в Тулу, но в Тулу ли? Поэтому не знаю — буду ли 5-го? Приди во всяком случае, как писала, в сад в 3 часа. Может быть, Б<орис> П<етрович> вернется или завтра приедет Н<адежда> А<лексеевна>, которой я пишу сейчас о таких qui pro quo[a]... тогда можно будет уехать. А иначе — прекратит «Орл<овский> вест<ник>»?.. Белиберда тут идет ужаснейшая. Если вдруг не приеду *(на что, впрочем, 5 шансов из ста)*, не подумай, что я мог стать небрежным к нашим встречам. Я, ей-богу, так истомился этими разлуками, милый, ненаглядный мой зверочек, что просто, как воздуха, жду увидать тебя!.. Только как же это увидимся? На час? Ради Бога, устрой это подольше, т.е. не час-то.

До скорого свидания, деточка, милая, дорогая моя!

Искренно и горячо любящий
тебя И.Бунин.

P.S. О «политическом» разговоре передам при свидании.

Если не 5 — то 6-го *непременно*. Но все-таки, ради Бога, приди и 5-го.

87. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1891. Орел

Орел, 10 августа.

Я сейчас в Орле, милый братка, вместе с Вар<варой> Влад<имировной>. Она приехала узнать окончательно, получит ли она место в Управлении Орлов<ско>-Вит<ебской> дороги[1]. Кажется, я уже писал тебе, что ей предлагает Над<ежда> Алек<сеевна> еще и другое место — корректора в «Орл<овском> вест<нике>», но последнее представляет вот какое затруднение: зная, что служу в редакции, ее не будут пускать родители служить со мною в одном доме... Впрочем, если в Вит<ебском> упр<авлении> дело не выгорит, она все-таки будет корректировать, для чего, конечно, ей придется совсем перессориться дома. Но оба мы будем служить только тогда, когда уедет Бор<ис> Петр<ович>, ибо при нем служить нельзя, нельзя будет с ним не перессориться вследствие его нервности. Уедет он, должно быть, совсем, числа 20-го. Этот отъезд решился тяжело: позавчера он до того разволновался, что когда пошел спать, хватился об пол в обмороке. Жалко его ужасно, но дело уже решено.

Состояние мое — крайне тревожное. Меня неотступно томит мысль о солдатчине. За последние же <дни> к этому прибавились еще думы о житье-бытье на свете, так сказать «философского» характера. Для чего я только рождался! Я, напр., знаю, что давай я себе волю думать в этом направлении — с ума сойду! Помнишь, — у меня было такое состояние

---

[a] Одно вместо другого (лат.), т.е. путаница, недоразумение.

в Озёрках. Явилась какая-то mania grandiosa[a], — все кажется мелко, пустяково... Ну, словом, я глуп, чтобы выразить все это, но ощущения, ей-богу, тяжелые.

Конечно, с Варей мне сравнительно легко. Мне даже кажется, не женись я, — дело будет плохо... А женюсь?.. Не знаю!

Напиши мне, ради Бога. Завтра еду домой[2], но ты напиши все-таки сюда.

Милый, дорогой мой! Не Верочкину[3] фразу говорю тебе, — страшно желал бы поговорить с тобою, излить тебе душу... Но как? Не умею, да и трудно на бумаге... Впрочем, это пройдет.

Глубоко-глубоко любящий
тебя Ив.Бунин.

Заочно целую тебя и твою руку: в грустном настроении для меня яснее, что ты мой дорогой, глубокоуважаемый друг! Верь, братка!

88. В.В.ПАЩЕНКО

13 августа 1891. Измалково

Измалковская почтовая контора,
13-го августа, $^1/_2$ шестого.

Где пишу, — видишь в эпиграфе, ненаглядный зверочек. Заехал по пути домой. Доехал превосходно. Постоял немного на площадке, поглядел в мутную месячную даль, вспомнил, что теперь уже моя дорогая девочка, — одна-одинешенька, идет по Московской[1], нахмурился было, да скоро успокоил себя. Ведь еще положительно *ни разу* я не уезжал, Варюша, с такою верою в твою нежность и дружбу ко мне, никогда так твердо не надеялся, что нам теперь придется идти вместе. Не изменяй своих решений! Ей-богу, милая, нет достаточных оснований...

Спал, несмотря на свое прокрустово почти ложе, превосходно... Перед Измалковом, конечно, меня разбудил кондуктор, я отдал билет и на минутку прилег... Прилег да и потонул в небытии... Через сон вдруг слышу третий звонок... Вскочил как от электричества — Измалково! Боже мой! ты бы со смеху умерла если бы видела, как я смял в одну руку картуз, брюки, носовой платок, а другой за край сгреб развязанную корзинку и как угорелый без шапки, с всклокоченными волосами, свалился на платформу уже на ходу поезда!..

Послезавтра получишь от меня еще письмо. Пока же... «па-цалуй-те меня!..» Крепко-крепко целую твои ручки и глазочки, милая, хорошая Варюшечка!

Весь твой Ив.Бунин.

---

[a] Мания величия (лат.)

P.S. Поцелуй от меня Борю, — скажи, что *искренно-искренно* прошу не сердиться на меня. Мы, может быть, и не скоро увидимся... Тетечке[2] — мой поклон.

Пиши!

89. В.В.ПАЩЕНКО

13 августа 1891. Глотово

13 августа, Глотово.

Нынче, Варя, — тринадцатое[1]... Конечно, я нисколько не надеюсь, что оно для тебя значительно так, как для меня, — оно не могло оставить в тебе такого дорогого, светлого впечатления, как во мне, но ты меня любишь — и это наш день!.. Почему мы считаем за знаменательный день, напр., именины, а не будем относиться так же к дням, в которые пришлось в первый раз сойтись с любимым человеком?.. Нет, он мне дорог! И поэтому я особенно грустно и весело настроен сегодня... Понимаешь ты это настроение? Мне думается, что и ты испытывала такие два ощущения, сливающиеся вместе... они бывают иногда от хорошей музыки... Ты чутко понимаешь ее и, верно, испытывала такое ее действие...

Когда думаешь о всяком хорошем прошлом дне, всегда кажется, что уже не бывать больше такому счастливому времени... А к этому надо еще прибавить, что эти дни — для нас очень решительные. Что, если наши дела не устроятся и тебе придется уехать в Елец, измучиться и не выдержать?..[2] Может быть, эти дни — были последними нашими днями... Ну что я тогда буду делать?.. Стараться забыть, стараться увлекать себя работою, «суетою дня»? Отуманивать себя?

Ну, а если я не позабуду
В этом сне любви далекий сон?
Если образ твой всегда, повсюду
Я носить с собою осужден?..
Не забудь тогда хоть час разлуки!
И того, кто с гордою душой
Не умел сомнения и муки
Заглушать дневною суетой!
Кто так часто в тайном упоеньи
Мог ценить твой каждый милый взгляд,
Возбуждал улыбки сожаленья
И твоей улыбке был так рад!..

Не прими все за рисовку, за преднамеренность! Помни, что «тайны души — самые великие тайны природы» и выражать их — надо громадное уменье... Я просто не умею выразить...

А хорошо мне потому, что глубоко верю тебе, твоим искренним надеждам идти со мной вместе. Много за эти дни я увидал в тебе такого,

чего не знал прежде. Никогда, ненаглядная, драгоценная моя, не забуду твоей нежности и заботливости обо мне!

Почти вся мучительная ненормальность в будничной человеческой жизни происходит от неуменья быть простыми, откровенными, глядеть кругом ясными глазами... По-моему, так[a]... Знаю, что у тебя, как и всякого человека, бывает масса различных ощущений, в которых поневоле путаешься, знаю, что у тебя и теперь могут подыматься сомнения о нашей будущей жизни вместе... даже, может быть, опять будет приходить в голову вопрос — люблю я его? — *все устранится, все не боязно, если только привыкнуть чувствовать себя с человеком просто, откровенно, пояснее, подружественнее!* Прошу тебя — ради Бога, вдумайся в эти мои слова, постарайся понять это пошире, подведи под это различные частные случаи...

Вот, напр., наши последние дни. Отчего мы чувствовали себя так легко, так уверенно и любовно? — Все, думаю, от той дружественности и простоты, которая мало-помалу устанавливается между нами. А если ты *иногда* думаешь, что мы будем жить скромно, ограниченно, то скажу тебе вот что несколько напыщенными, глубоко верными словами Щедрова[3] (был такой поэтик в 70-х годах)

— Дитя мое! О чем так много дум?
Зачем из глаз украдкой льются слезы?
Доверься мне: не уличный ли шум
В твоей душе о счастьи будит грезы?
Не манит ли тебя тот чудный мир
Таинственный, заманчивый и шумный,
Где жизнь течет, как бесконечный пир
Под звуки оргии безумной?
О, не спеши!.. и если сохранить
Желала б ты хоть искру Божью,
Останься здесь, — там некого любить,
Там все объято пошлостью и ложью!
Лишь с виду — праздник там, лишь издали —
там жизнь

и т.д. Сколько мне представляется тихого, благородного счастия, сколько вечеров, чтений и все с тобою, все вдвоем! Люблю я тебя, зверочек!.. верю тебе!

В каждом чувстве сердца,
В помысле моем
Ты живешь незримым
Тайным бытием!
И лежит повсюду

---

[a] Строки от слов «Почти вся мучительная...» до слов «По-моему так...» отмечены на полях вертикальной чертой.

На делах моих
Свет твоих советов,
Просьб и ласк твоих!

Прощай пока. Завтра буду еще писать.

Весь твой И.Бунин.

P.S. Дома еще не был, — у Евгения. Что у вас? За что, спроси, Н<адежда> А<лексеевна> на меня недовольна? Мне вчера показалось...

90. В.В.ПАЩЕНКО

14 августа 1891. Глотово

Нынче почти весь день пропадал на охоте... Я еще у Евгения, — он упросил меня остаться у него денек... Вчера мы проболтали с ним почти до двух часов ночи, но проснулся я все-таки рано. Вышел на крыльцо и увидал, что начинается совсем осенний день. Заря — сероватая, холодная, с легким туманом над первыми зеленями... крыльцо и дорожки по двору отсырели и потемнели. В саду пахнет «антоновскими» яблоками... Просто не надышишься! Ты ведь знаешь, милый зверочек, как я люблю осень!.. У меня не только пропадает всякая ненависть к крепостному времени, но я даже начинаю невольно поэтизировать его. Хорошо было осенью чувствовать себя именно в деревне, в дедовской усадьбе, с старым домом, старым гумном и большим садом с соломенными валами! Хорошо было ездить целый день по зеленям, проезжать по лесным тропинкам, в полуголых аллеях, чувствовать лесной, холодный воздух!.. Право, я желал бы пожить прежним помещиком! Вставать на заре, уезжать в «отъезжее поле», целый день не слезать с седла, а вечером, с здоровым аппетитом, с здоровым, свежим настроением возвращаться по стемневшим полям домой, в усадьбу, где уже блестит, как волчий глаз на лесной опушке, далекий огонек дома... Там тепло, уютно, освещенная столовая и в ней — Варенька!..

91. Ю.А.БУНИНУ

15 августа 1891. Глотово

Глотово, 15 авг.

Я сейчас в Глотовом, у Евгения. Из редакции уехал 12 вечером, где осталась Варв<ара> Влад<имировна>. Я уже писал тебе, что там идут истории: 25-го августа Б<орис> П<етрович> должен уехать совсем в Киев... Это страшно расстраивает его... Он, я думаю, не убежден, что будет счастлив с Помер<анцевой>, что сумеет забыть свою редакц<ию> и детей... Словом, по моему мнению, думает после нескольких лет вернуться опять в «Орл<овский> вест<ник>». Но он не надеется на это, знает, что Над<ежда> Алек<сеевна> не такой человек, чтобы играть в

такие истории... К этому надо прибавить, что Над<ежда> Ал<ексеевна>, по его мнению, *влюблена в меня!* Что привело к такой мысли, во-первых, крайне дружеское и ласковое отношение Над<ежды> Алек<сеевны> ко мне, то, что она давала мне денег и т.д. Поэтому он еще более мучается — боится, что я вполне займу его место в редакции и за последние дни устроил и ей и мне несколько сцен... Я уехал до его отъезда.

Теперь дело вот в чем: взять денег мне *положительно, буквально негде,* а у меня ни копейки! Надо ехать в город (19-го), где меня будут судить за то, что я не приписался в срок к воинской повинности; надо купить хоть какое-либо пальтишко, ибо у нас дожди и холода, а у меня один сюртук и ни одних подштанников! Надо, наконец, ехать в Орел после 25-го числа. Серьезно, с тяжелым чувством *принужден* тебя просить: *вышли, Христа ради, 20–25 руб.* Я в отчаянном положении. Сейчас пошлю тебе письмо и у меня останется *2 к.*

Если ты захочешь поверить, что мне не до лганья, что нужда положительно приперла меня к стене, убивает все надежды и думы своею *неумолимою безвыходностью* — ты простишь меня за такую просьбу! Поверь, Юричка, не раз уже я доходил из-за денег чуть не до петли, но такого положения еще не было!

Ответь *в Елец* скорее, Богом молю.

И.Бунин.

Умоляю тебя об этом в последний раз в жизни.

92. В.В.ПАЩЕНКО

15 августа 1891. Глотово

15 августа.

Прежде всего, Варенька, увидал из твоего письма, что ты опять под сильным влиянием толков с Б<орисом> П<етровичем> обо мне. Заочно прошу оставить меня в покое! Я не дал ему ни права, ни оснований продолжать толковать обо мне в таком духе... Какой повод думать обо мне, что я надеюсь не работать? Ты просишь меня, дать тебе слово, что буду делать дело... Значит, ты предполагаешь, что, *не давши тебе этого слова,* я надеюсь в то же время «служить» — *т.е. сесть на шею?* Ну, ей-богу, никогда не думал быть на положении старого повара в «Плод<ах> просвещения»[1]!.. Повторяю (*для тебя* только): работа будущая мне очень нравится, работать буду, как следует, и сумею 20-ти часовым трудом в сутки заработать эти 25 р. Ты говоришь, что «Н<адежда> А<лексеевна> не скажет» — но позволь спросить, зачем же она берет меня? Она меня отлично знает... Из жалости что ли? Ну тогда...

Что касается денег, то я, право, не знаю сколько за мною... Знаю только, что из *этих 128 рубл. надо вычесть все то, что я писал в «Орл<овском> вестнике» с самого начала мая.* Да и наконец, буду я что-либо еще писать в нем? Неужели не заработаю?

Насчет моей работы ты еще прибавляешь: «захочешь ли ты себя принудить»? Да как же иначе? Неужто я такой мерзавец, чтобы мог целый век наслаждаться лежаньем?

Затем, — ты говоришь, что если я останусь в редакции, а тебе не придется служить в Правлении — ты «останешься между небом и землей»... Как же так? Ведь ты же говорила, останешься со мной?

«Если скажут, — пишешь ты, — что поступаю вскоре, еду в Елец за вещами»... Что же *письмо,* значит, не пошлешь? Иными совами — наверное останешься в Ельце?..

Ну, видно, — «будь что будет»!

В Орел не еду, в Елец поеду послезавтра, т.е. 17-го.

Когда уезжаешь? Ничего не знаю. Извини за сухое письмо... Тяжело...

Горячо и искренно любящий
тебя И.Бунин.

93. В.В.ПАЩЕНКО

22 августа 1891. Глотово

22 августа.

Хороши чернила, зверочек?.. Извини, деточка!..

Нынче только получил твое письмо; получил (конечно, не сегодня) и твое письмо из Орла о месте[1]. Не писал же тебе больше потому, что... ну, ей-богу, сказать совестно... боялся: почему-то казалось, что Ольгины, может быть, сошли от вас и мое письмо попадет в руки Вар<вары> Петр<овны>. К тому же (в особенности последние три дня) болел, — головные боли и ужасная слабость; а перед этим три дня чуть не плакал от зуб, съездивши на охоту; я писал тебе, что нас целый день парил дождь[2], а я был в одной поддевке. Насколько я доволен, что ты получила место, кажется, говорить нечего. Страшно мучает порою только мысль о солдатчине[3]... Если бы избегнуть!..

Нынешнее твое письмо опять неласковое, холодное... Что мне делать? как еще любить тебя? Не видимся неделю-две и у тебя слабеет чувство! Прости, деточка, не прими за упрек, драгоценная! Почему мне не приехать в Орел, в гостиницу? Я *истомился* в деревне... Смерть моя!

Если вздумаешь написать — то ***поскорее.***

Весь твой И.Бунин.

Как тетя[4]? Как у вас? Поклонись Боре и скажи тете, что я у нее крепко, искренне целую руку за все хорошее по отнош<ению> ко мне.

94. В.В.ПАЩЕНКО

Август 1891. Воргол

Ваше Величество!!

С Верноподданническим благоговением и чувством безграничной любви и преданности к Вашей дорогой и священной Особе смиренно прибегаем с просьбою к стопам Вашим: осчастливьте нас, Ваше Величество, заставьте век молить за Вас Царя Царей, — соизвольте проследовать на Воргол и известить нас о такой Монаршей Милости, — меня в мою вотчину (Измалково, завод болярина Бахтиярова, смиренному рабу Вашему), а витязя Арсения как Вам удобнее. Соизвольте Ваше Величество, *и как можно скорее!..* Осчастливленные сим событием, еще более будем смиренными рабами Вашими и дедам и внукам нашим передадим память о Вас.

Вашего Королевского Величества смиренные и верноподданные

Болярин Иоанн.

<*А.Н.Бибиков:*> Будьте уверены, Ваше Величество, и в моих к Вам верноподданнических чувствах — и примите мое желание Вам долголетия и всяких благ земных в ваше царствование.

Болярин Арсений.

Дан сей в лето от Р.Х. 4753[1] в месяце Аугуст в Вотчине Воргле.

95. Ю.А.БУНИНУ

Середина сентября 1891. Орел

Милый Юрочка!

Что же ты не напишешь? Приедешь ли? Получил ли письма из деревни о продаже Озёрок[1]? Где ты? Ответь, Богом тебя молю.

Твой Ив.Бунин.

Орел, редакция.

P.S. Почему С<емен> Азарьев<ич>[2] ничего не пришлет?

Поклон всем. Как здоровье Лидки[3]?

96. А.Н.БУНИНУ

Сентябрь 1891. Орел

Папа!

Ты написал мне[1], что мы с тобой может быть не увидимся. Это правда. Поэтому я хочу тебе сказать теперь то, что я хотел[a] написать вскоре

---

[a] Далее зачеркнуто слово: сказать.

по приезде в Орел, а именно: *прости меня за всю мою грубость!..* Не думай, что я пишу это из-за каких-нибудь целей — ты знаешь, что я уже давно привык думать, что я должен жить своим трудом и если я и взял у тебя 25 рублей, то я был вынужден, потому что я и теперь хожу без теплого пальто и в отрепанных штанишках.

Мне, конечно, глубоко жаль Озёрок[2], последнего своего угла. Теперь все мы между небом и землей. Прощай же, папа, и прошу тебя, забудь все дурное, вспомни, что было время — я бывал с тобою и почтителен, и ласков, помни, что несмотря ни на что, тебя любит искренно

Ив.Бунин.

97. Ю.А.БУНИНУ

1 октября 1891. Орел

Орел, 1-го октября.

Сейчас получил твое письмо, милый Юричка. Ранее, честное слово, не получал ни одного, кроме твоей небольшой записочки при статье С.А. о банках... Вчера получил письмо от Л<изаветы> Е<вграфовны> из Чув-но[1] (в ответ на мое, в котором я просил ее повидаться со мною и расспросить о тебе), она пишет, что ты беспокоишься обо мне...

Живу я, действительно, не особенно. Я, кажется, писал тебе, что уехал, страшно поссорившись с отцом. Приехавши в Орел, застал здесь Варв<ару> Влад<имировну> — она получила место[2]; но жить мне пришлось не в редакции — Б<орис> П<етрович> все еще до сих пор «собирается» уехать с Померанцевой[3] и, вероятно, никогда не уедет. Если я уже писал тебе, что он страшным образом ревнует Н<адежду> А<лексеевну> ко мне, ты поймешь, что жить мне в редакции нельзя; да он и сам прямо заявил Над<ежде> Алек<сеевне>, что даже тогда, когда он уедет, я должен непременно жить на квартире. Вот скотина!..

Таким образом, я поселился в Узком переулке, на Садовой. Первое время я был совершенно без работы (что я буду писать? дневники дурацкие?), потом он пригласил меня читать корректуру (он все устраняет меня от чисто редакционного дела — не надеется уехать совсем и потому боится, что Над<ежда> Ал<ексеевна>, «будучи влюблена в меня», даст мне полную волю в редакции, так что он, приехавши опять сюда, «может стать под началом у Бунина» (его собственные слова)... Корректуру я читаю с 6-ти часов утра до 12 — получаю за это 15 рублей, или лучше сказать не получаю, а мне их зачитают за мой долг (я должен редакции рублей 100) и обед. Пообедавши я часа в три ухожу к Варв<аре> Влад<имировне>. Она живет на отдельной квартире. Ты спрашиваешь меня про отношения с нею? Они таковы же, как и прежде... Каждый вечер мы бываем вместе и читаем...

Не знаю по каким причинам, но я здорово болен. Исхудал как собака заморенная... Простудил при этом зубы, бегая в редакцию по холодным

зорям, и положительно ревел несколько дней... Хорошо еще, что я сшил себе пальто...

С отцом мы письменно помирились[4] и он прислал мне 25 рублей. Хотел я на них завести себе брюки, но пришлось заплатить 12 рублей за квартиру (я переехал вчера в дом Афонского, на Садовой ул. — в Узком переулке плохо), затем около 5 рублей на зубного врача... осталась х<...> ... Как жить — не знаю... Приедешь ли домой?

А то, если меня возьмут в солдаты, пожалуй и не увидимся. Если не возьмут — приедем с Варвар<ой> к тебе дней на 10-ть в начале декабря[5].

Пиши, *ради Христа,* драгоценный мой, милый Юричка.

Глубоко любящий тебя И.Бунин.

Поклон всем-всем и Л<идии> А<лександровне>[a].

98. Ю.А.БУНИНУ

Середина октября 1891. Орел

Что же ты мне опять не пишешь, Юринька?.. Знаешь, — мне это очень горько. Я тебе ни йоту не врал, когда писал, что во всяком горе и страдании я надеялся не совсем потеряться, помня, что у меня есть человек, в дружбе и участии которого никогда не придется разочароваться, с которым мне не будет *страшно*... Понимаешь ты меня? — В горе я больше всего *боюсь* его, боюсь его, как ребенок тихой, громадной и сумрачной комнаты... В этой комнате, я вспоминал, *ты* со мной и мне не так будет страшно...

Не хочу сказать, драгоценный мой, милый, что я в тебе «разочаровался»... Я не «знаменская маменька» и не жид — наивный. Но дело в том, что ты — человек и можешь забывать меня...

Ох, и грустно же мне бывает иногда!.. Отчего? Не знаю, брат. Бессилен я во всем, как старая собака. Вот я теперь живу, напр.: утром вскакиваю в 6 часов и бегу читать корректуру[1]. В шуме и работе пребываю до 1 часу. Потом жду 4 часов пока придет из Управления Варя. Иду к ней, читаем, разговариваем (не вспоминай «литерат<урные> вечера» Верочки![2]...) Бывает иногда очень хорошо... Но в общем — суетливо, утомительно. Не могу я так жить. Прежде чувствовал, а теперь почти убежден, что (может быть, глупо!) нету смысла в этой будничной, хотя бы даже рабочей жизни. День мелькает за днем как в тумане. Все хлопочут, уверивши себя, что так и надо, что хлопоты кому-то нужны... Понимаю еще, вполне понимаю... ну хоть ваши прежние хлопоты, но вот этих, какие вокруг меня — нет.

---

[a] Приписано в конце первой страницы письма.

Вот и я также. Нет у меня тихой внутренней жизни... Должно быть мы не умели ценить некоторых (конечно, только некоторых) дней в Озёрках...

Все хвораю. Страшно доняли зубы, насморк. Поселился я не у Афонского, а на Борисоглебской ул., в номерах Малейжикова. Оказалось, что поселился чуть не в публичном доме. Все номера пустые и часто оживляются ночью. Каково?

Пиши, пожалуйста.

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

Поклон всем, всем — Лид<ии> Ал<ександровне> тоже в особенности.

99. Ю.А.БУНИНУ

24 октября 1891. Орел

Дорогой Юричка! Борис Петрович при смерти (болезнь в почках) и потому ужасно работаю. Писать о себе нечего, да и лень. С трепетом жду 15 ноября[1], дня приема в солдаты и только.

Целую тебя крепко-крепко.

Твой Ив.Бунин.

Орел, 24 окт.
91 года.

Что же С.А.?

Писать ценз<ура> ни черта не дает. Напр., хотел перепечатать статью Вл.Соловьева («Наш грех и наша обязанность»)[2] — зачеркнули...

100. В.В.ПАЩЕНКО

31 октября, 1 ноября 1891. Глотово, Елец

Глотово, 31 октября.

Дорогая моя девочка!

Доехал я нельзя сказать чтобы очень благополучно: вагон вскоре нахолодился, стенка, около которой я лежал, пригромоздившись на корзине, была вся сырая и холодная, спал я, разумеется, ужасно скверно... Но в особенности застыл я, поехавши с Измалкова. Извозчик оказался один и я ему поставил необходимым условием дать мне тулуп и армяк на ноги. Он уверил меня, что все это найдется, и я за целковый отправился, чтобы заехать за тулупом по дороге на село. К величайшему моему озлоблению, — подъехавши к своей избе, мужик заявил мне, что тулуп-то есть, да бабин, коротенький, — а армяка совсем нету. Что было делать? Одно — изругать его и переть с корзиной опять на вокзал; но до вокзала уже было более полуверсты, так что такое путешествие,

да еще в темноте, (чуть-чуть брезжило) еще более нахолодило бы меня. Надел коротенький полушубок, обмотал голову своей «шкуркой», засунул ноги в солому и поехал... Ехал мужик хорошо — саночки так и постукивали по колчам, — но все-таки правая нога моя жестоко страдала от холода! Заря еле-еле подымалась «в холодной мгле», поля смутно серели в тумане... Мертвенно, сурово, холодно!.. Кое-как доехал и застал Евгения еще в постели; застал также и мать у него. Разумеется, обрадовались здорово; сообщили мне, что у Маши был брюшной тиф и что меня не хотели тревожить известием... Потом, конечно, начались толки о солдатчине. Евгений убежден, что меня возьмут и очень советует мне попоститься и не поспать — на всякий случай. Я этому совету последовал тотчас же — не стал пить чай с хлебом, не обедал и ограничился тремя небольшими медовыми лепешечками за вечерним чаем; спать тоже не лег и в конце концов приобрел громадную головную боль... Сейчас она тяжела и тупа ужасно, так что не осуди, если выйдет письмо плохо, милая, голубочка моя!.. Да, главное: мне советуют все дать от доктора свидетельство, что я теперь не могу явиться на прием и явиться через месяц после. Тогда комплект будет, вероятно, уже почти набран, — отойти следственно легче. Как думаешь — сделать так? Я думаю, что вряд ли что можно этим выиграть. Только протомишься напрасно. Уж лучше скорее что-нибудь...

Завтра пошлю тебе 10 рублей. Отца еще не видал — он в Озёрках — и не говорил ни о чем денежном... Поститься буду страшно — спать совсем почти не буду... Ведь не умру, а может, и помогу делу...

Кстати — чувствую себя плохо. Недаром давеча извозчик на мое восклицание о замерзшей ноге, серьезно так сказал: «Эх, брат, и г... же у тебя ноги. Выменял бы ты себе коровьи»!..

До свидания пока, бесценная деточка! С глубоким уважением и благодарностью (искренно — клянусь тебе Богом) целую твои ручки за всю твою нежность и заботливость ко мне! Благородная и милая ты девушка, моя Варечка!

Глубоко любящий тебя
весь, весь твой Ив.Бунин.

Завтра непременно буду опять писать.

Елец, 1 ноября.

Сижу, Варя, в Поповской гостинице[1] (не думай, что из шику — на подворьях смертельно гадко), возвратившись из театра. Зачем попал в Елец, спросишь? А вот зачем: Евгений уверяет, что принимать будут не 15-го, а числа 6, 7-го; кроме того, кажется, существует правило — являться за три дня до самого приема. Говорю это потому, что вчера видел у одного еврея (на заводе) повестку, в которой сказано, чтобы он явился таким вот образом. Кстати, — почему *мне* нет повестки? Ответил ли что-нибудь Пятин[2]?

Все это навело меня на мысль поехать в город и узнать все точно. Приехал сегодня с вечерним поездом и прямо же в театр, с платформы. Попал на второе действие. Шла драма «В неравной борьбе»[3]. Просидел я два действия, никого, кроме Бравича[4] (он в тихих местах — очень прост и правдив), не одобрил и зрел маму — определеннее — Варвару Петровну! Представь себе — гляжу и глазам не верю: сидит во 2 ряду Варв<ара> Петр<овна>, одна, в светло-коричневом платке... Она! Стал убеждаться: кончился акт и я убедился, — действительно она! Когда она проходила мимо, я стоял боком, чтобы не видаться. Что из этого вышло бы, кроме натянутости? Какие мы знакомые?

Ходил за кулисы, видел Катю. Обрадовалась очень! Сообщила между прочим, что папа в уезде[5]... (Еще более удивительно — с кем же девочка? Не думай, что я ошибся — и Катя подтвердила).

Ну, теперь о своем посте два слова: вчера я к вечеру так захотел спать, что не мог не прилечь, велевши себя разбудить к ужину... Проснулся я, к своему ужасу уже в 4 часа, буквально не помня, как я очутился (с дивана) на кровати, и узнал, что когда меня взбудили, я шатаясь, с закрытыми глазами, вышел в гостиную и имел сильное намерение забраться под фортепиано!.. Каков пост? Ну да шалишь — больше не засну...

Что ты, Варечка? Думал, что получу от тебя сегодня письмо на Измалковом и, конечно, ошибся в расчете... Ради Христа, прошу тебя — пиши почаще — где была, читаешь ли, как сидишь одна по вечерам в своей комнатке?..

Прощай пока. Завтра утром иду к Пятину и припишу здесь, когда срок призыва.

Пошлю тебе завтра 10 рублей, на имя Марьи Гавриловны[6] — не хочу, чтобы на почте видели, что какой-то молодой человек посылает Пащенко деньги. Разумно?

Весь твой И.Бунин.

101. В.В.ПАЩЕНКО

3 ноября 1891. Глотово

3 ноября 91 г. Глотово.

Простите, голубочка моя, — забыл вчера написать тебе результаты своего посещения присутствия по воинской повинности: проснувшись, прямо побежал туда, никого не застал еще, вернулся на почту и отправил тебе письмо и деньги — на имя Марьи Гаврил<овны>. В присутствии нашел только молодого писца, который мне передал, что письмо мое Алек<сей> Вас<ильевич> получил[1], ответил и уехал в уезд; приезжать мне надо к 16-му ноября... Получивши такие сведения, прямо же отправился на платформу и уехал с утренним. Разумеется, я вскоре вспомнил, что сделал по отношению тебя свинство, но успокоил себя тем, что ты уже знаешь, наверно, когда мне ставиться из письма Пятина. Получено оно?

Сообщить про себя могу мало, да кое-что и неудобно... Состояние духа — глупое — сижу и жду... Чего же? Как вам нравится?

Что же ты не напишешь? Прошу в последний раз... И не пойму, ей-богу, дорогой мой зверочек, отчего ты так быстро отвыкаешь от меня? Даже написать тебе становится нечего. Не прими, впрочем, это «в последний раз» за угрозу или за злобу, — никогда не могу злиться на тебя вполне, а когда тебя нету — и совсем не могу.

Прошу тебя, ради Бога, сделать следующее: взять из библиотеки 3-ю книгу «Русск. мысли» за 88-й год и прочесть там статьи: «Переходные характеры» Шелгунова[2], «Злобы дня» Кавелина[3] (одного из самых благородных и умных писателей 60 и 70 годов), «Очерки литературного движения» Скабичевского[4] и «Г.Андерсен» — статья Брандеса[5]. Первые три статьи только начаты, так что дочитай их, пожалуйста, до конца, возьми следующие книги, а из статьи Брандеса — возьми сказки Андерсена. Чудные вещи, честное слово! Прочтешь?

До свидания пока, *бесценная, хорошая моя!*

Весь твой И.Бунин.

Сейчас подошла Маша и просит передать, что целует тебя.

102. В.В.ПАЩЕНКО

4 ноября 1891. Глотово

Глотово, 4 ноября.

Спасибо за милое письмецо, дорогая Варварочка! Я тебе послал уже два[1]... Прости, голубчик, что немного поздно. Ты спрашиваешь, что я нашел дома? Кое-что я уже писал тебе по этому поводу, а относительно денег — результаты плохие. Был я вчера в Озёрках у отца (он ужасно болен — рожа) и говорил про деньги. Он ответил, что у него у самого не более 200 рублей. По запродажной он получил 1000 рублей, из которых рублей более 200-т истратил на разные разности, а 500 рублей дал в долг двоюродной сестре, Софье. Купчую будут совершать, вероятно, в январе[2] — тогда можно будет потолковать.

Посылаю тебе 2 статьи (по разным адресам) о теории Толстого о женском труде, теории надо сказать правду, не особо разумной, чтобы не сказать более (найдешь в XII томе его соч<инений>). Прочти, пожалуйста, повнимательнее, особенно статью Цебриковой[3]. Я говорил тебе про эту писательницу — ума палата! И эта статья — прелесть! Прочти, голубеночек мой драгоценный! А то-то, про что писал, прочтешь?

Смерть как скучно, но приехать не думаю — и себя только размучу, да теперь и недалеко до страшного часа... Только неужто не приехать, если возьмут? Это невозможно... Целую твои ручки и «глазы» крепко-крепко. Не забывай меня, деточка!

Глубоко любящий тебя

Ив.Бунин.

103. В.В.ПАЩЕНКО

6 ноября 1891. Глотово

Ну, конечно, поехал вечером за одним «падшим ангелом»...

Из разговора приятелей.

...«Нет, пусти! Неловко на коленях.
Можно, — я прилягу на диван?..
От портвейна что ли страсть как сердце бьется,
В голове — совсем один туман...
Ну, чего ты надо мной смеешься?
Вас, мужчин, ей-богу, не поймешь, —
Все смешно... А мне-то вот как скучно,
Вот как тяжко — места не найдешь!..

...Знаешь? — Я в гимназии училась;
Даже полгода училася в шестом...
На Введенской улице, направо,
В Слободе у нас был свой дом;
Лавочкой табачной торговали,
Т.е. мать, конечно... Мне — куда! —
Я была отчаянная девка —
Весела, до ужасти горда,

Все, бывало, песни распевала...
Только ты не думай — той порой
Ничего себе не позволяла...
Что, опять не веришь? Вот чудной!..
Нет, ей-богу! Девушкой все время
Я была в гимназии... не то что как теперь...
Мамочку я вот как ясно помню,
Что — вот хочешь — верь или не верь —
Так мне горько хочется заплакать,
Как подумаю минутой про нее,
Как я дома тихо вырастала
И про все родимое житье!..

...А в него-то я влюбилась летом,
Как из пятого экзамены сдала...
Вот бы ты взглянул, какою доброй
И какой я тихою была!
Он тогда служил телеграфистом
На вокзале... Худенький такой,
Молчаливый, улыбался редко,
А со мной совсем бывал иной!
Часто в поле мы вдвоем ходили...
Далеко зайдем... Засветятся огни,

На степи запахнет спелой рожью
Темь, тепло... А мы совсем одни!..

...Ну да что?!.. Уехал в воду канул;
Из гимназии просили уходить,
Мать больной всю осень пролежала...
Не сумела я в нужде и в горе жить,
Не сумела зимними ночами
Дипломатом затыкать окно!..

....
Ты не слушаешь? Опять налил портвейну?
Да ведь я... Нет, впрочем, все равно!..

Ив.Бунин.

Ради Бога, прошу повнимательнее лечить «глазы»...
Посылаю свое новое стихотворение.
Жду писем.

104. В.В.ПАЩЕНКО

8 ноября 1891. Глотово

8 ноября Глотово.

Десять уж дней,
Десять ночей
        Муки мои продолжаются...
Ночью и днем
В сердце моем
        Ласки твои откликаются!..[a]
Милою лаской согрето,
Сердце бы вновь расцвело...
Варечка! если все это
Сном невозвратным прошло[1]?

Не знаю почему — как-то сразу написал эту пародию... Зверочек мой драгоценный! Скучно мне! Я вовсе не хочу ныть, но, ей-богу, ужасно медленно проходят дни... Хоть бы один вечер провела ты со мной — уютно, дружно и спокойно! «Сном *невозвратным*»... Думаешь, — нет? Серьезно — все приходит в голову:

Ах тот скажи любви конец,
Кто на три года в даль уедет!..[2]

Читаю одну из видных русских газет... Как думаешь — какую? — «Северную пчелу» за 1853 г. Вот, Варечка, скотское направление-то

[a] Зачеркнуто: вспоминаются.

было, а ведь «Сев. пчела» была самая видная, серьезная — выразительница направления тогдашней прессы...

Действительно, — только на пути *русской* цивилизации, на пути спором и блестящем — наряду с памятниками благороднейших и талантливых мыслей зачастую — такие помойные ямы. Хорошо холопское, унтерское бахвальство? И главное — оно очень живо *и теперь*... Беда, ей-богу!

Над<ежда> Алек<сеевна> прислала мне письмо[3], пишет, что едет в Елец и спрашивает, где я остановлюсь. Отвечаю сегодня и ей[4].

Тебе же до сих пор не писал потому, что $2^1/_2$ дня — была здоровенная мигрень.

Как твои *дела?*

Жду письма *усиленно.*

Твой всей душою, моя ненаглядная,
Ванка.

Получила ли деньги и мои письма?[a]

105. В.В.ПАЩЕНКО

8 ноября 1891. Глотово

8 ноября.

Сию минуту получил твое письмо и просто сердце сжалось... И удивительно, и горько, и даже, ей-богу, страшно. Зверочек, сладкий мой! Что это с тобою? Ты ведь имеешь очень для меня прискорбную манеру (прости за тривиальность — не до этого) не говорить иногда со мной искренно. Помню, прошлый год ты иногда бывала в очень плохом настроении и никогда не сказала мне определенно, что просто сознаешь недостаток чувства ко мне, утомляю я тебя, надоедаю... Знаю, что теперь настроение иное, но, ей-богу, боюсь, что нечто вроде этого явилось у тебя по отношению ко мне. Сколько уж раз мне бывало больно до слез — *буквально!* — оттого, что после нашего времени вместе, ты уезжала, «отступала» от этого времени и начинала раскаиваться, смотреть на все иными глазами и я перед ними стоял далеко не в хорошем виде...

Или это не то? Или тебя утомила служба, новая жизнь? Варечка! отчего же так скоро? Неужели она хуже прежней? Неужто так мало силы?

Сомневаешься в моей любви? Если бы ты была здесь сейчас! Богом клянусь — целый бы день просидел у твоих ног, ты бы увидала, что еще и теперь люблю «каждую складочку твоего платья»! Ради Христа, не подумай, что вру! Тетенька[1]? Ну, ей-богу же, это странно! На что она мне? На черта мне ее советы? Я ведь ни слова даже не сказал с нею по поводу ее письма ко мне[2] <нрзб>, которое ты читала — о наших буду-

---

[a] Приписано в начале письма.

щих несхождениях-то. Посылаю тебе ее письмо и спроси, пожалуйста, что я ей ответил или вообще говорил ли хоть слово о тебе? Ты говоришь Бог знает что, «живите, как хотите», «Э, ну вас!» За что? Что это значит? Значит, я к ней всего чувствую больше, чем к тебе? «*Живите*»... Ей-богу, это крайне оскорбительно! Ты удивилась, что кое-что мне «писать неудобно», Бог знает, как поняла это. Изволь — объясню без страха: я боялся (все может случиться), что письмо как-нибудь, где-нибудь перехватят, прочтут, а я в нем хотел описать тебе свой образ жизни, а именно то, что до сей минуты с самого Орла не спал ни одной ночи — сплю два часа в сутки, — только, — ни разу не обедал и съедаю в день только кусок хлеба с полстаканом воды[3]. Лежу, не вставая, как больной — все, конечно, для известной цели, а ведь за преследование таких целей на каторгу ссылают, как за уклонение от... — Как ты думаешь, мог я быть поосторожнее? Не ласков я? Да ведь я истомился, как борзая собака. Неужели я все это делаю из-за подлой трусости перед солдатским картузом? Все, моя бесценная, деточка моя, все для тебя, боюсь тебя потерять...

Словом — просто смерть моя! Все-таки не понимаю твоего письма и твоего состояния, и как же не написала еще ни строчки — ведь это письмо еще от 5 ноября? Пиши поскорее, пооткровеннее — *пожалуйста, ради Бога* — и верь мне!

Весь твой И.Бунин.

106. В.В.ПАЩЕНКО

Между 8 и 12 ноября 1891. Глотово

У меня все сердце истерзалось от незнания, что с тобой, здорова ли, чувствуешь ли себя свежее? Я ждал, что после твоего и грустного и обидного для меня письма[1] (намеки на мои симпатии к тетеньке, восклицания вроде «Э, да ну вас!», «Живите, как хотите» и т.д.) я получу от тебя весточку, которая была бы в ином тоне. Получил сейчас — но она оказалась настолько холодной, что еще больнее отозвалась во мне... Скажи мне, ради Бога, — отчего это вышло такое положение вещей, что я *во все время* получил от тебя только *два* хороших, ласковых, милых письма? По моему счету так, — остальные всегда заключали в себе что-либо или грустное, или обидное для меня? Ну как же не убедиться, что у тебя *совершенно* меняется ко мне отношение, когда меня с тобою нету! Серьезно прошу тебя — вдумайся в это. Я, по крайней мере, не понимаю такого отношения!

Ох, ради Бога, не пиши мне лучше!.. Ты удивляешься зачем я «делаю нелепости»[2]? Говоришь[a], что я только затяну свое смутное состояние еще на месяц, и что врачи знают эти «уловки». Странно! Отчего же в

---

[a] Зачеркнуто: удивляешься.

Орле ты сама просила[3], чтобы я их делал (не поспал, напр.) и не говорила, что врачи знают эти «уловки»? Напрасно думаешь, что я прибегаю к ним из-за какой-то жидовской трусости перед солдатчиной. Другие были намерения...

Наконец, — *главное:* представить себе не могу, чтобы ты при таком ужасном положении, как разлука на три года, не хочешь даже видеть меня... Ничего, клянусь Богом, не понимаю. Если бы мне сказали, что после этого последнего свидания мне голову размозжат, я бы поехал. Варя! Да что же это? Не приеду, разумеется, теперь ни за что в мире, но что же это? Всему конец? Ты пришибла меня таким страшным бессердечием... Впрочем, прощай. Слова теперь ровно ничего не значат.

107. В.В.ПАЩЕНКО

12 ноября 1891. Глотово

Глотово, 12 ноября 1891 г.

Прости меня, — я погорячился и написал тебе резко[1]. Может быть, я и прав в своих предположениях, прав в том, что ты нехорошо — холодно и обидно — отнеслась ко мне, но я не должен был так писать тебе, не должен — не с какой-нибудь пошлой формальной стороны, но потому, что я оскорбил свое же чувство. Варя! Милая, хорошая моя! Ведь разве не было оно светло и чисто, разве не осталось бы таким же, если бы не было разных обстоятельств, если бы я мог справиться с ними, чтобы суметь выйти из них если и с горьким чувством, то и с сознанием, что вольные и невольные прегрешения не сделали меня ни эгоистом, ни грубым, ни ожесточенным. Милая! так нежно и хорошо я любил тебя, что лучшие минуты этого чувства останутся для меня самыми благородными и чистыми ощущениями во всей жизни. Ведь такое чувство всякому, прежде всего, самому дорого. Для чего ж бы я стал омрачать его, чтобы лучшее время своей юности не оставило чистого воспоминания? Да ничего не поделаешь... Надо, значит, почаще помнить это! На столе против меня твоя карточка, моя любимая. Если бы ты чувствовала, как дорог и мил мне этот образ милой скромной девушки и как ясны его умные глазки! И всегда он был со мною в самые лучшие минуты, я видел его воплощение в тебе, когда ты бывала простой, искренней, любящей... Ей-богу, в *самых* заветных мечтах я создал его, и как глубоко мне хотелось всегда видеть тебя такою, чуждою кокетства, мелкого самолюбия, отделенной от толпы наших пошлых барышень!

Ты знаешь, как искренно я стремился всегда видеть тебя читающей, думающей, понимающей все хорошее и *новое.* Что же мне и говорить, как мне радостно твое последнее письмо!.. Ты просишь сообщить о Цебриковой. Я мало знаю про ее личную жизнь. Знаю, что она уже очень немолодая, некрасивая, высокая, худая женщина, знаю, что она всю жизнь положила на женский вопрос, была и развивалась исключительно в известных кружках... Письмо ее у меня было[2], но куда-то пропало в Озёрках. Сослана она очень милостиво — в северные губернии, в Во-

логду, слышал... Статьи ее советую поискать в «Вестн<ике> Европы» — за семидесятые и 80 годы. Помню, напр., ее прекрасную статью «Между двух огней», кажется, в «В<естнике> Е<вропы>» за 72 г.[3] Фельетон ее я нашел между книгами Юлия, когда ездил в Озёрки. Конечно, фельетон Скабичевского пред ее фельетоном — только *фельетон*[4], в буквальном, в газетном смысле. Ты говоришь про Шопенгауэра[5] и сама не понимаешь, почему его мысли тебе тоже нравятся! Я думаю, что только потому, что он — ум глубокий и, видя в женщинах Бог знает что, отчасти и прав. Извращены, опошлены женщины ужасно, хотя из этой правды (она-то и действует) должно бы следовать только то, что пора же человечеству обдуматься и дать женщинам человеческое место. Но Шопенгауэр слеп в этом отношении.

«Я боялась, что нахватаюсь чужих мыслей, понятий и потом буду с нахальством или помимо воли выдавать их за чужие»[а]. Что ты говоришь? Во-первых, — «нахвататься». Да ведь и Цебрикова какая-нибудь тоже явилась в мир прежде всего только... почвою, на которую упало то, что добыто и выработано чужими умами, всем прогрессом человеческим. *«Нахвататься» же* (в буквальном смысле) может только тот, кто подходил к книге с желанием «нахвататься». А у кого, как у тебя есть и ум, и[б] искра Божья, и совсем не желание «умные разговоры разговаривать», тот воспримет *все в себя*... Надо только докончить дело — не брать одни верхушки знаний. Всего, конечно, не возьмешь, но ведь *верхушки* и *все* — крайности. А нахальства тебе бояться нечего. Я, по крайней мере, никогда не видал в тебе ни наивности, которая заставляет человека говорить как про новое, про избитые вещи, ни нахальства (напротив — уж *чрезмерная* боязнь его)... Ты боишься остаться «ни павой, ни вороной»... Знаешь что — ей-богу, по-моему, лучше быть павой, чем глупой вороной*. Ведь это закон жизни. Ведь нельзя же, напр., чтобы, положим, какая-нибудь молодая в цивилизации страна не была некоторое время вороной в чужих перьях. Так и члены этой страны. Избавь Бог только чересчур корчить из себя паву, а ходить в ее перьях еще можно... А судьи кто? Офицер, который, несмотря на полную, сему званию присвоенную форму, имеет телячьи глаза? Помещик, который чтит свое звание и надевает иногда поддевку и «русскую» шелковую рубашку, и чтобы показать себя цивилизованным человеком, непомерно пьет сельтерскую воду и говорит лакею: «вы ду-ак!» Или господин, застегнутый на все пуговицы как Домби[6][в], которого всю славу и содержание составляют «свежие перчатки» и черная холеная борода... или модный адвокатишка, который только тогда и чувствует себя возвышенно, когда мягко взбегает, с новым портфелем и откинув голову, причесанную словно не у Пулавского[7], а у ваятеля, по бронзовой лестнице окружного суда? Или его превосходительство, руина с «адамо-

---

* Ворона была больше всего глупа тем, что *хвасталась* чужими перьями.

[а] Видимо, ошибочно вместо слова “свои” написано “чужие”.

[б] Зачеркнуто: искренное жела<ние>.

[в] Далее зачеркнуто: с выхолен<ною>.

вой» головой[8], стремящийся только к тому, чтобы держать ее как можно прямее в воротничках «литой» крахмальной рубашки?.. Или хлыщи, начиная с парикмахеров-юношей в пестрых галстухах, с запонками в виде подковки и кончая битыми дураками в моднейших «сьютах»[9]?.. все дрянь, черт бы их взял, все *даже хуже ворон в павлиньих перьях*. Пусть бы уж они старались надеть чужие *умственные,* так сказать, перья, а то ведь заботятся только о внешних. Есть другие люди, дорогая моя Варечка, и другие стремления, другие компании, лучшей представительницей которых и является Цебрикова!

Теперь с удовольствием и о Шелгунове. Ты совершенно верно поняла, что он хотел сказать в «Переходных характ<ерах>». Именно — указать их и нарисовать. Ты спрашиваешь, что такое «развитие личности»? Да это и есть стремление к *личному* (главным образом) *самоусовершенствованию* и к тому, чтобы личность, отдельный член общества, не представляла из себя пешку в обществе, чтобы она имела права, чтобы не угнетали ее человеческого достоинства. Ты удивляешься: «Шелгунов приводит как личника какого-то К., у которого я заметила только свое "я" развитие в дурную сторону. Какое же это развитие?» Да К. — *переходный* характер...

Ну а про себя... повторяю, что мне крайне тяжело и горько. Твое *поразительное* спокойствие относительно того, что мы расстанемся на *три года* — это такая вещь, которую *забыть нельзя,* от которой все повернуто... Я не мог даже себе представить, что я для тебя — настолько чужой... да, это верно и... *будет*.

Прощай, моя милая, бесценная, и верь, что эти слова — глубоко искренни: если есть в моем сердце что-либо — то не злоба во всяком случае.

Весь твой И.Бунин.

Утром 15-го уезжаю в Елец, на ставку[10]. Пост бросил уже несколько дней.

Получила ли деньги?

Я обиделся, что ты предполагаешь, что я еще не послал их и сдуру отослал тебе квитанцию[a].

108. Ю.А.БУНИНУ

Между 12 и 14 ноября 1891. Глотово

Милый братка! Новостей никаких, кроме той, что я сижу в Глотовом: настроение такое, что писать — совсем нечего: *дожидаюсь* приема в солдаты, коий назначен на 16-ое сего ноября[1]. 16-го дам тебе телеграмму, погибну или нет.

Всем поклон. Твой И.Бунин.

---

[a] Последний абзац приписан в конце первой страницы письма.

<*М.А.Бунина:*> Милый и дорогой мой Юринька!

Письмо мы твое получили с деньгами, но с карточками нет. Мама и я благодарим тебя от души за деньги, я прямо даже не знаю как мне выразить тебе благодарность.

Евгений теперь перешел к С<офье> Н<иколаевне> на квартиру, занял комнаты, где жил Григорий А<ндреевич>, он живет в угольной, но дело не в том, когда Евгений перешел к С<офье> Н<иколаевне>, то он меня приглашал с собой жить вместе на его стол, вообще на его содержанье он просил 15 руб. в месяц, ну я не согласилась, потому что Софья с меня взяла на всем ее содержании 10 руб. в месяц, так что я взяла себе отдельную комнату, мама, конечно, ночует со мной, а ест у Евгения. Ваня тоже сейчас у него. Отец же живет пока в Озёрках, до купчей крепости он отдал Софье 500 руб. и получил процентов 60 руб. и на эти деньги живет. Милый Юринька, я была больна в брюшном тифе, лежала 4 недели, так что я благодаря Отто Карловичу осталась жива, потому что у нас был страшный холод, когда лежала, а они меня перевезли к себе, ну я у них и осталась выздоравливать.

Ну теперь, слава Богу, я совсем выздоровела, ну доктор сказал, что я только перенесла болезнь благодаря своей здоровой комплекции. Ну теперь пока до свидания, целую тебя крепко, твоя сестра

М.Бунина.

Теперь пишу от Александры Гавр<иловны> и от Отто Карловича. Дорогой Юлий Алексеевич! Душевно благодарим Вас за Вашу память. Вы письменно не забываете нас. Слышим, что Вы все хотите нас всех навестить, но никак не дождемся. Приезжайте поскорей, мы все будем очень рады и все Вам кланяемся, желаем Вам быть здоровым. Остаемся с душевным почтением к Вам Александра и Отто *Туббе.*

109. О.А.БАТУРСКОЙ, М.Г.КОШЕВЕРОВОЙ, В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891. Елец

Свободен[1]

Бунин

110. В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891. Елец

Елец, 17 ноября.

Сегодня ты, вероятно, получила мою телеграмму... С тех минут, когда определилось ее содержание, я никак не могу прийти в нормальное состояние. Каково, зверочек? Свободен! И свободен не до будущего года, а *навсегда!* Глупый случай перевернул все. Ведь за последние дни я не только не надеялся оказаться негодным или получить дальний жребий, но даже не рассчитывал на отсрочку до будущ<его> года. И вдруг произошло то, чего я даже представить себе не мог! Без всякой надежды запустил я вчера руку в ящик с роковыми билетами и в руке у меня оказалось — 471! А скверно было на душе и еще больше скверного ждал я в будущем. Когда вчера утром я попал в эту шумную, пьяную, плачущую, неистово-пляшущую и сквернословящую толпу, у меня сжалось сердце. Все это, думал я, мои будущие сожители, с которыми, в тесноте, в холоде и махорочном дыму вагона, среди криков пьяных, мне придется ехать одинокому, потерянному в какую-нибудь Каменец-Подольскую

губернию, в темный, скучный уездный городишко, в казармы, где придется в *каждом шаге* подчиниться какому-нибудь рыжему унтеру, спать на нарах, есть тухлые (прости за гадкое слово) «консервы», каждый день с холодного раннего утра производить артикулы, стоять по ночам, на метели и вьюге, на часах, где-нибудь за городом, около «запасных магазинов» и *только думать* иногда ночью о далеком от меня, дорогом, ненаглядном «друге»! Плохо, ей-богу, плохо, Варечка! Да и помимо личных соображений, все тяжелые, скорбные картины около приема камнем ложились на душу... Проходить очереди взять жребий пришлось до $^1/_2$ 8-го вечера. Наконец-то раздалось: «Бунин, Иван Алексеевич!» Машинально я шагнул к роковому ящику и опустил руку. Какой-то билет мне попался под пальцы. Но — решительно не знаю почему — я толкнул его пальцем и взял лежащий с ним рядом. Сердце, правда, билось страшно — не от ожидания чего-либо — я, повторяю, мало придавал значения жребию, думал, что возьму, напр., — 15, 72, 20 и т.д. — от какого-то непонятного волнения, так что встрепенулся только тогда, когда исправник, своим поповским гласом, воскликнул — 471-й!.. «Ну, брат, слава Богу, шанс есть», — в один голос сказали Евгений и Арсик, когда я воротился в толпу. Всю дорогу из присутствия мы горячо толковали о том, могу ли я остаться за флагом, наберут ли до моего номера комплект 151 челов<ек> из 517 призываемых или нет. Надо было принять во внимание, что из этих 517 человек 200 было льготных, а из остальных будет много негодных. Но все-таки надежда затеплилась. Первым делом я думал отправиться на телеграф и известить тебя. Но потом сообразил — о чем? Ведь легко могут взять.

Ночь мы провели с Арсением. Евгений спал, а мы почти нет. Сегодня отправились с 10 ч. в прием. Ощущалось, что идешь на страшный суд, что сегодня будет серьезный перелом в моей судьбе. Сели и ждем, а нервы все более и более взвинчиваются. Целые вереницы Адамов прошли перед нами и каждый невзятый уменьшал у меня один шанс на то, что до меня не дойдет очередь... Прошел час, другой, третий. Папа твой неустанно мерял и слушал, мерял и слушал и хладнокровно решал судьбы[1]... Господи! Хоть бы поскорее *что бы ни было*... Наконец — 5-й час. Набрали уже более 140 человек, остается 10–11 человек набрать, а всего призываемых стоит человек 20–18. Ну, думаю, непременно погиб. Теперь и думать нечего, что до меня не дойдет очередь и не выкрикнут № 471-й... Вот наконец остается 2 человека, 1... Вдруг все стихает. «Набор кончен, те из призываемых, которые остались, зачисляются в ополченцы и будут осматриваться завтра!» Я поднялся как в чаду и очнулся от слов папы: «Поздравляю, Иван Алексеевич, завтра мы вас осмотрим и запятим во 2-й разряд ополченцев!» Он подошел ко мне и сказал это так радостно и искренно, как я никогда не надеялся услышать от него. Да, действительно он милый и благородный человек!..

Понимаешь, Варечка, все эти призывные термины? Завтра меня осмотрят уже не для того, чтобы взять в службу, а только для определения разряда: если окажусь ополченцем 1-го разряда — служить все равно не

буду, буду только являться раза 2 в десять лет на 2–3 недели на временные сборы, если 2-го разряда — не буду совсем никогда являться, ибо ополченцы всех разрядов призываются в солдаты только в исключительных случаях — во время отечественных войн.

Вот тебе 471-й! Мог ли я ожидать, что эти цифры спасут меня и оставят свободным гражданином?

Сейчас уже 10 часов. Спать хочу страшно, утомлен и духом и телом до последних пределов. В первый раз я засну сегодня спокойно!..

Может быть, это письмо не ласково. Но прошу тебя — верь, что оно писано при самой теплой и нежной любви к тебе, моя дорогая, милая, сладкая деточка! Я получил твое письмо, я еще сильнее убедился, что ты меня искренно любишь и простишь все мои подлые подозрения. Не думай, что я упоминаю о нем вскользь. Оно слишком дорого, значительно для меня. Никогда я еще не получал от тебя такого ласкового, доброго, искреннего. Клянусь же тебе Богом, что я ценю его, милая, хорошая моя!

До скорого свидания, деточка! Приеду дня через 2–3. Целую твои губки, глазы, ручки и лобик крепко-крепко.

Весь твой И.Бунин.

P.S. Теперь надо серьезно поговорить о моих будущих действиях.

111. Ю.А.БУНИНУ

18 ноября 1891. Елец

Елец, 18 ноября.

Ну, Юынка, не ожидал я того, что случилось со мною! «Пофартило» здорово! Капли не было надежды на дальний жребий[1] и вдруг — 471 №! Положим, «не быки, а мужики», — но я все-таки трусил: одному, затерянному среди пьяной, плачущей и сквернословящей толпы, в тесноте угарных, дымных вагонов ехать черт знает куда, испытывать всю тяжесть подчинения и собачьей жизни в казарме, стоять на часах, напр., в вьюжную ночь за городом, около «запасных магазинов» — как хочешь, а не сладко! И вдруг — № 471. Когда принимали лобовых, до меня не дошла очередь человека на 2. Все поджилки тряслись — вот-вот кликнут. Но комплект набрали и велели явиться меряться только для определения разряда ополчения. Сегодня меня и не меряли. Пащенко только прикинул сантиметр. «Второй разряд, говорит, грудь не выходит». — «Чем вы занимаетесь», — спрашивает военный доктор. «Поэзией», — ответил Пащенко, и все с улыбкой повторили: «Какой он солдат!» И вот я с синим билетом, ополченец 2-го разряда[2].

Теперь надо что-нибудь делать. Б<орис> П<етрович> окончательно поссорился со мною, жить в Орле нечем, хватит разве на месяц. Что делать? Надо учиться, готовиться куда-нибудь и жить. Пиши, ради Бога, — что мне делать. Надо бы мне потолковать с тобой серьезно... О

делах тебе напишет Евгений, а я и это письмо бросаю: утомился я духом и телом. Теперь улыбаюсь, но как выздоравливающий.

До скорого письма.

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

А «баан»?

Адрес Анны Николаевны: Харьков, конечно, Старо-Московская, д. Ольховского, № 105.

Со мной Арсик, который просит тебе передать искренний привет.

112. В.В.ПАЩЕНКО

21 ноября 1891. Глотово

Глотово, 21-го.

Драгоценная моя! мамочка, деточка, зверочек мой ненаглядный, «глазы» мои милые! Только сию минуту получил твое письмо. Что же я мог сделать? О чем телеграмму послать? Приеду, не как написал, не 24-го, а *23 вечером.* Встреть на вокзале, ради Бога! Бесконечно, всею душою люблю тебя и умираю от желания расцеловать твои глазочки, ручки и ножки! Сегодня бы или завтра непременно выехал бы, но надо в Озёрки, взять денег у отца. Если бы ты знала, как у меня все сердце переполнено самою высокою и горячей любовью, нежностью к тебе, моя бесценная! Не сердись, ради Христа, за мое подлое промедление, я и сам ругаю себя, как собаку! До скорого свидания, моя женочка!

Весь, весь твой Ванка[a].

113. Ю.А.БУНИНУ

25 ноября 1891. Орел

Орел, 25 ноября.

Надеюсь, милый братка, что ты уже знаешь, как отлично сложилась моя судьба относительно солдатчины: я тебе послал телеграмму и письмо[1]... Теперь я свободный человек навсегда, и меня сильно занимает мысль — куда мне пристроиться. При благоприятных условиях — *я убежден,* что смогу приготовиться в какое-нибудь высшее учебное заведение. Это *необходимо* уже потому, что иначе — т.е. без дела — я совсем погибну от сознания идиотского существования. Как это устроить, когда нет никаких средств (я писал уже тебе, что окончательно разошелся с «Орл<овским> вест<ником>» — нелепая ревность заставила Б<ориса> П<етровича> сказать мне «мерзавца»)? Как же жить? Куда

---

[a] Подпись: Ив.Бунин зачеркнута, над ней написано: Ванка.

поступать лучше?.. Подробно хотелось бы поговорить с тобою об этом, да не в письмах — не умею — а лично. Пиши, ради Бога, скорее — и в частности о том, приедешь ли ты домой и когда?

Теперь я поселился в Орле, нашел квартиру (Воскресенский переулок, д. Пономарева, кварт. г-жи Шиффер) за 20 рублей со столом и зажил тихо и спокойно... пока... Хожу в библиотеку, доканчиваю «афоризмы Щедрина»[2], читаю с Варею по вечерам... (Представить себе ты не можешь, как я заразил ее разными идеями (серьезно!), статьями Цебриковой по женскому и моральным вопросам, Скабичевским, Кавелиным, Шелгуновым и т.д.). Денег имею немного — отец дал 23 рубля да 13 р. 70 к. получил за стихотвор<ение> в 11-ой книжке «Сев<ерного> вестн<ика>» (читал — «На мотив Мюссе»?)[3]... Книжка моя[4] печатается без меня — мне тайком от Б<ориса> П<етровича> доставили уже отработанные первые 2 листа и я зрел такие грубые коррект<урные> ошибки, что в некоторых местах совершенно нет размера! Как это тебе нравится? А Б<орис> П<етрович> сказал, что ни за что не допустит меня к книжке*. При этом — действует настолько нахально и своевольно, что печатает 2000 экз., когда я выдал расписку только на тысячу.

Что мне делать с эдаким мерзавцем? В суд? Но ведь он способен на все — клянется, напр., черт знает чего налгать про наши отношения с Варей и т.д. Начал я «Мелкопоместн<ых>»[5], но тут мы поссорились и он, идиот, в пику мне решил, что напечат<ает> 2 главу только по окончании «Сердца женщины». Просто не знаю, что делать, а дописать надо...

Начал писать я в газете «Русская жизнь», там была моя корреспонд<енция> из Орла, будет помещена еще одна вещица, написанная в форме сказки — «Праздник»[6]. Гонорар — 3 к. со строки. Пока еще не получал. Все это ты не читал и все бы мне хотелось прочесть тебе.

Ехай домой, милый Юринька!

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

Пиши скорее.
Что «баан»?
Поклон *всем, всем.*

---

* Ты не думай, что эта ревность — пустяки. Он, напр., узнавши, что Над<ежда> Алек<сеевна> хочет ехать в Елец к моему приему — запер ее на ключ в комнате и в неописанном бешенстве поклялся «убить ее, зарезать», если она не откажется от поездки в Елец и вообще не порвет со мною даже письменных сношений. Каков негодяй?!

114. В.В.ПАЩЕНКО

4 декабря 1891. Орел

Г. Орел, 4 декабря.

Рано утром сегодня исполнил твои слова, Варя: крепко и любовно поцеловал твою карточку и поздравил с ангелом мою бесценную жену[1]... Странной, новой и страшно одинокой показалась мне вчера моя каморка, когда я вернулся с вокзала. Ей-богу, как это ни покажется тебе странным, я почувствовал себя... холостяком. И потушивши лампу, я часов до 3 лежал в белом сумраке, который наполнял мою комнату. Дорогая моя, кроткая и любящая деточка! Твое вчерашнее настроение ужасно передалось и мне. Убежден, что ты доехала благополучно, но против всякого рассудка, почти весь день сегодня что-то беспокоило меня. Жаль, что ты не можешь написать мне. Зато, ради Христа, прошу тебя заехать прямо с вокзала ко мне. Нынче день прошел как-то быстро. Поцеловавши твою карточку, я лег и опять заснул. Проснулся около одиннадцати. Пришел Орлов[2], потом Марья Гавриловна. Часа в два я остался один и пошел в библиотеку; на беду встретил Турчанинова, принужден был сказать ему, где я живу, хотя он и не обещался навестить меня... Вернувшись, конечно пообедал, затем опять сходил купил[а] бензину для чистки сюртука, купил себе баночку варенья (не думай — недорого — 30 к.), напился чаю, вычистил сюртук, и вот сейчас отправлюсь к Никите... Но не знаю, как еще протянутся два дня. Уж очень одиноко мне тут...

Как тебя приняла мама? что твое здоровье? Верно, пришлось мучиться целый день?.. Не забыла меня, не прошло твое настроение? Клянусь тебе Богом, и счастлив я страшно и... как бы сказать? жалко мне, боязно, когда я вижу тебя такою, как вчера — искренней, кроткой, безгранично-любящей! Боюсь я, что это пройдет, ей-богу. Милая, ненаглядная моя! Если ты[б] дорожишь моей любовью и хочешь, чтобы она ничем не затемнилась, — будь почаще такой милою, таким светлым ангелом, не забывай меня! За такие минуты у меня все освещается и теплеет на душе!

Весь твой, всей душою и помыслами
Ванка.

Целую твои ясные, вымытые, ангельские «глазы», мой ненаглядный друг!

P.S. А исполнила ты в 3 часа то, что обещалась?

[а] Далее зачеркнуто слово: бензинцу.
[б] Далее зачеркнуто слово: любишь.

115. Ю.А.БУНИНУ

13 декабря 1891. Орел

Совсем, брат, ты забыл меня. На три мои письма[1] — ни строчки. Ответь хоть два слова: поедешь ли домой и когда? — *Определенно.* Я тебя вопрошал о серьезных вещах, — надо же мне решить что-нибудь в своей судьбе, нельзя же мне остаться «свободным» художником.

Передай, пожалуйста, Сем<ену> Азар<ьевичу>, что я в редакции не был уже около двух месяцев; Над<ежда> Ал<ексеевна> к тому же теперь в Ельце, лечится. Мой поклон ему и всем. Что «баан»?

Орел, Воскресенская, д. Пономаревой, кв. Шиффер.

116. Ю.А.БУНИНУ

1890–1891. Орел

Дорогой Юричка! Посылаю тебе 24 рубля. Только вчера достал. Сейчас я в Орле, приехал на два дня в редакцию; вечером напишу тебе. Через несколько дней, если нужно, можно, может быть, будет еще тебе выслать.

Глубоко любящий
тебя Ив.Бунин.

117. В.В.ПАЩЕНКО

1891. Орел

Варенька! если есть — занеси завтра утром рубль — необходимо нужен!

118. В.В.ПАЩЕНКО

1891. Орел

Как дела в редакции и у Жени[1]?

119. В.В.ПАЩЕНКО

1891. Орел

Зверочек!

Ради Бога, приди в редакцию, если только *хочешь*[1].

Если нездоровится и не можется — не надо! А если этого ничего нет, — приди, деточка драгоценная моя.

Jean.

120. Ю.А.БУНИНУ

1 января 1892. Орел

Встречу непременно, буду 3-го на вокзале в 6 ч. 30 вечера.

Ив.Бунин.

121. В.В.ПАЩЕНКО

5 января 1892. Глотово

Глотово, 5 янв. 92 г.

Ну, доехал, конечно, вполне благополучно. Выслали за нами целую гору одежды — шубы, пледы, валенки, — так что несмотря на страшную подземку, во всю дорогу ничего не застыло... Когда легли спать, долго говорили с Юлием — о тебе, обо мне, о моей литературе. Не подумай только, что мы пустились в критический разбор тебя. Нет, Варюшечка, ей-богу, этого не было: он только сказал, что ты производишь очень симпатичное впечатление, а настаиваю я на противоположность потому, что знаю за тобою грехи подозревать иногда такие вещи.

Помнишь — летом-то?..

К моем удивлению, Юлий сказал, что общий отзыв его полтавских приятелей о моих «мелкопоместных»[1] — очень хороший: хоть и очень отрывочно, но в то же время — местами (и даже очень часто) заметны большая наблюдательность, ум, остроумие и изобразительность... Ей-богу! Ты, конечно, зверочек мой драгоценный, не заподозришь меня в хвастовстве перед тобою: ей-богу, дорогая моя, говорю тебе это потому, что придаю значение этому отзыву, рад ему и, — честное слово, — как другу, говорю тебе про него. Говорю же правду — не преувеличиваю — хоть спроси у Юлия... Думаю поэтому — переработать их (т.е. «мелкопоместн<ых>»), расширить и издать отдельной книжечкой[2]... конечно, отбросив кое-что чересчур местное и личное... Так сказать — хорошо?..

Завтра приедет отец. Узнаю, значит, смогу ли тебе послать денег. Только, кажется, дело в этом отношении дрянь — денег у отца, вероятно, не осталось. Мать говорит, впрочем, что он хочет *на днях* делать купчую[3] — значит, деньги будут. Кабы мне не пришлось прожить подольше — дождать купчей и запастись хоть немного деньгами?..

Пиши, пожалуйста. Посылаю три марки. Искренно и сильно люблю тебя и крепко целую твои бесценные лапки.

Весь твой И.Бунин.

Как здоровье? Как ты, моя деточка, ходишь в Управление в такие морозы в свой кофточке? Боюсь, ей-богу, очень.

122. Ю.А.БУНИНУ

18 февраля 1892. Орел

В Орле ничего нету, ответь, пожалуйста, *в день получения этого письма* (непременно), могу ли я к тебе приехать[1] на... недели на 3? Пожалуйста, как можно скорее.

Карачевская ул., номера «Тула», № 3, мне.

123. В.В.ПАЩЕНКО

26 февраля 1892. Полтава

Полтава, 26 февраля.

Прости, Варюшечка, не брани меня, что только сегодня пишу тебе; я вчера хотел тебе написать, но Юлий задержал меня, говорит, подожди до завтра, тогда пошлешь письмо вместе с карточкой. А из Курска не написал тебе потому, что не было марки, — в город не захотелось идти, — я страшно продрог за дорогу до Курска. В вагоне был собачий холод... Да и в Полтаве погода оказалась далеко не весенней; правда, по улицам везде грязь, но холод и ветер ужасные. Вообще вчера вечером я страшно заскучал: погода тяжелая, серая, одиночество, несмотря ни на кого, сильно чувствуется. Словом, я сидел такой кислый и злой, что все удивлялись...

Странное дело! Давно ли я, кажется, из Орла, а уж жизнь в нем мне кажется далекой-далекой... Это еще усиливается мыслью, что неизвестно еще, как я ворочусь в него, найдешь ли там что-нибудь, будем ли мы наконец жить вместе. Ей-богу, Варюша, я буквально не понимаю теперь жизни без тебя: ведь жить машинально, без сознания радости жизни, двигаться, пить, есть и спать — это не жизнь!..

В Полтаве на место надежды плохи; скорее можно надеяться на Харьков: Женжуристы имеют некоторых знакомых на железных дорогах, да и у Юлия, как тебе известно, есть, так что я прошу их написать в Харьков: эта идиотская, бесприютная жизнь невозможна!..

Прости, деточка моя, *«свиненок»* мой бесценный (если бы ты сейчас видела, как хорошо и ласково у меня сию минуту стало в сердце от этого слова!), что я *брюзжу* (есть такое слово?). Ведь в самом деле плохо!

Слышал, что в «Артисте» меня сильно «отделали»[1], но сам еще не видал, — завтра мне принесут и я напишу тебе слово в слово... Вообще буду писать больше, — сейчас иду на почту, тороплюсь, потому что письмо заказное.

Крепко обнимаю тебя, моя сладкая, милая!

Весь твой И.Бунин.

124. В.В.ПАЩЕНКО

28 февраля 1892. Полтава

Полтава, 28 февраля.

Мне очень нездоровилось за эти два дня, Варюшечка; дорога ли сказывается или вообще такое время поганое — не знаю, но только у меня был здоровый насморк, к вечеру лихорадило и т.п. чепуха... Не хочу этим оправдать себя в том, что я молчал эти два дня; молчал потому, что ждал «Артист» и хотел тебе послать письмо вместе с выпиской рецензии о моей бедной книге[1]. Но «Артиста» мне так и не достали, а в библиотеке его нету (кстати — я подписался вместе с Нечволодовым в библиотеке, беру две книги на свою долю, читаю теперь Берне[2])... Вероятно, не придется увидать и «Север», если Лебедев[3] не пришлет. Не видала ли ты? Ну чего ты молчишь опять? Я, ей-богу, зверенок, начну злиться...

Да в прежнее время и начал бы уже. А теперь я не придаю этому *того* значения, которое придавал прежде. Часто, когда я думаю о тебе, мне хорошо и спокойно становится на душе: успокаивает и радует меня *твердая* вера, что ты любишь меня, что я дорог тебе, что мы уже крепко связаны с тобою общими интересами, дорогими днями в прошлом и думами о будущем. Зверенка! Голубеночек мой! Очень бы я хотел сказать тебе это сейчас... Только я сказал бы это не словами, а молча, когда бы ты прилегла ко мне и прижалась... знаешь как? Как ребеночек!

Настроение мое поулучшилось. Дни проходят однообразно. Мы почти все время — да весь день, а я даже ночь, потому что у Юлия спать на полу холодно — проводим у Женжуристов. Славные они люди и чувствуешь себя у них, как дома... даже, что касается до меня, то лучше дома... да и давно уже был у меня свой дом!.. Вся семья наша теперь рассеяна и никогда уже не приведется мне пожить с родными! Ну да что об этом! Плоха, друг, «весна на юге»! Метель бушует, как в какой-нибудь Вологде!.. Кстати, уехала Над<ежда> Ал<ексеевна> в Вологду? Что Борька? Что интересного в «Орл<овском> вестн<ике>»? Пришлешь ли отчет о заседании экстренного собрания[4]? В Полтаве так тиха и спокойна жизнь, что буквально не о чем писать в газеты.

Начала ли ты читать? Как одна коротаешь время? И главное — ради Христа — напиши, как здоровье? Ведь, ей-богу, я ничего не боюсь так, как твоего нездоровья...

Сегодня мы из Харькова ждем «гостей», — приедут знакомые целой компанией; между ними будет один железнодорожник, через которого хотят мне просить места. Что же твои попытки? Как ни скверно жить в Орле относительно общества, но все-таки я бы сильно желал именно в Орле места, а то, если и в Харькове получу, опять мы будем врозь. Честное слово, Варя, жду этого, т.е. места в Орле с тобою, как новой жизни, как воскресения. Чувствуя себя с тобою спокойно, не боясь за то, что нужно ехать куда-нибудь, не боясь за свое физическое существо-

вание, я бы, кажется, словно ожил: ведь я еще не жил, не работал, томился только скитаниями по свету!

Ну, площай, свиненочек! Люблю тебя нежно, крепко, всем сердцем, — клянусь тебе Богом!..

Весь, весь твой И.Бунин.

Новое строение, д. Волошиновой.
Не забыла ли адрес?[a].

125. В.В.ПАЩЕНКО

29 февраля 1892. Полтава

29 февраля, Полтава.

Против ожидания, харьковских гостей приехало человек десять. Сегодня у нас, т.е. у Женжуристов, очень шумно... Есть два железнодорожника, и я науськиваю Юлия и Серпинского[1] поговорить обо мне. Что-то выйдет не знаю... 26-го, Варек, почти ничего не было; были мы только у Рейдера[2], собралось человек 15 хохлов, пели целый вечер и разошлись. Но на днях тут предполагается большее празднество: будет 25-летний юбилей знаменитого малорусского композитора Лисенко[3] (его, знаешь, «Черноморці», «Різдвянна ніч», масса романсов и т.д.); меня просят написать стихи[4], которые будут посланы этому Лисенко в Киев поздравительной телеграммой. Попробую...

В «Новостях» нет как нет моей корреспонденции. В номере от 25-го я видел кусочек, перепечатанный ими из «Орловского вест<ника>» о брянском уезде[5] и утешаюсь тем, что, значит, моя опоздала... или Фил. Мих. не опустил письмо. Как он поживает?

Ну сегодня *последний раз* хочу просить тебя: *пиши!* Стыдно, «свиненок»! Я сегодня очень-очень люблю тебя, женочка моя хорошенькая, хотел тебе написать веселое и наинежнейшее письмо и очень охлажден тем, что почтальон прошел мимо.

Весь, крепко любящий тебя,
твой И.Бунин.

126. В.В.ПАЩЕНКО

2 марта 1892. Полтава

Полтава, 2 марта.

Опять хочу ныть, зверок! — Замучила голова, и некому взять меня на ручки... Как, помнишь? — ты меня укачивала... А тут еще эти харьковские «гости»: целый день в доме шум и споры...

---

[a] Адрес приписан в начале письма.

Ты, очевидно, по-прежнему не будешь писать мне. Это мне более, чем обидно... Одно могу предположить, — что ты нездорова... так в какой же раз мне повторять, что неведение относительно тебя вообще, — а в особенности относительно твоего здоровья — рвет мне сердце?.. Ведь я же люблю тебя, свиненочек мой ненаглядный! — *люблю больше всех на свете!* Разве ты мне перестала верить?..

Ах, как хорошо было, если бы ты могла мне выслать штук 15–20 моей книжки[1]. «Слава» моя здорово «растет», и нет никакого сомнения, что штук 15 разошлось бы в неделю. Я бы послал тебе денег, но у Юлия нету, а у меня... мы слишком хорошо знаем наши карманы!

Есть тут вещи, которые тебя сильно интересовали, и я мучусь желанием послать тебе их. Но, увы! — не все можно посылать!

Целую твои губочки и мои любимые, красавицы-ручи!

Весь твой, всем сердцем
И.Бунин.

Вечер 2-го же.

Пошел с целью отправить тебе это письмо, зашел к Серпинскому (сегодня у него был вечер — проводы «гостей») и узнал там, что мне принесут «Артиста». Пока я прождал его, прошло время для отправки письма: уже было поздно идти на почту; письмо пойдет все равно только завтра, так что разорвал конверт и сообщаю тебе рецензию обо мне в «Артисте»[2]. Вот она слово в слово:

«И.Бунин. Стихотворения 1887–1891 г.» Бывают случаи, что ученик не понимает своего учителя, хотя и думает, что понимает. Вот, напр., юный поэт, г. Бунин. Эпиграфом к своим произведениям он взял стихи г. Фета, в которых поэт скромно сознается, что его произведения представляют собою “бред неясный”. Так, он говорит:

Нет, не жди ты песни страстной —
Эти звуки бред неясный[3].

А между тем, в стихотворениях самого г. Бунина ничего неясного, по нашему мнению, нет. Скорее напротив, все так ясно, все так просто, так просто, что удивляешься, к чему было беспокоиться о каком-то размере и рифме. Судите сами, — что может быть проще и прозаичней этих, напр., строк:

Говорят, что вся клубника
Белым цветом зацвела,
Говорят, что так же точно
Грудь у девушек бела.
Аршин белых позументов
К рукавам и на подол,
Я боюсь, что это много,
Слишком много на камзол.

Вот какой предмет боязни воспевается в стихах, и притом лишенных той грации, которой так много у г. Фета. Нет, лучше, по-нашему, совсем не писать стихов, чем облекать в них голую прозу. Что-нибудь одно: или проза, или поэзия. И на все есть своя форма. Быть может, г. Бунин прекрасный прозаик: в таком случае, пусть он скорее покидает занятие поэзией».

Вот и все, Варюша. Как видишь — и неумно, и неостроумно! Выдернуть кусочек *переводного* стихотворения, нисколько *нехарактерного* для книги, сострить насчет «неясного бреда», ни с того ни с сего причислить меня к ученикам Фета — как хочешь, а это подло. Я, конечно, и нигде не ожидаю себе похвал, но ведь это... черт знает что! Видимо, человек мельком взглянул на книжку и от нечего делать написал несколько несвязных строк... Бедный твой муж, Варюшечка!.. Не забывай только ты меня: люблю тебя, деточка, люблю всей душой — Бог свидетель!.. Эти строки, может быть, — нелогичный переход, но, ейбогу, говорю искренно! Тут и без логики можно обойтись!

127. В.В.ПАЩЕНКО

3 марта 1892. Полтава

3-го утром.

Это — мое последнее письмо. К тебе вернулась прежняя небрежность. Небрежность при настоящей любви невозможна. Если бы ты ценила мои письма, мою горячую, искреннюю любовь и самую теплую, близкую дружбу — ты бы так не поступала. Варя! Вспомни, что людей, которые искренне любят нас — очень и очень немного: *надо ценить этих немногих!* Вдумайся.

128. В.В.ПАЩЕНКО

4 марта 1892. Полтава

Полтава, 4 марта.

Прежде всего — приказ моему дорогому, любимому свиненочку: взять как можно скорее сочинения Берне (2 т., перевод под редакцией П.Вейнберга)[1]. Я давно не испытывал такого наслаждения человеческим умом и благородством мысли и духа, и хочу, чтобы и ты прочитала его. Прочти, голубеночек, хотя статью Берне: «Менцель-французоед»[2], — только прочти так, как и вообще должно читать хорошие книги, — серьезно, вдумчиво. Не мешает при чтении проводить некоторые параллели... Ну а теперь о семейных делах.

Во-первых, зверенок — умный и милый зверь, знает, что я люблю его и что, следовательно, отрекаюсь от того, что написал в последнем письме: я получил твое письмо и, значит, думать, что я продолжаю думать так, как думал утром 3-го — нет оснований! (Каков слог?!!) Ну об

этом и шабаш. Целую твои бесценные лапочки, каждый пальчик, а это значит, в переводе на слова: «пласти былую вину!..»

Я, Варюшечка, поздоровел и повеселел. Да и в Полтаве повеселело: начались ясные, мокрые дни. А у вас? Или, лучше, у нас? Варечка! Сердце, ей-богу, сжимается, как вспомню, как ты бегаешь в своей курточке до управленья. Правда, стыдно мне, что моя жена ходит так... да что я сделаю?.. Кстати, насчет денежных дел: у Юлия сейчас подходящего ничего нету, все сам делает. Корреспондировать, при всем моем желании, не о чем: «Орловск<ий> вест<ник>», из которого мог бы взять сведения об экстренном заседании[3] можно получить только у Померанца, но, к несчастию, его жена[4], которая осталась в Полтаве (он в Берлине), не бережет «Орловск<ий> вест<ник>». Был я у ней вчера и, как нарочно, номера от 29 февр. уже не оказалось. Ходил к ней, впрочем, не специально за «Вест.» — нет, — *на поэтический* экзамен, в роли экзаменатора. Можешь себе представить, за эти дни меня познакомили уже с тремя поэтами. Все юноши, все евреи, все очень милые и симпатичные ребята, стремящиеся только к развитию, но пишущие отвратительные стихи на гражданские мотивы. И вот меня как «опытного» в пиэтистике все приглашают их слушать: 1-го марта слушал некоего Басова[5], 3-го — Рудина[6] и в четверг иду слушать — Василевского[7]. Замучили, черт их возьми! И хуже всего то, что просят сказать мое мнение, а как сказать правду? Ну и приходится вилять...

Ни черта не понимаю, — откуда взялось письмо из «Новостей дня»[8]! Когда я посылал предложение? Совершенно не помню... Писать? — как думаешь?

Напиши мне — хочешь ли ты, чтобы я снялся так, как, напр., снялся Юлий — в таком формате. Я продал ему визиточку (знаешь, ту, с клапанами назади, «на муаре») за 2 рубля и могу, значит, сняться. Хочешь? К бороде и голове моей еще не осмелилось прикасаться ничто металлическое, за исключением гребешка... Щеголяю все в блузе и часто, ей-богу, часто думаю приблизительно так: «Это Варек позаботился обо мне. Милый, хороший мой!..»

Юлий тебе кланяется; занят он очень, так что ему нет времени писать тебе. Да и вообще он свинья на письма — ты это знаешь.

Ради Бога, Варя, — попытай насчет места в Орле: мне без тебя просто смерть... Заказное письмо оказалось от Евгения[9], — прислал громадную корреспонденцию, просит где-нибудь напечатать.

Посылаю тебе новую брошюрку Чехова: «Каштанка»[10]. Я хотел на ней написать: «Милому свиненку — повесть о собачонке от любящего его скота». Да раздумал. Ну это уже пустяки. Будет. Плащай! Пацаалуйте меня!!

До свидания, драгоценная моя!

Весь твой И.Бунин.

129. В.В.ПАЩЕНКО

13 марта 1892. Полтава

Полтава, 13 марта.

Я люблю тебя, Варя, сильно и серьезно люблю. Я никогда не смотрел легкомысленно на такие отношения вообще, а на наши в особенности. Поэтому я много, слишком много думал о них и проверял себя и каждый раз убеждался, что мое чувство серьезно... Ты знаешь также, что прямо-таки из эгоизма каждому из нас не следует обманывать даже в мелочах друг друга и себя... Ты знаешь, следовательно, и то, что я не вру тебе, если говорю, что единственная моя мечта теперь — жить с тобою. Но что же я сделаю?.. Харьковские железнодорожники обещали мне непременно достать место. Но если вообще трудно верить людям, то в случаях обещаний места — в особенности. Также мало верю я и Вырубову[1]. Ни черта из этого не выйдет... К тому же ты говоришь: «набирайся сил к зиме»... Значит, мне еще слишком рано учиться на счетах...

Евдокимову письмо послал[2] еще 9 или 8-го — не помню. Ответа еще нету. Домой написал[3] в то же время убедительнейшую просьбу, подкрепленную припиской Юлия, выслать мне 20 рублей, с тем, чтобы, получивши их, тотчас отослать в Елецкую гимназию за бумагами. Все поименованные тобою имеются, кроме вида о благонадежности... Словом, бумаги будут у меня через 2–3 недели.

Не удивляйся, что так давно не писал. Право, тяжело писать при твоем отношении к нашей переписке. (Ей-богу, у меня от стыда даже перед стенами уши загораются — так много я толковал об этих письмах!) Ведь, напр., я буквально не знаю, как ты прожила без меня эти почти 20 дней — буквально! (Примерно — столовые. Спрашиваешь меня не буду ли я иметь чего-нибудь против этого? Конечно, ничего, но какие столовые, где, когда, кто затевает и т.д. и т.д.?) В двадцать почти дней ты написала мне 3 письма. Значит, нет потребности писать и что же об этом толковать? Даже такая небрежность: пишешь письмо 8-го и опускаешь его 11-го! Ведь не шло же оно 4 дня до Полтавы. Да, Варя, небрежность, не сердись за это. Я не обидеть тебя хочу и не хотел, когда написал тогда[4]. И теперь это повторяю. «Как же ты, мол, писал мне другое в прошлом письме»? — Обрадовался и сказал под влиянием настроения. Но теперь повторяю сказанное опять. Верю тебе, что любишь, но что касается писем... Ну да будет!

Прощай, Варек. Не сердись за серьезно-деловой тон. Помни, что всегда был и буду *искренно весь твой.*

130. В.В.ПАЩЕНКО

16 марта 1892. Полтава

Полтава, 16 марта.

Сегодня получил Юлий твое письмо[1]. Ты *мне,* очевидно, не хочешь писать, хотя сердиться тебе, Варек, ей-богу, не за что... Ну да об наших делах можно потолковать особо, а сейчас спешу на почту отправить тебе

прошение. Бесконечно благодарен тебе за хлопоты и целую лапочки. На счетах начну учиться сегодня же. О бумагах, которых еще не получил, нынче пишу снова[2]. Господи! Если бы только удалось привесть в исполнение это дело!..

Весь твой И.Бунин.

От Лебедева получил письмо[3], возьми № 9 «Севера», прочти рецензию[4] — интересно!

131. В.В.ПАЩЕНКО

17 марта 1892. Полтава

Полтава, 17 марта.

Милая Варюшечка, если б ты знала, как мне не хочется сейчас заводить с тобою даже мало-мальски неприятный разговор! Эти два чувства — одно ласковое, любовное, которое хочет оттолкнуть все неприятности и возбуждает одно желание — без слов, без всякой невеселой мысли обнять тебя и начать целовать губки, лапочки, «глазы», — а другое — напоминающее, что эту невеселую мысль, эту темную точку *нельзя* устранить — путают и мучат меня! И на каждом шагу такое раздвоение... и из-за него-то я не писал тебе...

Пойми меня. Ведь я люблю тебя, ведь всякое мое хорошее душевное ощущение связано с тобою. Трудно это рассказать, а между тем это так. Вот хоть бы эти дни. Каждое солнечное утро, когда я через городской сад иду в библиотеку, чувствую теплый легкий ветер, который сушит дорожки — вызывает во мне воспоминание о прошлогодней весне, о елецком городском саде и об милой высокой девушке, которая в своем драповом пальто, в картузике, быстро идет по аллее и близоруко вглядывается, ищет меня!.. Каждый вечер, когда в том же саду играет музыка (у нас она уже играет), звуки веют на меня орловскими вечерами, когда ты уходила в сад с Сашей[1], а я любил тебя и затаивал в сердце нежность к тебе и светлую грусть, — и время это мне кажется далеким и в сердце звучит что-то грустное и хорошее! Уйду ли на конец Нового Строения, где вдали открывается поле и вечерние лиловые дали, — зашевелится что-то поэтичное и любовное... «Вот в такой вечер идти бы с Варей рядом куда-то далеко, далеко!..» Поверь, Варечек, милый мой, — я говорю тебе, может быть, неумело, несильно, не вызываю в тебе ясного представления о моих думах и ощущениях, но, ей-богу, это все правда. А как мне сильно, до отчаяния хочется этого места в Орле, этих дней, когда бы я мог знать, что ты теперь моя жена, что мы вместе проведем вечер и чисты и спокойны будут наши брачные ночи, чтобы я мог думать с тихою радостью:

Теперь лампады луч заветный
Мне тихо светит в час ночной,
И смотрит с радостью приветной
На поцелуй любви святой,

На взор, исполненный душою,
И на склоненную ко мне
С улыбкой ясного покоя
Головку в мирном полусне[2].

Ну, Варечка, ты понимаешь же меня! Я хочу полного, цельного в наших отношениях! А какое же полное, когда мне приходится упрашивать тебя писать, когда твои письма являются как бы вынужденными, когда тебе не хочется писать и ты принуждена вместо 11 марта помечать письмо 8-м! (Ты пишешь в нем о впечатлениях от «Каштанки», а «Каштанку» я послал тебе в субботу 7, следовательно, она могла прийти только 9 в Орел. Как же ты пишешь о ней 8-го?) Или эта приписка: «Господи! Хочется еще написать, а Муся не дает»... Бывало, в письмах из Ельца ты повторяла эту фразу точь-в-точь, только тогда мешала мама. Неужели нельзя выбрать время?.. И отчего ты могла писать мне такие теплые, задушевно-любовные письма, когда я был в Глотовом в ноябре? Настроение было другое, Варя!

Я в первый раз в жизни не смог написать тебе в течение недели. И ты за это осердилась и не хочешь уже писать мне, а пишешь через Юлия. «Не хочешь, мол, писать, — не надо! Просить не стану»... Я еще ни разу[а] не гордился так перед тобою... А теперь я уже, наконец, не могу и буду принужден молчать или же говорить только о делах, задавливая свои ощущения. А писать обыкновенно, как бы хотелось, повторяю, не стану, — не могу. Молчание очень неприятный ответ, а я уж не раз слыхал от тебя его. Ну вот и все... Пожалуйста, не будем больше толковать об этом...

О делах могу сообщить немного: на счетах учусь, — оказывается это очень нехитрая махинация, — утром часов с 9 и до 3-х, т.е. обеда, занимаюсь Юрьевой статистикой[3], — в бесчисленных таблицах подвожу итоги. (Начал я у него заниматься с 9-го числа, за 15 рублей в месяц), гуляю, читаю, думаю... В «Полтавских вед<омостях>» мне предложили сотрудничество[4], — писать фельетоны, обещались платить по 2 копейки за строку, но что же мне дать? Нужна преимуществ<енно> беллетристика. В «Харьк<овские> вед<омости>» послал корреспонд<енцию>[5], в «Новости» тоже, — о будущей в сентябре сельско-хозяйствен<ной> полтавской выставке и об заседании сельско-хозяйств<енного> общ<ества>[6]; был раза 2 в концертах, слышал Серебрякова, Михайлова и Чернова[7]. Чудная вещь эти концерты! Ей-богу, несколько дней как очарованный ходишь, просветленный и облагороженный. Поразительно сильное впечатление произвел на меня романс Рубинштейна на слова Гейне — «Азра»[8]!..

От Лебедева получил письмо, бранит и в письме, как и в рецензии[9], меня за невнимание к форме — иногда, впрочем, — и восхищается «не-

[а] Далее зачеркнуто: не выставлял, или лучше не выставлял, а просто...

поддельной поэзией» стихотв<орения> «Три ночи». Как я рад, что он человек со вкусом: ведь правда это мои лучшие стихотв<орения>.

Прочла рецензию в 9-м № «Севера»? Прочти, а пока прощай. Крепко люблю тебя и крепко целую, дорогая моя! Сладкая моя девочка!!

132. В.В.ПАЩЕНКО

19 марта 1892. Полтава

Полтава, 19 марта.

На войну меня не возьмут — это ты знаешь; мы об этом толковали многое множество раз и странно, что ты забыла про ***2-й*** разряд моего ополченства[1]. Не знаю, жалеешь ли или радуешься этому ты, а я сильно доволен. Идти или быть взятым на войну за освобождение, за народные интересы, как, напр., на войну 1877 года[2] — имеет цель; но участвовать в идиотской, бессмысленной резне, возникшей из-за дипломатических пошлостей (именно такова будет теперешняя война[3]) не только не имеет цели, но даже подло. И, следовательно, я, довольный тем, что мне вообще не придется рисковать жизнью из-за противного всякому мало-мальски образованному человеку дела, теперь доволен вдвойне. Что же касается участия в войне сестрой милосердия[4]... это, конечно, несколько другое дело. *Одно* скажу — пойти в сестры милосердия — значит сделать большой шаг (не с моральной точки зрения, — я об ней не говорю) — для личной жизни всякого. Ты его уже сделала, — значит, поставила на карту свою жизнь, свое здоровье, свое будущее положение, место в Управлении. Осуждать или не осуждать не смею, тем более, что этот шаг сделан, поправить или шагнуть назад нельзя (раз записалась — хочешь не хочешь — возьмут) и ты мне говоришь о нем уже тогда, когда он сделан. Это, конечно, весьма неестественно: человеку, с которым ты связала свою жизнь, который считает тебя близким на всю жизнь, можно было сказать об этом раньше, чем поступить так или иначе. Можно было поступить как угодно... но, право, сказать можно было раньше. Напр., я если бы вздумал, твердо решил переселиться, положим, в Америку — сказал бы тебе об этом, а не написал бы письмо уже из Нью-Йорка: «переселился, мол»...

Убежден, что когда я говорил, что доволен, что не пойду на войну, ты подумала приблизительно так: «трусость сидит в нем!» Ну и что же, *хотя бы даже* и в самом деле у меня не убеждение говорит, а трусость? Трусость, — которая заставляет человека отказаться, напр., от своих убеждений — дело скверное, но ведь и военная храбрость (да и вообще всякая, которая вытекает из душевного безумия) — не особенно важна. Сердце человека, который воспламеняется при звуках маршей, вспыхивает при виде крови, дыма и выстрелов — сердце дикаря, сердце, в котором остались, перенаследовались задатки разбойничьих народов. Было ведь время, когда и дуэлисты считались *мужественными и благородными* господами; и это время проходит, и в будущем будут иные

идеалы и храбрости, и душевного благородства, и человеческих отношений.

Прости мне, зверок, но я скажу тебе вот что: не исключительно тобою руководит пойти в сестры милосердия — желание помогать раненым, — нет, не исключительно. Я думаю это потому, что ты об этом толковала давно, когда еще никто и не думал о войне. И не раз толковала. На этом основании я думаю, что тебя увлекает почти внешняя форма этого дела, сознание подвига, какая-то возвышенная красота его... А может быть, я ошибаюсь... Вспомни только, что редкий студент-медик, *новичок*, выдерживает без обморока операции. А ведь там будут делать их не на мраморных столах, без всяких хлороформов. Вдумайся, представь себе эти картины... Ну, словом, я в себя не приду от этого известия! Спасибо за него!..

Письмо твое такое любовное и хорошее, что хотелось бы сказать многое тебе. Но, ей-богу, у меня все отступает теперь Бог знает куда...

Что я напишу Женьке[5]? Что с нею?

Что за личность этот новый сотрудник. Почему он «приличный, а (главное) способный»? Из «Южного края», из подлой кабацкой газеты[6]! Недурно!

А, впрочем, ну их всех к черту!..

Прощай пока, Варек, милый, хороший мой. Пиши. А то и я буду молчать. Крепко целую глазы, лапочки и ***все, все***.

Глубоко любящий тебя, весь,
звереночек, твой И.Бунин.

P.S. Карточки пришлю. Я было раздумал сниматься... Повестку на деньги получил (из дома), отсылаю за бумагами. Ну, ей-богу, смерть моя!.. Зачем ты мне написала про эти сестры мил<осердия>!?

133. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

После 19 марта 1892. Полтава

Серьезно, мурлык, все нездоровится! Ты, конечно, дурак от природы и подумаешь, что я вру, но я не вру. Но, несмотря на это, живу «недурно». Описывать *как* — не буду, да это и не нужно, а сказать вообще — пожалуй, можно. Только сильно томлюсь порой: хочется мне поскорее места да иногда так потянет к моей дорогой «собаке», к Варюшечке, что «сил моих нету», выражаясь словами Орлова. Ей-богу! Прошу тебя серьезно — если увидишь ее — *попроси не бросать хлопоты о месте мне**. *Да вот еще штука: душу всю вымотало ее сообщение, что она идет в сестры милосердия*[1]! Впрочем, об этом толковать не буду ни слова. Только ты не подумай, что я могу осуждать за это...

Жалко мне, знаешь, Орла, ей-богу. И не потому даже жаль — оставим это пока, — что мои одинокие зимние вечера, когда слабо горела

* NB

Автограф последней страницы письма к неизвестному лицу.
После 19 марта 1892 г.

лампочка, затихало все и в мою душу погружалась с слабым стоном печаль, точно зимний ветер, свистящий в стенах и щелях старого оставленного дома, — освещала и согревала порою Варенька, а просто потому, что все прошлое — наши лучшие дорогие дни. Странная, необъяснимая вещь — жизнь вообще, а в частности то, о чем я говорю. «Пока живешь — не чувствуешь жизни». Согласись, что это очень контрастно и, пожалуй, дико в сущности. Я думаю, что это происходит потому, что мы *не умеем ценить жизни,* ничем не удовлетворяемся и всегда хотим большего, чем у нас есть. Это очень старо, но как все старое — верно.

Мы, ослы, вместо того, чтобы свободно пощипывать травку да муравку, когда она есть, навьючиваем себя мешками и тащим их куда-то, — вероятно, к Смерти, которая все идиотски-равнодушно мелет. Тот имеет все, кто не имеет ничего; у кого есть много, у того всегда мало... Ей-богу, верно!

Отчего мы всегда недовольны и только ждем, что будем довольны? Для какого времени мы готовим себя? Мальчик приносится в жертву юноше, юноша — мужу, муж — старику. А когда старик хочет начать *жить для жизни* — приходит Смерть! И это верно!

Утренние зори, соловьи, весна, милый взгляд девушки — в сущности ничто — и все! Все заключается в молодости. Мир — зеркало, отражающее то, что смотрится в него. Все зависит от настроения. Много у меня бывало скверных минут, когда *все* и вся казалось глупо, пошло и мертво и это было, вероятно, правда. Но бывало и другое, когда все и вся было хорошо, радостно и осмысленно. И *это* было правда. Самые веские доводы доказывали мне, что жизнь — ерунда, что нет конца моему горю и нет больше радости. Но «время все берет»... и на утро еще более веские доводы говорили мне, говорили сильно, что много и хорошего в жизни и с радостью соглашался я с этим голосом. И только тот, кто глуп, как рекрут в чреве матери, может по-мальчишески сказать — «жизнь — ерунда!» Шансы за то и за другое равные. Как же сметь решать в одну сторону?

Ну, однако, расфилософствовался! Извини, милая моя мурлышечка! Только я говорил серьезно.

Больше писать не хочется. Напиши мне, если захочешь. Адрес у Вари.

Что дядя, твой дядя (ей-богу, он похож на дядю!) — Менелай? Черкни об нем. Небось экзамены теперь?

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин

NB | Поклон — тетеньке[2],
поцелуй — дорогой
«собаке»

(Это уж по-гимназически!)

134. В.В.ПАЩЕНКО

22 марта 1892. Полтава

Департамент
«внутренних» дел

Главная почтово-телеграфная контора любовных переписок.

Отделение взаимных излияний.
№ (по реестру) 1.

Полтава, 22 марта,
Жандармская улица,
на дворе дождь, в доме —
насморк, во всем мире — поздний вечер
и сон счастливых
супругов, собак и
сторожей...

Comment vous porter-vous, —
madame?[a]

Задавши такой вопрос, я сейчас же, почти моментально, сообразил, что все равно Вы, madame, не имеете возможности ответить мне на него через две минуты... даже более: горький опыт научил меня терпению и — увы! madame, я теперь не ребенок и привык помнить, что на такие вопросы ответы получаются иногда не через две минуты, а через две недели, а иногда и совсем не получаются. Что делать, madame? Терпение — наш долг, наш, можно сказать, христианский долг!.. Да, так вот сообразивши это, я решил в ожидании Вашего ответа, ответить Вам без вопроса, начать свое письмо с изложения моей жизни. Вы, конечно, интересуетесь? А если не интересуетесь, то все-таки это ничего: письма принято начинать словами: «Я, слава Богу, жив и здоров» и т.д. (Ах, как было бы хорошо, если бы письма с такими началами всегда имели такой скорый и милый конец, как «и т.д.» Ей-богу!)...

Ну-с, так я, слава Богу, жив, но нездоров. Конечно, это не значит, что я шагаю по Полтаве как гальванизированный труп, и что все собаки на меня брешут в благородном негодовании, но все-таки... я нездоров, madame! И будь я сейчас в Орле, и сиди около меня Варя, я бы слег в постель и стонал бы так жалобно, как самый молодой и сентиментальный поросенок... Ах, madame, вы, дитя, обломок льдины Белого моря, понятия не имеете, что такое благословенный юг! Снегу нету уже полтора месяца, выпадают иногда чудные вечера, музыка дивно гремит в Круглом саду[1], но лица музыкантов сини, как котел, от ветра — и в общем, черт знает что! Носовые платки исчезают один за другим под кроватью в корзинах с грязным бельем (какие противоположности в мире, madame — гря-зное *бе-лье!*), а я простуживаюсь самым аккуратным образом буквально 7 раз в неделю!

Не замечаете ли Вы, что мое письмо напоминает[2]... нет, не скажу, что напоминает... а впрочем, скажу: (только Вы не соглашайтесь со мной!) — маленькие беседы «Орловск. вестника»[3]?.. Но что бы оно ни

---

[a] Как вы поживаете, мадам? (фр.)

напоминало, я чувствую себя сию минуту не Карповым, даже не Борисом Петровичем М-сье Гном[4], но самим Гейне. И чувствуя себя Гейне, я чувствую, что Вы будете чувствовать в моем смехе сокрытые слезы и сумеете расплесть этот странный венок, сплетенный из кипарисовых веток и виноградных веселых лоз! (Ей-богу, — собственное сравнение, а не Гейневское! Каково?)

Получил от Грицевича письмо[5], просил деньги. О, Варек! Если бы ты знала, как мне горьки такие письма с напоминанием. Но, Господи! — что же я сделать мог раньше? Я как собака брожу уже давным-давно без пристанища... Посылаю ему деньги завтра и глубоко рад, что развяжусь с господином жандармом.

P.S. В «Новости» послал еще корреспонд<енцию>, *одна (в № от 19 марта)* уже напечатана[6]. Пришло в голову послать тебе 2 письма Гайдебурова[7]. ***Не затеряй*** (NB)

На счетах уже действую прекрасно.

135. В.В.ПАЩЕНКО

23 марта 1892. Полтава

Полтава, 23 марта.

Варюшечка! Дорогая моя! Милая! У меня такое страстное желание поскорее назвать тебя женою, так сильно хочется поскорее быть с тобою, чувствовать, что ты моя, навсегда, любить тебя, целовать твои «вымытые» глазочки и «мои» ненаглядные ножки, — что я очень странно настроен, получивши сейчас твое письмо с запиской Поливановой[1]. Господи! опять мы не будем вместе да и боюсь я, что Вырубов, узнавши, что у меня есть место, не будет хлопотать больше, — мол, теперь не надо[2]. Но с другой стороны, что же делать? Ведь поселиться в Харькове или Екатеринославле — много, много хуже. Тут ты будешь часто ездить ко мне, будем с тобой бродить под Смоленском, в лесах, буду я глядеть на моего зверочка, целовать его ручки и набираться силы до будущего свидания, до следующего воскресенья... Отказываться *теперь* от этого места, — Юрий, конечно, тоже говорит — невозможно и дай Бог, чтобы устроилось. Попроси, пожалуйста, Над<ежду> Ал<ексеевну> написать что-либо вроде рекомендательного письма о моих «способностях» — сходи к ней ***сейчас*** же как получишь мое письмо, — и в *тот же день* отправь прилагаемое письмо к Поливановой в Смоленск[3]. (Адрес Поливановой тоже спроси у Надежды Алексеевны). Устрой — все, ради Бога, с одного маха. Если ж письмо, которое (я думаю) напишет Н<адежда> А<лексеевна> тебе не понравится — не отсылай его вместе с моим, пошли одно мое.

Прости за короткое письмо. Клянусь тебе Богом, я так настроен, что у меня одно ощущение, одни слова просятся: «Варя, милая, бесценная моя!»... Не смейся, Варечек, но у меня сильно отозвалась радостью внутри та мысль, что я скоро, если это устроится, поеду через Орел и

увижу тебя. Это, может быть, по-детски, но ведь ты сама не хотела бы, чтобы я всегда был взрослым. Да и вообще, не дай Бог этого!.. Пиши, — поедешь ли на Пасху домой. Я боюсь, что когда я буду проезжать в Смоленск, не увижу тебя, а я измучился по тебе. Позабудь о моих письмах, о моих подозрениях! Все вытекает из того, что я люблю тебя серьезно, боюсь за то, чтобы на наши отношения не упадала ни одна тень неестественности...

Извини — корябаю очень. Но, ей-богу, у меня стоят на глазах слезы. Ты видала их одна и верю, что ты сумеешь объяснить их чем-нибудь другим, чем сентиментальность...

Все, все крепко целую! И хотелось бы мне не на письме сказать это, а посадить тебя на коленочки и обнять всю, поцеловать покрепче-покрепче! Люби меня, Варюшечка, не забывай меня!

Весь твой, весь Ив.Бунин.

Пошли прилагаемое письмо в Смоленск ***заказным.*** Даже если не узнаешь у Над<ежды> Ал<ексеевны> адрес Поливановой (хотя постарайся), пошли просто: «Смоленск (?)[a] *Екатерине Павловне* Поливановой» (кажется ее так зовут), ее знают. И у Над<ежды> Ал<ексеевны>, еще раз прошу, — попроси рекомендательное письмо, пошли вместе. ***Да поскорее!***

136. Е.П.ПОЛИВАНОВОЙ

23 марта 1892. Полтава

Полтава, 23 марта 92 г.

Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Я получил из Орла известие, что в редакции «Смоленск<ого> вестника» открывается место секретаря[1], на которое Вы любезно соглашаетесь рекомендовать меня. Приношу Вам за это мою искреннюю благодарность и с удовольствием готов занять его, если это будет возможно, — газетное дело давно уже является для меня родным и дорогим, и я постоянно мечтал, чтобы пристроиться к нему где-нибудь поопределеннее. В то же время я могу сказать о себе, что имею о нем некоторое представление, занимаясь довольно долго в редакции «Орловского в<естника>», где исполнял разнообразные обязанности, писал передовые статьи, сдавал беллетристический и другой материал, знаю корректорское дело, — приходилось читать последнюю корректуру, — о чем может засвидетельствовать редактор этой газеты Н.А.Семенова.

Мои чисто литературные занятия, кроме сотрудничества при редакции, состояли в корреспондировании в газеты «Новости», «Русская

---

[a] Знак (?) поставлен на левом поле письма перед предполагаемым именем-отчеством Поливановой.

жизнь» и др., — стихотворения же мои, как Вам может быть известно, помещались в «Сев<ерном> вестн<ике>», «Наблюдателе», «Неделе» и др. изданиях...

Будьте добры — известите меня, если Вам не составит это труда, могу ли я рассчитывать на получение этого места. По получении Вашего письма я тотчас могу поехать в Смоленск для окончательных переговоров.

Теперь я временно в Полтаве у брата, так что адрес мой: Новое Строение, д. Волошиновой.

Еще раз душевно благодарю Вас за желание содействовать мне.

Уважающий Вас Ив.Бунин.

137. В.В.ПАЩЕНКО

25 или 26 марта 1892. Полтава

Сию минуту получил твое письмо, открытое... Не могу выразить тебе, до чего оно горько мне! Жалко до невозможности!.. И не понимаю, Над<ежда> Ал<ексеевна>, вероятно, смеется надо мной? Глумится? Иначе, что же это за поступок? Когда получила письмо, что меня приглашают, *тогда она не посоветовала телеграфировать,* а теперь «телеграфируйте Ив. Ал.»? О чем? Необыкновенная надобность сообщить, что место занято! Да и понятно: десять лет меня ждать не станут... Да, следовало раньше поторопиться!

И вот теперь опять идиотское сиденье в Полтаве в ожидании чего-то. Эх, кабы я был в Орле-то! В ту же секунду уехал бы в Смоленск... А переписка за 1000 верст — вещь не быстрая. Нечего сказать, удача мне во всем, Варенька.

138. В.В.ПАЩЕНКО

29 марта 1892. Полтава

29/III 92 г.

Никак не могу начать это письмо! Сижу и улыбаюсь... Чья же ты теперь собака? «Чузяя, улишная, или моя?» А мордочку, которая сказала бы это, хлопая глазками быстро-быстро («я собака чузяя... ну стось?»), расцеловал бы всю, всю, каждую черточку, с самой нежною любовью! У, дорогая моя, умненькая девчурочка!.. Только как теперь твое здоровье? Не думай, Варек, что я не думаю о тебе, о твоей усталости; ей-богу, каждый вечер, как ложусь спать, думаю: «Теперь Варек спит — прижухнулся... Уморилась моя ненаглядная»... Да ничего, Варек! Это благородно и хорошо. Вот погоди, будем жить вместе, буду я тебя убаюкивать, буду целовать твои утомленные глазки... Но когда же это? Боюсь я, что ничего-то не выйдет из Вырубовских обещаний[1]. А если даже выйдет, напр., к осени, то ведь это мучение! До каких же пор я

буду шататься? Вот ты говоришь — поучиться надо. Да еще бы не надо! А это было бы можно только тогда, когда я наконец почувствовал бы под собой «твердую почву».

Был я, Варек, в Харькове, вчера вернулся, а поехал в четверг[2] вечером; возвратиться поскорей хотелось потому, что знал (ты написала), что ты мне напишешь. Только какое это письмо из «Сев<ерного> в<естника>»[3]? Убей меня Бог, если я посылал что-нибудь; даже и не думал. Письмо пришло в Орел, значит я и послал стих<отворения> из Орла. А ты знаешь, что я не посылал. Очевидно, это вторичный ответ относительно тех же стихотвор<ений>, про которые — помнишь? — написал на открытом бланке Волынский[4]. Письмо и карточка (varum?)[a] осла Леона[5] возмутили меня. Не пошлю я ему ничего... Да уж, кстати, о стихот<ворениях>: в 3-й книге «Наблюдателя» ругают меня, как собаку[6], но, по счастью для меня, опять глупо. Говорят, что вся книга состоит из слез, что я повествую в каждом стихотв<орении> о своих муках, о своей мировой скорби и т.д. Где это у меня? А оканчивается рецензия так: «Мы не знаем, родня ли г. Бунин знаменитой поэтессе Екатерининских времен Анне Петровне Буниной, которой за ее вирши дали лиру с бриллиантами, но можем уверить г. Бунина, что теперь лир не дают даже и не за бунинские стихи»... Передаю не буквально, но смысл таков. Прочти. И странно — это говорит «Набл<юдатель»>, в котором была напечатана почти 1/3 моей книжки!.. Ну да черт с ними!

За что это ты хотела написать мне резкостей, увидавши мое письмо к Ев<гении> Вит<альевне>[7]? Что я там «широковещал»? Ведь ты же сама просила меня написать ей, говорила про ее пессимизм и вот я, как бы по случаю, написал, написал, впрочем, искренно то, что думал. Но ни широковещать, ни поучать я не хотел и не дурак, чтобы думать, что писал ей необыкновенную мудрость. Эта мудрость дешевая, старая, но, вероятно, ее надо вспоминать почаще... А за что *ты* могла *рассердиться* — этого сам Соломон[8] не поймет.

Карточки еще не готовы, фотограф меня надул, говорит, что страшная масса работы. Готовы будут в четверг. Следовательно, послать тебе будет нельзя, — ты будешь в Ельце?.. Снялся я en face (кабинетные 1/2 дюж<ины>)[9] и в профиль (визитные 1/2 дюж<ины>) и натворил ерунды: дело в том, что в Полтаве две фотографии принадлежат Варшавскому, — одна называется «Новороссийская фотография Варшавского», а другая просто «Фотогр. Варшавского», и «новороссийская» много лучше, а я этого не знал и снялся у «Варшавского — *просто*»... Ну да ничего.

Как же ты не знаешь, сколько пробудешь в Ельце? Отдохни, Варюшечка! Только слышишь, собака, вот тебе приказ (надеюсь, что ты это слово не поймешь буквально, а если и поймешь, то вспомни, что и ты можешь мне приказывать — клянусь Богом, с наслаждением исполню): будь умница, не якшайся с разными Левитусами[10] etc; помни, что все

---

[a] почему (нем.).

это — жалкие пародии на людей, на ум, на остроумие и на изящество, и не пародии только на глупость и отвратительное самомнение. Мы, Варюшечка, еще очень молоды и нам стыдно преднамеренно примыкать к дуракам. Долг каждого молодого человека — рваться повыше, получше куда.

А из Ельца напиши, сообщи свой адрес, не забудь похристосоваться со мною в Светлый день[11], вспомнить твоего самого преданного друга.

Весь твой, весь И.Бунин.

139. В.В.ПАЩЕНКО

10 апреля 1892. Полтава

Полтава, 10/IV 92 г.

Даже не могу сказать тебе, Варя, — «Христос Воскресе!» Право, если вдуматься — это хорошее, сильное слово и стыдно его говорить бессознательно, говорить тогда, когда оно не отдается сильно и радостно в душе. Ни силы, ни радости у меня нету. Я настроен не вяло, — у меня, напротив, как-то окаменело все, но радости даже и признаков не имеется. За Страстную и за эти дни праздника у меня черт знает что творилось в душе. Может быть, это происходило оттого, что все разъехались, что на квартире Женжуристов живем мы только втроем — я, Лидия Александровна и Юлий, что самый праздник мы встретили, как какие-нибудь одинокие *степняки,* что Лид<ия> Ал<ександровна> все время больна и в доме стоит тишина и мертвая скука, но это все равно: значит, в этой тишине всплыло то, что на людях меньше заметно. Праздник и ожидание праздника настраивает как-то особенно, нервы становятся более чутки, и невесело было нам с братом. Дико и странно казалось нам, что мы с ним в Полтаве, черт знает где, далеко от родины, за тысячу верст от семьи, с которой, может быть, уже никогда-никогда не придется пожить. И сознавать это мне, у которого нету ни кола ни двора, мне, находящемуся à la belle étoile[a], было особенно невесело... Не упрекни меня за этот тон, Варюша! Право, я ничего не преувеличиваю, а напротив, еще забываю многое...

Ну да, словом, и *еще раз* прошу тебя: увидишь Вырубова, — попроси сказать — *врет он или нет*[1]? Ради Бога прошу! Я не могу быть в таком положении! Исполни и напиши мне: сил моих нету!

А пока прощай. В Елец не писал потому, что не хотел, чтобы мое чувство или — как бы сказать? — наши отношения прикасались к Никитенкам, от которых мне веет Ельцом, Ворглом, прошлым летом... Мне больно, обидно и горько было бы снова соприкоснуться с этим.

Страшно сильно я был обеспокоен телеграммой «Русских ведомостей», в которой говорилось, что «управляющий министерством путей со-

---

[a] (почью) под открытым небом (фр.).

общения распорядился о немедленном *удалении* из учреждений этого ведомства всех женщин», написал тетушке[2], чтобы она узнала (кстати — я от нее получил очень ласковое и теплое письмо[3]), но теперь успокоился: думаю, что если бы это распространилось на ваш контроль, ты бы уже давно знала и написала бы мне.

Ради Бога, (исполни, если любишь) узнай у Вырубова окончательно да поскорее.

Глубоко любящий тебя, весь твой
искренно И.Бунин.

140. В.В.ПАЩЕНКО

13 апреля 1892. Полтава

Полтава 13/IV 92.

Сегодня, Варюшечка, я получил место в Москве, в ветеринарном статистическом бюро[1]. Работа будет временная, жалованье — 1 руб. в день. Решил туда ехать 20-го. Но сегодня же пришлось перерешить, — *ехать сегодня* и ехать черт знает каким окольным путем — через Минск: у супругов Женжуристов произошла развязка — они разошлись[2]. Лид<ия> Ал<ександровна> уезжает навсегда из Полтавы к родным в Минск, и вот я везу ее, потому что она еле жива. Следовательно, буду в Орле... или нет, слушай так: нынче вечером выезжаем из Полтавы; путь лежит через Ромны, где мы будем завтра к вечеру; в Минске будем тоже вечером — в среду. Затем от Минска на Орел надо ехать по Московско-Брестской до Смоленска и далее по Орловско-Витебской. Так как это письмо ты получишь в *среду утром,* то при желании ты могла бы *в тот же день* достать мне *билет по Орловско-Вит.* и послать *в тот же день* в Минск по адресу: *Минск,* Подгорная ул., д. Верховского, Надежде Ивановне Маковой[3], для Л<идии> Ж<енжурист>. Вероятно, твое письмо получится в Минске в пятницу, и в пятницу же я выеду оттуда. В Орле буду... не знаю, как поезда сойдутся... вероятно, вечером в субботу. В Минске это узнаю и пришлю тебе телеграмму (обозначающую только одно, — когда приеду: «вечером» или «утром» и только). *Встреть меня, дорогаечка!* В Орле пробуду дня 4–5. Прости за сухое, деловое письмо — все расскажу, обо всем поговорим в Орле.

Безгранично преданный тебе
И.Бунин.

141. Ю.А.БУНИНУ

18 апреля 1892. Орел

Орел, 18 апреля 92 г.

Ты, верно, уже знаешь, милый мой Юринька, что со станции Бахмача Либ<аво>-Ром<енской> дороги я повернул на Орел, так как индюшонок[1] чувствовал себя совсем хорошо и поехала с братом[2]. (Кстати, —

не понравился!) Вчера ночью приехал сюда. Сижу с Варей, которая крепко целует тебя... Твою записочку в Ромнах передал мне этот Володя. Мне тоже страшно грустно стало по тебе, как поехал. И с чего пришло тебе в голову, что я мог хоть минуту помнить твои вспышки! Х<...> это все, и мне жалко-жалко тебя, дорогой мой! Как ты теперь один? Опустело как-то все в Полтаве, мне кажется?.. Что Ив<ан> Мир<онович>[3]?

Варя страшно жалеет, что я отказался от места в Екатеринославе. Она бы, говорит, с удовольствием жила там. Буду нынче писать Мельникову[4] — какое место он обещал в Екатеринославе. Если очень хорошее, постоянное, и если есть *очень верные* шансы на то, что будет другое место Варе, — уеду туда.

Но не вздумай, что я не поеду в Москву[5].

Пришли *поскорее* деньжонок, так, чтобы хватило на Орел, на Глотово, на билет из Полиут<?> и на Москву. Милый, ей-богу, нельзя не просить!

Прощай пока. Целую тебя и твою руку.

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

P.S. В «Мире Божьем» сравнительно хорошая рецензия[6].

Пиши:

Орел, конечно, Карачевская, №№ «Тула», № 3.

142. Ю.А.БУНИНУ

8 мая 1892. Орел

Орел, 8 мая 92 г.

Пишу наугад, не зная, где ты. А вот где я — так ты рот раздерешь от удивления!.. В редакции, братка! Приехал Бор<ис> Петр<ович>, помирился со мной и упросил у него работать[1]; жалованье 50 рублей; Вырубов, со своей стороны, обещает меня устроить[2], если не в Управление Орловско-Витебской дороги, то Грязской, которое переходит вскоре в Орел. После мучительных, ей-богу, мучительных колебаний, я послал Москву к черту и остался. Все равно 2–3 месяца продержусь тут, а там в Управление. На всякий случай, *умоляю тебя* — напиши Мельникову об месте, которое он прочил мне в Екатеринославе. Если окажется там *два места,* для меня и для Вари, мы бы сейчас же переехали туда. *Разузнай и похлопочи, Христа ради.*

Служу здесь уже с неделю. Борис опять поссорился с Над<еждой> Ал<ексеевной> и уехал путешествовать.

Пиши мне:

Карачевская, №№ «Тула».

Лидке я писал в Минск[3], но адрес ее дома потерял и написал на контроль, на имя ее отца. Очевидно, не получила.

Убедительно прошу тебя написать, где она и как все дела. Ради Бога, пиши поскорее и поподробнее.

Глубоко любящий тебя
Ив.Бунин.

143. В.В.ПАЩЕНКО

8 мая 1892. Орел

Варюшечка! Сегодня приехал Сентянин[1], затеял ехать на лодке, уговорил всех. Над<ежда> Ал<ексеевна> хочет, чтобы поехала и ты. Приходи, поедем. Постарайся прибыть к 6 часам, *только обязательно захвативши черное драповое NB пальто твое* — будем возвращаться поздно, можешь простудиться.

Захвати с собой *сегодняшний* № «Русск<ой> жизни»[2].

144. В.В.ПАЩЕНКО

8 мая 1892. Орел

Варюшечка!

По просьбе Над<ежды> Алексеевны и всех еду кататься на лодке. Возвращусь, вероятно, часов в 8. Приходи в «Тулу»[1]. Очень хотел, чтобы ты поехала с нами, тянул время, но ты что очень долго.

Весь твой И.Бунин.

8/V 92

145. В.В.ПАЩЕНКО

9 или 10 мая 1892. Орел

Варюшечка!

Мне страшно жаль, что наша ясная, хорошая поездка кончилась таким образом[1]. Я не хочу этого — забудь все, как и я забыл. Только, ради Бога, не говори со мною так в другой раз — мне очень горько и обидно — если любишь. Прости и меня за резкость!

Целую твои лапочки крепко-крепко. Заходи в редакцию, если не пошла в Управление. А нет — так я забегу часов в 6 или 7.

Весь твой И.Бунин.

К Вырубову решительно не могу: надо купить штиблеты — у меня опорки!

146. Ю.А.БУНИНУ

14 мая 1892. Орел

Орел, 14 мая 1892 г.

Милый, незаменимый мой, дорогой мой Юричка! Эх, и тяжело же мне! Все, что прежде тревожило в неопределенной форме, напряглось теперь сильно. Верить ли во что-нибудь, и в кого-нибудь, ждать ли чего и<ли> нет — опустить голову в покорной, мертвой тоске — не знаю!..

Был я сегодня в Ельце, у Пащенко. Позвонил с парадного (Варя тоже приехала со мной — специально поехали), и отворил мне сам Пащенко[1], пригласил в кабинет. За запертыми дверями шел крик — то спорила Варя с матерью, — а у нас пошел разговор... какой — не умею даже передать. Сказал он мне, что найдешь в каждом говенном романе Назарьевой[2], в котором какой-нибудь незаконный сын влюблен в дочь богатейшего купца или графа и граф узнал все... «Граф ходил большими шагами по кабинету»... Да, «граф» ходил по кабинету и говорил, что я Варваре Влад. «не пара», что я «головой ниже ее по уму, образованию», что у меня отец нищий, что я «бродяга» (буквально передаю), что как я смел иметь наглость, дерзость дать волю своему чувству... «И дура же этот граф, е<...> его мать!» — думал я, сидя на стуле... Ну разговор кончился тем, что он подал мне руку: «До свидания! Все, что от меня зависит, сделаю для того, чтобы расстроить этот брак». Я вышел и ушел и уехал в Орел... Мне нужно было вернуться сегодня[а]. Варя, пользуясь двумя праздниками[3], поехала к Воргуниным[4]. Видел я ее на вокзале. Поехала с ним, с отцом...

Не знаю даже, решится ли она идти теперь против воли родительской. Она запугана с детства. Не знаю, что он говорил с нею — вероятно, грозил. Что будет дальше, не знаю.

Да, брат, тяжело переживать такие истории и такие минуты, как сейчас, минуты неопределенности, минуты недоверия даже к тому, кого считал близким. А к тому встает предо мною вся моя жизнь. Милый Юричка, не могу я привыкнуть к жизни! Все не то и не то! Живу как в тумане. Веришь ли, иногда я так ясно и твердо чувствую, что во мне зреет — вполне здорово и спокойно — мысль о самоубийстве, что, должно быть, так и надо полагать.

Рассказать этого всего я не умею, да и расстроен очень.

Пиши хоть ты, пиши ты, мой дорогой, мой единственный друг. Целую твои <руки>, целую заочно, но со слезами, с горькими, добрыми, хорошими по отношению к тебе. Прощай. Обнимаю тебя крепко-крепко, мой благородный, светлый братка!

Весь твой Ив.Бунин.

Пиши: Карачевская, №№ «Тула».

[а] Далее зачеркнуто: в Орел.

147. В.В.ПАЩЕНКО

Между 15 и 17 мая 1892. Орел

Я употребляю сейчас канцелярский прием — странный прием в высшей степени в моем положении, противный... Но... что делать? Собираю всю свою логику, принимаю в соображение все, что могу... Для наглядности же — канцелярщина — выписываю твое письмо с своими мыслями. Знаю, — скучно это, скучно тебе тем более, что мы не раз толковали об этом... И все-таки не могу... Ну прочти, пожалуйста!

(Убедительно прошу читать последовательно)

«Ты, конечно, уже решил, что я тебя не люблю, что я и решилась отказаться от тебя и т.д. Это, понятно, *не совсем* так»...

Да, принимая во внимание, что ты не подошла даже ко мне на вокзале, не постаралась уведомить меня хотя *одним словом*, как ты решила, зная, что я должен испытывать — трудно верить, что я человеку дорог и нужен. А эта фраза («это, понятно, ***не совсем*** так») — не нуждается в комментариях!

«Люблю я тебя по-прежнему крепко и серьезно, но я согласна с папой, а именно вот в чем: я не знаю, что он говорил тебе, но когда мы с ним разговаривали, то он по отношению тебя не высказал ни одного резкого слова и говорил только мне, чтобы я не торопилась и подождала, пока у тебя будет какое-либо определенное положение»...

Папа мне сказал вот что (передаю вкратце, но его *буквальными* выражениями) «В.В. вам не пара — по уму, по развитию, по образованию она выше вас целою головою. Она — я знаю — *не уважает* вас. И нельзя. Вы бездельник, вы шатаетесь, вы, извините меня, *бродяга* (sic!), вы растрачиваете чужие деньги, вы нищий... Служить, говорите? Конторщиком! Гм!.. Удивляюсь, положительно удивляюсь, как вы могли иметь такую *наглость*, такую *дерзость* — думать, что В.В. вам пара»... И в конце: «Ну да наш разговор кончен. До свидания».

«Ты, конечно, ответишь, что так и знал и т.д. Я же тебе вот что возражу; я согласна с тобой, что не нужно идти за этим бараньим стадом, но, согласись, что это возможно только тогда, когда у тебя именно и есть независимое положение, когда ты самостоятелен, и когда тебе не приходится подчиняться ему, этому ненавидимому тобою обществу...»

О! Это старые софизмы! Ты забыла, что в жизни овладеть всем сразу нельзя, что когда человек ненавидит баранье стадо, он сочтет для себя за стыд ***войти в него, пойти*** с ним ***одной дорогой, наесться*** с ним и затем уже начать презирать его! Если уж подчиняться, то подчиняться лучше *невольно*, с болью в сердце, чем заведомо идти на это! Кроха-

6 — 8284

ми, падающими со стола господ, я еще питался. Я ведь не потерял независимость от того, что был должен 13 р. Грицевичу или Над<ежде> Ал<ексеевне> — только всего ведь! Помогали мне родные — и то на какую-нибудь всего 200 рублевую сумму. Тебя ведь тоже до 21 года помогали, содержали родные!

«Или же ехать в страну где текут реки с кисельными берегами»...

Неудачное и неуместное глумление!

«Я говорила папе, что ты человек совсем другого пошиба, что у тебя другие цели в жизни и т.п., но папа мне тогда объявил, что он меня хорошо знает и что я не в состоянии буду идти за тобой. Это тоже не совсем так»...

Зачем же ты это говорила? Если ты в моей жизни видишь не «бродяжничество», а известное стремление — о чем же ты споришь со мною в этом письме, к чему вон верхнее-то глумление? Потом — кто же из вас тебя лучше знает? Думаю, что ты себя и прежде знала... Мы спорили с тобою, но ведь ты же решительно не считала, что нам не идти вместе. А теперь... *«Не совсем»!* Нет, видно, не «не совсем», а «совсем» теперь...

«Ты хорошо знаешь мои взгляды на известные положения, но ты также, вероятно, помнишь, что я привыкла относиться не с такой ненавистью к людям, как ты — припомни наши споры по этому поводу... Ведь мы с тобой толковали, то же и теперь повторяю с *новой силой*».

Да, с *новой* силой! Я понял это, я увидал, что ты *теперь толкуешь уже о том*, что мы *решительно не подходим друг к другу*. Зачем же тут год или два испытания выдумывать? А что касается моей ненависти к людям — это вздор. Что я за человеконенавистник такой? Да я, приехавши из Полтавы какой-нибудь, про 50 человек восклицал тебе: «Вот милый человек, вот люблю кого!..» Уверяю тебя, ненависть моя к пошлости, к фатовству, да *к разврату* и к *особенно* ярким выразителям их! Только.

«Мое же решение таково: я хочу отложить наше сожительство на год, по крайней мере, пока ты не будешь обеспечен хотя материально».

Повторяю то, с чем ты уже соглашалась: зачем тебе моя обеспеченность? *Детей у нас не было бы* — в этом моя клятва — что же изменится? Или тебе совестно жить будет с таким господином

необеспеченным?.. Ведь не буду умирать я с голоду; положим — потерял бы место в редакции и не поступлю в Управление. Да ведь найду же я что-нибудь! Что за *боязнь жизни, боязнь* того, что придется прожить месяц — 2 в более плохой квартире! Значит — я так и погибну и никто не помог бы мне? Вздор! Да вот еще: почему это я в самом деле «бродяжничал»? Посмотрим: по выходе из гимназии 3 года *все время* занимался с Юлием (можешь у него справиться), что доказывается хотя бы тем, что я ведь немного не похож все-таки на воспитанника 4-го класса. Затем — встретился с тобою... Провел, правда, бездельно года полтора. Но ведь это можно было бы и извинить — особенно тебе! — Затем солдатчина. После солдатчины прямо стал хлопотать о месте. Прошло пока еще месяца 4–5... Раненько заключили, что я бездельник и лентяй!

«Ты мне ответишь, что ты этого не желаешь, что ты *не хочешь терять лучшие годы»*...

Неужели это в самом деле пустяки?

«Я тебе на это скажу, что не понимаю, почему через два (?) года разлуки, если мы будем любить друг друга, мы не сойдемся с новым свежим чувством и радостью? Если же ты разлюбишь меня, то ведь не может быть и речи о нашем браке. Я же на это не надеюсь».

Что сказать на такое... непонимание, что ли, самых примитивных оснований психологии?

Разлюбишь... время все перевертывает особенно тогда, когда я буду знать, что я удален, что я настолько не дорог и не друг девушке, что она услала меня от себя в самую лучшую пору любви... Да ну, ей-богу, на это и отвечать-то наивно!

«Предлагаю тебе расстаться на год. Если ты меня действительно любишь, то ты согласишься на это, так как в противном случае мы оба *будем страдать»*.

Отчего страдать? Конечно, мне в 10 <раз> лучше сойтись с тобою через год, чем расстаться навек, но... если бы не ты это предлагала. Я-то люблю, но услышавши от тебя такое предложение — мне,

«Поезжай, учись, постарайся поступить хотя вольнослушателем... Ведь без малого, даже среднего образования нет возможности жить».

«Ведь очень мало для жизни знать одну русскую литературу и быть в сущности, односторонне развитым человеком».*

право, мало шансов верить, что я нужен и дорог тебе!

Какой тон! И неужто я не знал этого? Ведь у меня же была *глубокая, серьезная* цель прожить с тобою год — другой, почувствовать себя спокойно и заниматься, обязательно заниматься!

Здесь, что ни слово — то золото!.. Папа мне сказал почти буквально то же. Этим только и объясняю эти слова. Но и в этом случае тяжело мне слышать в таком тоне («ведь, голубчик, стишки — не развитие!») эти слова от тебя. Мне бы только хотелось знать, *отчего это люди вдесятеро поинтеллигентнее нас с тобою не относились ко мне так, неужели ты когда-нибудь чувствовала, что я не удовлетворяю тебя* в смысле развития и оказываюсь ниже тебя или не сумею поговорить со всяким из твоих знакомых? Теперь вижу, что и ты чувствуешь себя выше меня головою и даже чуть не глумишься надо мною!..

Ну да будет!

Только прошу тебя — не принимай это письмо в том смысле, — что я хочу тебя сбить, уговорить и т.д. Теперь все кончено и все ясно. А остальное — пойми без слов!

148. Ю.А.БУНИНУ

19 мая 1892. Орел

Орел, 19 мая.

Получил нынче твое письмо, дорогой и хороший мой! За что сердитый тон?.. Ну да я не об этом; у меня дела поважней. Дело в том, что с Варей мы расходимся *окончательно*...[1] Мое настроение таково, что у меня лицо, как у мертвеца, полежавшего с полмесяца. Помоги же мне, ради Бога. Вот слушай. Я писал тебе[2], что мы ездили с ней к отцу; она

---

* Будто бы кроме стишков — ни в зуб толконуть? Я отлично знаю, что я и неразвит и необразован, *первой целью ставил себе это*, но, право, и теперь я уж не так ничтожен.

осталась, была с ним, разговаривала и после меня и вернулась совсем больная и расстроенная с предложением, чтобы мы разъехались на год. Отец этого требует, хочет, чтобы мы сошлись только тогда, когда у меня будет определенное положение. Он плакал, просил ее об этом, она дала ему слово и стоит на этом предложении.

Она говорит, чтобы я уезжал, нашел место, постарался найти и ей и через год мы съедемся. Я принять этого ни за что не могу. Я довольно устал, я уже второй год слышу колебания, такое предложение оскорбительно мне донельзя, я не могу вследствие такого предложения верить, что она меня любит. Расстаться с любимым человеком еще на год, когда уже дело тянулось два года — это не любовь! Она, — я думаю, я убежден, — сама боится, что я не буду работать, что у нас будет нужда... Но я этого не могу — я уже несколько раз сказал, что мы расстанемся, но только навсегда. Богом клянусь, это уж лучше!

Я, наконец, даже уступал, предлагал, что я согласен ждать совместной жизни, но буду жить в Орле, буду работать сперва в редакции, а потом в Управлении Орловско-Грязской дороги (которое переходит в Орел и в котором обещают мне место) и будем жить так, как до сих пор жили — т.е. она будет ходить ко мне. Но она и на это не согласна! Она говорит, что исполняя желание отца, она не может сделать это... а если согласится, то этакая жизнь будет ей тяжела. Этакое хождение друг к другу в гости нам уже давало себя знать — это, действительно, тяжко, не удовлетворяет... Так вот она говорит, что ей будет и теперь так же тяжело. Теперь я решительно не знаю, что делать, не знаю, чем уговорить ее и... единственно, что могу предложить — расход! Да, непременный... Она тоже проплакала вчера целый день. Что делать? Скажи? На такой компромисс я не пойду ни за что! Чего она боится? Что изменится, если мы поселимся под одной кровлей? Ведь детей у нас *не будет!*

Напиши же, *ради самого Бога, в тот же день,* как получишь это письмо. Умоляю тебя.

И.Бунин.

Б<орис> П<етрович> уезжал временно[3], уже вернулся, дружба у нас большая. Передай Померанцу, что задержка из-за Б<ориса> П<етровича> (он прислал нам статьи).

149. Ю.А.БУНИНУ

Между 23 и 26 мая 1892. Орел

Милые, всей душой любимые мои!

Хотел написать — все не было настроения. Тебе, Юлинька, хотел сказать, что ты ошибаешься, что я безумствую, что взять себя в руки я не могу, Вам, Лиза — да Вам что? Я бы хотел Вас видеть, мы бы посидели вдвоем, я бы говорил полдня... вас я люблю, разумеется, благодарен за... ну да это противно — «благодарю за участие»... А хотелось бы поговорить! Все это время мне нет покоя! У меня голова трещит... «тысяча-тысяча думушек»! и тоска иногда — безумная широкая, как музы-

ка страшно-грустная и прекрасная и умереть хочется, то вдруг черт знает откуда — так и подхватит всю душу бодро и хорошо. Дома, на улице, с Варей, со всеми я ловлю каждое слово, придаю всему дьявольское значение, — или обидно от лжи, или... ну да сам черт не разберет. — Словом, я или болен или прав... От Вари, может быть, я[a] требую то, что невозможно, но справедливо... Умоляю Вас, Лиза, и тебя, Юринька, — напишите Ставровскому, сделайте хоть немного, хоть капельку к тому, чтобы *мне с Варей* переселиться в Екатеринославль, достать там 2 места (***обязательно 2, один не поеду!*** ну как угодно!) или Харьков. Там, в Екатерин<ославе> или Харьк<ове>, мы бы с нею могли жить, туда бы она уехала со мною сейчас же, ***была бы в другом обществе,*** а не в том, которое действует на нее здесь и которое меня мучит, я бы сам отдохнул, здесь не могу! Милые! Поверьте же мне: ей-богу, жить хочу, жить хоть немного по-Божьи, там я заниматься буду!.. и т.д. *Сообщите адрес Ставровского[1], Лид<ии> Ал<ександровны> и Воронца.*

Пишите, ***пожалуйста и пожалуйста!***

Ваш глубоко любящий
И.Бунин.

150. Ю.А.БУНИНУ

После 28 мая 1892. Орел

Твой приезд[1] оставил на мне глубокое впечатление, братка мой дорогой и хороший! Спасибо тебе, двадцать раз спасибо — да не формальное, а такое, которое могло бы выразиться в крепком, братском объятии... Как доехал, что делал? ... «Буду думать, что тоскуешь ты в чужом краю». Э, брат, не удивляйся этому, — недаром глотовская жидовка сказала, что я Карамзин.

А мне на самом деле грустно-грустно за тебя... Один, черт знает где... Ну да ты понимаешь меня... Только когда-то мы увидимся теперь? Ей-богу, никогда еще не относился я к тебе так по-дружески, побратски, так ласково и с таким уважением!..

Пиши, Юринька, мне, а главное — матери — пожалуйста. Всех — кого можно — поцелуй за меня, а кому поклонись.

Прощай пока.

Искренно твой брат
И.Бунин.

P.S. Во «Всемирной иллюстр<ации>» обо мне отзыв — самый ласковый, но — увы! — уж очень похожий на лебедевский[2]. Писал поэт Коринфский, который сегодня сам прислал мне «Иллюстр<ацию>» и визитную карточку. Посылаю тебе вырезку из «Орл<овского> вест<ника>»[3].

---

[a] Далее зачеркнуто: не справедливо.

151. Ю.А.БУНИНУ

После 8 июня 1892. Орел

Сообщи Сер. Ник. Велецкому[1], что я его «пробил» в газетах, но только «Нов.» не напечатали, а напечатала эту корреспонд<енцию> «Русская жизнь» (№ 154)[2].

Также у меня разлилась в сильной степени желчь. Прощай, *ради Бога,* передай *Сем<ену> Азарьевичу* и всем, что я не могу ему ответить сейчас.

152. Ю.А.БУНИНУ

12 июня 1892. Орел

Орел, 1892 года...
числа не знаю,
кажется, 12-е.

Руки немного дрожат, голову часто слегка затягивает каким-то нежным туманом... Сегодня в первый раз сижу на стуле после 7-дневного лежания пластом в кровати с жаром, доходившим до 40 градусов. Как Вам, Юлликсеич, нравится? Да, брат, завалился я, в первый раз, кажется, заболел серьезно. Доктор Вырубов, который ездит ко мне каждый день, говорит, что у меня — плеврит. И действительно, в течение недели я вздохнуть не мог. В груди были острые боли, левый бок завалило словно каменьями, при каждом вздохе была страшная боль. Теперь я, т.е. сегодня, чувствую, что у меня там посвободнело, но еще сильно хриплю от мокроты и задыхаюсь от кашля. И чего-чего только не делали! Раза четыре мне до черноты наканифоливали бок йодом, потом какою-то мазью из коллодиума и еще чего-то, от которых у меня весь бок взорвало и покрыло, залепило весь прыщами (это и мазали для той же цели, для какой ставят мушки)...

Заболел я сравнительно в удачное время. Недели полторы тому назад Над<ежда> Ал<ексеевна> скрылась из редакции, тайком наняла себе квартиру на выезде <из> города и живет до сих пор. В самом деле, всему есть предел. Лопнуло и ее терпение. Бор<ис> Петр<ович>, разумеется, взбесился, рыскал по городу, не давал нам работать, отнимал газету, не приказывал выпускать «Орл<овский> вест<ник>», и он выходил только благодаря нашим усилиям. Он заподозревал, что все в стачке против него, скрывают от него, где Над<ежда> Ал<ексеевна>, пытал меня, избил все лицо в кровь нашей сотруднице, Алекс<андре> Митрофановне и т.д. Но Над<ежда> Ал<ексеевна> все-таки не вернулась и уже дала доверенность адвокату, который должен на днях выселить Бор<иса> Петр<овича> навсегда. Вот, брат, дела-то.

Ну а теперь доктор мне не позволяет работать и как только мне будет можно, отсылает меня в деревню, велит пить кумыс, обтираться соленой водой etc. Говорит, что у меня немного тронуто левое легкое...

Плохи, брат, дела. И в довершение всего — денег ни гроша, так что даже лекарства Варя носит из управленской аптеки.

Но радость та, что я получил место в Упр<авлении> Орл<овско>-Вит<ебской> дороги[1]. Вырубов сказал, что в июле меня зачислят, за это — 99 шансов. Только жалованья — 20 рубл. до октября. Ну а твои хлопоты.

Рассуди теперь, как лучше? Если можно будет найти *два* места в Екатер<инославе>[а], то будет великолепно и я откажусь здесь. Ведь на юге жить мне полезнее, дела-то мои, как видишь, по части груди плохи.

Обнимаю тебя и *всех, кого* нужно. Дня через 2 встану, уеду в деревню[2]. Пиши туда[б].

153. Ю.А.БУНИНУ

14 июня 1892. Орел

Орел, 14 июня 92 г.

Милый, дорогой Юричка! Я тебе писал[1], кажется, позавчера, о положении дел в редакции — о том, что ушла Над<ежда> Ал<ексеевна>, что я заболел, что Бор<ис> Петр<ович>, пользуясь моей болезнью и тем, что мне доктор велел уехать в деревню и вообще следить за здоровьем, потому что у меня есть основания для чахотки (подлинные слова д-ра Вырубова) — ну так вот, пользуясь этим, Б<орис> П<етрович> очень тонко мне сказал, что ему на мое место нужен человек и взял Ал.Влад.Померанцеву.

Теперь я еду в Глотово[2], за мной приехала Настя. Проживу в Глотово до конца июня; в июле, как я тебе писал[в], я получу, по всем вероятностям, место в Витебском управлении[3]. Я тебе писал и о размерах жалованья. Это, конечно, меня радует, но тем не менее должен просить тебя самым убедительным образом: попроси Жука[4] *два* места в Екатеринославе — ради Бога.

Помни, Юричка, что Орел для здоровья не то, что юг. Это говорит и Вырубов. Ведь, брат, страшно, безумно страшно слечь в могилу от чахотки. Ведь Вырубов не ошибется — он практикует 30 лет. Похлопочи, ради Христа, доставь нам возможность жить на юге! Но нужно *2* места!

Прощай, пока, дорогой мой, крепко целуем тебя. Варя присоединяет со своей стороны горячую просьбу.

Твой И.Бунин.

Ради Бога — пиши матери. Пиши мне на Глотово.

[а] Далее зачеркнуто: ради Бога!

[б] Приписано в начале письма.

[в] Далее зачеркнуто: Вырубов говорит.

154. В.В.ПАЩЕНКО

19 июня 1892. Глотово

Видишь, Варечек, даже бумаги и чернил нету... Вообще, я во многом промахнулся — не взяв из Орла многого; сделай это ты, привези мне: бумажки, чернил, несколько лимонов и ... и больше ничего... Себя привези только поскорее! Напиши, моя драгоценная, когда приедешь. Очень я хочу тебя видеть и очень-очень люблю, — поверь мне! Ты себе представить не можешь, как, напр., мне больно, за каждую нашу прошлую ссору. Ей-богу, я в деревне яснее становлюсь, вижу многое, что заземляется для меня в городе, и сегодня я целый день думал о тебе, думал, как нехорошо, что мы иногда ссорились, думал с грустью о том, что ты стала меньше меня любить... а когда любовь уходит, ее ничем, ничем не вернешь!.. Не дай Господи, чтобы у нас это было. Повторяю тебе, Варечка, бесценная моя, то, что много раз говорил: несмотря ни на что, первый час разлуки доказывает мне, как ты дорога мне, какой ты мне дорогой, милый друг и товарищ. Не забывай, Варечка, приезжай, напиши, когда приедешь...

Кумыс делают, капли пью, грудь растираю, но теснит мне горло! Боюсь, кабы не была жаба, пропихнет в легкие — и шабаш!.. Ну, жду письма. Целую от всего сердца крепко-крепко.

Глубоко преданный тебе, весь твой И.Бунин.

155. В.В.ПАЩЕНКО

Между 24 и 27 июня 1892. Глотово

Эх, Варенька, если бы ты знала, как хорошо и радостно сжалось у меня сердце от твоих слов: «Милый! Давай все это переменим, начнем новую жизнь, мирную, дружную!..» Все эти дни, еще до твоего письма я только и думал об этом. Сам хочу, Варенька, этого, страшно хочу, потому что я люблю тебя, страшно люблю! Ей-богу, я так ясно сознаю это и так рад, что у меня еще все сохранилось: так же, как прежде, я могу по целым дням думать о тебе и тосковать в каждый хороший момент — в минуты тишины, просветления и радости душевной — тосковать, что это хорошее чувство я не могу разделить с тобою, — и так же, как прежде, представлять себе твое милое лицо, голосок и «глазы»!

Сейчас же говорю тебе серьезно, с страстным желанием, чтобы ты поверила: *не будет больше такой жизни, таких ссор и раздражений*. Не на тебя мне раздражаться, Варенька! Ты самая дорогая и близкая мне...

Это я решил еще до тебя, до твоего письма. Только я думал, что ты простила давно мне мои вспышки, что ты не станешь упрекать меня ими. *Забудь их, Варюша, — я имею на это право!*

Ты говоришь, что наши ссоры происходили оттого, что мы часто виделись, были вместе. А разве прежде, когда ты реже ко мне ходила,

было ссор меньше? Да наконец, что касается наших последних ссор, — то думаю, что мое раздражение вызывалось болезнью, твое же — усталостью и т<ому> подоб<ное>.

Знаю, Варя, что я виноват, только будь и ты подобрее ко мне, постарайся ты, милая, хорошая Варечка, смягчить мои резкости, *влиять* на мой характер с этой стороны. Думаю, что мы могли бы хоть отчасти поправлять друг друга. А что касается моих «усмешечек» насчет твоего неразвития... ну, Варя, скажи правду — неужели они всегда были? Право, можно было мне поверить, что это был момент, что я *никогда* не относился к тебе так *и не буду*.

Ну а теперь... ты опять предлагаешь мне разные квартиры... буквально не умею на это сказать что-либо...

Бок у меня не болел ни одного дня, хрипу не слышно давным-давно. Но увы! — кумыс не пью. Мать и Настя *два* раза заделывали и каждый раз он делался какими-то крупочками — каким-то творогом с синей водой. Мясного порошку не ем, — нету и денег ни у меня, ни у мамы — «ни копья». Но в остальном, т.е. в том, что я могу — пунктуален страшно. И грудь тру, и капли анафемские пью, и дрова рублю каждый день *раза по три* — вот увидишь руки в мозолях, — целый день сижу в саду, читаю старинный толстый том К.Новицкого «Энциклопедия Законоведения»[1] и стихотв<орения> Рылеева (переписанные рукою покойного старика Пушешникова)[2], каждый вечер гуляю версты за 3–5. Зори хорошие... Много доброго, хорошего и ясного проходит в душе. Страшно жалею, что не могу в такой вечер идти с тобою, Варя!

Вообще я бодро себя чувствую, целый день на ногах, но все-таки надо купить хоть коньяку — пить с молоком. Поеду в Елец на днях, похлопочу о бумагах[3]. Если увидишь Вырубова — спроси, как дела, спроси *какую именно нужно бумагу о благонадежности* — да поклонись от меня... Прощай, Варюшечка, целую тебя и прошу верить тому, что говорю. Как живешь? Как *здоровье?*

Весь твой Ив.Бунин.

156. Ю.А.БУНИНУ

28 июня 1892. Глотово

С. Глотово, 28 июня.

Я, Юринька, послал к тебе уже 2 или 3 письма[1] после твоего отъезда. Где ты? Что с тобой? Ты не ответил ни слова. Если ты получил мои письма (посланы на земскую управу), то знаешь, что я заболел три недели тому назад плевритом и желчью, доктор Вырубов сказал, что у меня уже есть почва для *чахотки,* приказал вести строгую жизнь и услал из города. Вот уже дней десять я в деревне. В письмах я умолял тебя похлопотать, попросить у Луки[2] *два* места в Екатеринославе. Жить на юге мне было бы во сто раз лучше. Но и помимо этого — я бы

с ума сошел от радости, если бы это вышло — хоть бы небольшое жалованье, но два места. *Без Вари я не могу.* Юрий! Умоляю — похлопочи.

Теперь-то, конечно, я здоров и так умираю в Глотовом от тоски и подлостей, что, вероятно, уеду в Орел[3]. Не могу!

Пиши, ради Христа, — *на редакцию,* только не пиши там чего-либо, потому что Б<орис> П<етрович> может разорвать. А если будешь писать вскоре — то пиши на Глотово. Только не на Отто Карловича — его уже нету, а прямо.

Мать *измучилась* по тебе от неведения. Ждет также уже второй месяц денег.

Прощай, дорогой мой.

Пиши же!

Твой И.Бунин.

Как адрес Луки и индюшоночка[4]? Как их дела?

157. Ю.А.БУНИНУ

8 июля 1892. Орел

Орел, 8 июля.

Дорогой мой братка!

Дня 3 тому назад приехал я в Орел. Б<орис> П<етрович> из редакции выгнан с полицией, поселился в Ельце, а Над<ежда> Ал<ексеевна> уже влюблена в другого, некоего Сентянина и зажила покойно, хотя еще и не сошлась окончательно с последним. Я сижу тоже в редакции, но увы! — уже не сотрудником. Сволочь она! Из-за того, что я заболел, Над<ежда> Ал<ексеевна> взяла другого человека и на мой вопрос теперь — «возьмет ли она меня опять служить?» — ответила, что «нет, у нас есть человек»... замялась и шабаш.

Хорошо?.. И вот я опять без места с 4 рублями в кармане сижу в редакции, ищу квартиру. Чем я буду жить, что мне делать?.. «Но зачем же в таком случае, — скажешь ты, — ты уехал из деревни?..» О Юринька! Да там Евгений Ал<ексеевич> и Наст<асья> Карлов<на> с голоду подохли, е<...> их мать, от жадности. Я, приехавший к ним на *поправку,* принужден был иногда за целый день съесть стакан кислого молока. Велел мне доктор пить кумыс, есть мясной порошок, — словом, *обязательно* пополнеть — иначе дело может быть плохо, у меня «почва для чахотки есть», — а что я мог исполнить? Только и всего, что бросить курить (не курю вот уже с 8 июня, целый месяц)...

Я писал тебе, что мне обещали место в Управлении[1], д-р Вырубов сказал, что обязательно получу в начале июля. Места еще нету... Вырубов женится[2], забыл все, и я не могу поймать его даже...

Варя, как и все, упрекает меня за бездействие[3]... Чувствую, что у нее образовывается такой же взгляд на меня — как и у многих — взгляд как на человека ничтожного, жалкого... Гонят меня опять из Орла... «Поезжай, ищи»... Что? У кого? О, если бы ты мог представить,

что у меня в сердце! Вчера у меня была истерика форменная — рыдал часа 2... утихну и опять! Желчь разлилась опять. Как я постарел, как унижен, оскорблен всем и всеми! Чахотки мне, видимо, не миновать.

Юринька!.. Пожалейте меня хоть кто-нибудь!.. Я так не могу, дайте мне хоть слово участия.

И.Бунин.

Где Лиза? Она поняла бы. Страшно хочу написать.

158. Е.А., Л.А., М.А., Н.К.БУНИНЫМ

23 июля 1892. Орел

Июня 23, 1892 г.

Дорогие мои Евгений, мама,
Мусинька и Настя!

Как видите — я поступил уже на службу, жив и здоров и уже с неделю хожу на службу. Окунулся с головой в канцелярщину. Начальник — старая жопа чуть-чуть не с гусиным пером, формалист и т.д. Но мы с ним ладим. Сперва я переписывал бумаги, почерк ему мой нравится, давали даже подшивать бумаги. (Вот когда я тебя вспомнил, милый Женичка!), теперь возведен в новую должность: веду *входящий* журнал... Чувствую себя и работаю хорошо. Прихожу, сию минуту же сажусь за работу, отзвоню себе и пойду. Веду себя со всеми отдаленно — тут ведь не редакция. Жалованья мне назначили 30 рубл.

Как поживаете Вы? Пишите, ради Бога. Люблю Вас *всех,* мои милые. Мамочка! Ради Бога, не скучайте! Целую Ваши ручки и глазочки! Пиши, Евгений.

159. Ю.А.БУНИНУ

3 августа 1892. Орел

3-го августа.

Ой, Юринька, не могу начать тебе, больно мне, больно, как никогда не было. Прости мне, милый, за телеграмму[1] — меня наповал убили, я заметался, мне некуда было броситься, — только к тебе! Не брось, слышишь, — не оскорби меня хоть ты, если и это случится — ну тогда дохнуть некем и нечем! Ну да дело, конечно, в Варе... Всеми силами постараюсь изложить тебе ясно.

Недели три тому назад, когда я собрал все хладнокровие свое, она мне на мои вопросы — будет ли она со мной жить — ответила, *что не будет раньше года.* Упирала на то, что она дала слово отцу, что она его любит, что не будет счастлива, поступивши против его воли. Я ответил, что год невозможен, я хочу жить, я хочу любить, я, наконец, вижу, что сиденье здесь губит ее — опутывает тинами рутинными. Расстались в слезах. ***Крепился я, она тоже, видимо, крепилась, страшно не хо-***

тела согласиться со мною *и рыдала раз часа 3 подряд.* Так прошло 4 дня, она пришла ко мне, разрыдалась, я еще больше, мы помирились и она твердо-натвердо сказала, что вот только съездит домой в отпуск на две недели, а затем мы будем жить вместе. Недели две мы провели самым превосходным образом, проводил я на вокзал в Елец и расстались как нельзя лучше. Это было в среду, а в субботу я получил такое письмо *(списываю слово в слово):*

«Я уехала, Ваня, для того, чтобы нам легче было расстаться. Тяжело, я знаю, дорогой мой, и тебе и мне тяжело. Но это необходимо, это я решила, и так это и должно быть. Наши ссоры показали мне всю разницу между мной и тобой... Я люблю тебя, но жить *теперь* не могу, и потому, все еще раз взвесив и проверив, я решаю расстаться с тобою на год. Если ты и я серьезно любим друг друга, то этот год, я убеждена в том, не принесет нам и нашему чувству вреда, а наоборот пользу — мы научимся более ценить друг друга. Все то, что я говорила раньше, то же повторяю и теперь. Не думай, я не разлюбила тебя, но я знаю, что, живя вместе, мы окончательно погубим свои отношения... Работай, голубь мой, здесь, а затем переедешь в Полтаву; я не потеряю тебя из виду ни в каком случае, я буду всегда знать, где ты и что с тобой, так же, как и ты всегда можешь обо мне узнать от Над<ежды> Алексеевны...

«Я решила это и ты должен, если уважаешь и любишь меня, решить то же.

«Эти две недели я пробуду здесь в Ельце, но по приезде в Орел я не буду стараться увидеть тебя, так же, как и ты: не будем мучить себя свиданиями, они обоим нам тяжелы. Я этого хочу и не изменю, потому что иначе мы оба будем несчастны. Я знаю, знаю и не оспаривай! Пожалей же меня, ведь ты мужчина, ты должен быть решительнее и тверже меня. Тяжело писать это, душа разрывается, но видишь, я сдерживаюсь, я пишу. Будь же и ты тверд и помни, докажи свою веру в меня, что я все так же люблю тебя, но жить вместе мы будем только через год. Думай о нашей общей жизни и люби твою, всю твою Варю»...

Вот и все. Сразу. А Над<ежда> Ал<ексеевна> сказала мне, что Варя еще до отъезда говорила ей, что она решила со мной расстаться, *об годе никогда ничего* не упоминала, не упоминает теперь и про Екатеринославль ничего, просила Над<ежду> Ал<ексеевну> отказать мне от обеда в редакции (Варя живет в редакции, потому что Б<орис> П<етрович> навеки выселен), чтобы не встречаться со мною.

Теперь гляди: этого ты не знал, прости.

Я вот уже почти месяц служу здесь в Управленьи, получаю 30 рубл., освоился с делом, работаю прекрасно и это я должен бросить! В Орле при таких обстоятельствах, т.е. не видясь с ней, я жить ***не могу!!*** К тому же я ***один,*** убью себя, убью! Надо хоть к тебе, а Управленье? Ведь страшно жаль места, как я его добивался! Она говорит, чтобы я его *не бросал,* просила Над<ежду> Ал<ексеевну> сказать мне это, чтобы я подождал пока мне будет другое место в Полтаве. Не могу, я обессилен, я с ума сошел!! А уехать? Бросить? Нет надежды? *Тоже в*

петлю! Я привык к ней, готов быть ее собакой, чем угодно. Ну если брошу место, а она передумает. Я к ней опять, уеду, никто не удержит. Что же делать? Помоги, помоги и помоги, милый, ножки твои целую!

Ты скажешь, подожди — нет силы! Я живу как во сне, как мертвый, я боюсь, всех боюсь и ничего не знаю!

Пойми еще вот: я чувствую, *поверь* — я люблю ее не из самолюбия. Я лучше себя изгрызу всего — но бросить ее, чтобы она слилась с этим обществом, чтобы далеко-далеко, в необъятном грустном тумане жизни вспоминать потом девушку, милую, ***мою***, чтобы затерялась она от меня... Ох, Юринька, напиши как можно скорее.

Не гадь мною — *это последний раз.*

И.Бунин.

160. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1892. Харьков

Августа 10.1892 г.

Поросеночек, драгоценный мой — опять беда! И *не по моей вине* — спроси хоть у Мельникова, у Новицкого, у кого хочешь. Дело в том, что этот барон, к которому я должен поступить[1], обещал это место кому-то еще и пригласил его еще в *четверг.* Этот кто-то не едет до сих пор, так что барон, когда я подавал ему докладную записку, сказал мне это, но прибавил, чтобы я остался и подождал дня 3–4. «Тогда, — сказал он, — я попрошу Михаила Ивановича (Антоконенко), чтобы он Вас известил». И вот я должен ждать! Что делать? Что *делать с Орлом,* т.е. с Упр<авлением>[2] — ответь, если можно, телеграм<мой> в одно слово: мол, «бросай» или «поезжай»...

Не поехать ли мне к тебе? Билет мне дадут?

В *Орел не пиши — прошу тебя.*

Жду, тоскую, ***одиноко*** и ***пусто***... Не бранись, хороший мой!

Лиду целую, всем поклон.

Твой И.Б.

161. Ю.А.БУНИНУ

12 августа 1892. Харьков

Милый мой Юричка! Очень жалко — получил твое письмо уже около 12 часов (сегодня, т.е. 12-го) и, значит, днем не мог выехать к тебе. Ехать в ночь? Т.е. чтобы быть в Полтаве[a] ночью и уехать завтра в

---

[a] Далее зачеркнуто: 13-го.

1 час из Полтавы? Этого нельзя: боюсь, что завтра (последний решительный день) барон (у которого буду, может быть, служить)[1] скажет: «Ну вот тот господин не явился, значит, пускай Бунин приходит работать»... Разумеется, лучше явиться сейчас же.

Значит — как быть? А вот: 1) если завтра успею узнать результаты до 11 часов и не буду взят на работу — приеду к тебе днем; 2) если буду взят — не могу совсем приехать. Когда же? Ведь в пятницу[а] вечером я поеду обязательно на эти два праздника в Орел[2], Воронец достанет билеты. Так что в этом последнем случае остается тебе написать мне. Напиши завтра и я получу в *пятницу*; конечно, хорошо в Полтаву. *Но какое же место получит там Варя?* Какие условия? Если она откажется переехать со мной из Орла — то, конечно, нужно в Полтаву: один умру с тоски.

Прощай, спешу, целую крепко-крепко.

Измучился я, братка, до последней степени!..

Твой весь И.Бунин.

162. Ю.А.БУНИНУ

14 августа 1892. Бабаи

Пятница, 14 авг.

Места, Юричка, я еще не занял; сейчас 4 часа, сижу в Бабаях, с тем, чтобы через час отправиться в Харьков; там я узнаю от Влад. Ив., зачислен ли я? Он узнает у барона. Если зачислен, я скажу, что в понедельник приеду работать. Если Варя не согласится[1], а не согласится она наверно, придется ехать в Полтаву. *Да и вообще я желаю в Полтаву даже с нею;* это же советует и Лука Яковл<евич>. От места в Харькове я категорически не отказываюсь потому только, что думаю, что она вдруг предпочтет Харьков...

Но лучше в Полтаве, много лучше во всех отношениях. Да и место у барона наверняка пропало. *Поэтому, ради Бога, прошу* — поговори с Лисовским[2]. В Орел еду.

Прощай, обнимаю тебя от всего сердца, а также и Лизу.

Из Орла черкну.

Твой И.Бунин.

<*Л.Я.Ставровский*:> Дорогой Юлий Алексеевич! Я писал Л.А. (на твой адрес), что на днях рассчитываю приехать в Полтаву. Но так как она поступает в больницу, а у меня к тому же свистит в кармане, то не лучше ли будет немного затянуть это дело? Да, кроме того, что хорошего от личных переговоров?

Сдал свою рукопись в типографию, но не знаю, чем придется расплачиваться. Внутренний заем, т.е. у тебя, вероятно, не может удаться. Не знаете, можно ли рассчитывать на Полтавское общество взаимного кредита?

[а] Далее с новой страницы зачеркнуто: Мой поклон и душевный привет всем харьковцам.

Ивану Алексеевичу я советую не вести переговоров в Харькове насчет места, а взять проектируемые тобой, под секретом, занятия в Полт<авской> губ. управе; в Харькове же, если будет возможность, то на всякий случай лишь заручаться местом для Варвары Влад.

Это было бы лучше во всех отношениях. В Харькове у Ив<ана> Ал<ексеевича> до сих пор неопределенно: нужно ждать выяснения вопроса в понедельник.

Л.Ставровский.

163. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.БУНИНЫМ

18 октября 1892. Полтава

18 октября 1892 г.

Милые, дорогие мои мамочка, Евгений,
Настенька и Мусинька!

Вы, мама, говорите, что я не пишу[1]; да как же не пишу? Я Вам и из Орла писал, и из Полтавы — вы, мамочка, ни строчки сами. Один только Евгений. Пишите, пожалуйста. Мы живем себе потихоньку и все, разумеется, здоровы. Как Вы? Есть ли у вас холера. У нас была, но вот уже дней 20 нету, даже и в уездах. А вот в Орле началась только и очень сильная, хотя, конечно, ненадолго. Морозы убивают ее вдребезги.

Где отец? Я ему писал вчера на имя Софьи[2], но не знаю, дойдет ли письмо. Ведь Софья уехала? Куда же ему[a].

164. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.БУНИНЫМ

7 января 1893. Елец

Драгоценная мамочка и все мои милые[1]! Мы уже в Ельце, сейчас едем в Орел, доехали тепло и благополучно, пили чай у С<офьи> Н<иколаевны>[2]. — Из Полтавы сейчас же буду писать. — В<аря> забыла корсет, пришлите если можно. В<аря> Вас целует и я тоже крепко-крепко. Не горюйте, драгоценная моя, ей-богу, скоро будете с нами! Ваш И.Б.

165. Л.А.БУНИНОЙ

26 января 1893. Полтава

Полтава, 26 янв. 93 г.

Служебные дела наши находятся в таком положении: вопрос о статистике Собрание отложило до будущего года, а пока все оставило на старом положении. Мои дела неопределенны. Может быть, поеду вскоре в Лубны, но вернее всего останусь библиотекарем в управе. Не знаю еще, сколько буду получать, но, вероятно, никак не менее 40–45 р.

---

[a] Далее текст утрачен.

Варя служит теперь в уездной управе и получает всего 15 рублей, но мы надеемся, что она получит место в Сельскохозяйственном обществе на 40 р. Тогда у нас будет 80–85 рублей и я буду иметь полную возможность заниматься и развиваться и писать, тем более, что в этом отношении мне повезло: в феврале в петербургском журнале «Русское богатство», очень серьезном, где участвуют все лучшие литературные силы, будет напечатан мой рассказ[1]. Я уже получил письмо от редактора[2] об этом. Просят и еще писать. Кроме того, в Полтаве вот еще почему хорошо: председатель управы Шкляревич[3] говорил, что он не отпускает меня, что ему нужны интеллигентные люди. Потом вот что: председатель хочет взять в свои руки «Полтавские ведомости»[4] и думает, что вместе с секретарем я буду писать статьи по земским делам, так как владею пером.

А Кулябко-Карецкий, заведывающий бюро, дал мне написать статью по статистике, так же, как пишет Юлий. Получу за нее рублей 40 или 50. Может быть, и еще даст.

Жаль мне Вас всех, мои милые, ужасно; когда я поехал из Ефремова, я страшно тосковал, так, как никогда.

Не скучайте, мамочка, ради Бога, как возьму место получше, привезу[a].

166. Л.Н.ТОЛСТОМУ

7 февраля 1893. Полтава

Полтава, 7 февр. 93 г.

Глубокоуважаемый

Лев Николаевич!

Борис Николаевич Леонтьев[1] рассказывал нам, что в той округе, где Вы теперь находитесь, нужны люди, которые помогали бы Вашем делу в столовых[2]. Мне очень хотелось бы хотя недолгое время посвятить этому делу, — недолгое потому, что я связан службой, — и вот я прошу Вас написать мне — не окажусь ли я лишним, если приеду в Епифанский уезд недели через две, и вообще — как, когда, куда мне приехать, куда отправиться по приезде и т.д. Очень прошу Вас написать мне[3] обо всем этом *поскорее*. Я боюсь упустить время и лишиться возможности взять отпуск.

И.Бунин.

Полтава, Губернская земская управа, в Статистическое бюро, Ивану Алексеевичу Бунину.

---

[a] Далее текст утрачен.

167. В.В.ПАЩЕНКО

Середина мая 1893. Харьков

Всю ночь, зверек, не пришлось заснуть ни капли. Жара, накурили до невозможности, коротко черт знает как — просто измучился, стараясь заснуть... и все-таки не заснул и почти все время стоял на площадке. «Занялась заря», со степи обдало свежестью... хорошо было! Но все-таки я теперь буквально, как в воде сижу: одурь без сна. Воронец оказывается еще не на даче, отправился я к нему, он дал мне билеты до Тулы, два раза честное слово дал, что достанет тебе к 25–28 мая. Сейчас я на вокзале, переезжаю с ними на бабан[1] и горю желанием заснуть у них до ночного поезда... Обезьяночка! Скучно! Жалко тебя, бесценная моя! Ради Бога, постарайся поскорее ко мне[2]! Милый, хороший мой! Не забывай, деточка!

Юрочку поцелуй.

Буду писать подробнее.

168. В.В.ПАЩЕНКО

Конец мая 1893. Огневка

Евгений уже переехал в Огневку[1] (так себе деревенька — небольшой сад, небольшой дом — не барская вообще усадьба) и надо ехать к ней так: доехать до Бабарыкиной[2], а от Баб<арыкино> в версте всего. Напишите, когда приедете — встретим вас[3].

Не оставляйте квартиру, бросьте, приедем, лучше найдем. Ведь это безобразие. Да вот еще что: если тебе даже Воронец вышлет билеты — хватит у тебя денег-то, ведь нужно от Полтавы до Харькова 1 р. 90, да от Тулы до Бабарыкиной 2 р. 83 — всего рублей 6. Пиши скорее об этом. Я Воронцу еще посылаю повторение об билетах... Что, мне ничего нету в управе?

Ну, жду, жду, Валук, жду — ради Бога, поскорее... Целую, обезьяночка, обнимаю крепко-крепко.

Весь твой И.Бунин.

169. В.В.ПАЩЕНКО

3 июня 1893. Огневка

Огневка, 3 июня 93 г.

Дорогой друг мой — время идет очень медленно, но пока я себя чувствую сносно — даже хорошо. Присылай мне поскорее Юлия и денег, чтобы я мог поскорее уехать к тебе... О, Варенька, если бы Господь дал нам здоровья и счастия! Как я хочу его — этого счастия, радости и красоты жизни! Милый друг — давай же сделаем так, чтобы эти слова наши не оказались словами, словами минуты!

В Харьков я бы хотел заехать, хотелось бы мне сняться для тебя — да, для тебя, как я хочу быть для *тебя* здоровым, смелым, стройным, чтобы в глазах светилась молодость и жизнь. Хочу я быть еще и сильным, я молился Богу, чтобы он укрепил мою волю — так много у меня в душе образов, жажды творчества! И любовь к тебе, как к моему другу, к поддержке жизни моей, и эти желания, желания запечатлевать жизнь в образах, в творческом слове — как всё это иногда окрыляет меня!

Теперь у нас скопилось много будничных забот, надо бы кое-что написать тебе о «делах», да сейчас я не хочу. Прощай пока, милая и хорошая моя, — пусть тебе не покажется немного странным это мое письмо... Мне хотелось бы написать тебе целое стихотворение — так я как-то настроен.

Весь твой И.Б.

Нового ничего. Читаю «Доктора Паскаля». Прочтем вместе еще раз. Хорошо бы перечитать всю серию романов Золя о Ругон-Маккарах[1] с тобою.

При посылке мне денег помни, Варек, что у меня уже ничего нет — только несколько копеек.

170. Ю.А.БУНИНУ

После 30 июня 1893. Огневка

Д. Огневка.

Дело, голубчики мои, черт его знает в каком положении — я решительно не знаю, что предполагать. Я не поехал дальше Орла, а свернул на Елец, взял билет до Измалкова. В Измалково поезд приходит около пяти часов утра, и я тотчас же нанял лошадь до Глотова (60 к.), в Глотовом опять нанял до Каменки[1] (еще 60 к.) и прямо, часов в 9, к отцу. Думал я, что он пьян, ибо накануне был Петров день[2] — оказалось, что нет, трезв, да и Петров день у Христины не справлялся: и Христина и Петя удрали от именин в Елец. Отец обрадовался и мне и твоему письму очень[3]. «Ну что наследство?» — спрашиваю. «Черт его знает, говорит, Петя и Ося[4] ездили в Воронеж, взяли с собой пятьдесят рублей да еще у Пети было двадцать, и так пьянствовали в Воронеже, что им пришлось заложить или продать за 3 руб. новые штиблеты и кое-как добраться домой».

— Ну что же Петя рассказывает.

— Да нечего, говорит, что там еще, кажется, есть наследники — ближе нас, их разыскивает какой-то прис<яжный> пов<еренный> Калугин, но никак не найдет. А Ося возвратил мне договор и доверенность.

— Как? — спрашиваю. — Он не будет больше хлопотать?

— Нет.

— Почему?

— Да не на что ему хлопотать, копейки денег нету.

— А телеграмму, — говорю, — зачем они прислали с поздравлением?

— А черт их знает. В насмешку. Или с пьяных глаз.

Что тут можно понять? Вы подумайте — почему Ося отказался? Ведь он уже истратился на это дело. Может быть, правда — денег нету. Но тогда бы он мог доверенность, которую он получил от отца, передоверить адвокату и получить все-таки что-нибудь. Или же не знает, где найти адвоката, услыхал, что есть еще наследники и бросил? Поехавши с отцом в Огневку, я встретил Осю. Спрашиваю его. Два раза замял разговор. Что это значит? Теперь договор и доверенность у меня в кармане. Но что делать? Не бросай, Юлий, дела, пожалуйста, приезжай скорей, надо адвоката. Эти пьяные свиньи или что-нибудь сжульничали (может быть, Оська с Петькой сговорились и представили заявление только от Пети, а отец, мол, не представит) или действительно пропились и ничего не узнали. Но вот еще штука: Култышка дал Евгенью оторванную половинку от письма. «Это письмо, — говорит Култышка, — прислано Осе от Серебрякова».

Прилагаю тебе это письмо. Кажется оно ложное. Вглядись, как неестественно сделана подпись: «Серебряков». Притом, кажется, что это письмо писано рукой Валерия. Ну, словом, ничего не понимаю. Юлий, ради Бога, все-таки не забывай этого дела. Обязательно повидайся с Лукой, займи денег, поезжай в Воронеж, к Якимову, ведь нельзя же бросать, ничего неизвестно толком.

Марка у меня одна, в Лукьяновку[5] Евгений не заедет (мы сейчас едем на Бабарыкино, а самому мне нанять некого), так что не могу много расписывать.

Напиши, Юлий, поточней, где и когда тебя встретить.

Твой И.Бунин.

171. В.В.ПАЩЕНКО

До 12 июля 1893. Огневка

Дорогой друг мой, милая моя Варенька! Я опять соскучился о тебе, опять, как в былое время, по целым дням думаю о тебе, думаю, вспоминаю и от многого на сердце становится радостно, и от многого грустно, грустно, так, как прежде, в молодости... верно, Варенька, в *молодости,* потому что теперь, кажется, проходит она. Как там ни говори, — а уж жизнь берет свое: служба, квартира, тысячи самых мелких дневных забот заставляют теперь забывать на время то, что прежде помнилось постоянно. Помнишь, — я прежде писал тебе: было больше нежности, больше радости, больше душевности... Ах, то утро, утро на Воргле[1], когда я один ходил по саду и ждал когда ты проснешься! Какое это было славное, свежее, молодое утро!

Я все помню, Варенька, только теперь я реже говорю об этом. Иногда хотел бы сказать — не выговоришь — так воспоминание в душе нежно и трогательно и тонко — иногда не ко времени это выйдет, иног-

да не хочется вдумываться в воспоминания: больно вспоминать то, что не воротишь!.. Если сейчас не ко времени говорю — отложи письмо, после прочтешь... Помню, как-то раз нынешней весной перед утром я увидел во сне все, что мне еще так дорого, так звучит для меня песнью молодости — я заплакал и сказал тебе. Ты не ответила мне...

Ах, Варенька, не пойму я себя! —

Вечернее небо, лазурные воды,
В лиловом тумане почившая даль,
Все прелестью дышит любви и свободы,
Но в этом задумчивом лике природы
Читаю как в книге свою же печаль.

И мнится, что все под лазурью румяной:
Склоненные ивы над сонным прудом
И лес темно-синий за далью туманной
— Все это лишь призрак обманчиво-странный
Того, что созиждилось в сердце моем.

Все это отрывок поэмы певучей
Живущей глубоко в душе у меня,
Где много так веры и страсти кипучей,
Где много так жажды к свободе могучей,
Так много печали и много огня[2]!

Верно это!

Не могу сейчас, не умею сказать тебе все. Хочется мне только обнять тебя, наедине поцеловать твои глазочки! Ты бы поняла меня. А теперь прошу только — не забывать меня. Дорогой, хороший мой, береги наши отношения — ты родна и близка мне, нам идти с тобой. Помни, Варенька, что эта дорога только одна для нас: не вернешься по ней, не пойдешь снова, не начнешь жизнь сначала!

И.Бунин.

172. Ю.А., Л.А., М.А.БУНИНЫМ

13 июля 1893. Харьков

Доехал до Харькова вполне благополучно, только очень тосковал по Вас, милые мои мамочка и Мусинька! Как здоровье Евгения? Целую Вас всех крепко и тебя, поросеночек.

И.Б.

173. Л.Н.ТОЛСТОМУ

15 июля 1893. Полтава

Полтава. Статистическое бюро при губернском земстве, Ивану Алексеевичу Бунину.

Дорогой Лев Николаевич!

Не удивляйтесь, что получите при этом письме брошюрку[1], Вам, может быть, совершенно ненужную и неинтересную. Посылаю ее Вам, как человеку, каждое слово которого мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества (если только я смею употреблять это слово, упоминая о себе).

Много раз мне хотелось написать Вам многое, увидать Вас. Но боюсь, что причислите меня к лику тех, которые осаждают Вас из пошлого любопытства и т.п.

Не примите хотя этого за навязчивость и неискренность.

И.Бунин.

P.S. Нынешней весной от И.Б.Фейнермана[2] я узнал, что Вам нужны были помощники в Вашем деле около ст. Клекоток, и написал Вам[3]. Вы ответили мне, но смешали меня с другим Буниным[4], который, правда, появлялся осенью в Полтаве, и, вероятно, бывал у Вас. Он теперь устроился где-то недалеко от Полтавы, в имении.

174. Ю.А.БУНИНУ

Вторая половина июля 1893. Полтава

Милый Юынка, посылаю тебе 54 р.: 25 — Луке, 10 — Няньчуку[1] (он непременно просил 20, но я не дам), 10 оставил заплатить за новую квартиру (кажется, наймем там, где жили Померанцы); итого — 45 р., остается 55 рубл.; (43 коп. заплатив за сифоны, которые ты брал, жидовке) посылаю, следовательно, 54. Ну что же ты ни строки? Что наследство? Что драгоценная мамочка и Машенька? Передай им, что я их крепко-крепко целую и Варя тоже. Я жив и здоров. Ходил здесь к доктору Ложкину — он велел пить кефир и обязательно купаться. То и другое я исполняю теперь аккуратно, только за кефир заплатил 6 р. да еще придется заплатить 6 р., потому что он 10 к. бутылочка, а их надо в месяц 120.

Ну а главное вот что: Старицкий[2] спросил Варю, не посоветует ли она ему кого-нибудь, кто бы взялся у него составлять своды постановлений уездной управы, а Касабутский говорит, что он этим хотел предложить это дело или ей, или мне. Как думаешь — браться ли ей? Работы на 3 года хватит, но ведь я думаю, если нам придется уезжать из Полтавы (а *я ни за что* не останусь здесь, если ты переедешь в Москву), то можно будет передать другому. А справится — я думаю, она справится.

Ты как думаешь? Лука советует, говорит, что всегда может помочь советом относительно программы и Кулябко, и ты и т.д. Браться? Напиши.

Но самое главное: давай, ради Бога, давай возьмем бедных мамочку и Машу хотя погостить — понимаешь — хоть на два месяца. Ведь как это освежит им жизнь. Подумай, ну какое они дадут нам стеснение? А деньги — вот, вероятно, на днях пришлют мне из «Вест<ника> Евр<опы>» за 5 стихотвор<ений> в июльск. книге[3]. *Давай возьмем погостить, ради Бога, давай.* Можно билеты достать. Отвечай об этом *определенно*[4] (*sic*).

Ну будет. Крепко целую тебя.

И.Бунин.

175. А.И.ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ

4 января 1894. Москва

Москва, 4 янв. 94.

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Брат передал мне, что очерк мой («На хуторе»)[1], который я послал С.Н.Кривенко[2] через «Р<усское> б<огатство>» будет напечатан «неизвестно когда». Это «неизвестно когда» очень меня смущает. Ведь очерк послан чуть не полгода тому назад! Поэтому очень прошу Вас, черкните мне, когда приблизительно будет напечатано «На хуторе», а также два очерка, переданные Вам моим братом[3]. Я не могу претендовать на скорое печатание, но, согласитесь, что я чересчур долго остаюсь в неизвестности. Адрес: Полтава, Губернская земская управа, Ивану Алексеевичу Бунину.

Гот<овый> к усл<угам>
И.Бунин.

176. В.В.ПАЩЕНКО

4 января 1894. Москва

Москва, 4 янв.

Милая, хорошая моя Варичка! Страшно мыкаюсь! Хотел бы подробно описать тебе наше путешествие, но отчасти неудобно... Приеду — тогда. У Л<ьва> Н<иколаевича> еще не был. Сегодня — или к нему[1], или в итальянскую оперу. Юлия нашел.

За тебя беспокоюсь ужасно! Варичка, ради Бога, прошу тебя — пришли мне телеграмму тотчас, как получишь это письмо: Москва, гостиница «Россия», Петровка, Бунину. Телеграфируй о здоровье. Ей-богу, эта мысль не выходит у меня из головы.

Милый, красавчик мой Валюк! Как я вспоминаю тебя, выбежавшего ночью проводить меня! Драгоценный, любимый мой! Дай тебе Царица Небесная здоровья! Будешь здорова — приеду — все пальчики перецелую, милый мой! А приеду раньше — в Воронеж не поедем, верно. В Москве пробуду числа до 8-го[2]. Валюнчик! Не забудь библиотеку! Сейчас пойду пообедаю в нормальную столовую.

Прощай, Валюк, обнимаю тебя как прежде — от всего сердца, с самой нежной любовью!

Искренно весь твой
И.Бунин.

177. Ю.А.БУНИНУ

9 января 1894. Москва

Еду в Елец[1]. Ради Бога, ***поскорее*** и ***поточнее*** извести, когда выедешь, чтоб я не остался в дурацком положении.

И.Бунин.

178. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 февраля 1894. Полтава

Полтава, 5/II 94 г.

Любезный Иван Алексеевич, очень рад был получить от <Вас> известие. В Москве я действительно был[1], видел и Ив. Ив.[2], но про Вас я не знал даже, где Вы и знакомы ли с ним. Что Вы про мою книжечку[3] говорите так серьезно — я уже теперь забыл про нее, слишком много в ней чепушки. Прислать Вам ее все-таки постараюсь. Дело в том, что здесь у меня есть один или два экз. — издана она была в Орле, так что напишу туда; если пришлют скоро — пришлю Вам непременно.

Часто ли видите Ив. Ив.? Если увидите скоро, передайте ему мое приветствие.

М.Л.Леонов предложил мне прислать что-либо для сборника «Арабески»[4] в пользу народных читален. Участвуете ли Вы в нем?

Не знаете ли где Спиридон Дм<итриевич> Дрожжин[5]?

Ну, я Вас завалил вопросами. Будьте здоровы, не забывайте меня. Всегда буду рад Вашим письмам. В Москве буду, вероятно, осенью[6].

Ваш И.Бунин.

Впрочем, это избавляет меня от труда писать свой адрес[a].

---

[a] Приписано в начале письма после перечеркнутого бланка, на котором написано письмо: см. коммент.

179. Л.Н.ТОЛСТОМУ

15 февраля 1894. Полтава

Дорогой Лев Николаевич!

Приехавши из Москвы[1], я долго был нездоров инфлуэнцей и находился в нехорошем душевном состоянии: как-то все смешалось у меня. Верно, это оттого, что и дорогой из Москвы и после — напряженней думал. Точно определить не умею; во всяком случае, не от Ваших слов. Ваши слова, хотя мне удалось слышать их так мало и при таком неудачном свидании[2], произвели на меня ясное, хорошее впечатление; кое-что ярче осветилось от них, стало жизненней. Но в общем и теперь не могу сказать, что на душе хорошо: не знаю, как пойдет жизнь, где и что делать. Дни проходят ужасно быстро, но жизнь для меня брезжит только. Все жду чего-то. С женой[3] я не говорил больше о переселении в деревню, хотя не потому, чтобы мы отдалялись друг от друга или были настроены неприязненно.

Потом эта смерть Дрожжина[4]! Как тяжело!

Некоторое оживление внесли наши собрания во главе с Фейнерманом: толковали об устройстве ремесленной школы. Вчера решили открыть. (Он писал Вам, кажется, об этой школе)[5]. Затем Борис Николаевич предложил мне взять на себя дело распространения изданий «Посредника»[6]. Это дело мне очень симпатично, и вчера я написал об этом П.И.Бирюкову[7]. От чистого сердца желаю Вам здоровья и всего хорошего!

Ив.Бунин.

Если вздумаете когда написать[8] — адрес: Полтава, Библиотека Губернской земской управы, Ивану Алексеевичу Бунину.

180. В.В.ПАЩЕНКО

12 марта 1894. Полтава

12 марта.

Милая Варя! Лежу совсем больным... Не думай поэтому, дорогая, милая моя, что не будешь получать мои письма с различными подробностями потому, что я не хочу писать: ей-богу, совсем плохо: грудь болит, голова и жар...

Целую твои ручки.

Весь твой И.Бунин.

181. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПОЛТАВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Между 10 и 12 апреля 1894. Полтава

М.г.

В прошлое воскресенье[1], проходя по Александровской ул., я заметил в витрине книжного магазина г. Шиянского книгу под заглавием «Сельский скотолечебник»[2] (издание известной фирмы «Посредника») и на ней надпись карандашом: «Цена 50 коп.» Я просто глазам своим не поверил: книга, которая стоит 15 коп. (в этом может убедиться всякий по каталогу изданий «Посредника»), продается *почти вчетверо* дороже. Захожу удостовериться в этом в магазин. «Можно купить у вас "Сельский скотолечебник"?» — «Можно». — «Сколько стоит?» — «50 коп.» — «Да она стоит всего 15 коп.!» — «Не покупайте, если у нас дорого».

Ответ, как видите, «резонный». Но всякий знает, какие цели преследует «Посредник». Люди бескорыстно трудятся только из-за того, чтобы за минимальную цену дать читателю полезную и хорошую книгу и вот находятся господа, которые стоят на пути этого доброго дела, пользуются и чужим бескорыстным трудом, и незнанием публики.

Очень прошу Вас, милостивый государь, напечатать об этом для сведения читателей.

Ив.Бунин.

182. И.А.БЕЛОУСОВУ

Апрель 1894. Полтава

Голубчик, простите, ей-богу, больше не буду, как говорят дети — до глубины души сознаю, что свинья перед Вами Ив.Бунин. Все было поганое настроение духа, а тут еще с неделю свету Божьего не видел: зубы дергали и разломили на четыре части! Вы не испытывали подобной штуки? И избавь Вас Господь!

Посылаю Вам, дорогой Иван Алексеевич, одно из своих прозаическ<их> произведений[1]. Вы, верно, будете удивлены, а между тем у меня уже давно есть поползновение к беллетристике. Еще хотел прислать Вам оттиск из апрельской книги «Рус<ского> богатства» — мой «Деревенский эскиз»[2]. (Не правда ли, дурацкое заглавие?), но оказался единственный. Злополучную книжечку своих стихов[3] непременно вышлю. Карточку тоже. Жду Вашу.

Пожалуйста, пишите, докажите, что не сердитесь на меня. Мне, между прочим, очень интересно знать, как Вы живете в Москве, т.е. по части литературы-то. Есть ли кружок, собираетесь ли вместе, живой ли народ и пр.? Крайне сожалею, что не видал Вас в Москве[4].

Спасибо за «Кобзаря»[5]. Но я жду, что Вы пришлете мне и Ваши оригинальные стихотв<орения>. У Вас, верно, есть оттиски — соберите да и пришлите — пожалуйста!

Осенью или зимою мы, т.е. мой брат, моя жена и я, переселяемся в Москву[6]. А пока будем поддерживать сношения хоть письменные. Жду письма и карточку!

Искренно преданный Вам
И.Бунин.

183. И.А.БЕЛОУСОВУ

Май 1894. Полтава

Любезный Иван Алексеевич, вот наконец и я собрался выразить Вам благодарность за Вашу карточку посылкою своею. Примите, кроме того, благодарность и на словах.

Простите за краткое письмо. Да, кстати сказать, Вы и сами очень кратки в письмах. Отчего это?

Что поделываете, что пишете?

Это Ваше благородие проявляется иногда в киевской «Жизни и искусстве»?..[1] Кстати, — Вы украинец? Я самый заправский кацап!

Ну, бувайте здоровы!

Ваш Ив.Бунин.

184. Ю.А.БУНИНУ

11 июля 1894. Огневка

11 июля 1894 г. Огневка.

«Здравствуй! Как поживаешь?!» Ну, как видишь, я в Огневке. Из Орла не написал потому, что зашедши туда, не нашел ни Софьи, ни матери, ни Маши. Видел только Григория Андр<еевича>, от которого и узнал, что мать и Маша вызваны телеграммой к Евгению в Огневку и что Маша сообщила в Орел, что у него перемежающаяся лихорадка. Это, конечно, меня успокоило, хотя, с другой стороны, обеспокоило то, что Евгений уехал в Елец. Но в Ельце я его уже не нашел. От конторщика и от коридорного только узнал, что у него был доктор, что он и поехал домой больной, что телеграммы моей он не получал (Василий Шкут не послал, негодяй, телеграммы). Теперь я в Огневке и вот положение дела:

Евгения я нашел в постели, одетым все-таки, так как он встает и ходит; худ он до безобразия. Ты не узнал бы его: живота звания нет, пиджаком, который был ему прежде тесен, теперь он почти кругом завертывается... очень слаб, раздражителен[a], но все-таки теперь ему

[a] Далее зачеркнуто: доктор.

легче. Неделю тому назад было значительно хуже; собственно болен он уже давно; с месяц тому назад, говорит он, я свалился — сломало всего, и желудочные боли начались. Поехал в Елец, сходил к Руслову[1], тот прописал ему эмские воды, стал Евгений пить — сам поправился, но начались ужаснейшие запоры; а с неделю тому назад опять сломало, начался жар, зноб, холодный пот, изнеможение и понос. Он почувствовал себя так дурно и так слабо, что по целым дням плакал, прямо-таки рыдал, говорил, что все его забросили и забыли. Настя послала в Орел телеграмму. Мать, разумеется, умерла, было: побелела, говорит Маша, глаза остановились и начала говорить совершенно как сумасшедшая — совсем галиматью. Счастье, что кровь носом пошла... Ну так вот, приехали они в Огневку, Евгений страшно обрадовался, заплакал, но ему становилось все хуже. Поехал с Настей и Машей в Елец, там был такой приступ животных болей и лихорадки, что он думал — умирает... Рыдал, метался... Доктора сказали совсем разное: то лихорадка перемежающая<ся>, то острое воспаление кишек (последнее, конечно, от Евгения скрывают — смотри не бухни). Потом получшело. Теперь — понос, красная, как фуксин, моча, слабость. Уговариваю поехать хоть в Харьков к Франковскому[2] (так как в Москве никого из знаменитостей летом будто бы нет), потом в Крым. И соглашается, и хочет, и денег, говорит, нет. «Да и не поеду, говорит, я один, я часто впадаю в обмороки, упаду под вагон... Поедем со мной». А как я поеду?

Мать и Маша тут. Он упрашивал их остаться[a] помалкивает. Маша рада бы. *Пришли деньги на Елец.*

Пиши.

Еще напишу завтра или послезавтра.

185. Ю.А.БУНИНУ

12 или 13 июля 1894. Огневка

Милостивый государь!

Евгений ходит, но конечно на диете, желудок ни к черту, следовало бы ему поехать в Крым — все советуют — колеблется — денег нету... Вообще определенного про его здоровье ничего не могу сказать — вроде прошлогоднего лета.

Жду от тебя денег, присылай побольше — нужно билет в Ельце переменить и многое другое.

Мать и Маша в Огневке, *куда и нужно присылать им деньги,* а мне уж *на Елец.* Думаю остаться жить в Огневке, но еще не решил — как ты думаешь — стоит? Пиши. Ну еще что? Ничего.

Целую.

И.Бунин.

---

[a] Далее лист частично оторван.

На имя Маши, она говорит, на Лукьяновской станции выдадут ей по билету.

Где Варя[а]?

186. В.В.ПАЩЕНКО

14 июля 1894. Огневка

Огневка, 14 июля 94 г.

Милый друг мой, — как видишь, я в Огневке; уеду в Полтаву числа 23–24[1], но до этого мне хотелось бы увидать тебя раза два, по крайней мере. Ведь ты небось на Воргле будешь пропадать, но все-таки надеюсь, что ты встретишь меня на «ефремовском» вокзале[2]: приеду обязательно в понедельник 18-го. О многом надо переговорить с тобой. Смотри же, *встреть меня!* (приеду, конечно, с *дневным поездом*)... Думал получить от тебя известие в Петербургскую гостиницу[3], но ведь ты всегда только обещаешь.

Итак — в понедельник.

Твой Ив.Бунин.

P.S. У Евгения какая-то непонятная болезнь: боли в кишках, слабость, нервы разбиты и т.д... ну да расскажу все при свидании...

187. Ю.А.БУНИНУ

Между 16 и 19 июля 1894. Огневка

Мне сильно хотелось бы привезти Машу в Полтаву[1], в гости к нам, хотя я и не говорил еще с ней ничего, да и не знаю, удобно ли ей теперь удрать, когда болен Евгений. Подумай ты, если решишь что-нибудь в ее пользу, то телеграфируй и пришли ей денег на дорогу, я надеюсь получить от тебя деньги числа 24 и тогда и прямо выехать из Ельца (в Елец присылай деньги). Подумай, пожалуйста, о Маше.

Твой И.Бунин.

188. В.В.ПАЩЕНКО

21 июля 1894. Огневка

Огневка, 21/VII 94 г.

Милая Варичка, решил выехать отсюда в воскресенье 24-го, приеду с тем же поездом, с которым приехал в прошлый раз[1], так что встречай меня: 1) *на Ефремовском вокзале,* 2) *в воскресенье,* 3) *в 12 ч<асов> дня.* Вот как точно!

[а] Приписано в начале письма.

А в субботу, прошу тебя, сходи на почту и спроси — есть ли повестка[2] на имя Бунина. Я думал приехать в субботу, да больно жаль мать и Машу — просят пробыть хотя лишний денек.

Ну, больше писать не буду. Сейчас еду на станцию, утро свежее, тихое, светлое — настроение прекрасное... (Евгений кричит из другой комнаты: «Ваня! письмо пишешь?» — «Да, а что?» — «Напиши В<арваре> В<ладимировне>, чтобы сюда-то приехала — напиши, пожалуйста»). Не приедешь ли, Варечек? А? Вот бы я рад был! Тогда бы я совсем без тоски уехал с тобой, а то до Ельца скучно будет. Впрочем, как хочешь.

В Ельце хочется пробыть денька два, а то очень будет жалко бросать одного моего драгоценного звереночка, милого и хорошего, такого милого, какой сидел со мной на шарабане, когда мы ездили за город в понедельник вечером. Крепко целую твои ручки, милый «Миша»!

Передай мой поклон папе и маме.

Весь твой И.Бунин.

189. В.В.ПАЩЕНКО

27 июля 1894. Харьков

Милая, хорошая моя Варинька! Как видишь, еду благополучно — сейчас нахожусь среди невыразимого шуму, движения, толкотни и духоте харьковск<ого> вокзала. Встретил Ю<лия>. Он говорит, что послал мне письмо, в которое вложил нужное мне письмо из «Посредника»[1]. *Пожалуйста, сходи на почту, получи и перешли.* Всем поклон, тебя же горячо целую!

190. В.В.ПАЩЕНКО

29 июля 1894. Полтава

Полтава, 29 июля 94 г.

Вчерашнего числа на рассвете прибыл я в сей город, дорогой друг мой! Не затем, чтобы осматривать его примечательности и памятники седой старины малорусской, но побуждаемый иными, более прозаическими, интересами, отправился я в 11 ч. утра с Павленок[1] и благополучно прибыл в управу губернского земства. В библиотеке оного нашел я секретаря и, трепеща от предвкушения скандала, протянул ему руку свою. Но — таковы капризы натуры человеческой и секретарской в особенности! — дело обошлось даже без разговора. Милостивая шутка секретарская, обращенная ко мне, но направленная по адресу господина и кавалера хотя и не весьма почетного ее превосходительства, С.Н.Велецкого, совершенно ободрила меня. И жизнь вошла в колею свою и потекла обычным порядком, весьма приятно нарушенного на время только получением 30 р. (!!!) с «Вестника Европы»[2]. Впрочем, можно ли считать таковое нарушение нежелательным!? Проще сказать — это было

очень хорошо, — заплатил долг Селитренник<ову>[3], отдал хозяйке за месяц.

Для тебя послал сегодня за деньгами в «Киевлянин»[4]. Если же он задержится, то уж я найду денег для того, чтобы поскорее увидать тебя. Ах, Валюн, как пусто у нас в комнатке без тебя, милый ненаглядный мой! В Харькове встретил Юлия и Е<лизавету> Е<вграфовну>, но мало им обрадовался. Всю дорогу я был в напряженном состоянии, а теперь как-то затих — словно сон нашел.

Веришь ли, я передать тебе не могу, какою жалостью и любовью охватило меня на местах самых дорогих моих воспоминаний, на местах нашего прошлого! Я тебе не умел этого сказать — только словно сердце у меня оборвалось, когда я бросился проститься с тобой на платформе[5]. И всю дорогу до Орла я просидел как будто в оцепенении, между тем как внутри все трепетало от наплыва воспоминаний, от бесконечной любви к ним и от невыразимо-возрастающей грусти. Варенька, — прошлого не вернешь — дай мне хоть надеяться, что эти воспоминания и для тебя дороги, что память о прошлом еще более соединяет нас, друг мой, дорогой друг моей юности и всей жизни! «Я тогда моложе, я лучше, может быть, была»[6]. Я тогда, мож. б., тоже был лучше и откровеннее и простосердечнее — не забудь меня хоть за это-то!..

Милый Миша, вернись поскорей!..

Глубоко тебе преданный И.Б.

Поцелуй папу и маму и Верочку[7] и не балуй ее.

191. В.В.ПАЩЕНКО

4 августа 1894. Полтава

Ну, Варек, по обыкновению, молчите? Что делать!.. Все твои приказания исполнил, только за документом еще не сходил. Все жду тебя и до сих пор не знаю, когда решила приехать. Юлий каждый вечер пропадает то и дело, то у Зверевых[1], где гостит теперь профессор Симбирцев. По целым вечерам один, все убрал в нашей комнатке, убрал твои бумажки, письма и свои марания... Ходил присматривал квартиру — сильно хотелось бы опять пожить в Тупом переулке. Как светло у нас было тогда!..

Читаю Бальзака. Кончил учителя[2], три вечера строчил еще одну небольшую вещь[3]. Вчера был у нас Мясоедов[4].

Кулябки еще нету. Но это все равно. Юлий говорит о твоем месте вполне определенно[5]. Велецкий говорит, что если Кулябка не приедет скоро, пусть напишет заявление Юлий. А лучше всего написать Кулябке, он пришлет заявление от себя.

С самой глубокой нежностью и лаской целую твои ручки. Будь здорова, милый друг!

Преданный тебе всей душою
И.Бунин.

Числа 7-го вышлю тебе деньги. Мой поклон папе и маме.
Хочешь повенчаемся осенью где-нибудь на юге — в Севаст<ополе>?

192. В.В.ПАЩЕНКО

10 августа 1894. Полтава

Не знаю, Варя, где ты, что с тобой и т.д. Поэтому шлю только деньги (15) и прошу об одном — *ради Бога, заезжай в Харьков к Гиршману*[1].

Поезда: если из Ельца в 3 ч. — в Орел в десять вечера, из Орла на Харьков в 4 ч. 22 м. на Курск-Харьков. В Харькове в 8 ч. вечера, на Полтаву в тот же вечер в 10 ч. Если из Ельца ночью — из Орла в 12 ч. дня, в Харькове на другой день в 7 ч. утра и на Полтаву в 10 ч. утра же. Есть еще путь: из Ельца днем в 3 ч., из Орла в 10 вечера курьерским, но это на 5 р. 36 дороже, так что дорога обойдется вместо десяти рублей — 15 р. У меня, ей-богу, больше нет, прислал бы.

Твое молчание все-таки чересчур неудобно.

193. В.В.ПАЩЕНКО

18 августа 1894. Полтава

Не помню, не помню ни одного твоего письма, которое разорвал бы спокойно — все дрожит внутри, потому что знаю, знаю, знаю, что больно мне будет, что всю ту нежность, глубокую нежность, которой переполняет мне сердце разлука с тобой — истомит твое молчание, а потом оскорбит неправда. Ах, эта неправда! Вся душа моя встает на дыбы! И ни одно-то мое желание не исполнялось никогда, наперечет те минуты, которые пришли именно тогда, когда ждал их — всегда обещание, как ребенку, и неисполнение всегда — взять хоть последнее: «Когда приедет В<арвара> В<ладимировна>?» — «Тогда-то». — «Толкуйте! Она пробудет до таких-то пор». И всегда другой прав, другой знает, а я нет. Я *только* просил тебя о приезде[1] и ты знала, что *не* исполнишь мою просьбу, заранее знала — и, конечно, говорила другое — это стало законом. И письма твои от этого связанные, холодные и как быть им несвязанным, когда человек неискренен — а зачем? Освободи ты себя, ради Христа, от этого — лучше же будет наша общая жизнь, дружнее! Еще до сих пор у меня руки холодеют от волнения, когда жду тебя — вчера, напр., весь день на вокзале в Харькове, но ведь уже и знаю заранее, что ни к черту все мои ожидания и напряженное чувство все равно упадет и потухнет. Так убивались все лучшие потребности моей любви — красота всякой любви, так убивалась моя веселость и ее осталось уже немного — последние лирические письма дописываю!

Деньги посланы 10-го, значит, получены в Ельце 12-го, самое большое 13-го, твое письмо послано 15-го — чего же о них спрашиваешь? Относительно Бюро сама знаешь, что без тебя лично дело пойдет черепашьим шагом[2]. А тут еще одна барыня из Перми приехала — ей место

выискивают. Относительно Лизы[3] — ты ведь знаешь, по крайней мере, то, что в Полтаве мы все равно останемся ненадолго — это не может быть иначе, нельзя здесь оставаться еще более года[a], рано приковываться к захолустью.

Ну, прощай! Твой Ив.Бунин.

Чем ты лечишься? Отчего не написала про свое здоровье посерьезнее?

194. В.В.ПАЩЕНКО

22 августа 1894. Полтава

Еще вчера, до получения твоего письма, мы разговаривали с Юлием о твоем месте. Он прямо сказал, что твое присутствие здесь необходимо. «Через день, через два может приехать Кулябка, а ты знаешь, что и он может сказать — "что же я могу без нее сделать, какое же заявление подам?" От себя, — говорил Юлий, — я нахожу даже вредным подавать заявление. У меня ведь не те отношения с Шкляревич<ем>, чем у Кулябки. Кулябке Шкляревич верит без возражений, мне — весьма легко может отказать, хлопочет мол за жену брата, воспользовался временным заведыванием».

Сегодня опять было совещание, на котором присутствовал и Велецкий. Решили, что тебе нужно немедля приехать, подать прошение, а Юлий пошлет письмо Кулябке. Именно говорил Велецкий, чтобы отрезать Кулябке отступление, она должна приехать поскорее.

Вот положение дела. Письмо П.П. Юлий нашел совсем неудачным — говорит: «все время в письме идет укор — про малость жалованья, про вред здоровью, про отпуск». «*Все* это, вместе взятое, оскорбило меня, пишешь ты, а потому ухожу, а далее: позвольте выразить глубокую признательность за все...» Иронией звучит! Завтра пойду к Старицк<ому> и скажу, что ты отказалась от места[1] — ты отлично знаешь, что я давно был против этого места.

Извести о выезде, если можно, приезжай с курьерск<им> поездом.

О наших личных делах... да нет, лучше не надо! Если не веришь любви, верь хоть привязанности к тебе навсегда твоего И.Бунина.

195. Б.Д.ГРИНЧЕНКО

19 ноября 1894. Полтава

Милостивый государь, Борис Дмитриевич!

Рассчитывая приобретать Ваши издания для моей книжной торговли (между прочим, для продажи офеням), прошу Вас сообщить мне, с ус-

---

[a] Далее зачеркнуто: нельзя.

тупкой скольких % можно приобретать у Вас книжки Вашего издания[1]. Вообще просил бы сообщить условия приобретения у Вас книжек во всех подробностях. Мой магазин пока обеспечен первыми 4 названиями Ваших изданий, а потому прошу присылать мне в ближайшее время только книжки дальнейших Ваших изданий по 100 экземпляр. каждого. Книжки прошу высылать мне наложенным платежом.

г. Полтава.
19 ноября
1894 г.

С почтением
Ив.Бунин.

196. В.В.ПАЩЕНКО

Ноябрь 1894. Полтава

Ну вот — пусть Господь убьет меня громом, разразит меня всеми нечеловеческими *страшными* потерями и муками — клянусь тебе — не стало сил моих! Ну хоть бы день отдыха, покоя, пойми же, я бы полжизни отдал, только бы возненавидеть тебя, стереть с лица земли все эти проклятые воспоминания, которые терзают меня этой проклятой, несказанной любовью <к> тебе, — успокоиться — ведь что же, вижу все потеряно, что же, наконец, за выгода мне рвать свое же сердце. Но каждую, каждую минуту все забываю — пойми же, Христа ради, этот ужас — забываю, что ты-то и есть причина моей муки, а я забываю и когда вот начинает против всякой воли расти, расти эта боль и не в силах терпеть, заплачу вдруг, опять рванусь к тебе, вот бы уткнуться лицом в твои колени, прижаться к тебе, защититься от отчаяния, а нет, опомнюсь — в тебе все! Но не могу уже больше, или письма мои не доходят, или ты дьявол, что же это, говорю тебе, я бы сам не поверил, что это творится — непрекращающи<еся> страдания! Дай же увидеться с тобою, ради Бога, ради всего на свете! Поклянусь ну чем только могу выдумать, что только есть на языке человеческом, ты не услышишь даже того, что не прикажешь, уйди потом с каким хочешь решением, но только бы полчаса около тебя — ради Создателя, видишь, это безумие, но не порыв минутный — что же я сделаю, если так оказалось. Ну тебе это будет тяжело, м.б., да и не к чему, ты думаешь, ну все равно. Надо же о другом подумать — я же живой, Варя. Если твое решение бросить меня осмыслилось, — чего же тебе бояться, что оно поколебается. А тяжело, но ведь у меня сердце кровью сочится! Жду ответа, ответь во что бы то ни стало, а то я на все решаюсь. Мне все равно теперь, все ничтожно перед моим страданием.

197. Ю.А.БУНИНУ

До 20 января 1895. Огневка

Ну я так и знал, что тебя свяжут в Полтаве. Ведь это просто беда! И конечно, ты приедешь в начале марта. Или, может, совсем не приедешь? Да и письмо твое страшно подозрительно. Если приедешь 20-го — чего же просишь писать? Как же, значит, твое трехмесячное житье в Москве пропадет, если ты возьмешь в заведывание и экономическ<ое> бюро? Что же мне-то, наконец, делать? Я тут просто дохну с тоски и хочу уж не дожидаться тебя, поехать в Птб., я все равно найду ее[1]. Буду ждать тебя только до 21-го. Что же про отпуск-то? Ведь если мне выходить из управы, чем мне жить? Хоть бы жалованье за январь получить. Говорил ты Лисовскому? Прилагаю доверенность на Сергея Павловича[2], но ловко ли получать жалованье. *Гляди там сам.* Вези скорей или пришли наградные — мне нужно ехать.

Ей пишу в Елец[3] — нельзя так, еще раз, провались он пропадом, что они подумают о моей гордости!

Все здоровы — нет, впрочем, у всех животы болят.

Ради Бога, телеграфируй о приезде.

Нужно ли прошение о продлении отпуска?

198. В.В.ПАЩЕНКО

До 20 января 1895. Огневка

Варя! Третий месяц я сгораю на медленном огне. Безумен ли я, ничтожен ли, но я испытываю невыразимые мучения. Если бы я мог видеть тебя, я бы все сказал, я бы все выразил тебе. Но не могу я писать — ничтожными слабыми словами говорить про тот ад, который творится у меня в душе. День начинается моим напряженным горячим желанием, чтобы он прошел как можно скорее. А вечером — почти каждый вечер я плачу и молюсь, как никогда не молился, чтобы Господь вынул мою душу или послал мне внезапное, неожиданное утешение, чтобы он раскрыл твое сердце для любви, для жалости, для проникновения в мое изболевшее сердце, и как ребенок жду чуда и все надеюсь, что ты схватишь, наконец, тот светлый момент ясности душевной, в который становишься выше затирающей нас жизни и поймешь и представишь себе все. Заклинаю тебя Спасителем — подумай еще раз обо мне и о себе! Твой отец сказал, что ты имени моего слышать не можешь — но как же мне поверить этому? Нельзя этому быть. Самые злые люди прощают закоренелых злодеев. Правда, ты во мраке каком-то была, ты настолько мало представляла мои ощущения — эту дикую силу ощущений, которую я переживал и в которой все-таки выше них и яснее подымалось одно — любовь к тебе, настолько мало представляла, что даже не поняла моего письма, не поняла, сколько мне нужно силы,

чтобы написать его спокойно и трезво — для тебя же, потому что я знал, что мое отчаянье, мои слезы ты не оценишь в те дни, и насколько, значит, была выше моя любовь к тебе других ощущений, или я после моего позора, после твоего полного презрения к убитому тобой человеку — все-таки решился писать тебе.

Потом я перенес кровавую обиду — что творилось во мне — тому нет никаких слов. Но и над всем этого последнего опять поднялось одно — самое нежное, самое горячее чувство к тебе. И вот опять говорю тебе: все прощу, все забуду, со всеми и со всем примирюсь. Во всем, в чем был виноват — за все каюсь, все переменю — вернись ко мне, воротись! Я неистовствовал, я как на огне извивался, теперь — я совсем гибну — страшная тяжесть на душе, тупое, мертвое отчаянье. Опомнись, Варя, оглядись, одумайся — могу ли я говорить неправду, мог ли я и можешь ли ты после всего случившегося не понять, люблю ли я тебя и насколько ты, близка ли ты мне душою, всем существом своим. <нрзб>, Варя, было больно. Да из-за чего же, наконец.

Неужели ты думаешь, что после всего пережитого я не стал глубже и серьезнее. Да Боже мой, каково писать письмо, которое пройдет через третьи руки, как в тюрем<ном> замке.

Он[1], конечно, читает твои письма — это далеко не деликатно.

199. А.И.ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ

2 февраля 1895. Петербург

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Хоть и горько мне было слышать, что мои очерки[1] пролежат еще полгода, но необходимость заставляет меня снова беспокоить Вас покорнейшей просьбой: я очень прошу Вас выдать мне в счет гонорара за эти очерки 100 руб. — большая нужда. Извините, пожалуйста, что не обращаюсь к Вам лично — очень и так мне неловко и не привык я просить деньги за свои писания. Не откажите, пожалуйста, — ведь риску Вам нет никакого — именно в этой сумме. Если можно выдать ее, я приду завтра сам.

Уважающий Вас
И.Бунин.

Птб., 2 февр. 95 г.
Невский, 106, кв. 13.

200. В.В.ПАЩЕНКО

27 февраля 1895. Москва

Москва, 27 февр. 1895.

Мне все равно не долго осталось шататься на белом свете и потому — думайте обо мне все что угодно или что прикажут Ваши опекуны. Вы все равно никогда не понимали меня. Но все-таки мне хочется — странно сердце человеческое! — хочется, чтобы Вы, когда начинаете в своей памяти обвинять меня или будете чернить меня перед людьми, чтобы Вы вспоминали тогда, вдумывались в то злое, что Вы сделали для меня. О, я верю, вы еще ни разу серьезно не задумались! Не забывайте же и то первое утро нашей любви, когда вы так грубо оскорбили меня, утро, когда я был так молод, доверчив, когда все мое сердце раскрылось в первый раз в жизни, — и всю вашу эгоистичную любовь ко мне потом — все эти дни, недели, годы колебаний, отречений от меня, отречений нехороших, нечестных, и истории с Вашими родителями, и с Алейниковым, и с мальчиком Бибиковым, который... ну вы помните... и всю вашу грубость и неделикатность к моему молодому горячему чувству (помните, напр., синий сверток с Вашими любовными письмами к другим, который Вы поручили хранить... *мне!* — и из-за которого я был вытащен в Курске из-под паровоза?.. помните ваше признание о любви к А.). Не забывайте и то, сколько слез я пролил из-за вас, как в ту ночь, когда в кровь искусал себе руки... Ну да это старо и слишком мелко теперь.

С того утра, в которое мы сошлись[1], вся жизнь моя наполнилась, переполнилась любовью к тебе, буквально от часа до часа и то, что для тебя всегда осталось второстепенным, стало для меня всей моей жизнью. Быстро закрывались все мои раны — слишком я любил тебя, слишком хорошо было на душе моей. И даже тогда, когда случилось то, что должно быть записано кровью, — я звал тебя, я умолял тебя пожалеть меня, потому что все, что ни делали вы близ меня, было моей жизнью, а разлука — смертью. Я понял, что разлука с вами навеки — это уже не мелкие дневные страданья, — это касается высших вопросов. И перед ними, перед горем всей жизни — не мелочь ли все это? Месть, оскорбленное и поруганное самолюбие, все, все — слишком низко. Нас соединила судьба, высший закон, который отмеривает 50–60 лет нашего существования на земле — нужно было подумать об этом. В те минуты, когда я метался в одинокой, безысходной тоске, я поверил, я почувствовал, что не может быть, чтобы не было никого, кто бы был выше нас. «В совести искал я долго обвиненья, горестное сердце вопрошал довольно, — чисты мои мысли, чисты побужденья»... Так за что ж я мучаюсь? Верно, так надо. Верю этому, но и вы не забывайте — будет наказание! И уж отчасти вы наказаны: что вы, кто вы и чего достигли и что ожидает вас?

Мне теперь не до мести кому бы то ни было. Меня задавило одиночество — без семьи, без крова, без надежд, которые убивает мое горе, —

куда деться мне? Меня придавила та тяжелая атмосфера, когда нет возможности глубоко вздохнуть, — и тоска и бессилие, которыми живут люди усталые, когда чувства трепещут, возбужденные до крайней остроты, а душа тускло дремлет и страдает! А разве я был обречен Богом на это, на ничтожество? Разве нет у меня ничего за душою? И все разбила, надо всем восстала безумная, безумная, нелепая случайность!

У меня нет злобы, нет даже презрения к вам. Если в чем я виноват — я наказан сверх меры. В чем вы виноваты — вы[a].

201. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

Между 10 и 12 марта 1895. Москва

Многоуважаемая
Ольга Антоновна!

Ой, ей-богу, мне даже совестно стало, когда я получил Ваше письмо: не злоупотребляю ли я Вашей любезностью? Но не браните меня — Вы сами разрешили мне. А потом, если я и решился в первый же день знакомства с Вами, прямо обратиться к Вам с просьбой, то это потому, что я увидел, что Вы простой человек и не сочтете меня свиньей, а во-вторых, потому, что я ведь помешан на Гайавате[1], — ведь я с самого детства сплю и вижу перевести всю эту дивную песню[2] и издать ее, и любоваться, и сотни раз самому перечитывать ее, если не будет читателей. Верите ли, когда я получил Ваш перевод и прочел с подлинником, и все, что было неясно, стало ясно и понятно мне, — я двое суток не вставал, буквально почти не вставал с места и кончил главу — остались только мелкие поправки.

Так я люблю все это, а, с другой стороны, и тороплюсь, боюсь, что какой-либо другой человек, зараженный всякими глупостями декадентства, возьмет и перепрет «Песню» и как-никак, а отрежет мне дорогу. Вы говорите — «если мой перевод пригодится на что-нибудь» — да, Боже мой, как же не пригодится-то!

Уезжая в четверг в деревню[3], я еще раз шлю Вам глубокую благодарность, за то высокое наслаждение, которое я получил, благодаря Вашей помощи. Если же поможете еще, то могу Вам сообщить, что не переведены главы: II (The four Winds), IV (Hiawatha and Midjekeevis), IX, XII, XIII, XVI, XVII и XVIII. Выбирайте какую Вам угодно.

Мне же хотелось бы: или Introductio (Пролог) или X (Hiawatha's wooing) — особенно эту десятую — или XIII. Это ничего, что пролог и X гл. переведены[4], — я все равно буду переводить все. Но — Боже сохрани! — я, конечно, не настолько нахал, чтобы думать, что Вы будете мне помогать во многих главах — две-три и — благодарность навек!

Итак, будьте здоровы и примите мое горячее спасибо.

---

[a] Далее текст утрачен.

Деревенский мой адрес такой: Ст. Бабарыкино, Сызрано-Вяземск<ой> ж.д. В имение Евгения Ал. Бунина для передачи мне.

Брата сейчас нет — не хочу врать, что шлет поклон.

Искренно Вас уважающий
И.Бунин.

<*Ю.А.Бунин*:> Неправда, я пришел и кланяюсь Вам, многоуважаемая Ольга Антоновна!

Юлий Бунин.

202. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

13 или 14 марта 1895. Москва

Многоуважаемая
Ольга Антоновна!

Согласно Вашему разрешению, опять позволяю себе беспокоить Вас: будьте добры, переведите мне прилагаемый кусочек[1] и, пожалуйста, пришлите поскорее. Не для комплиментов говорю Вам, что перевод Ваш прекрасен, сделан с тактом, с пониманием хороших слов. Этот же кусочек прошу Вас передать подстрочно — мне это важнее всего, ибо я больше всего боюсь, что где-нибудь начну вольничать: я ведь понимаю фразы в общем легко, но вот точность-то нужна! Буду крайне благодарен. — Когда кончу перевод, первым делом пришлю Вам на посуждение.

Юлий просит передать Вам поклон.

Уважающий Вас искренно
Ив.Бунин.

Меблирован<ные> комнаты в д. Боргест у Никитск<их> ворот.

203. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

16 марта 1895. Москва

Многоуважаемая
Ольга Антоновна!

Сию минуточку уезжаем[1], шлем Вам поклон, а я с своей стороны должен Вам сообщить, что из тех трех глав «Гайаваты», о которых написал прошлый раз, — «Пролог» и гл. X и XIII, — из этих гл. *«Пролог» мне не нужен*[2]. А уж X будьте добры мне прислать как-нибудь на Бабарыкино Сызрано-Вяземск<ой>, за что буду крайне благодарен.

Искренно Вас уважающий
Ив.Бунин.

204. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

26 марта 1895. Огневка

Глубочайшую благодарность приношу Вам, многоуважаемая Ольга Антоновна, за Ваши переводы! Весна кислая, так что работа составляет для меня единственную отраду здесь в деревне, где обретаюсь на положении больного, сына конца века... Пожалуйста, сообщите мне при случае, какой лучший словарь английский? У меня очень плох. Заказные письма вполне можно присылать на Лукьяновскую почт. ст. Тульской губ., Ефремовского у., которая находится рядом с ст. Бабарыкиной.

Не правда ли, чудное сватовство Гайаваты[1]? А «Благословение полей»[2]? Поразительно!

От души желаю всего хорошего и

остаюсь глубоко признательным

И.Бунин.

26 марта 95 г.

205. Ю.А.БУНИНУ

28 марта 1895. Огневка

Ну что-то сейчас ничего не хочется писать. Весна плоха, хотя сегодня 28 марта (!) чудный день! Ошалел над Гайаватой — принялся за египетск<ую> работу, каждое слово ищу в лексиконе и ведь выходит смысл, сравниваю с перев<одом> Мих<аловского>[1] и верно. Что же в «Посредник»[2], Бога ради! Что ты замолчал? Что нового? Ради Бога, прошу тебя достать № «Полт<авских> вед<омостей>», где помещен был перевод Лисовск<ого>[3] (ему только не говори про Гайавату). Сидим, по словам отца, как поросята Евгеньевны, в нужнике. Вот поддул-то!

Не присылала В<аря> за вещами[4]? Пришлешь работу? Где поселился? Что лавка[5]? Бога ради — пальто, сапоги и шапку! Умираю в шубе. Подробно обязательно пиши буквально обо всем — брось дьявольскую лень. Ну, прощай.

Твой И.Бунин.

<*М.А.Бунина*:> Милый и дорогой Юрочка!

Мы все, слава Богу, живы и здоровы и поздравляем тебя с предверием светло-Христова воскресения. Верочка пишет, что непременно приедет к празднику. Мама тебя крепко целует и все мы, конечно. Новостей нет никаких, писать больше нечего. Горячо любящая тебя твоя

Маша Бунина.

206. Ю.А.БУНИНУ

3 апреля 1895. Огневка

Д. Огневка, 3 апреля
1895 г.

Ей-богу, брат, совсем нечего писать. Погода стоит омерзительная, — нынче, например, весь день валит снег, — а вода проходит измором. Ужасно однообразно проходит время. Целый день что-то хочется делать, а делается все вяло и лениво. О будущем просто и подумать боюсь. В Москву осенью? Да я-то зачем? Гадко вспомнить о нашем номере в д. Боргеста[1]! Да и это ведь временно! Впрочем, ей-богу, до низости плохо выражаю свои ощущения, а настроение вовсе не минутное... В Птб.? Зачем? Будь они прокляты эти большие города! Эх, кабы опять в Полтаву! На тихую жизнь, на тихую работу! Только уж, конечно, теперь она мне не нужна одному, даже с тобой, мне там делать нечего. Прежде была под ногами почва... Если бы были средства, все бы ничего, а то — совсем пропадать буду!

Учусь по-английски, читаю Липперта[2], да все это ни к чему — противные, отрывочные клочки знаний ни к черту не нужны! Приехала в пятницу Верочка[3], — завтра уезжает. Интересного ничего не сообщила. Мусинька[4] то весела, то плачет, мать больше плачет. Ну да ты ведь знаешь, как проходит день — Ваську представляем, на гармоньи... захочем, табаку!..

Ты, конечно, теперь будешь отвратительно писать — клочками, урывками, да, впрочем, и нельзя иначе.

Бога ради, похлопочи ты о «Посреднике», да *чтобы лавку закрыть*[5]. Главное — скажи: я не буду сводить никаких счетов, пускай сводят, я только свой долг желаю заплатить и только.

Эх, что ж ты с работой-то? Ведь все, что получу пойдет на долги и опять без гроша. Пойми, что положение отчаянное! Давно Варвара вещи-то взяла? Как ты так об этом отрывочно?!

Обязательно, как можно скорее сообщи мне, как зовут Яковлева — хочу послать ему еще главу перевести. Михайлова прислала две. Напиши, высылался ли мне «Мир Божий»? Вероятно, «Киевлянин» получается? Не видал ли «Русского богатства»[6]? Спасибо, батюшка, за деньги — только жалко мне тебя, с чем же ты сам-то остался?

Получил из «Киевлянина» просьбу писать им, очень жалеют, что я прекратил, говорят, что «всегда ценили как автора серьезных корр<еспонденций>» и т.д. Хоть бы ты им писал что-нибудь. На «Полт<авские> вед<омости>» они не обращают внимания.

Ну, прощай. Крепко целую тебя, милый, дорогой брат!

И.Бунин.

207. Ю.А.БУНИНУ

После 3 апреля 1895. Лукьяново

Сейчас на станции получил письмо от «Посредника»[1] — просят денег, Бога ради, Юрий, пошли им! Мне хоть удавиться в пору!

208. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

14 апреля 1895. Огневка

Д. Огневка, 14 апр. 1895 г.

Многоуважаемая
Ольга Антоновна!

Получил Ваш перевод[1], но — простите — только сейчас могу известить Вас об этом с благодарностью душевною. Поздравил бы и Вас с праздником[2] — да поздненько уже. А работа идет. Усиленно занимаюсь английским языком и, кроме переводов тех глав, которые прислали Вы, сделал еще 2–3 из переведенных Михаловским. Перевод Михаловского дает мне возможность проверить себя. Но все-таки некоторых слов не понимаю, и остаются пробелы. Счел бы долгом прислать Вам переведенн<ые> главы, но еще не удовлетворяют меня они, пусть полежат, — тогда будет лучше поправить стих. Послал Давыдовой, изд<ательнице> «Мира Божьего», предложение напечатать полный перевод «Гайаваты»[3] (о, это между нами!) — не знаю, что ответит. Глупы наши гг. редакторы, и если не выйдет дело, буду биться — искать издателя на отдельное издание...[4]

Весна получшела, но настроение мое — плоховатое. Скучно немножко! Что нового в столицах? Совсем ничего не знаю. Где думаете проводить лето?

Посылаю Вам пожелания всего хорошего и остаюсь

преданным Вам
И.Бунин.

209. Ю.А.БУНИНУ

После 24 апреля 1895. Огневка

Милый Юричка, я бы тебе раньше написал, но несколько дней после этого известия[1] я ходил совсем мертвецом, все равно я не мог бы тебе сказать, что я вынес. Да и теперь не могу. А дело было так: Евгений в одну из наших прогулок сообщил мне, что слышал в Ельце, что она вышла замуж за какого-то доктора (теперь-то он говорит, что врал про доктора — слышал про Бибикова). Я, конечно, остолбенел от такой вести, но затаился и поехал в Елец, решившись на все, чтобы узнать. Но узнал нечаянно: у парикмахера Николаева тот, кто стриг меня спросил, буду ли я завтра на представлении Петипа[2], а потом — бывал ли я на

Святой на любительских спектаклях. Меня так и передернули эти любительск<ие> спектакли и я уж с задавленным голосом стал расспрашивать, кто играл. «Г-жа Буцкая, г-жи Пащенко, мать и дочь, та-с, что вышла замуж за молодого Бибикова»... Я помертвел буквально. «Это какая?» — спрашиваю. «Да старшая, Варвара Владим<ировна>; да вы, верно, и с г-ном Бибиковым знакомы, черный он такой, худой, — Арсений Николаевич». Очевидно, он хотел меня поддуть, потому что спросил после, где я жил зиму. Я насилу выбрался на улицу, потому что совсем зашумело в ушах и голова похолодела и почти бегом бегал часа три по Ельцу, около дома Бибикова расспрашивал про Бибикова, где он, женился ли. «Да, — говорят, — на Пащенки. Пащенко на Бибиковой, а дочь вышла за Бибикова». Я хотел ехать сейчас на Воргол, идти к Пащенко и т.д. и т.д., однако собрал все силы ума и на вокзал, потому что быть одному мне было прямо страшно. На вокзале у меня лила кровь из носу, и я страшно ослабел. А потом ночью пер со станции в Огневку и, брат, никогда не забуду я этой ночи! Ах, ну к черту их — тут, очевидно, роль сыграли 200 десятин земельки. Венчались, говорят, две пары одновременно[3]; подробностей же я не добивался и не буду добиваться, молю только Бога, чтобы громом побил этих негодяев, это чудовище бесчувственное, которое так кровно оскорбило меня в те дни, когда я так плакал и скорбел и о ней, и обо всем прошлом и будущем.

Будет об этом. Живу как-то странно, забиваю себе ум, шляюсь в поле и до сих пор после этого не занимался. Теперь опять начну. Выучил 17 уроков по-английски, прочел 2 книги Масперо, Беккера[4], еще главу Гайаваты перевел. Но писать для «Посредника» не начинал, трудная это вещь, да и настроение не такое. «Посредник» просто с ума меня сводит. Как же быть с деньгами-то? Что «Русск<ое> богатство»[5]? «Мир Божий» (отказал в Гайавате-то, хорошо бы, говорят, да места мало) прислал мне 30 р.[6], 20 из них я отдал Евгению за два месяца[7] (по 17 мая) (умираем с голоду!), истратил с поездкой в Елец и буквально беда! Гербановский зовет в Каменец-Подольск, будет у него и Бальмонт[8], да как же я поеду?

Все живы и здоровы, новостей совсем нет. Что у вас. Скучаешь небось? Эх, брат, что делать-то! Провал ее возьми, собачья жизнь. Ну, прощай, от всего сердца целую тебя и обнимаю, милый, дорогой друг!

Полтавское мнение меня не страшит, и я хотел было ехать числа 18-го, но, ей-богу, с чем же я поеду, я даже разут совсем.

Глубоко любящий тебя
И.Бунин.

Поклонись всем.

210. Ю.А.БУНИНУ

30 апреля 1895. Огневка

Спасибо, милый друг, за письма, буду писать тебе подробно. Не беспокойся, следую твоему совету. А это в Е<льце> знают все.

Поклонись всем, кто меня помнит.

И.Б.

211. Ю.А.БУНИНУ

15 июня 1895. Глотово

15 июня.
Глотово.

Отчего ты, милый Юринька, не пишешь и не ответил на наше с Евгением письмо[1]? Ты сердишься на меня? Богом прошу не сердись; за последнее время я дня не посидел дома.

Должно быть *18-го* выеду к тебе[2]. Кабы не разъехаться. Если ты думаешь ехать к нам, — извести телеграммой на Глотово, иначе разъедемся.

Твой И.Бунин.

212. Ю.А.БУНИНУ

17 июня 1895. Жмеринка

Пишу с пути — под Жмеринкой. Завтра, т.е.[a] буду на пароходе[1], приеду в Полтаву, значит, в ночь с воскресенья на понедельник[2]. Пожалуйста, встреть.

И.Б.

213. В.В.ПАЩЕНКО

30 июня 1895. Полтава

30 июня 1895 г. Полтава,
Николаевск. бульв., д. Винокурова.

Мне очень сосет сердце — я один, тысячи желаний, ничто не удовлетворяет... Жаркий, светлый день — шел из городского сада, там деревья шелестят, сено скошено... прошлое! Сердце мое болит всегда о нем и о тебе... Я видел тебя нынче во сне — ты будто лежала, спала, одетая на правом боку — черты лица были так хороши и женственны, во сне щечки разрумянились, — от тебя веяло теплотой сна... И я ладонь пра-

---

[a] Далее одно слово или цифра зачеркнуто.

вую руку подложил тебе под голову и ты с прикрытыми глазами улыбалась, а я целовал тебя нежно-нежно, наслаждаясь тобою, твоей нежностью, теплотой. Кого же это я люблю еще, ей-богу, не знаю. Только не того, кто изменил мне... С кем же это мне так хочется переговорить, открыть все-все желания, всю нежность сердца, душу... С тобой и не с тобой. Ты и жива и умерла для меня. Умерла милая и жива для меня. Жива та ненавидимая, чужая — умершая для меня... Та, которую я, ей-богу, искренно презираю, одно существо из той жалкой ничтожной четы, которая где-то прозябает там, пошлая, подлая, низкая в своем скотском эгоизме. Кому же это хочется мне говорить? *Кого же это я целовал во сне так нежно,* что еще сейчас *все так слышу и чувствую.* ***NB*** Ей-богу, не знаю — мож. б., вдруг пошлю это письмо... а я, ей-богу, не начинал письма, хотел так что-то записать... там будут удивлены — ничего не поймут, пошлые, близорукие.

NB рассказ.

214. С.Н.КРИВЕНКО

6 июля 1895. Полтава

Полтава, 6 июля 1895 г.

Многоуважаемый
Сергей Николаевич!

Благодарю Вас от всей души за Вашу память обо мне; очень рад сотрудничать по мере сил в «Новом слове»[1], которому желаю полного успеха. В настоящее время у меня есть две-три написанные вещи, но они еще не окончательно переработаны и пересмотрены. Если какая-либо из этих вещей покажется мне удачной[2] — с удовольствием поспешу воспользоваться Вашим предложением.

Искренно Вас уважающий
Ив.Бунин.

P.S. Я, может быть, на время отлучусь из Полтавы, так что адрес мой такой: Полтава, заведующему Статистическим бюро губ. земства Юлию Алексеевичу Бунину для И.А.

215. В.В.ПАЩЕНКО

Начало июля 1895. Полтава

Дорогой мой, бесценный друг мой, — тебе покажется и глупо и подозрительно это, но прошу тебя — не думай так и вообще ничего-ничего не думай об этом письме; тут не нужно дум, я и сам ничего не думаю — это настроение, это минута, когда из тайников сердца вдруг поднялось что-то невыразимое нежное, отзвук моей безумной любви к тебе. Это случалось не раз, но всегда, одумавшись, я рвал, если писал тебе, — теперь все равно пошлю. Я долго не был в Полтаве, а приехавши сюда,

не касался ни до чего, что осталось от нашей жизни. А нынче я уезжаю и вот, собираясь, нашел в корзине твои башмачки из золотистой замши... О, Варя, если бы ты знала, какою безумной нежностью затрепетало мое сердце при взгляде на эти старые башмачки, милые, маленькие башмачки, где была ножка моей ненаглядной девочки, моей невесты, моей молодой женки, моей Вареньки в дни, когда мы были так близки и молоды. Ох, как я плачу, Варенька, и как мне мучительно стыдно писать тебе, и мучительно сладостно вдруг опять заговорить с тобой! Думала ли ты, что будет, если мы случайно встретимся? Что мы сделаем — раскланяемся? А не правда ли, как это дико, как это изумительно дико! Нам с тобой раскланяться!! А это так. Ты хуже чем умерла для меня — мы переродились друг для друга. Пусть я глубоко ошибся в тебе, — ты ведь прежде существовала такая, — мною созданная. А теперь нет той, кого я любил, и жива та, кого я ненавижу. И вот только в эти редкие минуты — вдруг опять близко-близко ты повеешь около меня и мне безумно захочется обнять тебя и умереть от радости — поговорить с тобой о многом-многом! Варенька — ведь мы так давно не видались с тобой! И не увидимся больше никогда, разве во сне только. А еще вижу тебя во сне, хотя уже давно-давно стараюсь ни минуты не думать о тебе, — видел и недавно — нежною, хорошенькою, — ты лежала где-то, с закрытыми глазками, в полусне, а я подошел к тебе, подложил руку под твою голову и тихонько целовал тебя, а ты улыбалась с закрытыми глазами и щечки у тебя горели нежным румянцем. Целый день я потом проходил как во сне и поминутно сжималось сердце от сладостного ощущения, какое осталось у меня от ночи.

Не думай же ни о чем, Варенька, — если ты прочтешь это в удачное мгновение, — ты поймешь меня. Не подозревай меня, что я хочу снова завязать с тобою отношения. Клянусь Спасителем, я говорю не с теперешнею тобою, — чужою *женой,* а с прежней, которая может оживать на *мгновенье.* А Варвару Владимировну Бибикову я презираю.

А не будешь в настроении — будь благородна, — не выдавай на чужие глаза одну из лучших и горьких минут моей жизни. Ведь только милый «Миша», хоть и не уважал меня никогда, но знает кое-что в моей натуре лучше других.

И прощай. Не дивись, что мне захотелось издалека сказать тебе слово — даже не слово сказать, а так, руку пожать. Какое же это слово? Какое оно случайное и странное! Ведь это, верно, последнее мое до могилы, значит, имело бы смысл, если б было сказано что-нибудь значительное. А то будет казаться, что это только начало.

Но не начало это. Если можешь — пойми.

Будь здорова, будь счастлива — в эту минуту желаю искренно. Но только сейчас. Завтра, Бог даст, день сумеет опять заставить меня, если не ненавидеть тебя, то забыть.

И.Б.

216. А.А.КОРИНФСКОМУ

7 сентября 1895. Огневка

Д. Огневка, 7 сент. 95 г.

Пожалуйста, простите за поздний ответ, дорогой Аполлон Аполлонович, — то не решался, куда Вам написать, то шла горячая работа на гумне, а за последние дни хворал — поехал с братом попробовать молодых собак, выгнали двух русаков и я так бешено порхал по кустам, что налетел глазом на сук и так орал на ветер, что простудил себе горло и зубы... Благодарю Вас за радушие — первым делом побываю у Вас, когда явлюсь в Птб. — и за «Всем<ирную> илл<юстрацию>»[1]. Оттиски получил пока только двух первых рассказов[2] и то тотчас же с милой назойливостью почти все разобрали здешние знакомые, которые, отлично знаю, ни капельки не интересуются моими писаниями. (Кстати — есть у нас соседки, две барышни — горячие почитательницы Ваши — искренние!) Получу следующие — непременно пришлю Вам. Я ведь, кажется, писал Вам, что буду в Питере скоро[3], но дело затягивается — верно, приеду не раньше конца октября. Здесь, между прочим, опять погрузился в ассирийск<ие> и египетск<ие> древности — для «Посредн<ика>» книжку составляю[4] — опять ломаю язык на английск<ом> произношении, понемножку готовлю свою книжку для издания. Думаю выступить, если найду издателя или стихами или рассказами... Хотя, конечно, это только мечта — черт его найдет, издателя! Вышла ли Ваша книга[5]? Где издается — в Птб. или Москве? Вам везет, Аполлон Аполлонович, и пользуйтесь этим — Вам нужно работать, потому что это Ваша сфера, говорю серьезно и искренно, именно сфера, потому что Вы свободны в ней.

Будьте здоровы, милый друг, и счастливы — да не так, как я, хоть Вы мне и завидуете! Не до природы порой — много плохого пришлось пережить за последнее время!..

Ваш И.Бунин.

Да, покорнейшая просьба: не будете ли добры справиться в конторе, выдали ли деньги за мои стихи в «Ил<люстрации>» и «Труде»[6] одному господину, который ехал через Питер, или нет. Кажется, этот господин не зашел в контору, но отчего тогда не высылают мне — я писал в контору недавно? Впрочем, пожалуйста, милый Аполлон Аполлонович, не исполняйте эту просьбу, если это будет затруднительно или неудобно.

217. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

15 сентября 1895. Огневка

М.г., г. редактор! Позвольте через посредство вашего издания обратиться ко всем, кто пожелает помочь мне в составлении возможно полной биографии и критического этюда о личности и произведениях покойного *Николая Васильевича Успенского.* Как земляк и большой

почитатель его, я уже имею для того некоторые материалы, но их еще слишком недостаточно для того, чтобы нарисовать образ этого оригинального человека и писателя, даровитого в высшей степени, но совершенно забытого и литературой, и обществом. И вот я покорнейше прошу всех, кто может, доставить мне на время воспоминания о нем, хотя бы самые отрывочные, его письма, биографические сведения — словом, все, что так или иначе относится к Н.В. Все это будет принято и возвращено с глубокой благодарностью.

Адрес: г. Полтава, заведующему статистическим бюро губернского земства Ю.А.Бунину, для передачи Ивану Алексеевичу Бунину.

Газеты прошу перепечатать это письмо[1].

Ив.Бунин.

218. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1895. Огневка

Юлий, я тебе послал стихи — это не для газеты[1], а так, для прочтения. Жду и целую тебя.

И.Бунин.

219. И.А.БЕЛОУСОВУ

30 сентября, 14 октября 1895. Огневка

От всего сердца благодарю Вас, милый друг, за письмо Ваше, за Ваше дружеское расположение, которое мне дорого тем более, что эту дружбу, это расположение вызывают не какие-либо будничные интересы и настроения, но нечто лучшее и высшее — наше общее дело, наша любовь к тому, что озаряет человеческую жизнь! Пусть мы маленькие люди, пусть мы только немного приобщены к искусству — все равно! Во всякой идее, во всяком идейном деле дорого прежде всего даже не выполнение его, а искание этой идеи, любовь к ней! Грустно станет порой, как посмотришь, что вот уже почти вся юность, вся молодость, все то, что порой раскрывает всю душу великим дуновением счастья, радости высокой и светлой, радости жизни, ее биения, искусства, красоты и правды, что все это пока только «не что иное как тетрадь с давно известными стихами», не выразившими даже тысячной доли того, что чувствовалось! Но все равно это! Спасибо хотя за мгновения, когда думаешь, что ты творец и художник!..

Вы меня не знаете, Ив. Ал., но не думайте, голубчик, что говорю фразы... нет, ей-богу, это Ваше письмо в этот долгий деревенский вечер очень было мне приятно и заставило меня даже быть, кажется, сентиментальным. Ну так вот — русские люди не любят сентиментальности и я не люблю, и бывают только мгновения, когда я не могу удержаться от нее. Пользуюсь же этим мгновением, чтобы сказать Вам то, что сказал

и еще то, что я очень ценю Ваше братское расположение! И шабаш об этом!

Так вот — сижу в деревне второй месяц. Дня через 4 или 5 уезжаю в Полтаву[1], пробуду там с месяц, а оттуда в Питер — в Москве буду или перед поездкой в Птб. или после. Весну я тоже жил в деревне, летом ездил по Днепру и был в Каменец-Подольске у М.М.Гербановского[2], заезжал и пожил у брата в Полтаве[3], а потом вот опять сюда. Строчил много и стихов, и прозы. Теперь думаю упорно искать издателей и на книгу стихов и рассказов (читали мои штуки в «Мире Божьем» — апрель, в «Русск<ом> богатстве» — апрель, май, июнь?)[4]. Вас же давно нигде не вижу, хотя я и мало за эти полгода видел газет и журналов. Эх, нехорошо, Ив. Ал., ей-богу, что Вы так относитесь к себе и пишете урывками!

А Успенский меня очень занимает[5] и когда буду в Москве — помогите, голубчик, пособрать кое-что о нем — верно, найдутся люди знавшие его. Теперь у меня надежды — Кривенко, который был соредактором в «Рус<ском> богатстве», вышел оттуда и написал мне, что он с компанией покупает журнал «Новое слово» и приглашает меня писать. Не видали ли объявлений об этом новом «Новом слове»? (Пишите, кстати сказать, мне на Полтаву).

Ну вот и все мои новости! Очень доволен, что пожил в деревне и с новыми силами собираюсь пуститься опять по городским омутам. Так что — до скорого свидания! Передайте мой поклон Вашей супруге[6]. Вас же крепко обнимаю и желаю Вам всего-всего хорошего!

Ваш И.Бунин.

Д. Огневка, Елецк. уезда
30 сент. 95 г.

14 окт. 95 г. Видите — только теперь шлю сие послание — был нездоров и письмо пролежало. Извините, голубчик!

И.Бунин[a]

220. А.И.УСПЕНСКОМУ

18 октября 1895. Полтава

Многоуважаемый Александр Иванович, от души благодарю Вас за интересное и обстоятельное письмо[1]. Статья моя[2] будет готова еще не скоро и потому, как Вы сами предлагаете, буду рад получить от Вас еще какие-либо сведения. Не позволите ли мне с Вами повидаться лично[3]: я буду в Птб. числа 20-го ноября[4]? Тогда я сообщу Вам свой Птб. адрес.

С ист<инным> уваж<ением> И.Бунин.

---

[a] Последний абзац приписан в начале письма.

221. С.Н.КРИВЕНКО

27 октября 1895. Полтава

Полтава, 27 окт. 95 г.

Многоуважаемый
Сергей Николаевич!

Вчера я видел объявление о «Новом слове»[1] и спешу выразить Вам свою глубокую благодарность за то, что Вы не забыли меня. Теперь пока посылаю Вам 4 стихотворения[2]. Пожалуйста, напишите — годятся ли? Кроме того, прошу Вас — вышлите, если можно, или книжку «Нов<ого> сл<ова>» или несколько вырезок моей вещи[3]. Деньги же будьте добры не высылать — получу лично в Птб., куда приеду числа 20-го ноября[4]. Адрес мой — Статистическое бюро губ. земства.

Преданный Вам Ив.Бунин.

222. А.А.КОРИНФСКОМУ

18 ноября 1895. Полтава

Полтава, 18 ноября 1895 г.

Милый мой Аполлон Аполлонович! Нынче послал Вам больше 10 стих<отворений>[1], но, думаю, что и этого недостаточно, потому что, право, сам не умею выбрать: выберите уж Вы, будьте добры. Да мы еще поговорим с Вами об этом при свидании.

Что же касается жития моего, то ведь это очень трудно — написать коротко и как надо. Да и не умею я формальным языком говорить. Поэтому расскажу Вам, что могу.

Фамилия наша старинная дворянская. (В словаре Брокгауза о ней вот что написано: «Род Буниных, по сказанию наших родословных книг, происходит от Семена Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. к велик<ому> кн<язю> Василию Васильевичу. Правнук его, Александр Лаврентьевич сын Бунин, убит под Казанью. Стольник Кузьма Леонтьевич в 1676 г. пожалован от царей Иоанна и Петра Алексеевичей «за службу и храбрость» на поместья грамотою. Род Б<униных> внесен в VI ч. Двор<янских> род<ов>, а герб их помещен в VII ч. Герб<овника>, № 15»)[2]. Отец мой — помещик Орловской и Тамбовской губ., участвовал в Крымской кампании; мать урожденная Чубарова, тоже из потомств<енных> дворянок. Родился я 10 октября 1870 г. в Воронеже, куда мои родные переселились на время из деревни для воспитания моих старших братьев; но детство (с 4-летнего возраста) мне пришлось провести в глуши, в одном из небольших родовых поместий (хутор Бутырки, Елецкого у., Орловской губ.). Как я выучился читать, право, не помню, но правильно учиться я начал только тогда, когда ко мне пригласили гувернера, студента Моск<овского> универс<итета> некоего Н.О.Ромашкова, человека странного, вспыльчивого, неуживчивого, но очень талантливого — и в живописи, и в музыке, и в литературе. Он

владел многими языками — английским, французским, немецк<им> и знал даже восточные, так как воспитывался в Лазаревском институте[3], много видел на своем веку, и вероятно, его увлекательные рассказы в зимние вечера, когда метели[а] буквально до верхушек заносили вишенник нашего сада на горе, и то, что первыми моими книгами для чтения были «Английские поэты» (изд. Гербеля)[4] и «Одиссея» Гомера, пробудили во мне страсть к стихотворству, плодом чего явилось несколько младенческ<их> виршей. К этому же времени относится мое крайнее увлечение житиями святых, страстные мечты об иноческой жизни, и глубокое душевное потрясение после смерти маленькой сестры[5], вызвавшее почти сумасшествие и долгую меланхолию. Десяти лет меня отдали в Елецкую гимназию[6], где курса я, к счастью, не докончил по болезни, а вернувшись в 1886 г. зимою в деревню (Озёрки, Елецк. у.), готовился на аттестат зрелости с старшим братом[7], кандидатом университета, и начал писать систематически. Первое мое стих<отворение> появилось в мае 87 г. в журнале «Родина»[8], где потом были и первые мои рассказики из деревенск<ой> жизни[9]. Летом 88 г. я послал стихи в «Неделю»[10] и никогда не забуду того восторга и радости, с которыми я читал одобрительные письма покойного П.А.Гайдебурова[11], отнесшегося ко мне с отеческой заботливостью и сердечностью. Печататься в «Неделе» я начал с сентября 88 г. Потом я принимал близкое участие в делах редакции «Орловского вестника», печатал там рассказы из деревенской жизни, а стихи мои стали появляться в «Сев<ерном> вестнике», «Наблюдателе», «Вестнике Европы», «Мире Божьем» и в иллюстрирован<ных> журналах[12]. Первая книжка моих стихотв<орений> вышла в Орле в 91 г.[13] Последние годы, как Вы знаете, проживаю на юге России. Рассказы мои в толстых журналах стали появляться с весны 93 г. («Деревенский эскиз» — «Рус<ское> б<огатство>» № 4, 93 г.; «Святая ночь» — «Мир Божий» № 4, 95 г.; «Кастрюк», «На хуторе», «Неожиданность» — «Рус<ское> богатство» №№ 4–6, 95 г.; «На край света» — «Новое слово», № 1, 95 г. — все рассказы из деревенской жизни и природы). В конце 94 г. я принимал участие в редактировании «Полтавских ведомостей»[14].

Вот и все. Писал я, как видите, немного, но за последнее время начал работать усиленно. И знаю одно, что уж до гроба ничего не буду так любить, как литературу...

Спасибо же Вам, милый брат и друг, что заставили меня вспомнить и о детстве, и о молодости, и о первых надеждах и радостях дорогого дела. Крепко жму Вашу руку.

Весь ваш И.Бунин.

[а] Далее зачеркнуто: до крыш.

223. А.С.СУВОРИНУ

Середина ноября 1895. Полтава

Многоуважаемый
Алексей Сергеевич!

Вас, вероятно, удивит и заставит улыбнуться мое предложение. Имя мое так мало известно, что Вы, может быть, подумаете: «Вот наивный провинциальный юноша!» Но у меня есть слабая надежда и на другое: м.б., Вы обратите внимание на мое письмо и захотите оказать мне великую услугу, тем более, что для Вас-то исполнить ее очень легко. И вот с этой слабой надеждой я и обращаюсь к Вам с своим предложением, которое, впрочем, более похоже на покорнейшую просьбу: не издадите ли Вы[1] — или книжку моих стихотворений (стр. 125), или книжку моих рассказов (стр. 200), или перевод мой всей (т.е. всех 22-х песен) «Песни о Гайавате» Лонгфелло, часть которой переведена Михаловским[2]?

Печатаюсь я уже лет 8[3]; стихи мои были в «Неделе», «Сев<ерном> вестн<ике>», «Мире Божьем», «Вестнике Европы» и иллюстр<ированных> изданиях; рассказы — в «Мире Божьем», «Русском богатстве» и «Новом слове» (под новой редакцией).

Условия издания будут все зависеть от Вас. Могу когда угодно представить Вам на просмотр и рукописи (их легко просматривать, они невелики и почти все состоят из наклеенных вырезок и оттисков).

Не буду писать Вам подробнее, чтобы не утруждать Вас; прошу только еще раз Вашего внимания и хотя двух строк ответа. Если Вам угодно переговорить со мной лично — могу явиться к Вам, так как скоро буду в Птб.[4]

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

224. С.Н.КАШКИНОЙ

Начало декабря 1895. Москва

Софья Николаевна! Обдумайте мои слова. Если Вы меня поймете, то предисловия излишни. Если разделяете мое желание и не можете предположить (ведь в общих чертах человек виден сразу), что я пошляк, Вы ответите, если нет — благоразумно промолчите.

Чего же я хочу? Тысячи предрассудков делают странным и подозрительным и мое письмо, и мое желание. Мы очень мало «знакомы», значит — «чужие». Но какой вздор! Нет чужих, раз чувствуется что-нибудь общее. Меня очень занимают люди, но людей так мало, хоть и вижу я их слишком много. Вы же очень — простите за неудачное слово — заинтересовали меня. Вы многое понимаете, Вы молоды в лучшем смысле этого слова, в Вас есть жизнь, ум и поэзия. И потому — не умею иначе

формулировать своего настроения — мне не хочется терять Вас из виду.

Вот и все. Да еще: позволите прислать Вам мои книги — стихи и рассказы — которые выйдут весной[1]? Хороший читатель тоже дорог.

Если ответите — отвечайте, Софья Николаевна, просто и искренно. Я хоть и не декадент, но, д<олжно> б<ыть>, странный человек. Я люблю жизнь, ум, солнце, молодость — и очень одинок. Не говорите же мне фраз.

В Москве пробуду до 12-го[2]: д. Боргест, у Никитских ворот. Потом — Полтава, Статистическое бюро губернского земства.

Глубоко уважающий Вас Ив.Бунин.

225. А.П.ЧЕХОВУ

11 декабря 1895. Москва

95, XII, 11

Ив. Ал. Бунин и Конст. Дм. Бальмонт очень хотели видеть Вас.

Если Ваше желание совпадает с нашим, не будете ли Вы добры написать (Тверская, «Лувр», 25, К.Д.Бальмонту), когда можно Вас видеть.

Искренно преданные Вам
К.Бальмонт
Ив.Бунин

226. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

15 декабря 1895. Петербург

15 дек. 95 г.
Птб.
Марья Вас.

<...>[а] и одиночестве, я долго думал о тебе, о нашем времени и не умею тебе сказать, как много было у меня нежности и близости к тебе! Милый, милый друг, «Не всі тіи цвіты цвитут, шо вісною развиваются» — и если бы ты знала, как дороги мне эти цветы! Много, много грустного в этих словах, как и в любви нашей, но пусть будет благословенно наше грустное счастье! И никогда я не забуду твоих грустных слов в последний вечер о том, чтобы я помнил, что ты любишь и любила меня хорошею и нежною любовью. Не забудь и ты меня и сумей[б].

Федоров[1], Величко[2], Михеев[3], Шуф[4], Лебедев, редакции, адресный стол, знакомые... потом вечер в редакции «Нового слова» на редакционном собрании — Кривенко, Скабичевский, Воронцов[5], Ольхин[6], г-жа

[а] Начало письма утрачено.

[б] Далее лист оторван.

Попова[7], Рубакины[8], Тимирязевы[9] etc. — и со всеми нужно поговорить, ибо все «благодетели». И немного везет: книжку рассказов издаст или Попова или Стасюлевич[10]. Вот тебе внешние события моей жизни. 20-го читаю[11]. Но 21-го, должно быть, уеду в Москву — тут совершенно некогда работать и нет денег, а работать нужно, так что на Рождестве опять приеду в Птб., т.е.[a].

227. Ю.А.БУНИНУ

31 декабря 1895. Москва

Тысячу знакомств сделал, потому и задерживаюсь все. Завтра, 1-го, уже непременно выеду[1]. Значит, до скорого свидания.

Твой И.Бунин.

228. С.Н.КАШКИНОЙ

21 января 1896. Полтава

Полтава, 21 янв. 96 г.

Вот уже дня четыре, Софья Николаевна, я «слушаю тишину в мертвой пустыне нашей квартиры», выражаясь слогом конца века: простудился и не выхожу, а брат является домой только к вечеру. И как всегда, когда не опасно, я очень доволен своей болезнью: заболевая, приятно чувствовать, как приходит жар, и кажется, что знойный полдень окутывает голову чем-то смутным, мягким, притупляет зрение и обои на стенах кажутся рисованными мягкой кистью, полутенями, притупляет слух и особенно дремотными кажутся звуки — особенно жужжание мух, — а когда выздоравливаешь, на душе так хорошо и грустно и в одиночестве так много вспоминаешь, так тихо-тихо и сладко мечтаешь, и хочешь жить — долго, хорошо — и наслаждаешься этой полнотой сердца и своими долгими думами... Вчера прочел Ваше описание Вашего путешествия[1] и, право, мне оно очень понравилось своей искренней простотой, а местами — своей беспритязательной поэтичностью. Да, хорошо там, на горах, где вечная весна и вечная молодая зелень! И как меня потянуло в горы! Знаете, есть у Бьёрнсона дивная песня: «Когда ты собираешься в горы и завязываешь свою сумку, не клади в нее ничего лишнего! Не бери с собою в горы забот долины, спой свою заветную песню с высоты каменистых уступов... Птицы тебя приветствуют с веток, сельские тревоги — далеко, воздух все чище и отраднее... Вздохни полной веселой грудью и пой! Светят тебе детские воспоминания, кивают в зеленых лесах, а сердце поет тебе великую песню уединения!»[2]... Сколько тут тихой, светлой — горной радости и молодости! Право, так надо и в жизни — не брать с собою никаких забот

---

[a] Далее текст утрачен.

долины и не класть в сумку лишнего. Я, должно быть, в душе бродяга, хоть и тянет меня к себе и долина, мирная долина... А тут еще весна наступает — у нас уже воздух влажный, и леса, как бархат, чернеют в синеватом, теплом тумане: из наших окон чудный вид на широкую низменность под Полтавой. И весна меня теперь особенно радует. На душе пока очень хорошо, и вот, не знаю почему, мне захотелось сказать Вам два-три слова. Пишу же я к Вам, Софья Николаевна, поверьте, так простосердечно, как редко кому пишу, и потому не дивитесь этому письму. Ведь, в сущности, Вы опять можете подумать: зачем, к чему? Ничего не думайте, Софья Николаевна, — так, вспомнил Вас и написал. Не думайте также, что хочу затеять переписку: какая же переписка, когда мы так мало знаем друг друга!

Будьте только здоровы и счастливы — этого Вам от всего сердца желаю. Семейству Вашему передайте мой привет и поклон.

Искренно расположенный к Вам
И.Бунин.

P.S. Вы просили меня или прочитать что-нибудь свое или дать Вам. Вот посылаю Вам теперь одно стихотв<орение>, написанное на днях. Мотив взят из рассказа Сенкевича «Идиллия»[3].

229. А.А.ЛУГОВОМУ

2 февраля 1896. Полтава

Полтава, 2 февр. 96 г.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич! Стихотворение, которое я послал Вам с неделю тому назад («Вечерняя молитва», мотив Сенкевича) не может быть напечатано в «Ниве», если даже понравится Вам. Я совершенно забыл, что в Москве перед самым отъездом я прочел это стихотв<орение> одному знакомому, а тот предложил мне передать его в «Русскую мысль», на что я согласился. Сегодня я получил из «Русской мысли» известие[1], что стихотв<орение> будет скоро напечатано[2], и спешу известить Вас об этом. Пожалуйста, извините меня за беспокойство и уничтожьте это стихотв<орение>.

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

230. Б.Д.ГРИНЧЕНКО

16 февраля 1896. Полтава

Полтава, 16 февр. 1896 г.
Статистич. бюро губ. земства
Ивану Алексеевичу Бунину.

Многоуважаемый Борис Дмитриевич!

Мне очень давно хотелось познакомиться с Вами хотя письменно. Решаюсь на это теперь и, поверьте, — в силу искреннего интереса к Ва-

шему дарованию. Был бы очень рад, если бы Вы прислали мне Вашу последн<юю> книгу стихотв<орений>[1]. Она уже есть у меня (я хочу напечатать из нее несколько переводов[2] — разрешаете?), но мне было бы приятно получить ее лично от Вас. Не будете ли добры сделать мне это одолжение?

От себя предлагаю Вам мою последнюю вещь[3]. Извините, что посылаю в перепечатке и не корите, если есть в ней некоторые промахи: знаю и люблю Украину пока настолько, насколько мог узнать и полюбить коренной орловец.

Весной отправляюсь в пешее хождение по Украине, буду, м.б., и в Чернигове и очень хотел познакомиться с Вами[4], если Вы хотя немного разделяете мое желание.

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

231. Ю.А.БУНИНУ

3 марта 1896. Бабарыкино

Поедете Москву заезжайте Маша серьезно больна[1]

Бунин

232. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПОЛТАВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

До 13 марта 1896. Полтава

М.г.

В последних №№ «Петербургск. жизни» и «Всем. иллюстрации» почти одновременно появилось одно и то же мое стихотворение («Усопшему поэту», из Л. де Лиля)[1]. Объясняется это тем, что «Петербургск. жизнь» напечатала его совершенно неожиданно для меня: я обращался туда еще в начале мая прошлого года[2] и, не получив никакого ответа, уже в конце декабря отдал стихотв. во «Всем. иллюстрацию». Предоставляю судить публике, на чьей стороне в подобных случаях лежит вина: на авторах или на редакциях периодических изданий.

Ив.Бунин.

233. Л.Н.ТОЛСТОМУ

21 марта 1896. Полтава

Полтава, вечер, 21 марта 96 г.

Завтра я уезжаю в Орловскую губернию, в деревню, и вот сейчас собирал свои пожитки в походную корзиночку и, как всегда перед отъездом, при перемене места, при собирании своих бумажек, книг и разных писем, которые вожу с собой, и невольно перечитываю в такие минуты,

то чувство, которое глухо мучит меня очень, очень часто, обострилось, и мне захотелось написать Вам, потому что мне решительно больше некому сказать этого, а тяжело мне невыносимо! Вы же когда-то приняли участие во мне. Это было уже давно, и с тех пор я многое пережил, но, кажется, не пришел ни к каким выводам. Да и жизнь моя сложилась так, что ни к чему не придешь. Начать с того, что я теперь вполне бродяга: с тех пор, как уехала жена[1], я ведь не прожил ни на одном месте больше 2 месяцев. И когда этому будет конец, и где я задержусь и зачем, — не знаю. Главное — зачем? Может быть, я эгоист большой, но, право, часто убеждаюсь, что хорошо бы освободиться от этой тяготы. Прежде всего — удивительно отрывочно все в моей жизни! Знания самые отрывочные, и меня это мучит иногда до психотизма: так много всего, так много надо узнать, и вместо этого жалкие кусочки собираемых. А ведь до боли хочется что-то узнать с самого начала, с самой сути! Впрочем, м.б., это детские рассуждения. Потом в отношениях к людям: опять отрывочные, раздробленные симпатии, почти фальсификация дружбы, минуты любви и т.д. А уж на схождение с кем-нибудь я и не надеюсь. И прежнего нельзя забыть, и в будущем, вероятно, никого, с кем бы хорошо было: опять будет все раздробленное, неполное, а ведь хочется хорошей дружбы, молодости, понимания всего, светлых и тихих дней... Да и какое право, думаешь часто, имеешь на это? И при всем этом ничтожном, при жажде жизни и мучениях от нее, еще знать, что и конец вот-вот: ведь в лучшем случае могу прожить 25 лет еще, а из них 10 на сон пойдет. Смешной и злобный вывод! Много раз я убеждал себя, что смерти нет, да нет, должно быть, есть, по крайней мере, я не то буду, чем так хочу быть. И не пройдет 100 лет, как на земле ведь не останется ни одного живого существа, которое так же, как и я, хочет жить и *живет* — ни одной собаки, ни одного зверька и ни одного человека — все новое! А во что я верю? И ни в то, что от меня ничего не останется, как от сгоревшей свечи, и ни в то, что я буду блуждать где-то бесконечные века — радоваться или печалиться. А о Боге? Что же я могу сообразить, когда достаточно спросить себя: где я? Где эта наша земля маленькая, даже весь мир с бесчисленными мирами? — Положим, он вот такой, ну хоть в виде шара, а вокруг шара что? Ничего? Что же это такое ничего, и где этому ничего конец, и что, что там, за этим «ничего», и когда все началось, что было до начала — достаточно это подумать, чтобы не заикаться ни о каких выводах! Да и можно, наконец, примириться со всем, опустить покорно голову и идти только к тому, к чему влекут хорошие влечения сердца, и утешаясь этим, но как тяжело это — опустить голову в грустном сознании, со слезами своего бессилия и покорности! Да и в этом пути — быть вечно непонятым даже тем, кого любишь так искренне, как можно, как говорит Амиель[2]!

Утешает меня часто литература, но и литература — ведь, Боже мой, кажется иногда, что нет в мире настроений прекраснее, радостнее или грустнее сладостно и что *все* в этом чудном настроении, но ненадолго это, уже по одному тому, что из всего того, что я уже лет 10 так оплаки-

вал или обдумывал с радостью, с бьющимся всей молодостью сердцем, и что казалось сутью души моей и делом жизни — из всего этого вышло несколько ничтожных, маленьких, ничего не выражающих рассказиков!..

Так я вот живу, и если письмо мое детское, отрывочное и не говорящее того, что я хотел сказать, когда сел писать, то и жизнь моя, как письмо это. Не удивляйтесь ему, дорогой Лев Николаевич, и не спрашивайте — зачем написано. Ведь вы один из тех людей, слова которых возвышают душу и делают слезы даже высокими, и у которых хочется в минуту горя заплакать и горячо поцеловать руку, как у родного отца!

Будьте здоровы, дорогой Лев Николаевич, и не забывайте глубоко любящего Вас

Ив.Бунина.

234. Ю.А.БУНИНУ

26 марта 1896. Огневка

Поздравляю тебя с праздником[1], дорогой Юричка! Не писал потому, что Евгений не дает лошадь, а у нас ни у кого нет ни копейки.

Вчера Машенька писала тебе, что ей лучше, но что болезнь обостряется. А сегодня ночью было прямо ужасно слышать и смотреть: часа четыре она кричала не смолкая: «Умираю, помогите!» от боли в сердце. Сердце вообще у нее плохо действует. Просто не знаю, что делать. Исхудала ужасно... Позавчера был фельдшер, да что он мог сказать нового? Сказал, что пролежит еще, верно, недели 2, что болезнь улучшается... И я было порадовался, но ночью-то сегодня опять напугался. Нужно бы опять за доктором, но где же брать каждый день по 8 р.? Почему-то они платили ему по 8 р. Да ведь в самом деле погода ужасная и далеко Бог его знает как. Да и лошадей Евгений не любит давать. Он умеет тогда сочувствовать, когда напугается, думая, что смерть пришла уже.

Сегодня рано слышал, что заедет Петр Николаевич[2], которому и передам сегодня же деньги для отца. Ехать туда было мне немыслимо: и на первый и на второй день Пасхи была метель и жестокий мороз. Вообще погода стоит *вполне январская, крещенская.* Пиши скорее, Бога ради. Мать просто с ума сошла от горя.

Твой И.Б.

235. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 апреля 1896. Огневка

Д. Огневка, 3 апр. 96 г.

Дорогой друг Иван Алексеевич, очень мне совестно, но все-таки решаюсь беспокоить Вас: исполните мою покорнейшую просьбу, если возможно! Дело в том, что у меня нездорова сестра, в мае я должен буду

поехать с ней в Крым или на Кавказ[1] и потому я собираю с редакций деньги. Будьте же добры, съездите в редакцию «Русской мысли» и получите там ту сумму, что приходится мне за стихотвор<ение> мое в мартовской книге[2]: сумма, вероятно, пустяковая и поэтому сама редакция, вероятно, будет ждать, пока я сам явлюсь за ней. Получивши, вышлите ее мне по адресу: Почт. станция Лукьяновская, Тульской губ., Ефремовского у., на мое имя. Буду крайне благодарен.

Как видите, опять в деревне. Живу серо. Как Ваши дела, как поживаете.

Крепко жму Вашу руку, дорогой друг!

Ваш душой И.Бунин.

Мой поклон Вашей супруге.

P.S. Если Вам нет времени или отсылка Вас затруднит, пожалуйста, голубчик, не исполняйте моей просьбы. *NB* А главное — спросите, может быть, контора сама вышлет.

236. А.П.БАРАНОВУ

16 апреля 1896. Огневка

Милый друг, что Юлий не пишет? Это меня даже пугает! Напишите хоть Вы, что знаете.

Сестре много лучше, уже ходит понемногу, но как бы опять не обострилось.

Ваш И.Б.

237. Ю.А.БУНИНУ

29 апреля 1896. Огневка

Кривенко побоялся послать мне за «Тарант<еллу>» деньги[1] сюда, *послал уже* на Полтаву. Поэтому, Бога ради, прошу тебя, вышли мне на проезд в тот же день, как получишь это письмо — если нет, возьми у кого-нибудь. Как ввалюсь в Полтаву, отдам. Верно, в Полтаве мне есть письмо от Бальмонта[2]. Шли. Наши тоже ждут. Книгу «Нов<ого> слова» с «Тарантеллой» никому не давай — истреплют, затаскают. Мне надо в Полтаву[3], книги нужны для работы. Погода убийственная. Из «Посредника» уже получил опять письмо[4]. Жду же!

И.Б.

238. С.Н.КРИВЕНКО

1 июня 1896. Александровск

Г. Александровск
1 июня 1896 г.

Многоуважаемый
Сергей Николаевич!

Перед самым отъездом из Полтавы[1] я отправил Вам свою новую работу — рассказ «Сутки на даче». Как увидите, он касается современных людей; между другими, я в нем хотел нарисовать тип «толстовца»; «толстовцев», замечу при этом, я знаю очень хорошо — давно знаком почти со всеми ими; они почему-то особенно полюбили Полтаву; кроме того, знаю всю редакцию «Посредника»[2], знаю тех, что на Кавказе и тех, что в Харьковской и Воронежской губ.

Ответа Вашего жду на Полтаву, куда вернусь в середине июня[3]. Как видите — «путешествую». Прошел на гончаке[4] все пороги днепровские[5] — чудные ощущения! — «сумовал» на могилах в степу, на «скелях»[6] и на самой Хортице[7]. Теперь поеду на «Новую Сечь — Серкову»[8]. Много новых, оригинальных впечатлений, много людей интересных, старозаветных, много красоты и старины!..

Будьте здоровы! Поклонитесь от меня Софье Ермолаевне[9], Ив<ану> Николаевичу и всем знакомым. Александр Михайлович[10] в отъезде? Я писал и ему и Вам о «Донце»[11]... Может, и Вас это письмо не застанет? Все-таки прошу Вас — черкните и об этом злосчастном рассказе.

Глубоко уважающий Вас
Ив.Бунин.

239. Ю.А.БУНИНУ

16 июня 1896. Александровск

Милый, дорогой братка!

Еду в Полтаву[1]. Сейчас сижу в Александровске. Буду в Полтаве примерно дня через 3. Задержался так потому, что жил в Люс<т>дорфе, немецкой колонии у Черного моря, у Федорова[2]. Ну, целую!

Твой И.Б.

240. С.Н.КРИВЕНКО

28 июня 1896. Полтава

Полтава, 28.VI.96.

Многоуважаемый
Сергей Николаевич!

Если можно, если рассказ мой («Сутки на даче») принят[1], окажите мне великую услугу — вышлите рублей 100 под него: я проездился и очень нуждаюсь в деньгах.

Жду Вашего ответа и очень прошу извинить меня за просьбу.

Искренно Вас уважающий
Ив.Бунин.

240а. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ОРЛОВСКИЙ ВЕСТНИК»

До 21 августа 1896. Орел

М.г., г. редактор! Позвольте через посредство «Орловского вестника» выразить мою искреннюю благодарность всем, кто почтил меня сочувственными письмами[1] за перевод мой «Песни о Гайавате»[2].

И.Бунин.

241. Ю.А.БУНИНУ

30 или 31 августа 1896. Огневка

Вчера получил от Скабичевского письмо[1]. Списываю слово в слово:

Многоуважаемый
Иван Алексеевич.

К сожалению, не можем напечатать Вашего рассказа «Сутки на даче». Больно уж он носит фельетонный характер. Выставлены несколько несообразных уродов, словно нарочно подобранных один к другому и над всеми ими возвышается толстовец, причем Вам не удалось выяснить, как Вы относитесь к нему: герой он или тоже урод?

Преданный Вам
А.Скабичевский.

1896 г. 27 авг.

Мне кажется письмо очень злобное...
Отправил ли в «Р<усскую> мысль»[2]?

242. А.М.ФЕДОРОВУ

10 октября 1896. Огневка

Огневка, 10 окт. 96 г.

Сижу, как видите, милый друг, в деревне. Тихо и скучно, но все еще не хочется двинуться. Настроение, особенно за последние дни, очень вялое. В деревне почему-то мне часто очень чувствительна вся суета и ничтожность многих моих порывов и надежд. Время уходит, в жизни все так огромно и запутанно... Сил мало, «знаю, что ничего не знаю»[1] и т.д., и философия эта просто пришибает меня. Нынче, например, по тому случаю, что мне «стукнуло» 26 лет, хожу как повешенный. Все-таки дней через пять-семь выеду в столицы. Зачем, собственно, — не знаю, так как дел, конечно, никаких не сделаю, издателей не найду и т.д. В Москве пробуду дней пять, возьму, между прочим, мои злополучные «Сутки на даче»[2]: как и следовало ожидать, толстовец не понравился и «Рус<ской> мысли». Не отдать ли в «В<естник> Евр<опы>»? Тогда не следовало отдавать «На Донце»[3]?.. Не отдавайте, если еще не отдали.

А впрочем, *как найдете лучше*. Вполне поручаю себя в этом случае Вашей воле.

Что Вы? Как устроились, где? Жалко Люстдорф[4]? Милый Люстдорф, а все-таки мне не хотелось бы, чтобы Вы[a].

243. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1896. Огневка

Живы и здоровы. Верно, дня через три уеду[1]. Пиши.

Душевно твой
И.Б.

244. И.А.БЕЛОУСОВУ

26 октября 1896. Москва

Иван Алексеевич! От Вашей супруги узнал, что Вы будете завтра с 12 заняты, так не зайдете ли ко мне с 10 ч. утра — посидеть часок. С удовольствием зашел бы к Вам завтра после 12, но после 12 уже мне нужно будет пойти к знакомым. Итак — жду! №№ Фальц-Фейна на Тверской, № 145.

Ваш И.Бунин.

245. Ю.А.БУНИНУ

26, 27 октября 1896. Москва — Петербург

Москва,
26 окт. 96 г.

Милый, дорогой друг мой Юринька! Не могу выразить тебе, до чего тяжело у меня на душе! Это не минутное настроение. С самого отъезда из Полтавы[1] я не перестаю думать о том, для чего мне жить на свете. Я невыносимо устал от скитальческой жизни, а впереди опять то же самое, но без всякой уже цели. Главное — без цели. Кроме того, никогда у меня не выходит из головы положение нашей семьи. Я всех горячо люблю, и все мы разбросаны. А тут случилась еще история, которая переполнила чашу моей горести. 24-го за обедом Евгений, уже не помню к чему, шутя сказал, что «Настя с Ваней живет». Мне стало гадко и я смутился. Он это заметил, скандалил с Настей, говорил, что пустит ей пулю в лоб, словом, заподозрил гнусность. Зина это мне рассказала, весь дом узнал его подозрения и он, вижу, со мной не разговаривает. Я высказал ему свое негодование, но он уклонился от разговора, а Маше говорил, что до гроба со мной не помирится... Я уехал в тот же день и он даже не попрощался со мной. Значит, теперь я даже от

---

[a] Далее текст утрачен.

семьи оторван и уж теперь мне совсем некуда преклонить головы. И мне теперь в сотни раз тяжелее стало. Ты знаешь мою горячую любовь к нему и вдруг такая мерзкая ссора, после которой невозможно стать в прежние отношения! Ну да, словом, ты поймешь, что я теперь чувствую среди этих дьявольских шестиэтажных домов, один, всем чужой и с 50 р. в кармане. (Евгений раньше взял у меня десять рублей и теперь мне было невозможно брать у него их: пойдут за мое житье у него). А мне так хотелось еще побыть в деревне! Ведь еще 19-го я привез все вещи на Бабарыкино, но меня охватил такой страх и тоска, что я вернулся в Огневку и вернулся на свою голову! В Москву я приехал вчера, остановился у Фальц-Фейна[2]. Вечером попер к Белоусову — больше было совершенно некуда. Белоусов уговорил меня, хотя мне вовсе не хотелось, пойти пить чай в Больш. Моск. трактир. Там стоит теперь Эртель[3] и я послал ему визитную карточку, не позволит ли он навестить его? Ответил, что очень рад и т.д., и я пошел к нему. Познакомились, но я просидел очень мало с ним, так как Белоусов остался один. Эртель мне чрезвычайно понравился. Был со мной очень ласков, говорил, что он знает меня и что я очень заинтересовал его своими очерками в «Рус. богатстве»[4], что они с Михайловским[5] нынче летом много говорили про меня и т.д. Просил в воскресенье прийти к нему[6]. Нынче искал знакомых, но к кому пойти? Был в «Русской мысли», Гольцов[7] был чрезвычайно мил, но пер галиматью, говорил, что «Сутки на даче» написаны очень живо, но эскизно, и самое построение рассказа искусственно — все подогнано к тому, чтобы был вечер с толстовцем и в конце концов оставил рассказ еще на две недели — пусть, говорит, прочтет Лавров[8] и окончательно решит, будут ли «Сутки на даче» напечатаны в «Русск. мысли».

Как видишь, дописываю письмо в вагоне[9]. Еду в Птб. Был у Эртеля[10] очень недолго, поболтали. Видел Медведева[11] — все такой же.

Из Птб. тотчас напишу тебе. Ну, а пока прощай. Горячо-горячо целую тебя, дорогой друг!

Твой И.Б.

Сивку поцелуй. Был, конечно, у Е.Е.[12] — сидел часа два и все ныл. Очень, брат, тяжело на душе!

В ноябрьск. кн<иге> «Р<усской> м<ысли>» будут мои стихи[13].

246. М.А.БУНИНОЙ

29 октября 1896. Петербург

Милые и дорогие мои! Я жив и здоров, благополучно приехал в Петербург. Дела мои, может, Бог даст, устроятся, но мне необходимо прожить тут, по крайней мере, месяц. Исполни, Машечка, мою просьбу о деньгах, пожалуйста.

Адрес мой такой: Петербург, Малая Итальянская, дом № 3, меблированные комнаты Бахваловой, на мое имя.

Горячо целую всех и умоляю дорогую мамочку не горевать.

Ваш И.Бунин.

247. Ю.А.БУНИНУ

1 ноября 1896. Петербург

Птб., 1 ноября 96 г.

Положение моих дел такое: позавчера ездил к Поповой[1], отвез ей для просмотра те рассказы, которые должны войти в книгу. Вчера ее видел: она просмотрела почти все, просит добавить «Сутки на даче», так как я ей сказал, что это вещь, которая может вызывать некоторые толки. А она именно этого хочет, настаивает, чтобы я дал книжке какое-либо звонкое заглавие. Кроме того, предлагает одновременно выпустить народную книжечку из 2-х моих рассказов[2] — «На край света» и «Кастрюк»; книжечка эта будет продаваться копеек по 5–10. Затем попросила приступить к окончательному соглашению: даст по 25 р. за лист. Значит, мне придется всего рублей 300: за книжку рассказов листов в десять рублей 250 и за народную книжечку, в которой будет листа $1\frac{1}{2}$–2, рублей 40–50. Я согласился. Деньги я попросил заплатить мне, а не то, чтобы я получал после проценты с продаваемых экземпляров. Она согласилась. Теперь сижу переписываю «Сутки на даче» — хочет просмотреть. Кабы не отказалась? Затем я предложил ей издать «Песнь о Г<айавате>»[3]. Она не прочь, половину «Песни» прочла, хвалит, но, говорит, еще посоветуюсь с кем-то. Вот бы дал Бог!

Вечером был у Кривенко. Софья Ермолаевна теперь великая моя поклонница. Я прочел им «Сутки на даче». *Оба в восторге.* Ведь Кривенко-то не читал. Софья Ермолаевна настаивает, чтобы он поругался с Скабичевским и чтобы рассказ был напечатан в «Нов<ом> слове». Но когда же теперь? Даже если бы «Русская мысль» согласилась напечатать[4], все равно нынче или завтра напишу, чтобы выслали обратно: верно, уже прямо в книжке пойдет. А как жаль-то! Ведь в книжке никто не обратит внимания! Попова хочет через несколько дней начинать печатать. Но когда она даст денег? Конечно, не раньше, как напечатает книгу. А просить теперь — немыслимо. *Христа ради, помоги — попроси Алешу, дайте рублей 25 поскорее.* Через несколько дней я буду голодать.

Твой И.Бунин.

Пиши и высылай![a]

---

[a] Приписано карандашом в начале письма.

247а. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

Между 1 и 5 ноября 1896. Петербург

Спб.
Малая Итальянская, 3.

Многоуважаемый
Владимир Петрович!

К сожалению, в настоящий момент ничего не могу предложить Вам для «Кавказа»[1]. Эти дни я очень занят — пишу очерк для переселенческого сборника[2] и кое-что для «Нового слова»[3]. В конце января я уеду в Москву[4] и надеюсь оттуда послать что-либо Вам. Адрес мой всегда будет известен А.М.

Будьте добры сообщить об этом и Василию Львовичу[5].

Как поживаете? Буду рад, если черкнете мне о своем житье-бытье.

Мой поклон Вашей супруге.

И.Бунин.

248. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 ноября 1896. Петербург

Дорогой Иван Алексеевич, ради Бога, тотчас же съездите в «Русскую мысль» и если «Русская мысль» еще не выслала мне мою рукопись «Сутки на даче» (рассказ), тотчас же возьмите у них и вышлите заказной бандеролью: С.-Петербург, Малая Итальянская, д. № 3, кв. Бахваловой, Ив. Алек. Бунину.

Я продал книгу рассказов и туда должны войти «Сутки на даче»[1], так что рукопись нужна *экстренно*. Ради Бога, поспешите и простите за беспокойство.

Ваш И.Бунин.

249. Ю.А.БУНИНУ

5 ноября 1896. Петербург

Малая Итальянская, дом
№ 3, кв. Бахваловой.
Птб., 5 ноября
96 г.

Юринька, что же ты забыл меня? Ведь я тебя просил хоть Алексею Александр<овичу> сказать, чтобы он выручил меня. Ведь я не шучу: ей-богу, я уже не обедал на этой неделе три раза, денег совсем чуть-чуть, шесть рублей осталось, а у меня нету ни чаю, ни сахару, прачке больше рубля сегодня или завтра платить. Где же я могу взять тут? Я лучше околею, чем попрошу тут у какого-нибудь знакомого или в «Новом слове», или у этой барыни важной Поповой. Пойми, негде мне взять

сейчас и мне жутко становится; уехать тоже уже не с чем, да если бы и хватало на дорогу, я не уехал бы: в четверг, т.е. послезавтра, начнется печатание моих книжечек, может быть, скоро будет и «Гайавата»[1] (относительно его Попова еще не решила). Помоги, <ради> Бога, хоть 25 рублей.

Я почти не выхожу, пишу рассказ, Кривенко просит дать для декабрьской книги[2]. Бога ради, напиши мне немедленно и относительно «Суток на даче», это уже решено, что они будут в книге: что мне сделать с статистиком Бернгардтом, которому, помнишь, Каменский говорит: «Однако вы живы». Не выпустить ли мне совсем их последний разговор[3]. Потом, я читал Федорову эту вещь, ему ужасно не понравилось, говорит, что Каменский пустое место, обклеенное текстами. Как быть?

Пиши и вышли денег, прошу тебя. Прошу А.П. сказать Медянику о «Киевл<янине>», пусть он продаст «Киевл<янин>» за 6 р. и вышлет мне.

Ну, прощай, жду, крепко целую тебя!

Как назвать книгу[4]?

Хочу «Степные идиллии» — Поповой нравится. Подумай; содержание книги такое: «Сутки на даче», «Дерев<енский> эскиз», «На хуторе», «Неожиданность», «Кастрюк», «Святая ночь», «В лесах», «Тарантелла», «На Донце», «На край света»[5].

Твой И.Бунин.

250. Ю.А.БУНИНУ

После 5 ноября 1896. Петербург

Нет, я передумал называть всю книжку по первому рассказу: «На даче»[1]. Это придает пошлый тон книжке. Правда? Но как же? *«Одинокие»* хочу назвать. У меня ведь все одинокие. Подумай-ка, да напиши, *ради Христа,* по этому поводу, подумай с Ал<ександром> Петров<ичем>. А то ведь что-нибудь правда придется вроде «Степных идиллий». Поговорю еще с Поповой, м.б., согласится назвать «Глушь». Ну а «Глушь» подходит? Ведь книжка будет начинаться рассказом «На даче». Ничего это? Как думаешь? Хотя «Глушь» слишком. Тогда вся Россия глушь... Ей-богу, ничего не придумаю.

Пиши же и денег!

И.Бунин.

251. И.А.БЕЛОУСОВУ

6 ноября 1896. Петербург

Я в отчаянии, дорогой Иван Ал<ексеевич>, написал Вам во вторник экстренное письмо[1], просил Вас съездить в «Русскую мысль» и выслать мне мой рассказ, который там лежит — «Сутки на даче». Дело в том, что скоро должна начаться печатанием моя кн<ига> рассказов и «Сутки на

даче» должны туда войти. И представьте — написал Ваш адрес неверно! Я и в «Русскую мысль» писал, чтобы выслали, да там неаккуратность и не шлют. Теперь очень прошу Вас — голубчик, съездите в «Р<усскую> м<ысль>» и если она еще не выслала рассказа, возьмите и вышлите мне немедленно — по гроб Вас не забуду.

Адрес мой: Птб., Малая Итальянская, д. № 3, кв. Бахваловой, мне.

Простите, что пишу на клочке.

Жду!

Ваш душой
И.Бунин.

252. С.Н.КАШКИНОЙ

6 ноября 1896. Петербург

С. Птб.
Малая Итальянская, 3, кв. 8
6.XI.96.

Многоуважаемая Софья Николаевна, я только сегодня получил Ваше письмо и очень рад, что Вы меня вспомнили — говорю вполне искренно. И то хорошее, молодое одушевление, которым проникнуто Ваше письмо, тоже обрадовало и взволновало меня. Я даже тотчас же попытался перевести одно стихотв<орение>. Вышло неважно (да Вы и не написали ни кусочка подлинника этого стих<отворения>, ни формы), но все-таки шлю[1]. От А.Негри я давно в восторге. Удивительная натура! Все самобытно, свежо, мощно, обвеяно дыханием истинной и высокой, целомудренной поэзии. «Fatalitá» у меня нет, к сожалению, есть только «Tempésta»[2] и то сейчас не под руками. Имя ее я давно знал, но познакомился с ее произв<едениями> наст<оящим> образом только нын<ешним> летом, в Одессе, где купил «Tempésta», а «Fatalitá» взял у знакомых и с ними же (я не знаю ит<альянского> языка) прочитал оба томика. Я жил тогда верстах в 20 от Од<ессы>, у самого моря, и это море, и дивные стихи совсем очаровали меня... Как я рад, что Вы тоже узнали и любите их... Но переводить у меня не было времени (я был занят «Песней о Гайавате» Лонгфелло[3]) и смелости. Не все я могу переводить у Негри — подбавлю своего настроения, да и незнание ит<альянского> языка. Стихотвор<ений> 50 перевел мой приятель А.М.Федоров[4]. Теперь я уже не хочу становиться у него на дороге. Он тоже не знает ит<альянского> яз<ыка>, но книжечка его переводов должна иметь успех... От всей души говорю Вам, что мне так хотелось бы сделать Вам приятное, что я, д<олжно> б<ыть>, спрошу — не будет ли он в претензии, если я переведу некотор<ые> стих<отворения>. Попробую. Но опять беда. Теперь я еще пуще занят. Только сейчас начал рассказ новый и подготовлял все эти дни прежние рассказы: д<олжно> б<ыть>, завтра-послезавтра начнется печатание двух моих кн<ижек> рассказов

и, м.б., «Песни о Гайавате»[5]. Значит, буду завален корректурой, буду все сам читать.

Лето я провел очень хорошо, все лето ездил по Днепру, по Крыму[6], бродил в степях, сидел у моря и все время все-таки занимался этой божественной «Песней о Г<айавате>».

Пожалуйста, напишите мне, как Вы поживаете, — поверьте моему искреннему расположению к Вам и простите за это вялое письмо. Я очень устал за последнее время. А сейчас, право, едва пишу, видите, как корябаю.

Мой поклон Вашей матушке и сестре[7]. На Рождестве приеду месяца на $1\frac{1}{2}$ в Москву[8] и, если позволите, побываю у Вас.

Ваш И.Бунин.

253. И.А.БЕЛОУСОВУ

11 ноября 1896. Петербург

11 ноября 96 г.

Дорогой друг
Иван Алексеевич!

Еще 8-го получил два Ваших письма и удивлялся, как дошло мое, — ведь я написал черт знает какой адрес. Чрезвычайно благодарен Вам за Ваши хлопоты[1]. Я было отчаялся: ну, думаю, письмо к Ив. Ал. не дошло, а сама «Р<усская> м<ысль>» ничего не сделает, поэтому, кроме письма Вам, закатил еще телеграмму в «Р<усскую> м<ысль>»[2]. Но напрасно, ибо в тот же день получил рукопись[3] и тотчас отослал ее в типографию. Книжку я продал Поповой[4]; вся кн<ига> будет страниц 200, такого почти размера, как Короленковск<ая>[5]. Кроме того, 2 рассказика Попова покупает у меня для народного издания[6] — кн<ига> будет листа в $1\frac{1}{2}$.

Относ<ительно> «Песни о Г<айавате>» пока еще неизвестно[7] — Попова просматривает, м.б., и возьмет. Ну а живу я очень однообразно и затворником. Писал небольшой рассказ, кончил и отдал в «Н<овое> сл<ово>»[8]. Приняли. К тому же настроение у меня куда нехорошее. Одиноко! Часто вижусь с Федоров<ым>, Будищевым[9], Шуфом, Маминым[10], бываю по пятницам на редакц<ионных> вечерах «Н<ового> сл<ова>», там встречаюсь почти со всеми нашими сотрудниками. Вот и все. Бернс... простите, голубчик, пожалуйста, но не могу выслать: переводы меня совсем не удовлетворили[11].

Простите за краткость. Все это время страшно занят. Сейчас лечу к Поповой толковать об обложках. Крепко жму Вашу руку, кланяюсь Вашей супруге и остаюсь

искренно любящим Вас И.Б.

Пишите!!

254. Ю.А.БУНИНУ

30 ноября 1896. Петербург

Птб., 30 ноября 96 г.

Подло, брат, с твоей стороны так забывать меня. Мне это обидно, а главное больно за тебя: значит, ты век целый теперь будешь жить как помешанный, бегать как в бреду по заседаниям да скрипеть пером... Кстати сказать, я буквально ошалел от[a] корректуры — веришь ли, занимаюсь часов 10 в сутки, не отрываясь, ведь везде исправляю много и все три корректуры читаю. Идет у меня в книжке только 9 рассказов[1] и все-таки выйдет листов 16–17, по словам Скороходова[2], а думали, что будет 10–12; боюсь, что Попова взбесится — ведь это много лишнего, хотя чем же я-то виноват? И так два выпустил («Федосевна» и «В лесах»). Сверстан 10-й лист. Сегодня прочитал во 2-ой корректуре «Байбаков» для декабря «Нового слова»[3].

Ну, какие же новости? Бываю у Федорова, у Михеева, в «Новом слове»[4]. Михеев недавно ездил к Короленко и говорил ему про меня, что я желал бы с ним познакомиться. Короленко сказал: «Я знаю Бунина, очень интересуюсь его талантом и рад познакомиться». На той неделе поедем к нему[5]. В «Новом слове» по пятницам скука. Темирязев, совершенно кретин, отвратительная личность, портит вечера, Попов[6], кажется, тоже говно и за что-то обозлен на милого Сергея Ник. Кривенко. (Бываю очень редко, впрочем, и у Крив<енко>, Софья Ермолаевна, оказывается, славная баба). Бывает еще Скабичевск<ий>, Поссе[7], Воронцов, Михаловский (милый толстый старик, ласковый, мягкий) и т.д. Пьем вино, чай, едим бутерброды, разговоры обыденные... анекдоты. Напр., идет толк про Палкина[8], Кривенко говорит:

— Это я, помню, скажешь, бывало, Салтыкову: «М.Е., пойдем к Палкину». А он с страшным серьезом: «Покорно вас благодарю, я и так вчера от него обдристался...»

А Скабичевский вчера рассказывал, что один важный очень человек издал за границей свою книгу. Почему же за границей? А потому, что на ней такой эпиграф:

Мое изданье не для дам:
Все о п<...> в нем да о х<...>,
Его в цензуру не отдам,
А напечатаю в Карл-Сруе.

Пожалуйста же, напиши, приедешь ли в Птб., сообразно с этим я буду строить свои планы. Евгений написал мне примирительное письмо[9]. Пиши, Бога ради, в деревню, там мать все глаза выплакала, да поезжай к ним, пожалуйста.

---

[a] Далее зачеркнуто: цензуры.

Читать я буду на переселенческом вечере «Неожиданность»[10], теперь этот рассказ лучше, я поправил, 14-го декабря. Говорят, что прошлый год публика очень довольна осталась мной[11].

Привези, пожалуйста, в Птб. Милую Сивку, которую горячо целую. Жду твоих писем и обнимаю тебя.

Скука в общем, ибо занят и женщин знакомых — ни собачки! Все мужики, просто беда! Да, познакомился у Щепотьевой с дочкой «Мира Божьего» (т.е. Давыдовой) и дочкой Елпатьевского[12]. Последняя — прелесть, что за девушка.

Вчера на вечере у Шуф видел еще литераторов — Мансфельда, Черниговца, Мережковского[13]. Мережковский жалко держался. Достаточно сказать, что огорошивал всех такими «новостями», что «музыка это философия цифр», «архитектура — застывшая музыка», «ложь прелестна — как, например, красиво, когда лжет красивая женщина»... Как, брат, это все жалко! Вспомнил я и Алек. Ник...

Ну, прощай. Горячо любящий тебя

И.Бунин.

255. Ю.А.БУНИНУ

9 декабря 1896. Петербург

Птб., 9 дек. 96 г.

Драгоценный Юрочка! Прежде всего — я околевал с полчаса сейчас со смеху, прочитавши, как издержался наш друг Ал. Петрович[1], сшивши себе шубу, сапоги, 3 пары подшт<анников> и *1* носки! Я от него получил очень холодное письмо[2] и поэтому не хочу ему и писать — скажи ему только, что просьбу его я исполнил в *тот же час*... Вполне понимаю, милый, твое положение и, конечно, согласен. Ну, мои новости невелики: живу однообразно, бываю все там же. Новых знакомств мало. 7-го, в субботу, был на юбилее Станюковича[3], обедали в «Медведе», было больше 150 человек литераторов, адмиралов, артистов, адвокатов, дам... Познакомился там и с Короленко и с Анненским[4]. К Короленко поеду в среду, т.е. послезавтра. Вечер наш будет 16-го декабря[5], посылаю тебе вырезку из газеты.

Теперь главное. Непременно, как только выяснится, тотчас же напиши мне, когда и куда ты поедешь? Поедешь ли прямо в Москву или заедешь сперва в деревню? Сколько думаешь пробыть в Москве? Когда выедешь из проклятой Полтавы? Мне хочется поскорее с тобой повидаться. Очевидно, в Птб. ты не приедешь? Следовательно, на Рождество мне надо выезжать в Москву? А то ведь я должен 28-го дек. заплатить вперед за месяц за квартиру 20 р., если же ты на первых днях Рождества уже будешь в Москве, я не буду платить, заявлю *раньше,* что уеду 28-го из Петербурга.

Жду ответа по пунктам. Не уехать ли мне числа 20-го в деревню, а потом вернуться в Москву числа 5 янв.? Или не стоит[6]? Пожить еще тут, упрочить знакомства?

Живу нищим, но обходится страшно дорого. Денег с Поповой еще не получил, так что погоди 25 р. Выслать тебе их или лично отдать? Дело в том, что разочтется она со мной, верно, не раньше 20-го. «Гайавата» будет печататься в январе[7]. Насколько понял, и за «Гайавату» тоже плата 25 р. лист. Но вот вопрос: *как разочтется она со мной?* За лист того ли формата, что у меня в книжке или за журнальный лист? Если будет высчитывать за журнальный — беда, обдерет!

NB Если не журнальный и если удастся получить вперед хоть часть и за «Гайавату» — не дать ли тогда в долг А.П., чтобы он приехал в Москву, рублей 70? *Напиши!*

Поскорей отвечай, когда выедешь, а то я пошлю тебе числа 15-го «Байбаков».

Ну, будь здоров. Горячо целую тебя, дорогой мой. Хоть покороче, да поскорее пиши.

Твой И.Бунин.

256. П.В.ЗАСОДИМСКОМУ

22 декабря 1896. Петербург

Птб.
22 дек. 1896 г.

Глубокоуважаемый
Павел Владимирович!

На вечере, в котором Вы предложили мне участвовать[1], я хотел бы прочитать рассказ *«Танька»*. Напечатан он в книжке моих рассказов («На край света» и другие рассказы. Птб. 1897 г. Изд. Поповой), на стр. 112–130.

Преданный Вам
И.Бунин.

Малая Итальянская, д. № 3, кв. 8.

257. И.А.БЕЛОУСОВУ

30 января 1897. Огневка

Д. Огневка, 30 янв. 97 г.

Воображаю, что ты подумал обо мне, не получив ответа на свое письмо! Но поверь мне, что даже, если бы я не оценил твоего сердечного, дружеского отношения ко мне, я бы все-таки ответил из-за одного чувства деликатности. Не ответил же я сразу вот почему: получил твое письмо утром, за час до отъезда[1] и решил написать дорогой; потом вспомнил, что нужно еще послать «<нрзб>» и решил написать из дерев-

ни; а тут страшные морозы, до станции же восемь или девять верст... Так вот и случилось, что пишу только сегодня и посылаю «<нрзб>». Объясняю тебе откровенно и прошу тебя не сомневаться, что мне было очень дорого письмо от тебя, которого я давно люблю и самым искренним образом уважаю и за душу, и за честную, образцовую жизнь...

Зажил я серенько, но тихо и начинаю работать. Пожалуйста, не забывай меня, дорогой друг, в моем «идиллическом» уединении.

Кланяюсь твоей супруге и крепко целую тебя.

Твой И.Бунин.

Да, покорнейшая просьба: вышли мне, пожалуйста, книжку: *Н.А.Борисов. Калевала. Ц. 50 к. Издание Клюкина*[2]. Деньги тебе вышлю марками.

257а. Ю.А.БУНИНУ

Между 10 и 20 февраля 1897. Огневка

Милый Юринька, очень рады, что наконец получили от тебя известие. Все живы и здоровы, живем однообразно. Я читаю и кое-что пишу. Новостей совсем нет, разве только то, что я не курю уже пять дней — нет денег на табак, так что, вероятно, больше уже не буду курить, если и будет табак.

Целую Сивку. Все наши — тебя, конечно, и я.

Твой всей душой

И.Бунин.

Скверно пишешь — мало, пиши по-человечески-то!

Белоусов прислал мне рецензий обо мне «Русск<ие> ведом<ости>» и «Жизнь и искусство»[1]. Хвалят. Потом Будищев пишет, что есть отзывы: в «Кавказе», «Гласности» и «Одесском листке» — в первых двух, говорит, так себе, а в «Одесск. листке» — очень лестный[2]. Пришли мне, достань «Одесск. листок» и спиши. Он есть у вас в библиотеке.

258. Ю.А.БУНИНУ

После 20 февраля 1897. Огневка

Милый, дорогой Юринька! Вот какое письмо я получил 20-го февр. от Кривенко:

«Дорогой Ив. Ал., полученные от Вас рецензии переслал в редакцию[1] и на другой же день пожалел об этом, потому что пришлось выйти из редакции почти всем наличным составом сотрудников[2] и заявить об этом в газетах[3]. Вышли: Скабич<евский>, Яроцк<ий>, Н<емирович>-Данч<енко>[4], Станюков<ич>, Темирязевы, Руб<акин>, Обол<енский>[5], Воронц<ов>, Щепот<ьев>, Абрамов[6] и я. Мамин остался в обиде, что его не известили (я просил одну знакомую, ехавшую в Царское Село, передать ему о нашем отказе, но, должно быть, она не то передала) и

теперь присоединяется к нам единолично как иногородний. Вас без согласия также нельзя было включить в число подписавшихся, но если Вы, подобно ему, пожелаете присоединиться к нам, то пошлите в «Нов<ое> вр<емя>» и «Р<усские> ведом<ости>» краткое заявление, что и я, мол, присоединяюсь к редакции, чего не мог сделать совместно, так как находился в деревне. Что же, однако, это за история, спросите Вы. История в двух словах очень простая: в то время, как шли переговоры с нами о передаче нам журнала, как это с самого его начала предполагалось, и мы искали денег для уплаты за него (уплаты даже не требовалось, а говорилось: берите журнал безвозмездно, чем мы, понятно, стеснялись) и для дальнейшего ведения дела, в то время, как у нас были надежды и на покупателя, который сохранил бы направление журнала и редакцию, и на возможность собрать деньги (намечалось до 35–40 т<ысяч>), — молодые люди г<оспода> Семенов* и Поссе поехали и без ведома нашего, потихоньку вступили в сношение относительно покупки. Нам ни <та> ни другая сторона ни слова не сказала об этих переговорах, так что мы узнали о них стороной, а когда я поставил такой вопрос в упор, то получил утвердительный ответ, и дело оказалось настолько бесповоротным, что нам оставалось только одно — отказаться, чтобы не быть выгнанными, по совершении нотариальной сделки. Если решите присоединиться к нам, то, пожалуйста, никаких мотивировок и сердцов не выражайте, а просто, мол, присоединяюсь к редакции и участвовать в журнале не буду. Вот Вам текст нашего отказа: “Мы, ближайшие участники редакции и сотрудники журнала «Новое слово» (со времени перехода его в 1895 г. к г-же Поповой) заявляем о прекращении своего сотрудничества в этом журнале после выхода февральской книги сего года”. Мы здоровы, но пережили много истинно тяжелых минут, часов, дней и бессонных ночей. Из-за чего столько бились и лезли из кожи? Зачем было столько времени играть людьми и морочить их великодушием, что журнал, мол, для вас покупается и устраивается и никому другому передан не будет. Любопытнее всего то, что Семенов, доставший денег и являющийся издателем, приглашает теперь, говорят, в сотрудники марксистов, с которыми мы все время полемизировали! Крепко жму Вашу руку. С<офья> Е<рмолаевна> кланяется.

Ваш душевно С.Кривенко».

Вот тебе, Юринька, и клюква. Мне очень скверно на душе, я не знаю, что будет это за журнал — м.б., для меня очень симпатичный, так как таков Поссе, но что же мне оставалось делать, как не послушаться Кривенко? Наконец, и все ведь вышли. Поэтому я вчера послал в «Н<овое> вр<емя>» и «Р<усские> в<едомости>» такое заявление: «М<илостивый> г<осударь>. Позвольте через посредство Вашей газеты

---

* Я видел этого Семенова — молодой малый, бывший сельский учитель, все мыкался по Петербургу, собирал деньги на школы. С литературой не имеет ничего общего. И.Бунин.

заявить, что я присоединяюсь к тем лицам, которые отказались сотрудничать в жур<нале> “Нов<ое> сл<ово>” после выхода 2-ой кн<иги> сего года»[7]. — Вот и все.

Бога ради, пришли мне поскорей твое мнение по этому поводу. Мое положение, как видишь, еще более ухудшилось. Что делать мне с деньгами*? Жду писем скорее.

Твой И.Бунин.

259. С.Н.КРИВЕНКО

23 февраля 1897. Огневка

23 февр. 97 г. Огневка. Апраксин
Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ.
Ефремовск. у.

Дорогой Сергей Николаевич! До сих пор не возьму, как следует, в толк, как и для чего произошла вся эта грустная история с «Нов<ым> сл<овом>»[1]. Вижу одно из Вашего письма, что теперешние обладатели журн<ала> поступили очень скверно и затевают что-то совсем противоположное тому, что было, и потому послал два коротеньких заявления (в «Н<овое> вр<емя>» и «Р<усские> в<едомости>»)[2] о том, что не буду больше сотрудничать в «Н<овом> сл<ове>». Но что это будет? Кто новые сотрудники и кто во главе их? Не Семенов же, конечно[3]? А если Поссе, то зачем марксисты?.. Признаться, совсем не представляю себе физиономию нового журнала, чрезвычайно опечален погибелью прежнего и до глубины души возмущен тем, что сделали с Вами. Где будете работать? Пожалуйста, пишите, как устроитесь, а от меня примите самые сердечные пожелания Вам всего хорошего. Кланяюсь всем Вашим.

Глубоко уважающий Вас

И.Бунин.

P.S. Посылаю стихи Егорова[4] и Богд. Я было сделал переделки, но теперь они, конечно, не нужны. Редакц<ионные> книги отправил на редакцию.

Где Н.Н.[5] и как его дела и здоровье?

260. И.А.БЕЛОУСОВУ

28 февраля 1897. Огневка

Что ты замолчал? Правда, я так дик, что не поблагодарил тебя даже за книгу[1] и сам не писал, но мне-то о чем писать? Все время провожу за чтением... А про скандал в «Нов<ом> слове»[2] ты, конечно, знаешь...

---

* И сколько нужно % в Общ<ество> взаимн<ого> кредита с 250 р. Пожалуйста, спроси Николаева, сколько я всего должен заплатить туда 19 марта.

Пиши ты-то, пожалуйста, — небось много новостей, — а я даже газет не вижу.

Посылаю тебе свою книжечку[3]. Ей пока везет. Федоров прислал недавно вырезку из газеты «Сибирь»[4], где говорится, что редкое явление эти рассказы. Каково?! Рад этому, а потому и хвалюсь тебе так бессовестно... Крепко тебя целую.

Твой И.Бунин.

Сколько я тебе должен за книгу? С марками?

261. Ю.А.БУНИНУ

Конец февраля 1897. Огневка

Ты ужасно скуден на письма. Пиши же! Я же сижу в неопределенном положении. Тоска начинает съедать. Убит наповал письмом Поповой[1], — «Песнь о Г<айавате>» будет печататься в сентябре[2], во 2-ой серии, благодаря тому, <что> в 1-ой Карышев и Сеченов прибавили материалу[3]. Объяснять тебе, как это скверно для меня — нечего! Чем жить? Одежи нету весенней, платить в О-во вз<аимного> кред<ита> 19-го марта! Просто голова кругом идет. И заработать — как отсюда заработать? Писать тут нет никакой возможности. Да, словом, возмутительно скверно... Что ж ты рецензии-то? Прочитай хоть в «М<ире> Божьем»[4] — что пишут? Я ничего не знаю. Недавно получил через Федорова рецензию из газеты «Сибирь»[5] об моей народной книжке: пишут, что рассказы мои — «явление довольно редкое в народной литературе» — так хороши. Да не утешает... Пиши, пожалуйста, посоветуй что-нибудь. Деньги Николаеву высланы, но только 17 р., Бога ради, попроси Александра Петровича продать «Киевлянин» и приплатить Николаеву.

Все живы, здоровы.

Твой всей душой
И.Бунин.

262. Ю.А.БУНИНУ

1 марта 1897. Огневка

Огневка, 1 марта 97 г.

Дорогой, милый Юринька, еще раз пишу тебе, чтобы попросить тебя вот о чем: вышли поскорее деньги Евгению и Маше и прибавь на мою долю рубля два. Маша ни за что не соглашается, но я надеюсь, что уговорю ее, попрошу у нее рублей пять, прибавлю твоих два и приеду в Полтаву[1]: меня в ужас приводит 19-ое марта! Ты, вероятно, дашь мне хоть какую-нибудь работку в бюро заработать и заплатить проценты. Наконец, мне вообще надо же что-нибудь заработать — корреспонденциями хотя — ведь жить-то совсем нечем, а Евгений уже каждый день

просит у меня денег. Я знаю, что ты уедешь на Святую[2], но что же делать, побуду там без тебя.

Ради Бога, отвечай же как можно скорее. Я тут околел с голоду и ничего не могу писать. Мне необходимо в Полтаву.

Крепко целую тебя.

Твой И.Бунин.

263. С.Т.СЕМЕНОВУ

6 марта 1897. Огневка

Д. Огневка, 6 марта 97 г.
Почт. ст. Лукьяново
Тульской губ. Ефремовского уезда.

Дорогой Сергей Тимофеевич[1].

К самому искреннему сожалению, никак не могу исполнить сейчас Вашу просьбу: нет книг. Несколько дней тому назад отослал последнюю Л<ьву> Н<иколаевичу>[2]. В Птб. думал о Вас, когда рассылал книги, но не знал Вашего адреса. А послать на «Посредник» не догадался. Попова дала мне 60 экз. и я не успел оглянуться, как их растащили. Посылаю Вам пока два рассказа, отдельно изданные[3]. Пожалуйста, не забудьте выслать мне Вашу новую книгу[4] и не сердитесь за мой невольный отказ.

Любящий Вас
Ив.Бунин.

264. И.А.БЕЛОУСОВУ

15 марта 1897. Полтава

Полтава, 15 марта 97 г.

Милый и дорогой друг! Когда я получил твое письмо — я лежал на одре: было что-то вроде инфлуэнцы, которая меня так угостила, что однажды, поднявшись с этого одра, я упал без памяти. Как видишь — плохо дело. Поэтому только и не ответил тебе своевременно. Теперь, как видишь, (опять: «как видишь»! Хорош слог?) я в Полтаве, куда только что прибыл — поспешил по некоторым делам. Пробуду тут, вероятно, до 8–10 апреля[1]. Пожалуйста, не забывай меня и тут. Пиши почаще. У меня новостей никаких. Вчера виделся с Альбовым[2] — он тут уже с февраля и, вероятно, пробудет всю весну. Писать я пока ничего не пишу, — все еще плохо себя чувствую. А сегодня — особенно: «Новое время» гнусно отозвалось обо мне[3]: пишут, что я... как ты думаешь, в чем повинен? — в пристрастии к изображению грязи и мути жизни!! Ну не подлецы? Это я-то, когда кругом так и сыплются грязные и развратные книги, а я воспеваю деревенские идиллии и слагаю деревенские элегии. И ведь гнусней всего то, что это — среди похвал моему

«искреннему» (?) дарованию и в таком тоне, словно я заведомый фотограф грязных сцен. Конечно, я и знал, что «Новое время» меня облает, но лгать-то зачем же!.. А впрочем — черт с ними!

Книжку свою (народную)[4] завтра тебе посылаю. Передай, пожалуйста, ту, что у тебя теперь, в «Детское чтение». Читал похвалы мне в «Рус<ском> б<огатстве>» и «Мире Божьем»[5]? Впрочем, я опять съехал на рецензии... Даже стыдно стало... Поэтому умолкаю пока, крепко тебя целую, кланяюсь твоей супруге и жду твоих писем.

Твой душевно И.Бунин.

P.S. Батюшки! Как размазал я на той странице! Уж не подумай, что это *слезы!*

Стихов для «Детск<ого> чтения» поищу[6].

265. А.М.ФЕДОРОВУ

После 15 марта 1897. Полтава

Милые и дорогие друзья мои[1]!

Только сегодня получил Ваше письмо[2] (переслали из деревни) и, по обыкновению, очень обрадовался. Вы говорите — по мне соскучились, — но если бы знали, как мне хочется повидаться с вами! Я теперь воскресаю понемногу. У нас уже совсем весна. Дни стали светлее, теплее, ветер упоительно ласковый, с юга, веет такой нежной молодостью, неуловимым ароматом земли и подснежников и я, в одной блузе, по целым часам шатаюсь в городском саду. Сад в Полтаве запущенный, на краю города и там теперь еще никто не бывает. И хотя меня тянет к людям, к жизни, но я все-таки рад, что шатаюсь там один. Все вспоминается мне моя ранняя молодость, первые стихотворения, первая сладкая жажда счастья и мне, по обыкновению, над которым вы так смеялись, страшно жалко себя и хочется петь что-то беззаботно-грустное и мальчишески-веселое. Черт его подери, знаю, что все это ни к чему не поведет, но да будет благословенно все глупо-хорошее!

Ваша заботливость очень тронула меня. Спасибо, голубчики! Из отзывов меня кое-что порадовало в отзыве «Р<усского> б<огатства>» и выписка из «Кастрюка» в «Мире Божьем»[3]. Остальное — все труха[4]. Статьи Оболенского[5] до сих пор не видал... А огорчения... читали, что в «Н<овом> вр<емени>»-то написали[6]? Ведь так брехать на меня, так нахально уверять, что я наслаждаюсь описанием кабацких сцен — верх бессовестности! А главное — каким тоном-то? Покровительственным, сожалеющим, как с заведомым кабацким писакой! И прочло это, небось, тысяч сто народу... Да и «Новости»[7]... А про «Донец»-то[8] нигде ни звука!

Просматривал «Новости», но пока еще не видел вас. Где теперь пишете? Неужели до сих <пор> нигде не пристроились еще? Дьявольская это работа газетная с ее вечными передрягами! В связи с Алтаем[9] все

это меня сильно огорчило. Я так и знал, что наше дело не выйдет. Сразу сейчас не соображу, где удобнее Вам устроиться на лето. Жаль, конечно, в той же Полтаве можно очень недорого; но Вы ведь ничего определенного не пишете, о Полтаве ли Вы говорите или о других каких местах. Кроме того — ведь Вам нужней города с газетой. Если так — похлопочите насчет Киева. Клянусь Вам, нет лучше города на земле! Люди, кажется, дрянь, но сам город, — нечто упоительно милое и изящное. А Днепр? — Паки и паки прошу Вас — пишите об этом обо всем определеннее? Вместе ли с Л.К.[10] думаете проводить лето или она уедет за границу? И когда? Решили ли все-таки поблуждать со мной где-нибудь?

266. С.Н.КРИВЕНКО

22 марта 1897. Полтава

Полтава, 22 марта 97 г.
Николаевский бульвар, д. Винокурова.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Николаевич! Только сегодня собрался выслать Вам те стихотворения, которые я взял для исправления[1]. Пожалуйста, простите, если я поставил Вас этим в неловкое положение перед авторами их. За последнее время я сильно хворал. В деревне дошел до обмороков и поспешил сюда[2] — хотел начать серьезно лечиться. Но тут уже совсем весна, дни стоят восхитительные и я ожил. Да и болезни-то такие, что как от них вылечишься? Нервы, малокровие. Видно, таким дохлым и останусь.

Как Вы поживаете? Как скоро кончатся Ваши каникулы? Я сегодня получил приглашение из «Нового слова»[3] — письма мои почему-то не сочли нужным поместить «Нов<ое> вр<емя>» и «Р<усские> в<едомости>»[4]. Жалею, что не послал в «Московск<ие ведомости>». Вероятно, там вежливее. На приглашение отвечал отказом[5]. Пишут, что там будут участвовать Вересаев[6], Милюков[7], Булгаков[8]... Мне сдается, что дело ихнее совсем не выгорит: Милюков, Булгаков и Джаншиев[9]... Что общего?

Желаю Вам всего хорошего и кланяюсь всем Вашим.

Сердечно преданный Вам
И.Бунин.

267. Ю.А.БУНИНУ

Середина апреля 1897. Полтава

Неужели ты себя навек обрек в могилу, в Полтаву, а ведь не каждый день такие случаи! Всеми силами я со своей стороны за Москву.

Горячо любящий тебя
И.Бунин.

См. оборот.

В «Новое слово» ничего не пишу. Что же унижаться, просить объяснений? Или написать? Ведь я при тебе писал Скабичевск<ому>[1]. И что значит сухой ответ[2]? И кто его написал? Кривенко? Напиши, кто.

268. И.А.БЕЛОУСОВУ

6 мая 1897. Миргород

Миргород, 6.V.97.

Милый, дорогой тезка! Письмо твое получил в момент отбытия из Полтавы[1], так что не успел тебе ответить. Я уже, как видишь, пустился в передвижения[2], «многих людей города посетил и обычаи видел»[3], т.е., говоря не гомеровским языком, уже много пропер по степям, по шляхам, местечкам и хуторам, а теперь приветствую тебя из великого Миргорода! Любопытный город, если только могут называться городами болота, по которым шуршит камыш, кричат кулики, а по берегам стоят избушки, крытые очеретом[4]. Много написал бы тебе, да боюсь, что письмо это попадет к городничему. В Полтаве я буду снова дней через 6–7, куда и прошу тебя убедительно писать[5]. Я верно еще отправлюсь по полтавщине[6], но ты все-таки пиши. Не будешь ли добр справиться при случае в «Р<усской> м<ысли>», чи будет помещено там мое стихотв<орение> или нет[7]? Извещение, что будет напечатано я уже очень давно получил. Ну, пока обнимаю тебя и кланяюсь твоей супруге.

Искренно и душевно любящий
тебя Ив.Бунин.

269. Ю.А.БУНИНУ

Конец мая 1897. Одесса <?>

Милый, дорогой друг мой, я за дорогу опять думал о Москве и страшно жалею, что не поговорил с тобою толком. Прошу же тебя — подумай еще раз хорошенько. Больно уж тускла твоя жизнь в Полтаве! А главное — ты ведь стареешь, Юрочка, за этой вечной работой и серьезностью. Подумай, голубушка! Горячо любящий тебя

И.Бунин.

270. И.А.БЕЛОУСОВУ

15 июня 1897. Огневка

Почт. ст. Лукьяновка,
Тульск. губ., Ефремовск. у.
15 июня 97 г.

Тысячу раз собирался написать тебе, дорогой друг, но последнее время особенно мыкался: ездил из Полтавы в деревню, был у Федорова в Люстдорфе, под Одессой, а потом ломал поход сюда, в родные палестины. Теперь тут засяду надолго, — может быть, даже до октября и буду упорно работать. В октябре в Москву[1]. Писал ли я тебе, что в половине августа брат переезжает в Москву на службу[2] — редактировать «Вестник воспитания»? Из этого следует, что я теперь буду в Москве по зимам почти безвыездно.

Новостей у меня, конечно, никаких. Буду очень рад, если будешь почаще делиться со мною своими. Кстати сказать, пожалуйста, голубушка, извести, если в июньск. кн<иге> «Р<усской> м<ысли>» будут мои стихи[3]. Читал сегодня твои в «Севере»[4]. Ей-богу, брат, очень сердечно и хорошо! Хоть бы тебя дача вдохновляла побольше!

Кланяюсь твоей супруге и крепко целую тебя.

Твой душой
И.Бунин.

271. Ю.А.БУНИНУ

15 июня 1897. Огневка

15 июня 97 г.

Драгоценный Люкася, приехал в Огневку и живу в амбаре. Хорошо тут до такой степени, что описать невозможно. Но на душе очень плохо: мать серьезно нездорова, — застарелый плеврит, — задыхается и слаба. Вчера я посылал в Трегубово за лекарством для нее, но нужно бы непременно опять привезти доктора, потому что он видел ее еще месяц тому назад. Но привезти, конечно, невозможно, — Евгений даже лошадей не дает, за лекарством посылал Якова. Просто сердце разрывается!

Ну а больше и писать нечего. Все по-старому. Жду писем от тебя.

Всей душой любящий
тебя Иван Бунин.

Если хоть маленькая возможность, пришли на доктора. Ей-богу, я сильно боюсь.

272. И.А.БЕЛОУСОВУ

Июль 1897. Огневка

Дорогой Иван Алексеевич, великая просьба к тебе: узнай, пожалуйста, как можно скорее и напиши мне, принимает ли летом (т.е. вот, например, и теперь) и если принимает, то когда, в какие дни недели при-

нимает больных знаменитый профессор Захарьин[1]. Он, верно, на даче, но ведь ездит же он в Москву. Адрес его ты узнаешь в любой аптеке, а остальное у него на квартире. Все это мне необходимо знать, ибо нездорова мама и я хочу приехать с ней в Москву[2]. Иначе не стал бы беспокоить тебя в такой зной. Извините за это и черкни поскорее.

Твой И.Бунин.

Лукьяновка, Тульск. губ., Ефремовского уезда.

273. Ю.А.БУНИНУ

Июль 1897. Огневка

Дорогой Юричка!

Что ты замолк? Когда приедешь? Хочется посоветоваться с тобой, как поступить: маме иногда бывает плохо, т.е. бывают очень сильные сердцебиения, тяжко дышать, слабость, что мы думаем, что шутить с разными земскими докторами нечего, а надо ехать поскорее к Захарьину. Мама и сама боится, все говорит — умру — и т.д.

Маша завтра едет к Софье в Каменку (Софья должна туда приехать с деньгами) и возьмет у ней денег на поездку с мамой в Москву. Спрашивает тебя, не поможешь ли и ты хотя очень немного на это. Я тоже возьму на себя часть. Пиши, Христа ради, да приезжай скорее, ведь небось в Полтаве ужас теперь. Целую Сивку.

Твой И.Б.

Пишу к Белоусову[1], чтобы он узнал, принимает ли Захарьин летом. Спроси это и в Полтаве, доктора небось знают.

274. И.А.БЕЛОУСОВУ

До 20 августа 1897. Огневка

Милый Иван Алексеевич! Вчера ездил на Лукьяновку, получил вместе с твоим письмом твою книжку[1], дорóгой же, верхом, прочел ее всю и говорю тебе с полнейшей искренностью, что еще до сих пор у меня держится в душе то милое впечатление, которое она произвела на меня. И стих простой — легкий, — хороший, и описания есть хорошие, а главное — всегда чувство есть. Очень радуюсь, что ты начинаешь уделять все больше и больше времени литературе. Правда, книжка составлена небрежно, — ты даже не потрудился заглавия поразнообразить и рассортировать стихи так, чтобы местами не выходило однотонности, — но все-таки уж то хорошо, что ты составил ее и устроил в хорошем месте. Только ведь в ней нету еще очень многого твоего? Отчего?

А я, брат, опять почти ничего не пишу. Все учусь, — по книгам и по жизни: шатаюсь по деревням, по ярмаркам, — уже на трех был, — завел знакомства с слепыми, дурачками и нищими, слушаю их песнопе-

ния и т.д. Сегодня поправляю предисловие к «Песне о Гайавате». Писал я тебе, что Попова было отказалась издавать ее, ибо я отказался участвовать в «Н<овом> слове», а потом опять согласилась[2], когда я вломился за это в амбицию? Скверная штука! Не знаю еще до сих пор, несмотря на ее новое согласие, выйдет ли у нас дело. Уж какое издание при натянутых отношениях! А издателя другого — где возьмешь? Брат ходил в «Р<усскую> мысль», к Сытину[3] — не соглашаются, — «Р<усская> м<ысль>» потому, что не издает таких произведений, Сытин же понятия не имеет об этом. Да и что общего между Сытиным и Гайаватой? Думаю даже обратиться к Тихомирову[4]. Жаль, что в Полтаве я с ним не познакомился.

Ты спрашиваешь про Михайлова[5]? Так ведь он только номинально значился и значится редактором.

Ну что тебе еще сказать? Разве с просьбой обратиться? А просьба вот какая: если только будет свободная минута, съезди в школу живописи и ваяния[6] (если не ошибаюсь, там, т.е. в Москве, одна), возьми там программу и пришли мне. Крайне буду благодарен. Прошу об этом потому, что брат Евгений хочет поступить туда вольнослушателем[7]. Так вот нужна программа и устав. Выписал бы ее, да не знаю адреса. Если только не затруднит тебя это, конечно.

Ну а пока — будь здоров, дорогой друг, и не забывай

искренно любящего тебя
Ив.Бунина.

Почт. ст. Лукьяновка, Тульск. губ.,
Ефремовск. у.

275. Ю.А.БУНИНУ

20 августа 1897. Огневка

Огневка, 20 авг. 97 г.

Милый, дорогой Люкася! Письмо твое получил и был и рад ему и огорчен им: жалко, что ты не вернулся! Впрочем, я так и знал... Только опять взял гнусную замашку — писать в двух словах. Неужели правда дело было так просто, как ты пишешь? Упорно жду, что ты очень скоро напишешь поподробнее о себе[1] и о том, что ты сделал для «Гайаваты». От Поповой ответ получил. Вот он слово в слово:

Милостивый и т.д.

По поручению Ольги Николаевны имею честь известить Вас, что в настоящее время она не считает для себя возможным определить время, когда будет предпринято издание труда Вашего «Песнь о Гайавате»[2], так как большое количество изданий находится в производстве.

С сов<ершенным> почт<ением> А.Фаусек.

Как видишь, это дело кончено. Даже сама не желает писать. Хочет взять меня измором и может протянуть время хоть до 20-го столетия. Поэтому еще убедительнее прошу тебя хлопотать о «Гайавате».

Ну а больше у меня новостей никаких нет. Сижу и все яснее сознаю, что дело мое дрянь… В Москву еще не знаю, поедем ли[3]? Маша написала Софье о деньгах[4], но ответа еще нету. А у мамы, как опять похолоднело и прошел дождь, — сильно распух бок.

Мы с Машей бросили курить, проводивши тебя. Вот уже больше недели даже в рот папироски не брали, так что теперь уже нет ни малейшего желания.

Затем, — горячо целую тебя и еще раз прошу: не забудь «Гайавату»: одна надежда!

Твой душой
И.Бунин.

276. Ю.А.БУНИНУ

26 августа 1897. Огневка

Огневка, 26 авг. 97 г.

Милый Юричка! Маша получила от Софьи деньги и мы спешим ехать с мамой к Захарьину[1], — спешим потому, что могут настать холода, а у нас ни у кого нету настоящей осенней одежды. Денег при этом мало — всего 100 рублей с рублем или двумя и жить в Москве долго — ожидать дня приема у Захарьина — нельзя. Поэтому, Бога ради, в тот же день, как получишь это письмо, поезжай к ассистенту Захарьина, — ассистент назначит день и час приема у Захарьина. У этого ассистента, короче сказать, надо записаться. Только, когда будешь записываться, — не ошибись, не скажи свое имя, а материно. А то выйдет, что ты сам записался к Захарьину. Ассистент этот — *доктор Ерофеев* и живет он *на Пречистенском бульваре, дом Дреземейера*. Вероятно, можно записаться и на дому у самого Захарьина. На всякий случай сообщаю тебе адрес и Захарьина: *1-ая Мещанская, свой дом. Так, пожалуйста, сообщи как можно скорей, которого числа Захарьин примет мать, чтобы нам не сидеть в Москве, а попасть прямо ко дню приема.* Мать и Маша едут сейчас в Елец за пачпортом матери.

Что же ты мне не пишешь? Тут теперь весь дом разворочали — мажут внутри, — а в амбаре холод, а кругом брань и все больные, так что писать строчки нельзя. Просто беда!

Ну, будь здоров. Ждем письма или телеграммы, если день приема назначит скоро. Мы готовы и завтра можем выехать в Москву.

Твой И.Бунин.

277. Ю.А.БУНИНУ

16 октября 1897. Петербург

Птб., 16 окт. 97 г.

Милый Юличка! Вчера так мыкался[1], что не успел тебе написать вчера. Теперь пишу только адрес: Пушкинская ул., д. № 1, меблированные комнаты Пименова.

Все экстренное — сообщай и пересылай. Горячо целую тебя.

Будешь на заседании по юбилею, прямо скажи, что и я буду. Буду также с удовольствием участвовать в литературном вечере[2].

Твой

И.Бунин.

278. С.Н.КРИВЕНКО

Между 16 и 20 октября 1897. Петербург

Дорогой Сергей Николаевич, вот Вам стихи[1], которые я Вам читал. Если можно, пожалуйста, не задержите.

Кланяюсь Вам и С<офье> Е<рмолаевне> и Н.Н., у которого от всего сердца прошу прощения, что не зашел к нему.

Ваш душою И.Бунин.

279. Ю.А.БУНИНУ

21 октября 1897. Петербург

Дорогой Юричка! Завтра посылаю тебе 75 р. — отдай их Евгению Даниловичу и скажи ему, что очень прошу его подождать еще дней десять остальные деньги. Не пишу ему, потому что не знаю его адреса, а сказать ему мое извинение — все равно ты скажешь. Мне выдали 100 рубл. в «Ниве», по просьбе Михеева. Но нужно жить и посылать еще в Полтаву. Взяли в «Мир Божий» два стихотвор<ения>[1]. Виделся с Поповой — суха, но любезна, очень рада, говорит, что Вы снимаете с меня обязанность издавать Вашу книгу[2]. Я раскланялся и ушел. Видел Кривенко, Миролюбова[3], везде просят рассказов[4]. Начал писать.

Завтра обещали в «Севере» выдать деньги[5]. Буду искать издателей «Гайаваты»; Миролюбов взял просмотреть, не годится ли перепечатать несколько глав для «Всходов»[6]. Целую, пиши.

И.Б.

280. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 октября 1897. Петербург

Многоуважаемый Николай Дмитриевич!

Спешу сообщить Вам мой адрес: Пушкинская ул., д. № 1, меблир<ованные> комнаты Пименова. У Короленко не был — у него дочь в тифу[1]. Но в «Мире Божьем» уже много говорил о Вас. Если угодно — передам «Сухую беду» туда и уверен в успехе[2]. Но поговорю и с Короленко, когда его дочка немного поправится. Кончайте рассказ и шлите. Пробуду тут, верно, до 10-го ноября[3].

Ваш И.Бунин.

281. Ю.А.БУНИНУ

23 октября 1897. Петербург

Птб., 23 окт. 97 г.

Милый и дорогой Юринька! Только сегодня мог послать тебе деньги для передачи Евг<ению> Даниловичу. Два дня были праздники[1], прием был недолгий и я опаздывал. В том же доме, где я, поселился Ладыженский[2] и мы пьем по утрам чай вместе. Новости у меня вот какие: стихов в «М<ире> Божьем» памяти Пирогова не будет[3]: они были набраны, Давыдова показывала мне уже вторую корректуру, но Острогорский[4] встал на дыбы и не пустил этого стихотв<орения>. В «Русском б<огатстве>» цензор зачеркнул «Геракла»[5]. Но зато в «Мир Божий» взяли два стихотв<орения>, в «Рус<ское> б<огатство>» — одно («На севере»), во «Всходы» — тоже одно[6]. Сегодня решилась и судьба «Гайаваты»: редакция «Всходов» купила «Гайавату» для перепечатки во «Всходах»[7]: каждый месяц при «Всходах» прилагается отдельная книжечка какого-нибудь цельного произведения. Так вот в январе или феврале будет приложен «Гайавата». Сговорились по 5 коп. за строчку — это выйдет около 300 рублей. Говорили и о том, чтобы редакция издала «Гайавату» и для отдельной продажи[8], т.е. напечатала лишнюю 1000 экз. Я сказал, что за эту прибавку еще 100 р. Сказали, что подумают. Да и я подумаю, так как Муринова тоже подала мне надежды[9]. Ввиду перепечатки во «Всходах» я не имею права издавать «Г<айавату>» до 1899 г., но ведь это только год. Одним словом — относительно перепечатки дело решенное. Можно, говорят, и аванс выдать.

Я очень рад. Посижу еще тут, в Птб., потому что я тут не бегаю к тебе и пишу. Сегодня кончил новый рассказ[10], небольшой, страниц на 9–10 печатных. Сяду еще писать. Этот пусть полежит недельку — тогда отдам в «Р<усское> богатство».

Вчера получил дьявольскую новость: умер Н.Н.Кривенко и С<ергей> Н<иколаевич> уже съездил в Москву и похоронил его. Жалко, брат!

Если можешь, ради Бога, сходи в «Рус<скую> мысль», получи деньги за стихотв<орение>[11] и отдай Евг<ению> Дан<иловичу>. Прилагаю тебе доверенность[12]. Иначе недели через две или дней 10 возьму аванс за «Гайавату» и привезу сам долг и ему и тебе.

Пиши, драгоценный мой, как поживаешь, как твои глаза.

С Коринфск<ого> получил 23 р.[13] и отсылаю завтра в Полтаву. Писал М.И.Селитр<енникову>[14], вексель которого учтен, и он уже ответил[15]: срок 2 ноября. Нисколько не сердится за отсрочку до мая.

Твой И.Бунин.

282. И.А.БЕЛОУСОВУ

29 октября 1897. Петербург

Милый друг, я совсем завертелся тут, раз только успел наведаться в «Неделю», но мне сказали, чтобы я пришел в приемный день в редакцию, в понедельник. Итак, подожди до понедельника. Но попытаюсь за-

втра съездить к Гайдебурову[1] без всяких приемных церемоний, тем более, что я ведь не по редакционному делу. Узнавши, тотчас извещу тебя. Приеду в Москву к 10-му ноября. Будь здоров и не забывай любящего тебя

И.Бунина.

283. Ю.А.БУНИНУ

3 ноября 1897. Петербург

Птб., 3 ноября 97 г.

Милый Юричка! Пишу тебе спешно и из всех сил прошу тебя исполнить мою просьбу *непременно тотчас же!* Дело в том, что петербургские студенты обратились ко мне с просьбой *написать адрес Златовратскому*[1]. Я сдуру согласился. Но все-таки сам боюсь писать и умоляю тебя написать и тотчас прислать мне. Напиши просто, от имени птб. студентов; просили написать так, чтобы не было партийности и чтобы было можно собрать возможно больше подписей. Напиши, Бога ради, *как только получишь это письмо и скорее вышли.* Надеюсь получить от тебя к четвергу — пятнице, самое большее, субботе 8-го.

Ты писал мне о литер<атурном> вечере[2]. Я буду очень рад участвовать — если нужно тотчас приеду. Если тебя теперь спросят, что я думаю читать, скажи: «Данте, стихотв<орение> Геббеля, в переводе Вейнберга»[3]. Если нужно что-нибудь мое — «Танька», рассказ из сборника или «На край света» — что тебе лучше понравится.

Итак, жду от тебя адреса. Целую, в воскресенье 9-го думаю выехать отсюда[4].

Жду!!

Твой И.Бунин.

284. И.А.БЕЛОУСОВУ

4 ноября 1897. Петербург

Милый друг, был еще два раза у Г<айдебурова>[1]. Один раз не застал, а другой — совершает туалет и уезжает в Гл<авное> упр<авление> по делам печати. Взял с секретаря слово, что он переговорит с Г<айдебуровым> о «Гайд<амаках>» и сообщит мне результаты, а также попросит Г<айдебурова> написать тебе самому. Как только секретарь мне сообщит, напишу. До скорого свидания!

Твой И.Б.

285. Н.И.ПОЗНЯКОВУ

9 ноября 1897. Петербург

9 ноября 97 г.
Птб., Пушкинск<ая>, 2.

Милостивый государь
Николай Иванович!

Г. Жихарев только в пятницу вечером передал мне Ваше письмо. Поэтому простите за поздний ответ и за то, что могу только это одно стихотвореньице предложить Вам для сборника[1].

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

286. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

27 ноября 1897. Москва

Любезный Николай Дмитриевич.

Хотим в пятницу 28-го ноября быть у Вас с Белоусовым. Если Вам нельзя — черкните. Если же не получим ничего от Вас — будем.

Ваш И.Бунин.

287. И.А.БЕЛОУСОВУ

27 ноября 1897. Москва

Милый Тезка!

В субботу Златовратский участвует в литерат<урном> вечере[1], так что навряд удобно к нему. Поедем, пожалуйста, к Телешову в пятницу. Извести его, да сделай так, чтобы и от него получить ответ — будет ли он дома.

Твой И.Бунин.

288. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 декабря 1897. Москва

5 дек. 1897 г.

Вы меня обижаете, Николай Дмитриевич, предполагая, что я мог говорить о Вас у Михайловых, как о «полотере»[1], т.е. о «юноше для танцев». И как Вы могли думать, что, приглашая Вас, я ничего не *взвесил* и поступаю как нетактичный юнец? Михайловы мои хорошие знакомые, люди интеллигентные и совершенно простые. Рекомендовал я Вас как «человека вообще» (Ваше выражение) и в качестве такового Вы и будете встречены. Предварительного визита вовсе не надо делать, фрака надевать не требуется, в азартные игры играть и напиваться

тоже не надо, да и никто не может предположить, чтобы мой знакомый, которого я ввожу в дом, делал это с особым удовольствием.

Одним словом, дорогой Николай Дмитриевич, — жду Вас к себе на квартиру[2] 6-го числа, т.е. завтра, к 8-ми часам. В девять мы явимся к Михайловым и будем делать, что нам угодно. Боюсь только, что Вы поздно получите это письмо. Жду.

Ваш И.Бунин.

Пишу несвязно, но завтра успокою Вас в более связных и более сильных выражениях. Повторяю, очень буду рад поехать с Вами[3] и Вас будут рады видеть.

И.Бунин же.

289. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 декабря 1897. Москва

Я уже написал Давыдовой[1].

Вчера говорили о Вас у Михайлова. Н<иколай> Ф<едорович> совсем не придает значения церемонии визитов, и поэтому не делайте ему официального визита. Он просто будет рад Вас видеть у себя по четвергам вечером[2].

Ваш И.Бунин.

290. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

15 декабря 1897. Москва

Завтра, во вторник 16-го собираюсь к С.Д.Махалову[1]. Заезжайте ко мне часов в 7 и поедем вместе, если свободны.

Ваш И.Бунин.

291. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1897. Москва

Любезный Николай Дмитриевич,

Михайловы приглашают Вас поехать с ними в их деревню, Лунево, на денек-другой[1].

Едет две компании: одна завтра* с поездом, который отходит из Москвы *в 3 ч. 30 м. дня,* другая послезавтра, в воскресенье, в 10 ч. утра. Обе компании состоят из людей, которые почти все Вам знакомы. Если Вам нельзя завтра, то приезжайте тоже в воскресенье. Было бы, впрочем, очень желательно, чтобы Вы поехали завтра. Сам Михайлов, я и Юлий поедем завтра. Возвратимся все в понедельник. Ехать надо по Николаевской дороге до станции *Сходня.* На Сходне и завтра, и в вос-

---

* Суббота 27-го.

кресенье на всех хватит лошадей, и притом лошадей великолепных, так что доедем превосходно. Надеюсь, что будет очень весело. Прелести Лунева я Вам уже описывал. Итак, ждем Вас завтра на Николаевский вокзал[2] к 3 ч. Михайловы *очень* просят Вас.

Извините меня, а также попросите за меня извинения у Ваших, что не поздравлял с праздником: не имею обыкновения, хотя всегда рад пожелать и Вам и всем Вашим всего лучшего.

Ваш И.Бунин.

292. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

29 декабря 1897. Москва

Любезный Николай Дмитриевич,

М.Ф. и Ф.А.Беркенфельд, родственники Михайлова, которых Вы видели на Николин день[1], пригласили меня к себе встречать Новый год и просили передать таковое же приглашение и Вам.

Если Вы еще не обещали никому, поедемте: ручаюсь за радушный прием[2]. Буду ждать Вас к себе в среду 31-го декабря до четверти восьмого часа вечера: просили пораньше, часам к 8-ми. А если Вам неудобно, то приезжайте прямо к Беркенфельд. Живут они на Гороховом поле, Вознесенская ул., против Елисаветинского института[3], собственный дом, № 19-21. Это близ «Райка», в С<таро>-Басманной части, 2-го участка. Если же, паче чаяния, совсем не поедете и мы не увидимся в среду, приезжайте ко мне, пожалуйста, как-нибудь на следующей неделе. Назначьте день (за исключ<ением> среды и четверга) и напишите. Я тогда напишу С.Д.Махалову и И<вану> А<лексеевичу>[4]. Привозите тогда свой новый рассказ («Домой»), который, верно, кончен[5]. Прочту и я Вам крохотный.

Из Питера получил дней пять тому назад письмо от Давыдовых[6]: страшно занята Давыдова (ведь время-то какое!) и обещает непременно прочесть Ваш рассказ[7] на этих днях и тотчас же известить. 3-го обещался приехать Михеев. М.б., 3-го встретимся где-нибудь все вместе? Впрочем, ведь он пробудет не один день и мы, верно, известим Вас, где свидимся.

А лучше всего повидаемся раньше: поедем к Б<еркенфельдам>!

Ваш И.Бунин.

293. Н.В.ГАВРИЛОВУ

16 января 1898. Москва

Милостивый государь
Николай Петрович[1]!

Будьте любезны написать мне, остаетесь ли Вы при своем решении издать книгу моих стихотворений[2] или нет. Если Вы не раздумали, то, пожалуйста, сообщите, когда Вы можете это сделать и мы письменно

или лично поговорим подробнее об условиях. Москва, Арбат, Староконюшенный пер., редакция журнала «Вестник воспитания», Ивану Алексеевичу Бунину.

С ист<инным> уваж<ением> И.Бунин.

Простите, если переврал Ваше отчество.

294. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 января 1898. Москва

Что Вы пропали? Не приедете ли завтра, 23-го ко мне часов в 8? Думаю, что будет и Махалов.

Ваш И.Бунин.

295. П.А.ЕФРЕМОВУ

23 марта 1898. Москва

23.III.98.
Москва.

Милостивый государь
Петр Александрович!

Согласно просьбе Правления Пензенской общ<ественной> библиотеки имени Лермонтова[1], спешу известить Вас, что я с удовольствием готов принять участие в сборнике в память Белинского[2] и, конечно, согласен, чтобы имя мое было поставлено в объявлениях об этом сборнике. Очень был бы благодарен Вам, если бы Вы известили меня, когда я должен доставить рукопись. Адрес мой *до 1-го мая: Москва,* Староконюшенный, редакция *«Вестника воспитания»,* Ивану Алексеевичу Бунину. *После 1-го мая:* Почт. станция *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовского уезда.

Примите уверения в совершенном почтении и уважении к Вам

Вашего покорного слуги

Ив.Бунина.

296. Е.М.ЛОПАТИНОЙ

11 апреля 1898. Москва

11 апр. 98.

Мне очень обидно и горько, милая и дорогая Катерина Михайловна, вспоминать многое из того, что Вы сказали мне. Я провел очень грустный вечер, но пишу Вам спокойно, еще раз ясно проверив себя и свои поступки. Я постарался охватить все свои настроения, приняв в расчет и Ваше душевное состояние и опять пришел к заключению, что Вы

были неправы в своих упреках мне и преувеличили то тяжелое, что будто бы снова нависло над нами. Вы были неправы и даже жестоки потому, что, во-первых, очень обидно и поверхностно определили мое настроение, а во-вторых, забыли, что мое поведение по сравнению с тем положением вещей, которое есть, — не так уж дурно. Может быть, я из мнительности одно преувеличиваю, другое уменьшаю в Вашем отношении ко мне; м.б., у меня утратился на время верный взгляд на вещи; но все-таки Вы не вините меня строго: ведь эта мнительность так естественна для всякого, даже очень сильного и зоркого, в моем положении. М.б., я преувеличиваю то, что угнетает меня, ошибаюсь, что многое, о чем мне хочется говорить Вам, многое, что есть в моей душе, — для Вас или чуждо, или ненужно, или просто скучно, или, наконец, так не соответствует Вашему настроению, что неделикатно и неловко с моей стороны говорить Вам об этом. Но ведь для таких предположений есть основания, и, если я преувеличиваю вообще, то не преувеличиваю в некоторых частностях. В мое чувство к Вам входит, напр., и чувство страсти. Прямо говорю Вам это, потому что не дал Вам повода не уважать меня в этом отношении, потому что Вы знаете, что я не посмел бы говорить Вам об этом, если бы это чувство не было так чисто, не граничило бы с самым чистым чувством пред красотою и женственностью в лучшем смысле этого слова. Я не скрываю, что люблю Вас и как девушку, люблю порою Вас всю невыразимой любовью. Но разве это уж такое мелкое чувство, с которым вполне легко бороться? Если бы было даже одно оно, разве можно спокойно упрекнуть человека за то, что он не в силах порой владеть собой? А Вы упрекнули меня и даже больше того — сказали, что у меня это чувство главное. И мне чрезвычайно горько вспомнить Ваши слова! Не скрываю и того, что помимо этой любви у меня еще много нежности к Вам, которая увеличивается в те моменты, когда что-нибудь другое особенно трогает меня, как, например, в тот день, когда было Ваше рождение[1] — именно это трогало меня, — когда Вы были в своем милом, девичьем белом платье, когда я так любовался Вами и так тянуло меня к Вам. Но и это чувство — разве уж так ничтожно и не владеет с необыкновенной силой людьми? Но пусть даже так, пусть Вы и за это считаете возможным упрекать и называть эгоистом, — ведь неправда, что только эти чувства у меня к Вам главные. Вы знаете, что я систематически подавляю их и, вероятно, подавлю, чтобы только сохранить наши отношения. Вы не можете не знать, как мучительно не иметь даже возможности говорить этого, и Вы видите, что я все-таки счастлив с Вами, я, который не имеет уже никакой надежды на Вашу любовь. Будьте же снисходительны ко мне, напоминайте себе, что Вам не за что не уважать меня, говорить со мной как с нетактичным мальчиком, сожалеть меня, как мелкого и бессильного человека, и упрекать меня в эгоизме. Другой на моем месте гораздо хуже вел бы себя. А что касается эгоизма, то повторяю Вам — нельзя толковать о нем, когда все-таки совсем не это угнетает меня главным образом. Меня подавляет именно то, за отсутствие чего Вы упрекаете меня, — горячее желание быть Вашим другом, близким Вам человеком, а мне все чудится, что я для Вас только милый и хороший знакомый, с

которым у Вас много общих интересов, но который — Вы упорно твердите это себе — не хочет и не может понимать главного, что составляет суть Вашей жизни. Вы так сдержанны и так замкнуто живете своей внутренней жизнью, что я каждую минуту боюсь быть навязчивым и ненужным, даже в то время, когда какое-нибудь высокое настроение раскрывает душу, как, напр., в светлую ночь, когда я отдал бы Бог знает что за то, чтобы вдруг увидать Вас возле себя, увидать Вашу обрадованную улыбку и внезапно почувствовать близость бесконечно дорогого человека, которая наполняет душу радостью умереть за него, сделать все, чтоб только он был счастлив. Меня подавляет и Ваше грустное отношение к жизни, хотя — вспомните — ведь Вы никогда не поговорили задушевно и подробно со мной, а всегда уклонялись от этого, — и, наконец, Ваша жизнь. Мне невыносимо думать, в каких тисках, без радости и деятельности, проходит Ваша молодость, что Вас ждет, может быть, апатия, угнетенная покорность судьбе, а потом — одинокая старость. Жизнь тяжела и огромна, я знаю; мое существование, кроме того, сложилось очень-очень печально, так полна уже безнадежных дум, и все-таки я еще могу с полной искренностью сказать, что, если бы не такое страшное одиночество, — жить можно, нужно и радостно. И так Вы дороги мне, так хочется надеяться на Вашу близость, на жизнь и на работу с Вами, а я вижу, между тем[a].

297. С.Н.КРИВЕНКО

6 мая 1898. Москва

6 мая 1898 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Николаевич! Вы, вероятно, будете смеяться, когда получите это письмо и увидите, что я пишу Вам вовсе не из Италии какой-нибудь, а из той же Москвы, в которой я сижу всю зиму почти... Впрочем, Вы, должно быть, уже знаете это и смеялись раньше. Но ничего не поделаешь, так уж обстоятельства сложились. Боюсь только, что Вы и к моей просьбе, с которой я к Вам обращаюсь, отнесетесь так же, как к моем отъезду за границу. А просьба, ей-богу, серьезная и состоит в том, что мне очень нужна работа и я обращаюсь к Вам за помощью в этом. Работа, — конечно, газетная, — мне нужна более или менее постоянная. Нельзя ли что-нибудь получить в «Сыне отечества» вроде *фельетонных обозрений исторических, педагогических, детских журналов, писем из Москвы,* более или менее частых заметок *по библиографии* и т.п.? Очень прошу Вас, дорогой Сергей Николаевич, если Вы имеете в виду заводить в газете что-либо подобное, помочь мне, если даже не сейчас, то хоть с осени! Очень прошу попомнить обо мне! И другая просьба, хотя и не столь важная: к 26-му мая, ко дню чествования памяти Белинского, я собираюсь в Пензу[1]; так вот, не могу ли я рассчитывать, если от Вас не едет туда

[a] Далее текст утрачен.

какой-либо сотрудник, — поместить в «Сыне отечества» несколько писем из Пензы[2]? Жду Вашего ответа, крепко целую Вас и Ваших ребят, кланяюсь и желаю здоровья Софье Ермолаевне.

Ваш Ив.Бунин.

P.S. Вместе с этим письмом шлю корректуру романа Катерины Михайловны и усердно прошу передать Гаврилову[3], что он безбожно поступает с нею: нельзя ли хоть немного почаще присылать листы и вообще поторопиться с печатанием книги?

Непременно вскоре пришлю кое-что по беллетристике для «С<ына> о<течества>»[4].

298. Н.В.ГАВРИЛОВУ

7 мая 1898. Москва

7 мая 1898 г.

Уважаемый
Николай Васильевич!

По многим обстоятельствам, я до сих пор не собрался Вам выслать лист материала для того, чтобы Вы сделали расчет, во сколько обойдется мне печатание моей книги стихов. Могу сделать это теперь, но вот вопрос — нужно ли это? Ведь это будет обыкновенная книжка стихов листов в 10–12. Лишнего Вы с меня, я знаю, не положите, так не все ли равно, когда я узнаю, что будет стоить книга — до или во время печатания? Печатать будем не больше 1000–1500 экз. Вот Вам сведения, которых я думаю пока достаточно. Но если уж необходимо прислать — я пришлю. Очень прошу Вас написать мне поскорее, когда Вы можете начать печатать книгу. *Необходимо, чтобы она вышла в августе*[1] *для того, чтобы в нынешнюю же осень были рецензии в журналах*. Поэтому назначьте срок присылки материала (всего, полностью). Так как книга будет не менее 10–12 листов, то в цензуру представлять, я думаю, не нужно. Опасений у меня на этот счет нет никаких.

Жду от Вас скорых и окончательных решений.

Уважающий Вас

Ив.Бунин.

Адрес до 20-х чисел мая — на бланке. После: Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ., Ефремовск. у., Ивану Алексеевичу Бунину.

Но думаю, что Вы ответите мне скорее.

299. Ю.А.БУНИНУ

8 или 9 мая 1898. Царицыно

Драгоценный Юринька! Переселился я в Царицыно на дачу Ерохова, № 2, квартира Иннокентия Михайловича Михеева. Туда и пиши. А пиши поскорее! Тяжко мне, дяденька. Дело мое все то же, — как гово-

рил поп в вагоне, — «ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса». Ах, *если бы не эта проклятая история с Евгением[1]! Я бы заперся в деревню, чуть не на год!* Как дела? Пиши подробней. Всех целую.

Твой И.Бунин.

300. Ю.А.БУНИНУ

1 июня 1898. Царицыно

Царицыно
1 июня 1898 г.

Милый Юричка! Получил твое письмо, а также письмо Евгения[1], в котором он просит узнать адрес Жемчужникова[2] и пишет мне: «Любезный Иван Алексеевич!» Значит, толковать нечего о мире с таким дураком. Он спокойно, но твердо настроился против меня. Это изумительно скверно сложилось, ибо я черт знает что дал бы, чтобы запереться теперь на очень долгое время в глушь, тишину и скудное существование. Скоро я покидаю Царицыно. Дело мое осложнилось[3] самым неожиданным фактом: замешался третий человек. Что я пережил — один дьявол знает! Но решил я твердо скоро уехать. Пиши поскорее. Я уеду к Федорову на некоторое время, а потом… хоть к черту на рога. Уеду я, думаю, дней через десять — нельзя бросить печатание стихов у Тихом<ирова>[4], да и денег нет. Если же раньше — извещу телеграммой. Пиши. Поцелуй всех крепко и, ради Бога, успокой маму.

Твой И.Бунин.

Прошу тебя ни слова не говорить ни с кем о К.М.[5а].

301. А.М.ФЕДОРОВУ

1 июня 1898. Царицыно

Царицыно, 1.VI.98.

Милый и дорогой
Александр Митрофанович!

Я уже писал Вам зимою[1], что я обалдел до последней степени. Вот уже несколько месяцев я живу, как во сне. Оправдываться перед Вами за мое дикое молчание мне нечего. Вы знаете, как я крепко люблю Вас, Вы сами видите, что мое молчание — дико и, значит, объясняется очень исключительными обстоятельствами. Теперь я освобождаюсь от этих обстоятельств и скоро покидаю московские палестины. И первым шагом на этой свободе — будет путешествие к Вам[2]. Чрезвычайно Вас прошу, если Вы еще не совсем забыли меня и хотите меня видеть, — написать мне, можно ли приехать к Вам на недельку.

[а] Приписано в начале письма в правом верхнем углу.

Я пишу на «Южное обозрение», не знаю, где живете Вы в Люстдорфе (<нрзб>) и такова ли у Вас квартира, чтобы я мог, не стесняя Вас, найти у Вас приют на несколько дней. Пожалуйста, только будьте откровенны, голубчик, чрезвычайно хочу Вас видеть, так же, как и милую Лидию Карловну. Кланяюсь ей, а Вас от всей души целую и жду письма.

Станция Царицыно, Московско-Курской ж.д., дача Ерохова, № 2, кв. И.М.Михеева, Ивану Алексеевичу Бунину.

Ваш всей
душой

Ив.Бунин.

302. Е.М.ЛОПАТИНОЙ

16 июня 1898. Царицыно

Прощайте, милая и дорогая моя, радость и скорбь моей жизни, незабвенный и мучительно родной друг! Страшную ночь переживаю я — невыразимо страшную в безвыходном страдании. И порою я совсем падаю духом и, клянусь Вам тоскою своей кончины, — полжизни готов отдать за то только, чтобы на мгновение увидать Вас перед собой, как к матери кинуться и прижаться с горячим рыданием к Вашим коленям и крикнуть Вам — пощадите меня! Пожалейте и спасите меня от печалей! Но выхода нету, и в оцепенении страшного изумления я спрашиваю себя — как может быть это? Как не *почувствовали* Вы никогда моей любви и не дрогнуло у Вас сердце? И уж никакой надежды! Помню эти горькие и безумные два дня в Петербурге без Вас. Но тогда я был безумно несчастлив и счастлив во всякое время. Тогда мне казалось, что хоть ценою жизни я могу взять Вашу любовь, ждал чего-то всем существом своим и заплакал от несказанной радости, разорвавши Ваше письмо. Ох, если бы знали, каким счастьем захватило мне душу это внезапное прикосновение Вашей близости, ваши незабвенные и изумительные по выражению чувства слова: «Мне грустно, я хочу Вас видеть и *хочу, чтобы Вы знали это...*»[1] О, Катерина Михайловна, — не забуду я этого до гробовой доски, не прощу себе до могилы, что не умел я взять этого и не могу не простить Вам за них всего, что только не превышает всех моих сил. И образок Ваш. Вы благословили меня и знайте, что уже не было для меня ничего в ту минуту в жизни. Все страдания мои, все злобы и порывы моей души преклонились в то мгновение и если бы было это в час вечной разлуки со всем, что дорого и радостно было мне на земле, в час последнего прощания с Вами, я бы в неизреченной и тихой радости закрыл глаза под Вашим последним благословением меня в этом мире на новую и великую жизнь за его пределами. И клянусь я — горько утешит меня то, что, когда я буду в могиле, на груди моей будет Ваш образок[2].

Это все, что чувствую я сейчас. Если я переживу это *все*, может быть, изменится многое, как изменюсь, верно, и я весь, потому что такие дни не проходят даром. Но сейчас есть выше всего одно, есть чувство, которое меня переносит в Вашу комнату, к Вашей постели, у которой я стал бы на колени и сказал бы те немногие слова ласки, нежности и преклонения перед Вами, какие есть на языке человеческом и которые в тысячной доле дали бы почувствовать Вам, как безгранично и свято я люблю Вас сейчас и как я обессилел от страданий. Помните и в одном верьте мне, что каждое мое слово здесь написано истинно кровью моего сердца.

Ночь 16-го июня 1898 г.

303. Ю.А.БУНИНУ

18 июня 1898. Нежин

Нежин, 18.VI.98.

Еду в Одессу, к Федорову. Зной 100°. Дело определилось больше и скверно для меня[1]. Пиши, Бога ради, и крепко поцелуй всех.

Напишу из Одессы.

И.Б.

304. Ю.А.БУНИНУ

24 июня 1898. Люстдорф

24 июня 98 г.

Милый Юрочка, я живу в Люстдорфе у Федорова. Пробуду здесь, должно быть, числа до 10-го июля[1]. Потом — не знаю куда. Вероятно, уже будет пора ехать на эту несчастную Мусинькину свадьбу[2], которой я до сих пор не верю как-то и все надеюсь, что она образумится. Так и скажи Машеньке и еще скажи, что горячо целую ее и не думаю сердиться на нее, хотя мне так мучительно жаль ее. Денежные дела мои плохи. Е<вгению> Д<аниловичу> будет уплачено 1-го июля, так как Байков обманул меня[3] и оттянул платеж до 1-го. Часть из этого платежа я взял, так что получу, помимо долга Е<вгению> Д<аниловичу>, 95 р. всего, да из них надо в Царицыно отослать рублей 20, остался должен за квартиру, ведь я говорил всем, что вернусь туда. Думаю все-таки хоть в 3-м классе съездить в Константинополь[4]. Вот было бы хорошо, если бы ты хоть немного проехался, хоть до Одессы, до Люстдорфа, а отсюда морем через Крым домой! Пиши, пожалуйста. Тут живет теперь еще Куприн[5], очень милый и талантливый человек. Мы купаемся, совершаем прогулки и без конца говорим. Чувствую себя все-таки плохо и физически, и нравственно. Что ты, милый и дорогой друг? Вышлю тебе на днях книжку стихов изд. Тихомирова[6], выйдет она через несколько дней.

Монтвид прислал «Чайку»[7] и просит переделать, — «сделать любовь моей героини более сознательной и менее эгоистичной» (помнишь, — она хотела убить Торвальда). Я очень огорчен такой х<...> и не знаю, как быть, как сделать такую идиотскую поправку. Придется писать новое что-либо. Целую всех, особенно мамочку. Крепко обнимаю тебя.

Твой И.Бунин.

Для простых писем адрес такой: *Одесса. Люстдорф* (через Большой Фонтан) А.М.Федорову для меня.

305. С.Н.КРИВЕНКО

Конец июня — начало июля 1898. Люстдорф

Дорогой Сергей Николаевич! Вы получили уже, вероятно, рассказ под заглавием «Дипломат» Федора Митрофановича Федорова[1]. Он очень просит меня написать Вам — попросить Вашего внимания. Он совсем еще молодой человек — 21 г. и, думается мне, со способностями. Обрадуйте его, пожалуйста, хоть письмом, если не найдете возможным напечатать.

Я, ей-богу, в сентябре дам Вам рассказов[2]. Крепко целую Вас и кланяюсь С<офье> Е<рмолаевне>.

Ваш всей душой
Ив.Бунин.

306. Ю.А.БУНИНУ

Между 17 и 19 июля 1898. Люстдорф

Милый, дорогой Юринька! Я сам удивлялся, что ты не пишешь — никакого письма от тебя из Москвы я не получал. В Конст<антинополь> не ездил — во 1) там чумные случаи были, а во 2) денег нет. Байков не шлет мне денег[1] да и только — прислал только 25 р., которые, конечно, и растратились. Кроме того, тут история: я чуть не каждый день езжу на дачу Цакни, издателя и редактора «Южного обозрения», хорошего человека с хорошей женой и красавицей дочерью[2]. Они греки. Цакни — человек с состоянием — ежели ликвидировать его дела, то, за вычетом долгов, у него останется тысяч 100 (у него два имения, одно под Одессой, другое в Балаклаве — виноградники), но сейчас совсем без денег, купил газету за 3000 у Новосельского[3], без подписчиков и, конечно, теперь в сильном убытке, говорит, истратил на газету уже тысяч 10 и, говорит, не выдержу, брошу до осени, ибо сейчас денег нет. Расходится «Южн<ое> обозр<ение>» в 3000 экз. (с розницей). Вот и толкуем мы с ним, как бы устроить дела на компанейских началах. Ведь помнишь, мы всю зиму толковали и пили за свою газету. Теперь это можно устроить. Цакни нужна или материальная помощь, или сотрудническая. «*Своей* компании, — говорит он, — я с удовольствием отдам газету (на-

правление «Южн<ого> обозр<ения>» хорошее), могу отдать или совсем с тем, чтобы года три ничего не требовать за газету, а потом получать деньги в рассрочку, или так, чтобы компания хороших сотрудников работала бесплатно и получала барыши, ежели будут, причем и редактирование будет компанейское, или так, чтобы был представитель-редактор от компании, а он будет только сотрудником, или чтобы сотрудники при тех же условиях вступили пайщиками в газету, чтобы можно было, наконец, создать хорошую литературную газету в Одессе». Прошу тебя, Юлий, подумай об этом серьезно. Нельзя ли, чтобы Михайлов[4] вошел главным пайщиком? Или устроим компанию? Только погоди с кем бы то ни было переписываться — газета должна быть прежде всего в наших с тобой руках. Цакни просит меня переехать в Одессу, если это дело устроится. Хорошо бы устроить! Тем более, что все шансы за то, что я женюсь на его дочери. Да, брат, это удивит тебя, но выходит так. Я хотел написать тебе давно — посоветоваться, но что же ты можешь сказать? Я же сам очень серьезно и здраво думаю и приглядываюсь. Она красавица, но девушка изумительно чистая и простая, спокойная и добрая. Это говорят все, давно знающие ее. Ей 19-й год. Про средства точно не могу сказать, но 100 тысяч у Цакни, вероятно, есть, включая сюда 50 тысяч, которые ему должен брат[5], у которого есть имение, где открылись копи. Брат этот теперь продает имение и просит миллион, а ему дают только около 800 тысяч. Страшно только то, что он может не отдать долга. У Цакни есть еще и сын[6]. Люди они милые и простые. Он был в Сибири, затем эмигрировал, 9 лет жил в Париже, жена его — женщина-врач. Тон в семье хороший. Не знаю, как Цакни отнесется к моему предложению с Анной Николаевной, которая мне очень мила, я говорил только с ней, но еще не очень определенно. Она, очевидно, любит меня и когда я вчера спросил ее, улучив минуту, согласна ли она, — она вспыхнула и прошептала «да». Должно быть, дело решенное, но еще не знаю. Пугает меня материальное положение. Я знаю, что за ней дадут во всяком случае не меньше 15–20 тысяч, но, вероятно, не сейчас, так что боюсь за первое время. Думаю, что все-таки лучше, если даже придется первое время здорово трудиться — по крайней мере, я буду на месте и начну работать, а то истреплюсь. Понимать меня она навряд будет, хотя от природы она умна.

Страшно все-таки. *В тот же день пиши мне как можно подробнее* — посоветуй. А то думаю числа 26-го все кончить[7]. 26-го литературный вечер[8], в котором и я, а еще Бальмонт. Он тут. Решив дело, поеду в Огневку не позднее 28–29–30. Жду письма с нетерпением. Всех целую.

Твой Ив.Бунин.

307. П.А.ЕФРЕМОВУ

13 августа 1898. Огневка

Апраксино[1], 13 авг. 98 г.

Глубокоуважаемый
Петр Александрович!

Посылаю Вам стихотворение для сборника Белинского[2]. Пожалуйста, простите, что не мог сделать этого раньше и будьте добры известить меня, пойдет стихотв<орение> или нет: боюсь, что опоздало. Адрес мой до 25 авг.: Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовского у., Ивану Алексеевичу Бунину. После 25-го: Москва, Староконюшенный, редакция «Вестника воспитания».

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

308. С.Н.КРИВЕНКО

19 августа 1898. Огневка

Д. Огневка, 19 авг. 98 г.

Дорогой Сергей Николаевич! У меня уже давно лежит бумага от «Союза»[1], в которой я должен был вписать свои литературные и иные доходы. Но как я их определю. Литературой я зарабатываю в год (считая издания, корреспондирование в газеты, рецензии и т.д.) тысячи полторы и меньше, а с имения почти ничем не пользуюсь. Только живу тут на всем готовом месяца 3–4 в году. Что же мне написать? Шлю Вам эту бумагу. Будьте благодетелем — впишите в нее, если найдете возможным вписать что-ли<бо> на основании вышеизложенного. И еще просьба: ради Бога, спросите Гаврилова, будет ли он печатать мою книгу стихов[2] на условиях, нами обозначенных. Он хотел печатать летом, я протянул время, но думаю, что ему ничего не стоит напечатать ее и в сентябре. Десять листов стихов — ведь это на десять дней работы. Попросите его написать мне *в Москву* (Староконюшенный, редакция «Вестника воспитания»). Посылаю Вам книжку стихов, издание «Детск<ого> чтения»[3].

Кланяюсь Вашим и крепко жму Вашу руку. Пожалуйста, извините, что беспокою Вас.

Ваш Ив.Бунин.

309. С.Т.СЕМЕНОВУ

Конец августа 1898. Москва

Дорогой Сергей Терентьевич!

Я в настоящее время очень заинтересован судьбой одной одесской газеты — «Южное обозрение», — которая находится в очень чистых

руках и пытается завоевать себе успех настоящими, хорошими целями, а не тем, чем изобилует вся одесская пресса — пресса сплошь уличная. Газета эта очень молодая и, естественно, терпит пока большие убытки, причем редактор-издатель[1] совсем почти не располагает сейчас свободными средствами. Вот я и обращаюсь к Вам с большой просьбой: *не подарите ли для этой газеты небольшой рассказик*[2]? Заплатить сейчас, право, нечем, так что уж сделайте доброе дело — подарите небольшой фельетон, и позвольте поставить Ваше имя в число сотрудников. Обещались помочь, между прочим, Мамин, Вас. Немирович-Данченко, Телешов. Пишу Михееву[3].

На днях я уезжаю в Одессу, где буду жить почти всю зиму, так что, если Вы будете добры, — дадите что-либо, — пришлите на *мое имя* в Одессу — угол Гаванной и Дерибасовской, редакция газеты «Южное обозрение».

Ваш Ив.Бунин.

310. Ю.А.БУНИНУ

Середина сентября 1898. Одесса

Милый, дорогой братка! Доехал и грущу. В Полтаве компания отказалась[1] — далеко, нельзя вести газету. Только Лисовский обещал изредка писать, да Балабуха, да Падалка, который рекомендовал обратиться кое к кому в Одессе, если только газета *изменится.* Теперь я на квартире Цакни в городе[2], буду жить у них, хотя это еще неловко и я чувствую себя скверно. Говорил с Цакни — плату за содержание он отверг и назвал чепухой. Все равно, говорит, если бы Вы жили отдельно, я выдавал бы Ане рублей 75 в месяц сначала, а потом, надеюсь, мог выдавать и 150. О капитале в приданое не сказал ничего. Их желание — чтобы я работал по беллетр<истике>[3]. В газете, говорит, выбирайте себе что угодно, о плате сговоримся. Вот и все мои новости. Пиши, Христа ради, что-нибудь для газеты. И вообще пиши мне поскорей.

Твой всей душой
Ив.Бунин.

311. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина сентября 1898. Одесса

<...>[a] это? Вам-то бояться, конечно, нечего, ибо, повторяю, цензура не зачеркнет у меня ни слова. Но можно ли в цензуру-то представлять в листах? Надеюсь, что можно.

---

[a] Начало текста утрачено.

В крайнем случае, если такая комбинация невозможна *и нельзя разогнать книжку до 10 листов* путем верстки, я добавлю несколько стихотворений: мне никак нельзя ждать предварительной цензуры.

Убедительно прошу Вас сдать рукопись в набор как можно скорее, чтобы она вышла в октябре[1] и были бы кое-где рецензии к празднику.

Формат книги, по-моему, должен быть вроде суворинских изданий Чехова[2].

Жду Вашего ответа.

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

Если нужно подписать условие — присылайте. Мой поклон С.Н.Крив<енко>.

312. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 сентября 1898. Одесса

Одесса, 21.IX.98
Гаванная ул.,
«Южн<ое> обозрение».

Милый и дорогой
Николай Дмитриевич!

От всего самого искреннего сердца рад за тебя и поздравляю тебя[1]! Я еще холост, но увы! — скоро превращусь в женатого[2] и, представь себе, тоже числа 24–25–26. Если не уеду, по-твоему, за границу, то буду в Москве в ноябре. Напиши, пожалуйста, из твоей Италии, где ты там будешь. Пиши нам оттуда свои впечатления для газеты[3]. Получаешь ее?

Крепко целую тебя и остаюсь всей душой твой

Ив.Бунин.

313. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1898. Одесса

25 сент. 98.

Люкася! Позавчера я повенчался[1], но не в этом дело, а в том, что я опять пропадаю: написал Селитренникову[2] узнать, когда срок моим векселям и он ответил[3], что срок векселя твоего и Лисовского ***6-го окт.***, но не написал, на какую сумму я должен теперь писать вексель. ***Поэтому умоляю тебя, скорее*** на векселе, который я посылаю тебе, только подписаться так, чтобы сверху написать обязательство. А Лисовский, который тоже подпишется, напишет это обязательство, т.е. все с обозначением суммы: я напишу ему или кому другому и он узнает, на сколько писать. Вексель надписал и я. Если не так, брось и подпиши новый.

Пиши. Что с тобою?

Твой И.Бунин.

314. Ю.А.БУНИНУ

1 октября 1898. Одесса

1 октября 98 г.
Черное море, пароход
«Пушкин».

Милый и дорогой Люкася! Видишь, я — в море и ужасно доволен этим. Возвращаемся с Анной Николаевной из Крыма, уехали в субботу на прошлой неделе[1], были в Ялте, Гурзуфе и т.д., потом в Севастополе и Балаклаве. Тут я перезнакомился с моими новыми родственниками. В Балаклаве — хорошо, земли тут у Цакни 48 десятин и, как рассказывает его племянник, живущий в Балаклаве, все это сто́ит, а будет стоить еще более дорого. Только боюсь, распродаст он по кускам. Он, т.е. Н<иколай> П<етрович>, предлагал мне переселиться в Крым и заняться хозяйством. 30 десятин занято хлебопашеством. Пиши мне, пожалуйста, что ты думаешь обо всем вроде этого, а главное, как живешь и как дела с моим векселем. Он меня настолько беспокоит, что даже повлиял на мое скорое возвращение из Крыма, хотя мы и предполагали проездить очень немного времени. Жду корректуры от дьявола — Байкова[2]. Все-таки проездился и с комфортом — в 1-м классе, конечно, не на свои.

Пиши мне и домой, а то ведь ты небось совсем забыл их.

Женился Н.Д.Телешов[3]?

Ну, пока горячо тебя целую. Думаю, быть в Москве в начале ноября[4].

Здорово качает!

Всей душой твой
И.Бунин.

315. Н.В.ГАВРИЛОВУ

3 октября 1898. Одесса

Многоуважаемый Николай Васильевич! С нетерпением жду Вашего ответа относительно печатания книги моих стихов[1]. Получили ли Вы рукопись? Отчего не отвечаете? Ответьте, а то я в неопределенном положении и теряю время.

Готовый к услугам И.Бунин.

Одесса, Гаванная, «Южное обозрение».

316. С.Н.КРИВЕНКО

3 октября 1898. Одесса

Одесса, Гаванная, «Южное обозрение». 3 окт. 1898 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Сергей Николаевич!

Посылаю Вам рассказ-легенду под заглавием «Велга»[1]. Это вполне самостоятельная работа, порожденная долгим чтением описаний севера, северных морей и т.д. Пожалуйста, известите меня о ее судьбе, а если напечатаете, пришлите мне *несколько* тех №№ «Сына отечества», в которых она будет.

Я, как видите, в Одессе. Женился на доброй и очень хорошей девушке[2] и проживу эту зиму на юге, частью в Одессе, частью в имении моих новых родных[3]. В ноябре приеду месяца на два в Москву и Питер[4]. Занимаюсь литературой, как никогда.

Жду Вашего ответа и крепко жму Вашу руку. Мой низкий поклон С<офье> Е<рмолаевне>.

Ваш душой
Ив.Бунин.

317. А.А.КОРИНФСКОМУ

7 октября 1898. Одесса

7 окт. 1898 г.

Дорогой Аполлон Аполлонович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я принимаю теперь участие в одной одесской газете — «Южн<ое> обозр<ение>» — и хлопочу вместе с другими, чтобы создать хоть одну истинно литературную газету на юге[1]. Газета очень молода и пока, конечно, идет с убытком и свободных средств мало. Вот я и обращаюсь к Вам, как и к некоторым другим приятелям, с просьбой помочь нашему делу: позвольте поставить Ваше имя в число сотрудников и *подарите* (ей-богу, денег совсем мало!) хоть одно-другое стих<отворение>[2]. У нас уже было по несколько стих<отворений> Бальмонта, Федорова, Медведева, моих и обещали и уже прислали кое-что хорошие беллетристы[3]. Помогите, пожалуйста!

Письма — на мое имя.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

P.S. Федоров был очень тронут заметкой «Севера»[4].

318. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1898. Одесса

15 окт. 98 г.

Милый и дорогой братец Юлий Алексеевич! Не писал тебе так долго потому, что буквально осатанел за работой — буквально ни минуты отдыха. Возвратясь из Крыма (в ту ночь, когда я писал тебе на пароходе, на Черном море[1] разразилась такая свирепая буря, которой, говорят, не было несколько лет и я испытал всю прелесть и ужас дьявольской качки, когда пароход бортами черпал воду!) — я нашел письмо от Давыдовой[2]. Эта гнусная м<...> пишет мне: «Получили мы Вашу рукопись, Ив. Ал., и, откровенно говоря, удивились. Была обещана *повесть* или *рассказ* — и вдруг северная легенда ("Велга"), да еще побывавшая во "Всходах". Странно. (Sic!) Посылаем вам ее обратно. До свиданья. Желаю всего хорошего. А.Давыдова». Каково! Я написал ей[3], что, что если «Велга» не попала в детск<ий> журнал — еще не беда, но что я не пишу специально для журналов, считаю все свои рассказы литературными, и думал, что легенда — тоже рассказ. Конечно, написал лучше, но вот смысл. Написал сдержанно и тотчас сел писать рассказ. Ведь упрекает за аванс, очевидно. Переделал и расширил тот рассказ, что тебе читал про одинокого молодого человека[4]. Вышло, кажется, ничего, работал упорно. Отослал. Раньше я еще написал рассказ «На Чайке» — недурно, но он что-то еще не появился во «Всходах»[5]. Надо писать «Волченят»[6] или, как ты говоришь, — «Медвежат». Кроме того, идет корректура «Гайаваты»[7]. Приготовил рукопись стихов, написал несколько новых, отослал Гаврилову и вот уже месяц не получаю ответа[8]. Живу хорошо, совсем по-господски, А<нна> Н<иколаевна> — замечательно добрый, ровный и прекрасный человек, да и вся семья. «Южное обозрение» — сильно увеличивается розница. Но ни х<...> не поделаешь — ослы сотрудники, Н<иколай> П<етрович> — жопа, а мне некогда. Погода стоит дивная — сегодня жарко, как летом. Сейчас едем в именье — я, Аня и Беба[9], будем охотиться. Но буду, конечно, и работать и там. Там все есть, лошади верховые и т.д. — словом, тоже все по-барски, даже кухарку с нами шлют. Вроде Михайловых! Пробуду там *с неделю,* не больше — корректура. Пока поручил Федорову один лист. Федоров усиленно просил 150 р. (теперь 100), но я настоял не давать и буквально ни кляпа не делает. А что Златовратский «ни х<...> не делает!» Не знаю, смогу ли приехать в конце октября — дела много, да и не знаю, как буду с деньгами. Н<иколай> П<етрович> намекал, что даст, но я промолчал и, ей-богу, не думал подговариваться. Но во всяком случае в Птб. будем вместе. Телешов — не понимаю! Мне он прислал такое дружеское письмо, два даже — на редкость[10]. Верно, родня, конечно, хамы, сволочь.

Машенька не радует меня, такие грустные письма пишет[11], я писал ей несколько раз[12] — не получает. Не крадет ли Ласкаржевский? Про-

сил попросить у тебя денег для нее — раздета, говорит. Просто голова болит! Не проедешь ли хоть ты к ней на свадьбу?

Пиши, Бога ради; просматривай «Южное обозр<ение>» — пришли что-нибудь.

От Белоусова получил милое и — смешное письмо[13] и грустно мне стало за тебя! Ходишь, милый, с ним в «Прагу» — только и утехи. Скажи Михееву, что ж я его просил о рукописи для «Южн<ого> обозр<ения>»[14].

Отчего у вас нет рецензий обо мне[15]? В «Сыне отечества» Скабич<евский> (не фельетон, а в рецензии) говорит[16], что как поэт, я талантливее беллетриста, но тоже снисходительно. Беда, как Богданович покровительственно[17]!

Ну, горячо тебя целую, милый и дорогой мой.

Твой Ив.Бунин.

319. Ю.А.БУНИНУ

19 октября 1898. Краснополье

98 г., 19 окт. Понедельник.

Милый и дорогой Люкася! Пишу тебе из именья, из Краснополья. Мы приехали сюда в четверг[1] и пробыли бы дольше (сегодня уезжаем в Одессу), если бы не случилось со мной маленькой беды: вчера вечером пошел из зала на балкон, сунул к двери руку, — а стекло в двери было разбито — и так глубоко прорезал большой палец около главного сустава, что кровь лила как из ведра и пришлось тотчас же скакать к доктору. Доктор перевязал и сказал, что это пустяки — владеть пальцем я буду, только шрам останется. Но больно очень и я хочу в Одессе что-нибудь сделать, т.е. обратиться к доктору, чтобы он засыпал йодоформом или что-либо в этом роде. А в Краснополье (или Затишье) очень хорошо. Местность тут совсем голая, но гористая, усадьба стоит на склоне горы, а перед ней громадная долина, красиво замкнутая горами. Вообще местность похожа на долину около Балаклавы. Дом привел меня в восторг — огромный, массивный, уютный, старинный, но крепкий, думаю, вдвое или более обширнее пушешниковского[2]. Земли тут 800 десятин. Приказчик говорит, что что ж, жить можно, прошлый год доходу было 6000 руб. (конечно, без платежа в банк). Именье многие хотят купить и дают по 130 р. за десятину. Но продавать Н<иколай> П<етрович> не склонен. Усадьба вдали от деревни, только близ нее 7 хат, принадлежащих Цакни, которые снимают крестьяне. На хуторе тоже 7 хат, тоже в аренде. Вчера получили письмо из Одессы от своих — Элеонора Павловна сообщает, что ее брат (родной) Александр продал свое имение — подписал в пятницу предварительное условие с неустойкой в пользу его, Александра, в 50 тысяч, если покупатель откажется.

Берет за именье ни много ни мало — [а] (не умею написать) *миллион двести тысяч.* Хорошо, кабы он исполнил обещанье и подарил Ане

[а] Далее зачеркнуто: 1200

ожерелье в 25000 р.! Ник<олаю> Петр<овичу> он много должен (не знаю — тысяч 30–40) и теперь отдаст.

Что делать с «Южн<ым> обозр<ением>»? Людей нет! Теперь Н<иколай> П<етрович> покупает *еще газету* — «Одесск<ую> газету», — которая умирает, но сильно вредит «Южн<ому> обозр<ению>» — отнимает розницу экз. 600–500, понижает плату за объявления до 2 коп. и т.д. Тысячи за 3 можно купить, но конечно не вести газету, а так только — держать камень за пазухой. Эти 3 тысячи почти все тотчас окупятся розницей, объявлениями — все это перейдет в «Южн<ое> обозр<ение>» и я думаю, купить следует. В крайнем случае, если «Южн<ое> обозр<ение>» закроют — можно начать выпускать «Одесскую газету», да имея в запасе газету, можно менее бояться нарождения нового конкурента.

Ну, прощай, пиши, пожалуйста. Горячо тебя целую.

Твой И.Бунин.

320. Н.В.ГАВРИЛОВУ

20 октября 1898. Одесса

Будете ли печатать книгу[1] ответьте Одессу Гаванная Южное обозрение Бунину.

321. Н.В.ГАВРИЛОВУ

22 октября 1898. Одесса

Одесса, Херсонская ул., д.
№ 40 (Диалегмено), кв. 17.
22 октября 98 г.

Многоуважаемый
Николай Васильевич!

Я не получил Вашего письма и потому снова прошу Вас ответить мне на вопросы, которые я сделал в первом письме к Вам: как Вы устроились с цензурой? 10 листов в книге не будет и, значит, надо отдавать в цензуру полистно. Согласны ли Вы на это и устроили ли это? В противном случае поспешу дополнить книгу. Затем прошу Вас присылать мне две корректуры: первую в гранках, ибо я не обойдусь без поправок, вторую — в листах к моей подписи. Одновременно с посылкой листов мне, можно посылать их и в цензуру. Наконец, когда я получу первую корректуру? Будьте любезны написать мне обо всем этом подробно. Писать мне лучше по адресу, выставленному мною выше. Корректуру присылайте, пожалуйста, *заказными* бандеролями.

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

322. С.Н.КРИВЕНКО

26 октября 1898. Одесса

26 окт. 1898 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Сергей Николаевич!

Спасибо Вам за все добрые пожелания. Буду недели через две-три в Птб.[1] и, м.б., привезу туда и жену, приведу к Вам. А что касается «Велги»[2], то смело можете напечатать теперь: для рождеств<енского> № дам рассказ *непременно*[3]. Я ведь, помимо всего прочего, должник Ваш.

Кланяюсь С<офье> Е<рмолаевне>, целую детей и крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам всей
душою Ив.Бунин.

323. Ю.А.БУНИНУ

Конец октября 1898. Одесса

Одесса. Херсонская ул., д.
№ 40, кв. 17.

Милый Люкася! Что ты молчишь? Я умираю от работы. Но с сегодняшнего дня очень освобождаюсь. Кончил «Волченят». Говно — девать некуда[1]. «Велга» принята в «Сыне отечества»[2], «Без роду, без племени» — в «Мире Божьем»[3]. «Гайавата» печатается[4]. Скоро будут печататься стихи[5]. Цакни купил еще газету — «Одесскую газету» за $3\frac{1}{2}$ т<ысячи> и прикрыл. Розница поднялась на 1000 в день, но зато надо до января удовлетворить подписчиков «Одес<ской> газеты». Федоров уходит в «Одесские нов<ости>» — просит уже 150 руб., а Цакни не дает. Слышал ли, что в Полтаве 27 человек высылают за письмо к Налимову? Шкларевич хлопочет[6].

Денег у меня ни черта и не знаю, как поеду на север.

Сообщи мне точно, когда думаешь в Птб., чтобы я мог как раз приехать туда вместе с тобою. Думаю, в 20-х числа ноября[7]. Жду ответа об этом. Горячо целую.

Машенька вышла замуж 14-го окт.[8] Знаешь ли?

Твой И.Бунин.

324. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина ноября 1898. Одесса

Уважаемый
Николай Васильевич!

Еще раз беспокою Вас — что же Вы губите меня? Пожалуйста, ответьте мне, надеетесь ли Вы выпустить ее к празднику[1]. Печатать очень

недолго, но все-таки можно не успеть. Вся осень пропала. Жду Вашего окончательного ответа.

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

Одесса.
Херсонская, 40, кв. 17.

325. Ю.А.БУНИНУ

21 ноября 1898. Одесса

Ты опять замолчал, потому что последнее твое письмо было еще от 10-го ноября и страшно кратко. Разве ты не мог хоть приблизительно определить, когда поедешь в Птб. *Я выезжаю через неделю* в Петербург[1], так как что же ехать в Москву — можно тебя там не застать. Думаю, что в Петерб. увижу тебя. Еду с А<нной> Н<иколаевной> — непременно хочет, хотя это возмутительно дорого будет стоить. Да, так в Петербурге, там пробуду дней 15 и отправлю А<нну> Н<иколаевну> домой, а затем к тебе — в Москву[2], потом в Калугу, к Евгению и опять в эту, е<...> ее мать, Одессу[3]. Мне ужасно, нестерпимо хочется повидаться с тобой. Денег предложил Цакни. Думаю кончить к отъезду рассказ, иначе выехал бы хоть завтра. Все-таки, может быть, успеешь написать мне. Только помни, через неделю уеду, а нынче 21-ое ноября. Совсем лето, но туман — страшно. И я сижу угнетенный, одинокий и с страшной тяжестью на душе. Я не умею жить как все и пусть бы убирались к черту от меня все житейские обязанности! А<нна> Н<иколаевна> кажется беременна и я убит этим. Это идиотизм, что я похож на отца. Послать бы все это к х<...>!

Твой И.Бунин.

326. И.А.БЕЛОУСОВУ

22 ноября 1898. Одесса

Целую, благодарю и очень-очень прошу извинения за молчание. Обалдел от работы и, ей-богу, был очень рад, когда ты вспомнил меня своим милым письмом. Очень скоро буду в Москве[1], так что до свидания. Поклон твоей супруге.

Твой И.Б.

327. Ю.А.БУНИНУ

29 ноября 1898. Одесса

Еду Москву буду вторник[1] со скорым

Бунин

328. Ю.А.БУНИНУ

18 или 19 декабря 1898. Петербург

Милый Люкася, не знаю даже, зачем приехал в Петербург — кончаю коррект<уру>[1] и почти никого не вижу. Оттого и не писал. Жду от тебя известий, приедешь ли ты сюда? Если нет, то я выеду 20-го или 21-го, хочется побыть немного в Москве, а затем поедем в Калугу[2].

Адрес: Невский, д. 51. Меблирован<ные> комнаты «Заремба», № 11.

Крепко целую, Аня кланяется.

Твой Ив.Бунин.

329. А.Н.БУНИНОЙ (ЦАКНИ)

31 декабря 1898. Москва

31 дек. 1898 г.

Милый Аник, провожу новогодний вечер совершенно один, если не считать Юлия, который сидит внизу и занимается — сдает спешный материал. Мы оба никуда не поехали, обоим некогда, да и не хочется мне никуда. Год от году я становлюсь нелюдимей и все грустней провожу новогодние вечера. Хотел бы я любить людей и есть во мне любовь к *человеку,* но в отдельности, ты знаешь, я мало кого люблю. И кого люблю, те сегодня почти все далеко от меня. И тебя нету, самого милого и дорогого моего друга! Обнимаю тебя от всего моего сердца и желаю тебе всех радостей жизни, а больше всего того, чтобы навсегда осталась ты такою же чистою и благородною, родною и милой мне!

Вчера писал тебе[1], что выеду из Москвы числа 5-го. Повторяю это еще раз и прошу тебя написать мне в Калугу[2].

Целую твои ручки с самой горячею нежностью, моя деточка. Поцелуй и поздравь от меня папу, маму и Бэбэ. Весь твой Ив.Бунин.

330. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

Конец декабря 1898. Москва

Дорогой Николай Митрич.

Ради Бога, извини — сижу за рукописью[1], никак не могу приехать. Зайду к тебе завтра в контору часов в 11. Е<лене> А<ндреевне> поклон.

Твой Ив.Бунин.

331. Ю.А.БУНИНУ

18 января 1899. Тула

Тула, 18.I.99.

Милый и дорогой Юринька! Еду в Одессу. Пора, — Аня очень скучает, да и Цакни просит приехать поскорее. Пишет, что подписка очень

плоха[1], так что придется опять докладывать каждый месяц рублей 1500! Поэтому, говорит, надо газету продать или вступить в компанию, тем более, что он переутомился и здоровье его очень плохо. Что делать — не знаю. В Калуге все, слава Богу, живы и здоровы и страшно ждут тебя. Приехал Евгений и хочет пробыть долго, но сидит без копейки и очень просит тебя о деньгах.

Ехать маме и Маше в Москву неудобно, — Ласкаржевский насидится голодный, кроме того, Евгений у них, да и больше они тебя будут видеть, если ты приедешь. Значит, поезжай в Калугу, — очень ждут тебя, страшно скучают. Квартирка ничего, но нужда заедает. Машенька часто плачет, исхудала и я сам не могу вспомнить о ней без слез. Глупость сделала и почти не скрывает этого.

Мама ходит почти разутая... Поезжай, милый! И не забудь о деньгах Евгению, иначе ему придется уехать домой и лишить мать последней радости. Посылай ему в Калугу не все, — только рублей 25, а остальное в Лукьяново.

Как твое здоровье? Немедленно пиши мне.

Мучительно грустно и не знаю, как помочь им!

Горячо целую тебя.

Твой Ив.Бунин.

332. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 января 1899. Одесса

Одесса.

Милый и дорогой Николай Дмитриевич!

Я уехал, не простившись с тобой и надувши, кроме этого, тебя относительно обеда, и, ей-богу, очень каюсь в этом. Искренно тебя прошу не придавать этому никакого значения. Из Одессы перед отъездом получил письмо, в котором меня, по некоторым делам, просили поскорее приехать[1], а мне еще надо было хоть на минутку заехать повидать своих[2]. Поэтому я дорожил временем, а времени было очень мало — все поглощал «Гайавата», так что, как только кончилась корректура, я тотчас же уехал. Да и нездоровилось мне все... И вышла, одним словом, ерунда. Но, пожалуйста, не сердись на меня — право, мне чертовски жаль, что я теперь еще Бог его знает когда увижу тебя. Второе, что очень огорчило меня — это то, что цензор оба твои рассказа зарезал без всякого милосердия[3], а между тем рассказы — особенно первый — всем весьма понравились в редакции. Выслать тебе их? О переводе газеты на Чистые пруды снова сделал — уже грубое — распоряжение.

Не забывай все-таки «Южн<ое> обозр<ение>» — пришли что-нибудь поневиннее[4].

Здесь совершенная весна — порой даже лето: на днях на солнце было 22 градуса тепла. Я второй день только и делаю, что брожу по бульвару над морем и пьянею от воздуха.

«Домой» получил и очень скоро напишу о ней[5]. Спасибо. Пожалуйста, пиши хоть изредка, как живешь и что думаешь.

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

P.S. Поклон твоей супруге.

333. И.А.БЕЛОУСОВУ

9 февраля 1899. Одесса

Милый Ваничка, газета посылается за стихи[1] — спасибо.

Живу смирно, — стоит совершенное лето, вроде как у нас в июне, — гуляю, сплю, ем... Словом, отдыхаю. Скоро буду «рассказывать». *Пожалуйста, пиши почаще.* Мне-то ведь из «своей» Одессы нечего тебе сказать.

Поклон супруге.

Твой И.Бунин.

334. Ю.А.БУНИНУ

Начало февраля 1899. Одесса

Херсонская, д. № 40,
кв. 17.

Милый, дорогой Люкася!

Очень скучаю и по тебе, и по своим, и вообще. Делать почти ничего не делаю — ем, сплю, гуляю. Стоит лето, дивные солнечные дни, и я очень часто бываю у моря. Перезнакомился тут с художниками[1]. *Не курю вторую неделю.* «Гайаваты» еще не получил[2]. Дела газеты совсем говно, так что Цакни упорно ищет покупателя. Оказывается, что подписчиков гораздо меньше, чем я предполагал. Сегодня Цакни переговаривал с Южно-русским обществом печатного дела и, кажется, есть полная надежда на то, что дело устроится, т.е. что о-во купит газету тысяч за 20–15. Было много покупателей на Затишье — дают по 160 рубл. Цакни продавать не хочет. Брат Элеоноры Павловны окончательно подписал условие на продажу имения — берет 1 мил. 300 тысяч.

Был ли ты в Калуге? Почему так скоро уехал оттуда Евгений? Я, вероятно, не выдержу и в марте продеру на несколько дней в Москву и Калугу. Не раздумал ли ты относительно приезда сюда? Все будут очень рады. Только когда приедешь? Поедем ли мы на писательский съезд[3] в начале мая? Или в конце, кажется? Ради Бога, серьезно подумай и напиши, издавать ли мне книгу стихов у «Издателя»[4]? Боюсь, что надоем рецензентам. Да и что же, — ведь будет новых-то стихов 30, а все остальные те же, что и «Под открытым небом»[5]. Не подождать ли до осени? Или выпустить в конце марта к Пасхе? Напиши поскорее. «Под открытым небом» — разве это книга?

Получил ли от Монтвида деньги[6]? Отдай их Михайлову, остальное скоро пришлю, — Байков вышлет[7].

Был здесь Лесевич, читал две лекции[8]. Мы его чествовали. Пиши, Бога ради, почаще.

Непременно зайди к Байкову и возьми у него 2 экз. «Гайаваты» из причитающихся мне: один себе, другой для «Вестн<ика> воспитания» *и, ради Бога, похлопочи отдать книгу хорошему рецензенту*[9].

Твой
И.Бунин.

335. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

19 или 20 февраля 1899. Одесса

Одесса, Херсонская ул.,
д. № 40, кв. 17.

Дорогой Николай Дмитриевич.

Пожалуйста, прости меня, что за недосугом так запоздал ответом. Извини, пожалуйста, и за то, что не пошла твоя корреспонденция. Цакни нашел, что Тевосьянц имеет мало значения для Одессы. Газетка маленькая, а ведь это целый фельетон. Уж, пожалуйста, не сердись, особенно на меня. Если будет охота, пришли еще что-нибудь, только давай животрепещущее и посжатей. Большое спасибо тебе за рассказ. Пойдет на днях[1]. Что Махалов? Он, видно, тоже обиделся на нас за фельетон. Цакни и его не поместил, находя, что сведения запоздали. Скажи ему мой привет и что ждем от него беллетристики, за которую мы были всегда благодарны ему[2]. Как его дела в «Мире Божьем»[3]?

О «Домой» скоро будет заметка в «Юж<ном> обозр<ении>»[4].

У нас наступила зима, и я стал больше сидеть за письмен<ным> столом, хотя результатов еще мало. А ты?

Поклонись супруге.

Крепко любящий тебя
Ив.Бунин.

336. В.Я.БРЮСОВУ

23 февраля 1899. Одесса

23 февр. 99 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич.

Я молчал вовсе не из-за стихов[1], а просто потому, что ленив писать — право, ведь писать письма одно из самых трудных искусств, особенно, если хочется поговорить, а не выразить только свое «почтение». Да и вообще я ленился это время. Очень часто у нас наступает совершенное лето, и я по целым дням шатаюсь в гавани. Относительно Тихого океана еще ничего не знаю — больно уж много денег надо[2]. Но все-таки куда-нибудь уеду.

Стихи Ваши напечатаны недели две тому назад, и я приказал выслать Вам несколько экз. того номера, где они были[3]. Но, очевидно, наша контора опять поступила по-свински, что очень нередко с нею случается. Завтра зайду и подыму скандал. Пока же не сердитесь на меня за это, равно как и за то, что между стихотворениями вместо цифр I, II и т.д. поставлены ***. Это опять не моя вина[4]. Пожалуйста, пришлите что-нибудь еще.

Посылаю Вам «Гайавату»[5]. Улучите свободное время и прочтите. Мне хочется слышать Ваше мнение. Хоть Вы и не можете сравнить с подлинником, но думаю, что почуете, чувствуется ли запах первобытных лесов или нет.

Напишите мне об этом, да и вообще, пожалуйста, не забывайте меня хоть изредка письмами.

Кланяюсь Вашей жене[6] и крепко жму Вашу руку.

Ваш
Ив.Бунин.

337. С.Н.КРИВЕНКО

23 февраля 1899. Одесса

Одесса, Херсонская ул.,
д. № 40, кв. 17.

Дорогой и глубокоуважаемый
Сергей Николаевич.

От брата Юлия получил известие, что Вы справлялись у кого-то, где я. Посему извещаю Вас, что я уже сижу в «своей» Одессе, наслаждаюсь летом и понемногу работаю. Собираюсь послать небольшую вещичку Вам[1] и напоминаю Вам о «Сыне от<ечества>». Пожалуйста, если можно, прикажите выслать мне его[2].

Вчера послал Вам свою книжку — перевод «Песни о Гайавате» (которая в прошлом году была напечатана в виде приложения к журналу «Всходы», а теперь вышла отдельно)[3] и, ради Бога, прошу Вас не давать ее для рецензии человеку, который не знает английского языка[4] и скажет о ней несколько незначащих слов. Я столько труда положил на это несравненное произведение, что мне будет очень грустно, если к нему отнесутся казенно. Не за себя прошу, а за «Гайавату».

Кланяюсь С<офье> Е<рмолаевне>, целую Ваших ребят и крепко жму Вашу руку.

Сердечно любящий и
уважающий Вас
Ив.Бунин.

338. И.А.БЕЛОУСОВУ

1 марта 1899. Одесса

Херсонская, 40, кв. 17.
1 февр.[1] 99 г.

Милый Иван Алексеевич.

Сейчас получил твое письмо от *29 янв.* (!) — потрепанное и засаленное — и, по правде сказать, разозлился на тебя: черт знает, какую ты х<...> пишешь! Что я, мальчишка что ли, чтобы так говенно лгать! Хорошо еще, что случилась такая нелепая штука, — т.е. что письмо провалялось где-то целый месяц и что ты болен был, а то бы я тебя стал ругать самыми гнусными ругательствами. Как ты не сообразишь до сих пор, что я чертовски неаккуратный человек? Сообрази — и не будем больше толковать об этом...

Дня три тому назад получил от тебя письмо с извещением о «Роднике»[2] и тоже разозлился — но уж не на тебя, конечно. Вот, брат, прохвосты! Лично мне <на> это наплевать, но ведь видно, что это было сделано прежде всего потому, что моя книжка — издание «Родниковского» конкурента[3]. Совсем лакейская выходка. И, повторяю, только это и произвело на меня скверное впечатление. Ведь они даже стихи не сумели выбрать — выбрали, как нарочно, очень недурные. А главное, — как раз перед этим я получил из Англии от оксфордского профессора и переводчика В.Р.Морфиля очень приятное письмо[4]. Пишет, что просматривая последние русские сборники стихов — он «прочел мои с великим удовольствием». «Нахожу у Вас, пишет, истинное *сочувствие с природою* и большой талант *для представления пейзажа*. Я уже долгое время занимаюсь в *часах досуга* переведением русских и польских поэтов и надеюсь будет время скоро когда я приготовлю к печати сборник этих переводов и переведу некоторые из Ваших стихотворений, потому что мне очень нравились. Ваши поэмы картины все прекрасны». Вот, брат! А то «Родник»!

Спасибо тебе за стихи. Все напечатаем[5]. Увидишь Н.А.С<оловьева>-Н<есмелова>[6], скажи ему, что я тщетно жду «Детск<ое> чтение». Посылаю тебе «Гайавату»[7]. Издание вышло хоть куда. Скажи Н.А., что я жду также отзыва о «Под открытым небом» у них. Буду рад, если они отзовутся и о «Гайавате»[8]. Издано не для детей, но это не мешает пользоваться и детям. Увидишь Семенова — поклонись и скажи, что мы были бы весьма довольны, если бы он прислал что-либо[9]. Цензура у нас прямо свирепствует. Режет вдребезги, недавно от рассказа Засодимского оставила только начало[10]. Пожалуйста, пиши, голубчик, гнева у меня на тебя больше нет. Дружески обнимаю тебя.

Поклон жене.

Твой И.Бунин.

339. Ю.А.БУНИНУ

1 марта 1899. Одесса

Милый, дорогой Юринька! Ты страшно остарел — такие короткие и сонные письма пишешь. И опять в Калугу не поехал! Съезди, ради Бога, — авось три дня не штука. Ведь я знаю, что все это ерунда, что ты к Святой отделаешься[1]. А если отделаешься, куда первым делом поедешь? Посылаю тебе «Гайавату» в 2-х экз. — один Михайлову, а другой или себе оставь, или употреби на рецензию[2]. *Ради Бога, прошу тебя похлопотать об этом поскорее.* Да смотри, если рецензент напишет, что вот, мол, вышла книга для детей — зачеркни. Эта книга *не для детей издана, а только может годиться и для детей, для юношества.* Похлопочи, брат, — ведь сколько труда положено. — Из твоего письма я что-то не понял, получил ли ты то мое письмо[3], которое я послал недавно и в котором я просил тебя посоветовать мне, — издавать ли книгу стихов[4]. Ведь, с одной стороны, рецензенты будут недовольны, — вот, мол, опять почти такая же книга, а с другой — на «Гайавате» уже объявление поставлено[5]. Во-вторых: ставить ли мне эпиграфом на книжке следующие стихи С.Аксакова:

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов —
И в свои родные годы[6].

Ради Бога, напиши обо всем этом *поскорее.* Живу говенно, т.е. не пишу, не соберу мыслей. Видно, ни кляпа у меня нет настоящего таланта. Долго об этом писать, а скверно я себя чувствую. Да и жизнь нелепая. Иной раз, проснусь — глаза вытаращу, куда это попал к е<...> матери, в чужую семью и т.д. Денежные дела дрянь. Газету не покупают, а каждый месяц рублей 1000 надо. Просто ужас! И уж сколько долгов!

Что наши? Не получаю писем. А ты? Где Евгений? Стерва Байков не шлет денег[7], но как пришлет, тотчас вышлю. Ты 70 рубл. получил от Монтвида? Отдал ли? *Пожалуйста, справься, не было ли мне у вас повестки на 11 р. 50 к.* из Киева, из «Жизни и искусства»[8]. Пишут, что выслали еще 19 декабря. Справься и не забудь написать.

Газету вести нет никакой возможности уже из-за одного цензора. Страшно много режет — Лисовского, Изгоева (е<...> его мать!), Засодимского оставил только начало, которое и было напечатано[9], и т.д. Пришлешь ли статью о народных журналах[10]? А то я напишу о «Журнале для всех»[11]. Вот прелесть!

Хороша ли «Гайавата»? Разругали «Под открытым небом» в «Роднике» — пишут, что плохи, вялы стихи[12]. Федорову тоже не везет. Федоров ни х<...> не делает, пьет, б<...> и т.д.

Часто бываю в опере. А ты? Писал ли я тебе, что из Оксфорда получил от Морфиля хвалебное письмо[13], — пишет, что переведет что-нибудь.

Ужасно хочется повидать тебя и всех своих. Пишешь ли ты отцу? Вот забытый, бедняга! Будь деньги — приехал бы в марте.

Пожалуйста, пиши.

Крепко и горячо целую тебя.

И.Бунин.

1 марта 99 г.

340. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 марта 1899. Одесса

Дорогой Николай Дмитриевич. Опять извиняюсь перед тобой. Право, только теперь хорошенько сообразил, что ты можешь рассердиться за поправки в рассказе[1]. Ей-богу, как-то само собой вышло, да ты ведь и сам разрешение давал. Напиши мне поскорее, если не зол. Кланяюсь твоей супруге.

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

341. И.А.БЕЛОУСОВУ

Начало марта 1899. Одесса

Милый Иванушка!

Забыл в тот день выслать «Гайавату»[1]. Хорошо, что напомнил — посылаю. Огорчает меня то, что многим не нравятся рисунки. (Как тебе?) Но уже получил три похвалы — от Авиловой[2], от Меньшикова, который прислал мне письмо и собирается написать статью о «Гайавате», называя превод «чрезвычайно ценным и образцовым трудом»[3] — и в «Сыне отечества»[4]. Там расхвалили и «Гайавату» и перевод до небес, но говорят, что рисунки портят впечатление. Напиши мне, как тебе понравится. И вообще пиши — ***поподробнее***.

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

342. Ю.А.БУНИНУ

14 марта 1899. Одесса

Херсонская, 40, кв. 17.
14 марта 99 г.

Милый, дорогой Люкася! Ты положительно забыл меня. Уже на второе мое письмо не отвечаешь[1]. Ведь я тебя спрашивал о книге, а это экстренно. Получил ли «Гайавату»? Читал ли на него рецензию в «Сыне

от<ечества>»[2]? Очень и очень хвалят. Получил еще письмо от Меньшикова[3] — тоже очень хвалит, обещает рецензию, Айхенвальд — благодарит и пишет[4], что давно знает и высоко ценит меня как писателя.

Новостей мало, — лучше сказать, нету. Много читаю, хожу в оперу. Иду сейчас на «Дубровского»[5] — поет Фигнер с женой, Яковлев, Власов[6]. Фигнер — просто дивен.

У нас стоит — теплая осень. От Машеньки грустные вести[7] — больна, просит денег, а денег сейчас нету... Пиши ты маме почаще.

Аня кланяется и очень тебя любит.

Пиши, Бога ради. Горячо целую тебя. Байков, е<...> его мать, все тянет. Такая досада! Кроме того, приближаются векселя.

Твой Ив.Бунин.

Как здоровье Захара Ивановича? Как поживает желтоногий туе<...>-дяденька?

343. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 марта 1899. Одесса

18 марта 99 г.
Одесса.

Милый Николай Дмитриевич.

Рассказ твой давно напечатан[1], и я завтра же распоряжусь, чтобы тебе выслали тот №, где он был, хоть в 10 экз., если можно, т.е. если осталось. Относительно неаккуратности в доставке — говорят, что это виновата московская почта. Сегодня говорил об этом в конторе.

Жалею, что твои книги задержались. Со мной еще хуже вышло — напечатал на «Гайавате», что, мол, продаются мои стихотворения издания о-ва «Издатель», а стихотворения-то еще не выходили[2]. Теперь уже и не знаю, как быть. Выпускать к лету глупо. Получил ли ты приглашение в сборники в пользу голодающих? — Затевается два — один «Курьер», другой — одна московская компания[3]. Вышел ли сборник Белинского[4]? Лермонтовская библиотека в Пензе пишет мне, что на днях должен выйти...[5] Заставь ты себя, ради Бога, писать!

В Одессе творится какая-то кляповина: то июнь, то октябрь да с снегом. Мало-мальски по душе людей нет. Скука, и до сих пор дико мне, что я тут. Проснусь иной раз — и плюну.

Что за черт! А все-таки море просто околдовывает. Хожу провожать пароходы дальнего плавания и мечтаю о дальних странах. С этой стороны очень хорошо.

Где думаешь быть летом? Приезжай в Крым — повидаемся.

Выслал ли я тебе тот переселенческий рассказ, который погубил цензор[6]?

Пиши, голубчик, почаще да побольше — пожалей бедного одессита!

Искренно любящий тебя
Ив.Бунин.

344. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина марта 1899. Одесса

Многоуважаемый
Николай Васильевич.

Просто рок какой-то тяготеет над моей книжкой стихов! Осенью Вы меня подкузьмили, а в январе я сам не собрался послать Вам рукопись. Теперь же уже пост, и я не знаю, как мне быть, — успеете ли Вы напечатать книжку до праздников, а если не успеете, есть ли смысл выпускать в апреле? Я бы отложил печатание до августа, но вот еще история: осенью я был в полной уверенности, что Вы выпустите книгу к январю и *поставил на только что вышедшем переводе моем* «Песни о Гайавате» *объявление о своих книгах и написал, между прочим: «Стихотворения. Изд. о-ва «Издатель»*[1]. Каково положение! Книги нет, а объявление стоит! Думаю, что ввиду этого надо поспешить издать. *Жду Вашего решения — Вашего немедленного ответа.* Зная Вашу рассеянность, прилагаю готовый бланк для письма. Если Вы решите, что можете напечатать скоро и что ничего, если даже книга выйдет в апреле — пришлю ту же минуту рукопись — в ней меньше десяти листов, а корректуру я попрошу только одну — вторую, прямо к подписи.

Жду ответа.

Ваш Ив.Бунин.

Мой поклон всем знакомым.

345. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 марта 1899. Одесса

Херсонская, 40, кв. 17.

Милый Николай Дмитриевич.

Очень рад, что тебе понравились мои стихи[1]. Меня чрезвычайно подбадривают всегда искренние похвалы тому, что мне самому по душе, а что мне по душе, мне кажется всегда, мало может понравиться другим. От этого я и молчу так упорно... Будем, будем писать!

Пришли мне, сделай милость, твой новый рассказ[2] — *непременно.* А что касается «Подруг»[3], то неужели ты мог подумать, что я отдам поправлять тебя первой попавшейся жопе? Рад, что угодил тебе.

«Переселенцев» вышлю[4].

В Москву на будущий год приеду очень надолго. Да и в Питере надо пожить...

Отчего не дал новый рассказ в «Сын отечества»? Это, ей-богу, неумно[5].

Пиши мне почаще. Сборник в пользу голодающих будет пока один — издание «Курьера»[6]. Дай туда что-нибудь. Это полезно и тебе, и доброму делу.

Сердечно твой
Ив.Бунин.

Сейчас вырезал из Альманаха Яблонского заметку о тебе[7].

346. Ю.А.БУНИНУ

Между 21 и 29 марта 1899. Одесса

Милый Люкася! С величайшим удовольствием прочитал твое письмо и несколько раз хохотал с наслаждением — над «моим местом в царстве рыб и куликов» (теперь я, конечно, не поставлю такого эпиграфа)[1], и над переездом дорогого и глубокоуважаемого Захара Ивановича на дачу (надо бы и ему «Гайавату» послать!), — и особенно над этой вытертой п<...> марксизма, Яковлевым[2], которому я, однако, послал в «знак *искреннего* уважения» «Гайавату» по адресу редакции «Начала»[3], где, я думал, он (конечно, не Гайавата) секретарем. На «Гайавату» была еще критика — в «Одес<ском> листке», фельетон Дионео, из Англии[4]. Так как Дионео несколько раз в прошлом и в нынешнем году упоминал в своих статьях о «Гайавате», то я ему послал.

А насчет денег за «Гайавату» я ***нарвался*** и возмущен до глубины души. Вот что написал мне Байков[5]: «*Считаю нужным сообщить Вам, что типогр<афия> Мамонтова за правку корректур и за напечатание и переплет в обложку с загнутыми краями поставила нам* ***208 р. 85 коп.*** *Согласно Вашего любезного обещания принять половину этой вины на себя, мне казалось бы, что счеты наши* ***покончены***».

Что делать — не знаю! Нагло насмеялся негодяй и требовать теперь мне стыдно. Денег вообще нужно много, скоро векселя, и тут еще Михайлов. Цакни вот-вот продает или газету, или 200 дес<ятин> земли, и придется у него взять денег. Но вексель твой и Лисовского я перепишу. Лисовский говорит, что это ничего, что он не в Полтаве. Скоро вышлю тебе вексель для подписи.

Когда ты к нам? Все наши ждут тебя с удовольствием. От Гольцова внезапно получил письмо[6], благодарит за книгу и «за милую надпись» (было надписано «глубокоуважаемому»), спрашивает, как я поживаю, *жалуется на свою жизнь.* Теперь я все понимаю и очень жалею его.

У Мукаси[7] женские болезни и полип в заднице. Доктор сказал ей, что неопасно, но нужно вырезать.

Роман Федорова (листов[a].

347. Ю.А.БУНИНУ

30 или 31 марта 1899. Одесса

Милый Люкася. Посылаю тебе вексель Лисовского, ***подпишись*** и отошли его NB ***немедленно*** (срок 12-го апреля) Борису Осиповичу Лемперту в Полтаву. Лемперт его представит, а я шлю Лемперту деньги. *Не медли, Бога ради.* Пиши.

Твой Ив.Бунин.

---

[a] Далее текст утрачен.

348. Ю.А.БУНИНУ

6 апреля 1899. Евпатория

Черное море, пар<оход> «В<еликий>
кн<язь> Алексий», вечер
6 апр. 99 г.

Ты опять замолчал, как могила. С неделю тому назад я послал тебе вексель[1], подписанный Лисовским. Подписал ли ты его и отправил ли, как я просил, Лемперту, который должен его представить в О-во вз<аимного> кредита? Если забыл, *Бога ради, поспеши подписать и отослать.* Ведь вексель написан на 10 апр. Деньги я посылаю, — Лемперту-то.

Я, как видишь, плыву, упиваюсь положительно морем, пароходом, лунной ночью. Еду в Ялту, проветриться дней на пять[2], увидаться с Миролюбовым, Чеховым и Горьким, которые в Крыму. Миролюбов прислал мне письмо из Ялты[3]. Возьму у Миролюбова 100 р. авансу — Евгений требует 40 р., да и Михайлову нужно. Поездка будет стоить пустяк — еду во 2 кл<ассе>, что стоит с продовольствием от Одессы до Ялты и *обратно* — 18 р. У нас дела грустные. Продажа газеты оттягивается, есть покупатели, но они сказали, что не могут раньше конца апреля, а деньги сейчас нужны на покрытие долгов. Просто беда! Федоров ушел в «Новости»[4], ибо Цакни отказался платить ему 150 р. Теперь «Новости» посылают Федорова к голодающим. Вот счастье-то! Что бы можно написать при таком материале? А я сижу, кисну...

Ради Бога, не забудь о *векселе* да пиши — в Одессу, конечно, ибо вернусь туда числа 14-го. Пиши, едешь ли в Калугу и когда к нам? Ради Бога, поскорее — очень хочется тебя видеть. Поезжай, как думал — по Днепру — всю жизнь будешь благодарен, выеду тебя встречать в Херсоне[5]. Ты забыл юг, море, ты будешь очарован.

Ну, горячо и крепко целую тебя! Пиши мне и маме, а также бедному, милому, забытому отцу.

Твой Ив.Бунин.

349. И.А.БЕЛОУСОВУ

7 апреля 1899. Евпатория

Милый И<ван> А<лексеевич>, сообщи мне, пожалуйста, *адрес* и имя отчество Семенова (кажется, Сергей Терентьевич?), — адрес такой, по которому можно послать *заказную* бандероль. Во-вторых, будь добр прислать мне твою заметку о «Гайавате» в «Курьере»[1]. В Одессе нигде нельзя найти. Рассказ твой пойдет — спасибо[2]. Жду писем. Пиши в Одессу, скоро туда вернусь.

Душевно твой И.Бунин.

Евпатория, 7 апр. 99 г.

350. Ю.А.БУНИНУ

14 апреля 1899. Одесса

Одесса, 14 апр. 99 г.

Милый, великолепный Юринька! Только что вернулся из Крыма и нашел, в числе других, и твое письмо, чему и был очень рад. Пишу тебе прежде всего вот о чем: *контора «Вестника воспитания» неправильно получила мои 11 р. 50 к.*, о которых я уже писал тебе[1]. Эти деньги прислала *мне* контора газеты «Жизнь и искусство» и *23-го декабря их получил Назаров,* как говорит московская почта. Не знаю, кто этот Назаров — очевидно, Андрей[2]. Что все это правда, свидетельствует московский и киевский почтамт. Прилагаю тебе копию этого свидетельства, которую прислала мне «Жизнь и искусство»[3]. *Покажи это Марье Егоровне и получи с нее эти 11 р. 50 к. или лучше всего скажи Михайлову, чтобы он зачел эти деньги* ***в мой долг ему***.

В Крыму видел Чехова[4], Горького (с Горьким сошелся довольно близко[5], — во многих отношениях замечательный и славный человек), Миролюбова, Ермолову[6], Давыдову с дочерью, с Марьей Карловной, которая выходит замуж за эту стерву Ив.Ив.Иванова[7], — Елпатьевского, художн<ика> Ярцева[8], Середина[9].

Погода — буквально рай, рассказать невозможно. Расскажу все подробно при свиданьи. Ради Бога, поскорее собирайся к нам и съезди в Калугу[10].

Ночью в море сильно качало, так что я сейчас еще шальной. Поэтому будет. Буду еще много писать, но куда. *Напиши, когда в Калугу,* когда из Калуги, чтобы знать, куда писать.

Твой И.Бунин.

351. Ю.А.БУНИНУ

17, 18 апреля 1899. Одесса

17 апр. 99 г. Одесса.

Христос воскрес, милый Юринька, крепко целую тебя, дорогой друг! Не знаю, где ты теперь, пишу на всякий случай в Москву и в письме в Калугу повторяю то же по твоему адресу.

Вчера и сегодня я побывал в порту, в конторе Р<усского> о-ва пароходства, разговаривал с моряками и наводил справки относительно поездки в Константинополь[1]. Всеми силами убеждаю тебя — поедем туда, когда приедешь к нам. Давным-давно лето, ветры прекратились, море теперь будет тихое до самой осени, так что *качки быть не может никакой* — в особенности на таких гигантских пароходах, какие ходят в Александрию, т.е. и в Константинополь. Кроме того, у нас есть парижские капли, при которых даже шторм решительно говна стоит. Значит, об этом и толковать не стоит. Дорога *туда* и *обратно* во 2-м классе *с продовольствием* стоит всего ***25 р.*** — 2-ой класс на этих пароходах отличается прямо-таки *роскошью*. В Константинополе ходят пароходики

на Принцевы острова, что стоит копейки. Словом, и с денежной стороны поездка вздор, а ведь это будут впечатления на всю жизнь. Да это ты и сам сообразишь, что значит побывать в Константинополе. *Поэтому* в Москве возьми непременно ***полугодовой заграничный билет*** и кати скорее к нам. Дивную поездку совершим! Я вот ездил в Крым на днях — так забыть не могу этого очарования морского путешествия.

Из Англии от Морфиля получил письмо[2], где он опять пишет о «Гайавате»: просмотрел мой перевод и нашел его «точным и сладкозвучным».

Роман Федорова в «Р<усском> б<огатстве>» не принят.

Погода у нас ослепительно-веселая.

18 апр. 99 г.

Утром нынче был опять в порту, провожали с Аней одну «нашу» родственницу в Смирну. Пароход прямо-таки гигант, не меньше пароходов «Добров<ольного> флота» — настоящий океанийский. Второй класс на *корме,* что тоже очень приятно. Вот на таком поедем и мы с тобой в Константинополь.

Праздник[3], мне скучно... У нас толпится народ с визитами.

Пиши, Бога ради, ***скорее.*** Аня целует тебя. Поезжай же по Днепру или прямо, а потом в Константинополь, а потом в Крым и т.д. Мы скоро собираемся в ***деревню***[4]. Лисовский очень просит[a].

352. В.Я.БРЮСОВУ

18 апреля 1899. Одесса

18 апр. 99 г.
Одесса.

Поздравляю Вас с праздником[1], дорогой Валерий Яковлевич, и прошу извинения за поздний ответ: уезжал в Крым[2], чтобы проехаться и увидеть Чехова, Горького и еще некоторых знакомых — петербургских, съехавшихся в Ялту. Надежды на Тихий океан[3] все более уходят от меня — до следующего года, д<олжно> б<ыть>, — так что я хоть Крымом себя утешаю. Поеду еще в Константинополь[4]. Понимаю прелесть весны и в городе, но в горах, на море, в степи, право, лучше, — для меня, по крайней мере. Уж слишком часто оскорбляет город — грязью, толпой и т.д. А я знаю, — будут люди счастливы и в городах, и вообще часто думаю, — как прекрасна жизнь и как полна и хороша она будет для тех наших потомков, которые сумеют лучше нашего понять это и устроить жизнь!

Спасибо за стихи — все напечатаем[5]. Посылаю Вам то, что было[6]. В «Нищих» цензура выкинула строфу — так досадно! Стихотворение очень хорошее, как и все почти (за исключением отдельных *выражений*) из присланного Вами. Дай Вам <Бог> успеха и хорошего труда,

---

[a] Далее текст утрачен.

дорогой Валерий Яковлевич, — Вы истинно любите искусство, и уже одно это свидетельствует о том, что Вам надо работать!

Пожалуйста, пишите. Где будете летом? Мне пока адресуйте письма в Одессу.

Ваш Ив.Бунин.

Поклон Вашей жене.

353. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 апреля 1899. Одесса

23 апр. 99 г.
Одесса.

Был в Крыму[1] прогуляться и посмотреть на литераторов — там были Чехов, Горький — славный и интересный человек, — Миролюбов, Давыдова с дочерью, Елпатьевский, Пантелеев[2] — затем ездил в Аккерман[3] и вот только теперь поздравляю тебя и твою супругу с праздником[4] и пишу тебе, что книгу получил, напишу об ней и от сердца благодарю за посвящение[5]. Книга искренняя, хорошая. А первый том? Или раздумал выпускать? Вообще ты скуп на сообщения! Нового мало. Соберись, Бога ради, летом в Крым — хоть в августе — надо же повидаться. Я на днях в деревню, пиши все-таки на Одессу, — пожалуйста, пиши.

Душевно твой
И.Бунин.

354. И.А.БЕЛОУСОВУ

24 апреля 1899. Одесса

Поздравляю[1] и целую. Был в отъезде — в Крыму и Аккермане[2], потому так поздно. В Крыму чертовски хорошо! Что ты? Теперь ты поосвободился — не ленись писать мне.

Получил ли свой рассказ, напечатан 21 апр.[3] Стихи помаленьку тоже печатаем[4].

Будь здоров, милый.

Сердечно твой
И.Бунин.

355. В.С.МИРОЛЮБОВУ

26 апреля 1899. Одесса

Одесса, Херсонская, 40
26 апр. 99 г.

Дорогой Виктор Сергеевич!

При всем моем горячем желании исполнить Вашу просьбу, я ничего не мог сделать. Честное слово, чуть не десять дней каждое утро пытался

настроить себя, и порою мне казалось, что вот-вот выйдет прелестная элегия. Но искорки вспыхивали и гасли, и я только бесплодно мучился, ловя их. Сознание, что я во что бы то ни стало должен написать *хорошее* да еще юбилейн<ое> стих<отворение> умерщвляло во мне всякое чувство. А потом я уж истомился, и Пушкин стал представляться мне врагом. Вы, конечно, рассердитесь на меня, но, ради Бога, войдите же и в мое положение! Сознаю, что мне нужно было раньше известить Вас об этом, но, право, я все надеялся, что напишу что-нибудь. Пожалуйста, извините меня, а я с своей стороны твердо надеюсь, что буду гораздо исправнее и талантливее в другой раз. Сегодня я прибег к последнему средству — написал, что перо написало. На всякий случай посылаю его Вам и в Птб., если Вы уже в Птб. Но лучше бросьте в корзину — жалкие стихи![1]

И.Бунин.

356. Ю.А.БУНИНУ

4 мая 1899. Одесса

4.V.99. Одесса.

Милый Люкася! И рад за тебя, что ты едешь за границу[1], и огорчен тем, что пробудешь так мало в Одессе и так поздно попадешь в Огневку. За границу мне ехать не с чем, хотя, черт ее знает, может, нагадаю. Жду тебя сюда с нетерпением, — в Константинополь, конечно, можно после. Зная твою точность, думаю, что ты сможешь *известить меня из Полтавы, когда именно ты оттуда выедешь: какого числа и с каким поездом, — дневным или ночным.* Тогда бы я выехал встретить тебя в Николаев. Из Полтавы ходит, кажется, специально Николаевский поезд, — в 7 часов вечера: я, по крайней мере, ехал так осенью. *И конечно тебе лучше ехать с тем поездом, который приходит в Николаев утром — прямо к пароходу.* Ты приедешь в Николаев в 9 ч. 2 <м.> утра, а пароход из Николаева идет на Одессу в 10 ч. утра (выписываю эти сведения из газеты «Южанин», издав<аемой> в Николаеве). Кроме того, есть пароходы и ночные — в 11 ч. вечера, но, повторяю, лучше тебе приехать так, чтобы ехать по морю днем — полюбоваться. А я выеду из Одессы вечером и утром буду в Николаеве, приеду на вокзал к тебе. Итак, жду тебя и телеграммы из Полтавы, когда выезжаешь. *Помни только, что, прерывая путь в Полтаве, ты должен предъявить свой билет на вокзале.* Я осенью не сделал этого, и вышел х<...> разговор в пути с кондуктором. *А что же ты, не получил те 11 р. 50 к., которые неправильно получила за меня контора «В<естника> в<оспитания>»*[2]. Получи.

Твой Ив.Бунин.

357. И.А.БЕЛОУСОВУ

Середина мая 1899. Одесса

Милый Ванюшка, пожалуйста, пришли стихи о Пушкине. Почти все твои напечатаны[1]. Выслать ли тебе № с твоим рассказом[2]? Где будешь летом? Где Н<иколай> Д<митриевич>[3]? Ни слуху ни духу! Я пока еще в Одессе, завтра приедет Юлий. В конце мая — он за границу[4] — я в деревню[5], а м.б., поеду с ним. Жив, здоров, читаю, гуляю — скучно! Адрес прежний: Херсонская, 40. Крепко тебя целую.

Ив.Бунин.

358. В.Я.БРЮСОВУ

25 мая 1899. Одесса

25.V.99.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Простите, что молчал. Разные дела и настроение скверное[1]. Страшно одинока и непонятна жизнь. Горячо хотелось бы поговорить, но плохо умею в письмах. Пожалуйста, не забывайте меня — пишите[2]. Еду в деревню: Почт. ст. *Захарьевка,* Херсонск<ой> губ., Тираспольского у., мне[3].

Буду думать думы на степных могилах.

И.Б.

Сердечный привет вашей жене[a].

359. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец мая 1899. Одесса

Иванушка! Ты забыл меня. Не скупись, милый друг, на письма, не смотри на меня. У меня жизнь течет однообразно. Наслаждаюсь летом, скучаю, читаю... Что нового у Вас. Пиши, пожалуйста. Поклонись от меня твоей жене.

Твой Ив.Бунин.

Одесса, Херсонская, 40, кв. 17.

---

[a] Приписано в верхнем левом углу письма.

360. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 июня 1899. Одесса

3.VI.99.

Что с тобой случилось, Николай Дмитриевич? Отчего ты ни строки не напишешь мне? Или ты сердит на меня, или умер! Отзовись, пожалуйста, и сообщи свой адрес.

Ив.Бунин.

Я уезжаю в деревню на лето — вероятно, послезавтра[1]. Почт. станция Захарьевка, Херсонск<ой> губ., Тираспольск<ого> у.

P.S. Поздравляю тебя с Скабичевским[2]! Рад ли ты?

361. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 июня 1899. Одесса

Иванушка! Все отступились от меня — никто из Москвы не пишет — отступился и ты. Не знаешь ли, отчего не пишет Телешов? Что с ним? Отпиши все подробно. Расскажи, как праздновал Пушкина[1]; стихи твои опоздали к 26-му, — мы напечатали их числа 28–29 — точно не помню[2]. Все еще сижу в городе — заболел Цакни — жестоко был болен, поправился, теперь заболела А<нна> Н<иколаевна>. Слава Богу, поправляется и надеюсь завтра, послезавтра ехать в деревню[3]. Пиши, — Душенька, — поклонись твоей жене.

Адрес: Почтовая станция Захарьевка, Херсонской губ., Тираспольск<ого> у. Целую!

Твой Ив.Бунин.

362. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 июня 1899. Краснополье

18 июня 99 г.
Краснополье.

Милостивый государь мой Николай Дмитриевич! Наконец-то Вы отыскались и, очевидно, не на том свете, ибо гнусные занятия Ваши, как-то: истребление табаку и пива, лодырничество по литературной части и упорная езда на Валовую[1], — не могли бы иметь места на том свете. Я только вчерашнего числа прибыл в деревню — все задерживался по причине болезней, — то тестя, то супруги. Теперь, благодарение Богу, она поправилась, и вот я наслаждаюсь отдыхом от лицезрения жидовских морд в шляпах и ездою верхом в компании с гувернером (конечно, не своим, а братишкиным)[2], похожим на шакала. Успел уже порядочно загонять двух верховых лошадей, побывать на почте и получить «цельную массу» писем, как выражается почтальон в Захарьевке. Твои письма прочел с большим удовольствием[3] и с удовольствием узнал, что

ты совершенно то же испытываешь, что и я: т.е. жуешь сюжеты и выплевываешь. Ей-богу, это верно, но верно и то, что все это подлость. К черту сюжеты, не тужься выдумывать, а пиши, что видел и что приятно вспомнить.

Я начал-таки кое-что пописывать и думаю, что втянусь. В газете, я тебе уже сто раз говорил, я ничего не делаю и тем паче не «секретарствую». Больно уж маленький чин ты мне полагаешь. Желал бы я знать, из-за какого х<...>, как говорят французы, я буду забивать себе галиматьей голову? Газета чуть-чуть не умерла[4], ибо, серьезно говорю, чуть было не умер Цакни, да и наскучило каждый месяц по 1000 — по 1500 пхать псу под хвост. Но теперь что-то опять затеялось — Цакни вступает с одним господином в компанию.

Ну-с, а теперь позвольте проздравить Вас с литературными чинами[5]! Ей-богу, рад за тебя. Радуйся и ты, даже и тогда, когда будешь знать, что какой-нибудь рецензент сам по себе не очень много значит, — ибо всякий хороший отзыв дает тебе лишнего читателя. Радуйся тем более, что книжка, ей-богу, хорошая, — простая, искренняя, наблюдательная. От всего сердца целую тебя и прошу писать. Поклонись от меня твоей жене.

Ив.Бунин.

P.S. А про мой рассказ ты не молчи[6], — напиши, если прочел, свое мнение. Только, ради Бога, не ври и помни, что это элегия.

363. И.А.БЕЛОУСОВУ

19 июня 1899. Краснополье

Ванюшка, только нынче получил твое письмо и весьма огорчаюсь твоим нездоровьем. Что с тобой? Не пиши так отрывочно. Отдохнуть тебе давно следует. Очень-очень был бы рад, если бы ты собрался в начале осени к нам[1]. Недели через три еду домой, в Орловск<ую> губ., пробуду там с месяц[2] и опять в деревню. Вот бы хорошо, кабы ты собрался в конце августа! *Подумай.* А пока горячо желаю тебе здоровья. Пиши. Адрес: Почт. ст. Захарьевка, Херсонск<ой> губ., Тираспольск<ого> у.

Твой И.Бунин.

Шли стихов, пожалуйста[3].

364. Ю.А.БУНИНУ

23 июня 1899. Краснополье

Краснополье, 23 июня 99.

Милый Юричка! Я послал тебе в Париж 3 письма[1]. Удивляюсь, отчего ты не получил ни одного. Думаю, что они не пришли еще к тому дню, в который ты написал мне из Парижа. Иначе, не знаю что. Адрес я

писал, кажется, верно: «Франция, Paris, Rue Monsieur le Prince, 24. A<lpes> M<aritimes>. Stawrowsky pour m. Bounine». Ведь так?

Теперь пишу в Вену, ибо в Цюрих нечего писать — все равно не успеешь получить. Разговоры и новости откладываю до свидания. Одно скажу, что ты не пожалеешь, если заедешь к нам. Поразительно хорошо у нас теперь. Ради Бога, заезжай. Четвертый раз повторяю: нашу станцию зовут *Затишье,* курьерский поезд на ней ***не*** останавливается. Извести телеграммой, когда будешь, выеду за тобой тройкой. Телеграммы можно посылать в Захарьевку. ***Записывай впечатления.***

Жду и крепко целую. Ждут и целуют и все наши.

И.Бунин.

Маша с Евгением были в Калуге, 26-го приедут снова в Огневку. Мамочка все время в Огневке, ждет нас. *Напиши им с дороги* — очень беспокоятся.

Заезжай же, побудешь денька 2–3 и подерем в Огневку.

Хлеб у нас чрезвычайно плох, но все-таки уже продали на корню, взяли около 4000 р.

365. Ю.А.БУНИНУ

5 июля 1899. Краснополье

Юричка! Письмо из Цюриха получил только нынче — 5-го. Ничего не понимаю из твоего письма? Боюсь, что что-нибудь случилось. Зачем мне ехать в Москву? Если бы поехал туда, — думаю, что могли бы разъехаться. Можно только завтра вечером выехать, — значит, был бы в Москве 8-го, и ты пишешь, что пробудешь два дня. Да и денег нет, — только на дорогу в Огневку. А тут еще Евгений умоляет о деньгах и тебе просит написать об этом. Телеграфирую тебе[1]. Отвечай срочной телеграммой, — если нужно в Москву, тотчас выеду. А то съедемся в Туле. Телеграфируй в какой день там будешь. Хорошо, если ты сообразишь написать это раньше этого письма, т.е. по получении телеграммы. Жду известий и когда мне выезжать[2].

В Захарьевке телеграф.

Жду.

Ив.Бунин.

Дядя Ани[3] продал-таки имение за миллион сто пятьдесят тысяч.

366. Ю.А.БУНИНУ

27 июля 1899. Огневка

27.VII.99.

Юлий, ради Бога, прошу тебя, если есть возможность, *выслать мне немедленно хоть десять рублей. Клянусь тебе самыми страшными клятвами, как возвращусь, — вышлю.* Нынче только, — 27-го — получил от Ани письмо[1] и она даже не заикается о деньгах. Я не просил ее

прислать, писал только, что выеду тогда, когда будут деньги, она не понимает намеков. А просить у Цакни отсюда *не стану,* хоть умру. Это позор, — мое положение, положение мальчишки, которому не на что выехать *от родных*! Просить 10 рублей на проезд! Там, в Затишье, еще туда-сюда! Да если я бы и написал Ане теперь, я получил бы деньги через ***две недели.*** Представь себе, — клянусь тебе, — нынче по штемпелям увидал, что письмо от Захарьевки до Лукьяновки идет ***пять дней!*** Ради Бога, выручи *немедленно.* Аня пишет письмо, *полное слез от тоски,* и я нахожусь в раздирающем душу положении. Жду от тебя хотя известия ***немедленного.***

Горячо целую тебя.

Ив.Бунин.

367. И.А.БЕЛОУСОВУ

2 августа 1899. Огневка

Уже с месяц сижу в Орловск<ой> губ., у своих[1]. Через недельку поеду домой — на юг[2], в деревню и буду ждать тебя. Приезжай непременно. Ехать надо до станции «Затишье» — Ю<го>-З<ападной> ж.д. Извести тогда о дне приезда — выеду за тобой на станцию. Пиши в Захарьевку.

Твой И.Бунин.

368. Ю.А.БУНИНУ

2 августа 1899. Огневка

Не знаю, что делать. Комбинация с Евгением[1], разумеется, не вышла! ***Постарайся.***

И.Б.

369. Ю.А.БУНИНУ

2 августа 1899. Огневка

2-го авг.

Завтра уезжаю. Евгений согласился. Пиши в Захарьевку.

Ив.Бунин.

370. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

7 августа 1899. Краснополье

Почт. ст. Захарьевка,
Херсонск<ой> губ., Тираспол<ьского> у.

Был в Орловск<ой> губ. у своих[1]. Возвратясь получил твое письмо[2]. Спасибо, голубчик, что не забываешь, радуюсь за твои успехи в чужих краях[3]. А мне что-то скучно. Читаю и думаю, а читаю старые вещи:

«Екклезиаста», «Требник»[4]... Не черкнешь ли что-нибудь для «Южн<ого> обозр<ения>»[5]? Черкни и пиши мне[6], — извини мне идиотскую скудость моих писем. В Москву собираюсь рано[7].

Зовет меня город далекий, хочется встретить опять старых врагов и друзей.

Поклонись жене.

Душевно любящий тебя

Ив.Бунин.

371. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1899. Краснополье

10 авг. 99 г. Затишье.

Юлий, могу сообщить тебе то, что ты не ожидаешь. Жизнь моя висит на волоске и поверь мне, что все горе моей жизни сошлось теперь в этом позорном факте. Когда я был в Огневке, я последние полмесяца почти не получал от Ани писем и письма те были странны — холодны и принужденны, кратки и грустны[1]. Она все жаловалась на апатию, просила помочь ей. Я отвечал ей[2] длинным, нежным письмом, в котором ободрял ее и предлагал то, что мог — давай учиться, ведь тебе еще 20 лет и т.д. Но я знаю все — я верю в предчувствия, в сны, я чуток и по опыту — подлому и убившему меня, — и по душе. Я виноват только тем, что отягчил атмосферу: просил ее писать в своих письмах и она, будучи в другом настроении и чувствуя себя обязанной, приходила, конечно, в еще более тягостное положение; я, наконец, по приезде, — клянусь Богом, без малейших грубостей — стал говорить ей, что она не по-прежнему любит меня. Она отрицала и рыдала, но стала бессовестно явно избегать меня и воцарилась такая тяжелая атмосфера, что я дошел до того состояния, когда убивают себя — и истерически разрыдался вчера, потому что я почувствовал — я один, я нищий, я убит и мне нет помощи. И тогда она призналась, что *не любит меня* с страшными муками. Она и теперь так убита этим, что еле жива и только твердит: я не виновата[3]. Я лежу почти на смертном одре и об одном молю Бога — о смерти. И как бы я рад был наложить на себя руки! Вдумайся во все, во все, что я переживаю, во все семейное, житейское, литературное и в конце концов — в эту подлую, стыдную историю и ты поймешь меня, что я ничего не преувеличиваю. Я ведь давно-давно не тот, это ведь с Варварой Влад<имировной>[4] дело. Элеонора Павловна, с которой мы все высказали друг другу и которая заменила мне вполне родную мать, только и спасает меня. Не думай, чтобы что-нибудь гадкое и жалкое повесил я в воздухе — нет. Мое горе и моя мука слишком страшны. Аня заходит и все говорит мне, что *она* все-таки друг мне, что она привязана ко мне и сейчас только сказала, что все ее сердце раскрыто для меня. Но и матери, и отцу, хоть и неопределенно, она сказала, что не любит меня. Ник<олай> Петрович приходил ко мне и просил быть мужествен-

ным и не придавать особого значения: он говорил с Аней и убедился, что это что-то временное, что вся ее жажда жизни и нелюбовь — временное. Она говорит, что ей все-таки тяжело как-то со мной, что будто я заключил ее жизнь в тиски и она не знает теперь, как быть. ***Все*** мы страшно удивлены прежде всего. Я говорил ей, что, может быть, я виноват был во многом, я просил простить меня и начать новую жизнь. Она только молчит и жалеет меня. И клянусь тебе Богом, не только я не заключал ее в тиски, но, напротив, она сама так уединялась со мной, так до самого последнего времени горячо любила меня и буквально нет ничего — клянусь тебе, — что могло бы навсегда отвратить ее от меня, что я одно говорю: виноват тут, верно, студент, который живет, — личность ничтожная до последней степени и даже грязная и некрасивая. Но что же мне предположить? Она, конечно, сама убита, ей самой подумать страшно, что она разбила мою жизнь и что в сердце ее входит такое говенное чувство — ибо, клянусь, — он говняк, о котором совестно говорить, но это так. И Николай Петр<ович> и Элеонора Павловна, которым я говорил это, искренно не могут даже мысли допустить, чтобы это могло быть, но это должно быть, ибо, повторяю и призываю во свидетели Бога, я не понимаю. Решаем теперь так, что подождем: она посмотрит, м.б. — это временное настроение. Это ее слова. А Ник<олай> Петр<ович> советует то же и предлагает мне даже уехать на время, конечно не сейчас — и на время. У него, он говорит, была такая же история с ее матерью. Силюсь ухватиться за жизнь и хватаюсь за эту тактику. Веду себя уже спокойно. Но это тем хуже: все умерло во мне и жду одного — смерти. Попытаюсь пожить тут спокойно, уеду на день, на два в Одессу — если не вынесу, если не переменится — надо бежать отсюда и буду просить тебя тогда *спасти* меня последний раз. Помни, Юлий, я не в том молодом отчаянии, как прежде. Я, должно быть, психически заболеваю — уже давно. Нет меры тоске моей — одной тоске и ничему более, — ни грусти, ни самоупоению отчаянием. Ты один во всем свете остался для меня и молю тебя, заклинаю тебя всей моей жизнью — пожалей меня и, если будет нужно, спаси меня — увези меня! Целую твои руки и молю Бога о смерти моей, о покое — в стране правды или, м.б., вечного мрака и тишины.

Прости, прости, дорогой, бесценный друг!

Ив.Бунин.

372. Ю.А.БУНИНУ

Середина августа 1899. Краснополье

Положение дел таково. В тот день, когда я тебе писал[1], отправил письмо и возвратился из Захарьевки, Аня сама заходила ко мне, говорила мне, что чувствует ко мне нежность, что она друг мне и что у нее открыто ко мне сердце. «Что же тогда произошло?» — спросил я. Она заплакала и сказала: «я с ума сошла». Затем пошли дни полной холод-

ности и удивительно спокойного молчания на все мои слова, на все мольбы сказать, что произошло. Я говорил и о том, чего ей хочется в жизни, и о всех своих недостатках и достоинствах, умолял ее простить меня за все, клялся посвятить ей жизнь. Молчание. Скажи что-нибудь. Молчит. Я не могу. Почти все пороки, которые я предполагал в себе и спрашивал ее, так ли, она отвергла... Только сказала, что я эгоист и что наши характеры не сошлись. Я решил съездить в Одессу, но сразу нельзя было — дожди. Ей, очевидно, было неприятно, что мой отъезд откладывается. Наконец я уехал. Она и в моем присутствии и в отсутствии страдала невыносимо. Уйдет на балкон, сожмется и лежит, как убитая. В Люстдорфе Федоровы сказали мне, что все происходит из-за моего поведения. Она, вероятно, по их словам, глубоко оскорблена моим невниманием к ней — особенно при всех, кроме того, Н<иколай> П<етрович> будто бы говорил Лидии Карловне[2], что одно время так ненавидел меня, что иногда готов был пустить в меня бутылкой. Причины: я Ани, по его мнению, не люблю, ничего не делаю, держу себя хуже, чем в гостинице и т.д. Вероятно, это правда — он говорил, а Лидия Карловна, конечно, подтверждала. Вся эта тяжелая атмосфера, моя резкость по отношению к людям, сцены, которые я делал Ане, посылал ее просить денег, создали у нее поразительно тяжелое настроение и сострадательное презрение ко мне. И Цакни, повторяю, говорил все это, Лидия Карловна не врала, ибо откуда она могла знать все, что происходило. Я поспешил вернуться в Затишье, сразу хотел объясниться с Аней, но она холодно заявила мне, что ее решение сообщит мне папа. Я позвал Э<леонору> П<авловну> и Н<иколая> П<етровича>, стал объяснять им, что я был правда кое в чем виноват, распустился и т.д., но что все-таки они создали обо мне представление неверное. Я плакал и говорил им, что я хотел хороших отношений. Н<иколай> П<етрович> сказал мне, что если кое-что и было, если он и был недоволен кое-чем во мне, то это к делу все-таки не относится. Теперь он ко мне не питает ничего плохого, стоит даже на моей стороне, но что она твердо несколько раз заявила ему, что хочет расстаться со мною на время, что мы люди разные, что я никогда не спросил ее даже, что ей хочется в жизни, что жить для меня она больше не может. Больше ничего. На этом пока решили. Ничего не понимаю, очевидно, что-то на нее подействовало — мой эгоизм и т.д. Я сказал ей, что готов теперь всю жизнь отдать ей и сильно сказал. Молчание. Сегодня спокойствие. Дело решенное. Ни ласкового слова, никаких отношений, ни взглядов — словом, совсем, совсем чужой, выброшенный. Иногда я думаю, что она сумасшедшая, иногда, что это зверь в полном смысле слова. Изо всех сил стараюсь быть покойным и провел день, как будто ничего не случилось. Но я — не знаю, что сказать. Ты не поверишь: если бы не слабая надежда на что-то, рука бы не дрогнула убить себя. И знаю почти наверно, что этим не здесь, так в Москве кончится. Описывать свои страдания отказываюсь, да и не к чему. Но я погиб — это факт совершившийся. Есть еще идиотская надежда, что когда я уеду, она соскучится, но надежда эта все слабеет.

Что делать? С чем уехать? Молю тебя — пощади меня в последний раз в жизни: достань мне 25 р. Не могу даже убеждать тебя — ты сам все видишь. Не добивай меня, мне все равно недолго осталось — я все знаю. Давеча я лежал часа три в степи и рыдал, и кричал, ибо большей муки, большего отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежд, всего, может быть, не переживал не один человек.

Жду денег. Получу — выеду, но помни, что если я дам тебе телеграмму, чтобы встретил меня в Киеве или Казатине — ***приезжай безотлагательно.*** Если уж буду телеграфировать об этом — помни, что ***жизнь моя поставлена на карту.***

Прощай. Подумай обо мне и помни, что умираю, что я гибну — неотразимо.

И.Бунин.

Как я люблю ее, тебе не представить. Да и было бы дико уверять в этом после моего поведения и того, что я тебе говорил. Но это так. Дороже у меня нет никого.

Ради Христа, деньги перешли ***телеграфным переводом в Захарьевку*** — умоляю. Приеду, займу у Телешова, отдам.

373. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 сентября 1899. Москва

Жду в субботу[1], т.е. завтра к себе.

И.Бунин.

374. В.Я.БРЮСОВУ

Осень 1897 — до 22 сентября 1899. Москва

Валерий Яковлевич! Заезжал к Вам, намереваясь поговорить о поездке к Бальмонту — не надо бояться серой погоды. Думал даже, что поедем сегодня. Не зайдете ли ко мне завтра утром пораньше?

Ваш Ив.Бунин.

375. Ю.А.БУНИНУ

23 сентября 1899. Петербург

Приехал, слава Богу, благополучно. Адрес такой: СПб., Невский просп., угол Пушкинск<ой> ул., дом № 79-2, меблиров<анные> комнаты Даниловой, кв. № 6.

Жду известий.

Твой Ив.Бунин.

376. Ю.А.БУНИНУ

24 сентября 1899. Петербург

Выеду отсюда в Москву, должно быть, *завтра*, в субботу — за это почти все шансы. В *самом* крайнем случае — в воскресенье.

Твой Ив.Бунин.

377. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1899. Петербург

Приеду 27-го сентября, т.е. в понедельник, утром.

Ив.Бунин.

Суббота, 25 сент.

378. Ю.А.БУНИНУ

6 октября 1899. Николаев

Жду в Николаеве вечернего парохода. Тут прямо другой мир — так хороша погода и все. Чувствую себя так себе.

Твой Ив.Бунин.

379. Ю.А.БУНИНУ

10 октября 1899. Одесса

Прости, Бога ради, — не мог писать — чувствую себя говенно, а чувствовал дня три тому назад омерзительно. Приехал утром, пришел к Ане, спит в столовой, разбудил, молчит, удивилась. Объяснил приезд, вечером попробовал разговаривать — ни звука в ответ, что ни спрашивал. Только и сказала: «Чувства нет, без чувства нельзя жить». Вечером я расплакался до безумия... Это произвело на нее сильное впечатление. Элеонора сказала, что она после этого сказала: «За что я его мучаю, когда он так твердо убежден, что мы будем счастливы». На другой день толковали с Н<иколаем> П<етровичем>. Он и Элеонора очень ласковы, но Н<иколай> П<етрович> настаивает на своем, что она девчонка и что нельзя требовать жить, когда к человеку не тянет. Старался доказать ему. Вечером опять разговор с Аней. Перед этим был у Лели[1], и из ее слов сообразил, что одна из главных причин, связавших и убивших чувство Ани, то, что я связывал ее, что она насиловала себя, подделываясь под мою жизнь и под мою серьезность. Поговорил с Аней на эту тему — плачет и молчит. Избегала каждую секунду остаться наедине со мной до мальчишеской глупости. Я умолк, но был сдержан и добр. Уговаривал попытаться пожить со мной так, по-товарищески — *«нет»!* «Мне будет

с тобой тяжело». Но этот разговор рассеял тяжелую атмосферу. Встретил, поцеловал руку, пожала мою в ответ. На третий день провожал ее на репетицию (играет в любительском спектакле на Слободке Романовке), стала со мной ласкова и проста, на четвертый день совсем друзья. Но еще очень избегает. Вчера целовал ее, увел в кабинет. Улыбается, ласкова и даже кокетничает. Нынче то же, целую и обнимаю, как и прежде, но больше ничего. Звал в Крым, даже просто за город — не хочет, и вообще избегает меня, хотя, повторяю, полное почти примирение. Спим в разных комнатах. Чувствую ясно, что не любит меня почти ни капельки и ни х<...> не понимает моей натуры и вообще гораздо пустее ее натура, чем я думал. Так что история проста, обыкновенна донельзя и грустна чрезвычайно для моей судьбы. Сижу в дурацком, неопределенном положении, чувствую себя болваном и говном: э, ну их всех к е<...> матери. Целую тебя от всего сердца.

И.Б.

380. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1899. Одесса

Одесса, 15 октября.

Так нелепо и неопределенно себя чувствовал, что не в силах был писать тебе и теперь совершенно в отчаянии: пропустил срок векселю. Пишу Лемперту[1], умоляю его, чтобы он сходил в О-во взаимного кредита и попросил подождать вексель. Прошлый вексель был написан Лисовским в апреле и помечен 10-м числом. Значит, последний срок 20 октября. Не знаю, подождет ли О-во в<заимного> кр<едита>. Теперь посылаю тебе вексель с моей надписью на обороте. Напиши текст и, ради Бога, тотчас же пошли Лисовскому для подписи, а он перешлет Лемперту, которого я тоже прошу сделать это дело в Полтаве. *Кроме того, не забудь тотчас же отправить Лемперту* деньги — 10 рублей на уплату и, кроме того, проценты, значит, всего около 20 рублей. Прошлый вексель был написан на 180 рублей, значит, пиши текст на 170 рублей. Спиши текст с календаря, пометь Москвой, я думаю, 20 или 15 октября — как знаешь. Словом, устрой, а я просто едва соображаю. Дело мое дикое. С тех пор, как я писал тебе, мало изменилось. В прошлый понедельник[2] она пришла спать в нашу комнату, целовалась со мной и вся тряслась. Я лег с нею и решился на большее. Разрыдалась, оттолкнула, едва успокоил. Думал, что дело совсем пропало, но ничего, обошлось. С каждым днем стала все проще, спокойнее, целовалась и кокетничала. Видно, ей это нравится, но наряду с этим избегает оставаться со мной, жизнью моей не интересуется ни на йоту, занята рукоделиями, опять играла в любительском спектакле, ходит на репетиции, франтит. Я сделал ей для камеи золотую оправу, покупал цветы и это действует на нее гораздо больше, чем всякие поэтические излияния. Держу себя спокойно и весело, но едва хватает сил. Словом, мы совсем

друзья, но сплю, как собака, на диванчике, определенно о будущем ничего не говорит, хотя из разговоров видно, что она не предполагает моего отъезда, напротив. Ничего не понимаю! Неужели она думает, что мы будем жить только при таких отношениях. *Что делать, посоветуй!* Заговаривать боюсь. Пиши, ради Бога, пришли мне письма, если были на мое имя. А *главное,* вексель — ***Бога ради, похлопочи.***

Горячо тебя целую. Маша просит приехать в Калугу. Что делать? Пришли письмо Э<леоноре> П<авловне>.

381. Ю.А.БУНИНУ

20 октября 1899. Одесса

Должно быть, пропала моя головушка с векселем[1]. Вчера все исполнил, как ты написал. Денег у меня уже совсем почти нет, так что прошу тебя немедленно выслать мне рублей 50 и *немедленно же* выслать Машеньке рублей 10–15, да, ради Бога, прибавь своих хоть сколько-нибудь. Ведь *на днях* предстоит Машеньке очень серьезная и страшная весть[2]. Она пишет мне так, что у меня сердце разрывается от боли. Если можно, Христа ради, поезжай к ним. Ты знаешь, что мать может не пережить этих волнений, а она будет одна. Евгений им не пишет, Настя не едет. Мне уехать отсюда теперь — значит погубить все дело. Если бы хоть через полмесяца! Тогда непременно поеду, хотя ведь и не на что. Ради Бога, поезжай, да не будь небрежен с деньгами, помни, это дело не ждет. Пишу им[3].

С Аней дела все те же. Вижу иногда даже влюбленность, целую, но дальше — ничего не позволяет. Посоветуй — кажется, нужно решиться бросить все это к е<...> матери и уехать. Потерплю еще с неделю, полторы — затем до свидания.

До свидания и тебе. Не удивляйся моим холодным письмом — скверно мне, обидно, глупо. Горячо целую.

Твой Ив.Бунин.

382. Ю.А.БУНИНУ

22 октября 1899. Одесса

Вышли мне *немедленно* рублей 50 денег ***по телеграфу, сюртук*** (один только сюртук) посылкой, и Маше рублей 15, тоже лучше по телеграфу.

И.Бунин.

383. Ю.А.БУНИНУ

24 или 25 октября 1899. Одесса

Милый, дорогой, сегодня от Лемперта получил очень печальное письмо. Он пишет: «Ваше заказное письмо получили 20-го после обеда

и поэтому мог пойти в О<бщество> в<заимного> кр<едита> только сегодня. Там мне сказали, что вексеь Ю<лий> А<лексеевич> уже опротестовал и, следовательно, по правилам О-ва его уже нельзя будет переменить. Однако после долгих переговоров банковские воротилы *обещали переменить* вексель, но Вам придется заплатить за протест 2 р. 40 к. Поэтому к посылаемым деньгам Вам придется прибавить еще эти 2 р. 40 к.».

Вот я и боюсь теперь, не переменят ли «банковские воротилы» своего решения снова. Судя по спокойному тону Лемперта — нет. Деньги — и в уплату, и %, и эти 2 р. 40 к. я уже отослал ему. Не знаю, получил ли Лемперт вексель от Лисовского. Не знаю, получил ли Лисовский мое письмо: я написал: «дом Рогевского», а надо «Ро*ч*евского». Думаю, что получил. 10-го ноября нужно будет платить по векселю Лемперта. Не знаю, согласится ли он и Селитренников переменить. Пожалуйста, напиши мне, сколько у тебя осталось моих денег. Повестку на 50 р. уже получил, надеюсь, что ты еще отослал рублей 15 Машеньке, так что напиши, сколько у тебя осталось моих денег за вычетом этих 65 р. Ведь вот надо платить еще по векселю Лемперта рублей 20. Срок векселя 10 ноября. Словом, дело мое серьезно из рук вон плохо. Ни денег, ни приготовленных работ, а тут вот-вот платить Телешову и редакции ждут рассказов. Клянусь Богом, можно прийти в отчаяние.

С Аней произошел у нас полный мир. Все вошло почти совершенно в прежнюю колею. Она говорила Э<леоноре> П<авловне>, что я удивительно хорошо сделал, что приехал, что ей хорошо со мной, что она и не могла думать о моем отъезде, а просто стеснялась, не знала, как ей держать себя. Спим на одной кровати, но известные отношения еще обставлены слезами. Очевидно, боится детей. Любви с ее стороны особой не замечаю. Увлекает ее, действительно, х<...> — с восторгом строит планы, как мы на будущий год наймем такую квартиру, в которой будет у нас 2 комнаты и как мы обставим ее — это Цакни выдумал, что на будущий год надо снять квартиру побольше. Спевки и любительские глупости занимают очень много времени. Чувствую себя все-таки жопой и дураком. Скверно, Люкася! Горячо хочется поговорить с тобой, но теперь я опять пропал — ехать в Москву и в Калугу не на что. Пиши, <ради> Христа, посоветуй, что делать. Машеньку надо навестить.

Вышли все мои вещи, которые в большой корзине — ***непременно.***

Твой всей душой
Ив.Бунин.

Надо говорить с Цакни об материальных условиях моей жизни. *Что думаешь про детей?* Свяжу я себя, а жизнь у нас будет, очевидно, говенная.

384. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 ноября 1899. Одесса

Одесса.

Митрич, очень прошу тебя простить меня за молчание. Увы! Застрял в Одессе, к Рождеству думаю быть в Москве[1]. Пишу на всех парах. Дня через два-три напишу тебе побольше, а пока только, пожалуйста, прошу тебя написать мне[2] самое подробное и длинное письмо о всех своих делах и настроениях.

Супруге твоей, Елене Андреевне, кланяюсь от всего сердца с самым искренним расположением. Тебя целую крепко.

Твой Ив.Бунин.

385. Ю.А.БУНИНУ

Начало ноября 1899. Одесса

Отчего не пишешь? Ради Бога, не будь ленив — опиши все подробно. Боюсь за Машу. Живу все так же. Отношения с Аней немного улучшились. Принимаюсь за работу. Вышли мне *денег* немедленно. Цакни решительно отказался от платы ему за мое житье у них, дружен со мной очень.

Вышли белье и все, корзину не надо. Думаю в декабре на минутку в Москву и Калугу[1]. ***Не приедешь ли ко мне?*** У нас дивно хорошо.

386. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 ноября 1899. Одесса

Одесса, 14 ноября 99.

Милый и дорогой Николай Дмитриевич! Хотел тебе еще вчера написать, сразу по получении твоего письма, да было 13-ое число и пьянство в Одесск<ом> Лит<ературно->артистическ<ом> клубе, куда я частенько шатаюсь[1], так же, как ты в свой, — читаю и болтаюсь. Серьезно, твое письмо охватило меня сильным настроением[2]. Мне крепко стало обидно за тебя и сильно проникли в душу твои слова, ибо ты, если и не пишешь ничего, то здорово умеешь выражать это наше общее подлое настроение, в силу которого мы не пишем. И я от всей души восклицаю тебе и самому себе в то же самое время: Митрич, брось, ради Христа, смаковать свое настроение и предаваться злобно-сладкому презрению к своей жизни, как хитровцы это делают относительно своей жизни. От всей души хотелось бы посоветовать тебе что-нибудь, да чтó? Если тебя действительно томит неделание и в то же время жажда делания — вдумайся в причины этого бездействия, — тебе легче самому это сделать — и ***принудь*** себя работать, измени условия жизни, мешающие работать, и возьми себя за шиворот. Я сам изболел этой мукой — отвращением пи-

сать «пустяковину», «тусклятину», как ты выражаешься, «х<...>», лучше сказать. Все это чувствую, сам говорю себе, что пока душа «не сольется с сюжетом» — нельзя писать. И еще больше понимаю и тысячи раз твержу себе твои слова: «нечего мне сказать людям, ибо сам ничего не знаю». Но, даю тебе слово, наполовину мы с тобой неправы и больше чем наполовину — свиньи, ленивые свиньи. Сколько ни думай, а делать что-нибудь надо, ибо нельзя не делать, когда томишься неделанием, и вот единственное средство: упорно и долго понасиловать себя, твердо помня, что 1) многое *кажется* вялым, гнусным, жалким, тусклятиной до тех пор, пока вплотную не вдвинешь себя в работу: часто случается, что ты сам не узнаешь эту тусклятину, так она осветится внутренним огнем, когда начнешь *разрабатывать* ее, и 2) неправда, вероятно, что нечего сказать нам. Что бы ни сказать, да ведь хочется сказать, и это сказанное будет частью твоей души — этого довольно. И главное — опять-таки заранее нельзя этого говорить, что нечего сказать. Последнее мое слово — не совет, а желание, самое искреннее — возьми себя за шиворот, углубись в книги, в воспоминания, в сферу умственной жизни войди — это главное, — в сферу искусства — и выйдет дело, — может быть, сам себя не узнаешь, проснешься. Только понасилуй себя побольше. Помни же, пожалуйста, почаще, что у тебя ***есть*** душа и есть талант. Ужасно хотелось бы поговорить с тобой об этом...

Как у меня прошло это время — даже затрудняюсь сказать. Дни летят как сумасшедшие. Часть времени — жене, ее знакомым, ее занятиям, ее удовольствиям (часто шатаюсь на балы и сижу иной раз до 6 ч. утра), часть — куренью, которое я так же неудачно продолжаю бросать, как ты собираешься (бесстыжие глаза!) прочитать Гл.Успенского, часть — чтению, приготовлениям к работе, часть — погоде, очаровательной нашей погоде, из-за которой я не могу вспомнить Москвы и ее грязи и ненастья. Был тут Вейнберг, мы его чествовали, участвовали с ним в литературном вечере[3].

«Кудрявый» оказался сущей свиньей — писал, писал ему — ни звука[4]. Значит, черт с ним, жалею, что связался с таким говном. Не будешь ли добр заехать в «Книжное дело», спросить их, не напечатают ли они мне книгу стихов[5] в 10 листов *в декабре*: расходы за типографию их, затем книжка остается их, половина дохода мне, половина — им. Словом, как они хотят. А то «Издатель»[6] опять до весны. *Или спроси Сытина*[7] — пусть он напечатает и оставит у себя, выберет свои расходы, а затем доход — пополам. Ведь лучше этих условий не найдешь.

«Буран и переселенцы» мне нравится — пиши, ради Бога, пиши и кати в «Жизнь». Рецензия Недолина в «Жизни» будет не ругательная[8], по его словам, признает вполне талант. Читал ли в «Рус<ской> мысли»[9]?

Относительно Федорова я ничего не путал: пошел к Несмелову, он мне сказал: пусть пришлет рукопись. Вот и все. Вольно же им быть хамами, а Федорову — присылать рукопись почему-то тебе. Вообще ты преувеличиваешь мое легкомыслие.

Голубчик, пиши мне почаще и больше. Дорогой и сердечно уважаемой Елене Андреевне — самый сердечный поклон. Милый, попроси ее от меня заняться тобой и подтянуть! Серьезно говорю.

Твой Ив.Бунин.

Как твой сын[10]? Что испытываешь к нему, радует ли тебя? Это мне *очень любопытно*.

387. Ю.А.БУНИНУ

Середина ноября 1899. Одесса

Ты упорно молчишь — не знаю, отчего. У меня новостей нет. Аня иногда ласкова, но мало обращает на меня внимания. Идут бесконечные репетиции «Жизни за царя»[1], Аня поет в хоре, почти ни одного вечера не бывает дома. Дом у нас с утра до вечера гудит от музыки и пошлейших разговоров г<оспод> любителей, студентов и всякой сволочи. Это бесит Цакни, но ничего не поделаешь. Я еще ничего не писал, нервы разбиты — не знаю, что делать. Попытаюсь работать, но, право, писать решительно не о чем. Дело мое, серьезно, дрянь, кажется, я идиот, что не остался в Москве. Я долго не смогу вести эту идиотскую жизнь, *совсем одинокий* среди пошлости, я замру, опошлею. Собираюсь в Москву[2] хоть на недолго, ехать ли? И что делать с Телешовым[3]? Христа ради, пиши, советуй, как быть и жить — подумай серьезно.

Пришли денег — сижу без копейки. Поедешь ли в Калугу? Пошли Маше из моих денег 10 р., они, верно, в ужасном положении.

Белье получил.

Пиши и немедленно вышли денег.

Твой Ив.Бунин.

388. В.С.МИРОЛЮБОВУ

29 ноября 1899. Одесса

Одесса.
Херсонская, 40, кв. 17.
29 ноября 99 г.

Дорогой Виктор Сергеевич! Убедительно и серьезно прошу Вас извинить меня, не сердиться на меня, если только Вы можете поверить мне, что не простая небрежность заставила меня так долго не посылать Вам ничего, что я не щелкопер, взявший аванс и затем ускользнувший. Я пережил очень много скверного. Завтра-послезавтра вышлю Вам несколько стихотворений. Что касается рассказа, то даю Вам теперь слово прислать Вам его очень скоро[1]. Убедительно прошу Вас простить меня. Мне очень тяжело думать, что Вы сердитесь на меня — говорю Вам с полной искренностью.

Ваш Ив.Бунин.

Заходил в Птб. — сказали, что Вы в Италии[2].

389. Ю.А.БУНИНУ

Конец ноября 1899. Одесса

Ты смотришь розово на мое положение или пишешь так потому, что думаешь, что твое письмо может быть прочтено кем-либо тут. А я чувствую себя неважно. Одно дело сердечные мечты, желания и самообманы, которым поддаешься в иные минуты, ибо хочется их, а другое дело — «действительность». Аню я за последнее время понял лучше и мое мнение о ней сильно понизилось. Мальчишковата, довольно пуста, капризна, эгоистична (несознательно) и потому передо мной во многих отношениях — порядочная свинья. Все еще больше вошло в свою колею, но равнодушна она ко мне сильно, ни одно мое желание не принимается в расчет, никакой заботливости, никакой общей жизни абсолютно, никакой ласки, кроме пустяковой или минутной. Я один, среди *положительно* идиотской жизни музыкантов-любителей, мальчишек, беспрерывного гама в доме, музыки, пения — всего говенного. В тревоге, усталый от пережитого, вечно чего-то ждущий и боящийся — я положительно измучен и ничего не делаю. Более пошлой и напряженной жизнью я, кажется, никогда не жил. Может быть (говорю спокойно и серьезно), придерусь к чему-нибудь и уеду хоть на время. Может быть, брошу все это — устал, да что меня ждет? Чужой человек и жизнь кляповская! А между тем, вероятно, она уже беременна. Плохо, влетел я в скверную и серьезную историю.

Ради Бога, поезжай к Маше[1], дай *ей еще денег из моих: хоть рублей 10 — у нее ничего нет* — или вышли немедленно. Вышли и мне сколько-нибудь. Послал Лемперту, истратил на балы, на брюки. Э, у<...> их мать. Целую тебя, милый, дорогой и единственный друг!

Твой Ив.Бунин.

390. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 декабря 1899. Одесса

«Ах ты, старая собака!» Поздравляю тебя и целую[1]. Спасибо тебе за милое, по обыкновению, письмо. Пиши и пиши. Получил твою книжечку — мнение мое скоро увидишь в газете[2]. Объявление напечатаю[3]. Живу однообразно, читаю, скребу, развлечения — опера и только. Верно, скоро придеру в Москву[4]. Отчего ты восторгаешься Горьким? Что пишешь? Навещай брата, а то он закиснет. Кланяюсь жене. А<нна> Н<иколаевна> шлет поклон.

Целую. И.Бунин.

391. Ю.А.БУНИНУ

14 декабря 1899. Одесса

Прочитай внимательно.

14-го дек. 99 г.

С конца июля я нахожусь, ты знаешь, в каком состоянии и это продолжается до сей минуты. Я скверно, стыдно и пришибленно себя чувствую. И уже одно это положительно разрушает мое здоровье. Вымышленно или нет мое горе — все равно я его чувствую, а это не проходит даром и мне жаль себя. Нет сил подняться выше этой дрянной истории — очевидно, в этом виноваты мои больные нервы — но все равно, я многое гублю и убиваю в себе. И до такой степени не понимать этого, т.е. моего состояния, и не относиться ко мне помягче, до такой степени внутренно не уважать моей натуры, не ставить меня ни в грош, как это делает А<нна> Н<иколаевна> — это одно непоправимо, а ведь мне жить с ней век. Сказать, что она круглая дура — нельзя, но ее натура детски тупа и самоуверенна — это плод моих долгих и самых беспристрастных наблюдений. Сказать, что она стерва — тоже нельзя, но она опять-таки детски эгоистична и ни х<...> не чувствует чужого сердца — это тоже факт. Ты говоришь — ее невнимание и ее образ жизни — временно, но ведь беда в том, что она меня ни в грош не ценит. Мне самому трогательно вспоминать, сколько раз и как чертовски хорошо я раскрывал ей душу, полную самой хорошей нежности — ничего не чувствует — это осиновый кол какой-то. При свидании приведу тебе сотни фактов. *Ни одного моего* слова, *ни одного моего* мнения ***ни о чем*** — она не ставит даже в трынку[1]. Она глуповата и неразвита, как щенок, повторяю тебе. И нет поэтому никаких надежд, что я могу развить ее бедную голову хоть сколько-нибудь, никаких надежд на другие интересы. Жизнь нашу я тебе описывал. В 8 ч. утра — звонок — Каченовская. Затем — каждые пять минут звонок. Приходят Барбашев[2] — который абсолютно ни х<...> не делает с Бебой — затем жид Лев Львович, старик аршин ростом с отвислой губой, битый дурак омерзительного вида, заведующий аудиторией, затем три-четыре жида, переписчики нот, выгнанный из какой-то гнусной труппы хохол Царенко, по развитию нисколько не выше Лимяху, затем студент Аблин, типичнейший фельдшеришка — плебей, которого моя дура называет рыцарем печального образа (!!), затем — вылитый И.Адамови — мальчишка-гречонок, певчий из церкви — Марфесси[3], 18 лет, затем еще два-три студента и все это пишет ноты, гамит, ест и уходит только на репетиции вместе с Бебой, Аней и Э<леонорой> П<авловной>. Так продолжалось **б у к в а л ь н о** каждый день до прошлого воскресения. Ник<олай> Петрович, наконец, не выдержал, заговорил со мной. Он со слезами рассказал мне, что эта жизнь ему, наконец, невтерпеж. «Я, говорит, пробовал несколько раз говорить с Э<леонорой> П<авловной> — сердцебиение, умирает. Что мне делать? Я едва, говорит, сдерживаюсь». Не стану тебе передавать всю нашу беседу и все его беседы с Э<леонорой> П<авловной>, вот одна из

них — типичная. Недели полторы тому назад, поздно ночью вернулись с репетиции. Я ушел в свою комнату, Н<иколай> П<етрович>, который думал, что я уже сплю, пошел отворять дверь. Там он сказал Ане: «Здравствуй, профессиональная актриса». Затем произошел скандал. Он со слезами кричал, что он выгонит всю эту ораву идиотов и пошляков, что Э<леонора> П<авловна> развращает его детей, что из Бебы выйдет — идиот, что Аня ведет настолько пустую и пошлую жизнь, что ему до слез больно, что она без голоса примазалась к этой идиотской жизни и т.д. К великому моему изумлению, это не произвело на Аню особенного впечатления. Словом, жизнь потекла снова так же. Н<иколай> П<етрович> не имеет злого вида, но иногда прорывается, а между тем почти перестал обедать, завтракать и вообще бывать дома. Он и говорил: «Хорошо, я сбегу» — и действительно, нет часа, чтобы у нас кого-нибудь да не было. Э<леонора> П<авловна> плакала, обещала все это прекратить, но не прекратила. Я с ней говорил о жизни Ани — она говорит, что папа ее не понимает, объясняет все ее суетными и дурными наклонностями, а между тем «девочка увлечена делом, как она думает». Отчасти Элеонора, конечно, врет, ибо сама не может расстаться с «Жизнью за царя», а главным образом — она дура, серьезно, я убедился, это х<...> головка. Мне Цакни сказал, что это он терпит только до поры до времени. Если будет другая опера и Аня будет участвовать — *он предложит ей оставить его дом.* Но куда ему в жопу привести это в исполнение! Поставили в прошлое воскресенье (6-го дек.) оперу, ноты у нас кончились, но жизнь мало изменилась. *Буквально все* снова проходит в разговорах, ***ни на секунду*** — клянусь тебе — неумолкаемых и все об одном и том же. ***Все*** знакомые, все родные — клянусь тебе — глаза таращат, говорят, что они с ума сошли. И действительно, это не поддается описанию! Затем: вот тебе описание дней: ***дни*** Аня проводит в столовой в компании, ***вечера*** так: 6-го была «Жизнь за царя», 7-го — вечер, пришли Зоя и некий Яковлев, сидела в столовой, 8-го — репетиция, 9-го — мы были все в клубе, 10-го — репетиция, 11-го — на балу с 10 вечера до 7 ч. утра, 12-го — назначена была «Жизнь за царя» — заболела певица, отложили, но вечером Аня ушла к Зое, вчера легла *с 7 часов* вечера спать, сегодня уехала с Э<леонорой> П<авловной> на какое-то заседание, завтра — вечером репетиция, послезавтра — тоже, в пятницу у нас журфикс, в субботу — репетиция, в воскресенье — «Жизнь за царя» — убогое, жалкое представление. Затем на 27, на 6 и 15 янв. тоже «Жизнь за царя» — значит будут репетиции, кроме того, драматические спектакли, затем — думают ставить «Русалку»[4]. ***Буквально*** с самого *моего приезда Аня не посидела* ***со мной и получасу*** — входит в нашу комнату только переодеться. Сегодня ***ровно месяц,*** как между нами нет *никаких супружеских отношений,* чуть коснусь — отскакивает, я не настаиваю, — конечно. Отношения между нами стали было сильно налаживаться, но теперь хуже нельзя быть. Элеонора вместо того, чтобы отклонить ее от спектаклей, втягивает. С ней Аня не разлучается. Ссоримся чрезвычайно

часто. Начинает сама, говорит х<...> такую, что я глаза вылупливаю — клянусь, в эти минуты она кретин и злой кретин. Я уклоняюсь от разговора, пробую говорить тихо, логично, ее мысли скачут как блохи, все переиначивает и говорит подлую гиль: «Ты вечно недоволен». Я говорю: «Аня, мне невесело, это правда, но чему же мне радоваться». — «А, так я хуже всех!» и т.д. Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот — нахлебник. Но главное — ***она беременна***. Это факт, ибо я знаю, что делал. Беременна уже месяц. Регул нет уже ***десять*** дней. Сегодня сцена, что я ее обманул — обещал, что не будет детей и сделал. Ну-с, что же мне делать?

Юлий, пожалей меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя, но не хватает сил — она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю. Вот 450 р. Телешову и 150 рубл. «Сын Отечества» — ничего не дал, и никуда не дал. Юлий, подумай, серьезно подумай и поддержи, в последний раз. Что делать? *Надо бы уехать хоть на полмесяца в Калугу*, — ***м.б.***, успокоюсь, а потом ей уже нельзя будет ходить на репетиции. Но как быть, когда у меня всех средств 50 р.? *Ради Христа, выдумай что-нибудь.* Вышли ***мне немедленно денег*** 40 рублей, а 10 р. пошли Маше *сию же секунду*. Я рыдал весь вечер, получив Машенькино письмо[5], мама *больна, раздета, ревматизм,* в квартире темно, сыро, ребенок кричит[6] и денег всего ***5 копеек***. Юлинка, что нам делать? Прощай, пиши *немедленно*.

392. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

16 декабря 1899. Одесса

Прости за поздний ответ[1], милый Николай Дмитриевич. Все собирался, а дни летят. Удивился я немного твоему волнению на Недолина[2] — я ведь тебе говорил, что это говно и зло-шипящее говно — а главное, удивился твоему отношению к рецензентам вообще. Разве это для тебя новость, что пишут прохвосты? Утешаешь себя тем, что не все же прохвосты, а еще тем, что ничего не поделаешь. Надо с ними бороться, — ибо в жизни на каждом шагу компромиссы, — бороться путем хотя бы знакомства с литераторами. Как это ни печально и даже ни странно, а так. Вот познакомился в «Жизни» — одного прохвоста и победил. Я получил твое письмо в редакции и, не дочитавши до того места, где ты пишешь: «Не говори Недолину», — бросился на него — говорю, пишут из Птб. так и так. Он смутился, завилял как собака. Я его бросил. Но рецензии не будет. Книжки все-таки надо посылать в редакции, но предварительно — знакомства. Ведь это проводники в публику, а для нее и пишем.

Видел ли анонс в «Жизни», что ты обещал им свое участие[3]? Черт с ними, пиши. «Цаплю» твою не понимаю, а что касается романа[4], — то дай тебе Бог удачи — от всего сердца. Все вероятия за то, что буду на

праздниках в Москве[5] — очень хочется поговорить. Да и деньжонок тебе надо дать.

Я — за письменным столом очень много времени, начал писать стихи. Только все не кончаю, а начал много и недурных. Клянусь собакой вот-вот начать рассказывать. Откладываю все разговоры до свидания.

Искренно люблю тебя и прошу писать. Поклон твоей жене.

Ив.Бунин.

393. Ю.А.БУНИНУ

19 или 20 декабря 1899. Одесса

Юлий. Посылал тебе телеграмму[1] с просьбой о деньгах — молчишь! Ради Бога, немедленно вышли — необходимо уехать сию же минуту, иначе я за себя не ручаюсь. Переведи *телеграфом* немедленно. Не высылай в обрез на дорогу, ибо я должен еще Цакни 5 р. Аня и все по-старому. — *Беременна.* Жду.

И.Бунин.

394. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

До 23 декабря 1899. Одесса

М.г., г. редактор!

Позвольте мне через посредство вашей газеты предупредить публику от излишнего доверия к обычным предпраздничным «дешевым продажам» и «распродажам». Пишу эти строки на основании печального опыта.

На Дерибасовской улице, между часовым магазином г. Гринберга и музыкальным — г. Орбинского, недавно открыта торговля галантерейными товарами некоего А-а М-на под № 6. Проходя случайно мимо этого магазина, я имел неосторожность купить в нем несколько пар теплых носков, причем, конечно, получил «полную гарантию» высокого качества материала. Не придавая значения такой рекламе, я все-таки не думал, что приобретаю заведомую гниль. Между тем за 10 дней три пары носков совершенно расползлись. 21 декабря я пришел в магазин и предъявил владельцу свою покупку, вполне резонно требуя обмена негодной вещи на добропорядочную, хотя сомневался в существовании там вообще доброкачественных товаров. Однако вместо удовлетворения моего требования, мне пришлось выслушать ряд самых обидных и даже грубых насмешек со стороны приказчиков и самого хозяина (в магазине никого еще из покупателей не было) и только некоторое вещественное доказательство моей физической силы остановило этих господ от каких-либо дальнейших оскорблений.

Видя бесполезность «миролюбивых» разговоров, я решил предъявить к А-а М-ну судебный иск не столько для пополнения убытков (это дело пустое), а из принципа, чтобы выяснить вопрос об ответственности продавца за явный обман покупателя. Пусть решение суда послужит для таких господ обуздывающим средством в их бесцеремонном отношении к публике, которую эксплуатируют подобные М-ну и К°. А что фирма эта является спекулятивным предприятием, и покупатели не могут быть гарантированы в ее безупречности, видно из того, что помещение для торговли нанято всего на 2 месяца, в расчете сбыть перед праздниками где-нибудь случайно приобретенный хлам, — а затем — ищи ветра в поле.

Считаю долгом оповестить об этом таких же несведущих и доверчивых как я сам.

Если же кому придется идти в магазин М-на и заявлять претензии, то необходимо пригласить с собой надежного компаньона, если нельзя рассчитывать «на собственные средства».

Примите увер. и пр. И.Ч-ов.

395. Ю.А.БУНИНУ

25 декабря 1899. Одесса

Рад, слава Богу, Машенька благополучна[1].

Чувствую себя очень скверно. Одинок, как собака в степи. Я так ласков и уступчив и заботлив с Аней, что нужно быть животным, чтобы вести себя так, как иногда ведет себя она. Я не идеальные требования предъявляю к жизни, — я чувствую себя гадко даже в самых скромных желаниях. Теперь, когда она твердо спокойна относительно моей любви, относительно того, что все, что она ни захочет — будет по ее желанию, когда эта история избаловала ее — она распустилась, чувствует себя, вероятно, гораздо лучше, чем тогда, когда считала нужным быть «благородной», но ведет себя порою, как самая говенная бабенька. Да и вообще, повторяю тебе, я о ней теперь далеко не высокого мнения и за последнее время уже страшно насилую себя, чтобы быть ласковым. Любовь моя сильно уменьшилась и я порой не знаю, что это будет дальше, если обстоятельства не изменятся. Репетиции «Жизни за царя» продолжаются. *Буквально* ни одного вечера она не бывает дома, в нашей комнате только спит, одевается и раздевается — и только. *С самого моего приезда* она присела в ней только ***три раза!*** И то только на часполчаса. Можешь поверить этому? Она ласковых слов и движений ускользает, хотя, вбегая в комнату, вильнет хвостом, поцелует меня в шею, скажет какое-то ласкательное слово: «Постя!»[2] — и убежит. Цакни хмурится. Сейчас говорил с Э<леонорой> П<авловной> по этому поводу — она говорит, что он не на меня хмурится, а на Аню. Я всетаки просил их помнить, что я ни в чем не виноват, не виноват в пове-

дении Ани. Нынче ночью (Аня до четвертого часа была у Зои — отправились после репетиции с компанией студентов спрашивать по улицам прохожих имена — здешний обычай, т.е. конечно, холопский — перед Святками[3], — а затем к Зое ужинать и петь романсы) — так нынче ночью, говорю, слышал разговор Цакни с женой — отрывки: «Аня убегает из дому, не может быть дома»... «Аня влюбляется в Барбашова...» На что Э<леонора> П<авловна> отвечала со смехом: «Глупости какие». Но, уверяю тебя, это легко может быть, несмотря на всю пошлость этой компании, которая ***не выходит*** из нашего дома и с которой Аня трунит над моей «старостью», причем Барбашев с холопской развязностью называл меня «компотом» — так будто бы зовут стариков, — по-моему, в борделях, конечно. Вот тебе образчик. Одним словом — думаю, что это кончится все скверно. Подожду, а затем, может быть, заставлю себя, как это ни больно будет, послать все это к е<...> матери. Не будь жопой, подумай, что хуже будет, если я буду мучиться каждый день, каждый день. О, если бы ты знал мою злобу и боль!

396. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1899. Одесса

Митрич, ей-богу, я очень рад был твоему нижегород<скому> письму[1] — и, конечно, собирался тотчас писать... Но, черт меня побери, — все откладывал... Теперь уж решено, на днях буду в Москве — и все поправлю. Целую тебя и кланяюсь Е<лене> А<ндреевне>.

Ив.Бунин.

397. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 января 1900. Москва

Дорогой
Николай Дмитр<иевич>.

Я уезжаю по всей вероятности в среду в $1/2$ седьмого, так что загляни ко мне завтра, 1-го. Буду ждать с 6-ти часов.

Пожалуйста, заезжай и привези что-либо с собою для «Южн<ого> обозр<ения>».

Твой И.Бунин.

398. Ю.А.БУНИНУ

11 февраля 1900. Одесса

11 февр. 1900.
Одесса.

Сижу, как на колу. С Аней еще не говорил, что остаюсь. Отец с ней говорил, — она не очень за мое присутствие. Но попытаюсь остаться.

Христа ради, сходи к Ренару, а если плохо — закажи у Мебиуса[1], скажи Мебиусу, что я для печати заказывал у них в сентябре и немедленно отправь Крандиевскому[2].

Ив.Бунин.

Пиши!

399. Ю.А.БУНИНУ

19 февраля 1900. Одесса

Вечер 19 февр. 1900 г.

Уверяю тебя, я совершенно в сумасшедшем доме. В опере бывают все *буквально* каждый день, весь дом помешан на греке — теноре при театре Апостолу. Вчера был у Ираклиди[1] завтрак для него, Зоя и Аня сидели около него и у Ани дрожали ноздри от волнения, причем она выпила около двух стаканов вина. Затем она играла вчера на Слободке, вернулась в 1 ч. ночи, сегодня играла опять днем, сейчас все как шальные бросились в театр, повезли венок Апостолу, после театра на квартире Каченовской соберется человек 50 этих доморощенных актеров и будут пить и гулять до утра. Завтра утро в кружке. О, подлая сволочь!

Сегодня Ане я вручил письмо — поговорить с ней негде — где заявил, что остаюсь пока и кратко и сдержанно обрисовал всю, всю нашу подлую и нелепую историю. Сейчас один, весь дом пустой и такой адский беспорядок, словно в борделе после погрома. По целым дням пропадаю из дому, даже ем в ресторанах, ибо у нас народ и Аня со мной ни звука. Какая изумительная стерва! А я, ей-богу, даже веселым держусь и спокойным. С ней не заговариваю. Элеонора весьма сдержанна. Что мне сделать с этими каменными негодяями? Если будут выживать мордами, съеду в гостиницу и отравлю существование этой стерве. А может быть, и попрошу хоть дружбы!!!

11 вечера 19 февр. 1900.

Перечитывал сейчас ее первые письма ко мне, одно особенно милое и прелестное (янв. 98 г.)[2] и не знаю, что буду делать! Так невыразимо она мила мне за прошлое, что, кажется, я скажу ей: ты вся свободна, как хочешь живи, а я тебя люблю и уйду с твоего пути. Льет дождь, грустно и в душе черт ногу сломает.

И.Б.

400. Ю.А.БУНИНУ

21, 22 февраля 1900. Одесса

Вечер, 21 февр. 1900 г.

Юлий! Упорно тебя спрашиваю, что делать? Положение дел все ухудшается. Аня, как она и сказала отцу, видимо, идет напролом. Молчит со мной — ни звука. Я тоже. Вчера я ей сказал: «Ну, Аня, что ж это

будет? Ты уходишь из этой комнаты, значит, я тебя выживаю. Меня и так не бывает (я, действительно, с утра пишу в кабинете, затем у художников до обеда, после обеда опять в кабинете, а вечером их нет все равно) — чего ж тебе стесняться». — «Мнения бывают разные», — отвечает она. «Хорошо, говорю, я не навязываю тебе своих мнений, но отчего ты не можешь посмотреть на все попроще и поспокойнее. Ну разошлись — и баста. Зачем же нам как врагам или детям бегать друг от друга и бояться даже слово сказать...» — «Отчего ж не сказать... Да зачем этот разговор?» Я замолчал. Благодаря брому креплюсь и держу себя спокойно и просто. Но, брат, сил нет! Письмо, которое я написал Ане о том, что остаюсь и о том, что она поступила все-таки жестоко и невнимательно, видел нынче у Н<иколая> П<етровича>. Очевидно, давала читать отцу и матери. Вероятно, благодаря этому Элеонора очень суха, даже едва разговаривает со мной. Что за мерзавцы! Я так сдержан, так скромен во всем — и ничего не ценят! Уехал бы, но вот серьезный вопрос: *ребенок*. Что же в самом деле, я должен расстаться с ним на всю жизнь или она его бросит? Уверяю тебя, я теперь чувствую себя связанным с ней какими-то неразрывными узами. Предложить жить со мной просто товарищами ввиду ребенка — *даже на это не согласится*.

Н<иколай> П<етрович> мне сказал: «Что ж ребенок. Ведь это взаимное соглашение — у кого из родителей он будет жить». Значит, можно предполагать, что она его бросит! И каково положение — ни о чем этом насущно серьезном нельзя поговорить, даже Н<иколай> П<етрович> и Э<леонора> избегают, да их и не увидишь никогда — так течет жизнь. Но допускаю самое невозможное — она согласится. Могу ли я жить в этом глупом бардаке, где, клянусь тебе, ни слова ни о чем, кроме Апостолу и Мендиороз — буквально ни звука — поверь! А кроме того: что ж, ее будут иметь, а я буду жить при ней товарищем? Даже вот теперь, — может быть, дело изменилось бы в будущем, но как мне жить тут? Сегодня Аня уже опять на репетиции — идет «Жизнь за царя» и «Русалка» *каждое воскресенье* в течение поста и на каждой репетиции теперь офицер Бален де Балю. Вот, брат, загадка: почему это и он вдруг поступил в оперу, — человек совсем из другого мира и круга, всем чужой и новый? А он уже весь январь в хоре, и его переводят каждую репетицию из басов в тенора и т.д. Т.е. у него ни признака голоса! И не смей сказать, и ничего не могу сделать! Юлий, серьезно говорю — это ужас. Ты пойми же, — ведь мне стыдно, позор, если жену офицер е<...>!

Подумай.

Утро 22 февр. 1900 г.

Вчера конец вечера провел у художника Куровского. Возвратясь около 12, не застал Ани в нашей комнате. Лег спать, часов в 5 утра очнулся — вижу ее нету: втроем с отцом и матерью спит на их кровати, в их комнате. Ушел к вокзалу, пил чай в трактире, возвратясь говорил

с Э<леонорой> П<авловной> — просил Э<леонору> П<авловну> сказать Ане, чтобы она поуспокоилась, пока я тут, а уеду, говорю, на днях в Крым, затем возвращусь и поеду в Константинополь. Хочу так и сделать, протянуть время — иначе, чувствую, сойду с ума, если резко соберусь теперь и уеду. *Ради Христа, попроси Тихомирова — **нельзя ли мне денег хоть 50 р.***[1].

401. Ю.А.БУНИНУ

24 февраля 1900. Одесса

24 февр. 1900 г. Одесса.

Хочу сказать Н<иколаю> П<етровичу> и Э<леоноре> следующее почти буквально: «Я поуспокоился и точно после сна открыл глаза. Вся эта наша игра с Аней в мужа и жену (потому что почти все супруги сперва играют в мужа и жену) может кончиться печально, если Вы сами не сможете в одно прекрасное утро взглянуть на все эти расхождения спокойнее и трезвее. Несмотря на все ее драматические заявления, я думаю, что дело не следует считать поконченным. Теперешнее ее настроение — результат прошлого, того, что происходило осенью. Я опять делал мелкие глупости и не сообразил, что они могут на нее подействовать так. Думаю, что через некоторое время, когда она поуспокоится, Вам следует сказать ей, что она делает глупости и что пока, — по крайней мере, с год еще не следует ничего решать. Ты, мол, свободна, врагами вам быть незачем. Попытайся хотя предоставить твое настроение течению времени». И скажу им относительно ребенка. Пусть они скажут ей, что подло же это, наконец, — губить его судьбу. Можно попытаться наладить что-нибудь хотя бы для него. И пусть они уговорят ее кормить. Мне кажется, что она совсем хочет прикинуть мне его. Вообще, ради Бога, подумай, что делать. Жить мне здесь все-таки невыносимо, — ютиться в кабинете, убегать и т.д. М.б., ты бы пожалел меня, — сходил к Соловьеву-Несмелов и кроме уплаты за книгу, попросил бы, не дадут ли они мне *аванс* рублей 50[1]. Нужно сшить хоть пару, а то я смешон, и поехать в Крым. Пиши и спеши с моими просьбами. Тоска у меня предсмертная.

И.Бунин.

См. на обороте.

Думаю, что пока, может быть, не следует заводить разговоров с родителями о серьезном. *Или лучше сделаю так:* поговорю еще раз серьезно с Н<иколаем> П<етровичем>, а ее пусть и я, и они оставят в покое, еще на месяц, полтора. Сказать ли Н<иколаю> П<етровичу>, что ведь она будет буквально несчастна, ибо если она затеет роман вскоре (ведь ей 21 год), то все равно я воспользуюсь этим для развода. Скажет или подумает, что с моей стороны это подло, но как же быть. Черт с ним? Посоветуй. *Пиши ежедневно* и поспеши с деньгами. Аня теперь ведет себя уже *совсем как свободная* женщина — бывает в гостях, ходит

куда-то. Ужас! Прочитал сейчас ее письмо от *13 июля,* где сказано: *«Крепко-крепко тебя люблю»*[2]. Что случилось тогда летом? Деньги, которые я просил, — ***вот что главное.***

Ив.Бунин.

Затевать ли мне дружбу с Аней? Хотя она, как черт суха. *Говорить ли про развод?*[a]

402. Ю.А.БУНИНУ

24 февраля 1900. Одесса

3 часа 24 февр. 1900 г.

Сейчас говорил с Н<иколаем> П<етровичем>. «Не скрываю от Вас, говорит, что Аня настроена совершенно решительно, что у нее к Вам как бы ненависть даже». Я попробовал заговорить о ребенке, о надежде на примирение, хотя в отдаленном будущем. «Это, говорит, преждевременный вопрос, так же как и ребенок. Заставить ее кормить или не кормить, бросить или не бросить — не заставишь. Вам советую месяца на 2–3 уехать, а там видно будет». Говорил сейчас и с Ираклиди[1]. Он смотрит на дело трезвее и проще, думает, что это временное настроение и надеется на ребенка как на связь.

И.Бунин.

Надо уезжать. Когда ты освободишься? Когда мы можем уехать в Конст<антинополь>[2]?

403. Ю.А.БУНИНУ

26 февраля 1900. Одесса

С Аней не говорим почти ни слова и встречаемся за весь день минут на 5, то меня нет, то ее нет, и я сижу разбираю бумаги, перекраиваю старые стихи, а все думают, что я работаю и, кажется, им это нравится. Но надежд никаких. Леля Ираклиди[1] присылает письма из Италии и обо мне ни звука — значит, у них решено было все сообща, ранее моего приезда. Надежд никаких уже потому, что Аня почти возненавидела меня за пустяки, ибо она сильно глупа. Ты молчишь, и я не знаю, что делать? Серьезно, брат, мое положение трагическое. Относительно поездки в Константинополь[2] и т.д. думаю, что это было бы для меня спасением, но что же сделать? Ведь я сейчас только понял, что я мечтаю, как ребенок, о сущей кляповине: где денег взять? *Ради Христа, подумай, — не придумаешь ли что-нибудь?* Ведь пойми — я пропадаю. По целым ночам реву от горя и оскорбления, а днем бегаю и стискиваю

---

[a] Последний абзац приписан в начале письма.

себя, чтобы быть спокойным. И ни копейки денег! Серьезно, надоедать стала мне эта штука, называемая жизнью. И впереди то же. На что?

Жду писем — ради Бога.

Сейчас сижу один в кабинете. Звонки не умолкают, народу в столовой порядочно. Аня с Зоей на завтраке у Ираклиди[3] — завтракает с ними певец Апостолу. Аня и Зоя бегают за ним и просят у него карточку.

Ну, до свидания-с.

Ив.Бунин.

3 часа 26 февр. 1900 г.

Марсик[4] издох.

Ходил ли к Ренару?

Про Глебову говорят, что она устраивает выкидыши[a].

404. Ю.А.БУНИНУ

29 февраля, 1 марта 1900. Одесса

1 ч. 29 февр. 1900 г.

Сейчас сидел в зале, приходила ко мне поэтесса Бродская. Вдруг из прихожей быстро прошла Аня и нырнула в столовую с совершенно *багровым* лицом. Я изумился и не понял, что это значит. Но сейчас же все объяснилось: из передней вышел Бален-де-Балю, отрекомендовался и прошел в столовую. Когда я пришел в столовую, он ни разу не взглянул на меня. Я взглядывал на него и, наконец, он внезапно пробормотал: «Вы напечатаете эти стихи». — «Какие?» — «А вот этой дамы. Вы бы посоветовали ей писать лучше по-еврейски». Я очень любезно предложил ему вина и незаметно ушел из столовой. Затем снова пришел и вел совершенно естественно разговор, проводил в переднюю. Т.е. он ушел, Аня за ним, а я через минуту. Он ни с того ни с сего сказал мне, какой я «хороший и счастливый». Чем? «Никому не подчинены». Раскланялись.

Вечер 29 февр.

Гулял с Куровским с 2-х до 6. В шесть обедал у Ираклиди вместе со всеми нашими. Ни Аня, ни Э<леонора>, ни Н<иколай> П<етрович> со мной не разговаривают, т.е. заговоришь, отвечают, но как-то неловко. Сейчас сижу дома один — все наши *на репетиции!!*

1 марта. 1 ч.

Завтракаем, пришел Федоров. Вернулась Аня, искала новую квартиру, почти с восторгом рассказывала о ней и, так <как> ни разу не обратилась ко мне, то, конечно, для Федорова все стало ясно. Какое глупое или, м.б., злое животное! Каково мое положение!

---

[a] Последние две строки приписаны в начале письма.

Что за жизнь, у<...> их мать! Сколько народу сегодня было. А Марфесси совершенно не выходит, ломается, строит из себя балованное дитя, а Э<леонора> говорит: «Моих два сына — Бэба и Жоржик». И Жоржик, развалившись, спит у нас сейчас на кровати Н<иколая> П<етровича>. А в столовой полдня сидит жиденок Берчик, а в зале Бэба с учителем дерет на скрипке.

А я... в сотый раз говорю — с ума сошли, одурели, ошалели, зазнались, потеряли всякое уважение. ***Что ты не пишешь?*** Уезжаю — думаю уехать 7-го марта в Ялту[1].

405. Ю.А.БУНИНУ

2 марта 1900. Одесса

Четверг 2 марта 1900.
2 ч. дня.

Гремит рояль, поют, — репетируют «Жизнь за царя»... Сегодня утром попросил Э<леонору> П<авловну>, чтобы наше расхождение осталось пока в тайне. Я для этого, говорю, еду сперва в Крым, затем заеду на несколько дней сюда и уеду в Палестину[1]. Часов в 10 Аня играла, Э<леонора> П<авловна> была в зале. Слышу разговор о новой квартире, на которую перебираются скоро. Вхожу и говорю: «Сколько будет комнат? Потому что мне хотелось бы, чтобы у ребенка была хорошая комната. С своей стороны хотел бы на это и на кормилицу вносить рублей 200–300». Аня обрывает и говорит, что все это будет сделано без меня. Это папино дело. Я говорю, что это и мое дело позаботиться о том, чтобы ребенку было хорошо. Верю, что будет присмотр и т.д., но не можешь же ты меня лишить даже участия в судьбе ребенка. «Все равно все будет так, как мы захотим». Нет, говорю, и мой голос всегда будет участвовать... Словом, разговор трудно передать, но она была груба и глупа до крайности. Я говорил очень сдержанно... Не знаю, что делать — этот идиотизм лишает меня возможности хоть что-нибудь говорить. Получил твою телеграмму, но с ответом подожду до письма, которое должно получиться сегодня.

406. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

2 марта 1900. Одесса

Митрич, деньги передал, расписки пришлю[1]. Не сердись за молчание — у меня на душе черт ногу сломает[2].

На днях, кажется, еду в Ялту[3]. Сообщу. Пока пиши сюда. Е<лене> А<ндреевне> и С<офье> А<ндреевне>[4] — глубокие поклоны. Тебя целую.

Убедительно прошу — пиши.

Твой Ив.Бунин.

407. Ю.А.БУНИНУ

18 апреля 1900. Ялта

Ялта, 18 апр. 1900 г.

Милый Юричка, жду от тебя писем, когда и куда ты выедешь. Я провожу здесь время очень недурно. Приехали мы 12-го вечером[1], прямо пошли к Горькому[2], встретил очень радушно. Он тут с женой, Екатериной Павловной, и с своим мальчиком около 3-х лет, Максимом[3], толстый, милый мальчик. Застали у него И.Н.Сахарова[4], который сперва не обратил на нас внимания, но теперь со мной очень хорош, ибо он живет на даче доктора Петровского, где живет С.Е.Кривенко с больным своим ребенком, которая, очевидно, ему рассказала обо мне очень хорошо. Живет Горький с Алекс.Ив.Ланиным[5], нижегородским адвокатом, очень хорошим человеком. Вечером 12-го мы пошли с Горьким ужинать. На другой день у него завтракали и с тех пор почти не выходили от него. Я у него обедаю и завтракаю. Бываю еще у Серединых, у Лопатиной, которая живет тут с Маклаковой[6], часто вижусь с Маминым, который даже все лезет на «ты», вижусь с Елпатьевск<им>. 14-го приехали артисты Московск<ого> Художеств<енного> театра[7]. 15-го мы обедали с Немировичем и его женой[8], подошли артисты Тихомиров[9], Адашев[10], Москвин[11]. Познакомился с Вишневским[12], Станиславским[13], Книппер[14] и Андреевой[15], был у Чехова, который, кажется, женится на Книппер, ухаживаю за Марьей Павловной Чеховой[16]. Все это очень полезно. Познакомился еще с д-ром Алексиным[17], славно поет. Живу в гостинице «Крым», за молом, так что под самыми моими окнами непосредственно прибой. Погода установилась райская. Вчера был в Массандре, я ошеломлен красотой. Нынче утро, как в раю, штиль в море мертвый, все замерло в солнце и радости, а горы — в младенчески-ясном небе. Горький написал в «Жизнь», чтобы «Жизнь» издала мои стихи[18], у которых тут много поклонников. Горький в высокой славе, за ним ухаживают, умоляют его написать пьесу.

Христа ради, устраивай денежные дела и приезжай или в Ялту, чтобы двинуть на Одессу и далее вместе, или в Одессу[19]. Жду твоих известий. Если их не будет до 20-го — 21-го, то в эти дни выеду в Одессу. Одесский адрес: *Одесский городской музей изящных искусств, Вл.Павл.Куровскому для меня.* Крепко целую, жду известий.

Твой Ив.Бунин.

408. Ю.А.БУНИНУ

До 16 мая 1900. Калуга (?)

Юлий! Тебе принесут «Стихи и рассказы» от Тихомирова[1]. Привези в Калугу[2] — 50 экземпляров.

Ив.Бунин.

409. Ю.А.БУНИНУ

16 мая 1900. Ефремов

В Измалковом не слез, — просили 2-50. Поехал в Елец, был у Бибикова[1]. В Бабарыкино слез, — один извозчик заломил 1 р. 50 к., благодаря тому, что прошел дождь. Положение оказалось трагическим. Едва успел вскочить в поезд. Приехал в Ефремов, здесь отец и Коля Пушешников[2]. Ласкаржевский в ссоре с Машей и матерью. Полна квартира народу, ребенок кричит. Выбраться в Огневку нет средств. Положение, брат, ужасное! У Евгения, говорят, лопать решительно нечего. Надеюсь все-таки удрать и пешком дойти до Огневки. Ради Христа, приезжай скорей и выручи. Хоть пропадай. Пиши все-таки в Ефремов, до востреб<ования>.

Ив.Бунин.

410. Ю.А.БУНИНУ

22 мая 1900. Огневка

Сижу и жду тебя в Огневке. Отец у Маши. Пиши на Лукьяново.

Ив.Бунин.

411. С.Н.КРИВЕНКО

23 мая 1900. Ефремов

Ефремов, 23 мая 1900 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Положительно не знаю, как оправдаться перед Вами. Я писал Вам[1], что происходило со мною за этот год и какой печальный результат имела моя женитьба (это секрет для всех)[2]. О положении дел о-ва «Издатель» я узнал только в конце апреля в Ялте и из письма Вашего, которое мне из Одессы переслали в Москву и которое брат привез мне тоже в Ялту. Я твердо решил спешно дать что-либо в «Сын отечества», но приехав в Одессу, совершенно обалдел и уехал оттуда. Теперь не знаю, что делать, не знаю, где Вы, каково положение дел и т.д. Ради Бога, извините меня — денег у меня не было, а прислать что-либо, как видите, не мог. Жду теперь Вашего известия. Пожалуйста, сообщите мне, сколько всего на мне долгу (за тот рассказ — «Велга» — мне поставили невозможную цену — 7 к., я очень прошу о 10 к.), можно ли еще прислать что-либо и когда, или же нужны[a] деньги и тоже — когда. Похлопочу достать в крайнем случае и выслать Вам. Жду Вашего письма и не

---

[a] Далее зачеркнуто слово: тотчас.

знаю, как буду Вам в глаза глядеть. Адрес мой: Почт. ст. *Лукьяново* Тульск. губ., Ефремовск. у.

Искренно любящий и
глубоко уважающий Вас
Ив.Бунин.

412. Ю.А.БУНИНУ

24 мая 1900. Ефремов

Вчера, т.е. 23-го мая, приехал в Ефремов. Завтра уезжаю в Огневку, где и буду ждать тебя с нетерпением. Вероятно, ты заедешь на день в Ефремов (извести, когда именно приедешь и заедешь ли). Рассчитываем, что пробывши здесь день или сутки, ты с матерью приедешь в Огневку. Маша останется здесь числа до 1-го[1]. Очень жду тебя, мне чрезвычайно нужно в Елец, но ты понимаешь...

Купи мне *линованой бумаги* и тетрадь за 10 коп. хорошей бумаги у Померанцева на Арбате.

413. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 мая 1900. Огневка

Огневка, 28 мая 1900 г.

Дорогой Николай Дмитриевич! Не знаю как просить у тебя извинения... одним словом — пожалуйста, извини и ничем плохим не объясняй моего молчания. В Ялте я закружился: трубочки, водочки, поездки по горам и долинам... черт его знает что такое. Все очень тебя вспоминали и было чрезвычайно жаль, что ты не с нами[1]. Я перезнакомился со всеми актерами[2] и некоторые из них оказались действительно славными людьми. С Горьким очень часто ездили то туда, то сюда, пока у него не произошло беды: Катерина Павловна внезапно родила на 3 месяце. Скоро, однако, поправилась. Были несколько раз у Чехова по его настойчивой просьбе — рано по утрам и думаю, что между нами установились бы очень хорошие отношения... Словом, было кое-что интересное, много новых знакомств и т.д., но, наконец, приехал Юлий и мы отправились в Одессу. Перед отъездом я был на почте — там, конечно, послали меня в жопу, сказали, что только ты сам можешь получить, если что-либо было на твое имя. В Одессе ехать в Конст<антинополь> я решительно раздумал — чума[3]. И тут было уже совсем не до писем. Я захворал, а настроение было убийственно. Точно кто разодрал рану и посыпал ее солью. Приехавши сюда[4], так засел в тот же день за литературу, что откладывал все письма с минуты на минуту и вот только теперь собрался. Пожалуйста, не сердись. С прежними стихотвор<ениями>, еще не напечатанными и теперь окончательно исправленными, у меня теперь готово к печати около 50 штук!![5] Очень радуюсь. И есть хороши. Скоро засяду за беллетристику. Помоли Бога за меня, как и я тебе желаю расторгнуть молчание. Убедительно прошу тебя писать ко

мне — я тут как в Африке — ничего не знаю и не слышу. Адрес мой: Почтовая станция *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. уезда. Очень интересно, как живешь, что знаешь, как питаешь или изгоняешь свою неврастению. Да, вот что: очень много толковали о том, как было бы хорошо, если бы ты купил «Журнал для всех»[6]. Думают, что Миролюбов продаст, хотя он никому об этом не говорил. Подумай-ка!

Будь здоров пока. Крепко и с искренней любовью целую тебя, кланяюсь Елене Андреевне и всем, кто помнит меня. Где живешь? В июле или раньше, вероятно, приеду в Москву[7] или под Москву — в Царицыно, напр., на полмесяца: нужны материалы для биографии Никитина, которую я взялся написать[8].

Пиши!

Твой душой

Ив.Бунин.

414. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец мая 1900. Огневка

Иванушка!

Не сердись за молчание — убедительно прошу. Завертелся в Крыму, потом в Одессе[1]. Теперь мы приехали сюда месяца на $1^1/_2$[2]. Сильно пишу — главн<ым> образом стихи. Что ты? Как и где? Пиши, голубчик, ты самый аккуратный на эту штуку. Просьбу твою исполнил — спрашивал у всех старожилов, — говорят, что можно где угодно дешево устроиться. Адрес мой — Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.

Желаю тебе всех благ земных.

Твой душой Ив.Бунин.

415. Ю.А.БУНИНУ

Конец мая 1900. Огневка

Драгоценный Люкася, пока новостей никаких. Ласкаржевский еще не приезжал. В деревне, несмотря на весну, отвратительно. Заниматься невозможно ни минуты, клянусь Богом, — во всех комнатах шатаются, поют, ругаются, играют. Грязь, дрязги! Но все-таки рецензии пришлю дня через два-три *непременно*. Пиши!

И.Бунин.

416. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 июня 1900. Огневка

14 июня 1900 г.
Огневка.
Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ.,
Ефремовск. уезда.

Милый Митрич!

Пишу спешно на вокзале. Провожаю Юлия в Москву дней на 10. Шлю кое-кому стихов.

Дома живу еще лучше твоего! Пишу, почитываю, ем, сплю, играю с девками, которые приходят на поденщину, и т.д. Чуть куда поеду, отвлекусь от дела — нехорошо на душе. Здорово меня подсадила А<нна> Н<иколаевна>!

Твоему письму был очень рад[1] и очень расположился к тебе, читая его. Пожалуйста, голубчик, не забывай! Напиши посерьезнее, как себя чувствуешь и, пожалуйста, сообщи о рассказе: что это за «Хлеб-соль»[2]? Сообщи также *поскорее,* что это за сборник кн. *Барятинского?* Кто участвует, когда выйдет и т.д. — поподробнее. Хочу туда послать. Только куда посылать и в каком стиле? Отпиши. Не слыхал ли также о большом сборнике, куда я получил приглашение через Горького[3]. Там участвуют что называется «все». Идейный сборник. С Горьким не переписываюсь — это еще в Ялте. Увидишь Чехова — спроси да поклонись ему от меня и скажи, что очень прошу извинения, что уехал не простившись. Про драму Горького слышал еще от него[4]. Неужели он уже написал? Это «м<...>, а не работа», как говорит у нас Кобыляй, — мужик такой есть, кобыле задул. А все-таки, правда, молодец! Вот ты удивишься, если я шарахну драмой[5]! А хочется, подумываю иногда.

О «Журнале для всех» уж не знаю, почему толковали. И совсем, говорят, можно не ехать в Петербург, а перевести в Москву. О Туркестане очень подумаю — это дьявольски соблазнительно.

Куда двинусь отсюда — еще не совсем решил. Буду скоро опять писать тебе. Последи, нет ли рецензии о моих «Стихах и рассказах»[6]. В какую гору пошел Тимковский[7]? Что пишут? Что слышно о воцарении Иванова в «Рус<ской> мысли»[8]? Где Тихомировы и т.д.?

Крепко целую тебя. Поклон Елене Андреевне.

Твой Ив.Бунин.

417. В.С.МИРОЛЮБОВУ

До 21 июня 1900. Глотово

Дорогой Виктор Сергеевич, посылаю Вам 5 стих<отворений>[1]. Если хотите их напечатать (все или по выбору — как угодно), имейте в виду, что все они входят в мою книгу, которая должна выйти в середине ноября или, м.б., числа 20-го[2]. Денег мне за них, конечно, не надо. Жму руку!

Ваш Ив.Бунин.

Измалково, Орловск. губ.

418. Ю.А.БУНИНУ

21 июня 1900. Огневка

21 июня 1900 г.

Милый Юричка!

Когда вернешься? Погода великолепная, был в Глотовом, там чудо, как хорошо. Приезжай скорей. Привези непременно *чернил ализариновых, бумаги, карандаш, перьев,* мне непременно купи перьев таких:

NB кончик срезан — разных сортов такого типа.

Привези непременно альбом — «Галерею русских писателей»[1] — теперь вышел, сходи возьми у Крандиевского, мне экз. полагается. Пишу рассказ[2]. Хорошо у нас стало!

Мать просит непременно заехать за ней в Ефремов — она 24-го хочет ехать с Машей в Ефремов. Все живы и здоровы, тебя целуют, как и я, крепко.

Твой Ив.Бунин.

Узнай про Иванова в «Русск<ой> мысли»[3].

Тебе есть два письма и *повестка на заказное.*

Привези два экз. или три «Под открытым небом»[4].

419. Ю.А.БУНИНУ

24 июня 1900. Огневка

Где ты? Ждем, Евгений зовет скорее в Липецк, у него дело; мать с Машей уехали. Привези что просил и *старых газет* — нужно. Целую, жду.

И.Б.

420. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец июня 1900. Огневка

Милый Иванушка!

Опять извини за молчание. То работал, то кой-куда ездил. Я здесь без жены и поздравить меня, если Бог даст, можно будет еще в конце июля или начале августа[1]. На днях думаю уехать в Липецк[2], а затем — еще не решил: или в Москву на 1/2 месяца — эта проклятая работа о Никитине[3] висит над душой, а материалы в Москве, — или под Николаев, в имение дяди жены Ираклиди, где она сейчас и находится, а к родам вернется в Одессу. Посему, голубчик, и не зову тебя, хотя, ей-богу, рад бы был повидать тебя. Но видишь, как я кочую. М.б., увидимся в Москве. Начались жары и работается плохо. А затеял я много. Если

скоро соберешься черкнуть мне, адрес тот же, во всяком случае письмо твое мне перешлют. Пиши о новостях, до коих я смерть <как> жаден. Поклонись жене, крепко тебя целую.

Твой Ив.Бунин.

421. И.А.БЕЛОУСОВУ

16 июля 1900. Ефремов

Ефремов, 16 июля.

Иванушка, я все шатаюсь. Ныне в Ефремове, затем на минутку заверну к своим в деревню, а потом в Липецк[1] и к югу. Напиши пока в Лукьяново, Тульск. губ. Новостей — ни собачки, как говорят охотники. Что ты? Я же с своей стороны могу только пожелать тебе всего наилучшего. Понемногу пишу, читаю и т.д. Поклон жене.

Твой Ив.Бунин.

422. Ю.А.БУНИНУ

16 июля 1900. Ефремов

Юлий!

Ты обалдел — что ж ты сидишь там в жаре да гуляешь по Фокиным. Понял я твою работу! Ради Бога, приезжай поскорей. Я заехал в Ефремов и пропадаю — не с чем вернуться. И притом ни бумаги, ни чернил, ни перьев — можешь по этому судить какова нужда во всем остальном. У матери и Маши денег всего 9 копеек на водовоза. И совершенно неоткуда взять. Помоги нам *как можно скорее* или *лично,* или по почте. Ждем тебя все с нетерпением, Евгений зовет каждый день в Липецк и Задонск. Можно ограничиться Задонском — это очень дешево. Погода чудная. Привези, что просил — бумаги линованой плотной и глянцевитой, перьев, чернил, папку, какую обещал и «Галерею русских писателей»[1] — сходи непременно к Крандиевскому. Белоусову я написал, что еду в Липецк[2]. Теперь скажи, что в Ефремове. Телешову пишу, что в Ефремове[3].

Целуют все.

Непременно заезжай за матерью в Ефремов. NB

Ив.Бунин.

423. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

16 июля 1900. Ефремов

Ефремов, 16 июля 1900.

Дорогой Ник<олай> Дмитр<иевич>. Как видишь, сижу в Ефремове. А был я, как и говорил тебе, у своих, в именье, в Орловск. губ. А Тульск. губ. от имения в 300 саженях, где и находится Лукьяново. Теперь уразумел?

Новостей, конечно, никаких. Насчет битья читателя в морду[1]... Видишь ли, для этого надо иметь настроение. Горький же, между нами, по-моему, отчасти прикидывается таким грубым, ломается и удивляюсь, как этого не понимают многие. Хотел я и в деревне Огневке распространить его славу, но брат Евгений не поддался. Он находит его талантливым, но отвратительным, на $^3/_4$ нежизненным и преувеличивающим все до плоскости. А мода... Черт бы ее побрал эту моду! Я не портной, чтобы прилаживаться к сезонам, да ведь и ты не станешь. Хотя, конечно, тяжко, когда ты увлекаешься, положим, шекспировскими изящными костюмами, а все ходят в широчайших и пошлейших портках и глумятся над тобою. Как ни кинь, все тяжко одиночество — во всех родах. Вот и надо писать об этом. А своим опусканием рук[2] ты опять меня и огорчил и... черт его знает, не понимаю я тебя, хоть что хочешь!

Верно, через несколько дней буду опять у своих[3], а затем или в Одессу, или в Липецк, или в Москву[4]. Напиши мне пока в Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.

Кое-что строчил по прозе, но не кончал. Как твои все? Напиши же.

Ив.Бунин.

Непременно прочти в «Жизни» Чирикова «Именинницу»[5].

424. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 июля 1900. Огневка

Милый Митрич!

Ты меня не понял, — я не на Горького злился[1], главн<ым> образ<ом>, а на критику и публику и уж, конечно, не за себя. Да тебя, впрочем, не разубедишь. Насчет Поссе ты меня сильно огорчил[2], и Джаншиева тоже жаль[3]. Правда ли относительно Поссе? Узнай, пожалуйста, где-нибудь и напиши. Напиши мне, пожалуйста, и еще вот что: 1-го августа возьми утром «Русские ведомости» и посмотри объявления о журналах — «Мире Божьем» и «Детск<ом> чтении»: *есть ли там мои стихи и что именно*[4] — и *тотчас же,* в тот же день напиши мне, а то я опоздаю к сентябрьск. книгам.

В жизни моей пока никаких перемен. Читаю и пишу стихи. Пробуду здесь еще очень немного. Пожалуйста, напиши о чем прошу и о себе. Твоим поклон.

Твой Ив.Бунин.

Почт. ст. Лукьяново
Тульск. губ., Ефремовск. у.

От Горького получил письмо из Полтавск. губ.: пишут вместе с женой — зовут к себе. М.б., проеду. Горький пишет: «дядя Бунин, приезжайте-ка сюда. Здесь хорошо, очень хорошо. 24 часа в сутки светит луна!..» и т.д.[5].

425. А.М.ФЕДОРОВУ

1 августа 1900. Огневка

1 авг. 1900 г.

Очень жалко тебя, милый Митрофаныч, хотя надеюсь, что ты уже поправился. И отчего это вышло? Или это роковой 7-ой месяц виноват? Желаю Л<идии> К<арловне> здоровья, а тебе — поскорей забыть об этом. С пьесой от души поздравляю. Побывать тебе в Москве непременно надо, чтобы ковать железо, пока горячо. Только все-таки на кой черт тебе эта сумасшедшая старуха? Хотя, с другой стороны, что же теперь с ней поделать? Ужасно хотелось бы обо всем этом потолковать обстоятельно, равно, как и о стихах. Ты положительно с каждым месяцем пишешь стихи все лучше, — это говорю, ей-богу, искренно, — но что ты делаешь a la Горький эти дьявольские преувеличения? Очень тронуло меня стихотворение, но «руслá», по-моему, скверно. «Мутным, *глубоким* ручьем» — тоже чересчур. Пожалуйста, не рассердись, говорю это потому, что, м.б., со стороны видней. Относительно моего приезда опять не скажу тебе ничего определенного. Много пишу, читаю — словом, живу порядочной жизнью, а это, повторяю, кажется, только и можно делать, что в Огневке. Кроме того, сильно тянет меня к себе Горький[1], — он в Полтавск. губ., а Полтавск. губ. я чрезвычайно люблю. Живет недалеко от Кременчуга. Там славные места! Относительно Парижа[2] одного боюсь: Куровский надует, да и ты тоже ненадежен. Пожалуйста, собирайся! Увидимся все-таки непременно, все-таки приеду в Одессу, а если уж не приеду до октября — значит, в сентябре буду в Москве, Петербурге, — там увидимся[3]. Кстати, про Петербург — Поссе, говорят, ушел, а на его место — Чириков[4]. Поссе жаль! Миролюбова зовут Виктором Сергеевичем. Относительно того, в Петербурге ли он теперь, ничего не могу сказать. Имел от него письмо еще в конце июня[5]; я дал ему 6 стихотворений[6]. Что же касается Медведева, то я только руками развел, прочтя твое сообщение. Можно ли ему поручать такие вещи? Юлий здесь, в деревне, скоро собирается в Москву, но, между нами сказать, он тоже может протянуть дело. Напиши пока в «Р<усскую> м<ысль>» сам, а Юлий попросит сходить в редакцию Ив.Ал.Белоусова. Тогда Юлий тебе напишет. Куда посылаешь стихи? Не пришлешь ли «Орла»? Что тебе стоит, а я буду очень рад. И вообще черкни мне, пожалуйста. От всего сердца обнимаю тебя. — Если увидишь Цакни, скажи, что я в третий раз покорнейше прошу прислать Телешову расписку на 175 р., которые я передал от Телешова на голодающих[7]. Это было ведь в феврале еще. Адрес Телешова — Ст. Малаховка, Моск<овско>-Казанск<ой> ж.д., а потом — Москва, Чистые пруды, д. Терехова.

Ну, будь здоров, еще раз поздравляю с пьесой и желаю искренно успеха. Слышно, что Горький тоже что-то ставит[8].

Твой Ив.Бунин.

426. И.А.БЕЛОУСОВУ

До 6 августа 1900. Огневка

Дорогой Иван Алексеевич! Отчего ты не пишешь? Я опять в Огневке, уеду на днях в Одессу и числа 20-го августа думаю быть уже в Москве[1]. Не сердись на меня за молчание, у меня чрезвычайно много скверного и тяжелого на душе. Обращаюсь к тебе с большой просьбой: как можно скорей устрой мне поэму «Листопад», которую передаст тебе Юлий, в «Русскую мысль»[2]. Я прилагаю и письмо к Лаврову[3]. Пожалуйста, *тотчас же* отправься в «Р<усскую> м<ысль>» и попроси как можно скорее прочитать и сказать, когда и почем будет помещено. Я пишу Вуколу, что не знаю... обычно получаю 40–50 к. и т.д. Убедительно прошу постараться поэнергичней решить так или иначе дело скоро, а то я опоздаю в другой журнал. До скорого свидания. Крепко целую тебя. Поклон жене.

Твой Ив.Бунин.

427. В.М.ЛАВРОВУ

До 6 августа 1900. Огневка

Многоуважаемый
Вукол Михайлович!

Посылаю Вам небольшую поэму[1], которую очень хотел бы видеть напечатанной в сентябр. или октябрьск. кн<иге> «Рус<ской> мысли». Будьте добры просмотреть ее, по возможности, поскорее и сообщить мне Ваше решение. Что касается платы, то я с своей стороны могу только сказать, что обычно я получал в толстых журналах 40–50 коп. В ожидании Вашего ответа имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

Ив.Бунин.

Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.

428. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 августа 1900. Ефремов

Ефремов, 6 авг. 1900 г.

Милый Митрич!

Спасибо за присылку публикации[1] и типун тебе на язык за карканье[2]! Очередь, о которой ты говоришь, мне совсем не нравится. Я уже привыкать стал к земле и, кроме того, сильно хочется работать. Вчера, получив твое письмо, внезапно почувствовал к тебе прилив нежности и, ей-богу, прямо-таки от всего сердца хотелось крикнуть тебе: работай! Поверь мне, — меня прямо-таки огорчает твое молчание, мне просто нет никакой корысти. И особенно сильно чувствую это теперь, когда

сам живу порядочной жизнью — вдумчивой, артистической. «Р<усским> обозр<ением>» ты меня сильно взманил, но увы! Филиппов[3]! А как бы хорошо иметь близкий, родной журнал! Вот и «Жизнь» погибает, — единственный живой во многих отношениях журнал. Черт его знает где теперь писать — особенно стихи. Там было приятно уже по тому одному, что Поссе все-таки понимал кое-что. Кстати про стихи. Стихов у меня много и все великолепные, но «не управятся печатать» журналы. Мог бы дать кое-что и в газеты. Спроси-ка, пожалуйста, в «Курьере», сколько они могут платить за строку[4]. В журналах — толстых — я получаю 40–50 к., меньше не могу взять и с «Курьера». Могут ли они платить это? Да, пожалуйста, подумай о сборнике[5]. Непременно надо издать. Не давай спать Голоушеву[6], пусть он сойдется с «Трудом» и в сентябре двинем! А то ведь этак закиснуть можно.

Скоро буду в Москве. На днях думаю на минутку в Одессу[7]. Пиши пока на *Лукьяново*, — перешлют, если уеду. Кланяйся своим. От души тебя целую.

Твой Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.,
Ефремовск. у.

429. Ю.А.БУНИНУ

8 августа 1900. Ефремов

Ефремов, 8 авг. 1900 г.

Вчера приехал сюда с Евг<ением> и Осей[1] в тарантасе. Всю дорогу я сидел читал, а Евгений придирался ко мне. Клянусь тебе честью, я не позволял себе ни звука в ответ, — только плечами пожимал. Вечером, когда приехали сюда, я был очень добр и не имел ни малейшего намерения ссориться, ибо я отлично вижу, что мне некуда деваться: как работать в Москве или еще где? Конечно, хуже Огневки. И я всячески уклонялся от ссор. Но Евгений ни с того ни с сего кричит при хозяйке: «Свети лучше, скотина, я тебе подзатыльник дам...» Затем по матерну. Я только и сказал: «Ну, Евгений, ты болен». Вечером, когда закусывали, он заговорил со мной и я очень дружески с ним разговаривал. Значит, помирились. Сегодня утром он с Осей уехал в пузню[2], я ушел в библиотеку. Возвращаюсь, и они возвратились. «Скоро едем?» Евгений говорит, что через часа два. «Ну, — я говорю, — схожу к Туббе». — «Незачем». — «Почему?» — «Я ждать не буду, да и Дуня увяжется». — «Она все равно знает, что мы тут». — «Ну, одним словом, незачем шляться». — «Ну уж это мое дело». — «Нет, у<...> твою мать, не твое. Все это кончится тем, что я тебе голову на месте расколю». Мы так и глаза вытаращили. «Что с тобой?» — «И убирайся от меня к х<...>, я тебя с собой не возьму»[a]. — «Так ты бы давно сказал, что не хочешь,

---

[a] Далее с новой страницы написано: «Вчера Евгений позвал меня ехать в». Вероятно, это первоначальное начало письма.

чтобы я у тебя был». — «Да, и не хочу». С страшной силой хлопнул дверью и ушел. Из другой комнаты: «Ты, е<...> твою мать, еще 14 лет тому назад должен был это сообразить, чтобы не шляться ко мне».

Ну-с, Юлий, что же мне делать? Дело действительно кончится смертоубийством. Он уже третий раз прямо говорит, чтобы я уезжал. Христа ради, помоги — я ведь в поразительном положении. Горький прислал письмо, опять зовет[3], остается в Полтавск. губ. до 1/2 сент. Христа ради, помоги добраться до Москвы. В Москве перевернусь, уеду в Питер, оттуда к Горькому[4]. Горький пишет, что Поссе уже, вероятно, в Питере и ни звука о том, что он уходит из «Жизни»[5]. Ради Бога — помоги! Ты видишь, что мне делать. Клянусь Богом, я на этот раз ни сном ни духом.

Уеду нынче отсюда с поездом.

Жду. Ив.Бунин.

430. В.Я.БРЮСОВУ

29 или 30 августа 1900. Москва

Дорогой Валерий Яковлевич! Очень хочу Вас видеть, но боюсь Вас не застать, а времени у меня мало, и я в разгоне. Нужно потолковать и о книге[1]. Пожалуйста, известите о моем приезде и С.А.Полякова[2]. Не знаю его адреса. Буду ждать Вас завтра от 2 до 3 часов, ибо думаю, что это письмо принесут Вам завтра рано. Буду ждать вас в 2–3 часа и послезавтра[3]. Привет Вашей жене. Стою в № 113.

Ваш Ив.Бунин.

431. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 августа 1900. Москва

Столица. № 17. Страшный насморк. Заезжай. Жду тебя.

432. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 сентября 1900. Москва

Милый друг, <был> у тебя и не знаю теперь, как мы увидимся. Говорят, ты вернешься часов в 5, значит, м.б., успеешь повидаться со мной сегодня же. Я буду ждать тебя часов до 9-ти вечера[1]. А то я завтра, д<олжно> б<ыть>, уеду в Птб.[2]. Остановился я в Большом Московском, № 67 (подъезд около Тестова[3]).

Жду.

Твой Ив.Бунин.

433. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 сентября 1900. Петербург

Птб., 5 сент. 1900 г.

Дорогой друг! Очень прошу у тебя извинения: утром вчера меня поймали — прислали за мной Горький и Поссе. Я отправился к ним в «Большой Моск<овский>» и прозавтракал с ними так пристально, что даже не успел известить тебя, что не могу быть к тебе. Продал за 112 р. «Листопад» для октябрьск. кн<иги> «Жизни»[1]. Вечером стремительно умчался в Птб. и вот пишу тебе извинение. Извини и за деньги. Вышлю отсюда. Да еще просьба: не знаю адреса Н.Д.Телешова: Гостиный двор, старые ряды? — Решительно не знаю, как называется. Посему влагаю в твое письмо — письмо к нему[2]: надпиши адрес и пошли, сделай милость. Остановился я с Федоровым на Пушкинск<ой> ул., д. № 5, кв. 27. Но писать лучше на редакцию «Жизни» (Знаменская, 20), ибо, вероятно, отсюда уйду.

Никого еще не видал, был только в «Мире Божьем», дал два стих<отворения> — приняты на ноябрьск. книгу[3].

Ну, будь здоров, поклон жене.

Твой Ив.Бунин.

Не забудь же на конв<ерте> Телешову ***дописать адрес.***

434. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 сентября 1900. Петербург

Птб., 5 сент. 1900 г.

Дорогой друг! Чрезвычайно жалею, что все сложилось так нелепо, что мы с тобой не видались даже. Как ты знаешь, — я в Москве захворал. Писал тебе, просил навестить[1] — ни звука. Затем в воскр<есенье> я получил некоторую возможность выходить, но ведь было воскресенье, тебя, конечно, в конт<оре> не было. А в понедельник 4-го[2] меня вызвали в Больш<ой> Москов<ский> Поссе и Горький. Он очень хотел повидать тебя. В понедельник же я и уехал сюда. Так что не сердись на меня, — до свидания в Москве. Вернусь к 20-му сент.[3]. В Москве я продал книгу стихов «Скорпиону»[4] и поэму «Листопад» Поссе по 50 к. за строку[5]. А ты уж обрек меня на гибель по внушению «Р<усской> мысли»[6]! Здесь я пока на Пушкинск<ой> ул., д. № 5, кв. 27 (лучше писать на «Жизнь» — Знаменская, 20). Живу с Федоровым, который отравил мне жизнь нехорошим отношением и разговорами...

Крепко обнимаю тебя, поклон Е<лене> А<ндреевне>. Что твой мальчик?

Ив.Бунин.

Не знаю адреса. Посылаю через И.А.Белоусова[7].

435. Ю.А.БУНИНУ

5 сентября 1900. Петербург

Милый, дорогой Юрий! Сегодня, как и следовало ожидать, приехал в Птб., остановился пока у Федорова: Пушкинская ул., д. № 5, кв. 27. Тотчас пошел в «Жизнь», застал секретаря и передал просьбу Поссе поместить мои стихи в сентябр. кн<иге> «Жизни»[1]. Сказал, что «хорошо», но с большою грустью, ибо книга почти вся сверстана. Затем был у Давыдовой — еще не приехала из Крыма. Затем у Миролюбова — нету, живет в г. Лузах, скоро, впрочем, вернется. Поссе тоже нету, а денег у меня почти копейки. Решительно не знаю, как быть! Не пришлешь ли хоть 5 р. — непременно отдам, как только получу с «Скорпиона»[2]. Иначе мне хоть пропадать до приезда Поссе. Но только вышли по телеграфу — немедленно, иначе хоть умирай с голоду. Федоров хвалится Савиной[3] и стихами, а сейчас его нету и я, по обыкновению, прочитал чужое письмо — письмо Лидии Карловны к Федорову и все у меня дрожит внутри. Она пишет: «Получено письмо от Бунина[4], ничего интересного, — за исключением одной фразы: *“Что же тут дикого, если я возьму ребенка?”* Это, очевидно, ответ на твое сообщение, что Цакни боится, что Бунин возьмет ребенка. Неужели же Бунин не понимает, что взять ребенка будет верхом дикости и бессмысленного эгоизма? Убеди хоть ты его. Да и наконец, Цакни голову сложит, а не даст ему ребенка» и т.д. — Каково? Да опомнись ты, наконец, возмутись, подумай, что мне делать с этими мерзавцами?

Прощай, жду известия и денег.

Ив.Бунин.

436. В.С.МИРОЛЮБОВУ

5 сентября 1900. Петербург

Птб., Пушкинская, 5,
кв. 27.
Или лучше — ред<акция> «Жизни».

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Нынче был у Вас в редакции[1] и жалею, что не застал Вас. Хотел сказать, что больно уж Вы немилостивы ко мне: уделяете мне среди Ваших поэтов такое малюсенькое место! И отчего Вы выкинули мое общее заглавие? Я думал, что 5 таких маленьких стихотв<орений> Вы напечатаете в одной кн<иге>, а 6-ое в другой, и предполагал дать Вам еще стихов — кажется, недурных[2]. Но видно, Вам стихи мои не по вкусу. Думаю дать рассказик[3]. Вообще мне очень хочется поскорее уплатить Вам долг — извините, что так задержался. Приехал в Птб. недели на две[4].

Ив.Бунин.

437. Ю.А.БУНИНУ

После 5 сентября 1900. Петербург

Милый Юринька! Не высылай денег, — получаю с «Недели»[1]. Платят по полтиннику! Новостей нет. От Федорова я переехал, — т.е. лучше сказать, перешел, — плачу дьявольски дорого — 1 р. 75 к., но по-тутошнему — очень дешево. Адрес мой такой: Пушкинская ул., д. № 5, кв.

Пиши, крепко целую тебя. Болен я вдребезги.

438. Ю.А.БУНИНУ

13 сентября 1900. Кронштадт

Бродим по Кронштадту, ночь. Твоего письма заказного не получил, — «Жизнь» не знала моего адреса и возвратила в почтамт. Не знаю, получу ли? Немедленно сообщи, что писал Куровский[1]. Завтра еду в Птб., Пушкинская, д. № 5.

439. Ю.А.БУНИНУ

19 сентября 1900. Петербург

Очень встревожен твоим письмом. Послезавтра надеюсь выехать[1]. Но на всякий случай напиши открытку *непременно сию же минуту* не получил ли каких-либо новых известий о маме[2]. Если даже я не получу ее, беда невелика. Напиши же тотчас. Письмо Куровского получил[3]. Маме пишу[4].

Твой Ив.Бунин.

19 сент. 1900 г.

440. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 сентября 1900. Петербург

Птб., Николаевск<ий> вокз<ал>.

Еду в Москву, очень хочу тебя видеть. Извести на адрес Юлия, когда увидимся. Пробуду в Москве очень недолго[1]. Поклон твоим, тебе поцелуй.

И.Бунин.

441. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец сентября 1900. Москва

Милый друг! Извини, что раньше не известил: работаю положительно по 15 часов в сутки. Скоро поосвобожу себя и навещу тебя. Забредай и ты. Поселился на Арбате, в меблир<ованных> комнат<ах> «Столица», № 34.

Буду очень рад, если ты привезешь Телешова. Я бы давно навестил его, но боюсь стеснить. Навестите меня поскорей.

Твой
И.Бунин.

442. В.Я.БРЮСОВУ

4 октября 1900. Москва

Дорогой Валерий Яковлевич! Я очень виноват перед «Скорпионами», но я был дьявольски занят неотложными делами и потому никак не мог приготовить рукопись в надлежащем виде. Теперь оставляю Вам 97 стихотворений. Я не перенумеровал их, ибо буду присылать вставки. Надеюсь из Одессы (нынче в 12 ч. ночи уезжаю в Одессу, а оттуда в Париж[1]) прислать Вам несколько стихотворений, поправив их дорогой; при этом напишу, куда вставить их (я себе оставил список тех стихотв<орений>, которые Вам оставляю). А Вы сами не перемещайте их. Мы говорили с С<ергеем> А<лександровичем>, и он дал мне право делать поправки в корректуре и даже перемещения. И то и другое я буду делать непременно, ибо некоторые стихотворения сейчас неприличны, благодаря пошлым строкам. Вернусь в Москву через месяц[2] и надеюсь, что к тому времени будет корректура. Первые два-три листа можно и теперь отдать в печать. Да, пожалуй, можно отдать и все в печать (с дороги я пришлю вставки и списочек, как разместить стихотв<орения> в конце рукописи). Начало, т.е. стихотворения, составляющие 2–3 первых <листа>, останется без изменений. Поэтому хорошо было бы, если бы Вы прислали мне в Париж эти 2–3 листа первых. Я, вероятно, там же подписал бы их к печати. А приехавши в Москву, получил бы от Вас остальные и там сделал перемещения и поправки. Относительно рисунка на обложку мы говорили с С<ергеем> А<лександровичем>. Он предлагает выбрать из Васнецова заставку. Сообщите мне, какую выберете, а я выпрошу у Васнецова[3]. «Витязя», очевидно, отставляем[4]. Называйте уж видно книгу «Листопад». Формат Д'Аннунцио[5]? Это хорошо. Ну чрезвычайно жалею, что не виделся — пожалуйста, простите. Никак не мог. А теперь страшно спешу в Одессу. Оттуда выеду очень быстро. Желаю Вам всего хорошего и жене Вашей.

Ваш Ив.Бунин.

Еду на Курский вокзал, поезд отходит в 12 ч.

443. Ю.А.БУНИНУ

6 октября 1900. Николаев

Под Николаевым, 9 ч.
утра 6 окт. 1900 г.

Милый, дорогой Люкася! Сейчас — Николаев. По обыкновению, удивительно хорошо себя чувствую. Юг во всем, дивное утро! Радуюсь и целую тебя и А.П.

И.Бунин.

444. Ю.А.БУНИНУ

10 октября 1900. Одесса

10 окт. 1900 г. Одесса.

Милый и дорогой Юринька! Еще в Одессе, задержал Куровский. Уезжаем *завтра*[1], причем маршрут изменен: едем на Берлин прямо в Париж, оттуда через Вену. В субботу[2] зашел в редакцию «Южного обозрения», хотел поговорить с Цакни. Не застал. Тогда послал посыльного к Анне, написал следующее: «Сегодня в 5 ч. зайду, чтобы видеть ребенка. Не намереваюсь вести с Вами никаких переговоров, так что можете быть спокойны. Очень прошу Вас не затевать из-за этого неприятной истории. Ив.Бунин». Ответ пришел на словах: «Хорошо». Я отправился. Из передней Элеонора, с которой мы неловко раскланялись, пригласила меня в кабинет, где сидел Цакни: «Ребенка сейчас принесем сюда». Сижу молча, Цакни начинает: «Аня не совсем здорова еще...» Я спросил: «Кажется, были тяжелые роды?» — «Да». Внесли ребенка. Дай ему Бог здоровья, очень, очень тронул он меня: милый, хорошенький, спокойный, только головку держит что-то набок. Спрашиваю, что это значит. Говорит, что это оттого, что ему неловко на диване в конверте. А Элеонора входит и злобно: «Это оттого, что мать едва не умерла!» Точно я виноват, е<...> их мать! Затем спросил как зовут — Николай, но еще не крестили, ждут Лелю Ираклиди. Перекрестил и ухожу, Цакни — «Я с Вами выйду». Выходим, он говорит: «Вы, конечно, имеете право видеть ребенка, но, пожалуйста, предупреждайте, а то Аня страшно волнуется. Впоследствии мы это урегулируем». Я говорю: «Да нужно, как и вообще пора нашу историю урегулировать». — «Т.е. как?» — «А так, говорю, я эту историю считаю далеко не конченной». — «Что Вы хотите сказать? Аня решительно говорит, что не может жить с Вами, даже с ужасом вспоминает о вас». Я говорю, что не знаю, чему она ужасается, но дело в том, что я имел вовсе не то в виду: о нашем сожитии не может быть и речи. «Так что же вы имеете в виду?» — «Развод, говорю, причем считаю, что пора Вашей дочери поступать со мной более порядочно». — «Т.е. что это значит?» — «А то, говорю, что поступила она возмутительно, она во всем виновата и должна расплатиться». — «Так, говорит, думайте о разводе, я очень рад, что Вы вступили на этот путь». Я говорю: «Думать я не стану, ибо должна дать развод она».

И начался у нас бурный разговор. Цакни захлебываясь стал говорить, что виновата во всем не она, а я, что письмо твое к нему весной оскорбительно, что оно все написано с моих слов и неверно. Я прервал его и говорю, что он не может, надеюсь, ни одного факта указать неверного, что мне решительно все равно, как он думает; кто виноват. Важно то, что *я* считаю *ее* виноватой, никогда не возьму *на себя* вины и добьюсь развода от *нее*[3]. «Но, — кричит, — как же это сделать?» — «А это, говорю, решительно не мое дело». — «Хорошо, говорит, я поговорю с адвокатами, я рад, что Вы вступили на эту дорогу». — «Радоваться, говорю, особенно нечего, а пора начать дело». — «Но Вы понимаете,

что Вы должны быть великодушны!..» — «Ну, — я говорю, — я не идиот, чтобы еще великодушничать с Вашей дочерью. Думайте о разводе, теперь, говорю, есть какие-то послабления». — «Хорошо, говорит, я поговорю с юристами». — «Непременно, говорю, надо. И о ребенке надо подумать». — «Это, говорит, будет зависеть от чувств матери». Я говорю: «А мои чувства будут приниматься в расчет когда-нибудь?» Ну, словом, поговорили крупно и раскланялись. Думаю написать Анне из Парижа, где покажу гнусность ее поведения и скажу опять о разводе. Пиши мне в Париж по этому поводу.

Здесь все нас с тобой очень любят, кланяются тебе. Прощай, пиши о Сивке и о наших — в Париж. Крепко тебя целую.

Ив.Бунин.

445. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 октября 1900. Одесса

Дорогой! Задержался в Одессе, выезжаем завтра, пиши в Париж[1]. Был у Цакни, видел своего мальчика, милого, хорошенького. Аню не видал. С Цакни крупно поговорил и сказал, что требую развода с ее стороны, — теперь, говорю, есть какие-то лазейки. Говорит — хорошо, начну переговоры с адвокатами. Непременно, говорю, надо. Словом, решительно все порвано. Новостей больше нет. Целую тебя и кланяюсь всем твоим.

Ив.Бунин.

10 окт.

446. Е.А. и Н.Д.ТЕЛЕШОВЫМ

12 октября 1900. Варшава

Дорогие! Я в Варшаве, где вполне великолепно. Напишите мне в Париж, до востребования.

Ив.Бунин.

12 окт. 1900 г.

447. Ю.А.БУНИНУ

13 октября 1900. Варшава

Братец! Целую. Пиши в Париж[a]. Куровский тоже.

Ив.Бунин.

---

[a] Вместо зачеркнутого: Варшаву.

448. Ю.А.БУНИНУ

30(17) октября 1900. Кёльн

17/30
окт. 1900 г.

Жив, но не очень здоров — насморк. Тут чрезвычайно хорошо. Нынче уезжаю в Париж. Пиши.

Твой Ив.Бунин.

449. В.Я.БРЮСОВУ

1 ноября (19 октября) 1900. Париж

Париж, 19/1 1900.

Дорогой Валерий Яковлевич! Вчера был в почтамте и, к удивлению своему, не получил от Вас ничего — ни письма, как обстоят дела по изданию[1], ни тем паче — корректуры; а я ждал даже коррект<уру>. Не знаю теперь, как быть? Куда Вы мне напишете и куда вышлете корректуру, если вышлете? Получили ли Вы рукопись? Я писал Вам[2], оставляя ее, что первые два-три листа можно набирать без опасения. То же повторяю и теперь. Завтра-послезавтра вышлю Вам, вероятно, кое-какие добавочные стихотворения. Теперь же пока спешу сообщить Вам, что в Париже я пробуду еще дней 9[3]. Затем я еду в Женеву и т.д. на Мюнхен. В Мюнхене я пробуду дня 3–4[4]. Буду там, значит, в начале ноября. *Напишите мне, таким образом, в Мюнхен, если не успеете в Париж.* Парижский мой адрес: Avenue de Suffren, 114. M-me Radtchenko, для меня.

Будьте здоровы. Все впечатления — при свидании.

Ваш Ив.Бунин.

450. Ю.А.БУНИНУ

1 ноября (19 октября) 1900. Париж

Париж, 19/1 1900.

Я в Париже, чувствую себя весьма недурно, — главное — погода, совершенно лето, да и город — легкий какой-то, не стесняющий, а молодящий хорошо и просто. Пробуду здесь числа до 28 по нашему стилю[1]. На почте ничего от тебя не получил. Напиши хоть в Мюнхен, где мы остановимся дня на 4[2]. Крепко тебя целую. Пишу на выставке.

И.Б.

Парижский адрес: Avenue de Suffren, 114, Radtchenko, для меня.

451. Ю.А.БУНИНУ

6 ноября (24 октября) 1900. Париж

Вчера получил твое письмо, завтра-послезавтра напишу тебе больше, а то за беготней не успеваю. Вчера ушли за город, оттуда уехали в г. С<ен>-Жермен, там удивительные впечатления. Опишу. Возвратясь, застали письмо от жены Куровского. Она, между прочим, пишет ему, что на другой день после нашего отъезда из Одессы, заходил к ней и спрашивал меня адвокат[1]. Понимаешь? Спешат!

И.Бунин.

24 окт. по ст. стилю
1900 г.
Париж.

452. А.М. и Е.П.ПЕШКОВЫМ

7 ноября (25 октября) 1900. Париж

1900 г.

Поклон!

И.Бунин.

453. В.Я.БРЮСОВУ

9 ноября (27 октября) 1900. Париж

Совершенно не понимаю ничего, Валер<ий> Яковл<евич>, и весьма беспокоюсь. Где Вы, что значит молчание[1]? Уезжаю из Парижа (утро 9-го ноября по *новому стилю*)[2] в Швейцарию. Убедительно прошу еще раз написать в *Мюнхен* до востребования. Кланяюсь «братьям»[3] и Вашей супруге. Вышла ли Ваша книга[4]?

Ваш Ив.Бунин.

454. Ю.А.БУНИНУ

11 ноября (29 октября) 1900. Женева

11 ноября по н.ст. 1900.

Я в Швейцарии, над Женевой в горах. Вчера высоко взобрались, чтобы увидеть Монблан, но отель на горах оказался пуст, а кругом туман, ветер и высота гор. Спустились ниже, нашли проводника, ночью пришли сюда; ночевали, ветер всю ночь бушевал, холодно.

И.Бунин.

455. И.А.БЕЛОУСОВУ

9, 12 ноября (27, 30 октября) 1900. Лозанна

Paris, 9 нов. ст.

Тезка, целую тебя! Был в Берлине, Кёльне, Париже, С<ен>-Жермене, уезжаю в Швейцарию.

Твой И.Бунин.

Кланяюсь из Альп.

Лозанна,
12 ноября нов. ст.

456. Ю.А.БУНИНУ

16(3) ноября 1900. Мюррен

Альпами сильно запечатлен. Переживаю много незабываемого. Погода дивная. Вчера, 15-го н<оября> по н.ст. был в Гриндельвальде[1], нынче в Мюррене. Сохрани карточку.

И.Б.

457. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

17(4) ноября 1900. Интерлакен

Интерлакен[1], 17 ноября
по н.ст.
1900 г.

Видел Альпы, был в Мюррене, в царстве Юнгфрау[2]. Крепко целую тебя, поклон жене. Напиши в Вену, до востр<ебования>.

Ив.Бунин.

458. Ю.А.БУНИНУ

17(4) ноября 1900. Люцерн

17 ноября
н. с. 1900.

Ив.Бунин.

Нахожусь в Люцерне.

459. В.Я.БРЮСОВУ

18(5) ноября 1900. Риги-Кульм

18 ноября
по н.ст.
1900.

Был в Альпах Бернских, в Гриндельвальде и Мюррене, на большой высоте, в снегах и зимней горной глуши, совсем перед вечным лицом Финстерааргорна[1] и Юнгфрау. Теперь провожу вечер на высоте более 2000 метров, совсем в снегу, на Риги-Кульм[2]. Взошел без проводников, один, по дикой дороге. Хорошо!

Ив.Бунин.

460. Ю.А.БУНИНУ

18(5) ноября 1900. Риги-Кульм

Ив.Бунин.
18 ноября н. ст.
1900 г.

461. Ю.А.БУНИНУ

18, 19 (5, 6) ноября 1900. Риги-Кульм

Риги-Кульм.
Вечер, 18-го ноября
н.ст. 1900.

Милый и дорогой! Выехали из Парижа 10-го, вечером приехали в Женеву. Ночь провели в говенном снаружи и всюду, но с чистой комнатой, «отеле Солнца», вышли утром и поразились тихим, теплым утром. Из нежных туманов, скрывавших все впереди, проступали вдали горы и озеро, нежное, лазурно-зеленого цвета. Нежный туман был полон солнца, и когда туман растаял, чистый, веселый, заграничный город был очень весел и изящен. Взяли лодку, купили сыру и вина и вдвоем, без лодочника, уехали по озеру. В час, когда еще утро, но к полудню было очень хорошо. Тишина, солнце, лазурное, заштилевшее озеро, горы и дачи. В тишине — звонкие и чистые колокола, издалека — и тишина, вечная тишина озера и гор. Думал о той тишине, которая царит в заповедном царстве Альп, где только сдержанный шум водопадов, орлы и пригревает полдень. Помнишь, как в «Манфреде». Он один. «Уж близок полдень»... Берет из водопада воды хрустальной в пригоршни и бросает в воздух. В радуге водопада появляется Дева гор или, кажется, Земля... и т.д.[1]. Потом возвратились на набережную. Что за погода, как дачи и пожелтевшие и покрасневшие платаны на ясном, чистом, лазурном, южно-осеннем небе рисовались. А вдали налито озеро необыкновенно-

го, мне кажется, итальянского цвета. Сели на электрическую конку и уехали за город. А там пошли среди дач — редких — к горам. Совсем лето. В деревне Верье закусили и пошли на гору «Slève». Она такая



Тут в седле (x) отели и деревня. Все просто, хорошо, по-швейцарски. Выпили кофе и коньяку — дешево. Вышли — по другую сторону седла глубокая долина, а за ней две снежные горы. Наконец. Было часа 4. Пошли к Трэ-Зарбр, сказали, что оттуда виден Монблан. Путь вообще был труден и долог. Пошли в гору, по лесу, засыпанному листьями, по каменистой дороге. Стали мертветь, бледно мертветь дальние снеговые конусы. Наверху уже дымился туман. Устали, наконец, сильно. А уже сумерки. Дошли наконец до вокзальчика — пустого — зубчатой железной дороги. И пошли, вошли, выпили вина, совсем стемнело. Где ночевать? Хозяйка ресторана говорит — «наверху, в отеле». Послала проводить нас детей. Что за великолепные были швейцарские ребята, голоногие, в накидочках, звонкоголосые, веселые! Но когда вышли — туман, ночь, мрак и ветер. Жутко. А я весь мокрый. Пошли, ни зги не видя. Пришли, — отель пуст, закрыт. Охватило отчаяние. Спустились к вокзалу — там не принимают. Послала детей проводить ниже. Там ресторанчик — не пускают. Ресторанчик — как и все почти швейцарские — простой. Стояли мокрые, — настоящие заблудившиеся путники. Упросили проводить нас в седло. Идиот-работник повел. Шли с фонарем вниз, долго, бежали ночью в лесу. Наконец пришли в большой, но конечно, весь пустой отель. Но как славно провели там вечер! Большая зала, две лампы на длинном столе, пахнет свежим деревом. Милая хозяйка. Поели, залегли спать в страшно холодной комнате, чувствуя себя одинокими в большом пустом отеле. Проснулись — свежие, розовые от ветра и холода горного утра. Пошли в Женеву, внизу долина так далеко, что Леман казался как на карте.

В тот же день уехали по озеру в Лозанну. На закате видели славную картину — все озеро густо-лиловое и солнечный столб по нему необыкновенно желтый, яркий. В Лозанне переночевали, вышли — туманно, мягко, нежно и колоссальные снеговые горы к югу сквозь туман. Внизу — озеро, в белесой светлой мгле. Потом зашли на гору, обрыв, виноградники лицом к югу, к солнцу — опять Италия. В чудных виллах среди садов — фортепиано, славные звуки в солнечный полдень. Взбодрились и решили ехать в Веве и Монтре. Поехали по железной дороге. Горы — против, но все в светлом солнечном тумане. В Монтре, в затишье, в котловине — совсем лето. Италия! Спустились к озеру, сняли пиджаки, пили хрустальную воду и пошли к Шильонскому замку. Повернули от озера — уже вечером в ущелье по дороге к Зермату, в горы. Горы, синий вечер, снежная широкая гора впереди величавым конусом. Вернулись с поездом в Лозанну. На другой день уехали через Берн в Интерлакен[2], в Туне не остановились, ехали около самого Тунского озера, этой сине-зеленой чаши среди гор. В Интерлакен приехали вечером. Купили шерстяные чулки длинные, палки, я — еще картуз теплый и варежки. В горы! Утром проснулись рано (вообще мы ложимся часов в 8–9–10). Утро серое, холодное, по горам — угрюмые туманы, но снежные горы — как серебро с чернью уже пробиваются — сквозь холодный дым тумана. Наняли швейцарца за 15 франков, поехали по теснине в Гриндельвальд, к сердцевине вечных ледников Бернских Альп, к самому Веттергорну, Меттергорну, Финстерааргорну и Юнгфрау[3]. Горы дымятся, горная речка, над головою громады, елочки на вышине, согнувшись идут к вершинам. Кучер вызвал из одной хижины швейцарца. Он вышел с длинным деревянным рогом длиною сажени полторы, промочил его водою, поставил как гигантскую трубку на землю, надулся и пустил звук. И едва замер звук рога, — противоположная скалистая стена, уходящая в небо, отозвалась — да на тысячи ладов. Точно кто взял полной могучей всей рукой аккорд на хрустальной арфе и в царстве гор и горных духов разлилась, зазвенела и понеслась к небу, изменяясь и возвышаясь, небесная гармония. Дивно! Наконец — впереди все ущелье загородил снежный Веттергорн. И чем больше мы поднимались и чем ближе — ледяные горы росли и стеной — изумительной — стали перед нами: Веттергорн, Меттергорн, могучий Финстерааргорн, Айгер и кусок Юнгфрау, а подле — Зильбергорн[4]. Погода была солнечная, в долинах лето, на горах ясный, веселый зимний день январский. Ехали назад — швейцарец дико пел «Йоделем» — нутреное пение, глубокое, — свежо, сыро, шум горной речки, черные просеки в еловых лесах, бледные горные звезды, а сзади всю дорогу — мертвенно-бледный, страшный, величавый Веттергорн, а потом Юнгфрау. На другой день уехали по тому же ущелью по железной дороге, но на полпути свернули в зеленую, полную зеленых еловых лесов, теснину к Лаутербрунену[5]. Лаутербрунен под Айгером и Юнгфрау с Зильбергорном. Там оказалось — да мы и раньше знали, что зубчатая дорога в горы, к Мюррену, что стоит против Юнгфрау, — прекратилась, и мы двинулись

пешком. В долине, где Лаутербрунен — чудное солнечное, почти жаркое утро начала осени, над нею Юнгфрау и Айгер, а против них — водопад. Пошли в гору в 11 ч., по еловым лесам, среди водопадов, еловой зелени и солнца, и долина под нами стала падать. Наконец, после смены дивных видов пропастей и гор возросли опять Айгер и Юнгфрау, тишина, и мы вступили в снег. Долго шли зимою по лесу, обливаясь потом. Шли без остановки более 4 часов и пришли в Мюррен. Там мертвая зимняя горная тишина. Пустой отель опять. Обед в столовой холодной, но славный Куровский играл из Бетховена, и я почувствовал на мгновение все мертвое вечное величие снежных гор. Из Мюррена почти бежали. Темно вечером возвратились в Интерлакен. На другой день по Бриентскому озеру на пароходе в Бриенц и оттуда — страшный подъем по зубчатой железной дороге к Брюнигу, а оттуда спуск вниз. Верхние горы в облаках. Часа в 4 приехали в Люцерн, — дождь. Город славный. На другой день, т.е. сегодня, пустились по Фервальдштетскому озеру до Фицнау. Горы в облаках, ниже — свежо, серо, озеро серо-синее. Дорога на Риги-Кульм, конечно, прекратилась, — сказали, что на вышине уже глубокие снега и паровоз не может взбираться. И вот мы пустились, не колеблясь, на ногах. Вышли в 12 и 5 $^{1}/_{2}$ часов шли без остановки вверх по подъему в 23–25°. Вот: / Страшно трудно. На горах — глубокая осень видна, леса в туманах дымятся, туманы вверху в ущельях налиты сумраком. В $^{1}/_{2}$ второго вступили в облака и озера внизу пропали. Что тишина, какой туман! А леса стоят в нем и лиственные деревья тихо роняют коричневые листья. Пар от нас, мокрых как мыши, валил как от лошадей. Туман, т.е. густота облаков все росла. Прошли через мост над страшной пропастью. В 3 часа вступили в снега. Около 4 пришли в занесенный снегами, чуть видный пятнами в тумане отель, перекусили на самую скорую руку и дальше. Зубчатая дорога, полузанесенная снегом, идет точно в небо. И все глуше и дичее становилось. Помню, стояли на одном обрыве, — какой там туман был внизу. Чем ниже — все темнее. Так что в глубине — точно сепия налита. А ели все реже и уже в инее. Вспомнил я Россию, север. И наконец — Риги-Кульм, высота более 2 тысяч метров. Все три гигантские отеля на этом конусе пусты, занесены снегом и едва видны в тумане. В главном нашли комнату, внизу в столовой для прислуги — печка, 3 швейцарки, налитые кровью. Обсушились, поели. И проводим долгий зимний вечер на этой высоте, в мертвой пустыне. Идем спать.

19 ноября.

Спали в шапках, я в пиджаке, под ногами — грелка. Проснулись в 7 ч. — туман, растет иней. Вышли из отеля — в 2 шагах ничего не видно. Подымается метель. Сидим внизу, ждем не прорвет ли туман. Жаль вида, — ведь отсюда видны все Бернские Альпы! А мы сидим в глубокой зиме и ничего не видим. Куровский кланяется.

1/2 двенадцатого. Белый туман, собираемся уходить с Риги. Пущу письмо из Люцерна, а то с Риги почта зимой редко ходит. Ходил по пустому отелю, по пустым залам, салонам и ресторанам. Всюду холод, стулья одно на другом вверх ногами, шаги гулко отдаются. Зима! Через неделю все покидают отели до весны. Пахнет везде совершенно как в доме у Михайлова[6] в деревне и славно! Скажи это ему и поклонись!

Твой Ив.Бунин.

Нынче ночью или завтра думаем уехать прямо в Мюнхен через Цюрих.

462. В.Я.БРЮСОВУ

23(10) ноября 1900. Мюнхен

Мюнхен. 23/10 ноября 1900.

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>! Очень огорчен всем, что Вы сообщили мне[1]. Никак не думал, что будет не хватать даже при формате Аннунцио. Подводить Вас я, конечно, не хотел и не имел в виду, а если не исполнил своего обещания выслать стихов, то, во-первых, потому, что не ожидал, что мое путешествие будет «не давать мне ни отдыху, ни сроку», а во-вторых, потому, что мы вообще решили не торопиться. Очень прошу Вас и теперь об этом: не торопитесь и не торопите меня. Если я явлюсь уже к набранной до конца книге, то как я дам Вам дополнения? И зачем Вы сразу хотите всю набрать? Дополнения должны будут войти в книгу не в конце, а во второй-третьей части. Сейчас у меня нет ни минуточки свободной из-за картинных галерей.

Планы мои такие: в Мюнхене думаю пробыть всего дня 2 — лучше сказать — выеду в Вену послезавтра утром[2], вечером буду в Вене, там сутки, затем в Дрезден, там сутки, а потом без остановки в Россию, т.е. еще дня два до Москвы или Петербурга: еще не знаю куда поеду. Но во всяком случае в Птб. пробуду очень немного. Напишу Вам еще из Вены. *Поправлений* буду делать много, буду перестанавливать стихи, — не торопитесь же. Скоро увидимся.

Ваш И.Бунин.

463. Ю.А.БУНИНУ

23(10) ноября 1900. Мюнхен

Мюнхен, 23/10 н<оября> 1900 г.

Думаю, что, может быть, поспешу в Птб. один к 15-му. Но вернее, что вместе с Куровским будем в Птб. числа 17-16-18[1]. Захвати мне туда *денег*. Мне нужно в Птб. попасть. Напиши в «Жизнь», где остановишься, на мое имя.

И.Бунин.

464. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24(11) ноября 1900. Мюнхен

Что ты, брат, ни слова мне не на<пише>шь? Мне простительно — я но<шусь>, как перекати-поле. Приеду — все расскажу. А ты? Теперь уж не чаю получить от тебя ничего, хотя, помнится, просил тебя написать на Вену. Теперь я в Мюнхене. Завтра в Вену[1], Дрезден и — в Россию. Числа 17–18–19 думаю быть в Птб.[2], а 22–25 — в Москве[3]. Пиши в Птб. на «Жизнь». Поклон жене.

465. Ю.А.БУНИНУ

25(12) ноября 1900. Мюнхен

Утро 25/12 ноября 1900.
Мюнхен.

Не писал потому, что буквально нет минуточки. Все расскажу — приеду. Пост-карт посылал тебе много[1]. В Берлине, Кёльне и Париже был, остальное знаешь. Мюнхен прелесть, картины Бёклина[2] замечательны. Еду сейчас в Вену, вечером буду там, — там день, затем в Дрезден — тоже день и домой[3]! Еду в Птб. Жаль будет, если не застану тебя там. В Птб. пробуду очень мало и в Москву[4]. Целую тебя крепко и А.П. и Митю[5].

Шестой день, т.е. слезши с Риги-Кльм, ***не курю,*** даже в рот ни одной затяжки не брал, честное слово!!!

Ив.Бунин.

466. Ю.А.БУНИНУ

13 ноября 1900. Прага

Прага, вечер
13-го ноября.

Рассчитываю быть в Птб. числа 16–17[1].

467. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

13 ноября 1900. Прага

Прага, 13 ноября 1900.

Ужинаю и пью настоящую «Житнúвку»[1] в настоящей Праге. Поклон!

И.Б.

468. Ю.А.БУНИНУ

17 ноября 1900. Петербург

Сегодня, 17 ноября, возвратился в Птб. Был в «Жизни», получил твое письмо. Оно меня офраппировало[1]. Я так и думаю сделать, как ты советуешь. Выеду отсюда или послезавтра, т.е. в воскресенье, или в понедельник 20-го, т.е. 21-го буду в Москве[2]. Крепко тебя целую. Извести А.П.

Ив.Бунин.

469. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

17 ноября 1900. Петербург

Буду в Москве утром в понедельник 20-го или во вторник 21-го ноября[1].

Ив.Бунин.

Птб.
17 ноября.

470. В.Я.БРЮСОВУ

20 ноября 1900. Москва

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>. Нельзя ли нам увидеться завтра (вторник 21-го) или в 1 ч. или в 5 ч.? Не приедете ли ко мне? Я живу у Никитских ворот в доме князя Гагарина (этот дом замыкает Тверской бульвар). А то вечером я уже отозван, хотя, вероятно, попозднее заверну (кстати, где в Б<ольшой> М<осковской> Вы бываете? В кабинете?) Жду.

Ваш И.Б.

471. В.Я.БРЮСОВУ

22 ноября 1900. Москва

В<алерий> Я<ковлевич>! Нам все-таки необходимо увидеться. Слышал, что заболела Ваша супруга. Очень сочувствую и поэтому не решаюсь ехать к Вам. Да и боюсь. Если Вам можно теперь отлучаться из дому, то, пожалуйста, приезжайте ко мне. Назначьте час и день — телеграммой что ли. Я живу у *Никитских ворот, д. кн. Гагарина.* Часто бываю у брата[1]. Жду Вас, а то мне скоро уезжать[2], а потолковать необходимо.

И.Бунин.

472. В.Я.БРЮСОВУ

15 декабря 1900. Огневка

Апраксино, 15 дек. 1900.

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Посылаю сегодня в типографию Мамонтова 6 листов (первых) моей книги[1]. Там есть мелкие поправки. Я написал на корректуре, чтобы после того, как эти поправки сделают, корректуру дали Вам. Очень прошу Вас — просмотрите еще раз и разрешайте печатать — пожалуйста, поскорее. Меня, пожалуйста, извините, — приехавши в деревню, денек полежал, чуть было не захворал, — а потом шла сильная метель. Остальные листы непременно высылаю завтра. При переверстке в типографии напутали, но не очень, так что я не стал снова переламывать. Только выкинул два пустяковых и очень маленьких стишка, вставленных было, — и вышло хорошо.

Очень тороплюсь на почту, чтобы сегодня пошло, и потому кончаю. Кое-что напишу еще завтра.

Скорпионам[2] поклон и супруге Вашей тоже.

Ваш Ив.Бунин.

Чрезвычайно прошу Вас печатать книгу на бумаге формата Аннунцио[3]. Все положительно советуют.

473. Ю.А.БУНИНУ

15 или 16 декабря 1900. Огневка

Милый, драгоценный Люкася! Жду сижу, когда известит Чехова[1], когда поедет. Должно быть, завтра уеду из Огневки в Ялту. Здесь абсолютно нельзя ничего делать. Мама больной вид имеет, очень больной, ради Христа, купи немедленно ей этих капель *у Феррейна*[2] и пришли или привези сюда сам. Здесь тебя ждут, как солнца. Погода изумительная, но в доме скверно. Не пришлешь ли маме хоть 5 рублей, надо послать за доктором, а то у нее что-то все тело в синяках, — кровь замирает. Приезжай *скорее.* Горячо целую.

Твой Ив.Бунин.

474. В.Я.БРЮСОВУ

16 декабря 1900. Огневка

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Сейчас пишу в типографию Мамонтова, — прошу, чтобы мне присылали каждый отпечатанный лист книги, посылаю образец обложки (с объявлением о своих книгах[1]) и прошу прислать корректуру обложки. Если они забудут это сделать — будьте добры распорядиться. На всякий случай посылаю и Вам образец обложки. *Только не лучше ли заднюю*

страницу обложки — т.е. 4-ую, сделать пустой или поставить на ней какую-нибудь проходную виньеточку в русском стиле посредине, а объявления поставить на 3-ю?

Будьте добры не забыть сделать оглавление.

Жму Вашу руку и кланяюсь Вашей жене и всем «Скорпионам».

Ваш Ив.Бунин.

Ялта, дача А.П.Чехова.

Какая будет цена книги[2]? Неужели меньше рубля?[a]

475. В.Я.БРЮСОВУ

18 декабря 1900. Огневка

18 дек. 1900 г.

Многоуважаемый
Валерий Яковлевич!

Извещаю Вас, что всю корректуру моей книги Мамонтову я уже отослал, и еще раз беспокою Вас своей просьбой просмотреть ее после исправления, а также — присылать мне каждый отпечатанный лист в 2-х экз. Очень хотелось бы посмотреть и обложку. Относительно размера я уже Вам писал — я очень хочу большой формат. Не лучше ли, кроме того, поставить над всеми стихотворениями без заглавий звездочки? Глупо это, конечно, но что же делать? Иначе получается странное, непривычное впечатление — стихи сливаются в одно. То же самое и относительно черточек после каждого стихотворения. Странно мне без них. А впрочем — пусть будет Ваша воля. Не забудьте также относительно нумеровки страниц: Вы хотели поставить цифры на боку, на стороне страниц.

По многим делам я здесь еще задерживаюсь[1], а потому прошу Вас пока писать мне и посылать все, что понадобится, не в Ялту, а сюда:

Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у.

Пока будьте здоровы и счастливы.

Поклон Вашим и «Скорпионам».

Ив.Бунин.

476. Ю.А.БУНИНУ

19 декабря 1900. Ефремов

Ефремов, *вторник.*

Сижу в Ефремове и надуваюсь писать. У Евгения совершенно негде, да он и ругался со мной ежеминутно, ясно давая понять, что не желает моего присутствия. Остановился в гостинице А.К.Шульгина на Боль-

[a] Два последних предложения приписаны в начале письма.

шой улице. Но изверски дорого: № — 1 р. 25, да самовар по 10 к., а порции 50, 60, 70 к. Что делать? Ума не приложу! Денег 45 р.! От Чеховой ни звука! Очень хорошо. Если получу от нее что-нибудь нынче, — вероятно, уеду в Ялту[1], хотя тоже дрянь дело: ведь она числа 7 янв. уедет в Москву и хорош я буду в Ялте без гроша, а если даже и напишу что — не успею получить. Напиши в Ефремов до востребования. М.б., останусь здесь надолго, если распишусь и от Чеховой ничего не получу. Да если и получу, еще не знаю, когда поеду — тотчас или подожду дня три-четыре. Когда выедешь? Когда встретить на вокзале?

Непременно пошли в типографию Мамонтова (Леонтьевский переулок) взять мне отпечатанные листы моей книги[2]. Прилагаю записку[3].

Твой Ив.Бунин.

477. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1900. Синельниково

Привет! Дивное утро — весна! Хочется закричать от радости. ***Непременно*** исполни мою просьбу: тотчас же напиши С.С.Голоушеву, что я ему кланяюсь, не умею написать его адрес и ***требую*** (!!) его книгу о Константинополе[1]: Ялта, дача Чехова на Аутке. Твоим поклон и Софье Андр<еевне>[2].

Твой И.Б.

Синельниково, 26 дек. 1900.

478. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 декабря 1900. Ялта

Ялта, 28 декабря.

Если ты не веришь, что я все-таки уехал в Крым — то доказательством будет почтовый штемпель. Напиши мне сюда тотчас же. Напиши о себе, Елене Андреевне и о Соф<ье> Андр<еевне>. Изнемогаю от радости, так здесь хорошо! Целую тебя и люблю. Письмо получил[1]. Адрес — Ялта, дача Чехова. Это письмо пишет Мар<ия> Пав<ловна>, котор<ой> я диктую.

Твой Ив.Бунин.

479. Ю.А.БУНИНУ

31 декабря 1900. Ялта

31 дек. Ялта, дача А.П.Чехова.

Милый и дорогой Юринька! Я, конечно, у Чеховых, очень любезно принят и живу прекрасно, причем, ей-богу, упорно пишу — пока стихи. Но деньги меня приводят в отчаяние. М<ария> П<авловна> зовет то в

Кучукой[1], то в Гурзуф, то на вечера. А у меня, клянусь Богом, 1 р.!! Нынче или завтра шлю три стиха Тихомирову[2]. *Христа ради, вышли мне 9 р. немедленно: я тебе сейчас же вышлю расписку на получение этих денег в «Курьере»*[3].

Ив.Бунин.

480. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 декабря 1900. Ялта.

Целую тебя!

Ив.Бунин.

481. Ю.А.БУНИНУ

1 января 1901. Ялта

Утро 1 янв. 1900 г.
Ялта, дача А.П.Чехова.

С Новым Годом! Вчера послал тебе письмо[1], а сегодня уже опять пишу, потому что положение мое отчаянное. Все эти дни я так натянут, так взвинчен тем, что у меня буквально ни гроша, что мечусь по комнате и ничего не делаю. Вчера мы были с М<арией> П<авловной> у Елпатьевск<ого> и так как это очень далеко, то я истратил на извозчика 80 к. Теперь у меня ***20 к.***!! Не только не на что послать бандероль Тихомирову[2], но даже *скоро не на что будет письма послать*. Ради Христа, сию же минуту вышли *мне телеграфом 10 р.* Посылаю тебе расписку на получение 9 рублей с «Курьера»[3]. *Если он принял и второе стихотворение*[4] *— тогда не посылай этой* расписки, а жди от меня другой — на ***15 р. 30 к.***, т.е. за 51 строку. И в этом случае, ради Бога, вышли уже не 9 р. и не 10, а ***15 р. 30 к.*** Не манкируй, Бога ради, — мое положение из рук вон.

Твой Ив.Бунин.

Пиши, как и что дома.

Переведи непременно телеграфом, ибо мне надо провожать М<арию> П<авловну> в Гурзуф, а на что? Да и вообще надо как можно скорее.

Стихи Тихомирову непременно пошлю — не нынче — так завтра.

482. Ю.А.БУНИНУ

5 января 1901. Ялта

5 янв. 1901 г.

Сейчас получил твое письмо. Удивляюсь, как это ты мог не получить моих[1]? А это просто ножом меня ударило. Я умолял тебя выслать мне 10 р., т.е. почти ту сумму, которую поручаю тебе получить в «Курьере»[2]. Там мне за стихотворение «В пустынной вышине» причитается 9 р.

Христа ради, немедленно вышли. У меня *2 коп.* и не на что даже письма никуда послать. Относительно Тихомирова писал: *погоди.* 3-го января послал ему стихов на 66 рублей[3]!! Но нужно же дождать<ся> ответа. *Сию же секунду пиши, а деньги переведи телеграфом.* Начал писать много. *Тут дивно,* но я просто в отчаянии. Торопят на почту.

Пиши прямо: Ялта, дача А.П.Чехова, мне.

Целую. Ив.Бунин.

483. И.А.БЕЛОУСОВУ

12 января 1901. Ялта

Дорогой друг! Спасибо за весточку. Нынче дивное утро, проводил М<арию> П<авловну> в Москву, заехал на почту (ведь мы живем почти у самого Учан-Су) и получил твое письмо. А я уж думал, что Ванюшка заленился. Не бери с меня примера, — пиши. *Жажду новостей.* Одиноко, но дивно. Если бы ты знал, какие дни и какой вид у меня из окон! Пишу стихи и рассказы, читаю. Пишешь ли ты? Целую, поклон жене.

Твой Ив.Бунин.

Адрес тот же[a].

484. Ю.А.БУНИНУ

12 января 1901. Ялта

12 янв. 1901 г.
Ялта, дача Чехова.

Дорогой и милый друг! Спасибо за деньги. Иначе было плохо. Жить тут очень хорошо, были бури и даже вьюги, но вот сейчас, например: что за утро! Почти совершенно такое же, как, помнишь, в апреле. И в тысячный раз жалею о тебе, что ты там хрипишь за трудом. Сегодня уехала Марья Павловна в Москву, — она очень хорошая и умная, и мы с ней очень подружились. Тут осталась мать Чехова и попросила меня побыть у них, — зачем вам, мол, съезжать в гостиницу. Мамаша одна боится. Я, конечно, рад этому. Но дела мои все-таки очень плохи. Возила меня Марья Павловна в Гурзуф, да баня, да прачка — совсем денег нет. А надо писать не скороспелое что-нибудь, а путное. Дилемма! Бьюсь над стервой «Белой смертью»[1], — когда кончу, — кажется, — много и быстро напишу.

Что Тихомиров[2]? Я писал тебе, что послал ему стихов на 66 р. Что же он?

---

[a] Приписано в начале письма.

Фейгин прислал письмо[3]: и другое стихотворение будет помещено, — значит, мне приходится с «Курьера» — 15 р. 30 к. за 51 строку. Шлю доверенность.

Ради Бога, пиши почаще, — страшно одиноко. Даже Елпатьевский живет очень далеко, — ведь я чуть не у самого Учан-Су.

Что наши? Господи, как мне мучительно жаль их! Очень крепко целую тебя. Федоров пишет про Аню и Цакни[4]: говорит, что Аня ноль внимания на ребенка совершенно, переписывает ноты с потным юнкером и поет и пляшет. А Элеонора, говорит, совсем сошла с ума с этой оперой! У, е<...> их мать!

Ив.Бунин.

485. А.М.ФЕДОРОВУ

12 января 1901. Ялта

Ялта, дача А.П.Чехова.
12 янв. 1901 г.

Опять задержался с отъездом[1], — не сердись, пожалуйста, дорогой друг. Твоему письму и дружескому тону был очень рад[2], — от всей души тебе говорю. И собирался много написать, но... «душу можно ль рассказать»[3], да еще в письме. Дни мои протекают в каком-то поэтическом опьянении. Там, на горах, многое творится, — и снег, и бури, и туманы, и мрачные тучи, а у нас большей частью солнце, бирюзовое, радостное небо и залив моря вдали. Если бы ты знал, какой у меня вид из окон! Мы живем почти у самого Учан-Су. А в кабинете Антона Павловича огромнейшее полукруглое окно тройное и верх — из цветных стекол. Как тут в солнечные дни — можешь вообразить! А<нтон> П<авлович> здоров и работает[4]. Семья его очаровательная. Сегодня проводил в Москву своего большого друга — его сестру Марию Павловну. Редкая девушка! В городе бываю почти каждый день, — тут у меня много знакомых. Много пишу стихов, много-много начинаю рассказов, читаю... обычно. И мечтаю. Эх, брат, проходит наша молодость. Крепко и горячо целую тебя и желаю, чтобы было между нами то лучшее, что бывает в лучшие минуты. *Пришли стихов*[5]. Пиши. Спасибо за весточку о сыне. Горько, брат, мне. Ну, прощай, милый. Жду писем. Буду скоро в Одессе. Поклон Л<идии> К<арловне>.

Ив.Бунин.

486. В.Я.БРЮСОВУ

13 января 1901. Ялта

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Начинаю беспокоиться относительно «Листопада». Неужели он еще не печатается[1]? Повторяю свою просьбу относительно присылки мне

каждого отпечатанного листа в 2-х экз. и корректуры обложки, если я с ней не задержу. Есть ли оглавление? *Ялта, дача А.П.Чехова, мне.*

Поклон Вашей жене и Скорпионам.

Ив.Бунин.

487. А.П.ЧЕХОВУ

13 января 1901. Ялта

Ялта, 13 янв. 1901 г.

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Вчера узнал, что Вы 17-го именинник[1], и посылаю Вам поздравление. Дай Вам Бог всего самого наилучшего, — это мое постоянное желание относительно Вас. Собирался Вам написать и помимо этого случая, чтобы поблагодарить и Вас за гостеприимство[2]. После Москвы я был в деревне у себя[3], нашел там северный полюс, занесенный снегом, и метели, сквозь которые тускло видно желтоватое металлическое солнце в широком, морозном кругу, заскучал, задохнулся без воздуху в натопленном доме (гулять совсем нельзя — обжигает лицо) и опять уехал в Москву, тем более, что встретились кое-какие дела. А потом, опять получивши от Марьи Павловны приглашение, с величайшим удовольствием уехал в Ялту. Здесь очень тихо, погода нежная, и я чудесно отдохнул за эти дни в Вашем доме. Не нарадуюсь на синий залив в конце Вашей долины. Утром моя комната полна солнца. А у Вас в кабинете, куда я иногда заходил погулять по ковру, — еще лучше: весело, просторно, окно велико и красиво, и на стене и на полу — зеленые, синие и красные отсветы, очень сильные при солнце. Я люблю цветные окна, только в сумерки они кажутся грустными, и в сумерки кабинет пуст и одинок, а Вы далеко. Мы с М<арией> П<авловной> часто вспоминали Вас. М<ария> П<авловна> и Евгения Яковлевна[4] очень беспокоились, не получая от Вас писем. Вчера М<ария> П<авловна> уехала[5] и, так как я решил побыть в Ялте еще, попросила меня не переезжать в Ялту, а побыть пока у Вас. И вот я пока у Вас еще. Сегодня Евгения Яковлевна получила от Вас письмо и очень рада[6]. На дворе у Вас идет работа, — турки утрамбовывают его камнем. Слышал от М<арии> П<авловны>, что Вы работаете[7], — очень желаю настоящего настроения и равновесия. Я тоже кое-что скребу и читаю. А за всем тем живу тихо и благородно. Кланяюсь Вам и крепко жму руку.

Ив.Бунин.

488. Ю.А.БУНИНУ

21 января 1901. Ялта

Любезный брат Юрий Алексеич!....

Серьезно: милый и любезный Юричка! Если ты это послал мне деньги, сжалившись над моею судьбою, очень тебе и горячо благодарен. Нынче получил колоссальное богатство — эти 15 рублей. Но сказать



И.А.Бунин. Москва, 1902

надо и то, что я еще сомневаюсь: уж не ждать ли от тебя письма, в котором ты мне объяснишь причину присылки этих денег и вдруг окажется, что эти деньги ты выслал потому, что надо ехать в Огневку, что кто-нибудь болен и т.д. Пока крепко тебя целую и жду писем, как можно скорее. Вчера же получил и твое письмо от 17-го. Но в нем ничего нет про эти 15 р. А они спасли меня. У меня не оставалось ни копейки, а тут принесли белье от прачки и оно лежало больше суток.

Вот новости: тепло доходит до *25°* на солнце. Я отослал стихотворение в 52 строки в «Юный читатель» и 50 строк из Апокалипсиса в... куда ты думаешь? — в *«Родину»*[1]! Там ведь пишет же Потапенко, Немирович... Но не знаю, платят ли они за стихи. Это все, конечно, риски. Вероятно, отчитают в обоих местах. Начинаю и не могу кончить рассказы. Упорно пишу только два небольших: «Сосны» и «Туман на море». Спешу для февраля «Жизни»[2]. Нельзя — наплюют в рожу... Что наши? Уехала ли Машенька?

Буковецкий на днях женится[3], — говорят, на хорошей и богатой девушке.

От Горького ни звука. Читал ли его «Песню о слепых» в «Журнале для всех»[4].

А читал, как в «Неделе» сказали, что «Антоновск<ие> яблоки» напоминают лучшие страницы Аксакова[5]? Или я это тебе писал?

Милый, драгоценный Юричка! Какой я одинокий и зачем я живу? Силюсь писать х<...>. А жить на свете хорошо счастливому.

Все утро писал «Сосны», мучительно больно руку. Будет. Крепко и горячо целую тебя.

Твой Ив.Бунин.

21 янв. 1901 г.
Ялта, дача Чехова.

489. М.П.ЧЕХОВОЙ

21 января 1901. Ялта

Все благополучно и хорошо, от А<нтона> П<авловича> было несколько открыток[1] — жив, здоров, собирается скоро сюда, Е<вгения> Я<ковлевна> здорова. Пишу Вам завтра поподробнее[2].

Дон Зинзага.

490. М.П.ЧЕХОВОЙ

22 января 1901. Ялта

22 янв. 1901 г.

Очень виноват перед Вами, милая и хорошая Амаранта, но, право, я не вижу дней. Они мелькают так, что их за хвост не поймаешь, благодаря моему трудолюбивому и аскетическому образу жизни. Читаю, думаю, думаю, мечтаю, иногда кое-что запишу, кушаю на доброе здоро-

вьице, беседую за столом с милой и кроткой Евгенией Яковлевной, бегаю на почту... Вот и все. Отсюда Вы можете заключить, что новостей у меня — ровно никаких, но это-то мне и нравится. Раз был у Срединых, был раза 2 у Варв<ары> Константиновны[1] — очень милы ее девочки — захожу к Синани[2]... Да, два раза был у Ольги Михайловны[3], она все торчит в Ялте. И опять — вот и все. Софью Павловну[4] я, конечно, не считаю — с той мы часто видимся. И часто, очень часто из этой тихой моей жизни пробивается самая искренняя грусть по Вас, большая потребность поговорить с умной и милой Мафою. Евг<ения> Яковл<евна> здорова, — немного было распухло у нее горло на два дня, теперь прошло. Удивляемся, что значит, что Ант<он> Павл<ович> не пишет Вам. Он опять повторяет, что скоро, очень скоро приедет.

Сегодня Бонье с Розановым[5] отбыли в Ниццу. Море тихо. Были изумительные дни — 25° тепла, ей-богу! — на солнце, конечно. Потом все закрыли дикие туманы. Сегодня опять хорошо.

Очень был рад Вашему письму, очень с удовольствием засмеялся в конце его. «Опять»[6] ...... Напишите тотчас же после этого письма.

Если бы Вы были здесь сейчас, я бы крепко поцеловал у Вас ручку и рассказал бы Вам много трогательного и красивого, что придумал и видел за последнее время. А сколько экспромтов пропало задаром[7]!

Как это ни дико, но я еще у Вас! Так говорит Зоратустра[8].

Опишите представление «Трех сестер»[9], поклонитесь Книпперам.

Прощайте, Амаранта, —
Ваш до гроба
Дон Зинзага.

491. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 января 1901. Ялта

Дорогой и милый друг! Прости, что не пишу, много работаю, да и много дней проходит в странном состоянии каком-то. Боже мой, ты не можешь себе представить, что за дни стоят! По 25° тепла на солнце. Сейчас я на балконе гост<иницы> «Россия» — в одном пиджаке и то жарко. Море, небо полно невыразимой радости, а я один, дьявольски один, т.е. не в смысле знакомых, конечно... Пропадает моя молодость ни за что! — Я все еще у Чехова.

Кланяйся Е<лене> А<ндреевне> и С<офье> А<ндреевне>. Где она? Пиши.

492. В.Я.БРЮСОВУ

28 января 1901. Ялта

Многоув<ажаемый> В<алерий> Я<ковлевич>! Сейчас получил Ваше письмо[1]. Чрезвычайно прошу Вас как можно скорее выслать мне хотя несколько экз. «Листопада», как только выйдет[2]. Очень буду благодарен.

Поклон!

Ваш Ив.Бунин.

493. А.П.ЧЕХОВУ

30 января 1901. Ялта

Ялта, 30 янв. 1901.

Глубокоуважаемый Антон Павлович.

Будьте добры — передайте, пожалуйста, прилагаемую записочку Софье Павловне Бонье[1]. Я не знаю ее адреса. Так как знаю от Евг<ении> Яковлевны, что Вы живы, здоровы, работаете и в тепле[2], то не спрашиваю Вас, как Вы живете, а только желаю Вам и впредь всего лучшего. Но на днях я уезжаю в Одессу[3] и буду очень рад получить от Вас хоть несколько слов: Софиевская, 5. Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у Вас до сих пор, — я хотел переехать в город, но Евг<ения> Яковл<евна> обижается. Несколько дней была бурная зима, — совсем как у нас в темные мартовские дни, когда «сын за отцом приходит», т.е. валит мокрый снег. Теперь уже стаяло — солнечный прохладный день. Но горы, точно в Швейцарии. У Вас здесь все благополучно. Евг<ения> Яковлевна жива, здорова и радуется Вашим письмам. Все кажется ей, что вдруг Вы приедете с пароходом. Даже несколько раз оставляла Вам супу.

Крепко жму Вашу руку, от всей души — дай Вам Бог всего лучшего.

Ив.Бунин.

494. А.М.ФЕДОРОВУ

31 января 1901. Ялта

Ялта, 31 янв. 1901 г.

Милый А<лександр> М<итрофанович>, от всего сердца целую тебя за стихи[1]. В них чрезвычайно много хорошего и, ей-богу, получивши твое письмо, я очень долго ходил взволнованный, растроганный и все внутри у меня пело стихами. Точно, правда, букет подснежников и я увидал возле себя, проснувшись. Очень мне нравится этот недолговечный цветок — «Гумер-Зая»[2], много трогательного, красивого и реально-пахучего и во всех других. Но много и небрежностей... да ведь ты сам знаешь и, вероятно, уже поправил. Очень скоро надеюсь быть в Одессе[3] и тогда много расскажу тебе хорошего. Теперь я очень занят, кое-чем очень увлечен — писаниями, конечно. И как мне хотелось ответить тебе стихами-подснежниками! Милый, очень прошу тебя не подумать, что в этом письме есть ложь. Сильно хочется с тобой поговорить.

Я на степи тебя сорвал
Весной... давно... когда был молод...[4]

Я люблю в тебе нашу общую чудную печаль обо всем дорогом, что улыбалось, обманывало и звало нас в жизни. Но — до свидания.

Чехов уехал за границу[5].

У нас была на день зима, нынче опять лето. Море синее, утро солнечное.

Женился ли Буковецкий[6]? Черт вас дери, как вы все мало пишете!

Уехал бы немного ранее, но связан лит<ературно>-музык<альным> вечером[7]. Крепко целую, Л<идии> К<арловне> — низкий поклон. Витю[8] целую.

И.Б.

495. Ю.А.БУНИНУ

Конец января 1901. Ялта

Милый, дорогой! Мне нездоровится, потому пишу мало. Посылаю тебе 20 р., — я занял 250 рублей у некоей Бонье. Передай записку Мите[1] *немедленно* — пошли с Андреем к нему, это насчет «Листопада»[2], из 100 экземпляров которого надо мне *немедленно* выслать сюда 50. Остальные 50 спрячь у себя и *никому не давай* ни одного — только Мите два экз., да себе один.

Пусть Андрей запакует и вышли — заплачу тебе. Числа 12-го думаю ехать в Одессу[3].

496. М.П.ЧЕХОВОЙ

1 февраля 1901. Ялта

Заждались от Вас писем. И как мало Вы пишете! Евг<ения> Яковл<евна> просит Вас подписаться на «Новости дня» — это желание Ант<она> Павл<овича>. Я на днях уезжаю в Одессу[1]. Но ответить Вы мне успеете. Напишите — буду от всей души рад. Поклон всем, кому нужно — Вы знаете — искренний.

И.Б.

497. Ю.А.БУНИНУ и Д.А.ПУШЕШНИКОВУ

3 февраля 1901. Ялта

Юричка и Митя! Я просил Вас выслать мне 50 экз. «Листопада»[1]. Но, может быть, посылкой это будет стоить зверски дорого? А главное — когда придет? Если не дороже 1 р. 50 к. и если посылка идет быстро — шлите немедленно. А то вышлите хоть штук 10-***15***. Жду.

Ваш И.Бунин

Ялта, дача Чехова.

12 — 8284

498. Ю.А.БУНИНУ

4 февраля 1901. Ялта

Ялта, 4 февраля 1901 г.
Дача Чехова.

Черт тебя обсери, ты опять, старый чинодрал, съел меня поедом. За что ты меня ругаешь? Отвечаю по пунктам: так как я еду в Одессу, — ты знаешь, что это необходимо, ибо нужно же когда-нибудь переговорить, — то когда я еще попаду в Москву? Мне, повторяю, нужно в Одессу, а кроме того, я хочу многих повидать. Если же я не поехал бы в Одессу, я бы остался в Ялте (только не у Чехова, конечно, потому что я ему все-таки не брат и не сват), значит, все равно неизвестно когда буду в Москве. А книги нужно поспешить послать разным господам — ты это знаешь. Но вот как ты подсадил меня: ведь я говорил: узнай, сколько идет большая скорость! Оказывается — ***дней 15*** — это факт. Значит в Ялте я их не получу. Решил ехать в Одессу или завтра, или послезавтра. Там немного поживу, ***если можно будет работать;*** если нет, — уеду в Москву. ***Заклинаю тебя всеми чертями*** — вышли мне в Одессу ***немедленно 10 экз. «Листопада»*** бандеролями, это стоит дешево — ***простыми.*** На мой счет — заплачу. Адрес: ***Софиевская, 5.*** Деньги тебе отослал вчера — думал, что еще лучше, если задержу. Тратить я трачу самое необходимое. Больше жить у Чехова стесняюсь. *Пишу не разгибаясь,* хотя еще ничего не кончил. Бонье, у которой занял деньги, добрая баба да и только, приятельница. Взял до июля. Нездоровится мне — немного простудился. Да и грустно, ночи тяжелы, старею. Ты говоришь — мыкаться! Но куда же мне деваться? Прилагаю записку Андрею[1], а то ты забудешь: отдай *немедленно.* Огневские дела... что ж, у меня точно гвоздь в сердце, лучше не думать. Пиши, ради Бога, как они.

Ну, прощай, руку больно. О рассказах после. Узнаешь, рассказать трудно.

Твой И.Бунин.

Крепко тебя целую. Мите благодарность и поцелуй.
Из Одессы думаю в Москву[2].

Андрей! Возьмите, пожалуйста, у Юлия Алексеевича 10 штук моей книги «Листопад» и *немедленно* вышлите мне их *простыми* бандеролями в *Одессу, на Софиевскую улицу, дом № 5.* Заклейте получше, только не в одну бандероль, а в 3 или 4.

Ив.Бунин.

499. А.Н.САЛЬНИКОВУ

4 февраля 1901. Ялта

Ялта, дача Чехова.
4 февр. 1901 г.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

С удовольствием исполню Ваши просьбы[1]. Посылаю пока фотограф<ическую> карточку. На днях пришлю, что найду из рецензий обо мне, а также несколько строк биографии.

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

500. В.Я.БРЮСОВУ

5 февраля 1901. Ялта

5 февр. 1901 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич.

Сегодня получил «Листопад»[1] и спешу от всей души поблагодарить Вас, С<ергея> А<лександровича> и Г<еоргия> К<азимировича>[2] за прекрасное издание. Но вместе с тем не могу удержаться, чтобы не сказать Вам, что я очень огорчен Вами. За что, Валерий Яковлевич? Почему я исключен из «Северных цветов»[3]? Что-то произошло между мной и Вами[4], или, вернее, между Вами и мной. Прекрасно, — это Ваше дело — относиться ко мне так или иначе. Но неужели между нами ничего не осталось как между художниками? Вы, конечно, отлично знаете, что с моей стороны этого нет. Я, вникнув в Вашу книгу[5], за последнее время отношусь к Вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде; Вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое[a] расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом. Или Вы думаете, что дело обстоит иначе?..

Впрочем, не знаю, что еще больше Вам написать да и следовало ли. Одно могу прибавить: жаль! А что я искренен — так ведь это не требует доказательств. Из-за чего бы мне быть неискренним? Какая, как говорится, выгода, да и не умею я соблюдать выгод. А раз не выгода — то, значит, что-то лучшее. И о том, что это «лучшее» чем-то испортилось между нами, я от всего сердца жалею.

Ив.Бунин.

---

[a] Далее зачеркнуто: уважение.

501. М.П.ЧЕХОВОЙ

6 февраля 1901. Ялта

Ялта, 6 февр. 1901 г.

Дорогая Марья Павловна, все благополучно и по-прежнему. Очень ждали от Вас подробностей о «Трех сестрах»[1]. Теперь не знаю, получу ли от Вас что-либо до отъезда. А отъезд я назначил в субботу 10-го — на Одессу, а потом в Москву[2]. Море бушует, дожди льют. Туман, снег и опять солнце и т.д. Относительно вина Евгении Яковлевне я сказал. Напишите мне, дорогая, в *Одессу,* побольше. Адрес: Софиевская, 5, Вл.П.Куровскому для передачи мне. Орехи Ваши я не ем, покупаю сам мелкие. Часто имею шершавый язык от них... Нет, нет, шучу. Целую Ваши ручки.

Ив.Бунин.

502. Ю.А.БУНИНУ

8 февраля 1901. Ялта

Извини, дорогой, что задержался. Шлю 20 р. Много пишу. Погода сильно похолодела. Жду «Листопада». Дня через четыре думаю уехать в Одессу[1]. Напиши туда: Городская управа, Вл.П.Куровскому для меня. Крепко целую.

И.Б.

8 февр. 1901 г.

503. И.А.БЕЛОУСОВУ

10 февраля 1901. Ялта

Милый и дорогой! Спасибо, целую. Прости — пишу на перекладных рассказы и от этого некогда отв<етить> и новостей нету. Здесь осень, ноябрь завернул. Возьми у Юлия «Листопад» экземпляр. Приеду, надпишу. На днях уезжаю в Одессу[1].

Твой Ив.Бунин.

504. Ю.А.БУНИНУ

10 февраля 1901. Ялта

10 февр. 1901 г. Ялта.

Забыл самое главное: *немедленно,* очень тебя прошу, вышли *заказной** бандеролью, хорошенько завернув в бумаги, кожаную обложку от тетради с *рецензиями* обо мне. Я должен послать их Сальникову для книги «Русские беллетристы за сто лет»[1]. Ради Бога, найди, — эта тет-

* Заказной!!!

радь у тебя, кажется, или же в ящиках твоего гардероба. Вышли в Одессу, Софиевская, 5. В Одессу — на днях[2].

Нынче такая *метель*, ужасающая, какой я *никогда не видел.*

505. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 февраля 1901. Ялта

Жив, здоров, целую тебя. Спасибо за письмо. Новостей нет. Много пишу. Письмо твое прелестно[1]. Клянусь собакой — очень горько то, что ты не пишешь. Возьми у Юлия экземпляр «Листопада». Напиши рецензию[2] о моей чудовищной изобразительности, поэтичности, изящности. Уезжаю в Одессу.

Жене и Карзинкиным поклон[а].

И.Б.

506. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

11 февраля 1901. Ялта

Ялта, дача А.П.Чехова.
11 февр. 1901 г.

Милый Коля, напиши Мите в Москву, чтобы он выслал тебе мою новую книгу «Листопад»: я ему писал[1], чтобы он взял для тебя из типографии. Как твое здоровье, дорогой? Напиши мне в Одессу, куда я уезжаю дня через 3. Адрес: Софиевская ул., д. № 5. Крепко тебя целую. Поклон всем. Ив.Бунин.

Ранней весной приеду в Огневку[б].

507. Ю.А.БУНИНУ

12, 15 февраля 1901. Ялта

Лисансули Лисанса, барышня хохулишня. Крепко целую тебя.

Ялта, 12 февр. 1901 г.

И.Б.

---

15 февр. Еще не уехал в Одессу, ибо буря. Думаю 17-го. Если еще не посылал «Листопада» в Одессу[1] — не посылай.

[а] Приписано в начале письма.

[б] Приписано в начале письма.

508. М.П.ЧЕХОВОЙ

18 февраля 1901. Ялта

Ялта, 18 февр. 1901 г.

Дорогая Марья Павловна! 13-го февр. во вторник я выбыл из Аутки на пароход, но на набережной увидел чрезвычайное волнение моря и поэтому, дабы не докучать своей возней Евгении Яковлевне, отправился в гостиницу «Ялта», где живу и до сего времени. Во вторник же Варв<ара> Конст<антиновна> получила телеграмму из Одессы от Ант<она> Павл<овича>, что он едет. Значит, сложилось все чудесно, мы беспокоились только, что Ант<она> Павл<овича> будет качать. В четверг ночью он приехал[1], а в пятницу утром позвонил мне в телефон и позвал к себе. Был я у него и в пятницу, и в субботу, и сегодня — по целым дням, конечно, по его желанию, а не вследствие нахальства, присущего мне. Был он со мной очень ласков, а мне было очень приятно быть с ним. Он задержал меня здесь — этим и объясняется то, что я еще здесь. Но в Аутку не переезжаю, ибо я все-таки на отлете. В Одессу все-таки еду, а затем в Москву[2].

Ант<он> Павл<ович> имел сперва немного утомленный вид, но сегодня был хорош, дай ему Бог тысячу лет здоровья. Милая Евгения Яковл<евна> счастлива и здорова.

Что Вы, милая Мафа? Желаю Вам всего лучшего и целую Ваши ручки. Напишите мне в Одессу: Софиевская ул., д. № 5 — побольше напишите. «Женская гимназия»[3] взяла меня в полон — очень милый и гостеприимный. Бываю каждый день.

Погода стала славная, но свежая — градусов 6–8 тепла — в тени, конечно.

Многое поручал мне Ант<он> Павл<ович> написать Вам, но потом решил написать сам[4].

Ну, пока до свидания, милая Амаранта.

Ваш Ив.Бунин.

Поклон Книппершиц[5]... Впрочем она в Птб.?

509. В.Я.БРЮСОВУ

20 или 21 февраля 1901. Ялта

Уважаемый Валерий
Яковлевич!

Посылаю Вам для альманаха «Северные цветы» рассказ А.П.Чехова[1]. Надеюсь, что это доставит Вам всем большую и неожиданную радость. Я взял на себя смелость, за которую Вы, вероятно, не рассердитесь, попросить у него что-нибудь для альманаха — и он дал. Рассказ должен называться «Ночью»; условия Антона Павлови<ча> таковы: он сказал: «Пусть “Скорпион” пожертвует что-либо, т.е. хоть небольшую сумму денег в Таганрогскую городскую библиотеку»[2], кроме того, необ-

ходимо послать ему корректуру. Если даже это задержит — думаю, все-таки Вы не проиграете[3]. Рассказ этот должен войти в 5-й или 6-й том сочинений Антона Павловича. Во всяком случае *надеюсь, что Вы тотчас же напишете мне, как Вы распорядитесь с рассказом: Одесса, Софиевская ул., 5, мне.*

Я пришлю рассказик на днях[4].

Всем поклон. *Спасибо Вам за письмо* — искреннее[5].

Ваш Ив.Бунин.

510. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 февраля 1901. Одесса

Черное море
22 февр. Пароход «Батум».

Плыву в Одессу. Задержал в Ялте приехавший Чехов[1]. Провел с ним неделю изумительно. Если бы ты знал, что это за человек. Скоро буду в Москву[2]. Соскучился о вас всех! Целую тебя, Е<лене> А<ндреевне> и С<офье> А<ндреевне> с А<лександром> А<ндреевичем> — по поклону.

И.Б.

511. В.А.ПОССЕ

После 22 февраля 1901. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Дорогой Владимир Александрович! Чрезвычайно прошу Вас простить меня: надул Вас самым постыдным образом, но на то есть извиняющие причины. Одним словом — Христа ради не сердитесь. Завтра пошлю Вам пока очень небольшую вещичку — страницы на 4 (рассказик)[1], а затем очень вскоре вышлю еще штучки две. Пожалуйста, если можно, пустите эту вещичку в марте[2]. Затем из прилагаемого печатного бланка Вы увидите в чем дело: очень просим Вас прислать что-нибудь. Сборник выйдет хороший, — уже есть кое-какой недурной материал, — а распространен сборник будет чудесно. Жду Вашего скорого и милостивого ответа. Поклон всем знакомым и милому Сергею Андр. <нрзб>.

Ваш Ив.Бунин.

512. В.А.ПОССЕ

После 22 февраля 1901. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Многоуважаемый Владимир Александрович! Посылаю для «Жизни» очерк[1]. Не сердитесь, что маленький, на днях будет еще, а затем еще и еще — и все лучше! Очень буду взвинчен, если он попадет *в март* — нельзя ли это устроить? Если же не понравится, не бойтесь убить меня.

Жду Вашего ответа как можно скорее — *убедительно прошу Вас. Напишите мне вообще.* Где Алексей Максимыч? — *это беспокоит меня.* Поклон друзьям и знакомым. Жду ответа.

Искренно любящий Вас
Ив.Бунин.

513. Ю.А.БУНИНУ

2 марта 1901. Одесса

Жив, здоров, пишу тебе. Нового ничего. Сын мой здоров. Пиши сюда: Софиевская, 5. Пробуду здесь еще дней 10[1].

И.Бунин.
2 марта 1901 г.

514. А.Н.САЛЬНИКОВУ

2 марта 1901. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Затрудняюсь немного, что написать Вам о себе, и потому прошу Вас взять из этого письма по стольку, по скольку Вам нужно. Зовут меня Иваном Алексеевичем, происхожу я из старинного дворянского рода, ведущего свое начало от Семеона Бунковского, выехавшего в XV в. из Польши к велик<ому> князю Василию Темному. Отец мой — помещик Орловской и Тамбовской губерний, мать (урожденная Чубарова) — из дворянок Орловск. губ. Родился я 10 октября 1870 г. в Воронеже, но детство (с 4-х летнего возраста) провел в имении отца, в Орловск. губ. Учиться начал лет с 8, с русским гувернером, человеком довольно образованным, владевшим несколькими языками и способным дилетантом в живописи, музыке и литературе. Чтение английских поэтов, а потом Гомера (в переводе) пробудили во мне в эту пору страсть к стихотворству. Мальчиком я был довольно впечатлительным и мечтательным, — напр., чтение «Житий святых» вызвало на время страстные мечты об иноческой жизни... Учился я в елецкой гимназии, затем жил в деревне, усиленно занимаясь самообразованием, много[a] бродил по России, потом за границей, зимы проводил в столицах и на юге и т.д.

Стихи мои стали появляться в печати с мая 1887 г., сначала в иллюстрированных журналах, а затем (с осени 1888 г.) в «Неделе», «Сев<ерном> вестнике», «Вестнике Европы», «Рус<ском> богат<стве>», «Мире Божьем», «Рус<ской> мысли» и т.д. Рассказы — сначала тоже в иллюстрированных журналах, а с весны 1893 г. — в «Русском богатстве», «Мире Божьем», «Новом слове», «Жизни» и в детских журналах[1]. В

---

[a] Далее зачеркнуто: путешествовал.

1897 г. выпустил книгу рассказов («На край света» и др. рассказы). После этого печатал рассказы в тех же журналах, которые назвал выше («Байбаки», «В деревне», «Кукушка», «На Чайке», «Велга», «Без роду-племени», «Антоновские яблоки»...)[2].

В 1899 г. выпустил стихотворный перевод книги Лонгфелло «Песнь о Гайавате», в 1898 г. небольшой сборник стихов «Под открытым небом», в 1900 — «Стихи и рассказы», в 1901 г. — «Листопад» (сборник стихотворений).

В настоящее время очень много и тщательно работаю по беллетристике.

Вот и все, что могу сообщить Вам. Что касается отзывов, то, к сожалению, я не могу исполнить Вашей просьбы — не собираю рецензий. Те клочки, которые у меня под рукою, посылаю. Возвратите их, будьте добры, по указанному выше адресу. Желаю Вам успеха. Карточку послал.

С ист<инным> уваж<ением> Ив.Бунин.

515. М.П.ЧЕХОВОЙ

3 марта 1901. Одесса

Одесса, 3 марта 1901 г.

Дорогая Марья Павловна, пожалуйста, не сердитесь за молчание. Мне самому очень неприятно, что я так долго не писал Вам, особенно ввиду того, что Ваше письмо чрезвычайно печально[1] и вкололо в мое сердце булавочку. Очень прошу Вас, напишите мне, как Вы теперь и что случилось? То же самое хотел я спросить Вас тотчас же по получении Вашего письма, но тут начались у меня большие неприятности — Вы, конечно, понимаете, какого рода[2]. Теперь я поуспокоился. Не уезжаю из Одессы пока по двум причинам: во-первых, тут все-таки весна, по сравнению с Москвою, а во-вторых, — жалко покидать мальчика[3]. Это милый и здоровый бутуз с голубыми ясными глазами. Бываю у него через день. Все вероятия за то, что отсюда поеду в Москву, но с уверенностью этого не скажу: м.б., сперва заеду в деревню[4] — отдохну от всех этих глупостей.

Жду от Вас немедленного ответа сюда (Софиевская, 5), как Вы себя чувствуете. Скажите хоть в самых общих чертах, что было?

Уезжая из Ялты или, кажется, с парохода писал Вам[5], как мил и сравнительно здоров и весел был дорогой Антон Павлович. Теперь больше ничего не могу сказать. Писем от него не получал. Успех Худож<ественного> т<еатра> меня искренно радует.

Напишите, милая, поскорее, где будете на Святой? Как-никак скоро увидимся.

Крепко целую Ваши ручки со всех сторон.

Ваш
Зинзага.

Антон Павл<ович> все называл меня «Букишоном». Правда — хорошо?

516. В.Я.БРЮСОВУ

4 марта 1901. Одесса

4 марта 1901. Одесса,
Софиевская, 5.

Уважаемый В<алерий> Я<ковлевич>! Очень прошу — извините, если задержал. Тут разная чепуха вышла. Не ждите меня и печатайте альманах. Если не получите рукописи моей *через три дня* после этого письма, — ну, скажем, через четыре, — значит ничего не пришлю. Писал ли я Вам, что Чехов просил Скорпионовское пожертвование за его рассказ отправить так: Таганрог, городская библиотека, Любови Юлиановне Арбушевской от А.П.Чехова. Послали ли Вы ему корректуру[1]?

Ваш Ив.Бунин.

517. В.Я.БРЮСОВУ

6 марта 1901. Одесса

6 марта 1901 г.

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Тысячу раз — извините. Совсем не в настроении поправлять — ничего не могу сделать. Поэтому посылаю Вам эскиз[1]. Подойдет к альманаху, к стилю его — возьмите, нет — убедительно прошу не стесняться. Если возьмете — пришлите корректуру: в тот же день возвращу. Условия — по Вашему усмотрению. Желаю успеха. Если рассказик опоздал или не подойдет — возвратите мне его немедленно.

Одесса, Софиевская, 5.

Поклон Скорпионам. Вышел ли «Пан»[2]? Нигде не найду.

Ваш Ив.Бунин.

518. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

7 марта 1901. Одесса

Одесса, 7 марта 1901 г.

Дорогой Коля! Скоро приеду и привезу тебе «Гайавату»[1]. Приеду, вероятно, на Измалково, так что заеду к тебе. Чудесно встретим весну! Как поживаешь? Желаю тебе всего лучшего и по-прежнему люблю тебя. Поклонись маме[2].

Ив.Бунин.

519. Ю.А.БУНИНУ

8 марта 1901. Одесса

Одесса, 8 марта 1901 г.
Княжеская, дом
Буковецкого.

Милый Юричка, пожалуйста, не сердись за молчание. Жизнь моя течет идиотски и чтоб черт ее побрал. Не хочется и писать. Жалкое существование. Приехавши сюда, отправился к Цакни, — в его кабинет мне вывезли ребенка, — дай Бог здоровья, здоровый мальчик. Затем Цакни завел разговор, но, конечно, с первых же слов пошла х<...>. Я сразу понял, что не только они не дадут мне развода, но что, напротив, были нагло убеждены, что я дам. Поэтому я без стеснения сказал, что меня бросили нагло и что я буду добиваться развода от нее. Он заорал: «Как? Она развод? Да разве это мыслимо для женщины? В таком случае нам не о чем разговаривать». А еще до разговора произошел разговор о бумагах Коли: «Где, говорю, его метрическая выпись?» — «У меня». — «Позвольте мне». — «Нет, я ее вам не дам». — «Хорошо, — сказал я, — поговорим впоследствии». Ну-с, а в конце разговора о разводе опять: «Вы должны быть джентльменом». То же самое начала говорить и Елена Ираклиди — тетка и притом фамильярным тоном: «Да что вы, голубчик» и т.д. Я говорю: «Прошу разговаривать официально; а что касается этой женщины, то вы с ума сошли, чтоб я был великодушен с ней, которая во время нашего расхождения бегала с офицерами по балаганам». Словом, дал маленькое представление и ушел. Говорят, Цакни чуть не захворал, Элеонора умирала от оскорблений, которые я нанес «бедной девочке». Однако они немного трусили. Элеонора даже к Федоровой посылала, прося на меня подействовать! Потом был разговор через Лазариса[1] — в разводе мне отказывают, просят взять на себя и уверяют, что я смогу жениться. Я сказал, что о ребенке пока нельзя толковать, как кончат его кормить, возьму судом, а развод — х<...>. Федоровы говорят, что Цакни подумывает всей семьей содрать за границу. Его кабинет предоставлен мне для свиданий с ребенком каждый день — иначе я хотел устроить скандал. Хожу через день.

Буковецкий за границей и Нилус перетащил меня к себе. Живу хорошо, а обедаю у приятелей.

520. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

8 марта 1901. Одесса

Одесса, 8 марта 1901 г.

Николай Дмитрич! Не стыдно ли тебе? А мне что писать? Много горя. Меня все уговаривают дать развод и говорят, что я тотчас же могу жениться — стоит подать прошение. Хожу через день к мальчику, к своему Коле, иначе хотел устроить скандал. Маленький даже устроил. И жаль уезжать от ребенка, и весна тут уже началась. Живу в свидани-

ях с приятелями и работаю. Проживу тут еще дней десять. Потом думаю в деревню, но на Святой или после — на Фоминой — непременно буду в Москве[1]. Очень прошу тебя написать. Неужели, брат, ты совсем охладел ко мне? Крепко тебя целую. Жене — ручку. Пиши немедленно: Княжеская ул., дом Буковецкого[2].

Твой всей душой
И.Бунин.

521. А.П.ЧЕХОВУ

11 марта 1901. Одесса

Глубокоуважаемый Антон Павлович, посылаю Вам низкий поклон и самые лучшие пожелания, равно как и Евгении Яковлевне. Будьте добры написать мне два слова: где С.П.Бонье? Мне нужен ее адрес[1]. Чрезвычайно буду благодарен, если исполните мою просьбу, а кроме того, сообщите, как поживаете? Я пробуду в *Одессе* еще с полмесяца[2]: Софиевская, 5. Покорно благодарю за пересылку писем. Горячо преданный

Вам Ив.Бунин.

522. А.Н.САЛЬНИКОВУ

12 марта 1901. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Спасибо за обещание выслать «Русских поэтов»[1] и за доброе слово о «Листопаде»[2]. Извините, что задержался с рецензиями. Их нашлись только клочки. Было, насколько помню, много в провинциальных газетах, в «Неделе», «Новом слове» (кажется, март или апрель 1897 г.) (большая статейка), затем в «Русских вед<омостях>» в фельетонах и т.д.[3]. Но, простите, я с своей стороны ничего больше не могу сделать. Посылаю отрывки первых заметок, которые были обо мне, и, как первые, интересовали меня. Вскоре я, конечно, бросил их собирать. Не думайте, что я отобрал хвалебные, — ругательных, кажется, не было, а если и были, то, м.б., мне о них не сообщали. Будьте добры возвратить мне их заказным письмом.

Очень рад Вашему успеху с «Поэтами» и желаю и впредь того же.

Готовый к услугам
Ив.Бунин.

523. М.П.ЧЕХОВОЙ

12 марта 1901. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Милая и дорогая Амаранта, очень крепко целую Ваши ручки за ласку и приглашение, но не знаю, приеду ли я в Ялту[1]. Пора на покой, домой, а то что ж это — опять «вагоны, буфеты, отбивные котлеты», коридорные... Работать, конечно, в Ялте нельзя будет... т.е. очень мало шансов на это. И главное, долго ли Вы пробудете в Ялте? Не скрою, ей-богу, страшно хочется Вас видеть, видеть Ялту, Ант<она> Павл<овича>... потом плыть с Вами по морю и держать путь в Россию уж по нежной весне. Очень хорошо! Но... ей-богу, не знаю... Одним словом, подумаю...

Пока, ввиду этого, не пишу Вам больше. Да и по правде сказать, для письма нет новостей. Другое дело — для разговора. Чудесно бы поговорили с Вами, милая «Мафа».

Относительно Ант<она> Павл<овича> Вы напрасно беспокоитесь. Я ничего не скрыл от Вас и сказал «сравнительно» просто потому, что ведь никогда же Ант<он> Павл<ович> не производит впечатления крепчайшего здоровья.

Олечку[2] очень жалею. Остальных — нечего, вероятно, жалеть. Да и в общем ведь все-таки успех огромный[3].

Жду от Вас еще письма — как и что. А я подумаю. Только, пожалуйста, не думайте, милая, что у меня просто нет желания ехать.

Мальчик мой[4] болен немного. Да и вообще много грустного. Жену мельком как-то видел.

Целую руку Вашу еще раз очень крепко.

Ваш Ив.Бунин.

524. Л.Н.ТОЛСТОМУ

14 марта 1901. Одесса

Одесса, Софиевская ул.,
д. № 5. Ивану Алексеев<ичу>
Бунину.

Дорогой и глубокоуважаемый Лев Николаевич! Редакция «Одесских новостей» решила издать сборник в пользу голодающих на юге и обратилась ко мне с просьбой написать литераторам, которые могли бы помочь в этом деле. Я беру на себя смелость обратиться к Вам прежде всего: были бы счастливы, если бы хоть страничку прислали нам. Сборник, я думаю, выйдет хороший, так как уже имеется кое-какой материал, а что касается распространения, то, несомненно, продадут его быстро. В ожидании Вашего ответа остаюсь неизменно преданным Вам с самыми лучшими чувствами.

Ив.Бунин.

525. А.И.ЭРТЕЛЮ

14 марта 1901. Одесса

Одесса, Софиевская ул., д. № 5.
Ивану Алексеевичу Бунину.

Дорогой Александр Иванович! Редакция «Одесских новостей», которая решила издать сборник в пользу голодающих, обратилась ко мне с просьбой написать к литераторам, которые могли бы помочь этому делу. Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам свой самый сердечный привет (много-много раз хотелось написать Вам), и присоединяюсь к просьбе «Одесских новостей»: думаю, что сборник выйдет хороший, так как имеется уже порядочный художественный и литературный материал, а распространить «Новости» уж сумеют. Будьте добры, Александр Иванович, пришлите хоть две-три странички[1]. А при этом не забудьте черкнуть мне хоть что-нибудь о себе, — главное, как себя чувствуете и что работаете? Очень жалею, что так давно ничего не знаю про Вас. Я жил последние два года в Одессе, где женился. Теперь опять потянуло на север. Понемногу пишу.

Боюсь, что неверно пишу Ваш адрес и потому жду от Вас указаний более точных относительно адреса для заказных писем и бандеролей: только что вышла моя книга стихов, которую хочется послать Вам[2] в знак моего самого сердечного и глубокого уважения к Вам.

Ваш Ив.Бунин.

526. В.Я.БРЮСОВУ

19 марта 1901. Одесса

Уважаемый Валерий Яковлевич.

Очень прошу тотчас же ответить мне относительно моего очерка «Поздней ночью». Получили ли Вы его[1]? Если он набран, нельзя ли корректуру? Если опоздал — убедительно прошу тотчас выслать.

Ваш Ив.Бунин.

Одесса, Софиевская, 5.

527. А.П.ЧЕХОВУ

20 марта 1901. Одесса

20 марта 1901 г.
Софиевская, 5.

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, очень благодарен Вам за исполнение просьбы и очень рад Вашему хотению жениться[1]. А что касается «Скорпиона», то, ей-богу, я никак не ожидал от него неряшливости[2], — иначе не позволил бы себе приглашать Вас. Серьезно, я вчера испытал весьма неприятные минуты. Но все-таки я убежден,

что это вышло как-то нечаянно. Ведь они были страшно рады Вашему рассказу, вообще же относятся к Вам с необыкновенным уважением. Этим и объясняется то, что они поставили Вас на первом месте в объявлении, а уж, конечно, не желанием рекламировать «Северные цветы», — в этом могу поручиться.

Затем передаю Вам то, что меня просили передать Вам: не разрешите ли Вы скульптору Эдвардсу слепить Ваш бюст[3]? Если позволите, он приедет в Ялту и поработает. Говорит, что с год тому назад Вы разрешали ему это через Ярцева. Что скажете Вы теперь? Будьте добры написать мне об этом два слова.

От милой Марьи Павловны получил письмо[4] — сообщает, что 23-го выезжает в Ялту и зовет и меня в Крым. Все это — и переезды по морю и свидание с ней и с Вами — очень заманчиво, так что, может быть, я приеду. А затем вместе на север, — может быть, и Вы с нами? Это было бы очень хорошо. Но, с другой стороны, совестно мне лодырничать, и я подумываю удрать в деревню[5].

От Горького давно не имею писем — с начала марта. Не знаете ли чего-нибудь? Ходят всякие слухи и т.д.[6]

В Одессе наступила весна. Ночи пошли «ддивные»! — как говорит Федоров. Бедный автор «Бурелома» немного захворал на днях. Куприн, который просит меня низко поклониться Вам, — бьет баклуши и ничего с ним не поделаешь. А какой редко милый, умный и талантливый человек!

Кланяюсь Вам с искренней любовью и уважением к Вам, кланяюсь Евгении Яковлевне, бабушке и Арсению[7], а кроме того, и ялтинским знакомым.

Уж будьте добры написать два слова о Эдвардсе.

Преданный Вам
Ив.Бунин.

528. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 марта 1901. Одесса

Однако ты — гусь! Сколько времени не писал — и вдруг два слова[1]! Серьезно — уж не сердишься ли ты на меня? Пожалуйста, напиши как следует. Я остаюсь пока еще в Одессе. Затем дней через 10 думаю в Крым, а оттуда после Святой в Москву[2]. Жду письма сюда — Одесса, Софиевская, 5.

529. Ю.А.БУНИНУ

27, 28 марта 1901. Одесса

27 марта 1901 г.

Милый и дорогой Юричка! Ужасно соскучился по тебе. Получил твое письмо. Нахожусь пока еще в Одессе, где уже наступила дивная весна. Хожу через день, через два к ребенку — милый мальчик, уезжать от которого мне ужасно жалко. Пишу мало, т.е. лучше сказать, написал

мало конченного, а так кое-что скребу и читаю. Послал крохотный рассказик «Поздней ночью» в альманах Скорпионов — «Северные цветы»[1]. Послал в «Жизнь» два рассказика — один («Туман», страницы 4 печатных), другой на 1/2 листа — «Новая дорога»[2]. Да кажется, я тебе писал об этом. На днях думаю уехать из Одессы — поеду через Ялту — зовет Чехова[3]. Поеду на пароходе Российск<ого> общества — это стоит 5 р. А оттуда в Огневку[4]. Думаю Евгению дать по приезде рублей 30. Но еще не знаю — м.б., и прямо дерну в Огневку. Напиши мне, пожалуйста, на всякий случай в Ялту: дача Чехова, для передачи мне. Художники вспоминают о тебе с хорошими улыбками, Куровск<ий> просил кланяться. Здесь Куприн. Ну, будь здоров, милый и дорогой, напиши о наших. Крепко тебя целую.

Ив.Бунин.

28 марта. Еду в Ялту в субботу[5]. Получил от Чехова страшно ласковое письмо, — прямо горячо просит приехать. Получил нынче, кроме <того>, телеграмму об том же[6].

530. А.П.ЧЕХОВУ

28 марта 1901. Одесса

От души благодарю на днях буду Бунин

531. Ю.А.БУНИНУ

До 8 апреля 1901. Ялта

Милый и дорогой Юринька! На первый день Пасхи[1] я послал Анне Николаевне письмо[2] следующего содержания:

«А<нна> Н<иколаевна>! Прошу Вас немедленно сообщить мне, где и когда крещен Коля, а также, где метрическая выпись о его рождении и записан ли он в Ваш вид на жительство. (Если записан, то это нелепость, так как срок Вашему пачпорту кончается в начале мая). Я от чужих людей узнал о его рождении, затем не знал, жив он или нет, и, наконец, не знаю, кто и когда крестил его. Когда я уеду, я опять буду в беспримерном положении, — в полном неведении, где он и жив ли он. Я лишен всех радостей отца и семьянина и принужден, как за милостью, ходить в чужой дом, чтобы видеть его на одну минуту. Когда я спросил о его документах Вашего отца, он кинул мне небрежную фразу: "Я их Вам не дам", воображая, что я на том и успокоюсь. В Сретенской церкви, где я справлялся о его рождении и крещении, мне сказали, что никакого Николая Бунина у них не записано. Согласитесь сами, что Вы устроили мне беспримерное положение. Поэтому, если Вы до завтра не ответите мне пока хоть на те вопросы, которые поставлены в начале письма, я завтра же *отправлюсь к полицеймейстеру,* а это послужит началом судебного дела между нами.

Долгом считаю предупредить при этом, что в борьбе я не уступлю. Твердо уверен, что когда на суде выяснится вся гнусность моего положения, — всё будет на моей стороне, как теперь на моей стороне все порядочные люди. Вы бросили меня, прожив со мной несколько месяцев, возненавидев меня слепо и безрассудно, как лисица капкан, в который она попала по своей же воле. О “темных” сторонах моего характера, о которых писала Ваша мачеха чужим людям, до Вас еще не было слышно, а что касается Вашего “неуважения” ко мне за то, что я не одобрял Ваш образ жизни, над которым смеются даже Ваши родственники, — то это меня мало трогает, — меня знают и уважают лучшие люди России. Вы навсегда лишили меня семьи и свободы, заставили пережить все горе и весь позор нашей мальчишеской истории, сопровождая все это грубым молчанием, а потом дерзостями. Теперь Вы преспокойно хотите лишить меня ребенка и доходите до того, что я не знаю о его имени и существовании. Дальше, кажется, идти уже некуда, но дальше дело еще более осложнится. Неужели Вы, напр., полагаете, что его воспитанием будет заведывать кто-нибудь посторонний? И неужели Вы думаете, что если сойдетесь с кем-нибудь, то Ваши дети от другого будут называться Буниными? Ведь Вам 22 года. И что Вы скажете нашему сыну, когда он подрастет?

Все это говорю потому, что пора Вам начать посерьезнее относиться к нашей истории. И первое, что я требую, это чтобы мне было сообщено о ребенке. Иначе я обращусь к властям. Ив.Бунин».

Вот, Юринька, что я написал. Ответ пришел дьявольски странный:

«Дочь моя поручила мне Вам написать, что характер Вашего письма до того непозволителен в порядочном обществе, что она не может Вам отвечать. Я же отвечаю, что ребенок крещен в Сретенской церкви, назван Николаем, как Вам и сказали. Больше я не могу ничего прибавить кроме того, что я был слишком добр, позволяя Вам посещать мой дом, не знал, что Вы унизитесь до *инсинуации перед* прислугой, грубых выходок и угроз обратиться в полицию. Я и моя дочь запрещаем Вам посещать нашу квартиру. Пусть нас рассудит суд. Повторяю, адресуйтесь к нашему поверенному Лазарису».

Хорош, у<...> его мать? «Инсинуации» — это очевидно намек на то, что я говорил, что она в балаган с офицером убежала в день моего отъезда. Но слушай. Через час еще письмо:

«Милостивый государь! Я в поспешности спутал. Меня не было. Ребенок крещен в Греческой церкви. Можете справиться. Н.Цакни».

Недурно? Ведь правда для суда это все очень хорошо. *Умоляю тебя немедленно* поехать к Синицкому[3] и просить совета: как и куда послать прошение, чтобы ей не выдавали пачпорта, а также через кого требовать ребенка? Цакни я еще не отвечал, у Куровского есть знакомые в Консистории — я просил справиться о ребенке. История, м.б., темная?

В Ялте давно. Тут Книппер и Марья Павловна. У Чеховых я как родной. Уеду отсюда в субботу на Фоминой[4].

Жду ответа.

532. Ю.А.БУНИНУ

15 апреля 1901. Одесса

Еду домой, т.е. в Огневку, через Одессу. Пробуду в Одессе день-два[1]. Пиши в Огневку. Неужели мы не увидимся до твоей Италии[2]? Заезжай, ради Бога, хоть на несколько дней. Из Одессы напишу. Крепко целую.

Ив.Бунин.

Черное море, 15 апр. 1901 г.

533. В.Я.БРЮСОВУ

18 апреля 1901. Одесса

Уважаемый Валерий Яковлевич.

Будьте добры распорядиться, чтобы мне выслали 1 экз. «Северных цветов», а также и то, что причитается мне за мой очерк «Поздней ночью», по адресу: *Почт. ст. Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у.[1] — очень прошу поскорее, так как сгораю нетерпением видеть альманах[2]. Очень буду рад, если Вы напишете мне о своих работах и пришлете новых стихотворений — поверьте моей искренней жажде к ним.

Ваш Ив.Бунин.

За «Пана»[3] — великое спасибо. Чехов просил меня передать Вам[4], чтобы попомнили о его просьбе относительно Таганрога[a].

534. Ю.А.БУНИНУ

24 апреля 1901. Курск

Милый Юринька! Еду в Огневку, настроение дьявольски скверное. Ведь я был опять в Одессе и тоскую об Ане страшно. Видел ее два раза на улице. А сынка, конечно, так и не видал, — проходя, видел его только издали, он был на балконе 3-го этажа. Положение отвратительное, и я умоляю тебя поговорить с адвокатами: теперь единственно, что можно предпринять — это прижать их как-нибудь похуже, чтобы хоть немного сдались, узнай про этап, могу ли я ее потянуть?

Относительно того, чтобы не выдавали пачпорта, подам заявление полицеймейстеру. Да на что ей пачпорт? Ради Бога, поговори. Приедешь ли в Огневку? ***Привези мою шляпу берлинскую.***

Напиши немедленно мне о сроках полтавских векселей. Что делать опять? Кляну себя, но что ж делать. Денег у меня 11 р. Сию же минуту отдам Евгению 10 р. и пошлю стихи в «Курьер»[1] на проценты для вексе-

---

[a] Последний абзац приписан в начале открытки.

лей. Жду твоего письма немедленно. Привези шляпу берлинскую. Крепко тебя целую.

Твой Ив.Бунин.

Курск, 24 апр. 1901 г.

Из «Жизни» Поссе пишет, что очерки будут в апреле и *«безумно» хвалит*[2].

535. Ю.А.БУНИНУ

26 или 27 апреля 1901. Ефремов

Милый и дорогой! Спешу на почту, пишу кратко. Я в Ефремове, приехал в Огневку, а затем отправился с Евгением сюда к Маше. Все слава <Богу>, только Женя[1] немного хворает и денег у них нету. Квартира хорошая. *Убедительно прошу поговорить с Босяцким*[2] *об этапе Анны моей* — войди в мое положение.

Про рассказы тебе писал — в апреле «Жизни» будут[3].

Вчера написал 2 новых стиха — шлю нынче в «Жизнь»[4], стихи хороши. Шлю также в «Курьер»[5].

Относительно векселей... Если из «Жизни» не пришлют (я написал, чтобы часть из заработанного прислали) — не знаю, что делать — у меня рубль. Напиши, Бога ради, вексель и пошли Лисовскому. Не заплатишь ли эти 17 р.? *Клянусь Богом — отдам,* я энергично работаю и относительно денег теперь тебя не буду обманывать. Помоги, брат, да пришли мне хоть 1 р. — мне перебиться несколько дней. Завидую тебе чертовски[6]. Телешовым напишу.

Коля крайне болен (Пушешников Коля) — воспаление легких. Мокрота с кровью — я убежден, что чахотка. Совершенно неизвестно, будет ли жив.

Куда тебе писать? Пиши немедленно в *Лукьяново,* еду в Огневку нынче.

Дай тебе Господи здоровья и здоровой поездки.

Крепко целую.

Ив.Бунин.

536. М.П.ЧЕХОВОЙ

28 апреля 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ., Ефремовск. у.
28 апр. 1901.

Дорогая Амаранта, не припишите мое долгое молчание тому, что я не думал о Вас это время, — просто я жил в беспорядке. В Ялте Вы все что-то были не в духе и, по правде сказать, мне жаль чего-то... эти пол-

торы недели могли пройти лучше[1]. Все же я опять с большой любовью вспоминаю Ялту — и Вас, и Книпшиц[2], и «Антошу» и все, и вся. Напишите мне, пожалуйста, о себе побольше и сообщите, куда Вам писать? Боюсь, что это письмо уже не застанет Вас в Москве. Как здоровье Ант<она> Павл<овича> и где он и сколько пробудет в Москве[3], если он уже в Москве? Я в родном гнезде чувствую себя недурно. Ледяная, но светлая погода. Пишу много стихов — иногда хороших. Езжу часто на станцию, — примите это во внимание и не будьте жадны так, как я, — не скупитесь на марки или хоть на открытые письма. Думаю, что летом увидимся[4] и будем хорошо проводить время. Пока же крепко целую Вас — не сердитесь, милая, — и прошу передать то же самое дорогому Книпшицу. Не напишет ли и она мне[5]? Так хорошо получать письма в скиту, — а я совсем как в скиту здесь живу. Будьте здоровы, чудесная Мафочка!

Ваш душой
Ив.Бунин.

537. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 апреля 1901. Огневка

Грех тебе, Н<иколай> Д<митрич>! Забыл ты меня. Спасибо хоть Е<лена> А<ндреевна> написала. Наконец — к черту это гнусное молчание. Буду тебе писать, но предварительно разразись мне длиннейшим письмом — очень хочу, пожалуйста. Жизнь мою небось знаешь от Юлия. А ты? Пиши, пиши. Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у. Целую тебя, жене поклон.

Твой Ив.Бунин.

538. А.П.ЧЕХОВУ

30 апреля 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново, Тульск.
губ., Ефремовск. у.
30 апр. 1901.

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Убедительно прошу Вас — не сердитесь на меня. Только сейчас получил Ваше письмо[1] и тотчас же отвечаю Вам, потому что чувствую себя неприятно. Альманах вышел дурацкий, но мог ли я предполагать, что «Скорпионы» поступят так по-мальчишески, составят его чуть не из пародий[2] и будут даже объявления составлять нелепо. Ведь издавали они пока все чудесные вещи. Альманах хотели сделать на редкость... Наговорили мне с три короба... Я, ей-богу, ничего подобного не ожидал! Я напишу им[3], чтобы они хоть Ваше имя оставили в покое. Пожалуйста, не сердитесь.

Я уже, как видите, в деревне. Холод у нас собачий. Теперь льет дождь — тоже холодный. Однако сад зеленеет, и поет соловей... От

жены Горького получил письмо[4] — Горький сидит. Но Вы, вероятно, уже знаете это... А больше у меня и новостей нет. Живу, совершенно как в скиту, и на душе очень чисто, и радуюсь, что много пишу стихов. Дай Бог, не сглазить. Убедительно прошу — хотя изредка пишите мне. От всей души желаю Вам всего хорошего, — так, как мог бы себе пожелать. Поклонитесь Вашим.

Преданный Вам

Ив.Бунин.

P.S. Посылаю Вам книгу стихов на соискание Пушкинск<ой> премии. Потрудитесь, дорогой Антон Павлович, послать, куда следует — я решительно не знаю. «Песнь о Гайавате» Вам будет тоже на днях доставлена[5]. Не сочтите все это за нахальство и простите за беспокойство. Если Вам неприятно это — оставьте втуне.

539. С.А.ПОЛЯКОВУ

2 мая 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново
Тульск. губ., Ефремовск. у.
Ивану Алексеевичу Бунину.

Уважаемый Сергей Александрович, будьте добры не делать объявлений отдельно о Чехове[1], если можно, — его это очень стесняет. Он был даже недоволен, что в перечне фамилий его фамилия была поставлена первой. Послали ли Вы ему альманах[2]? Он сейчас в Ялте. Послали ли тайные деньги за его рассказ в Таганрог на имя той госпожи, фамилию и адрес которой я сообщал Валерию Як<овлевичу>[3]?

Будьте добры также, если можно, теперь же, — выслать деньги, причитающиеся мне за «Поздней ночью». Я тоже об этом писал[4]. Всем поклон.

Ваш Ив.Бунин.

540. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

4 мая 1901. Огневка

Митрич, Юлий мне пишет, во-первых, о том, что ты хочешь меня видеть у себя на даче. Низко кланяюсь и благодарю — верно, буду. Но когда? Во-вторых, о каком-то сборнике для юнош<ества>, изд<аваемом> Курниным, в котором ты редактируешь. Что это за штука и какие условия Курнина[1]? Жду письма. Поклонись милой супруге, поцелуй Андрюшу[2]. Адрес: Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. уезда. Зовут меня Иваном Алексеевичем. Помнишь, бесстыдник? Крепко целую.

Ив.Бунин.

541. Ю.А.БУНИНУ

8 мая 1901. Ефремов

8 мая 1901 г. Ефремов.

Милый Люкася! Ты сейчас в Неаполе, а я в Ефремове, привели с Евгением корову продавать — здесь ярманка. Не понимаю, какого ты письма не получил? По выезде из Одессы я послал тебе два[1]. Ну да что там считать. Теперь пока дела таковы: написал я в Огневке штук 15 стихов, хороших, 2 послал в «Жизнь» на май, 1 — в «Мир Божий», 1 — в «Отдых», 2 — в «Курьер» (там одно уже напечатано)[2], буду еще во всюду посылать. В «Жизни» в апреле — 2 моих рассказа[3]. В «Мире Божьем» — обо мне рецензия, — хвалят чертовски, говорят, что каждый мой стих — перл и т.д.[4]. Слава Богу! Написал я почти до конца (все не кончены, но вот-вот кончу) 4 небольшие рассказа[5]. Деньги твои получил, Лисовскому отправил. Лемперту и Селитренникову пишу[6]. Да, я еще послал 52 строки в «Детское чтение» и мне выслали (завтра получу) 15 р.[7]. Отошлю их завтра Селитренникову. Евгений меня зарезал, не дает перевернуться, все напоминает. Правда ли, что ты зимой уплатил ему за меня 30 р.? Пиши, ради Бога, чаще. Коля Пушешник поправляется. Все, слава Богу, здоровы. Что ты писал про «Жизнь»? Не получаю оттуда ни звука и беспокоюсь. Поклонись Николаю Федоровичу и спроси его, не возьмет ли он у меня осенью статью о Жуковском[8]. Ты знаешь, как я его люблю. Пожалуйста, спроси его об этом и напиши мне. Крепко и горячо тебя целую. Ради Бога, записывай ты впечатления — ведь это маленькое принуждение. Неужели ты после заграницы в Москву? Это хамство, е<...> мать! Все тебя ждут, как солнца.

Ну, Лисансули Лисанса. Пасяйте!

Ив.Бунин.

542. М.П.ЧЕХОВОЙ

До 12 мая 1901. Огневка

Лукьяново, Тульск. губ.

Дорогой друг, от всей души хочется Вас видеть, но увы! — работать необходимо. С великим наслаждением поехал бы с Вами... Может быть, — даже почти наверное, — приеду в августе[1], — в начале. Только поедем ли мы в Гурзуф? Один скитаться по Ялте и Гурзуфу я не буду. Целую Ваши ручки и очень прошу написать мне.

Ваш

Ив.Бунин.

Где Елисав. Ивановна? Голоушев с Юлием за границей[2].

543. Ю.А.БУНИНУ

18 мая 1901. Глотово

Нахожусь сейчас в Глотовом — уже дней 6 и потому не получаю от тебя писем. Пишу наудачу в Рим, а послезавтра надеюсь быть на Лукьяново и тотчас тебе напишу еще, ибо надеюсь, что там будет адрес, куда тебе писать. Все пока слава Богу. Пишу рассказики. Племянники[1] тебе кланяются. Крепко тебя целую.

Ив.Бунин.

18 мая 1901 г.

544. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

20 мая 1901. Огневка

С полмесяца тому назад послал в «Курьер» 2 стих<отворения>[1] и не получаю ответа. Что сей сон значит? Будьте добры передать Якову Александровичу[2]. Если напечатаны, прошу выслать деньги: Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у.

Ив.Бунин.

545. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

20 мая 1901. Огневка

Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ.,
Ефремовск. уезда.

Дорогой друг, собираюсь к тебе числа 25–27 мая[1]. Куда и как ехать? Где эта Махаловка[2] и т.д. Жду ответа. Крепко целую. Поклон жене. ***Хоть слово о «Жизни»***[3] — поскорее.

Твой Ив.Бунин.

546. И.А.БЕЛОУСОВУ

20 или 21 мая 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ.,
Ефремовск. у.

Ах, милый Ванюшка, очень грустное произвел ты на меня впечатление своим милым товарищеским письмом! «Ой, несет меня Лиса!..» Да когда же конец этому? От души, конечно, желаю тебе хоть изредка вырываться от Лисы. Я строчу во все руки — и стихи, и рассказы. Видишь «Жизнь»[1]? В «Мире Божьем» в мае превознесли меня выше облака ходячего, как никогда[2]. Вот тебе мои радости. А горести… надо не думать

о них! И тебе тоже советую. Собираюсь на дачу к Телешовым[3], — значит, скоро увидимся, чего я от души желаю. Крепко тебя целую, дорогой, старый друг!

Твой Ив.Бунин.

547. О.Л.КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

20 или 21 мая 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ.,
Ефремовск. у.

Милая и великолепная Ольга Леонардовна Книпшиц, низко кланяюсь Вам и всем Вашим и, так как не знаю адреса Антона Павловича, то покорнейше прошу Вас передать ему мою глубокую благодарность[1] и лучшие пожелания. 27–28 мая надеюсь быть в Москве[2] и сочту своей священной обязанностью засвидетельствовать Вам мое расположение и почтение.

Ваш Тирбушон[3].

548. Ю.А.БУНИНУ

28 мая 1901. Ефремов

Ефремов, 28 мая 1901 г.

Я как в тумане от работы и сиденья, хотя, благодаря жаре, крику Жени и пыли, дело плохо идет, и потому пишу тебе мертво. Положение дел таково: мать все время в Ефремове и глядеть на нее тяжело, так много она, бедная, трудится (прислуги сейчас нет) и не спит при этом ночи из-за Жени. С неделю тому назад и мать, и Маша, и Женя приехали на несколько дней к Евгению. Был и Митя. (Перед этим я жил неделю в Глотове — там очень хорошо). Евгений запрягает лошадь тащить Митю в Глотово. Я подхожу — он говорит: «Ну уж прошу не оставлять Митю и не называть ко мне гостей». — «Я, говорю, никогда не звал». — «Черт бы вас всех побрал, меня одни Пушешниковы сожрали... У меня и так полон дом гостей». — «Каких же? — спрашиваю. — Я у тебя не гость. Я заплатил тебе за май 10 р.» — «К черту убирайся, если надеешься жить за 10. Плати 15 р., а то ты на бутербродах любишь прожирать...» Я говорю: «У меня нет 15». — «Ну и с Богом куда знаешь. Мне эти гости вот где сидят. Опять полон дом!..» И т.д. Мы уехали в Ефремов, где теперь и находимся.

Я жду денег из «Курьера» (там было 2 стиха)[1] и уезжаю к Телешову[2] не нынче-завтра, куда и пиши мне. Тружусь упорно. Из «Жизни» уже месяц ни слуху ни духу, хотя, говорят, «Жизнь» будет цела. Послал 3 стиха в «Мир Божий» и рассказ — очень маленький[3]. Послал в «Жур<нал> для всех» рассказ — очень маленький[4]. Дело не очень хоро-

шо! Но думаю, что если выдержу, к августу вывернусь. Жду тебя страшно. Пиши так: Москва, Чистые пруды, д. Терехова, квартира Телешова, мне или для передачи. В Ефремове страшная нищета. Все, брат, скверные вести, но что ж делать! И то рука не подымается тебе писать. Искренно радуюсь за тебя, за твои впечатления, дай тебе Господи здоровья.

549. М.П.ЧЕХОВОЙ

28 мая 1901. Ефремов

Ефремов, 28 мая 1901.

Дорогая Амаранта, о которой часто вспоминаю с большим удовольствием! Очень тружусь и потому долго не писал Вам. Вы мне прислали чудесное письмо[1] — письма пишете Вы не хуже брата. Но дачка на севере... это мне не нравится. Еще сильно жить хочу, а потому люблю юг — и уже опять тянет туда. Собираюсь в Москву[2] и надеюсь увидеть там Олечку и Ант<она> Пав<ловича>. Он мне писал[3], но начал письмо так: «Милый, душеспасительный Иван Алексеевич, господин Букишон!..» За «душеспасительного» я чуть не обиделся... Напишите мне в Москву. Друзья меня любят — поеду в Москву, заверну на дачу к Телешову[4], а потом пишите так: Москва, Чистые пруды, дом Терехова, Н.Д.Телешову, для меня. Пробуду, впрочем, там больше — числа до 17 июня, до возвращения брата из-за границы, с которым и вернусь в деревню. Напишите побольше. По 10 раз целую Ваши ручки и кланяюсь Е<вгении> Я<ковлевне> и всем обитающим в милой и благородной Белой Даче.

Весь Ваш

Ив.Бунин.

Видите ли Купришу[5]? Ему мои поцелуи.

550. В.С.МИРОЛЮБОВУ

1 июня 1901. Малаховка

Малаховка, 1 июня 1901 г.

Спасибо, дорогой Виктор Сергеевич, за доброе товарищеское письмо[1], — мне переслали его сегодня из тульской Лукьяновки. Рад, что «Скит» Вам понравился[2], — постараюсь угодить и на август[3]. Кстати сказать про природу, которой, насколько я Вас понял, я чересчур предан: это немного неверно, я ведь о голой и протокольно о природе не пишу. Я пишу или о красоте, т.е. значит, все равно, в чем бы она ни была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души. Всякий пишет по-своему, и пусть Мамин пишет о том-то, Горький о том-то, а я о своем. И разве часть моей души хуже какого-нибудь Ивана Петровича, которого я изображу? Это у нас еще старых вкусов много —

все «случай», «событие» давай. А за всем тем и я не отказываюсь от людей, и о них буду писать. Что же касается «Поздней ночи» в «Северных цветах», то я и не думал касаться своей семейной жизни. Там *настроение* — общечеловеческое, и фигурируем в нем вовсе не мы с Анной Николаевной, — никогда в жизни у нас и подобного ничего не было. Еще Лермонтов с горечью писал предисловие к «Герою нашего времени» о том, как читатель все на автора сваливает[4].

Затем о делах. «Жизнь» меня очень беспокоит, но май все-таки выйдет одновременно с июньск. кн<игой>[5], — для мая уже взяли 2 моих стих<отворения>, а на июнь я посылаю им рассказ[6].

В начале августа думаю быть в Питере[7]. Где будете?

Посылаю Вам 4 стихотв<орения>[8], — извините за опоздание, — тут меня немного ограбили стихами Гольцев и Фейгин[9].

Напоминаю Вам о том, что у Вас есть еще 2 моих стиха: «Я помню взор...» и «Апокалипсис»[10]. Если возьмете эти, будет 6. Не пугайтесь сего количества — больше не буду беспокоить до просьбы. А все-таки буду рад, если задерживать не будете. Потом найдется еще.

А теперь самое неприятное — деньги. Прикажите, пожалуйста, мне составить счет[11] и не платите, если можно, дешево за рассказы. Вы знаете, Виктор Сергеевич, что у меня и нет денег оттого, что, право, я далеко не жаден и что я не стал бы торговаться с «Журналом для всех», если бы сам не нуждался. К тому же работаю я добросовестно, отделываю и выпускаю вещи небольшие. В других местах мне платят 150 р. за 38 тысяч букв. Сообщите мне Вашу цену, чтобы быть мне в известности. Пожалуйста, пришлите мне ***50 рублей*** — ведь все равно я заработаю их, пришлю на август, а также на сентябрь или октябрь. Дам и для последней, — декабрьской книжки.

Пришлите не 50, а 42 рубля, потому что сейчас пришел Телешов и говорит: «Я должен “Журналу для всех” 8 р., — нельзя ли перевестись, т.е. я тебе дам эти 8 рублей, а с тебя пускай вычтут».

Можно?

Адрес: Москва, Чистые пруды, д. Терехова, квартира Н.Д.Телешова, Ивану Алексеевичу Бунину.

Пожалуйста!

Ваш Ив.Бунин.

Жду ответа о стихах и прочем.

NB Пожалуйста, корректуру «Скита»[а].

[а] Приписано в начале письма.

551. М.П.ЧЕХОВОЙ

1 июня 1901. Малаховка

Москва, Чистые пруды, д.
Терехова, кв. Телешова.

Дорогая Марья Павловна! Что Вы замолчали? Каково Ваше настроение? Приехавши в Москву[1], получил совершенно неожиданное известие об Ант<оне> Павловиче[2]. Был у Анны Ивановны[3], она говорит, что он поехал очень веселый. Мое желание Вы знаете — от всей души желаю, чтобы для всех Вас это было и вышло хорошо во всех отношениях. Напишите мне о себе хоть что-нибудь и поклонитесь милой и уважаемой Евгении Яковлевне.

У меня нет новостей. Только что выздоравливаю. Приехал сюда (я в Бронницком у., Моск<овской> губ.) и потный искупался в озере. Пробуду здесь числа до 17, до возвращения брата из-за границы[4]. Не напишете ли сюда[5]?

Милая Амаранта, крепко целую Ваши ручки!

Ив.Бунин.

552. В.Я.БРЮСОВУ

3 июня 1901. Москва

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Хотелось бы повидаться. Кстати, есть маленькое дело[1]. Где Балтр<ушайтис> и Поляк<ов>? Черкните, когда можно Вас застать, — по адресу: Чистые пруды, д. Терехова, кв. Телешова.

Поклон Вашей жене.

Ваш И.Бунин.

Я на даче под Москвой[2]. Теперь уезжаю. Думаю быть здесь в среду — четверг[3]. Известите заранее.

553. В.С.МИРОЛЮБОВУ

18 июня 1901. Москва

18 июня 1901 г.
Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ., Ефремовск. у.

Дорогой Виктор Сергеевич! 42 руб. я получил и очень благодарю Вас. Берете ли Вы стихи, которые я послал Вам? Судя по Вашему молчанию — да, но все-таки будьте добры черкнуть, а то неопределенное положение. Стасюлевич и «Нива» взяли у меня по большому стихотв<орению>[1] и просят еще. А теперь относительно рассказа на август. Я решил отдать Вам то, что дал было для июня погибшей «Жизни» — «Покров Богородицы»[2]. Пошлите или возьмите сами из «Жизни» этот рассказ — только очень прошу Вас сделайте это поскорее, а то боюсь —

рассказ там затеряется, а я считаю, что это лучшее из того, что я написал. Черновик, правда, остался, но при переписке я сделал еще изменения. Будьте же добры взять и сообщите мне, годится ли он Вам для августа. Вещь небольшая.

Возвратился брат из-за границы[3], и сегодня мы уезжаем в деревню. И брат, и Телешов шлют Вам поклон. Адрес мой теперь будет — Лукьяново — он написан в начале этого письма. Повторяю просьбу относительно оттисков «Скита». Нельзя ли также выслать мне июльскую книгу «Жур<нала> для всех» в Лукьяново? Не забудьте эту просьбу.

Желаю Вам всего лучшего и крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

554. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 июня 1901. Москва

Милый Митрич! Забыл тебе сказать свой адрес:

Почт. станция *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у.

Целую, кланяюсь твоим.

Ив.Бунин.

555. А.М.ГОРЬКОМУ

После 18 июня 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ., Ефремовск. у.

Дорогой Алексей Максимович! Не знаю, где Вы и что с Вами — пишу наугад, чтобы присоединиться к просьбе Телешова относительно сборника для юношества[1]: очень прошу, — дайте что-нибудь. Слышал от Ланина, что у Вас дочка[2] — желаю ей доброго здоровья, так же, как и Кат<ерине> Павл<овне>. Очень буду рад, если что-нибудь напишете мне и о себе. Вы упорно замолчали... Жаль, хотя я уже не раз испытывал это на пути житейском. Жалко мне и «Жизнь»[3] — до чрезвычайности!

Желаю Вам всего, всего хорошего!

Ив.Бунин.

556. А.П.ЧЕХОВУ

25 июня 1901. Огневка

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович, шлю поклон и самые лучшие пожелания Вам и Ольге Леонардовне. Как поживаете? Напишите как-нибудь хоть немножко. Я тихо, — в деревне и за работой. В начале августа собираюсь в Одессу[1] — отдохнуть и покупаться.

Адрес мой прежний: Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ.

Крепко-крепко жму Вашу руку.

Ив.Бунин.

557. В.С.МИРОЛЮБОВУ

27 июня 1901. Огневка

Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ., Ефремовск. у.

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Пожалуйста, возьмите из редакции «Жизни» мой рассказ «Покров Богородицы»[1]. Я совершенно ничего не знаю о намерениях Колпинского[2]. Понадобится ему — дам другое. В «Жизнь» пишу об этом[3]. Если возьмете для «Журн<ала> для всех» рассказ — непременно дайте мне корректуру. Да, пожалуйста, не вычеркивайте ничего из моих произведений, не сообщив мне об этом.

Брат Вам кланяется.

Ваш Ив.Бунин.

27 июня 1901 г.

558. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

1 июля 1901. Огневка

1 июля 1901 г.
Почт. ст. Лукьяново,
Тульск. губ., Ефремовск. у.

Милый Митрич, почему ты замолчал? Как поживаешь? Написал ли рассказ в честь Д<митрия> И<вановича> и Е<лены> Н<иколаевны>[1]? Что жена и сын? Что Горький? Он до сих пор меня не порадовал[2]. Чехов с женой пишут. «Завтра, — говорит Чехов, — уезжаю в Ялту, куда и прошу написать мне поздравление с законным браком. Вы ведь слышали, меня женили...» Затем зовет в Ялту и т.д. и в конце прибавляет: «Желаю вам-с всего хорошего-с. Будьте здоровы-с. Ваш А.Чехов, Аутский мещанин»[3]. Собираюсь ехать на Ледовитый океан[4]. Это уж я, а не Чехов. Изумлен? При встрече объясню. В Москве буду 15-го утром с курьерским. Пробуду дня четыре-пять. Жду писем и целую. Е<лене> А<ндреевне> — низкий поклон.

Ив.Бунин.

559. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 июля 1901. Огневка

Иванушка, ау! Откликнись, как живешь? Заезжал к тебе перед отъездом[1] — не застал. 15-го будем с Юлием в Москве.

Почт. ст. Лукьяново, Тульск.

Целую, поклон твоим.

И.Бунин.

560. М.П.ЧЕХОВОЙ

7 июля 1901. Огневка

Дорогая Марья Павловна, давно не писал Вам, но опять-таки вследствие скудости внешней жизни моей. Сижу у родителей, по утрам купаюсь, после обеда сплю в кленовой аллее, читаю много... остальное время беседую с Музой. Хочется мне Толстого[1] за пояс заткнуть да и только! Вас, милая и хорошая Амаранта, от всего сердца жалел, прочтя Ваше грустное письмо[2]. Искал Вам жениха — ничего подходящего, — лето! Подождем зимы, которую я буду почти всю проводить в Москве. Ваш милый, знаменитый брат прислал мне письмо[3], но, по обыкновению, ничего не пишет о здоровье. Что сделал кумыс? Напишите, пожалуйста, — я Вас всех очень люблю. И побольше напишите о себе, — как проводите ялтинские дни? Конечно, самый низкий поклон молодым, уважаемой Евгении Яковлевне, всему Вашему дому и знакомым. На днях уеду в Архангельск, оттуда по Белому морю выгляну в Ледовитый океан[4] и назад — прямо в Одессу[5], отдохнуть, покупаться. Когда-то мы увидимся? Верно, я не попаду в Ялту в августе[6]. Значит — до сентября в Москве. А, ей-богу, очень бы хотел видеть Вас, — побранили бы кого-нибудь, пожаловались друг другу... Прощайте, непременно напишите мне. Крепко и от всей души целую Ваши ручки.

Москва, Арбат, Староконюшенный, редакция «Вестника воспитания», д. Михайлова.

Ваш душой
Ив.Бунин.

561. В.С.МИРОЛЮБОВУ

Начало июля 1901. Огневка

Лукьяново, Тульск.

Уважаемый Виктор Сергеевич, Вы написали мне очень обидное письмо[1], но пока как-то не хочется думать, чтобы Вы намеревались действит<ельно> обидеть меня за все расположение, которое я проявлял к Вам и журналу. Очень хотел бы, как это ни курьезно, письменными доказательств<ами> засвидетельствовать правоту своих слов, — не потому, конечно, чтобы мне был приятен этот спор о деньгах, — а потому, что уж очень дико слышать мне обвинение во лжи! Но под рукой у меня только письмо Богдановича, отрывок которого посылаю[2]. Могу прибавить еще, что «Скорпион» заплатил мне за рассказ в «Сев<ерных> цветах»[3] 35 р. за 128 строк, что «Нива» предлагала мне 150 р., Меньшиков — 125 р. *за лист «Кн<ижек> Недели»*, а Карич[4] просила дать хоть 50 строк за 100 р. Можете, если угодно, справиться у назв<анных> лиц. Явно, значит, что я отдавал предпочтение Вашему журналу не из-за денег. Я думал, что поддерживаю журнал не деньгами, а своим участием и именем, которое появляется почти 15 лет в лучших журналах.

Против $12^{1}/_{2}$ коп. ничего не имею, но что же укорять меня за них, если Вы даже начинающим, напр., Л.Андрееву, очень талантливому, но все же начинающему, платили столько же? А главное — я ведь не торговался, а написал к Вам просто и по-товарищески — и вдруг упреки в скупости! Все это, конечно, очень неприятно и обидно...

Еще раз прошу — будьте добры прислать мне счет. По-моему, выходит так[5]:

Стихи:	На хуторе	— 12 стр<ок>
	Жаль мне юности	— 20
	Пушкину	— 12
	Всего	— 44 стр<оки>, по 30 к. = 13 р. 20 к.

Затем, Вы мне сказали осенью, что будете платить мне 50 к., и за следующие стихи я считаю отдельно:

Снова сон	— 8 стр<ок>
Звезды ночью	— 12
Как светла	— 8
Нынче ночью	— 20
Зеленоватый свет	— 12
Степная ночь	— 16
Открыты жнивья	— 20
Примирение	— 16
Ночь печальна	— 8
2 стих<отворения> Шевч<енко>	— 16
Спок<ойный> взор	— 8
Весенний вечер	— 20
Из Апокалипс<иса>	— 52
Стояли ночи	— 16
Эпиталама	— 20
Надпись	— 16
Не слыхать еще	— 8
	276=138 р.

Последние 5 стих<отворений> я еще не видал в печати, но ведь это все равно? Поэтому за стихи мне приходится всего 151 р. 20 к. Да за «Скит» — 50 р. 25 к. Итого 201 р. 20 к. Взято же мною у вас всего 175 р. (100+25+50).

«Жизнь», которая не прислала мне счета — по-моему, я меньше должен — и самовольно арестовала мой рассказ, меня просто изумила. Как это еще отдала! Пишу им[6], жду счета. Очень жалею, что у рассказа такое заглавие, что нельзя в августе[7]. Нельзя ли переменить заглавие и поставить в *сентябре?* На авг. я, должно быть, опоздал уже. Будьте добры выслать мне июльск. кн<игу> «Журнала».

Уважающий Вас
Ив.Бунин.

P.S. О вычеркиваниях я потому написал Вам, что не нашел в «Ските» трех последних строк. Кроме того, выкинуто слово «выпукло» (про петуха)[8].

До 14-го июля я здесь, после — Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, «Вестник воспитания».

562. В.Я.БРЮСОВУ

12 июля 1901. Огневка

12 июля 1901 г.

Дорогой и уважаемый друг, очень рад был Вашему письму[1] и — простите — даже тому, что Вы сообщаете в нем. Почувствовалось мне в нем — может быть, и ошибочно, — многое из пережитого мною самим и такое, что часто оставляет сильные и хорошие следы. Во всяком случае, от души желаю Вам всего лучшего и скорого возвращения к работе. Я пока у себя в деревне, — кое-что работал по беллетристике и писал стихи. Осенью, д<олжно> б<ыть>, выпущу две книги — новых стихов и рассказов[2]. 15-го еду с братом Юлием в Москву. Пробуду там дней 7–8, затем — в Одессу[3]. На всякий случай мой адрес пока такой: Арбат, Староконюшенный, редакц. «Вестника воспитания». Кланяюсь Вашей жене и товарищам.

Ваш Ив.Бунин.

563. Н.Д. и Е.А.ТЕЛЕШОВЫМ

27 июля 1901. Малаховка

Дорогие друзья мои! Уезжаю сегодня, так как сообразил, что завтра приеду в Москву не раньше 1/2 одиннадцатого и не успею еще кое-что сделать и повидаться, поболтать с Юлием. Желаю Вам от всей души всего лучшего и благодарю за радушие. Тебе, Митрич, оставляю стишок для «Народн<ого> бл<ага>»[1]. Заглавие выдумаю нынче-завтра и напишу тебе[2]. Скажи Курнину, что пора печатать. Крепко целую тебя, а Е<лене> А<ндреевне> — ручки.

Ваш Ив.Бунин.

Фета передаст Вам Юлий[3].

564. Ю.А.БУНИНУ

28 июля 1901. Под Москвой

Чрезвычайно прошу тебя — немедленно сходи к Мюру и Мерилизу[1] на Кузнецком, д. Гагарина — возьми мои старые брюки — я забыл, покупая у них пару. Пожалуйста.

Твой Ив.Бунин.

565. Ю.А.БУНИНУ

29 июля 1901. Одесса

Милый Люкася, доехал до Киева благополучно. Ночью был град, а окно открыто и благодаря этому я теперь не разогну поясницы. Был у доктора — приказал намазать йодом. В Киеве пробыл 1 день, ибо лил

дождь. Был с Ив.Ал. в Лавре[1]. Нынче приехал в Одессу. Ветер, пыль и жара. Сейчас сижу в управе и жду Куровского. Вышли мне 50 р. на имя Влад.Павл.Куровского, Городская управа. Крепко целую. Пиши.

Твой Ив.Бунин.

Одесса, 29 июля.

566. Ю.А.БУНИНУ

31 июля 1901. Одесса

Милый Юричка, я уже на дачах, нанял комнатку, рядом с Куровскими[1] — дьявольски дорого — 25 р. Столоваться буду у Куров<ских> тоже, конечно, за плату. Посему *немедленно* вышли мне 50 р. на имя Влад.Павл.Куровск<ого> Городская управа. Все встретили меня очень радушно. Ну, крепко целую и жду.

Твой И.Бунин.

567. В.П.КЛИМОВИЧ

9 августа 1901. Одесса

9 авг.

Ужасно скучно без Вас! Когда Вы уехали, как будто сразу наступили будни. Все куда-то разбрелись, погода испортилась. Вечером в темноте вспыхивали молнии, и где-то далеко прошел свежий дождь, так что сегодня был удивительно ясный и веселый день. Я был у Федорова и долго бродил один по обрывам. Славное утро было, и я думал о том, как много на свете радости, молодости, красоты и как быстро проходят дни, когда кажется, что есть кто-то, кто разделит с тобою эту радость жизни. А жить ужасно хочется, — жить полно, красиво, по-настоящему! Чертовски хочется многое сказать Вам, но по многим причинам ограничиваюсь только этим кратким и сухим письмом, желаю Вам от всей души всего лучшего и главное — как можно скорее возвратиться. Затем крепко ставлю точку и еще крепче целую Ваши ручки.

Б.

568. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 августа 1901. Одесса

Как поживаешь? Что семья? Что нового? Напиши мне, пожалуйста: Одесса, Городская управа, Вл.Павл.Куровскому, для меня. Я живу под Одессой на дачах, нанял себе славную комнатку у самого моря[1]. Купаюсь. Желаю тебе всего лучшего. Поклон жене.

Твой Ив.Бунин.

569. А.П.ЧЕХОВУ

12 августа 1901. Одесса

Под Одессой, дача Гернет.
12 авг. 1901 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Антон Павлович! Как поживаете? Посылаю Вам и супруге Вашей, равно как и матушке Вашей и Марье Павловне, нижайший поклон. Я под Одессой, на даче, купаюсь и ничего не делаю. Но в деревне у себя много трудился, и поэтому решил немного погулять, надеясь закончить прогулку Ялтой[1]. С искренним удовольствием думаю о встрече с Вами и со всеми Вашими. Марье Павловне писал[2], — она ни звука. Где она? Передайте ей, что очень жалею, что не увижу ее в Ялте: ведь она теперь уже на отлете? А я думаю быть в начале сентября. Когда Вы в Москву и когда Ольга Леонардовна? У меня новостей, интересных для Вас, кажется, нет. Вот разве только про Федорова — возвратился из Швейцарии, очень бедный, но полный надежд, дописывает новую драму[3]. Правда ли, что Вы снова дадите что-то для Художественного театра? Впрочем, Вы, вероятно, не напишете мне об этом. Поэтому напишите хоть пару слов, как поживаете. Искренно, по-прежнему люблю Вас и остаюсь

Вашим Ив.Бунин.

Можно ли Нилусу приехать рисовать Вас[4]? Если можно, то когда удобнее?

Адрес: *Одесса,* Большой Фонтан, 13-ая станция трамвая, дача Гернета, для меня.

570. Ю.А.БУНИНУ

14 августа 1901. Одесса

14 авг. 1901 г. Под Одессой.

Милый Юринька! Пока дела меня не радуют — работаю плохо, чувствую себя слабо, физиономия цветет. Писал тебе относительно денег, — снова теперь повторяю, вышли немедленно ***по телеграфу:*** я взял 50 р. у сестры жены Куровского, а ей в субботу 18-го уезжать надо. Обстановка жизни все-таки очень хороша: море бушует, южный ветер теплый, тусклый блеск по морю. Живу над самым морем. Был я должен Нилусу 24 р. 70 к. — выиграл и еще выиграл 8 р. Но нет пальто, нет шляпы, нет сапог. Пиши, ради Бога. Крепко тебя целую. Послал еще стихи в «Курьер» — как появятся, извести[1]. Целую.

И.Бунин.

571. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 августа 1901. Одесса

14 авг. 1901 г.

Дорогой Митрич! Забыл адрес Курнина и потому убедительнейше прошу тебя послать ему прилагаемую записку[1] и поступить так, как удобнее: или пусть Курнин сам пришлет мне деньги переводом по телеграфу, или возьми эти сто рублей ты и вышли мне[2]. Адрес мой — *Одесса,* Городская управа, Владимиру Павловичу Куровскому, для меня. Деньги же удобнее выслать прямо на имя Куровского, не упоминая меня, чтобы мне не ехать в город. Куровский-то каждый день бывает в городе. Событий никаких. Жду от тебя. Целую тебя и кланяюсь жене.

Твой Ив.Бунин.

572. Ю.А.БУНИНУ

19 или 20 августа 1901. Одесса

Милый Юринка! Письмо твое получил, деньги получит Куровский сегодня. Но из них 30 р. отдам Заузе[1], у которого брал, чтобы заплатить за квартиру и 5 р. Куровскому. Затем нужно дать Куровскому за стол, за чай — я у него столуюсь. Поэтому ругай не ругай меня, но *немедленно* вышли еще 50 р. Затем за тобой есть моих 25 р. Пошли из них 5 р. Маше и 20 р. Федору Филиппову Спицыну — садовнику и, ради Бога, напиши ему *как доехать до Ялты.* Я начал работать. Живу очень хорошо и купаюсь. У Лазариса еще не был[2]. «Руда» появилась в «Жур<нале> для всех»[3]. Были ли мои стихи в «Курьере»[4]? Вообще, пиши побольше: Городская управа, Куровскому. Жду денег.

Крепко целую.

Ив.Бунин.

573. Ю.А.БУНИНУ

31 августа 1901. Одесса

Одесса, 31 авг. 1901 г.

Милый Юричка! Я запутался, не писал, много истратил денег и т.д. Ну, делать нечего и пилить меня за это нечего. Я тут было затеял роман и чуть не влетел в крупную историю. Теперь все это кончено[1]. Буду крепко работать. 3-го еду с Нилусом в Ялту, меня зовет Чехов. Приеду числа 20-го сент. в Москву с Чеховым. Пиши мне, значит, в Ялту. Был у Лазариса, сказал ему, что нужно. «Хорошо, говорит, передам. Только из этого ничего не выйдет. Цакни и так говорит, что напрасно был добр весною и позволял видеть ребенка». Каково? Тогда я крепко и дерзко сказал, что добьюсь своего, требую свиданий, и что я ни перед чем не остановлюсь, ибо я требую малого и законного, что им нерасчетливо по-

дымать огромный скандал, что никаких убийств я не боюсь и т.д. Лазарис обещал написать мне о результатах переговоров в Ялту. Что делать? За всем тем новостей никаких. С дачи мы переехали. Баранов прислал отзыв «Северного края» о «Листопаде»[2]. Похвалы большие, но писал какой-то болван Федорченко[3]. Послал ли ты денег Спицыну[4]?

Ах, брат, скверно все, но не брани меня. Горячо целую тебя.

Ив.Бунин.

574. А.П.ЧЕХОВУ

31 августа 1901. Одесса

Приеду вторник[1] будьте добры передать Бонье Бунин

575. С.А.ПОЛЯКОВУ

1 сентября 1901. Одесса

Одесса, 1 сент. 1901 г.

Уважаемый Сергей Александрович!

Пишу Вам то же, что и Вал<ерию> Яковл<евичу>. Хочу этой осенью выпустить четыре книги: второе изд. рассказов «На край света», втор<ое> изд. «Песни о Гайавате», новую книжку новых рассказов и новую кн<игу> новых стих<отворений>[1]. Не хотите ли взять что-либо для издания Вы? Очень рекомендую Вам купить «Песнь о Гайавате» — это замечательная кн<ига> и, благодаря рекоменд<ации> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения> для всяких учебн<ых> зав<едений>, идет очень хорошо. Затем кн<ига> новых стихотв<орений>. Следили ли Вы за ними в журналах? «Листопаду», во всяком случае, не уступят. Подумайте и напишите мне. Еду завтра в Ялту[2], так что пишите туда: *Ялта, дача А.П.Чехова*. Напишите, пожалуйста, также и о том, как поживаете, где Балтрушайтис и как идет «Листопад».

Ваш Ив.Бунин.

576. В.Я.БРЮСОВУ

1 сентября 1901. Одесса

Одесса, 1 сент. 1901 г.

Дорогой Валерий Яковлевич! Сейчас написал Сергею Александровичу письмо[1], в котором предлагаю «Скорпиону» взять для издания что-либо из четырех книг, которые хочу выпустить нынешней осенью: 2-ое изд. «Песни о Гайавате», 2-ое изд. кн<иги> рассказов «На край света», новая кн<ига> новых рассказов и новая кн<ига> новых стихов «Облака» (листов 8). Надеюсь, что новые стих<отворения> будут лучше «Листопада». Подумайте и напишите мне в *Ялту,* на дачу А.П.Чехова, куда

уезжаю завтра. Очень буду рад, если сообщите также хоть что-нибудь о себе. От всего сердца посылаю Вам привет.

Ваш Ив.Бунин.

Надеюсь быть в Москве в конце сент.[2].

577. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

1 сентября 1901. Одесса

Одесса, 1 сент. 1901 г.

Дорогой Митрич! Напрасно негодуешь на меня, я не мокрая курица[1], ибо куры не купаются в море и не ездят в Ялту к Чехову. Отбываю туда завтра[2]. Туда и пиши. Курнину заглавие послал — пусть поставит первым стихотворением стих<отворение> «Вечерняя звезда», и, значит, обложка будет такова: *Ив.А.Бунин. Вечерняя звезда*. Стихи и рассказы[3].

Очень прошу тебя потребовать к себе корректуру обложки, посмотри с женой и решай. Писал я мало, — надеюсь налегнуть осенью. Очень прошу написать поскорей побольше новостей о себе и о прочем. От всего сердца рад за тебя, — тому, что ты пишешь. В Москву думаю быть в конце сентября[4]. Поклон жене, тебе — поцелуй.

Твой Ив.Бунин.

578. С.Я.ЕЛПАТЬЕВСКОМУ

28 сентября 1901. Москва

28 сент. 1901 г.
Москва.

Дорогой и уважаемый
Сергей Яковлевич!

В Москве собралась компания, состоящая из беллетристов — Телешов, я, Тимковский, Андреев, Михеев, Юлий, — которая задумала составить сборник хороших стихов и рассказов для юношества[1]. Сборник будет издан фирмой Курнина, под редакцией нашей компании. Гонорар — 40 рублей лист, причем рассказы можно давать из уже напечатанных в периодических органах. И вот компания поручила мне очень просить Вас дать что-либо. Дайте, пожалуйста — только как можно скорее. Кое-что у нас уже есть: два рассказа Горького, рассказ Михеева, Телешова, Андреева, мои... Пожалуйста, ответьте, дорогой Сергей Яковлевич: Москва, Арбат, Староконюшенный пер., ред. «Вестника воспитания», д. Михайлова. Кланяюсь Вам и всем Вашим.

Ваш душой
Ив.Бунин.

Просим!: В.Михеев
Небеллетрист Ю.Бунин
Н.Телешов.

579. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 октября 1901. Москва

17 окт. 1901 г.
Адрес: Москва, Арбат,
Староконюшенный пер.,
д. Михайлова, редакция
«Вестника воспитания»,
Ивану Алексеев. Бунину.

Милостивый государь
Константин Петрович!

На днях я виделся в Нижнем с Горьким[1] и толковал с ним относительно издания моих рассказов в «Знании». Горький, с своей стороны, очень стоял за это, о чем он, вероятно, уже пишет Вам в письме, которое передаст Вам А.И.Ланин. Теперь, по совету Горького же, пишу Вам, предлагаю Вам взять у меня первый том моих рассказов. Вы, вероятно, знаете, что О.Н.Попова издала пять лет тому назад небольшую кн<игу> моих рассказов «На край света»[2]. Книга эта сперва пошла очень хорошо, благодаря хорошим отзывам[3], но не знаю, как дело шло дальше, хотя, если даже оно пошло и хуже, то причины этому были, — напр., хотя бы та, что после «На край света» я совершенно замолчал и почти не появлялся в печати в течение около 3-х лет[4]. Теперь, как Вы знаете, я печатаю много, особенно стихов, а с будущего года буду много печатать и беллетристики. Думаю поэтому, что пора мне выпустить и кое-что отдельным изданием. Предлагаю Вам пока первый том моих рассказов. В него войдут 7 или 6 лучших и значительно исправленных рассказов из кн<иги> «На край света»[5] и 15 или даже 17 *новых*[6], которые были напечатаны в «Мире Бож<ьем>», «Нов<ом> слове», «Журн<але> для всех» и «Рус<ской> мысли»[7]. С тех пор, как вышла <книга> «На край света» прошло уже пять лет, т.е. срок законный, после которого я имею право располагать проданной кн<игой> как мне угодно, так что, если не издадите моей книги Вы, я все равно продам ее другому. Прилагаю Вам список рассказов, которые должны выйти в этом томе[8]. Называться он будет просто «Рассказы», страниц в нем будет приблизительно[a]. Выпустить его мне хочется не позднее января, начала февраля[9].

Очень прошу Вас подумать о моем предложении, ибо мне хочется иметь дело именно с «Знанием». Чрезвычайно буду благодарен, если Вы мне тотчас же ответите, что думаете лично Вы о моем предложении, согласны ли Вы на него пока хоть в принципе. Тогда я *тотчас* же пришлю Вам оттиски рассказов. Тогда же поговорим и об условиях.

С ист<инным> уважением Ив.Бунин.

---

[a] Далее в автографе оставлено пустое место.

580. В.М.ЛАВРОВУ

28 октября 1901. Москва

28 окт. 1901 г.

Многоуважаемый
Вукол Михайлович!

У Вас есть три принятых Вами стихотворения, из которых два связаны общим заглавием — «В Альпах». Очень прошу Вас одно из этих последних, а именно «Рассвет», *не* печатать в «Рус<ской> мысли», а два остальные, напротив, поместить, если можно, поскорее[1]. Текст этих двух я чуть-чуть изменил — два-три слова только — и поэтому посылаю Вам снова при этом письме[2]. Будьте добры напечатать их именно *по этой* последней рукописи. Надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии, что я взял обратно «Рассвет» — эти восемь строк. Если же Вам это неприятно — будьте добры известить, — я возьму свои слова назад и дело останется в прежнем положении.

Мой поклон В.А.[3] Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Ив.Бунин.

Повторяю свою просьбу напечатать стихи поскорее потому, что в[а] январе выйдет томик моих новых стих<отворений>[4], в который войдут и эти.

581. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

28 октября 1901. Москва

28 окт. 1901 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

От души благодарю Вас за любезное письмо[1] и рад, что дело мое с «Знанием» налаживается. Из «На край света» я возьму почти всего-навсего 1/3 книги[2], так что думаю, что О.Н.Попова ничего не будет иметь против меня. Это дело, во всяком случае, улажу. На днях надеюсь быть в Птб. и поговорю с ней. Поэтому же не посылаю Вам и рукопись: передам лично и тогда же поговорим об условиях. Застану ли Вас в Птб.?

Предложить Вам, кроме рассказов, в настоящее время ничего не могу. Второе издание «Гайаваты» недавно продал[3], — книга идет очень хорошо и издатель поспешил с покупкой второго изд. Есть у меня в настоящее время второй томик стихотворений, который хочу выпустить в начале будущего года или в декабре[4], но Вам это, конечно, не интересно?

Итак — до скорого свидания.

Искренно Вас уважающий
Ив.Бунин.

[а] Далее зачеркнуто: декабре.

582. А.П.ЧЕХОВУ

11 ноября 1901. Москва

11 ноября 1901 г.

Дорогой Антон Павлович, низко кланяюсь Вам за хлопоты[1] и прошу извинения, что отвечаю Вам так поздно. Хотя я и не гуляю больше на юбилеях, но дни идут по-прежнему — ужасно быстро — и многого не успеваешь сделать. Хотелось бы повеселить Вас новостями, но ведь все общеинтересное Вы, конечно, знаете? О Горьком, значит, тоже, за исключением разве того, что, проводив его, мы с Шаляпиным пили до 6 часов утра[2]. Новая квартира Ваша в Звонарском переулке очень хороша[3], я был в ней уже два раза (один раз с Куприным), и мы занимались тем, что зажигали и тушили электричество: это очень занимает Вашу супругу и сестрицу. Обе они в добром здоровье и уже воспользовались близостью бань. В четверг 15-го я уезжаю в деревню на месяц[4] (адрес мой, впрочем, остается тот же — «Вестник воспитания»), а в конце декабря приеду в Крым[5]. Издаю новый том стихов[6], написал 2 маленьких рассказа[7]. Желаю Вам всего лучшего и прошу Вас передать мой поклон Вашей матушке и всем, кто меня помнит.

Преданный Вам
Ив.Бунин.

583. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

13 ноября 1901. Москва

Вторник, 13 ноября.

Дорогой Федор Иванович, позволь тебе напомнить, по общей просьбе моих товарищей, к которой, конечно, от всей души присоединяюсь и я, — о твоем обещании посетить наш *завтрашний* вечер. Мы, т.е. небольшая компания пишущих, собираемся так еженедельно (по средам) на квартире Ник.Дмитр.Телешова (Чистые пруды, дом Терехова) для небольших чтений, разговоров и скромной выпивки и все будем чрезвычайно рады тебе. Если ты свободен весь вечер, поедем часу в 9-м. Могу заехать за тобой, или заезжай ты ко мне в Большую Московскую гостиницу (№ 117). Если не свободен, — приезжай хоть попозднее, хоть на часок.

Искренно уважающий тебя
Ив.Бунин.

584. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 ноября 1901. Ефремов

Многоуважаемый Константин Петрович!

Как мои дела? Будьте добры уведомить, если определились. Повторяю, — с Поповой можно устроить, да и устраивать-то не следует. Ведь

возьму из «На край света» страниц 50 — два-три рассказа[1]. Повторяю и свое желание выпустить книгу в январе-феврале[2], — ведь если дело решится, задержки ни в чем нет? Можно прямо и в типографию. В условиях сойдемся, хотя мне хотелось бы продать: нуждаюсь в деньгах. Адрес: Ефремов, Тульск. губ.

Ваш Ив.Бунин.

585. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

27 ноября 1901. Ефремов

Митрич! У меня к тебе две просьбы. Во-первых, доктор Михаил Александрович Членов[1] (Петровск<ие> линии, подъезд 3) просил меня через тебя спросить Алекс<андра> Андреевича, нет ли у них при фабриках места врача, осматривающего рабочих? Если что-либо подвернется, очень прошу тебя попомнить это. Во-вторых, (это уже важнее, серьезно прошу), поговори с ***женой,*** с Софьей Андреевной, с кем хочешь еще: нельзя ли устроить куда-либо одну поистине прекрасную, скромную и неглупую девушку из Ефремова[2]? Митрич, не будь свиньей, подумай! Кончила она курс гимназии в Туле, — и кончились ее золотые деньки. Вернулась к старухе-матери и старшей сестре в Ефремов, в лачугу на окраине, на оврагах, и вот все трое живут на то, что эта девушка зарабатывает 3 уроками — по 6 р. — 7 р. каждый, — работая часов 7 в сутки! И горько, брат, видеть эту милую молодость, тихую и молчаливую, прячущую ноги под стул, ибо башмаки совсем разваливаются. Помогите, если можно, — в контору, на уроки, на желез<ную> дорогу — все равно куда — лишь бы вон из Ефремова, где можно удавиться с тоски. Ведь помогаете же вы собакам и птицам!

Новостей, конечно, нет. Жду от тебя. Немедленно отвечай: *Ефремов,* Тульск. губ., Покровская ул., д. Шарова.

Целую тебя и всем кланяюсь.

Твой Ив.Бунин.

27 ноября
1901 г.

586. А.А.КАРЗИНКИНУ

30 ноября 1901. Ефремов

30 ноября 1901 г.

Очень огорчен, дорогой Александр Андреевич, Вашим сообщением[1] о медлительности Гербека[2]. Неужели он только на днях начал отливать шрифт? И нельзя ли начать набирать книгу во время этой работы?

Зато письмо Ваше прочел с истинным удовольствием и мысленно пережил весь банкет[3]. Особенно хорош этот бутафорский король, Дмитрий Иванов, с своими крестьянскими детьми, воспитанными Потехиным! Где гуляли и чем наслаждались еще? Как прошла среда[4]? Мне

очень хотелось в тот вечер ко всем Вам. Я живу здесь смирно, почти нигде не бываю, рано ложусь спать, немного пишу, много читаю, раза два в день гуляю и очень радуюсь московским письмам. Пожалуйста, не забывайте. Сейчас пойду на почту относить письма, как делаю каждый вечер перед сном, буду идти по совершенно пустым улицам, среди хибарок, занесенных снегом, под звездным, морозным небом... Очень хорошо, хотя уже тянет в Москву. Надеюсь числа 10–12 там быть[5]. Кланяюсь всем Вашим и с самым хорошим чувством крепко жму Вашу руку.

Душой Ваш
Ив.Бунин.

Ефремов, Тульск. губ.

587. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 декабря 1901. Москва

Ответьте да или нет[1] Бунин

588. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

1 января 1902. Москва

1 янв. 1902 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Я виделся с прежним владельцем «Книжного дела» — Байковым[1] (издатель Гайаваты), возвратил ему взятые мною деньги подо 2-ое изд., получил от него обратно условие на это издан. и купил у него все оставшиеся экз. первого издания. Следовательно, теперь я полный хозяин «Гайаваты» и Вы можете — когда Вам угодно — приступить к печатанию 2-го изд. — и роскошн<ого>, и дешевого[2]. Сегодня же я немного просматривал свой перевод и нахожу, что поправок в нем будет чрезвычайно мало — в пустяках. Завтра я поеду в «Труд»[3] и узнаю точно — сколько именно осталось экз. — и вступив таким образом во владение ими форменно, оставлю их пока на комиссию в «Труде» же. Если окажется более 500 экз. — а это, кажется, так и есть — то я думаю поступить так: до выхода в свет Вашего изд. я все-таки оставлю в «Труде» все, что есть, а перед выходом в свет Вашего издания возьму из «Труда» все, что останется и продам Сытину по дешевке, но, конечно, не более 500, согласно нашему уговору: все превышающее эту цифру исчезнет из мира — переселится ко мне в деревню. Для печатания «Рассказов»[4] послал Вам «Ант<оновские> яблоки». *Завтра* шлю еще неск<олько> рассказов и уезжаю *в Одессу*[5], где и буду ждать корректуры.

Если Вы в своих каталогах печатаете отзывы журналов о книгах, не понадобятся ли Вам отзывы о «Гайавате»? Шлю пока отзыв «Вестника воспитания» и «Мира Божьего». Было еще в «Жизни» — сентябрь 1900 г. —

в «Научн<ом> обозрении», «Одесском листке» (Дионео из Англии), «Ниве», «Неделе» и т.д.[6]. Прислать ли? Все чудесные отзывы.

Андрееву передал все, что Вы просили.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

589. В.С.МИРОЛЮБОВУ

Между 1 и 4 января 1902. Москва

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Благодарю Вас за деньги и обращаюсь к Вам с другой просьбой: прошу Вас как-нибудь загладить ошибку г. Оранского[1], — напечатать что ли поправку, — ошибку, возмутительную принципиально. Оранский напечатал у Вас заметку о двух моих книжках, о «Стихах и рассказах» и о «На край света», отнеся их *обе* к числу книг для детей. Не говорю уже о том, что Оранский с необыкновенной снисходительностью толкует обо мне, точно мне не 30 лет, а 10 и точно я вчера начал печататься, — странно то, что он, видимо, не читал «На край света». Если уж он такой малосведущий человек в маленькой истории литературы последних лет, если он не видал ни одного из рассказов «На край света», когда они печатались в толстых журналах, если он не заметил, что книга издана ***пять*** лет тому назад и на ней вовсе не значится, что это издание для детей, почему он не прочитал ее, прежде чем поощрять меня? В «На край света» вторым рассказом идет очень большой рассказ «На даче», изображающий толстовцев, полный интеллигентных споров и всего прочего, решительно дикого для детей. Почему же Оранский не рекомендовал и этот рассказ маленьким читателям? Одним словом, разъяснять всю эту ошибку мне нет охоты, но должен сказать Вам, что я очень обижен «Журналом для всех», и очень огорчен, встретив еще раз яркий пример той репортерской распущенности, которая царит у нас в «критике».

Уважающий Вас
Ив.Бунин.

На днях уезжаю в Одессу[2], но постоянный мой адрес такой: Москва, Арбат, Староконюшенный, дом Михайлова, редакция «Вестника воспитания».

590. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

8 января 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.
8 янв. 1902 г.

Многоуважаемый Константин Петрович!

Тщетно жду корректуры[1]. Приехав сюда, прихворнул и потому только нынче посылаю еще 2 рассказа[2]. *Завтра непременно все осталь-*

ное. Решил поставить и «На край света». Всего, значит, я беру из прежней книги 5 маленьких вещей[3]. Думаю, что это ничего, ибо предисловие в несколько строк необходимо написать[4]. «На край света» — я поправил, эта вещь имеет своих читателей. Но все-таки прошу Вашего совета — ставить ли этот рассказ. Я думаю — да. Но окончательно решите сами.

Ваш Ив.Бунин.

591. А.П.ЧЕХОВУ

11 января 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.
11 янв. 1902 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Антон Павлович!

Как поживаете? Не писал Вам и Марье Павловне потому, что все собирался из Москвы прямо в Крым, но пришлось по делам снова ехать в Птб., а затем ехать сюда[1]. Теперь сижу, прикованный к месту корректурой — выпускаю томик нов<ых> стих<отворений>, книжку рассказов и 2-ое изд. «Гайаваты»[2]. Издает «Знание». Здесь после Москвы очень приятно — точно начало апреля в России. Приедет ко мне в конце января или в феврале Андреев с молодой женой[3], и тогда мы вместе отправимся в Крым. Напишите мне о себе — буду очень рад. Поклон Вашей матушке.

Сердечно любящий Вас
Ив.Бунин.

P.S. По городу всюду развешаны большие афиши, извещающие, что в «Южном обозрении» пишут отныне Горький и Чехов. Что это значит?![4]

592. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 или 13 января 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Крепко жму руку за добрые пожелания успеха. Посылаю Вам корректуру, — поправок совсем почти нет, — а кроме того, еще один рассказ «Фантазер». *Его нужно поставить 19-м №,* а 20-м будут «Сосны». «На край света», насчет которого я сомневался, — ставить или нет, — *решительно прошу поставить.* Относительно «Золотого дна» вопрос остается открытым[1]: был большой рассказ, я стал его сокращать, изменять, испортил — ибо не умею спешить — и колеблюсь: верно, оставлю его в покое: будет 20 рассказов — и довольно[2]. Ведь все

же книжка выйдет по величине приличная. Постараемся насчет второго тома! А если «Золотое дно» кончу — тотчас пришлю, и пойдет он последним, так что я Вас не задерживаю. Все это решится на днях. Нельзя ли мне присылать отпечатанные листы в 2-х экз. И корректуру тоже хорошо в ***2-х экз.*** Вместо предисловия, я хотел сделать маленькую сноску при оглавлении[3]. Но ведь неудобно оглавление ставить в начале книги? По-моему, решительно неудобно. Не сделать ли так: обложка, потом титул, после титула чистая страница, на которой посредине: «Рассказы», а на обороте *мелким* шрифтом — это предисловие в 4–5 строк. Так Маркс издавал Достоевского[4]. Посылаю проект всего этого[5]. На нем есть и порядок рассказов.

Заставки... и говорить нечего! Это такая детская старина, что если уж ничего нельзя поставить в <и>ном стиле и попроще (Боже сохрани от пейзажей в заставках!), поставим лучше что-нибудь из этих самое простое. Лучшая, по-моему, та, что на стр. 35-й.

——— • ———

Вот и все.

Когда рассчитываете выпустить книгу[6]? Не сообщите ли Ваш расчет поточнее?

Желаю Вам от всей души всего лучшего. У нас нежная весенняя погода и лунные ночи, как в Москве в конце апреля.

Ваш Ив.Бунин.

P.S. Будьте добры прислать и корректуру обложки, титула и оглавления.

593. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 января 1902. Одесса

15 янв. 1902.
Одесса, Софиевская, 5.

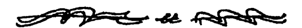
Многоуважаемый
Константин Петрович!

Я придаю значение заставкам, но откуда же их взять? Получил вчера от Вас[1] несколько листов с этими заставками и пометил (обвел круг пером) те из них, которые сносны. Но не будут ли некоторые широки, а некоторые коротки? Распределить, какую заставку к какому рассказу — не берусь, — все равно. (Ведь эти заставки должны стоять *в начале* рассказов?) Я поставил только на одной «№ 1-й» — эту, по-моему, надо поставить над «Перевалом», — она красивее других. Но затем вот главное: если эти заставки (их, кстати сказать, я отметил гораздо меньше 20, так что некоторые придется повторить) будут в начале рассказов, то что будет в конце? Если оставить некоторые из тех, которые уже поставлены в конце, то получатся очень разные стили. Например, в начале «Перевала» эта крепкая вязь (№ 1 заставка), а в конце какой-то

легкий свиточек с ландышами. Это не годится, по-моему. Ежели уж будете ставить что-либо из помеченного мною в начале рассказов, то в концы нужно будет что-нибудь другое, а не прежнее, — лучше всего самое простое: напр., так:

——— • ———

или:



Это, конечно, рисунки ребенка или дикаря, но Вы, надеюсь, поймете стиль.

А за всем тем — поручаю мою Музу и душу Вашему вкусу.

Ваш
Ив.Бунин.

Заставки посылаю бандеролью — только те два листа, на которых кое-что помечено.

594. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 января 1902. Одесса

Как где я? Конечно, в Одессе — и надолго[1]. Сюда шлют корректуру «Рассказов»[2]. Вы-то, господа, почему не пишете? Мне не о чем. Живу, наслаждаюсь весной, пишу, корректура. Вот и все. А из Москвы жадно жду вестей. Что же это Алекс<андр> Андр<еевич> со стихами-то? Скажи немедленно, пожалуйста. Жду корректуры[3]. Пиши, дорогой. Крепко целую.

Поклон Всем.

Софиевская, 5.
Твой И.Бунин.

595. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

29 января 1902. Одесса

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Не просматривать корректуру не могу. Лучше уж запоздаем. Корректора очень благодарю за внимание. Прилагаю его заметки с своими ответами[1]. Все первые 9 листов можно печатать. Завтра высылаю 10, 11 и 12. Заставки возвращу. Шлю еще рассказик — последний[2]. Крепко жму руку.

Ваш И.Бунин.

Одесса, Софиевская, 5.
29 янв. 1902 г.

596. А.А.КАРЗИНКИНУ

1 февраля 1902. Одесса

Дорогой Александр Андреевич! Тщетно жду корректуры. Что же Гербек над нами делает[1]? Добавлений к книге мне делать не хочется, и во всяком случае добавлений можно не ждать. Ведь если они и будут, то в конце книги. Присылайте корректуру — там видно будет, сделаю добавления или нет. Как поживаете и отчего никогда не напишете? Я сижу за корректурой рассказов и «Гайаваты»[2] и кое-что пишу. У нас весна. Новостей нет. Крепко жму Вашу руку и кланяюсь Вашим.

Душевно Ваш
Ив.Бунин.

Одесса, Софиевская, 5.
1 февр. 1902 г.

597. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 февраля 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Крепко и от всей души целую за великолепное письмо[1], милый и дорогой Митрич. Живу за корректурой. Адресы литераторов на редкость остроумны[2]. Стихов бери, сколько хочешь и какие хочешь[3]. Пиши, пожалуйста. Крепко жалею, что ты не творишь ничего[4]. Прочти-ка Михайловск<ого> о Тимковском[5]! Увидишь Собачий Домик[6] — скажи, что ругаю его на чем свет стоит! Будь здоров. Жене поклон, Андрюшу[7] целую.

И.Б.

598. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 февраля 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5.

Митрич! Горячо прошу о помощи в корректуре моей книги стихов[1]. Посылаю ее не в типографию, а тебе. Пусть Александр Андреевич извинит, что не пишу ему отдельно, ибо не тебя одного, но и его прошу об этой помощи в корректуре, и обоим Вам говорю: вручаю свою судьбу в Ваши руки, — посмотрите корректуру, измените, если можно, что-либо в ее внешности — даю Вам самые широкие полномочия, предоставляю Вам разрешить печатать и т.д., ибо посылать еще раз ко мне — это очень долго. А корректура меня сильно огорчила. Такой небрежно-говенной корректуры я еще не получал. Свинья Гербек! Прошу тебя, Митрич, после переговоров с Алек<сандром> Андр<еевичем> — отошли корректуру Гербеку заказной бандеролью или лучше — *с посыльным немедля* и потребуй и исправленный экз. и грязный — *тщательно* сверь — сделаны ли мои поправки и т.д. Не пишу подробностей, что надо сделать, ибо все это написано на корректуре, а остальное ты сам

увидишь и поймешь. Только, голубчик, не медли, будь внимателен и т.д. *Потом — как быть с рассылкой экз. для рецензий, в журналы и газеты?* Сделает ли это Гербек? Напиши об этом, да и вообще напиши поскорее. Вообще известий из Москвы мало. Что сие значит?

NB Шрифт оказался крупен, приходится ломать строки — как быть?

Затем Гербек набрал так, что в одних стих<отворениях> строчки расставлены на полдюйма, а в других — на четверть. Надо все одинако сделать и не лучше ли полдюйма, чем на четверть. Впрочем — *твоя воля и Ал<ександра> Андр<еевича>*. Хотел я, кроме того, добавить парочку сонетов — Гербек, оказывается, уже провел книгу через цензуру[2] — *значит, добавлять нельзя?*

Относительно твоей книги не понял: ты вновь печатаешь, или сдираешь обложку[3]? И зачем ты не сделал так, <как> мы советовали, — истребить обе книги и напечатать вновь избранное? Ах, М<итрич>, М<итрич>! Жаден ты! Относительно «южн<ных> газет» сделаем[4]. Только пришли всюду для рецензий: «Одес<ский> лист<ок>», «Одес<ские> нов<ости>» и «Южн<ое> обозрение».

Крепко тебя целую, кланяюсь А<лександру> А<ндреевичу> и всем твоим. Жду с нетерпением известий о книге.

Твой
И.Бунин.

Никаких, даже задаточных 50 р. Федоров не получал. Курнин — скот[5], и Федоров хочет написать о нем в газетах.

599. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 февраля 1902. Одесса

Дорогой Митрич, послал тебе корректуру «новых стихов»[1]. Теперь шлю тебе еще стихотворение «Чатырдаг» — вещь славная, которую мне весьма хотелось бы видеть в конце моей книги[2]. Посоветуйся с А<лександром> А<ндреевичем> немедленно и, если это не вызовет большой возни с цензурой, непременно передай этот «Чатырдаг» Гербеку, чтобы поставили в конец книги. Пусть лучше книга выйдет на неделю позднее из-за цензуры, но чтобы это стихотв<орение> было в книге. Если решишь ставить, будь добр сделать и другое: перепиши это стихотв<орение>, подпиши мою фамилию (Ив.Бунин) и отошли немедля в «Курьер» Фейгину. До выхода книги оно может пройти и в «Курьере»[3]. Если же вставить нельзя — не посылай и в «Курьер». Тогда все равно спешить некуда, напечатаю в журнале к<аком>-ниб<удь>.

Еще раз прошу — подумайте, как избежать ломания строк. Крупен, крупен вышел шрифт — горе!

Крепко тебя целую.

О французе похлопочу[4]. Досточтимой Е<лене> А<ндреевне> целую ручку за милое письмо.

Твой И.Бунин.

600. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 февраля 1902. Одесса

Дорогой Митрич! Великая просьба к тебе: если еще не поздно, поставь в моей книге «Новые стихотворения» заглавия над некоторыми стихотворениями[1]: над стихотворением «Стояли ночи северного мая...» — заглавие такое: «Элегия»; над стих<отворением> «Темный кедр растет среди долины...» — заглавие «Кедр»; над стихотворением «Полями пахнет...» — заглавие «Под тучей»; над стихотвор<ением> «Ищу я в этом мире сочетанья...» — заглавие «Ночь».

Кроме того: я уничтожил везде звездочки над стих<отворениями> без заглавий и черточки после стих<отворений> ввиду их безобразия. Прошу тебя решить: не возобновить ли, если будут черточки другие, и то и другое? *Дорогой, похлопочи обо мне!* Возобнови, если можно.

Был Андреев и уехал в Крым[2]. Я остался в Одессе до конца марта.

Крепко целую.

Твой И.Бунин.

Софиевская, 5.

601. И.А.БЕЛОУСОВУ

2 марта 1902. Одесса

Дорогой друг, отчего ты совсем не пишешь ко мне? Неужели ты объясняешь мое молчание как-нибудь дурно? Ты знаешь, какой я корреспондент, — да и мои новости вряд ли интересны тебе. А лично я живу обыкновенно — читаю, пишу, держал корректуру. Пробуду в Одессе до конца марта, потом в Крым, потом в Москву[1]. Пиши, дорогой, сообщи, как поживаешь. Поклон жене[2].

Твой И.Бунин.

Одесса, Софиевская, 5.

602. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

4 марта 1902. Одесса

Одесса, 4 марта 1902 г.
Софиевская, 5.

Многоуважаемый Константин Петрович! Чрезвычайно раскаиваюсь что беспокоил Вас своей просьбой[1]. Было 90 шансов из 100, что книга выйдет к Пасхе[2], когда мы с Вами виделись[3]; прося у Вас денег в средине февраля, я думал, что оно так и будет, — т.е. что америк<анское> изд. уже получено[4] и что в 2 месяца, остающиеся до Пасхи, можно выпустить книгу. Всех тех затруднений, о которых Вы мне сообщаете, я не знал. В условии сказано, что 500 р. д<олжны> б<ыть> уплачены при на-

чале печатания: *я* же думал, что для «Знания» не составит затруднения заплатить эти 500 р. на полмесяца раньше. «Дальше следует, — говорите Вы, — что до начала печатания д<олжен> б<ыть> доставлен оригинал в окончат<ельно> отделанном виде». Что ж, я и писал Вам, что могу выслать рукопись по первому требованию; я не думал, что нужно так строго держаться буквы условия. Пожалуйста, извините за эту ошибку. Главное же, что я могу сказать в свое оправдание, это то, что у меня и в помышлении не было *требовать* деньги, а тем паче заводить «препирательства». Не получая от Вас ответа в течение полумесяца, я телеграфировал конторе, чтобы так или иначе выяснить дело. Тон телеграммы был только телеграммный, если можно так выразиться, и я думаю, что контора не сочтет его грубым. Еще раз повторяю, что чувствую себя теперь весьма неприятно и извиняюсь и перед Вами, и перед конторой. Чек на 500 р. получил и благодарю Вас за них.

Послав Вам письмо с просьбой о деньгах, я снова сверял перевод с оригиналом, так что могу выслать его Вам. Высылать ли? Если можно, будьте добры сделать распоряжение выслать мне в Одессу *посылкой по почте* не 10 экз. «Рассказов»[5], а *25*. Остальные 75 экз. будьте любезны направить на имя *Юлия* Алексеевича Бунина в *Москву*. Арбат. Староконюшенный пер., дом Михайлова. Редакция «Вестника воспитания». Желаю Вам всего лучшего.

Ваш И.Бунин.

603. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

8 марта 1902. Одесса

Одесса, Софиевская, 5. 8 марта 1902 г.

Дорогой Николай Дмитриевич, не сердись, что навязал на тебя корректуру, — к кому же мне обратиться, как не к тебе? А<лександра> А<ндреевича> мне совестно беспокоить. А что касается твоей боязни не «угодить» мне, то это, конечно, глупости[1]. Вполне полагаюсь на тебя, и ругаться нам не придется. Только еще низкая просьба: посоветуй, ради Бога, *как быть с рассылкой экз. для рецензий?* По-моему, нужно послать очень много. Но *необходимо* следующее: «Вест<ник> Евр<опы>», «Р<усская> м<ысль>», «Мир Божий», «Р<усское> богатство», «Новое дело», «Вестник всемирной истории», «Новости», «Новое время», «Р<усские> ведомости», «Курьер», «Нов<ости> дня», «Нижегородский листок», в Самару, «Орловский вест<ник>», три одесские газеты[2], «Киевлянин», «Крымский курьер» (Ялта), «Образование»... вспомни еще что-нибудь необходимое. Чрезвычайно тебя прошу поговорить с Юлием — может быть, он возьмется разослать — *дай ему списочек,* — но он неаккуратен на просьбы донельзя. Поэтому говори горячо и нагло. Затем — надо же отдать книгу на комиссию. Я говорил с *«Трудом»* на Тверской — он согласен взять с удовольствием, но опять, кто это сделает? Ей-богу, ничего не придумаю, но даю Вам с А.А.Карзинкиным все полномочия распоряжаться как Вам вздумается. Паки и паки, Митрич,

прошу — уж постарайся. Затем — *как можно скорее вышлите мне хоть 10–15 экз. книги, остальные авторские отдайте Юлию.*

Каков формат книги? Неужели маленький? Это меня страшит.

Если еще можно, *вычеркни* из стихотворения ***«Сон-Цветок» четыре*** строки: «О когда бы я мог плакать в эти мгновенья» — и кончая словами: «молодого стремленья». Этот куплет глуп и плох и ненужен[3].

О тебе в «Новостях Одесских» напишет Федоров, в «Южн<ом> обозр<ении>» и «Листке» тоже попрошу непременно[4]. Штука твоя с Сытиным меня все-таки радует. Дай Бог осенью выпустить настоящее издание[5].

О французе говорили — здесь ничего нельзя для него сделать, честное слово. Поцелуй за меня ручку у милой Е<лены> А<ндреевны>, — прошу простить, что не пишу ей отдельно, а ее очень прошу мне написать. Она очень славно пишет.

Про «Мир Божий» ничего не знаю[6].

Федоров рад деньгам[7] и твоей похвале очень.

Затем: нельзя ли и мне сделать тоже на окне у Курнина, как он сделал тебе? Не купит ли он в «Труде» к Пасхе экз. 50–100? Тогда я напишу в «Труд», чтобы ему продали книгу не за 1 р. 25, а за 1 р. Или пришлю ему разрешение на такую удешевленную покупку через тебя. *Непременно поговори с ним об этом.*

Ну-с, еще что? Очень жалею, что не вижу «Сред». Всем-всем кланяюсь, а тебя крепко целую.

Шлю тебе и А<лександру> А<ндреевичу> рассказ[8].

Пиши скорее.

Твой душой Ив.Бунин.

604. А.А.КАРЗИНКИНУ

21 марта 1902. Одесса

Одесса, 21 марта 1902 г.

Дорогой Александр Андреевич! Очень прошу Вас извинить меня, что до сих пор я не выслал Вам мой долг — 800 р. «Знание» не рассчитало времени, потребного для исполнения 30 гравюр для «Гайаваты» и для разных других вещей, и, убедившись, что оно не может выпустить книгу к Пасхе, решило печатать ее летом[1]. По нашему условию, оно должно выпустить ее не позднее 1-го окт. тек<ущего> года и поэтому ни в каком случае *не позднее сентября* я уплачу Вам долг. Позволите ли отложить уплату до этого срока? Напишите мне[2], пожалуйста, в Ялту, на дачу Чехова. Напишите, как поживаете и не едете ли куда-нибудь? Митрич пишет мне о злодеяниях Гербека[3]... Когда-то освободит нас Бог от этого издания[4]! Нравится ли оно Вам? — 25-го марта уезжаю в Ялту[5].

До свидания в Москве, в апреле[6]!

Ваш Ив.Бунин.

Поклон Вашему семейству.

605. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 марта 1902. Одесса

21 марта 1902 г.

Жаль мне тебя, Митрич, и стыдно мне[1]... Но что же я могу сделать? Дай Бог тебе сил на одоление этого подлеца. Как выйдет книга, вышли мне, дорогой, хоть десять экз. или 20 в Ялту почтой. Жажду видеть книгу. В Ялту пиши на Чехова. Еду туда 25–27-го[2].

Книга твоя в «Од<есском> л<истке>» не получена[3]. В «Новостях» Федоров никак не может написать — там есть своего рода обидчивый Шулятиков — Геккер. Он напишет о тебе и о мне...[4] Просил написать одного господина и в «Юж<ном> обозр<ении>». Обещал[5]. Горячо тебе желаю успеха.

Относительно «Надежды»...[6] «Нет, Н<иколай> Д<митриевич>!.. Ты ошибаешься... красивая и тонкая штука!..» Не морщись, это не наглость, а просто искренность.

Передай письмо А<лександру> А<ндреевичу>[7]. Поклон супруге.

Сердечно любящий тебя
Ив.Бунин.

Телеграмму для Белоусова[8] послал Юлию[a].

606. А.П.ЧЕХОВУ

До 29 марта 1902. Одесса

Дорогой Антон Павлович! Рекомендую Вам подателя сего как человека вполне порядочного[1]. Я его не знаю, но это близкий человек С.И.Лысенко (бывший секретарь Черниговск<ой> земск<ой> упр<авы>), которому я безусловно доверяю и который просит меня об этой рекомендации. Желаю Вам всего лучшего, кланяюсь Вашей матушке.

Ваш душой Ив.Бунин.

607. А.П.ЧЕХОВУ

29 марта 1902. Одесса

Будем вторник[1] Бунин Нилус

608. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

20 апреля 1902. Ялта

Дорогой друг, погода все та же! Чувствую себя скверно. Как ты и семья? Поклонись жене, поцелуй ручку. Нилус уехал, не дописавши портрета — привезли Книппер больную[1].

---

[a] Приписано в начале письма.

Пиши мне, пожалуйста, на Чехова. А книгу *жду*[2] — пришлите прямо: Ялта, мне, без Чехова. Целую тебя. Поклон А<лександру> А<ндреевичу> и Софье Андр<еевне>.

Твой душой
И.Бунин.

Горький едет в Нижний[3].

20 апреля 1902.

609. С.А.НАЙДЕНОВУ

Апрель 1902. Ялта

Сергей Александрович! Поедем в Никитский сад[1]? Там дивно и две красивейшие в мире барышни. Поедем — очень просим. Поедет Софья Павл<овна>[2], ее сестра, Вы и я — в экипаже. Ждем ответа. Ехать думаем в 2–3 часа. Приходите к нам. Вернемся сегодня же.

Ваш И.Бунин.

610. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 мая 1902. Москва

6 мая 1902 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Более месяца тому назад послал Вам «Гайавату» с поправками и просил Вас написать[1], когда думаете приступить к печатанию. Снова прошу об этом же, чтобы мне заранее знать, в каком месяце придется читать корректуру (предполагаю летом проехаться кой-куда)[2]. Будьте также добры сообщить, как идут мои «Рассказы»[3]?

Завтра уезжаю домой, в деревню. Адрес: *Почт. ст. Лукьяново, Тульской губ.*, Ефремовского уезда. Где будете Вы летом? Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

611. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 мая 1902. Огневка

Митрич, дорогой, отдай или отошли Александру Андреевичу это письмо[1] как можно скорее: не знаю его адреса. (Сообщи, кстати сказать). Это уже последнее беспокойство по поводу этой злополучной книги[2].

Если будешь пересылать прилагаемое письмо по почте — пошли заказным. Боюсь, пропадет. Крепко тебя целую, кланяюсь жене. Напиши мне о себе — пожалуйста.

Твой душой
Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.
10 мая 1902.

612. И.А.БЕЛОУСОВУ

11 мая 1902. Огневка

Иванушка — не сердись, ради Бога. Я в Москве завертелся, а затем захворал и уехал больной[1]. Буду в Москве в начале июня. Пиши мне, ради Бога.

Твой душой Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.

613. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

19 мая 1902. Огневка

Послал тебе письмо вместе с письмом к А<лександру> А<ндреевичу>[1]. Почему молчишь? Как поживаешь? Очень желаю тебе здоровья и вдохновенья, кланяюсь Е<лене> А<ндреевне>. Думаю приехать к тебе в начале июня[2], а пока все-таки прошу написать[3].

Душой твой
Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.
20 мая 1902.

614. С.А.НАЙДЕНОВУ

23 мая 1902. Огневка

Дорогой Сергей Александрович, где Вы? Неужели все еще в Казани? Откликнитесь и расскажите про себя. Я в деревне, в полном одиночестве, исключая родных, кое-что пишу, читаю... Очень буду рад, если напишете.

Ваш
Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.
23 мая 1902 г.

615. А.И.КУПРИНУ

29 мая 1902. Огневка

Лукьяново, Тульск. губ.

Дорогой Вася, я не умею писать писем, за это бранят меня все. Разве ты не знал кое-каких новостей, ялтинских и одесских[1]? У Чехова была серьезно больна жена — скинула и захворала, — теперь поправилась, сам он ничего себе; Нилус писал с него портрет и не кончил, именно

из-за этой болезни[2] — будет кончать осенью... Одесские приятели пребывают все в прежнем состоянии и время мы проводили обычно, только больше обыкновенного гуляли за городом весной. Федореско[3] уехал на пароходе Добровольного флота во Владивосток... Но это ты, конечно, знаешь. Что же касается меня, то я уже писал тебе[4] — сижу в деревне и пишу. Зимой себя чувствовал старым и злым, теперь помолодел. Ей-богу, сейчас не помню — послал ли я тебе «Рассказы»[5]? Сообщи при случае — вышлю. «Нов<ые> стихотворения» не могу выслать пока еще потому, что их у меня еще нет: было в Москве экз. пять, я их послал критикам. Скоро буду в Москве, получу и вышлю. А что же твой роман[6]? Говорят, ты писал роман? И почему ты в Птб. и где же будет летнее времяпрепровождение? Не увидимся ли в Крыму осенью?

От души целую тебя и желаю здравия М<арии> К<арловне>. Почему ты ничего не написал мне о 50 р., которые я просил у «Мира Б<ожьего>»[7] и отчего и Ангел Иван<ович> об этом не пишет[8]? Очень нужны деньги. Напиши еще.

Твой И.Бунин.

29 мая 1902.

616. В КОНТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

2 июня 1902. Москва

2 июня 1902 г.

Очень прошу Контору сообщить мне, где Конст.Петр.Пятницкий или передать ему, если он в Птб., что я писал ему[1], прося ответить, когда он намеревается приступить к печатанию «Гайаваты» и когда я буду занят корректурой. Мне это нужно знать, чтобы распределить свое время и занятия.

Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, ред. «Вестника воспитания».

С почт<ением> Ив.Бунин.

617. М.П.ЧЕХОВОЙ

2 июня 1902. Москва

Дорогой друг, простите, что не писал. Сидел в деревне у своих и «творил». Теперь еду под Москву[1]. Адрес — Москва, Арбат, Староконюшенный пер., ред. «Вестника воспитания». Напишите, как живете, где (адрес) Ант<он> Павл<ович> с женой[2]. Пожалуйста, напишите — мне очень хочется о Вас знать хоть что-нибудь. Крепко целую Ваши ручки.

Ваш
Ив.Бунин.

2 июля 1902 г.

Не правда ли чеховский почерк?

618. С.А.НАЙДЕНОВУ

7 июня 1902. Малаховка

Получил Ваше письмо[1], Сергей Александрович, но где Вы теперь — не ведаю. Я сильно скучаю, но куда бы поехать? Не поедете ли на Мурманский берег или в Одессу покупаться? Или не дернем ли в августе за границу на купальный курорт куда-нибудь, где будет много женщин лежать в прибое? Серьезно, очень скучно и очень хочется «женских» впечатлений — хотя издали. Пишите *скорее,* буду ждать ответа. Под Одесской можем устроиться вдвоем дивно и будем *купаться* и баб там пропасть, и хорошая компания художников. Пишите так:

Москва, Чистые пруды, дом Терехова, кв. Телешова.

Жду с нетерпением ответа. Поедем под Одессу[2]! Не пожалеете.

Ваш Ив.Бунин.

Горячо желаю крепких вдохновений.

7 июня 1902.

619. С.А.НАЙДЕНОВУ

16 июня 1902. Малаховка

16 июня 1902 г.

Дорогой Сергей Александрович! Боюсь, что Вы уже уехали куда-нибудь. По Волге не поеду — некогда. Надо ехать в Одессу — купаться, а то тут холода собачьи. Возле моря жарко очень не будет. Славно будем купаться и писать! Предполагаю, что выеду из Москвы в Одессу дней через 10[1]. Если Вас застанет мое письмо — сообщите, ждать ли Вас сюда или нет, — ехать одному. В Одессе меня можно найти на 13-ой станции парового трамвая на Большой Фонтан, дача Климовича, кв. Буковецкого. Хорошо бы поселиться там вместе — и писать. Отвечайте.

Искренно любящий Вас
Ив.Бунин.

Москва, Чистые пруды,
д. Терехова, кв. Телешова.

620. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 июня 1902. Малаховка

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Спасибо за приятное известие о книге «Рассказов»[1]. Радуюсь, что она идет, но все-таки думаю, что если бы она вышла не к лету, куда было бы дело лучше! Кое-какие поправки я сделаю в ней непременно. — О «Гай-

авате» я спрашивал потому, чтобы точнее знать, когда придется быть занятым ею и чтобы, соответственно с этим, распределить свои другие занятия. Много пишу прозы. Был у себя деревне, теперь в гостях у Телешова в Бронницком у. Так как еще не знаю, когда уеду в Одессу, то адрес мой, на всякий случай, такой: Москва, Чистые пруды, дом Тереховой, квартира Телешова, мне. Заказные — *прямо на имя Телешова* (Николай Дмитриевич), по этому адресу, — он мне перешлет. А то может случиться, что я уеду и как я тогда получу заказное? Получили ли Вы мой «Листопад»[2]. Шлю Вам только что вышедшие «Новые стихотворения»[3] и крепко жму Вашу руку.

Ваш
Ив.Бунин.

17 июня 1902 г.

621. А.М.ГОРЬКОМУ

27 июня 1902. Москва

Дорогой Алексей Максимович! *Весною Вы предлагали мне* скупить у «Скорпиона» «Листопад» и издать в «Знании». Очень мне улыбается эта мысль, и Вы оказали бы мне большую услугу, если бы помогли мне в этом деле. Пишу об этом и Константину Петровичу[1], говорю то же самое и Вам. Дела мои с изданиями стихов обстояли до сих пор из рук вон. Все издания «Скорпиона», не имеющего ни конторы, ни агентов, лежат в спальне Полякова, как он сам мне сказал. «Но<вые> стихотв<орения>» изданы всего в *500* экз. и находятся в «Труде» как моя собственность. Взявши из этих *двух* книг избранные стихотв<орения>, можно было бы выпустить к концу осени славную книжечку[2]. Вы знаете, что репутация моя как поэта недурна, рецензии бывали великолепные, называли стихи «классическими» и достойными хрестоматий[3] — и все-таки дела мои с изданиями стихов — швах! Если бы издало их «Знание», получилось бы, наконец, нечто серьезное, в особенности, если принять во внимание, что оно выпустило «Рассказы» и выпустит «Гайавату»[4]. Несколько книг, выпущенных почти одновременно одной фирмой, помогали бы друг другу и увеличили бы значительность авторской физиономии. «Листопад» я скуплю[5], «Нов<ые> стих<отворения>» к концу осени пройдут, я выберу из этих двух книг лучшие вещи для издания «Знания» строго и добавлю, кроме того, десятка два новых стихотв<орений>, которые появятся нынешней осенью в журналах[6]. Очень прошу Вас, Алексей Максимович, подумать об этом. На какие угодно условия я заранее согласен, могу отдать Вам книгу без всякой предварительной платы. Шлю Вам «Листопад» и неск<олько> экз. «Новых стихотворений». Кланяюсь Ек<атерине> Павл<овне> и очень прошу Вас ответить мне. Уезжаю в Одессу[7] — дождь льет непрерывно — купаться. Напишите туда.

Одесса, 13-ая ст. трамвая, на Большой Фонтан, дача Климовича, Евгению Иосифовичу Буковецкому для меня.

Лучше заказным.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

27 июня 1902 г.

622. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

27 июня 1902. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович!

На днях мы толковали с Н.Д.Телешовым об издании его рассказов, и Ник<олай> Дм<итриевич> попросил меня написать Вам следующее: не издадите ли эти рассказы Вы[1] — на условиях, какие для Вас будут удобны — или купив у него книгу, или же за его счет, причем Н<иколай> Д<митриевич> может расходы по печатанию уплатить сам, а книга останется у Вас, и будет продаваться, давая Вам обычный ком<мерческий> процент. Книга будет состоять из избранных рассказов тех двух книг, которые Телешов уже выпускал у Сытина: «На тройках» и «Повести и рассказы»[2]. Первая из них была издана 8 лет тому назад и разошлась, вторая — 99 г. в кол<ичестве> 2000 экз., причем 1000 экз. продана, а 1000 Н<иколай> Д<митриевич> купил обратно у Сытина. Теперь Н<иколай> Д<митриевич> берет из этих двух для новой книги материал стр. на 375 и прибавит сюда еще два новых рассказа, посылая Вам для просмотра сытинск<ие> издания. Будьте добры ответить что-либо по этому делу или мне, или прямо Телешову (Николай Дмитриевич). Адрес его — Москва, Чистые пруды, д. Терехова.

Затем позволяю себе беспокоить Вас еще и своими делами.

Во-первых — относительно стихотворений. Алексей Максимович нынешнею весною два раза заводил со мною разговор о том, чтобы я издал в «Знании» свои стихотворения[3]. Я очень рад этому, ибо, если бы «Знание» издало их, то оно оказало бы мне большую услугу. Дела мои с изданиями стихов обстояли до сих пор нелепо. «Листопад» издал «Скорпион» (два года тому назад), имеющий печальную репутацию и не имеющий ни конторы, ни серьезных связей с книжными магазинами, ни охоты распространять своих книг. Все книги, как со смехом сказал мне сам Поляков, ведущий скорпионьи дела, лежат у него в «спальне». Даже в редакции для отзывов я должен был послать книгу сам. Что же касается «Новых стихотворений», то они изданы в количестве всего *500 экз.*, которые и находятся в «Труде» как моя собственность. Думаю, что к тому времени, когда выпустили бы мою книгу (*составленную из избранных стихотворений этих двух книг и некоторых новых*) Вы, — т.е. к концу осени, — «Нов<ые> стихотворения» пройдут, а «Листопад», что осталось у «Скорпиона», я куплю. Очень прошу Вас, Константин Петрович, подумать об этом издании и поговорить с Вашими товарища-

ми. Репутация моя как поэта очень недурная, рецензии, которые были о «Листопаде» чрезвычайно хвалебные[4]. Посмотрите хоть апрель «Мира Б<ожьего>» за прошлый год, или отзыв Дегена. Называют «Листопад» и мн. др. стих<отворения> «классическими», много раз говорили, что многие мои вещи должны войти в хрестоматии, и все-таки дела мои с изданиями стихов до сих пор были никуда не годными! Не для хвастовства говорю это, Константин Петрович. Ваше издание произвело бы совсем другое впечатление, в особенности если принять во внимание, что Вы выпустили мои «Рассказы» и выпустите «Гайавату». Несколько моих книг, выпущенных почти одновременно одной фирмой, будут сильно помогать друг другу и давать автору физиономию.

На *все Ваши условия я заранее согласен.* Если угодно — возьмите книгу без всякой предварительной платы, я согласен получать только небольшой процент с того, на сколько будет продано.

Второе дело — второй томик «Рассказов». Могу ли я рассчитывать, что Вы его возьмете[5]? Он будет состоять почти исключительно из новых вещей, которые я напечатаю в разных журналах нынешней осенью. Выпустить его я думаю к Рождеству.

Буду ждать Вашего ответа по этим делам. Торопиться пока еще некуда, но все-таки подумайте об этом. Посылаю Вам еще несколько экз. «Листопада» и «Нов<ых> стих<отворений>» — может быть, понадобятся для Ваших товарищей.

Ваш
Ив.Бунин.

Адрес мой: Одесса, 13-ая станция трамвая на Большой Фонтан, дача Климовича, квартира Евгения Осиповича Буковецкого[a].

623. И.А.БЕЛОУСОВУ

29 июня 1902. Киев

Киев, 29 июня 1902 г.

Дорогой Иванушка, очень жалею, что так и не видел тебя. В дни, в которые ты звал меня, я никак не мог попасть. Много работал, кое с чем спешил, — напр., для «Рус<ской> мысли», которой дал на июль рассказ и стихотворение[1], — а кроме того, увлечен писанием драмы[2]. Дело идет, слава Богу! Ну-с, а засим уехал и вот, сидя на вокзале, пишу тебе, шлю поклон и тысячу просьб: *1.* Сообщи мне, сколько я тебе должен. *2.* Сообщи, что такое «Правда»[3], кто сотрудники, серьезный ли это журнал, и будут ли платить. Поподробнее. *3.* Сообщи о судьбе «Курьера». Скажи Андрееву, как вернется, что ежели «Курьер» возродится — рад писать[4]. Скажи непременно. *4.* Будь добр — напиши где-нибудь заметочку о моих «Новых стих<отворениях>»[5], о том, что вот, мол, и «Рас-

---

[a] Адрес приписан в начале письма.

сказы», т. 1-й, вышли и «Гайавата» в издании «Знания» выйдет в сентябре[6]. (С «Рассказами», брат, повезло — 3000 уже прошли!!). *5.* Устрой же, пожалуйста, дело с моей карточкой[7] и *6.* Сообщи адрес Махалова: вышлю ему книги. Слышал от Митрича[8], что он переменил квартиру (т.е. Махалов-то, а не Митрич). Вот, кажись, и все. Еду в Одессу купаться. В Киеве солнечно, но для июля прохладно. Вспоминаю тебя. Пиши мне так: Одесса, 13-ая станция трамвая на Б<ольшой> Фонтан, дача Климовича, кв. Буковецкого. Крепко тебя целую и желаю всяческих благ. Жене поклон.

Твой душой
Ив.Бунин.

624. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

29 июня 1902. Киев

Кажется, забыл сообщить тебе свой адрес:

Одесса, 13-я ст. трамвая на Б<ольшой> Фонтан, дача Климовича, кв. Буковецкого.

Целую.

И.Бунин.

625. В.М.ЛАВРОВУ

7 июля 1902. Одесса

7 июля 1902 г.
Одесса.

Многоуважаемый Вукол Михайлович!

Очень прошу Вас поставить в *августовск.* кн<игу> «Р<усской> мысли» прилагаемое стихотв<орение>[1]. Чтобы ускорить дело, я посылаю другой экз. этого стихотворения прямо в «Р<усскую> мысль», в Москву. Будьте добры написать туда, если возьмете стихотворение, чтобы его отдали в набор и — очень прошу — заплатили мне за него вперед, т.е. выслали мне (*Одесса, 13-ая станция трамвая на Б<ольшой> Фонтан, дача Гернета, Ивану Алексеевичу Бунину) 15 р. 50 к.*, причитающиеся за это стихотв<орение>, *плюс* то, что я не добрал за рассказ и стихи в июльск. книге[2]. Очень прошу Вас написать об этом поскорее. Жду ответа. На сент. пришлю рассказ[3].

Желаю Вам всего лучшего, шлю поклон Вашей супруге[4].

Ваш Ив.Бунин.

626. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

1 августа 1902. Ялта

Целую тебя и всем кланяюсь. Буду в Огневке в начале августа.

Ив.Бунин.

627. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

2 августа 1902. Севастополь

Дорогой Митрич, прости, что не писал — не о чем было. Пятницкий до сих пор молчит, что я считаю хорошим признаком: верно послал относительно издания твоих рассказов опросы пайщикам. Теперь буду в Ялте докупываться в море[1]. Пиши *на Чехова,* пожалуйста, пиши — не сердись на меня. Целую тебя и кланяюсь супруге.

Твой душой

И.Бунин.

628. М.П.ЧЕХОВОЙ

2 августа 1902. Севастополь

2 авг. 1902 г.
Севастополь.

Сижу на приморском бульваре в Севастополе, на скамеечке у самой воды, которая шумит и полощется, прямо против солнца, спускающегося к морю, против нестерпимо блестящей полосы по морю, в желтоватом вечернем освещении, обвеваемый ласковым ветром с моря. Второй день, то есть с самого отъезда из Гурзуфа[1], до физической боли тоскую. Опять я в пути, в своем бесконечном пути, и так как и вчера, и сегодня нет поблизости ни одного более или менее родного человека, хочется плакать от одиночества. Впрочем, этих близких людей у меня на всем свете не более десяти. Вы одна из них, и вчера я даже хотел снова проехать к Вам в Гурзуф провести вечер, так как было страшно одиноко, а мне так грустно за последнее время! Мафочка, крепко целую Ваши ручки, вспоминаю Вашу милую мазанку среди камней в Гурзуфе и прошу Вас немного пожалеть меня[2а].

Ваш И.Бунин.

Адрес — Лукьяново, Тульск. губ.

629. И.А.БЕЛОУСОВУ

После 2 августа 1902. Севастополь

Милый Ванюша, прости, что не писал. Не о чем было. Жил и купался, но с перерывами и посему поселяюсь до начала сентября в Ялте[1]. Пиши, дорогой! В начале сентября буду в Москве[2]. Целую.

Твой Ив.Бунин.

Пиши на дачу Чехова.

[а] Далее зачеркнуты карандашом четыре с половиной строки, вероятно, М.П.Чеховой.

630. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

9 или 10 августа 1902. Огневка

М. г.! В 201 № «Крымск<ого> курьера» я с великим изумлением прочитал заметку, перепечатанную из «Одесских новостей», о моей истории на черноморском пароходе «Св. Николай»[1]. В заметке этой сказано: «*Внушительной* наружности господин, взяв билет 1 класса, вошел в особую каюту и раздевшись там *до полного дезабилье,* в таком виде спокойно перешел в кают-компанию, где и стал расхаживать, к величайшему изумлению дам и барышень. На замечание капитана, что костюм господина противоречит *элементарным* требованиям приличия, тот ответил: "Не можете же вы мне предписывать здесь носить одежду определенной формы. Мне жарко, я и ношу более легкую одежду". Перейти в свою каюту или одеться господин настойчиво отказался. Ввиду этого администрация парохода вынуждена была обратиться к содействию портовых властей. Как только составлен был протокол, *внушительный* господин, оказавшийся орловск<им> помещиком, дворянином И.А.Буниным, тотчас же поспешил в свою каюту и вскоре снова явился в кают-компанию, уже одетый в элегантный черный костюм». — Что сей сон значит? Заметка эта — дикий и непонятный для меня вздор. Дело было так. Было чрезвычайно жарко, и я снял у себя в каюте пиджак, надел широкий черный пояс и выйдя *на палубу,* сел там на корме, на канатах. Сорочка на мне была не ночная, а цветная, английская, крахмальный воротник завязан длинным галстухом. Значит, я был в костюме, обычном, напр., на лаун-теннисе. Капитан подошел и сказал: «Это костюм неприличный, прошу одеться». Я попросил его не учить меня приличиям. Тогда он повторил уже раздраженно: «Это костюм *дачный.* Здесь он неуместен». Рассерженный начальственным тоном, обычным у нас на ж.д. и пароходах, я спросил: «Значит, в пароходных правилах есть параграф о костюмах? И что полагается делать с людьми, у которых нет приличных костюмов? Представьте себе, что у меня нет пиджака, что я бедняк, рабочий и т.д.» — «Параграфа такого нет, — возразил капитан, — а если бы вы были рабочий — вам место в III кл. Прошу одеться, иначе будет протокол». — «В таком случае, я оденусь только после протокола, — ответил я, — а на вас за превышение власти напишу жалобу». И когда протокол был составлен, надел серый пиджак, превративший мое «полное дезабилье» в «элегантный черный костюм».

Приличия, конечно, вещь спорная, и я бы не стал писать письма, если бы дело шло только о приличиях. Но «полное дезабилье»... В «полном дезабилье» мог ходить по кают-компании только пьяный самодур или сумасшедший! За что же оскорбляют меня газеты? Очевидно, репортер, пустивший про меня оскорбительную выдумку, легкомысленно перепечатываемую газетами, писал с чужих слов. Иначе быть не могло, — ибо откуда он взял, например, что у меня, — худощавого человека среднего роста, — «внушительная наружность»?

Ив.Бунин.

P.S. Прошу газеты перепечатать это письмо[2].

631. М.П.ЧЕХОВОЙ

11 августа 1902. Огневка

Дорогая Марья Павловна, я так и знал, что Вы не поймете меня относительно «десяти»[1]. Я говорил о близких людях, а не о женщинах, и напрасно поэтому Вы так ядовито вспоминаете мою фразу о сингалезках[2]. Да, впрочем, в письме этого не объяснишь. В Ялту я, вероятно, уже не приеду раньше конца сентября — и писать надо, и маме нездоровится. Поэтому — до скорого свидания в Москве[3]. Напишите, когда будете там. Я заверну туда скоро. История с «дезабилье» очень взволновала меня[4]. Я так и ахнул! Ведь подумайте — это не шутка — «полное дезабилье»-то! И что теперь делать? Очевидно, репортеру «Одесс<ких> новостей» кто-нибудь налгал из служащих на пароходе. Послал в 3 газеты опровержение[5]. Но, повторяю, эти негодяи пошутили со мною чересчур зло.

Крепко целую Ваши ручки, дорогая моя, и прошу поклониться всем Вашим. Адрес мой прежний — Лукьяново, Тульск. губ.

Эпиграфом снова был очень тронут[6].

Ваш душой

Ив.Бунин.

11 авг. 1902 г.

632. С.А.НАЙДЕНОВУ

31 августа 1902. Москва

Дорогой С<ергей> А<лександрович>, где Вы? Я приехал на минутку в Москву и скоро снова буду в Москве — в конце сентября[1]. Очень хочется увидеться. М.б., на самое гнусное осеннее время мы бы уехали куда-нибудь? Откликнитесь: *Лукьяново, Тульск. губ.*

Ваш Ив.Бунин.

633. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 сентября 1902. Москва

Москва, 12 сент. 1902 г.

Многоуважаемый

Константин Петрович!

Не будете ли добры сообщить, выйдет ли «Песнь о Гайавате» к сроку, назначенному нами в условии — к 1-му окт. 1902 г.[1] Я писал Вам за лето три раза и не получал никакого ответа[2]. Адрес мой — Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, редакция «Вестника воспитания». Пробуду в Москве долго.

С уважением

Ив.Бунин.

634. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

30 октября 1902. Москва

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Посылаю г. Боголюбову 12–18 листы «Рассказов»[1], 2 листа «Стихотворений»[2] и на Ваше имя — часть корректуры «Гайаваты»[3]. На все вопросы г. Боголюбова я ответил[4]. Заголовки стихотворений, действительно, надо набирать шрифтом заголовка «Осенняя песня». Будьте добры поторопить выход в свет «Рассказов».

Ждем в Москву Алексея Максимовича[5]. Весьма возможно, что приеду с ним в Птб.[6].

Ваш
И.Бунин.

30 окт. 1902 г.
Москва.

635. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

16 ноября 1902. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович,
посылаю Собко второй лист «Гайаваты»[1], который я взял с собою из Птб. Как и следовало ожидать, типография снова напутала. Исправив, типография пришлет Вам этот лист для подписи. *Горячо Вас прошу — присылайте мне следующие листы для окончательного просмотра.* Поправок теперь совсем почти не буду делать.

Как дела с предисловием?

Посылаю Вам выписки из рецензий о 1-м изд. «Гайаваты» для рекламного объявления[2]. Книга «Стихотворений» уже вся прочитана и подписана мною[3]. Будьте добры выпустить ее поскорее. Вышло всего 14 1/2 листов. Я немного выкинул. А представлял я Вам рукопись на 232 стр. Ничего, что я выкинул[а] чуть-чуть и некоторые стих<отворения> напечатал сжатее? Для книги стихотворений 14 1/2 листов вполне достаточно. Если можно, не назначайте, пожалуйста, цену ниже рубля[4]. Поклон А<лексею> М<аксимовичу>.

Ваш Ив.Бунин.

16 ноября 1902 г.

Если будет предисловие Алек<сея> Макс<имовича>, надо это вставить.

[а] Далее зачеркнуто: 10?

Изд<ание> Т<оварищест>ва «Знание». СПб. Невский, 92.

Генри Лонгфелло

Песнь о Гайавате.

Полный перевод с английск<ого>, в стихах

Ив.А.Бунина

Иллюстр<ированное> изд<ание> с портретом автора, _____ рисунками в тексте и _____ отдельными автотипиями американск<ого> художн<ика> Фр.Ремингтона. Учен<ым> комит<етом> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения> рекомендовано в уч<ебные> библ<иотеки> средн<их> учебн<ых> заведений и включено в каталог кн<иг>, допущенных в беспл<атные> библ<иотеки> и читальни.

Отзывы печати о первом издании:[a]

636. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

Начало декабря 1902. Москва

Многоуважаемый
Константин Петрович,

посылаю Вам фотогравюры с надписями (не сделана только одна, — на первой фотогравюре, — будьте добры сами надписать, она относится к стр. 8-ой). Отослал Собко корректуру 7 и 8-го листа[1]. Исправив, их можно печатать. *Больше корректуры мне совсем не присылайте.* После 8-го листа я имел корректуру в гранках и, прочитав эти гранки, я отослал их Собко. Можно верстать и печатать без моей подписи. Очень прошу только корректора быть повнимательней. *Короче сказать, мое дело кончено.* У меня остаются только 2 последние главы в гранках. Завтра я отошлю и эти гранки. *Верстайте и печатайте и их без моей подписи.* Через день, через 2 получите словарь индейских слов и оглавление.

Очень прошу Вас как можно скорее распорядиться, чтобы мне выслали хотя по 5–10 экз. 2-го изд. «Рассказов» и «Стихотворений»[2].

Желаю Вам всего лучшего.

Ваш
Ив.Бунин.

637. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 декабря 1902. Москва

Многоуважаемый
Константин Петрович,

пожалуйста, простите. Нездоровится чрезвычайно — ни сна, ни аппетита. На днях уезжаю на юг[1]. Очень прошу простить и за «Манфреда»[2].

---

[a] Далее лист отрезан.

Переделываю коренным образом, — перевел очень болтливо. Зато теперь выходит очень хорошо. Сегодня виделся с Алексеем Максимович<ем> и просил у него отсрочки до последних чисел декабря. Он вполне соглашается. *Что скажете Вы?* Ведь если бы я теперь представил — все равно вот-вот праздники. Если представлю к 1-му января — когда может выйти? Вещь небольшая, корректуры не будет. *Очень прошу Вас ответить немедленно* — мне очень совестно и тяжело.

Будьте снисходительны.

Ваш
Ив.Бунин.

Посылаю гранки, словарь и список рисунков, — т.е. подробное оглавление[3].

15 дек. 1902 г.
Москва.

638. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 декабря 1902. Москва

Прощай, Н<иколай> Д<митриевич>! Еду в Одессу: Софиевская, 5. Поклон жене.

И.Бунин.

23 дек. 1902.

639. М.П.ЧЕХОВОЙ

23 декабря 1902. Москва

Красив?.. Целую Ваши ручки, кланяюсь дорогому Ант<ону> Павл<овичу> и Евг<ении> Як<овлевне>, очень прошу написать мне[1]. Еду в Одессу с Найденовым: Софиевская, 5.

23 дек. 1902 г. Ваш И.Бунин.

640. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

30 декабря 1902. Одесса

Одесса, Крымская гостиница,
у Сабанеева моста.
30 дек. 1902 г.

Многоуважаемый Константин Петрович, я действительно написал Вам, что *все* отправлено[1], но именно в последнюю минуту перед отправкой перечня я и убоялся, не наврал ли в нем, и написал Вам просьбу не ставить его[2]. Очень жалею, что взялся переводить этот злополучный перечень[3], тем более, что это не входило в круг моих обязанностей. От трудностей в переводах, конечно, нельзя уклоняться, но ведь от трудностей в переводе «Песни» я и не уклонялся. Что же касается перечня,

то его трудности оказались трудностями совершенно особого рода. Я безусловно виноват в том, что взялся перевести его, не ознакомившись с ним хорошенько, что я задержал его и наделал и Вам и себе больших неприятностей. Но все-таки Вы не совсем правы, написав мне так резко[4]. Во-первых, я чувствовал себя в Москве очень-очень скверно (а в данную минуту и того хуже, — я болен инфлуэнцой и, ей-богу, едва сижу за столом), во-вторых, я не думал, что Вы придаете перечню такое значение, а в-третьих, я на перевод этого перечня потратил вовсе не 2–3 часа, а несколько дней. Я был у двух англичан, доставал специальные словари, читал перечень с географом (Синицким[5]) и все-таки ничего не добился. До каких же пор мне было бегать по Москве? И с какими глазами я явился бы беспокоить незнакомого человека, — напр., старика Анучина[6]?

Получив Ваше письмо, я снова был у англичанина Макклиланда и снова более 5 часов рылся с ним по словарям и снова не добился почти ничего. Но, исполняя Вашу просьбу, все-таки посылаю перечень. Очень прошу Вас — обойдитесь, если можно, без этих проклятых названий индейских племен. Я вписал их в перечень и переписал его, но повторяю — за верность начертаний по-русски этих названий я не ручаюсь. Например: «Papago ing». Ing — значит кувшин, Papago — Папаго — название племени. Как сказать: Кувшин Папаго, Папагов? Неужели нельзя оставить одно слово — кувшин, ибо кому какое дело, что это кувшин именно племени Папаго, а не Дакотов?

Короче сказать, будьте добры, получив перечень, взять «Гайавату» и прочитать перечень, глядя на рисунки. Читая, будьте добры сделать следующее: во 1) поставить в некоторых главах (там, где я оставил пустое мне и на полях написал *NB*) строчки стихов, которые напечатаны на папиросной бумаге, закрывающей фотогравюры: я некоторых не запомнил[а]; в 2) обратить внимание на слова, *подчеркнутые мною карандашом два раза:* это названия инд<ейских> племен, главное, что смутило меня; не согласитесь ли их выкинуть? и в 3) обратить внимание на слова, *подчеркнутые карандашом один раз:* это сомнительные места. Они наперечет: 1) Прибор для добывания огня, стр. 7 в гл. I. В подлиннике: Firestick. Я перевел вольно. 2) Стр. 28 в гл. III, стр. 101 в гл. X, стр. 134 в гл. XIII, стр. 162, стр. 166 и стр. 169 в гл. XVI, стр. 195 и 198 в гл. XIX, стр. 201 в гл. XX, стр. 219, 223 и 224 в гл. XXII и стр. 235 и 238 в «Словаре». Во всех этих местах в подлиннике стоит слово Pottery, что значит — *гончарное изделие.* Не видя рисунков, я кое-где писал *горшок,* а кое-где — *утварь.* Может быть, в некоторых местах нарисованы не горшки, а миски или кувшины? Будьте добры поглядеть рисунки. 3) Стр. 81 в гл. VIII. Здесь в подлиннике стоит слово Olla. Я не знаю, какое это слово: если английск<ое>, то оно значит — *«пальмовый лист, приготовленный для письма»,* если латинское — то это значит — *«горшок».* Что на рисунке? 4) Стр. 131 в гл. XII — Барабан

[а] Далее зачеркнуто две строки.

знахарей. Не бубен ли? 5) Стр. 132 в гл. XIII. В подлиннике: Tepee or lodge, что значит: «Типи» (американск<ое> слово — маленьк<кий> вигвам) или жилище». Я перевел — вигвам. Не шалаш ли? 6) Стр. 155 в гл. XV — барабан. Не бубен ли? 7) Стр. 192 в гл. XIX: «двойной шарик» и т.д. Верно ли? 8) Стр. 200 в гл. XX. В подлиннике: «Plains Indian *grave*». Я оставил одно слово: *могила*. Верно ли? (Grave — могила). 9) Стр. 210 в гл. XXI. В подлиннике — Image, что значит — изображение, картина, икона. Я перевел *идол*. Верно ли?

Наконец, есть несколько мест, которых никто из тех, к кому я обращался, не мог перевести. Я подчеркнул их красным карандашом. Вот эти места:

1. Стр. 25 в гл. III. Coup-stick stone shrunken on rawhide?
2. Стр. 138 в гл. XIII. Опять непонятное слово *Coup-stick*.
3. Стр. 141 в гл. XIII. Metat — слово, которого мы не могли перевести.
4. Стр. 148 в гл. XIV. Непонятное слово — Wenbaja. В подлиннике сказано: Wenbaja or hide dresser, что значит: *Wenbaja или выделыватель кож*. Что нарисовано? Инструмент или человек? Я написал — инструмент.
5. Стр. 149 в гл. XIV. A Plains Indian grave, Tree burial[a]. За верность перевода этой фразы не ручаюсь. Особенно непонятно — Tree burial. *Tree* значит дерево, *burial* — похороны.

и 6. Стр. 197 в гл. XIX. Tree graves. За верность перевода опять не ручаюсь. Tree — дерево, graves — могилы.

Не будете ли добры объяснить эти рисунки как-нибудь иносказательно? А меня очень прошу простить — больше я ничего не могу сделать.

Ваш Ив.Бунин.

641. С.П.БОГОЛЮБОВУ

15 января 1903. Одесса

Многоуважаемый Семен Павлович!

Спасибо за книги[1]. Нынче надеюсь их получить. Только уж очень мало их, особенно «Стихотворений». Мне нужно много разослать их. Пришлите, если можно, еще штук 25 «Стихотворений» и штук 10 «Рассказов». Кроме того, если можно, пошлите по редакциям газет и журналов для отзывов не только «Стихотворения» и «Гайавату», но и 2-ое изд. «Рассказов». Пожалуйста. Адрес мой — Крымская гостиница у Сабанеева моста, Одесса.

Желаю Вам всех благ.

Ваш И.Бунин.

Одесса, 15 янв. 1903 г.

---

[a] Далее зачеркнуто полторы строки.

642. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

15 января 1903. Одесса

Напиши, пожалуйста, как живешь, как семья, какие новости. Грех, Митрич, так бесстыдно молчать. О себе что сказать? Жив, хвораю, погода в Одессе дурная...

Крепко тебя целую.

Твой И.Бунин.

Софиевская, 5.
15 янв. 1903 г.

643. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

16 января 1903. Одесса

Одесса, Крымская гостиница.
(у Сабанеева моста). 16 янв. 1903 г.

Многоуважаемый Константин Петрович!

Я непрерывно хвораю, совершенно не в состоянии работать, на чем настаивают и доктора, и потому до сих пор — с того времени, как писал Вам о «Манфреде»[1] — не брал пера в руки. Мысль, что я невольно обманул Вас, гнетет меня, но делать нечего. С самого приезда в Одессу я болел инфлуэнцей, которая окончательно истомила меня. Теперь мне вспрыскивают мышьяк, назначили самый регулярный образ жизни, — результатов пока мало. Остается надежда на главное — на теплые солнечные дни, которые уже начались. И если это поможет — я тотчас же примусь за работу и пришлю Вам «Манфреда». Если же я буду все так же слаб и подавлен, я уеду в Константинополь или за границу, где теплее, и буду продолжать жить чисто растительной[a] жизнью. Тогда не взыщите, — раньше мая, июня, вероятно, не смогу прислать «Каина»[2] и «Манфреда», ибо присылать вещь, сделанную кое-как невозможно. Очень прошу Вас не сердиться на меня, — поверить мне и войти в мое положение.

Истощился и кошелек мой: если можно, пожалуйста, пришлите рублей 400–500. По моему счету, я имею за «Знанием» еще 750 р. Только пришлите поскорее и напишите мне[3], — снимите с меня тяготу разных удручающих мыслей.

Ваш Ив.Бунин.

P.S. Не будете ли добры приказать выслать мне 1 экз. «На дне»[4]?

---

[a] Далее зачеркнуто: пищей.

644. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

19 января 1903. Одесса

19 янв. 1903 г.
Одесса.

Многоуважаемый Константин Петрович, вчера ночью я получил из Новочеркасска телеграмму[1], извещающую о болезни матери[2], и теперь еще более нуждаюсь в деньгах. Пожалуйста, вышлите поскорее рублей 500[3]. Вышлите *на мое имя в Одессу, Крымская гостиница.* Буду ждать денег в Одессе. Если же мне придется экстренно выехать отсюда, я пошлю Вам телеграмму следующего содержания: «Вышлите деньги Владимиру Павловичу Куровскому, Софиевская, 5. Одесса». Тогда он получит деньги без меня и перешлет мне их.

Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Ив.Бунин.

645. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 февраля 1903. Новочеркасск

Новочеркасск, Биржевая ул.,
дом Пашкова, кв. Ласкаржевского —

вот где я[1]. Напиши, пожалуйста, что-нибудь о себе, о семье и литературных дрязгах. Что «Среды»? Что значит присутствие на них Брюсова, этого высокомерного болвана, так нагло отделавшего меня в «Новом пути» под фамилией «Аврелий» (Валерий?)[2]?

Едучи сюда, послал А<лександру> А<ндреевичу> и Е<лене> А<ндреевне> стихи простой бандеролью. Дошли ли? Что твоя книга[3]? Пишешь ли? Я хвораю и читаю. Пробуду здесь... не знаю, сколько. Пиши, милый, пожалуйста. Поклон «Среде».

Твой Ив.Бунин.

9 февр. 1903 г.

646. А.М.ФЕДОРОВУ

9 марта 1903. Москва

9 марта 1903.

Федореско, где ты?.. Третий раз пишу[1]. Отвечай немедленно — обо всем. Как здоровье Л<идии> К<арловны>? Собираемся с Найденовым за границу[2]. Зверски хочется в Ерусалим. Но Найденов и думать боится о море! Неужели ты засел в Одессе надолго? Говорил с Пятницким о «Свете Азии»[3]. Говорю — очевидно, не издадите, скажете? Нет, говорит, это еще не решено. Пиши, дорогой. Крепко целую.

Ив.Бунин.

647. С.А.НАЙДЕНОВУ

16 марта 1903. Москва

Дорогой друг, что же Вы сидите в Казани? Я уже взял заграничный паспорт. Жду[1]!

Ваш душой
Ив.Бунин.

648. С.П.БОГОЛЮБОВУ

6 апреля 1903. Одесса

Не ждите корректуры печатайте[1] Бунин

649. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

24(11) апреля 1903. Константинополь

Константинополь,
11 апр. 1903 г.

Ив.Бунин.

650. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24(11) апреля 1903. Константинополь

Привет!

Ив.Бунин.

Константинополь,
11 апр. 1903 г.

651. А.П.ЧЕХОВУ

25(12) апреля 1903. Константинополь

12 апр. 1903 г.

Низко кланяюсь Вам, дорогой Антон Павлович, из Константинополя. Поездкой пока очень доволен, хотя качало немилосердно!

Ваш Ив.Бунин.

652. Ю.А.БУНИНУ

25, 26 (12, 13) апреля 1903. Константинополь

Константинополь, 12 апр. 1903 г. Вечер.

Милый Юленька. Выехал из Одессы 9 апр., в 4 ч. дня, на пароходе «Нахимов», идущем Македонским рейсом, т.е. через Афон. В Одессу мы приехали с Федоровым 9-го же утром, но никого из художников, кроме

Куровского, я не видел. Да и Куровский отправлялся с детьми на Куликово Поле — народное гулянье — так что на пароход меня никто не провожал. Приехал я туда за два часа до отхода и не нашел никого из пассажиров первого класса. Сидел долго один и было на душе не то что скучно, но тихо, одиноко. Волнения никакого не ощущал, но что-то все-таки было новое... в первый раз куда-то плыву в неизвестные края... Часа в три приехал ксендз в сопровождении какого-то полячка, лет 50, кругленького буржуа-полячка, суетливого, чуть гоноровитого и т.д. Затем приехал большой плотный грек лет 30, красивый, европейски одетый, наконец, уже перед самым отходом, жена русского консула в Витолии (близ Салоник), худая, угловатая, лет 35, корчащая из себя даму высшего света. Я с ней тотчас же завел разговор и не заметил, как вышли в море. «Нахимов» — старый, низкий пароход, но зыби не было, и шли мы сперва очень мирно, верст по 8 в час. Капитан, огромный, добродушный зверь, кажется, албанец, откровенно сказал, что мы так и будем идти все время, чтобы не жечь даром уголь: зато не будем ночевать возле Босфора, а будем идти все время, всю ночь. Поместились мы все, пассажиры, в верхних каютах, каждый в отдельной. За обедом завязался общий разговор, причем жена консула говорила с ксендзом то по-русски, то по-итальянски, то по-французски, и все время кривляясь а-ля высший свет невыносимо. И все шло хорошо... медленно терялись из виду берега Одессы, лило вечерний свет солнце на немного меланхолическое море... Потом стемнело, зажгли лампы... Я выходил на рубку, смотрел на еле видный закат, на вечернюю звезду, но недолго: наверху было ветрено и продувало прохладой сильно. Часов в 10 ксендз ушел с полячком спать, грек тоже, а я до 12 беседовал с дамой — о литературе, о политике, о том о сем... В 12 я лег спать, а утром солнечным, но свежим пошел на корму... поглядел на открытое море, на зеленоватые тяжелые волны, которые, раскатываясь все шире, уже порядочно покачивают пароход. Добрался до каюты. Затем заснул и проснулся в 11 ч... Балансируя, пошел завтракать, съел кильку, выпил рюмку коньяку, съел паюсной икры немного — и снова поплелся в каюту; завтракал только капитан и полячок. Остальные лежали по каютам, и так продолжалось до самого входа в Босфор. Пустая кают-компания, утомительнейший скрип переборок, медленные раскачивания с дрожью и опусканиями — качка все время была боковая, — пустой полусон, пустынное море, скверная серая погода... Проснусь, — ежеминутно засыпал, спал в общем часов 20, — выберусь, продрогну, почувствую себя снова хуже — и опять в каюту, и опять сон, а временами отчаяние: как выдержать это еще почти сутки? Нет, думаю, в жизни никогда больше не поеду. К вечеру мне стало лучше, полное отсутствие аппетита, отвращение к табаку и тупая сонливость продолжалась все время. К тому же солнце село в тучи, качка усилилась — и чувство одиночества, пустынности и отдаленности от всех близких еще более возросло. Заснул часов в семь, снова выпил коньяку, — за обедом я съел только крохотный кусок барашка, — изредка просыпался, кутался в пальто и плед, ибо в

окна сильно дуло холодом, и снова засыпал. В 2 часа встал и оделся, падая в разные стороны: в 4 часа, по словам капитана, мы должны были войти в Босфор. Выбрался из кают-компании к борту — ночь и качка — и только. Сонный лакей говорит, что до Босфора еще часа 4 ходу. Каково! В отчаянии опять в каюту и опять спать. Вышел часа в 4 — холодный рассвет, но ни признака земли, только вдали раскиданы рыбачьи фелюги под парусами... кругом серое холодное море, волны, а внизу — скрип, качка и холод... Снова заснул... Открыл глаза — взглянул в окно — и вздрогнул от радости: налево, очень близко гористые берега. Качка стала стихать. Выпил чаю с коньяком — и в рубку. Сюда скоро пришли и остальные, за исключением дамы; солнце стало пригревать, и мы медленно стали входить в Босфор...

До завтра, пора спать, половина десятого. В противоположном доме, который от подворья отделен улицей в 2 шага, музыка. Что-то заунывно страстное. Играют, не знаю на чем, — как будто на разбитом фортепьяно. Теперь заиграли польку... В подворье тишина.

13 апр. (воскресенье) 1903 г.

Вход в Босфор показался мне диковатым, но красивым. Гористые пустынные берега, зеленоватые, сухого тона, довольно резких очертаний. Во всем что-то новое глазу. Кое-где, почти у воды, маленькие крепости, с минаретами. Затем пошли селения, дачи. Когда пароход, следуя изгибам пролива, раза два повернул, было похоже на то, что мы плывем по озерам. Похоже на Швейцарию... Подробно все расскажу при свидании, а пока буду краток. Босфор поразил меня красотой, К<онстантинополь>. Часов в 10 мы стали на якорь и я отправился с монахом и греком Герасимом в Андреевское подворье. В таможне два турка долго вертели в руках мои книги, не хотели пропустить. Дал 20 к. — пропустили. В подворье занял большую комнату. Полежав, отправился на Галатскую башню.

653. И.А.БЕЛОУСОВУ

27 апреля 1903. Огневка

Дорогой Алексеич, большое спасибо за книжку и за письмо[1]! Жалею, что не мог лично сказать тебе, что я очень-очень был тронут твоим расположением ко мне. От всего сердца целую тебя, дорогой друг! А что касается книги, — напрасно ты думаешь, что я смотрю прежде всего на форму. Форму я люблю, но люблю я и душу человеческую, в какой бы форме она ни сказалась. А твоя книга именно полна души, — хорошей души... Крепко жму твою руку, пожалуйста, пиши ко мне: Лукьяново, Тульск. губ.

Твой Ив.Бунин.

27 апр. 1903.

654. С.А.НАЙДЕНОВУ

27 апреля 1903. Огневка

27 апр. 1903.

Дорогой Сергей Александрович, от всей души прошу у Вас прощения за свое молчание! Письмо Ваше из Казани получил[1] и, ей-богу, очень-очень был тронут Вашим расположением ко мне, и очень огорчен Вашей болезнью. И все собирался ответить Вам длинным и хорошим письмом... Но уехал в Крым, потом в Константинополь... Был на минуту в Одессе, был снова в Москве... И вот только теперь уселся в деревне... Увы, дорогой друг, весна снова прошла бесплодно! Теперь сяду и буду работать. Чрезвычайно прошу Вас тотчас же написать мне о себе, о своем здоровье. Пишу в Казань, думаю, что Вам перешлют, если в Боржоме. Пожалуйста, скорее напишите — и побольше. Как работается? Что нового? Какие планы на лето? Обнимаю Вас от всего сердца!

Ваш Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.

P.S. 100 р. брат послал Вам уже очень давно — в Казань. Получили ли?

655. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 апреля 1903. Огневка

Дорогой Митрич, жду от тебя писем. Адрес мой: Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ.

Сделай мне одолжение, — пошли открытку с своим портретом в Одессу, Коблевская, 27. Боре Заузе[1]. Напиши под портретом: «Боре Заузе. Н.Телешов».

656. А.В.ПЕШЕХОНОВУ

5 мая 1903. Огневка

Благодарю Вас за приглашение в сборник «В защиту слова»[1]. Боюсь только, что не успею попасть в него: ранее конца мая ничего не могу прислать. Отвечаю так поздно потому, что только что получил Ваше письмо. Простите, что пишу без обращения: не знаю Вашего имени-отчества.

Искренно уважающий Вас
Ив.Бунин.

P.S. Присылать ли что-либо или уже поздно? Адрес мой — Лукьяново, Тульск. губ.

5 мая 1903 г.

657. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

5 мая 1903. Огневка

5 мая 1903 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Будьте добры написать мне, могу ли я напечатать в июньск. или июльск. кн<иге> какого-либо журнала по отрывку (каждый не более 100 стр<ок>) из «Каина» и «Манфреда»[1]. По моему мнению, это будет полезно для отд<ельного> изд. этих вещей, но если Вы думаете иначе, — пожалуйста, напишите без всякого стеснения. Адрес мой — Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ.

Сижу, как видите, в деревне — и сижу прочно. В начале июля съезжу к Алек<сею> М<аксимовичу>[2]. Будете ли Вы у него и если будете, то когда? Хочу прочитать А<лексею> М<аксимови>чу «Каина». Напишите, как поживаете и где думаете проводить лето. Крепко жму Вашу руку.

Ваш
Ив.Бунин.

658. С.А.НАЙДЕНОВУ

3 июня 1903. Огневка

3 июня 1903 г.

Дорогой Сергей Александрович, оба Ваши письма[1] были очень приятны мне, благодаря бодрому тону их. Правда, я не совсем понял: просто ли Вы себя хорошо чувствуете или же на то есть особая причина? Сперва я был убежден, что верно последнее предположение, но второе письмо сбило меня с толку: значит, Вы один, если зовете меня к себе заехать?.. Впрочем, ни о чем более не расспрашиваю Вас, — желаю только от всей души всего лучшего.

На мою поездку в Константинополь[2] напрасно нападаете: я чрезвычайно доволен, что попал туда, жалею только, что пробыл там очень мало времени и даю себе слово непременно побывать в Турции еще раз. Что же касается деревни, то я смотрю на нее не как на место удовольствия, а как на «келью творчества». Впрочем, я из этой кельи уже удирал раз: был, как Вы знаете, в Москве и в Нижнем Новгороде[3].

В Звенигород к Вам непременно приеду[4]. Случится это, по моим расчетам, числа 20-го июня. Будете ли Вы еще там? Напишите. Что же касается заграницы, то, — *если Вы едете туда один,* — присоединюсь и я к Вам. Мои планы таковы: 20-го июня к Вам, в Звенигород, числа 23-го — из Звенигор<ода> в Москву, — к Телешову на дачу, — числа 10-го июля к Горькому, числа 25 июля — в деревню, домой, и около 1 сент. — за границу[5].

До скорого свидания, милый друг! Напишите же мне на днях, застану ли Вас в Звенигороде.

Почт. ст. Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. уезда.

Ваш Ив.Бунин.

Что работаете? Почему упорно молчите об этом?

659. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

7 июня 1903. Огневка

7 июня 1903 г.

Многоуважаемый Константин Петрович!

Я писал Вам в начале мая[1], — спрашивал, можно ли мне дать разрешение одной интеллигентной компании, задумавшей выпускать книжки для народа, перепечатать две-три вещи из моих «Рассказов»[2]. Будьте добры написать, находите ли Вы это удобным или нет? Очень прошу, кроме того, выслать мне, если возможно[а], 50 штук «Гайаваты» (20 — дорогого и 30 — дешевого изд.), штук 20 «Рассказов» и штук 15 «Стихотворений». *Адрес для высылки* этих книг — Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, ред. «Вестника воспитания», Ив.А.Бунину, *адрес для писем* — Лукьяново, Тульск. губ.

Ваш
Ив.Бунин.

660. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

7 июня 1903. Огневка

Дорогой Митрич, ты неправ — я не разлюбил тебя. Говорю тебе это ото всего сердца. Пожалуйста, напиши мне о себе — как ты поживаешь и что чувствуешь, — эта последняя короткая записка твоя такая грустная!..[1]

Поклонись от меня Е<лене> А<ндреевне> и всем Карзинкиным.

Пиши на Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у. Я снова в деревне — уже давно. Был на минутку в Нижнем[2].

Твой душой
Ив.Бунин.

7 июня 1903 г.

[а] Далее зачеркнуто: штук 20 «Гайаваты» дорогого изд. и штук 20 дешевого.

661. М.П.ЧЕХОВОЙ

7 июня 1903. Огневка

7 июня 1903 г.

Дорогая Амаранта, целую Ваши ручки, очень часто думаю о Вас, очень жалею, что никуда мы не поехали с Вами. Как живете? Много ли купаетесь? Хорошо ли у Вас? Пожалуйста, напишите мне — побольше[1]. Я сижу в деревне и пишу. Страшно тянет на юг, к морю, но боюсь, что не буду там заниматься.

Кланяюсь Евг<ении> Яковл<евне> и всем Вашим.

Преданный Вам всей душой
Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.

662. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 июня 1903. Огневка

Спасибо, дорогой Митрич[1]. Только я сейчас наладился работать. Напоминаю тебе, что пора и тебе садиться за рассказ для сборника «Знания»[2]. В августе надо непременно представить. Горький просит напомнить. Крепко жму твою руку, кланяюсь Е<лене> А<ндреевне>.

Перед приездом напишу.

Твой душой И.Б.

30 июня 1903 г.

663. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

20 августа 1903. Огневка

20 авг. 1903 г.

Многоуважаемый Константин Петрович, простите за поздний ответ[1]: теперь у нас горячее время — молотьба, сев и т.д. — и на почту мы посылаем не каждый день. «Манфред» давно готов, и я не посылал Вам его потому, что все собирался в Птб. сам. Не посылаю потому же и теперь: 2–3 сент. надеюсь быть в Птб.[2], чтобы самому прочитать корректуру: ведь печатать «Манфр<еда>» — одна минута. Что же касается «Каина», то я его почти весь изорвал, и думаю, что раньше ноября не смогу его представить Вам. Очень прошу — простите, — с болью в сердце[a] я не могу выпускать книг.

Адрес — Почт. ст. *Лукьяново,* Тульск. губ., Ефремовск. у. Для телеграмм — Бабарыкино, Бунину.

Желаю Вам всего лучшего. До свидания.

Ваш Ив.Бунин.

---

[a] Далее зачеркнуто: невозможно.

664. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

25 августа 1903. Огневка

Спасибо, дорогой[1]. Буду в Москве около первого сент.[2]
Поклон Е<лене> А<ндреевне>.

Ив.Бунин.

665. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

2 или 3 сентября 1903. Москва

Многоуважаемый
Константин Петрович.

Перед самым отъездом из деревни я схватил острый катар кишек, который в Москве еще более усилился. Поэтому ехать в Птб. пока не могу и очень тревожусь за судьбу «Манфреда». Не опоздал ли я с ним, т.е. выйдет ли он в той серии, которую Вы хотели выпустить в сентябре[1]. Не раздумали ли Вы печатать его теперь?

Будьте добры ответить мне телеграммой и я вышлю Вам рукопись в ту же минуту. Моя горячая просьба — выпустите его теперь же в сентябре. Ведь печатать его одна минута.

Очень-очень желал бы прочитать хоть раз корректуру — хоть в листах. Поправок не будет, но это меня успокоит. Возвращу корректуру тотчас же — в день получения.

Что касается внешней формы, то ***очень*** прошу Вас выпустить, если можно, «Манфреда» не в виде переводов Мережковского, а точь-в-точь, как напр., «На дне»[2]. Кроме телеграммы, пожалуйста, напишите мне поподробнее: 1) в каком виде и когда выйдет «Манфред». 2) Как решите Вы насчет корректуры? (Если присылка сюда очень задержит — лучше не надо присылать). 3) Сердитесь ли Вы на меня за «Каина»? 4) В каком положении мои «Рассказы», «Стихотв<орения>» и «Гайавата»: и есть ли надежда выпустить 3-ье изд. «Рассказов» нынешней осенью[3]? и 5) Когда думаете выпустить сборник беллетристов «Знания»[4], о котором толковал Алек<сей> Макс<имович>. Он на днях писал мне[5], чтобы я что-нибудь послал Вам для этого сборника. Когда нужно присылать и что у Вас уже есть? Дам стихи и рассказ[6].

Если можете, вышлите мне, пожалуйста, немедленно 100 р. в счет доплаты за «Манфреда». Очень нужны деньги.

Напишите, пожалуйста, как идет книга Телешова[7]?

Крепко жму руку и очень прошу исполнить, если можно, мои просьбы.

Ваш И.Бунин.

Адрес и для писем, и для телеграмм:

Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, редакция «Вестника воспитания», мне.

666. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

5 сентября 1903. Москва

5 сентября 1903 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович.

Посылаю Вам две тетради «Манфреда». Завтра вышлю еще 2 или 3 (всех 6), — кое-что перепишу в них, а то мне очень совестно посылать в таком грязном виде. Пожалуйста, не читайте в тетрадях, — не портите впечатления дурной внешней <формой>, а прочтите в корректуре и, пожалуйста, напишите свое мнение. Вероятно, пришлю маленькое предисловие[1].

Очень прошу Вас о корректуре. Но если Вы решили не посылать мне ее для прочтения, вышлите хоть так — хочется поскорее взглянуть на «Манфреда» в печати.

Адрес мой — станция Малаховка, Казанской дороги, дача Телешова, мне. По этому же адресу можно посылать и телеграммы.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш
Ив.Бунин.

667. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

8 октября 1903. Москва

Москва, Пречистенка, Хрущевский
пер., д. Гунст
8 окт. 1903 г.

Многоуважаемый Константин Петрович! Спасибо за приятную весть о Пушкинск<ой> премии[1]. Очень прошу Вас сообщить мне при случае, не знаете ли Вы, когда именно будет объявлено о ней официально[2] и почему об этом ничего нет в газетах? Сообщите также, пожалуйста, и о «Манфреде» — вышел ли он[3] — и, если можно, вышлите мне тотчас же хоть 5–10 экз.: горю нетерпением увидеть. И еще: благополучно ли печатается 3-ье изд. «Рассказов»[4]?

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего лучшего.

Ваш
Ив.Бунин.

668. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 октября 1903. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович,
будьте добры распорядиться, чтобы мне выслали еще «Манфреда»[1] — экземпляров[a] 40.

Адрес — редакц. «Вестника воспитания».

Ваш Ив.Бунин.

Москва, 17 окт. 1903 г.

669. А.М.ГОРЬКОМУ

1 декабря 1903. Москва

1 дек. 1903 г.

Дорогой и уважаемый друг, пожалуйста, простите — опять не посылаю рассказа[1]! Посылаю пока стихотворение[2], которое пусть и идет после Леонида[3]. Что же касается рассказа, то мне хотелось бы прислать не тот, который я Вам читал в Ялте, а другой — новый, который все никак не кончу. Думаю, что это удастся сделать через несколько дней и надеюсь, что и Вы и Конст<антин> Петр<ович> согласитесь поставить его в *конце* сборника: ведь для этого есть уже хотя бы то основание, что я даю и стихи и рассказ, — значит, лучше разделить их и поставить в разных местах. Не опоздаю в конец-то сборника, если пришлю через несколько дней?

Относительно «Каина» прочел и принял к сведению[4]. Потороплюсь.

Крепко жму Вашу руку и шлю поклон К<онстантину> П<етровичу> и Леониду.

Ваш душой
Ив.Бунин.

Идет ли в сборнике «Вишн<евый> сад»[5]? Антон Павл<ович> приедет в Москву 4-го.

670. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 декабря 1903. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович,
посылаю 7 стихотворений для сборника[1]. Рассказ вышлю[2] самое позднее — 10-го. Извините, пожалуйста, что задерживаю. Будет он меньше листа.

---

[a] Далее зачеркнуто: 50.

Крепко жму Вашу руку и шлю поклон А<лексею> М<аксимовичу>, если он еще не уехал.

Ваш
Ив.Бунин.

Москва, 6 дек. 1903.

671. К.П.ПЯТНИЦКОМУ И А.М.ГОРЬКОМУ

11 декабря 1903. Москва

11 дек. 1903 г.

Снова простите, Константин Петрович и Алексей Максимович, — шлю вам рассказ, но не тот, который обещал. Он меня измучил, ибо, думаю, его надо написать в пять раз больше. Поэтому посылаю два очерка, связанных одним заглавием и одним настроением[1], — один из них тот, который я читал Вам, Алексей Максимович. Боюсь только цензуры. Если нужно что-нибудь вычеркнуть для цензуры — сделайте это, пожалуйста. Мне так горячо хочется, чтобы это прошло! Горячо также прошу прислать корректуру — в тот же день возвращу — съезжу на вокзал — клянусь!

Получили ли стихи[2]?

Ваш И.Бунин.

672. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 декабря 1903. Москва

Москва, 12 дек.

Многоуважаемый Константин Петрович,

не отослал вчера рассказ потому, что меня известили о приезде Алексея Максимовича[1] в ту минуту, когда я хотел этот рассказ посылать. Шлю сегодня. Алексей Максимович читал — ему очень понравилось[2].

Горячо прошу выслать корректуру — в тот же день верну.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш
Ив.Бунин.

673. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

Середина декабря 1903. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович,

если еще не поздно, перемените, пожалуйста, заглавие моего стихотворения о старом доме. Поставьте вместо «Запустение» — «Над Окой»[1].

Ваш
И.Бунин.

674. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

7 января 1904 (25 декабря 1903). Вена

25 дек. 1903 г.

Еду в Ниццу[1]. Шлю всем поклон. Напиши мне. Адрес — France, Nice, Poste restante, J.Bounine.

Твой Ив.Бунин.

675. А.М.ФЕДОРОВУ

7 января 1904 (25 декабря 1903). Вена

25 дек. 1903
7 янв. 1904

Дорогой Митрофаныч, едем с Найденовым в Ниццу[1]. Кутим в Вене.

Стихи твои, исправив по твоему указанию, отдал в «Правду». Одно будет в феврале, другое — в марте[2]. Журнал ты получишь.

Драму Л<идии> Кар<ловны> с похвалами передал Кожевникову[3]. Когда пойдет — извещу. Читать беллетристику и стихи в «Правде» продолжаю[4] — будут присылать 2 раза в неделю в Ниццу. Возвращусь, вероятно, в начале марта — через Одессу[5].

Напиши мне, пожалуйста, в Ниццу. Адрес:[a]

Nice, Poste restante,
мне. (J.Bounine)

Поклонись всем товарищам и Л<идии> К<арловне>. Крепко тебя целую.

Твой Ив.Бунин.

676. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

11 января 1904 (29 декабря 1903). Ницца

11 янв. 1904.
29 дек. 1903.

Многоуважаемый Константин Петрович, из письма Найденова Вы уже знаете, что мы в Ницце. Сколько я здесь пробуду — еще не знаю, но думаю, что во всяком случае — не меньше 2-х месяцев[1]. Перед отъездом я, — как Вы тоже, вероятно, знаете, — виделся с Алексеем Максимовичем, который снова очень просил меня взять на себя труд дать «Знанию» всего или почти всего Байрона в переводах[2]. Для начала мы остановились на «Дон-Жуане»[3] в прозаическом переводе, причем Алек-

---

[a] Далее зачеркнуто: 105, Rue de.

сей Максим<ович> просил меня начать работать и сказал, что «Знание» будет мне давать ежемесячные авансы, чтобы я мог работать спокойно, и что Вы уже имели с ним разговор по этому поводу. Все это мне улыбается, но как быть с «Каином»? Очень прошу Вас написать мне о нем: я был бы бесконечно рад отложить его печатание еще — до осени; когда он полежит, я, мне кажется, смогу отнестись к нему спокойно и переделать все, что мне не нравится, и докончить все недоконченное твердой рукой. Если Вы согласны на это — пожалуйста, напишите мне поскорее. Тогда я тотчас же примусь за «Дон-Жуана» и непременно сделаю его к концу сентября или даже к сентябрю — в этом даю слово. Напишите мне также и о том, сколько я получу за «Дон-Жуана», и сколько Вы будете высылать мне ежемесячно. Мне бы хотелось — 100–125 р.

Напишите и о нашем сборнике и о 3-м издании моих «Рассказов»: когда выйдет «Сборник»[4] и вышло ли в свет 3-ье изд. «Рассказов»[5] и могу ли я получить что-нибудь за них?

Ницца мне очень нравится и чувствую я себя здесь очень недурно. Живу очень тихо. Буду работать и наслаждаться солнцем.

Адрес мой пока — Poste restante, Jean Bounine. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин.

677. А.М.ГОРЬКОМУ

16(3) января 1904. Ницца

16 янв. 1904 г.

Дорогой Алексей Максимович — рассказ и стихи для сборника *непременно* дам[1]. Письмо Ваше получил только сегодня — переслал брат — и потому и отвечаю только сегодня.

Здесь стоит совсем лето, и это очень бодрит, хотя многое в Ницце — препротивно. Надеюсь набраться здоровья и много работать, чего и Вам от всего сердца желаю.

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь всем Вашим.

Ив.Бунин.

Франция, Ницца.
France,
Nice, A.M. Jean Bounine,
Poste restante.

678. А.П.ЧЕХОВУ

17(4) января 1904. Ницца

4 янв. 1904.

Дорогой Антон Павлович, поселились в Ницце. Погода переменная. Вчера — чисто июньский день, сегодня — сыровато, пасмурно, — точно у нас в середине августа.

Познакомились с Вальтером[1]. Милый человек. Были в Больё — там негде гулять.

Дорогой или здесь — простудился. Чувствую себя неважно. Напишите, пожалуйста, как Вы? Правда ли, что собираетесь в Ниццу[2]? Когда «Вишневый сад»[3]? Не отложили до будущего года?

Юрасова еще не видали — он хворает[4].

Кланяюсь всем Вашим и пребываю горячо любящим Вас

Ив.Буниным.

P.S. Найденов, конечно, тоже шлет поклон.

Адрес наш — Poste restante. Все меняем отели. Жили, между прочим, в отеле «Виктория», где теперь Боборыкин[5].

679. М.П.ЧЕХОВОЙ

17(4) января 1904. Ницца

Низко кланяюсь Вам, дорогой друг! Nice, poste restante.

И.Бунин. 4 янв. 1904.

680. В КОНТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

18(5) января 1904. Ницца

18 янв. 1904.

Очень прошу контору «Знания» выслать мне — хотя за плату — 2 экз. «Манфреда», 2 экз. «Стихотворений», 2 экз. «Гайаваты» и 2 экз. «Рассказов» (если вышло 3-ье изд. — то экз. 5)[1] по следующему адресу:

M. Jean Bounine
Poste restante,
Nice, France,
Ницца, Франция —

заказной бандеролью и сообщить мне где К.П.Пятницкий? Не в Нижнем ли? Не получаю от него ответа на письма[2].

Ив.Бунин.

681. В.С.МИРОЛЮБОВУ

21(8) января 1904. Ницца

Janvier 21 1904.

Многоуважаемый Виктор Сергеевич, не писал я Вам от стыда, что не исполнил своего обещания. Очень прошу — извините, главное — не настраивайтесь враждебно против меня. При первой возможности — думаю, — очень скоро, — заглажу свою вину — пришлю и стихов и рассказ[1]. Никаких «новых» связей (за исключением «Правды»[2], в которой я читаю беллетристику и стихи) я не заводил и тем более не намереваюсь порывать «старых» связей. Поверьте моему искреннему и всегдашнему расположению и к Вам, и к Вашему делу.

Живу уже около 2-х недель в Ницце. Приехав сюда, конечно, тотчас же простудился. Теперь поправляюсь, но чувствую себя еще плохо. Погода — для Ниццы — так себе.

Крепко жму Вашу руку и очень прошу Вас написать мне сюда:

J.Bounine, Nice, France, poste restante.

682. В.А.НИКОЛЬСКОМУ

23(10) января 1904. Ницца

Janvier 23 1904.

Милостивый государь Виктор Александрович, — Н.Д.Телешов сообщил мне[1] Вашу просьбу прислать для Вашего Альбома «100 рус<ских> писателей»[2] мой портрет и отрывки из произведений. Пишу в Москву брату[3], чтобы он немедленно Вам выслал этот портрет, а отрывки из произведений я вышлю Вам сам — завтра-послезавтра. Адрес мой — Jean Bounine, poste restante, Nice, France.

Гот<овый> к услугам

Ив.Бунин.

683. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24(11) января 1904. Ницца

Continental

Ницца, $\frac{24}{11}$ янв. 1904.

Многоуважаемый Константин Петрович! Меня и удивляет, и обижает Ваше молчание[1]. Не знаю чему его приписать: небрежности Вашей ко мне или тому, что Вы на меня за что-нибудь сердитесь. Ни того ни другого я не заслуживаю. Обращаюсь к Вам еще раз, ибо я до сих пор ничего не знаю ни о судьбе моих стихотв<орений> и очерков, посланных мною Вам для сборника, ни о работе над «Дон-Жуаном», о переводе которого так настойчиво просил меня Алексей Максимович, ни о третьем

издании моих «Рассказов». Мне, живущему литературным трудом, не знать положение моих дел — очень неудобно.

Очень нуждаюсь в деньгах, и потому очень прошу Вас прислать мне возможно скорее хоть 500 рубл. за 3-ье изд. «Рассказов» — если, конечно, они готовы к выходу в свет или уже вышли, — и кроме того, аванс за стихи и очерки для сборника — сколько, — не знаю, ибо понятия не имею до сих пор, на что я могу рассчитывать за них. Снова прошу Вас ответить и о том, возможны ли авансы за «Дон-Жуана».

Денег всего мне нужно рублей ***1000*** — до крайности: у меня есть долги.

Пожалуйста, обратите внимание на мою просьбу или хоть определите мне положение моих дел ответом.

Адрес: *Jean Bounine, Poste restante, Nice, France, Ницца, Франция.* Если же для высылки денег — Poste restante неудобен, то вышлите через Лионский кредит.

Очень прошу о скором ответе.

Ваш
Ив.Бунин.

684. В.А.НИКОЛЬСКОМУ

27(14) января 1904. Ницца

Janvier 27 1904.

Милостивый государь Виктор Александрович! Портрет мой, как я уже писал[1], будет выслан Вам из Москвы. Отрывки и афоризмы, к сожалению, дать не могу, так как афоризмов я вообще не люблю, а отрывки — особенно из «Рассказов» да еще на 50 строк! — сделать затрудняюсь. (Очень прошу заменить их несколькими небольшими стихотв<орениями>, при сем прилагаемыми)[2]. Что же касается автобиографич<еских> сведений, то позвольте ограничиться только следующим: родился в Воронеже в дворянской помещичьей семье в 1870 г., печататься начал с 1887 г., отдельными изданиями выпустил несколько сборн<иков> стихотв<орений> и рассказов, из которых заслуживающими внимания считаю издания «Знания»[3] — «Рассказы», перевод «Манфреда» Байрона, «Стихотворения» и перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло (две последние книги удост<оены> Пушк<инской> премии Акад<емии> наук)[4].

С истинным уважением
Иван Бунин.

Ницца, 14 янв. 1904.

P.S. Прилагаю на всякий случай автограф.

685. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

29(16) января 1904. Ницца

Милый Коля, спасибо за письмо[1]. Надеюсь — ты уже в Москве[2]. *Пожалуйста, почаще пиши мне* — о всех и обо всем — о всех литератур<ых> и иных новостях, — а то Юлий ленится.

Адрес прежний. Целую тебя и Митю.

Твой Ив.Бунин.

$\frac{29}{16}$ янв. 1904 г.

686. И.А.БЕЛОУСОВУ

30(17) января 1904. Ницца

Дорогой друг, спасибо за письмо[1]. Живу помаленьку. Погода — то жаркая, то дождь. Все-таки — хорошо. *Пиши, пожалуйста, почаще.* Целую тебя и кланяюсь И<рине> П<авловне>.

Твой И.Бунин.

Ницца,

$\frac{30}{17}$ янв. 1904 г.

687. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30(17) января 1904. Ницца

Nice, le Janvier 30/17 1904.

Дорогой Митрич, живу так себе. Хворал — теперь лучше. То июнь, то август — вот погода. Игнатову послал все, что мог[1].

Ну что, как «Среды»? Что же ты замолчал на самом интересном месте? Разозлило меня то, что ты передаешь!

Вижу изредка С.И. <?>. Поклон передал. Передай и ты мой Е<лене> А<ндреевне> и всем своим и прими мой поцелуй!

Твой душой И.Б.

Пожалуйста — пиши.

688. А.М.ФЕДОРОВУ

30(17) января 1904. Ницца

Janvier $\frac{30}{17}$ 1904.

Спасибо, милый, спасибо, дорогой друг, за письмо[1]! Не отвечал тебе потому, что не знал куда тебе писать в Птб. Теперь ты уже, вероятно, возвращаешься, а возвратившись, найдешь это письмо. Очень прошу

тебя — прости, что отвечаю так кратко тебе; не мастер я писать письма! Низкий поклон Л<идии> К<арловне>.

Немедленно напиши мне, как прошла «Обыкн<овенная> женщ<ина>»[2].

Быть в Одессе — буду, но когда — Господь знает[3]. А буду, думаю, — непременно. Уж очень хочется повидать Колю — А<нна> Н<иколаевна> пишет[4], что он очень вырос и окреп — повидать всех друзей и Купришку[5]. Состоялся ли его переезд?

Здесь много чертовски красивого. Но погода все меняется — то лето, солнце, пальмы, розы, — то дождь... Поездок поэтому совершал еще очень мало.

«Весельчак»[6] киснет... ему на все наплевать! Странный человек!

Пока ничего не пишу. Немного перевожу только[7]. От всей души желаю тебе, чтобы твоя «пора стихов» была хорошей рабочей порой. Присланные стихи очень нежны и грустны. Отдать их в «Правду»[8]?

Целую тебя крепко-крепко!

Твой Ив.Бунин.

P.S. Волынский[9], «Мир искусства»... на все на это мне в высокой степени наплевать!

Что касается «Южн<ых> зап<исок>»[10], то ведь они не обращались ко мне!

689. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 февраля (30 января) 1904. Ницца

Fevrier 12 / Janvier 30 1904.

Многоуважаемый Константин Петрович!

Из Ниццы я два раза писал Вам[1], прося Вас сообщить мне о «Дон-Жуане», о том, что сталось с моими рукописями для сборника «Знания», о том, в каком положении находятся мои «Рассказы», и, наконец, о том, могу ли я рассчитывать, что «Знание» даст мне денег. *Если это возможно,* говорил я, — ***очень*** прошу дать мне 1000 рубл. (небольшой аванс за «Дон-Жуана», — аванс, предложенный мне Алекс<еем> Максимовичем, — немного за «Рассказы», — *если они вышли,* — и аванс за то, что я дал в сборник). На тот маловероятный случай, если Вы не получили моих писем, пишу Вам все это еще раз. Очень буду благодарен, если Вы мне хоть ответите. Принужден написать еще раз и потому, что опять-таки нужно допустить все возможное: вдруг Вы вышлете деньги, а я уже уехал из Ниццы и т.д. Сообщаю Вам поэтому, что из Ниццы я уезжаю через две недели[2]. Чрезвычайно прошу Вас уведомить меня телеграммой, если пошлете деньги — отель Континенталь, на мое имя.

Уважающий Вас
Ив.Бунин.

690. А.Н.БИБИКОВУ

22(9) февраля 1904. Генуя

Кланяюсь! Пишу.

Ив.Бунин.

Генуя.
22 Fevr. 1904 г.

691. А.М.ГОРЬКОМУ

25(12) февраля 1904. Флоренция

Поклон!

Ив.Бунин.

Флоренция, 25 февр. 1904 г.

692. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

20 февраля 1904. Малково

Ответьте о Каине

Бунин

693. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

7 марта 1904. Москва

7 марта 1904 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович!

«Каин» доставил мне много неприятных минут. Чувствую, что все не то. За задержку его я много раз извинялся, — что могу еще сделать? Я, конечно, прежде всего сам заинтересован в скорейшем напечатании его и если все-таки не представлял Вам рукописи — значит, на то были причины. Что же касается «Дон-Жуана», то я заговорил о нем потому, что, как я уже писал Вам, сам Алексей Максимович предложил мне перевести его и получать ежемесячные авансы. Могу представить «Каина» к августу, а «Дон-Жуана» — к сентябрю — даю честное слово. Если же это Вам неудобно, разрешите мне совсем не представлять «Каина», а заняться только «Дон-Жуаном»: тогда и аванс, взятый мною под «Каина» (300 р.) мы будем считать авансом под «Дон-Жуана». Справиться с прозаическим переводом легче, чем со стихотворн<ым>, и я надеюсь сделать его скоро и хорошо. Мысль перевести всего Байрона теперь очень увлекает меня. Если же Вы все-таки настаиваете на «Каине» и не хотите ждать до августа — немедленно напишите: я остав-

лю все работы, пересмотрю и переправлю «Каина» от строки до строки и доставлю Вам его *к маю*. Это будет сделано непременно. *Только ответьте в таком случае поскорее.*

Счеты наши таковы:

1. За 2-ое изд. I т. Вы дали мне — 1000 р., при письме в Ниццу еще — 250 р.
2) За II т. Вы дали мне — 1000 р.
осенью 1903 г. еще — 150 р. (кажется)
и при письме в Ниццу — 50 р.
3) За «Каина» авансом — 300 р.
4) За «Сборник» — 200 р.

За 3-ье изд. I т. я еще ничего не получал и поэтому-то и беспокоил Вас просьбой дать мне немного под него.

За стихи мне прежде платили 50 к. со строки. Теперь я получаю (в «Правде») 1 р. со строки.

Не помню, как мы условливались относительно авторск<их> экз. Если я имею на это право — будьте добры выслать мне 50 экз. 3-го изд. I тома.

Крепко жму Вашу руку и прошу Вас написать мне в Москву, на редакцию «Вестн<ика> воспитания». Буду жить до мая в Москве (Хрущевский пер., д. Гунст, телефон № 6-82).

Мой поклон А<лексею> М<аксимовичу>.

Ваш Ив.Бунин.

694. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 апреля 1904. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович! Так как я не сегодня-завтра могу выехать из Москвы[1], то будьте добры выслать мне деньги и II т. «Сборника»[2] по следующему адресу:

Москва, Арбат, Староконюшенный пер., д. Михайлова, редакция «Вестника воспитания», Юлию Алексеевичу Бунину.

А с *20-го мая* мой адрес такой:

Почт. станция Лукьяново,
Тульской губ., Ефремовского у.
Ивану Алексеевичу Бунину.

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам всего лучшего и прошу передать мой поклон Алексею Максимовичу.

Ваш Ив.Бунин.

Москва, 24 апр. 1904 г.

695. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

2 мая 1904. Ефремов

Ефремов, 2 мая
1904 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович.

Если можно, будьте добры поторопиться с высылкой денег (300 р.). Адрес — Москва, Арбат, Староконюшенный, д. Михайлова, редакция «Вестника воспитания», Юлию Алексеевичу Бунину.

Для писем — Лукьяново, Тульской губ., мне.

Крепко жму руку, кланяюсь А<лексею> М<аксимовичу>.

Ваш Ив.Бунин.

696. А.М.ФЕДОРОВУ

22 мая 1904. Огневка

Лукьяново, Тульск. губ.
22 мая 1904 г.

Дорогой Александр Митрофанович, почему ты замолчал? Или ты и Л<идия> К<арловна> обиделись за пьесу[1]? И что такое «бестолковое» я написал тебе прошлый раз[2]? Повторяю — когда рукопись для «Правды» поступает ко мне от людей мне близких, я стараюсь, чтобы судьба ее была решена не одним мною. Кожевников нашел пьесу слишком театральной. Тем не менее он согласен напечатать ее, если будут сделаны сокращения и исправления и при условии, если *ты* поскорее дашь что-либо для журнала. М.б., это немного странно, — но я передаю его слова. Посылаю поэтому тебе пьесу — передай ее и все, что я пишу тебе, Л<идии> К<арловне> и попроси ее согласиться на те купюры, которые сделаны карандашом, — я настаиваю на них: по-моему, есть много длиннот в разговорах, есть кое-что чеховское, есть кое-что из «Стар<ого> дома»[3], многое, — и притом старое, давно известное, — грубовато подчеркнуто (да и наскучило это бичеванье дворянских грехов!) и т.д. Переписавши пьесу, отошлите Кожевникову. М.б., ты не кончил еще с «М<иром> Бож<ьим>» относительно романа[4]? Тогда давай-ка его нам. Да напиши, пожалуйста, мне[5] — где ты, что делаешь, напиши о всех художниках, пришли мне стихов. Крепко тебя целую и прошу передать поклон Л<идии> К<арловне>.

Твой Ив.Бунин.

697. С.А.НАЙДЕНОВУ

3 июня 1904. Огневка

Дорогой друг, где Вы? Уехали не простившись! Напишите мне о себе — пожалуйста — и о том, куда переслать 100 р.

От души целую Вас!

Ваш Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.

698. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 июня 1904. Петровск-Порт

Митрич, кланяюсь тебе, качаясь на волнах Каспийского моря! И всем твоим также.

Ив.Бунин.

14 июня 1904 г.

699. М.П.ЧЕХОВОЙ

5 июля 1904. Огневка

Дорогая и милая Амаранта, напишите мне, пожалуйста, как здоровье Антона Павловича и где он[1]? Я слышал, что он нездоров, и мне это очень-очень грустно. Напишите и о себе два словечка. Я был в деревне, потом 18 дней шатался по Кавказу[2], измучился от жары и поспешил снова в деревню. Собираюсь на август или сентябрь в Крым[3]. Когда уедете оттуда? Крепко хотелось бы поговорить с Вами и поцеловать Ваши ручки!

Преданный Вам
Ив.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.
5 июля 1904 г.

700. О.Л.КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

8 июля 1904. Бабарыкино

Дорогая Ольга Леонардовна не нахожу слов для выражения моей скорби и всем моим сердцем разделяю с Вами и со всем Вашим семейством Ваше великое горе. Бунин.

701. М.П.ЧЕХОВОЙ

9 июля 1904. Огневка

Дорогой, горячо любимый друг, я буквально как громом поражен. А тут еще горе — у матери крупозное воспаление легких, а ей под семьдесят лет. Не мог и не могу поэтому приехать в Москву, — прошу Вас только помнить, что все Ваши страдания в эти дни я переживаю с Вами с невыразимой болью. Посылаю самый сердечный и горячий привет всем Вашим и прошу Вас — если будете в состоянии — напишите мне хоть слово о себе.

Преданный Вам всей душой
И.Бунин.

Лукьяново, Тульск. губ.
9 июля 1904 г.

702. И.А.БЕЛОУСОВУ

17 июля 1904. Огневка

Дорогой друг, извини за молчание — у меня тяжело больна мать, — так тяжело, что я не знаю, чем все это кончится. А тут еще смерть Чехова!..

От всего сердца желаю тебе здоровья, крепко целую тебя. Нецензурно стихотв<орение>, которое оканчивается стихом про «грядущую свободу». Взял я стихотв<орение> —

Когда душа спокойна, — в небо
Люблю глядеть я...[1]

Южная ночь — слишком эскизна.
Ну, будь здоров!

Твой душой
Ив.Бунин.

17 июля 1904 г.

703. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 июля 1904. Огневка

17 июня 1904 г.

Многоуважаемый Константин
Петрович,

если можно, очень прошу Вас поторопиться с высылкой мне 100 р. за июль, а всего лучше — окажите мне великую услугу — вышлите сразу и за июль, и за август: я переживаю ужасные дни — у матери крупозное воспаление легких — и я очень нуждаюсь в деньгах: ежедневные посылки в город за докторами и лекарствами в течение уже 11 дней страшно истощили мой карман.

Адрес — Лукьяново, Тульск. губ., Ефремовск. у.

Ваш Ив.Бунин.

704. А.М.ФЕДОРОВУ

17 июля 1904. Огневка

17 июля 1904 г.

Дорогой друг, я переживаю ужасные дни. Смерть Чехова потрясла меня необыкновенно, а на другой день мама, которая все прихварывала, слегла в постель от крупозного воспаления легких. Жизнь ее теперь держится на волоске — ей под семьдесят лет, и она очень слабый человек, — и дело дошло уже до кислорода и камфары. Я едва держусь на

ногах от горя. Прости поэтому, — не могу больше писать. Кланяюсь Лидии Карловне и целую тебя ото всего моего сердца.

Твой Ив.Бунин.

705. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

14 августа 1904. Огневка

Милый, драгоценный!

Ты знаешь, что я решил ехать 15-го с Юлием в Москву — на день, на два по делам. Сегодня ночью подумаю: не отложить ли мне поездку в Москву до конца августа — тогда я соединю свои дела с приисканием квартиры — если только Софья Ник<олаевна> поедет в Москву. В случае, если отложу поездку — приеду к Вам на днях. А если поеду в Москву — приеду к Вам после Москвы. О матери же пока рано толковать: еще Маша не уехала, да и опасно, я думаю, выезжать матери так рано.

Значит — пока до свиданья.

Кланяйся!

Целую тебя.

Ив.Бунин.

Вечер 14-го ав.
1904 г.

706. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 сентября 1904. Глотово

6 сент. 1904 г.

Многоуважаемый
Константин Петрович.

Пора печатать «Каина»? Он готов и нравится мне. Напишите — высылать ли[1]? Тотчас же вышлю. Или привезу.

Сентябрьскую[а] плату будьте добры выслать Юлию: Москва, Арбат, Староконюшенный, д. Михайлова.

Благодарю Вас за высылку 200 р.

Крепко-крепко жму Вашу руку.

Ваш И.Бунин.

Адрес: Ст. Измалково, Юго-Восточн. ж.д., экономия г-жи Пушешниковой, для меня[б].

[а] Зачеркнуто: Октябрьскую.

[б] Адрес приписан на верхнем поле письма перед числом.

707. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 сентября 1904. Москва

Многоуважаемый Константин Петрович, — «Каина» высылаю завтра. Адрес мой — Москва, «Вестник воспитания». Нельзя ли мне получать корректуру в *гранках* (хотя, честное слово, поправок будет очень-очень мало)?

Ваш Ив.Бунин.

708. П.И.ВЕЙНБЕРГУ

27 сентября 1904. Москва

27 сентября 1904 г.

Глубокоуважаемый
Петр Исаевич!

С величайшим удовольствием принял бы участие в сборнике памяти Верещагина[1], но, к сожалению, у меня нет сейчас ничего, имеющего непосредственную связь с идеей мира.

Глубоко уважающий Вас
Ив.Бунин.

Москва, «Лоскутная гостиница».

709. И.А.БЕЛОУСОВУ

28 сентября 1904. Москва

Милый Алексеич, приехал Найденов, читает пьесу — прости. Увидимся завтра и 1-го.

Твой Ив.Бунин.

710. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

28 сентября 1904. Москва

Многоуважаемый
Константин Петрович!

Будьте добры выдать Сергею Александровичу Найденову 100 р. — или из суммы, причитающейся мне за «Каина» (который Вам послан)[1], или вместо моей октябрьской получки.

Ваш

Ив.Бунин.

28 сент. 1904 г.

711. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

18 октября 1904. Москва

18 окт. 1904 г.

Многоуважаемый Константин Петрович! Мысль выпустить рассказы, стихи и «Каина» вместе начала меня смущать. Очень прошу Вас переговорить с Алексеем Максимовичем и поскорее ответить мне: согласны ли Вы выпустить третьим томом моих произведений не рассказы, стихи и «Каина», а *стихи, «Манфреда»* и *«Каина»* (стихов около 60 страниц, «Манфред» около 100 и «Каин» около 130 стр. — всего 290 стр.)[1]. При этом мне придется, как Вы говорили, взять «Манфреда» (уже изданного) в свою собственность, т.е. вычесть из гонорара за III т. 500 р. Что ж, мне придется на это согласиться. А нужно ли мне после выпуска III-го тома изъять из продажи отдельное издание «Манфреда» и нужно ли, выпуская III т., куда войдет и «Манфред», и *«Каин»,* выпускать, кроме того, «Каина» ***отдельно в количестве 500 или 1000 экз.***[2] — это уже *вы* решите.

Пожалуйста, ответьте поскорее[3]. Ответьте также — позволите ли вы мне напечатать в *ноябрьск.* книге какого-либо *журнала* отрывок из «Каина» — страниц 20–30[4].

Пожалуйста, передайте Алексею Максимовичу, что я не ответил ему потому, что надеюсь переговорить с ним обо всем лично — 20-го окт.

Напомните ему, что 20-го наша «среда» — у Голоушева.

Ваш

Ив.Бунин.

712. А.М.ГОРЬКОМУ

4 ноября 1904. Москва

4 ноября 1904 г.

Дорогой Алексей Максимович, вести — дурные: от Ольги Леонард<овны> и Марьи Павловны получил отказ[1].

Сообщаю Вам об этом так поздно потому, что я почти 10 дней лежал в постели, больной инфлюэнцей. Во время болезни О<льга> Л<еонардовна> и М<ария> П<авловна> меня навестили — и Ольга Леонард<овна> заявила мне, что она отказывается дать для «Знания» что-либо из рукописей Антона Павл<овича>. Марья Павл<овна> ответила мне на просьбу о письмах не столь решительно, и поэтому вчера я снова имел с нею разговор. Но тут уже и она сказала очень определенно, что пока не хочет печатать писем Ант<она> Павловича.

Очень меня огорчила и выдумка Найденова[2] — действительно нелепая. Нынче же напишу ему[3] — он уже давно в Киеве (Николаевская, д. № 9, кв. № 6) — и, кроме того, буду иметь с ним разговор: 9-го еду в Одессу[4] и остановлюсь, чтобы поговорить с ним, в Киеве.

Воспоминания об А<нтоне> П<авловиче> вышлю Вам на днях[5]. Написаны они, как Вы знаете, уже давно — я даже уже читал их в Об-ве любителей росс<ийской> словесности — но мне очень хотелось сделать их полнее. Раз больше ждать нельзя — высылаю. Но непременное условие: корректура в гранках.

Относительно моего III тома Вы правы[6]: публика может отнестись к нему не очень внимательно, а посему *пока оставим это дело.* Что же касается «Каина»[7], то поступайте, как знаете: или выпускайте его теперь, отдельной брошюрой, или подождите до времени, более благоприятного для книг. Может быть, переведу к этому времени еще какую-либо вещь в размере «Каина» — и тогда выпустим отдельный томик «Переводов»[8], куда войдет и «Каин», и «Манфред», — последний тем способом, какой мы выдумали.

Крепко жму Вашу руку, дорогой друг!

Ваш Ив.Бунин.

Адрес — «Вестник воспитания»[а].

713. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

4 ноября 1904. Москва

4 ноября 04.

Многоуважаемый Константин Петрович, простите за поздний ответ — я был болен.

Согласие А<лексея> М<аксимовича> на издание III т. получил, но в этом же письме А<лексей> М<аксимович> очень справедливо пишет: «Этим изданием вы должны будете понизить интерес публики к вашим оригинальн<ым> вещам»[1]. Я подумал — и решил не выпускать пока III-го тома[2]. Лучше подождем времени, более благоприятного для книг. А что касается «Каина»[3], то поступайте как знаете: или выпускайте его теперь отдельной брошюрой, или повремените. Может быть, переведу еще какую-либо вещь в размере «Каина» — и тогда выпустим отдельный томик «Переводов»[4], куда войдет и «Каин», и «Манфред» — последний тем способом, какой мы придумали.

Воспоминания о Чехове на днях вышлю[5]. В рукописях и письмах его Ольга Леонардовна и Марья Павловна мне отказали.

Ваш
Ив.Бунин.

Не напишете ли мне о судьбе «Каина» *немедленно:* 9-го еду в Одессу.

Адрес — «Вестник воспитания»[б].

а Адрес приписан в начале письма в левом верхнем углу.

б Адрес приписан в начале письма в левом верхнем углу.

714. И.А.БЕЛОУСОВУ

8 ноября 1904. Москва

Дорогой Алексеич, посылаю тебе свою пиджачную пару. Прикажи, голубчик, вычистить *получше,* пришить пуговицы и *выгладить,* главное же, сделать это все *поскорее* и принести в «Лоскутную».

Зашел бы к тебе сам, да на столе чертова гибель рукописей, а сегодня — заседание в «Правде»[1].

Поклонись жене.

Твой душой

Ив.Бунин.

Лоскутная, № 100.
8 ноября 1904 г.

715. В.Я.АБРАМОВИЧУ

10 ноября 1904. Москва

10 ноября 1904 г.

Многоуважаемый Владимир Яковлевич, пожалуйста, простите за долгое молчание[1]: в начале лета я был на Кавказе, затем приехал домой — и здесь пережил много очень тяжелых дней: была долго и опасно больна мать. Затем я поехал в Москву[2], где и хотел пристроить для издания Ваши стихи. Обращался к нескольким издателям — ответ один: и изданное-то не идет благодаря войне[3]!

Теперь возвращаю Вам Вашу тетрадь. Если хотите знать мое мнение, стоит ли Вам уже выпускать сборник, скажу: рано. Что же касается «Правды», то, пожалуйста, присылайте — рад буду устроивать Вас.

Пожалуйста, не сердитесь за столь долгий ответ.

Ваш

Ив.Бунин.

716. А.М.ГОРЬКОМУ

14 ноября 1904. Киев

Киев, 14 ноября.

Дорогой Алексей Максимович, рукопись о Чехове высылаю Вам завтра[1] — из Одессы. В Киеве — я только на сутки, повидался с Найденовым[2]. Сегодня выезжаю в Одессу.

Адрес: Одесса, Софиевская, 5, квартира Куровского.

Если решили «Каина» пока не печатать, не хотите ли одну сцену из него — напр., «В пространстве» напечатать в сборнике памяти Чехова[3]?

Ваш Ив.Бунин.

717. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 ноября 1904. Одесса

Одесса, Софиевская, 5,
квартира Куровского.

Многоуважаемый Константин Петрович, посылаю рукопись «Памяти Чехова»[1]. Прочитать корректуру мне *необходимо,* поэтому, пожалуйста, непременно пришлите мне ее. Пришлите мне также — если можно, без задержки, — 200 р.: 100 р. — за ноябрь, и 100 р. — аванс — за «Памяти Чехова». Об авансе я предупреждал А<лексея> М<аксимовича> и он обещал мне его.

Напишите мне, пожалуйста, порядок распределения рукописей в сборнике.

Ваш
Ив.Бунин.

718. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 ноября 1904. Одесса

Возвращаюсь Москву

Бунин

719. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

27 ноября 1904 г. Москва

27 ноября 1904 г.

Многоуважаемый Константин Петрович.

Как уже я телеграфировал Вам, я возвратился в Москву. Адрес — Москва, Арбат, Староконюшенный пер., дом Михайлова, редакция «Вестника воспитания». Пожалуйста, не замедлите с высылкой мне денег, о которых я Вас просил (100 р. за ноябрь и 100 р. — аванс за очерк о Чехове[1]). Корректуру вышлите, пожалуйста, в *двух* экз. Да напишите мне о «Каине»: как же Вы решили поступить с ним? Если решили отложить его печатать, будьте добры возвратить мне его и разрешите напечатать отрывок из него («Бездна пространства») где-нибудь в журнале[2].

Ваш
Ив.Бунин.

720. Ф.Ф.ФИДЛЕРУ

7 декабря 1904. Москва

Декабря 7 дня 1904 г.

Многоуважаемый
Федор Федорович.

Спасибо за память. С удовольствием исполняю Ваши просьбы[1] — высылаю Вам завтра портрет и свои книги. Что же касается «автобиографии», то вот она:

Бунин, Иван Алексеевич.

Родился в г. Воронеже, 10 октября 1870 г.

Печататься начал с 1887 г.

Живу то в деревне (в Орловской губ.), то в Москве, то на юге, то за границей.

Псевдонимами почти никогда не пользовался[2].

В 1903 г. получил Пушкинскую премию Академии наук за «Стихотворения» и за перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате»[3].

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь Вашей супруге.

Ваш Ив.Бунин.

721. С.А.НАЙДЕНОВУ

Начало декабря 1904. Москва

Дорогой и милый друг, увы! я снова в Москве — и уже давно: приехал — и тотчас свалился от жестокой ангины. У сына была скарлатина. И я удрал. Завтра еду в деревню[1]. Напишите мне о себе — в Москву, Староконюшенный, ред. «Вестника воспитания».

Об «Авд<отьиной> жизни» во всех газетах — очень хорошие отзывы[2]. Искренно радуюсь, дорогой друг!

Пересылаю Вам письмо.

Душой Вас любящий

Ив.Бунин.

722. А.М.ГОРЬКОМУ

18 декабря 1904. Глотово

Ст. *Измалково,* Юго-Вост.
ж.д., с. Глотово, имение Пушешниковой, мне.
18 дек. 1904 г.

Дорогой Алексей Максимович, очень прошу Вас написать мне (если возможно, *немедленно,* хоть два слова, на открытке), не разрешите ли Вы мне напечатать в «Правде» страниц 5 из «Каина»[1], и, — если разрешите — *тотчас* же выслать мне рукопись этого самого «Каина», так как от черновика у меня остались только отрывки. Я пять раз обращался по этому поводу к К.П.Пятницкому — он, очевидно, не желает мне писать. Надеюсь, что Вы не задержите ответом. Особенно был бы благодарен за *телеграмму.*

Тем, что я напечатаю 5 страниц в журнале, я, конечно, ничего, кроме пользы, не принесу изданию «Каина».

Жду Вашего мнения.

Ваш Ив.Бунин.

Коллективные письма

723. А.П.ЧЕХОВУ

4 сентября 1900. Москва

Любим Вас. Шлем привет. Пешков, Поссе, Бунин, Сулержицкий[1], Пятницкий, Балтрушайтис[2].

724. Л.В.СРЕДИНУ

4 сентября 1900. Москва

Сидя Москве, вспоминали Вас, верхних и нижних, Алексина. Прижимаем сердцу, одно у нас.

Пешков Поссе Бунин Сулержицкий

725. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 декабря 1901. Москва

Середа поздравляет милый четверг[1]. Голоушев, Андреев, Бунин, Гославский, Хитрово[2].

726. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

3 декабря 1902. Москва

Федор Иванович!

Могучими шагами великана ты поднялся на вершину жизни из темных глубин ее, где люди задыхаются в грязи и трудовом поту. Для тех, что слишком сыты, для хозяев жизни, чьи наслаждения оплачиваются ценою тяжелого труда и рабских унижений миллионов людей, ты принес в своей душе великий талант — свободный дар грабителям от ограбленных. Ты как бы говоришь людям: Смотрите! Вот я пришел оттуда, со дна жизни, из среды задавленной трудом массы народной, у которой все взято и ничего ей взамен не дано! И вот вам, отнимающим у нее и гроши, она, в моем лице, свободно дает неисчислимые богатства таланта моего! Наслаждайтесь и смотрите, сколько духовной силы, сколько ума и чувства скрыто там, в глубине жизни!

Наслаждайтесь и подумайте — что может быть с вами, если проснется в народе мощь его души, и он бурно ринется вверх к вам и потребует

от вас признания за ним его человеческих прав и грозно скажет вам: хозяин жизни тот, кто трудится!

Федор Иванович!

Для тысяч тех пресыщенных людей, которые наслаждаются твоей игрой, ты — голос, артист, забава, ты для них — не больше; для нас — немногих, ты — доказательство духовного богатства родной страны. Когда мы видим, слушаем тебя, в душе каждого из нас разгорается ярким огнем святая вера в мощь и силу русского человека. Нам больно видеть тебя слугой пресыщенных, но мы сами скованы цепью той же необходимости, которая заставляет тебя отдавать свой талант чужим тебе людям. Во все времена роковым несчастием художника была его отдаленность от народа, который поэтому именно до сей поры все еще не знает, что искусство так же нужно душе человека, как и хлеб его телу: всегда художники и артисты зависели от богатых, для которых искусство только пряность.

Но уже скоро это несчастие отойдет от нас в темные области прошлого, ибо масса народная, выросшая духовно, поднимается все выше и выше!

Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил.

Иди же, богатырь, все вперед и выше!

Славное, могучее детище горячо любимой страны, — привет тебе!

Москва. 3-го декабря 1902 г.

Иван Бунин, М.Горький, К.Пятницкий, А.Алексин, Скиталец[1], Н.Телешов, Евгений Чириков, Леонид Андреев, С.Скирмунт[2].

727. А.П.ЧЕХОВУ

4 декабря 1902. Москва

Сидим у Тестова[1] и гуртом радостно пьем здоровие дорогого Антона Павловича.

Шаляпины[2] Андреева[3] Горький Серов[4] Коровин[5] Стюарт[6] Гримальди Телешов Серафимович[7] Тихомиров Скирмунт Симов[8] Марья Чехова Кундасова[9] Бунин Фелитесы[10] Пятницкий Пешкова Ключевский[11] Скиталец Крандиевский Розенберг[12].

728. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

8 января 1903. Москва

Среда, 8 января 1903.

Дорогой Федор Иванович!

«Среда» собралась после долгого перерыва и узнала от Леонида Андреева о твоей болезни. И все мы, собравшиеся, шлем тебе от всей души пожелания скорейшего выздоровления.

Садимся пить за твое здоровье.

Н.Телешов
И.Белоусов

Пришли бы сами, если бы не боялись утомить.

И.Бунин
С.Голоушев
Е.Голоушева

«Выпьем за человека!»

Леонид

729. В.Г.КОРОЛЕНКО

12 ноября 1903. Москва

Москва 1903 г. Ноября 12
Среда

Дорогой Владимир Галактионович!

Приветствуем Вас с двадцатипятилетием Вашей высокой художественной, общественной деятельности. Желаем Вам долгих лет для такой же мужественной и славной борьбы за благо родины, за честь, достоинство и счастие русского народа.

Мы вместе с Вами горячо верим, что час торжества тех идей, которым Вы посвятили свою жизнь и красоту своего поэтического таланта, недалеко.

«На святой Руси петухи кричат,
Скоро будет день на святой Руси...»[1]

Леонид Андреев
Юлий Бунин
Бор.Зайцев
Петр Кожевников
А.Серафимович
Н.Телешов
Е.Телешова
В.Чирикова
Г.Кожевникова

Иван Бунин
В.Вересаев
С.Елпатьевский
А.Карзинкин
Юйфель<?>
И.Белоусов
Евгений Чириков
С.Голоушев
Э.Шанкс
Андреева
Елпатьевская

730. А.Ф.МАРКСУ

Декабрь 1903. Москва

Милостивый государь.

В настоящий момент, когда вся Россия приготовляется праздновать четвертьвековой юбилей А.П.Чехова[1], с особенной силой выдвигается вопрос, которым в последнее время болезненно интересуется русское общество и товарищи Антона Павловича. Дело заключается в поразительном и недопустимом несоответствии между деятельностью и заслугами Антона Павловича перед родной страною, с одной стороны, и необеспеченностью его материального положения — с другой.

Двадцать пять лет работает А.П.Чехов, двадцать пять лет неустанно будит он совесть и мысль читателя своими прекрасными произведениями, облитыми живою кровью его любящего сердца, и он должен пользоваться всем, что дается в удел честным работникам — должен, иначе всем нам будет стыдно. Создав ряд крупных ценностей, которые на Западе дали бы творцу их богатство и полную независимость, Антон Павлович не только не богат — об этом не смеет думать и не думает русский писатель — он просто не имеет того среднего достатка, при котором много поработавший и утомленный человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне. Иными словами, он должен жить тем, что заработает сейчас — печальная и незаслуженная участь для человека, на которого обращены восторженные взоры всей мыслящей России, за которым, как грозный укор, стоит двадцать пять лет исключительных трудов, ставящих его в первые ряды мировой литературы. Совсем недавно, на наших глазах, маленькая страна, Польша, сумела проявить дух великой человечности, щедро одарив Генриха Сенкевича в его юбилейный год — неужели в огромной России Антон Чехов будет предоставлен капризу судьбы, лишившей его законнейших его прав.

Нам известен Ваш договор с А.П.Чеховым[2], по которому все произведения его поступают в полную Вашу собственность за 75.000 рублей, причем и будущие его произведения несвободны: по мере появления своего, — они поступают в Вашу собственность за небольшую полистную плату, не превышающую обычного его гонорара в журналах — с тою огромною разницей, что в журнале они печатаются раз, а к Вам поступают навсегда. Мы знаем, что за года, протекшие с момента договора, Вы в несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную Вами А.П.Чехову за его произведения; помимо отдельных изданий, рассказы Чехова как приложение к журналу «Нива»[3] должны были разойтись в сотнях тысяч экземпляров и с избытком вознаградить Вас за все понесенные издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет Вам предстоит пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А.П.Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им. Бесспорно нарушая имущественные права Вашего контрагента, указанный договор имеет и другую отрицательную сторону, не менее важную для

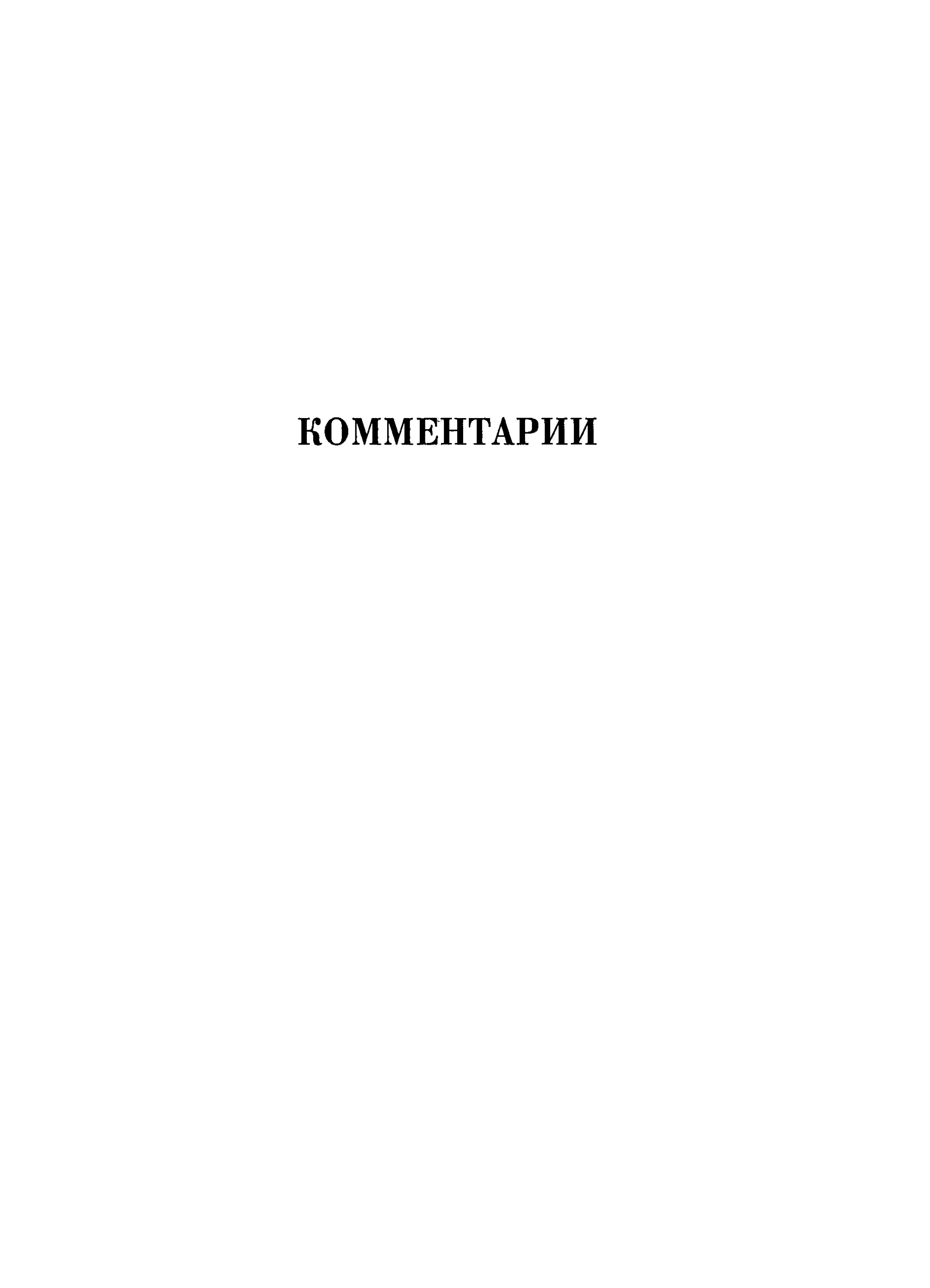
общей характеристики печального положения Антона Павловича: обязанность отдавать все свои новые вещи Вам, хотя бы другие издательства предлагали неизмеримо большую плату, должно тяжелым чувством зависимости ложиться на А.П.Чехова и несомненно отражаться на продуктивности его творчества. По одному из пунктов договора Чехов платит неустойку в 5000 руб. за каждый печатный лист, отданный им другому издательству — таким образом, он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным книгоиздательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем — именем А.П.Чехова.

И мы просим Вас, в этот юбилейный год, исправить невольную, как мы уверены, несправедливость, до сих пор тяготеющую над А.П.Чеховым. Допуская, что в момент заключения договора Вы, как и Антон Павлович, могли не предвидеть всех последствий сделки, мы обращаемся к Вашему чувству справедливости и верим, что формальные основания не могут в данном случае иметь решающего значения. Случаи расторжения договоров при аналогичных обстоятельствах уже бывали — достаточно вспомнить Золя и его издателя Фаскеля. Заключив договор с Золя в то время, когда последний не вполне еще определился как крупный писатель, могущий рассчитывать на огромную аудиторию, Фаскель сам расторг этот договор и заключил новый, когда Золя занял во французской литературе подобающее ему место. И новый договор дал покойному писателю свободу и обеспеченность.

Для фактического разрешения вопроса мы просим принять наших уполномоченных: Н.Г.Гарина-Михайловского[4] и Н.П.Ашешова[5].

Федор Шаляпин
Леонид Андреев
В.Дорошевич[6]
Ю.Бунин
Сергей Глаголь
Петр Кожевников
В.Вересаев
А.Архипов[7]
Н.Телешов
Иван Бунин
Виктор Гольцев
С.Найденов
Евгений Чириков

М.Горький
В.И.Дмитриева[8]
И.Белоусов
А.Серафимович
Е.Гославский



КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).

ГМТ — Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва).

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А.А.Бахрушина (Москва).

ИМЛИ АГ — Архив А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва).

ИМЛИ ОР — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва).

ИРЛИ ОР — Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (Петербург).

МКТ — Мемориальный кабинет Н.Д.Телешова (Москва).

Музей МХАТ — Музей Московского художественного академического театра им. А.П.Чехова (Москва).

НБУ ИР — Институт рукописи Научной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского (Киев).

ОГЛМТ — Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева (Орел).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ ОР — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ ОР — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Петербург).

Печатные источники

Брюсов. Дневники — Брюсов В.Я. Дневники, 1891–1910. — М., 1927.

Весна пришла — Бабореко А. Неопубликованные письма И.А.Бунина // Весна пришла: Проза. Стихи. Литературная критика.— Смоленск, 1959.— С. 208–241.

Вечерняя Москва — Храбровицкий А. Любимому писателю // Вечерняя Москва.— 1962.— 6 янв. (№ 5).— С. 3.

Вопросы лит.— Письма Л.Андреева и И.Бунина. Письма И.Бунина / Публ. и коммент. И.Газер // Вопросы литературы.— 1969.— № 7.— С. 162–193.

Вопросы лит. и фольк.— Новые материалы об И.А.Бунине: Письма И.А.Бунина Н.А.Пушешникову / Публ. А.Бабореко // Вопросы литературы и фольклора: [Сб.].— Воронеж. 1972.— С. 183–186.

Время — Из неопубликованной переписки Бунина / Публ. А.К.Бабореко // Время: Проза. Поэзия. Литературная критика.— Смоленск, 1962.— С. 91–107.

Горький. Материалы — Касторский С.М. М.Горький и И.Бунин: Переписка // М.Горький: Материалы и исследования.— М.; Л., 1936.— Т. 2.— С. 383–460.

Горький. ПСС — Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т.— М., 1997 — .

Горьковские чтения (1961) — Переписка А.М.Горького и И.А.Бунина 1899–1917 гг. / Публ. и коммент. Ф.М.Иоффе и С.И.Доморацкой // Горьковские чтения, 1958–1959.— М., 1961.— С. 3–126.

Горьковские чтения (1968) — Горьковские чтения: К 100-летию со дня рождения писателя. — М., 1968.

Книга — «Вас как художника ставлю высоко...» (Письма К.П.Пятницкого к И.А.Бунину) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.Д.Воронина // Книга: Исследования и материалы. — М., 1989. — Вып. 58. — С. 131–148.

Кузнецова — Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К.Бабореко.— М., 1995.

Лит. архив — Бунин И. Письма к В.С.Миролюбову (1899–1904) / Публ. П.П.Ширмакова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения.— М.; Л., 1960.— Вып. 5.— С. 128–141.

Лит. Россия — Переписка В.Я.Брюсова и И.А.Бунина за 1899–1915 гг. / Публ. Н.Винокуровой // Литературная Россия.— 1963.— 20 дек. (№ 51).— С. 18.

Лит. Смоленск — Письма И.А.Бунина / Публ. А.Бабореко // Литературный Смоленск: Альманах.— Смоленск, 1956.— Кн. 15.— С. 287–326.

ЛН — Литературное наследство

— Чехов и Бунин: Письма И.Бунина к А.Чехову 1891–1904 гг. / Вступ. ст. А.К.Бабореко; Публ. Н.И.Гитович // Литературное наследство.— М., 1960.— Т. 68: Чехов.— С. 395–416.

— Письма // Литературное наследство.— М., 1973.— Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. — Кн. 1.— С. 421–691; Кн. 2.— С. 515–517.

Материалы — (1) Бабореко А.К. И.А.Бунин: Материалы для биографии (с 1870 по 1917).— М., 1967.

— (2) То же.— 2-е изд.— М., 1983.

Муромцева-Бунина — Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К.Бабореко.— М., 1989.

На родной земле (1956) — Неопубликованные письма И.А.Бунина / Публ. А.К.Бабореко // На родной земле: Литературно-художественный сборник.— Орел, 1956.— С. 383–397.

На родной земле (1958) — Письма И.А.Бунина / Публ. А.Бабореко // На родной земле: Литературно-художественный сборник.— Орел, 1958.— С. 272–310.

Новый мир — Из переписки И.А.Бунина / Публ. и примеч. А.К.Бабореко // Новый мир.— 1956.— № 10.— С. 197–211.

— Бунин И. Письмо А.Н.Сальникову / Публ. А.Нинова // Новый мир.— 1965.— № 10.— С. 222.

Подъем — Из переписки И.А.Бунина / Вступ. заметка и публ. Г.Благасовой // Подъем.— Воронеж, 1976.— № 3.— С. 157–168.

Проблемы реализма — Неопубликованные письма Бунина / Публ. и предисл. И.С.Газер // Проблемы реализма и художественной правды.— Львов, 1961.— Вып. 1.— С. 161–174.

Рад. літ.— Бажинов І.Д. Літературні зв'язки І.О.Бунина з Украіною // Радянське літературознавство.— Киев, 1957.— № 4.— С. 130–135.

Рус. лит.— Неопубликованные письма И.А.Бунина / Публ. А.Бабореко // Русская литература.— 1963.— № 2.— С. 177–183.

— Нинов А. Бунин в «Знании» // Русская литература.— 1964.— № 1.— С. 184–201.

Собр. соч. (1) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 5 т. / Подгот. текста и примеч. П.Л.Вячеславова.— М., 1956.

Собр. соч. (2) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Подгот. текста и примеч. О.Н.Михайлова, А.К.Бабореко, В.Г.Титовой и др. — М., 1965–1967.

Собр. соч. (3) — Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., коммент., подгот. текста А.К.Бабореко.— М., 1993–2000.

Толстой. ПСС — Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. — М., 1928–1958.

Уч. зап.— Письмо И.Бунина к В.В.Пащенко / Публ. С.Л.Гольдина // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института.— М., 1958.— Т. 9, вып. 3.— С. 50–51.

Хозяйка чеховского дома — Переписка М.П.Чеховой с И.А.Буниным / Публ. и коммент. А.Бабореко // Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма.— Симферополь, 1969.— С. 120–138, 143–150.

Чехов. ПСС — Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. — М., 1974–1983.

Чехова — Чехова М.П. Из далекого прошлого. — М., 1960.

Шаляпин. ЛН. — Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство: В 2 т. — М., 1957.

Яснополянский сб. (1960) — Бабореко А.К. Бунин о Толстом // Яснополянский сборник, 1960.— Тула, 1960.— С. 129–146.

Яснополянский сб. (1984) — Никифорова Т.Г. Фонд С.Т.Семенова в архиве Толстого // Яснополянский сборник, 1984.— Тула, 1984.— С. 89–90.

Настоящий том писем И.А.Бунина содержит 733 письма за 1885–1904 годы, они обращены к 72 адресатам. Все письма публикуются по автографам, хранящимся в различных архивохранилищах России и частных собраниях. Четыре письма к В.В.Пащенко (90, 167, 168, 180), автографы которых не обнаружены, печатаются по машинописным копиям; письма в редакции газет (181, 217, 232, 240а, 394), автографы которых неизвестны, печатаются по текстам периодических изданий, где они появились; письмо к Ю.А.Бунину (652), автограф которого нам неизвестен, печатается по первой публикации в книге В.Н.Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» (Париж, 1958).

Сведениями о других письмах Бунина, которые в соответствии с хронологией могли бы войти и не вошли в настоящее собрание его писем, редакция не располагает.

Из числа печатающихся в томе 733 писем 413 публикуются впервые. При этом следует отметить, что многие ранее опубликованные письма Бунина печатались с неточностями, в отрывках или с купюрами, что оговаривается в комментариях к ним.

Начало двадцатилетнего периода, представленного материалами данного издания — 1885–1904 годы — приходится на отрочество Бунина, когда он еще учился в Елецкой мужской гимназии, а затем с 1886 года жил в Озёрках и учился дома под руководством старшего брата Ю.А.Бунина. Систематически Бунин начал писать письма с сентября 1888 года. В конце августа 1888 года из Озёрок в Харьков уехал Ю.А.Бунин, который был для будущего писателя одним из самых близких и дорогих людей, его учителем, наставником, первым читателем его произведений. В большой степени сохранившиеся письма к Ю.А.Бунину дают богатейший материал для биографии И.Бунина, который пишет старшему брату обо всем: о хозяйственных и семейных делах, о своем впечатлении от путешествий, о прочитанных книгах и статьях, о своих творческих замыслах, о личной жизни. К этому периоду относятся его первые литературные опыты, появившиеся в периодической печати, — стихотворения, рассказы, критические статьи.

С осени 1889 года Бунин начал работать в редакции газеты «Орловский вестник», где он познакомился с В.В.Пащенко. Страстный роман Бунина с Варварой Пащенко продолжался с 1890 по 1894 г. События этого времени и переживания Бунина отражены в его письмах к ней.

В 1891 году выходит первая книга Бунина, его произведения печатаются в различных периодических изданиях и сборниках. В 1895 году Бунин входит в столичную литературную среду, знакомится со многими известными писателями. К этому времени относится начало работы над его знаменитым переводом поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате», первое отдельное издание которого выходит в 1896 г.

В первой половине 1890-х годов Бунин заявил о себе как поэт, прозаик, критик, переводчик.

В жизни Бунина период с 1896 по 1904 г. отличается интенсивной литературной работой, началом сотрудничества с товариществом «Знание», первыми заграничными путешествиями, возрастающей известностью и признанием.

В 1897 г. в Москву переезжает Ю.А.Бунин, у которого часто останавливался его младший брат. К 1898 г. относится женитьба И.Бунина на А.Н.Цакни и начало его работы в редакции одесской газеты «Южное обозрение». Но семейная жизнь была недолгой и уже в марте 1900 г. Бунин разошелся с женой.

Бунин знакомится с А.М.Горьким, в 1902 г. в издательстве товарищества «Знание» начинают выходить сочинения писателя, что дает, наконец, ему некоторую финансовую независимость.

В октябре 1900 г. Бунин вместе с художником В.П.Куровским отправляется в свое первое заграничное путешествие по Германии, Швейцарии, Франции. В апреле 1903 г. писатель один впервые посещает Турцию, а с конца декабря 1903 г. Бунин с С.А.Найденовым путешествует по Франции и Италии.

В 1903 г. Российская Императорская Академия наук присуждает Бунину Пушкинскую премию за стихотворный сборник «Листопад» и перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Одним из самых трагичных событий этого периода для Бунина была смерть А.П.Чехова в 1904 г., которую он очень тяжело переживал.

Изучение переписки Бунина позволило уточнить время написания следующих писем, датированных в прежних публикациях ошибочно (уточнения в пределах месяца не приводятся):

Адресовано	Датировалось в прежних изданиях	Датируется в настоящем издании
Ю.А.Бунину	Июнь-июль 1890	Июнь 1889
Ю.А.Бунину	Не позднее 1-й половины июля 1890	28 или 29 июня 1890
Ю.А.Бунину	1891	Начало февраля 1891
Ю.А.Бунину	Май-октябрь 1891	Конец марта 1891
В.В.Пащенко	7 июля 1892	7 июля 1891
Ю.А.Бунину	Август-декабрь 1891	Середина октября 1891
Ю.А.Бунину	1892	Между 23 и 26 мая 1892
В.В.Пащенко	Декабрь 1891	До 12 июля 1893
И.А.Белоусову	После апреля 1893	Апрель 1894
В.В.Пащенко	Ноябрь-декабрь 1894	Ноябрь 1894
О.А.Михайловой	Конец февраля — начало марта 1895	Между 10 и 12 марта 1895
И.А.Белоусову	1897	До 20 августа 1897
Ю.А.Бунину	Июль-сентябрь 1898	Между 17 и 19 июля 1898
С.Т.Семенову	Июнь 1898	Конец августа 1898
Н.Д.Телешову	3 апреля 1899	3 сентября 1899
В.Я.Брюсову	После 16 декабря 1895	Осень 1897 — до 22 сентября 1899
В.С.Миролюбову	Октябрь 1900	До 21 июня 1900
В.С.Миролюбову	Январь-февраль 1901	5 сентября 1900
В.Я.Брюсову	19 октября 1900 <н.ст.>	1 ноября (19 октября) 1900
И.А.Белоусову	Конец мая-июнь 1901	20 или 21 мая 1901

О.Л.Книппер-Чеховой	Апрель-май 1901	20 или 21 мая 1901
В.С.Миролюбову	Декабрь 1901 — январь 1902	Между 1 и 4 января 1902

Тексты писем, хранящиеся в РГАЛИ (кроме писем к Ю.А.Бунину за 1888–1896 гг., тексты которых подготовлены О.А.Казниной), РГБ ОР, ИМЛИ АГ, Музее МХАТ, МКТ, ГМТ, ГЦТМ, РНБ ОР, ИРЛИ ОР, НБУ ИР, а также письма № 181, 232, 233, 240а, 394 подготовил к печати и прокомментировал С.Н.Морозов. Тексты писем, хранящиеся в ИМЛИ ОР, подготовила к печати и прокомментировала Л.Г.Голубева. Тексты писем, хранящиеся в ОГЛМТ, подготовила к печати и прокомментировала И.А.Костомарова (зав. Музеем И.А.Бунина в Орле).

Вступительная статья к комментариям написана С.Н.Морозовым.

Указатели к книге составил С.Н.Морозов.

Составители приносят глубокую благодарность Е.Ю.Литвин (ИМЛИ ОР), Л.Д.Затуловской (ОГЛМТ), Т.Ю.Телешовой (МКТ), Е.В.Лидиной (Москва), Г.Н.Манчуку («Клуб Бунина» в Санкт-Петербурге), сотрудникам Института рукописи Научной библиотеки Украины (Киев) за помощь в работе над книгой.

1. Ю.А.БУНИНУ

21 мая 1885

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 3382 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 273 (с купюрой и мелкими неточностями, письмо В.А.Орловой не опубликовано).

На оборотной стороне листа письмо к Ю.А.Бунину его двоюродной сестры Веры Аркадьевны Орловой, у которой в Ельце в 1885 г. во время учебы в гимназии жил Бунин. «Приехала из Ельца родная племянница Людмилы Александровны, дочь ее сестры, Вера Аркадьевна, рожденная Петина. Она только что разошлась с мужем и поселилась в Ельце. Погостила она у Буниных несколько недель, и тут они сговорились, что Ваня в учебное время будет жить у нее» (*Муромцева-Бунина.*— С. 54).

Бунин Юлий Алексеевич (1857–1921) — брат И.Бунина. Журналист, литературно-общественный деятель, публицист. В 1878 г. окончил математический факультет Московского университета и поступил на юридический факультет, откуда был отчислен за революционную деятельность и выслан из Москвы; в 1882 г. окончил Харьковский университет. В сентябре 1884 г. был арестован и около года провел в тюрьме. В середине 1885 г. был сослан в родовое поместье в селе Озёрки, где принял активное участие в образовании младшего брата Ивана. С октября 1888 г. работал статистиком сначала в Харькове, потом (с мая 1890 г.) в Полтаве, где с 1893 г. заведовал земским статистическим бюро, активно участвовал в земском движении. В августе 1897 г. переехал в Москву, где стал фактическим редактором журнала «Вестник воспитания». Двух братьев связывала большая дружба и взаимопонимание. Ю.Бунин был наставником и учителем младшего брата, первым читателем и критиком его произведений. Иван и Юлий Бунины переписывались часто. Однако их переписка сохранилась далеко не полностью. Юлий Бунин хранил письма брата более тщательно, благодаря этому до нашего времени дошло большое количество писем И.Бунина 1885–1917 гг. При этом остаются неизвестными письма И.Бунина за период с сентября 1901 г. по август 1910 г., а также очень мало имеется писем за 1914–1917 гг. Ответные письма Ю.А.Бунина представлены фрагментарно. Известны лишь отдельные письма Ю.А.Бунина к Ивану за 1891, 1909–1916 гг. (ОГЛМТ, РГАЛИ, ИМЛИ ОР). Факт столь малого количества дошедших до нас писем Ю.А.Бунина позволяет предположить, что значительная их часть была утрачена. Обращаясь в письмах к брату, Бунин называл его как Юлий, так и Юрий, при этом употреблял всевозможные производные от этих имен: Юлинка, Юлинька, Юличка, Люкася, Юринька, Юричка, Юнка, Юрочка.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Бунина Людмила Александровна (1835–1910; урожд. Чубарова) — мать Бунина. В Задонске (уездный город Воронежской губ.) в Задонско-Богородицком мужском монастыре находилась чудотворная икона Владимирской Богоматери. В монастыре покоятся мощи святого Тихона Задонского, на поклонение которым приходили со всех концов России.

[3] С 1881 по 1885 год Бунин учился в Елецкой мужской гимназии. В третьем классе учился два года. Речь идет о переводных экзаменах в четвертый класс, которые он успешно выдержал. А.Н.Бунин писал Ю.А.Бунину 9 мая 1885 г.: «<...> у милого Вани идут экзамены. 3 экзамена были из латыни, греческого и русского,

баллы очень хорошие, но теперь предстоит французский язык. Это все не страшно, но математика жестоко его пугает. Собственно потому, что он был целый Великий пост в деревне, время много ушло почти без занятий, а Николай Иосифович сам не из лучших математиков, до окончания экзамена к математике остается 2 недели. <...> частенько вспоминаю твои знания по математике» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3351/2 оф). А 16 июня 1885 г. сообщал ему же: «Ваня перешел 5-ть кругом с наградою в 4-й класс. Маша занимается наукою дома» (ОГЛМТ, ф. 17, № 944 оф). Об этом же писал Е.А.Бунин 9 июня 1885 г. Ю.А.Бунину: «Ваня перешел в 4 класс с наградой второй степени» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3350/3 оф).

[4] Бунина Мария Алексеевна (1873–1930) — сестра Бунина, получила домашнее образование.

2. Ю.А.БУНИНУ

6 сентября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 17.
Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 4.

[1] Бунина Настасья Карловна (урожд. Гольдман) — падчерица О.К.Туббе; жена Е.А.Бунина.

[2] См. п. 4.

[3] Бунин Алексей Николаевич (1827–1906) — отец Бунина; помещик Орловской и Тульской губерний. Зачисленный в ополченскую дружину от елецкого дворянства, он вместе с братом Николаем участвовал в Крымской кампании и обороне Севастополя, где встречался с Л.Н.Толстым.

[4] Озёрки — усадьба, перешедшая к Л.А.Буниной по наследству от ее матери А.И.Чубаровой, умершей в мае 1881 г. Бунин жил в Озёрках с лета 1883 г., когда туда переехала вся семья после продажи имения в Бутырках, где прошло детство писателя.

3. Ю.А.БУНИНУ

15 сентября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1.

[1] Т.е. 19 или 20 сентября 1888 г.

[2] Речь идет, очевидно, об оплате уроков, которые давал Ю.А.Бунин.

[3] См. п. 4.

4. Ю.А.БУНИНУ

15 сентября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 2–3.
Нижняя половина первого листа письма оторвана.

[1] См. п. 2.

[2] Пушешникова Софья Николаевна (1858/59–1942; урожд. Бунина) — дочь Н.Н.Бунина — брата А.Н.Бунина; вышла замуж за А.И.Пушешникова (ум. 1886); владелица имения Васильевское в селе Глотово, где часто жил Бунин. Лукин Григорий Андреевич — близкий знакомый семьи Буниных. И.Бунин 30 ян-

варя 1889 г. написал стихотворение, посвященное Г.А.Лукину (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 266).

[3] Бунина Христина Андреевна (урожд. Воронова) — жена Н.Н.Бунина.

[4] Фотография Бунина, сделанная О.С.Воробьевой, хранится в ОГЛМТ (ф. 14, № 710). На обороте автограф: «Ив. Ал. Бунин. 11 сентября 1888-го года». Воспроизведена в *ЛН* (Т. 84, кн. 2.— С. 123). Фофанов Константин Михайлович (1862–1911) — поэт. На популярных фотографиях он был запечатлен сидя нога на ногу, обхватив колени руками.

[5] Рышков Валентин Николаевич и его жена Любовь Александровна (урожд. Ромашкова) владели соседней усадьбой в Озёрках. В.Н.Рышков приходился двоюродным племянником Л.А.Буниной.

[6] Имеется в виду рецензия М.А.Протопопова «Пустоцвет: Полное собрание повестей и рассказов И.Ясинского (Максима Белинского). 4 тома. СПб., 1888» (Северный вестник.— 1888.— № 9.— Отд. II, с. 68–84.— Подпись: М.Пр.), в которой автор, в частности, писал: «...имеем ли мы право усматривать в таланте г. Ясинского не более как литературный "пустоцвет". Это бесплодная смоковница, пораженная проклятием неверия, которой уже не зацвести никогда. Мы говорим — никогда, потому что — последняя черта — г. Ясинский, несмотря на весь ужас своего положения в полной пустоте и полном одиночестве, преисполнен самого жизнерадостного самодовольства» (с. 84).

[7] В журнале «Книжки "Недели"» (1888.— № 9.— С. 1–2) были опубликованы три стихотворения Бунина: «За днями серыми и темными ночами...», «Когда вечернею порою...», «Прости мне, милый друг!.. Те скорбные мгновенья...».

[8] Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893/94) — издатель, журналист, публицист, прозаик, драматург. С 1869 г. сотрудник-издатель, а с 1876 г. редактор-издатель газеты «Неделя» и приложения к ней «Книжки "Недели"», где печатался Бунин.

[9] Статья Бунина в печати не появлялась. Автограф начала статьи без окончания с авторской правкой хранится в ОГЛМТ (ф. 14, № 967 оф).

[10] Нефедова Мария Константиновна (урожд. Затрапезнова) — жена Ф.Д.Нефедова.

5. Ю.А.БУНИНУ

Между 20 и 23 сентября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 49.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 6.

[1] Ю.А.Бунин уехал из Озёрок в Харьков 23 августа 1888 г. и обещал выписать туда младшего брата.

[2] О чем идет речь и что было послано неизвестно. В журнале «Книжки "Недели"» стихотворения в прозе Бунина не появлялись.

6. Ю.А.БУНИНУ

29 сентября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 26–27.
Год определен по содержанию.

[1] Речь идет об Озёрках. См. коммент. 1 к п. 95.

[2] Бунин Евгений Алексеевич (1858–1935) — брат Бунина. Имел незаурядный талант художника, но посвятил свою жизнь сельскому хозяйству. После 1917 г. преподавал рисование в школе.

[3] Бунина Варвара Николаевна (1822–1905) — сестра А.Н.Бунина. Явилась прототипом Олимпиады Марковны в раннем очерке И.Бунина «"Шаман" и Мотька» (1890), а также прототипом тети Тони в повести «Суходол» (1911). Пожар, случившийся у В.Н.Буниной, описан в «Суходоле» (гл. IX).

[4] Мотька — работник в доме В.Н.Буниной.

[5] Имеется в виду В.А.Орлова.

7. Ю.А.БУНИНУ

14 октября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 18–19. Год определен по содержанию.

[1] Цвиленев Николай Федорович — студент-медик, сын помещика Федора Михайловича Цвиленева — владельца соседней усадьбы в Озёрках.

[2] Бибиковы — елецкие помещики, знакомые семьи Буниных.

[3] Имеются в виду: раздел «Дневник читателя», который вел в журнале «Северный вестник» Н.К.Михайловский в 1885–1888 гг.; Щедрин Н. Пестрые письма // Вестник Европы.— 1884.— № 11.— С. 315–322; № 12.— С. 663–676; 1885.— № 1.— С. 161–183; № 2.— С. 619–650; № 3.— С. 148–171; № 4.— С. 506–525; № 6.— С. 659–676; 1886.— № 9.— С. 280–300; № 10.— С. 687–700; Четыре лекции Георга Брандеса в Петербурге и Москве // Вестник Европы.— 1887.— № 10.— С. 733–767 (I. Художественный реализм у Эмиля Зола; II. О литературной критике), № 11.— С. 322–351 (III. Русский роман; IV. Датская литература в девятнадцатом веке).

[4] В № 10 за 1888 г. журнала «Книжки "Недели"» было опубликовано стихотворение «Осыпаются розы в садах...».

8. Ю.А.БУНИНУ

18 октября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 4–6.

[1] Семенова Надежда Алексеевна (1863–1937) — редактор-издатель газеты «Орловский вестник» (см. также коммент. 1 к п. 13). Письмо ее неизвестно.

[2] Письмо это неизвестно. Позже Н.А.Семенова издала стихотворения Бунина (см. коммент. 8 к п. 24). Имеется в виду книга: Simon E. «Histoire du prince de Bismarc, 1847–87» (Paris, 1887). Что хотел предложить Бунин неизвестно: перевод книги или ее краткое изложение.

[3] Письмо неизвестно.

[4] Письмо Бунина неизвестно. П.А.Гайдебуров в ответном письме к Бунину от 4 октября 1888 г. отмечал: «Из присланного Вами стихотворения я с удовольствием увидел, что мои предположения насчет Ваших поэтических данных не опровергаются. <...> пьеска очень поэтична и написана весьма тщательно. Мне остается только пожелать Вам столь же удачного продолжения» (РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 7, л. 1).

[5] См. коммент. 4 к п. 7.

[6] 9 октября 1888 г. П.Гайдебуров писал: «Сегодня я совершенно случайно увидел номер "Родины" (журнала, мною не получаемого), и в нем Ваше стихотворе-

ние. Так как у Вас есть — как я писал Вам и раньше — несомненные задатки поэтического творчества, то позвольте мне предостеречь Вас от участия в изданиях такого литературного качества, как “Родина”. Это не только помешает Вашей литературной репутации, но и невыгодно отзовется на развитии Вашего дарования. Напр., в “Дубовых листьях” очень поэтична мысль, но в стихотворении есть крупные, хотя и легко исправимые недостатки, — а оно между тем напечатано без всяких исправлений. Если присылаемые Вами стихотворения будут не хуже напечатанных в “Неделе”, то они могут появляться хоть в каждой книжке, и даже по нескольку разом» (РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 7, л. 2).

7 Письмо неизвестно.

8 Речь идет о стихотворении Бунина «Осенние листья» («Листья сухие с деревьев летят...»), опубликованном в журнале «Родина» (1888.— № 41 (9 окт.).— Стб. 1132).

9 Бунин имеет в виду свои статьи, опубликованные в журнале «Родина»: «Поэт-самоучка: По поводу стихотворений Е.И.Назарова» (1888.— № 24 (12 июня).— Стб. 630–634); «Недостатки современной поэзии» (1888.— № 28 (10 июля).— Стб. 736–740) и статью «Периодические издания», опубликованную в газете «Родина» (1888.— 14 авг. (№ 33).— Стб. 529–531).

10 Речь идет о журнале «Эпоха», выходившем в Москве в 1886–1887 гг. В 1888 г. в октябре вышел № 1, однако возобновленный журнал более не выходил.

11 Г.А.Лукин писал Ю.А.Бунину 26 октября 1888 г.: «Разнообразит нашу жизнь Ив<ан> Алексеевич... Хороший он человек! Мы его с Дуней любим и душевно сочувствуем его поэтическим успехам. После Вас — это единственный человек, с которым приятно посидеть час, другой. Иногда читаем вместе его стихотворения. Как-то читали рассказы Короленко <..> В этом случае помогает много любезный Ив<ан> Ал<ексеевич>. Попалось ему хорошее что прочитать, спешит и меня познакомить, за что я ему очень признателен. Недавно мы вместе были у Кричевских. Просматривали “Орлов. вестник” (Крич<евские> вып<исывают> его), ему попалось объявление о журнале “Эпоха”. Он так шумно приветствовал это открытие, что я не знал чему приписать это настроение» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3531/ 1 оф).

12 Иванова Авдотья Вуколовна — дочь Вукола Иванова — незаконнорожденного сына И.В.Пушешникова.

13 Празднование в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы было 22 октября. Ставили ли пьесу А.Н.Островского «Шутники: Картины московской жизни в 4-х действиях» (1864) неизвестно.

14 Бунин Петр Николаевич (1857–?) — брат С.Н.Пушешниковой.

15 Прозвище Иванова Ивана Вуколовича — сына Вукола Иванова.

9. Ю.А.БУНИНУ

20 ноября 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 7–10.

1 См. п. 8 и коммент. 4, 6 к нему.

2 Имеется в виду учебник: Арифметика / Сост. А.Ф.Малинин и К.Буренин.— 16-е изд.— М., 1888.

3 Имеется в виду учебник: Руководство ко всеобщей истории: Курс старшего возраста / Сост. Д.И.Иловайский.— 5-е изд.— М., 1872–1874.— Ч. 1: Древняя история; Ч. 2: Средняя история.

4 Имеется в виду: Щедрин Н. Мелочи жизни // Вестник Европы.— 1886.— № 11.— С. 229–268, № 12.— С. 589–632, 1887.— № 1.— С. 30–60, № 2.— С. 478–521, № 3.— С. 58–98, № 4.— С. 518–530; Арсеньев К. Поэты двух поколений: Полное собрание сочинений Я.П.Полонского. Т. 1. СПб., 1885. Стихотво-

рения С.Надсона. СПб., 1885. Стихотворения С.Г.Фруга. СПб., 1885 // Вестник Европы.— 1885.— № 10.— С. 757–776; Его же. Содержание и форма в новейшей русской поэзии: Стихотворения А.Н.Апухтина. СПб., 1886. Стихотворения С.А.Андреевского. СПб., 1886. Стихотворения С.Надсона. Изд. 4-е. СПб., 1886. Думы и песни С.Г.Фруга. СПб., 1887 // Вестник Европы.— 1887.— № 1.— С. 226–247; Его же. Еще о современных русских поэтах: Н.Минский и К.Фофанов // Вестник Европы.— 1887.— № 5.— С. 311–329.

[5] Речь идет о следующих книгах и публикациях: Милль Д.С. О подчинении женщины / Пер. с англ. М.Лялиной; Под ред. В.С.Лялина.— СПб., 1882; Тургенев И.С. Отчаянный: Из воспоминаний своих и чужих // Вестник Европы.— 1882.— № 1.— С. 37–56; Его же. Клара Милич: Повесть // Вестник Европы.— 1883.— № 1.— С. 13–62.

[6] В газете «Орловский вестник» за лето 1888 г. было опубликовано несколько материалов о школах без подписи, карандашные пометы в редакционной подшивке газеты (ГАОО, № 1265, 1266) отсутствуют на этих материалах, в связи с этим определить публикацию, принадлежащую Бунину, невозможно.

[7] Письмо неизвестно.

[8] О каких корреспонденциях идет речь неясно, т.к. все они публиковались без подписи.

[9] Речь идет, вероятно, о прозаике и переводчике Франце Викентьевиче Домбровском (1851–1909). О каком произведении говорится — оригинальном или переводном — установить не удалось.

[10] В газете «Неделя» было опубликовано открытое письмо Л.Н.Толстого к Р.Роллану «Ручной труд и умственная деятельность: Из письма к французу» (1888.— 13 нояб. (№ 46).— Стб. 1461–1465).

10. Ю.А.БУНИНУ

26 декабря 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 11–12.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 17–18 (отрывок).

[1] Т.е. к Рождеству Христову.

[2] Г.А.Лукин в недатированном письме, относящемся к этому периоду, сообщал Ю.А.Бунину: «Ив<ан> Ал<ексеевич> все время был здесь, но что с ним? Он положительно все время настроен не по-праздничному: мрачно-мистически настроен. Одно воспоминание о Вас на время озарит его светлым лучем, вызовет в нем воспоминания о лучшем прошлом, совместно с Вами прожитом и пережитом, а там опять апатия или самобичевание. Пожурите его, пожалуйста, за тон такой» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3531/2 оф).

[3] Источник цитаты установить не удалось.

[4] См. коммент. 8 к п. 8.

[5] В журнале «Книжки “Недели”» были опубликованы стихотворения: «Снились мне цветущие долины...»; «Не пугай меня грозою...» (1888.— № 12).

[6] Имеется в виду: Альбов М.Н. Повести и рассказы.— 2-е изд., доп.— СПб., 1887; Минский Н.М. Стихотворения.— СПб., 1887; Ясинский И.И. Стихотворения.— СПб., 1888.

[7] Имеется в виду: Успенский Г.И. Сочинения: В 2 т. / Вступ. ст. Н.Михайловского.— 2-е изд., доп.— СПб., 1889–1891.

11. Ю.А.БУНИНУ

29 декабря 1888

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 13–14.

[1] Туббе Отто Карлович — винокур, работавший на заводе помещиков Бахтеяровых в селе Глотово; знакомый Буниных.

[2] Косолобый — домашнее прозвище И.Бунина.

12. И.А.БЕЛОУСОВУ

19 января 1889

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 1.

Белоусов Иван Алексеевич (1863–1930) — поэт, прозаик, переводчик; один из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка, редактировал и составлял сборники стихотворений разных поэтов. Переводил стихотворения Т.Г.Шевченко, Я.Купала, М.Конопницкой, Р.Бернса, П.Ж.Беранже, А.Негри и др. Автор рассказов и стихов для детей, сотрудничал почти во всех детских журналах. В 1908 г. основал и возглавил книгоиздательство для детей «Утро» (в котором, в частности, вышел стихотворный сборник Бунина). Участник литературных кружков «Парнас» и «Среда». Автор литературных мемуаров. В 1911–1914 гг. редактировал и издавал «Наш журнал» и журнал «Путь», в которых принимал участие Бунин. Личное знакомство Белоусова с Буниным произошло в 1895 г. и вскоре они стали друзьями. Письма Бунина к Белоусову (1889–1917 гг.) сохранились более полно. Ответные письма Белоусова известны только за период с 1907 по 1917 г. (РГАЛИ, ОГЛМТ), письма более раннего периода, вероятно, утрачены.

[1] Назаров Егор Иванович (1848 или 1849–1900) — поэт-самоучка. Бунин познакомился с ним в Ельце в 1888 г.; написал критическую статью о первом стихотворном сборнике Назарова (см. коммент. 9 к п. 8).

[2] Белоусов И.А. Из «Кобзаря» Т.Г.Шевченко и украинские мотивы.— Киев, 1887.

13. Ю.А.БУНИНУ

20 января 1889

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 20–21.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 18 (отрывок).
Год написания определен по содержанию.

[1] Н.А.Семенова номинально значилась редактором-издателем газеты «Орловский вестник»; фактическим редактором которой был ее гражданский муж Б.П.Шелехов. Внук Н.А.Семеновой Е.Ю.Сентянин писал в воспоминаниях: «В 1880 году бабушка познакомилась с Борисом Петровичем Шелеховым и вступила с ним в "гражданский брак". Супруги переехали из Вологды в Орел, где сотрудничали в редакции издававшегося в то время в Орле "Орловского справочного листка". Редакторами-издателями "Листка" были Николай Оболенский, А.Н.Чудинов, а с 1881-го года редактором-издателем стала Н.А.Семенова. "Орловский справочный листок" был преобразован в ежедневную газету "Орловский вестник"... Редакция и типография помещались в собственном доме бабушки, дом стоял на углу Борисоглебской и улицы графа Милютина» (ОГЛМТ, ф. 14, № 1037 оф). О Б.П.Шелехове один из его современников вспоминал: «это был низенький, чер-

нецький и необыкновенно нервный человек» (Белоконский И.П. Дань времени: Воспоминания.— М., 1928.— С. 39). Бунин стал сотрудником редакции газеты «Орловский вестник» с осени 1889 г. и первое время жил в доме Н.А.Семеновой при редакции (ул. Зиновьевская, д. 2 — ныне ул. Гуртьева; дом не сохранился).

[2] См. коммент. 9 к п. 8.

[3] См. коммент. 7 к п. 4, коммент. 4 к п. 7, коммент. 5 к п. 10. В газете «Орловский вестник» в 1889 г. стихотворения Бунина из журнала «Книжки “Недели”» не перепечатывались; эти перепечатки стали появляться в газете только в 1890 г.

[4] Письмо неизвестно.

14. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 февраля 1889

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 2–3.
Впервые: *Рад. літ.*— 1957.— № 4.— С. 133–134.

[1] См. коммент. 2 к п. 12.

[2] Стихотворения Т.Г.Шевченко к этому времени переводили Л.А.Мей, А.Н.Плещеев, Н.В.Гербель, Н.А.Чмырев, В.Базаров, О.А.Лепко.

[3] Со многими стихотворениями Т.Г.Шевченко русские читатели впервые познакомились благодаря А.Н.Плещееву. Первая строка перевода этого стихотворения у Плещеева: «И долину, и курганы...».

[4] В ежедневной газете «Вестник литературный, политический, научный, художественный, с афишами» (М., 1883–1895) в начале 1889 г. были опубликованы стихотворения И.Белоусова: «Солдатка» — 29 янв. (№ 1375), «Товарищу-поэту» — 2 февр. (№ 1378).

[5] В журнале «Родина» стихотворение под таким названием не обнаружено.

[6] О каком стихотворении идет речь неясно.

[7] См. коммент. 6 к п. 8.

[8] См. коммент. 7 к п. 4, коммент. 4 к п. 7, коммент. 5 к п. 10. В № 1 журнала «Книжки “Недели”» за 1889 г. было опубликовано стихотворение «Помню, — долгий, зимний вечер...».

[9] В журнале «Родина» с февраля 1887 по август 1888 г. было опубликовано 17 стихотворений и 2 рассказа Бунина. См. также коммент. 8 к п. 8.

[10] В журнале «Родина» часто печатались стихотворения И.Тодорова и Н.Софийского.

[11] См. коммент. 9 к п. 8.

[12] Московскую газету «Вестник литературный, политический, научный, художественный, с афишами» редактировал и издавал Федор Александрович Гиляров. В газете печатали свои произведения помимо И.Белоусова — С.Лютов, Е.Назаров, И.Вдовин, И.Усов, А.Слюзов, Н.Давыдова, А.Крюков и др.

[13] Вдовин Иван Матвеевич (1864 — после 1929) — поэт-самоучка, публицист.

15. Ю.А.БУНИНУ

17 марта 1889

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 16.
Месяц и год определены по содержанию: в марте 1889 г. Бунин приехал к Ю.Бунину в Харьков.

16. А.Н., Л.А., М.А., Е.А., Н.К.БУНИНЫМ

13, 14, 15 апреля 1889

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2871 оф.

Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 274–276 (с мелкими неточностями и купюрами).

С даты «15 и» (кроме «14 апреля») и далее весь текст письма написан карандашом. В конце письма Буниным сделана приписка, вероятно, более позднего происхождения: «Послано было в Глотово, О.К.Туббе для Евгения».

См. коммент. 2 и 4 к п. 1, коммент. 1 и 3 к п. 2, коммент. 2 к п. 6. Обычно Бунин писал своим родным общие письма, обращаясь ко всем. Переписка эта была, по всей видимости, редкая и из нее далеко не все сохранилось. Известны единичные письма И.Бунина к отцу и матери, более часто он переписывался с сестрой Машей, однако и к ней бунинские письма сохранились фрагментарно. Из ответных писем известно только два от А.Н.Бунина за 1893 и 1904 г. (ОГЛМТ), семь от Л.А.Буниной за 1894–1906 гг. (ОГЛМТ); более полно представлены ответные письма М.А.Буниной за 1896–1915 гг. (ОГЛМТ), при этом часто сестра обращалась одновременно к двум братьям — Ивану и Юлию. Известны только четыре ответные письма Е.А.Бунина за 1896–1897 гг. (ОГЛМТ). Н.К.Бунина, вероятно, не писала И.Бунину отдельно, т.к. неизвестно ни одного ее письма.

17. Ю.А.БУНИНУ

Июнь 1889

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 46.

Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 277–278 (с мелкими неточностями и ошибочной датировкой: июнь — июль 1890).

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 11.

[1] Имеется в виду В.А.Орлова.

[2] О какой статье идет речь неясно. В «Экономическом журнале» за 1889 г. публикаций Ю.А.Бунина не обнаружено.

[3] День памяти мучеников Кирика и Иулитты приходится на 15 июля.

[4] Елизавета Евграфовна (фамилия неизвестна) — гражданская жена Ю.А.Бунина; И.Бунин познакомился с ней в Харькове в апреле 1889 г.

[5] В газете «Орловский вестник» в 1889 г. были опубликованы два рассказа Бунина «Божьи люди. Очерк» (20 сент. (№ 125).— С. 2–3.— Подпись: Ив. Б-н); «День за день. Старая история» (22 нояб. (№ 156).— С. 2).

18. Е.А. и Н.К.БУНИНЫМ

17 ноября 1889

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2870 оф.

Год и место написания определены по содержанию.

[1] В.Н.Муромцева-Бунина писала о приезде Бунина в Харьков в ноябре 1889 г.: «Этот приезд был не очень удачный: младший Бунин заболел. Денег не было, — он недоедал. Когда слег, Воронцы взяли его к себе. Есть его запись: “я в Харькове в ноябре, нищий, больной у Воронцов”» (*Муромцева-Бунина*.— С. 108). Семья Воронцов — хорошие знакомые Ивана и Юлия Буниных. Воронец Эммануил Дмитриевич — искусствовед, в конце 1880-х годов жил в Харькове, входил в народнический кружок, членом которого был Ю.Бунин. Воронец Зинаида Ивановна — жена Э.Д.Воронца, переводчица.

19. Ю.А.БУНИНУ

Начало января 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 129–130.
Датируется предположительно по содержанию и по характеру почерка.

[1] Имеется в виду гонорар за материал для «Орловского вестника».

20. Ю.А.БУНИНУ

До мая 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 58.
Дата и место написания определены по содержанию и по следующим фактам: Ю.А.Бунин в мае 1890 г. переехал в Полтаву, семья Воронцов жила в это время в Харькове, следовательно это письмо относится к харьковскому периоду жизни Ю.Бунина.
Письмо без начала.

[1] Имеется в виду, вероятно, Резвая Александра Владимировна (1868–1916) — племянница Л.А.Рышковой.
[2] Речь идет о продаже земли в Озёрках Е.А.Буниным Н.Ф.Цвиленеву.
[3] Бунин проходил призыв на воинскую службу в ноябре 1891 г.
[4] Бунин через Юлия просил Зинаиду Ивановну Воронец перевести поэму А. де Мюссе «Ролла» (1833).

21. Л.Н.ТОЛСТОМУ

12 июня 1890

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 1, № 139/14, л. 1–2.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 197–198.
На верхнем поле письма помета: № 10. Кр. Сон.
Бунин познакомился с Л.Н.Толстым в январе 1894 г. в Москве; пережил увлечение «толстовством». Позднее, в эмиграции, вышла книга Бунина «Освобождение Толстого» (Париж, 1937). Переписка Бунина с Л.Толстым, можно предположить, сохранилась полностью, она носила эпизодический характер. Переписка двух писателей опубликована: Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т.— М., 1978.— Т. 2.— С. 384–392.

[1] Речь идет о «Послесловии» к повести Л.Толстого «Крейцерова соната». Из-за цензуры это «Послесловие» распространялось в списках.
[2] Л.Толстой, по всей видимости, не ответил на это письмо.

22. Ю.А.БУНИНУ

28 или 29 июня 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 31а–31д.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 278–279 (отрывок с неточной датировкой: не позднее 1-й половины июля 1890).
Дата и место написания определены по содержанию и по упоминанию очерка «“Шаман” и Мотька».

[1] С мая 1890 г. Ю.Бунин жил в Полтаве и работал в Статистическом бюро губернской земской управы.

[2] Имеется в виду С.Н.Пушешникова.
[3] И.В.Иванов.
[4] Туббе Александра Гавриловна — жена О.К.Туббе.
[5] Имеется в виду статья «К будущей биографии Н.В.Успенского», опубликованная в «Орловском вестнике» (1890.— 31 мая (№ 125).— С. 2–3).
[6] Имеется в виду рассказ Бунина «"Шаман" и Мотька», опубликованный в «Орловском вестнике» (1890.— 26 июня (№ 151).— С. 2; 27 июня (№ 152).— С. 2–3.— Подпись: И.А.Чубаров).

23. Ю.А.БУНИНУ

Середина июля 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 42.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 22.

[1] См. коммент. 6 к п. 22.
[2] Бунин приехал в Орел около 21 июля 1890 г.
[3] Имеется в виду рубрика «Литература и печать» в газете «Орловский вестник». С начала 1890 г. эта рубрика появлялась в газете 22 раза. Какие тексты этой рубрики принадлежат Бунину определить не представляется возможным, т.к. всегда эта рубрика печаталась без подписи. Карандашные пометы в редакционной подшивке газеты за этот период на материалах этой рубрики отсутствуют (ГАОО, № 1271, 1272).
[4] Имеются в виду статьи в «Орловском вестнике» по различным вопросам городской и губернской жизни. Эти публикации в основном появлялись без подписи, в связи с чем определение авторства той или иной статьи проблематично.
[5] Пащенко Владимир Егорович — елецкий врач, отец В.В.Пащенко.
[6] Пащенко Варвара Владимировна (см. также коммент. к п. 27).
[7] Пащенко Варвара Петровна продолжала актерскую деятельность, участвуя в любительских спектаклях.
[8] Речь идет о продаже Е.А.Буниным земли в Озёрках Н.Ф.Цвиленеву.
[9] См. п. 22 и коммент. 5 к нему. К тому письму, вероятно, Бунин забыл приложить эту статью и послал ее при этом письме.

24. Ю.А.БУНИНУ

22 июля 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 29–31.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 287–289 (с купюрами).
Год и место написания определены по содержанию.
Первый лист письма написан на именном бланке Б.П.Шелехова, который перечеркнут; последняя страница — на перевернутом листе почтовой бумаги редакции «Орловского вестника».

[1] Токарева Елена Николаевна — елецкая подруга Варвары Пащенко.
[2] Неустановленное лицо. См. также п. 29.
[3] Цитата из стихотворения К.М.Фофанова «Поэт» (Фофанов К.М. Стихотворения.— СПб., 1889.— С. 147–149).
[4] Приводится первая половина стихотворения Я.П.Полонского «Зимний путь», девятая строка цитируется неточно, правильно: «Раздается в тумане дремучих лесов».

[5] В «Орловском вестнике» (1890.— 20 июля (№ 175).— С. 1) сообщалось о бенефисе Я.С.Типского в летнем театре в саду «Эмиртаж» 20 июля.

[6] Имеется в виду 5-я картина из оперы П.И.Чайковского «Евгений Онегин» (1879).

[7] Заключительные строки стихотворения М.Ю.Лермонтова «Два великана» (1832). Это стихотворение положили на музыку Д.А.Столыпин, Э.Ф.Направник, М.Д.Васильев, М.А.Шишкин, С.А.Траилин и др.

[8] Книга Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» была издана в Орле в 1891 г. в качестве бесплатного приложения к газете «Орловский вестник».

[9] Имеется в виду С.Н.Пушешникова.

[10] Ромашков Николай Осипович (иногда упоминается его отчество — Иосифович) — домашний учитель И.Бунина в 1878–1881 гг.

[11] Имеется в виду стихотворение «Любил я в детстве сумрак в храме...», опубликованное в журнале «Книжки "Недели"» (1890.— № 7.— С. [86]).

25. Ю.А.БУНИНУ

27 июля 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 32–33.

Впервые: *Материалы (1)*.— С. 22–23 (отрывок).

Дата и место написания определены по поставленной в конце письма печати: Орловский вестник 27 июль. 90.

Второй лист письма написан на именном бланке Н.А.Семеновой.

[1] Текст пьесы и история этого замысла неизвестны.

[2] Имеется в виду перевод повести Соломона Моисеевича Абрамовича (1836–1917) «Кляча» с предисловием Бунина (Орловский вестник.— 1890.— 21 июня (№ 146).— С. 2–3; 22 июня (№ 147).— С. 2; 24 июня (№ 149).— С. 2).

[3] Речь идет, вероятно, о статье «Из орловской старины: Орловский театр в 20-х годах» (Орловский вестник.— 1890.— 11 окт. (№ 254).— С. 2–3.— Подпись: И.Б.). Эта статья, очевидно, была написана Буниным в июле 1890 г., а опубликована в газете позднее, т.к. ранее подобной публикации в газете не обнаружено. В статье говорилось об орловском театре Каменского.

[4] Имеется в виду статья Г.Эртаулова «Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С.М.Каменского в г. Орле» (Дело.— 1873.— № 6.— С. 184–219), написанная по поводу статьи И.А.Шестакова «Полвека обыкновенной жизни» (Русский архив. — 1873.— № 2), которая побудила Г.Эртаулова к написанию собственных воспоминаний.

[5] См. коммент. 3 к п. 23.

[6] См. п. 24.

[7] См. коммент. 1 к п. 21.

[8] 27 июля 1890 г. в летнем театре в саду «Эрмитаж» шла пьеса П.П.Гнедича «Перекати-поле». В спектакле принимала участие Варвара Вл. Пащенко (см.: Орловский вестник.— 1890.— 27 июля (№ 182).— С. 1).

26. Ю.А.БУНИНУ

Между 4 и 8 августа 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 55.

Дата и место написания определены предположительно по содержанию и по характеру почерка.

Письмо без начала, написано карандашом.

[1] См. п. 24 и 25.

27. В.В.ПАЩЕНКО

22, 23 августа 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2760 оф.

Месяц, год и место написания письма определены по содержанию, по карандашной помете Бунина «1890» и по связи с п. 28 и 29.

Пащенко Варвара Владимировна (1869 или 1870–1918) — дочь елецкого врача В.Е.Пащенко; гражданская жена Бунина. Точная дата рождения Пащенко неизвестна. По мнению А.К.Бабореко, Пащенко родилась в 1870 г., подтверждением чему он приводит письмо ее матери — Варвары Петровны Пащенко от 11 января 1894 г., в котором она написала дочери: «тебе минуло 24 года» *(Материалы (2).*— С. 325). В.Н.Муромцева-Бунина писала, что Пащенко «была почти на год старше Бунина» (*Муромцева-Бунина.*— С. 107). В письме к Пащенко от 4 декабря 1891 г. Бунин поздравляет ее с днем ангела (4 декабря — день великомученицы Варвары). Однако из всех этих свидетельств и фактов невозможно определить точный год рождения Пащенко, т.к. она могла родиться или в декабре 1869 г., или в январе 1870 г. В 1888 г. Пащенко закончила Елецкую женскую гимназию. Была участницей орловского «Музыкально-драматического кружка», который ставил любительские спектакли. Знакомство Бунина с Пащенко произошло в июне 1889 г. Взаимоотношения Пащенко с Буниным продолжались несколько лет, прерываясь ссорами, разъездами. Родители Пащенко были категорически против брака дочери с Буниным. В ноябре 1894 г. Пащенко оставила Бунина и в 1895 г. вышла замуж за А.Н.Бибикова. Переписка Бунина с В.Пащенко была большая, но наиболее полно сохранились только письма И.Бунина за 1890–1895 гг. Из ответных писем Пащенко до нас дошло два (ОГЛМТ, ИМЛИ ОР), по всей видимости, остальные были утрачены.

[1] Полностью приводится стихотворение А.А.Фета «Я тебе ничего не скажу...» (с некоторыми неточностями в пунктуации), на эти слова П.И.Чайковский написал романс (1886).

[2] Слова из трагедии В.Шекспира «Гамлет».

[3] Источник цитаты не установлен.

[4] Романс П.И.Чайковского на слова А.К.Толстого.

[5] Романс П.И.Чайковского «Рассвет» («Занялася заря») на слова И.З.Сурикова.

[6] В селе Воргол Елецкого уезда Орловской губернии было имение помещиков Бибиковых, где Бунин и В.Пащенко в середине августа провели несколько дней. «И в эти дни они “встретили любовь”, — как пишет Иван Алексеевич в одной из своих заметок» (*Муромцева-Бунина.*— С. 112). См. также п. 29.

[7] При письме стихотворение не сохранилось.

28. В.В.ПАЩЕНКО

27 августа 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2753 оф.

Впервые: *Время.*— С. 91–93.

Место написания определено по содержанию.

[1] Строки из стихотворения немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера (1759–1805) «Кассандра».

[2] Роман «Человек-зверь» входит в двадцатитомную серию романов французского писателя Эмиля Золя (1840–1902) «Ругон-Маккары».

[3] Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888) — театральный деятель, теоретик искусства, критик, переводчик; создатель журнала «Артист». Речь идет о статье С.А.Юрьева «Несколько мыслей о сценическом искусстве» (Русская мысль.— 1888.— № 2.— Отд. II, с. 51–77; № 3.— Отд. II, с. 78–97; № 5.— Отд. II, с. 43–65; № 10.— Отд. II, с. 140–161).

29. Ю.А.БУНИНУ

28 августа 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2772 оф.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 280–286.

[1] См. п. 24 и коммент. 2 к нему.
[2] Имеется в виду В.А.Орлова.
[3] В.В.Пащенко была племянницей Б.П.Шелехова и в свои приезды в Орел останавливалась в доме своей «тетушки», как она называла Н.А.Семенову.
[4] В имении Бибиковых в селе Воргол. С семьей Бибиковых Бунина и В.Пащенко связывали дружеские отношения.
[5] Росси Эрнесто (1827–1896) — итальянский трагический актер. В апреле — мае 1890 г. гастролировал в Орле. В «Орловском вестнике» обстоятельно освещались гастроли Росси. Можно предположить, что некоторые рецензии на спектакли с участием Росси принадлежат Бунину (как обычно, все они печатались без подписи). В.Н.Муромцева-Бунина писала: «Театры, концерты он посещал в качестве рецензента, благодаря чему Иван Алексеевич познакомился со знаменитым на весь мир Росси, видел, как тот “дрожал” перед выходом на сцену» (*Муромцева-Бунина.*— С. 112).
[6] Семья Пащенко жила в Ельце в собственном доме на Старооскольской улице (ныне ул. Пушкина, д. 55).
[7] См. п. 23 и 24.
[8] См. коммент. 8 к п. 25.
[9] В.В.Пащенко брала уроки музыки, мечтала о консерватории и сцене. Вместе с матерью В.П.Пащенко она участвовала в любительских спектаклях в Ельце и в Орле.
[10] Пащенко Владимир Владимирович (1871–?) — брат В.В.Пащенко.
[11] С Бибиковым Арсением Николаевичем (1873–1927) Бунин познакомился в 1889 г. в Ельце. У А.Н.Бибикова были сестры Елизавета, Варвара, Антонина, Анна.
[12] Орловская гостиница в Ельце на ул. Торговой (ныне ул. Мира, д. 92).
[13] Письмо неизвестно.
[14] Имеется в виду книга: Григорьев А.А. Сочинения.— СПб., 1876.— Т. 1.
[15] См. коммент. 2 к п. 28.
[16] Имеется в виду повесть Л.Толстого «Крейцерова соната».
[17] В журнале «Северный вестник» (1890.— № 9.— С. 138) было опубликовано стихотворение «Отчего так печальна природа?..».
[18] В журнале «Наблюдатель» (1890.— № 8.— С. 69–70) было опубликовано стихотворение «Три ночи» («Старый сад всю ночь шумел угрюмо...»).
[19] Письмо неизвестно.
[20] Письмо неизвестно.

30. В.В.ПАЩЕНКО

4, 5, 6 сентября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2754 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 287–290.

Год и место написания определены по содержанию и по карандашной помете Бунина слева вверху письма: «1890?»

[1] А.А.Черепанов — антрепренер орловского городского театра.

[2] Померанцев Дмитрий Владимирович — почтово-телеграфный чиновник 6-го разряда в Орловской почтово-телеграфной конторе; брат Померанцевой Александры Владимировны (1871–1967; в замужестве Курицына) — писательница, журналистка, в начале 1890-х гг. работала в редакции «Орловского вестника». Воспоминания Бунина об А.В.Померанцевой приводит Г.Н.Кузнецова в «Грасском дневнике» (*Кузнецова.*— С. 168–169).

[3] На Болховской ул. (ныне ул. Ленина) в Орле находилась публичная библиотека при редакции «Орловского вестника».

[4] Алейников Леонид Маркович — орловский адвокат, помощник присяжного поверенного; брандмейстер Вольного пожарного общества в Орле. Участник любительских спектаклей орловского «Музыкально-драматического кружка»; поклонник В.В.Пащенко.

[5] Речь идет о стихотворении, которое Бунин привел в п. 29.

31. В.В.ПАЩЕНКО

7 сентября 1890

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 10, л. 1.

Датируется по содержанию и по связи с п. 30, 32 и 71.

Текст письма, вероятно, неполный.

[1] Имеется в виду «Музыкально-драматический кружок», созданный в Орле в 1889 г. Бунин в «Орловском вестнике» печатал заметки о представлениях кружка, в котором участвовала В.В.Пащенко.

[2] Семья Белоконского Ивана Петровича (1855–1931) — сотрудника редакции «Орловского вестника», где он выполнял обязанности «заведующего внутренним отделом» (1886–1895). Участник народнического движения; на издательской базе «Орловского вестника» выпустил книгу «По тюрьмам и этапам» (1886), автор исследования «Земское движение» (М., 1914).

[3] Миронов И.И.— артист-любитель орловского «Музыкально-драматического кружка».

32. В.В.ПАЩЕНКО

8 сентября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2755 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 291–292 (с мелкими неточностями).

Год определен по карандашной помете Бунина: «1890».

[1] «Курский листок» — ежедневная газета общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли (Курск, 1878–1906). Издатель газеты С.А.Фесенко в 1890 г. искал редактора, в течение этого года сменилось два редактора, газета дважды приостанавливала свой выход. Так, с 1 августа по 29 октября

1890 г. «Курский листок» не выходил. Право издание газеты Буниным не было приобретено.

[2] См. п. 29.

[3] Слова Демона, обращенные к Тамаре из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» (1841) — часть II (X).

[4] А.Н.Бибиков учился в Земледельческой школе под Харьковом, и Бунин встречался с ним в свои приезды в Харьков.

33. Ю.А.БУНИНУ

Между 23 и 26 сентября 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 47.
Датируется по содержанию и по связи с п. 34 и 36.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Телеграммы неизвестны.
[3] Ласкаржевский Иосиф Адамович (?).
[4] Имеется в виду п. 29.

34. В.В.ПАЩЕНКО

26 сентября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2756 оф.
Место написания определено по содержанию.

[1] Имеются в виду ложные слухи о смерти Ю.А.Бунина.
[2] Н.Ф.Цвиленев.
[3] См. коммент. 2 к п. 42.

35. В.В.ПАЩЕНКО

26 сентября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2756 оф.
Месяц и год определены по карандашной помете Бунина: «1890 г. 26 сент.».

[1] Имеется в виду, вероятно, книга английского писателя, философа и историка Томаса Карлейля (1795–1881) «История французской революции» (Пер. под ред. Н.Ляпидевского.— М., 1886.— Т. 1).

36. Ю.А.БУНИНУ

29 сентября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8940 оф.
Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 293 (с опечаткой в дате: 20 сентября).
Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 32.
Написано на именном бланке Н.А.Семеновой.

[1] См. п. 29.
[2] См. коммент. 8 к п. 24.
[3] В мае 1890 г. Ю.А.Бунин переехал из Харькова в Полтаву.
[4] Э.Д.Воронец.

37. В.В.ПАЩЕНКО

6 октября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2757 оф.
Впервые: *Весна пришла.*— С. 216.
Место написания определено по содержанию.

[1] Имеется в виду фотопортрет И.Бунина, сделанный в Фотографии Б.Б.Пейроша в Орле на Болховской ул. Воспроизведена в *ЛН* (Т. 84, кн. 1.— С. 157) с датой 1889 г. Также эту фотографию датирует В.Н.Муромцева-Бунина. Однако, судя по данному письму, эта фотография была сделана в 1890 г.
[2] Фотография И.Бунина с Б.П.Шелеховым неизвестна.
[3] Вл.Вл.Пащенко.
[4] Кашкин Владимир Дмитриевич — владелец книжно-музыкальных магазинов в Орле и Курске; казначей «Комитета народных чтений»; певец-любитель, участник орловского «Музыкально-драматического кружка».
[5] Под словом «рустик» Бунин, по всей видимости, имел в виду или плотную бумагу с неровной выпуклой поверхностью, или переплетный материал: например, кожаные с тиснением папки для переплета тонких журналов.
[6] Шемаев Григорий Алексеевич — владелец книжного магазина в Орле; гласный Городской думы по 2-й категории.

38. Ю.А.БУНИНУ

28 октября 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 34.

[1] Бунин поехал в Полтаву к Ю.А.Бунину 20 ноября 1890 г.

39. Ю.А.БУНИНУ

16 ноября 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 35.
Написано на бланке редакции «Орловского вестника».

[1] См. п. 38 и коммент. к нему.

40. А.Н. и Л.А.БУНИНЫМ

18 ноября 1890

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2891 оф.
Написано на бланке редакции «Орловского вестника».

[1] См. коммент. 1 к п. 38.
[2] Имеется в виду М.А.Бунина.

41. Ю.А.БУНИНУ

10 декабря 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 36–37.
Написано на бланке редакции «Орловского вестника».

[1] Имеется в виду возвращение Бунина из Полтавы от Ю.Бунина через Харьков в Орел.

[2] Блан Луи (1811–1882) — французский политический деятель.

[3] Бунин уехал из Орла, вероятно, 18 декабря 1890 г. (см. п. 42).

[4] Штандель Евгений Александрович — репортер «Орловского вестника».

[5] Орлов Иван Васильевич — статистик Полтавской губернской земской управы, бывший политический ссыльный, состоял под надзором полиции.

[6] Речь идет о гонораре за опубликованные в журнале «Наблюдатель» (1890.— № 11.— С. 177–178) стихотворения Бунина под общим заглавием «Из крымского дневника»: I. «...Светает... Над морем, под пологом туч...»; II. «На морском берегу, на скале...».

42. Ю.А.БУНИНУ

15 декабря 1890

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 38.

Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 289–290.

Датируется по печати на письме: Орловский вестник 15 декаб. 90. Также на письме имеется печать: Редакция газеты «Орловский вестник».

[1] Заньковецкая Мария Константиновна (1854–1934; наст. фам. Адасовская) — украинская актриса, народная артистка УССР (1922). В составе труппы товарищества русско-малорусских артистов под управлением Н.К.Садовского в рамках гастролей в Орле со 2 декабря 1890 г. М.К.Заньковецкая, в частности, участвовала в спектаклях: 9 декабря — в мелодраме «Пидгоряне», 11 декабря — в оперетте Михаила Петровича Старицкого (1840–1904) «Черноморцi», 12 декабря — в драме Марка Лукича Кропивницкого (1840–1910) «Доки солнце зійде, роса очі виїст», 14 декабря — в оперетте М.П.Старицкого «Ой не ходи Грицю та на вечерници», 16 декабря — в драме М.Л.Кропивницкого «Дай серцю волю — заведе у неволю». В «Орловском вестнике», сообщавшем об этих спектаклях, также печатались отзывы об игре актеров. В рубрике «Маленькая беседа» (Орловский вестник.— 1890.— 12 дек. (№ 315).— С. 2) говорилось: «...милая, изящная, с мягким музыкальным голосом, г-жа Заньковецкая порою производит впечатление даже не как артистка, а просто как человек <...> г. Садовский и г-жа Заньковецкая производят глубокое впечатление и дают истинное эстетическое наслаждение своею игрою. Так, например, в пьесе “Пидгоряне”, поставленной труппой в прошлое воскресенье, роли и первого и второй были не особенно сильные, но все-таки исполнение их было безукоризненное, а местами даже потрясающее». В рубрике «Дневник» (Орловский вестник.— 1890.— 13 дек. (№ 316).— С. 1) отмечалось: «Вчерашний спектакль малороссийской труппы под управлением г. Садовского имел такой же блестящий успех, как и предыдущие, с участием г-жи Заньковецкой. Роль Оксаны в драме “Доки солнце зійде, роса очі виїст” была исполнена ею безупречно; последняя сцена смерти произвела на зрителей очень сильное впечатление, выразившееся в громких и долгих аплодисментах и вызовах».

[2] Будучи членом орловского «Музыкально-драматического кружка», В.В.Пащенко участвовала в любительских спектаклях в Ельце и Орле. Так, «Орловский вестник» сообщал: «В помещении Орловского музыкально-драматического кружка вчера были исполнены две пьесы: водевиль Руднева “Две капли воды” и комедия Крылова “До поры до времени”. Лучше исполнена была, конечно, вторая, благодаря участию в ней Н.Ф.Королева, Ф.М.Орлова и В.В.Пащенко, расположившей к себе орловскую публику» (1890.— 18 дек. (№ 321).— С. 1). «На 28-е января в Ельце назначен любительский спектакль с благотворительной целью. В этом спектакле будут участвовать Е.А.Хлебникова и В.В.Пащенко» (1891.— 20 янв. (№ 20).— С. 1). «На завтра назначен спектакль членов “Музыкально-драматического кружка”. Будет исполнена

комедия “Лакомый кусочек” В.Крылова. Участвуют В.В.Пащенко, А.С.Озерова, П.Д.Потемкин и др.» (1891.— 7 февр. (№ 37).— С. 1.— Об этом спектакле см. отрицательный отзыв в той же газете: 1891.— 11 февр. (№ 41).— С. 1). «После праздников предполагается любительский спектакль, для которого выбрана комедия г. Хотева “Степная красавица”. В спектакле будет участвовать В.В.Пащенко, приехавшая на днях из Ельца» (1891.— 17 апр. (№ 103).— С. 1).

[3] См. коммент. 8 к п. 24.

[4] Далее Бунин упоминает следующие передовые статьи в «Орловском вестнике»: «Очень важное постановление» (1890.— 12 дек. (№ 315).— С. 2), «Матери-страдалицы» (1890.— 15 дек. (№ 318).— С. 2). Атрибутировать другие передовые статьи этого периода не представляется возможным, т.к. все они печатались без подписи.

[5] См. п. 47.

[6] При этом письме никаких приложений не сохранилось.

43. А.П.ЧЕХОВУ

Начало января 1891

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 1–2.

Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 199–200.

Датируется по содержанию.

Бунин познакомился с А.П.Чеховым в 1895 г. в Москве, писатели на всю жизнь остались большими друзьями. Бунин написал о Чехове несколько мемуарных очерков, готовил книгу о нем, но не успел ее закончить (О Чехове.— Нью-Йорк, 1955.— Книгу выпустила В.Н.Муромцева-Бунина). Переписка Бунина с Чеховым сначала носила эпизодический характер, но с начала 1900-х гг., когда Бунин стал «своим человеком» в доме Чеховых, переписка становится регулярной. Все известные письма Бунина к Чехову за 1891, 1895, 1901–1904 гг., а также сохранившиеся ответные письма Чехова опубликованы.

По поводу этого письма В.Н.Муромцева-Бунина писала: «Она <В.В.Пащенко> давно уговаривала его написать Чехову, спросить, считает ли он его талантливым? стоит ли ему заниматься литературой? Он долго не соглашался. Наконец уступил ее настойчивости. <...> Молодой писатель, несмотря на согласие Чехова, ни разу ничего ему не послал. А перед своей смертью Иван Алексеевич сетовал, что “Варварка уговорила его написать это письмо” <...> себе же он не прощал своего первого письма Чехову» (*Муромцева-Бунина.*— С. 113).

[1] А.П.Чехов ответил Бунину 30 января 1891 г.: «Очень рад служить Вам, хотя, предупреждаю, я плохой критик и всегда ошибался, особенно когда мне приходилось быть судьею начинающих авторов. Присылайте мне Ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны» (*Чехов. ПСС.*— Т. 4.— С. 172).

[2] К этому времени Бунин опубликовал 10 стихотворений в «Книжках “Недели”», 2 стихотворения в «Северном вестнике», 4 рассказа и 12 стихотворений в «Орловском вестнике», а также 19 стихотворений и 2 рассказа в «Родине», 3 стихотворения в «Наблюдателе».

44. В.Е.ПАЩЕНКО

13 января 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 18, л. 1.

Написано на именном бланке Н.А.Семеновой.

См. коммент. 5 к п. 23. Письма В.Е.Пащенко к Бунину неизвестны.

[1] Имеются в виду, вероятно, фотографии, упоминаемые в п. 37.

45. В.В.ПАЩЕНКО

17 января 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 1–3.
Впервые: *Лит. Смоленск.* — С. 290–292.

[1] Мещеринов Николай Николаевич — заведующий библиотекой при редакции «Орловского вестника», впоследствии сотрудник Статистического бюро Орловской губернской земской управы.

[2] В.П.Пащенко.

[3] Бунин приезжал в Елец на свидание с В.В.Пащенко, вероятно, 13 января 1891 г.

[4] Источник цитаты не установлен.

[5] Имеются в виду статьи, опубликованные Буниным без подписи в «Орловском вестнике» в начале 1891 г.: «Мукомольное дело в Елецком уезде» (13 янв. (№ 13).— С. 2), «Крестьянский кредит в Мценском уезде» (16 янв. (№ 16).— С. 2–3), «Народные чтения» (15 янв. (№ 15).— С. 2), «Важная отрасль нашей промышленности» (17 янв. (№ 17).— С. 2) о развитии садоводства и огородничества.

[6] В «Орловском вестнике» Бунин вел рубрику «Дневник», в которой помещались заметки о городских событиях.

[7] В рубрике «Дневник» сообщалось о втором выступлении Н.П.Рощина-Инсарова, исполнявшего роль Пропорьева в драме А.И.Сумбатова-Южина «Цепи», спектакль состоялся в Орловском городском театре (Орловский вестник.— 1891.— 17 янв. (№ 17).— С. 1).

[8] Это слово подчеркнуто четыре раза.

[9] Семья Турбина Ивана Сергеевича — председателя Елецкой уездной управы, коллежского секретаря.

46. В.В.ПАЩЕНКО

17 января 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 3–5.
Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 45.

[1] Возможно, Травина Евгения Витальевна, ставшая женой Д.В.Померанцева.

[2] Б.П.Шелехов.

[3] «Орловский вестник» (1891.— 1 янв. (№ 1).— С. 1) упоминал о постановке в городском театре пьесы «Вокруг света в восемьдесят дней».

[4] Васильев Михаил Дмитриевич — участник любительских спектаклей орловского «Музыкально-драматического кружка».

[5] Черепанов А.А.— руководитель орловского «Музыкально-драматического кружка», актер театра М.В.Лентовского.

[6] См. коммент. 6 к п. 45.

[7] Рощин-Инсаров Николай Петрович (1861–1899; наст. фам. Пашенный) — актер. Служил в театрах Москвы и Киева, гастролировал по разным городам России. В Орле Н.П.Рощин-Инсаров с 15 по 18 января 1891 г. выступил четыре раза в этот свой приезд: в комедии Анн Оноре Дюверье «Любовь и предрассудок», в пьесе А.С.Грибоедова «Горе от ума» в роли Чацкого, в драмах А.И.Сумбатова-Южина «Арказановы» в роли Новорыгина и «Цепи». Бунин в рубрике «Дневник» дал общую оценку игры этого актера: «...г. Рощин-Инсаров, как мы вполне убедились, не только может произвести впечатление простотой и силой своей игры, но обладает даром настоящего сценического искусства, способностью быть крайне

разнообразным в передаче ролей и выдерживать эти роли до конца...» (Орловский вестник.— 1891.— 19 янв. (№ 19).— С. 1–2).

8 Иванов-Козельский Митрофан Трофимович (1850–1898; наст. фам. Иванов) — актер. Работал в различных театрах Москвы и Петербурга. Гастролировал по городам России. Во время нынешних гастролей в Орле М.Т.Иванов-Козельский дал первый спектакль 20 января 1891 г.: в пьесе Лангаммера «От судьбы не уйдешь» он исполнил роль старика Артамонова. Гастроли продлились до 6 февраля 1891 г.

9 Неточная цитата из стихотворения А.А.Фета «Великой княгине Елисавете Маврикиевне» (1889). У Фета: Людские так грубы слова, // Их даже нашептывать стыдно!

47. Ю.А.БУНИНУ

Начало февраля 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 48–49.

Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 313 (с неточностями и широкой датировкой: 1891).

Дата и место написания определены по содержанию.

1 Евдокимов — заведующий Статистическим бюро Орловской губернской земской управы, титулярный советник.

2 Зайцева С.А.— владелица типографии в Орле.

3 Намерение Бунина принять участие в издании «Смоленского вестника» не осуществилось.

4 В это время Бунин снимал квартиру в Орле на Введенской ул. (ныне ул. 7-го ноября).

48. Ю.А.БУНИНУ

Середина февраля 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 50.

Датируется по содержанию и по связи с п. 47.

1 Потемкин П.Д.— начальник Управления Орловско-Витебской железной дороги; активный участник любительских спектаклей орловского «Музыкально-драматического кружка».

49. В.В.ПАЩЕНКО

2 марта 1891

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2761 оф.

Впервые: *Весна пришла.*— С. 216–218 (с мелкими неточностями).

Год и место написания определены по содержанию и по карандашной помете Бунина: «1891 г.».

1 В Ельце у В.П.Пащенко.

2 Речь идет о близких отношениях Бунина и В.В.Пащенко, которые они скрывали. Об обстоятельствах, при которых В.П.Пащенко узнала об этом, см. п. 55.

50. В.В.ПАЩЕНКО

Не позднее 6 марта 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 4.
Датируется по содержанию.

[1] См. коммент. 4 к п. 47.
[2] Семья орловского настройщика Аб Е.Л.
[3] Берчанский Л.З.— зубной врач, действительный член Орловского медицинского общества.
[4] Ныне ул. Маяковского в Орле.
[5] Чехов А.П. Рассказы.— СПб., 1888.

51. В.В.ПАЩЕНКО

6 марта 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 5–6.
Впервые: *На родной земле (1956)*.— С. 391–393.
Написано на бланке редакции газеты «Орловский вестник».

[1] См. коммент. 6 к п. 45.
[2] Имеется в виду дуэт Саффи и Шандора Баринкая из оперетты Иоганна Штрауса (1825–1899) «Цыганский барон» (1885).
[3] В.П.Пащенко.
[4] В.Е.Пащенко.
[5] Хлебникова Е.А.— знакомая Бунина и Пащенко, владелица модной мастерской по изготовлению дамских корсетов; участница любительских спектаклей в орловском «Музыкально-драматическом кружке».
[6] Речь идет о стихотворении К.М.Фофанова «Песня», опубликованном в газете «Звезда» (1891.— № 9.— С. 199).

52. В.В.ПАЩЕНКО

7, 8 марта 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 7–9.
Написано на бланке редакции газеты «Орловский вестник».

[1] См. коммент. 3 к п. 30.
[2] Имеется в виду «История России с древнейших времен» (1851–1859, т. 1–29) Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879).
[3] Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) — автор исторических романов «Сергей Горбатов» (1881), «Вольтерьянец» (1882), «Изгнанник» (1885), «Великий Розенкрейцер» (1889) и др.
[4] Имеются в виду произведения «Страдания молодого Вертера» (1774) и «Письма из Швейцарии» (1808).
[5] Фортепьянная пьеса П.И.Чайковского «Май. Белые ночи» из цикла «Времена года».
[6] Илья Сергеевич (фамилия неизвестна) — орловский знакомый Бунина.
[7] Катерина Александровна (фамилия неизвестна) — из круга орловских знакомых Бунина.

[8] На следующий день в рубрике «Дневник» появилось сообщение о результатах вчерашнего собрания гласных орловской городской думы (Орловский вестник.— 1891.— 8 марта (№ 64).— С. 1).

[9] Возможно, Турчанинов Владимир Михайлович — орловский знакомый Бунина, участник любительских спектаклей орловского «Музыкально-драматического кружка».

[10] Вероятно, Жедринский Павел Николаевич — орловский нотариус, коллежский секретарь.

[11] Вероятно, Аб Ефим Львович, с семьей которого Бунин был знаком.

[12] Померанцева Евгения Витальевна — жена Д.В.Померанцева.

[13] Письмо неизвестно.

53. В.В.ПАЩЕНКО

8, 9, 11 марта 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 10–13.
Впервые: *На родной земле (1956)*.— С. 393–397.
Написано на бланке редакции газеты «Орловский вестник».

[1] В.М.Турчанинов.

[2] «Берлин» — гостиница в Орле.

[3] Письмо к Е.А.Бунину неизвестно.

[4] Речь идет о возбуждении дела в суде раввином Исааком Симоном Вороновым против редактора-издателя «Орловского вестника» Н.А.Семеновой и автора заметки в газете Б.П.Шелехова, который писал о непорядках в Орловской еврейской общине.

[5] Афишер — здесь «заявитель» (фр.).

[6] Ховайло Иван Иванович — владелец шляпного магазина в Орле, член уездного податного присутствия.

[7] Возможно, Аб Раиса Львовна.

[8] Имеется в виду третья неделя Великого поста, в 1891 г. она была с 18 по 24 марта.

[9] Бунин начал печататься в феврале 1887 г., впервые в столичном толстом журнале «Книжки “Недели”» его стихотворения появились в сентябре 1888 г.

[10] Письма к Вл.Вл.Пащенко неизвестны.

54. В.В.ПАЩЕНКО

29 марта 1891

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2758 оф.
Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 53.

55. Ю.А.БУНИНУ

Конец марта 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 90–91.
Впервые: *Весна пришла*. — С. 218–220 (с ошибочной датировкой: май — октябрь 1891 г.).
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 49 и 57.

[1] Бунин проходил воинский призыв в середине ноября 1891 г.

[2] Казаки — железнодорожная станция (Елецкий уезд Орловской губернии).

[3] Пасхальная неделя в 1891 г. была с 22 по 28 апреля.

[4] Речь идет о выступлении газеты «Московские ведомости» против инициативы создания фонда имени М.Е.Салтыкова-Щедрина при Комитете грамотности, о чем сообщал «Орловский вестник», в котором, в свою очередь, появлялись ответные заметки в защиту этой идеи и имени великого писателя, а также давалась информация о новых изданиях сочинений Салтыкова-Щедрина. Статья «Новые течения», опубликованная без подписи в «Орловском вестнике» (1891.— 29 мая (№ 139).— С. 2.— Авторство Бунина устанавливается по карандашной пометке: Бун. в редакционной подшивке газеты — ГАОО, № 1274), подытоживает взаимные выступления «Орловского вестника» и «Московских ведомостей» и выступает в защиту таких провинциальных газет как «Орловский вестник» и «Харьковские губернские ведомости» и против столичной печати, которая «в значительной степени изменилась качественно». В заключении статьи есть оговорка о том, что провинциальные газеты (в частности «Орловский вестник») «выходят с разрешения предварительной цензуры, — значит, ничего дурного и противозаконного в них не бывает» (*ЛН*.— Т. 84, к. 1.— С. 308). Эта оговорка свидетельствует, что статья эта была написана уже после того, как Бунин помирился с Б.Шелеховым и вновь начал работать в редакции «Орловского вестника». Под упоминаемыми в письме заметками имеются в виду сообщения «Орловского вестника» в рубрике «Литература и печать» в феврале 1891 г. по поводу создания фонда имени М.Е.Салтыкова-Щедрина и полемика с «Московскими ведомостями» по этому поводу.

56. В.В.ПАЩЕНКО

4 апреля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 14.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 57.

[1] Е.Н.Токарева.

[2] Имеется в виду, вероятно, суббота 6 апреля 1891 г.

[3] Становая — станция Орловско-Витебской железной дороги.

[4] Чижовка — полицейский участок (простореч.). Об этом эпизоде см. п. 57.

[5] Аб Роза Львовна.

57. Ю.А.БУНИНУ

4, 9 апреля 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 22–25.
Впервые: *На родной земле (1956)*.— С. 386–388.
Год определен по содержанию и по связи с п. 56.

[1] Бунин приводит вторую половину своего стихотворения «...Голубчик! Зачем говорить?..», опубликованного в «Орловском вестнике» (1891.— 22 янв. (№ 22).— С. 2). Первая строка в цитате изменена, в газете — «Да и кому рассказать?»

[2] Неточная цитата из стихотворения М.Ю.Лермонтова «А.О.Смирновой»: «Все это было бы смешно, // Когда бы не было так грустно».

[3] Ф.М.Цвиленев.

[4] Страстная неделя — последняя неделя Великого поста в 1891 г. была с 15 по 21 апреля.

[5] Фомина неделя — следующая за пасхальной в 1891 г. была с 29 апреля по 5 мая.

58. В.В.ПАЩЕНКО

9 апреля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 15–17.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 292–294.
Год определен по содержанию и по связи с п. 57.

[1] Шеншин Владимир Александрович — сотрудник Статистического бюро Орловской губернской земской управы, предводитель дворянства от Кромского уезда Орловской губернии, действительный член губернского статистического комитета, младший помощник надзирателя акцизных сборов, член попечительского совета Орловской женской гимназии.
[2] См. коммент. 4 к п. 57.
[3] См. коммент. 3 к п. 55.
[4] См. коммент. 5 к п. 57.
[5] Бунин не поступил в статистики (см. п. 60).
[6] Письмо неизвестно.
[7] Д.В.Померанцев (?).

59. В.В.ПАЩЕНКО

19 апреля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 18–20.
Впервые: *На родной земле (1956).*— С. 388–390.
Год определен по содержанию.

[1] По-видимому, орловский парикмахер.
[2] Вероятно, П.Н.Жедринский.
[3] Р.Л.Аб.
[4] Возможно, Аб Варвара Львовна — сестра Р.Л.Аб.
[5] Источник цитаты установить не удалось.
[6] В.В.Пащенко поступила на работу в Управление Орловско-Витебской железной дороги в середине августа 1891 г.
[7] Имеется в виду, вероятно, Роза Л.Аб.
[8] Пасха в 1891 г. праздновалась 21 апреля.
[9] Мартынова Глафира Ивановна (1860–1928) — актриса, работала в театрах Ф.А.Корша и М.В.Лентовского. Людвигов Людвиг Казимирович (1854–1929; наст. фам. Маевский) — актер и режиссер, играл в театрах Орла, Воронежа и других городов России. Речь идет об участии этих актеров 24 апреля в комедии В.Сарди «Надо разводиться» и комедии-шутке А.Александровича «Подозрительная личность: Позвольте пошутить», 25 апреля в комедии Д.А.Мансфельда «Нина» и комедии А.П.Чехова «Предложение» (см.: Орловский вестник.— 1891. — 26 апр. (№ 107).— С. 1).

60. Ю.А.БУНИНУ

9 мая 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 45.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 294–295.
Год определен по содержанию и по связи с п. 47 и 57.

[1] См. коммент. 1 к п. 65.

61. В.В.ПАЩЕНКО

Начало мая 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 26.
Датируется по содержанию.
На обороте приписка другим почерком: «Приходите поскорее, а то чай прогуляете».

[1] Анитова М.Н.— зубной врач в Орле.

62. В.В.ПАЩЕНКО

14 мая 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 21–23.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 295–296.

[1] Неточная цитата из стихотворения К.М.Фофанова «Поэт». У Фофанова: «Он мрачен, он угрюм, душа его полна, // Каких-то смутных снов и ноющей печали» (ср. п. 24).

[2] Неручев Анатолий Васильевич — сотрудник редакции «Орловского вестника», корректор.

[3] Бунин не уехал 15 мая из Орла (см. п. 63).

[4] Измалково — станция Орловско-Витебской железной дороги.

[5] Бахтеяров — владелец винокуренного завода.

[6] Садовский Николай Карпович (1856–1933; наст. фам. Тобилевич) — украинский актер и театральный деятель. С 1890 по 1898 г. вместе с А.К.Саксаганским руководил «Товариществом малороссийских артистов». 15 мая 1891 г. в орловском городском театре был дан первый спектакль этой труппы: драма украинского драматурга, актера, театрального деятеля Карпенко-Карого (1845–1907; наст. фам. и имя Иван Карпович Тобилевич) «Безталанны» и фарс-водевиль Похвиснева Аркадия Николаевича (1816–1862) «На узелки, или Прыжок с третьего этажа».

[7] Речь идет о грубом отказе В.П.Пащенко в просьбе Бунина разрешить жениться на В.В.Пащенко (см. п. 58).

63. В.В.ПАЩЕНКО

16 мая 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 23.
Написано на именном бланке Н.А.Семеновой.

[1] А.В.Померанцева.

[2] Эрмитаж — городской сад в Орле с летним театром.

64. В.В.ПАЩЕНКО

17 мая 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 24–25.
Написано на бланке редакции газеты «Орловский вестник».

[1] Имеется в виду предстоящая поездка В.В.Пащенко на французскую выставку, открывшуюся в Москве 13 мая 1891 г. на Ходынском поле.

[2] Имеется в виду оперетта французского композитора А.Ш.Лекока (1832–1918) «Сердце и рука, или Принц Аррагонский».

65. Ю.А.БУНИНУ

24 мая 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 81.
Год определен по содержанию и по связи с п. 57.

[1] Ю.А.Бунин писал брату 12 мая 1891 г. из Полтавы, отвечая на п. 60: «Милый Ваня! <...> в данное время у меня нет решительно никакой возможности послать просимые тобою 10 руб. Мне самому очень хочется повидаться с тобой и переговорить серьезно и не только это мне хочется, а даже прямо необходимо. <...> Быть может, я достану денег, тогда, конечно, вышлю тебе. Во всяком случае нам необходимо, если не сейчас, то в очень скором времени увидеться. <...> Самое главное скажу тебе, — не решайся без личного свидания со мною на какой-либо серьезный шаг, помни, что это дело всей жизни и спешить так с венчанием положительно невозможно. Я, брат, прямо удивляюсь тебе: почему ты, переписываясь со мной так редко, не пишешь мне подробно, что такое с тобою случилось, а говоришь лишь, что произошло много различных обстоятельств и оставляешь меня в неведении. <...> Ты пишешь "я в июле обвенчаюсь", но как, почему, для чего? — Не понимаю. Почему, наконец, в июле? Удивительный ты человек! Ведь ты, конечно, знаешь мой взгляд на брак и, насколько мне известно, сам разделяешь в принципе этот взгляд. Чтобы решиться на брак, надо прежде всего окончательно убедиться, есть ли у вас у обоих настолько крепкая нравственная связь и взаимное, чтобы идти *всю жизнь* (пойми это!) рука об руку. Достаточно ли вы понимаете друг друга и с надлежащим ли уважением относитесь друг к другу? Надо непременно заглянуть в будущее, что из всего этого выйдет, насколько прочно вы сможете связать себя. Здесь нельзя отдаваться течению, нельзя не только вследствие того, что необходимо оценить это явление с точки зрения нравственного долга (это, конечно, важнее всего), нельзя даже прямо из самоохраны и охраны другого человека. Если ваша любовь построена на безотчетной только симпатии друг к другу и на чувственном влечении, хотя бы и опоэтизированном, то этого всего еще недостаточно, если только не предаваться рутине и не помириться с будничной пошлостью и со всеми теми дрязгами, которые наполняют семейную жизнь огромного большинства общества. Брак, кроме того, как ты знаешь, налагает и другие обязанности: могут предстоять в недалеком будущем дети, воспитание которых составляет нравственный долг родителей, причем я говорю, конечно, не о физическом только уходе за ними, а и о выработке из них людей в настоящем смысле слова. Затем, при вашем положении, весьма существенную роль играет вопрос о материальных средствах. <...> мне кажется, что ты все это недостаточно прочувствовал и недостаточно оцениваешь, а кроме того, ты слишком как-то отдаешься впечатлениям и я жду даже от тебя такого возражения: "все это справедливо, но я не могу иначе поступить, не могу отказаться от любви и брака". Во-первых, такое твое "не могу" несомненно весьма сильно преувеличено, и ты совершенно неразумно порешил о себе, как о человеке слабохарактерном и неспособном к борьбе, никогда притом и не старавшемся серьезно о выработке своего характера и поведения, а во-вторых, что особенно важно, с моей стороны <речь> вовсе не идет о том, чтобы отказаться совсем от любви и брака с нею, а о том, чтобы не спешить с этим делом. Надо тебе еще проверить свои чувства, проверить свои отношения к ней и ее к тебе, — а ты этого не сделал еще; тебе надо еще позаботиться, чтобы устроиться как-нибудь, и если ты действительно ее любишь, то одно это обстоятельство должно тебе вдохнуть энергию и бодрость, а то ты за последнее время слишком уж измаялся и до глупости отчаиваешься; твое теперешнее состояние я не иначе могу считать, как болезненным, переходным. Ты вспомни, что жизнь еще вся стоит перед тобою и в будущем представит еще много светлого и хорошего. Ты никогда серьезно и с любовью не работал еще и ничем не занимался. У тебя есть несомненный талант и способ-

ности и в будущем тебе может предстоять серьезная работа в области художественного творчества, а самый процесс солидной работы, успех и сознание важности принятого на себя дела доставят нравственную бодрость и высокое удовольствие. На твоем месте прямо грешно и стыдно не заботиться о себе, а ведь ты совершенно не заботишься и предаешься до безумия минутным порывам тоски и апатии. Вспомни же, сколько у других бывает несчастий, тяжелых и невыносимых положений и люди все-таки борются. Будь же и ты хоть сколько-нибудь стоек и энергичен, сумей выждать время и не спешить с делами серьезной важности какие бы обстоятельства у тебя ни случились, их ведь все-таки можно поправить. Напиши мне тотчас же обо всем, о чем ты умолчал и я постараюсь разобраться в этом; не падай только духом и не малодушничай. Не решайся, повторяю, на серьезный шаг без моего совета и личного со мною свидания <...>» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 50, л. 1–4).

В другом письме, от которого сохранился только отрывок из середины, Ю.А.Бунин писал брату: «<...> может и должна понять тебя и твое положение. Оставь только всякую мишуру в твоих с ней отношениях. Как человек еще слишком юный, почти мальчик, ты мог быть легкомысленным, но надо оглянуться посерьезнее. Я понимаю, что через ложный стыд тебя могут приводить в отчаяние обстоятельства вроде тех, что у тебя накопились долги и ты не можешь ими пока расплатиться, но ты сумеешь их выплатить со временем; я понимаю, что ты больше всего беспокоишься за свое реноме в глазах В<арвары>, вроде того, как перед Рождеством чуть не приходил в отчаяние за свой долг в гостинице. Правда, что ты в этом деле много запутался, но я убежден, что это случилось по легкомыслию, по недостатку добрых советов и руководительства — положение, конечно, прискорбное и тяжелое, но я убежден, что твоя душа чиста и что в тебе живы все благородные наклонности. Я вполне уверен в этом и думаю, что В<арвара> также должна понять это и чувствовать и не придавать серьезного значения тому, что о тебе будут говорить, раз ваша любовь основана не на чисто физической симпатии друг к другу, а ведь это даже и не любовь. Ты много за это время пережил и перестрадал, и я не стану тебе еще раз указывать, что ты должен пересилить себя и начать жить иначе. Ты думаешь, что сила воли есть только дар природы, это — неверно; в страшно сильной степени это зависит от перевоспитания самого себя, и ты, повторяю, за это и не принимался ни разу» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 51).

[2] См. п. 57.

[3] См. п. 60.

[4] См. п. 55 и коммент. 4 к нему.

[5] Бунин ездил в Полтаву в начале июня 1891 г.

[6] Имеется в виду книга Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.», которая вышла в Орле в конце 1891 г. и рассылалась бесплатным приложением к газете «Орловский вестник» начиная с 24 декабря 1891 г., о чем в газете были помещены объявления.

66. Ю.А.БУНИНУ

29 мая 1891

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2775 оф.

Впервые: *Материалы (1)*.— С. 29–30 (отрывок с мелкими неточностями).

Год и место написания определены по содержанию, по карандашным пометам Бунина: «1892 г.? 1891 г.?» и по связи с п. 65.

[1] Речь идет о романе немецкого писателя Фридриха Шпильгагена (1829–1911) «Загадочные натуры» (СПб., 1865).

67. В.В.ПАЩЕНКО

13 июня 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 30–31.
Впервые: *Новый мир.* — 1956. — № 10. — С. 203–204.
Год определен по содержанию.

[1] К этому времени, очевидно, относится недатированное письмо В.В.Пащенко: «Уезжаю, Ваня! Чтобы хотя сколько-нибудь привести в норму наши, как и сам знаешь, ненормальные отношения, нужно вдали взглянуть на все наиболее объективно; последнее возможно именно, когда мы с тобой в разлуке. Надо сообразить, что собственно не даст мне покою, чего я хочу и на что способна. Да ты, голубчик, сам знаешь, что у меня в душе. А так, как жили, не приведя все душевные смуты в порядок, нельзя продолжать жить. Ты без меня будешь свободнее, бросишь, наверное, службу. И этот мотив сильно звучит в душе. Результат всех моих размышлений напишу из дому. Будь мне другом, верь, что я столько выстрадала за это последнее время, что если бы дольше осталась — сошла бы с ума. Не фраза это, если ты хотя капельку знаешь меня, ты бы это понял. Будь же другом дорогим — пиши мне. Дома я и полечусь, и успокоюсь, и вернусь бодрая, готовая и трудиться, и жить хорошо со всеми людьми. Сколько раз ты говорил, что я тебя измучила, но ведь и сама я мучилась не меньше, если не больше. Каждая ссора оставляла след, все накопилось, не могу так жить, тяжело, не вижу смысла в этой жизни. Прости, родимый! И пойми, что это не каприз, это необходимо для дальнейшей жизни. Лучшего не придумаю. Пиши, голубчик. Твоя Варя. Не придумаю и не могу думать. Страшно тяжело, помоги разобраться. Не забудь меня. Не езди за мной — все напишу, и лучше, если что-либо выясним. Голубчик, родимый, не забудь меня, ведь я все равно приеду, дай отдохнуть мне. Отдохни сам, успокойся, одумайся» (ОГЛМТ, ф. 14, № 8942 оф). Вероятно, в связи с этим письмом Бунин ездил в начале июня 1891 г. в Елец для разговора по поводу женитьбы на В.В.Пащенко, встречался с подругой Пащенко Е.Н.Токаревой и ее братом Вл.Вл.Пащенко. Н.А.Семенова в связи с этим писала Ю.А.Бунину 8 июня 1891 г. из Орла: «Вы, Юлий Алексеевич, конечно, удивитесь моей смелости, но это неважно... Пишу под впечатлением проводов Ив<ана> Ал<ексееви>ча в Елец, оставивших во всех нас тяжелое и тревожное чувство. Легко может случиться, что эта поездка туда будет последняя, а вместе с тем может произойти и нечто другое — И<ван> А<лексеевич> поехал в таком возбужденном состоянии, что меня это положительно тревожит. Надо Вам сказать, что он мало-помалу убеждается, что Пащенко его не любит, а только жалеет и это, по моим наблюдениям, более чем вероятно — я почти убедилась в этом. Временные же порывы, которые довели И<вана> А<лексееви>ча до такого состояния, когда человек, что называется, не волен в себе, — могут иметь весьма печальную развязку... Говорю это не без основания и с большой тревогой жду его письма. 12-го он обещал быть в Орле, а потом поедет к Вам. Если все это обойдется так благополучно, то лучше этого ничего быть не может — в Ваше же влияние на него я верю и все мы возлагаем на эту поездку большие надежды. А Вас, конечно, не учить нам, как сгладить и помочь ему совладать с своим настроением. Мы же употребим все старания, чтобы понудить его поехать в Полтаву — помогите и Вы нам. Может случиться и то, что они опять примирятся и старая канитель будет тянуться бесконечно, заедая здоровье и нервы И<вана> А<лексееви-ча>. Это также неутешительно — не стоит она его и никогда он с нею не будет счастлив... Простите за вмешательство, но И<вана> А<лексеевича> мы давно привыкли считать членом нашей семьи и все искренно любим его и жалеем» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3403/1 оф). 11 июня 1891 г. Н.А.Семенова сообщала Ю.А.Бунину: «За брата не тревожьтесь — вслед за ним уехал Борис Петрович и не позволит ему сумасшествовать. Что делается в Ельце — я не знаю <...> но надеемся, что все

обойдется к лучшему. Если состояние его не изменится, то до Полтавы постараемся тоже проводить. Было бы лучше, конечно, чтобы Вы приехали за ним, но этого, пожалуй, нельзя» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3403/2 оф).

[2] В пьесе В.Шекспира «Генрих IV» эти слова не обнаружены.

68. В.В.ПАЩЕНКО

18 июня 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 32–33.
Впервые: *Собр. соч. (1).* — Т. 4.— С. 459–460 (с неточностями и опечаткой в дате: 19 июня).
Год и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Цитата из стихотворения А.Н.Майкова «Рассвет» из цикла «В степях».

69. В.В.ПАЩЕНКО

22 июня 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 11.
Датируется по связи с п. 70.
Письмо написано карандашом.

[1] Строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Если мучимый страстью мятежной...» (1847).

70. В.В.ПАЩЕНКО

23, 24 июня 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 34–38.
Место написания определено по содержанию.
Написано на именном бланке Б.П.Шелехова.

[1] См. п. 69.
[2] В.Е.Пащенко.
[3] В.П.Пащенко.
[4] Домашнее имя В.В.Пащенко.
[5] 21 и 22 июня Бунин был в Ельце и встречался с В.В.Пащенко. См. п. 68.
[6] Строка из стихотворения Н.А.Некрасова «Если мучимый страстью мятежной...». У Некрасова: «Злое чувство проснулося вдруг». См. п. 69.
[7] Имеются в виду следующие слова из рубрики «Заметки» в «Орловском вестнике» (1891.— 7 июня (№ 148).— С. 1): «Вчера в театре сада “Эрмитаж” в первый раз пела г-жа Чельская в роли Бокаччио в оперетте того же названия. Она обладает довольно выработанным и приятным голосом и производит более симпатичное впечатление, чем г-жа Ратмирова: у последней меньше живости и простоты». Чельская О.В.— опереточная актриса. Ратмирова Е.П.— актриса Орловского городского театра, в начале 1900-х годов антрепренерша «Русско-украинской опереточной труппы».

71. В.В.ПАЩЕНКО

28 июня 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 39–40.

[1] См. п. 70.

[2] Речь идет о разрыве семейных отношений между Н.А.Семеновой и Б.П.Шелеховым.

[3] См. п. 31.

[4] Бунин приехал в Полтаву к Ю.А.Бунину 27 июня.

72. В.В.ПАЩЕНКО

1 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 27–29, 41.
Впервые: *Лит. Смоленск.* — С. 296–298.
Год определен по содержанию и по связи с п. 71.

[1] Роман Ф.Шпильгагена «Фон-Гогенштейн» (в русском переводе «Два поколения») (СПб., 1870), прославляющий французскую революцию 1848 г.

[2] Имеются в виду, очевидно, следующие книги немецкого историка философии Куно Фишера (1824–1907): Г.Э.Лессинг как преобразователь немецкой литературы: В 2 ч. / Пер. с нем. И.П.Рассадина.— М., 1882; Публичные лекции о Шиллере / Пер. С.Крылова.— М., 1890; «Фауст» Гете. Возникновение и состав поэмы / Пер. И.Д.Городецкого.— М., 1885.

[3] Женжурист Иван Миронович (1863–1920) — врач; был исключен из Казанского университета (медицинский факультет) за политическую неблагонадежность и выслан из Казани. Закончил медицинское образование в Сорбонне, но не был допущен к медицинской практике в России. Работал в Полтаве податным инспектором. Его жена Женжурист Лидия Александровна (1870–1942; урожд. Макова). Семья Женжуристов принадлежала к группе полтавской радикально настроенной интеллигенции, участников революционного движения 1870-х гг., бывших политических ссыльных, куда входил и Ю.А.Бунин. Л.А.Женжурист вспоминает: «Но вот однажды вошел к нам милый юноша и внес с собой свежую струю искрящейся молодости... Это и был Иван Бунин. Появился он неожиданно не только для нас всех, но и для брата. Едва успел он помыться и переодеться, как я набралась храбрости и позвала его на качели. Предложение это было встречено дружным хохотом, Ванечка же отозвался на него с восторгом. Так началось мое знакомство и, с того же дня, дружба с крупным талантом, с большим художником» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 2.— С. 243).

[4] Нечволодов В.П.— статистик, болгарин по национальности, участник народнического движения, находился под надзором полиции.

[5] Неточная цитата из стихотворения А.А.Фета «Теплым ветром потянуло...». У Фета: «Поле тусклое уснуло».

[6] Кулябко-Корецкий Николай Григорьевич (1846–1931) — заведующий Статистическим бюро Полтавской губернской земской управы, бывший политический ссыльный, народник.

[7] См. коммент. 6 к п. 59.

73. В.В.ПАЩЕНКО

7 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 35–36.

Впервые: *Собр. соч. (1).* — Т. 4.— С. 463 (с купюрой и ошибочно указанным годом: 1892).

Год определен по содержанию и по связи с п. 71.

[1] Письмо к Е.Н.Токаревой неизвестно.

[2] Имеется в виду Квитка Дмитрий Константинович — председатель Полтавского отделения Крестьянского поземельного банка, действительный статский советник.

[3] Н.А.Семенова писала 2 июля 1891 г.: «Возвратилась домой сегодня ночью и пока чувствую себя удовлетворительно <...> Ободрившись духом, я даже не теряла надежды приспособиться ко взгляду Б<ориса> П<етровича> на наши новые отношения, хотя до полной победы над собою еще далеко. Он весь под влиянием недавней поездки <...> После 20-го числа А.В.Померанцева объяснится с матерью и отцом, а затем и финал трагикомедии... <...> В Кромы мне переслали Лялино письмо, но я не получила его, что мне очень жаль. Пишет ли она Вам и вообще как Вы себя чувствуете? Напишите о себе до отъезда. Заглянете ли к нам на обратном пути?» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3404/2 оф). Письмо Б.П.Шелехова неизвестно.

74. В.В.ПАЩЕНКО

12 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 42.

Год определен по содержанию и по связи с п. 73.

[1] См. п. 107, 109, 110.

[2] Речь идет о поездке на французскую выставку, открывшуюся в Москве на Ходынском поле 13 мая 1891 г. Организатор выставки О.Дидьо. Состояла из 8 павильонов, посвященных изящным искусствам, воспитанию и преподаванию, медицине, сельскому хозяйству, морскому и военному делу, товарам широкого потребления и др.

75. В.В.ПАЩЕНКО

14 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 43–45.

Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 298–300.

Написано на именном бланке Н.А.Семеновой.

[1] См. п. 71.

76. В.В.ПАЩЕНКО

16 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 47–48.

Датируется по содержанию и по связи с п. 74 и 77.

На верхнем поле письма различные варианты бунинских подписей.

[1] Стремясь сохранить тайну переписки от родителей В.В.Пащенко, Бунин посылал ей письма на различные адреса, в частности, к ее подруге Е.Н.Токаревой.

77. В.В.ПАЩЕНКО

18 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 46.
Год определен по содержанию.

[1] Петербургская гостиница — гостиница в Ельце.
[2] См. коммент. 2 к п. 74.

78. В.В.ПАЩЕНКО

20 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 50.
Месяц и год определены по содержанию и по связи с п. 77, 80.

[1] См. п. 77.

79. В.В.ПАЩЕНКО

21 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 49.
Датируется по содержанию и по связи с п. 78, 80.

80. А.Н. и Л.А.БУНИНЫМ

22 июля 1891

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2873 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 82.
Письмо без конца.
На оборотной стороне письма написано карандашом рукой Бунина: «Прочитано в Ефремове 20 мая 1903. *Мои письма*».

[1] Письмо неизвестно.
[2] Бунин с Н.А.Семеновой выехал из Орла в Москву 23 июля на французскую выставку. См. коммент. 2 к п. 74.

81. В.В.ПАЩЕНКО

22 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 51–54.
Впервые: *Лит. Смоленск.* — С. 300–302.
Год определен по содержанию.

[1] См. п. 75.
[2] Имеется в виду п. 77.
[3] Ольгина Анна Ивановна жила в доме В.Е.Пащенко, через нее Бунин иногда посылал В.В.Пащенко письма.
[4] В.П.Пащенко.
[5] Имеется в виду «тетка Роза», т.е. Р.Л.Аб. Записка к ней неизвестна.

82. В.В.ПАЩЕНКО

26 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 55–56.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 204–205.
Месяц и год определен по содержанию.

[1] Т.е. наверстал.
[2] Речь идет о рассказе «Праздник» с подзаголовком «Сказка».
[3] Московская газета «Заря» к этому времени прекратила свое существование.
[4] Эрмитаж — сад, располагавшийся в районе Селезневской ул. в Москве, принадлежал театральному деятелю М.В.Лентовскому, в саду был летний театр.
[5] Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) — певец, баритон, солист Мариинского театра.
[6] «Продавец птиц» — оперетта австрийского композитора К.Целлера (1842–1898).

83. В.В.ПАЩЕНКО

27 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 57–58.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 302–303.
Год определен по содержанию и по связи с п. 82.

[1] «Демон» — опера А.Г.Рубинштейна (1871).
[2] Имеется в виду ария тореадора из оперы Ж.Бизе «Кармен» (1874).
[3] Возможно, сын Коротнева Николая Семеновича — гласного Елецкого уездного земства.
[4] См. п. 75.
[5] Имеется в виду фотография В.В.Пащенко, выполненная в фотоателье «Анели» Клименко в Ельце на Торговой ул.

84. В.В.ПАЩЕНКО

30 июля 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 11, л. 59–60.
Год определен по содержанию.

85. Ю.А.БУНИНУ

31 июля 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 39.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 293–294.

[1] Бунин приехал в Москву вместе с Н.А.Семеновой 25 июля 1891 г. См. п. 82.
[2] В «Орловском вестнике» был опубликован ряд статей Бунина под заглавием «На французской выставке. Письма из Москвы» (1891.— 1 авг. (№ 200).— С. 2; 2 авг. (№ 201).— С. 2–3; 4 авг. (№ 203).— С. 2–3; 7 авг. (№ 206).— С. 2; 8 авг. (№ 207).— С. 1–2; 9 авг. (№ 208).— С. 2.— Без подписи).
[3] Н.А.Семенова в недатированном письме, относящемся к этому периоду, сообщала Ю.А.Бунину: «Присылайте, Юлий Алексеевич, что у Вас есть — пересмот-

рим и немедленно ответим. Все присланное, конечно, будет цело. Извините, что не Б<орис> П<етрович> Вам отвечает — он очень ленив на это. Пишу из Москвы, где мы с Ив<аном> Ал<ексеевичем> обозреваем выставку, которая на нас ровно никакого впечатления не произвела» (РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 108, л. 3). В «Орловском вестнике» в 1891 г. не появлялись публикации за подписью Ю.А.Бунина, возможно, что они были анонимные.

86. В.В.ПАЩЕНКО

3 августа 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 1.
Год определен по содержанию.

87. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 51–52.
Впервые: *Весна пришла*.— С. 220–221.
Год определен по содержанию.

1 См. коммент. 6 к п. 59.
2 Бунин уехал из Орла в Глотово 12 августа 1891 г. См. п. 91.
3 Имеется в виду, вероятно, В.В.Терешкевич (см. коммент. 2 к п. 98).

88. В.В.ПАЩЕНКО

13 августа 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 6.
Год определен по содержанию.

1 Московская ул. в Орле.
2 Н.А.Семенова.

89. В.В.ПАЩЕНКО

13 августа 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 3–5.
Впервые: *Лит. Смоленск*.— С. 303–305.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

1 Речь идет о 13 августе 1890 г. См. п. 29.

2 Речь идет о сложности трудоустройства В.В.Пащенко в Орле, Бунин также имеет в виду возможное согласие Вари на уговоры ее родителей не связывать с ним свою судьбу.

3 Возможно, Щедров Николай Дмитриевич — поэт 1880–1890-х годов, автор книги «Песнь о славном Тихом Доне».

90. В.В.ПАЩЕНКО

14 августа 1891

Печатается и датируется по последней исправленной публикации: *Собр. соч. (3)*.— Т. 2.— С. 538 (по всей видимости, опубликовано не полностью).

Впервые: *Собр. соч. (1)*. — Т. 1.— С. 419 (с неточностями).

В обеих публикациях указывается место хранения автографа — Отдел рукописей ИМЛИ, однако там автограф этого письма не обнаружен.

91. Ю.А.БУНИНУ

15 августа 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 43–44.

Впервые: *На родной земле (1956)*.— С. 385–386.

Год определен по содержанию и по связи с п. 87.

92. В.В.ПАЩЕНКО

15 августа 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 9–10.

Впервые: *Лит. Смоленск*.— С. 305–306.

Год определен по содержанию.

[1] Бунин имеет в виду одного из персонажей комедии Л.Н.Толстого «Плоды просвещения» (1886–1890) — старого повара, обитающего на барской кухне тайным приживалом.

93. В.В.ПАЩЕНКО

22 августа 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп., 3, № 12, л. 12.

Год и место написания определены по содержанию.

[1] С середины августа 1891 г. В.В.Пащенко стала работать в контроле сборов Управления Орловско-Витебской железной дороги.

[2] Имеется в виду, вероятно, п. 90.

[3] В ноябре 1891 г. Бунину предстоял призыв в армию.

[4] Н.А.Семенова.

94. В.В.ПАЩЕНКО

Август 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 17, л. 1.

Датируется приблизительно по содержанию. Это письмо, вероятно, относится к 1891 г., т.к. 1890 г. Бунин с Пащенко были вместе на Воргле в августе, в 1892 г. Бунин и Пащенко жили вместе в Полтаве, а в 1893 г. их отношения были уже более натянутыми и сложными, в связи с чем это шутливое письмо вряд ли могло быть написано в этот год.

[1] Этот год выдуман.

95. Ю.А.БУНИНУ

Середина сентября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 83.
Датируется по содержанию.

[1] В 1890 г. в Озёрках была продана земля без усадьбы соседям Буниных — Цвиленевым. В сентябре — октябре 1891 г. шли переговоры с Цвиленевыми о продаже им и усадьбы в Озёрках, судя по этому и следующему письму вопрос о продаже был уже решен, а фактически усадьба Буниных в Озёрках перешла во владение Цвиленевых в начале 1892 г.

[2] Семен Азарьевич (фамилия неизвестна) — полтавский знакомый Буниных.

[3] Л.А.Женжурист.

96. А.Н.БУНИНУ

Сентябрь 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1–2.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 294.
Датируется по связи с п. 97.

[1] Письмо неизвестно.

[2] См. коммент. 1 к п. 95. В это время в Озёрках оставался жить один А.Н.Бунин. Л.А.Бунина с Машей и Е.А.Бунин с женой жили у Пушешниковых в Глотово.

97. Ю.А.БУНИНУ

1 октября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 71–72.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 305–306.
Год определен по содержанию.

[1] Письма Елизаветы Евграфовны к И.Бунину и его к ней неизвестны.

[2] См. коммент. 1 к п. 93.

[3] См. п. 91.

[4] См. п. 96.

[5] Эта поездка не состоялась.

98. Ю.А.БУНИНУ

Середина октября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 48.
Впервые: *Весна пришла.* — С. 221–222 (с широкой датировкой: Август — декабрь 1891).
Датируется по содержанию и по связи с п. 97.

[1] В редакции «Орловского вестника».

[2] Имеется в виду, очевидно, Вера Васильевна Терешкевич, служившая в Статистическом бюро в Полтаве; у нее часто собирались по субботам для чтения книг и журналов *(Материалы (2).*— С. 41).

99. Ю.А.БУНИНУ

24 октября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 40.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 295.

[1] См. п. 108, 110, 111.
[2] Соловьев В.С. Наш грех и наша обязанность // Северный вестник.— 1891.— № 10.— С. 164–166.

100. В.В.ПАЩЕНКО

31 октября, 1 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 13–16.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 307–309.
Год определен по содержанию.

[1] Поповская гостиница — гостиница в Ельце.
[2] Пятин Алексей Васильевич — делопроизводитель в Елецком уездном присутствии по воинской повинности, коллежский секретарь.
[3] Драма В.А.Александрова «В неравной борьбе» в 4-х действиях.
[4] Бравич Казимир Викентьевич (1861–1912; наст. фам. Баранович) — актер. Участвовал в гастрольных поездках по России (Елец, Ростов-на-Дону и др.). В конце 1890-х годов актер петербургского Малого театра, затем театра В.Ф.Комиссаржевской, московского Малого театра.
[5] Очевидно, В.Е.Пащенко.
[6] Коневерова Мария Гавриловна — орловская знакомая Бунина, жила в собственном доме в Орле (Дворянский переулок). По ее адресу Бунин иногда посылал В.В.Пащенко письма.

101. В.В.ПАЩЕНКО

3 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 17–18.

[1] Письмо к А.В.Пятину неизвестно.
[2] Статья революционного демократа, публициста, литературного критика Николая Васильевича Шелгунова (1824–1891) «Переходные характеры (Из прошлого и настоящего)» (Русская мысль.— 1888.— № 3.— С. 72–114) посвящена характеристике нравов власть имущих после отмены крепостного права. «Посткрепостная эпоха формировала и новые характеры. Уменьшается самодурство и страх перед вышестоящими» (с. 114).
[3] Статья публициста, историка, правоведа, философа, общественного деятеля Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885) «Злобы дня» (Русская мысль.— 1888.— № 3.— С. 3–15) посвящена роли славянофильства, западничества и народничества в русской общественно-политической жизни.
[4] Имеется в виду статья литературного критика, историка литературы Александра Михайловича Скабичевского (1838–1910) «Очерки литературного движения после Белинского и Гоголя» (Русская мысль.— 1888.— № 3.— С. 36–62).
[5] Имеется в виду статья датского литературного критика Георга Брандеса (1842–1927) «Ганс Христиан Андерсен (Georg Brandes. «Moderne glister»)» (Русская мысль.— 1888.— № 3.— С. 98–134).

102. В.В.ПАЩЕНКО

4 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 19–20.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

1 См. п. 100, 101.

2 Речь идет о продаже усадьбы в Озёрках.

3 Речь идет о статье Л.Н.Толстого «Труд мужчины и женщины» (Толстой Л.Н. Сочинения: В 12 т.— 4-е изд.— М., 1880–1886.— Т. 12), в которой он выступает против женского образования, считая, что в Евангелии женщины найдут ответ на все жизненные вопросы. Статья Толстого вызвала широкий общественный резонанс. Бунин, вероятно, имеет в виду полемическую заметку из цикла «Литературная хроника» А.М.Скабичевского «Граф Л.Н.Толстой о женском вопросе» (Новости и биржевая газета.— 1886.— 20 марта (№ 78).— С. 2) и статью М.К.Цебриковой «По поводу теории гр. Толстого о женском труде» (Русские ведомости.— 1886.— 3 июля (№ 179)). Цебрикова упрекает Толстого: «Проповедь <...> гр. Л.Н.Толстого побудила многих молодых женщин искать разрешения всего смутного, тяжелого и горького женской жизни в Евангелии. <...> Гр. Л.Н.Толстой выбрал то, которое гонит женщину во мрак невежества и беспомощности, а с нею и ее детей». Цебрикова Мария Константиновна (1835–1917) — писательница, публицист. В литературно-критических статьях и художественных произведениях пропагандировала передовые идеи 60-х годов. В 1889 г. опубликовала в Женеве «Письмо императору Александру III» и брошюру «Каторга и ссылка», направленные против реакции 80-х годов.

103. В.В.ПАЩЕНКО

6 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 21–22.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

104. В.В.ПАЩЕНКО

8 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 23.
Год определен по содержанию.

1 Подражание стихотворению Н.А.Некрасова «Зине» (1876).

2 Слова Чацкого из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление 4).

3 В письме от 5 ноября 1891 г. Н.А.Семенова сообщала: «...Письмо из Ельца о явке послала еще в пятницу к Ляле, а она, вероятно, переслала его Вам. Б<орису> П<етровичу> лучше — сегодня встал и я не теряю надежды удрать куда-нибудь на отдых; ввиду полного отсутствия финансов придется ограничиться Ельцом — туда съездить не стоит ни гроша. Так, вероятно, и будет, очень возможно, что мы там встретимся; напишите, где остановитесь. Раньше 12-го уехать не могу...» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 55, л. 1–2).

4 Письмо неизвестно.

105. В.В.ПАЩЕНКО

8 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 24–25.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 309–310.
Год и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Н.А.Семенова.
[2] Это письмо Н.А.Семеновой неизвестно.
[3] И.Бунин перед призывом в армию, по совету Е.А.Бунина, усиленно голодал, чтобы быть признанным негодным к военной службе по состоянию здоровья (см. п. 100).

106. В.В.ПАЩЕНКО

Между 8 и 12 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2321, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1–2.
Датируется по содержанию и по связи с п. 105, 107.

[1] См. о нем п. 105.
[2] См. п. 100.
[3] Бунин виделся с В.В.Пащенко в Орле в начале августа 1891 г.

107. В.В.ПАЩЕНКО

12 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 26–28.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 205–207.

[1] См. п. 106.
[2] Имеется в виду текст «Письма Александру III» М.К.Цебриковой, опубликованный в Женеве и ходивший в России в списках.
[3] Имеется в виду рецензия М.К.Цебриковой «Из огня да в полымя» (Вестник Европы.— 1871.— № 6.— С. 603–647) на повести М.В.Авдеева «Магдалина» (Дело.— 1869.— № 1), «Сухая любовь» (Дело.— 1870.— № 10), «Пестренькая жизнь (Из рассказов знакомого)» (Отечественные записки.— 1870.— № 1), посвященные «женскому вопросу» и проблемам семьи и брака.
[4] См. коммент. 3 к п. 102.
[5] Речь идет, вероятно, о книге немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788–1860) «Афоризмы и максимы» (Пер. и предисл. Ф.В.Черниговца.— СПб., 1886) Т. 1. «Афоризмы и максимы в руководство житейской мудрости. Мысли: О физиономике. О женщинах. О страданиях мира. В дополнение к этике. О критике, суждении, одобрении и славе. Об учености и ученых. О самостоятельном мышлении. О кажущемся вмешательстве судьбы в жизнь человека».
[6] Герой романа Чарльза Диккенса (1812–1870) «Домби и сын» (1848).
[7] Пулавский — владелец модной парикмахерской в Орле.
[8] «Адамова» голова — мертвая голова, череп.
[9] Сьют — костюм (англ.).
[10] Речь идет о призывной комиссии, отбирающей годных к военной службе.

108. Ю.А.БУНИНУ

Между 12 и 14 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 52а-52б.
Дата и место написания определены по содержанию.
К письму Бунина приписано письмо М.А.Буниной от себя лично и от имени А.Г. и О.К.Туббе.

[1] 16 ноября 1891 г. в воинском присутствии состоялась жеребьевка, т.е. определение очереди, по которой будут набирать. 17 ноября проходил непосредственно сам набор на службу в армию.

109. О.А.БАТУРСКОЙ, М.Г.КОШЕВЕРОВОЙ, В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891

Печатается по подлиннику: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 1, л. 1.
Датируется по отметкам на бланке. Телеграмма.
Батурская Ольга Афанасьевна — орловская знакомая Бунина, проживающая в доме М.Г.Кошеверовой в Дворянском переулке. См. коммент. 6 к п. 100.

[1] Речь идет о зачислении Бунина в ополчение, а не в действующую армию.

110. В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 29–32.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 33–35.
Год определен по содержанию.

[1] В.Е.Пащенко был членом призывной комиссии.

111. Ю.А.БУНИНУ

18 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 53–54.
Впервые: *Лит. Смоленск*.— С. 311 (с неточностями).
Год определен по содержанию.

[1] См. коммент. к п. 108.
[2] После набора в солдаты, проходившего 17 ноября, на следующий день — 18 ноября — Бунин вновь был в воинском присутствии и был зачислен во второй разряд ополчения, который предполагал призыв на военную службу только в случае войны.

112. В.В.ПАЩЕНКО

21 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 33.
Месяц и год определены по почтовому штемпелю на конверте.

113. Ю.А.БУНИНУ

25 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 55–56.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 35–36 (отрывок).
Год определен по содержанию.

[1] Телеграмма неизвестна, имеется в виду п. 111.

[2] Что имеется в виду неясно. У М.Е.Салтыкова-Щедрина нет произведения под заглавием «Афоризмы». Возможно, что Бунин, читая произведения писателя, готовил какую-то свою работу, пока условно ее так называя.

[3] Речь идет о стихотворении «На мотив А.Мюссе» («...Однообразные печальные сомненья...»), опубликованном в журнале «Северный вестник» (1891.— № 11.— С. 200).

[4] См. коммент. 6 к п. 65.

[5] Речь идет о цикле рассказов Бунина «Мелкопоместные: Очерки из жизни елецких помещиков», опубликованном в «Орловском вестнике» (1891.— 27 окт. (№ 285).— С. 2; 29 нояб. (№ 317).— С. 2; 8 дек. (№ 326).— С. 2–3; 13 дек. (№ 331).— С. 2–3; 17 дек. (№ 335).— С. 2–3; 22 дек. (№ 340).— С. 2). В промежутке между первой и второй главами печаталось окончание романа Поля Бурже «Сердце женщины» в переводе с французского А.В.Померанцевой.

[6] Имеются в виду следующие публикации Бунина в «Русской жизни»: «Орел: Корреспонденция “Русской жизни”» (1891.— 21 окт. (№ 286).— С. 4.— Подпись: Ив. Б-н.— Об орловском комитете народных чтений); «Праздник: Сказка» (1891.— 25 дек. (№ 351).— С. 3).

114. В.В.ПАЩЕНКО

4 декабря 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 34.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] 4 декабря — день великомученицы Варвары.

[2] Возможно, имеется в виду Орлов В.И. (?–1895) — статистик при Орловской губернской земской управе.

115. Ю.А.БУНИНУ

13 декабря 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 41.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. п. 108, 111, 113.

116. Ю.А.БУНИНУ

1890–1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 47.
Датируется предположительно по времени работы Бунина в редакции «Орловского вестника».

108. Ю.А.БУНИНУ

Между 12 и 14 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 52а-52б.
Дата и место написания определены по содержанию.
К письму Бунина приписано письмо М.А.Буниной от себя лично и от имени А.Г. и О.К.Туббе.

[1] 16 ноября 1891 г. в воинском присутствии состоялась жеребьевка, т.е. определение очереди, по которой будут набирать. 17 ноября проходил непосредственно сам набор на службу в армию.

109. О.А.БАТУРСКОЙ, М.Г.КОШЕВЕРОВОЙ, В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891

Печатается по подлиннику: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 1, л. 1.
Датируется по отметкам на бланке. Телеграмма.
Батурская Ольга Афанасьевна — орловская знакомая Бунина, проживающая в доме М.Г.Кошеверовой в Дворянском переулке. См. коммент. 6 к п. 100.

[1] Речь идет о зачислении Бунина в ополчение, а не в действующую армию.

110. В.В.ПАЩЕНКО

17 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 29–32.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 33–35.
Год определен по содержанию.

[1] В.Е.Пащенко был членом призывной комиссии.

111. Ю.А.БУНИНУ

18 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 53–54.
Впервые: *Лит. Смоленск*.— С. 311 (с неточностями).
Год определен по содержанию.

[1] См. коммент. к п. 108.
[2] После набора в солдаты, проходившего 17 ноября, на следующий день — 18 ноября — Бунин вновь был в воинском присутствии и был зачислен во второй разряд ополчения, который предполагал призыв на военную службу только в случае войны.

112. В.В.ПАЩЕНКО

21 ноября 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 33.
Месяц и год определены по почтовому штемпелю на конверте.

113. Ю.А.БУНИНУ

25 ноября 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 55–56.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 35–36 (отрывок).
Год определен по содержанию.

[1] Телеграмма неизвестна, имеется в виду п. 111.

[2] Что имеется в виду неясно. У М.Е.Салтыкова-Щедрина нет произведения под заглавием «Афоризмы». Возможно, что Бунин, читая произведения писателя, готовил какую-то свою работу, пока условно ее так называя.

[3] Речь идет о стихотворении «На мотив А.Мюссе» («...Однообразные печальные сомненья...»), опубликованном в журнале «Северный вестник» (1891.— № 11.— С. 200).

[4] См. коммент. 6 к п. 65.

[5] Речь идет о цикле рассказов Бунина «Мелкопоместные: Очерки из жизни елецких помещиков», опубликованном в «Орловском вестнике» (1891.— 27 окт. (№ 285).— С. 2; 29 нояб. (№ 317).— С. 2; 8 дек. (№ 326).— С. 2–3; 13 дек. (№ 331).— С. 2–3; 17 дек. (№ 335).— С. 2–3; 22 дек. (№ 340).— С. 2). В промежутке между первой и второй главами печаталось окончание романа Поля Бурже «Сердце женщины» в переводе с французского А.В.Померанцевой.

[6] Имеются в виду следующие публикации Бунина в «Русской жизни»: «Орел: Корреспонденция "Русской жизни"» (1891.— 21 окт. (№ 286).— С. 4.— Подпись: Ив. Б-н.— Об орловском комитете народных чтений); «Праздник: Сказка» (1891.— 25 дек. (№ 351).— С. 3).

114. В.В.ПАЩЕНКО

4 декабря 1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 34.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] 4 декабря — день великомученицы Варвары.

[2] Возможно, имеется в виду Орлов В.И. (?–1895) — статистик при Орловской губернской земской управе.

115. Ю.А.БУНИНУ

13 декабря 1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 41.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. п. 108, 111, 113.

116. Ю.А.БУНИНУ

1890–1891

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 47.
Датируется предположительно по времени работы Бунина в редакции «Орловского вестника».

117. В.В.ПАЩЕНКО

1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 16, л. 1.
Датируется по времени совместной работы Бунина и Пащенко в Орле.

118. В.В.ПАЩЕНКО

1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 16, л. 2.
Датируется по времени совместной работы Бунина и Пащенко в Орле.

[1] Е.В.Померанцева.

119. В.В.ПАЩЕНКО

1891

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 12, л. 2.
Датируется по времени совместной работы Бунина и Пащенко в Орле.

[1] Слово «хочешь» подчеркнуто 9 раз.

120. Ю.А.БУНИНУ

1 января 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 57.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

121. В.В.ПАЩЕНКО

5 января 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 1–2.

[1] Речь идет о полтавских знакомых Ю.А.Бунина, служивших в Полтавском земстве. Большинство из них участники революционного движения 1870-х — 1880-х годов: Н.Г.Кулябко-Корецкий, И.Н.Присецкий, В.П.Нечволодов и др. Имеется в виду цикл очерков И.Бунина «Мелкопоместные». См. коммент. 5 к п. 113.

[2] Цикл очерков «Мелкопоместные» отдельным изданием не выходил.

[3] Речь идет о продаже усадьбы в Озёрках.

122. Ю.А.БУНИНУ

18 февраля 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 58.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин приехал в Полтаву к Ю.А.Бунину 25 февраля 1892 г. и прожил там до 13 апреля 1892 г.

123. В.В.ПАЩЕНКО

26 февраля 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2762 оф.
Год определен по карандашной помете Бунина: «1892».

[1] Речь идет о рецензии И.И.Иванова на сборник Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) в журнале «Артист» (М., 1892.— № 20.— С. 106.— Без подписи). Эту рецензию Бунин привел в п. 126. В «Автобиографической заметке» Бунин писал: «За работой при “Орловском вестнике” я писал урывками, печатаясь в “Северном вестнике”, “Наблюдателе” и иллюстрированных журналах, и издал первую книжку стихов, чисто юношеских, не в меру интимных. Первая рецензия на нее появилась в “Артисте” и заключала в себе странный упрек в подражании Фету и совет заняться лучше прозой. Остальные отзывы были весьма сочувственны» (*Собр. соч. (2)*.— Т. 9.— С. 261).

124. В.В.ПАЩЕНКО

28 февраля 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 6–7.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] См. п. 126.
[2] Берне Людвиг (1786–1837) — немецкий публицист и литературный критик. См. коммент. 1 к п. 128.
[3] Лебедев Владимир Петрович (1869–1939) — секретарь редакции журнала «Север» в 1892–1894 гг., поэт, прозаик, переводчик. Автор рецензии на книгу Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Север.— 1892.— № 9 (1 марта).— Стб. 495.— Без подписи).
[4] В «Орловском вестнике» в рубрике «Дневник» сообщалось о чрезвычайном орловском губернском земском собрании, состоявшемся 28 февраля (1892.— 29 февр. (№ 57).— С. 1).

125. В.В.ПАЩЕНКО

29 февраля 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 8.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Серпинский Владимир (1869–?; наст. имя Вольф Самойлович) — участник революционного движения 1880-х годов. Работал в Полтавской губернской земской управе, находился под надзором полиции.
[2] Рейдер Михаил Александрович — столоначальник в Полтавской губернской земской управе.
[3] Имеется в виду Лысенко Николай Витальевич (1842–1912) — украинский композитор, пианист, хоровой дирижер, основоположник национальной музыкальной школы. Автор 11 опер, в том числе «Рождественская ночь» («Різдвянна ніч», 1874), «Наталка Полтавка» (1889) и др.
[4] Стихотворение Бунина, посвященное Н.В.Лысенко неизвестно.
[5] Имеется в виду одно из сообщений рубрики «Внутренняя почта» (Новости и биржевая газета.— 1892.— 25 февр. (№ 55).— С. 3) о падеже лошадей в Брянском уезде. Это сообщение было перепечатано из рубрики «Дневник» газеты «Орловский вестник» (1892.— 18 февр. (№ 46).— С. 2).

126. В.В.ПАЩЕНКО

2 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 9–10.
Год определен по содержанию.

[1] Бунин И. Стихотворения 1887–1891 гг.— Орел, 1891.
[2] См. коммент. 1 к п. 123.
[3] Цитата из Стихотворения А.А.Фета «Нет, не жди ты песни страстной...» (1858).

127. В.В.ПАЩЕНКО

3 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 11.
Впервые: *Собр. соч. (1)*.— Т. 4.— С. 461.
Месяц и год определены по содержанию и по связи с п. 128.

128. В.В.ПАЩЕНКО

4 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 12–13.
Впервые: *Лит. Смоленск*.— С. 313–315.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Имеются в виду «Сочинения Людвига Берне в переводе Петра Вейнберга. В 2-х томах» (СПб., 1889).
[2] В статье «Менцель-французоед» Л.Берне обличает немецких националистов и их литературного глашатая Вольфганга Менцеля, выступившего против новых либеральных идей во Франции.
[3] См. коммент. 4 к п. 124.
[4] Померанц Софья Владимировна — участница революционного движения 1880-х годов.
[5] Басов Сергей Александрович (1869–1952; псевд. Басов-Верхоянцев) — писатель-сатирик. Состоял в народовольческих кружках Тулы и Харькова. Был сослан в Полтаву под гласный надзор полиции. Дебютировал как поэт при содействии Бунина в газете «Орловский вестник» (1892.— 23 авг.).
[6] Биографических сведений о Рудине обнаружить не удалось.
[7] Василевский Лев Маркович (1876–1936; наст. имя Янкель-Лейба Мордкович) — поэт, беллетрист, литературный и театральный критик. При содействии Бунина опубликовал свои первые стихи в «Полтавских губернских ведомостях» (1895.— 26 июня). В письме к Бунину от 29 октября 1912 г. Василевский называет себя бунинским «скромным учеником и крестным сыном в поэзии» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 70, л. 3).
[8] Письмо неизвестно.
[9] Письмо Е.А.Бунина неизвестно.
[10] Чехов А.П. Каштанка: Рассказ.— СПб., 1892.

129. В.В.ПАЩЕНКО

13 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 14–15.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 315–316.
Год определен по содержанию и по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Вырубов Алексей Алексеевич — старший врач в Управлении Орловско-Витебской железной дороги. Речь идет об обещании Вырубова устроить Бунина на работу в это управление.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Письмо неизвестно.

[4] Имеется в виду п. 127.

130. В.В.ПАЩЕНКО

16 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 16.
Год определен по содержанию.

[1] В.В.Пащенко писала Ю.А.Бунину 14 марта 1892 г.: «Меня очень удивляет, уважаемый Юлий Алексеевич, что уже более недели я не получаю от Вани писем. Не болен ли он? <...> Я ему послала уже два письма и ни на одно нет ответа. В последнем я ему писала, что известный ему доктор Вырубов изъявил свое полное согласие хлопотать за него в Управлении Орловско-Витебской дороги. Сегодня он мне прислал письмо, в котором он говорит, что начал уже свои хлопоты; при письме он приложил черновик прошения и просил меня, чтобы я переслала его *немедленно.* Это прошение в такой форме, как оно есть, надо переписать на белый лист чернилами и *немедленно* прислать ко мне. Я его передам Вырубову, а он уже передаст его кому следует.

Пусть Ваня перепишет его, вложит в большой конверт и пришлет мне заказным на Контроль. <...> Вырубов велел поторопиться с этим прошением; вероятно, у него есть на это особые причины. Потом заставьте его, ради Бога, *поучиться на счетах;* это необходимо и видно даже из прошения; *да чтобы насчет бумаг похлопотал — ведь* он такой безалаберный, хотя и милый; я боюсь, что он не добудет вовремя бумаг, а из-за этого все может рушиться; ведь здесь все тузы ужасные самодуры. Вырубов обещался написать Федоровскому самую великолепную аттестацию Ване. И вообще он отнесся замечательно хорошо к нему. Пишу прямо Вам обо всем этом, потому что уверена, что Вы-то уж заставите Ивана А. все это сделать; сама же я не надеюсь на его аккуратность, которая необходима в делах, да еще такой важности... А все-таки скажите ему, что очень нехорошо с его стороны не писать мне, так как его письма для меня пока единственная утеха. <...>» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/8 оф).

Ю.А.Бунин писал В.В.Пащенко в ответном письме от 18 марта 1892 г. из Полтавы: «Милая Варвара Владимировна! Я давно собирался написать Вам, но так был занят, что совершенно не было времени: это Вам может подтвердить и Ваня. Вашу просьбу о том, чтобы он переписал скорее прошение, он исполнил с большою охотой, — ему самому хочется возможно скорее пристроиться к делу, а тем более в Орле. Вообще он ведет себя вполне благопристойно и порицания не заслуживает. Кстати скажу Вам, что я предложил ему некоторые занятия, о чем он Вам, конечно, уже писал. Я со своей стороны очень доволен, что ему удастся получить место в Орле, о чем Вы, конечно, будете хлопотать, — доведите это дело до конца! А если он и не получит место в Орле, то можно поступить и в Полтаве в Казенную палату,

но понятное дело на условиях очень печальных, — быть может несколько месяцев посидит и без жалования. В Харькове тоже обещались похлопотать, но шансов на это мало. Есть тоже маленькая зацепочка и в Екатеринославе. А все-таки лучше всего пристраивайте-ка его в Орле, а то ему одному придется плохо. За его невнимательное, как Вы говорите, отношение к переписке с Вами, я хотел было сделать ему нахлобучку, но он в свое оправдание говорит, что и Вы сами не очень часто пишете к нему, а впрочем, я не судья в этом деле» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 66, л. 1).

[2] Письмо неизвестно.

[3] В.П.Лебедев в письме от 13 февраля 1892 г. сообщал: «Вл.Ал.Тихонов поручил мне написать Вам, что Ваше стихотворение, к сожалению, не взято в "Севере". Редактор нашел, что Вы несколько небрежно отнеслись к внешней отделке стиха; да и "февральский" сюжет немного запоздал. Вл. Ал. будет весьма рад, если Вы пришлете еще стихов — вероятно, найдется что-нибудь подходящее. Наш гонорар — 25 к. за строчку.

Теперь позвольте прибавить кое-что нижеподписавшемуся лично.

Как "собрат по искусству", я очень много читал Ваших стихов в "Неделе", в "Наблюдателе", в "Сев<ерном> вест<нике>" и др. журн<алах>. Всегда мне нравилось в них бодрое и свежее чувство, которым Вы обязаны, вероятно, деревенской жизни. Очень рад, что имею возможность писать Вам теперь. Хочу предложить Вам маленькую комбинацию: не пришлете ли мне Вашу книжку стихов (пожалуйста, с автографом) — я же, в благодарность, напишу о ней в "Севере" библиографическую статейку. Если Вы не согласны, то все-таки напишу стат<ью> по имеющемуся у нас в редакции экземпляру, потому что Ваши стихи мне очень нравятся и я чувствую желание высказаться о них печатно.

Итак, если моя просьба не покажется Вам несколько навязчивой, то исполните ее, чем очень обрадуете, хотя и не видавшего Вас никогда, но хорошо Вас знающего по стихам собрата» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3074/1 оф).

[4] В рецензии на книгу Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» В.П.Лебедев писал: «Г. Бунин — уже не новичок в литературе. Имя его часто встречается в наших повременных изданиях, стало быть, от него можно кой-чего требовать и критике, и читателям. Маленькая книжка, где помещено всего 39 стихотворений, вполне дает понятие о его даровании, так как г. Бунин несомненно даровитый поэт. Это поэт природы, тихой деревенской жизни, тенистых аллей, пахучих лугов. В книжке оживает привольная помещичья, немного патриархальная, немного эгоистически-мечтательная жизнь. От песен веет осенними светлыми днями, душистой весной, жарким летом. Много в них фетовского, но и это несколько своеобразно, почему и не подумаешь ни мгновения о подражании. Какое прелестное стихотворение — "Старый сад всю ночь шумел угрюмо...", где вариации на старую тему, на возвращающуюся весну являются вполне новыми, живыми и оригинальными... Вообще, где г. Бунин берется за природу — там он на своем месте, где же примется за какой-нибудь отвлеченный сюжет — там его дарование слабее. Чисто лирические стихи у него тоже недурны, напр.— "Нынче ночью поезд шумный унесет меня опять..." Есть хорошие вещи в его крымских стихотворениях, хотя южная природа, видимо, не так по сердцу поэту, как наш меланхоличный, бедный север. Г. Бунин стоит на верной дороге; источник, из которого пополняется его вдохновение, неистощим и, при несомненном таланте автора, может привести к весьма крупным результатам. Мы посоветовали бы только г. Бунину обратить внимание на техническую сторону в своей поэзии; тогда он избежал бы выражений некрасивых и вообще неправильностей <...>» (Север.— 1892.— № 9 (1 марта).— Стб. 495).

131. В.В.ПАЩЕНКО

17 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 17–19.
Впервые: *Собр. соч. (1)*.— Т. 4.— С. 461–462.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] А.В.Померанцева.
[2] Источник цитаты не установлен.
[3] Бунин участвовал в работе Ю.А.Бунина, занимавшего должность статистика в Полтавской губернской земской управе.
[4] В газете «Полтавские губернские ведомости» в 1892–1893 гг. художественные произведения Бунина не печатались.
[5] В газете «Харьковские губернские ведомости» в марте 1892 г. было опубликовано две корреспонденции из Полтавы — 15 марта (№ 68) и 27 марта (№ 79), обе напечатаны без подписи.
[6] Эти две корреспонденции были опубликованы в газете «Новости и биржевая газета» (1892.— 19 марта (№ 78).— С. 3.— Без подписи; 13 апр. (№ 101).— С. 4.— Подпись: Б-н).
[7] Серебряков Константин Терентьевич (1852–1919) — певец, бас; солист Мариинского театра, гастролировал в разных городах России. Михайлов Михаил Иванович (1860–1923; наст. фам. Зильберштейн) — певец, лирический тенор; служил в Мариинском театре, участвовал в гастролях по России. Чернов Аркадий Яковлевич (1858–1904; наст. фам. Эйнгорн) — певец, баритон; солист Мариинского театра, концертировал в разных городах России.
[8] Романс Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894) на слова Г.Гейне «Азра» (опус 3, цикл из 6 песен; 1856).
[9] См. коммент. 3 и 4 к п. 130.

132. В.В.ПАЩЕНКО

19 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 20–22.
Год определен по содержанию.

[1] См. коммент. 2 к п. 111.
[2] Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг. Начата Россией для укрепления влияния на Балканах и оказания помощи болгарам в освобождении от османского ига. Завершилась Сан-Стефанским миром.
[3] Речь идет об обострении российско-германских дипломатических и финансовых отношений в конце 1880-х — начале 1890-х годов и об угрозе нападения Германии на Россию.
[4] Желание В.В.Пащенко записаться в сестры милосердия не осуществилось.
[5] По-видимому, речь идет о Е.В.Померанцевой.
[6] Южный край: Ежедневная газета общественная, политическая и литературная / Ред.-изд. А.А.Иозефович.— Харьков, 1880–1919. Против направления этой газеты Бунин выступал еще в своей статье «Новые течения» (Орловский вестник.— 1891.— 29 мая (№ 139)), поддерживая точку зрения на эту газету других журналистов, которые указывали на «отсталость и нетерпимость» газеты, а также называли ее «одним из типичнейших мракобесов провинции» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 306–307).

133. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

После 19 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 2, л. 1.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 132.
Начало письма утрачено.

[1] См. п. 132.
[2] Н.А.Семенова.

134. В.В.ПАЩЕНКО

22 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 23–25.
Год определен по содержанию.

[1] Общественный сад в Полтаве.
[2] Письмо выдержано в стиле произведения Г.Гейне «Идеи. Книга Le Grand», являющейся одной из частей «Путевых картин» (1826–1831, ч. 1–4).
[3] Имеется в виду рубрика «Маленькая беседа» в «Орловском вестнике».
[4] Б.П.Шелехов.
[5] Письмо Грицевича неизвестно.
[6] См. коммент. 6 к п. 131.
[7] См. коммент. 4 и 6 к п. 8.

135. В.В.ПАЩЕНКО

23 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 25–26.
Впервые: *Лит. Смоленск.* — С. 316–317.
Год определен по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Поливанова Екатерина Павловна — издательница газеты «Смоленский вестник». Речь идет об устройстве Бунина на работу в редакцию этой газеты. Записка Е.П.Поливановой неизвестна.
[2] См. коммент. 1 к п. 129.
[3] См. п. 136.

136. Е.П.ПОЛИВАНОВОЙ

23 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 19, л. 1.
Впервые: *Лит. Смоленск.* — С. 317–318.
См. коммент. 1 к п. 135. Ответные письма Е.П.Поливановой неизвестны.

[1] См. п. 135, 137.

137. В.В.ПАЩЕНКО

25 или 26 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 29.
Датируется по содержанию и по связи с п. 135 и 138.

138. В.В.ПАЩЕНКО

29 марта 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 27–28.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 318–319.
Место написания определено по содержанию.

[1] См. коммент. 1 к п. 129.

[2] Т.е. 26 марта.

[3] Письмо неизвестно.

[4] Волынский Аким Львович (1861–1926; наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер) — ведущий критик журнала «Северный вестник», вплоть до его закрытия вел постоянный отдел «Литературные заметки». Имеется в виду открытка А.Л.Волынского от 27 января 1892 г.: «Потрудитесь прислать какие-нибудь другие стихотворения: стихотворения “Странное”, “Ночь, метель... Холодной пылью...”, “Соловьи”, “Отрывок” не будут напечатаны в “С<еверном> в<естнике>”» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3010 оф).

[5] Имеется в виду, возможно, орловский инженер Леон Федор Карлович; письмо его неизвестно.

[6] В журнале «Наблюдатель» (1892.— № 3.— Отд. II, с. 29–30,) была опубликована рецензия без подписи на книгу Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.». Рецензент, в частности, писал: «Это поэт преимущественно элегический, хотя и у него встречаются описания Крыма и, местами, картины природы. Но преобладающий тон его стихотворений мрачный, унылый. Он все воспевает душевные муки, тайные страдания, глубокую скорбь. <...> Есть у него, правда, два-три перевода из Мюссе, Бурже, Мура, Фелиции Гименс, но это капля в море слез и за душу тянущих вздохов. Стих г. Бунина гладок и правилен, но ведь кто же нынче пишет негладкими стихами? Не знаем, родня ли поэт знаменитой поэтессе времен Александра I, Анне Петровне Буниной, получившей за свои полные напыщенной риторикой вирши пенсию в две тысячи рублей, осыпанную бриллиантами золотую лиру для ношения на плече в торжественных случаях, но знаем, что поэты нашего времени не рассчитывают на золотые лиры и пенсии, даже далеко не за бунинские стихи». Речь идет об А.П.Буниной (1774–1829) — поэтессе, переводчице, принадлежавшей к древнему дворянскому роду Буниных, из которого происходил и Бунин.

[7] Письмо к Е.В.Померанцевой неизвестно.

[8] Соломон (965–928 до н.э.) — царь Израильско-Иудейского царства, славившийся своей мудростью.

[9] Имеется в виду снимок, выполненный в «Фотографии Б.Л.Варшавского в Полтаве». И.Бунин позднее датировал ошибочно эту фотографию 1889 г. В.Н.Муромцева-Бунина исправила эту дату на 1891 г. Однако, судя по п. 128, 132 и 138, в которых Бунин пишет о своем желании сфотографироваться и своей внешности, можно сделать вывод, что эта фотография относится к 1892 г. (воспроизведена в *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 289).

[10] Речь идет, возможно, о семье орловского врача Левитуса Моисея Давидовича.

[11] Пасха в 1892 г. праздновалась 5 апреля.

139. В.В.ПАЩЕНКО

10 апреля 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2763 оф.

[1] См. коммент. 1 к п. 129.
[2] Письмо к Н.А.Семеновой неизвестно.
[3] Письмо Н.А.Семеновой неизвестно.

140. В.В.ПАЩЕНКО

13 апреля 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2764 оф.
Впервые: *Весна пришла.*— С. 222 (с мелкими неточностями).

[1] Бунин не поступил на работу в Москве.
[2] Речь идет о разводе Л.А.Женжурист с мужем И.М.Женжуристом.
[3] Макова Надежда Ивановна — мать Л.А.Женжурист.

141. Ю.А.БУНИНУ

18 апреля 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 59–60.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 319–320.

[1] Л.А.Женжурист. См. п. 140.
[2] В.А.Маков <?>.
[3] И.М.Женжурист.
[4] Письмо неизвестно.
[5] См. п. 140 и коммент. 1 к нему.
[6] Имеется в виду рецензия на книгу Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.», опубликованная в журнале «Мир Божий» (1892.— № 4.— С. 3 обложки.— Без подписи). Рецензент, в частности, писал: «Автор довольно свободно владеет стихом. Некоторые стихотворения несомненно проникнуты свежим, искренним чувством <...> На струнах своей безыскусственной и скромной лиры автор воспевает преимущественно природу, любовь; иногда в его песнях звучит нотка тихой грусти <...> Стихотворение, которым г. Бунин заканчивает свою книжку, показывает, что автора тревожат и мучат, как выражался Гейне, “проклятые вопросы”, на которые он жаждет получить “живые ответы”. Тяжелое, грустное впечатление производят унылые песни в устах представителя молодого поколения. В тяжелую годину, когда благо родной страны требует работников, сколь возможно больше работников, песня грусти и уныния не только бесполезна, — она вредна, в такое время обязанность поэта — призывать всех и каждого к живой и плодотворной работе, а не сеять в сердцах уныние, которое только к тому и ведет, что руки опускаются раньше времени».

142. Ю.А.БУНИНУ

8 мая 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 61.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 320–321.

[1] В редакции «Орловского вестника».
[2] См. коммент. 1 к п. 129.
[3] Письмо к Л.А.Женжурист неизвестно.

143. В.В.ПАЩЕНКО

8 мая 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 30.
Дата и место написания определены по связи с п. 144.

[1] Сентянин Василий Евграфович — секретарь совета Вольного орловского общества; будущий муж Н.А.Семеновой, которая вышла за него замуж в 1893 г.

[2] Бунина, вероятно, интересовал цикл статей Л.А.Обольянинова «Из поездки в голодающую местность», который начал печататься в газете «Русская жизнь» с этого дня: I. Народные столовые — 8 мая (№ 124), II. Статистика голодающих в связи с учреждением столовых — 11 мая (№ 127), III. Характеристика нужды — 13 мая (№ 129), IV. Общая картина положения вещей — 16 мая (№ 132). В этих статьях шла речь о голодающих в сельской местности, поддерживалась идея Л.Н.Толстого о создании народных столовых для голодающих и описывалась работа этих столовых в разных деревнях и селах.

144. В.В.ПАЩЕНКО

8 мая 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 31.
Написано на именном бланке Н.А.Семеновой.

[1] «Тула» — гостиница в Орле.

145. В.В.ПАЩЕНКО

9 или 10 мая 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 32.
Датируется по связи с п. 144.

[1] Бунин имеет в виду состоявшееся 8 мая катание на лодке, в котором В.В.Пащенко, вероятно, не принимала участие, несмотря на его просьбу, изложенную в п. 143 и 144. Из-за этого и могла произойти эта ссора.

146. Ю.А.БУНИНУ

14 мая 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 62–63.
Написано на именном бланке Н.А.Семеновой, который перечеркнут.

[1] В.Е.Пащенко.

[2] Назарьева Капитолина Валериановна (1847–1900) — прозаик, драматург, публицист. Печаталась в «Вестнике Европы», «Родине», «Наблюдателе», «Живописном обозрении» и др. журналах.

[3] 15 мая — церковный праздник Вознесения Господня.

[4] Варгунин — врач, помещик, имение которого находилось около станции Казаки. «Он был либерал, земец, бесплатно лечил крестьян, пользовался большой популярностью» (*Муромцева-Бунина.*— С. 134).

147. В.В.ПАЩЕНКО

Между 15 и 17 мая 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 959 оф.

Впервые: *Уч. зап.* (отрывок), полностью — *Весна пришла.*— С. 223–226 (с неточностями в тексте и композиции письма).

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 146, 148.

148. Ю.А.БУНИНУ

19 мая 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 79–80, конец письма со слов «Напиши же ради самого Бога...» — ед. хр. 19, л. 56.

Впервые: *Материалы (1).* — С. 37–38 (отрывок).

Год определен по содержанию и по связи с п. 146.

[1] В это время вновь настал критический момент во взаимоотношениях Бунина и Пащенко, о чем свидетельствует письмо В.В.Пащенко к Ю.А.Бунину без даты: «Пишу Вам, Юлий Алексеевич, потому что уверена в Вашем влиянии на Ив. Ал. и надеюсь, что в данном случае это влияние мне поможет. Ив. Ал. писал мне, что он Вам передал “историю” нашей любви, на этом основании я и считаю возможным довериться Вам, как ч<елове>ку весьма отзывчивому и чуткому, по словам Вашего же брата. Мне кажется, что я любила и люблю Ив. Ал., на этом основании я хотела сделаться его женой, но мне как прежде, так и теперь, и теперь даже чаще, чем прежде приходят в голову мысли, что я Ваню люблю не так, как нужно любить человека, с которым я хочу прожить всю жизнь, я к нему отношусь... Ну, да одним словом, не так, как говорят, как пишут, наконец, в романах. Я этого боюсь, я боюсь, что мы не будем с ним счастл<ивы>, я боюсь, что если не он, то я могу измениться к нему. Я предлагала ему расстаться со мной на год, чтобы дать мне возможность увериться в своих силах, проверить мое чувство, я ему говорила, что могу впасть в ошибку, если он постоянно будет подогревать меня своими письмами, своими свиданиями. Он же мне на это отвечал только одно, что не видеться со мной он не может, что он разобьет себе голову. Я, зная его впечатлительность, боялась не видеть его, потому что он впадал в такое состояние, которое близко было к сумасшествию. Наконец, я решилась на последнее средство: не говорить ему о своих колебаниях, наоборот, уверить его в любви к нему, уговорить поехать к Вам и затем написать обо всем Вам, так как вблизи Вас он не может, Вы ему не дадите безумствовать. Убедите его, поговорите с ним. Как он не понимает, что если я его люблю серьезно, то мое чувство не может пройти через полгода или год, и то обстоятельство, что я его не буду видеть в это время, только заставит меня с большей радостью встретиться с ним. Если же у меня это пустое мимолетное чувство, то им нечего и дорожить, и тем более страшно соединиться на всю жизнь. Я совсем не жила еще, я мало слишком чувствовала, я положительно не знаю, настоящею ли любовью я люблю Ваню. Вы опытнее, более рассудительны, поэтому я обращаюсь к Вам. Задержите Ваню в Полтаве, я не могу с ним видеться потому, что если он приедет и я буду с ним говорить, то у меня опять не хватит характера сказать ему это так же, как не хватит характера, если он приедет, и отказать ему в свидании <...> Я знаю, что ему опять будет скверно, а я буду страдать, вполне сознавая,

что я причина его мучений. <...> Вот сейчас мое сердце так полно нежности к нему, мне так хотелось бы с ним повидаться, но завтра, завтра опять я буду обвинять себя, завтра я опять начну рыться в душе и вдруг опять найдет минута, когда я буду сомневаться — серьезно ли во мне чувство или это недостойное пустое увлечение, к которым так склонны мы, пустые, ничем не занятые девушки. Говорите ему, он Вам верит, убедите его, что я пустая, самая обыкновенная неразвитая девушка, но только помогите мне, дайте мне свободу, чтобы осмотреться, прийти в себя. Не сочтите за угрозу, но, право, я так боюсь принести ему несчастье, так боюсь, что наша семейная жизнь нас не удовлетворит, что я до тех пор не решусь стать его женой, пока не решу бесповоротно, что без него я не могу жить, что все мое счастье в нем. <...>» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 67, л. 1–3).

[2] См. п. 146.

[3] См. п. 142.

149. Ю.А.БУНИНУ

Между 23 и 26 мая 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 131–132.
Впервые: *Весна пришла.*— С. 223 (с широкой датировкой: 1892).
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] Ставровский Лука Яковлевич — полтавский знакомый Буниных.

150. Ю.А.БУНИНУ

После 28 мая 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 75.
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] Ю.А.Бунин приезжал в Орел для улаживания отношений между В.В.Пащенко и Буниным.

[2] Речь идет о рецензии А.А.Коринфского на книгу Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891), опубликованной в журнале «Всемирная иллюстрация» (1892.— № 22 (23 мая).— С. 402–403.— Подпись: А.К-ский). Рецензент писал: «Чем-то освежающим веет от этой тоненькой книжки, вышедшей в провинции приложением к “Орловскому вестнику”, и невольно хочется во второй и третий раз перечитать снова некоторые стихотворения начинающего автора. Нет в них ни безупречно-выдержанной формы, местами даже хромающей, ни блестящих «новых» рифм (они иногда у г. Бунина довольно плохи и почти всегда просты и обыкновенны), нет ничего экстраординарного, бьющего по нервам. А между тем, должно быть, есть в этой книжке что-то близкое сердцу, милое и отрадное. <...> мы предпочли бы книжку И.А.Бунина многим отшлифованным по всем правилам искусства стишкам иных современных бардов, черпающих свое вдохновение где-нибудь на Черной речке или на Петербургской Стороне... Что же есть в стихотворениях г. Бунина? В них есть... поэзия! Как бы ни были слабы некоторые вещицы его, в каждой из них найдется несколько поэтичных строчек, скрашивающих все стихотворение. Немало есть и таких стихотворений, которые поэтичны с первого до последнего слова, так что, прочтя их, можно сказать: «да, из этой песни слова не выкинешь». Теплота чувства, милая простота описаний природы являются именно тем, что мы назвали поэзией в книжке г. Бунина. Природу он знает, в природе он чувствует жизнь. В его стихах природа представляется яркою, колоритною, чарующею своей прелестью. Поэзию г. Бунина можно, пожалуй, назвать поэ-

зией русской помещичьей жизни. Некоторые пейзажи, вышедшие из-под пера г. Бунина, довольно рельефны, хотя и безыскусственны. <...> Поэзия Бунина пока лишена оригинальности, но видно, что молодой поэт стоит на своей дороге». Бунин сравнивает рецензию А.А.Коринфского с отзывом на ту же книгу в журнале «Север» (1892.— № 9 (1 марта).— Стб. 495.— Без подписи), из этого упоминания можно заключить, что эта рецензия принадлежала В.П.Лебедеву (см. коммент. 4 к п. 130).

3 Бунин послал, вероятно, рубрику «Литература и печать» из «Орловского вестника» (1892.— 28 мая (№ 137).— С. 3), где, в частности, упоминалась рецензия А.А.Коринфского и приводилась большая цитата из нее.

151. Ю.А.БУНИНУ

После 8 июня 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 122.
Дата и место написания определены по содержанию.

1 Велецкий Сергей Николаевич (1864–?) — участник революционного движения 1880-х гг. С 1891 г. служил в Статистическом бюро Полтавской губернской земской управы. Состоял под надзором полиции.

2 Речь идет о публикации в газете «Русская жизнь» (1892.— 8 июня (№ 154).— С. 4.— Подпись: И.Б-н) корреспонденции Бунина «Полтава: Реорганизация земского статистического бюро» о докладе члена-корреспондента сельскохозяйственного общества С.Н.Велецкого по поводу организации земской статистики для Полтавской губернии.

152. Ю.А.БУНИНУ

12 июня 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 64–65.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 321–322.
Месяц определен по содержанию и по связи с п. 153.

1 Бунин начал работать в Управлении Орловско-Витебской железной дороги с 10 июля 1892 г.

2 См. коммент. 2 к п. 153.

153. Ю.А.БУНИНУ

14 июня 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 66.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 322.

1 См. п. 152.

2 Бунин уехал в деревню 18 или 19 июня 1892 г. См. п. 156.

3 См. коммент. 1 к п. 152.

4 Имеется в виду, вероятно, Жуков Василий Разумникович — вице-губернатор Полтавской губернии.

154. В.В.ПАЩЕНКО

19 июня 1892

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 33.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

155. В.В.ПАЩЕНКО

Между 24 и 27 июня 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2765 оф.
Дата и место написания определены по содержанию, по карандашной помете Бунина: «1892 г. Лето июнь?» и по связи с п. 153, 154.

[1] О какой книге идет речь установить не удалось.
[2] Пушешников Иван Васильевич — отец мужа С.Н.Пушешниковой Алексея Ивановича. В.Н.Муромцева-Бунина вспоминала: «Весною этого года <1884 г.> умер свекор племянницы Алексея Николаевича, Иван Васильевич Пушешников <...>. Человек он был образованный (в его библиотеке были и русские, и иностранные писатели)» (*Муромцева-Бунина.*— С. 49–50). В романе «Жизнь Арсеньева» И.В.Пушешников явился прототипом старика Писарева. Стихотворения К.Ф.Рылеева, переписанные И.В.Пушешниковым неизвестны.
[3] Речь идет о бумагах, необходимых Бунину для поступления на службу в Управление Орловско-Витебской железной дороги, чему содействовал доктор А.А.Вырубов.

156. Ю.А.БУНИНУ

28 июня 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 82.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 296.
Год определен по содержанию.

[1] См. п. 151, 152, 153.
[2] Л.Я.Ставровский.
[3] Бунин приехал в Орел 5 июля 1892 г. См. п. 157.
[4] Л.А.Женжурист.

157. Ю.А.БУНИНУ

8 июля 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 84–86.
Год определен по содержанию и по связи с п. 156.

[1] См. коммент. 1 к п. 152.
[2] А.А.Вырубов женился на М.Н.Анитовой.
[3] О сложившемся положении в отношениях с Буниным В.В.Пащенко писала Ю.А.Бунину 8 июля 1892 г.: «Дорогой Юлий Алексеевич! Когда Вы были здесь, у меня не раз являлось желание поговорить с Вами серьезно <...> За последнее время особенно часты и резки стали наши ссоры с Ваней; сначала я и сама придерживалась пословицы: "милые бранятся", и каждая наша ссора кончалась хорошим миром, теперь же эти ссоры участились и мы буквально миримся для того, чтобы

вновь поссориться. Вам покажется странным, что я не поговорила об этом с Вами лично, — это потому, что перед самым Вашим приездом сюда Иван мне *поклялся,* что он будет верить мне, перестанет изыскивать предлоги для ссор... Я всему этому еще раз поверила, но, конечно, напрасно: на другой же день мы поссорились, и поссорились серьезно. Так длилось больше месяца; теперь я уже не верю ни его обещаниям, ни клятвам... Поверьте мне, что я его очень люблю и ценю как умного и хорошего человека, но жизни семейной, мирной у нас не будет никогда. Лучше, как мне ни тяжело, теперь нам разойтись, чем через год или полгода. Это, согласитесь, будет и труднее и тяжелее. Сама я не могу этого ему сказать, потому что достаточно мне принять серьезный он, чтобы у него явилось озлобление, он начинает кричать на меня, и дело кончается истерикой, как, напр., вчера, когда он бросился на пол в каменных сенях и плакал, как в №№ "Тула", где он в порыве раздражения хотел броситься из окна. Все это невыразимо угнетает меня, у меня пропадает и энергия, и силы... Я Вам уже говорила, что он не верит мне, а теперь прибавлю, что он и не уважает меня, а если и утверждает, то только на словах. Он мне толкует о моей неразвитости, — я знаю это сама, — но к чему же принимать такой холодный, обидный, саркастический тон?!.. Он говорит беспрестанно, что я принадлежу к пошлой среде, что у меня укоренились и дурные вкусы, и привычки, — и это правда, но опять странно требовать, чтобы я их отбросила, как старые перчатки... Если бы Вы знали, как мне это все тяжело! Верьте мне, что я вовсе не хотела водить его за нос, по его выражению, я все время, решив окончательно жить с ним, старалась примениться к нему, к его характеру, но теперь вижу, что сделать этого не могу. Пока еще мы можем мириться, и любовно относиться друг к другу, но и это стали только минуты, а будет мало-помалу остывать наша любовь, все это выплывет ярче и резче. Пусть он поживет хоть год без меня; может быть, у него сгладятся все эти шероховатости, он будет терпимее и тогда я с удовольствием пойду с ним, — но теперь, теперь не могу... Пишу я Вам, голубчик, потому, что сама я этого не скажу Ивану: он меня пугает самоубийством, поэтому я бы очень хотела, чтобы Вы сами сказали ему это: Вы не допустите его ни до какого сумасбродства, если только это отчаяние искренно в нем, в чем он заставил меня сомневаться. Скажите ему, что Вы за последний приезд убедились, что я не гожусь ему в жены, что ему нужно жену и более образованную, и развитую, говорите, что хотите, но только повлияйте на него. Если же он вернется ко мне, то я опять уступлю ему, мы, пожалуй, и сойдемся, но только я не жду добра ни для себя, ни для него. Я и ранее видела эту разницу между нами, но, повторяю, я думала, что это все стушуется при нашей любви... Все мои надежды рухнули и теперь я прошу помощи от Вас. *Вызовите его телеграммой под предлогом, что ему готово место;* по Вашему письму он не поедет, а надо чтобы он ехал сразу, пока у меня хватит сил не остановить его. Там, в Полтаве, Вы ему все объясните, разубедите его, или же я пришлю туда лаконическое письмо, в котором я ему пока напишу, чтобы он поступал на место, успокоился бы и тогда я приеду; а там будет видно дело. Сразу же разорвать с ним это будет тяжело для него. Впрочем, обдумайте, напишите, я поступлю по Вашему совету. <...>» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3408 оф).

На следующий день — 9 июля 1892 г.— В.В.Пащенко сообщала Ю.А.Бунину: «Сегодня, Юлий Алексеевич, явились новые осложнения, а именно: Иван получил окончательно место в Управлении и завтра уже пойдет на работу. Значит вызывать в Полтаву, мне кажется, его нельзя, а потому, ради Христа, приезжайте сюда, голубчик, дня хотя на три. Мне так тяжело теперь вести с ним какую-то игру, а сказать прямо — боюсь, — понаделает глупостей, бросит место и вообще выйдет ужасная вещь. <...> Когда приедете, то прежде повидайтесь со мной; напишите, я выеду Вас встретить одна и поговорю с Вами ранее, чем Вы увидите Ивана. <...> При Вас я только и решусь говорить с ним и он будет покойнее, потому приезжайте. Откладываю разговор до Вас» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/1 оф).

В следующем письме с неразборчивой датой В.В.Пащенко писала Ю.А.Бунину: «Вы, очевидно, Юлий Алексеевич, меня не поняли, так как, по Вашему совету я не должна делать решительного шага... т.е. что же я должна говорить Ивану Ал. на его просьбу сочетаться браком? Я должна ему лгать на каждом шагу, — право, мне это крайне тяжело, иногда же я просто не нахожу, что ему отвечать. <...> что я могу сделать, а жить, так ежеминутно быть наготове врать, я прямо не могу. Уехать я также не могу, так как ведь Вы знаете, что я тоже на службе. Еще раз я очень прошу Вас приехать ради Вани же, которого Вы любите. <...>» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/2 оф).

В ответ на недошедшее до нас письмо Ю.А.Бунина В.В.Пащенко в письме без даты вновь просила: «Не могу, голубчик, дорогой мой, ничего ни придумать, ни сделать... Пошлите ему телеграмму, только непременно телеграмму, иначе он не поедет, такого содержания: место есть, выезжай немедленно. Я ему посоветую и настою, чтобы он ехал, здесь же он может получить отпуск на неделю, а мотив можно придумать. Вы ему все там объясните прямо, и если он не захочет вернуться сюда, то может там остаться, если же пожелает жить здесь (место пока за ним останется), то поставьте условием, убедите его, чтобы он не искал свиданий со мной. Ради Бога, чтобы этого ничего не было, чтобы не писал ни писем, ни виделся, не старался бы встретиться, — я не хочу этого, не могу, я измучилась и не знаю как поступить. Я все бы готова была сделать, Ваня же не только не сделает ни одной жертвы, он своими слезами и жалобами затрудняет дело» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/3 оф). Ю.А.Бунин ответил В.В.Пащенко 29 июля 1892 г.: «Дорогая Варвара Владимировна! Вы, вероятно, удивлялись и, может быть, негодовали на меня за мое бездействие, но дело вот в чем: во-первых, мне очень нездоровилось эти дни и я боялся вызывать Ваню в это время, — какой же я мог быть помощник ему? Главное же, что я получил известие из Харькова, что там открывается место на 30–35 руб. на железной дороге. Об окончательном результате я получу скоро известие телеграммой, — тогда вызову Ваню. <...> Подождите только, Бога ради, несколько дней. Я сам измучился ужасно» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 66, л. 2).

158. Е.А., Л.А., М.А., Н.К.БУНИНЫМ

23 июля 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2868 оф.

Впервые: *Время.* — С. 93.

В дате Бунин ошибочно написал месяц июнь. Это письмо не могло быть написано 23 июня, так как Бунин поступил на службу в Управление Орловско-Витебской железной дороги с 10 июля. См. коммент. 3 к п. 157.

Написано на бланке Управления Орловско-Витебской железной дороги.

159. Ю.А.БУНИНУ

3 августа 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2774 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 297–299 (с неточностями).

Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 158.

[1] Телеграмма неизвестна.

160. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 67.
Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 299.
Место написания определено по содержанию и по связи с п. 161, 162.

[1] Бунин не поступил на работу в Харькове (см. п. 162).
[2] Имеется в виду работа Бунина в Управлении Орловско-Витебской железной дороги.

161. Ю.А.БУНИНУ

12 августа 1892

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 153.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 160, 162.

[1] См. коммент. 1 к п. 160.
[2] Т.е. 14 августа; 15 августа — церковный праздник Успение Пресвятой Богородицы, 16 августа было воскресение.

162. Ю.А.БУНИНУ

14 августа 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2776 оф.
Год и место написания определены по содержанию и по связи с п. 160.
На оборотной стороне л. 2 письмо к Ю.А.Бунину его харьковского знакомого Ставровского Луки Яковлевича.

[1] Бунин надеялся получить работу в Харькове для себя и В.В.Пащенко.
[2] Лисовский Алексей Николаевич — секретарь Полтавской земской управы, титулярный советник.

163. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.БУНИНЫМ

18 октября 1892

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2869 оф.
Письмо написано на бланке Полтавской губернской земской управы.
Письмо без конца.

[1] 11 октября 1892 г. Л.А.Бунина писала сыну: «Милый и дорогой Ваничка, поздравляю тебя с днем твоего ангела и желаю тебе всего-всего хорошего, а также и все наши тебя поздравляют <...> Милый Ваничка, я не знаю, как тебе не стыдно так долго нам не писать, ты как переехал в Полтаву, не написал ни одной строчки, хоть бы насчет своего здоровья. И Юринька тоже не пишет, мы уже писали, писали, а вы ни одной строчки <...>» (ОГЛМТ, ф. 14, № 931 оф).
[2] Письмо Бунина А.Н.Бунину на имя С.Н.Пушешниковой неизвестно.

164. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.БУНИНЫМ

7 января 1893

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 29, л. 1.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Письмо адресовано Е.А.Бунину в Ефремов и обращено к Л.А.Буниной, Е.А.Бунину и его жене Насте, М.А.Буниной.

[2] С.Н.Пушешникова.

165. Л.А.БУНИНОЙ

26 января 1893

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2874 оф.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 300 (с мелкими неточностями).
Письмо написано на бланке Полтавской губернской земской управы.
Письмо без конца.

[1] Речь идет о публикации рассказа «Танька» в журнале «Русское богатство» (1893.— № 4, апрель) — под заглавием «Деревенский эскиз». В «Автобиографической заметке» Бунин писал: «В Полтаве я впервые приступил более или менее серьезно к беллетристике, и первый же рассказ (без заглавия) послал в “Русское богатство”, руководимое тогда Кривенко и Михайловским. Михайловский написал, что из меня выйдет “большой писатель”, и рассказ, под чьим-то заглавием — “Деревенский эскиз”, — был напечатан...» (*Собр. соч. (2).*— Т. 9.— С. 261). В «Русское богатство» Бунин послал рассказ по совету Л.Я.Ставровского, который писал ему: «Милый Ванюша! Я читал Ваш рассказ сестре; она нашла несомненный талант и порекомендовала поместить в “Русское богатство”. Нужно Вам сказать, Ванюша, что *теперь* в “Русском богатстве” фактическим редактором Михайловский, через руки которого обязательно должен пройти и Ваш рассказ. <...> Рассказ завтра же будет отправлен в редакцию “Рус<ского> богатства”, за плату» (ОГЛМТ, ф. 14, № 13153 оф).

[2] Письмо неизвестно.

[3] Шкляревич Петр Данилович — председатель Полтавской губернской земской управы, действительный статский советник.

[4] В воспоминаниях «Из жизни провинции в 90-х годах» Ю.А.Бунин писал: «Для того, чтобы оказывать более планомерное и систематическое влияние на общественное мнение, представители полтавской интеллигенции стремились завести свой орган печати. Стремление это осуществилось в конце 1894 г. в очень оригинальной форме. В наших руках оказалась неофициальная часть “Полтавских губернских ведомостей”, редактором которых состоял секретарь губернского статистического комитета Д.А.Иваненко. С согласия губернатора, газета была передана в распоряжение нашей группы, организовавшей особый редакционный комитет, в состав которого вошли: Н.Г.Кулябко-Карецкий, Е.В.Святловский, С.П.Балабуха, Л.В.Падалка, П.М.Дубровский, секретарь губернской управы А.Н.Лисовский, его супруга К.К., мой брат Иван Алексеевич и я» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 2.— С. 238).

166. Л.Н.ТОЛСТОМУ

7 февраля 1893

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 1, № 139/14, л. 3.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 198.

На обороте письма рукою И.Бунина написано: «Будьте добры передать Л.Н.Толстому». Здесь же находится помета рукою Л.Толстого: «От».

[1] Леонтьев Борис Николаевич (1866–1909) — последователь Л.Толстого, член полтавской колонии толстовцев. Бунин познакомился с Б.Леонтьевым в Полтаве в 1892 г.

[2] Имеется в виду активная деятельность Л.Толстого в 1893 г. по организации помощи голодающим, в связи с чем он с 6 по 21 февраля находился в Бегичевке (Воронежской губернии).

[3] В ответном письме от 20 февраля 1893 г. Л.Толстой писал: «Приезжать вам, я думаю, не стоит: вы предлагаете только на короткое время; у нас же достаточно сотрудников с теми, которых мы уже пригласили и ждем. А вам для короткого времени незачем бросать службу. Желаю вам всего лучшего» (*Толстой. ПСС.* — Т. 66.— С. 297).

167. В.В.ПАЩЕНКО

Середина мая 1893

Печатается по машинописной копии: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 1. Местонахождение автографа не установлено.

Датируется по содержанию.

[1] Здесь, вероятно, был неверно прочитан автограф, где скорее всего было написано «Бабаи» — станция железной дороги.

[2] Бунин в мае 1893 г. получил отпуск. Уезжая из Полтавы к брату Евгению, он ожидал приезда туда В.В.Пащенко.

168. В.В.ПАЩЕНКО

Конец мая 1893

Печатается по машинописной копии: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 2. Местонахождение автографа не установлено.

Датируется по содержанию и по связи с п. 167.

[1] В начале 1893 г. Е.А.Бунин приобрел имение в селе Огневка Тульской губернии. «Оно было небольшое, двести десятин земли. Усадьба, с одноэтажным домом в фруктовом саду, находилась вблизи сельца Огневки. Бунин взял ее в свою поэму “Деревня”, под названием Дурновки» (*Муромцева-Бунина.*— С. 121).

[2] Бабарыкино — станция по Сызрано-Вяземской железной дороге (Ефремовский уезд Тульской губернии).

[3] Речь идет о приезде в Огневку В.В.Пащенко вместе с Ю.Буниным. Пащенко посетила Огневку, вероятно, в конце июня — начале июля 1893 г. «Она не понравилась Евгению Алексеевичу, и это она почувствовала. Прогостила недолго...» (*Муромцева-Бунина.*— С. 134).

169. В.В.ПАЩЕНКО

3 июня 1893

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2766 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 301.

[1] Роман Э.Золя «Доктор Паскаль» (1893) завершает его двадцатитомную серию романов «Ругон-Маккары».

170. Ю.А.БУНИНУ

После 30 июня 1893

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 1–3.
Датируется по содержанию и по связи с п. 174.

[1] Каменка — село, при котором располагалось родовое имение Буниных, принадлежавшее Николаю Николаевичу Бунину, брату А.Н.Бунина.

[2] Петров день или Петровки — народное название православного праздника, дня первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня.

[3] А.Н.Бунин в это время испытывал большую нужду, о чем он неоднократно писал сыновьям. Так, 28 сентября 1893 г. он писал из Ельца: «Дорогие мои сыновья Юрий и Иван Алексеевичи! В настоящее время я в Ельце, поэтому имею удобный случай писать к Вам и попенять, что вы меня забыли совсем, ни строчки не получал от вас. <...> Верь, Юрий, я не стал бы тебя беспокоить, зная то, что ты всем друг и покровитель, вышли мне хоть рублей 20-ть <...> буду стараться отыскать себе подручное моим летам место в Ельце, чтобы не подохнуть с голода. <...> Я останусь в Ельце с той целью, чтобы найти себе работу. Я жив и не пью, потому уже не до того и, наконец, скоро почти 70 лет. Я думал застать Машу у Софьи Николаевны, но она уехала 27 сентября, то есть вчера. В Огневке я не бываю <...> Вот для меня убийственная новость — ты, драгоценный Ваня, болен, и слышал, что ты хочешь ехать в Крым, но вот задача — средства. Уверен в том, что прелестная моя милая невестка Варвара Владимировна всеми своими силами заботится о тебе, чтобы ты был здоров. Это твой верный Ментор, поцелуй ее за меня как можно крепче, скажи ей, что я ее душой уважаю и люблю, как мою Марусю <...>» (ОГЛМТ, ф. 14, № 979 оф).

[4] Ося — возможно, Иосиф Адамович Ласкаржевский (1875–?)

[5] Правильно: Лукьяново — почтовая станция (Ефремовский уезд, Тульская губерния).

171. В.В.ПАЩЕНКО

До 12 июля 1893

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 13, л. 37–38.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 311–312 (с ошибочной датировкой: декабрь 1891).
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 169.

[1] См. п. 29.

[2] Приводится стихотворение К.М.Фофанова «Вечернее небо, лазурные воды...» (Фофанов К. Стихотворения.— СПб., 1889).

172. Ю.А., Л.А., М.А.БУНИНЫМ

13 июля 1893

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 68.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

173. Л.Н.ТОЛСТОМУ

15 июля 1893

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 1, № 139/14, л. 5–6.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 198.
Датируется по содержанию и карандашной помете на письме: «15 июля. 10».

[1] Бунин послал Л.Толстому отдельный оттиск рассказа «Деревенский эскиз» (позднее названный «Танька»), опубликованный в журнале «Русское богатство» (1893.— № 4.— С. 1–13).

[2] Файнерман Исаак Борисович (1862–1925) — последователь Л.Толстого; в Полтаве организовал столярную мастерскую. Впоследствии стал журналистом, приобрел известность под псевдонимом Тенеромо. Бунин познакомился с Файнерманом в 1892 г. в Полтаве и был у него в учениках по бондарному ремеслу.

[3] См. п. 166.

[4] Речь идет о письме Л.Толстого от 20 февраля 1893 г., в котором он написал в частности: «Надеюсь, что вы духом спокойнее, чем когда я вас видел в последний раз» (*Толстой. ПСС.* — Т. 66.— С. 297). Кого имел в виду Л.Толстой и о ком далее писал Бунин неизвестно.

174. Ю.А.БУНИНУ

Вторая половина июля 1893

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 126–127.
Датируется по содержанию.
Написано на бланке Полтавской губернской земской управы.

[1] Няньчук Семен Никитич — статистик, полтавский знакомый Буниных.

[2] Старицкий А.П.— чиновник Полтавской губернской земской управы.

[3] Имеются в виду опубликованные в журнале «Вестник Европы» (1893.— № 7.— С. 362–365) стихотворения Бунина под общим заглавием «Песни о весне»: «Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...», «Бушует полая вода...», «Догорел апрельский поздний вечер...», «То разрастаясь, то невнятно...», «Еще от дома на дворе...».

[4] Слово «определенно» подчеркнуто девять раз.

175. А.И.ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ

4 января 1894

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 56, л. 1–2.
Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849–1916) — журналист, мемуарист, деятель революционного движения. С сентября 1892 г. заведовал материальной частью журнала «Русское богатство» и издательства при нем, был секретарем редакции, помощником Н.К.Михайловского по отделу беллетристики. Письма Иванчина-Писарева к Бунину неизвестны.

[1] Рассказ «На хуторе» был опубликован в журнале «Русское богатство» в мае 1895 г. (№ 5.— С. 120–125).

[2] Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) — публицист, мемуарист. В 1892–1894 гг.— соредактор журнала «Русское богатство». В 1895–1897 гг. редактировал журнал «Новое слово», в 1897–1900 гг.— газету «Сын отечества».

[3] Ю.А.Бунин, очевидно, передал в редакцию журнала рассказы И.Бунина «Кастрюк» и «Неожиданность», которые были опубликованы в «Русском богатстве» соответственно в апреле и июне 1895 г. (№ 4.— С. 127–137, № 6.— С. 123–132).

176. В.В.ПАЩЕНКО

4 января 1894

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2759 оф.

Год определен по содержанию и по связи с дневниковой записью Бунина за 1893 г.: «Конец декабря — с Волкенштейном в Москву к Толстому» (*Собр. соч. (3)*.— Т. 7.— С. 335). О своей поездке в Москву с полтавским земским врачом А.А.Волкенштейном Бунин написал в книге «Освобождение Толстого» (*Собр. соч. (3)*.— Т. 6.— С. 65–68).

[1] Можно полагать, что Бунин посетил Толстого в Хамовниках 4 января 1894 г. В Москву он с Волкенштейном приехал, видимо, 3 января. В «Освобождении Толстого» Бунин вспоминал: «Волкенштейн кровно обидел меня: поехал к Толстому сию же минуту после того, как мы добрались до московской гостиницы, а меня с собой не взял: “Нельзя, нельзя, надо предупредить Льва Николаевича, я предупрежу, предупрежу”, — и убежал. <...> Хорошо было только то, что Толстого он все-таки предупредил <...> На другой день вечером я, вне себя, побежал наконец в Хамовники...» (*Собр. соч. (3)*.— Т. 6.— С. 65).

[2] Бунин выехал из Москвы 9 января 1894 г. (см. п. 177).

177. Ю.А.БУНИНУ

9 января 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 69.

Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Через Елец Бунин приехал в Полтаву.

178. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 февраля 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 4.

Впервые: *Вопросы лит.*— 1969.— № 7.— С. 176.

Написано на бланке библиотеки Губернской земской управы в Полтаве.

[1] См. п. 176.

[2] Предположительно речь идет о критике И.И.Иванове.

[3] Имеется в виду книга «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891).

[4] Леонов Максим Леонович (1872–1929) — поэт-самоучка, журналист; участник Суриковского кружка. В качестве секретаря редакции «Биографической библиотеки» Ф.А.Иогансона М.Л.Леонов 14 января 1894 г. писал Бунину: «Редакцией “Биогр. библиотеки” предпринято к изданию литературного сборника “Арабески”, сбор от продажи которого поступит на устройство сельских читален. В сборнике участвуют: Я.Е.Егоров, С.Д.Дрожжин, Ив.Горбунов-Посадов, Л.М.Медведев, В.Гиляровский и мн. др. Не будете ли Вы любезны дать что-либо для сборника» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 263), на письме есть помета Бунина: «Ответ дал положительный 28/I 94 г. Обещал стихотв.».

[5] Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848–1930) — поэт-самоучка, участник Суриковского кружка. Бунин познакомился с Дрожжиным в Москве в 1895 г.

[6] Был ли Бунин в Москве осенью 1894 г. неизвестно.

179. Л.Н.ТОЛСТОМУ

15 февраля 1894

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 1, № 139/14, л. 7.
Впервые: *Новый мир.* — 1956.— № 10.— С. 199.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте, на котором есть помета: «109», такая же имеется и на самом письме. На конверте также есть помета рукою Л.Толстого: «Отв.»

[1] См. п. 176 и коммент. к нему.

[2] Визит Бунина к Л.Толстому был кратким. По воспоминаниям Бунина их беседа была прервана С.А.Толстой, которая напомнила Толстому о том, что его ждут. Б.Н.Леонтьев писал Толстому 30 января 1894 г.: «Бунин рассказывал про всех московских друзей, но приехал очень огорченный, что так мало провел времени с вами, — вы были главная цель его поездки, — он вас очень любит и давно жаждал знакомства с вами. Он не может спокойно, без волнения говорить о вас... Он хочет бросить свою службу и заняться продажей книжек “Посредника”» (*Толстой. ПСС.* — Т. 67.— С. 49).

[3] В.В.Пащенко.

[4] Речь идет о Е.Н.Дрожжине, толстовце, который за отказ в августе 1891 г. от военной службы был насильственно отправлен в дисциплинарный батальон, где умер от крайне тяжелых условий.

[5] Имеется в виду письмо И.Б.Файнермана к Л.Толстому от 15 января 1894 г., в котором он описал свои занятия с мальчиками по столярному ремеслу. Толстой одобрил эти занятия (*Толстой. ПСС.* — Т. 67.— С. 22–23).

[6] «Посредник» — книжное издательство просветительского характера. Возникло в Петербурге по инициативе Л.Н.Толстого и под руководством В.Г.Черткова. С 1892 года деятельность издательства протекала в Москве. Цель «Посредника» — издание книг нравственного и художественного содержания, доступных для народа. Бунин активно занялся распространением книжной продукции издательства «Посредник». В Полтаве он открыл книжный магазин, но торговля шла плохо и Бунин решил распространять издания «Посредника» на ярмарках, в деревнях, за что был привлечен к ответственности, т.к. не имел на то официального разрешения. Он был приговорен к трем месяцам тюремного заключения, но по амнистии в связи с восшествием на престол Николая II был освобожден от наказания.

[7] Бирюков Павел Иванович (1860–1931) — литератор, биограф Л.Н.Толстого, общественный деятель; один из инициаторов и создателей издательства «Посредник». Письмо к Бирюкову неизвестно.

[8] Л.Толстой в ответном письме от 23 февраля 1894 г. писал: «Очень рад был получить ваше письмо, Иван Алексеевич. Рад потому, главное, что наше свидание в Москве было очень короткое, и я боялся, что недостаточно внимательно отнесся к вам. Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьезного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразличны. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной любовной силы. А я думаю, что это напряжение духовной любовной силы очень нужно вам для того, чтобы удержать хорошие отношения с женою и вместе с тем не переставая в мыслях и деле идти вперед в деле христианского совершенствования и служения Богу. Смерть Дрожжина и отнятие детей Хилкова суть два важные события, которые призывают всех нас к большей нравственной требовательности к самим себе и к все большему и большему освобождению себя от всякой солидарности с той силой, которая творит такие дела» (*Толстой. ПСС.* — Т. 67.— С. 48–49).

180. В.В.ПАЩЕНКО

12 марта 1894

Печатается по машинописной копии: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 14, л. 3. Местонахождение автографа не установлено.

Год и место написания определены по содержанию.

181. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПОЛТАВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Между 10 и 12 апреля 1894

Печатается по первой публикации. Автограф неизвестен.

Впервые: Полтавские губернские ведомости.— 1894.— 13 апр. (№ 28).— С. 2 (ч. неофициальная).

Датируется по первой публикации и по содержанию.

[1] Т.е. 10 апреля 1894 г.

[2] Имеется в виду книга: Сельский скотолечебник: Советы о том, как лечить лошадей, волов, коров, овец, свиней, собак и кур.— М.: Посредник, 1892.

182. И.А.БЕЛОУСОВУ

Апрель 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 110.

Впервые: *Вопросы лит.*— 1969.— № 7.— С. 175–176 (отрывок с ошибочной датировкой: 1893, после апреля).

Датируется по содержанию.

Написано на бланке библиотеки Губернской земской управы в Полтаве, очевидно, что бланк был использован как почтовая бумага, т.к. письмо начинается с оборотной стороны бланка.

[1] Вероятно, был послан оттиск рассказа «Федосевна» из сборника «Голодный год» (Харьков, 1893.— С. 23–32).

[2] Рассказ «Деревенский эскиз» был опубликован в журнале «Русское богатство» (1893.— № 4.— С. 1–13) с редакторским заглавием, у Бунина рассказ первоначально назывался «Без заглавия», позднее он озаглавил его «Танька».

[3] Речь идет о книге «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891).

[4] См. п. 178.

[5] Имеется в виду, вероятно, книга: Шевченко Т.Г. Маленький Кобзарь / Пер. И.А.Белоусова.— Киев, 1892.

[6] У Бунина был, вероятно, план поселиться вместе с В.В.Пащенко и Юлием в Москве, но он не был осуществлен.

183. И.А.БЕЛОУСОВУ

Май 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 92.

Датируется по содержанию и по п. 182.

[1] В газете «Жизнь и искусство» в начале 1894 г. были опубликованы следующие стихотворения И.Белоусова: «Из В.Чайченко (С малороссийского). На чужбине» («Плывут по небу тученьки...») — 17 февраля (№ 66); «Памяти Т.Г.Шевченко» («Там, где льется Днепр широкий...») — 27 февраля (№ 76); «Из весенних мотивов» (« — Друг мой, весна наступает...») — 29 марта (№ 106).

184. Ю.А.БУНИНУ

11 июля 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 73–74.

[1] Руслов И.А.— елецкий врач.
[2] Франковский — харьковский врач.

185. Ю.А.БУНИНУ

12 или 13 июля 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 76–77.
Датируется по содержанию и по связи с п. 184.

186. В.В.ПАЩЕНКО

14 июля 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 1.

[1] Бунин выехал из Огневки 24 июля.
[2] Имеется в виду вокзал в г. Ефремове.
[3] Петербургская гостиница — гостиница в Ельце.

187. Ю.А.БУНИНУ

Между 16 и 19 июля 1894

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 70.
Датируется по обозначенным датам на листке из книжки-календаря, на котором написано письмо: на двух страницах этого листка находятся четыре даты с 16 по 19 июля 1894 г.

[1] По всей вероятности, Бунин уехал в Полтаву один, без сестры М.А.Буниной.

188. В.В.ПАЩЕНКО

21 июля 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 2–3.

[1] Бунин приезжал в Ефремов в понедельник 18 июля 1894 г.
[2] По-видимому, речь идет о почтовом денежном переводе, который Бунин ожидал от Ю.Бунина.

189. В.В.ПАЩЕНКО

27 июля 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 4.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Письмо неизвестно. См. коммент. 6 к п. 179.

190. В.В.ПАЩЕНКО

29 июля 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 5.
Впервые: *Лит. Смоленск.*— С. 322–323.

[1] Павленки — пригород Полтавы.

[2] Речь идет о гонораре за опубликованные в «Вестнике Европы» (1894.— № 6.— С. 645–647) два оригинальных стихотворения Бунина «...И снилося мне, что осенней порой...», «Неуловимый свет разлился над землею...» и одно переводное — А.Асньк «Без слов мы навсегда простилися с тобою...».

[3] Селитренников Михаил Иванович — помощник статистика в Статистическом бюро Полтавской губернской земской управы.

[4] «Киевлянин» — ежедневная литературная и политическая газета Юго-Западного края (Киев, 1864–1900). Во время жизни в Полтаве Бунин часто публиковал в газете «Киевлянин» корреспонденции, которые всегда печатались без подписи, в связи с чем не представляется возможным точно установить публикации, принадлежащие Бунину.

[5] В Ельце около 25 июля.

[6] Перефразировка слов Татьяны из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин».

[7] Пащенко Вера Владимировна — младшая сестра Варвары Пащенко.

191. В.В.ПАЩЕНКО

4 августа 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 6.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Семья Зверева Дмитрия Ивановича (1862–1924) — сотрудника Статистического бюро Полтавской губернской земской управы, бывшего участника революционного движения 1880-х гг. В.Н.Муромцева-Бунина писала о нем: «...Зверев, ставивший статистику выше всего на свете, крестьянского происхождения, веселый, с красивым лицом, очаровательно смеявшийся и говоривший на о» (*Муромцева-Бунина.*— С. 126).

[2] Бунин имеет в виду рассказ «Учитель», законченный им в начале августа 1894 г. Впервые рассказ был опубликован в журнале «Новое слово» (1896.— № 7) под названием «Тарантелла» с подзаголовком «Из жизни деревенской интеллигенции».

[3] Имеется в виду, вероятно, рассказ «На край света».

[4] Мясоедов Григорий Григорьевич (1834–1911) — художник, один из создателей «Товарищества передвижников». 15 августа 1894 г. писал портрет И.Бунина «в аллее тополей на скамейке» (*Муромцева-Бунина.*— С. 140).

[5] Речь идет о трудоустройстве В.В.Пащенко в Статистическое бюро Полтавской губернской земской управы.

192. В.В.ПАЩЕНКО

10 августа 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 10.
Датируется по связи с п. 193.

[1] Имеется в виду, вероятно, Гиршман Леонард Леонидович (1834–1921) — окулист, профессор Харьковского университета, отличался либеральными взглядами. С ним мог быть знаком Ю.А.Бунин, окончивший Харьковский университет в 1882 г.

193. В.В.ПАЩЕНКО

18 августа 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 7–8.
Впервые: *Собр. соч. (1)*.— Т. 4.— С. 464 (с неточностями).
Датируется по содержанию и по почтовому штемпелю на конверте.
Написано на бланке библиотеки Полтавской губернской земской управы.

[1] В.В.Пащенко в это время находилась в Ельце в отпуске.
[2] См. коммент. 5 к п. 191.
[3] Имеется в виду, вероятно, Елизавета Николаевна Бибикова.

194. В.В.ПАЩЕНКО

22 августа 1894

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 15, л. 9.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
Написано на бланке библиотеки Полтавской губернской земской управы.

[1] Речь идет об отказе В.В.Пащенко работать в Статистическом бюро Полтавской губернской земской управы.

195. Б.Д.ГРИНЧЕНКО

19 ноября 1894

Печатается по автографу: НБУ ИР, № 35773.
Впервые: *Рад. літ.*— 1957.— № 4.— С. 134.
Написано на бланке «Книжный магазин И.А.Бунина. Полтава. Угол Александровской и Ивановской улиц» неизвестным почерком, подпись — автограф И.Бунина.

Гринченко Борис Дмитриевич (1863–1910; псевд. Василь Чайченко) — украинский поэт, общественный деятель, издатель. Его творчеством Бунин заинтересовался в начале 1890-х годов и пытался распространять через свой книжный магазин в Полтаве его книги. Известен перевод Бунина одного стихотворения Гринченко. Письма Гринченко к Бунину неизвестны.

[1] Имеются в виду книги, выходившие в «Издательстве Б.Д.Гринченко», основанном в 1894 г. в Чернигове с целью издания популярной литературы для народа.

196. В.В.ПАЩЕНКО

Ноябрь 1894

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2771 оф.

Впервые: *Весна пришла.*— С. 226–227 (с неточностями и широкой датировкой: ноябрь-декабрь 1894).

Дата и место написания определены по содержанию.

Черновик письма.

4 ноября 1894 г. В.В.Пащенко уехала из Полтавы, навсегда покинув Бунина. В.Н.Муромцева-Бунина писала: «4 ноября была назначена присяга новому императору. Все мужчины отправились в собор и в приходские храмы. Варвара Владимировна, отпустив со двора прислугу, оставила странную записку: “Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом...” — и, захватив кое-что из своих вещей, бежала из Полтавы, а чтобы замести следы, заняла у друга-идеалиста денег на проезд в Петербург, объяснив ему, будто бы она хочет “поступить на курсы, а Ваня не соглашается...”» (*Муромцева-Бунина.*— С. 141). Вскоре после своего отъезда из Полтавы В.В.Пащенко писала Ю.А.Бунину: «Многоуважаемый Юлий Алексеевич! Два месяца, как Вы и сами говорили, что замечали это, я строго со всех сторон обсуждала этот вопрос. Говорила я и Ив. Ал., что не вижу смысла в нашей общей жизни, без общности в духовной стороне нашей совместной жизни, он обыкновенно молчал на это и считал это пустяком. Для меня же без этого немыслима жизнь. Это первый мотив моего решения. Второй — озлобленность обеих сторон, неуменье ужиться обоим в одной берлоге, постоянные сцены — грубые ссоры, которые происходили между нами, совершенно убили мое чувство к нему. Оставалась одна жалость, — но на ней я не считала возможным строить дальнейшую жизнь, — все это заставило меня прийти к бесповоротному решению покончить все разом. Что я и сделала, считая это и честным, и прямым поступком. Зачем нам видеться, о чем разговаривать? Я не могу изменить моего решения. К Вам же, Юлий Алексеевич, я отношусь по-прежнему хорошо, со всем уважением, которое Вы заслужили, тем более, что в данном случае Вы являетесь посредником. Вполне сознаю всю тяжесть, которую Вы несете, но выполнить просимое Вами, я не могу, а другое — что другое может помочь? Не думайте, что я отношусь индифферентно к трудности Вашей задачи, — я не могу, не в состоянии ничего сделать. Уважающая Вас В.Пащенко» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/4 оф).

Судя по письму общего полтавского знакомого С.П.Балабухи, Бунин ездил в Елец на розыски В.В.Пащенко. С.П.Балабуха в письме без даты сообщал из Полтавы В.В.Пащенко: «Многоуважаемая Варвара Владимировна! Не писал Вам о положении дел здесь сначала потому, что события так скоро наступили, что письма не могли предупредить Вас; попытался было телеграфировать Вам, но телеграмма моя не дошла к Вам. В последнее время, после того как состоялась поездка Ив. Алек. к Вам, я стал ждать письма от Вас и потому не писал. Расскажу теперь обо всем. Ив. Алексеевич так был убит всем, что я не выдержал характера и телеграфировал Вам, боясь ответственности перед собой, если бы не предупредил Вас о положении здесь дел. Когда я телеграфировал Вам, то я, может быть, и преувеличил, но это не было намеренное преувеличение, а явилось последствием той смуты, которую пришлось переживать. С одной стороны, мне казалось, что Ив. Алексеевичу не грозит что-ниб<удь> ужасное, а с другой стороны, голос шептал: а что будет, если вся эта история окончится чем-ниб<удь> трагическим, и что скажете Вы? Вот почему я телеграфировал так. В действительности Ив. Алексеевич очень убит, и до сих пор далеко еще не оправился. Все-таки он ходит на занятия. Юлий Алексеевич совершенно добросовестно, любя брата, преувеличивает опасность, я же не замечаю чего-либо угрожающего. Насколько я понимаю, он себя немного

утешает надеждой, хотя наверно сам понимает, что эта надежда фантастическая <...>» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 68, л. 1–2).

После отъезда из Полтавы В.В.Пащенко Бунин, вероятно, послал ей несколько писем, из которых до нас дошло только это, комментируемое здесь. Возможно, после этого письма Бунина С.П.Балабуха вновь писал В.В.Пащенко из Полтавы 12 декабря 1894 г.: «Многоуважаемая Варвара Владимировна. Я вчера узнал от Юлия Алексеевича о том, что Иван Алексеевич делал опять попытку к переговорам с Вами. Полученная телеграмма на него подействовала убийственно. На вид он держался в последнее время довольно удовлетворительно, но, как видно, он таил про себя некоторые надежды, которые и служили ему поддержкой. Прошло уже более месяца, за это время он похоронил много надежд, но не все. Нужно еще некоторый промежуток времени. Если ему сейчас прямо сказать, что все похоронено, то он... право, у нас нет сил поставить пред ним так в открытую дело, а потому мы прибегаем к некоторым утешительным допущениям. Он и теперь говорит, что он хорошо понимает, что порванные отношения не восстанавливаются, но внутренно он цепляется за какие-то надежды, конкретно это выражается в том, что он хочет свидания с Вами. Я знаю, что Вам очень тяжело тянуть всю эту историю, но Вы более сильный человек и потому более объективно можете отнестись. Мы хотим попросить Вас вот о чем, в ответ на его просьбу о свидании с Вами напишите ему, что Вы находитесь в том же хаотическом состоянии, как и месяц назад, что свидание теперь немыслимо, что на время Вы не видите возможным не только свидеться с ним, но и писать ему, а потому пишете через Сергея Павловича (напишите так письмо, чтобы его можно было показать ему), что постараетесь увидеться с ним после Рождества, или назначьте какой-либо определенный или неопределенный срок. Нам нужно выиграть время для того, чтобы острота горечи, растянувшись на продолжительное время, не так убийственно действовала, это раз, а во-вторых, за это время Юлий Алексеевич постарается его устроить в Москве, потому что в Полтаве ему немыслимо успокоиться. Сделайте так, Варвара Владимировна, это Вас ни в каком отношении не свяжет, все будет сделано, чтобы даже самая мысль о необходимости свидания была вытравлена. Вы теперь, вероятно, можете вдали отнестись объективно. Вы же знаете, что мы имеем дело несомненно с больным человеком. <...> Если бы Вы знали, как трудно ладить с ним, то не затруднились бы написать так, как мы находим нужным. Если бы Вы признали возможным написать такое письмо, то предупредите телеграммой: “пишу”, нам это важно, смею думать, в нашей человеколюбивой миссии. Вчера целый день возились с ним. <...> Сейчас у нас земское собрание, очень интересное, жалко только, что ни я, ни Юлий Алексеевич не можем совершенно безмятежно предаться посещениям и бываем урывками через эту возню» (ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 68, л. 3–4).

В.Н.Муромцева-Бунина писала об отношении Ю.А.Бунина к положению младшего брата: «Юлий Алексеевич беспокоился, когда он оставался один дома. Решил выписать Евгения, чтобы тот увез младшего брата к себе. Но и Евгений один не решился ехать с ним. Тогда друзья, посоветовавшись, устроили Юлию Алексеевичу отпуск, и в декабре братья двинулись в путь, не оставляя младшего ни на минуту одного. Он настойчиво требовал, чтобы они остановились в Ельце. Старшие братья долго отговаривали его, но в конце концов уступили, и ему пришлось еще раз пережить на крыльце дома Пащенко тяжкую минуту. Отворил ему дверь сын доктора и, волнуясь, резко сказал, что “адреса сестры они не знают, а родители не желают его принимать...” Из Ельца братья поехали на Бабарыкино, в Огневку» (*Муромцева-Бунина.*— С. 141). Вскоре Бунин получил от В.В.Пащенко письмо: «Ты сегодня был у отца с целью просить моего с тобой свидания... Это показывает мне, что Юлий Алексеевич не передал тебе содержание моего к нему письма еще в Ельце, так как в нем я выяснила, как основания моего отъезда из Полтавы, так и мое решение расстаться с тобой как два порядочные человека, строго охраняющие свои

убеждения о свободе и любви в семейных отношениях. Что же мне еще сказать тебе?.. Любовь, как ты и сам заметил в твоем письме, уходила с каждым днем... Уважения друг к друг у нас за эти два года не установилось и не выработалось... Что же осталось между нами для обоюдного счастья? На чем могли мы построить дальнейшую нашу жизнь? Ведь не могу же я допустить, чтобы ты без этих оснований, осмысливающих всякую частную семейную жизнь, желал ее. Не могу допустить, чтобы ты старался и создать каким-либо насильственным путем, а потому, думая, что ты сумеешь овладеть тяжелыми для тебя же порывами, желаю тебе всего хорошего, что может быть хорошего в жизни каждого человека. Вот все, что я могу объяснить тебе. Я долго не принимаю серьезного решения, но никогда его не переменяю и думаю, что оно послужит к общему нашему благу. В.П.» (*Собр. соч. (1)*. — Т. 4.— С. 464).

197. Ю.А.БУНИНУ

До 20 января 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8935 оф.

Дата и место написания определены по содержанию: письмо было написано до поездки Бунина в Петербург, которую он осуществил в январе 1895 г., о чем свидетельствует его запись в дневнике за 1895 г.: «В январе в первый раз приехал в Птб.» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 336). До поездки в Петербург Бунин жил в Огневке.

Письмо без начала: на л. 1 в нижнем правом углу цифра «4», написанная карандашом.

[1] Бунин надеялся найти В.В.Пащенко в Петербурге. См. коммент. к п. 196.

[2] Балабуха Сергей Павлович — член редакционного комитета неофициальной части «Полтавских губернских ведомостей»; полтавский знакомый Буниных.

[3] См. п. 198.

198. В.В.ПАЩЕНКО

До 20 января 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 4956 оф.

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 196, 197.

Фраза в конце письма: «Он, конечно, читает твои письма — это далеко не деликатно» написана карандашом рукой Бунина.

На оборотной стороне листа вариант первых 11 строк стихотворения Бунина «Солнечная кура» («Вот — будто в небе посветлело...»). Впервые опубликовано без заглавия: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 275–276.

Черновик письма.

[1] Имеется в виду В.Е.Пащенко.

199. А.И.ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ

2 февраля 1895

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 114, оп. 2, ед. хр. 56, л. 3.

[1] См. коммент. 1 и 3 к п. 175.

200. В.В.ПАЩЕНКО

27 февраля 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2769 оф.
Впервые: *Весна пришла.*— С. 227–228 (с мелкими неточностями).
Письмо без конца.

[1] См. п. 29.

201. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

Между 10 и 12 марта 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 27, л. 1–2.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 660–661 (с широкой датировкой: конец февраля — начало марта 1895).

Датируется по связи с письмом Ю.А.Бунина к О.А.Михайловой от 24 февраля 1895 г., в котором он писал, что пробудет в Москве до 15 марта (см.: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 659), а также по содержанию п. 202, 203.

Михайлова Ольга Антоновна (1861–1941; в замужестве Липинская) — дочь купца А.Р.Михайлова; знала несколько языков, в совершенстве владела английским. Бунин познакомился с Михайловой через Ю.А.Бунина в Москве в конце февраля — начале марта 1895 г. Михайлова оказывала помощь И.Бунину в переводе некоторых глав «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло. Письма Михайловой к Бунину неизвестны.

[1] Речь идет о поэме американского поэта Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Песнь о Гайавате» (1855), над переводом которой Бунин работал с 1895 г.

[2] Именно благодаря книге «Английские поэты в биографиях и образцах» (Сост. Н.В.Гербель.— СПб., 1875), которую Бунин читал в детстве, он впервые смог познакомиться с поэмой Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате», но в этой книге были опубликованы в переводе Д.Л.Михаловского только первые 11 глав с Прологом.

[3] Очевидно, Бунин уехал с Юлием в Огневку 16 марта 1895 г. (четверг), см. выше коммент.

[4] Имеется в виду перевод Д.Л.Михаловского (см. коммент. 1 к п. 205).

202. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

13 или 14 марта 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 27, л. 8.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 661 (с датировкой: начало марта 1895).

Датируется по письму Ю.А.Бунина к О.Михайловой от 24 февраля 1895 г. и по связи с п. 201 и 203.

[1] К письму был приложен листок с написанным от руки английским текстом — предисловие автора поэмы.

203. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

16 марта 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 27, л. 3–4.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 662 (с датировкой: март 1895).

Датируется по письму Ю.А.Бунина к О.Михайловой от 24 февраля 1895 г. и по связи с п. 201, 202.

[1] См. коммент. 3 к п. 201.

[2] В связи с этой просьбой перевод «Пролога» не был послан Бунину и сохранился в архиве (РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 28).

204. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

26 марта 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 27, л. 5.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 662.

[1] Имеется в виду X глава «Сватовство Гайаваты» из поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

[2] XIII глава поэмы.

205. Ю.А.БУНИНУ

28 марта 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 955 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 204 и 206.

[1] Михаловский Дмитрий Лаврентьевич (1828–1905) — поэт, переводчик. Неполный перевод Д.Л.Михаловского «Песни о Гайавате» печатался в журнале «Отечественные записки» в 1868–1869 годах, позднее вышел отдельно: Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате / Пер. Д.Л.Михаловского.— М., 1878.

[2] Бунин был связан обязательствами писать для этого издательства.

[3] Перевод XII главы «Песни о Гайавате» был опубликован А.Н.Лисовским в «Полтавских губернских ведомостях» (1894. — 30 нояб. (№ 92) под криптонимом «А.Л.»). Позднее в этой газете было опубликовано еще два отрывка из «Песни о Гайавате» в переводе А.Н.Лисовского с подписью А.Л. В *ЛН* (Т. 84, кн. 1.— С. 659–660) эти три отрывка ошибочно приписывались И.Бунину.

[4] В недатированном письме, относящемся к этому времени, В.В.Пащенко писала Ю.А.Бунину: «Многоуважаемый Юлий Алексеевич! Вполне уверена, что Ив. Ал. уже успокоился под Вашим влиянием, а потому, если есть свободная минута, вышлите, пожалуйста, мои вещи <...> Все пошлите, пожалуйста, наложенным платежом. Я — Ваша должница на 15 рублей — 10 из них возьмите, пожалуйста, продав мой синий сундук со всем содержимым, за него жиды давали 10 рублей, а 5 рублей я Вам вышлю на той неделе. Простите, что затрудняю Вас этой ликвидацией, впрочем, если найдете неудобным, то пришлю деньгами, — как хотите. <...> Простите за все то неприятное, что принесла Вам, но что же было делать?!» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3397/5 оф).

[5] См. коммент. 6 к п. 179. Уехав из Полтавы в конце 1894 г., Бунин бросил книжную лавку, запутавшись в счетах, «несмотря на их малые размеры» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 6.— С. 69).

206. Ю.А.БУНИНУ

3 апреля 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2777 оф (л. 1 и об.), № 2857/1 оф (л. 2 и об).
Впервые: *Весна пришла*.— С. 229 (отрывок с мелкими неточностями).

[1] С 31 января по 1 марта 1895 г. Бунин с Ю.А.Буниным жил в Москве в меблированных комнатах Боргеста у Никитских ворот (счет за проживание: ОГЛМТ, ф. 14, № 2943 оф).

[2] Липперт Юлиус (1839–1909) — австрийский историк и этнограф, автор книги «История культуры» (1886–1887, сокращенный русский перевод 1894).

[3] В.А.Орлова.

[4] М.А.Бунина.

[5] См. коммент. 2 и 5 к п. 205.

[6] В журнале «Мир Божий» (1895.— № 4.— С. 1–8) был опубликован рассказ Бунина «Святая ночь»; в журнале «Русское богатство» (1895.— № 4.— С. 127–137) — рассказ «Кастрюк: (Очерк)».

207. Ю.А.БУНИНУ

После 3 апреля 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 3459/1 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 206.
Написано карандашом.

[1] Письмо неизвестно. См. коммент. 2 и 5 к п. 205.

208. О.А.МИХАЙЛОВОЙ

14 апреля 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 27, л. 6–7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 662.

[1] См. коммент. к п. 201.

[2] Пасха праздновалась в 1895 г. 2 апреля.

[3] Давыдова Александра Аркадьевна (1849–1902; урожд. Горжанская) — издательница журнала «Мир Божий». Письмо Бунина неизвестно. В журнале «Мир Божий» перевод «Песни о Гайавате» не появился. Впервые перевод Бунина поэмы «Песнь о Гайавате» был опубликован в «Орловском вестнике» в 1896 г. со 2 мая по 4 сентября.

[4] Впервые отдельным изданием бунинский перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» вышел в Орле в 1896 г.

209. Ю.А.БУНИНУ

После 24 апреля 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2773 оф.
Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 301–302 (отрывок, датировка: апрель 1895).
Датируется по содержанию и по связи с п. 208.

[1] Известие о том, что В.В.Пащенко вышла замуж за А.Н.Бибикова. Переживания Бунина в связи с бегством В.В.Пащенко и ее скорым замужеством отчасти нашли отражение в его рассказе «Без роду-племени» (1897).

[2] Петипа Мариус Иванович (1819–1910) — балетмейстер, по происхождению француз. В 1838–1846 гг. работал как танцовщик и балетмейстер в театрах Бордо,

Нанта и Мадрида. В 1847 г. переехал в Россию. Гастроли М.Петипа в Ельце начались 25 апреля 1895 г. (Орловский вестник.— 1895.— 25 апр. (№ 106).— С. 3).

[3] Одновременно с А.Н.Бибиковым и В.В.Пащенко венчались ее брат Владимир Пащенко и Анна Николаевна Бибикова — сестра А.Н.Бибикова.

[4] Масперо Гастон (1846–1916) — французский египтолог, автор сочинений по египетской археологии и истории, а также по древнегреческому языку, литературе и искусству. Беккер Балтазар (1634–1698) — фламандский мыслитель. Главная книга Беккера «Заколдованный мир» (1690), переведенная на многие европейские языки, содержит большой фактический материал, разоблачающий суеверия, магию, астрологию. Эти книги нужны были Бунину, вероятно, для написания книги для издательства «Посредник». См. п. 216 и коммент. 4 к нему.

[5] См. коммент. 6 к п. 206.

[6] Речь идет, вероятно, о гонораре за рассказ Бунина «Святая ночь», опубликованный в «Мире Божьем» (1895.— № 4.— С. 1–8).

[7] Бунин платил брату Е.А.Бунину за проживание в его имении Огневка.

[8] Гербановский Михаил Матвеевич — литератор, сотрудничал в петербургских журналах; в Каменец-Подольске (Украина) ему принадлежала усадьба. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт, один из основоположников русского символизма. 3 марта 1895 г. М.Гербановский писал Бунину: «В начале июня ко мне приедет на недельку Конст. Дм.— приезжай и ты, голубчик, — что тебе стоит обрадовать меня приездом. Вот заживем-то все вместе! Во-первых, такой чудной местности тебе едва ли когда-нибудь придется увидеть — разве что на Кавказе, да и то — стиль другой <...> приезжай всего лучше к первому июня, ну да мы еще спишемся!» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3017/6 оф).

210. Ю.А.БУНИНУ

30 апреля 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 101.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

211. Ю.А.БУНИНУ

15 июня 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 46.
Год определен по содержанию и по связи с п. 209, 212.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Бунин выехал в Полтаву 17 июня 1895 г. См. п. 212.

212. Ю.А.БУНИНУ

17 июня 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 102.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Из этого следует, что Бунин прибыл в Полтаву по реке Ворскле.

[2] Т.е. с 18 на 19 июня 1895 г.

213. В.В.ПАЩЕНКО

30 июня 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2767 оф.

Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 304 (с мелкими неточностями и опечаткой в годе: 1898).

Письмо, вероятно, не было отправлено и является вариантом п. 215.

214. С.Н.КРИВЕНКО

6 июля 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1.

См. коммент. 2 к п. 175. Бунин познакомился с С.Кривенко в 1895 г. в Петербурге. Письма Бунина за 1895–1900 гг. в основном касались публикации в периодике его произведений. Ответные письма Кривенко неизвестны.

[1] Речь идет о приглашении Бунина к сотрудничеству в журнале «Новое слово» под новой редакцией, в которую входил, в частности, С.Кривенко.

[2] В первом номере журнала «Новое слово» за октябрь 1895 г. был опубликован рассказ «На край света» (с. 148–155).

215. В.В.ПАЩЕНКО

Начало июля 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2768 оф.

Впервые: *Весна пришла.*— С. 229–230 (с мелкими неточностями).

Датируется по содержанию, по карандашной помете Бунина в конце письма «Полтава, июль 1895 г.» и по связи с п. 213.

216. А.А.КОРИНФСКОМУ

7 сентября 1895

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, P1, оп. 2, ед. хр. 152.

Коринфский Аполлон Аполлонович (1868–1937) — поэт, прозаик, критик. С мая-июня 1894 г. заведовал редакцией журнала «Север», в 1897–1899 гг. редактировал его самостоятельно. Бунин познакомился с ним в 1895 г. Письма Коринфского к Бунину (1895–1897 гг.) в ОГЛМТ. Переписка Бунина с Коринфским носила эпизодический характер.

[1] А.А.Коринфский в письме от 30 июля 1895 г. приглашал Бунина заходить в гости и, в частности, писал: «Завидую Вам, что Вы все еще можете сказать: “я отправляюсь в свою деревню”... <...> О Ваших стихах для “Вс. илл.” не беспокойтесь: все принято и все появится...» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3049/2 оф).

[2] О каких рассказах идет речь неясно: в 1895 г. с апреля по август в периодических изданиях было опубликовано восемь рассказов Бунина.

[3] Письмо это неизвестно. В Петербург Бунин приехал в конце ноября 1895 г.

[4] Вероятно, эта книга не вышла, т.к. в каталогах издательства «Посредник» подобная книга отсутствует.

[5] Очевидно, имеется в виду книга А.Коринфского «Черные розы. Стихотворения 1893–1895 гг.» (СПб., 1896).

[6] Имеются в виду опубликованные стихотворения: Вознесение Христово («Звон ранней утренней зарею...») // Всемирная иллюстрация.— 1895.— № 20 (13 мая).— С. 375; В южных степях: I. «Что шумит задолго пред зарею...», II. «И день настал... Но все ты молчалива...» // Труд.— 1895.— № 5.— С. 389–390; «Поздняя ночь. В стороне от селения...» // Всемирная иллюстрация.— 1895.— № 7 (12 авг.).— С. 122.

217. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

15 сентября 1895

Печатается по первой публикации. Автограф неизвестен.

Впервые: Русские ведомости.— 1895.— 19 сент. (№ 259).— С. 3.

Датируется по публикации в газете «Минский листок», где в тексте письма воспроизведена авторская дата: «Д. Огневка, Елец. у. 15-го сент. 1895 г.».

В начале 1890-х годов Бунин написал две статьи о жизни и творчестве Н.В.Успенского: К будущей биографии Н.В.Успенского // Орловский вестник.— 1890.— 31 мая (№ 125).— С. 3–4; Забытый человек // Русская жизнь.— 1892.— 8 дек. (№ 333).— С. 2. Через три года Бунин вновь хотел вернуться к интересующему его писателю, о чем говорит данное письмо в редакцию, а также п. 219. На это печатное обращение Бунина откликнулись родственники и знакомые Н.В.Успенского: брат и сестра писателя — М.В. и Е.В.Успенские, его племянники — В.К.Руднев и А.И.Успенский, издатель Л.Ф.Снегирев и тульский врач П.Бурцев. В их письмах содержатся некоторые детали биографии Н.В.Успенского (ОГЛМТ, ф. 14, инв. 929, 3126, 3140, 3166, 3167/1-2, 3168). Однако Бунин больше не публиковал отдельной статьи о Н.В.Успенском. Только уже в эмиграции в своих публицистических статьях Бунин не раз вспоминал имя Н.В.Успенского и приводил некоторые факты его биографии. См., например, статьи «Самородки» и «Заметки», опубликованные в парижских газетах в 1927 и 1929 годах (см.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов.— М., 1998.— С. 256–257, 313, 316–317).

[1] Письмо перепечатали следующие издания: Минский листок.— 1895.— 26 сент. (№ 76).— С. 2; Жизнь и искусство.— 1895.— 2 окт. (№ 272).— С. 3; Киевское слово.— 1895.— 3 нояб. (№ 2806); Новое слово.— 1896.— № 4 (январь).— Отд. II, с. 207.

218. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 103.

Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Имеется в виду, очевидно, газета «Полтавские губернские ведомости», в которой иногда печатались произведения Бунина.

219. И.А.БЕЛОУСОВУ

30 сентября, 14 октября 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 5–6.

Впервые: *Весна пришла*.— С. 231–232 (с ошибочным указанием месяца в первой дате: 30 октября 1895 г.).

[1] Этому намерению помешала болезнь Бунина (см. конец письма). Между 14 и 18 октября 1895 г. Бунин уехал в Полтаву.

[2] Бунин познакомился с М.М.Гербановским в январе 1895 г. в Петербурге. В Каменец-Подольск Бунин приезжал, вероятно, в первой половине июня 1895 г.

[3] Бунин приехал к Юлию в Полтаву 19 июня 1895 г. и прожил у него около месяца.

[4] См. коммент. 6 к п. 206. В журнале «Русское богатство» были опубликованы три рассказа Бунина «Кастрюк», «На хуторе», «Неожиданность» (1895.— № 4.— С. 127–137; № 5.— С. 120–125; № 6.— С. 123–132).

[5] См. коммент. к п. 217.

[6] Белоусова Ирина Павловна.

220. А.И.УСПЕНСКОМУ

18 октября 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 434, к. 2, ед. хр. 40.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

Успенский Александр Иванович — племянник Н.В.Успенского, студент Духовной академии. Два письма Успенского к Бунину 1895 г. (ОГЛМТ) касаются биографии Н.В.Успенского.

[1] Имеется в виду письмо А.И.Успенского от 7 октября 1895 г., в котором он сообщал некоторые биографические сведения о Н.В.Успенском (ОГЛМТ, ф. 14, № 3167/1 оф).

[2] Речь идет о замысле новой статьи, посвященной Н.В.Успенскому. См. коммент. к п. 217.

[3] В ответном письме от 23 октября 1895 г. А.И.Успенский писал: «Многоуважаемый Иван Алексеевич! Очень рад, что своим письмом мог служить Вам. Повидаться с Вами лично мне будет весьма приятно» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3167/2 оф).

[4] Бунин из Полтавы приехал в начале декабря 1895 г. в Москву, а в середине декабря уехал в Петербург.

221. С.Н.КРИВЕНКО

27 октября 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 2.

[1] Имеется в виду объявление о подписке на журнал «Новое слово», где было поставлено в числе участников и имя Бунина.

[2] Какие стихотворения были посланы Буниным неизвестно. В журнале «Новое слово» в 1895–1897 гг. стихотворения Бунина не появлялись.

[3] Имеется в виду рассказ «На край света», опубликованный в журнале «Новое слово» в № 1 (октябрь) за 1895 г.

[4] См. коммент. 4 к п. 220.

222. А.А.КОРИНФСКОМУ

18 ноября 1895

Печатается по автографу: РНБ ОР, ф. 373, ед. хр. 3.

Впервые: *Проблемы реализма.* — С. 166–167 (с неточностями).

[1] А.А.Коринфский в ответном письме от 4 января 1896 г. сообщал: «Стихи Ваши я отнес в “Север” в четверг на прошлой неделе, но там случилась маленькая проволочка: редактор заболел, так что ответа придется Вам подождать еще несколько дней...» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3049/4 оф). Какие стихотворения были посланы неизвестно. Стихотворения Бунина начали печататься в журнале «Север» с февраля 1896 г.

[2] Бунин не полностью цитирует статью «Бунины» из «Энциклопедического словаря» (СПб.: Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон, 1891.— Т. 4-а.— С. 934).

[3] Лазаревский институт восточных языков — учебное заведение в Москве, основанное в 1815 г. на средства богатой армянской семьи Лазаревых (Лазарян). Преобразовано в институт в 1827 г. Преподавались арабский, персидский, турецкий, армянский, азербайджанский, грузинский языки.

[4] См. коммент. 2 к п. 201.

[5] Александра Бунина (1874–1879).

[6] См. коммент. 3 к п. 1.

[7] С конца 1885 г. Бунин жил в деревне Озёрки и под руководством старшего брата Юлия прошел курс гимназии, а по некоторым предметам и университетский курс.

[8] Бунин ошибается: первое его стихотворение было опубликовано в журнале «Родина» 22 февраля 1887 г. (№ 8.— Стб. 228–229) «Над могилой С.Я.Надсона» («Угас поэт в расцвете силы...»).

[9] В журнале «Родина» в 1887 г. было опубликовано два рассказа Бунина: «Два странника» (28 сент. (№ 39).— Стб. 1224–1229), «Нефедка» (20 дек. (№ 51).— Стб. 1613–1615).

[10] Бунин начал печататься в журнале «Книжки “Недели”» с сентября 1888 г. См. коммент. 7 к п. 4.

[11] См. коммент. 4 и 6 к п. 8.

[12] Бунин начал публиковать свои произведения с февраля 1887 г. в иллюстрированном журнале «Родина», с сентября 1888 г.— в «Книжках “Недели”», с июля 1889 г.— в «Северном вестнике», с августа 1890 г.— в «Наблюдателе», с июля 1892 г.— в «Мире Божьем», с июля 1893 г.— в «Вестнике Европы», с апреля 1893 г.— в «Русском богатстве», с мая 1895 г.— во «Всемирной иллюстрации», с октября 1895 г.— в «Новом слове».

[13] Бунин И. Стихотворения 1887–1891 гг.— Орел, 1891.

[14] Имеется в виду неофициальная часть газеты «Полтавские губернские ведомости». См. коммент. 4 к п. 165.

223. А.С.СУВОРИНУ

Середина ноября 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 508, л. 1–2.

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 219.

Написано на бланке Статистического бюро Полтавского губернского земства.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — издатель, журналист; владелец и редактор крупнейшей и самой влиятельной газеты «Новое время», владел рядом книжных магазинов в нескольких городах России. Письма Суворина к Бунину неизвестны.

[1] А.Суворин не издавал книги Бунина.

[2] См. коммент. 2 к п. 201.

[3] См. коммент. 12 к п. 222.

[4] См. коммент. 4 к п. 220.

224. С.Н.КАШКИНОЙ

Начало декабря 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 515, к. 1, ед. хр. 6, л. 1.

Дата и место написания определены по содержанию и по пояснительной записке С.Н.Кашкиной, приложенной к письмам Бунина. В этой записке она сообщила: «С Иваном Алексеевичем Буниным мы познакомились осенью 1895 г. Я и сестра моя Надежда Никол<аевна> были приглашены на костюмированный вечер к Нефедовым, жена Ф.Д.Нефедова Мария Конст<антиновна> была хорошо знакома с моей матерью Елизаветой Константиновной Кашкиной, кажется, были товарки по пансиону, но раньше мы с сестрой у Нефедова не бывали, только бывал у братьев Глеб Нефедов. Гостей было много, но у нас никого знакомых не было. Прежде, чем танцевать с девицей надо было, чтобы кавалер “познакомился” с ней, но на маскарадах эти формальности не соблюдались. Я не помню как началось наше знакомство, помню среди вечера себя в оживленном разговоре с молодым человеком, кот<орый> выдавал себя за декадентского поэта, над которыми я без стеснения издевалась, т.к. он защищался слабо, много смеялся и нисколько не обижался, вскоре выяснилось, что он вовсе не декадент; но беседа была интересной и мы оживленно проболтали весь вечер уже снявши маски. На следующий день я получила письмо, я ответила, после этого он иногда бывал у нас и иногда мы переписывались» (РГБ ОР, ф. 515, к. 1, ед. хр. 6, л. 5).

Кашкина Софья Николаевна (1872–1960-е, в замужестве Нюберг) — дочь известного музыкального критика Н.Д.Кашкина. Бунин познакомился с ней в начале декабря 1895 г. Письма Кашкиной к Бунину неизвестны.

[1] В 1896 г. из книг вышло только отдельное издание перевода Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (Орел, 1896).

[2] Очевидно, до 12 декабря 1895 г. Затем Бунин поехал в Петербург.

225. А.П.ЧЕХОВУ

11 декабря 1895

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 3.

Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 407.

Записка написана карандашом рукою К.Д.Бальмонта, И.Бунин только подписался.

Историю, связанную с этой запиской, Бунин, как он вспоминал уже в эмиграции, рассказал однажды А.П.Чехову: «Это было, кажется, в девяносто пятом году, в декабре. Я не знал, что вы приехали в Москву. Но вот сидим мы однажды с одним поэтом в Большом Московском, пьем красное вино, слушаем машину, а поэт все читает свои стихи, все больше и больше восторгаясь. Вышли мы очень поздно, и поэт был уже так возбужден, что и на лестнице продолжал читать. Так, читая, он стал и свое пальто в прихожей на вешалке искать. Швейцар ему нежно: “Позвольте, господин, <...> это не ваше пальто <...> Антона Павловича Чехова” <...> “—Так значит он здесь?” — “Всегда у нас останавливается...” И вот мы чуть не кинулись к вам знакомиться в три часа ночи. Но, к счастью, удержались и пришли на другой день, и на первый раз не застали — видели только ваш номер» (Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов.— М., 1998.— С. 298–299). Эту записку Бунин и Бальмонт, очевидно, и оставили в номере Чехова. Личное знакомство Бунина с Чеховым произошло на следующий день 12 декабря 1895 г. (см.: *Муромцева-Бунина*.— С. 152). Через день Бунин подарил Чехову отдельный оттиск своего рассказа «На хуторе» из журнала «Русское богатство» (1895.— № 5.— С. 120–125) с дарственной надписью: «Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения и искреннего сердечного расположения. Ив. Бунин. Москва. 14 дек. 95 г.» (*ЛН*.— Т. 68.— С. 408).

226. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

15 декабря 1895

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2866 оф.

Дата и место написания определены по помете Бунина — справа по тексту письма написано карандашом: «15 дек. 95 г. Птб. Марья Вас.».

Фрагменты письма: сохранилась только нижняя половина листа, заполненная с двух сторон.

Фамилия Марьи Васильевны неизвестна. Ее инициалы упоминаются в дневниковой записи Бунина за 1896 г.: «Когда познакомился и сошелся с М.В.? 29 мая вечером с М.В. приехал в Кременчуг. Почти всю ночь не спали. На другой день уплыл в Екатеринослав (она — в Киев?)» (*Собр. соч.(3)*. — Т. 7.— С. 337). Имя женщины, скрывающейся под инициалами «М.В.», Бунин назвал в разговоре с Г.Н.Кузнецовой, которая писала в «Грасском дневнике» (11 октября 1933 г.): «И.А. вчера вечером рассказывал измену Арсеньева Лике в Кременчуге с некоей Марьей Васильевной, женой члена суда» (*Кузнецова.*— С. 280).

[1] Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — поэт, прозаик, драматург; член литературного кружка «Среда».

[2] Величко Василий Львович (1860–1903/04) — поэт, публицист. С 1894 г.— действительный член Общества любителей российской словесности.

[3] Михеев Василий Михайлович (1859–1908) — драматург, прозаик, поэт, художественный критик.

[4] Шуф Владимир Александрович (1864–1913) — поэт.

[5] Воронцов Василий Павлович (1829–1918) — экономист, социолог, по профессии врач, представитель либеральных народников.

[6] Ольхин Александр Александрович (1839–1897) — поэт, автор «Дубинушки», переработанной в популярный песенный вариант.

[7] Попова Ольга Николаевна (1848–1907) — писательница и переводчица, издательница; с 1894 г. начала в Петербурге книгоиздательскую деятельность, издавала журнал «Новое слово» (1895–1897).

[8] Рубакин Николай Александрович (1862–1946) — писатель, книговед, библиограф.

[9] Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — естествоиспытатель, ботаник-физиолог, популяризатор и пропагандист научных знаний, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1890). Тимирязев Дмитрий Аркадьевич (1837–1903) — статистик, автор трудов по промышленной статистике; последние годы работал в газете «Сын отечества». Брат К.А.Тимирязева.

[10] Имеется в виду книга Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб.: О.Н.Попова, 1897). Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — публицист, журналист, издатель и редактор журнала «Вестник Европы» (1866–1908).

[11] Из конторы редакции журнала «Новое слово» 2 декабря 1895 г. писали Бунину: «Общество для подания помощи переселенцам устраивает в пользу этого общества литературно-музыкальный вечер и просит разрешения Вашего прочитать между прочим и Ваш рассказ “На край света”, напечатанный в “Новом слове”. Вечер состоится 20 декабря, а как слышно, Вы к этому времени собираетесь в Петербург. Если бы это было так, то общество в лице Ал.Ал.Ольхина просит Вас прочитать этот рассказ и надеемся, что Вы не откажетесь» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2923 оф). 20 декабря 1895 г. в Петербурге Бунин прочел рассказ «На край света» (см. об этом объявления: Новости и биржевая газета.— 1895.— 11 дек. (№ 341), 13 дек. (№ 343), 15 дек. (№ 345), 20 дек. (№ 350)). Бунин писал об этом вечере в «Автобиографических заметках»: «Первое мое выступление на литературных вечерах было в начале зимы девяносто пятого года, в Петербурге, в знаменитом зале “Кредитного общества”. <...> И вот я в Петербурге, — в первый раз в

жизни, — и отправляюсь на этот вечер. <...> и сразу попадаю в общество знаменитостей, прочих участников вечера, уже собравшихся в артистической: "сам" Михайловский, "сам" Потапенко, — он тогда гремел на всю Россию, — затем Засодимский, Мамин, Минский, Баранцевич, — он славился как отличный чтец, — и "сам" Петр Исаевич Вейнберг, душа всех литературных вечеров Петербурга <...> в сопровождении двух франтов-студентов из числа распорядителей вечера вплыла М.Г.Савина, а за нею <...> З.Н.Гиппиус, сопровождаемая сзади Мережковским. <...> Я, конечно, читал "На край света" и опять, благодаря этим несчастным переселенцам (да и новизне своего имени), имел большой успех» (*Собр. соч. (3).* — Т. 7.— С. 546–548). А.К.Бабореко ошибочно указывает дату этого вечера — 21 ноября 1895 г. (*Материалы (2).*— С. 53).

227. Ю.А.БУНИНУ

31 декабря 1895

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 104.

Дата и место написания определены по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Открытка послана в Петербург, куда, следовательно, Бунин собирался ехать на встречу с братом.

228. С.Н.КАШКИНОЙ

21 января 1896

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 515, к. 1, ед. хр. 6, л. 2.

Впервые: *Рус. лит.*— 1963.— № 2.— С. 178 (с неточностями).

[1] Речь идет об очерке «Прогулка пешком через Симплон», написанном С.Н.Кашкиной вместе с отцом, Н.Д.Кашкиным, и опубликованном в журнале «Русское обозрение» (1895.— № 35 (окт.).— С. 663–676) за подписью К.С.Н. Материалом для этой публикации послужило путешествие С.Кашкиной через горный перевал в Альпах Симплон, связывающий Швейцарию и Италию.

[2] Бунин цитирует прозаический перевод стихотворного отрывка из рассказа норвежского писателя Бьёрнстьерне Бьёрнсона (1832–1910) «En glad gut» («Веселый парень»).

[3] Сенкевич Генрик (1846–1916) — польский писатель. Имеется в виду стихотворение Бунина «Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича» («Солнце уходит в далекие страны...»). Это оригинальное стихотворение Бунина, а не переводное, как ошибочно оно печаталось в современных изданиях произведений писателя.

229. А.А.ЛУГОВОМУ

2 февраля 1896

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. отдельных поступлений, № 7286.

Луговой А. (1853–1914; наст. имя и фам.— Алексей Алексеевич Тихонов) — прозаик, поэт, драматург. С 1895 по нач. 1897 г.— редактор журнала «Нива». Письма Лугового к Бунину неизвестны.

[1] Письмо это неизвестно.

[2] Стихотворение «Вечерняя молитва. Мотив Генр. Сенкевича» («Солнце уходит в далекие страны...») было опубликовано в журнале «Русская мысль» в № 3 за 1896 г. (с. 24–26).

230. Б.Д.ГРИНЧЕНКО

16 февраля 1896

Печатается по автографу: НБУ ИР, № 35774.
Впервые: *Рад. літ.*— 1957.— № 4.— С. 134.

[1] Имеется в виду книга: Гринченко Б.Д. Пісни та думи: Книжка перша.— Чернигов, 1895.

[2] Известно одно стихотворение Б.Гринченко в переводе Бунина «Из В.Чайченко» («Воет буря, хлещут волны...»), впервые опубликованное в журнале «Детское чтение» (1898.— № 8.— С. 180).

[3] К письму была приложена вырезка из неустановленной газеты с перепечаткой из журнала «Новое слово» (1895.— № 1 (окт.).— С. 148–155) рассказа «На край света» с дарственной надписью: «Борису Дмитриевичу Гринченко в знак искреннего расположения и уважения. И.Бунин. Полтава, 14 февраля 96 г.».

[4] С конца мая и почти весь июнь 1896 г. Бунин путешествовал по Украине и Крыму: посетил Кременчуг, Екатеринослав, Александровск, Ялту, Гурзуф, Одессу, Никополь. Был ли в эту поездку Бунин в Чернигове и познакомился ли с Гринченко неизвестно.

231. Ю.А.БУНИНУ

3 марта 1896

Печатается по подлиннику: ОГЛМТ, ф. 14, № 3273 оф.
Датируется по почтовому штемпелю и дате на бланке. Телеграмма.

[1] М.А.Бунина писала братьям 8 марта 1896 г.: «Дорогие мои Юрочка и Ваничка, не знаю, как вас благодарить за участие. Я теперь кажется немножечко чувствую себя лучше, могу приподниматься с подушки с помощью мамы и Насти, а то совсем на руках поднимали <...> Приезжай, Ваничка, хоть один ты, одна меня тоска со свету сжила, доктор лечит наш земский» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2979/5 оф).

232. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПОЛТАВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

До 13 марта 1896

Печатается и датируется по первой публикации. Автограф неизвестен.
Впервые: Полтавские губернские ведомости. — 1896.— 13 марта (№ 21).— С. 2 (часть неофициальная).

[1] Из Л. де Лиля. Усопшему поэту («Ты, чей блуждающий взор в последние мгновенья...») / Пер. И.А.Бунина // Всемирная иллюстрация.— 1896.— № 3 (13 янв.).— С. 64; То же // Петербургская жизнь. — 1896.— № 174 (3 марта). — С. 1489.

[2] Письмо Бунина в редакцию журнала «Петербургская жизнь» неизвестно.

233. Л.Н.ТОЛСТОМУ

21 марта 1896

Печатается по автографу: собрание Е.В.Лидиной.
Впервые: Лидин В.Г. Друзья мои книги.— М., 1962.— С. 113–114. По мнению В.Лидина, это письмо не было отправлено адресату. Это подтверждается отсутствием каких-либо сведений об этом письме в фондах ГМТ.

[1] В.В.Пащенко оставила Бунина 4 ноября 1894 г.

[2] Имеется в виду книга швейцарского философа Генри Амиеля «Из дневника Амиеля» (Пер. М.Л.Толстой; Под ред. и с предисл. Л.Н.Толстого.— СПб.: Посредник, 1894).

234. Ю.А.БУНИНУ

26 марта 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 45.
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] Пасха в 1896 г. праздновалась 24 марта.

[2] Бунин Петр Николаевич (1857–?) — брат С.Н.Пушешниковой.

235. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 апреля 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 8.

[1] Бунин путешествовал один. См. коммент. 4 к п. 230.

[2] См. коммент. 2 к п. 229.

236. А.П.БАРАНОВУ

16 апреля 1896

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2884 оф.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.
Баранов Александр Петрович — полтавский знакомый Буниных. Письма Баранова к Бунину неизвестны.

237. Ю.А.БУНИНУ

29 апреля 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 100.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Речь идет о гонораре за опубликованный в «Новом слове» (1896.— № 7 (апр.).— С. 45–93) рассказ Бунина «Тарантелла».

[2] Письмо неизвестно.

[3] Бунин приехал в Полтаву в мае 1896 г.

[4] Письмо неизвестно.

238. С.Н.КРИВЕНКО

1 июня 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 3–4.

[1] Бунин уехал из Полтавы в конце мая 1896 г.

[2] См. коммент. 6 к п. 179.

[3] Бунин вернулся в Полтаву 19 или 20 июня 1896 г.

[4] Гончак — барка, перевозящая дрова.

[5] В дневнике Бунин записал: «Днепровские Пороги (по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года) <...> первый, самый опасный, — Неяситец (или Ненасытец); потом, тоже опасные: Дед и Волнич; за Волничем, в 4 верстах, последний опасный — Будило, за Будилом — Лишний; через 5 верст — Вильный; и наконец — Явленный» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 337–338).

[6] Сумовать — думать, думу думать, раздумывать. Скеля — скала, скалистый берег.

[7] Хортица — высокий скалистый остров на Днепре, против города Александровска, Екатеринославской губ.

[8] Запорожская Сечь располагалась за Днепровскими порогами. В 1709 г. так называемая Старая Сечь была ликвидирована, в 1734 г. создана так называемая Новая Сечь, ликвидированная в 1775 г. после подавления восстания под предводительством Е.И.Пугачева. Серко (Сирко) И.Д.— кошевой атаман Запорожской Сечи.

[9] Кривенко Софья Ермолаевна — жена С.Н.Кривенко.

[10] А.М.Скабичевский <?>.

[11] Письма неизвестны. Речь идет о рассказе Бунина «На Донце», позднее названном «Святые Горы». Рассказ в «Новом слове» опубликован не был.

239. Ю.А.БУНИНУ

16 июня 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 99.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] См. коммент. 3 к п. 238.

[2] Бунин жил на даче А.М.Федорова в Люстдорфе под Одессой.

240. С.Н.КРИВЕКНО

28 июня 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 5.

[1] Рассказ «Сутки на даче» не был напечатан в «Новом слове».

240а. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ОРЛОВСКИЙ ВЕСТНИК»

До 21 августа 1896

Печатается и датируется по первой публикации. Автограф неизвестен.

Впервые: Орловский вестник.— 1896.— 21 авг. (№ 220).— С. 3.

[1] Письма неизвестны.

[2] В «Орловском вестнике» с 2 мая по 24 сентября 1896 г. печатался полный перевод И.Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

241. Ю.А.БУНИНУ

30 или 31 августа 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 200, л. 3.
Датируется по содержанию.
Письмо без начала.

[1] Автограф письма А.М.Скабичевского, дословно приведенного Буниным, также сохранился (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 200, л. 2).
[2] В журнале «Русская мысль» рассказ «Сутки на даче» опубликован не был.

242. А.М.ФЕДОРОВУ

10 октября 1896

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2951 оф.
Впервые: *Весна пришла.*— С. 232–233.
Письмо без конца.
См. коммент. 1 к п. 226. Бунин познакомился с А.Федоровым в 1895 г. и впоследствии они стали друзьями. Письма Бунина Федорову 1896–1912 гг. и Федорова к Бунину 1895–1916 гг. (РГАЛИ, ОГЛМТ) свидетельствуют о дружеских отношениях двух писателей. В письмах Федорова обычно содержатся просьбы о помощи в публикации его произведений, а также сведения о некоторых литературных встречах и своей творческой работе. По всей видимости, переписка двух писателей сохранилась далеко не полностью.

[1] Слова древнегреческого философа Сократа, ставшие крылатым выражением.
[2] См. коммент. 1 к п. 240, коммент. 2 к п. 241. В «Вестник Европы» рассказ «Сутки на даче» не посылался. Впервые этот рассказ был напечатан в книге Бунина «"На край света" и другие рассказы» (СПб., 1897).
[3] Рассказ Бунина «На Донце» (позднее названный «Святые Горы») впервые был напечатан в книге «"На край света" и другие рассказы».
[4] См. коммент. 2 к п. 239.

243. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 97.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин уехал из Огневки 24 октября 1896 г. См. п. 245.

244. И.А.БЕЛОУСОВУ

26 октября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 104.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 245.
Написано на оборотной стороне визитной карточки И.Белоусова.

245. Ю.А.БУНИНУ

26, 27 октября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 95–96; конец письма со слов: «...было совершенно некуда»: ОГЛМТ, ф. 14, № 2861 оф.

Впервые: *Материалы (1)*.— С. 59 (отрывок из РГАЛИ), *Рус. лит*.— 1961.— № 4.— С. 150 (отрывок из ОГЛМТ).

Дата авторская уточнена в связи с содержанием.

[1] Бунин уехал из Полтавы, вероятно, в июле 1896 г.

[2] Меблированные номера Фальц-Фейна.

[3] Эртель Александр Иванович (1855–1908) — прозаик. Из этого воссоединенного письма видно, что знакомство Бунина с А.Эртелем состоялось в 1896 г., а не в 1895 г., как это ранее считал А.К.Бабореко (*Материалы (2)*.— С. 53).

[4] К этому времени в «Русском богатстве», начиная с 1893 г., было опубликовано четыре рассказа Бунина «Деревенский эскиз», «Кастрюк», «На хуторе», «Неожиданность».

[5] Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, социолог, критик, общественный деятель.

[6] Т.е. 27 октября 1896 г.

[7] Имеется в виду Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — с 1885 г. неофициальный главный редактор журнала «Русская мысль».

[8] Лавров Вукол Михайлович (1852–1912) — с 1885 г. редактор-издатель журнала «Русская мысль». См. коммент. 2 к п. 241.

[9] Со слов «Нынче искал знакомых, но к кому пойти?» и до конца письмо написано карандашом.

[10] Судя по сообщению выше, Бунин был у Эртеля в воскресенье 27 октября, следовательно, это письмо Бунин дописывал в этот день уже в поезде по пути в Петербург, откуда и отправил его.

[11] Медведев Лев Михайлович (1865–1904) — поэт, переводчик, детский писатель.

[12] Имеется в виду, вероятно, Елизавета Евграфовна, которая в это время жила уже в Москве.

[13] Стихотворения Бунина в журнале «Русская мысль» за 1896 г. не печатались.

246. М.А.БУНИНОЙ

29 октября 1896

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2872 оф.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

247. Ю.А.БУНИНУ

1 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 92–93.

[1] 30 октября 1896 г. Бунин в Петербурге встречался с О.Н.Поповой по поводу издания книги «“На край света” и другие рассказы».

[2] Книга «На край света. Кастрюк: Рассказы» вышла в Петербурге в 1897 г. в издании О.Н.Поповой.

[3] Поэму Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина О.Н.Попова не стала издавать.

[4] Рассказ «Сутки на даче» Бунин послал в журнал «Русская мысль», но позднее, когда был подписан договор с О.Н.Поповой, он потребовал вернуть рассказ.

247а. НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ

Между 1 и 5 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 37.
Датируется по содержанию и по п. 246, 247 и 249.

[1] «Кавказ» — ежедневная официальная газета (Тифлис, 1846–1917).

[2] О каком сборнике идет речь неизвестно.

[3] Имеется в виду рассказ «Байбаки». См. коммент. 2 к п. 249.

[4] Бунин приехал в Москву в начале января 1897 г.

[5] В.Л.Величко с 1 января 1897 г. стал редактором-издателем газеты «Кавказ».

248. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 87–88.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 247, 251, 253.

[1] См. коммент. 2 к п. 242.

249. Ю.А.БУНИНУ

5 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 105–106.

[1] См. коммент. 1, 2, 3 к п. 247.

[2] Речь идет о рассказе «Байбаки: Из быта мелкопоместных», опубликованном в журнале «Новое слово» (1896.— № 3 (дек.).— С. 193–209).

[3] Последний диалог Бернгарда с Каменским остался в рассказе «На даче».

[4] Свою первую книгу прозы Бунин озаглавил «“На край света” и другие рассказы».

[5] Бунин включил не все перечисленные рассказы, некоторые из них были переименованы; книга «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897) состояла из девяти рассказов (в скобках дается первоначальное название рассказа): «На край света», «На даче» («Сутки на даче»), «Фантазер» («На хуторе»), «Вести с родины» («Неожиданность»), «Танька» («Деревенский эскиз»), «На чужой стороне» («Святая ночь»), «Кастрюк», «Тарантелла», «На Донце».

250. Ю.А.БУНИНУ

После 5 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 106а.

[1] См. коммент. 4 к п. 249.

251. И.А.БЕЛОУСОВУ

6 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 103.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 248, 253.

[1] См. п. 248, 5 ноября 1896 г.— вторник.

252. С.Н.КАШКИНОЙ

6 ноября 1896

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 515, к. 1, ед. хр. 6, л. 3–4; черновик этого письма в ОГЛМТ (ф. 14, № 2896 оф).

Впервые: *Рус. лит.* — 1963.— № 2.— С. 178–179 (с неточностями).

Черновик письма имеет разночтения с беловым автографом: второе предложение начиналось так «И то хорошее, молодое, поэтичное одушевление...»; после слов «Вышло неважно» далее «я не могу так переводить, не видя перед собой подлинника, — но все-таки посылаю Вам»; после слов «Все самобытно, свежо, мощно» следует «обвеяно свежим дыханием истинной и высокой поэзии»; после слов «есть только “Tempesta”» следует « — гораздо худший сборник, чем этот первый»; после слов «и это море и дивные стихи» следует «совсем опьянили меня...»; после слов «Теперь я еще пуще занят» следует «Только сейчас кончил рассказ и едва вожу рукой», после слов «как Вы поживаете» следует «поверьте моему сердечному расположению к Вам, и простите за это вялое письмо. Совсем не такое хотелось бы написать, но не выходит».

[1] Очевидно, речь идет о переводе стихотворения итальянской поэтессы Ады Негри «О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...», опубликованное позднее в журнале «Север» (1897.— № 8 (23 февр.).— Стб. 240).

[2] Имеются в виду книги А.Негри: Negri Ada. «Fatalita» («Судьба»). — Milano: Treves, 1892; «Tempesta» («Буря»).— Milano: Treves, 1896.

[3] См. коммент. к п. 201.

[4] Стихотворения А.Негри в переводах А.Федорова печатались в журналах «Русское богатство», «Живописное обозрение», «Вестник иностранной литературы», «Жизнь». Также переводы стихотворений А.Негри вошли в книгу: Федоров А.М. Стихотворения.— СПб., 1898. Позднее вышло отдельное издание: Негри А. Стихотворения / Пер. с ит. А.М.Федорова.— СПб., 1901.

[5] См. коммент. 1, 2, 3 к п. 247.

[6] См. коммент. 4 к п. 230.

[7] См. коммент. к п. 224.

[8] Бунин прожил в Москве примерно весь январь 1897 г.

253. И.А.БЕЛОУСОВУ

11 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 7.
Место написания определено по содержанию.

[1] См. п. 248 и 251.

[2] Телеграмма неизвестна.

[3] Вероятно, Бунин получил рукопись рассказа «Сутки на даче» 6 или 7 ноября 1896 г.

[4] См. коммент. 1 к п. 247.
[5] Очевидно, имеется в виду книга В.Г.Короленко «Очерки и рассказы. Кн. 1» (7-е изд. — М., 1895. — 404 с.).
[6] См. коммент. 2 к п. 247.
[7] См. коммент. 3 к п. 247.
[8] См. коммент. 2 к п. 249.
[9] Будищев Алексей Николаевич (1864–1916) — прозаик, поэт.
[10] Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) — прозаик.
[11] Стихотворения шотландского поэта Роберта Бернса (1759–1796) в переводе Бунина неизвестны.

254. Ю.А.БУНИНУ

30 ноября 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 107–108.
Впервые: *Рус. лит.*— 1963.— № 2.— С. 179–181 (с купюрами).

[1] См. коммент. 5 к п. 249.
[2] И.Н.Скороходов — владелец типографии в Петербурге.
[3] См. коммент. 2 к п. 249.
[4] Речь идет о посещении редакционных пятниц журнала «Новое слово».
[5] Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — прозаик, публицист, общественный деятель. С 1893 г. — редактор журнала “Русское богатство”. О встрече с В.Короленко см. п. 255.
[6] Попов А.Н.— редактор журнала «Новое слово».
[7] Поссе Владимир Александрович (1864–1940) — публицист, общественный деятель, издатель, редактор журналов «Новое слово» и «Жизнь».
[8] Палкин К.П. — владелец ресторана.
[9] Письмо Е.А.Бунина неизвестно.
[10] Рассказ «Неожиданность» (позже названный «Вести с родины») Бунин прочел в зале «Кредитного общества» в Петербурге в понедельник 16 декабря 1896 г. на литературно-музыкальном вечере в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. На вечере также выступали К.С.Баранцевич, П.В.Засодимский, Н.К.Михайловский (см. объявление о вечере: Новости и биржевая газета.— 1896.— 13 дек. (№ 344)).
[11] См. коммент. 11 к п. 226.
[12] Щепотьева Елена Степановна — народоволка. Куприна-Иорданская Мария Карловна (1881–1966) — дочь А.А.Давыдовой; первая жена А.И.Куприна; с 1902 г. издательница журнала «Мир Божий». Елпатьевская Людмила Сергеевна (р. 1877) — дочь прозаика, публициста, общественного деятеля, врача Елпатьевского Сергея Яковлевича (1854–1933).
[13] Мансфельд Дмитрий Августович (1851–1909) — драматург, переводчик, журналист. Черниговец Ф.В.— писатель. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) — прозаик, поэт, публицист, переводчик, литературно-общественный деятель.

255. Ю.А.БУНИНУ

9 декабря 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 109.

[1] Возможно, А.П.Баранов.
[2] Письмо неизвестно.

[3] 7 декабря 1896 г. в ресторане «Медведь» торжественно отмечалось 35-летие литературной деятельности К.М.Станюковича (1843–1903). Его поздравляли В.Г.Короленко, Н.К.Михайловский, А.П.Чехов, Д.В.Григорович, А.М.Скабичевский и другие писатели, а также адмиралы Н.А.Бирюлев и Ф.А.Геркен от имени читателей-моряков (см.: Новое время.— 1896.— 8 дек. (№ 7466).— С. 4).

[4] Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909) — поэт, критик, драматург, переводчик, педагог.

[5] См. коммент. 10 к п. 254.

[6] Бунин, вероятно, в деревню не ездил, а из Петербурга приехал в Москву в начале января 1897 г.

[7] См. коммент. 3 к п. 247.

256. П.В.ЗАСОДИМСКОМУ

22 декабря 1896

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 42.

Засодимский Павел Владимирович (1843–1912; псевд. Вологдин) — прозаик, публицист, критик. Бунин познакомился с Засодимским в 1895 г. в Петербурге. Письма Засодимского к Бунину (ОГЛМТ, РГБ ОР) 1896 г. посвящены предстоящему литературному вечеру.

[1] 21 декабря 1896 г. П.В.Засодимский писал Бунину: «Многоуважаемый Иван Алексеевич! Будьте так добры — укажите: что Вы намерены прочитать на том вечере, о котором я Вам говорил. Вечер дается в пользу Синего Креста (так называется Общество попечения о бедных и больных детях)» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3437 оф). В ответном письме от 24 декабря 1896 г. Засодимский писал: «Поздравляю Вас с благополучным выходом книги и желаю ей успеха. Письмо Ваше получил и m-me Мясоедовой сообщил о том, что Вы будете читать на их вечере. Очень благодарен Вам за передачу им книги: m-me Мясоедова мне уже писала, что получила ее» (РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 9). Состоялся ли планируемый вечер и выступал ли на нем Бунин установить не удалось.

257. И.А.БЕЛОУСОВУ

30 января 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 9.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 60 (отрывок).

[1] Бунин уехал из Москвы в деревню в 20-х числах января 1897 г.

[2] Имеется в виду книга: Борисов Н.А. Калевала.— СПб., 1889. Борисов Николай Александрович (1849 — после 1900) — автор книг для юношества.

257а. Ю.А.БУНИНУ

Между 10 и 20 февраля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 20, л. 59.
Датируется по содержанию и по письму А.Н.Будищева от 6 февраля 1897 г.

[1] Речь идет о рецензиях на книгу «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897). Анонимный автор рецензии в газете «Жизнь и искусство» (1897.— 24 янв. (№ 24).— С. 3) писал: «Тяжесть разлуки с родным гнездом, состояние оставшихся доживать свой век на родине — переданы в небольшом рассказе <«На край

света»> с большой наблюдательностью, правдиво и задушевно. <...> Рассказ <«На даче»> написан с большим тактом: автор не становится ясно на какую-нибудь одну сторону, но из художественно созданных типов читатель, задумавшись, найдет исход. Среди других 7 рассказов особого внимания заслуживает крупный по размерам рассказ “Тарантелла”. <...> В общем книга представляет отрадное впечатление, и автор ее является не лишним среди современных беллетристов». Анонимный рецензент «Русских ведомостей» (1897.— 3 февр. (№ 34).— С. 3) отмечал: «Настоящая книжка представляет из себя сборник рассказов, <...> производящих в общем очень приятное впечатление. Не можем не отметить в авторе искренности чувства, уменья схватить и передать читателю настроение действующих лиц, симпатии к страдающим, мятущимся и ищущим выхода из жизненных противоречий. В то же время рассказы совершенно лишены той приторной слащавости, которая является отличительным свойством многих авторов, касающихся среды, описываемой в большинстве рассказов г. Бунина. <...> В авторе заметна наблюдательность, позволяющая ему находить новые черты в старых положениях».

[2] А.Н.Будищев писал Бунину 6 февраля 1897 г.: «В “Кавказе”, “Гласности” и “Одес. листке” были о Вашей книге отзывы. В “Одес. листке” очень для Вас лестный, а в “Кавказе” и “Гласности” так себе. <...> Недавно я читал Вашу “Тарантеллу” и “Вести с родины”, которые произвели на меня очень сильное впечатление. По-моему, это лучшие рассказы в книге. Они безусловно прекрасны» (ОГЛМТ, ф. 14, № 5732 оф). Имеются в виду рецензии на книгу «“На край света” и другие рассказы».

В газете «Кавказ» рецензия не обнаружена.

В газете «Гласность» (1897. — 30 янв. (№ 30). — С. 1–2. — Подпись: А-ий) рецензент писал: «...Наше богатое интереснейшими явлениями время <...> идет мимо писателя, не оставляя в его душе ни одного образа последней формации. <...> Г. Бунин написал весьма талантливо свой рассказ <...>. О переселенцах “на край света” с их трагедией в будущем вы ничего не узнаете, но их сборы и уход с насиженного места описаны автором тепло. <...> Затронув переселенческий вопрос, нельзя ограничиться только описательной его стороной. А именно этой стороной все рассказы Бунина и хороши: “Вести с родины” <...>, “На чужой стороне” <...>, “На Донце”. <...> Каждый из рассказов на 5–6 страничках, точно писал их талантливый школьник, а не настоящий литератор».

Л.Е.Оболенский в статье «Печальное и радостное в текущей литературе» (Одесский листок.— 1897.— 31 янв. (№ 29).— С. 1), в частности, писал: «Я с грустью смотрю на небольшой, красиво изданный томик рассказов, лежащий передо мною. Рассказы эти принадлежат совсем еще молодому, но глубокоталантливому беллетристу Ив.А.Бунину. Сколько здесь тонких черт, жизненной правды, художественного чутья и глубокой поэзии! Каждая страница, каждая строка, веет жизнью, пахнет лесом, лугом, снежной степью, деревней... Смотрю я на эту книжку и думаю: скоро ли о тебе заговорят! Сколько времени твой автор протомится в неизвестности о том даже, есть у него талант или нет? Сколько времени пролежишь ты на полках магазинов, не согрев сердца читателей тем чудным теплом, каким ты согрела мое сердце! <...> книжечка Бунина не так-то скоро найдет себе панегиристов, хотя его новые произведения, написанные с тех пор, как она вышла, и напечатанные в наших лучших журналах, доказывают, что талант его растет и крепнет. По складу своему этот талант представляет как бы сочетание таланта Ант.Чехова с глубокой вдумчивостью и общественной отзывчивостью Гаршина. Этим я не хочу сказать, что талант молодого писателя неоригинален. Наоборот, с первых же строк вы видите, что у автора своя собственная манера, индивидуальность, — что он никому не подражает, пишет то, что диктуют ему сердце, ум, любовь к народу, человеку и какое-то тихое, грустное, глубоко проницающее, но не кричащее негодование к отрицательным типам и явлениям в жизни».

258. Ю.А.БУНИНУ

После 20 февраля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 126–127. Датируется по содержанию.

[1] Речь идет, вероятно, о рецензиях Бунина на книги А.А.Коринфского «Тени жизни. Стихотворения 1895–1896 гг.» (СПб., 1897) и «Вольная птица и другие рассказы» (СПб., 1897), опубликованные в журнале «Новое слово» (1897.— № 6 (март).— Отд. II, с. 56–58.— Без подписи).

[2] Речь идет о переходе журнала «Новое слово» с весны 1897 г. к новым владельцам — «легальным марксистам». А.М.Федоров в письме от 10 февраля 1897 г. сообщал Бунину: «...вопрос о переводе “Нов. слова” в другие руки почти решен, но, кажется, перейдет он не в руки Кривенко и Скабичевского, а в руки Джаншиева, Милюкова и Гарина-Михайловского, т.к. Скаб<ичевский> и Кривенко отказались взять журнал на тех условиях <нрзб>, какие предлагала им Попова. Мне все это сообщил Поссе, котор. при новой редакции, кажется, будет играть роль. <...> Денежные средства в этом журнале — т.е. как сказать, фундамент — Смирнова (известн<ый> педагог)» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 2–4).

[3] В газете «Новое время» (1897.— 13 февр. (№ 7531).— С. 1) было опубликовано коллективное «Письмо в редакцию», в котором сообщалось о выходе из состава редакции журнала «Новое слово» двенадцати человек, подписавших это письмо (см. текст. п.).

[4] Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) — прозаик, поэт, журналист.

[5] Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) — публицист, литературный критик, беллетрист, философ.

[6] Абрамов Яков Васильевич (1858–1906) — публицист, прозаик, критик.

[7] Это заявление Бунина в печати не появилось.

259. С.Н.КРИВЕНКО

23 февраля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 6.

[1] См. коммент. 2 к п. 258.

[2] См. коммент. 7 к п. 258.

[3] В 1897 г. с № 6 (март) издателем журнала «Новое слово» стал Михаил Николаевич Семенов (1873–1954). А.М.Федоров в письме от 18 февраля 1897 г. сообщал Бунину: «А вот Вам новость о “Нов. слове”. Дня три тому назад в “Нов<ом> вр<емени>” было напечатано письмо за подписью всех сотрудников во главе с Скабичевским, Кривенко, Обол<енским> и др. Я познакомился с Семеновым, новым издателем журнала. Это мальчик лет 20 — марксист до мозга костей. Поссе — правая рука. Познакомился и с др. марксистами. Просили у меня стихов. Там будут Джаншиев, Милюков и проч., так что по моему мнению письмо здесь было лишнее» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 11).

[4] Егоров Яков Егорович (1857–1902) — автор очерков, стихов, учебных пособий.

[5] Кривенко Н.Н.— вероятно, брат С.Н.Кривенко.

260. И.А.БЕЛОУСОВУ

28 февраля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 10.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 60 (отрывок).
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 257.
[2] См. коммент. 2 к п. 258.
[3] «На край света» и другие рассказы.— СПб.: Изд. О.Н.Поповой, 1897. Вышла в свет в январе 1897 г.
[4] Имеется в виду рецензия без подписи на книгу Бунина «На край света. Кастрюк. Рассказы» (СПб.: Изд. О.Н.Поповой, 1897.— 30 с.— Народная и детская библиотека), опубликованная в газете «Сибирь» (1897.— 7 февр. (№ 17).— С. 3). Рецензент писал: «Эти рассказы представляют из себя довольно редкое явление в нашей народной и детской литературе. В них нет ни капельки тенденциозности, неразрывной в подобных случаях со скучной поучительностью и прописной моралью. <...> Г. Бунин так добросовестно, сердечно и талантливо исполнил свою авторскую задачу, что мы со своей стороны можем только смело рекомендовать его рассказы как для детей, так и для народа».

261. Ю.А.БУНИНУ

Конец февраля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 34–35.
Датируется по содержанию и по связи с п. 258.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. 3 к п. 247.
[3] Имеются в виду книги: Карышев Н.А. Труд, его роль и условия приложения в производстве.— СПб.: Изд. О.Н.Поповой, 1897.— 600 с.— (Образовательная б-ка, № 4 и 5); Сеченов И.М. Физиологические очерки: В 2 т.— СПб.: Изд. О.Н.Поповой, 1898.— (Образовательная б-ка, № 8–9). Карышев Николай Александрович (1855–1905) — экономист и статистик. Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — ученый-физиолог, создатель русской физиологической школы.
[4] Речь идет о рецензии на книгу Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897). В журнале «Мир Божий» (1897.— № 2.— С. 6–8) А.Б. <А.И.Богданович> в своих «Критических заметках» писал: «Впервые г. Бунин выступил с небольшими стихотворениями, обнаружившими в авторе несомненную поэтическую жилку. <...> В рассказах с еще большею силою проявилась поэтическая сторона таланта г. Бунина. Сборник начинается картиной проводов переселенцев “На край света”. <...> Хотя этот рассказ далеко не лучший в книге, но и на нем можно проследить сдержанность автора, очень характерную для него. <...> Г. Бунин поступает как истинный художник <...> Вдумчивость, какое-то любовное, задушевное отношение к природе, к деревне — таковы положительные достоинства г. Бунина как художника, умеющего схватить более характерные черты, сжато набросать картину и внести в нее настроение. <...> Большие (сравнительно) рассказы г. Бунина можно сравнить с большим полотном, на котором намечены смутные контуры, но всецело отсутствуют краски. Тогда как его маленькие вещицы, это — изящные миниатюры, тщательно отделанные и вполне законченные. Они-то и дают надежды, что талант автора не остановится на этом. Припомним другого автора, тоже начавшего с мелочей, и когда печатались в разных повременных изданиях “Пестрые рассказы” г. Чехова, едва ли кто предвидел в нем будущего ху-

дожника с сильным и ярким талантом, каким мы его знаем теперь. Отчасти эту надежду подтверждает отсутствие банальности в миниатюрах г. Бунина. Он умеет открыть и дать нам почувствовать новые стороны в старых темах, внести в них дыхание жизни».

5 См. коммент. 4 к п. 260.

262. Ю.А.БУНИНУ

1 марта 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 112.
Впервые: *На родной земле (1958)*.— С. 302–303.

1 Бунин уехал из Огневки в Полтаву 11 марта 1897 г. (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 338).

2 Т.е. на Пасхальную неделю с 13 по 19 апреля 1897 г.

263. С.Т.СЕМЕНОВУ

6 марта 1897

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 37, ед. хр. 48, л. 1.
Впервые: *Яснополянский сб. (1984)*.— С. 89.

Семенов Сергей Терентьевич (1869–1922) — писатель. Известны отдельные письма Семенова к Бунину 1895–1912 гг. (ОГЛМТ, РГАЛИ). Переписка писателей носила эпизодический характер.

1 Бунин ошибся в написании отчества Семенова.

2 Речь идет о книге Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897). В библиотеке Л.Н.Толстого эта книга не сохранилась.

3 Имеется в виду книга Бунина «На край света. Кастрюк. Рассказы» (СПб., 1897). В ответном письме от 10 марта 1897 г. С.Семенов писал: «Дорогой Иван Алексеевич! Благодарю Вас и за маленькую книжку, хотя очень хотелось иметь от Вас большую» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3136/3 оф).

4 Речь идет, вероятно, о книге С.Семенова «В город. Рассказ» (М., 1897). В том же ответном письме Семенов писал: «Я Вам свою книжку пришлю непременно, только она, если ее ничем не задержит цензура, и то едва ли выйдет раньше Пасхи» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3136/3 оф).

264. И.А.БЕЛОУСОВУ

15 марта 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 11.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 60–61 (отрывок).

1 Бунин уехал из Полтавы в конце апреля 1897 г.

2 Альбов Михаил Нилович (1851–1911) — прозаик. В 1895–1901 гг. жил преимущественно в Полтаве; в 1897–1899 гг.— выпускающий редактор газеты «Приднепровский край» (Екатеринослав).

3 Имеется в виду анонимная рецензия на книгу «“На край света” и другие рассказы» в приложении к газете «Новое время» (1897.— 12 марта (№ 7557).— С. 7–8). Рецензент отмечал: «Автор этого сборника обладает талантом сжато, свежо и рельефно рисовать картины природы. Эти непосредственные лирические,

по характеру, описания, разбросанные в рассказах, составляют искреннее и живое содержание книги. Гораздо слабее изображение лиц, положений, разговоров, словом, эпическая и драматическая часть книги. Все это как-то хаотически-беспорядочно, смутно, бесцельно-отрывочно, с какой-то бессильной, но напряженной претензией на художественную выразительность. Г. Ив.Бунину следует и на людей и на жизнь так же просто и непосредственно смотреть, как он смотрит на природу. Тогда из его природного таланта, может быть, что-нибудь и выработается. Беллетрист-художник должен быть прежде всего естествен. <...> Когда же он будет вполне естествен, он будет и вполне чист; он поймет, что изображение "пьяного угара", как например, в рассказе "На даче" и "Тарантелла" — вовсе не достойная художника задача. Г. Ив.Бунин — писатель начинающий, и досадно будет, если он захочет изображать муть и грязь жизни: молодому писателю, да еще одаренному искренним дарованием, нужно искать чистоты и света жизни...»

[4] См. коммент. 3 к п. 263.

[5] Имеется в виду рецензия на книгу «"На край света" и другие рассказы», опубликованная в журнале «Русское богатство» (1897.— № 2.— Отд. II, с. 37–40.— Без подписи). Рецензент писал: «Первый очерк в книжке г. Бунина называется "На край света". Это яркий и задушевный рассказ <...> Сжатый и картинный рассказ, — почти стихотворение в прозе по мягкому лиризму и строгой симметрии формы, — сразу настраивает читателя и располагает его к малоизвестному автору. <...> Прочитав эти рассказы, хочется сказать: да, это все правда, но уже знакомо нам — знакомо из жизни, да и из книг тоже. Но это не упрек в банальности; сам автор не вычитал своих героев из книг: мелкие, но тонкие и значительные по своему внутреннему содержанию детали, сообщающие особенную жизненность и оригинальность этим знакомым фигурам, свидетельствуют о художественной, вдумчивой наблюдательности. Отдельные картинки, переносящие читателя в настроения мира неодушевленных предметов, удаются г. Бунину превосходно, несмотря на простоту средств, которые он для этого употребляет. Несомненный, правда, не крупный, но чуткий и симпатичный талант чувствуется в этих пейзажах, в этих несложных, но характерных подробностях, умело выхваченных из жизни и переносящих в жизнь». См. коммент. 4 к п. 261.

[6] В журнале «Детское чтение» в 1897 г. было опубликовано только одно стихотворение Бунина «Ночь» («Высоко полный месяц стоит...») (№ 11.— С. 108).

265. А.М.ФЕДОРОВУ

После 15 марта 1897

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2950 оф.

Впервые: *Подъем*.— 1976.— № 3.— С. 158–159 (с неточностями и датировкой: середина марта 1897).

Датируется по содержанию, карандашной помете Бунина: «1897 г. [1896 г.] Весна. Полтава» и по связи с п. 264.

Черновик письма.

[1] Написано над обращением: «Милый Александр Митрофанович!», которое зачеркнуто.

[2] Имеется в виду письмо А.Федорова от 18 февраля 1897 г., в котором, в частности, Федоров сообщал о появившихся рецензиях на книгу Бунина «"На край света" и другие рассказы». См. также коммент. 3 к п. 259.

[3] См. коммент. 4 к п. 261 и коммент. 5 к п. 264.

[4] К этому времени были опубликованы (кроме уже упомянутых в коммент.) рецензии на книги «"На край света" и другие рассказы» и «На край света. Кастрюк. Рассказы» в газетах «Биржевые ведомости» (1897.— 28 янв. (№ 27).—

С. 3.— Без подписи), «Вятский край» (1897.— 4 и 18 февр. (№ 15 и 21).— С. 4.— Подпись: Il pittore), «Саратовский дневник» (1897.— 15 февр. (№ 38).— С. 3.— Подпись: S), в журналах «Север» (1897.— № 8 (23 февр.).— Стб. 253-254.— Подпись: Кор. А-н), «Ежемесячные литературные приложения к журналу “Нива”» (1897.— № 2.— Стб. 421.— Без подписи).

[5] См. коммент. 2 п. 257а.

[6] См. коммент. 3 к п. 264.

[7] Имеется в виду рецензия на книгу «“На край света” и другие рассказы», опубликованная в газете «Новости и биржевая газета» (1897.— 25 февр. (№ 55).— С. 2.— Без подписи). Рецензент писал: «Мы знаем г. Бунина больше как поэта, чем как беллетриста. В некоторых его стихотворениях заметны понимание природы, отзывчивость на ее настроения, а иные картины южно-русской черноземной степи — прямо живописны. Но характер творчества г. Бунина — чисто лирический, его впечатления живы, но не глубоки. Эти свойства г. Бунина-поэта определяют его достоинства и недостатки и как беллетриста. <...> В общем, рассказы г. Бунина производят впечатление калейдоскопа сцен и лиц, без оценки и без анализа их автором. Это обуславливает некоторую безличность всей книги г. Бунина. Он дает ряд картин, иногла занимательных, но он не сказал ничего “своего”».

[8] Имеется в виду рассказ Бунина «На Донце» (в последующей редакции «Святые Горы»), вошедший в книгу «“На край света” и другие рассказы».

[9] Речь идет о предполагавшейся совместной поездке на Алтай, которая не состоялась.

[10] Федорова Лидия Карловна — жена А.М.Федорова.

266. С.Н.КРИВЕНКО

22 марта 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 7.

[1] См. п. 259.

[2] См. коммент. 1 к п. 262.

[3] Имеется в виду, очевидно, письмо В.А.Поссе от 12 марта 1897 г.: «Я надеюсь, что Вы будете продолжать сотрудничать в “Новом слове” и при новом составе редакции. Я, по крайней мере, не жалею, что остался <...> Я занимаю теперь в “Новом слове” приблизительно то же положение, как и при старой редакции. Из других сотрудников, обещавших свое участие, укажу П.Н.Милюкова, В.Серошевского, Вересаева, П.Б.Струве, С.Булгакова. <...> Хорошо, если бы и Вы продолжили писать в “Новом слове”. Я искренно ценю Ваш несомненно выдающийся художественный талант» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3113 оф).

[4] См. п. 258 и коммент. 3 к нему.

[5] Письмо неизвестно.

[6] Вересаев Викентий Викентиевич (1867–1945; наст. фам. Смидович) — прозаик, литературовед, поэт-переводчик.

[7] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист, мемуарист, политический деятель.

[8] Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — философ, богослов, экономист, публицист, литератор.

[9] Джаншиев Григорий Аветович (1851–1900) — историк, публицист, общественный деятель.

267. Ю.А.БУНИНУ

Середина апреля 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 78.

Датируется предположительно по содержанию. Судя по п. 262, Ю.А.Бунин собирался уехать из Полтавы на Пасхальную неделю. Он поехал, вероятно, в Петербург и Москву, где, как видно из данного письма, вел переговоры о своем переезде в Москву на работу и постоянное место жительства.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Письмо неизвестно.

268. И.А.БЕЛОУСОВУ

6 мая 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 12.

Впервые: *Материалы (1)*.— С. 61–62 (отрывок).

[1] См. коммент. 1 к п. 264.

[2] 30 апреля 1897 г. Бунин отправился в Шишашки, затем в Миргород, где провел несколько дней (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 338–339).

[3] Слова из поэмы Гомера “Одиссея” (Песнь первая).

[4] Очерет — камыш, тростник, растения, близкие по виду к камышу: сить, куга, веревочник, черет, черетянка и др.

[5] Бунин приехал в Полтаву около 13 мая 1897 г. и прожил там около двух недель.

[6] Из Полтавы 24 мая 1897 г. Бунин вновь отправился путешествовать: в Кременчуг, Николаев, далее морем прибыл в Одессу к А.М.Федорову (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 339).

[7] Стихотворение было опубликовано лишь в октябре: На Левкадском утесе («Какие дни, какие муки!..») // Русская мысль.— 1897.— № 10.— С. 107–108.

269. Ю.А.БУНИНУ

Конец мая 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 124.

Датируется предположительно по содержанию. См. коммент. к п. 267. Могло быть написано, вероятно, после отъезда Бунина из Полтавы 24 мая 1897 г.

270. И.А.БЕЛОУСОВУ

15 июня 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 13.

Впервые: *Материалы (1)*.— С. 63 (отрывок).

[1] Бунин приехал в Москву в конце августа — начале сентября 1897 г. вместе с сестрой и матерью. См. п. 276.

[2] Ю.А.Бунин приехал в Москву в августе 1897 г., где стал редактором научно-популярного журнала «Вестник воспитания», поселился по адресу: Староконюшенный переулок, дом 32, в котором располагалась редакция этого журнала и где часто останавливался И.Бунин, приезжая в Москву.

[3] См. коммент. 7 к п. 268.

[4] Имеется в виду стихотворение Белоусова «Заря вечерняя слюбилась...» (Север.— 1897.— № 21 (25 мая).— Стб. 655–656).

271. Ю.А.БУНИНУ

15 июня 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 113.
Впервые: *На родной земле (1958).*— С. 303.

272. И.А.БЕЛОУСОВУ

Июль 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 105–106.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 273 и 276.

[1] Захарьин Григорий Антонович (1829/30–1897) — врач-терапевт, профессор, основатель московской клинической школы.

[2] См. коммент. 1 к п. 270.

273. Ю.А.БУНИНУ

Июль 1897

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2855 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 272 и 276.
Написано карандашом.

[1] См. п. 272.

274. И.А.БЕЛОУСОВУ

До 20 августа 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 96–97.
Впервые: *Проблемы реализма.*— С. 168 (с неточностями и широкой датировкой: 1897 г.).
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 275.

[1] Письмо неизвестно. Имеется в виду, вероятно, книга Белоусова «Из песен о труде. Стихотворения» (М.: Изд. редакции журнала «Детское чтение», 1897).

[2] В издании О.Н.Поповой поэма Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина не выходила.

[3] Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — издатель-просветитель.

[4] Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915) — педагог, деятель в области народного образования, автор ряда учебных пособий для начальной школы; редактор детского журнала «Детское чтение», издательницей которого была его жена Елена Николаевна Тихомирова. Редакция журнала занималась также издательской деятельностью, книги выходили в рамках серии «Библиотека “Детского чтения”».

[5] Михайлов Николай Федорович (1849–1915) — с 1895 г. номинальный редактор журнала «Вестник воспитания».

[6] Имеется в виду Академия живописи, ваяния и зодчества в Москве.

[7] Е.А.Бунин обладал незаурядными способностями художника, осуществил ли он план стать вольнослушателем в Академии неизвестно.

275. Ю.А.БУНИНУ

20 августа 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 114–115.

[1] См. коммент. 2 к п. 270.
[2] См. коммент. 2 к п. 274.
[3] См. коммент. 1 к п. 270.
[4] Письмо М.А.Буниной к С.Н.Пушешниковой неизвестно.

276. Ю.А.БУНИНУ

26 августа 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 116.

[1] См. п. 273.

277. Ю.А.БУНИНУ

16 октября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 117.

[1] Бунин приехал в Петербург 15 октября 1897 г.

[2] Речь идет о праздновании 16 ноября 1897 г. 30-летнего юбилея литературной деятельности Н.Н.Златовратского; Бунин принял в нем участие.

278. С.Н.КРИВЕНКО

Между 16 и 20 октября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 15.
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] К письму был приложен автограф перевода цикла сонетов А.Аспыка «Геракл» (РГАЛИ, там же, л. 16). В газете «Сын отечества» этот перевод не появился, он был опубликован в № 2 журнала «Русское богатство» за 1898 г.

279. Ю.А.БУНИНУ

21 октября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 120.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] Имеются в виду, очевидно, стихотворения Бунина «Памяти Н.И.Пирогова» (см. коммент. 3 к п. 281), «Ночь наступила, день угас...» (Мир Божий.— 1897.— № 12.— С. 41).

[2] Речь идет о переводе Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

[3] Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939; сценический псевд. Миров) — оперный певец, журналист, редактор-издатель «Журнала для всех».

[4] В газете «Сын отечества», где сотрудничал С.Н.Кривенко, только год спустя был опубликован рассказ Бунина «Велга» (1898.— 25 дек. (№ 350).— С. 3); в «Журнале для всех» в конце 1897 г. и в 1898 г. произведения Бунина не появлялись.

[5] Речь идет, очевидно, о гонораре за опубликованные в журнале «Север» стихотворение «Из "Песен о весне"» («Зной, — но ясно лазурное небо глядится...») (1897.— № 22 (1 июня).— Стб. 685–686) и перевод стихотворения А.Асныка «Астры» («Все увяло... Только астры...») (1897.— № 35 (31 авг.).— Стб. 1103–1104).

[6] Поэма Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина была полностью опубликована в журнале «Всходы» (1898.— № 2 (15 янв.).— С. 1–194). См. п. 281.

280. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 октября 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 1.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 472.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957) — писатель, литературный и общественный деятель. Организатор литературно-художественного кружка «Среда», заседания которого часто проходили в его доме; один из организаторов «Книгоиздательства писателей в Москве»; участвовал в издании «Сборников товарищества "Знание"». Бунин познакомился с Телешовым в 1897 г. и скоро писатели стали друзьями. Бунин привлекал Телешова к участию в газетах, журналах и литературных сборниках, редактировал его произведения. Переписка Бунина и Телешова за 1897–1919, 1941, 1945–1947 гг. (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 471–638) при большом количестве дошедших до нас писем сохранилась, однако, далеко не полностью. Остаются неизвестными письма Бунина за 1905–1906 гг., ответные письма Телешова за 1906, 1914–1915 гг.

[1] Короленко Наталья Владимировна (1888–1950; в замужестве Ляхович) — дочь В.Г.Короленко.

[2] Рассказ Н.Телешова «Сухая беда» был опубликован в журнале «Мир Божий» (1898.— № 7.— С. 19–54), хотя желание автора было напечатать его в «Русском богатстве». В ответном письме от 23 октября 1897 г. Телешов писал: «Очень благодарен вам за внимание и за то, что говорили обо мне в "Мире Божьем"; это журнал симпатичный и я с удовольствием стал бы в нем работать, но "Сухую беду" мне хотелось бы пристроить к "Богатству". Вы сами поймете, почему. Большие вещи у меня редки и видеть их желалось бы, конечно, в более видном месте, особенно на первое время. "Беду", вероятно, кончу на этой неделе, осталась заключительная глава, но самая трудная. Потом отдам переписать и числу к 3–4 могу выслать» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 473).

[3] Бунин пробыл в Петербурге с 15 октября по 9 ноября 1897 г.

281. Ю.А.БУНИНУ

23 октября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 121–122.

[1] 21 и 22 октября 1897 г. праздновалось восшествие на престол Николая II.

[2] Ладыженский Владимир Николаевич (1859–1932) — прозаик, поэт, общественный деятель.

[3] Речь идет о стихотворении Бунина «Памяти Н.И.Пирогова» («Я счастлив тем, — не раз он говорил...»), которое так и осталось в рукописи и при жизни писателя не публиковалось (см.: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 278–279). Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — хирург и анатом, педагог, общественный деятель.

[4] Острогорский Виктор Петрович (1840–1902) — педагог, литератор; в 1892–1902 гг.— редактор журнала «Мир Божий».

[5] Сонеты А.Асныка под общим заглавием «Геракл» в переводе Бунина были позже опубликованы в журнале «Русское богатство» (1898.— № 2.— С. 116–117).

[6] Имеются в виду стихотворения: в журнале «Мир Божий» опубликованы «Мать» («И дни, и ночи до утра...») (1898.— № 1.— С. 126–127), «Ночная вьюга» («Когда на темный город сходит...») (1898.— № 2.— С. 30); в журнале «Русское богатство» — «На севере» («Под небом мертвенно свинцовым...») (1898.— № 4.— С. 244); в журнале «Всходы — «В ноябре» («Опять кругом печалью веет...») (1897.— № 21 (1 нояб.).— Стб. 6).

[7] См. коммент. 6 к п. 279.

[8] Отдельного издания поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» редакция журнала «Всходы» не выпускала.

[9] Издательница Алевтина Михайловна Муринова (1866–1922) не выпускала перевод Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

[10] Имеется в виду, вероятно, рассказ «В деревне. Из детских воспоминаний», который был опубликован в журнале «Детское чтение» (1898.— № 1.— С. 87–96).

[11] См. коммент. 7 к п. 268.

[12] К данному письму была приложена доверенность (РГАЛИ, там же, л. 123) следующего содержания: «В контору “Русской мысли”. Покорнейше прошу деньги за стихотв<орение> мое в октябр. кн. “Р<усской> м<ысли>” (“На Левкадском утесе”) выдать Юлию Алексеевичу Бунину. Ив.Бунин. Петербург. 23 окт. 1897 г.».

[13] См. коммент. 5 к п. 279.

[14] Письмо неизвестно.

[15] Письмо неизвестно.

282. И.А.БЕЛОУСОВУ

29 октября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 14.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Речь идет об исполнении Буниным просьбы Белоусова относительно устройства публикации в журнале «Книжки “Недели”» перевода Белоусова поэмы Т.Г.Шевченко «Гайдамаки». Этот перевод в журнале опубликован не был. Гайдебуров Василий Павлович (1866 — после 1940) — издатель, поэт; сын П.А.Гайдебурова. С 1894 г.— редактор-издатель «Книжек “Недели”».

283. Ю.А.БУНИНУ

3 ноября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 118–119.

[1] 16 ноября 1897 г. должно было праздноваться 30-летие литературной деятельности Н.Н.Златовратского.

[2] В честь Н.Н.Златовратского, вероятно. См. коммент. 2 к п. 277.
[3] Хеббель (Геббель) Кристиан Фридрих (1813–1863) — немецкий драматург, поэт, прозаик.
[4] Бунин приехал в Москву 10 ноября 1897 г.

284. И.А.БЕЛОУСОВУ

4 ноября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 15.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. к п. 282.

285. Н.И.ПОЗНЯКОВУ

9 ноября 1897

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 551, ед. хр. 7, л. 1.
Позняков Николай Иванович (1856–1910) — поэт, педагог. Письма Познякова к Бунину неизвестны.

[1] Какое было послано стихотворение и для какого сборника установить не удалось.

286. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

27 ноября 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 474.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

287. И.А.БЕЛОУСОВУ

27 ноября 1897

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 102.
Дата и место написания определены по связи с п. 286.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] О каком вечере идет речь установить не удалось.

288. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 декабря 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 3–4.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 475.
Место написания определено по содержанию.

[1] Телешов писал Бунину 4 декабря 1897 г.: «Скажите мне попросту, без церемоний и разных тонкостей — в каком смысле вы говорили обо мне г. Михайлову, и удобно ли будет, если бы я поехал в незнакомый дом? Я все еще не знаю, как мне

справлять именины <...> Если возможно и удобно, то вы справились бы, нужен ли "кавалер" в бальном смысле, то есть "полотер", или человек на две-три кадрили, или вообще? В случае чего, обещаюсь торжественно: 1. Пьян не напьюсь. 2. В азартные игры не стану играть. 3. Ноги на стол не положу. 4. *Очень* ухаживать ни за кем не буду. 5. Ни ссоры, ни скандала не заведу и 6) насчет вальсов и прочего — ни к черту не гожусь!» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 474–475). Именины Телешова, как и Михайлова, приходились на 6 декабря — день «зимнего Николы».

[2] Имеется в виду квартира Ю.А.Бунина, жившего в доме Михайлова по Староконюшенному переулку, где помещалась также редакция «Вестника воспитания» и часто останавливался И.Бунин, приезжая в Москву.

[3] Бунин и Телешов были на именинах у Н.Ф.Михайлова 6 декабря. На следующий день — 7 декабря 1897 г. — Телешов писал Бунину: «Дорогой Иван Алексеевич! Очень благодарен вам за вчерашнее знакомство. Люди они чрезвычайно простые и симпатичные. Извиняюсь, что ушел, не простившись с вами. Вы были заняты и я не хотел мешать» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 476).

289. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 декабря 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 5.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 476.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Письма Бунина к А.А.Давыдовой неизвестны.

[2] В своих воспоминаниях «"Четверги" у Н.Ф.Михайлова» Ю.А.Бунин писал, что эти вечера «носили довольно своеобразный характер. Собрания обыкновенно бывали интимные и потому немногочисленные — собирались родственники Н<иколая> Ф<едоровича> и его супруги Юл<ии> Ив<ановны>, врачи — большею частью старинные его товарищи по университету или по службе в земстве, городском самоуправлении <...>, ближайшие сотрудники "Вестника воспитания" <...>, литераторы, ученые, адвокаты, мой брат Ив. Ал. <...> Журфиксы у Н.Ф. никогда не носили политической и тем менее какой-либо партийной окраски. Другою особенностью "четвергов" <...> был их скромный, корректный характер <...> Обычно гости на "четвергах" собирались часам к 9, когда был уже подан чай, фрукты, сласти и проч. После чаю гости отправлялись в кабинет Н.Ф. и в соседнюю гостиную. Здесь нередко прочитывались различные новинки литературные, общественно-политические, которые не всем удавалось достать (разные воззвания, сообщения, доклады и проч.). Иногда возникали интересные и поучительные прения, причем полемический и резкий тон обыкновенно отсутствовал. Затем, довольно часто после этого устраивалось небольшое концертное отделение (на рояле, фисгармонии — иногда совместно с виолончелью или скрипкой). Вечер заканчивался легким, но очень хорошим ужином, с небольшим количеством вина (также хорошего качества). Часу в первом гости обычно уже расходились. <...> Словом, это были обычные журфиксы, которых в Москве было очень много. Тем не менее "четверги" Н.Ф. не были обывательскими журфиксами, на которые собираются исключительно ради развлечения <...> Они носили интеллигентный характер, как ни разнороден был их состав, в общем, это все-таки была прогрессивная компания. <...> Люди, собиравшиеся на "четвергах", принадлежали почти сплошь к пожилым. Молодежь почти отсутствовала. Для нее Н.Ф. устраивал в течение сезона несколько особых вечеров с танцами, играми, музыкой, пением и проч. Иногда эти вечера были маскированные» (РГАЛИ, ф. 1292, оп. 3, ед. хр. 11, л. 1–2).

290. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

15 декабря 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 6.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 477.
Дата и место написания определены по содержанию и по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Махалов Сергей Дмитриевич (1864–1942; псевд. Разумовский) — драматург, поэт, беллетрист, один из основателей литературного кружка «Среда».

291. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 7–8.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 477.
Дата и место написания определены по содержанию и по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Лупево — имение Н.Ф.Михайлова близ станции Сходня Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги. В воспоминаниях «"Четверги" у Н.Ф.Михайлова» Ю.А.Бунин писал также о поездках в Лупево: «В конце 90-х и в начале 900-х годов Н.Ф. нередко приглашал многих из посетителей своих "четвергов" в свое имение Лупево <...> Поездки туда и летом и зимою носили исключительно увеселительный характер, ради прогулок и отдыха. Я не сомневаюсь, что если не у всех, то у большинства пребывание в Лупеве оставило приятные воспоминания» (РГАЛИ, ф. 1292, оп. 3, ед. хр. 11, л. 2).
[2] Ныне Ленинградский вокзал. Телешов, вероятно, отказался от поездки (см. коммент. 2 к п. 292).

292. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

29 декабря 1897

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 21, л. 9–10.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 478.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте и по ответному письму Телешова (см. коммент. 2).

[1] См. коммент. 1 и 3 к п. 288.
[2] В ответ на это Телешов писал 30 декабря 1897 г.: «Дорогой Иван Алексеевич, очень благодарен вам за переданное приглашение, но снова мне приходится отказаться, так как Новый год я уже обещал встретить у моих знакомых, где бываю много лет в эту ночь. Прошу передать г-м Беркенфельдам мою благодарность за внимание. Я с удовольствием приехал бы к ним, но не могу нарушить обычного посещения» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 478–479).
[3] В настоящее время на месте Горохова поля расположена улица Казакова, бывшая Гороховская; Вознесенская — ныне улица Радио; Елизаветинский институт — один из институтов благородных девиц для обучения дочерей дворян, военных, чиновников, духовенства, купечества. Основан в 1825 г. С 1931 г. в этом здании находится Московский областной педагогический институт им. Н.К.Крупской (ныне Московский педагогический университет).
[4] И.А.Белоусов.

[5] Речь идет о рассказе Телешова «Домой», напечатанном с подзаголовком «Из жизни сибирских переселенцев» в журнале «Детское чтение» (1898.— № 3.— С. 255–271).

[6] Письмо неизвестно.

[7] Речь идет о рассказе «Сухая беда» (см. коммент. 2 к п. 280).

293. Н.В.ГАВРИЛОВУ

16 января 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 1.

Датируется по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

В верхнем левом углу письма помета Гаврилова: «Отвеч. 18/I».

Гаврилов Николай Васильевич — сотрудник товарищества «Издатель» в Петербурге. Письма Гаврилова к Бунину неизвестны.

[1] Бунин ошибочно написал отчество Гаврилова.

[2] Книга стихотворений Бунина в товариществе «Издатель» не выходила.

294. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 января 1898

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 22, л. 1.

Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 479.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю и по содержанию. Открытка.

295. П.А.ЕФРЕМОВУ

23 марта 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 357, оп. 4, ед. хр. 16, л. 1–2.

Ефремов Петр Александрович (1830–1907/08) — публикатор и комментатор сочинений русских писателей, библиограф; член-корреспондент Российской Императорской Академии наук. Известно только одно письмо Ефремова к Бунину 1898 г. (ОГЛМТ).

[1] В ответном письме от 7 апреля 1898 г. Ефремов писал: «Прошу покорнейше извинить меня, что <...> я несколько запоздал ответом на Ваше письмо. Статью Вашу будем ожидать в начале или в половине августа, но конечно были бы очень благодарны, если бы Вы ее прислали несколько раньше. Сборник предполагаем начать печатанием не позже второй половины августа» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3410 оф).

[2] Речь идет о книге — Памяти В.Г.Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов с тремя фототипиями.— М.: Изд. Пензенской общественной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова, 1899. В этом сборнике было опубликовано стихотворение Бунина «Вчера в степи я слышал отдаленный...» (с. 565–566).

296. Е.М.ЛОПАТИНОЙ

11 апреля 1898

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2876 оф.

Место написания определено по содержанию и по связи с дневниковой записью Бунина за 1898 г.: «Ранней весной, кажется, в Москве, в “Столице”. Лопатина». (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 339).

Письмо без конца.

Лопатина Екатерина Михайловна (1865–1935; лит. псевд. К.Ельцова) — прозаик, сестра философа Л.М.Лопатина. Бунин познакомился с ней в редакции журнала «Новое слово» в январе 1897 г., бывал в московском доме Лопатиных на углу Гагаринского и Хрущевского переулков. «На их журфиксах бывало общество смешанное: аристократы, иногда сам Толстой, ученые, философы, друзья брата, судейские» (*Муромцева-Бунина.*— С. 168). Воспоминания Лопатиной о Л.Н.Толстом Бунин привел в книге «Освобождение Толстого» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 6.— С. 33–34, 77, 80–91, 93–96). В дачный сезон Бунин встречался с Лопатиной в Царицыно, где помогал в чтении корректуры ее романа «В чужом гнезде» и редактировал его. В эмиграции Бунин вспоминал о Лопатиной: «Она была худая, болезненная, истерическая девушка, некрасивая <...> Правда, в ней было что-то чрезвычайно милое, кроме того, она занималась литературой и любила ее страстно. <...> У меня же не было ни малейшего чувства к ней, как к женщине. Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме. <...> Она мне нравилась потому, что нравился дом...» (*Кузнецова.*— С. 217). После 1917 г. Лопатина эмигрировала во Францию, где встречалась с Буниным в Грассе в 1930-х гг. Письма Лопатиной к Бунину неизвестны.

В Петербурге 22 февраля 1898 г. Лопатина записала в дневнике: «Возвращаюсь однажды к дяде Вл. Л. и нахожу телеграмму Бунина с извещением о том, что он едет. Утром он пришел к дяде, и весь день мы почти не расставались... То провожал меня в “Сын отечества”, то отвозил еще куда-нибудь, поправлял оттиски моего романа, и раз я была у него в номере на Пушкинской. Понемногу все стали замечать, намекать на его любовь... Вечером он ждал меня в Союзе писателей. Я никогда этого вечера не забуду. Никогда, кажется, я его таким не видала. Так был бледен, грустен, мил. Так мы тихо, грустно и хорошо говорили... Он поправлял мой второй оттиск, хвалил эту часть. Мне было страшно грустно, и казалось, что у него на глазах слезы... Из Союза он пошел за мной, провожать меня. Как я помню эту ночь. Шел снег, что-то вроде метели... Наконец, уже на Садовой, мы заговорили, и все было сказано. Мне вдруг стало легко говорить с ним. Мы пешком дошли до Морской, и было так грустно. Я сказала ему, что боюсь его увлечения, его измученного лица и странного поведения, иначе не стала бы говорить; что я не могу пойти за ним теперь, не чувствую силы, не люблю его настолько. Он говорил о том, как никогда и не ждал этого, как во мне он видит весь свет своей несчастной жизни; он не боялся этого, потому что ему нечего терять, ему уже давно дышать нечем; без меня у него тоска невыносимая, но это не какая-нибудь обыкновенная влюбленность, которую легко остановить, а трезвое, настоящее чувство, очень сложное, и расстаться со мною ему невыносимо уже теперь... Вечером он пришел на вокзал, бледный, даже желтый, и сказал мне, что, вероятно, уедет в понедельник в Нормандию. И тут же говорил, что поправит и пришлет мне с поправками весь мой роман...» (*Материалы (2)*.— С. 64–65). В Москве 12 марта 1898 г. Лопатина записала в дневнике: «Иван Алексеевич приехал дня через два после того, как я писала в последний раз, и в среду уже был у меня. Он у меня постоянно, мы вместе работаем... Мне теперь с ним легко, в наших отношениях есть много поэтичного, и, хотя часто меня пугает мысль, что с ним будет, думаю, что иначе поступить я не должна» (*Материалы (2)*.— С. 65).

[1] Лопатина родилась 8 апреля.

297. С.Н.КРИВЕНКО

6 мая 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 8–9.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] Бунин, по-видимому, в Пензу не ездил.

[2] Письма из Пензы о чествовании памяти Белинского в «Сыне отечества» не печатались.

[3] Речь идет о романе К.Ельцовой «В чужом гнезде», публиковавшемся в журнале «Новое слово» (1896.— № 3; 1897.— № 4–10). Отдельное издание романа «В чужом гнезде» вышло в товариществе «Издатель» (СПб., 1899), сотрудником которого был Н.В.Гаврилов.

[4] См. п. 316.

298. Н.В.ГАВРИЛОВУ

7 мая 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 2–3.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания». В начале письма в правом верхнем углу имеется помета: «Просим выслать оригиналы стихот. не печат. Исп. 11/V 98-319».

[1] См. коммент. 2 к п. 293.

299. Ю.А.БУНИНУ

8 или 9 мая 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 50.
Дата и место написания определены на основании п. 298 и п. Н.Телешова к Бунину от 30 мая 1899 г., в котором он писал: «Как-то не верится, что в прошлом году 9 мая мы с тобой купались в Царицыне» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 490).

[1] Имеются в виду, вероятно, события, описанные в п. 245.

300. Ю.А.БУНИНУ

1 июня 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 148–149.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания», который перечеркнут.

[1] Письма неизвестны.

[2] Имеется в виду поэт и публицист Алексей Михайлович Жемчужников (1821–1908).

[3] Речь идет, вероятно, об отношениях между Буниным и Е.М.Лопатиной, с которой он встречался в Царицыно.

[4] Имеется в виду издание книги Бунина «Под открытым небом: Стихотворения» (М., 1898), выпущенное редакцией журнала Д.И.Тихомирова «Детское чтение».

[5] Имеется в виду Е.М.Лопатина.

301. А.М.ФЕДОРОВУ

1 июня 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 1–2.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Во второй половине июня 1898 г. Бунин приехал к Федорову в Люстдорф под Одессой.

302. Е.М.ЛОПАТИНОЙ

16 июня 1898

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2770 оф.
Место написания определено по содержанию и по связи с записью Бунина в дневнике за 1898 г.: «Начало лета — Царицыно» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 339). В Царицыне — дачном месте под Москвой Лопатины и Бунин снимали дачи.
Черновик письма.
На л. 1 письма вверху написано карандашом рукой Бунина: «Я бы скоро примирился со всем. Меня ждет безрадостная жизнь. Поп с жереб.» На л. об. внизу написано рукой Бунина: «*Чайка.* Северная легенда» (первоначальное название рассказа Бунина «Велга», написанного в 1898 г.).

[1] Е.М.Лопатина писала в дневнике: «*Двадцать второго февраля 1898, Петербург.* <...> Сегодня я послала ему письмо. Я говорила ему, что мне грустно, что я хочу его видеть и хочу, чтобы он знал это, но не зову его...» (*Материалы (2)*.— С. 65).
[2] О прощании с Е.М.Лопатиной в дневнике за 1898 г. Бунин писал: «Прощание поздним вечером (часу в одиннадцатом, но еще светила заря, после дождя), прощание с Лопатиной в лесу. Слезы и надела на меня крест (иконку? и где я ее дел?)» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 339).

303. Ю.А.БУНИНУ

18 июня 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 135.
Открытка.

[1] Речь идет о взаимоотношениях с Е.М.Лопатиной.

304. Ю.А.БУНИНУ

24 июня 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 137–138.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 67 (отрывок).

[1] Бунин уехал от А.М.Федорова, вероятно, в конце июля 1898 г. См. п. 306.
[2] Свадьба состоялась 14 октября 1898 г. М.А.Бунина вышла замуж за И.А.Ласкаржевского. Бунин на свадьбе не был. Отношение Бунина к замужеству сестры и ее жениху проявляется в недатированном письме М.А.Буниной к братьям: «Милые и дорогие Юрочка и Ваничка! Что же Вы не пишете <...> мать-то чем виновата, она

страшно беспокоится о вашем здоровье, особенно о твоем, Ваня. Евгений говорит, что ты был болен и мать, разумеется, очень горюет, она благодарит вас за гостинцы. <...> Милый Ваня, никогда я от тебя не ожидала, что мне Евгений передал, т.е. ты хочешь приехать и *вышвырнуть* моего жениха, я, разумеется, ничуть этого не боюсь, но по правде сказать, меня это возмутило и я, разумеется, пожалела, что так искренно и душевно писала тебе, но ты не понял и так грубо отнесся, мне только горько стало до глубины души, что я не вовремя написала и так ошиблась, в сочувствии, оказывается, лучше всего замкнуться в самой себе, я, конечно, это говорю потому, что вы всегда сами говорили, что я груба, неоткровенна, ан и нельзя с людьми быть душевной! И потом, ты беспокоишься, что я выйду замуж и рассчитываю на ваши средства, клянусь тебе честью <...>, что никогда мне в голову это не приходило. Нехорошо, милый Ваня, так грубо отталкивать всем человека, который, может быть, за это время и так измучен всей этой историей. Не сердись, что я тебе так написала, обидно только стало. <...>» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2979/2 оф).

[3] Речь идет об издателе Дмитрии Васильевиче Байкове, с которым Бунин заключил 30 апреля 1898 г. Договор о напечатании перевода «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло тиражом 3650 экз. (ОГЛМТ, ф. 14, № 5814).

[4] Поездка не состоялась. См. п. 306.

[5] Именно в этот свой приезд к А.М.Федорову Бунин познакомился с Александром Ивановичем Куприным (1870–1938). Позднее Бунин вспоминал об этой встрече: «Я поставил на него ставку тотчас после его первого появления в “Русском богатстве” и потому с радостью услыхал однажды, гостя у писателя Федорова в Люстдорфе, под Одессой, что к нашим сожителям по даче Карышевым приехал писатель Куприн, и немедля пошел с Федоровым знакомиться с ним. Лил дождь, но все-таки дома мы его не застали, — “он, верно, купается”, — сказали нам. Мы сбежали к морю и увидали неловко вылезающего из воды невысокого, слегка полного и розового телом человека лет тридцати, стриженного каштановым ежиком, близоруко разглядывающего нас узкими глазами. “Куприн?” — “Да, а вы?”. Мы назвали себя, и он сразу просиял дружеской улыбкой, энергично пожал наши руки своей небольшой рукой (про которую Чехов сказал мне однажды: “Талантливая рука!”). После знакомства мы сошлись с ним удивительно быстро, — в нем тогда веселости и добродушия было так много, что на всякий вопрос о нем, — кроме того, что касалось его семьи, его детства, — он отвечал с редкой поспешностью и готовностью своей отрывистой скороговоркой <...> В это чудесное лето, в южные теплые звездные ночи мы с ним без конца скитались и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем, и я все приставал к нему, чтобы он что-нибудь написал, хотя бы просто для заработка» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 8.— С. 263–264). См. также коммент. к п. 615.

[6] Имеется в виду книга Бунина «Под открытым небом: Стихотворения» (М., 1898), изданная редакцией журнала Д.И.Тихомирова «Детское чтение». Книга вышла в августе 1898 г.

[7] Речь идет о рассказе «Велга», который Бунин посылал в редакцию журнала «Всходы» (см. п. 318).

305. С.Н.КРИВЕНКО

Конец июня — начало июля 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 14.

Дата и место написания определены по содержанию: с конца июня до конца июля 1898 г. Бунин жил в Люстдорфе у А.М.Федорова. См. также п. 303.

Написано на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

[1] Брат А.М.Федорова. Рассказ Ф.М.Федорова «Дипломат» не был опубликован в газете «Сын отечества».
[2] См. п. 316 и коммент. 1 к нему.

306. Ю.А.БУНИНУ

Между 17 и 19 июля 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 26–29.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 69–71 (с купюрами, с неточной широкой датировкой: июль — сентябрь 1898 г.).
Дата и место написания определены по содержанию: Бунин хотел получить ответ от Ю.А.Бунина к 26 июля, письмо из Одессы в Москву идет 2–3 дня, также обратно, следовательно, данное письмо должно было быть послано между 17 и 19 июля 1898 г.

[1] См. коммент. 3 к п. 304.
[2] Речь идет о семье Цакни — Николай Петрович (?–1904) — издатель и редактор газеты «Южное обозрение» (в которой с июля 1898 г. часто печатался Бунин), Элеонора Павловна (урожд. Ираклиди) — жена Н.П.Цакни, мачеха А.Н.Цакни, Цакни Анна Николаевна (1879–1963) (см. также коммент. к п. 329).
[3] Речь идет об одесской газете «Южное обозрение», редактором которой был К.Н.Новосельский как до продажи газеты Н.П.Цакни, так и после — до 8 сентября 1898 г. С этого дня редактором-издателем газеты стал А.В.Лазарис. Н.П.Цакни финансировал газету и был фактическим редактором ее, однако его имя ни в качестве редактора, ни издателя в газете обозначено не было. 7 января 1898 г. А.М.Федоров сообщал Бунину о судьбе газеты: «Теперь газета переходит от Новосельского, потерпевшего убытки в 15 тысяч, к Н.П.Цакни» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 24–25).
[4] Имеется в виду издатель журнала «Вестник воспитания» Н.Ф.Михайлов.
[5] Имеется в виду, вероятно, брат жены Н.П.Цакни Э.П.Цакни — Александр Павлович Ираклиди.
[6] Павел Николаевич Цакни — сын Н.П. и Э.П.Цакни. Домашние звали его — Беба, т.к. он родился в Париже и получил эту кличку от своей русской няни, слышавшей как французы называют детей (Bèbè) (*Материалы (2)*.— С. 330).
[7] Очевидно, в этот день было получено разрешение родителей А.Н.Цакни на ее брак с Буниным. Когда в конце июля 1898 г. Бунин уехал в Огневку, А.Н.Цакни писала ему 14 августа 1898 г.: «Милый мой, получила ваше письмо, оно успокоило меня. Вы напрасно просите меня проверить себя, верьте мне, я никогда вас не забуду. Мне ужасно скучно и тоскливо без вас! Время тянется страшно долго, одно утешение — Ваши рассказы, мы с мамой все прочли. Жду вас с нетерпением, Ваша А. Наши кланяются. Беба целует. Ваше письмо никто не читал» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/2 оф). 24 августа 1898 г. А.Н.Цакни вновь писала: «Милый, дорогой мой, получила сегодня ваше второе письмо; не понимаю, каким образом вы моего не получили, я ведь писала вам; меня очень мучит то, что вы думаете, что я вам не писала; как вы могли это подумать! Милый мой, не могу больше, страшно тоскливо без вас; зачем вы говорите, что я забыла вас! Этого никогда не будет. Не могу вам описать моего настроения в настоящую минуту; ужасная тоска, я плакать готова. Не могу писать. Ты понимаешь меня? Повторяю вам, что я одна читаю ваши письма. Пишите. Ваша А.Ц. Наши кланяются, Беба ждет вас с нетерпением. Мама просит сказать вам, что соскучилась без вас. Не забудьте вашего обещания написать когда приедете» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/1 оф). Письма Бунина к А.Н.Цакни этого периода неизвестны.

[8] Газета «Южное обозрение» (1898.— 3 авг. (№ 546).— С. 3) сообщала, что 26 июля в Люстдорфе на даче г. Вирта состоялся литературно-музыкальный вечер, в литературной части которого приняли участие И.Бунин, К.Д.Бальмонт, А.М.Федоров.

307. П.А.ЕФРЕМОВУ

13 августа 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 94, л. 1.

[1] Апраксино — другое название почтовой станции Лукьяново.
[2] См. коммент. 2 к п. 295.

308. С.Н.КРИВЕНКО

19 августа 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 10–11.

[1] Имеется в виду «Общество взаимопомощи русских писателей» или, как его кратко называли, «Союз писателей», созданный в январе 1897 г.
[2] См. коммент. 2 к п. 293.
[3] Имеется в виду книга «Под открытым небом. Стихотворения» (М.: Изд. журнала «Детское чтение», 1898).

309. С.Т.СЕМЕНОВУ

Конец августа 1898

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 37, ед. хр. 48, л. 2.
Впервые: *Яснополянский сб. (1984).*— С. 89–90 (с неточностями, без датировки и отнесением письма к июню 1898 г.).
Дата и место написания определены по содержанию, по ответному письму Семенова (см. коммент. 2) и по публикации в «Южном обозрении» нового списка сотрудников газеты, в числе которых упомянут С.Т.Семенов (печатался с 19 сентября 1898 г.).

[1] Н.П.Цакни (см. коммент. 3 к п. 306).
[2] В ответном письме от 7 сентября 1898 г. Семенов писал: «Я с удовольствием пришлю Вам для “Южного обозрения” небольшой рассказ. Пришлю я его Вам, вероятно, недели через две <...> Очень буду рад, если мое имя, вместе с другими сослужит рекомендуемой Вами газеты какую-нибудь службу» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3136/1 оф). В письме от 1 октября 1898 г. Семенов сообщал: «Посылаю Вам заказной бандеролью небольшой рассказ “Напасть” для “Южного обозрения”. Прошу по напечатании его прислать несколько экземпляров того №, где он будет напечатан. А еще лучше бы, если бы мне прислали несколько №№ газеты, чтобы познакомиться с нею» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3136/2 оф). Рассказ Семенова «Напасть» был опубликован в «Южном обозрении» 26 октября 1898 г. (№ 624).
[3] В новом списке приглашенных сотрудников «Южного обозрения» (1898.— 19 сент.) из перечисленных лиц значились В.М.Михеев и Н.Д.Телешов. Письмо Бунина к Михееву неизвестно. Имена Д.Н.Мамина-Сибиряка и Вас.И.Немировича-Данченко в списке сотрудников газеты появились только в январе 1899 г.

310. Ю.А.БУНИНУ

Середина сентября 1898

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2792 оф.
Дата и место написания определены по содержанию: письмо было написано до свадьбы Бунина с А.Н.Цакни, состоявшейся в Одессе 23 сентября 1898 г.

[1] Бунин ездил в Полтаву для переговоров с сотрудниками «Полтавских губернских ведомостей» с целью привлечения их к изданию «Южного обозрения».
[2] В Одессе Цакни жили на Херсонской ул., д. 40, кв. 17 (ныне ул. Пастера, д. 44).
[3] С начала июля 1898 г. в газете «Южное обозрение» печатались стихотворения Бунина, в середине сентября был опубликован его рассказ «В летний вечер» (1898.— 19 сент. (№ 589).— С. 2).

311. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина сентября 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 4.
Датируется по содержанию и по п. 318.
Письмо без начала.

[1] См. коммент. 2 к п. 293.
[2] Имеются в виду книги А.П.Чехова, изданные А.С.Сувориным: «Рассказы» (СПб., 1888), «В сумерках. Очерки и рассказы» (СПб., 1887), «Хмурые люди. Рассказы» (СПб., 1890).

312. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 сентября 1898

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 22, л. 2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 480.

[1] Бунин поздравляет Телешова с предстоящей женитьбой на художнице Елене Андреевне Карзинкиной (1861–1943). Свадьба была отпразднована 27 сентября 1898 г., затем молодожены уехали в свадебное путешествие по Италии.
[2] Речь идет о женитьбе Бунина на А.Н.Цакни, венчание состоялось 23 сентября 1898 г.
[3] Речь идет о корреспонденциях для газеты «Южное обозрение».

313. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 139–140.
Место написания определено по содержанию.

[1] См. коммент. 2 к п. 312.
[2] Письмо неизвестно.
[3] Письмо М.И.Селитренникова неизвестно.

314. Ю.А.БУНИНУ

1 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 141–142.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 72 (отрывок).
Место отправления определено по содержанию.

[1] Т.е. 26 сентября 1898 г.
[2] См. коммент. 3 к п. 304.
[3] См. коммент. 1 к п. 312.
[4] Бунин приехал в Москву 1 декабря 1898 г.

315. Н.В.ГАВРИЛОВУ

3 октября 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 5.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 293.

316. С.Н.КРИВЕНКО

3 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 12.
Впервые: *Весна пришла*.— С. 233.

[1] Рассказ «Велга» с подзаголовком «Северная легенда» и посвящением Н.Д.Телешову был опубликован в газете «Сын отечества» 25 декабря 1898 г. (№ 350).
[2] См. коммент. 2 к п. 312.
[3] В Одессе Бунин с А.Н.Цакни жили в доме ее родителей (см. коммент. 2 к п. 310). Имение семьи Цакни было под Одессой — Краснополье (или Затишье). Затишье — станция Юго-Западной железной дороги, по пути из Одессы на Раздольное (*Материалы (2)*.— С. 72).
[4] См. коммент. к п. 325.

317. А.А.КОРИНФСКОМУ

7 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 257, оп. 2, ед. хр. 10, л. 1.
Написано на бланке редакции газеты «Южное обозрение».

[1] С июля 1898 г. Бунин сотрудничал в газете «Южное обозрение». Попытка Бунина стать официальным редактором газеты в конце 1898 г. потерпела неудачу: Главное управление по делам печати не утвердило его кандидатуру (подробнее об этом см.: Блюм А. Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов.— 1968.— № 7.— С. 283–284). Однако Бунин продолжал активно участвовать в редактировании газеты до начала 1900 г.
[2] В «Южном обозрении» в списке новых сотрудников газеты имя А.Коринфского появилось с 23 октября 1898 г. (№ 621), но его произведения в газете в 1898–1899 гг. не печатались.

[3] С июля 1898 г. в «Южном обозрении» были опубликованы стихотворения К.Д.Бальмонта — «Все, что любим, все мы кинем...», «Ожиданьем утомленный, одинокий, оскорбленный...», «Цветы нарцисса», «Искры», «Два эскиза»: 1. «Зимние сумерки», 2. «Я тебя победил», «Мне странно видеть лицо людское...», «В тот миг», «Алая и белая», «Прощай!..», «Вольный ветер», «Она, как русалка...» (19, 26 июля; 2, 9, 14, 15, 23, 26 августа; 6 сентября); А.М.Федорова — «Раздумье», «Душа», «В день, когда меня злобно осудит...», «Сердце», «Мы сидели у волн голубых...», «Когда?», «Первая любовь», «Зачем жалеть о мотыльке...», «Листопад», «Осень», «Сердце поэта» (19, 26 июля; 2, 9, 15, 23, 30 августа; 6, 20, 21 сентября; 1 октября); Л.М.Медведева — «На кладбище», «Серенада», «Горят огни светил в задумчивой тиши...» (13, 21 сентября; 4 октября); И.Бунина — «Истомлена полдневным зноем...», «В твоих задумчивых, внимательных глазах...», «Снова сон пленительный и сладкий...», «В июле», «Счастлив я, когда ты голубые...», «Я покинул тебя... Я навек схоронил...», «О, замолчи, забудь — не вспоминай о том...», «Родине» (4, 5, 12, 19, 26 июля; 30 августа; 20 сентября; 4 октября), а также были опубликованы переводы А.Федорова и И.Бунина. За это же время были напечатаны рассказы А.Федорова, а позднее публиковались рассказы С.Д.Махалова, С.Семенова, Л.А.Авиловой.

[4] Имеется в виду отклик А.Коринфского на стихотворения А.Федорова, опубликованные в № 8 журнала «Вестник Европы» за 1898 г. (Север.— 1898.— № 33 (16 авг.).— Стб. 1045–1047). Особо было выделено стихотворение «Моему сыну».

318. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 143–146.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 72 (отрывок).
Место написания определено по содержанию.

[1] См. п. 314.
[2] Письмо неизвестно.
[3] Письмо неизвестно.
[4] Имеется в виду рассказ «Без роду-племени», который был опубликован в журнале «Мир Божий» (1899.— № 4.— С. 19–33) с подзаголовком «Из повести о современных людях».
[5] На Чайке // Всходы.— 1898.— № 21 (1 нояб.).— Стб. 143–164.
[6] Речь идет о рассказе «Кукушка», который был опубликован в журнале «Всходы» (1899.— № 1 (1 янв.).— С. 24–37).
[7] Имеется в виду издание перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате», которое вышло в московском издательстве «Книжное дело» в 1899 г.
[8] См. коммент. 2 к п. 293 и п. 311.
[9] П.Н.Цакни.
[10] Эти письма Н.Телешова неизвестны.
[11] М.А.Бунина (Ласкаржевская) писала письма практически всегда без дат, к тому же часть ее писем, адресованных почти всегда одновременно двум братьям — Ивану и Юлию, находится в ОГЛМТ в фонде Ю.А.Бунина, который еще не разобран. Основная тема в письмах сестры — бедность, просьбы о помощи, сообщения о болезнях, о тяжелом материальном и моральном состоянии в семье.
[12] Письма неизвестны.
[13] Письмо неизвестно.

[14] Имя В.М.Михеева появилось в списке сотрудников газеты «Южное обозрение» 19 сентября 1898 г. Но его произведение появилось в газете лишь в следующем году — «Голубка. Рассказ» (1899.— 10, 11, 12, 15, 16 апр. (№ 780, 781, 782, 785, 786)).

[15] Рецензия на книгу Бунина «Под открытым небом: Стихотворения» (М., 1898) была опубликована в журнале «Вестник воспитания» (1898.— № 7 (нояб.).— С. 37.— Подпись: О.О.). Рецензент писал: «Маленькая, изящно изданная книжечка стихотворений г. Бунина "Под открытым небом" производит очень приятное впечатление. В ней мы находим несколько прекрасных стихотворений, отличающихся изящным стихом, глубиной и силой поэтического чувства и настроения, от которых не отказался бы и крупный поэт, каковы, наприм., "В Гефсиманском саду", "Мать", "На родине". Большинство стихотворений, впрочем, посвящено описанию природы и вызываемых ею в авторе настроений. Хотя все они отличаются несомненно искренним чувством и изяществом стиха, но вряд ли многие из них, по выраженному в них настроению, будут достаточно оценены и восприняты детским чувством. Для этого недостает в них большей определенности, яркой образности и простоты».

[16] Имеется в виду рецензия А.Скабичевского на книгу Бунина «Под открытым небом» (Сын отечества.— 1898.— 28 сент. (№ 262).— С. 4.— Подпись: А.С.). Рецензент писал: «Г. Бунин известен был до сих пор нам как начинающий беллетрист, написавший несколько небольших рассказов, обнаруживающих задатки несомненного таланта. Ныне он является перед нами поэтом, и поэт оказывается талантливее беллетриста. Недаром из всех прозаических рассказов г. Бунина наиболее обратил на него внимание публики и критики рассказец "На край света", который пленил читателей именно своею свежестью и оригинальною поэтичностью и, читая его, вам делалось даже жаль, зачем он написан прозою, а не стихами. <...> Стихи написаны для детей, тем не менее, и взрослые могут прочесть их не без удовольствия, по крайней мере, автор этой рецензии, начавший читать эту книжечку, не в силах был оторваться от нее, пока не дочитал до конца. Главное достоинство стихотворений г. Бунина заключается в том, что в них вы замечаете не одно холодное эстетическое созерцание красот природы; вас невольно подкупает та живая горячая любовь к природе родного края, которая проникает во все стихотворения г. Бунина. <...> Одним словом, поэт живет перед вами природою родного края и вас научает любить и сливаться с нею. Не знаю, какое впечатление производят стихотворения г. Бунина на детей, но такое именно произвели они на меня, взрослого человека».

[17] Имеется в виду рецензия на книгу «Под открытым небом» (Мир Божий.— 1898.— № 10.— С. 74–75.— Без подписи), из сообщения в письме видно, что она принадлежала А.И.Богдановичу. Рецензент, в частности, писал: «Среди стихотворцев и беллетристов последнего времени г. Бунин выгодно выделяется несомненной поэтической искоркой, задушевностью, простотой и подкупающей искренностью. <...> природа занимает главное место, ей посвящено преимущественное внимание поэта, который всецело поддается обаянию неуловимой смены впечатлений степи, леса, воды, тихой жизни деревни, или затерявшегося в необозримом пространстве полей хутора. В легких, проникнутых цельным настроением картинках рисуются, как бы подернутые туманом, весеннее оживание природы, мечтательная весна, жаркое лето, грусть осени и бодрящее чувство зимнего утра. Г. Бунин умеет чутко вслушиваться в бесконечное разнообразие звуков леса и степи, пустынных полей, моря бесконечной волнующейся пшеницы, умеет подметить бесчисленные переливы красок стелющихся по лугам туманов, облаков, озаренных закатом, вспыхивающих, словно зарево костров, при первых лучах солнца горных вершин, багряно-золотистых сосен, темных дубов и серебристых берез. Каждый его пейзаж дает вполне законченную, тщательно сотканную изящную картинку, всегда проникну-

тую настроением. <...> И замечательная авторская черта, — человек отсутствует в поэзии г. Бунина. Можно сказать, природа подавила автора, он настолько подчинился ей, что ее настроение вытеснило в нем собственное чувство; свои радости и печали, мечты, надежды, гнев, любовь — все это исчезло перед подавляющей силой природы. И даже когда автор желает стряхнуть с себя этот гнет, вернуться к себе, к своему внутреннему миру — он не может. Стихотворения такого типа, где не природа занимает поэта, крайне слабы, высокопарны, деланны и производят впечатление вымученности и неискренности, как, напр., “Вечерняя молитва”. Затем, существеннейшим недостатком г. Бунина как поэта, является слабость его стиха. Ни одного яркого, энергичного выражения, сильного эпитета, страстной, вырвавшейся из сердца строфы. Сплошной минорный тон его стихотворений утомляет. В его грусти нет ничего бодрящего, в его печали чувствуется болезненная расслабленность, мечтательная вялость и хилость человека, мало жившего, но уже усталого, робко льнувшего к мертвой природе и боязливо сторонящегося жизни с ее борьбой, подчас жестокой, но возбуждающей и всегда живительной. Его идеал тихий, затерявшийся в степи хуторок над прудком, окруженный садиком, вдали темная полоса синеющего леса, необозримая гладь впереди — и царящий над всем легкий шум ветерка. Здесь чувствует он себя привольно, погруженный в мечтательное настроение созерцателя, любующегося тихими сменами времен года, наслаждающегося свободой и привольной жизнью “под открытым небом”».

319. Ю.А.БУНИНУ

19 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 150–152.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 72–73 (отрывок).
Письмо написано карандашом.

[1] 15 октября 1898 г.
[2] Имеется в виду дом Пушешниковых в имении Васильевское в селе Глотово.

320. Н.В.ГАВРИЛОВУ

20 октября 1898

Печатается по подлиннику: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 6.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

[1] См. коммент. 2 к п. 293.

321. Н.В.ГАВРИЛОВУ

22 октября 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 7.
См. коммент. 2 к п. 293.

322. С.Н.КРИВЕНКО

26 октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 13.
Написано на бланке редакции газеты «Южное обозрение».

[1] См. коммент. 2 к п. 325.
[2] См. коммент. 1 к п. 316.
[3] Кроме рассказа «Велга» в газете «Сын отечества» художественные произведения Бунина не появлялись.

323. Ю.А.БУНИНУ

Конец октября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 42–43. Датируется по содержанию.

[1] См. коммент. 6 к п. 318.
[2] См. коммент. 1 к п. 316.
[3] См. коммент. 4 к п. 318.
[4] См. коммент. 7 к п. 318.
[5] См. коммент. 2 к п. 293.
[6] Об этом событии подробно сообщал С.П.Балабуха в письме к Ю.А.Бунину без даты: «Вчера нам объявили распоряжение министра внутренних дел о высылке из пределов губернии на 3 года и с воспрещением службы по земству навсегда <...> за написание бумаги, осуждающей поступок директора школы садоводства Налимова, состоявший в доносе на одного человека (давшего брошюру запрещенную ученику школы) в жандармское управление. Бумага эта названа по мотивам своим преступною, направленною против правительства содержания. <...> Думаем жаловаться в сенат, но придется выехать в 7 дней из Полтавы. Шклярсвич сыграл очень пакостную роль, став на защиту Налимова. Теперь, говорят, и губернатор и Шклярсвич прямо изумлены происшедшим. На нас донос сделал Налимов. Шклярсвич едет в Петербург. В бумаге, которую мы послали, сказано: рассмотрев такой-то поступок Налимова и принимая во внимание, что следствием доноса был арест человека, что у Налимова, как у педагога, были все средства предупредить распространение книг и без доноса, что поступок Налимова нарушает все традиции земства, которые шли вразрез с административным произволом, — мы постановили исключить Налимова из своей среды. Высылаются 27 человек: Святловский, Лисовский, Пищемура, <нрзб.>, Якбур, Николаев (весь секретариат), Рейдер, Зинченко, Николаев (можно сказать, все страховое отделение), Тихомиров, Фисун, Стефанович, Пешехонов, я, Селитренников, Дробыш, Розалтон-Сошальская, доктор Трофимов, Скляревич, Вера Вас., Малытинский, Олеховский, Симоненко, Медяник, Шевляник, Лисенко, Падалка, Ротмистров, не подписавший бумаги за отсутствием, тоже присоединяется к нам» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3340/7 оф).
[7] См. коммент. 2 к п. 325.
[8] См. коммент. 2 к п. 304.

324. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина ноября 1898

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 9. Датируется по содержанию и по связи с п. 320, 321.

[1] См. коммент. 2 к п. 293.

325. Ю.А.БУНИНУ

21 ноября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 125.
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] Бунин вместе с женой выехал из Одессы 29 ноября 1898 г. и приехал 1 декабря в Москву. См. телеграмму 327.

[2] Бунин записал в дневнике: «В декабре <...> в Москву с Аней. Первое представление "Чайки" (17 дек.), мы были на нем. Потом Птб., номера на Невском (на углу Владимирской)» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 340). В Петербурге Бунин с женой прожил недолго, через несколько дней они вернулись в Москву, а 23-го декабря А.Н.Бунина уехала в Одессу. Бунин остался у брата в Москве. По приезде в Одессу А.Н.Бунина в недатированном письме сообщала Бунину: «Цуцик мой, когда же ты мне напишешь? Приезжай поскорей, тут так хорошо, светло <...> В день моего приезда, на первый день Рождества, собралась вся редакция, все репортеры и контора, праздновали 2-х летний юбилей "Южного обозрения", Лисовский говорил речи, Ландо ссорился со всеми, Недолин спорил и ругался; когда приедешь, расскажу все, что говорил Лисовский. Федоров был не в духе, молчал все время; он стал мрачный, вся веселость пропала, кутит с художниками, Бог знает что. Жаль, что тебя не было на собрании. <...> Скучно мне без тебя, а тебе? <...> Напиши, когда приедешь, родной мой цуцик» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/4 оф).

[3] 5 января 1899 г. Бунин выехал из Москвы в Калугу, где с декабря 1898 г. жила с матерью М.А.Ласкаржевская, которая переехала туда с мужем. В декабре М.Ласкаржевская писала Ю.Бунину: «Теперь уже мы живем в Калуге. <...> Адрес мой Калуга, Московская улица, дом Ключаровой, квартира Зинкевича, Людмиле Александровне Буниной» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3354/59 оф). Из Калуги Бунин поехал в Одессу, куда прибыл 21 января.

326. И.А.БЕЛОУСОВУ

22 ноября 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 16.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 1 к п. 325.

327. Ю.А.БУНИНУ

29 ноября 1898

Печатается по подлиннику: ОГЛМТ, ф. 14, № 3272 оф.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке и по почтовому штемпелю. Телеграмма.

[1] Т.е. 1 декабря.

328. Ю.А.БУНИНУ

18 или 19 декабря 1898

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 123.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 325 (см. коммент. 2 к нему).

[1] Имеется в виду подготовка к изданию перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате», вышедшего в Москве в 1899 г.
[2] См. коммент. 2 и 3 к п. 325.

329. А.Н.БУНИНОЙ (ЦАКНИ)

31 декабря 1898

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2885 оф.
Место написания определено по содержанию.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».
Совместная жизнь Бунина и А.Н.Цакни оказалась недолгой, уже в марте 1900 г. супруги расстались. От этого брака у Бунина родился сын Коля. Из писем Бунина к жене известно только одно это письмо, остальные, возможно, были утрачены. Письма Цакни к Бунину 1898–1910 гг. (ОГЛМТ) сохранились лучше.
В ответном недатированном письме А.Н.Бунина писала мужу:
«Милый мой, бедный цуцик, тебе скучно там, отчего же ты так долго сидишь там? Разве ты не кончил Гайавату? Ты говорил, что поедешь на новый год к матери. Милый, постарайся скорей приехать! Если ты выедешь только 5 в Калугу, у нас ты будешь через дней десять: что же ты не хочешь приезжать? Милый цуцик, ты желаешь мне всех радостей! Самая большая радость, это чтобы ты был счастлив, чтобы тебе было хорошо со мной, и чтобы ты всегда хотел быть со мной и никогда бы меня не разлюбил!
Милый, все наши ждут тебя с нетерпением и спрашивают каждый раз, когда ты приедешь, все: папа, мама и Беба, они тебя очень любят! Возвращайся скорей домой, цуцик, Ваничка родной.
Ты говоришь, что проводишь грустно новогодние вечера, ведь это потому, что ты один, а если бы со мной, тебе бы не было грустно? Скажи, милый, правду!
Напиши, когда приедешь, очень уж ты долго сидишь там: подумай, мог бы ты уехать без меня во Владивосток!
Крепко целую, милый мой, дорогой, не оставляй меня долго, мой цуцик, я тебя крепко люблю. Твоя.
Только что получила твое письмо второе, а вчера другое» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/5 оф).

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. 3 к п. 325. А.Н.Бунина писала 8 января 1899 г.: «Милый, дорогой мой цуцик, как ты долго засиделся там, вот уже две недели, как я приехала из Москвы. Здесь чудная погода <...> Я была сегодня на бульваре и все вспоминала, как мы с тобой гуляли и любовались морем. <...> Ты все не пишешь, когда приедешь, напиши. Зачем ты мне так редко пишешь? <...> Пиши же, милый, родной, и скажи, когда приедешь. <...> Папа не писал, потому что был болен, он и теперь не поправился, но все-таки выходит» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/6 оф).

330. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

Конец декабря 1898

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 22, л. 6.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 480.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 328 (см. коммент. к нему).

[1] Речь идет о корректуре перевода «Песни о Гайавате».

331. Ю.А.БУНИНУ

18 января 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1–2.
Написано карандашом, кроме двух последних предложений, написанных чернилами.

[1] Письмо Н.П.Цакни неизвестно.

332. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 января 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 1.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 481.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
Написано на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

[1] См. п. 331 и коммент. к нему.
[2] См. коммент. 3 к п. 325.
[3] Речь идет о рассказах Телешова «Переселенцы» и «Черт», посланных им в «Южное обозрение». В ответном письме от 27 января 1899 г. Телешов писал: «При случае верни мне рукопись о переселенцах, а “Черта” брось. Ну его к черту!» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 482).
[4] В том же письме Телешов сообщал: «На днях пришлю тебе “вещь”, именно такую, какую желает ваш цензор, то есть невинную. Отыскал у себя рассказ и, право, не могу вспомнить, был ли он даже печатан. Кажется, нет. Рукопись будет помазана и исчеркана, но переписывать нет охоты. Не взыщи. Заглавие можешь переменить» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 482). Телешов прислал рассказ «Подруги» (см. также коммент. 1 к п. 335).
[5] Телешов послал Бунину отдельно изданный рассказ «Домой» (М., 1899). В книге «Повести и рассказы» (М., 1899) этот рассказ напечатан с посвящением Бунину. Обещанная Буниным рецензия на этот рассказ в «Южном обозрении» не появилась.

333. И.А.БЕЛОУСОВУ

9 февраля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 19.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Имеются в виду, вероятно, стихотворения Белоусова, опубликованные в «Южном обозрении» в 1898 г.: «Звезд сверкающих огнями...» — 13 сентября (№ 584): «Давно прошла весна...» — 1 декабря (№ 658).

334. Ю.А.БУНИНУ

Начало февраля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 39–40.
Датируется по содержанию и по связи с п. 333 и 339.

[1] В Одессе Бунин познакомился с художниками Евгением Иосифовичем Буковецким (1866–1948), Владимиром Павловичем Куровским (1869–1915), Петром Александровичем Нилусом (1869–1943). Вспоминая о дружбе Бунина с одесскими художниками, В.Н.Муромцева-Бунина писала: «С первых же месяцев знакомства с этой средой Иван Алексеевич выделил Владимира Павловича Куровского, редкого человека и по душевным восприятиям, и по особому пониманию жизни. Настоящего художника из него не вышло: рано женился, пошли дети, и ему пришлось взять место в городской управе. С 1899 года он стал хранителем Одесского музея и получил при нем квартиру. Музей помещался на Софиевской улице (ныне ул. Короленко), в бывшем дворце Потоцкой, трехэтажном особняке классической архитектуры начала девятнадцатого века. Иван Алексеевич очень ценил Куровского и "несколько лет был просто влюблен в него". После его самоубийства, во время первой мировой войны, он посвятил ему свое стихотворение "Памяти друга", где поэт объясняет, чем Куровский был ему так близок» (*Муромцева-Бунина.*— С. 176–177).

[2] Поэма Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина вышла в свет в начале февраля 1899 г. в Москве.

[3] 26 апреля 1899 г. состоялось общее собрание «Союза взаимопомощи русских писателей». Бунин на нем не присутствовал. В связи с подготовкой к пушкинскому юбилею в 1899 г. появилась идея созвать съезд писателей, который должен был состояться в сентябре того же года, но не был разрешен. Подробнее об этом см.: Толстяков А. Когда должен был состояться первый Съезд русских писателей? // Вопросы литературы.— 1969.— № 12.— С. 242–243.

[4] См. коммент. 2 к п. 293.

[5] Имеется в виду книга Бунина «Под открытым небом. Стихотворения» (М., 1898).

[6] Речь идет, очевидно, о гонораре за опубликованный в журнале «Всходы» рассказ «Кукушка». См. коммент. 6 к п. 318.

[7] Имеется в виду гонорар за издание перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате», выпущенное Д.В.Байковым (М., 1899).

[8] Философ, публицист и общественный деятель Владимир Викторович Лесевич (1837–1905) прочел три лекции в Одессе: о фольклоре как науке, «Робинзон Даниэля Дефо и позднейшие Робинзонады», «Научное направление современной философии» — 31 января, 2 и 3 февраля 1899 г. (см. Одесский листок.— 1899.— 31 янв. (№ 29); 1 февр. (№ 30); 2 февр. (№ 31)).

[9] В журнале «Вестник воспитания» (1899.— № 6 (окт.).— С. 59–63) была опубликована рецензия Л.Седова на издание поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина. Рецензент писал: «Есть книги — о, как их немного — которые сразу же, с первых страниц захватывают вас, заставляя хоть на время забыть обо всем остальном и проникнуться настроением автора. "Песнь о Гайавате" — одна из таких редких книг. <...> Читая произведение Лонгфелло, мы думаем не о том, как верно изобразил поэт внешность природы и внешний быт человека: мы проникаемся его настроением, мы чувствуем живое дыхание живой природы, и из-за этого забываем о других достоинствах произведения. Совершенно то же мы можем сказать и о переводе г-на Бунина: мы знаем и об огромном труде, вложенном им в перевод, и о необычайно близкой и точной передаче подлинника, но мы забываем обо всем этом, потому что переводчик дал больше, чем хороший перевод: он проникся духом подлинника, духом своеобразной природы и человека, и дал произведение, отличающееся всею прелестью оригинала. Элегическое настроение, свойственное поэтическому таланту переводчика, подсказало ему надлежащие выражения для передачи настроения с.-американской природы, главная прелесть которой в ее осеннем ландшафте, с его желтыми и багряными красками, с его чудной предсмертной красотой, любуясь которой, вы не можете отдать себе отчета, где

кончается радость непосредственного ощущения и начинается боль от сознания неизбежного конца. Стих г. Бунина своею музыкальностью и мягкою нежностью способствует поддержанию соответствующего настроения и в читателе. <...> Отрываясь от книги, читатель унесет с собою радостное сознание того, что сверх немногих источников высокой и светлой поэзии, известных ему дотоле, ему стал доступен еще один».

335. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

19 или 20 февраля 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 22, л. 4–5.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 483.
Датируется по содержанию.

1 Присланный Телешовым рассказ «Подруги» был опубликован в газете «Южное обозрение» (1899.— 22 февр. (№ 735).— С. 2).

2 В «Южном обозрении» в 1898 г. были помещены рассказы С.Д.Махалова: «Сделка» 10 окт. (№ 609), «Пропажа» 16 окт. (№ 615), «Шантаж» 18 дек. (№ 674) и три его стихотворения 18 окт. (№ 617), 8 нояб. (№ 637), 9 дек. (№ 665); в 1899 г.— рассказы: «Без пощады: Из юношеской переписки» 5 янв. (№ 689), «Так жизнь молодая проходит...» 19 марта (№ 759).

3 Произведения С.Д.Махалова в журнале «Мир Божий» в 1899–1900 годах не публиковались.

4 См. коммент. 5 к п. 332.

336. В.Я.БРЮСОВУ

23 февраля 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 1–2.
Впервые: *Лит. Россия*.— 1963.— 20 дек. (№ 51).— С. 18 (с неточностями).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель. Бунин познакомился с Брюсовым в конце декабря 1895 г. в Москве. В дневнике Брюсов 16 декабря 1895 г. записал: «...в среду <т.е. 13 декабря> заходил ко мне с Бальмонтом Бунин, но не застал меня...» (*Брюсов. Дневники.* — С. 23). По воспоминаниям Бунина, на другой день после этого визита К.Д.Бальмонт получил от Брюсова записку: «“Очень буду рад видеть вас и Бунина, — он настоящий поэт, хотя и не символист”. Поехали снова...» (*Материалы (2)*.— С. 54). По всей вероятности, знакомство писателей состоялось в следующий приезд Бунина в Москву с 22 по 31 декабря 1895 г. Этот вывод позволяет сделать тот факт, что по записи Брюсова в дневнике от 16 декабря видно, что их знакомство еще не произошло, а Бунин с 15 по 21 декабря 1895 г. был в Петербурге. Следовательно, их первая встреча могла состояться только после 22 декабря 1895 г. Более тесные отношения между писателями завязались с 1899 г. Однако с самого начала это были взаимоотношения между художниками разных поэтических школ. После 1901 г. писатели разошлись. Брюсов выступал с критическими рецензиями на новые книги Бунина. В свою очередь Бунин прекратил всяческие отношения с Брюсовым. В 1910 г. Брюсов, редактировавший литературный отдел в журнале «Русская мысль», обратился к Бунину с просьбой о сотрудничестве. С этого времени возобновляется переписка писателей, но она носила по преимуществу деловой характер и продлилась лишь до 1915 г. Примерно в 1916–1917 гг. Бунин пишет резко критическую статью о поэзии Брюсова, где заявляет в очередной раз о своем неприятии «новых течений» в

литературе. Переписка Бунина и Брюсова 1899–1901, 1910–1915 гг. опубликована (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 421–470, кн. 2.— С. 515).

[1] Брюсов писал Бунину 21 февраля 1899 г.: «Почему вы не откликнетесь? Если вам не удалось устроить моих стихов в газете, неужели же это важно!» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 440).

[2] План путешествия по Тихому океану Бунину удалось осуществить только зимой 1910–1911 гг.

[3] В газете «Южное обозрение» 14 февраля 1899 г. (№ 727) были опубликованы четыре стихотворения Брюсова под общим заглавием «Картинки Крыма. Светопись»: «Волны взбегают и пенятся...», «Звезда затеплилась стыдливо...», «У перекрестка двух дорог...», «Где подступает к морю сад...».

[4] По этому поводу Брюсов записал в дневнике: «Стихи, посланные мною Бунину, напечатаны (варварски) в “Южном обозрении” № 727. Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды, и если я сам решаюсь там печатать, то только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным» (*Брюсов. Дневники.* — С. 62).

[5] Бунин, очевидно, послал Брюсову последнее издание своего перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899).

[6] Брюсова Иоанна Матвеевна (урожд. Рунт) — жена В.Брюсова.

337. С.Н.КРИВЕНКО

23 февраля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 17–18. Датируется по содержанию и по п. 336.

[1] Из писем к Кривенко видно, что Бунин взял в свое время аванс, который обещал отработать присылкой рассказов. Но в газете «Сын отечества» был опубликован только один рассказ «Велга», который не покрыл всей суммы аванса. Судя по п. 411, Бунин так и не прислал больше ничего для газеты.

[2] Речь идет о присылке Бунину нескольких экземпляров номера «Сына отечества», где был опубликован рассказ «Велга» — 25 декабря 1898 г. (№ 350).

[3] Имеется в виду отдельное издание перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899). Далее Бунин упоминает предыдущее издание своего перевода в журнале «Всходы» (1898.— № 2).

[4] Рецензия на отдельное издание перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899) была опубликована в газете «Сын отечества» 5 марта 1899 г. (№ 61), подпись: С.К. Вероятно, автором этой рецензии был сам С.Н.Кривенко. См. коммент. 4 к п. 341.

338. И.А.БЕЛОУСОВУ

1 марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 17–18.

[1] Бунин, скорее всего, ошибочно написал месяц февраль, т.к. по содержанию видно, что письмо Белоусова «провалялось где-то целый месяц». Очевидно, Бунин писал свое письмо 1 марта.

[2] Письмо неизвестно. См. коммент. 12 к п. 339.

[3] Имеется в виду книга стихотворений Бунина «Под открытым небом» (М., 1898), изданная редакцией журнала «Детское чтение».

[4] Письмо неизвестно. Морфиль Вильям Ричард — английский славист, преподавал русский и другие славянские языки в Оксфордском университете.

[5] В газете «Южное обозрение» были опубликованы в 1899 г. следующие стихотворения Белоусова: «Я верю в силы молодые...» — 14 марта (№ 754), «И вот идет она, цветами убирая...» — 29 марта (№ 768), «У окна» — 18 мая (№ 812), «Смерть соловья» — 2 июня (№ 825), «Из Т.Шевченко» («Мне снилось: снова я ребенок...») — 14 июня (№ 835).

[6] Соловьев-Несмелов Николай Александрович (1847–1901) — писатель, сотрудник журнала «Детское чтение».

[7] Бунин хотел послать, очевидно, отдельное издание своего перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899). См. также п. 341.

[8] В журнале «Детское чтение» рецензии на упомянутые книги не появились.

[9] В газете «Южное обозрение» в 1899 г. произведения С.Т.Семенова не появлялись.

[10] Имеется в виду рассказ П.В.Засодимского «Из переписки трех помещиков», опубликованный в «Южном обозрении» 26 февраля 1899 г. (№ 739).

339. Ю.А.БУНИНУ

1 марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3–5.

[1] Т.е. к Пасхальной неделе с 19 по 25 апреля 1899 г.

[2] См. коммент. 9 к п. 334.

[3] См. п. 334.

[4] См. коммент. 2 к п. 293.

[5] На обложке издания поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899) было напечатано объявление о выходе в свет книги стихотворений Бунина, выпущенной товариществом «Издатель», хотя книга так и не вышла.

[6] Неточная цитата из стихотворения С.Т.Аксакова «Послание к М.А.Дмитриеву» («Обещал писать стихами...»). Вторая строка цитаты в оригинале: «Мир спокойствия, свободы», последняя строка: «И — в свои младые годы!».

[7] См. коммент. 7 к п. 334.

[8] Речь идет о гонораре за опубликованные в киевской газете «Жизнь и искусство» два стихотворения Бунина: «Крупный дождь в лесу зеленом...» (1898.— 22 нояб. (№ 323).— С. 2); «Скачет пристяжная, снегом обдает...» (1898.— 28 нояб. (№ 329).— С. 2).

[9] В газете «Южное обозрение» А.Н.Лисовский и А.С.Изгоев писали передовицы и статьи на разные темы: о земствах, о заграничной жизни, об искусстве, о сельском хозяйстве, об образовании, о торговле, о судебных делах и т.д. Изгоев Александр (Арон) Соломонович (1872–1935; наст. фам. Ланде) — публицист, журналист, общественный деятель. См. также коммент. 10 к п. 338.

[10] Статьи Ю.А.Бунина в «Южном обозрении» не появлялись.

[11] Эта статья, вероятно, не была написана Буниным, т.к. в «Южном обозрении» не появлялась.

[12] Имеется в виду рецензия без подписи на книгу Бунина «Под открытым небом» (М., 1898), опубликованная в журнале «Воспитание и обучение» (1899.— № 2.— Стб. 96), который выходил в качестве приложения к детскому журналу «Родник». Рецензент писал: «Редакция “Детского чтения” никак не может проникнуться сознанием того, что знакомство детей с поэзией должно быть основано на безукоризненных ее образцах. Она преподносит своим маленьким читателям уже не первый сборник в высшей степени слабых произведений. На 62 страничках

книги г. Бунина помещены 32 стихотворения, из которых только два останавливают внимание читателя: “Весенняя сказка” (стр. 9) и “Не пугай меня грозою” (стр. 33). Особенно хорошо второе стихотворение, но по своему содержанию, рисуя гнет житейских забот, оно найдет понимание и отклик лишь в душе взрослого читателя. Все же остальные стихотворения прозаичны, вялы и лишены оригинальности, представляя собою бледные перепевы главным образом картин природы, которыми мы уже избалованы в произведениях наших лучших поэтов».

[13] Письмо неизвестно. См. п. 338 и коммент. 4 к нему.

340. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 марта 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 2.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 483.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Речь идет о рассказе Телешова «Подруги» (см. коммент. 1 к п. 335). В ответном письме от 14 марта 1899 г. Телешов писал: «Ты совершенно напрасно оговариваешься относительно поправок и переделок. Я тебе говорил и раньше, что даю рассказы *тебе,* как товарищу, и очень рад, если тебе чем-нибудь пригожусь» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 484). В письме от 22 марта 1899 г. Телешов сообщал: «Получил свой рассказ “Подруги”. За изменения не только не сердит, но даже благодарен глубоко. Наверно, это ты сам его переделал, потому что видна опытная, хорошая рука, а не секретарская бессмысленная “облицовка”. Ты так умно выпустил несколько кусков и еще умнее добавил заключительные строки, что из рассказа, на который я уже рукой махнул, получилось нечто порядочное. Спасибо тебе!» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 486).

341. И.А.БЕЛОУСОВУ

Начало марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 98–99.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 338.

[1] См. п. 338 и коммент. 7 к нему.

[2] Авилова Лидия Алексеевна (1864 или 1865–1943; урожд. Страхова) — прозаик, автор мемуаров. Бунин познакомился с ней в конце 1890-х годов. Авилова в письме от 2 марта 1899 г. писала: «Вас осенила прекрасная мысль прислать мне Вашу книгу и я Вам за нее сердечно благодарна. Благодарю и за книгу, и за память обо мне. Прочла я все, от строки до строки, с большим наслаждением, оторваться не могла. Это, вероятно, очень стыдно, но я все-таки признаюсь, что с Лонгфелло я была незнакома и “Песни о Гайавате” ни в каком переводе раньше не читала. Некоторые главы прямо поразили меня. Сколько поэзии! Какие удивительные описания природы! И перевод такой стройный, простой. Все это обаятельно и навевает мечтательное и раздумчивое настроение. <...> Но уж раз я начала высказывать свое впечатление, я хочу быть откровенной до конца. У каждого художественного произведения есть свой подъем, сила, которая приподнимает его над землей, и хотя образы и лица, изображенные художником, и связаны с жизнью, но все-таки обладают такими чертами, которые выдвигают их из общей рамки. И вот, мы читаем прекрасный, возвышающий душу текст и между этих страниц то и дело поневоле останавливаешься над антихудожественными иллюстрациями. Эти скверные, голые тела, перья и уборы противоречат впечатлению. Конечно, это мелочь и вряд

ли я объяснила чем, собственно, вызван мой личный протест» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2974/1 оф).

[3] Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — публицист, литературный критик. Меньшиков в письме от 1 марта 1899 г. писал: «Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, за присылку прекрасного Вашего перевода “Гайаваты”. Труд этот — не говоря о выполнении — очень ценный. Постараюсь дать о нем отзыв» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 153, л. 1). В 1890-х годах М.Меньшиков был ведущим литературным критиком и публицистом «Недели» и «Книжек “Недели”». Этот факт позволяет предположить, что появившийся в газете «Неделя» (1899.— 8 авг. (№ 32).— Стб. 1050–1051) отзыв без подписи принадлежит М.О.Меньшикову. Рецензент писал: «“Песнь о Гайавате” трогает своим величием древней легенды, тихими радостями детства, чистотой и нежностью первой любви, безмятежностью трудовой жизни на лоне природы вместе со скорбью вечных, неотвратимых и неизбежных бед человеческого существования. <...> Произведение Лонгфелло, воскрешающее перед читателем красоту девственных лесов и прерий, воссоздающее цельные характеры простодушных людей с их наивно-поэтическим миросозерцанием, вполне соответствует мечтательному дарованию г. Бунина».

[4] Рецензент С.К. <С.Н.Кривенко?> в газете «Сын отечества» (1899.— 5 марта (№ 61).— С. 4) писал: «Перевод г. Бунина незаурядный, а сделан по подлиннику с величайшей тщательностью, причем, как нам кажется, переводчик вполне хорошо и добросовестно выполнил свою нелегкую задачу. Стих его легок и музыкален, образы поэтичны, тон выдержан прекрасно и, как нельзя лучше передает то величественное впечатление, какое и должна производить эта поэма Лонгфелло. К изданию приложен портрет Лонгфелло. Кроме того, оно иллюстрированно несколькими картинами, недурно выполненными с технической стороны. Что же касается до содержания их, то нам кажется, что изображенные на них индейцы немножко не соответствуют понятию о сильных и могучих богатырях и напоминают скорей каких-то голодающих индусов. Но, конечно, г. Бунин тут ни при чем».

342. Ю.А.БУНИНУ

14 марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 6–7.

[1] См. п. 334 и 339.
[2] См. коммент. 4 к п. 341.
[3] См. коммент. 3 к п. 341.
[4] Литературный критик Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) писал Бунину 9 марта 1899 г.: «Глубокоуважаемый Иван Алексеевич. Позвольте выразить Вам мою душевную благодарность за присылку Вашего прекрасного перевода “Гайаваты”. Как писателя, я давно знаю и высоко ценю Вас. Поэтому мне особенно приятна та честь и любезность, которую Вы мне оказали. Искренно желаю Вам дальнейшего успеха в Вашей симпатичной художественной деятельности» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 48, л. 1).
[5] Опера Э.Ф.Направника «Дубровский» (1895).
[6] Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) — певец (лирико-драматический тенор), с 1887 г.— артист Мариинского театра. Фигнер Медея Ивановна (1859–1952; урожд. Мей) — певица (драматическое сопрано), с 1887 г.— артистка Мариинского театра. Жена Н.Н.Фигнера. Яковлев Леонид Георгиевич (1858–1919) — певец (баритон), с 1887 г.— артист Мариинского театра. Власов Степан Григорьевич (1858–1919) — певец (бас), с 1887 г.— артист Московского Большого театра.
[7] См. коммент. 11 к п. 318.

343. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 марта 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 3–4.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 485.

[1] Рассказ Телешова «Подруги». См. коммент. 1 к п. 335.

[2] См. коммент. 2 к п. 293.

[3] По инициативе редакции газеты «Курьер» была начата подготовка литературно-художественного сборника «Помощь пострадавшим от неурожая». Книга вышла в свет 27 июня 1899 г. Бунин в сборнике не участвовал. Другой сборник в пользу голодающих в Москве не вышел.

[4] Книга «Памяти В.Г.Белинского» вышла в свет 20 или 21 марта 1899 г.

[5] Перед самым выходом в свет сборника «Памяти В.Г.Белинского» Бунин получил от Лермонтовской библиотеки в Пензе благодарственное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Бывшее 20-го февраля сего года в г. Пензе Общее собрание членов учрежденной в этом городе Лермонтовской библиотеки, узнав из доклада Правления Общества о скором выходе в свет издаваемого Обществом литературного сборника в память В.Г.Белинского, единогласно постановило: поручить Правлению засвидетельствовать перед Вами, как одним из вкладчиков в означенный выше сборник, глубокую и искреннюю благодарность Общества за принесенное Вами в его пользу пожертвование. <...> Подобная нравственная и материальная поддержка особенно дорога теперь, когда Лермонтовское общество находится накануне исполнения главной его задачи — устройства в г. Пензе народного дома в честь В.Г.Белинского» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2915 оф).

[6] Речь идет о рассказе Телешова «Переселенцы», посланном в «Южное обозрение» и запрещенном местным цензором. Телешов писал 22 марта 1899 г.: «“Переселенцев” я от тебя не получил. Пришли, пожалуйста» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 486).

344. Н.В.ГАВРИЛОВУ

Середина марта 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 564, ед. хр. 10, л. 11–12.
Датируется по содержанию и пометке Гаврилова в левом верхнем углу в начале письма: «Отв. И.Б. 31/III 99».

[1] См. коммент. 5 к п. 339.

345. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 марта 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 5.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 487.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Речь идет о стихотворении «Вчера в степи я слышал отдаленный...», опубликованном в сборнике «Памяти В.Г.Белинского» (М., 1899). Телешов писал 22 марта 1899 г.: «Дорогой Иван Алексеевич, — вчера виделся с твоим братом и просил его передать тебе мой поцелуй за твое прекрасное, превосходное стихотворение в сборнике Белинского, которое я читал несколько раз один, читал жене, она сама читала одна и читала мне. Даже по количеству раз — и то ты должен

усмотреть, что стихотворение написано прекрасно. Словом, я его восчувствовал и воспринял. За это и посылаю тебе мой поцелуй! Серьезно говорю: очень хорошо! И образно, и свежо, и тепло. А финал — прямо-таки драгоценность! От души желаю тебе почаще беседовать с “кочующими птицами”. Они наполняют тебя хорошими мыслями» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 486).

[2] Имеется в виду рассказ Телешова «Счастливец. Из дневника приятеля», который был напечатан в газете «Новости дня» (1899.— 12 марта (№ 5671)).

[3] См. коммент. к п. 340.

[4] См. коммент. 6 к п. 343.

[5] Речь идет о рассказе Телешова «Счастливец. Из дневника приятеля». Бунин считал, что публикация рассказа в «Сыне отечества» престижнее и обратила бы на себя большее внимание, нежели в газете «Новости дня».

[6] См. коммент. 3 к п. 343.

[7] Имеется в виду «Альманах-ежегодник П.О.Яблонского. Календарь и сборник сведений...». Заметка о Телешове в выпусках «Альманаха» за 1899 г. (М., 1898) и за 1898 г. (М., 1897) не выявлена.

346. Ю.А.БУНИНУ

Между 21 и 29 марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 36–37.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 339 и 342.
Письмо без конца.

[1] См. п. 339.

[2] Яковлев Василий Яковлевич (1861–1915; псевд. Богучарский, Б.Базилевский) — политический деятель и историк революционного движения в России. Поддерживал связи с народовольческими кругами. В конце 1890-х годов примкнул к легальному марксизму; сотрудничал в журнале «Новое слово».

[3] «Начало» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал легальных марксистов; выходил в первой половине 1899 г. под редакцией П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановского и др. Служил продолжением прекращенного в 1897 г. правительством «Нового слова».

[4] Имеется в виду статья Дионео «Темы дня» (Одесский листок.— 1899.— 20 марта (№ 75).— С. 1), в которой он, в частности, писал: «Поэма принадлежит не только к числу лучших произведений американского поэта, но, вообще, к крупнейшим жемчужинам мировой поэзии. <...> В последнее время, когда, по легкому почину Франции, у нас стала в моде больная, вымученная поэзия, из которой строго изгнано все живое, как “шаблонное” и “мещанское”, когда “настроение” поэта-головотяпа ставится превыше всего, как, своего рода, Хеопсова пирамида красоты, — особенно желательно знакомство с жемчужиной истинной поэзии <...> Знакомиться с поэмой русской публике теперь особенно легко, потому что “Гайавата” вышла в положительно превосходном переводе. Он музыкален, поэтичен, передает вполне дух подлинника и, вообще, очень близок к нему. Несколько вольных отступлений от подлинника, отступлений, вообще, крайне нежелательных, в новом переводе И.А.Бунина я нашел немного». Далее критик приводит одно место из вступления к поэме на английском языке и в переводе Бунина. «Переводчик несколько вольно передает его. Вот все, что самая придирчивая критика может указать в переводе. <...> В общем же, новый перевод “Гайаваты” положительно образцовый». Дионео (1864–1935; наст. имя и фам. Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский) — публицист, критик, прозаик, переводчик. С лета 1896 г. жил в Англии и был постоянным лондонским корреспондентом ряда газет и журналов.

[5] Автограф письма неизвестен.

[6] Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — публицист, литературный критик, общественный деятель и ученый; с марта 1885 г.— неофициальный главный редактор журнала «Русская мысль», с апреля 1905 г.— официальный. Гольцев писал Бунину 16 марта 1899 г.: «Многоуважаемый Иван Алексеевич. Спасибо за книгу, в особенности за милую надпись. Как Вам живется? Я почти 3 месяца хвораю. <...> Иногда чувствую себя совсем плохо, и тогда завидую Вашему югу» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 89, л. 1).

[7] М.А.Ласкаржевская.

347. Ю.А.БУНИНУ

30 или 31 марта 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 30.
Датируется по содержанию и по связи с п. 346 и 348.
Написано на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

348. Ю.А.БУНИНУ

6 апреля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 8–9.
Место отправления определено по содержанию и по п. 349.

[1] См. п. 347.

[2] Бунин прожил в Ялте с 7 по 13 апреля 1899 г.

[3] Письмо неизвестно.

[4] А.М.Федоров стал сотрудничать в газете «Одесские новости». А.Н.Бунина писала Бунину 8 апреля 1899 г.: «Дорогой Потя, милый мой цуцик. <...> Федоров уезжает завтра. Сегодня в “Новостях” его фельетон об его отъезде, я вырезала его и спрячу для тебя; очень интересно» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/3 оф).

[5] Поездка Ю.А.Бунина не состоялась. См. п. 351.

349. И.А.БЕЛОУСОВУ

7 апреля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 20.
Открытка.

[1] Имеется в виду рецензия И.Белоусова на издание поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина (М., 1899), опубликованная в газете «Курьер» (1899.— 15 марта (№ 73).— С. 4.— Подпись: И.Б-ов). Рецензент писал: «Перевод Бунина является ценным вкладом в русскую литературу благодаря тому, что сделан прекрасными стихами, близкими к подлиннику, а издание можно назвать роскошным. <...> Цена издания очень невысока и доступна всякому любителю истинно поэтически-прекрасного».

[2] В газете «Южное обозрение» 21 апреля 1899 г. (№ 789) был опубликован рассказ Белоусова «На Шмелевской мельнице».

350. Ю.А.БУНИНУ

14 апреля 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2793 оф.

[1] См. коммент. 8 к п. 339.
[2] Вероятно, служащий в редакции журнала «Вестник воспитания».
[3] Данная копия была обнаружена в Москве, в ней говорилось: «Копия отношения начальника Киевской Почтовой конторы от 3-го апр. 1899 г. за № 6111. "В контору газеты: *«Жизнь и искусство»*. На заявление от 18 февр. с.г. сообщается, что перевод по почте на 11 р. 50 к., поданный 19 дек. 1898 г. под расписку за № 2404 в Москву на имя Бунина, как уведомил меня Московский почтамт, получен в Москве 21 дек. и 23 того же декабря выдан по доверию Назарову". Подлинное за надлежащими подписями» (РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 147).
[4] Встреча в Ялте в апреле 1899 г. положила начало дружбе Бунина и Чехова (см.: *Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 36–48).
[5] О первой встрече с Горьким в апреле 1899 г. Бунин писал в книге «Воспоминания» (очерк «Горький»): «Приезжаю в Ялту, иду как-то по набережной и вижу: навстречу идет с кем-то Чехов, закрывается газетой, не то от солнца, не то от этого кого-то, идущего рядом с ним, что-то басом гудящего и все время высоко взмахивающего руками из своей крылатки. Здороваюсь с Чеховым, он говорит: "Познакомьтесь, Горький"» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 8.— С. 249).
[6] Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) — актриса Малого театра.
[7] Давыдова Мария Карловна не вышла замуж за И.И.Иванова.
[8] Ярцев Григорий Федорович (1858–1918) — художник, ялтинский знакомый Чехова.
[9] Средин Леонид Валентинович (1860–1909) — врач, ялтинский знакомый Чехова, фотограф-любитель.
[10] См. коммент. 3 к п. 325.

351. Ю.А.БУНИНУ

17, 18 апреля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 10–11.
Письмо без конца.

[1] В 1899 г. Бунин в Константинополь не ездил.
[2] Письмо неизвестно.
[3] Пасха в 1899 г. праздновалась 18 апреля.
[4] Бунин приехал в Краснополье только 17 июня 1899 г.

352. В.Я.БРЮСОВУ

18 апреля 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 3–4.
Впервые: *Лит. Россия*.— 1963.— 20 дек. (№ 51).— С. 18 (с неточностями).

[1] См. коммент. 3 к п. 351.
[2] См. коммент. 2 к п. 348 и п. 350.
[3] См. коммент. 2 к п. 336.
[4] См. коммент. 1 к п. 351.

[5] При письме от 28 марта 1899 г. Брюсов послал Бунину свои переводы стихотворений П.Верлена, Ж.Роденбаха, Ж.Мореаса, Э.Э.Эверса, Приска де Ланделя. Все эти переводы были напечатаны в «Южном обозрении» в 1899 г.: «Нищие. Из П. де Ланделя» — 18 апреля (№ 788), «Болезнь. Из Роденбаха» — 20 мая (№ 814), Из Мореаса («Я родился у ропотного моря...»), Из Эверса («Я дышу твоей душою...») — 21 мая (№ 815), Из Верлена («Небо над этою крышей...») — 24 мая (№ 818).

[6] Бунин, очевидно, послал вырезку с переводом стихотворения П. де Ланделя «Нищие», которое было запрещено московской цензурой и было напечатано в Одессе, но без пятой строфы (подробнее об этом см.: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 423). В ответном письме Брюсов писал Бунину в конце апреля 1899 г.: «Благодарю за присылку вырезки. Радуюсь, что даете приют моим гонимым стихам» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 444).

353. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 апреля 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 489.

[1] См. коммент. 2 к п. 348 и п. 350.

[2] Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) — общественный деятель, публицист, издатель, участник революционного движения 1860-х годов. После возвращения из ссылки организовал в 1877 г. в Петербурге крупное издательство.

[3] Аккерман — с 1944 г. город Белгород-Днестровский.

[4] См. коммент. 3 к п. 351.

[5] Речь идет о книге Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899), в которой рассказ «Домой!» был посвящен Бунину. На эту книгу Бунин написал рецензию (Южное обозрение.— 1899.— 2 июля (№ 852).— С. 3.— Без подписи), где, в частности, говорилось: «Г. Телешов — один из наиболее талантливых и симпатичных беллетристов, выступивших за последнее время на литературное поприще. <...> “Повести и рассказы” производят более цельное впечатление и уже отмечены рядом очень сочувственных рецензий. Г. Скабичевский посвятил им целый фельетон в “Сыне отечества”, а “Новое время” поставило г. Телешова даже выше Короленко. До Короленко г. Телешову, конечно, еще очень далеко, но нам понятны даже такие преувеличенные похвалы. Они вытекают из того особенного впечатления, которое производит г. Телешов своей оригинальностью, искренностью и наблюдательностью на читателя. У него нет того “литературного пустословия”, которым страдают многие из новых беллетристов, нет фальшивых нот в повествованиях. Чувствуется, что г. Телешов описывает только то, что хорошо знает и что действительно дорого или интересно ему; рассказывает он необыкновенно просто, точно и сжато, с умом и наблюдательностью здоровой и хорошей натуры» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 335).

354. И.А.БЕЛОУСОВУ

24 апреля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 21.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] Бунин, вероятно, поздравлял с Пасхой, которая в 1899 г. праздновалась 18 апреля.

[2] См. коммент. 2 к п. 348 и п. 350.
[3] См. коммент. 2 к п. 349.
[4] См. коммент. 5 к п. 338.

355. В.С.МИРОЛЮБОВУ

26 апреля 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 1.
Впервые: *Лит. архив.*— С. 129.
См. коммент. 3 к п. 279. Бунин познакомился с В.Миролюбовым в Ялте в июне 1896 г., часто публиковал свои произведения в его «Журнале для всех». Письма Миролюбова к Бунину 1901–1917 гг. (РГАЛИ, ОГЛМТ) посвящены в основном вопросам издания бунинских произведений.

[1] Речь идет о стихотворении «26-е мая» («Поэт нам дорог тем, что он...»), написанном по просьбе Миролюбова для юбилейного номера «Журнала для всех», посвященного 100-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Это стихотворение было опубликовано в № 5 «Журнала для всех» за 1899 г. (стб. 525–526).

356. Ю.А.БУНИНУ

4 мая 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 13–14.

[1] Ю.А.Бунин в июне — июле 1899 г. путешествовал по Франции, Швейцарии, Австрии.
[2] См. коммент. 8 к п. 339.

357. И.А.БЕЛОУСОВУ

Середина мая 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 107.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 356.

[1] См. коммент. 5 к п. 338 и коммент. 2 к п. 361.
[2] См. коммент. 2 к п. 349.
[3] Н.Д.Телешов.
[4] См. коммент. 1 к п. 356.
[5] С 17 июня 1899 г. Бунин жил в Краснополье — имении Цакни.

358. В.Я.БРЮСОВУ

25 мая 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 5.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 445.
Место написания определено по содержанию.

[1] В это время Бунин тяжело переживал разлад с женой и остро реагировал на обстановку в доме Цакни.
[2] В ответ на это письмо Брюсов писал дважды — 29 июня и 11 августа 1899 г. Первое письмо полностью посвящено впечатлениям от сдачи выпускных экзаменов

на историко-филологическом факультете Московского университета (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 445–446). Второе письмо Брюсов начал следующими словами: «Мне странно писать вам, уважаемый Иван Алексеевич, хотя я и часто возвращаюсь к вам в мыслях: для меня вы как призрак. Мы виделись мало, ваш образ дополнил я по воспоминаниям, по рассказам, вероятно и воображением. Говоря с вами, не убежден, что вы слышите мой голос» (Там же.— С. 446). При этом письме Брюсов послал еще четыре стихотворения из цикла «Картинки Крыма»: «Кипит встревоженное море...», «День растоплен, море сине...», «Волны приходят и волны уходят...», «Обошла тропа утес...». Эти стихотворения были опубликованы в газете «Южное обозрение» 19 сентября 1899 г. (№ 925).

3 См. коммент. 5 к п. 357.

359. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец мая 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 90.
Датируется по содержанию.

360. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 июня 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 8.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 491.
Место написания определено по содержанию.

1 См. коммент. 5 к п. 357.

2 Имеется в виду отзыв А.М.Скабичевского о книге Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899) в газете «Сын отечества» (1899. — 21 мая (№ 135)).

361. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 июня 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 108–109.
Датируется по содержанию и по связи с п. 360.

1 26 мая 1899 г. отмечалось 100-летие со дня рождения А.С.Пушкина.

2 Имеется в виду стихотворение Белоусова «Смерть соловья: Памяти поэта», которое было опубликовано в газете «Южное обозрение» 2 июня 1899 г. (№ 825).

3 См. коммент. 5 к п. 357.

362. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 июня 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 9–10.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 493–494.

1 На Валовой улице в Москве находился собственный дом Телешова.

2 Вероятно, Барбашов — гувернер П.Н.Цакни.

3 Имеются в виду письма Телешова от 30 мая и 10 июня 1899 г. В первом письме Телешов сообщал: «Как-то не верится, что в прошлом году 9 мая мы с тобой

купались в Царицыне. Теперь почти июнь, а у нас все еще холодище <...> Литературничать до сих пор не могу. Ничего нет. Иной раз наткнешься на какую-нибудь тему. Думаешь, так и вцепился бы в нее зубами и разом целый кусок откусил бы. А потом пожуешь, пожуешь, да и выплюнешь... Нет ничего по душе! Все какая-то ерунда и в себе и вокруг в жизни. <...> Что же ты делаешь? ты, свободный человек? Пишешь ли? Или секретарствуешь в газете? Брось это и пиши» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 490). Во втором письме Телешов отмечал: «Представь себе картину сегодняшней ночи по следующим составным частям: ночь (12 час.), луна, отчаянный хор лягушек с пруда, трели соловья, молчаливый лес, папиросы, пиво, неизбежность езды завтра с утренним поездом, только что полученная рецензия “Нового времени”, литературная пустота в душе, отсутствие сюжета, желания писать и прочие прелести... В самом деле, не могу я устроиться складно. Главное, времени нет свободного, чтобы уйти в свои думы и обмыслить работу. Все как-то по-дурацки выходит. <...> Пиши мне все-таки на Валовую. Это самый прочный адрес» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 492).

[4] Речь идет о тяжелом финансовом положении газеты «Южное обозрение».

[5] Бунин имеет в виду положительные отзывы на книгу Н.Д.Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899): П.С.Ко-н <П.С.Коган> (Курьер — 1899. — 3 мая (№ 121)); В.Г.<В.П.Горленко> (Новое время — 1899. — 9 июня (№ 8361)). См. также коммент. 2 к п. 360.

[6] Имеется в виду рассказ Бунина «Без роду-племени. Из повести о современных людях», опубликованный в апрельской книжке журнала «Мир Божий» (1899). Н.Д.Телешов в письме от 7 июля 1899 г. сообщал Бунину: «О твоем рассказе я уже писал тебе давно, что мы его читали вместе с Михеевым и оба его похвалили, хотя нашли кое-где субъективным. Но это к делу, конечно, относится мало. В общем интересно и довольно трогательно» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 494). Об этом рассказе писали в журнальных обзорах А.М.Скабичевский (Сын отечества.— 1899.— 14 мая (№ 128).— С. 2), который увидел в герое рассказа одного «из тех в достаточной степени изъезженных нашею беллетристикою типов лишних людей, <...> с которыми, с легкой руки Тургенева, до сего дня не могут расстаться ни наша жизнь, ни наша литература», и изложив содержание рассказа, критик заключил: «Когда я читал рассказ г. Бунина, невольно приходило мне в голову: не слишком ли и долго, и много пячется литература наша со всеми этими неврастениками и всякого рода жалкими и ничтожными выродками? Не пора ли оставить их в покое?»; а также В.А.Гольцев (Курьер.— 1899.— 3 мая (№ 121)), который вторил первому рецензенту: «Сказать по правде, надоели эти неврастеники, пора им перестать числиться современными людьми».

363. И.А.БЕЛОУСОВУ

19 июня 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 22.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Т.е. в Краснополье.

[2] Бунин жил в Огневке с начала июля до начала августа 1899 г.

[3] После июня в 1899 г. в «Южном обозрении» стихотворения Белоусова не появлялись.

364. Ю.А.БУНИНУ

23 июня 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 16–17.

[1] Письма неизвестны.

365. Ю.А.БУНИНУ

5 июля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 38.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 364.

[1] Телеграмма неизвестна.
[2] Бунин уехал из Краснополья, вероятно, около 10 июля 1899 г. А.Н.Бунина писала ему 13 июля 1899 г.: «Только что получила твое письмо и сейчас же села писать тебе, милый, дорогой! Я не писала раньше, потому что все ждала письма из Киева. Пиши почаще, миленький. <...> Ваничка, мне было очень грустно эти дни. <...> Скажи Ваня, как здоровье твоей мамы и как твоя Машенька? Отчего тебя Юлий Ал. звал в Москву? Милый голубок, целую тебя, я крепко тебя люблю, целую Юлия Алекс., поклонись от меня твоим. Пиши почаще, мне будет очень неприятно, если не будешь часто писать, золотой мой» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/7 оф).
[3] А.П.Ираклиди.

366. Ю.А.БУНИНУ

27 июля 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 18–19.
Место написания определено по содержанию.

[1] А.Н.Бунина в недатированном письме упрекала: «Ваня, как ты мало мне пишешь, за все время одно письмо, и то с дороги. Ты получил мое письмо? Тебе там так хорошо, что ты и писать мне не хочешь. Что ты делаешь? пишешь ли что-нибудь, кончаешь ли рассказ или валяешься целый день, противный крокодил? <...> Как ты себя чувствуешь, Ваня, голубок? Пиши почаще, Ваничка, не ленись <...> Милый мой, хороший, дорогой Ваничка, мне кажется, что ты очень давно уехал. Напиши мне все, что ты делаешь там, а я, миленький, по-прежнему кисну, не двигаюсь, энергии нет и это меня в отчаяние приводит, я ведь не живу, а Бог знает что. Пиши, дорогой, хоть бы ты мне сказал что-нибудь успокоительное, поддержи меня! Целую, дорогой, твоя Аня» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/9 оф). 22 июля 1899 г. А.Н.Бунина вновь писала, отвечая на неизвестное нам письмо Бунина: «Милый Ваничка, я очень рада, что ты доволен поездкой, и что тебе хорошо. Ты, Ваня, напрасно так боишься за Машеньку, бояться совершенно нечего. Ты спрашиваешь, что я делаю; по-прежнему мало, энергии нет. Тебе, должно быть, тоже грустно там, если все грустные и больные. Папа все в городе; на днях он думает освободиться и приехать дней на 10 сразу. Что ты делаешь по целым дням? или шатаешься без дела? <...> Ты говоришь, что я не пишу, но ведь и ты не пишешь тоже» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/8 оф).

367. И.А.БЕЛОУСОВУ

2 августа 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 23.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 363.
[2] Бунин вернулся в Краснополье 5 августа 1899 г.

368. Ю.А.БУНИНУ

2 августа 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 20.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Речь идет о получении денег на дорогу.

369. Ю.А.БУНИНУ

2 августа 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 21.
Год и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

370. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

7 августа 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 11.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 495.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] См. коммент. 2 к п. 363.

[2] Телешов писал 7 июля 1899 г.: «Недавно получил твое письмо и на днях читал в “Южном обозрении” отзыв о себе. За то и за другое большое тебе спасибо. Очень признателен за место, где ты говоришь о сравнении с Короленко. А то, право, неудобно. Что я за выскочка?! <...> Я ничего не пишу. Во-первых, по делам семейным, а во-вторых, ничего в башку не лезет. Живу, как овощ, но с тою разницею, что овощ растет себе на свободе, а мне все некогда. Надоело хуже горькой редьки, а ничего не поделаешь. Ну, да не беда. Когда-нибудь потяну в себя воздух полною грудью и разом наглотаюсь всяких запасов, как это делают киты, а затем эти запасы и выпущу в виде повести, а то и романа, черт возьми! На мелкие рассказы что-то охота пропала. <...> На днях я получил пробный листок перевода на французский язык моих “Детей”. Гляжу с удовольствием на рукопись» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 494). См. коммент. 5 к п. 353.

[3] Имеется в виду перевод повести Телешова «Дети» на французский язык. Сведений об этом переводе разыскать не удалось.

[4] «Екклезиаст» — одна из книг «Ветхого Завета». Написана иудейским царем Соломоном. Состоит из 12 глав, в ней утверждается суета и ничтожество всего земного. Счастье и успокоение можно найти только в Боге. «Требник» — книга для православных священнослужителей, излагающая тексты церковных служб и порядок их совершения (службы — «требы»).

[5] После июня 1899 года произведения Телешова в «Южном обозрении» не появлялись.

[6] В ответном письме от 11 августа 1899 г. Телешов писал: «Получил сейчас твое кратчайшее письмо (не письмо даже, а писулька) и немедленно отписываю тебе. <...> я вырос в собственном мнении, ибо я теперь — отец! <...> По твоему же письму заметно, что ты, перескочив через роль отца, внезапно сделался дедушкой. Иначе чем объяснить твое чтение “Требника”? Положим, этой книги я в жизни своей и в глаза не видал, но назначение ее, кажется, ясно. В попы ты что ли собрался? Господь с тобой, мой милый дедушка Иван! Для чего тебе “Требник”?! Вот Екклезиаста, я понимаю, можно читать и даже увлекаться. Это ты хорошо делаешь, что читаешь. <...> Но “Требник” — суета сует! На что тебе читать “Требник”? Кстати: каких тебе врагов хочется видеть в Москве? и вообще, что с тобой делается? Или, как говорят евреи: “что вы себе там?” Писал бы лучше что-нибудь серьезное, чем зря болтаться. Садись и пиши. А то, небось, все не в духе, нервы мешают, обстоятельства развлекают, погода жаркая, перед обедом не пишется, после обеда не работается и тому подобные причины. Садись, садись и пиши. Нечего раскисать» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 495–496). 14 августа 1899 г. Телешов вместе с В.М.Михеевым в письме к Бунину приглашали его в Москву, в частности, Телешов писал: «За “Гайавату” спасибо: издание превосходно, перевод еще лучше, переводчик еще лучше, но почему Екклезиаст и Требник?» (Там же.— С. 497).

[7] Бунин, вероятно, приехал в Москву в конце августа — начале сентября 1899 г.

371. Ю.А.БУНИНУ

10 августа 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2798 оф (л. 1–2, 5–6), № 8936 оф (л. 3–4).

[1] См. коммент. к п. 366.

[2] Письма Бунина к жене этого периода неизвестны.

[3] В.Н.Муромцева-Бунина писала: «В “Затишье” и произошел первый разрыв. Все началось из-за пустяков. К Цакни приехала погостить знакомая чета, которая не понравилась зятю, а он не умел или не хотел скрывать своего отношения к ним. Элеонора Павловна вознегодовала и каким-то способом поссорила его с женой, уверяя ее, что он только и любит из всех них собачку. Ссора кончилась тем, что среди лета он уехал в Огневку» (*Муромцева-Бунина.*— С. 179). Судя по письмам, эта ссора произошла уже после приезда Бунина из Огневки, а после ссоры Бунин уехал, вероятно, в конце августа в Москву.

[4] В.В.Пащенко.

372. Ю.А.БУНИНУ

Середина августа 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2860 оф.

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 371.

[1] См. п. 371.

[2] Л.К.Федорова.

373. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 сентября 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 6.

Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 488 (с ошибочной датировкой: 3 апреля 1899).

Дата и место написания определены по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Суббота была 4 сентября.

374. В.Я.БРЮСОВУ

Осень 1897 — до 22 сентября 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 46.

Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 440 (с ошибочной датировкой: после 16 декабря 1895).

Знакомство Бунина с Брюсовым состоялось в конце декабря 1895 г. (см. коммент. к п. 336). Скорее всего это письмо относится не к началу взаимоотношений писателей, а к более позднему периоду. В 1896 г. эта записка не могла быть написана, т.к. Бунин был в Москве только три дня в октябре и в подробном письме к Ю.А.Бунину (п. 245) не упоминает ни Брюсова, ни Бальмонта, к тому же последний в это время путешествовал за границей. Судя по упоминанию «серой погоды», это письмо относится, скорее всего, к осеннему периоду и, по-видимому, могло быть написано во время приездов Бунина в Москву или осенью 1897 г., или в конце августа — начале сентября 1898 г., или в сентябре 1899 г. Мало вероятно, что это письмо могло быть написано позже.

375. Ю.А.БУНИНУ

23 сентября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 22.

Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

376. Ю.А.БУНИНУ

24 сентября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 23.

Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

377. Ю.А.БУНИНУ

25 сентября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 24.

Год определен по почтовому штемпелю. Открытка.

378. Ю.А.БУНИНУ

6 октября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 25.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

379. Ю.А.БУНИНУ

10 октября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2786 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 378 и 380.

[1] Ираклиди Елена Владимировна — жена Александра Павловича Ираклиди (брата Э.П.Цакни).

380. Ю.А.БУНИНУ

15 октября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2800 оф.
Год определен по содержанию и по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Лемперт Б.О.— полтавский знакомый Бунина. Письмо к нему неизвестно.
[2] Т.е. 11 октября.

381. Ю.А.БУНИНУ

20 октября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2787 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 380, 382 и 383.

[1] См. п. 380.
[2] Речь идет, видимо, об осложнениях здоровья М.А.Ласкаржевской перед рождением ее первого сына Евгения (1899–1919).
[3] Письмо неизвестно.

382. Ю.А.БУНИНУ

22 октября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2799 оф.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

383. Ю.А.БУНИНУ

24 или 25 октября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2789 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 380, 381, 382.

384. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 ноября 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 12.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 498.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
Написано на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

[1] Бунин приехал в Москву в последних числах декабря 1899 г.

[2] В ответном письме от 10 ноября 1899 г. Телешов писал: «...я до сих пор — ни строки не написал, не то что роман. Черт знает что! Беда, а не жизнь! Не могу, окончательно не могу ничего писать. Понятно, что и настроение подлое. Хочется размахнуться, развернуться, — ан, выходит, нельзя. "Сердце пусто, празден ум". А тут еще клуб открыли. Туда зачастил. Квартира к тому же стала тесна, жарка и неудобна. Время идет попусту, глупо и гадко. Нет мыслей. Все гадость какая-то лезет в голову, да и то лезет вяло, безжизненно. Выпороть бы меня следовало покрепче за мое беспутство. <...> Серьезно. Не подумай, что я пьянствую. А просто так: с рельс сошел. Сюжета нет настоящего, а всякую тусклятину писать противно. Ей-богу, противно, все равно, что падаль есть. Не могу. Пока душа не сольется с "сюжетом", не напишу ничего. Запросы очень велики, потому и нет ничего. О чем писать? Что сказать? Нечего мне сказать людям, потому что сам ничего не знаю, как нужно жить и что нужно делать. Даже в "Детское чтение" ничего не могу придумать. Сам Николай Александрович <Соловьев-Несмелов> дал мне тему: "буран и обратные переселенцы". И тоже все это не то... Не то, не то! Ты Федорову что-то напутал. Он прислал мне стихи, а Тихомировы их не берут. Говорят: пускай сначала сотрудничает у нас, а потом уж и в переговоры вступает. Так стихи и не посмотрели» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 498).

385. Ю.А.БУНИНУ

Начало ноября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 33.
Датируется по содержанию и по связи с п. 383 и 387.
Написано на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

[1] См. коммент. 1 к п. 384. Ездил ли Бунин в Калугу неизвестно.

386. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 ноября 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 13–17.
Впервые: *Проблемы реализма.*— С. 169.

[1] Бунин являлся членом Одесского Литературно-артистического общества. Он принимал участие в литературных вечерах. 9 октября 1899 г. на вечере, посвященном памяти И.С.Никитина, читал стихотворение поэта (Южное обозрение.— 1899.— 11 окт. (№ 946)), 23 октября — рассказ А.Чехова «В бане» (Южное обозрение.— 1899.— 25 окт. (№ 959)).

[2] См. коммент. 2 к п. 384.

[3] Во время своего визита в Одессу П.И.Вейнберг прочел две лекции об И.В.Гете к 150-летию со дня его рождения, исполнявшемуся в 1899 г. Лекции были прочитаны в зале Городской думы 7 и 9 ноября. 10 ноября 1899 г. Литературно-артисти-

ческое общество устроило в честь Вейнберга литературно-музыкальный вечер, на котором петербургский гость «прекрасно прочел и продекламировал три собственных стихотворения». Бунин прочитал рассказ А.Чехова «Душечка» (Южное обозрение.— 1899.— 11 и 12 нояб. (№ 976, 977)).

[4] Имеется в виду, вероятно, Н.В.Гаврилов. См. коммент. к п. 293.

[5] Московское издательство «Книжное дело» не выпускало стихотворений Бунина.

[6] Речь идет об издательском товариществе «Издатель».

[7] И.Д.Сытин произведений Бунина не издавал.

[8] Недолин Алексей Осипович (1870–1901; наст. фам. Благоразумов) — одесский журналист, критик, беллетрист, сотрудник газеты «Южное обозрение». На самом деле Недолин написал резко отрицательный отзыв на книгу Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899). В письме к Бунину от 24 ноября 1899 г. Телешов сообщал: «Дорогой Иван Алексеевич, — пишу тебе, полный ярости. Сию минуту получил письмо от А.М.Федорова из Питера. Он сообщает, что сейчас спас меня от "гнусного поношения" в "Жизни". Тебе говорил Недолин, что он хвалит меня за книгу. Не верь этому подлецу. Он наврал тебе, желая видеть эффект по напечатании отзыва. Он втайне злорадствовал над тобою, уверял тебя о благополучной статье. Его любезность — иудин поцелуй. Вот как он похвалил меня, слушай: "Мелкая газетная работа в погоне за построчным гонораром наложила на мои рассказы [неизгладимую печать] неизгладимое клеймо". Это похвала? И этот сукин сын имеет дерзость уверять тебя в противном, рассчитывая видеть твое изумленное лицо через неделю. Нет, никогда в жизни, если только буду издавать когда-нибудь книгу, не пошлю ни одного экземпляра ни в одну редакцию. Черт с ними! Зная, какими людьми пишутся отзывы, не могу желать этих отзывов. Пускай, если угодно, покупают книгу сами, а я уже не пошлю. Не знаю, что будет дальше, но Федоров уверяет, что статья, уже сверстанная, была зачеркнута. <...> Не говори Недолину ничего, чтобы не выдавать Федорова. А то и ему напакостит!» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 501–502). Рецензия не была напечатана. А.Федоров уговорил В.А.Поссе, редактора «Жизни», не публиковать этот отзыв.

[9] Речь идет об отзыве на книгу Телешова «Повести и рассказы» (М., 1899) в журнале «Русская мысль» (1899.— № 10.— С. 363–364.— Без подписи).

[10] Телешов Андрей Николаевич (1899–1966).

387. Ю.А.БУНИНУ

Середина ноября 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 119–120.

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 383–385.

[1] Опера М.И.Глинки «Иван Сусанин» (1836), которая одно время называлась «Жизнь за царя». В.Н.Муромцева-Бунина писала: «Элеонора Павловна, мечтавшая в юности стать оперной певицей и не ставшая ею, заполняла свою неудавшуюся артистическую жизнь тем, что ставила оперы с благотворительной целью. В том году шли у них на квартире часто репетиции "Жизни за царя" Глинки, спектакль должен был быть в зале на Слободке Романовке. И больше всего возмущало Ивана Алексеевича, что к этому была привлечена Аня, у которой не было ни оперного голоса, ни артистических способностей. <...> Цакни много выезжали, бывали на итальянской опере, артисты которой постоянно толпились в их гостеприимном доме» (*Муромцева-Бунина.*— С. 174, 176).

[2] См. коммент. 1 к п. 384.

[3] Речь идет, вероятно, о выплате долга Н.Телешову.

388. В.С.МИРОЛЮБОВУ

29 ноября 1899

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 2.
Впервые: *Лит. архив.*— С. 130.

[1] Были ли посланы Буниным стихотворения и рассказ неизвестно; с июня 1899 г. по июль 1900 г. произведения Бунина в «Журнале для всех» не появлялись.

[2] С 20-х чисел сентября по начало ноября 1899 г. Миролюбов лечился в Италии.

389. Ю.А.БУНИНУ

Конец ноября 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2811 оф.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 387 и 391.
Написано карандашом на бланке конторы газеты «Южное обозрение».

[1] К М.А.Ласкаржевской в Калугу.

390. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 декабря 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 24.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] Бунин поздравлял Белоусова с днем рождения, 27 ноября ему исполнилось 36 лет.

[2] Имеется в виду книга Белоусова «Птичья стайка. Рассказы и стихотворения» (М., 1899). Рецензия Бунина на эту книгу в газете «Южное обозрение» не появилась.

[3] В газете «Южное обозрение» несколько раз — 6, 10, 17, 19, 20 декабря 1899 г.— было опубликовано объявление следующего содержания: «Книги для детей Ив.А.Белоусова. “Из песен о труде”. Стихотворения. 25 к. Изд. ж. “Детское чтение” (Одобрено комитетом МНП для учебных библиотек и низших уч. зав. и для беспл. нар. б-к и читален. Циркуляр № 5019. 1898 г., 23 февр.). “Птичья стайка”, рассказы и стихотворения, изд. 2. Ц. 10 к. “Малыши”, рассказы и стихотворения, изд. 3. Ц. 30 к. (Допущено УКМНП для беспл. б-к и читален). “Моим деткам”, рассказы и стихотворения, изд. 3. Ц. 25 к. (Допущено УКМНП для низших уч. зав.). “Мамины сказки и рассказы”, изд. 2. Ц. 40 к.»

[4] См. коммент. 1 к п. 384.

391. Ю.А.БУНИНУ

14 декабря 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2794 оф, л. 1–3; РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 59 (концовка письма со слов: «успокоюсь, а потом ей уже нельзя будет ходить на репетиции»).
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 75–77 (отрывок).
Место написания определено по содержанию.

[1] Трынка — копейка серебром.
[2] Барбашев — вероятно, гувернер П.Н.Цакни.
[3] Имеется в виду Морфесси Юрий Спиридонович (1882–1957) — певец, исполнитель русских романсов; эмигрировал после 1918 г.
[4] Опера А.С.Даргомыжского «Русалка» (1855).
[5] Письмо неизвестно.
[6] Сын М.А.Ласкаржевской Евгений.

392. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

16 декабря 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 18–19.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 505–506.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Последнее письмо Телешова к Бунину было отправлено 9 декабря 1899 г.
[2] См. коммент. 8 к п. 386.
[3] В Петербурге с января 1897 г. начал выходить журнал «Жизнь». Речь идет об объявлении о подписке на журнал «Жизнь» на 1900 г. (1899.— № 12). В нем говорилось об участии в журнале в 1900 г. ряда писателей: М.Горького, А.Чехова и в их числе И.Бунина и Телешова.
[4] Речь идет о сказке Телешова «Белая цапля», опубликованной в журнале «Детское чтение» (1900.— № 12.— С. 403–420). Телешов писал Бунину 28 ноября 1899 г.: «Пишу я сказку для "Детского чтения", сказку злободневную, но не политическую. Черт знает, что выходит. Тут и северное море, и южный принц Сагир, и белая цапля. Все равно, про что писать, лишь бы "руку разогнать", авось тогда что-нибудь и другое выйдет. <...> Я ведь сижу-сижу, да что-нибудь и высижу. К 1901 году уж у меня будет роман, как ты там ни бранись! Уж я его высижу и снесу! "Чуткий слух" уже готов. Жду только "Божественного глагола"» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 502).
[5] См. коммент. 1 к п. 384.

393. Ю.А.БУНИНУ

19 или 20 декабря 1899

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 121.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 391 и 396.

[1] Телеграмма неизвестна.

394. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

До 23 декабря 1899

Печатается и датируется по первой публикации. Автограф неизвестен.
Впервые: Южное обозрение.— 1899.— 23 дек. (№ 1014).— С. 3.— Подпись: И.Ч-ов. В 1898–1899 годах Бунин иногда пользовался псевдонимом И.Чубаров, взяв для него девичью фамилию матери. В данном случае он сокращен, что также Буниным использовалось.

395. Ю.А.БУНИНУ

25 декабря 1899

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2788 оф.
Дата и место написания определены по содержанию.

[1] М.А.Ласкаржевская 27 ноября 1899 г. родила сына, назвали его Евгением (см. ее письмо к Ю.А.Бунину без даты: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 23, л. 77–78).
[2] Ср. коммент. 4 к п. 348.
[3] Святки («святые дни») — 12 дней — с 25 декабря по 5 января.

396. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1899

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 20.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 506.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

[1] 9 декабря 1899 г. Телешов приехал в Нижний Новгород, где познакомился с А.М.Горьким. В этот же день Телешов писал Бунину о своем впечатлении от Горького: «Оказался милейший малый. <...> О тебе он отзывался с большой похвалой. <...> Впечатление у меня осталось от него такое же, когда я с тобой познакомился: то есть хороший малый, простяк и нисколько не сукин сын, чего можно было ждать от знаменитости нашего времени» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 503).

397. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 января 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 23, л. 21.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 506.

Дата и место написания определены по содержанию. Судя по упоминанию «Южного обозрения», это письмо относится к периоду сотрудничества Бунина в этой газете — 1898–1900 гг. По всей вероятности, Бунин весь январь 1900 г. прожил в Москве. 31 января 1900 г. приходилось на понедельник, следовательно Бунин мог намечать свой отъезд на 2 февраля («в среду») и, действительно, в начале февраля 1900 г. Бунин уехал из Москвы в Одессу. Однако нельзя исключить другое предположение: Бунин приезжал в Москву в конце августа 1898 г., а в начале сентября уехал в Одессу. 31 августа 1898 г. приходилось также на понедельник, соответственно 2 сентября была среда. Хотя эта предполагаемая датировка мало вероятна, т.к. относится к самому началу сотрудничества Бунина в редакции «Южного обозрения», когда он собирал пока только имена будущих авторов газеты. А по данному письму чувствуется, что это уже не первая просьба дать что-либо для газеты. К тому же нет данных, что в этот свой приезд Бунин встречался с Телешовым. В связи с этим наиболее вероятна первая датировка — 31 января 1900 г. Другие предположения отпадают при сопоставлении дат приездов Бунина в Москву в 1898–1900 гг.

Написано карандашом на листке из записной книжки.

398. Ю.А.БУНИНУ

11 февраля 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 61.

[1] Московские фотографы Отто Ренар и Юлий Христиан Мебиус.

[2] Крандиевский Василий Афанасьевич (1861–1928) — редактор-издатель журнала «Бюллетени литературы и жизни»; библиограф. Речь идет о фотографии Бунина для книги «Галерея русских писателей» (М., 1901), в которой был помещен портрет Бунина и краткая биографическая справка о нем (с. 555, 557). В.А.Крандиевский с начала 1890-х годов жил в доме своего близкого друга, издателя С.А.Скирмунта, в издательстве которого вышла эта книга, и, очевидно, имел отношение к ее подготовке.

399. Ю.А.БУНИНУ

19 февраля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2862 оф.

Место написания определено по содержанию.

В левом верхнем углу первой страницы письма слово «Вечер» написано карандашом рукой Бунина. Со слов «11 вечера 19 февр. 1900» и до конца письмо написано карандашом.

[1] А.П. и Е.В.Ираклиди.

[2] Бунин ошибочно называет дату письма к жене «98 г.», правильно — январь 1899 г., т.к. Бунин познакомился с ней летом 1898 г. Письма, о которых идет речь, см. в коммент. к п. 329.

400. Ю.А.БУНИНУ

21, 22 февраля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2784 оф.

Место написания определено по содержанию.

[1] Редакция журнала Д.И.Тихомирова «Детское чтение» издавала серию «Библиотека “Детского чтения”», в рамках которой готовился к выпуску сборник Бунина «Стихи и рассказы» (М., 1900).

401. Ю.А.БУНИНУ

24 февраля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2779 оф.

[1] См. коммент. к п. 400.

[2] Бунин цитирует письмо жены от 13 июля 1899 г. (см. коммент. 2 к п. 365).

402. Ю.А.БУНИНУ

24 февраля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2778 оф.

[1] А.П.Ираклиди.

[2] Замысел Бунина уехать вместе с Ю.А.Буниным в Константинополь не осуществился из-за эпидемии там чумы.

403. Ю.А.БУНИНУ

26 февраля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2781 оф.

[1] Е.В.Ираклиди.
[2] См. коммент. 2 к п. 402.
[3] А.П.Ираклиди.
[4] Марсик — кличка кота в доме Цакни, упоминается в письме А.Н.Буниной к Бунину от 13 июля 1899 г. (ОГЛМТ, ф. 14, № 3183/7 оф).

404. Ю.А.БУНИНУ

29 февраля, 1 марта 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 62–63.

[1] Бунин уехал из Одессы в начале марта 1900 г. сначала в Москву, только 12 апреля он приехал в Ялту.

405. Ю.А.БУНИНУ

2 марта 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2785 оф.

[1] Поездка Бунина в Палестину в 1900 г. не состоялась.

406. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

2 марта 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 507.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте.

[1] При письме от 14 февраля 1900 г. Телешов прислал Бунину 175 руб. и, в частности, писал: «Передай, пожалуйста, эту сумму в пользу голодающих кому следует, в хорошие руки» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 507). Бунин передал эти деньги Н.П.Цакни для фонда помощи голодающим.
[2] В начале марта 1900 г. у Бунина произошел полный разрыв с женой — А.Н.Буниной.
[3] См. коммент. 1 к п. 404.
[4] Карзинкина Софья Андреевна — младшая сестра Е.А.Телешовой.

407. Ю.А.БУНИНУ

18 апреля 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8932 оф.
Впервые: *Рус. лит.*— 1963.— № 2.— С. 181.
Написано карандашом.

[1] Бунин приехал в Ялту вместе с Н.Телешовым, который вернулся в Москву 19 апреля.

[2] Горький жил в Ялте с начала марта 1900 г.

[3] Пешкова Екатерина Павловна (1878–1965; урожд. Волжина), Пешков Максим Алексеевич (1897–1934).

[4] Сахаров Иван Николаевич (1861–1918) — публицист, присяжный поверенный в Москве.

[5] Лапин Александр Иванович (1845–1907) — присяжный поверенный в Нижнем Новгороде. Весной 1900 г. Лапин с сыном Николаем, перенесшим операцию, жил у Горького в Ялте.

[6] Имеется в виду, вероятно, Маклакова Мария Алексеевна — сестра московского адвоката и политического деятеля Василия Алексеевича Маклакова.

[7] В воспоминаниях «О Чехове» Бунин писал: «Весною 1900 года, когда в Крыму играл Художественный театр, я тоже приехал в Ялту. Встретился тут с Маминым-Сибиряком, Станюковичем, Горьким, Телешовым, Куприным. Привезены были четыре пьесы: "Чайка", "Дядя Ваня", "Одинокие" Гауптмана и "Гедда Габлер" Ибсена. Спектакли шли сначала в Севастополе, потом в Ялте» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 7.— С. 48).

[8] Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) — режиссер, театральный деятель, писатель, драматург, основатель и руководитель МХТ; его жена — Екатерина Николаевна (1858–1938).

[9] Тихомиров Иосафат Александрович (1872–1908) — актер МХТ (в 1898–1904 годах).

[10] Адашев Александр Иванович (1871–1934; наст. фам. Платонов) — педагог, актер МХТ (в 1898–1913 годах).

[11] Москвин Иван Михайлович (1874–1946) — актер МХТ с 1898 г. С 1943 г. был директором МХАТа.

[12] Вишневский Александр Леонидович (1861–1943; наст. фам. Вишневецкий) — актер МХТ.

[13] Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938; наст. фам. Алексеев) — актер, режиссер, театральный педагог, основатель и руководитель МХТ.

[14] Книппер Ольга Леонардовна (1868–1959) — актриса МХТ.

[15] Андреева Мария Федоровна (1868–1953; наст. фам. Юрковская) — актриса МХТ (в 1898–1905 годах).

[16] Чехова Мария Павловна (1863–1957) — сестра А.П.Чехова; педагог, художник.

[17] Алексин Александр Николаевич (1863–1925) — старший врач Ялтинской земской больницы, друг Горького.

[18] Стремясь собрать в журнале лучшие литературные силы, Горький с начала знакомства с Буниным стал привлекать его к участию в «Жизни». Письмо Горького в редакцию журнала «Жизнь» неизвестно. См. также коммент. 1 к п. 435.

[19] Ю.А.Бунин приехал в Ялту и вместе с И.Буниным уехали в Одессу.

408. Ю.А.БУНИНУ

До 16 мая 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2858 оф.

Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 409.

[1] Речь идет о сборнике Бунина «Стихи и рассказы» (М., 1900), который вышел весной.

[2] С декабря 1898 г. по май 1900 г. в Калуге жила М.А.Ласкаржевская с матерью Л.А.Буниной.

409. Ю.А.БУНИНУ

16 мая 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 65.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] А.Н.Бибиков.

[2] Пушешников Николай Алексеевич (1882–1939) — двоюродный племянник Бунина; литературовед, переводчик; сын А.И. и С.Н.Пушешниковых, в имении которых Васильевское (с. Глотово) Бунин часто проводил лето.

410. Ю.А.БУНИНУ

22 мая 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 66.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

411. С.Н.КРИВЕНКО

23 мая 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 54, л. 19–20.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Речь идет о разрыве между Буниным и А.Н.Цакни в начале марта 1900 г.

412. Ю.А.БУНИНУ

24 мая 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2791 оф.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] М.А.Ласкаржевская с матерью Л.А.Буниной приехали из Калуги в Ефремов, вероятно, в середине мая 1900 г. Очевидно, к этому времени относится недатированное письмо М.А.Ласкаржевской к Ю.А.Бунину, в котором она сообщала: «Мы вот уже третий день в Ефремове, доехали благополучно, наняли квартиру. <...> Адрес: г. Ефремов Тульской губернии, Большая улица, дом Курносова» (ОГЛМТ, ф. 17, № 3354/6 оф). См. п. 409.

413. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 мая 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 2–3.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 508–509.

[1] См. коммент. 1 к п. 407.

[2] См. п. 407 и коммент. к нему.

[3] В ответном письме от 6 июня 1900 г. Телешов писал: «Что не поехал в Турцию, молодец. Какого дьявола шататься по чуме и всякий час думать — не заразился ли. Да и не нравятся мне турки, чтоб им пусто! <...> Заговорив о турках,

невольно вспомнил я и о Средней Азии, о Туркестане, куда рано или поздно, а надо мне попасть. Что, если я через год соберусь, поедешь со мной?» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 510).

4 Бунин приехал в Огневку в середине мая.

5 Эти стихотворения составили сборник «Листопад», вышедший в свет в издательстве «Скорпион» в начале 1901 г.

6 По этому поводу в том же письме Телешов писал: «По поводу “Журнала для всех” ты меня очень удивил. Почему Миролюбову его продать, а мне купить? и почему все это одобряют, как ты говоришь? Я сегодня думал об этом. Дело трудное. Во-первых, нужно жить в Петербурге для этого, во-вторых, — черт его знает, что нужно еще. А дело, правда, симпатичное» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 510). Покупка не состоялась.

7 В Москву Бунин приехал в середине августа.

8 Этот замысел не был осуществлен. См. также п. 420.

414. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец мая 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 89.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 413.

1 См. п. 407 и коммент. к нему.

2 Бунин прожил в Огневке примерно со второй половины мая до начала августа 1900 г.

415. Ю.А.БУНИНУ

Конец мая 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 44.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 409, 410 и 412.

416. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 июня 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 4–5.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 511–512.

1 См. коммент. 3 и 6 к п. 413.

2 Рассказ Телешова «Хлеб-соль» был написан для задуманного драматургом и публицистом князем Владимиром Владимировичем Барятинским (1874–1941) литературно-художественного сборника в пользу голодающих на юге России, но выход его не состоялся.

3 Сведения об этом сборнике отсутствуют.

4 Речь идет о драме Горького «Мещане», которую он не закончив, осенью 1900 г. уничтожил. Телешов сообщал Бунину в письме от 6 июня 1900 г.: «Горький написал драму из чернорабочей среды» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 510).

5 Мысль о написании драмы возникала у Бунина не раз. См. п. 25. В интервью, данном журналу «Рампа и жизнь» (1912.— № 44.— С. 5), он также говорил об этом желании: «Часто мне хотелось написать что-нибудь для сцены. Влекла меня и

самая форма. Ведь в драме, в ее стремительном, сильном, сжатом диалоге так многое можно сказать в немногих словах». Замысел Бунина не был осуществлен.

[6] На сборник Бунина «Стихи и рассказы» (М., 1900) была опубликована рецензия без подписи в «Вестнике воспитания» (1900.— № 8 (дек.).— С. 42–43).

[7] Тимковский Николай Иванович (1863–1922) — прозаик, драматург, сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Северный вестник», «Русское богатство». Автор повестей и рассказов о жизни городской интеллигенции, а также ряда пьес: «Сильные и слабые», «Два лагеря» и др. В данном случае речь идет о книге Тимковского «Повести и рассказы» (СПб., 1900), получившей много положительных откликов в печати.

[8] С 1900 г. И.И.Иванов стал ведущим критиком в журнале «Русская мысль».

417. В.С.МИРОЛЮБОВУ

До 21 июня 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 3.

Впервые: *Лит. архив.*— С. 130 (с ошибочной датировкой: октябрь 1900).

Датируется по содержанию и по времени пребывания Бунина в Глотово. См. п. 418.

[1] Бунин послал в «Журнал для всех» следующие стихотворения: «Ночь печальна, как мечты мои...», «Снова сон, пленительный и сладкий...», «Осенняя ночь» («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»), «Примирение» («Ночь темна и долга... Море глухо шумит...»), «Как светла как нарядна весна!..» См. также коммент. 2 к п. 436.

[2] Речь идет о сборнике «Листопад» (М., 1901), который вышел в конце января 1901 г.

418. Ю.А.БУНИНУ

21 июня 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 67.

Место написания определено по содержанию.

Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] См. коммент. 2 к п. 398.

[2] Имеется в виду, вероятно, рассказ «Антоновские яблоки».

[3] См. коммент. 8 к п. 416.

[4] Книга стихотворений Бунина «Под открытым небом» (М., 1898).

419. Ю.А.БУНИНУ

24 июня 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2790 оф.

Дата и место написания определены по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

Написано карандашом.

420. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец июня 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 100–101.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 421.

[1] Имеется в виду ожидаемое рождение ребенка. Сын Бунина Николай родился в Одессе 30 августа 1900 г.
[2] Ездил ли Бунин в Липецк неизвестно. 7 августа он уехал из Огневки и через Ефремов, где пробыл два дня, поехал в Москву.
[3] См. коммент. 8 к п. 413.

421. И.А.БЕЛОУСОВУ

16 июля 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 91.
Год определен по содержанию и по п. 420, 422 и 423.

[1] См. коммент. 2 к п. 420.

422. Ю.А.БУНИНУ

16 июля 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 18, л. 128.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 421 и 423.

[1] См. коммент. 2 к п. 398.
[2] См. п. 421.
[3] См. п. 423.

423. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

16 июля 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 6–7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 514.

[1] 21 июня 1900 г. Телешов писал: «Купил себе новое издание Горького и читаю. Молодец он, собака! Хорошо пишет. <...> На стихи-то ты не очень налегай. Не в моде они нынче. Пиши что попроще, да пиши так, чтобы читателя в морду било — вот и успех пойдет. Видишь, теперь читателю есть нечего, жить тесно, душа у него в тисках, — до тонкостей ли ему теперь? Бей в морду, чтобы очувствовался. Тогда и поймет, потому что его, бедного, и жизнь в морду бьет, и обстоятельства в морду бьют, — он и осатанел и не чувствует больше тонкостей» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 513).

[2] В этом же письме Телешов писал: «Ну, а сам я должен бросить писать. Это теперь ясно как Божий день. Изменить условий жизни я не могу, а при этих условиях хоть 100 лет живи, ничего не напишешь. Особенно летом: приехал, выкупался, пообедал, минут 40 прогулялся в аллею к пруду, а вернулся — и уж в сон клонит, руки опускаются, выпил чайку — совсем раскис и спать пошел, а утром встал — и уехал, чтобы опять вечером было то же самое. Когда тут писать? Тут

даже обдумать ничего нельзя. Да и в голову не лезет ничего. Пропадаю, брат!» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 513).

[3] Т.е. в Огневке.

[4] См. коммент. 2 к п. 420.

[5] Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) — прозаик, драматург. Рассказ «Именинница» был напечатан в журнале «Жизнь» (1900.— № 6.— С. 305–353). В ответном письме от 21 июля 1900 г. Телешов писал: «Вчера получил твое письмо на даче. Чего ты злишься? Горький, как ни толкуй, все-таки хорош. Хотя я и начал читать по твоему велению Чирикова "Именинницу", но Чирикову до Горького далеко». В следующем письме от 2 августа 1900 г. Телешов отмечал: «"Именинница" Чирикова хороша. Да, хороша. Прочитал и сказал тебе спасибо, что рекомендовал. Хорошо написано» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 514, 516).

424. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 июля 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 8.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 515–516.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] См. коммент. 5 к п. 423.

[2] Речь идет о слухах об уходе В.А.Поссе с поста редактора журнала «Жизнь».

[3] Г.А.Джаншиев умер 17 июля 1900 года, похороны состоялись 21 июля. Н.Д.Телешов в письме к Бунину от 21 июля 1900 г. сообщал: «Сегодня похороны Джаншиева. Заехал утром в церковь, подождал, когда его привезли, поклонился и уехал» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 515).

[4] В журнале «Мир Божий» (1900. — № 8. — С. 25–27) был напечатан цикл стихов Бунина «Из путевого альбома»: 1. Учан-Су («Свежее веет воздух горный...»), 2. По вечерней заре («Засинели, темнеют равнины...»), 3. Утро («Тих и чуток предрассветный час...»), 4. В лесах над Десною («Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...»), 5. В море («Отчего ты печально, вечернее небо?..»); в журнале «Детское чтение» (1900. — № 8. — С. 173–174) под общим заглавием «До́ма» были напечатаны два стихотворения: Урожай («Опять я дома. Кончен путь...»), Отдых («Сухо кузнечики в жнивьях трещат...»).

[5] Бунин цитирует письмо А.М.Горького и Е.П.Пешковой от 5 июля 1900 г. из села Мануйловка Полтавской губ. (см.: *Горький. ПСС*.— Т. 2.— С. 35).

425. А.М.ФЕДОРОВУ

1 августа 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 3–4.
Впервые: *Вопросы лит*.— 1969.— № 7.— С. 181 (отрывок).
Место написания определено по содержанию.

А.М.Федоров в письме без даты, на которое отвечал Бунин, писал: «Очень жаль, что до сих пор ты не заглядываешь в Одессу, где тебя все так рады будут видеть, а я особенно. Если ты не приедешь и в августе, мы с тобой можем не увидеться, ибо в конце августа я уеду в Пбург, где начнутся репетиции "Бурелома". Затем, в сентябре буду в Москве по случаю постановки в Художественном театре моего "Старого дома". <...> Лидия Карловна около месяца тому назад родила и ребеночек умер. Это на меня подействовало так нехорошо, что я заболел нервным расстройством <...> Как зовут Миролюбова и в Пбурге ли он? Скверную штуку со мной сыграл в Москве Медведев. Я передал ему роман для передачи в "Русскую

мысль" ("Бурелом"), но до сих пор не получаю от него ни звука. <...> Слышно, что на днях приедут в Одессу из имения твои, для воспроизведения на свет Бунчика. Когда приедешь, я прочту тебе лучшую из моих стихотворных вещей "Орел". Передавать ее тебе не стану. Слишком велика» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/15 оф).

[1] См. п. 424 и коммент. 5 к нему. В письме от начала августа 1900 г. Горький вновь приглашал Бунина: «...примите во внимание, что я останусь здесь до половины сентября, что в Мануйловке — очень хорошо <...> Живем мы в парке, а парк стоит почти на сорока десятинах. Мужик здесь — ах, как хорош! Я ничего не делаю, играю в чушки с мужиками и немножко пьянствую с ними. Хорошая компания, ей-богу!» (*Горький. ПСС.*— Т. 2.— С. 43). Бунин не ездил в Мануйловку к Горькому.

[2] Речь идет о предполагаемом путешествии за границу.

[3] См. коммент. 2 к п. 420. 10 или 11 августа Бунин приехал в Москву, где прожил до начала сентября. Затем уехал в Петербург, где жил с 5 по 21 сентября и встречался с Федоровым. Возвратившись в Москву, он пробыл там с 22 сентября по 4 октября и уехал в Одессу.

[4] См. коммент. 2 к п. 424.

[5] Письмо неизвестно.

[6] См. коммент. 1 к п. 417. К тем пяти стихотворениям, упоминаемым в п. 417, Бунин послал в «Журнал для всех» еще одно — «Степная ночь» («Могилы, ветряки, дороги и курганы...»).

[7] См. коммент. 1 к п. 406.

[8] Речь идет о пьесе «Мещане», премьера которой во МХАТе состоялась 26 марта 1902 г.

426. И.А.БЕЛОУСОВУ

До 6 августа 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 86.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 428.

[1] См. коммент. 3 к п. 425.

[2] В журнале «Русская мысль» поэма «Листопад» не появилась.

[3] См. п. 427.

427. В.М.ЛАВРОВУ

До 6 августа 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 47, л. 5.
Датируется по содержанию и по п. 426.

Лавров Вукол Михайлович (1852–1912) — журналист, переводчик, издатель; основатель и издатель журнала «Русская мысль» (с 1880 г.), с 1885 г. стал его редактором-издателем. Переводил польских писателей: Г.Сенкевича, В.Гомулицкого, С.Жеромского, Т.Т.Ежа, Э.Ожешко, Б.Пруса и др. Бунин публиковал в журнале «Русская мысль» свои произведения. Переписка Бунина и Лаврова (РГАЛИ) касается исключительно публикации в журнале бунинских стихотворений.

[1] Имеется в виду «Листопад». См. коммент. 2 к п. 426.

428. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 августа 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 9–10.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 517.

[1] Речь идет о газетной вырезке с объявлением о выходе № 8 журнала «Мир Божий», где были опубликованы стихотворения Бунина. См. коммент. 4 к п. 424.

[2] В письме от 2 августа 1900 г. Телешов сообщал: «Черт знает — к похоронной веренице присоединились еще двое: Левитан и Вл. Соловьев — что же это? Это уже почти касается нас. Несколько лет еще и мы на очереди» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 516).

[3] Филиппов Алексей Фролович (1868–?) — редактор журнала «Русское обозрение» с лета 1900 г. Стремился поднять авторитет журнала, привлекая к сотрудничеству талантливых писателей. Члены «Среды» вынашивали план оказания денежной поддержки журналу, чтобы придать ему демократическую ориентацию. Проект использования «Средой» «Русского обозрения» не был реализован. Телешов в письме Бунину от 10 августа сообщал: «Будущий редактор “Русского обозрения” — от всех слышу одно и то же — сволочь во всех отношениях, так что невозможно связываться» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 517).

[4] Телешов сообщал Бунину в письме от 10 августа: «По поводу “Курьера” думаю, что 40 к. не дадут, хотя еще не спрашивал» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 517). В газете «Курьер» стихотворения Бунина начали печататься с декабря 1900 г.

[5] Речь идет о задуманном сборнике из произведений членов «Среды». Сборник был издан в 1902 году книжным магазином Торгового дома С.Курнин и К° под названием «Книга рассказов и стихотворений».

[6] Голоушев (псевд. Глаголь) Сергей Сергеевич (1854–1920) — художник, художественный критик. Был одним из инициаторов издания этого сборника. Телешов в письме к Бунину от 10 августа 1900 г. писал: «Голоушева настрою на сборник» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 517).

[7] В Одессу Бунин не ездил. См. коммент. 3 к п. 425 и п. 429.

429. Ю.А.БУНИНУ

8 августа 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 68–69.
Написано карандашом.

[1] Ося — И.А.Ласкаржевский.

[2] В словаре В.И.Даля слова «пузня» нет, но имеется слово «пуз», означающее хлебную меру. Бунин, вероятно, назвал пузней место, где продавали или покупали хлеб (зерно).

[3] См. коммент. 1 к п. 425.

[4] См. коммент. 1 и 3 к п. 425. Бунин встречался с Горьким в Москве в конце сентября 1900 г.

[5] См. коммент. 2 к п. 424.

430. В.Я.БРЮСОВУ

29 или 30 августа 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 6.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 448.

Дата и место написания определены по времени приезда Бунина в Москву и дате на «Условии», заключенном им с издательством «Скорпион».
Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы в Москве».

[1] Имеется в виду выпуск в издательстве «Скорпион» стихотворного сборника Бунина «Листопад».

[2] Поляков Сергей Александрович (1874–1948) — математик, переводчик; известный московский меценат. Организатор и владелец издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

[3] 31 августа 1900 г. к Бунину в Большую Московскую гостиницу пришли В.Брюсов, С.А.Поляков и Ю.К.Балтрушайтис. Переговоры об издании «Скорпионом» книги стихотворений Бунина закончились подписанием «Условия», которое было написано собственноручно Буниным (см.: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 448). По этому «Условию» Бунин был обязан предоставить издательству «Скорпион» рукопись книги не позднее 1 октября 1900 г. в объеме не менее 10 печатных листов, и давал право выпустить одно издание этой книги тиражом 1800 экземпляров. Издательство было обязано напечатать книгу не позднее 1 января 1901 г. После текста «Условия» и подписей приписано Буниным, что он 2 октября 1900 г. получил за эту книгу 300 рублей.

431. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 августа 1900

Печатается по автографу: МКТ.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Визитная карточка И.А.Бунина.

432. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

3 сентября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 11.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 518.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 434.

[1] Встреча Бунина с Телешовым не состоялась. См. п. 434.

[2] Бунин выехал в Петербург вечером 4 сентября и пробыл там до 21 сентября.

[3] Имеется в виду ресторан И.Я.Тестова, находился на углу между Театральной площадью и Вознесенской (ныне площадь Революции). Здание не сохранилось.

433. И.А.БЕЛОУСОВУ

5 сентября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 25.

[1] Поэма Бунина «Листопад» была опубликована в № 10 журнала «Жизнь» за 1900 г. (с. 149–166) с посвящением М.Горькому, «по его — Горького просьбе», как позднее отметил Бунин (*Материалы (2).*— С. 80).

[2] См. п. 434.

[3] В журнале «Мир Божий» (1900.— № 11.— С. 19–20) были опубликованы два стихотворения Бунина под общим заголовком «На морских берегах»: «К прибрежью моря грустная аллея...», «Так небо низко и уныло...».

434. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 сентября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 12.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 518.

[1] См. п. 431 и 432.
[2] В автографе описка: 5-го.
[3] См. коммент. 3 к п. 425.
[4] См. коммент. 3 к п. 430.
[5] См. коммент. 1 к п. 433.
[6] Телешов писал 10 августа 1900 г.: «Вчера был в "Русской мысли" по просьбе Федорова. Мне сказал Гольцев, что про стихи его он ничего не знает и не удивляется, что редакция не отвечает. Благодаря "наводнению" стихами, редакция окончательно отказывается вступать в переписку. Видишь — что такое стали стихи? Это же будет и с рассказами и повестями вскоре» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 517).
[7] См. п. 433.

435. Ю.А.БУНИНУ

5 сентября 1900

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2782 оф.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте и по связи с п. 433 и 434.

[1] В журнале «Жизнь» (1900.— № 9.— С. 302–304, 356–357) было опубликовано 7 стихотворений под общим заглавием «Акварели»: Из сказки («Все лес и лес. А день темнеет...»), На Днепре («За синим Днепром, за горами...»), После половодья («Прошли дожди, апрель теплеет...»), Молодой месяц («Народился месяц молодой...»), В отъезжем поле («Сумрак ночи к западу уходит...»), Закат («Корабли в багряном зареве заката...»), В мае («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...»); а также стихотворение «Вирь» («Где ельник сумрачный стоит...»).
[2] См. коммент. 3 к п. 430.
[3] Савина Мария Гавриловна (1854–1915) — актриса, с 1874 г. до конца жизни играла на сцене петербургского Александринского театра. Савина исполнила роль Нильской в пьесе Федорова «Бурелом», премьера которой состоялась в 1900 г. Позже Савина играла в пьесе Федорова «Старый дом» в роли Ирины Дмитриевны (премьера состоялась в 1901 г.).
[4] Это письмо Бунина неизвестно.

436. В.С.МИРОЛЮБОВУ

5 сентября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 4.
Впервые: *Лит. архив*.— С. 131 (с ошибочной датировкой: январь — февраль 1901).
Датируется по содержанию и по времени приезда Бунина в Петербург. См. п. 433–435.

[1] Редакция петербургского «Журнала для всех» располагалась по адресу: ул. Спасская (ныне Рылеева), д. 26.

[2] См. коммент. 1 к п. 417 и коммент. 6 к п. 425. К этому времени из присланных Буниным шести стихотворений в «Журнале для всех» было опубликовано только два: «Ночь печальна, как мечты мои...» (1900.— № 8.— Стб. 917–918), «Снова сон, пленительный и сладкий...» (1900.— № 9.— Стб. 1085–1086). Оставшиеся стихотворения и вновь присланные Буниным были опубликованы до конца 1900 г.: «Осенняя ночь» («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...»), «Примирение» («Ночь темна и долга... Море глухо шумит...») — № 11.— Стб. 1311–1312; «Как светла как нарядна весна!..», «Степная ночь» («Могилы, ветряки, дороги и курганы...»), «Нынче ночью кто-то долго пел...», Из Шевченко: «Завещание» («Как умру, похороните...»), «Во зеленой темной роще...» — № 12.— Стб. 1411–1412, 1423–1424, 1456.

[3] Позже Бунин прислал рассказ «Скит», который был опубликован в «Журнале для всех» вместе со стихотворением «В июле» («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...») (1901.— № 7.— Стб. 803–804, 819–826).

[4] См. коммент. 3 к п. 425.

437. Ю.А.БУНИНУ

После 5 сентября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 41.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 435.

[1] Имеется в виду гонорар за стихотворения, опубликованные в журнале «Книжки “Недели”»: «Осень» («Таинственно шумит лесная тишина...») (1900.— № 9.— С. [176]); «На распутье» («На распутье в диком древнем поле...») (1900.— № 10.— С. 112–113).

438. Ю.А.БУНИНУ

13 сентября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 72.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка с фотографией, на которой запечатлен миноносец «Сокол» в Кронштадте.

[1] См. коммент. 3 к п. 439.

439. Ю.А.БУНИНУ

19 сентября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 73.
Закрытое письмо.

[1] 21 сентября 1900 г. Бунин выехал в Москву.

[2] М.А.Ласкаржевская писала 28 сентября 1900 г. братьям: «Мама просит вас уведомить, что ей теперь гораздо лучше, ноги опали и вообще себя чувствует здоровой и по ночам спит покойней, просит вас не волноваться» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2979/17 оф).

[3] В.П.Куровский писал 2 сентября 1900 г.: «<...> спасибо за твое письмо, оно вовремя осветило слишком уж было сгустившийся мрак моего существования, осветило самым теплым, самым отрадным, самым светлым и счастливым светом, — светом дружбы, светом того бесценного волнения радости, которое может породить

только человеческая душа в человеческой душе. Как мало уделено бедному человечеству этого святого, высокого, божественного, таинственного чувства!.. Может быть, проходит бесчисленное число жизней, которые и не озарятся им, как ночные мотыльки, которым не суждено видеть солнца?.. <...> До свидания, дорогой друг, стараюсь из всех сил все сделать, чтобы с тобою уехать за границу» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3046/12 оф).

[4] Письмо неизвестно.

440. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 сентября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 13.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 519.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 3 к п. 425.

441. И.А.БЕЛОУСОВУ

Конец сентября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 95.
Дата и место написания определены по содержанию и по характеру почерка.

442. В.Я.БРЮСОВУ

4 октября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 8–9.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 449.
Дата и место написания определены по времени отъезда Бунина из Москвы в Одессу (см. коммент. 3 к п. 425) и по дате расписки о получении денег от издательства «Скорпион» (см. коммент. 3 к п. 430).

[1] См. коммент. 1 к п. 444.

[2] Бунин приехал в Москву 20 ноября 1900 г.

[3] С художником Виктором Михайловичем Васнецовым (1848–1926) Бунин познакомился в марте 1900 г. у него дома.

[4] Бунин предполагал назвать свой стихотворный сборник «Витязь» в связи с находящимся там стихотворением «На распутье», импульсом для написания которого явилась картина В.М.Васнецова «Витязь на распутье». В книге «Листопад» это стихотворение посвящено В.М.Васнецову.

[5] Имеется в виду книга итальянского писателя Габриеле Д'Аннунцио (1863–1938) «Мертвый город. Джиоконда. Слава: Трагедии» (Пер. с ит. Ю.Балтрушайтиса.— М.: Скорпион, 1900). Книга была издана средним форматом в восьмую долю листа.

443. Ю.А.БУНИНУ

6 октября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 74.
Открытка.

444. Ю.А.БУНИНУ

10 октября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 75.

[1] 11 октября 1900 г. Бунин с В.П.Куровским отправился в заграничное путешествие.
[2] Т.е. 7 октября.
[3] А.Н.Цакни очень долго не давала развода Бунину. Будучи с 1907 г. уже вместе с В.Н.Муромцевой, Бунин смог повенчаться с ней лишь в эмиграции в Париже 4 июля 1922 г. Развод с А.Н.Цакни был оформлен, вероятно, между 1911 и 1922 гг., т.к. Бунин еще в 1909–1910 гг. переписывался с А.Цакни и помогал ей материально. Позже А.Цакни вторично вышла замуж за А.М.Де-Рибаса.

445. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 октября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 14.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 519.
Год определен по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] См. коммент. 1 к п. 444.

446. Е.А. и Н.Д.ТЕЛЕШОВЫМ

12 октября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 15.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 519.
Место написания определено по содержанию и по почтовому штемпелю. Открытка, на лицевой стороне которой фотография с подписью: Kielce: Klasztor na Karszówce. Klisza z «Kraju w obrazach», zmniejszona 12 razy (Кельце: Карчувицкий монастырь. Клише из «Страны в картинах», уменьшено в 12 раз — польск.).

447. Ю.А.БУНИНУ

13 октября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 76.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка с видом костела Святого Яна в Варшаве.

448. Ю.А.БУНИНУ

30(17) октября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 77.
Открытка с видом собора Святого Гереона в Кёльне.

449. В.Я.БРЮСОВУ

1 ноября (19 октября) 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 10.

Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 449–450 (с ошибочной датировкой: 19/X <н.ст>).

Месяц написания письма определен по содержанию.

Написано на почтовой бумаге Palast-Hôtel Engels & Eisler в Кёльне, но название отеля перечеркнуто.

[1] Речь идет об издании сборника «Листопад».
[2] См. п. 442.
[3] Бунин выехал из Парижа 10 ноября (28 октября) 1900 г.
[4] Бунин был в Мюнхене 23(10) — 25(12) ноября 1900 г.

450. Ю.А.БУНИНУ

1 ноября (19 октября) 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 78.
Месяц написания определен по содержанию.
Открытка.

[1] См. коммент. 3 к п. 449.
[2] См. коммент. 4 к п. 449.

451. Ю.А.БУНИНУ

6 ноября (24 октября) 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 79.
Открытка с видом террас в городе Сен-Жермен-ан-Ле.

[1] Речь идет о бракоразводном процессе Бунина и А.Н.Цакни.

452. А.М. и Е.П.ПЕШКОВЫМ

7 ноября (25 октября) 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, ФЕП-кр, 9-3-1.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

Бунин познакомился с Горьким весной 1899 г. в Ялте. Горький был одним из организаторов и редактором издательства «Знание», которое выпустило Собрание сочинений Бунина в 5-ти томах, а также выпускало «Сборники товарищества “Знание”», в которых принимал активное участие Бунин. Дружеские отношения между писателями были прерваны в 1917 г. Переписка Горького и Бунина 1899–1917 гг. издана (*Горьковские чтения* (*1961*).— С. 3–126).

453. В.Я.БРЮСОВУ

9 ноября (27 октября) 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 11.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 450.

Дата и место написания определены по содержанию и по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Брюсов, отвечая на два последних письма Бунина, писал в начале ноября 1900 г., что объем книги составляет меньше 10 листов, в связи с чем ее надо будет отдавать цензору. «Тогда решили изменить формат, уменьшить его, чтобы все-таки набралось 10 листов. Так теперь и печатаем. <...> по приезде в Москву получите вы полуисправленные листы» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 450).

[2] Бунин уехал из Парижа на следующий день — 10 ноября (29 октября) 1900 г. См. п. 461.

[3] Имеются в виду С.А.Поляков и Ю.К.Балтрушайтис, которые принимали активное участие в делах издательства «Скорпион».

[4] В это время Брюсов готовил к изданию книгу «Tertia vigilia» (М.: Скорпион, 1900).

454. Ю.А.БУНИНУ

11 ноября (29 октября) 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 80.
Открытка с видом горного массива в Женеве.

455. И.А.БЕЛОУСОВУ

9, 12 ноября (27, 30 октября) 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 26.
Открытка с видом Собора Парижской Богоматери.

456. Ю.А.БУНИНУ

16(3) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 84.
Дата и место написания определены по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка с видом города Мюррена на юге Швейцарии.

[1] Гриндельвальд — город на юге Швейцарии.

457. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

17(4) ноября 1900.

Печатается по автографу: РГБ ОР, ЛМ XXIII/1 А-2, л. 2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 520.
Открытка с фотографией альпийского пейзажа и надписью: «Gruss von Harder» — «Привет из Хардера» (нем.).

[1] Интерлакен — горноклиматический курорт в Швейцарии, к юго-востоку от Берна.

[2] Юнгфрау — одна из вершин Бернских Альп.

458. Ю.А.БУНИНУ

17(4) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 82.
Открытка с видом горного массива.

459. В.Я.БРЮСОВУ

18(5) ноября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 12.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 451.
Место написания определено по содержанию.
Открытка.

[1] Финстерааргорн — вершина в Швейцарии, самая высокая в Бернских Альпах.
[2] Риги — горный массив в Гларнских Альпах, одна из главных вершин — Кульм. См. п. 461.

460. Ю.А.БУНИНУ

18(5) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 85.
Открытка с видом горного ландшафта Rigi-Staffel und Kulm.

461. Ю.А.БУНИНУ

18(5), 19(6) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 86–93.
Впервые: *Новый мир*.— 1956.— № 10.— С. 207–209 (с неточностями).
Написано на почтовой бумаге Hôtel & Pension Rigi-Staffel на Риги-Кульм. Конец письма со слов «$^1/_2$ двенадцатого...» написан карандашом.

[1] Бунин имеет в виду начало второй сцены первого акта драматической поэмы Д.Г.Байрона «Манфред». Первые слова Манфреда у водопада: «Еще не полдень: радуга сияет...» После своего монолога Манфред зачерпывает на ладонь воды и бросает ее в воздух, вполголоса произнося заклинания. Под радугой водопада появляется фея Альп.
[2] См. коммент. 1 к п. 457.
[3] См. коммент. к п. 457, 459.
[4] Горные вершины в Альпах.
[5] Одна из вершин Альп.
[6] Н.Ф.Михайлов.

462. В.Я.БРЮСОВУ

23(10) ноября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 13.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 452.
Закрытое письмо.

[1] См. коммент. 1 к п. 453.
[2] Бунин выехал из Мюнхена 25(12) ноября 1900 г.

463. Ю.А.БУНИНУ

23(10) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 94.
Открытка.

[1] Бунин приехал в Петербург 17 ноября 1900 г.

464. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24(11) ноября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 16.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 520.
Датируется по московскому почтовому штемпелю (14.XI.1900), по содержанию и по связи с п. 463 и 465. Угол с маркой и мюнхенским почтовым штемпелем вырезан, в связи с чем на оборотной стороне оказалась вырезанной часть текста, восстанавливаемая по смыслу. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 462 и коммент. 3 к п. 465.
[2] См. коммент. 1 к п. 463.
[3] См. коммент. 2 к п. 442.

465. Ю.А.БУНИНУ

25(12) ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 95, 125.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 81 (отрывок).

[1] См. п. 447, 448, 450, 451, 454, 456, 458, 460, 463.
[2] Имеется в виду швейцарский живописец Арнольд Бёклин (1827–1901).
[3] По всей вероятности, маршрут возвращения Бунина в Россию был таким: Вена, Прага, Дрезден, Варшава, Петербург.
[4] См. коммент. 1 к п. 463 и коммент. 2 к п. 442.
[5] Пушешников Дмитрий Алексеевич (1880–1954) — сын С.Н.Пушешниковой, двоюродный племянник Бунина; юрист.

466. Ю.А.БУНИНУ

13 ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 81.
Открытка с видом Праги и надписью: «Gruss aus Prag!».

[1] См. коммент. 1 к п. 463.

467. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

13 ноября 1900

Печатается по автографу: РГБ ОР, ЛМ XXIII/1 А-2, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 520 (с ошибочным определением даты по ст. ст. 25 ноября, Буниным была указана дата уже по ст. ст.).

Открытка с видом Праги и надписью: «Pozdrav z Prahy» («Поздравление из Праги»).

[1] Чешская хлебная водка.

468. Ю.А.БУНИНУ

17 ноября 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 83.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 81 (отрывок).
Датируется по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

[1] От франц. frapper — неприятно поразить, ошеломить.
[2] См. коммент. 2 к п. 442.

469. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

17 ноября 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 17.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 522.
Год определен по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 442.

470. В.Я.БРЮСОВУ

20 ноября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 15.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 452.
Дата и место написания определены по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

471. В.Я.БРЮСОВУ

22 ноября 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 14.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 452.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Ю.А.Бунин в то время жил в доме Н.Ф.Михайлова (Староконюшенный пер., д. 32), где также располагалась редакция журнала «Вестник воспитания».
[2] В середине декабря 1900 г. Бунин уехал в Огневку.

472. В.Я.БРЮСОВУ

15 декабря 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 16.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 453.

[1] Стихотворный сборник «Листопад» печатался в типографии Анатолия Ивановича Мамонтова.
[2] Это приветствие относится к С.А.Полякову и Ю.К.Балтрушайтису.
[3] Просьба Бунина была выполнена, объем книги составил одиннадцать с лишним печатных листов, что позволило издателям не отдавать книгу на предварительную цензуру. См. коммент. 5 к п. 442.

473. Ю.А.БУНИНУ

15 или 16 декабря 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 124.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 472 и 476.

[1] М.П.Чехова 23 декабря 1900 г. послала Бунину телеграмму: «Приезжайте ждем Чехова» (ОГЛМТ, ф. 14, № 5733 оф).
[2] Имеется в виду аптека К.И.Феррейна на Никольской улице в Москве.

474. В.Я.БРЮСОВУ

16 декабря 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 21.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 454 (с ошибочной датировкой: конец декабря 1900 г. и местом написания: Ялта).
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 472, 475. В письме от 15 декабря 1900 г. Бунин отмечает, что завтра непременно вышлет оставшиеся листы книги и завтра же напишет еще кое-что Брюсову. В данном письме Бунин говорит об обложке книги и корректуре, в п. 475 повторяет свою просьбу и сообщает, что задерживается в Огневке.

[1] Автограф образца обложки неизвестен. На последней странице обложки сборника «Листопад» были помещены объявления о следующих вышедших книгах Бунина: «“На край света” и другие рассказы». Изд. О.Н.Поповой; «Песнь о Гайавате» Г.Лонгфелло. Пер. с английского. Илл. изд. магазина «Книжное дело»; «Под открытым небом». Стихотворения. Изд. журнала «Детское чтение» (Для юношества); «Стихи и рассказы». Изд. журнала «Детское чтение» (Для юношества); «Рассказы». Изд. О.Н.Поповой («Народная и детская библиотека»).
[2] Сборник «Листопад» стоит 1 руб.

475. В.Я.БРЮСОВУ

18 декабря 1900

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 19.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 453–454.

[1] Бунин задержался в Огневке еще на день (см. п. 476). 21 декабря 1900 г. он уже был в Москве, заходил к О.Л.Книппер-Чеховой, которая «его сильно уговаривала ехать в Ялту» (*Материалы (2).*— С. 81).

476. Ю.А.БУНИНУ

19 декабря 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 114.
Датируется по содержанию и по отметке, что письмо написано во вторник, 19 декабря был вторник, а также по связи с п. 472, 473, 474.

[1] Бунин сначала поехал в Москву (см. коммент. 1 к п. 475), а в Ялту он приехал 28 декабря 1900 г. М.П.Чехова писала А.П.Чехову 28 декабря 1900 г.: «Бунин приехал и остановился у нас внизу» (Чехова М.П. Письма к брату А.П.Чехову.— М., 1954.— С. 165).
[2] См. коммент. 1 к п. 472.
[3] Записка неизвестна.

477. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

26 декабря 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 18.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 524.
Открытка.

[1] Речь идет о книге С.С.Голоушева: Сергей Глаголь. На юге: Из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим, Венецию.— М.: Кнебель, 1900.
[2] С.А.Карзинкина.

478. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 декабря 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 19.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 524.
Год определен по почтовому штемпелю. Открытка.
Текст написан рукой М.П.Чеховой, подпись И.Бунина.

[1] Имеется в виду письмо Телешова от 19 декабря 1900 г. (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 523).

479. Ю.А.БУНИНУ

31 декабря 1900

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 96.
Год написания определен по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] Кучук-кой — маленькая татарская деревня на южном берегу Крыма.
[2] О каких стихотворениях идет речь неизвестно. В январе 1901 г. в журнале Д.И.Тихомирова «Детское чтение» было опубликовано одно стихотворение Бунина «Крещенская ночь» («Темный ельник снегами, как мехом...») (№ 1.— С. 48–49), которое, очевидно, было послано раньше. В феврале — мае 1901 г. в «Детском чтении» стихотворения Бунина не появлялись.
[3] Имеется в виду гонорар за стихотворение «В пустынной вышине...» (Курьер.— 1900.— 24 дек. (№ 356).— С. 3).

480. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

31 декабря 1900

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 24, л. 20.

Написано на листке отрывного календаря от 31 декабря 1900 г. Место написания определено по п. 478 и 479.

481. Ю.А.БУНИНУ

1 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 60.

Бунин ошибочно написал в дате 1900 г., это письмо несомненно написано в 1901 г., что доказывается его содержанием, связанным с п. 479.

[1] См. п. 479.

[2] См. коммент. 2 к п. 479.

[3] Расписка неизвестна. См. коммент. 3 к п. 479.

[4] Речь идет, очевидно, о стихотворении «Когда деревья в светлый майский день...» (Курьер.— 1901.— 18 янв. (№ 18).— С. 3).

482. Ю.А.БУНИНУ

5 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 97.

[1] См. п. 479 и 481.

[2] См. коммент. 3 к п. 479.

[3] О каких стихотворениях идет речь неизвестно. См. коммент. 2 к п. 479.

483. И.А.БЕЛОУСОВУ

12 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 27.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

484. Ю.А.БУНИНУ

12 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 98–99.

[1] Имеется в виду рассказ «Белая лошадь» (1907).

[2] См. коммент. 2 к п. 479 и п. 482.

[3] Фейгин Яков Александрович (1859–1915) — издатель, переводчик, редактор газеты «Курьер». Письмо его неизвестно. См. коммент. 4 к п. 481.

[4] А.М.Федоров в письме от 4 января 1901 г. сообщал Бунину: «На днях я видел твоего сына, отличный бутуз, похож на тебя. Когда я пробовал его хвалить madam, — она ни звука не ответила, точно не слышала и сколько твой мальчуган ни стремился обратить на себя ее внимание, она бродила мимо него, как будто в корзине пищала кукла, а не ее ребенок, а она слишком взрослый человек, чтоб

заниматься куклами. У нее <прзб> более приятное дело, за которым я и застал ее; она писала с каким-то потным юнкером, зараженным угрями, <прзб> оперным деятелям народной аудитории, разделяя т.о. труд с своей почтенной матушкой. Бедная старушка совсем сошла с ума и уже ни о чем не может говорить, кроме своей оперы. <...> Сам глава опять в "Южном обозр." разрешает государственные вопросы» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 252).

485. А.М.ФЕДОРОВУ

12 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 5.

[1] Бунин уехал из Ялты 22 февраля 1901 г. и отправился в Одессу.
[2] См. коммент. 4 к п. 484.
[3] Слова из поэмы М.Ю.Лермонтова «Мцыри» (строфа 3).
[4] В это время Чехов был в Италии.
[5] См. коммент. 1 к п. 494.

486. В.Я.БРЮСОВУ

13 января 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 22.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 454.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Сборник стихотворений Бунина «Листопад» вышел в свет в конце января 1901 г.

487. А.П.ЧЕХОВУ

13 января 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 4–5.
Впервые: *Новый мир.*— 1956.— № 10.— С. 200.

[1] А.П.Чехов родился 17 января 1860 г. В этот же день были и его именины — 17 января празднуется память преподобного Антония Великого (умер в 356 г.) — основателя пустынножительства и отца монашества.
[2] Бунин жил в ялтинском доме Чеховых с 28 декабря 1900 г. по приглашению М.П.Чеховой. См. коммент. 4 к п. 485.
[3] См. коммент. 2 к п. 471.
[4] Чехова Евгения Яковлевна (1835–1919) — мать А.П.Чехова.
[5] М.П.Чехова уехала в Москву (см. п. 485).
[6] Имеется в виду, очевидно, письмо А.П.Чехова из Италии от 4(17) января 1901 г. (*Чехов. ПСС.*— Т. 9.— С. 173–174). 8 (21) января 1901 г. Чехов писал из Ниццы Е.Я.Чеховой: «Очень радуюсь тому, что Бунин гостит у нас, жалею, что меня нет дома» (Там же.— С. 178). 20 января (2 февраля) 1901 г. Чехов вновь писал матери: «...а если И.А.Бунин еще у Вас, то и ему поклон, самый нижайший» (Там же.— С. 188).
[7] А.П.Чехов писал М.П.Чеховой 17(30) декабря 1900 г. из Ниццы: «...здесь хорошо. И работается» (*Чехов. ПСС.*— Т. 9. — С. 155).

488. Ю.А.БУНИНУ

21 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 100.

[1] В журнале «Юный читатель» (1901.— № 6 (15 марта).— С. 3–5) было опубликовано стихотворение «Первые ручьи. Весенняя сказка» («В белом поле, на просторе...»), но оно содержит 72 строки. В журнале «Родина» за 1901 г. стихотворения Бунина не появлялись.

[2] В февральском номере журнала «Жизнь» произведения Бунина не печатались. См. п. 511 и коммент. к нему. Рассказ «Сосны» был напечатан в журнале «Мир Божий» (1901.— № 11.— С. 99–110).

[3] Е.И.Буковецкий писал Бунину 8 января 1901 г.: «Спешу сообщить тебе о большой перемене в моей жизни — я женюсь. Невеста моя <...> — Вера Афанасьевна Прокудина. Познакомился я с ней, кажется, на “Буреломе” в октябре, потом стал писать портрет, который очень затянулся и в результате портрет вышел прескверный и даже неокончен, но я написал себе жену. Свадьба состоится в этом месяце, число неопределено» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2989/8 оф).

[4] Горький М. Рассказы о жизни на окраинах города: 1. Песня о слепых // Журнал для всех.— 1901.— № 1.— Стб. 31–38.

[5] В статье «Идиллия старинного быта» (Книжки «Недели». — 1900. — № 12) говорилось, что рассказ Бунина «Антоновские яблоки» напоминает «лучшие страницы воспоминаний С.Т.Аксакова».

489. М.П.ЧЕХОВОЙ

21 января 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 3.
Впервые: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 121.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю и содержанию. Открытка.

См. коммент. 16 к п. 407. Бунин познакомился с М.П.Чеховой в Ялте в 1900 г. и вскоре они стали друзьями. М.П.Чехова вспоминала: «За те дни, что Иван Алексеевич прожил у нас <с конца декабря 1900 г.>, я с ним очень подружилась. Он стал меня шутливо звать “Амаранта”, а себя “Дон Зинзага”, заимствуя эти имена из рассказа Антона Павловича “Жены артистов” <...>. Иногда он звал меня, копируя покойного Левитана, и Мафой» (*Чехова.* — С. 235). Переписка Бунина и Чеховой 1901–1911 гг. (РГБ, РГАЛИ) носила шутливо-дружеский характер и касалась жизни и творчества А.П.Чехова, событий в литературном мире и новостей об общих знакомых.

[1] Имеются в виду письма А.П.Чехова из Ниццы к матери Е.Я.Чеховой от 4(17), 8(21), 13(26), 14(27), 17(30) января 1901 г. *(Чехов. ПСС.*— Т. 9.— С. 173–174, 178, 179, 182,185).

[2] См. п. 490.

490. М.П.ЧЕХОВОЙ

22 января 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 1–2.
Впервые: *Чехова.* — С. 235 (отрывок).

[1] Харкеевич Варвара Константиновна — начальница ялтинской женской гимназии.

[2] Имеется в виду книжный магазин Исаака Абрамовича Синани (?–1917) в Ялте.

[3] Соловьева Ольга Михайловна — владелица имения Суук-Су близ Гурзуфа.

[4] Бонье Софья Павловна (?–1921) — знакомая Чеховых, член ялтинского Попечительства о нуждах приезжих больных.

[5] Розанов Павел Григорьевич (1853 — после 1934) — врач, автор ряда работ по медицине.

[6] М.П.Чехова писала Бунину 15 января 1901 г. из Москвы: «Что вы теперь кушаете? Орехи? Вас без меня плохо кормят? А мне скучно, милый поэт, без вас, без Ялты, без ялтинского дома! Я пока живу как чужая <...> Ну, до свидания, будьте здоровы, не скучайте, работайте поменьше, а то и про вас скажут: “Опять чепуху написал...”» (*Хозяйка чеховского дома*.— С. 120).

[7] В фонде М.П.Чеховой (РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 12, 13) вместе с письмами Бунина сохранились два листочка с его экспромтами, обращенными к М.П.Чеховой:

Совет
С татарского

Я тэбэ совет подам:
Нэ ходы замуж, мадам!

Ив. Бунин

Ялта, 31 дек. 1900 г.

* * *

Гуляй, гуляй, Маша,
Пока воля наша; —
Когда замуж отдадут
Такой воли не дадут.

Ив. Бунин

[8] Заратуштра (иран.), Зороастр (греч.) (между X и первой половиной VI вв. до н.э.) — пророк и реформатор древне-иранской религии, получившей название зороастризм.

[9] Премьера «Трех сестер» состоялась 31 января 1901 г. в МХТ.

491. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 января 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 524.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

492. В.Я.БРЮСОВУ

28 января 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 23.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 455.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. 1 к п. 486.

493. А.П.ЧЕХОВУ

30 января 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 408–409.

[1] С.П.Бонье 22 января 1901 г. уехала из Ялты в Ниццу, где должна была увидеться с А.П.Чеховым. Записка эта неизвестна.

[2] А.П.Чехов писал 8(21) января 1901 г. Е.Я.Чеховой из Ниццы: «Милая мама, я жив и здоров и радуюсь, что Вы не скучаете» (*Чехов. ПСС.* — Т. 9.— С. 178).

[3] Бунин не уехал из Ялты до возвращения из Италии 15 февраля 1901 г. Чехова, по просьбе которого еще на неделю отложил свой отъезд; выехал Бунин из Ялты в Одессу только 22 февраля 1901 г.

494. А.М.ФЕДОРОВУ

31 января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 6.
Впервые: *Вопросы лит.*— 1969.— № 7.— С. 181–182 (с неточностями).

[1] В письме от 23 января 1901 г. Федоров послал Бунину, как видно из письма, три стихотворения, но в архиве при этом письме сохранился автограф только одного стихотворения «Гумер-Зая»: «Вот тебе три шедевра, дорогой мой друг. Посылаю их тебе, как первые подснежники, самые неподдельные. В свою очередь жду того же от тебя. <...> Очень хочу тебя видеть» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 28).

[2] Гумер-Зая — название цветка (по-башкирски — умырзая) — горицвет — род многолетних травянистых растений семейства гвоздичных.

[3] См. коммент. 3 к п. 493. 14 февраля 1901 г. Федоров писал Бунину: «...когда приедешь, — являйся прямо ко мне: у меня есть для тебя свободная комната. До конца февраля я пробуду в Одессе. <...> Я влюбился в Чехова. <...> Очень мне интересно знать его мнение о моем “Старом доме” и “Степь сказалась”. <...> Познакомился и Куприн с Чеховым. Он очень хочет тебя видеть. Приезжай же скорей и читай то, что написал. Я перед этим высплюсь». В этом письме есть приписка А.И.Куприна: «Милый Иван Алексеевич! Нарочно попросил А.М. распечатать письмо <...> хочу лично послать тебе самый теплый привет. Для меня будет праздником тот день, когда я увижу тебя. Целую тебя в сахарные уста. Твой А.Куприн» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/20 оф).

[4] Цитата из стихотворения Федорова «Гумер-Зая».
[5] См. коммент. 4 к п. 485.
[6] См. коммент. 3 к п. 488.
[7] О каком вечере идет речь установить не удалось.
[8] Сын А.М.Федорова — Виктор (родился 1 сентября 1897 г.).

495. Ю.А.БУНИНУ

Конец января 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 32.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 497.

[1] Записка к Д.А.Пушешникову неизвестна.
[2] См. коммент. к п. 486.
[3] См. коммент. 3 к п. 493.

496. М.П.ЧЕХОВОЙ

1 февраля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 4.
Впервые: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 121.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 3 к п. 493.

497. Ю.А.БУНИНУ и Д.А.ПУШЕШНИКОВУ

3 февраля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 101.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. п. 495.

498. Ю.А.БУНИНУ

4 февраля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 102–103.

[1] РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 31 (см. конец п.).
[2] Уехав из Ялты в Одессу 22 февраля 1901 г., Бунин прожил там недолго, и уже к началу апреля вновь приехал в Ялту, где провел первую половину апреля. В Москву Бунин приехал только в июне.

499. А.Н.САЛЬНИКОВУ

4 февраля 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 357, оп. 5, ед. хр. 20, л. 1.
На письме внизу, очевидно, рукою Сальникова отмечено: «Написано 3-й раз, с напоминанием о [биографии] и рецензиях ([25-го февраля] 14-го марта). Биография получена». См. п. 514.
Сальников Александр Николаевич (1851–1907) — писатель. Известно только одно письмо Сальникова 1901 г. (ОГЛМТ).

[1] Это письмо Сальникова неизвестно. Речь идет о подготовке Сальниковым антологии «Русские беллетристы за сто лет», для которой он просил Бунина прислать портрет, биографию и отрывки из отзывов о его произведениях (см. п. 504).

500. В.Я.БРЮСОВУ

5 февраля 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 24–25.
Впервые: *Лит. Россия.*— 1963.— 20 дек. (№ 51).— С. 18 (с неточностями).

[1] См. коммент. к п. 486.

[2] С.А.Поляков и Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) — поэт, переводчик, театральный деятель; один из сотрудников издательства «Скорпион».

[3] На обложке книги «Листопад» в списке книг, издаваемых «Скорпионом», было помещено объявление: «Северные цветы. Альманах на 1901 г. Рассказы и стихи» с перечислением участвующих в нем авторов, в составе которых имя Бунина отсутствовало.

[4] Брюсов ответил Бунину в середине февраля 1901 г.: «Когда я узнал вас впервые, я неожиданно полюбил вас. После — да, вы правы, я видел в вас что-то, что мне не по душе. Только ведь об этом в письмах не сговориться. <...> Теперь о Альманахе. Как-никак, а от участия в нем отказались вы сами. Ясно помню, кто-то из нас спросил, что дадите вы в "Северные цветы". Вы отвечали, что у вас сейчас нет ничего. Если это недоразумение, то его легко еще поправить. <...> Что бы ни прислали вы до конца 2-ой недели или к началу 3-ей, — все еще найдет себе место. Что до меня, я буду очень ждать, так как мне желательно, радостно было б соединить в альманах все любимые мной имена» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 455–456). Бунин принял участие в альманахе (см. коммент. 1 к п. 517).

[5] Имеется в виду книга «Tertia vigilia» (М., 1900), в которой один из разделов («Картинки Крыма и моря») был посвящен Бунину.

501. М.П.ЧЕХОВОЙ

6 февраля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 5.

Месяц в дате исправлен Буниным с января на февраль, правильность этого исправления подтверждается почтовым штемпелем. Закрытое письмо.

[1] См. коммент. 9 к п. 490.

[2] См. коммент. 2 к п. 498.

502. Ю.А.БУНИНУ

8 февраля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 104.

[1] См. коммент. 2 к п. 498.

503. И.А.БЕЛОУСОВУ

10 февраля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 28.
Впервые: *Вопросы лит.*— 1969.— № 7.— С. 177.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 498.

504. Ю.А.БУНИНУ

10 февраля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 105.

[1] См. коммент. к п. 499.

[2] См. коммент. 2 к п. 498.

505. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 февраля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 525.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Телешов писал 2 февраля 1901 г.: «Рад был получить от тебя весточку. Ждал тебя самого в Москву, оттого и не писал ничего. Вчера смотрел "Трех сестер" Чехова. Вещь интересная, великолепно разыгранная, безотрадная, мрачная. Черт знает! — такова жизнь вокруг! Чехов прав. Все мы потерялись, замучились, а чего ради? Так... Неизвестно почему и зачем. Трудно жить. Условия жизни противны и тягостны. Глупые люди торжествуют, портят жизнь другим. <...> Я ничего не пишу. <...> Эх, черт тебя побери! Заехал ты хоть и в хорошее место, да больно далеко. А морем, небом и солнцем ты меня смущаешь, на грех наводишь» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 524–525).
[2] Рецензия на «Листопад» Телешовым не была написана.

506. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

11 февраля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8908 оф.
Открытка.
См. коммент. 2 к п. 409. Бунин выделял Н.Пушешникова из других своих племянников, его братьев; он заметил в нем одаренность и способность к литературе. Пушешников обладал прекрасным голосом (баритоном), учился пению, но из-за астмы не мог продолжать занятия. Бунин посоветовал ему изучать языки, чтобы стать переводчиком, т.к. чувствовал в нем художественное дарование. Пушешников переводил произведения Р.Киплинга, Д.Голусорси, Д.Лондона, Р.Тагора. Его переводы редактировал Бунин. Письма Пушешникова к Бунину неизвестны.

[1] Письмо к Д.А.Пушешникову неизвестно.

507. Ю.А.БУНИНУ

12, 15 февраля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2801 оф.
Открытка.
Часть письма со слов: «15 февр.» и до конца написана карандашом.

[1] См. п. 495, 498.

508. М.П.ЧЕХОВОЙ

18 февраля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 6–7.
Впервые: *Чехова*. — С. 236 (отрывок), полностью: *Хозяйка чеховского дома*.— С. 121–122.

[1] Чехов приехал в Ялту 15 февраля 1901 г.
[2] См. коммент. 2 к п. 498.

[3] Имеется в виду, очевидно, начальница ялтинской женской гимназии В.К.Харкеевич.

[4] Имеется в виду, очевидно, письмо А.П.Чехова к М.П.Чеховой от 16 февраля 1901 г. из Ялты (*Чехов. ПСС.*— Т. 9.— С. 203).

[5] Шутливое прозвище О.Л.Книппер-Чеховой. Чехов писал ей 20 февраля 1901 г. из Ялты: «В Ялте тепло, погода хорошая, в комнатах уютно, но в общем скучно. Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день» (*Чехов. ПСС.*— Т. 9.— С. 204).

509. В.Я.БРЮСОВУ

20 или 21 февраля 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 27.

Впервые: *Лит. Россия.*— 1963.— 20 дек. (№ 51).— С. 18 (с неточностями).

Дата и место написания определены по содержанию и по времени отъезда Бунина из Ялты в Одессу.

[1] Уговорив Чехова дать что-нибудь для альманаха «Северные цветы», Бунин получил от него рассказ «Ночью» (переработка раннего рассказа «В море»), который был послан в издательство и напечатан в альманахе.

[2] По договору, заключенному с А.Ф.Марксом, Чехов не имел права публиковать свои сочинения в других издательствах, кроме возможности напечатать что-либо в периодике и литературных сборниках с благотворительной целью.

[3] Издатели «Северных цветов» постарались выгодно использовать участие в альманахе знаменитого писателя. В объявлении об издании «Северных цветов на 1901 год» имя А.Чехова стояло на первом месте в списке участников альманаха (Русские ведомости.— 1901.— 8 марта (№ 66)). Чехов был очень недоволен использованием его имени в рекламных целях в чуждом ему издании. К тому же в изданном альманахе первым был помещен рассказ З.Н.Гиппиус «Святая кровь», а рассказ Чехова был на втором месте.

[4] См. коммент. 1 к п. 517.

[5] См. коммент. 4 к п. 500.

510. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 февраля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 3.

Впервые: *Проблемы реализма.*— С. 169 (с неточностями и без определения года).

Год и место отправления определены по почтовому штемпелю. Открытка. Дата и место написания вписаны вместо зачеркнутого: «10 февр. 1901 г. Ялта, дача А.П.Чехова».

[1] См. коммент. 3 к п. 493.

[2] См. коммент. 2 к п. 498.

511. В.А.ПОССЕ

После 22 февраля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 23, оп. 1, № 10, л. 1–2.

Датируется по содержанию и по факту прибытия Бунина в Одессу.

Написано на развороте типографски отпечатанного обращения редакции газеты «Одесские новости» к писателям и художникам принять участие в готовящемся

литературно-художественном сборнике в пользу голодающих Юга России (цензурное разрешение обращения: 16 февраля 1901 г.). Сборник издан не был.

См. коммент. 7 к п. 254. Бунин познакомился с В.А.Поссе, вероятно, в конце 1890-х годов. Их связывали в основном издательские отношения. Известно только одно письмо Поссе к Бунину 1897 г. (ОГЛМТ).

1 Бунин послал рассказ «Туман», позже — рассказ «Новая дорога».

2 В мартовском номере журнала «Жизнь» произведения Бунина не печатались. В следующем номере журнала было опубликовано два его рассказа «Туман» и «Новая дорога» (1901.— № 4.— С. 1–6, 162–171).

512. В.А.ПОССЕ

Конец февраля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 23, оп. 1, № 10, л. 3.
Датируется по содержанию и по связи с п. 511.

1 См. коммент. 2 к п. 511.

513. Ю.А.БУНИНУ

2 марта 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 106.
Открытка.

1 Бунин уехал из Одессы в последних числах марта 1901 г.

514. А.Н.САЛЬНИКОВУ

2 марта 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 357, оп. 5, ед. хр. 20, л. 3–4.
Впервые: *Новый мир*.— 1965.— № 10.— С. 222–223 (с неточностями).
Датируется по почтовому штемпелю на конверте, на котором, очевидно, рукою Сальникова написано карандашом: «И.А.Бунин. Биография» (л. 5). См. коммент. к п. 522.

1 Стихотворения и рассказы Бунина публиковались в журналах «Детское чтение» в 1897–1901 гг., «Всходы» в 1898–1899 гг., «Юный читатель» в 1901 г.

2 «Байбаки» (Новое слово.— 1896.— № 3), «В деревне» (Детское чтение.— 1898.— № 1), «На Чайке» (Всходы.— 1898.— № 21), «Велга» (Сын отечества.— 1898.— 25 дек.), «Кукушка» (Всходы.— 1899.— № 1), «Без роду-племени» (Мир Божий.— 1899.— № 4), «Антоновские яблоки» (Жизнь.— 1900.— № 10).

515. М.П.ЧЕХОВОЙ

3 марта 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 8–9.
Впервые: *Чехова*. — С. 236–237 (отрывок), полностью: *Хозяйка чеховского дома*.— С. 122–123.

1 Письмо неизвестно.

[2] Речь идет, вероятно, о процессе развода Бунина с А.Н.Цакни.
[3] Имеется в виду сын Бунина Коля.
[4] См. коммент. 2 к п. 498. В Огневку Бунин поехал в конце апреля.
[5] Имеется в виду, вероятно, п. 508.

516. В.Я.БРЮСОВУ

4 марта 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 29.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 457.

[1] См. коммент. 2 к п. 527.

517. В.Я.БРЮСОВУ

6 марта 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1336, оп. 3, ед. хр. 14, л. 37.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 2.— С. 515.
Конверт от этого письма хранится в ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 30.

[1] Речь идет о рассказе Бунина «Поздней ночью», который был послан при этом письме для альманаха «Северные цветы на 1901 год» и в нем напечатан (с. 42–45).

[2] Имеется в виду перевод романа К.Гамсуна «Пан», готовившийся к выпуску в издательстве «Скорпион». См. коммент. 3 к п. 533.

518. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

7 марта 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8907 оф.
Открытка.

[1] Имеется в виду, очевидно, третье издание перевода Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899).

[2] С.Н.Пушешникова.

519. Ю.А.БУНИНУ

8 марта 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2805 оф.
Письмо без конца.

[1] Лазарис А.В.— родственник и адвокат А.Н.Цакни.

520. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

8 марта 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 4.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 526.

[1] В 1901 г. Святая неделя была с 2 по 8 апреля, Фомина неделя — с 9 по 15 апреля. См. коммент. 2 к п. 498.

521. А.П.ЧЕХОВУ

11 марта 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 8.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 410.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Чехов писал 14 марта 1901 г.: «Курск, Московская ул., д. Исакова — это адрес С.П.Боньє, милый Иван Алексеевич! Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться. О Вас все мы, Ваши ялтинские знакомые, вспоминаем с большим удовольствием и долго жалели, что Вы от нас уехали» (*Чехов. ПСС.* — Т. 9.— С. 228).
[2] Бунин прожил в Одессе до конца марта 1901 г.

522. А.Н.САЛЬНИКОВУ

12 марта 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 357, оп. 5, ед. хр. 20, л. 6.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте заказного письма с пометой Сальникова: «И.А.Бунин. Рецензии» (л. 8).

В архиве вместе с письмами Бунина хранятся вырезки из газет с рецензиями на произведения писателя. Эти вырезки, некоторые из которых наклеены на бумагу, очевидно, и присланы были Буниным. Также здесь хранятся рукописные копии рецензий на произведения Бунина, переписанные разными почерками, вероятно, переписчиками по просьбе Сальникова. Здесь хранятся рецензии на отдельную публикацию рассказа «На край света»: Скабичевский А. // Новости и биржевая газета.— 1895.— 26 окт. (№ 294).— С. 2; П.П-ский [Пильский П.М.] // Минский листок. — 1896.— 2 февр. (№ 27).— С. 2; на книги Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897) и «На край света. Кастрюк: Рассказы» (СПб., 1897): Il pittore // Вятский край.— 1897.— 4 февр. (№ 15).— С. 4; Il pittore // Вятский край.— 1897.— 18 февр. (№ 21).— С. 4; [Б.п.] // Сибирь.— 1897.— 7 февр. (№ 17).— С. 3; [Б.п.] // Русские ведомости.— 1897.— 3 февр. (№ 34).— С. 3; [Б.п.] // Ежемес. лит. прил. к журн. «Нива».— 1897.— № 2.— Стб. 421; А.Б. [Богданович А.И.] // Мир Божий.— 1897.— № 2.— Отд. II, с. 6–8; [Б.п.] // Русское богатство.— 1897.— № 2.— Отд. II, с. 37–40; [Б.п.] // Живописное обозрение.— 1897.— № 15 (13 апр.).— С. 259; [Б.п.] // Жизнь и искусство.— 1897.— 24 янв. (№ 24).— С. 3; [Б.п.] // Русское обозрение.— 1898.— № 1.— С. 561–562.

[1] Имеется в виду книга: Русские поэты за сто лет с пушкинской эпохи до наших дней в портретах, биографиях и образцах: Сборник лучших лирических произведений русской поэзии (с 119 портретами) / Сост. А.Н.Сальников.— СПб., 1901.— 600 с.

[2] Сальников писал 25 февраля 1901 г.: «Сердечно признателен за присылку сборника Ваших стихотворений (“Листопад”), который я тотчас же и прочел весь с величайшим наслаждением. Очень жалею, что он не вышел раньше: я бы значительно воспользовался им для своих “Русских поэтов за сто лет”, и где Ваши прелестные лирические пьесы были бы, конечно, одним из лучших украшений. При новом издании моей книги, которая, кстати сказать, идет превосходно (в два месяца продано 3000 экз.) я всенепременно включу в нее и Ваше имя. В благодарность же за Вашу любезность позвольте и мне, с своей стороны, презентовать Вам свое детище <...> Фотографическую карточку Вашу я получил. Жду от Вас только обе-

щанных рецензий и биографических данных для составляемой мною новой книги — “Русские беллетристы за сто лет”» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3137 оф).

[3] Кроме рецензий, упомянутых выше, здесь имеются в виду рецензии на книгу Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897): [Б.п.] // Неделя.— 1897.— 15 июня (№ 24).— Стб. 758; [Б.п.] // Новое слово.— 1897.— № 7.— Отд. II, с. 97–100; Кор. А-н // Север.— 1897.— № 8 (23 февр.).— Стб. 253-254; Скабичевский А.М. // Сын отечества.— 1897.— 23 мая (№ 138).— С. 2; [Б.п.] // Русская мысль.— 1897.— № 5.— Отд. III, с. 195–196; О.О. // Вестник воспитания.— 1898.— № 1.— С. 21–22.

523. М.П.ЧЕХОВОЙ

12 марта 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 10–11.

Впервые: *Чехова.* — С. 237 (отрывок, датировка: середина марта), полностью: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 124 (датировка: март).

Датируется по содержанию и по письму М.Чеховой к Бунину от 8 марта 1901 г. Письма из Москвы в Одессу шли 3–4 дня.

[1] М.Чехова писала Бунину 8 марта 1901 г.: «...23-го марта я уезжаю в Ялту, дорогой Иван Алексеевич. Я не могу теперь себе представить Ялты без вас! С кем я буду гулять по набережной и читать по вечерам! Дон Зинзаги не будет? Это ужасно! <...> Приезжайте прямо в Ялту к Пасхе, а оттуда мы вместе отплывем и поедем в Москву. Я думаю провести дома и Фомину» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 123). Бунин приехал в Ялту к 1 апреля 1901 г. на Пасху.

[2] О.Л.Книппер.

[3] В это время Художественный театр был на гастролях в Петербурге. В своих рецензиях петербургские газеты выступали с критикой спектаклей театра, что тяжело действовало на О.Л.Книппер.

[4] Сын Бунина Коля.

524. Л.Н.ТОЛСТОМУ

14 марта 1901

Печатается по автографу: ГМТ, ф. 1, № 139/14, л. 8.

Впервые: *Яснополянский сб. (1960).*— С. 130.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте, на котором есть помета: Серия 21, № 88. К письму приложено отпечатанное обращение с просьбой принять участие в предполагаемом сборнике на бланке: «Редакция газеты “Одесские новости”, редакционный комитет по составлению литературно-художественного сборника в пользу голодающих Юга России». Сборник издан не был. Это письмо, вероятно, осталось без ответа.

525. А.И.ЭРТЕЛЮ

14 марта 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 349, к. 9, ед. хр. 39, л. 1–2.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

Написано на развороте отпечатанного обращения редакции газеты «Одесские новости» к писателям и художникам принять участие в готовящемся литературно-

художественном сборнике в пользу голодающих Юга России. Этот сборник в свет не вышел.

См. коммент. 3 к п. 245. Бунин познакомился с А.И.Эртелем в Москве в октябре 1896 г. Бунин ценил творчество Эртеля, в 1929 г. написал о нем воспоминания. Известно только одно письмо Эртеля к Бунину (РГБ).

[1] На эту просьбу Эртель ответил 17 марта 1901 г.: «Войдите в мое положение, дорогой Иван Алексеевич! Кроме имения в $3^1/_2$ тыс. десят. с весьма многими отраслями <...> я управляю лесным имением в 11000 десятин, <...> в имениях, находящихся в Воронежской губ., насчитывается около 20000 десятин, с огромным посевом и скотоводством. Итого, значит почти 35000 десятин. <...> Судите же, могу ли я удовлетворить просьбу “Одесских новостей”, как бы ни желал это сделать. <...> Мудрено ли, что я так далек от литературы, как только можно быть далеким, — не сердцем разумеется, но действиями, и что написать “две-три странички” для меня одинаково невозможно, как и докончить давно задуманную и давно оставленную большую вещь. Нет, видно до поры до времени пусть и “Одесские новости” махнут на меня рукою, а чтобы посильно помочь им в их хорошем деле, я прошу, по выходе в свет “Сборника”, выслать его мне <...> наложенным платежом в *пятьдесят* рублей. Это пока единственная “лепта”, которую я могу принести, и простите, пожалуйста, а также испросите за меня прощение у почтенной редакции в том, что ничего иного, по немощи своей не могу сделать» (РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 15).

[2] Имеется в виду «Листопад» (М., 1901). По этому поводу Эртель в том же письме отметил: «Заранее тронут и благодарю за Ваше намерение прислать мне свои стихи, до которых, надо признаться, я большой охотник. То есть, люблю Ваши стихи, простые, без нынешних выкрутас и сверхъестественных напряжений фантазии и языка. От Ваших стихов на меня почти всегда веет свежестью и простотою нашей милой природы. Как видите, читать-то я читаю почти все, только вот писать недосуг, или думать о *своих* литературных сюжетах» (Там же).

526. В.Я.БРЮСОВУ

19 марта 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 31.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 457.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 1 к п. 517.

527. А.П.ЧЕХОВУ

20 марта 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 9–10.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 410.

[1] См. коммент. 1 к п. 521.

[2] Речь идет о публикации рассказа Чехова «Ночью» в альманахе «Северные цветы» (М., 1901). В письме к Бунину от 14 марта 1901 г. Чехов писал: «От “Скорпиона” получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует “Скорпион” о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в

"Русских ведомостях", дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (*Чехов. ПСС.*— Т. 9.— С. 228).

[3] Эдуардс (Эдвардс) Борис Васильевич (1860–1924) — скульптор. Чехов в письме к Бунину от 25 марта 1901 г. просил передать Б.В.Эдуардсу (Эдвардсу): «не найдет ли он удобным отложить сеанс до сентября», когда он будет у себя дома в Ялте. Насколько известно, Эдуардс не осуществил свой замысел.

[4] См. коммент. 1 к п. 523.

[5] См. коммент. 4 к п. 515.

[6] Слухи об аресте А.М.Горького.

[7] Бабушка — Беленовская Мария Дормидонтовна (1826–1906) — бывшая кухарка, оставленная жить в доме Чеховых; Арсений Ефимович Щербаков — работник на даче Чехова в Ялте.

528. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 марта 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 5.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 526.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Это письмо Телешова неизвестно.

[2] См. коммент. 2 к п. 498.

529. Ю.А.БУНИНУ

27, 28 марта 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 108.

[1] См. коммент. 1 к п. 517.

[2] См. коммент. 2 к п. 511.

[3] Имеется в виду письмо М.П.Чеховой к Бунину от 8 марта 1901 г. См. коммент. 1 к п. 523.

[4] См. п. 534.

[5] Т.е. 31 марта 1901 г.

[6] 25 марта 1901 г. А.П.Чехов писал Бунину: «Итак, стало быть, позвольте на Страстной ждать Вас. Непременно, обязательно приезжайте, у нас будет очень много закусок, к тому же еще в Ялте такая теплынь теперь, столько цветов! Приезжайте, сделайте такую милость! Жениться я раздумал, не желаю, но все же, если Вам покажется в Ялте скучно, то я, так и быть уж, пожалуй, женюсь» (*Чехов. ПСС.* — Т. 9.— С. 234–235). Упоминаемая Буниным телеграмма от А.П.Чехова неизвестна.

530. А.П.ЧЕХОВУ

28 марта 1901

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 11.
Впервые: *ЛН.*— Т. 68.— С. 411.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма. На бланке также есть отметка: «Перед. по телефону».

531. Ю.А.БУНИНУ

До 8 апреля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2783 оф.
Дата и место написания определены по содержанию.
Конец письма со слов: «пережить все горе и весь позор» — написан синим карандашом.

[1] В 1901 г. Пасха праздновалась 1 апреля.
[2] Автограф письма к А.Н.Цакни неизвестен.
[3] Синицкий Евгений Дмитриевич — географ, московский знакомый Буниных.
[4] Т.е. 14 апреля.

532. Ю.А.БУНИНУ

15 апреля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 109.
Место отправления определено по содержанию и почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин прожил в Одессе с 15 по 23 апреля 1901 г.
[2] Ю.А.Бунин уехал путешествовать по Италии в мае 1901 г.

533. В.Я.БРЮСОВУ

18 апреля 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 32.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 457–458.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин выехал из Одессы в Огневку 24 апреля 1901 г.
[2] Брюсов в ответном письме от конца апреля — начала мая 1901 г. сообщал: «Альманах был послан вам тотчас по выходе, но по старому вашему адресу в Одессу» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 458).
[3] Речь идет о книге: Гамсун К. Пан: Из записок лейтенанта Томаса Глана / Предисл. К.Д.Бальмонта; Пер. с норв. С.А.Полякова.— М.: Скорпион, 1901.
[4] См. п. 516. Брюсов в том же ответном письме сообщал: «Деньги за рассказ Чехова были высланы еще до выхода альманаха» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 458).

534. Ю.А.БУНИНУ

24 апреля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 109а–110.

[1] В газете «Курьер» в мае были опубликованы стихотворения «Темный кедр растет среди долины...» (1901.— 6 мая (№ 124).— С. 2), «Весеннего ливня мы ждем...» (1901.— 20 мая (№ 138).— С. 2).
[2] Письмо В.А.Поссе неизвестно. См. коммент. 2 к п. 511.

535. Ю.А.БУНИНУ

26 или 27 апреля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2856 оф.
Датируется по содержанию и по связи с п. 534 и 536.

[1] Сын М.А.Ласкаржевской Евгений.
[2] Босяцкий Николай Юлианович — помощник присяжного поверенного.
[3] См. коммент. 2 к п. 511.
[4] О каких стихотворениях идет речь неизвестно; майский номер «Жизни» в свет не вышел, журнал был закрыт. См. коммент. 3 к п. 545.
[5] См. коммент. 1 к п. 534.
[6] Ю.А.Бунин собирался ехать в Италию.

536. М.П.ЧЕХОВОЙ

28 апреля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 14.
Впервые: *Чехова.* — С. 237–238 (отрывок), полностью: *Время.*— С. 95.

[1] Бунин прожил в Ялте у Чеховых с 1 по 14 апреля 1901 г.
[2] О.Л.Книппер.
[3] Чехов выехал из Ялты 9 мая 1901 г. в Москву, куда прибыл 11 мая и находился там до дня своего венчания с О.Л.Книппер — 25 мая 1901 г.
[4] Бунин вновь приехал в Ялту 4 сентября 1901 г.
[5] Письма О.Л.Книппер к Бунину неизвестны.

537. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 апреля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 6.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 527.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

538. А.П.ЧЕХОВУ

30 апреля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 12–13.
Впервые: *ЛН.*— Т. 68.— С. 411.

[1] Чехов при своем письме Бунину от 20 апреля 1901 г. приложил вырезку из газеты с объявлением о выходе альманаха «Северные цветы»:

Новый рассказ
А.П.Чехова
Северные цветы
Альманах к-ва «Скорпион». Ц. 1 р. 50 к.

В связи с этим, в частности, Чехов писал: «Во-первых, я никогда не писал рассказа “Северные цветы”, а во-вторых, зачем Вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем? Зачем?» (*Чехов. ПСС.* — Т. 10.— С. 13).

[2] Содержание альманаха «Северные цветы на 1901 год» (М., 1901) было следующим: З.Гиппиус «Святая кровь», А.Чехов «Ночью», И.Бунин «Поздней ночью», М.Криницкий «Умный и глупый», Ю.Балтрушайтис «Капли», стихотворения А.Фета, К.Павловой, А.Добролюбова, К.Фофанова, К.Случевского, К.Бальмонта, Ф.Сологуба, М.Лохвицкой, В.Г<иппиус>, П.Перцова, А.Мировича, А.Курсинского, Л.Г.Жданова, А.Федорова, А.Л.Миропольского, И.Коневского, Д.Фридберг, Ю.Балтрушайтиса, В.Брюсова, а также письма, мемуары, статьи А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева, А.А.Фета, В.Соловьева, А.И.Урусова, В.Розанова, И.Коневского, В.Брюсова.

[3] См. п. 539.

[4] Письмо Е.П.Пешковой неизвестно.

[5] Бунин послал Чехову свой стихотворный сборник «Листопад» (М., 1901) и перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (М., 1899). 6 мая 1901 г. Чехов писал А.Ф.Кони: «Сегодня я получил от поэта И.А.Бунина книгу стихов с просьбою послать ее на пушкинскую премию. Будьте добры, научите меня, как это сделать, по какому адресу послать. Сам я когда-то получил премию, но книжек своих не посылал» (*Чехов. ПСС.* — Т. 10.— С. 22). А.Чехов получил половинную Пушкинскую премию в 1888 г. за сборник очерков и рассказов «В сумерках» (СПб., 1887). Видимо, поэтому Бунин обратился к нему с этой просьбой. За книгу «Листопад» и стихотворный перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» Бунин получил половинную Пушкинскую премию в октябре 1903 г. Рецензию на эти книги написал поэт А.А.Голенищев-Кутузов (см.: Пятнадцатое присуждение премий им. А.С.Пушкина 1903 года: Отчет и рецензии.— СПб., 1904.— С. 7–9, 59–62).

539. С.А.ПОЛЯКОВУ

2 мая 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 20, л. 1.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
Написано карандашом.
См. коммент. 2 к п. 430. Бунин познакомился с С.А.Поляковым в 1900 г. Их взаимоотношения касались только издательских вопросов. Письма Полякова к Бунину неизвестны.

[1] См. коммент. 1 к п. 538.

[2] Альманах «Северные цветы».

[3] См. п. 516 и коммент. 4 к п. 533.

[4] См. п. 533.

540. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

4 мая 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 527.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Ответное письмо Телешова неизвестно. Об этом сборнике, в котором должны были принять участие члены «Среды», Телешов подробно писал А.Чехову 20 августа 1901 года: «Предстоящей осенью наш небольшой кружок намерен издать сборник для юношества (без всякой благотворительной цели), где будут помещены рас-

сказы не новые, то есть бывшие уже в печати. Впрочем, некоторые хотят дать новые.

Кружок по характеру своему товарищеский: Ив. и Юлий Бунины, Белоусов, Леонид Андреев, Гославский, Голоушев, Михеев, Тимковский... Может быть, пришлют Горький, Елпатьевский... Не знаю еще, как определится состав, но во всяком случае сборник не будет декадентским <...>.

Если вы ничего не имеете против нашего соседства и не пожалеете дать нам маленький рассказ, то мы с радостью начнем приводить в исполнение наше намерение» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 527). Издатель сборника Курнин Сергей Васильевич. Сборник вышел в свет в марте 1902 года под названием: «Книга рассказов и стихотворений» (М.: Изд. Книжного магазина Торгового дома С.Курнин и К°, 1902). Редакторами книги были Ю.А.Бунин и Н.Д.Телешов, в ней участвовали Леонид Андреев, И.А.Белоусов, И.А.Бунин, Сергей Глаголь, М.Горький, Е.П.Гославский, С.Я.Елпатьевский, Б.К.Зайцев, Н.Н.Златовратский, П.Ф.Кожевников, А.И.Куприн, Д.Н.Мамин-Сибиряк, С.Д.Махалов, Андрей Мирославич (Л.А.Хитрово), Н.И.Тимковский, А.М.Федоров.

[2] Сын Н.Д.Телешова Андрей.

541. Ю.А.БУНИНУ

8 мая 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 111.

[1] См. п. 534 и 535.

[2] См. коммент. 4 к п. 535. В журнале «Мир Божий» (1901.— № 6.— С. 27) было напечатано стихотворение «Мил мне жемчуг нежный, — чистый дар морей!..»; в журнале «Отдых» (1901.— № 10 (авг.).— С. 381) — стихотворение «Ночного неба свод далекий...»; в газете «Курьер» (1901.— 1 июля (№ 179).— С. 3) — два стихотворения под общим заглавием «Весной»: I. «Отошли закаты на далекий север...», II. «Облака, как призраки развалин...». См. также коммент. 1 к п. 534.

[3] См. коммент. 2 к п. 511.

[4] Имеется в виду рецензия Е.Дегена на книгу Бунина «Листопад» (М., 1901) в журнале «Мир Божий» (1901.— № 5.— Отд. II, с. 82–84). Рецензент писал: «Молодой талант несомненно растет и крепнет, становится вполне оригинальным с ясно выраженной индивидуальностью, что дает г. Бунину свое самостоятельное место среди поэтов последнего времени. Он — певец природы, которую понимает и любит нежно, вдумчиво и глубоко, с редкой чуткостью отзываясь на все ее явления, описывая их в прелестных по тонкости и яркости картинах, находя новые и новые краски, превосходные по оригинальности сравнения и верные определения, которые врезываются в память, как незабвенные образы. <...> Прелестною осеннею поэмою “Листопад” открывается его сборник. <...> Это прелестное, счастливое сравнение осени с “тихою вдовой” выдержано превосходно во всей поэме, в которой г. Бунин сумел дать новые образы и новые краски в картине умирающей природы. В его описании, что ни стих — то новый образ, новая картина, новое удачное сравнение, что делает эту чудесную поэму истинным перлом. <...> Стих поэмы превосходен, — он сжат, словно кованный, ни одного лишнего слова, рифмы блещут и звучат как яркая гармония. <...> Классическая простота, яркость и свежесть красок делают эту чудесную поэму достойной занять место в хрестоматиях по русской словесности наряду с другими классическими образцами описаний природы. Хороши и другие стихотворения сборника, каждое дает более или менее выдержанную картину в сжатых и строгих стихах, очень музыкальных и простых в

то же время, без всяких вычур и побрякушек, столь излюбленных поэтами последнего времени».

[5] Имеются в виду, очевидно, рассказы «Сосны», «Тишина», «Костер», «В августе».

[6] Письма к Б.О.Лемперту и М.И.Селитренникову неизвестны.

[7] Бунин послал три стихотворения под общим заглавием «Из “Летних песен”»: «В лесу» («Тропинкой темною лесною...»), «Перед дождем» («Какая теплая и темная заря...»), «Вечерняя звезда» («Звезда над темными далекими лесами...»), которые были напечатаны в журнале «Детское чтение» (1901.— № 6.— С. 328–330). Н.А.Соловьев-Несмелов писал Бунину 4 мая 1901 г.: «Мой друг молодой — Иван Алексеевич! Пятьдесят две строки стихов Ваших “Из летних песен” получены и сданы ныне же в набор в “Детское чтение”. Финансовая стоимость их 15 руб. 60 коп. (30 коп. строка) сообщена к уплате нашей конторе, которая завтра Вам поутру и пошлет 15 руб., а 60 коп. пойдут на отправку этих денег» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3150/2 оф).

[8] Имеется в виду Н.Ф.Михайлов. Статья Бунина о В.А.Жуковском в журнале «Вестник воспитания» не появлялась.

542. М.П.ЧЕХОВОЙ

До 12 мая 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 9.
Датируется по содержанию и по связи с п. 543 и 549.

[1] Бунин приехал в Ялту 4 сентября 1901 г.

[2] В мае — первой половине июня 1901 г. Ю.А.Бунин с С.С.Голоушевым был в Италии.

543. Ю.А.БУНИНУ

18 мая 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 107.
Открытка.

[1] Д.А., Н.А., П.А.Пушешниковы.

544. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

20 мая 1901

Печатается по автографу: РНБ ОР, ф. 341, ед. хр. 393.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 541.

[2] Я.А.Фейгин.

545. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

20 мая 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 8.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 528.

Датируется по московскому почтовому штемпелю: 21 мая 1901 (штемпель ст. Лукьяново нрзб), значит Бунин писал из Огневки 20 мая, т.к. письмо шло один день.

[1] Бунин выехал в Москву после 28 мая.
[2] Имеется в виду Малаховка — поселок в 29 км от Москвы по Казанской железной дороге (Бронницкий уезд, Московской губ.), где находилась дача Телешова.
[3] В это время выпуск журнала «Жизнь» был приостановлен. За напечатание «Песни о Буревестнике» М.Горького журнал был окончательно закрыт 8 июня 1901 г., пятый и шестой номера в свет не вышли.

546. И.А.БЕЛОУСОВУ

20 или 21 мая 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 85.
Впервые: *Вопросы лит.*— 1969.— № 7.— С. 177 (с ошибочной датировкой: конец мая — июнь 1901).
Датируется по содержанию и по связи с п. 543 и 545.

[1] См. коммент. 3 к п. 545.
[2] См. коммент. 4 к п. 541.
[3] Бунин выехал из Огневки в конце мая 1901 г. и направился на подмосковную дачу Н.Телешова в Малаховку, где прожил первую половину июня 1901 г.

547. О.Л.КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

20 или 21 мая 1901

Печатается по автографу: Музей МХАТ, К-Ч № 1029.
Впервые: Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: Сборник: В 2 т.— М., 1972.— Т. 2.— С. 20 (с неточной датировкой: апрель — май 1901).
Датируется по содержанию и по связи с п. 545, 546 и 548.
См. коммент. 14 к п. 407. Бунин познакомился с Книппер-Чеховой 15 апреля 1900 г. в Ялте. Письма Книппер-Чеховой к Бунину неизвестны.

[1] Бунин, вероятно, благодарил Чехова за хлопоты по представлению его книг на соискание Пушкинской премии (см. п. 538 и коммент. 5 к нему).
[2] См. коммент. 1 к п. 545.
[3] Тирбушон — шутливое прозвище Бунина от французского tirebouchon — штопор.

548. Ю.А.БУНИНУ

28 мая 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 112–113.

[1] См. коммент. 1 к п. 534.
[2] См. коммент. 3 к п. 546.
[3] В журнале «Мир Божий» (1901.— № 7.— С. 34–38, 143–144) напечатаны рассказ «На Женевском озере» и стихотворения «На закате» («За все Тебя, Господь, благодарю...»), «В старом городе» («С темной башни колокол уныло...»). См. также коммент. 2 к п. 541.
[4] Был послан рассказ «Скит», который был опубликован в «Журнале для всех» (1901.— № 7.— С. 819–826).

549. М.П.ЧЕХОВОЙ

28 мая 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 16.
Впервые: *Чехова.* — С. 238–239 (отрывок), полностью: *Хозяйка чеховского дома.* — С. 125.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. 1 к п. 545.
[3] Письмо неизвестно.
[4] См. коммент. 3 к п. 546.
[5] А.И.Куприн.

550. В.С.МИРОЛЮБОВУ

1 июня 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 5–6.
Впервые: *Новый мир.* — 1956.— № 10.— С. 202–203.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. 4 к п. 548.
[3] В августе 1901 г. в «Журнале для всех» было напечатано два стихотворения Бунина «Надпись на могильной плите» («Несть, Господи, грехов и злодеяний...»), «Ночью» («Стояли ночи северного мая...») и его рассказ «Руда. Из книги "Эпитафии"» с посвящением С.Я.Елпатьевскому (№ 8.— Стб. 919–920, 963–968).
[4] В предисловии к роману «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтов, в частности, писал: «Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка!»
[5] См. коммент. 3 к п. 545.
[6] Какие стихотворения Бунина были приняты для публикации в журнале «Жизнь» неизвестно. Для июньского номера Бунин предполагал дать рассказ «Покров Богородицы», который позднее был передан В.Миролюбову. См. п. 553.
[7] В Петербург Бунин не ездил. С конца июля до конца сентября 1901 г. он жил в Одессе.
[8] Были посланы, очевидно, стихотворения «В июле» («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...»), «Ночью» («Стояли ночи северного мая...»), «Надпись на могильной плите» («Несть, Господи, грехов и злодеяний...»), «Эпиталама» («Озарен был сумрак мрачный...») с посвящением К.Д.Бальмонту.
[9] Бунин, очевидно, имеет в виду стихотворения, напечатанные летом 1901 г. в журнале В.А.Гольцева «Русская мысль»: «Высоко в просторе неба...» (№ 6.— С. 198), «С кургана» («Дымится поле, рассвет белеет...») (№ 8.— С. 48), а также стихотворения, напечатанные в газете Я.А.Фейгина «Курьер»: «Весной»: «Отошли закаты на далекий север...», «Облака, как призраки развалин...» (1 июля (№ 179).— С. 3), «Был поздний час — и вдруг над темнотой...» (29 июля (№ 207).— С. 3).
[10] Имеются в виду стихотворения «Спокойный взор, подобный взору лани...» (вероятно, была изменена первая строка в корректуре), опубликованное в «Журнале для всех» в июне 1901 г. (№ 6.— Стб. 661–662) и «Слава Господу: Апокалипсис, гл. IV» («И я узрел: отверста дверь на небе...»), опубликованное в марте 1902 г. (№ 3.— Стб. 303–304).
[11] Счет от конторы «Журнала для всех» за 1899–1901 гг. был составлен 12 июля 1901 г. (ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/1 оф).

551. М.П.ЧЕХОВОЙ

1 июня 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 18.
Впервые: *Чехова.* — С. 239 (отрывок, датировка: начало июня 1901), полностью: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 126 (датировка: 1–5 июня 1901 г.).

Датируется по содержанию и по п. 549 и 550. В связи с тем, что ответное письмо М.П.Чеховой было написано 6 июня 1901 г., данное письмо Бунина должно было быть написано не позже 1 июня, т.к. письма из Москвы в Ялту шли четыре дня.

[1] Бунин приехал в Москву, вероятно, 30 или 31 мая 1901 г.
[2] Имеется в виду женитьба Чехова на О.Книппер 25 мая 1901 г.
[3] Книппер Анна Ивановна (1850–1919; урожд. Зальца) — мать О.Л.Книппер.
[4] Ю.А.Бунин в это время был в Италии.
[5] В ответном письме от 6 июня 1901 г. М.Чехова писала: «Настроение убийственное, все время чувствую никчемность своего существования. Причина этому отчасти женитьба брата. Случилось это неожиданно. Я оставила брата в Москве совершенно больным. <...> 25 мая получаем телеграмму, что венчается. Я долго волновалась, все спрашивала себя: к чему Олечке понадобилась вся эта трепка для больного, да еще в Москве? Но, кажется, дело обошлось благополучно. Я получаю теперь от них хорошие письма. <...> Начала думать даже о своем замужестве и потому прошу вас, Букишончик, найдите мне жениха побогаче и чтобы был щедрый» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 126–127).

552. В.Я.БРЮСОВУ

3 июня 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 33.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 459.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Речь идет о желании Бунина предложить издательству «Скорпион» выпустить какую-нибудь его новую книгу. См. п. 575, 576 и коммент. к ним.
[2] Бунин гостил на даче Н.Телешова в Малаховке до 17 июня.
[3] Т.е. 6–7 июня 1901 г.

553. В.С.МИРОЛЮБОВУ

18 июня 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 7.
Впервые: *Лит. архив.*— С. 136.

[1] Имеется в виду перевод отрывка из драматической поэмы Д.Г.Байрона «Манфред» под названием «В Колизее. Монолог Манфреда», опубликованный в журнале «Вестник Европы», редактором-издателем которого был Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) (1901.— № 8.— С. 777–778) и стихотворение «На горах» («Пока я шел, я был так мал!..»), напечатанное в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу “Нива”» (1901.— № 9.— Стб. 131–132).
[2] Речь идет о рассказе «Руда», первоначальное название которого «Покров Богородицы» было заменено. Миролюбов в ответном письме от 30 июня 1901 г. сообщал: «Рассказ Ваш взят и набирается, но я Вас убедительно прошу разрешить мне

его напечатать в окт. №. Наш подписчик — человек простой и в большинстве, вероятно, церковный. "Покров Богородицы" помещать в месяц "Успения Богородицы" не совсем удобно. Если Вы настоите, я помещу, т.к. возвращать рассказ ни в каком случае не желаю. Но прошу Вас не настаивать и если есть что-нибудь другое на авг., прислать немедленно» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 156, л. 1). Рассказ под заглавием «Руда» был опубликован в «Журнале для всех» в августе 1901 г.

[3] См. коммент. 4 к п. 551.

554. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

18 июня 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 9.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 528.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.
Бунин в этот же день уехал из Москвы в Огневку. См. п. 553.

555. А.М.ГОРЬКОМУ

После 18 июня 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-2.
Впервые: *Горьковские чтения (1961)*. — С. 21 (с неточной датировкой: июнь, после 8-го, 1901).
Датируется по содержанию, по времени закрытия журнала «Жизнь» и по связи с п. 553.

[1] См. коммент. 1 к п. 540.
[2] А.И.Лапин сообщил Бунину, что у Горького родилась 26 мая 1901 г. дочь Катя.
[3] См. коммент. 3 к п. 545.

556. А.П.ЧЕХОВУ

25 июня 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 14.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 412.
Датируется по почтовому штемпелю и по помете на письме рукою Чехова: «Июнь 1901». Закрытое письмо. На обороте рукой Чехова написано два рецепта.

[1] Бунин приехал в Одессу 29 июля 1901 г.

557. В.С.МИРОЛЮБОВУ

27 июня 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 8.
Впервые: *Лит. архив*.— С. 137.

[1] См. коммент. 6 к п. 550.
[2] А.Е.Колпинский принимал активное участие в делах журнала «Жизнь».
[3] Письмо неизвестно.

558. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

1 июля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 10.
Впервые: *Проблемы реализма.*— С. 169–170 (с опечаткой в месяце: июня).

[1] Речь идет о 35-летии литературно-педагогической деятельности Д.И.Тихомирова. К этому юбилею готовился литературно-художественный сборник, вышедший под названием «На трудовом пути» (М., 1901). В нем была помещена «миниатюра» Телешова «Лесная дорога» и стихотворение Бунина «На острове» («Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...»).

[2] Возможно, речь идет об отсутствии ответа на просьбу Бунина дать что-либо в сборник, представленный произведениями членов «Среды» (см. коммент. 1 к п. 540).

[3] Бунин цитирует начало письма Чехова от 30 июня 1901 г. Далее Чехов писал: «...меня женили, и я теперь хлопочу о разводе, нанимаю адвокатов. Вы уезжаете в Одессу? Не забывайте, что от Одессы до Ялты рукой подать, приехать нетрудно» (*Чехов. ПСС.*— Т. 10.— С. 50).

[4] Поездка не состоялась.

559. И.А.БЕЛОУСОВУ

3 июля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 29.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин уехал из Москвы в Огневку 18 июня 1901 г.

560. М.П.ЧЕХОВОЙ

7 июля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 49, л. 20.
Впервые: *Чехова.* — С. 239–240 (отрывок), полностью: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 127–128.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю на конверте и по содержанию.

[1] Имеется в виду А.К.Толстой.
[2] См. коммент. 5 к п. 551.
[3] См. коммент. 3 к п. 558.
[4] См. коммент. 4 к п. 558.
[5] Бунин уехал из Москвы в Одессу 28 июля 1901 г.
[6] Бунин приехал в Ялту 4 сентября 1901 г. В сентябре же он уехал из Ялты в Москву.

561. В.С.МИРОЛЮБОВУ

Начало июля 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 9–10.
Впервые: *Лит. архив.*— С. 137–139.
Датируется по содержанию.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Отрывок письма А.И.Богдановича, упоминаемый Буниным, в архиве Миролюбова не сохранился.

[3] Имеется в виду рассказ «Поздней ночью», опубликованный в альманахе «Северные цветы» (М., 1901).

[4] Карич — псевдоним Яковлевой Елизаветы Фелициановны (1868–?) — писательницы, издательницы журнала «Отдых», в котором Бунин печатался с октября 1900 г.

[5] В приведенном далее Буниным счете есть ошибки, которые были исправлены в официальном счете, подготовленном конторой редакции «Журнала для всех». См. коммент. 11 к п. 550.

[6] Письмо Бунина в редакцию журнала «Жизнь» неизвестно.

[7] См. коммент. 2 к п. 553.

[8] Речь идет о фразе: «А потом в окна потянуло свежестью, в пруде заквакали лягушки, и петух, сильно захлопав крыльями, заорал в сенцах хриплым спросонья басом» (Журнал для всех.— 1901.— № 7.— Стб. 822). В последующих публикациях этого рассказа, который получил другое название «Мелитон», Бунин восстановил пропущенное слово: «...петух, сильно и выпукло захлопав крыльями...» (*Собр. соч. (3)*. — Т. 2.— С. 201). Три последние строки в этом рассказе восстановлены не были.

562. В.Я.БРЮСОВУ

12 июля 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 386, к. 79, ед. хр. 11, л. 20.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 460–461.

[1] В письме от начала июля 1901 г. Брюсов писал о своем сложном душевном состоянии: «Моя жизнь за последние месяцы — безумие. Я вырываюсь из рук сумасшедших, чтобы бежать к бесноватым. Я прошел над всеми безднами духа, достигая до крайних пределов любви и страдания. Каждое чувство, каждая мысль мне мучительны теперь, но моему пути еще не конец. И опять синее небо, и опять утро. Но во мне ни стиха, ни строчки, слова не вяжутся, мысли не повинуются. Упасть бы в траву и плакать или уснуть» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 460).

[2] В начале декабря 1901 г. вышли две книги Бунина: Велга: Северная легенда.— М., 1901.— 27 с.; Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества.— М., 1901.— 90 с.

[3] И. и Ю.Бунины 15 июля выехали в Москву. В 20-х числах июля И.Бунин гостил у Телешова в Малаховке, а 28 июля уехал из Москвы в Одессу.

563. Н.Д. и Е.А. ТЕЛЕШОВЫМ

27 июля 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 26, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 530.
Дата и место написания определены по содержанию и по связи с п. 564.
Записка, оставленная Буниным, уехавшим рано утром из Малаховки.

[1] Имеется в виду стихотворение Бунина «Полями пахнет,— свежих трав», опубликованное в журнале «Народное благо» (1901. — 15 авг. (№ 31)). В сборнике «Новые стихотворения» (М., 1902) оно имело название — «Под тучей».

[2] Речь идет о заглавии сборника стихов Бунина, издаваемого С.В.Курниным. См. п. 577 и коммент. 3 к нему.

[3] По-видимому, книга стихов А.А.Фета, принадлежащая Телешову.

564. Ю.А.БУНИНУ

28 июля 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 115.

Датируется по почтовому штемпелю, на котором значится: Почтовый вагон, в связи с чем место написания определено предположительно. Открытка.

[1] Крупный магазин в Москве, ныне ЦУМ.

565. Ю.А.БУНИНУ

29 июля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2802 оф.

Год определен по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] С И.А.Белоусовым в Киево-Печерской Лавре.

566. Ю.А.БУНИНУ

31 июля 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2804 оф.

Место и дата написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

Написано карандашом.

[1] Бунин снял комнату на даче Герпста под Одессой. В.П.Куровский, его жена Вера Павловна Куровская.

567. В.П.КЛИМОВИЧ

9 августа 1901

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 2882 оф.

Дата и место написания определены по содержанию, по связи с п. 566 и на основании карандашной пометы Бунина на письме: «1901 г. Вере Петр. Климович. Дача Герпста под Одессой».

Климович Вера Петровна — дочь богатого дачевладельца, члена городской управы в Одессе Петра Титовича Климовича. Бунин познакомился с ней в 1901 г. Письма Климович к Бунину неизвестны. См. п. 573.

568. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 августа 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 11.

Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 530.

Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 1 к п. 566.

569. А.П.ЧЕХОВУ

12 августа 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 15.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 412.

[1] См. коммент. 1 к телеграмме 574.
[2] См. п. 560.
[3] Имеется в виду пьеса А.М.Федо́рова «Обыкновенная женщина», которую он позже, 25 октября 1901 г., послал Чехову на отзыв, советуясь как назвать ее.
[4] Чехов ответил на вопросы Бунина в письме от 17 августа 1901 г.: «1) Маша уезжает в Москву 1 сентября, а Ольга Леонардовна — 20 августа. 2) Для Художественного театра я не написал ничего, не садился писать и не скоро сяду, должно быть, не раньше как года через два. 3) Я теперь пишу, занят целые дни и т.д. и т.д.,— а посему не найдет ли возможным художник Нилус отложить писание портрета до будущего года? 4) Буду ожидать Вашего приезда с нетерпением. Буду (с первого сентября) день и ночь сидеть на пристани и ожидать парохода с Вами. Очень возможно, что в Ялту приедет Горький» (*Чехов. ПСС.* — Т. 10.— С. 58–59).

570. Ю.А.БУНИНУ

14 августа 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 116.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] В газете «Курьер» до конца 1901 г. были опубликованы стихотворения «Осенью»: I. «Шумели листья, облетая...», II. «Моя печаль теперь спокойна...» (1901.— 30 сент. (№ 270).— С. 2); «В море» (Посвящается В.П.Куровскому) («Высоко наш флаг трепещет...») (1901.— 14 окт. (№ 284).— С. 2); «Осенняя ночь» («Светло, как днем, и тень за нами бродит...»). (1901.— 28 окт. (№ 298).— С. 2); «В Альпах. Рассвет» («С высоты привет тебе, заря!..») (1901.— 11 нояб. (№ 312).— С. 2); «Stella maris» («Я, заливаемый волнами...») (1901.— 25 дек. (№ 356).— С. 2).

571. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 августа 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 12.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 530.

[1] Записка к С.В.Курнину неизвестна.
[2] Речь идет о гонораре, за сборник стихов и за отдельное издание рассказа «Велга», издаваемых торговым домом С.В.Курнин и К°.

572. Ю.А.БУНИНУ

19 или 20 августа 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 118.
Дата и место отправления определены по содержанию и по связи с п. 570. Письма из Одессы в Москву шли три дня.

[1] Заузе Владимир Христианович (1859–1939) — художник-график.
[2] К адвокату А.В.Лазарису Бунин собирался идти по поводу бракоразводного процесса с А.Н.Цакни.
[3] См. коммент. 3 к п. 550.
[4] См. коммент. 1 к п. 570.

573. Ю.А.БУНИНУ

31 августа 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1292, оп. 1, ед. хр. 19, л. 117.

[1] Имеется в виду В.П.Климович (см. п. 567).
[2] А.П.Баранов прислал рецензию на книгу Бунина «Листопад» (М., 1901), опубликованную в газете «Северный край» (1901.— 20 авг. (№ 219).— С. 3.— Подпись: Л.Ф-ко). Рецензент писал: «Сборник Бунина открывается удивительно грациозной, мастерски написанной вещью “Листопад”, посвященной М.Горькому... Так чувствовать малейшее биение и трепетание природы осенней, осеннего увядающего леса, воздуха осеннего, вкус которого щекочет нервы читателя, может только действительно истый поэт, переживающий в душе своей все те эмоции, которые идентичны и природе, его окружающей. В этой пьеске, самой большой по размерам, Бунин показал нам все разнообразие своего таланта, свежего, колоритного, живо умеющего слить настроения человека и природы в одну неразрывную, гармоническую связь. <...> Поэзия Бунина — это поэзия деревенских полей, лугов, лесов. <...> Он делает между тем ее крайне разнообразной теми оригинальными метафорами, параллелизмами и другими поэтическими образами <...> Нам кажется, что многие пьески, как напр., “Бушует полая вода”, “В феврале”, “Последняя гроза”, “Три ночи” и мн. др. могли бы служить хорошим украшением наших хрестоматий <...> Каждое стихотворение дышит такой глубиной, простотой и силой, запечатлевается в душе читателя свежими штрихами и дышит ароматом природы. <...> По преимуществу Бунин поэт акварелист, и это отличительное свойство ставит его гораздо выше многих современных поэтов».
[3] Федорченко Леонид Семенович (1874–1924; псевд. Н.Чаров, П.Свободин) — прозаик, поэт.
[4] См. п. 572.

574. А.П.ЧЕХОВУ

31 августа 1901

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 16.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 414.
Датируется по отметкам на бланке. Телеграмма. На бланке также есть помета: «Перед. телефону».

[1] Бунин приехал в Ялту во вторник 4 сентября 1901 г.

575. С.А.ПОЛЯКОВУ

1 сентября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 20, л. 2.

[1] Новые книги Бунина в «Скорпионе» не выходили. Книга «Рассказы» Т. I (СПб., 1902) и «Песнь о Гайавате» (СПб., 1903) были выпущены в издательстве

«Знание», «Новые стихотворения» (М., 1902) Бунин выпустил за собственный счет.

[2] См. коммент. 1 к п. 574.

576. В.Я.БРЮСОВУ

1 сентября 1901

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 444, ед. хр. 50, л. 34.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 461.

[1] См. п. 575 и коммент. к нему.

[2] Бунин приехал в Москву, вероятно, во второй половине сентября 1901 г., встречался с Брюсовым, который записал в дневнике следующее: «Приехал в Москву Бунин и пришел ко мне. Сказал, что сидел в Ялте, вдруг затосковал и, не дожидаясь парохода, поскакал на север. На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т.д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи» (*Брюсов. Дневники.*— С. 106).

577. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

1 сентября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 13.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 531.

[1] Телешов писал в конце августа 1901 г.: «Где я возьму слов, чтобы выразить свое негодование, а главное — где я возьму почтовой бумаги, чтоб изложить это негодование письменно? Как серый волк, ты удрал от меня, Алексеич, и, как мокрая курица, сидишь, не в состоянии выдумать заглавия к курнинской книжке. Он ругается и хочет назвать ее “Облако” — по одному из стихотворений, которое пустит первым. Если не нравится, то скорее присылай другое заглавие» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 531).

[2] См. коммент. 1 к п. 574.

[3] Письмо к С.В.Курнину неизвестно. Позднее Бунин изменил заглавие, книга вышла под названием «Полевые цветы» (М., 1901).

[4] См. п. 573.

578. С.Я.ЕЛПАТЬЕВСКОМУ

28 сентября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 6, л. 1.
См. коммент. 12 к п. 254.Бунин познакомился с С.Я.Елпатьевским в 1895 г. в Петербурге. Письма Елпатьевского к Бунину неизвестны.

[1] См. коммент. 1 к п. 540.

579. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 октября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-2.
Впервые: *Рус. лит.*— 1964.— № 1.— С. 185 (отрывок).
Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) — директор-распорядитель издательства «Знание», в котором выходили книги Бунина и его первое Собрание сочинений в пяти томах. Также это издательство выпускало «Сборники товарищества "Знание"», в которых часто печатались произведения Бунина. Письма Пятницкого к Бунину 1901–1913 гг. (РГАЛИ) носят деловой характер и посвящены издательским вопросам, денежным расчетам и отчетам о ходе реализации книг Бунина.

[1] В середине октября 1901 г. Бунин ездил в Нижний Новгород, где встречался с Горьким, который сообщал Пятницкому в письме между 13 и 17 октября 1901 г.: «...был Бунин Иван, был Андреев Леонид, Алексеевский Аркадий, и я два дня не видел себя <...> Иван Бунин предлагает издать его рассказы у "Знания" <...> Я — за издание Бунина "Знанием"» (*Горький. ПСС.*— Т. 2.— С. 185–186).

[2] Имеется в виду книга Бунина «"На край света" и другие рассказы» (СПб., 1897).

[3] См. коммент. к п. 260, 264 и 522.

[4] В 1897–1899 годах Бунин опубликовал в периодической печати и литературных сборниках 37 стихотворений и 8 рассказов, а также была издана книга его стихотворений «Под открытым небом» (М., 1898).

[5] Из книги «"На край света" и другие рассказы» (СПб., 1897) в первый том сочинений Бунина (СПб., 1902) вошли рассказы: «На край света», «Фантазер», «Кастрюк», «Тарантелла», «На Донце».

[6] Также в первый том сочинений Бунина вошло 17 новых рассказов: «Антоновские яблоки», «Байбаки», «Без роду-племени», «В августе», «Велга», «Костер», «Надежда», «Новая дорога», «Новый год», «Осенью», «Перевал», «Поздней ночью», «Руда», «Скит», «Сосны», «Тишина», «Туман».

[7] Ко времени написания письма было опубликовано в газете «Сын отечества», журналах «Новое слово», «Мир Божий», «Жизнь», «Журнал для всех», «Русская мысль», альманахе «Северные цветы» 12 рассказов, которые потом вошли в первый том сочинений Бунина.

[8] Список не сохранился.

[9] Первый том сочинений Бунина «Рассказы» вышел в издательстве «Знание» в середине марта 1902 г.

580. В.М.ЛАВРОВУ

28 октября 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1.
Место написания определено по содержанию и по п. 581.

[1] Стихотворение «Рассвет» не появилось в журнале «Русская мысль», а другие два стихотворения были там опубликованы в начале 1902 г.: «Ночь» («Ищу я в этом мире сочетанья...») — № 1.— С. 243–244; «В Альпах: Сонет на льдине» («На высоте, на снеговой вершине...») — № 2.— С. 180.

[2] Эти автографы в архиве не сохранились.

[3] Вероятно, имеется в виду В.А.Гольцев.

[4] Книга Бунина «Новые стихотворения» вышла в Москве летом 1902 г.

581. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

28 октября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-3.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 186 (отрывок).

Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

[1] Пятницкий писал Бунину 25 октября 1901 г.: «Рад Вашему предложению. Вас как художника ставлю высоко. Подал свой голос за издание. Горький уже высказался в том же смысле. Наши два голоса имеют значение; все же я должен написать еще нескольким товарищам, чтобы составилось необходимое большинство. Тем временем просил бы выслать оттиски и сообщить условие. Одна сторона смущает меня: разошлось ли издание О.Н.Поповой? Просил бы Вас уладить дело с нею. <...> Поставьте на вид, что новое издание даст толчок первой книге. <...> Нужно составлять книгу листов в 20. <...> Назначить по 1 р. за том. <...> У Вас прекрасные переводы. Не думаете ли выпускать второго издания “Песни о Гайавате”? Не переводите ли новой крупной вещи? Не обходите нас, если приготовите что-нибудь к изданию» (*Книга.* — С. 133).

[2] См. коммент. 5 к п. 579.

[3] Бунин продал право нового издания своего перевода поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» Д.В.Байкову 26 сентября 1901 г. (Договор — ОГЛМТ, ф. 14, № 5815 / 1-2). См. коммент. 1 к п. 588.

[4] Второй том сочинений Бунина «Стихотворения» вышел в издательстве «Знание» в начале 1903 г.

582. А.П.ЧЕХОВУ

11 ноября 1901

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 17.
Впервые: *ЛН.*— Т. 68.— С. 414.
Место написания определено по содержанию.
Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

[1] Чехов писал Бунину 30 октября 1901 г.: «...деньги Ваши вытребованы обратно одесским банком, и их в ялтинском банке уже нет. Посылаю Вам обратно и телеграмму и марки. Как Вы поживаете, господин Букишон? Что пописываете, на чьих юбилеях гуляете?» (*Чехов. ПСС.*— Т. 10. — С. 100).

[2] Министерство внутренних дел в сентябре 1901 г. постановило «выдворить Пешкова под гласный надзор полиции в Нижегородской губернии, вне Нижнего Новгорода». Местом ссылки был определен г. Арзамас. Получив это постановление, Горький подал прошение о разрешении ему до весны жить в Крыму. Ему было дано разрешение жить в Крыму, кроме Ялты, до апреля. 7 ноября 1901 г. Горький выехал из Нижнего Новгорода. По пути в Крым Горький должен был ждать в Москве с утра до вечера поезда, но полиция, напуганная нижегородскими проводами писателя, пропустив семью Горького в Москву, его самого задержала на товарной станции и пересадила в вагон, в котором он был переправлен с Нижегородской дороги на Курскую. В ожидании поезда на Крым Горький был высажен в Подольске. Вскоре об этом стало известно в Москве, и к Горькому в Подольск выехали Н.Д.Телешов, И.Бунин, К.П.Пятницкий, позже приехал туда Ф.И.Шаляпин. Подробнее вся эта история описана Горьким в письме к В.А.Поссе после 19 ноября 1901 г. (*Горький. ПСС.* — Т. 2.— С. 205–208, см. также: Телешов Н.Д. Записки писателя.— М., 1948.— С. 98–102).

[3] Новая квартира для Чехова была снята в доме Гонецкой на Неглинном проезде, угол Звонарского переулка, рядом с Сандуновскими банями.

[4] Бунин уехал в Ефремов после 17 ноября 1901 г.

[5] Бунин в Крым не поехал. В начале декабря он был опять в Москве, откуда 15 декабря 1901 г. уехал в Васильевское к С.Н.Пушешниковой, где провел рождественские праздники (*Материалы (2).*— С. 84).

[6] Речь идет о книге Бунина «Новые стихотворения» (М., 1902), вышедшей в июне 1902 г. Эту книгу Бунин подарил Чехову со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову искренно его любящий Ив.Бунин» (*ЛН.*— Т. 68.— С. 414).

[7] Речь идет, вероятно, о рассказах «Осенью» и «Новый год».

583. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

13 ноября 1901

Печатается по первой публикации.

Впервые: *Шаляпин. ЛН.*— Т. 1.— С. 711–712.

Год определен по содержанию.

Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) — певец (бас), народный артист Республики (1918). Бунин познакомился с Шаляпиным в начале ноября 1901 г. в Подольске и на всю жизнь они стали друзьями. Известно только одно письмо Шаляпина к Бунину 1912 г. (РГАЛИ).

584. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 ноября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-4.

Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] См. коммент. 5 к п. 579.

[2] См. коммент. 9 к п. 579.

585. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

27 ноября 1901

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 25, л. 14.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 532.

[1] М.А.Членов (1871–1941) — московский врач, впоследствии профессор Московского университета. А.А.Карзинкин (см. коммент. к п. 586).

[2] В ответном письме от 29 ноября 1901 г. Телешов писал: «Все, что ты пишешь, я передам по адресам, хотя не верю я лично в возможность найти эти места. Это хитрее, чем ты думаешь. Впрочем, не ручаюсь. Но передам все как следует, будь уверен» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 532).

586. А.А.КАРЗИНКИНУ

30 ноября 1901

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 33, л. 1.

Карзинкин Александр Андреевич (186?–1932) — брат жены Н.Телешова — Е.А.Телешовой. Директор торгово-промышленного товарищества Ярославской Большой мануфактуры, «льняной король», знаток живописи, член Художественного совета Третьяковской галереи, любитель литературы; член литературного кружка «Среда». Бунин познакомился с Карзинкиным в 1900 г. Письма Карзинкина к

Бунину 1901, 1902, 1912 гг. (ОГЛМТ) касаются издания книги стихотворений Бунина и денежных вопросов.

[1] А.Карзинкин писал Бунину 25 ноября 1901 г.: «Я сдал рукопись Гербеку. Он уже приступил к отливке шрифта. Она займет около месяца и, следовательно, книжка не может появиться раньше 2-ой половины или вернее конца января» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3062/2 оф).

[2] В московской типографии Отто Осиповича Гербека печаталась книга Бунина «Новые стихотворения», заботы по которой были поручены Буниным Н.Телешову и А.Карзинкину.

[3] В том же письме от 25 ноября 1901 г. А.Карзинкин сообщал: «Вчера мы с “Митричем” чествовали (в Художественном клубе) старика Потехина» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3062/2 оф). Потехин Алексей Антипович (1829–1908) — прозаик, драматург.

[4] Литературный кружок «Среда» состоялся 28 ноября 1901 г. у Н.Телешова.

[5] Бунин был в Москве уже 6 декабря 1901 г. См. п. 725.

587. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 декабря 1901

Печатается по подлиннику: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-1.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

[1] Скорее всего речь идет о новом издании перевода Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате». См. коммент. 1 к п. 588.

588. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

1 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-6.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 182 (отрывок).
Место написания определено по содержанию.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] Бунин встретился с Д.В.Байковым 31 декабря 1901 г. (см. «Договор издателя Д.В.Байкова на представление ему автором права на 2-е издание перевода И.А.Бунина “Песнь о Гайавате” Г.Лонгфелло» и приписку к нему Д.Байкова об аннулировании данного договора, датированную 31 декабрем 1901 г. — ОГЛМТ, ф. 14, № 5815/1-2).

[2] Поэма Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина вышла в издательстве «Знание» в 1903 г. двумя изданиями: роскошным и дешевым.

[3] Московский книжный магазин.

[4] Речь идет об издании первого тома сочинений Бунина в «Знании».

[5] Бунин уехал в Одессу в первых числах января 1902 г.

[6] Имеются в виду рецензии на издание «Песни о Гайавате» (М., 1899): [Б.п.] // Мир Божий.— 1899.— № 5.— С. 62–63; Седов Л. // Вестник воспитания.— 1899.— № 6. — С. 59–63; также были еще рецензии на это же издание: С.К. // Сын отечества.— 1899.— 5 марта (№ 61).— С. 4; И.Б-ов <Белоусов И.А.> // Курьер.— 1899.— 15 марта (№ 73).— С. 4; Дионео // Одесский листок.— 1899.— 20 марта (№ 75).— С. 1; [Б.п.] // Неделя.— 1899.— 8 авг. (№ 32).— Стб. 1050–1051; Федоров А.М. // Южное обозрение.— 1898.— 4 сент. (№ 576).— С. 2. В журналах «Жизнь», «Научное обозрение» и «Нива» рецензии

на «Песнь о Гайавате» не обнаружены. По поводу издания перевода «Песни о Гайавате» в издательстве «Знание» Пятницкий писал Бунину 12 декабря 1901 г.: «Вопрос о “Лонгфелло” решен. Если хотите, издаем. Вы говорили, что Байков согласился купить только 2400 экз. Вы ставили условием, чтобы мы издали больше, хорошо. Издадим 5000. Такой завод возможен при условии, что, кроме иллюстрированных экз., будет известное число дешевых, неиллюстрированных. Сообщите Ваши условия. <...> Было бы желательно получить от Вас оригинал, Вами просмотренный и исправленный» (*Книга.* — С. 133).

589. В.С.МИРОЛЮБОВУ

Между 1 и 4 января 1902

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 11–12.
Впервые: *Лит. архив.*— С. 140–141 (с неточной датировкой: декабрь 1901 — январь 1902).
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 588 и 590.
Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

[1] Псевдоним Н.Н.Златовратского; речь идет о его рецензии на две книги Бунина «“На край света” и другие рассказы» (СПб., 1897) и «Стихи и рассказы» (М., 1900) в «Журнале для всех» (1901.— № 12.— Стб. 1533).
[2] См. коммент. 5 к п. 588.

590. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

8 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-7.

[1] Пятницкий писал Бунину 9 января 1902 г.: «Изящная у Вас будет книга. Публика должна оценить ее. Я верю в успех. До сих пор получено от Вас 11 рассказов. Все отданы в набор. Посылаю первые 5 листов корректур. Постараемся выполнить все Ваши указания. Обыкновенно типографии мучат своими заставками. На всякий случай, я велел типографии оттиснуть на одном листе большую часть своих заставок. Посылаю этот лист вместе с корректурами. Плохо, но что с ними поделаешь. Быть может, Вы напишете на этом листе, какую заставку выбираете для того или другого рассказа. Если же эти заставки Вам очень не понравятся, заставлю типографию купить новых для дальнейших рассказов. <...> P.S. Илл<юстрированное> изд. “Гайаваты” еще не получено» (*Книга.* — С. 134).
[2] Для первого тома сочинений Бунина «Рассказы».
[3] См. коммент. 5 к п. 579.
[4] В первом томе сочинений Бунина «Рассказы» перед содержанием было напечатано следующее примечание автора: «Все нижепоименованные рассказы были напечатаны в “Русском богатстве”, “Новом слове”, “Мире Божьем”, “Русской мысли” и “Журнале для всех”. Из них 15 появляются в отдельном издании впервые, а 5 (“Тарантелла”, “На край света”, “Кастрюк”, “На Донце”, “Фантазер”) взяты из моего сборника “На край света”, изданного пять лет назад. И.Б.».

591. А.П.ЧЕХОВУ

11 января 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 18.
Впервые: *ЛН.*— Т. 68.— С. 415.

[1] Приехав в Москву в начале декабря 1901 г., Бунин, вероятно, между 6 и 14 декабря ездил в Петербург для переговоров с издательством «Знание».

[2] Имеются в виду книги Бунина: «Новые стихотворения» (М., 1902), «Рассказы» (СПб.: Знание, 1902) и перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (СПб.: Знание, 1903).

[3] Л.Н.Андреев с женой Александрой Михайловной (1881–1906; урожд. Велигорская) — приехали в Одессу 25 февраля 1902 г.

[4] В газете «Южное обозрение» 8 января 1902 г. (№ 1701) в отделе «Одесская хроника» было помещено сообщение: «Антон Павлович Чехов изъявил свое согласие принимать участие в "Южном обозрении" и обещал в непродолжительном времени прислать свой рассказ». Начиная с этого номера по 22 января ежедневно в газете печатались объявления о том, что в 1902 г. в газете принимают участие М.Горький, В.Короленко, А.Чехов. Произведения Чехова ни в это время, ни позднее в «Южном обозрении» не появлялись. Чехов печатался в этой газете ранее — в 1898–1900 гг. В ответном письме от 15 января 1902 г. Чехов писал Бунину: «На приглашение "Южного обозрения" я ответил, что ничего не имею против, но в настоящее время ничего не пишу, прошу извинить, а когда напишу, то пришлю. Я всем отвечаю так». Также в этом письме Чехов отозвался о рассказе Бунина: «Писал ли я Вам насчет "Сосен"? Во-первых, большое спасибо за присланный оттиск, во-вторых, "Сосны" — это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона» (*Чехов. ПСС.* — Т. 10.— С. 169–170).

592. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 или 13 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-5.

Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 187 (отрывок).

Датируется по содержанию и по письму Пятницкого от 9 января 1902 г. (см. коммент. 1 к п. 590).

[1] Рассказ «Золотое дно» не вошел в первый том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1902).

[2] В первый том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1902) вошло 22 рассказа, см. коммент. 5 и 6 к п. 579.

[3] См. коммент. 4 к п. 590.

[4] Имеется в виду Полное собрание сочинений Ф.М.Достоевского, изданное А.Ф.Марксом в качестве бесплатного приложения к журналу «Нива» на 1894 г.

[5] Проект не сохранился.

[6] См. коммент. 9 к п. 579.

593. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-8.

[1] Письмо Пятницкого неизвестно.

594. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 1.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1. — С. 534.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин пробыл в Одессе до конца марта.
[2] Сборник Бунина «Рассказы» готовился в издательстве «Знание».
[3] Речь идет о сборнике Бунина «Новые стихотворения», издаваемом в Москве. См. коммент. 1 и 2 к п. 586.

595. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

29 января 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-9.

[1] Не сохранились.
[2] Речь идет, вероятно, о рассказе «Надежда», который напечатан последним в первом томе сочинений Бунина «Рассказы».

596. А.А.КАРЗИНКИНУ

1 февраля 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 33, л. 2.

[1] Имеется в виду корректура книги Бунина «Новые стихотворения». См. коммент. 1 и 2 к п. 586.
[2] Речь идет о двух книгах, выпускаемых издательством «Знание»: первый том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб., 1902) и перевод поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (СПб., 1903).

597. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

5 февраля 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 2.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 537.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Телешов написал 1 февраля 1902 г. большое письмо, в котором сообщал о заседаниях «Среды», об исполнении Ф.И.Шаляпиным музыкальной картины А.Т.Гречанинова «На распутье» (1901) на слова Бунина, о слухах по поводу создания религиозно-философского общества в Петербурге, а также о ходе работы по выпуску книги Бунина «Новые стихотворения» (см.: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 534–536).
[2] К своему письму от 1 февраля 1901 г. Телешов приложил список членов «Среды» с их шутливыми прозвищами — «адресами». По этому письму Телешова видно, что инициатором этой шутки был Бунин. Листок с «адресами», посланный Бунину, не сохранился, но в МКТ имеется экземпляр этого списка. Например, Н.Н.Златовратскому дан был сначала адрес: «Старые Триумфальные ворота», но потом переменили на «Патриаршие пруды»; редактору «Русской мысли» В.А.Голь-

цеву дали адрес: «Девичье поле», но после изменили на «Бабий городок». <...> Иван Бунин, отчасти за свою худобу, отчасти за острословие, от которого иным приходилось солоно, назывался «Живодерка», а кроткий Белоусов — «Пречистенка»; А.С.Серафимович за свою лысину получил адрес «Кудрино»; В.В.Вересаев — за нерушимость взглядов — «Каменный мост»; Чириков — за высокий лоб — «Лобное место» (Телешов Н.Д. Записки писателя.— М., 1948.— С. 50).

[3] Телешов задумал дешевый сборник и обращался к ряду писателей дать для него свои произведения. Обратился он и к Бунину: «Дай мне разрешение взять у тебя стихов — каких хочу и сколько хочу — для 20-копеечного сборника» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 536).

[4] Телешов в этом же письме писал: «Свинья — я. За целый месяц, даже полтора, сегодня в первый раз сажусь за письменный стол. И то, видишь, глупости тебе расписываю, а дело лежит и лежит, и примусь за него, вероятно, на том свете, после первой же панихиды...» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 536).

[5] Речь идет об обзоре «Литература и жизнь» в журнале «Русское богатство» (1902. — № 1. — С. 97–100 (отд.II)), в котором Н.К.Михайловский, в частности, подверг анализу второй том «Повестей и рассказов» (М., 1901) Н.И.Тимковского. Михайловский дал характеристику Тимковскому: «Это писатель умный, может быть, слишком умный <...> сила сознания слишком перевешивает в них те бессознательные элементы, которые необходимы для творческого процесса, <...> либо бедна в них сфера бессознательного, либо они давят ее, не давая должного простора непосредственному чувству».

[6] Шутливое прозвище Л.Н.Андреева.

[7] А.Н.Телешов.

598. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

22 февраля 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 3.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 539.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] Имеется в виду сборник Бунина «Новые стихотворения». См. коммент. 2 к п. 586.

[2] Дата цензурного разрешения — 31 января 1902 г.

[3] О принципах составления своего нового сборника Телешов писал Бунину 28 февраля 1902 г.: «...поступил вот как. Купил у Сытина “Тройки” и изорвал их <...> купил и “Повести” 956 штук. Из них 356 осуждены мною к смертной казни через повешение на стены под обои, а на 600 штук наклеена новая обложка с уничтожением сытинской фирмы. Взял у меня Курнин на комиссию. <...> Мне необходимо написать и напечатать несколько вещей и тогда уже приступить к настоящему изданию» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 540–541).

[4] Речь идет о просьбе Телешова поместить рецензию на его книгу в «южных» газетах. В письме к Бунину от 28 февраля 1902 года Телешов пишет: «По твоему совету сегодня высылаю книги: “Одесскому листку”, “Одесским новостям” и “Южному обозрению”». Книга Н.Д.Телешова «Повести и рассказы» (М.: Русское товарищество печати и издательского дела) вышла 27 февраля 1902 года. См. коммент. 3, 4, 5 к п. 605. Рецензии на книгу: [Б.П.] // Русское богатство.— 1903.— № 2. — Отд. II, с. 27–28; Протопопов М. Простые таланты // Русская мысль.— 1903. — № 3.— Отд. II, с. 189–190.

[5] Речь идет о невыплате гонорара А.М.Федорову за книгу стихотворений для юношества издателем С.В.Курниным.

599. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24 февраля 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 4.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 540.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте. В тексте подчеркивание рукой Телешова красным и синим карандашом.

[1] Имеется в виду корректура подготавливаемого сборника «Новые стихотворения». О получении корректуры Телешов извещал Бунина в письме от 28 февраля: «Получил я твою корректуру и отдал Александру Андреевичу, а тот Гербеку. На днях мне пришлют поправки» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 540).
[2] Телешов по просьбе Бунина вставил в конец сборника стихотворение «Чатырдаг» (перевод из цикла «Крымские сонеты» А.Мицкевича).
[3] Телешов отослал стихотворение «Чатырдаг» в газету «Курьер», где оно было напечатано (1902. — 10 марта (№ 68).— С. 3).
[4] О ком идет речь неизвестно.

600. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

28 февраля 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 5.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 541–542.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Телешов выполнил просьбу Бунина.
[2] Л.Н.Андреев около 28 февраля выехал в Крым к Горькому (*ЛН*. — Т. 72. — С. 138–140).

601. И.А.БЕЛОУСОВУ

2 марта 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 30.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Из Одессы в конце марта Бунин поехал в Ялту (см. коммент. к п. 607), в начале мая Бунин на короткий срок приехал в Москву.

602. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

4 марта 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-10.

[1] Бунин просил Пятницкого выплатить ему в счет издания «Песни о Гайавате» 500 рублей. На неизвестные нам письма и телеграмму Бунина с этой просьбой Пятницкий ответил 26 февраля 1902 г.: «Письмами и телеграммою Вы настойчиво требовали 500 р. По правде сказать, меня это удивило. Я пожалел, что Вы не перечитали условия. Там ясно сказано, что деньги 500 р. уплачиваются при начале печатания. Дальше следует, что до начала печатания мне должен быть доставлен оригинал в окончательно отделанном виде. Вы знаете, что это не сделано. Значит,

печатать нельзя. Затем — для начала работы нужны клише. Их будет больше 200. Иллюстрированного оригинала у Вас не было. Мы заказывали его вместе. <...> Действительно, иллюстрированный оригинал доставлен мне только недавно. Магазин оправдывается тем, что пришлось доставать не из Лондона, а из Бостона. Просмотревши рисунки, я усомнился, чтобы с них можно было сделать идеально-точные клише. Дело будет вернее, если выпишем клише от американского издателя. Трудно получить их раньше Пасхи. Следовательно, не может быть и речи, чтобы напечатать книгу к Пасхе. В таком случае остается следовать второму проекту, намеченному при свидании: выпустить оба издания к осени. Печатать придется летом. <...> Другого исхода нет, раз не хотим портить книгу плохими клише. При таких условиях требование денег показалось мне преждевременным. Все-таки высылаю эти 500 р., потому что пререкательства о деньгах неприятны. <...> Но если бы по всем обязательствам, по которым мы должны платить через 3–6–9–12 месяцев, от нас потребовали немедленной уплаты, это могло бы поставить фирму в затруднение. <...> Рисунки в роскошном издании очень хороши. Быть может, Вы успеете исправить оригинал до Пасхи. Было бы желательно, чтобы во время печатанья поправок не вносилось» (*Книга.* — С. 134–135).

[2] В 1902 г. Пасха праздновалась 14 апреля.

[3] Вероятно, в декабре 1901 г. См. коммент. 1 к п. 591.

[4] Речь идет, вероятно, о книге: Longfello H.W. The complete poetical works.— Boston; New York, 1902.— 879 p.

[5] О первом томе сочинений Бунина «Рассказы» Пятницкий писал в том же письме: «Ваши “Рассказы” допечатываются. Обложка — также. Если бы я послал корректуру ее в Одессу, выход книги был бы задержан. <...> Это невыгодно отразилось бы на ее сбыте. <...> Все это рассчитано. Надеюсь на успех» (*Книга.* — С. 135).

603. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

8 марта 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 6.

Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 542–543.

Написано на бланке: Одесский городской голова и вице-президент Одесского общества изящных искусств.

В тексте подчеркивания и другие пометы Телешова.

[1] В письме от 28 февраля 1902 г. Телешов писал: «Чудак ты, право! Как я могу взять на себя выпуск книги? А вдруг тебе не понравится, или я что-нибудь не усмотрю? Впрочем что ж — ну, поругаемся малость. Не беда!» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 540).

[2] Бунин имеет в виду «Одесские новости», «Одесский листок», «Южное обозрение».

[3] Из первой публикации стихотворения «Сон-Цветок» (Мир божий. — 1901. — № 8) Бунин просил исключить предпоследнюю строфу:

О, когда бы я мог плакать в эти мгновенья!
Но иссякли те слезы, в которых была
Молодая печаль так призывно светла,
Так полна красоты молодого стремленья...

Эта просьба была выполнена Телешовым.

[4] См. коммент. 3, 4, 5 к п. 605.

[5] См. коммент. 3 к п. 598.

[6] В письме от 28 февраля 1902 г. Телешов сообщал Бунину: «А.А.Давыдова умерла. <...> Говорят Куприн женился на Мусе и теперь “Мир Божий” его, и Ангел его секретарь» (*ЛН.* — Т. 84, кн. 1. — С. 540); Муся — приемная дочь А.А.Давыдовой — М.К.Куприна-Иорданская; Ангел — Богданович Ангел Иванович (1860–1907) — критик, публицист, деятель революционного движения. С 1895 года — ведущий публицист и критик, фактический редактор журнала «Мир Божий».

[7] См. коммент. 5 к п. 598.

[8] Бунин послал Телешову и А.А.Карзинкину рассказ «Надежда», опубликованный в газете «Одесские новости» (1902. — 7 марта (№ 5571)).

604. А.А.КАРЗИНКИНУ

21 марта 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 4, ед. хр. 33, л. 3.

[1] См. коммент. 1 к п. 602.

[2] А.А.Карзинкин писал 26 марта 1902 г.: «Пожалуйста, не беспокойтесь относительно 800 р.! Я с удовольствием подожду до сентября или октября, словом, до того срока, когда Ваше дело со “Знанием” уладится. Мудрования Оттона Осипова Гербека подходят к концу. Книжка выходит красивая и я очень рад, что мы не ошиблись в главном — в шрифте. <...> Кроме 600 обыкновенных экземпляров я заказал еще 30 штук на ручной бумаге формата немного более длинного: эти 30 экземпляров будут перенумерованы и 10 из них № 1–10 я немедленно же вышлю Вам. <...> Поклон Вам и Вашей Музе <...> Завтра “Среда” будет особенная — 20-летие литературной деятельности И.А.Белоусова. Затеяли поднести ему альбом всех членов “Середы”, а Николай должен сказать ему приветствие» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3062/1 оф).

[3] Телешов писал 15 марта 1902 г.: «Ну, брат, задал ты мне задачу! — Избави тебя Бог подумать, что это я тебе в упрек говорю или жалуюсь.— Нет, Иван Алексеевич,— не жалуюсь, не упрекаю, а только рассказываю и докладываю. Такого олуха, такой свиньи, как Гербек, я еще не встречал. Это упрямец, как осел, и... <...> книгу с твоими поправками и желаниями я отправил в типографию, через несколько дней получил новый оттиск, но в виде возмутительном <...> Это была такая мерзость, такая возмутительная корректура, каких я сроду не видывал. <...> У тебя волосы поднялись бы дыбом. Я не преувеличиваю <...> Через неделю получил опять новый (поправленный) оттиск, который в тот же вечер отослал назад как негодный, с новыми поправками <...> Я не только перечитал всю книгу восемь раз, но переглядел всякую букву (между прочим, ты пропустил немало грамматических ошибок), и не только переглядел, но и пересчитал строки по буквам, чтоб кое-что доказать этому сукину сыну! <...> Сегодня, наконец, получил четвертую корректуру <...> Приблизительно $^2/_3$ я подписал, а $^1/_3$ все-таки закрестил и «повелеваю» переделать по-моему. <...> Бумага выходит толстая, и книга будет здоровенная. Если Гербек не подпакостит самовольно, да если я до тех пор не сойду с ума или не застрелюсь от волнений и ссор из-за книги, то издание будет красивое. Это правда» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 543–544).

[4] Книга Бунина «Новые стихотворения» вышла в свет в конце мая 1902 г.

[5] См. коммент. 1 к телеграмме 607.

[6] См. коммент. 1 к п. 601.

605. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

21 марта 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 7.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 545.

[1] См. коммент. 3 к п. 604.

[2] См. коммент. 1 к п. 607.

[3] Речь идет о книге Телешова «Повести и рассказы», на которую он просил написать рецензии в одесских газетах. Однако рецензия на сборник Телешова «Повести и рассказы» была опубликована в «Одесском листке» (1902. — 9 апр. (№ 94)), за подписью: С.Б. [С.А.Барский?].

[4] А.М.Федорову противостоял литературный критик «Одесских новостей» Геккер Наум Леонтьевич (1862–1920) — участник революционного движения 1880-х годов. Его статья «Литературные заметки. Н.Телешов "Повести и рассказы". М., 1902» была опубликована в «Одесских новостях» (1902. — 4 апр. (№ 5598)); о Бунине Геккер написал позднее («Настроение» в прозе. Ив.Бунин. Рассказы, т. I. СПб., 1902 // Одесские новости.— 1902.— 11 июня (№ 5657).— С. 2). Шулятиков Владимир Михайлович (1872–1912) — литературный критик, философ.

[5] Рецензию на книгу Н.Д.Телешова «Повести и рассказы» написал К.Воинов (Южное обозрение.— 1902.— 2 мая (№ 1809).— С. 3).

[6] В письме от 15 марта 1902 г. Телешов писал о своем впечатлении от рассказа «Надежда»: «Рассказ твой получил; приговор мой таков: "Нет, Иван Алексеевич!" Рассказ сухощав, а не мускулист. Потом: черт с ним, с твоим Леонидом! Кто такое Леонид? Ну его к черту! Словно чужое письмо читаю; не хочу этого, и Леонида твоего тоже знать не желаю! Нет, это не "Женевское озеро". Это, брат, будет полегче. Просто — не нравится, да и все тут!» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 544).

[7] Имеется в виду п. 604, которое Бунин, очевидно, послал в одном конверте с письмом к Телешову.

[8] 27 марта 1902 года исполнялось 20 лет со дня публикации И.А.Белоусовым его первого стихотворения. Участниками «Среды» было решено отметить этот юбилей. По поводу этого события Телешов в письме от 16 марта 1902 года сообщал Чехову: «Просто, придираясь к круглой цифре, приятели и друзья в своем кружке, в очередную "Среду" воздадут ему свой привет» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1.— С. 539). Приветственная телеграмма Бунина Белоусову не обнаружена.

606. А.П.ЧЕХОВУ

До 29 марта 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 20.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 415.
Датируется по карандашной помете Чехова: «1902, III» (на обороте над текстом Бунина), на лицевой стороне карточки также рукою Чехова написано: «Милютинская ул. д. Окунева, против д. Боньс. Николай Христианович Фосс».
Написано на визитной карточке Бунина.

[1] О ком идет речь установить не удалось.

607. А.П.ЧЕХОВУ

29 марта 1902

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 21.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68.— С. 415.

Дата и место отправления определены по отметкам на бланке. Телеграмма. На бланке также есть помета: «Передано по тел. № 154 29/III 12-58д».

[1] Бунин с художником П.А.Нилусом приехали в Ялту во вторник 2 апреля 1902 г.

608. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

20 апреля 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 8.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 546.
Место написания определено по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] П.А.Нилус в апреле 1902 г. в Ялте писал портрет Чехова, но был вынужден прервать работу, когда в Ялту привезли тяжело больную О.Л.Книппер-Чехову.
[2] Речь идет о книге «Новые стихотворения».
[3] Горький выехал из Ялты в Нижний Новгород 23 апреля 1902 г. (Летопись жизни и творчества А.М.Горького. — М., 1958.— Вып. 1.— С. 381–382).

609. С.А.НАЙДЕНОВУ

Апрель 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 19.
Датируется по содержанию и по характеру почерка.
Найденов Сергей Александрович (1868–1922; наст. фам. Алексеев) — драматург. Бунин познакомился с ним в 1901 г. и вскоре они стали друзьями, вместе путешествовали за границей. С 1902 г. — член литературного кружка «Среда», с 1904 г. — член книгоиздательского товарищества «Знание». Письма Найденова к Бунину неизвестны.

[1] Никитский ботанический сад, расположенный на Черноморском побережье Крыма, в 7 км. от Ялты.
[2] Имеется в виду, вероятно, С.П.Боньс.

610. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 мая 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-11.
Место написания определено по содержанию.

[1] Это письмо Бунина неизвестно. По поводу издания «Песни о Гайавате» Пятницкий писал Бунину еще 12 марта 1902 г.: «Сегодня, в крайнем случае, завтра еду в Крым к Ал.Макс. Пробуду неделю. Нужно вернуться сюда к 26-му. Следовательно, нет нужды высылать сюда “Гайавату” раньше 26-го. Быть может, за это время Вы его просмотрите. Можно выпустить очень хорошее издание. Но, вероятно, придется столкнуться с конкурентами. Узнал, что другая фирма готовится издать перевод Михаловского — также с илл.; уже отправлен заказ на клише. Впрочем, я отношусь хладнокровно. <...> Ваш перевод может выдержать любую конкуренцию» (*Книга*. — 135–136). Только 7 июня 1902 г. Пятницкий вновь написал Бунину о судьбе этого издания: «Что касается “Гайаваты”, жду из Америки клише. Т.к. время доставки точно неизвестно, решил начинать печатанье книги со средины июля. Корректура не должна озабочивать Вас. Ваши поправки уже сдела-

ны. Доставленный оригинал будет воспроизведен с полной точностью» (Там же. — С. 136).

[2] Летом 1902 г. Бунин жил в Огневке, подмосковной Малаховке, под Одессой, в Ялте.

[3] В письме от 12 марта 1902 г. Пятницкий сообщил Бунину: «Ваша книга напечатана. Лежит в цензуре. Срок кончается 15 марта. Как только можно будет выпустить, контора отправит: 25 экз. в Одессу, 75 экз. в Москву по данным Вами адресам» (*Книга*. — С. 135). 7 июня 1902 г. Пятницкий писал: «Книга Ваша идет очень хорошо. В конце марта издано 3000 экз. Теперь разошлось уже более 2000. Вероятно, в том же году, осенью, придется делать новое издание. Поэтому, если будут поправки, внесите их заранее» (Там же. — С. 136).

611. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

10 мая 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 9.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 547.

[1] Письмо Бунина к А.А.Карзинкину неизвестно.
[2] Бунин И. Новые стихотворения.— М., 1902.

612. И.А.БЕЛОУСОВУ

11 мая 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 31.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин уехал из Москвы в Огневку 7 мая 1902 г. См. п. 610.

613. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

19 мая 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 10.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 547.
Открытка ошибочно датирована Буниным 20 мая, т.к. на почтовом штемпеле с места отправления стоит 19 мая.

[1] См. п. 611 и коммент. 1 к нему.

[2] В начале июня 1902 г. Бунин приехал в Москву и вскоре отправился к Телешову в Малаховку.

[3] В ответном письме от 23 мая 1902 г. Телешов сообщал: «Книга твоя застряла. Она сидит в цензуре из-за добавленного стихотворения. Чем это все кончится — не могу даже представить. <...> Приезжай к нам, когда хочешь,— в любое время. Карзинкину письмо твое передал лично, и он купил бандеролей, но книги все нет» (*ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 548).

614. С.А.НАЙДЕНОВУ

23 мая 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1.
Открытка.

615. А.И.КУПРИНУ

29 мая 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 216, л. 1.

Бунина и Куприна связывали дружеские отношения, хотя они и не всегда были ровными. Бунин помог Куприну начать печататься в столичных журналах, в своих критических статьях и журнальных обзорах Бунин отмечал большой талант писателя. В 1919 г. Куприн эмигрировал во Францию, в 1937 г. вернулся в Россию. Бунин написал воспоминания о Куприне. Письма Куприна к Бунину 1899–1912 гг. (РГАЛИ) отражают историю взаимоотношений писателей. Писем Бунина к Куприну известно очень мало, в связи с этим можно предположить, что большая их часть утрачена. В переписке оба писателя называли друг друга в шутку разными именами. Бунин иногда обращался к Куприну — Вася, а Куприн называл Бунина в письмах Сережей, Петрушей, Валерием, Сашей.

1 В конце мая 1902 г. Куприн писал Бунину: «Я же тебе никак не мог писать, ибо совсем не знал куда: в Крым, на Принцевы о-ва, или в Америку <...> Ты был в Ялте, конечно, видел Чехова. Как он чувствовал себя в твое время и что говорил. Сообщи что-нибудь об одесских и московских друзьях. Целую тебя, ангел» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 133, л. 22).

2 См. коммент. 1 к п. 608.

3 А.М.Федоров.

4 Письмо неизвестно.

5 Первый том сочинений Бунина «Рассказы» (СПб.: Знание, 1902).

6 Вероятно, речь идет о замысле повести Куприна «Поединок».

7 В ответном письме без даты, относящемся, вероятно, к началу июня 1902 г., Куприн писал Бунину: «Милый Петруша! Относительно твоих 50-ти руб. ничего тебе не могу сказать, так как в эти дела не мешаюсь совсем. Но, кажется, тебе Ангел что-то писал об этом, или собирался писать. Я, впрочем, сейчас поговорю с ним и, м.б., загипнотизирую как-нибудь. Когда ты будешь в Крыму? Мы собираемся в середине июня и пробудем, вероятно, до осени, или даже захватим и часть осени: очень бы хотелось с тобой повидаться. Новую книгу рассказов ты мне не посылал, что есть швинство. Целую тебя в сахарные уста» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 133, л. 16).

8 Письма А.И.Богдановича к Бунину неизвестны.

616. В КОНТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

2 июня 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 10-25-1.

На письме в левом верхнем углу помета синим карандашом: 5/VI.

1 См. п. 610 и коммент. к нему.

617. М.П.ЧЕХОВОЙ

2 июня 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 1.

Впервые: *Чехова*. — С. 240 (отрывок).

Место написания определено по содержанию. Бунин в дате ошибочно написал месяц июль. В начале июля Бунин был в Одессе.

[1] Почти весь июнь 1902 г. Бунин гостил на подмосковной даче Н.Д.Телешова в Малаховке.

[2] М.П.Чехова в ответном письме от 12 июня 1902 г. сообщала: «Исполняю ваше желание, дорогой друг Иван Алексеевич, пишу вам. В настоящую пору мой знаменитый брат с не менее знаменитой супругой в Москве. Супруга все еще больна и сильно. Она уезжает в Франценсбад и Антоша отправляется в путешествие по Каме, по Волге и потом в Ялту приедет в начале июля. Про себя вам что написать? Живу ничего, настроение хорошее — ясное, хозяйствую. Посетителей много. Вот и все. За скупость письма браню, но все-таки желаю всего хорошего. Дружески жму вашу честную руку» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 128).

618. С.А.НАЙДЕНОВУ

7 июня 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2.
Место написания определено по содержанию и по п. 617 и 620.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. коммент. к п. 619.

619. С.А.НАЙДЕНОВУ

16 июня 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3.
Место написания определено по содержанию и по п. 617 и 620.

[1] Бунин уехал из Москвы в Одессу 27 или 28 июня 1902 г.

620. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 июня 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-12.
Место написания определено по содержанию.

[1] См. коммент. 3 к п. 610.
[2] Книга «Листопад» (М., 1901).
[3] См. коммент. 4 к п. 604.

621. А.М.ГОРЬКОМУ

27 июня 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-3.
Впервые: *Новый мир.* — 1956. — № 10. — С. 200–201.
Место написания определено по содержанию и по п. 619.

[1] См. п. 622.

[2] Горький в ответном письме около 3 июля 1902 г. писал: «По поводу Вашего предложения я написал в “Знание” и думаю, что, наверное, дело устроится в желательном для Вас и для меня смысле. Ответ получите от “Знания”» (*Горький. ПСС.*— Т. 3.— С. 83).

[3] Имеется в виду рецензия на книгу «Листопад» (М., 1901) Е.Дегена в журнале «Мир Божий» (1901.— № 5.— Отд. II, с. 82–84) — см. коммент. 4 к п. 541. А также рецензия на ту же книгу (-ев // Вестник всемирной истории.— 1902.— № 2.— С. 287), в которой говорилось: «Настроения поэта самые чистые; в большинстве его стихотворения не только найдут отзвук в сердцах взрослых читателей, но способны проникнуть и в душу ребенка, что открывает произведениям г. Бунина право на включение их в детские хрестоматии. Такая доступность свидетельствует о значительном таланте».

[4] См. коммент. 2 к п. 591.

[5] 5 октября 1902 г. было заключено соглашение о продаже книгоиздательством «Скорпион» Бунину тысячи экземпляров книги «Листопад» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2958 оф), а 6 октября Бунин заплатил 300 рублей за эти экземпляры, что видно из расписки, выданной Ю.Балтрушайтисом (ОГЛМТ, ф. 14, № 2947/2 оф).

[6] Во второй том сочинений «Стихотворения» (СПб.: Знание, 1903) Бунин включил 16 новых стихотворений: «Лесная дорога» («В березовом лесу, где распевают птицы...»), «Эпитафия: Сонет» («Я девушкой, невестой умерла...»), «Смерть» («Спокойно на погосте под луною...»), «Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пена...», «Первая любовь» («Перед закатом набежало...»), «Счастье. П.А.Нилусу» («Весеннего ливня мы ждем...»), «Бродяги» («На позабытом тракте к Оренбургу...»), «Забытый фонтан: Сонет» («Рассыпался чертог из янтаря...»), «Кондор: Сонет» («Громады гор, зазубренные скалы...»), «Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?..», «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», «Крест в долине при дороге...», «Как все спокойно и как все открыто!..», «На озере» («На озере, среди лесов зеленых...»), «На окраинах Сиваша: Сонет» («Багряная печальная луна...»), «Зимний день в Оберланде. В.П.Куровскому» («Лазурным пламенем сияют небеса...»). Пятнадцать из них были опубликованы в мае-октябре 1902 г. в газете «Курьер», журналах «Русская мысль», «Мир Божий», «Журнал для всех», «Образование», кроме стихотворения «Счастье».

[7] См. коммент. к п. 619.

622. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

27 июня 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-25.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 187–188.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 621.

[1] Рассказы Н.Д.Телешова были выпущены в издательстве «Знание» в 1903 г.

[2] Имеются в виду книги Н.Д.Телешова, вышедшие в издании товарищества И.Д.Сытина: «На тройках: Очерки и рассказы» (М., 1895), «Повести и рассказы» (М., 1899).

[3] Горький писал Пятницкому 2–3 июля 1902 г. по этому поводу: «Я не помню, чтобы "предлагал" и не думаю, чтобы мог "предложить" истекшей весной, даже более — я твердо уверен, что со стороны И<вана> А<лексеевича> речь о предложении моем — суть поэтическая вольность... Впрочем — это дела не меняет, и я готов взять на себя издание стихов. Стихи — хорошие, вроде конфект от Флея и Абрикосова. Я говорю серьезно. <...> По всей вероятности, будет очень трудно мотивировать отказ издать третью книгу, раз две уже изданы» (*Горький. ПСС.*— Т. 3.— С. 82–83).

[4] См. коммент. 3 к п. 621. Помимо указанных выше были еще две рецензии на эту книгу: Кораблев В. // Литературный вестник.— 1901.— № 5.— С. 32–34; А.К. // Журнал для всех.— 1902.— № 2.— Стб. 251. Однако не все из четырех

упомянутых рецензий были «хвалебные». Так, В.Кораблев, отдавая должное таланту поэта, критикует его стихотворения, называя некоторые из них «поэтическим бредом»: «Несомненно одно, что г. Бунин человек талантливый, с сильно развитым вкусом: у него часто в описании природы, которую он любит и понимает, попадаются удачные картинки; если не оригинальные, то красивые и изящные образы. Форма, в которую отливает он свои идеи и фантазии, также красивая и звучная. Мы могли бы указать в его книжке целый ряд прекрасных стихотворений, но... к сожалению, г. Бунин печатает опять-таки все, что, очевидно, имелось у него в письменном столе, не отделяет пшеницы от плевелов, отчего сборник его только проигрывает. Мы напрасно будем искать в стихах г. Бунина определенного миросозерцания: он принадлежит к тем певцам, которые поют, не волнуясь особенно глубокими идеями. <...> Стихи его переполнены, быть может, смелыми, но, по нашему разумению, причудливыми и неестественными образами во вкусе русских декадентов. Современные символисты — особенно русские заходят слишком далеко, перескакивая через все преграды, какие ставит им здравый смысл. И г. Бунин от них не отстает. <...> Часто стихи его пестрят целым рядом темных мест, требующих истолкования, неудачными оборотами. <...> Признавая за г. Буниным талант стихотворца, мы все-таки не решаемся считать его выдающимся и серьезным поэтом, во-первых, за отсутствие серьезных и глубоких тем в его поэзии и, во-вторых, за чрезмерное и для нас непонятное увлечение уродливым символизмом». В другой рецензии, принадлежащей А.И.Куприну, напротив, дается высокая оценка поэзии Бунина и делаются другие выводы: «Тихая, мимолетная и всегда нежно-красивая грусть, грациозная, задумчивая любовь, меланхолическая, но легкая, ясная "печаль минувших дней", и, в особенности, таинственное очарование природы, прелесть ее красок, цветов, запахов,— вот главнейшие мотивы поэзии г. Бунина. И надо отдать справедливость талантливому поэту, он с редкой художественной тонкостью умеет своеобразными, ему одному свойственными приемами передавать свое настроение, что заставляет впоследствии и читателя проникнуться этим настроением поэта и пережить, перечувствовать его. Но в поисках и в передаче настроений г. Бунин не утратил, подобно другим современным поэтам, жрецам пресловутой "новой красоты", связи с заветами наших великих мастеров слова. Стих г. Бунина изящен и музыкален, фраза стройна, смысл ясен, а изысканно-тонкие эпитеты верны и художественны».

[5] Новая книга рассказов Бунина была выпущена в издательстве «Знание» в 1909 г. в качестве пятого тома его сочинений.

623. И.А.БЕЛОУСОВУ

29 июня 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 32.
Впервые: *Вопросы лит.* — 1969.— № 7.— С. 177–178 (с неточностями).

[1] В журнале «Русская мысль» (1902.— № 7.— С. 159–168) было напечатано стихотворение «На озере» («На озере, среди лесов зеленых...») и рассказ «Свиданье» с посвящением М.П.Ч. <М.П.Чеховой>.

[2] О работе над драмой Бунин писал Ю.А.Бунину, Н.Д.Телешову (п. 25, 416), но текст драмы и ее судьба неизвестны.

[3] Имеется в виду, вероятно, журнал «Правда», выходивший в Петербурге с 1888 г.

[4] Л.Н.Андреев с начала выхода газеты «Курьер» являлся ее сотрудником. С 26 декабря 1902 г. по 26 февраля 1903 г. выход газеты был приостановлен по распоряжению министра внутренних дел за публикацию стихотворения С.Г.Скитальца «Гусляр».

[5] Рецензия И.Белоусова на книгу Бунина не обнаружена.
[6] Перевод Бунина поэмы Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» вышел в «Знании» в начале 1903 г.
[7] Речь идет, вероятно, об изготовлении визитной карточки Бунина.
[8] Н.Д.Телешов.

624. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

29 июня 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 11.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 548.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.
Место написания определено по п. 623, т.к. на почтовом штемпеле: 1 железнодор. п.о.

625. В.М.ЛАВРОВУ

7 июля 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 47, л. 2.

[1] При этом письме сохранился автограф (л. 3–4) стихотворения Бунина «Лесная дорога» («В березовом лесу, где распевают птицы...»), которое было опубликовано в журнале «Русская мысль» (1902.— № 8.— С. 151).
[2] См. коммент. 1 к п. 623.
[3] Посылал ли Бунин рассказ неизвестно. В журнале «Русская мысль» (1902.— № 9.— С. 118) было опубликовано его стихотворение «Осенние дни: Сонет» («Рассыпался чертог из янтаря...»).
[4] Лаврова Софья Федоровна (1869–1944; урожд. Артамонова).

626. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

1 августа 1902

Печатается по автографу: ОГЛМТ, ф. 14, № 8939 оф.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка с изображением парохода и надписью: «Почтовый пароход Р.О.П. и Т.»

627. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

2 августа 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 12.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 549.
Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[1] 29 июля 1902 г. Бунин покинул Одессу по причине начавшейся там чумы. 30 июля Бунин прибыл в Ялту и вечером гостил у М.П.Чеховой в Гурзуфе (см. п. 628). 1 августа Бунин вновь был в Ялте (см. п. 626), откуда на день уезжал в Севастополь (см. п. 627, 628). По всей видимости, Бунин не возвращался в Ялту, а из Севастополя отправился в Огневку.

628. М.П.ЧЕХОВОЙ

2 августа 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 3.
Впервые: *Чехова.* — С. 240 (отрывок), полностью: *Время.*— С. 95.

[1] См. коммент. 1 к п. 627.

[2] Чехова писала Бунину 5 августа 1902 г.: «Дорогой Букишон, мне было очень грустно, когда вы уехали, я стала усиленно работать и отгонять всякие несоответственные моему положению мысли. Письму очень обрадовалась. Конечно, приятно быть одной из десяти, но было бы еще приятнее соединить в себе якутку, татарку, сингалезку и пр. и быть единственной, но все от Бога! Посылаю вам "Крымский курьер", там есть статейка насчет вашего дурного поведения на пароходе "Св. Николай". По-моему, этого дела так оставить нельзя. Года три тому назад там оскорбили моего брата, я, кажется, вам рассказывала про этот инцидент. Кончайте скорее ваши дела и приезжайте, буду ждать вас» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 129–130).

629. И.А.БЕЛОУСОВУ

После 2 августа 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 94.
Датируется по содержанию и по связи с п. 627.

[1] См. коммент. 1 к п. 627.

[2] Бунин приехал в Москву в конце августа 1902 г.

630. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

9 или 10 августа 1902

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 349, ед. хр. 5, л. 1–2.
Впервые: Курьер.— 1902.— 14 авг. (№ 223).— С. 2.
Датируется по первой публикации и по письму М.П.Чеховой от 5 августа 1902 г. Скорее всего Бунин прочел именно тот экземпляр «Крымского курьера», который ему прислала в Огневку при письме М.Чехова (см. коммент. 2 к п. 628). В связи с этим можно предположить, что письма в редакции газет Бунин написал и послал 9 или 10 августа, принимая во внимание также то, что письма из Огневки в Москву шли 1–2 дня, а в Одессу — 2–3 дня. Это письмо было послано одновременно в три газеты (см. п. 631). Третью газету выявить не удалось.

[1] В Одессе 29 июля 1902 г. перед отходом парохода «Св. Николай» Бунин вступил в спор с капитаном корабля по поводу своего легкого летнего костюма. Искаженная информация об этом инциденте была опубликована в газете «Одесские новости» (1902.— 31 июля (№ 5705).— С. 3), откуда была перепечатана газетой «Крымский курьер» (1902.— 5 авг. (№ 201).— С. 1).

[2] Данное письмо в редакцию было опубликовано также в газете «Одесские новости» (1902.— 15 авг. (№ 5719).— С. 4). Однако текст письма представлен в другой редакции. Разночтения заключаются в следующем: вместо передачи текста заметки из газеты «Крымский курьер» написано: «Ввиду того, что заметка излагает этот эпизод совершенно неверно, покорнейше прошу напечатать следующее»; начало последнего абзаца было такое: «Приличия, конечно, вещь спорная и условная (почему, например, не составили протокола на студентов, сидевших на палубе в

косоворотках)» далее по тексту. В данной газете после текста письма Бунина было дано редакционное примечание: «Заметка излагает лишь сущность протокола, что репортер, весьма естественно только и мог сделать, так как сам он на пароходе не был, а проверить эпизод у самого И.А.Бунина, за отсутствием его из Одессы, не было возможности». Из «Курьера» данное письмо Бунина было перепечатано в «Крымском курьере» (1902. — 20 авг. (№ 214). В разделе «Обзор печати»), где было принесено извинение Бунину. Подробнее об этом см.: Гурьянова Н.М. Инцидент. И.А.Бунин у Чеховых в Ялте и Гурзуфе // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век: Сб. науч. трудов. — М., 1997. — Вып. 9. — С. 161–168.

631. М.П.ЧЕХОВОЙ

11 августа 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 5.
Впервые: *Время.*— С. 96.

[1] См. п. 628.

[2] М.Чехова ответила Бунину 25 августа 1902 г.: «Мне очень грустно, что вам не удалось пожить подольше в Крыму и покупаться,— об этом вот нужно пожалеть! Последнее письмо я вам писала в весьма благодушном состоянии и потому вспомнила о сингалезках, но далека была от ядовитости. Ведь я к вам очень хорошо отношусь и если сделала больно, то невольно. <...> 4-го надо уезжать, в Москве, значит, буду 6-го. Заверните, если будете в Москве» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 130).

[3] Бунин приехал в Москву в конце августа 1902 г.

[4] См. коммент. к п. 630.

[5] См. коммент. к п. 630.

[6] Письмо М.П.Чеховой от 5 августа 1902 г. начиналось стихотворной цитатой:

Скалистый берег, бешеный прибой
И в шуме волн сверкающая пена...
Ты помнишь этот берег окаймленный
Его широкой снежною грядой?

632. С.А.НАЙДЕНОВУ

31 августа 1902

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Бунин вернулся в Москву в середине сентября 1902 г.

633. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 сентября 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-13.

[1] См. комммент. 6 к п. 623.

[2] Бунин ошибается — Пятницкий отвечал ему 7 июня 1902 г. На данное письмо Бунина Пятницкий ответил 30 сентября 1902 г. и сообщил об успехе «Рассказов» и о дальнейших планах: «Книга Ваша распродана. Нужно печатать второе издание. Сделать это быстро. Ввиду успеха, нужно печатать 5200 экз. За второе издание

товарищество может предложить тысячу рублей. Если хотите, вышлю деньги немедленно. В предыдущих письмах Вы изложили план: издать в одной фирме рассказы, оригинальные стихотворения и переводы. Вы правы. Это — план вполне целесообразный. Нужно его выполнить. Чтобы писать вполне определенно, я должен был предварительно переговорить с другими товарищами, особенно с Ал.Макс. <...> Теперь поставленный Вами вопрос решен утвердительно. Вы писали о второй книге рассказов. Если материал готов, прошу передать его мне или Ал.Макс. Необходимо не менее 17 листов. В таком случае выпустим 5200 экз. и уплатим Вам за первое издание тысячу рублей. Третью книгу составят стихотворения. Вы хотели сами сделать выбор. Если список закончен, сообщите его мне или Ал.Макс. Об условиях будем говорить, когда определится состав и размер книги. Недоразумений не будет. Теперь о "Гайавате". Много хлопот, как всегда, доставили иллюстрации. Малых рисунков будет 376, больших, во всю стр., 23. Выписал гальвано из Америки. Не получил ни ответа, ни клише. Тем временем специалисты стали уверять, что гальвано не передаст достаточно отчетливо таких рисунков, как иллюстрации "Гайаваты". Слишком тонки штрихи, слишком густа их сеть. Мне предложили изготовить так называемые "художественные" клише в Германии: каждое клише должно быть отделано художником с помощью штихеля. Не получая ответа из Америки, я согласился. Большие клише уже получены. Малые должны были прийти в начале сентября. Запоздали. Жду со дня на день. Книга набирается. Думаю, что Вам удобнее просматривать корректуры, в которых уже размещены рисунки. Расположение рисунков будет то же, как и в американском издании. В дешевом издании будет также около 400 рисунков. Разница будет в бумаге. <...> Мы собирались выпустить книгу к 1 октября. По напечатании книги Вы должны были получить вторую половину гонорара: пятьсот рублей. Если произошла задержка, Вы не должны платиться. Считаю себя обязанным уплатить Вам оставшиеся пятьсот рублей в начале октября, как предполагалось при заключении условия. Поэтому к письму приложен перевод на пятьсот рублей» (*Книга*. — С. 136–137, с дополнением по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 186, л. 11–13).

634. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

30 октября 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-14.

[1] Имеется в виду корректура 2-го издания первого тома сочинений Бунина «Рассказы», вышедшего в издательстве «Знание» в 1903 г.

[2] Имеется в виду корректура второго тома сочинений Бунина «Стихотворения», вышедшего в издательстве «Знание» в 1903 г.

[3] См. коммент. 2 к п. 633.

[4] Это письмо неизвестно. Боголюбов Семен Павлович (ум. в 1927) — зав. конторой издательства «Знание».

[5] А.М.Горький приехал в Москву 1 ноября 1902 г.

[6] Бунин приехал с Горьким в Петербург 7 ноября 1902 г.

635. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

16 ноября 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-15, 24 (конец п. от слов «Если будет предисловие...»).

Место написания определено по содержанию.

[1] Бунин посылал корректуру в типографию Николая Петровича Собко (1851–1906) «Искусство и художественная промышленность», в которой печаталась «Песнь о Гайавате».

[2] См. конец п. Нижняя половина последнего листа, содержащая отзывы, отрезана ножницами и не сохранилась.

[3] См. коммент. 2 к п. 634.

[4] Просьба Бунина была выполнена, цена книги была 1 руб.

636. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

Начало декабря 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-16.
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 637.

[1] Речь идет о подготовке издания перевода «Песни о Гайавате».

[2] См. коммент. 1 и 2 к п. 634.

637. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 декабря 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-17.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 189 (отрывок).

[1] Бунин вместе с С.А.Найденовым выехал из Москвы в Одессу 23 декабря 1902 г.

[2] Речь идет о переводе поэмы Д.Г.Байрона «Манфред», над которым Бунин работал в это время для издательства «Знание». «Манфред» в переводе Бунина вышел в «Знании» в 1904 г. Пятницкий ответил 16 декабря 1902 г.: «Пожалуйста, не беспокойтесь из-за “Манфреда”. Работайте над ним как Вам удобнее. Мне приятнее получить стихи в отделанном виде. Я просил Вас только о последних листах “Гайаваты”. Здесь дорог каждый день. На этой неделе кончат работать. Две недополученные страницы могут задержать надолго выход всей книги. Я мечтал напечатать книгу и подать в цензуру до праздников. Вот почему решился торопить Вас телеграммой. Но, конечно, не делал бы этого, если бы знал о Вашем нездоровье. <...> Еще раз: работайте над “Манфредом” без спешки. Если выслан материал для “Гайаваты”, это все, что теперь мне нужно» (*Книга.* — С. 137).

[3] См. п. 640.

638. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

23 декабря 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 27, л. 14.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 550.
Место написания определено по содержанию.
Открытка с фотографией Бунина, изд. К.Фишера, Москва.

639. М.П.ЧЕХОВОЙ

23 декабря 1902

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 6.
Открытка. Написано на лицевой стороне открытки с фотопортретом И.Бунина.

[1] М.Чехова ответила Бунину 1 января 1903 г.: «С Новым годом, милый Букишончик! Желаю вам здоровья и счастья, если только оно не заключается в желании открыть зубоврачебный кабинет. Очень грустно, что вы не приехали в Ялту. Вчера приятно встретили Новый год <...> Merci за открытку. <...> Когда опять в Москву? Я выезжаю из Ялты 11 января. Напишите мне в Ялту, еще успеете. Антоша жалеет, что вы не приехали, ждет вас все-таки» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 130–131).

640. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

30 декабря 1902

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-18.

[1] См. п. 637.
[2] Письмо не сохранилось.
[3] Речь идет об оглавлении к «Песни о Гайавате», в котором был дан перечень рисунков, помещенных в книге.
[4] Это письмо Пятницкого неизвестно. Отвечая на данное письмо Бунина, Пятницкий писал 5 января 1903 г.: «Чего бы Вам стоило — перед отъездом из Москвы черкнуть мне два слова <...> Не получивши оглавление перед праздником, я стал посылать в Москву одно письмо за другим. В ответ ни звука. Телеграмма тоже осталась без ответа. Вдруг читаю в газетах, что Вы уже в Одессе. Потом приезжает Серафимович и сообщает, что Вы направились в Константинополь. Как в Константинополь? Что же будет с “Гайаватой”? Ведь на всех обложках книга пропечатана, как вышедшая. Публика станет требовать. <...> 3-го января вечером получаю Ваше письмо и перевод. Обрадовался ужасно. Теперь можно будет кончить книгу. Напрасно Вы так волновались из-за трудных мест. Я просмотрел перевод параллельно с рисунками. Уверен, что все удастся выяснить, и все будет правильно. В названиях индейских племен нет никакой надобности; исполняя Ваш совет, почти везде их уничтожу. Прошу Вас не беспокоиться. Я отнесусь внимательно. Потом напишу Вам об изменениях, если они будут. <...> Обе книги Ваши поступили в продажу. Вам будут высланы. “Манфреда” присылайте, когда Вам самим удобнее. С этим я торопить не буду» (*Книга.* — С. 138).
[5] Синицкий Евгений Дмитриевич — географ.
[6] Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России; профессор Московского университета.

641. С.П.БОГОЛЮБОВУ

15 января 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 10-24-1.

См. коммент. 4 к п. 634.Письма Боголюбова к Бунину известны только за 1909–1914 гг. (ОГЛМТ) и касаются в основном издательских вопросов.

[1] Имеются в виду две новые книги Бунина, вышедшие в издательстве «Знание» в начале января 1903 г.: первый том «Рассказы» (2-е изд.) и второй том «Стихотворения».

642. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

15 января 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 28, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 551.
Открытка.

643. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

16 января 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-19.

[1] См. п. 637 и коммент. 2 к нему.
[2] Имеется в виду перевод поэмы Д.Г.Байрона.
[3] См. коммент. 3 к п. 644.
[4] Имеется в виду книга: Горький А.М. На дне.— СПб.: Знание, 1903.— 166 с.

644. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

19 января 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11–1–20.

[1] Телеграмма неизвестна.

[2] В это время Л.А.Бунина жила у дочери, М.А.Ласкаржевской, по адресу: Новочеркасск, Биржевая ул., д. Пашкова, кв. Ласкаржевского. Бунин ездил в Новочеркасск в начале февраля 1903 г.

[3] В ответном письме от 25 января 1903 г. Пятницкий писал Бунину: «Ваши письма, к сожалению, не застали меня. Только что вернулся из Москвы, где прожил почти неделю с Ал.Макс. Иначе, деньги давно были бы высланы. Прилагаю к письму перевод на пятьсот рублей. Жалею, что Вы хвораете. О “Манфреде” и “Каине” не беспокойтесь; пришлите позже, когда сами будете довольны переводом. Ваши книги идут очень хорошо. “На дне” поступит в продажу дня через 4. <...> Сегодня кончился цензурный срок для “Телешова” и “Песни о Гайавате”. Но брошюровочная еще не доставила книг. Получу,— вышлю» (*Книга*. — С. 138–139).

645. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

9 февраля 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 28, л. 2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 552.

[1] См. коммент. 2 к п. 644.

[2] Телешов в письме Бунину от 19 января 1903 г. писал: «Очень интересна была прошлая Среда. Читал Брюсов об искусстве» (*ЛН*. — Т. 84, кн. 1. — С. 552). Доклад об искусстве Брюсов читал 15 января 1903 г. Об этом эпизоде В.Я.Брюсов записал в дневнике: «На одной “среде” у Телешова я читал об искусстве» (*Брюсов. Дневники*.— С. 129). В журнале «Новый путь» (1903. — № 1. — С. 193–194) Брюсовым была опубликована рецензия на сборник Бунина «Новые стихотворения». В ней, в частности, говорилось: «В “Новых стихотворениях” г. Бунин неожиданно переходит на иную дорогу. Он перенимает темы парнасцев и первых декадентов. <...> Своим наблюдательным взором г. Бунин подмечает у действительно

новых поэтов красивые приемы, красивые образы, красивые чувства и воспроизводит их, даже не без некоторого мастерства. Если первые его стихи могли иметь значение для ценителей "стихов о природе", то "новые стихотворения" будут несомненно интересны тем, кто не знаком с их иностранными и русскими оригиналами <...>. Образцы г. Бунина — это вчерашний день литературы».

[3] Сборник рассказов Телешова, издаваемый «Знанием», вышел в свет в конце января — начале февраля 1903 г.

646. А.М.ФЕДОРОВУ

9 марта 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 7.
Место написания определено по содержанию.
Написано на почтовой бумаге «Большой Московской гостиницы».

[1] Предыдущие два письма Бунина неизвестны.

[2] 9 апреля 1903 г. Бунин один отправился в Турцию, где провел около двух недель.

[3] Речь идет, очевидно, о переиздании в издательстве «Знание» книги: Арнольд Э. Свет Азии / Пер. в стихах А.М.Федорова; Предисл. Э.Арнольда.— М., 1895.— 192 с. Федоров в письме от 20 июля 1903 г. сообщал Бунину: «Горький не взял "Свет Азии". М.б., возьмет "Землю" <...> Жаль, если не примкну к "Знанию"» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 37–39).

647. С.А.НАЙДЕНОВУ

16 марта 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 6.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] См. коммент. 2 к п. 646.

648. С.П.БОГОЛЮБОВУ

6 апреля 1903

Печатается по подлиннику: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 10-24-2.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

[1] Речь идет, вероятно, о выпуске дешевого издания «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло.

649. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

24(11) апреля 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 35, л. 1.
Открытка с видом Константинополя.
Поездка в Турцию произвела на Бунина огромное впечатление (см. п. 652). В мемуарных записях он вспоминает об этом путешествии: «Незабвенная весна (апр. 1903 г.) первый раз в Константинополе...» (*Муромцева-Бунина.*— С. 222). В.Н.Муромцева-Бунина подтверждает: «Пребывание в Константинополе я считаю самым поэтическим из всех путешествий Ивана Алексеевича: весна, полное одиночество, новый, захвативший его мир» (там же).

650. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

24(11) апреля 1903

Печатается по автографу: МКТ.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 552–553.

В комментарии к публикации данного письма в *ЛН* ошибочно сообщается, что «дата, указанная Буниным, не согласуется с почтовым штемпелем отправления». На самом деле на открытке нет штемпеля места отправления, а имеются два российских — Одесса, 21.IV.1903; Москва, 23.IV.1903.

Открытка с видом Босфора и надписью: «Salut de Constantinople. Château d'Europe. Bosphore».

651. А.П.ЧЕХОВУ

25(12) апреля 1903

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 22.
Впервые: *ЛН*.— Т. 68. — С. 416.
Открытка.

652. Ю.А.БУНИНУ

25, 26(12, 13) апреля 1903

Печатается по первой публикации: Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина.— Париж, 1958.— С. 144–145. Автограф неизвестен.

653. И.А.БЕЛОУСОВУ

27 апреля 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 33.
Впервые: *Вопросы лит*.— 1969.— № 7.— С. 178 (с неточностями).

[1] Имеется в виду книга: Белоусов И.А. На воле: Стихотворения.— М.: И.Д.Сытин, 1903.— 32 с. Письмо Белоусова неизвестно.

654. С.А.НАЙДЕНОВУ

27 апреля 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 7.

[1] Письмо неизвестно.

655. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 апреля 1903

Печатается по автографу: РГБ ОР, ЛМ XXIII/IA-2.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 553.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка с фотопортретом Бунина.

[1] Заузе Борис — сын Владимира Христиановича Заузе (1859–1939) — художника-графика, участника Южнорусского товарищества художников, приятеля Бунина.

656. А.В.ПЕШЕХОНОВУ

5 мая 1903

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 225, к. 2, ед. хр. 46, л. 1.
На верхнем поле письма слева помета: 11/V 1903.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) — публицист, политический и общественный деятель. С 1891 г. занимался земской статистикой в Тверской, Ярославской и Орловской губерниях, в Калуге, в Полтаве, где был членом кружка толстовцев. Бунин познакомился с ним в Орле во время своей работы в «Орловском вестнике». С 1904 г. Пешехонов был членом редакции журнала «Русское богатство». Известно только одно письмо Пешехонова к Бунину (ОГЛМТ).

[1] В недатированном письме Пешехонов предлагал: «Не пожелаете ли Вы принять участие "в защите слова" — в сборнике, предпринимаемом по инициативе частного Комитета по устройству юбилейного чествования печати» (ОГЛМТ, ф. 14, № 3107 оф). Речь идет о книге: В защиту слова: Сборник.— СПб., 1905.— № 1.— 256 с. Произведений Бунина в этой книге нет.

657. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

5 мая 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-21.

[1] Отрывки из «Каина» и «Манфреда» не публиковались. См. коммент. 4 к п. 711.
[2] См. коммент. 3 к п. 658.

658. С.А.НАЙДЕНОВУ

3 июня 1903

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 9.
Впервые: *Материалы (1)*.— С. 89–90 (отрывок).

[1] Письма неизвестны.
[2] В апреле 1903 г.
[3] Бунин приезжал в Москву, а затем в Нижний Новгород, вероятно, во второй половине мая 1903 г. А.М.Горький был в Нижнем Новгороде с 21 мая по 8 июня 1903 г.
[4] Был ли Бунин в Звенигороде у Найденова неизвестно.
[5] Лето 1903 г. Бунин прожил в Огневке у Евгения и в Глотово у Пушешниковых. В Москву он поехал только в начале сентября и вскоре отправился на дачу Н.Телешова в Малаховку, также побывал в Петербурге. В десятых числах октября был в Нижнем Новгороде, затем вернулся в Москву. Только 24 декабря 1903 г. Бунин с Найденовым отправились в заграничное путешествие.

659. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

7 июня 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-22.
На верхнем поле письма помета Пятницкого: Отв. 28 июля.

[1] См. п. 657.

[2] Речь идет, очевидно, об издании отдельных рассказов Бунина в издательстве «Донская речь». Разрешение от Пятницкого, по всей видимости, было получено, т.к. вскоре вышли следующие книги Бунина: Байбаки: Рассказ.— Ростов-на-Дону, 1903.— 24 с. (переизд. в 1905 г.); Над городом: Рассказ.— Ростов-на-Дону, 1903.— 8 с. (переизд. в том же году); На край света: Рассказ.— Ростов-на-Дону, 1904.— 12 с. (переизд. в 1905 г.).

660. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

7 июня 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 28, л. 3.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 554.

[1] Записка неизвестна.
[2] См. коммент. 3 к п. 658.

661. М.П.ЧЕХОВОЙ

7 июня 1903

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 7.

[1] М.П.Чехова ответила Бунину 10 июля 1903 г.: «За разными приготовлениями к Антошиному приезду, дорогой Иван Алексеевич, я не могла скоро собраться Вам написать. Моя поездка канула в воду... Антоша приехал с женой. Стало очень жарко. В начале августа я Вас буду ждать. <...> Антоша рад, что вернулся домой, супруга скучает, я томлюсь духом...» (*Хозяйка чеховского дома.*— С. 131).

662. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30 июня 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 28, л. 4.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 555.
Место написания определено по содержанию. Открытка.

[1] 18 июня 1903 г. Телешов писал: «Живу в хлопотах. Отделываю бунинскую комнату. В половине июля будет все готово. Очень хотел бы видеть тебя. Соскучился. Приехал бы?» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 555). Летом 1903 г. Телешов приобрел в Малаховке дачу, куда и приглашал Бунина.

[2] Речь идет о подготовке произведений для 1-ой книги «Сборника товарищества “Знание”». Телешов поместил в нем рассказ «Между двух берегов».

663. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

20 августа 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-23.

[1] Письмо Пятницкого, на которое отвечает Бунин, неизвестно.
[2] В Петербург в начале сентября Бунин не ездил. См. п. 665.

664. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

25 августа 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 28, л. 5.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 556.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

[1] Телешов писал 13 августа 1903 г.: «Милый Иван Алексеевич! Какого же ты черта не едешь до сих пор? Ведь все лето прошло. Как тебе не стыдно! Я уже давно на новоселье. Собираюсь жить весь сентябрь. Смотри, брат: если не приедешь, то “Бунинскую” баншю переименую в “Свинскую” и выпью все белое рейнское, которое приготовил для свидания с тобою. Я очень замучился, расстроил опять нервы, был болен чем-то, и мне все кажется, что я скоро умру. Ну вот: приезжай же скорее. Право, у нас неплохо. Жена тебя очень ждет и желает видеть тебя скорее» (*ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 555).

[2] Бунин приехал в Москву в первых числах сентября 1903 г. и вскоре отправился к Телешову в Малаховку.

665. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

2 или 3 сентября 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-24.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 190 (отрывок).
Дата и место написания определены по содержанию и по п. 664.
Написано на почтовой бумаге «Национальной гостиницы» в Москве, угол Тверской и Моховой.

[1] Перевод драматической поэмы Д.Г.Байрона «Манфред» вышел в издательстве «Знание» в середине октября 1903 г. Однако на титульном листе значится 1904 г.

[2] Имеются в виду издания переводов Д.С.Мережковского, выпущенные «Знанием»: Еврипид. Ипполит.— СПб., 1902; Еврипид. Медея.— СПб., 1902; Эсхил. Скованный Прометей.— СПб., 1902; Софокл. Антигона.— СПб., 1902; Софокл. Эдип в Колоне.— СПб., 1902; а также книга: Горький А.М. На дне.— СПб.: Знание, 1902.

[3] Третье издание первого тома сочинений Бунина «Рассказы» вышло в издательстве «Знание» в начале 1904 г.

[4] Речь идет о первом «Сборнике товарищества “Знание” за 1903 год» (СПб., 1904).

[5] В письме от 16 августа 1903 г. Горький писал: «Сборник — будет, теперь это несомненно. Есть рассказы: Андреева, Юшкевича, Гусева, пишет Чириков, Вересаев, напишу я. Если имеете что — посылайте Кон.Петр.» (*Горький. ПСС.*— Т. 3.— С. 187).

[6] Какой рассказ первоначально хотел дать Бунин неизвестно. См. п. 671 и коммент. 1 к нему.

[7] Телешов Н.Д. Рассказы.— СПб.: Знание, 1903.— Т. 1.

666. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

5 сентября 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-26.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] В издании «Манфреда» (СПб., 1904) предисловия Бунина нет.

667. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

8 октября 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-27.

[1] Пятницкий писал 5 октября 1903 г.: «Поздравляю Вас: Академия наук присудила Вам половинную премию за перевод "Гайаваты" и стихотворения. Вторую половину получает П.И.Вейнберг за переводы Шиллера и Гейне» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 186, л. 20). Пушкинская премия была присуждена Бунину за стихотворный сборник «Листопад» (М., 1901) и за перевод «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло.

[2] Официальное сообщение о присуждении премии имени А.С.Пушкина было сделано 19 октября 1903 г.

[3] См. комент. 1 к п. 665.

[4] См. коммент. 3 к п. 665.

668. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 октября 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-28.

[1] См. коммент. 1 к п. 665.

669. А.М.ГОРЬКОМУ

1 декабря 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-4.
Впервые: *Горьковские чтения (1961)*.— С. 25–26.
Место написания определено по содержанию.

[1] См. коммент. 6 к п. 665.

[2] Какое стихотворение было послано неизвестно. Горький писал Бунину 3 декабря 1903 г.: «За стихи — сердечное спасибо, дорогой дружище,— очень хотелось видеть в сборнике именно эти стихи. А еще не дадите? Дайте если есть. Рассказ Ваш все-таки будет стоять на втором месте, несколько дней подождем» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 6). См. коммент. 1 к п. 670.

[3] Имеется в виду повесть Л.Н.Андреева «Жизнь Василия Фивейского», опубликованная в первом сборнике «Знания».

[4] Горький писал Бунину в конце ноября 1903 г.: «Имейте также в виду, что Булгаков хочет дать новый перевод «Каина» в приложении к своему журналу» (*Горький. ПСС.*— Т. 3.— С. 226). См. коммент. 4 к п. 711.

[5] Пьеса А.Чехова «Вишневый сад» была опубликована во втором сборнике «Знания».

670. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 декабря 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-29.

[1] Одно из посланных стихотворений, вероятно, не было напечатано, т.к. всего было послано восемь (см. коммент. 2 к п. 669), а в первом сборнике «Знания»

опубликовано семь стихотворений: «Диза» («Вечернее зимнее солнце...»), «Перед бурей» («Тьма затопляет лунный блеск..»), «Сумерки» («Как дым, седая мгла мороза...»), «Дома» («Ночь тепла, светла и золотиста...»), «Кольцо» («В белом песке золотое блеснуло кольцо...»), «В Евпаторийских степях» («Синеет снеговой простор...»), «Над Окой» («...Домой я шел по скату вдоль Оки...»).

[2] См. коммент. 6 к п. 665.

671. К.П.ПЯТНИЦКОМУ и А.М.ГОРЬКОМУ

11 декабря 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-30.

Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 190 (отрывок).

Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

[1] Бунин прислал два рассказа под общим заглавием «Чернозем»: «Золотое дно» и «Сны», которые были напечатаны в первом сборнике «Знания».

[2] См. коммент. 1 к п. 670.

672. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 декабря 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-31.

Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 190 (отрывок).

Год определен по содержанию и по связи с п. 671.

[1] Горький приехал в Москву из Петербурга 12 декабря 1903 г. В этот же день он встречался с Буниным.

[2] Горький писал Пятницкому 13 декабря 1903 г. о рассказах Бунина «Золотое дно» и «Сны»: «Рассказики Бунина читал, и очень они мне нравятся, особенно второй» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 9).

673. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

Середина декабря 1903

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-32.

Дата и место написания определены по содержанию.

[1] Это стихотворение было опубликовано под названием «Над Окой».

674. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

7 января 1904 (25 декабря 1903)

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 35, л. 2.

Впервые: *Вопросы лит. и фольк.* — С. 183.

Место написания определено по почтовому штемпелю. Открытка с видами Вены.

[1] В путешествие по Франции и Италии Бунин отправился с С.А.Найденовым 24 декабря 1903 г.

675. А.М.ФЕДОРОВУ

7 января 1904 (25 декабря 1903)

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 8–9.
Написано на почтовой бумаге отеля «Метрополь» в Вене.

[1] См. коммент. 1 к п. 674.

[2] В журнале «Правда» в начале 1904 г. были опубликованы стихотворения Федорова: «Затишье» (№ 1.— С. 4), «В океане. Сонет» (№ 3.— С. 1).

[3] Речь идет о пьесе, написанной Л.К.Федоровой, которая через Бунина хотела опубликовать ее в журнале «Правда», редактором-издателем которого был Кожевников Валентин Алексеевич (1867–1931).

[4] В 1904–1905 гг. Бунин редактировал беллетристический отдел журнала «Правда».

[5] Бунин возвратился из-за границы в середине февраля 1904 г.

676. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

11 января 1904 (29 декабря 1903)

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-33.
Впервые: *Рус. лит.* — 1964.— № 1.— С. 189 (отрывок).
Написано на почтовой бумаге отеля Royal в Ницце.

[1] Бунин с С.А.Найденовым прожили в Ницце с 9 января 1904 (27 декабря 1903) до примерно 21(8) февраля 1904 г.

[2] Бунин встретился с Горьким 12 декабря 1903 г. Горький писал Пятницкому 13 декабря 1903 г. об этой встрече: «Говорил с ним о переводе Байрона — это ему улыбается, особенно “Дон-Жуан”» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 9).

[3] Незавершенная поэма Д.Байрона «Дон-Жуан»(1817–1823). Бунин не осуществил этот замысел.

[4] Первый «Сборник товарищества “Знание” за 1903 год» вышел 16 марта 1904 г.

[5] См. коммент. 3 к п. 665.

677. А.М.ГОРЬКОМУ

16(3) января 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-5.
Впервые: *Горький. Материалы.* — С. 408.

[1] Ответ на просьбу в письме Горького после 19 декабря 1903 г.: «Дайте стихов или рассказ в сборник, который “Знание” издает в пользу сего О-ва!» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 16). Речь идет о сборнике в пользу «Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве». Сборник издан не был.

678. А.П.ЧЕХОВУ

17(4) января 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 37, ед. хр. 54, л. 23–24.
Впервые: *ЛН.*— Т. 68.— С. 416.
Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь».

[1] Вальтер Владимир Григорьевич (псевд. В.Вольный, Томатов) — врач, литератор, знакомый А.Чехова по Ницце.

[2] А.Чехов в Ниццу не приезжал.

[3] Премьера «Вишневого сада» состоялась в Художественном театре 17 января 1904 г.

[4] Юрасов Николай Иванович — русский вице-консул в Ментоне, литератор, знакомый А.Чехова по Ницце.

[5] Бунин встречался в Ницце с писателем Петром Дмитриевичем Боборыкиным (1836–1921).

679. М.П.ЧЕХОВОЙ

17(4) января 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 11.
Открытка с видом ниццкого порта.

680. В КОНТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

18(5) января 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 10-25-2.
Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь». В левом верхнем углу письма помета карандашом: 26/I.

[1] Бунин просил выслать издания его книг: Байрон Д. Манфред: Драматическая поэма / Пер. с англ. — СПб.: Знание, 1904; Стихотворения.— СПб.: Знание, 1903; Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате / Пер. с англ. — СПб.: Знание, 1903; Рассказы.— 3-е изд. — СПб.: Знание, 1904.

[2] См. п. 676, 683 и коммент. к ним.

681. В.С.МИРОЛЮБОВУ

21(8) января 1904

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 185, оп. 1, ед. хр. 337, л. 13–14.
Впервые: *Лит. архив.* — С. 141.
Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь».

[1] В 1904 г. в «Ежемесячном журнале для всех» (как стал называться «Журнал для всех» с начала 1903 г.) были опубликованы следующие стихотворения Бунина: «Канун Купалы» («Не туман белеет в темной роще...») — № 7.— С. 386; «Склон гор, сады и минарет...» — № 8.— С. 450; «Я долго в сумеречном свете...» — № 11.— С. 642; «Весна и ночь, и трепет звезд...» — № 12.— С. 707. Рассказ Бунина в журнале не появился, вероятно, он не был прислан.

[2] См. коммент. 4 к п. 675.

682. В.А.НИКОЛЬСКОМУ

23(10) января 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 489, к. 1, ед. хр. 7, л. 1.
Никольский Виктор Александрович (?–1934) — писатель, издатель альбома «Сто русских писателей». Письма Никольского к Бунину неизвестны.

[1] Это письмо Телешова неизвестно.

[2] Имеется в виду готовящаяся к изданию книга: Сто русских писателей.— СПб., 1904.

[3] Письмо к Ю.А.Бунину неизвестно.

683. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24(11) января 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-34.

Написано на почтовой бумаге отеля «Метрополь» в Вене, название отеля и города зачеркнуто и написано Continental (см. текст письма).

[1] Пятницкий ответил Бунину 29 января 1904 г.: «Начало января пришлось провести в разъездах. Вернулся 22-го. Среди нескольких десятков писем, полученных во время отсутствия, нашел два Ваших. Второе удивило меня странным тоном: Вы говорите о моей небрежности к Вам. Писать это не было ни повода, ни права. <...> Отвечаю на деловые вопросы. Семь стихотворений и “Чернозем” в сборник приняты. Но Ал.Мак. говорил, что это давно Вам известно. Вы виделись с ним после его петербургской поездки, когда был намечен материал для сборника. Трудно выпустить сборник раньше конца февраля. <...> Что касается гонорара, А.М. сообщил мне следующее: за “Чернозем” он предполагал уплатить по 300 р. с листа в 40000 букв. Как оплачиваются стихи он не знает. Поэтому он просит сообщить, какой гонорар получали Вы за стихи ну, хоть в “Мире Божьем”. Конечно, для “Знания” эта цифра не обязательна, со сборника можно уплатить больше. Так и будет сделано. Но хотелось бы опираться на определенные цифровые данные. О третьем издании 1-го тома говорить рано. Контора продолжает продавать второе издание. В этот сезон книги шли тихо. Война, в свою очередь, отразится на сбыте неблагоприятно. За “Манфреда” и “Каина”, как Вы знаете, давно уплачено. Что касается “Каина”, Ал.Макс. давно советовал написать о нем. Я откладывал, чтобы не стеснять Вашей свободы. Вы не станете отрицать, что я ждал терпеливо. Едва ли это свидетельствует о дурном отношении, какое Вы предположили. Во всяком случае, нам хотелось бы сначала получить “Каина” в окончательной отделке. Только после этого стоит заключать условие относительно новой работы. Писать сейчас о “Дон-Жуане” не могу. Хотелось бы раньше знать подробности о разговоре между Вами и А.М. Жду А.М. завтра <...> Вы пишете о высылке денег. Делаю, что возможно. Прилагаю перевод на 500 р.» (*Книга.* — С. 139–140).

684. В.А.НИКОЛЬСКОМУ

27(14) января 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 489, к. 1, ед. хр. 7, л. 3–4.

Впервые: *Вопросы лит.* — 1969.— № 7.— С. 190.

[1] См. п. 682 и коммент. к нему.

[2] К письму были приложены автографы (л. 5) стихотворений, которые и были опубликованы в альбоме «Сто русских писателей» (с. 159–160): «Из сказки» («...Все лес да лес. А день темнеет...»), «После дождя» («Гроза прошла над лесом стороною...»), «С кургана» («Дымится поле, рассвет белеет...»), «Ночь и день» («Старую книгу читаю я в долгие ночи...»).

[3] См. коммент. 1 к п. 680.

[4] Это не совсем точно, т.к. Бунин был удостоен Пушкинской премии в 1903 г. за стихотворный сборник «Листопад» (М., 1901) и перевод «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло.

685. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

29(16) января 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 35, л. 3.
Место написания определено по содержанию.
Открытка с видом отеля Suisse в Ницце.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Открытка адресована Ю.А.Бунину для передачи Н.А.Пушешникову.

686. И.А.БЕЛОУСОВУ

30(17) января 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 34.
Открытка с видом Ниццы.

[1] Письмо неизвестно.

687. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

30(17) января 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 29, л. 1.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 557.
Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь».

[1] Имеется в виду, вероятно, петербургский книгоиздатель Николай Иванович Игнатов. О чем идет речь неизвестно.

688. А.М.ФЕДОРОВУ

30(17) января 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 10–11.
Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь».

[1] Федоров писал Бунину 4 января 1904 г.: «Мне сейчас так захотелось написать тебе, именно тебе, что я пишу, несмотря на усталость. <...> Я целую тебя с душою <нрзб> самой нежной благодарности, ласки и умиления к тебе. Я размяк душой. Пришел к себе и тут вижу статью Волынского о поэтах. Жена прочла ее вслух. Помянуто и о нас, не так, положим, как в "Мире искусства", где сказано, что Бунин — Галина и Федоров жалкие рифмоплеты, а Брюсов, Мережковский, Бальмонт и <нрзб> — пророки поэзии и ее избранники, но все же до того снисходительно и <нрзб>, что мне стало мучительно и горько. Когда же и кто, наконец, поймет и оценит нас! И вот, после чтения этой статьи, где опять-таки мы оказываемся чем-то случайным и отсталым в русской поэзии, жена прочла вслух твой "Листопад" и я чувствовал как у меня все время дрожали в душе слезы восторга и радости и я то и дело восклицал — "Милый ты мой! Люблю тебя, мой дорогой поэт и друг!" Это, верно, со стороны могло показаться смешным, хотя была здесь еще одна славная женщина, которая слушала твои стихи и была тронута, должно быть, не меньше. Вот за эти-то минуты <нрзб> так внутренно глубоко слиться с ним, но очищенные твоими стихами я обнимаю тебя» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 221, л. 41–42).

[2] Речь идет о пьесе Федорова.

[3] Бунин поехал в Одессу в ноябре 1904 г.

[4] Письмо неизвестно.

[5] А.И.Куприн.

[6] С.А.Найденов.

[7] В этот период Бунин работал над переводом мистерии Д.Байрона «Каин».

[8] В журнале «Правда» до конца 1904 г. были опубликованы следующие стихотворения Федорова: «У берегов Суматры: Сонет» — № 4.— С. 49: «Степная ночь молилась Богу...» — № 9.— С. 16; «Вчера кипела здесь безудержно волна...», «Меж темных облаков пылает полоса...» — № 12.— С. 50.

[9] Имеется в виду книга А.Л.Волынского «Книга великого гнева: Критические статьи, заметки, полемика» (СПб., 1904), в которой он, в частности, писал: «Что касается стихов Сологуба и Федорова, то в данном случае они могут быть оставлены без критики: это уже высказавшиеся таланты — совершенно различных характеров и с различным положением в литературе. <...> Что касается Федорова, то это дарование искреннее и патетическое, идет в совершенно другой струе литературы, вне всякого символизма и декадентства и потому как бы выходит из пределов этой моей статьи. О даровании Бунина необходимо сказать несколько слов здесь же. До некоторой степени он примыкает к новому движению в литературе, хотя и занимает в нем свое особенное место. От выше разобранных поэтов он отличается прежде всего тем, что он человек почвенный. У него русская земля, русский воздух, русский лес. Это какой-то маленький Левитан в современной поэтической литературе,— маленький потому, что у настоящего Левитана все гораздо шире, вдохновеннее, глубже в смысле художественных ощущений и все окутано расплывающимся русским напевом. Но рядом с Мережковским, Гиппиус, Брюсовым, Бальмонтом, людьми, лишенными национального колорита, Бунин производит впечатление чисто русской натуры. <...> Поэзия Бунина далеко не столь разнообразная, как поэзия Бальмонта, не столь утонченная, как поэзия Гиппиус, несет в себе кое-какие свежие краски, кое-какие самобытные веяния. Однако при всей своей почвенности дарование Бунина не отличается ни яркостью, ни силою, ни богатством тех красочных оттенков, которые так необходимы для пейзажиста. От всех его стихотворений, написанных легко и просто, не остается в памяти ни одной законченной картины ни в резких, ни в мягких тонах, хотя поэт касается всевозможных явлений русской природы. <...>» (С. 444–445).

[10] «Южные записки» — еженедельный журнал, выходивший в Одессе в 1902–1905 гг.

689. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

12 февраля (30 января) 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-35.

Дата в письме исправлена Буниным: вместо 10/28 написано 12/30. Место написания определено по содержанию.

Написано на почтовой бумаге отеля «Континенталь».

[1] См. п. 676 и 683 и коммент. к ним.

[2] Из Ниццы Бунин уехал около 21(8) февраля 1904 г. и отправился в Италию.

690. А.Н.БИБИКОВУ

22(9) февраля 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 3.

Открытка с видом: Nervi — Passegqiata alle marina I scogliera.

Бибиков Арсений Николаевич (1873–1927) — актер, друг Бунина, автор стихотворений и рассказов, член Московского литературно-художественного кружка. Отношения с Буниным практически прекратились после женитьбы Бибикова на В.В.Пащенко в 1895 г. Однако с конца 1890-х гг. они возобновились. Письма Бибикова к Бунину 1893–1910 гг. (ОГЛМТ) свидетельствуют об их дружеских отношениях.

691. А.М.ГОРЬКОМУ

25(12) февраля 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-64.
Впервые: *Горьковские чтения (1961).* — С. 28.
Открытка с изображением Данте Алигьери (деталь фрески Рафаэля в Ватикане).
Год в дате исправлен Буниным с 1903 на 1904, правильность исправления подтверждается почтовым штемпелем.

692. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

20 февраля 1904

Печатается по подлиннику: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-36.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

693. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

7 марта 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-37.
Место написания определено по содержанию.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».

694. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 апреля 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-38.

[1] В конце апреля 1904 г. Бунин уехал в Ефремов.
[2] Имеется в виду вторая книга «Сборника товарищества “Знание” за 1903 год» (СПб., 1904).

695. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

2 мая 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-39.

696. А.М.ФЕДОРОВУ

22 мая 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 13.
Впервые: *Вопросы лит.* — 1969.— № 7.— С. 182 (с неточностями).

[1] См. коммент. 3 к п. 675.

[2] Это письмо Бунина неизвестно. Отвечая на него, Федоров писал: «Надо сознаться,— ты довольно бестолковое письмо прислал. Тем не менее, с пьесой все будет сделано: и сокращена она будет и просмотрена заново. Я кончаю роман свой <...> После этой работы примусь за рассказ для “Правды” и за стихи. Ох, давно стихов не писал! Боюсь не разучился ли. <...> Ужасно мне хочется повидать тебя. Что это ты откладываешь так надолго свой приезд!» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 222, л. 63–64).

[3] Пьеса А.М.Федорова.

[4] Роман А.Федорова «Природа» был опубликован в журнале «Мир Божий» (1904.— № 6.— С. 233–268; № 7.— С. 37–66; № 8.— С. 46–93; № 9.— С. 106–161; № 10.— С. 132–160; № 11.— С. 122–172).

[5] Федоров ответил 30 мая 1904 г.: «Наконец-то я получил от тебя весть, милый Иван Алексеевич. Увидал твой почерк и точно дружеский голос услышал. <...> Жена, конечно, согласится на все сокращения и исправления. Она совсем заново перепишет пьесу и я ей постараюсь также быть полезным. Рассказ для “Правды” пришлю в скором времени. Я весь был поглощен романом <...> Печататься начнется с июня. <...> Стихов пишу мало. Однако посылаю тебе кое-что. Не знаю, понравится ли только? Превосходны твои стихи в сборнике. Особенно последнее. Я еще долго слушал его музыку после прочтения. Великолепен и “Чернозем”. Ты, верно, читал о нем правдивый и хвалебный отзыв Амфитеатрова в “Руси”. Если нет, я пришлю тебе его, хотя, думаю увидеть тебя скоро в Одессе лично. <...> А сборник-то “Знания” плоховат и хуже всех Горький. <...> Приезжай скорей, милый Иван Алексеевич, я как-то при тебе стихов больше пишу. Ты как будто заряжаешь меня. Про сына твоего рассказывают чудеса о его уме и милом характере. Приезжай. Жена благодарит тебя сейчас за твои указания и поправки. <...> Пусти стихи в “Правду” поскорее, если можно» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 222, л. 9–10).

697. С.А.НАЙДЕНОВУ

3 июня 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 10.
Датируется по почтовому штемпелю. Открытка.

698. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

14 июня 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ ОР, ф. 3, оп. 3, № 29, л. 2.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 1.— С. 557.
Место написания определено по почтовому штемпелю. Открытка.

В первой декаде июня 1904 г. Бунин едет морем на Кавказ, где он пробыл 18 дней. В мемуарных записях он так отразил свои кавказские впечатления: «Кавказ, молодость, молодые утренние снега. Весь мир, вся жизнь — счастье» (*Муромцева-Бунина.*— С. 236).

699. М.П.ЧЕХОВОЙ

5 июля 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 12.
Впервые: *Чехова.* — С. 240 (отрывок), полностью: *Время.*— С. 97.

[1] Бунин, живя в Огневке, еще не знал, что А.П.Чехов умер в Баденвейлере 2 июля 1904 г.
[2] См. коммент. к п. 698.
[3] Бунин не приезжал в Крым в эти месяцы.

700. О.Л.КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

8 июля 1904

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 331, к. 66, ед. хр. 14.
Впервые: *ЛН.*— Т. 84, кн. 2.— С. 498.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

701. М.П.ЧЕХОВОЙ

9 июля 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 331, к. 87, ед. хр. 50, л. 14.
Впервые: *Чехова.* — С. 241 (отрывок), полностью: *Хозяйка чеховского дома.*— С. 133.

702. И.А.БЕЛОУСОВУ

17 июля 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 35.
Место написания определено по содержанию.

[1] Это стихотворение Белоусова было опубликовано в журнале «Правда» (1904.— № 10.— С. 48).

703. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

17 июля 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-40.
В дате Бунин ошибочно написал месяц июнь.

704. А.М.ФЕДОРОВУ

17 июля 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 519, оп. 2, ед. хр. 2, л. 14.

705. Н.А.ПУШЕШНИКОВУ

14 августа 1904

Печатается по автографу: РГБ ОР, ф. 429, к. 3, ед. хр. 2.
Место написания определено по содержанию.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».
Адресат определен по тетради, в которой Н.А.Пушешников от руки переписывал все письма И.Бунина к нему (ОГЛМТ, ф. 14, № 8963 оф, л. 3).

706. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

6 сентября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-41.

[1] Пятницкий ответил 12 сентября 1904 г.: «"Каина" присылайте. Буду печатать. Вам буду присылать 2-ю корректуру. Пора отдавать в набор "Чеховский" сборник. Готовы ли Ваши воспоминания? А.М. сейчас в Ялте у Алексина. Сентябрьские 100 р. отправлены на имя Юл.Ал.» (*Книга.* — С. 140).

707. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 сентября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-42.
Дата и место написания определены по почтовому штемпелю. Открытка.

708. П.И.ВЕЙНБЕРГУ

27 сентября 1904

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, ф. 62, оп. 3, ед. хр. 98, л. 1.
Бунин познакомился с Вейнбергом в 1895 г. в Петербурге. Письма Вейнберга к Бунину неизвестны.

[1] Вейнберг прислал типографски отпечатанное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Желая почтить память погибшего на войне художника-гражданина Василия Васильевича Верещагина делом достойным его имени, СПб. Общество художников предпринимает издание Сборника памяти В.В.Верещагина, в котором будут собраны работы русских художников и литераторов, *имеющие связь с общей идеей, захватившей всю художественную деятельность покойного* — идеей борьбы за мир» (ОГЛМТ, ф. 14, № 2940 оф).

709. И.А.БЕЛОУСОВУ

28 сентября 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 93.
Датируется по следующим фактам: в сентябре 1904 г. С.Найденов закончил пьесу «Авдотьина жизнь» и в конце этого месяца ненадолго приехал в Москву, откуда сообщал жене — И.И.Мальской 28 сентября 1904 г.: «Читал пьесу у себя в номере Станиславскому, Немировичу и Бунину <...> Три первых акта нашли безукоризненными, четвертый Немирович и Бунин порицали за то, что "она" по шаблону делается шансонеткой» (РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 23). 1 октября 1904 г. Найденов уже был в Петербурге. Таким образом, п. 710, написанное в тот же день, по всей вероятности, было передано Пятницкому через Найденова. 29 сентября 1904 г. была среда и, возможно, планировалось заседание кружка «Среда», где Бунин и предполагал увидеть Белоусова.

710. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

28 сентября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-43.
Написано на почтовой бумаге «Лоскутной гостиницы» в Москве.

[1] Рукопись перевода мистерии Д.Байрона «Каин» Бунин послал 25 сентября 1904 г. См. п. 707.

711. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

18 октября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-44.

[1] Третий том сочинений Бунина вышел в издательстве «Знание» в 1906 г. и включал только стихотворения 1903–1906 гг. Перевод мистерии Байрона «Каин» вошел в четвертый том сочинений Бунина (СПб.: Знание, 1908). Перевод поэмы Байрона «Манфред» не вошел в собрание сочинений писателя, издаваемое «Знанием».

[2] Отдельным изданием перевод мистерии Байрона «Каин» в издательстве «Знание» не выходил.

[3] Пятницкий писал Бунину 30 октября 1904 г.: «А.М. согласен ввести в третий том "Манфреда" и "Каина". Он писал Вам. Прошу известить: что пойдет за "Манфредом"? Если "Каин", я отдам его в набор. Если стихи, поскорей их высылайте, чтобы книга не запоздала» (*Книга.* — С. 140).

[4] Перевод мистерии Байрона «Каин» был полностью опубликован в журнале «Правда» (1905.— № 2.— С. 1–22; № 3.— С. 1–24; № 4.— С. 1–19).

712. А.М.ГОРЬКОМУ

4 ноября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-6.
Впервые: *Новый мир.* — 1956. — № 10. — С. 201.

[1] Речь идет об отказе О.Л.Книппер-Чеховой и М.П.Чеховой дать письма А.П.Чехова Бунину для публикации, как об этом просил Горький.

[2] Горький писал Бунину 3 ноября 1904 г.: «Найденов, очевидно, подчинился советам Немировича и не хочет печатать пьесу в этом году, говоря, что он ее всю переделает. Дорогой мой, скажите Вы ему, что это — глупо! Лучше он не сделает пьесу, а испортить — может» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 165). Речь шла о пьесе «Авдотьина жизнь».

[3] Письмо неизвестно.

[4] Бунин поехал в Одессу 13 ноября.

[5] Бунин начал работать над воспоминаниями об А.П.Чехове в августе 1904 г. для посвященного Чехову «Сборника товарищества "Знание" за 1904 год», где они и были опубликованы (1905.— Кн. 3.— С. 247–268). В октябре Бунин закончил эту работу. 24 октября 1904 г. он читал свои воспоминания в Обществе любителей российской словесности.

[6] Горький писал Бунину 24 или 25 октября 1904 г. относительно состава третьего тома сочинений писателя: «Сейчас мне пришла в голову одна мысль, кою считаю нужным сообщить Вам: этим изданием Вы должны будете понизить интерес публики к Вашим книгам, ибо она переводы Ваши, конечно, не уравняет с ориги-

нальными стихами, да еще переводы известных вещей. Как Вы полагаете?» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 159).

[7] См. коммент. 4 к п. 711.

[8] Переводы Бунина отдельной книгой в «Знании» не выходили.

713. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

4 ноября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-45.

[1] См. коммент. 6 к п. 712.
[2] См. коммент. 1 к п. 711.
[3] См. коммент. 4 к п. 711.
[4] См. коммент. 8 к п. 712.
[5] См. коммент. 5 к п. 712.

714. И.А.БЕЛОУСОВУ

8 ноября 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 36.

[1] См. коммент. 4 к п. 675.

715. В.Я.АБРАМОВИЧУ

10 ноября 1904

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, Р 1, оп. 2, ед. хр. 153, л. 1–2.
Место написания определено по содержанию.
Написано на бланке редакции журнала «Вестник воспитания».
Абрамович Владимир Яковлевич (1877–1937; псевд. Ленский) — прозаик, поэт. Письма Абрамовича к Бунину 1903–1905 гг. (РГАЛИ, ОГЛМТ) содержат просьбы о помощи в публикации его стихотворений.

[1] Абрамович писал Бунину 31 августа 1904 г.: «Еще весной этого года я взял смелость отправить Вам, через редакцию “Правды”, тетрадь моих стихов с просьбой (каюсь в своем легкомыслии), если возможно, устроить их издание. Сознаюсь, я не имел никакого ни основания, ни права утруждать Вас подобной просьбой, и сознание этого заставляет меня просить у Вас извинения. Вместе с тем, я прошу Вас, если это не будет затруднительно, отправить мне обратно тетрадь, чем премного меня обяжете» (РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1).

[2] Бунин жил в Москве с конца сентября 1904 г.

[3] С января 1904 г. шла русско-японская война.

716. А.М.ГОРЬКОМУ

14 ноября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-7.
Впервые: *Горький. Материалы.*— С. 408–409.
Год определен по почтовому штемпелю. Закрытое письмо.

[1] По поводу воспоминаний Бунина «Памяти Чехова» Горький писал ему 17 или 18 ноября 1904 г.: «Хорошо Вы написали об Ан.Павл. — нежно, как женщина, и мужественно, как друг. Захотелось сказать Вам это тотчас же, как прочитал. А теперь — читает Куприн, он сидит рядом со мной, хвалит Вас и радуется, что его воспоминания совпадают с Вашими» (*Горький. ПСС.*— Т. 4.— С. 182).

[2] См. п. 712 и коммент. 2 к нему.

[3] Сцена из мистерии Байрона «Каин» в сборнике напечатана не была. Имеется в виду первая сцена второго акта.

717. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

15 ноября 1904

Печатается по автографу: ИРЛИ ОР, Р 1, оп. 2, ед. хр. 133, л. 1.
Датируется по содержанию и по п. 716.
Написано красными чернилами.

[1] См. коммент. 5 к п. 712.

718. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

24 ноября 1904

Печатается по подлиннику: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-46.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

719. К.П.ПЯТНИЦКОМУ

27 ноября 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, П-ка «Зн» 11-1-47.
Написано на почтовой бумаге «Национальной гостиницы» в Москве.

[1] См. коммент. 5 к п. 712.

[2] См. коммент. 4 к п. 711.

720. Ф.Ф.ФИДЛЕРУ

7 декабря 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, ед. хр. 53.
Впервые: *Вопросы лит.* — 1969.— № 7.— С. 189.
Написано на почтовой бумаге «Национальной гостиницы» в Москве.

Фидлер Федор Федорович (1859–1917) — педагог, переводчик, коллекционер автографов и редких рукописей. Бунин познакомился с ним в 1896 или 1897 г. Письма Фидлера к Бунину известны только за 1915 г. (РГАЛИ, ОГЛМТ).

[1] Данные, сообщаемые Буниным, необходимы были Фидлеру для составления книги «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (М.: Изд. И.Д.Сытина, 1911).

[2] Бунин использовал псевдонимы только в первый период своей литературной деятельности. Это были следующие псевдонимы: И.Б., И.Б-н, Ив.Б-н, И.А.Б-н, И.А.Б., Б-н, И.Озерский, И.Чубаров, И.А.Чубаров, Ч-ов.

[3] См. коммент. 4 к п. 684.

721. С.А.НАЙДЕНОВУ

Начало декабря 1904

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 36, л. 18.
Датируется по содержанию и по п. 720.
Написано на почтовой бумаге «Национальной гостиницы» в Москве.

[1] В середине ноября 1904 г. Бунин ездил в Одессу повидать сына. 26 ноября он вернулся в Москву, откуда в десятых числах декабря уехал в Глотово.

[2] Пьеса Найденова «Авдотьина жизнь» (1904) была встречена критикой в основном положительно. Так, рецензент «Нашей жизни» П.Е.Павлов приветствовал в пьесе «дух новой жизни, свободной и активной» (1904.— 27 нояб.). Подражательной сочли ее рецензент «Сына отечества» Журден (1904.— 27 нояб.) и Н.М.Минский (Новости и биржевая газета.— 1904.— 14 дек.), который писал о герое пьесы — революционере Герасимове — как об одной из «марионеток нового фасона, выструганных по образцу героев Максима Горького».

722. А.М.ГОРЬКОМУ

18 декабря 1904

Печатается по автографу: ИМЛИ АГ, КГ-П 12-5-8.
Впервые: *Горьковские чтения (1961).* — С. 35.
Написано красными чернилами.

[1] См. коммент. 4 к п. 711.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА

723. А.П.ЧЕХОВУ

4 сентября 1900

Печатается по подлиннику: РГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 288.
Впервые: *Горький. Материалы.*— Т. 2.— С. 203.
Датируется по отметкам на бланке. Телеграмма.

[1] Сулержицкий Леопольд Антонович (1872–1916) — режиссер, театральный деятель.

[2] Все подписавшие телеграмму присутствовали 4 сентября в МХТ на репетиции «Снегурочки» А.Н.Островского. Премьера состоялась 24 сентября. Горький писал Чехову между 12 и 19 сентября 1900 г. об этом дне: «Сижу я на репетиции в театре, вдруг являются Поссе, Пятницкий, Бунин и Сулержицкий. Пошли в трактир и имели огромнейший разговор про Вас» (*Горький. ПСС.*— Т. 2.— С. 55).

724. Л.В.СРЕДИНУ

4 сентября 1900

Печатается по подлиннику: ИМЛИ АГ, ПГ-рл 40-14-13.
Впервые: *Горьковские чтения* (1968)— С. 45.
Датируется по отметкам на бланке. Телеграмма.

725. Н.Д.ТЕЛЕШОВУ

6 декабря 1901

Печатается по подлиннику: ИМЛИ ОР, ф. 1, оп. 3, № 121.
Впервые: *ЛН*.— Т. 84, кн. 1.— С. 534.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.

[1] Середа — «Среда», 6 декабря (день именин Телешова) приходился в 1901 г. на четверг.
[2] Хитрово Лев Аркадьевич (1848–1926; псевд. Андрей Мирославич) — писатель, один из основателей «Среды».

726. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

3 декабря 1902

Печатается по подлиннику: художественно выполненный адрес в стиле древнерусского письма-«свитка», с девятью подписями-автографами: ГЦТМ, ф. 303, ед. хр. 259.
Впервые: *ЛН*.— Т. 72.— С. 164–165, на с. 167 воспроизведен факсимильно.
Приветственный адрес был написан к чествованию Шаляпина в его бенефис 3 декабря 1902 г. в Большом театре: Шаляпин исполнил главную роль в опере А.Бойто «Мефистофель», партию Фауста пел Л.В.Собинов. После спектакля на банкете в ресторане Тестова Горький, приветствуя Шаляпина, вручил ему этот адрес. Судя по стилю, можно предположить, что главным участником написания адреса был Горький (см. примеч. к этому п.: *Горький. ПСС*.— Т. 3.— С. 344).

[1] Скиталец Степан Гаврилович (1869–1942; наст. фам. Петров) — прозаик, поэт, член литературного кружка «Среда».
[2] Скирмунт Сергей Аполлонович (1862–1932) — издатель, организатор издательства «Труд» (1899–1907).

727. А.П.ЧЕХОВУ

4 декабря 1902

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 331, к. 65, ед. хр. 3б.
Дата и место написания определены по отметкам на бланке. Телеграмма.
Под текстом телеграммы на бланке рукою Чехова написано: «Бенефис Шаляпина» (см. коммент. к п. 726).

[1] Ресторан И.Я.Тестова.
[2] Ф.И.Шаляпин и его жена Иола Игнатьевна (1873–1965; урожд. Торнаги) — итальянская балерина, актриса Русской частной оперы.
[3] М.Ф.Андреева.
[4] Серов Валентин Александрович (1865–1911) — художник.
[5] Коровин Константин Алексеевич (1861–1939) — художник.
[6] Стюарт (Стуарт) Василий Дмитриевич — барон, друг Ф.Шаляпина.
[7] Серафимович Александр Серафимович (1863–1949; наст. фам. Попов) — писатель, член литературного кружка «Среда».
[8] Симов Виктор Андреевич (1858–1935) — театральный художник.
[9] Кундасова Ольга Петровна (ум. 1941) — «астрономка», математик, друг Шаляпиных.

[10] Филитис Николай Степанович — педагог, Елизавета Ивановна — его жена.
[11] Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — историк.
[12] Розенберг Владимир Александрович (1860–1932) — журналист, один из редакторов газеты «Русские ведомости».

728. Ф.И.ШАЛЯПИНУ

8 января 1903

Печатается по первой публикации.
Впервые: *Шаляпин. ЛН.*— Т. 1.— С. 728–729.

729. В.Г.КОРОЛЕНКО

12 ноября 1903

Печатается по подлиннику: РГБ ОР, ф. 135, к. 49, ед. хр. 3.
Впервые: *Вечерняя Москва.*— 1962.— 6 янв. (№ 5).— С. 3.
Написано рукою Н.Д.Телешова. Адрес вложен в зеленую кожаную папку.

[1] Цитата из стихотворения Николая Васильевича Берга (1823–1884).

730. А.Ф.МАРКСУ

Декабрь 1903

Печатается по подлиннику: РГАЛИ, ф. 335, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1–2.
Впервые: Телешов Н.Д. Записки писателя.— М., 1943.— С. 104–107.
Дата и место написания определены по содержанию и по сведениям, сообщаемым Телешовым в книге «Записки писателя».
Неотправленное. Текст напечатан на машинке.

Маркс Адольф Федорович (1838–1904) — издатель и книгопродавец. С 1870 г. стал выпускать журнал «Нива», с 1894 г. в качестве бесплатного приложения к «Ниве» систематически издавал собрания сочинений крупнейших русских и иностранных писателей. В 1915 г. издательство товарищества Маркс выпустило Полное собрание сочинений Бунина в шести томах.

Историю этого коллективного письма вспоминал в книге «Записки писателя» Н.Д.Телешов, который впервые и опубликовал находившийся у него несколько лет текст. «Над составлением письма,— рассказывал Телешов,— немало потрудились Леонид Андреев и Максим Горький. По мысли инициаторов, под этим текстом предполагалось собрать подписи всей писательской и артистической Москвы, затем передать в Петербург и собрать там дальнейшие подписи. Бумагу, подписанную крупными представителями науки, литературы, художеств, музыки, театра, а также общественными деятелями, уполномочены были подать издателю "Нивы", А.Ф.Марксу, писатели Гарин-Михайловский и Ашешов и добиться от него определенного ответа к моменту юбилейного чествования. <...> Не вспомню теперь, как именно произошло все это: показали ли Чехову копию письма, или вообще передали ему о предполагаемом обращении к Марксу по поводу его освобождения, но только вскоре выяснилось, что дальнейшие подписи собирать не надо, потому что Антон Павлович, узнав про письмо, просил не обращаться с ним к Марксу. <...> Тем дело и кончилось. Подлинное письмо с писательскими автографами задержалось и осталось у меня вместе со списком,

к кому идти за дальнейшими подписями» (Телешов Н.Д. Записки писателя.— М., 1948.— С. 80, 82–83).

[1] Чествование А.П.Чехова по случаю 25-летия его литературной деятельности состоялось 17 января 1904 г. на премьере «Вишневого сада» в МХАТе, в антракте после третьего акта пьесы. Чехов о намечавшемся праздновании ничего не знал.

[2] Договор А.П.Чехова с А.Ф.Марксом был подписан 26 января 1899 г. сроком на 20 лет.

[3] Имеется в виду собрание сочинений А.П.Чехова, которое Маркс выпустил дважды: Собрание сочинений в 10 томах (СПб., 1899–1901) и Полное собрание сочинений в 16 томах (СПб., 1903) в качестве приложения к журналу «Нива» на 1903 г.

[4] Гарин-Михайловский Николай Егорович (Георгиевич) (1852–1906; наст. фам. Михайловский) — прозаик, публицист, инженер-путеец.

[5] Ашешов Николай Петрович (1866–1923) — журналист.

[6] Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922) — журналист, публицист, театральный и художественный критик, прозаик.

[7] Архипов Абрам Ефимович (1862–1930) — живописец, передвижник.

[8] Дмитриева Валентина Иововна (1859–1947) — прозаик, детская писательница.

Указатель писем по адресатам

Абрамовичу В.Я. — 715

Баранову А.П. — 236
Батурской О.А. — 109
Белоусову И.А. — 12, 14, 178, 182, 183, 219, 235, 244, 248, 251, 253, 257, 260, 264, 268, 270, 272, 274, 282, 284, 287, 326, 333, 338, 341, 349, 354, 357, 359, 361, 363, 367, 390, 414, 420, 421, 426, 433, 441, 455, 483, 503, 546, 559, 601, 612, 623, 629, 653, 686, 702, 709, 714
Бибикову А.Н. — 690
Боголюбову С.П. — 641, 648
Брюсову В.Я. — 336, 352, 358, 374, 430, 442, 449, 453, 459, 462, 470–472, 474, 475, 486, 492, 500, 509, 516, 517, 526, 533, 552, 562, 576
Буниной (Цакни) А.Н. — 329
Буниной Л.А. — 16, 40, 80, 158, 163–165, 172
Буниной М.А. — 16, 158, 163, 164, 172, 246
Буниной Н.К. — 16, 18, 158, 163, 164
Бунину А.Н. — 16, 40, 80, 96
Бунину Е.А. — 16, 18, 158, 163, 164
Бунину Ю.А. — 1–11, 13, 15, 17, 19, 20, 22–26, 29, 33, 36, 38, 39, 41, 42, 47, 48, 55, 57, 60, 65, 66, 85, 87, 91, 95, 97–99, 108, 111, 113, 115, 116, 120, 122, 141, 142, 146, 148–153, 156, 157, 159–162, 170, 172, 174, 177, 184, 185, 187, 197, 205–207, 209–212, 218, 227, 231, 234, 237, 239, 241, 243, 245, 247, 249, 250, 254, 255, 257а, 258, 261, 262, 267, 269, 271, 273, 275–277, 279, 281, 283, 299, 300, 303, 304, 306, 310, 313, 314, 318, 319, 323, 325, 327, 328, 331, 334, 339, 342, 346–348, 350, 351, 356, 364–366, 368, 369, 371, 372, 375–383, 385, 387, 389, 391, 393, 395, 398–405, 407–410, 412, 415, 418, 419, 422, 429, 435, 437–439, 443, 444, 447, 448, 450, 451, 454, 456, 458, 460, 461, 463, 465, 466, 468, 473, 476, 479, 481, 482, 484, 488, 495, 497, 498, 502, 504, 507, 513, 519, 529, 531, 532, 534, 535, 541, 543, 548, 564–566, 570, 572, 573, 652

В контору издательства «Знание» — 616, 680
В редакцию газеты «Курьер» — 544
Вейнбергу П.И. — 708

Гаврилову Н.В. — 293, 298, 311, 315, 320, 321, 324, 344
Горькому А.М. — 452, 555, 621, 669, 677, 691, 712, 716, 722
Гринченко Б.Д. — 195, 230

Елпатьевскому С.Я. — 578
Ефремову П.А. — 295, 307

Засодимскому П.В. — 256

Иванчину-Писареву А.И. — 175, 199

Карзинкину А.А. — 586, 596, 604
Кашкиной С.Н. — 224, 228, 252
Климович В.П. — 567
Книппер-Чеховой О.Л. — 547, 700
Коринфскому А.А. — 216, 222, 317
Короленко В.Г. — 729
Кошеверовой М.Г. — 109
Кривенко С.Н. — 214, 221, 238, 240, 259, 266, 278, 297, 305, 308, 316, 322, 337, 411
Куприну А.И. — 615

Лаврову В.М. — 427, 580, 625
Лопатиной Е.М. — 296, 302
Луговому А.А. — 229

Марксу А.Ф. — 730

Миролюбову В.С. — 355, 388, 417, 436, 550, 553, 557, 561, 589, 681
Михайловой О.А. — 201–204, 208

Найденову С.А. — 609, 614, 618, 619, 632, 647, 654, 658, 697, 721
Неизвестным лицам — 133, 226, 247а
Никольскому В.А. — 682, 684

Пащенко В.В. — 27, 28, 30–32, 34, 35, 37, 45, 46, 49–54, 56, 58, 59, 61–64, 67–79, 81–84, 86, 88–90, 92–94, 100–107, 109, 110, 112, 114, 117–119, 121, 123–132, 134, 135, 137–140, 143–145, 147, 154, 155, 167–169, 171, 176, 180, 186, 188–194, 196, 198, 200, 213, 215
Пащенко В.Е. — 44
Пешехонову А.В. — 656
Пешковой Е.П. — 452
Письмо в редакцию — 217
Письмо в редакцию газеты «Курьер» — 630
Письмо в редакцию газеты «Орловский вестник» — 240а
Письмо в редакцию газеты «Полтавские губернские ведомости» — 181, 232
Письмо в редакцию газеты «Южное обозрение» — 394
Познякову Н.И. — 285
Поливановой Е.П. — 136
Полякову С.А. — 539, 575
Поссе В.А. — 511, 512
Пушешникову Н.А. — 506, 518, 626, 649, 674, 685, 705,
Пятницкому К.П. — 579, 581, 584, 587, 588, 590, 592, 593, 595, 602, 610, 620, 622, 633–637, 640, 643, 644, 657, 659, 663, 665–668, 670–673, 676, 683, 689, 692–695, 703, 706, 707, 710, 711, 713, 717–719

Сальникову А.Н. — 499, 514, 522
Семенову С.Т. — 263, 309
Средину Л.В. — 724
Суворину А.С. — 223

Телешовой Е.А. — 446, 563
Телешову Н.Д. — 280, 286, 288–292, 294, 312, 330, 332, 335, 340, 343, 345, 353, 360, 362, 370, 373, 384, 386, 392, 396, 397, 406, 413, 416, 423, 424, 428, 431, 432, 434, 440, 445, 446, 457, 464, 467, 469, 477, 478, 480, 491, 505, 510, 520, 528, 537, 540, 545, 554, 558, 563, 568, 571, 577, 585, 594, 597–600, 603, 605, 608, 611, 613, 624, 627, 638, 642, 645, 650, 655, 660, 662, 664, 687, 698, 725
Толстому Л.Н. — 21, 166, 173, 179, 233, 524

Успенскому А.И. — 220

Федорову А.М. — 242, 265, 301, 425, 485, 494, 646, 675, 688, 696, 704
Фидлеру Ф.Ф. — 720

Чеховой М.П. — 489, 490, 496, 501, 508, 515, 523, 536, 542, 549, 551, 560, 617, 628, 631, 639, 661, 679, 699, 701
Чехову А.П. — 43, 225, 487, 493, 521, 527, 530, 538, 556, 569, 574, 582, 591, 606, 607, 651, 678, 723, 727

Шаляпину Ф.И. — 583, 726, 728

Эртелю А.И. — 525

Указатель имен *

А.К. — см. Куприн А.К.
А.М. 225
А.П. 226,231, 329, 340, 341
А-ий *558*
Аб 66, 68
Аб Варвара Львовна 81, *490*
Аб Ефим Львович 70, *487, 488*
Аб Раиса Львовна 73, *488*
Аб Роза Львовна 73, 77, 81, 82, 92, 105, *489, 490, 498*
Аблин 302
Абрамов Яков Васильевич 232, *559*
Абрамович Владимир Яковлевич (Ленский) 450, *706*
Абрамович Соломон Моисеевич 36, *477*
Абрикосов А. *680*
Авдеев Михаил Васильевич *505*
Авилова Лидия Алексеевна 276, *581*, *592*
Адамови И. 302
Адашев Александр Иванович 314, *614*
Айхенвальд Юлий Исаевич 277, *593*
Аксаков Сергей Тимофеевич 275, 350, *591*, *636*
Алейников Леонид Маркович 49, 106, 197, *480*
Александр I *515*
Александр III *504*, *505*
Александр Андреевич — см. Карзинкин А.А.
Александра Гавриловна — см. Туббе А.Г.
Александра Митрофановна 167
Алек. Ник. 230
Александра Федоровна 11
Александров В.А. 121, *503*
Александрович А. *490*
Алексеевский Аркадий Павлович *664*
Алексей Александрович 224, 225
Алексей Максимович — см. Горький А.М.
Алексин Александр Николаевич 314, 454, 455, *614*, *704*
Альбов Михаил Нилович 20, 236, *471*, *561*
Амиель Генри 217, *550*
Амфитеатров Александр Валентинович *702*
Ангел Иванович — см.Богданович А.И.
Андерсен Ханс (Ганс) Кристиан 122, *503*
Андреев Леонид Николаевич 383, 389, 395, 396, 399, 401, 411, 432, 454–456, 458, *460, 652*, *664*, *669*, *671*, *672*, *681*, *693*, *694*, *710*
Андреева Александра Михайловна 396, 456, *669*
Андреева Мария Федоровна 314, 455, *614*, *709*
Андреевский Сергей Аркадьевич *471*
Анитова М.Н. 83, *491, 521*
Анна Николаевна — см. Бибикова А.Н.
Анненский Иннокентий Федорович 230, *557*
Антоконенко Михаил Иванович 174
Анучин Дмитрий Николаевич 419, *687*
Апостолу 308, 309,312
Апухтин Алексей Николаевич *471*
Арбушевская Любовь Юлиановна 362
Арнольд Э. *689*
Арсеньев Константин Константинович 18, *470, 471*
Арсик — см. Бибиков А.Н.

---

* Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы комментариев — курсивом.

Артемьев Федор 32
Архипов Абрам Ефимович 458, *711*
Аспык Адам *533, 566–568*
Афонин Леонид Николаевич 6
Афонский 118,119
Ашешов Николай Петрович 458, *710*, *711*

Бабореко Александр Кузьмич 6, *460–462, 478, 548, 553*
Бажинов И.Д. *462*
Базаров В. *473*
Байков Дмитрий Васильевич 256, 257, 262, 272, 275, 277, 279, 394, *576*, *588*, *665*,*667*, *668*
Байрон Джордж Ноэл Гордон 335, 417, 418, 421, 427, 429–432, 434–438, 440–442, 446–452, *629*, *656*, *686–688*, *691*, *693*, *694*, *696–698*, *700*, *704*, *705*, *707*
Балабуха Сергей Павлович 195, 260, *525*, *535–537*, *584*
Бален де Балю 309, 312
Балтрушайтис Юргис (Георгий) Казимирович 333, 342, 343, 348, 355, 362, 379, 388, 454, *622*, *625*, *628*, *632*, *640*, *651*, *680*
Бальзак Оноре де 191
Бальмонт Константин Дмитриевич 203, 213, 219, 258, 263, 293, *541*, *578*, *581*, *589*, *649*, *651*, *655*, *699*, *700*
Баранов Александр Петрович 219, 226, 230, 235, 388, *550*, *556*, *662*
Баранцевич Казимир Станиславович *548*, *556*
Барбашев 286, 302, 307, *600*, *610*
Барский Самуил Андреевич *675*
Барятинский Владимир Владимирович 318, *616*
Басов-Верхоянцев Сергей Александрович 143, *510*
Батурская Ольга Афанасьевна 130, *506*
Бахвалова 223, 225, 227
Бахтеяров Е. 84, 101, 116, *491*
Бахтеяровы *472*
Беба — см. Цакни П.Н.
Беккер Балтазар 203, *541*
Бёклин Арнольд 340, *630*
Беленовская Мария Дормидонтовна 367, *648*
Белинский Виссарион Григорьевич 250, 252, 259, 277, *503*, *572*, *574*, *594*
Белинский М. — см. Ясинский И.И.
Белоконские 50
Белоконский Иван Петрович 78, *473, 480*
Белоусов 28
Белоусов Иван Алексеевич 21, 23, 24, 184, 186, 187, 208, 209, 218, 222, 223, 225–228,231, 232, 234, 236, 237, 239–241, 245–247, 249, 265, 268, 271, 274, 276, 280, 283, 285–287, 289, 301, 317, 319, 320, 322, 323, 326, 328, 329, 334, 346, 356, 375, 376, 381, 385, 401, 404, 406, 411, 413, 425, 439, 445, 447, 450, 456, 458, *464, 472, 473, 529*, *531*, *532*, *543*, *550*, *552*, *554*, *555*, *557*, *560*, *561*, *564*, *565*, *568*, *569*, *571*, *585*, *587*, *590–592*, *596*, *598–601*, *603*, *609*, *616*, *618*, *620*, *622*, *625*, *628*, *634*, *640*, *652*, *654*, *658*, *660*, *667*, *671*, *672*, *674*, *675*, *677*, *681–683*, *690*, *699*, *703*, *704*, *706*
Белоусова Ирина Павловна 209, 219, 222, 232, 237, 239, 240, 268, 271, 274, 285, 286, 301, 320, 323, 326, 346, 401, 412, 439, 450, *544*
Беранже Пьер Жан *472*
Берг Николай Васильевич *710*
Беркенфельд Мария Федоровна 249
Беркенфельд Ф.А. 249
Беркенфельды *571*
Берне Людвиг 139, 142, *509*, *510*
Бёрнс Роберт 228, *472, 556*
Берчанские 66
Берчанский Л.З. *487*
Берчик 313
Бетховен Людвиг ван 338

Бибиков Арсений Николаевич 45, 51, 52, 86, 104, 116, 131, 133, 197, 202, 203, 315, 441, *478, 479, 481, 540, 541, 615, 700, 701*
Бибиков Николай 45
Бибикова 15
Бибикова Анна Николаевна 45, 51, 54, 133, 203, *479, 541*
Бибикова Антонина Николаевна *479*
Бибикова Варвара Николаевна *479*
Бибикова Елизавета Николаевна *479, 534*
Бибиковы 18–20, 27, 32, 43, 52, 91, *469, 478, 479*
Бизе Жорж 106, *499*
Бирюков Павел Иванович 185, *530*
Бирюлев Н.А. *557*
Бисмарк Отто фон Шёнхаузен 15, *469*
Благасова Галина Михайловна *462*
Блан Луи 57, *483*
Блюм А. *580*
Боборыкин Петр Дмитриевич 436, *697*
Богданович Ангел Иванович 265, 382, 407, *560, 582, 645, 659, 674, 678*
Боголюбов Семен Павлович 416, 420, 423, *685, 687, 689*
Бойто Арриго *709*
Большаков 48
Бонье Софья Павловна 351–354, 364, 388, 405, *637, 638, 645, 676*
Боргест 199, 201, 213, *540*
Борис Петрович (Борис, Борька) — см. Шелехов Б.П.
Борисов Николай Александрович 232, *557*
Босяцкий Николай Юлианович 371, *650*
Бравич Казимир Викентьевич 121, *503*
Брандес Георг 15, 122, *469, 503*
Бродская 312
Брокгауз Фридрих Арнольд 210, *545*
Брюсов Валерий Яковлевич 272, 273, 282, 283, 285, 293, 325, 329, 332, 333, 335, 339, 341–343, 347, 351, 355, 358, 359, 362, 366, 370, 373, 379, 384, 388, 389, 422, *460, 461, 464, 589, 590, 597–600, 605, 621, 622, 625, 627–629, 631, 632, 635, 637, 639, 640, 642, 644, 647, 649, 651, 656, 659, 663, 688, 699, 700*
Брюсова Иоанна Матвеевна 273, 283, 285, 325, 329, 333, 341–343, 348, 379, 384, *590*
Будищев Алексей Николаевич 228, 232, *556–558*
Буковецкий Евгений Иосифович 350, 353, 363, 364, 408, 410–412, *588, 636*
Булгаков Сергей Николаевич 238, *563*
Булгаков Федор Ильич *694*
Бунин Александр Лаврентьевич 210
Бунин А.Н. 11
Бунин Алексей Николаевич 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 21, 24, 25, 28, 56, 87, 102, 116–118, 120, 122, 137, 176, 179, 180, 200, 210, 218, 276, 280, 315, 360, *466, 467, 469, 474, 482, 498, 502, 521, 524, 527*
Бунин Евгений Алексеевич 13–15, 17–21, 24, 27–36, 52, 53, 71, 72, 84, 87, 91, 113, 120, 130, 131, 133, 143, 171, 172, 176, 180, 181, 187–190, 199, 200, 202–204, 210, 218, 222, 223, 229, 235, 240, 242, 254, 268, 270, 271, 275, 280, 288, 289, 296, 315, 319–321, 324, 325, 343, 368, 370, 371, 374, 376, *467, 469, 474–476, 488, 502, 505, 510, 523–526, 536, 541, 556, 565, 576, 691*
Бунин Кузьма Леонтьевич 210
Бунин Николай Иванович 327, 330, 331, 347, 360, 361, 363, 365, 367–370, 440, 452, *586, 618, 620, 634, 644, 646, 702, 708*
Бунин Николай Николаевич *467, 468, 527*
Бунин Петр Николаевич 17, 179, 218, *470, 550*
Бунин Юлий Алексеевич 10–22, 24, 27–38, 42, 43, 45–47, 52–58, 63, 64, 75–79, 83, 86–88, 94–97, 100, 102, 108–110, 113, 114, 116–119,

128–130, 132–134, 136–141, 143, 144, 146, 152, 156–160, 163–168, 170–175, 177–184, 187–191, 193, 195, 199–205, 208–211, 214, 216, 218–226, 229–236, 238–246, 248, 253, 254, 256–258, 260–262, 264–273, 275–277, 279–282, 284, 285, 287–298, 300–320, 322–325, 327–348, 350, 353, 354, 356, 357, 360, 363, 367–377, 379–381, 384–389, 402–404, 423–426, 437, 439, 442, 443, 446, 456, 458, *463, 464, 466–477, 479, 481–483, 486, 488–490, 492–496, 499–503*, *506–508*, *511*, *513*, *516–529*, *531*, *532*, *534–541*, *543–545*, *548–554*, *556*, *557*, *559–561*, *564–568*, *570*, *571*, *574*, *575*, *577*, *579–581*, *583–585*, *587*, *591*, *593–597*, *599*, *602–618*, *621*, *623–634*, *636*, *638–641*, *643*, *644*, *648–650*, *652–654*, *656*, *659–662*, *681*, *690*, *697*, *699*, *704*

Бунина Александра Алексеевна 211, *545*

Бунина Анна Николаевна — см. Цакни А.Н.

Бунина Анна Петровна 155, *515*

Бунина Варвара Николаевна 13, 14, *469*

Бунина Людмила Александровна 10, 12–21, 24, 27, 29, 46, 53, 55, 56, 87, 102, 120, 130, 137, 166, 168, 170–172, 176, 181–183, 187, 188, 190, 201, 210, 218, 223, 229, 240, 241, 243, 254, 257, 270, 277, 280, 288, 296, 304, 315, 316, 319, 320, 328, 342, 360, 376, 415, 422, 444–446, 450, *466–468, 474, 482, 498, 502*, *523–525*, *527*, *549*, *564*, *575*, *576*, *585*, *586*, *602*, *614*, *615*, *624*, *688*

Бунина Мария Алексеевна — см. Ласкаржевская М.А.

Бунина Настасья Карловна 10, 11, 17, 18, 20, 24, 28, 71, 72, 168, 170–172, 176, 188, 296, *467, 474, 502*, *523–525*, *549*

Бунина Христина Андреевна 12, 14, 179, *468*

Бунковский Семен 210, 360

Буренин К. *470*

Бурже Поль 134, *507*, *515*

Бурцев П. *543*

Буцкая 203

Бьёрнсон Бьёрнстьерне 214, *548*

Валентин — см. Рышков В.Н

Валерий 180

Вальтер Владимир Григорьевич 436, *697*

Варвара Алексеевна 19

Варгунин *518*

Варгунины 160

Варшавский Б.Л. 155, *515*

Варя (Варенька, Варюша, Варенка) — см. Пащенко Вар.Вл.

Василевский Лев Маркович 143, *510*

Василий 11

Василий Александрович 17, 18

Василий II Темный 210, 360

Васильев 86

Васильев Михаил Дмитриевич 62, *477, 485*

Васнецов Виктор Михайлович 329, *625*

Вдовин Иван Матвеевич 24, *473*

Вейнберг Петр Исаевич 142, 246, 299, 447, *510*, *548*, *607*, *608*, *694*, *704*

Велецкий Сергей Николаевич 167, 190, 191, 193, *520*

Величко Василий Львович 213, 225, *547*, *554*

Вера 57

Вера Вас. — см. Терешкевич В.В.

Вересаев Викентий Викентиевич 238, 456, 458, *563*, *671*, *693*

Верещагин Василий Васильевич 447, *704*

Верлен Поль *598*

Верховский 157

Виктор 12

Винокуров 204, 238

Винокурова Н. *461*
Вирт *578*
Вишневский Александр Леонидович 314, *614*
Влад. Ив. 175
Вл.Н. 57
Владимир Петрович 225
Власов Степан Григорьевич 277, *593*
Воинов К. *675*
Волкенштейн А.А. *529*
Володя — см. Пащенко Вл.Вл.
Волошинова 38, 140, 154
Волынский Аким Львович 155, 440, *515*, *699*, *700*
Воргунины — см. Варгунины
Воробьева Ольга Семеновна 12, *468*
Воробьевы 12, 32
Воронец Зинаида Ивановна 30, *474, 475*
Воронец Эммануил Дмитриевич 54, 166, 175, 178, *474, 481*
Воронин Сергей Дмитриевич *461*
Воронов Исаак Симон *488*
Воронцов Василий Павлович 213, 229, 232, *547*
Воронцы 57, *474, 475*
Вырубов Алексей Алексеевич 144, 152, 154, 156–159, 167, 168, 170, 171, *511*, *521*
Вячеславов П.Л. *462*

Гаврилов Николай Васильевич 249, 250, 253, 259–262, 264, 266–268, 278, 299, *572*, *574*, *579*, *580*, *583*, *584*, *594*, *608*
Гагарин Г.Г. 341, 384
Газер И.С. *460, 462*
Гайдебуров Василий Павлович 246, *568*
Гайдебуров Павел Александрович 12, 15–17, 23, 152, 211, *468, 469, 568*
Галина Г. (Глафира Николаевна Мамошина) *699*
Гамсун Кнут *644*, *649*
Гарин-Михайловский Николай Георгиевич 458, *559*, *710*, *711*
Гаршин Всеволод Михайлович 19, *558*
Гауптман Герхарт *614*
Геббель — см. Хеббель К.Ф.
Гейне Генрих 60, 146, 152, *513*, *514*, *516*, *694*
Геккер Наум Леонтьевич 404, *675*
Герасим 425
Links Гербановский Михаил Матвеевич 203, 209, *541*, *544*
Гербек Отто Осипович 393, 399, 400, 403, *667*, *672*, *674*
Гербель Николай Васильевич 211, *473, 538*
Геркен Ф.А. *557*
Гернет 386, 412, *660*
Гете Иоганн Вольфганг 69, *487, 496, 607*
Гиляров Федор Александрович *473*
Гиляровский Владимир Алексеевич *529*
Гименс Фелиция *515*
Гиппиус Владимир Васильевич *651*
Гиппиус Зинаида Николаевна *548*, *642*, *651*, *700*
Гиршман Леонард Леонидович 192, *534*
Гитович Н.И. *461*
Глаголь Сергей — см. Голоушев С.С.
Глеб 11, 12, 20
Глебова 312
Глинка Михаил Иванович 300, 303, 306, 309, 313, *608*
Гнедич Петр Петрович 44, *477*
Гоголь Николай Васильевич *503*
Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич *651*
Голоушев Сергей Сергеевич 324, 344, 374, 448, 454, 456, 458, *621*, *633*, *652*, *653*
Голоушева Е. 456
Голсуорси Джон *641*
Гольдин С.Л. *462*
Гольцев Виктор Александрович 223, 279, 378, 391, 458, *553*, *596*, *601*, *623*, *655*, *664*, *670*
Гомер 211, 239, 360, *564*
Гомулицкий В. *620*

Гонецкая *665*
Гончаров Иван Александрович 20
Горбунов-Посадов Иван Иванович *529*
Гордеенко 28
Горкуша 11, 28
Горленко Василий Петрович *601*
Городецкий И.Д. *496*
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) 5, 280–283, 301, 314, 316, 318, 321, 322, 325, 326, 333, 350, 360, 367, 373, 377, 380, 381, 389, 390, 392, 396, 405, 409, 416, 418, 421, 427, 429, 430, 432–435, 437, 440–443, 448–452, 454, 455, 458, *461, 464, 597*, *610*, *611*, *614*, *616*, *618–622*, *627*, *636*, *648*, *652*, *654*, *657*, *661*, *662*, *664*, *665*, *669*, *672*, *676*, *679*, *680*, *685*, *688*, *689*, *691*, *693–696*, *698*, *701*, *702*, *704–710*
Гославский Евгений Петрович 454, 458, *652*
Гречанинов Александр Тихонович *670*
Грибоедов Александр Сергеевич 61, 62, 124, *485, 504*
Григорий Андреевич — см. Лукин Г.А.
Григорович Дмитрий Васильевич *557*
Григорьев Аполлон Александрович 47, *479*
Гримальди 455
Грип Милица Эдуардовна 6
Гринберг 305
Гринченко Борис Дмитриевич 193, 194, 215, 216, *532*, *534*, *549*
Грицевич 152, 162, *514*
Гупст 431, 442
Гурьянова Н.М. *684*
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович *693*

Давыдова Александра Аркадьевна 202, 230, 245, 248, 249, 264, 281, 283, 327, *540*, *556*, *570*, *674*
Давыдова М.К. — см. Куприна-Иорданская М.К.
Давыдова Н. *473*
Даль Владимир Иванович *621*
Данилова 293
Д'Аннунцио Габриеле 329, 339, 342, *625*
Данте Алигьери 246, *701*
Даргомыжский Александр Сергеевич 303, 309, *610*
Деген Е. 411, *652*, *680*
Де-Рибас Александр Михайлович *626*
Джаншиев Григорий Аветович 238, 321, *559*, *563*, *619*
Дидьо О. *497*
Диккенс Чарльз *505*
Дионео (Исаак Владимирович Шкловский) 279, 395, *595*, *667*
Дмитриев М.А. *591*
Дмитриева Валентина Иововна 458, *711*
Дмитрий Владимирович — см. Померанцев Д.В.
Добролюбов Александр Михайлович *651*
Домбровский Франц Викентьевич 19, *471*
Доморацкая С.И. *461*
Дорошевич Влас Михайлович 458, *711*
Достоевский Федор Михайлович 397, *669*
Дреземейер 243
Дробыш-Дробышевский Алексей Алексеевич *584*
Дрожжин Е.Н. 185, *530*
Дрожжин Спиридон Дмитриевич 184, *529*
Дубровский Павел Михайлович *525*
Дюверье Анн Оноре *485*

Евгений Алексеевич (Евгений) — см. Бунин Е.А.
Евгений Данилович 244, 245, 256
Евгения Витальевна — см. Померанцева Е.В.
Евдокимов 63, 78, 79, 144, *486*
Еврипид *693*
Егор Иванович — см. Назаров Е.И.
Егоров Яков Егорович 234, *529*, *559*
Ежа Т.Т. *620*
Елена Андреевна — см. Телешова Е.А.

Елена Николаевна (Лена) — см. Токарева Е.Н.
Елизавета Евграфовна 27, 30, 33, 56, 57, 75, 76, 117, 165, 166, 172, 175, 191, 192, 223, *474, 502*, *553*
Елисав. Ивановна 374
Елпатьевская Людмила Сергеевна 230, 456, *556*
Елпатьевский Сергей Яковлевич 230, 281, 283, 314, 345, 347, 389, 456, *556*, *652*, *655*, *663*
Ельцова К. — см. Лопатина Е.М.
Ермолова Мария Николаевна 281, *597*
Ерофеев 243
Ерохов Иван Григорьевич 253, 255
Ефремов Петр Александрович 250, 259, *572*, *578*
Ефрон Илья Абрамович *545*
Ечкина 105

Жданов Лев Григорьевич *651*
Жедринский Павел Николаевич 70, 71, 81, *488, 490*
Жемчужников Алексей Михайлович 254, *574*
Женжурист Иван Миронович 95, 96, 158, *496, 516*
Женжурист Лидия Александровна 95, 97, 116, 118, 119, 156–159, 166, 171, 174, *496, 502*, *516*, *517*, *521*
Женжуристы 138–140, 156, 157
Жеромский Стефан *620*
Жихарев 247
Жуков Василий Разумникович 168, *520*
Жуковский Василий Андреевич 374, *653*
Журден *708*

Зайцев Борис Константинович 456, *652*
Зайцева С.А. 63, *486*
Закс Юлия Игнатьевна 107
Заньковецкая Мария Константиновна 57, *483*
Заратуштра 351, *637*
Засодимский Павел Владимирович 231, 274, 275, *548*, *556*, *557*, *591*
Заузе Борис Владимирович 426, *690*
Заузе Владимир Христианович 387, *662*, *690*
Захар 18, 21
Захар Иванович 277, 279
Захаров Валерий 64
Захаров Егор 64
Захарьин Григорий Антонович 241, 243, *565*
Звеерс А. 6
Зверев Дмитрий Иванович *533*
Зверевы 191
Зина 222
Зинкевич *585*
Зинченко Н.Ф. *584*
Златовратский Николай Николаевич 246, 247, 264, 395, *566*, *568*, *569*, *652*, *668*, *670*
Золя Эмиль 41, 47, 179, 458, *469, 478, 526*
Зоратустра — см. Заратуштра
Зоя 303, 307, 308, 312
Зуров Леонид Федорович 6

Ибсен Генрик *614*
Иван Васильевич 108
Иван Николаевич 220
Иван V 210
Иваненко Д.А. *525*
Иванов Вукол *470*
Иванов Дмитрий 393
Иванов Иван Вуколович 17, 19, 32, 180, *470, 476*
Иванов Иван Иванович 184, 281, 318, 319, *509*, *529*, *597*, *617*
Иванов-Козельский Митрофан Трофимович 62, *486*
Иванова Авдотья Вуколовна 17, *470*
Иванчин-Писарев Александр Иванович 183, 196, *528*, *537*
Игнатов Николай Иванович 439, *699*
Изгоев Александр Соломонович 275, *591*
Иловайский Дмитрий Иванович 18, *470*

Ильинская 45
Илья Сергеевич 69, 71–73, *487*
Иогансон Ф.А. *529*
Иозефович А.А. *513*
Иоффе Ф.М. *461*
Ираклиди Александр Павлович 258, 265, 271, 288, 308, 311, 312, 319, *577*, *602*, *606*, *612*, *613*
Ираклиди Елена Владимировна 294, 308, 311, 330, 363, *606*, *612*, *613*

К.А. 71
Кавелин Константин Дмитриевич 122, 134, *503*
Калугин 179
Каменский Сергей Михайлович *477*
Карамзин Николай Михайлович 45, 166
Карзинкин Александр Андреевич 359, 393, 398–400, 402–406, 422, 456, *666*, *667*, *670*, *672*, *674*, *677*
Карзинкина Софья Андреевна 313, 344, 351, 359, 393, 405, *613*
Карзинкины 357, 428
Карич — см. Яковлева Е.Ф.
Карлейль Томас 54, *481*
Карпенко-Карый Иван Карпович *491*
Карпов 152
Карышев Николай Александрович 235, *560*
Карышевы *576*
Касабутский 182
Касторский С.М. 5, *461*
Катерина Александровна 70, 80, 81, *487*
Катя 121
Каустов 78
Каченовская 302, 308
Кашкин Владимир Дмитриевич 55, *482*
Кашкин Николай Дмитриевич *546*, *548*
Кашкина Елизавета Константиновна 228, *546*
Кашкина Надежда Николаевна 228, *546*
Кашкина Софья Николаевна 212–215, 227, 228, *546*, *548*, *555*
Квитка Дмитрий Константинович 97, *497*
Киплинг Джозеф Редьярд *641*
Клименко 107, *499*
Климент Исаевич 14, 18, 32
Климович Вера Петровна 385, *660*, *662*
Климович Петр Титович 408, 410–412, *660*
Клиншеев 18
Клюкин 232
Ключарова *585*
Ключевский Василий Осипович 455, *710*
Книппер Анна Ивановна 379, *656*
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна 314, 358, 365, 369, 372, 376, 377, 380, 381, 386, 392, 404, 406, 407, 444, 448, *465*, *614*, *632*, *642*, *646*, *650*, *654*, *656*, *661*, *676*, *679*, *692*, *703*, *705*
Книпперы 351
Коган Петр Семенович *601*
Кожевников Валентин Алексеевич 434, 443, *696*
Кожевников Петр Федорович 456, 458, *652*
Кожевникова Г. 456
Колпинский А.Е. 381, *657*
Комиссаржевская Вера Федоровна *503*
Коневской Иван (Иван Иванович Ореус) *651*
Кони Анатолий Федорович *651*
Конопницкая Мария *472*
Константин Петрович — см. Пятницкий К.П.
Кораблев Василий Николаевич *680*, *681*
Коринфский Аполлон Аполлонович 166, 207, 210, 211, 245, 263, *519*, *520*, *542*, *544*, *545*, *559*, *563*, *580*, *581*
Коровин Константин Алексеевич 455, *709*

Королев Н.Ф. *483*
Короленко Владимир Галактионович 16, 20, 228–230, 244, 456, *470*, *556*, *557*, *598*, *603*, *669*, *710*
Короленко Наталья Владимировна 244, *567*
Коротнев Андрей 106, *499*
Коротнев Николай Семенович *499*
Корш Федор Адамович *490*
Кошеверова Мария Гавриловна 121, 130, 135, *503*, *506*
Крандиевский Василий Афанасьевич 308, 319, 320, 455, *612*
Кривенко Н.Н. 234, 244, 245, *559*
Кривенко Сергей Николаевич 183, 205, 209, 210, 213, 219, 220, 224, 229, 232–234, 238, 239, 244, 245, 252, 253, 257, 259, 261, 263, 267, 273, 315, 316, *525*, *528*, *542*, *544*, *550*, *551*, *559*, *563*, *566*, *567*, *574*, *576*, *578*, *580*, *583*, *590*, *593*, *615*, *667*
Кривенко Софья Ермолаевна 220, 224, 229, 233, 244, 253, 257, 263, 267, 273, 314, *551*
Криницкий Марк *651*
Кричевские *470*
Кропивницкий Марк Лукич *483*
Крылов Виктор Александрович *483*, *484*
Крылов С. *496*
Крюков А. *473*
Кузнецова Галина Николаевна *461*, *480*, *547*, *573*
Култышка — см. Иванов И.В.
Кулябко-Корецкий Николай Григорьевич 96, 177, 183, 191, 193, *496*, *508*, *525*
Кундасова Ольга Петровна 455, *709*
Купала Янка *472*
Куприн Александр Иванович 256, 367, 368, 377, 392, 406, 407, 440, *556*, *576*, *614*, *638*, *652*, *655*, *674*, *678*, *680*, *681*, *700*, *707*
Куприна-Иорданская Мария Карловна 230, 281, 283, 407, *556*, *597*, *674*
Курнин Сергей Васильевич 373, 384, 387, 389, 400, 403, *621*, *652*, *660*, *661*, *663*, *671*
Курносов *615*
Куровская 333, 386, *660*
Куровские 385
Куровский Владимир Павлович 309, 312, 314, 322, 328, 330, 331, 333, 338, 339, 356, 368, 369, 385, 387, 422, 424, 450, 451, *464*, *588*, *624–626*, *660*, *661*
Курсинский Александр Антонович *651*

Лавров Вукол Михайлович 223, 323, 391, 412, *553*, *620*, *664*, *682*
Лаврова Софья Федоровна 412, *682*
Ладыженский Владимир Николаевич 245, *568*
Лазаревы *545*
Лазарис А.В. 363, 369, 387, 388, *577*, *644*, *662*
Лангаммер *486*
Ландо *585*
Ланин Александр Иванович 314, 380, 390, *614*, *657*
Ланин Николай Александрович *614*
Ласкаржевская Мария Алексеевна 10, 12, 16, 17, 24, 56, 87, 120, 122, 130, 172, 176, 181–183, 187–190, 200, 201, 216, 218, 219, 222, 223, 235, 241, 243, 256, 264, 267, 270, 277, 279, 288, 296–298, 300, 301, 304, 306, 315, 316, 319, 320, 350, 371, 376, 387, 446, *467*, *474*, *482*, *502*, *506*, *523–525*, *527*, *532*, *540*, *549*, *553*, *564*, *566*, *575*, *576*, *581*, *585*, *596*, *602*, *606*, *609–611*, *614*, *615*, *624*, *650*, *688*
Ласкаржевский Евгений Иосифович 304, 315, 371, 376, *606*, *610*, *611*, *650*
Ласкаржевский Иосиф Адамович 52, 179, 180, 264, 270, 315, 317, 324, 422, *481*, *527*, *575*, *576*, *585*, *621*, *688*
Лебедев Владимир Петрович 139, 145, 146, 166, 213, *509*, *512*, *520*

Лев 11, 15
Лев Исаевич 18
Лев Львович 302
Левин Б. 23
Левитан Исаак Ильич *621*, *636*, *700*
Левитус Моисей Давидович 155, *515*
Лекок Шарль 86, *491*
Леконт де Лиль Шарль 216, *549*
Лемперт Борис Осипович 279, 280, 295–297, 301, 374, *606*, *653*
Лена 12
Лентовский Михаил Валентинович *485, 490, 499*
Леон Федор Карлович 155, *515*
Леонов Максим Леонович 184, *529*
Леонтьев Борис Николаевич 177, 185, *526*, *530*
Лепко О.А. *473*
Лермонтов Михаил Юрьевич 35, 51, 77, 250, 277, 347, 378, *477, 481, 489, 572*, *594*, *635*, *655*
Лесевич Владимир Викторович 272, *588*
Лессинг Готхольд Эфраим *496*
Лидин Владимир Германович *549*
Лидина Елена Владимировна *549*
Лидия Александровна (Лидка) — см. Женжурист Л.А.
Лиза — см.Елизавета Евграфовна
Лимяху 302
Липперт Юлиус 201, *540*
Лисенко *584*
Лисенко Н.В. — см. Лысенко Н.В.
Лисовская Констанция Константиновна *525*
Лисовский Алексей Николаевич 175, 195, 200, 260, 261, 275, 279, 280, 282, 295, 297, 371, 374, *524*, *525*, *539*, *584*, *585*, *591*
Логинова-Муравьева Татьяна Дмитриевна 5
Ложкин 182
Лонгфелло Генри Уодсуорт 198–200, 202, 203, 212, 221, 224, 226–228, 231, 235, 242–245, 264, 267, 270–280, 282, 361, 362, 373, 388, 391, 394, 396, 399, 401–403, 405, 407, 409, 411, 412, 415–420, 428, 430, 436, 438, 452, *463, 464, 538–540*, *546*, *551*, *554*, *565–568*, *576*, *581*, *586*, *588*, *590–593*, *595*, *596*, *604*, *632*, *644*, *651*, *662*, *665*, *667–670*, *672*, *673*, *676*, *682*, *685–689*, *694*, *697*, *698*
Лондон Джек *641*
Лопатин Лев Михайлович *573*
Лопатина Екатерина Михайловна 250–256, 314, *573–575*
Лохвицкая Мирра Александровна *651*
Луговой Алексей Алексеевич 215, *548*
Лука — см. Ставровский Л.Я.
Лукин Григорий Андреевич 11, 14, 16–19, 30, 36, 38, 130, 187, *467, 468, 470, 471*
Лукина Евдокия 16, *470*
Лысенко Николай Витальевич 140, *509*
Лысенко С.И. 404
Львов 35
Людвигов Людвиг Казимирович 83, *490*
Лютов С. *473*
Лялин В.С. *471*
Лялина Мария Андреевна *471*
Ляпидевский Н. *481*

Майков Аполлон Николаевич 90, *495*
Макаров 78
Макклиланд 419
Маклаков Василий Алексеевич *614*
Маклакова Мария Алексеевна 314, *614*
Маков Владимир Александрович 157, 158, *516*
Макова Надежда Ивановна 157, *516*
Макринов Никифор 19
Малейжиков 119
Малинин Александр Федорович 18, *470*
Малытинский *584*
Мальская И.И. *704*

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 228, 232, 233, 260, 314, 377, *548*, *556*, *578*, *614*, *652*
Мамонтов Анатолий Иванович 279, 342–344, *632*
Мансфельд Дмитрий Августович 230, *490, 556*
Мария Алекс. 48, 49
Мария Васильевна 213, *547*
Мария Гавриловна — см. Кошеверова М.Г.
Мария Егоровна 281
Мария Константиновна — см. Нефедова М.К.
Мария Павловна — см. Чехова М.П.
Маркс Адольф Федорович 397, 457, *642*, *669*, *710*, *711*
Мартынова Глафира Ивановна 83, *490*
Марфесси — см. Морфесси Ю.С.
Марфутка 16
Масперо Гастон Камиль Шарль 203, *541*
Махалов Сергей Дмитриевич 248–250, 272, 412, *571*, *581*, *589*, *652*
Маша (Муся) — см. Ласкаржевская М.А.
Маша Р. 15
Мебиус Юлий Христиан 308, *612*
Медведев Лев Михайлович 223, 263, 322, *529*, *553*, *581*, *619*
Медяник 226, *584*
Мей Лев Александрович *473*
Мельников 158, 174
Мендиороз 309
Менцель Вольфганг 142, *510*
Меньшиков Михаил Осипович 276, 277, 382, *593*
Мережковский Дмитрий Сергеевич 230, 430, *548*, *556*, *693*, *699*, *700*
Мещеринов Николай Николаевич 59, 77, 79, *485*
Мещеринова 13, 16, 18, 19
Милль Джон Стюарт 18, *471*
Милюков Павел Николаевич 238, *559*, *563*
Милютин *472*
Миляшкин 47
Минский Николай Максимович 20, *471, 548*, *708*
Мирович А. *651*
Миронов И.И. 50, *480*
Миролюбов Виктор Сергеевич 244, 280, 281, 283, 284, 300, 317, 318, 322, 327, 377–383, 395, 437, *461, 464, 465, 566*, *599*, *609*, *616*, *617*, *619*, *623*, *655–659*, *668*, *697*
Миропольский А.Л. (Александр Александрович Ланг) *651*
Михаил Яковлевич 47
Михайлов Антон Р. *538*
Михайлов Михаил Иванович 146, *513*
Михайлов Николай Федорович 242, 247–249, 258, 264, 272, 275, 279–281, 339, 374, 382, 383, 389, 390, 395, 402, 407, 415, 428, 430, 442, 443, 446, 451, *565*, *569–571*, *577*, *629*, *631*, *653*
Михайлов Олег Николаевич *462*
Михайлова Ольга Антоновна 198–202, *538–540*
Михайлова Юлия Ивановна *570*
Михайловский Николай Константинович 15, 223, 399, *469, 471, 525*, *528*, *548*, *553*, *556*, *557*, *671*
Михаловский Дмитрий Лаврентьевич 200, 202, 212, 229, *538*, *539*, *676*
Михеев Василий Михайлович 213, 229, 244, 249, 260, 265, 389, *547*, *578*, *582*, *601*, *604*, *652*
Михеев Иннокентий Михайлович 253, 255
Мицкевич Адам 400, *672*
Миша 17
Монтвид 257, 272, 275
Мореас Жан *598*
Морфесси Юрий Спиридонович 302, 313, *610*
Морфиль Вильям Ричард 274, 276, 282, *591*
Москвин Иван Михайлович 314, *614*
Мотька 14, *469*
Мур Томас *515*

Муринова Алевтина Михайловна 245, *568*
Муромцева-Бунина Вера Николаевна *461, 463, 466, 474, 478, 479, 482, 484, 515*, *518*, *521*, *526*, *533*, *535*, *536*, *546*, *573*, *588*, *604*, *608*, *626*, *689*, *690*, *702*
Мюссе Альфред де 30, 134, *475, 507*, *515*
Мясоедов Григорий Григорьевич 191, *533*
Мясоедова *557*

Надежда Алексеевна — см. Семенова Н.А.
Надсон Семен Яковлевич *471*
Назаров Андрей 281, 353, 354, *597*
Назаров Егор Иванович 21, 22, 24, *470, 472, 473*
Назарьева Капитолина Валериановна 160, *517*
Найденов Сергей Александрович 405, 406, 408, 415, 418, 422, 423, 426–428, 434, 436, 440, 443, 447, 448, 450, 452, 458, *464, 676*, *677*, *679*, *684*, *686*, *689–691*, *695*, *696*, *700*, *702*, *704*, *705*, *708*
Налимов 267, *584*
Направник Эдуард Францевич 277, *477, 593*
Настасья Карловна (Настя) — см. Бунина Н.К.
Настя 34, 42, 43
Наталья Семеновна 12
Негри Ада 227, *472, 555*
Недолин Ал. (Алексей Осипович Благоразумов) 299, 304, *585*, *608*
Некрасов Николай Алексеевич 91, 92, *495, 504*
Немирович-Данченко Василий Иванович 232, 260, 350, *559*, *578*
Немирович-Данченко Владимир Иванович 314, *614*, *704*, *705*
Немирович-Данченко Екатерина Николаевна 314, *614*
Неручев Анатолий Васильевич 84, *491*
Несмелов 299
Нефедов Глеб *546*
Нефедов Филипп Диомидович *468, 546*
Нефедова Мария Константиновна 12, 17, 20, 57, *468, 546*
Нечволодов В.П. 95–97, 139, *496, 508*
Никита 135
Никитенко 156
Никитин Иван Саввич 317, 319, *607*
Никифорова Т.Г. *462*
Николаев 202
Николаев 234, 235, *584*
Николаевы 32, 33, 36
Николай II *530*, *535*, *567*
Николай Петрович — см. Цакни Н.П.
Николай Федорович — см. Цвиленев Н.Ф.
Никольский Виктор Александрович 437, 438, *697*, *698*
Нилус Петр Александрович 363, 386, 387, 404, 406, *588*, *661*, *676*
Нипов Александр Алексеевич 6, *462*
Новицкий 174
Новицкий К. 170
Новосельский К.Н. 257, *577*
Новосельский Семен 30
Няньчук Семен Никитич 182, *528*

О.О. *582*, *646*
Оболенский Леонид Егорович 232, 237, *558*, *559*
Оболенский Николай *472*
Обольянинов Л.А. *517*
Ожешко Элиза *620*
Озерова А.С. *484*
Олеховский *584*
Ольга 12
Ольга Ивановна 17
Ольга Леонардовна — см. Книппер-Чехова О.Л.
Ольгина Анна Ивановна 104, *498*
Ольгины 115
Ольхин Александр Александрович 213, *547*
Ольховский Михаил Александрович 133
Оранский — см. Златовратский Н.Н.

Орбинский 305
Орлов 94, 95, 97, 148
Орлов В.И. 135, *507*
Орлов Иван Васильевич 57, *483*
Орлов Ф.М. *483*
Орлова Вера Аркадьевна 10, 14, 27, 43, 200, 201, *466, 469, 474, 479, 540*
Осипов Н. 30
Осмоловский 52
Островский Александр Николаевич 17, 35, *470, 708*
Острогорский Виктор Петрович 245, *568*
Ося — см. Ласкаржевский И.А.
Отто Карлович — см. Туббе О.К.

Павел Гаврилович 17, 19
Павлов П.Е. *708*
Павлова Каролина Карловна *651*
Падалка Лев Васильевич 260, *525*, *584*
Палкин К.П. 229, *556*
Пантелеев Лонгин Федорович 283, *598*
Пашков 422, *688*
Пащенко Варвара Владимировна 34, 38–55, 57, 59–86, 88–166, 168–185, 187, 189–198, 200–206, 217, 290, *462–464, 476–501*, *503–519*, *521–524*, *526*, *527*, *529–542*, *550*, *604*
Пащенко Варвара Петровна 34, 44, 59, 64, 65, 68, 76, 81, 91, 104, 115, 121, 135, 160, 190–192, 197, 203, *476, 478, 479, 485–487, 491, 495, 498*
Пащенко Вера Владимировна 191, *533*,
Пащенко Владимир Владимирович 45, 46, 55, 59, 74, 86, 89, 203, *479, 482, 488, 494, 536*, *541*
Пащенко Владимир Егорович 34, 44, 59, 68, 76, 91, 121, 131, 160–162, 164, 165, 172, 190–192, 195–197, *476, 478, 484, 487, 495, 498, 503*, *506*, *517*, *536*, *537*
Пейрош Б.Б. 2, *482*
Перцов Петр Петрович *651*
Петипа Мариус Иванович 202, *540*
Петр I 210
Петр Иванович 40
Петровский 314
Пешехонов Алексей Васильевич 426, *584*, *691*
Пешков Максим Алексеевич 314, *614*
Пешкова Екатерина Алексеевна 380, *657*
Пешкова Екатерина Павловна 314, 316, 321, 333, 373, 380, 409, 455, *614*, *619*, *627, 651*
Пильский Петр Моисеевич *645*
Пименов 243, 244
Пирогов Николай Иванович 245, *566*, *568*
Писарев Дмитрий Иванович 77
Пищемура *584*
Плещеев Алексей Николаевич 23, *473*
Позняков Николай Иванович 247, *569*
Поливанова Екатерина Павловна 152–154, *514*
Полонский Яков Петрович 34, 35, *470, 476*
Поляков Сергей Александрович 325, 329, 333, 342, 343, 348, 355, 362, 373, 379, 388, 409, 410, *622*, *628*, *632*, *640*, *649*, *651*, *662*
Померанц 143, 165
Померанц Софья Владимировна 143, *510*
Померанцев 316
Померанцев Дмитрий Владимирович 48, 61, 62, 81, 92, 93, *480, 485, 488, 490*
Померанцева Александра Владимировна 48, 85, 92, 108, 113, 117, 145, 168, *480, 491, 497, 507*, *513*
Померанцева Евгения Витальевна 61, 62, 70, 72, 81, 84, 92, 136, 148, 155, *485, 488, 508*, *513*, *515*
Померанцы 182
Пономарев 134, 136
Попов А.Н. 229, *556*

Попова Ольга Николаевна 214, 224–226, 228, 229, 231, 233, 235, 236, 242, 244, 390–392, *547*, *553*, *554*, *559*, *560*, *565*, *632*, *665*
Поссе Владимир Александрович 229, 233, 234, 321, 322, 324–327, 359, 360, 371, 454, *556*, *559*, *563*, *608*, *619*, *642*, *643*, *649*, *665*, *708*
Потапенко Игнатий Николаевич 350, *548*
Потемкин П.Д. 63, *484, 486*
Потехин Алексей Антипович 393, *667*
Потоцкая *588*
Похвиснев Аркадий Николаевич *491*
Присецкий И.Н. *508*
Приска де Ландель (Луиза Бургуан) *598*
Прокудина Вера Афанасьевна *636*
Протопопов М.А. 12, *468, 671*
Прус Болеслав *620*
Пугачев Емельян Иванович *551*
Пулавский 128, *505*
Пушешников Алексей Иванович *467*, *521*, *615*
Пушешников Дмитрий Алексеевич 340, 353, 354, 357, 375, 376, 439, *630*, *639*, *641*, *653*
Пушешников Иван Васильевич 170, *470, 521*
Пушешников Николай Алексеевич 315, 357, 362, 371, 374, 375, 412, 423, 433, 439, 446, *461, 615*, *641*, *644*, *653*, *682*, *689*, *695*, *699*, *703*
Пушешников Петр Алексеевич *653*
Пушешникова Софья Николаевна 11, 14, 16–19, 32, 36, 87, 122, 130, 176, 187, 241, 243, 362, 446, *467, 470, 476, 477, 521*, *524*, *525*, *527*, *550*, *566*, *615*, *630*, *644*
Пушкин Александр Сергеевич 191, 284–286, *533*, *588*, *599*, *600*, *651*, *694*
Пятин Алексей Васильевич 120, 121, *503*
Пятницкий Константин Петрович 390–398, 401, 402, 405, 407–411, 413, 415–422, 427–438, 440–443, 445–449, 451, 452, 454, 455, *461*, *663–670*, *672*, *673*, *676*, *677*, *679*, *680*, *684–688*, *691–696*, *698*, *700*, *701*, *703–708*

Рассадин И.П. *496*
Ратмирова Е.П. 93, *495*
Рауль 81
Рафаэль Санти *701*
Ребинин Федор Алексеевич 28, 29
Резвая 21
Резвая Александра Владимировна 30, *475*
Рейдер Михаил Александрович 140, *509*, *584*
Ренар Отто 308, 312, *612*
Роденбах Жорж *598*
Розалтон-Сошальская *584*
Розанов Василий Васильевич *651*
Розанов Павел Григорьевич 351, *637*
Розенберг Владимир Александрович 455, *710*
Рокотов 70, 92
Роллан Ромен *471*
Ромашков Илья 21
Ромашков Николай Осипович (Иосифович) 36, 210, 211, 360, *467, 477*
Росси Эрнесто 43, *479*
Ротмистров *584*
Рощин-Инсаров Николай Петрович 62, *485*
Рубакин Николай Александрович 232, *547*
Рубакины 214
Рубинштейн Антон Григорьевич 106, 146, *499, 513*
Рудин 143, *510*
Руднев Всеволод Квинтилианович *483, 543*
Руслов И.А. 188, *532*
Рылеев Кондратий Федорович 170, *521*
Рышков Валентин Николаевич 30, 53, *468*

Рышкова Любовь Александровна *468, 475*
Рышковы 12

С.А. 117, 119
С.К. — см. Кривенко С.Н.
Савина Мария Гавриловна 327, *548, 623*
Садовский Николай Карпович 84, *483, 491*
Саксаганский А.К. *491*
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 15, 18, 134, 229, *469, 470, 489, 507*
Сальников Александр Николаевич 355, 356, 360, 361, 364, *462, 639*, *643*, *645*, *646*
Самойлов-Хотев Дмитрий Аркадьевич *484*
Сарди В. *490*
Сахаров Иван Николаевич 314, *614*
Святловский Евгений Владимирович *525*, *584*
Седов Л. *588*, *667*
Селиванов 14
Селитренников Михаил Иванович 191, 245, 261, 297, 374, *533*, *579*, *584*, *653*
Семен Азарьевич 108, 116, 136, 167, *502*
Семенов Михаил Николаевич 233, 234, *559*
Семенов Сергей Терентьевич 236, 259, 260, 274, 280, *462, 464, 561*, *578*, *581*, *591*
Семенова Надежда Алексеевна 15, 18, 22, 47–49, 51, 57, 63, 72, 80, 81, 83, 85, 86, 92, 93, 96, 98, 103–109, 111, 113–115, 117, 125, 134, 136, 139, 150, 152, 153, 154, 157–159, 162, 167, 168, 171, 173, *469, 472, 473, 477, 479, 481, 484, 488, 491, 494, 496–501*, *504*, *505*, *516*, *517*
Сенкевич Генрик 215, 457, *548*, *620*
Сентянин Василий Евграфович 159, 171, *517*
Сентянин Е.Ю. *472*
Серафимович Александр Серафимович 455, 456, 458, *671*, *687*, *709*
Сергей Александрович — см. Поляков С.А.
Сергей Андреевич 359
Серебряков Константин Терентьевич 146, 180, *513*
Середин — см. Средин Л.В.
Серко (Сирко) И.Д. 220, *551*
Серов Валентин Александрович 455, *709*
Серошевский Вацлав *563*
Серпинский Владимир Самойлович 140, 141, *509*
Сечепов Иван Михайлович 235, *560*
Симбирцев 191
Симов Виктор Андреевич 455, *709*
Симоненко *584*
Синани Исаак Абрамович 351, *637*
Синицкий Евгений Дмитриевич 369, 419, *649*, *687*
Скабичевский Александр Михайлович 122, 128, 134, 213, 220, 221, 224, 229, 232, 239, 265, 286, *503*, *504*, *551*, *552*, *557*, *559*, *582*, *598*, *600*, *601*, *645*, *646*
Скирмунт Сергей Аполлонович 455, *709*
Скиталец Степан Гаврилович 455, *681*, *709*
Скляревич *584*
Скороходов И.Н. 229, *556*
Случевский Константин Константинович *651*
Слюзов А. *473*
Смирнов *559*
Снегирев Леонтий Федорович *543*
Собинов Леонид Витальевич *709*
Собко Николай Петрович 416, 417, *686*
Сократ *552*
Соловьев Владимир Сергеевич 119, *503*, *621*, *651*
Соловьев Всеволод Сергеевич 69, *487*
Соловьев Сергей Михайлович 69, *487*

Соловьев-Несмелов Николай Александрович 274, 310, *591*, *607*, *653*
Соловьева Ольга Михайловна 351, *637*
Сологуб Федор Кузьмич *651*, *700*
Соломон 155, *515*, *603*
Софийский Н. 24, *473*
Софокл *693*
Софья Ермолаевна — см. Кривенко С.Е.
Софья Николаевна (Софья) — см. Пушешникова С.Н.
Софья Федоровна 11, 12
Спицын Федор Филиппович 387, 388
Средин Леонид Валентинович 281, 314, 454, *597*, *708*
Средины 351
Ставровский Лука Яковлевич 166, 170, 171, 175, 176, 180, 182, 183, *519*, *521*, *524*, *525*
Станиславский Константин Сергеевич 314, *614*, *704*
Станюкович Константин Михайлович 230, 232, *557*, *614*
Старицкий А.П. 182, 193, *528*
Старицкий Михаил Петрович *483*
Стасюлевич Михаил Матвеевич 214, 379, *547*, *656*
Стефанович *584*
Столыпин Дмитрий Аркадьевич *477*
Струве Глеб Петрович 6
Струве Петр Бернгардович *563*, *595*
Стюарт (Стуарт) Василий Дмитриевич 455, *709*
Суворин Алексей Сергеевич 212, 261, *545*, *579*
Сулержицкий Леопольд Антонович 454, *708*
Сумбатов-Южин Александр Иванович *485*
Суриков Иван Захарович *478*
Сытин Иван Дмитриевич 242, 299, 394, 403, 410, *565*, *608*, *671*, *680*, *690*, *707*

Тагор Рабиндранат *641*
Тартаков Иоаким Викторович 105, 106, *499*
Телешов Андрей Николаевич 300, 326, 373, 381, 399, *608*, *652*, *671*
Телешов Николай Дмитриевич 244, 247–250, 260–262, 264, 269–272, 276–278, 283, 285–287, 289, 290, 293, 297–300, 304, 305, 307, 313, 316–318, 320–326, 328, 329, 331, 334, 340, 341, 344, 345, 351, 357, 359, 363, 364, 367, 372, 373, 375–381, 384, 385, 387, 389, 392, 393, 398–406, 408–410, 412, 413, 418, 421–423, 426–431, 437, 439, 444, 454–456, 458, *464*, *567*, *569–572*, *574*, *578–581*, *586*, *587*, *589*, *592*, *594*, *595*, *598–601*, *603–605*, *607*, *608*, *610*, *611*, *613–616*, *618*, *619*, *621–623*, *625*, *626*, *628*, *630*, *631*, *633*, *634*, *637*, *641*, *642*, *644*, *648*, *650–654*, *656–661*, *663*, *665–667*, *670–677*, *679–682*, *686*, *688–693*, *697*, *699*, *702*, *709–711*
Телешова Елена Андреевна 269, 271, 272, 276, 283, 287, 290, 298, 300, 305, 307, 313, 317, 318, 326, 331, 334, 340, 344, 351, 357, 359, 364, 372, 373, 375, 381, 384, 385, 387, 389, 393, 399, 400, 403–406, 413, 418, 422, 428–430, 439, 456, *579*, *613*, *626*, *659*, *666*, *693*
Телешовы 371, 376
Терехов 322, 377–379, 392, 408–410
Терешкевич Вера Васильевна 110, 118, *500*, *502*, *584*
Тернат 15
Тестов И.Я. 325, 455, *622*, *709*
Тешкова 17
Тимирязев Дмитрий Аркадьевич 214, 229, 232, *547*
Тимирязев Климент Аркадьевич 214, 232, *547*
Тимковский Николай Иванович 318, 389, 399, *617*, *652*, *671*
Тинский Я.С. 35, *477*
Титова В.Г. *462*

Тихомиров *584*
Тихомиров Дмитрий Иванович 242, 254, 256, 310, 314, 345, 346, 381, *565*, *574*, *576*, *612*, *633*, *658*
Тихомиров Иосафат Александрович 314, 455, *614*
Тихомирова Елена Николаевна 381, *565*
Тихомировы 318, *607*
Тихон Иванович 14, 17
Тихонов В.А. *512*
Тихонов Иван 78
Тодоров И. 24, *473*
Токарева Елена Николаевна 34, 76, 77, 86, 89, 90, 96, 97, 101, *476, 489, 494, 497*
Толстая Мария Львовна *550*
Толстая Софья Андреевна *530*
Толстой Алексей Константинович 382, *478, 658*
Толстой Лев Николаевич 15, 19, 31, 32, 35, 37, 47, 114, 122, 177, 182, 183, 185, 216–218, 236, 365, *462, 467, 471, 475, 479, 501*, *504*, *517*, *525*, *526*, *528–530*, *549*, *550*, *573*, *646*
Толстяков Артур Павлович *588*
Травина Е.В. — см. Померанцева Е.В.
Траилин С.А. *477*
Трофимов *584*
Туббе Александра Гавриловна 33, 130, *476, 506*
Туббе Отто Карлович 20, 27, 31, 130, 171, *467, 472, 474, 476, 506*
Туган-Барановский Михаил Иванович *595*
Турбин Иван Сергеевич *485*
Турбины 60, 94
Тургенев Иван Сергеевич 18, 49, *471, 601*
Турчанинов Владимир Михайлович 70, 71, 72, 135, *488*
Тютчев Федор Иванович *651*

Урусов А.И. *651*
Усов И. *473*
Успенская Елизавета Васильевна *543*
Успенский Александр Иванович 209, *543*, *544*
Успенский Глеб Иванович 20, 299, *471*
Успенский Михаил Васильевич *543*
Успенский Николай Васильевич 33, 34, 207–209, *476, 543*, *544*

Файнерман Исаак Борисович 182, 185, *528*, *530*
Фальц-Фейн 222, 223, *553*
Фанни 57
Фаскель 458
Фаусек А. 242
Федор 11
Федор Алексеевич 33
Федор Мих. 12
Федоров Александр Митрофанович 213, 220–222, 226–229, 235, 237, 238, 240, 254–257, 263, 264, 275, 279, 280, 282, 299, 312, 322, 326–328, 347, 352, 353, 367, 385, 386, 400, 403, 404, 407, 422, 423, 434, 439, 440, 443, 445, 446, *547*, *551*, *552*, *555*, *559*, *562*, *564*, *575–578*, *581*, *585*, *596*, *607*, *608*, *619*, *620*, *623*, *634*, *635*, *638*, *651*, *652*, *661*, *667*, *671*, *675*, *678*, *689*, *696*, *699–703*
Федоров Виктор Александрович 353, *638*
Федоров Федор Митрофанович 257, *577*
Федорова Лидия Карловна 238, 255, 292, 322, 327, 347, 353, 363, 422, 434, 440, 443, 446, *563*, *604*, *619*, *696*, *699*, *702*
Федоровский *511*
Федоровы 292
Федорченко Леонид Семенович 388, *662*
Фейгин Яков Александрович 347, 375, 378, 400, *634*, *653*, *655*
Фейнерман — см. Файнерман И.Б.
Феррейн К.И. 342, *632*
Фесенко С.А. 51, *480*

Фет Афанасий Афанасьевич 39, 62, 96, 141, 142, 384, *478, 486, 496, 509*, *510*, *512*, *651*, *660*
Фигнер Медея Ивановна 277, *593*
Фигнер Николай Николаевич 277, *593*
Фидлер Федор Федорович 451, 452, *707*
Фил. Мих. 140
Филиппов Алексей Фролович 324, *621*
Филитис Елизавета Ивановна 455, *710*
Филитис Николай Степанович 455, *710*
Фисун Ефим Евгеньевич *584*
Фишер Карл (Август) Андреевич *686*
Фишер Куно 9, *496*
Фокин 320
Фосс Николай Христианович *675*
Фофанов Константин Михайлович 12, 34, 68, 84, 181, *468, 471, 476, 487, 491, 527*, *651*
Франковский 188, *532*
Фридберг Д. *651*
Фруг С.Г. *471*

Харкеевич Варвара Константиновна 351, 358, *636*, *642*
Харькова 15
Хеббель Кристиан Фридрих 246, *569*
Хилков *530*
Хитрово Лев Аркадьевич (Андрей Мирославич) 454, *652*, *709*
Хлебникова Е.А. 68, 71, 73, *483, 487*
Ховайло Иван Иванович 73, *488*
Хотев — см. Самойлов-Хотев Д.А.
Храбровицкий А. *460*
Христина — см. Бунина Х.А.

Цадиков 63
Цакни Анна Николаевна 257, 258, 260, 262, 264, 265, 267–269, 277, 282, 286, 288–313, 318, 319, 330, 331, 347, 363, 365, 368–371, 378, 440, *464, 577*, *579*, *580*, *585*, *586*, *596*, *599*, *602*, *604*, *612*, *613*, *615*, *626*, *627*, *634*, *635*, *644*, *649*, *662*
Цакни Николай Петрович 257, 258, 260, 262, 264–269, 271, 272, 279, 280, 286, 287, 289–292, 294, 297, 298, 300, 302, 303, 305–313, 322, 327, 330, 331, 347, 363, 368, 369, 387, *577*, *578*, *586*, *587*, *599*, *602*, *613*, *635*
Цакни Павел Николаевич 258, 264, 269, 286, 302, 303, 313, *577*, *581*, *586*, *600*, *610*
Цакни Элеонора Павловна 257, 258, 265, 269, 271, 290–292, 294, 296, 297, 302, 303, 306–310, 312, 313, 330, 347, 363, 369, *577*, *586*, *604*, *606*, *608*, *635*
Царенко 302
Цвиленев Николай Федорович 14, 15, 30, 34, 53, *469, 475, 476, 481*
Цвиленев Федор Михайлович 77, 78, *469, 489*
Цвиленевы *502*
Цебрикова Мария Константиновна 122, 127–129, 134, *504*, *505*
Целлер Карл 105, 106, *499*

Чайковский Петр Ильич 35, 40, 43, 69, 106, *477, 478, 487*
Чайченко В. — см. Гринченко Б.Д.
Чельская О.В. 93, *495*
Черепанов А.А. 48, 62, *480, 485*
Черниговец Ф.В. 230, *505*, *556*
Чернов Аркадий Яковлевич 146, *513*
Черногорский 62
Чертков Владимир Григорьевич *530*
Чехов Антон Павлович 58, 66, 92, 143, 146, 213, 261, 280–283, 314, 316, 318, 343–348, 350–354, 356–359, 361, 362, 364–368, 370, 372, 373, 376, 377, 379–382, 386–389, 392, 396, 403–407, 413, 418, 423, 432, 436, 443–445, 448–451, 454, 455, 457, 458, *461, 462, 484, 487, 490, 510*, *546*, *557*, *558*, *560*, *576*, *579*, *585*, *597*, *607*, *608*, *610*, *614*, *633*, *635–638*, *641*, *642*, *645*, *647–651*, *654*, *656–658*, *661*, *662*, *665*, *666*, *668*, *669*, *675*, *676*, *678*, *679*,

683, *687*, *690*, *692*, *694*, *696*, *697*, *703–705*, *707–711*
Чехова Евгения Яковлевна 346, 348, 350–353, 356, 358, 364, 367, 377, 379, 382, 386, 392, 396, 404, 418, 429, *635*, *636*, *638*
Чехова Мария Павловна 314, 342, 344–348, 350, 351, 353, 356, 358, 361, 365, 367–369, 371, 372, 374, 377, 379, 382, 386, 392, 407, 413, 415, 418, 429, 436, 444, 448, 455, *462, 614*, *632*, *633*, *635–637*, *639–643*, *646*, *648*, *650*, *653*, *655*, *656*, *658*, *661*, *678*, *679*, *681–684*, *686*, *687*, *692*, *697*, *702*, *703*, *705*
Чеховы 369, *635*, *637*, *648*, *650*, *684*
Чириков Евгений Николаевич 321, 322, 455, 456, 458, *619*, *671*, *693*
Чирикова В. 456
Членов Михаил Александрович 393, *666*
Чмырев Н.А. *473*
Чубарова Анна Ивановна *467*
Чудинов А.Н. *472*

Шаляпин Федор Иванович 392, 454–456, 458, *462, 665*, *666*, *670*, *709*, *710*
Шаляпина Иола Игнатьевна 455, *709*
Шанкс Э. 456
Шаров 393
Шевляник *584*
Шевченко Тарас Григорьевич 21, 23, 246, *472, 473, 531*, *532*, *591*
Шекспир Уильям 39, 89, *478, 495*
Шелгунов Николай Васильевич 122, 129, 134, *503*
Шелехов Борис Петрович 22, 28, 31, 32, 47–49, 55, 57, 59–62, 69, 71, 72, 76, 80, 81, 83–86, 92, 93, 95, 96, 98, 103, 108, 109, 111, 113–115, 117, 119, 132–134, 139, 152, 158, 165, 167, 168, 171, 173, *472, 473, 476, 479, 482, 485, 488, 494–497, 500*, *504*, *514*
Шелеховский 71
Шелихов — см. Шелехов Б.П.
Шемаев Григорий Алексеевич 55, *482*
Шеншин Владимир Александрович 79, *490*
Шестаков И.А. 37, *477*
Шиллер Иоганн Фридрих 40, 41, *478, 496, 694*
Ширмаков П.П. *461*
Шиффер 134, 136
Шишкин М.А. *477*
Шиянский 186
Шклярeвич Петр Данилович 177, 193, 267, *525*, *584*
Шкут Василий 187
Шопенгауэр Артур 128, *505*
Шпильгаген Фридрих 88, 95, *493, 496*
Штандель Евгений Александрович 48, 57, *483*
Штейман 32, 36, 38
Штраус Иоганн 68, *487*
Шульгин А.К. 343
Шулятиков Владимир Михайлович 404, *675*
Шумский 30, 52
Шуф Владимир Александрович 213, 228, 230, *547*

Щедров Николай Дмитриевич 112, *500*
Щепотьев С. 232
Щепотьева Елена Степановна 230, *556*
Щербаков Арсений Ефимович 367, *648*

Эверс Эрнест Эдуард *598*
Эдельман 23
Эдуардс (Эдвардс) Борис Васильевич 367, *648*
Элеонора Павловна — см. Цакни Э.П.
Эртаулов Г. *477*
Эртель Александр Иванович 20, 223, 366, *553*, *646*, *647*
Эсхил *693*

Юдин 52
Юйфель <?> 456
Юрасов Николай Иванович 436, *697*
Юрьев Сергей Андреевич 41, *479*

Юшкевич Семен Соломонович *693*

Яблонский Петр Осипович 278, *595*
Якбур *584*
Якимов 180
Яков 240
Яковлев 201
Яковлев Василий Яковлевич 279, *595*
Яковлев Леонид Георгиевич 277, *593*
Яковлева Елизавета Felицияновна 382, *659*
Яроцкий В. 232
Ярцев Григорий Федорович 281, 367, *597*
Ясинский Иероним Иеронимович 12, 20, *468, 471*

Il pittore *563*, *645*
S *563*
Simon E. *469*

Указатель произведений Бунина, упоминаемых в письма *

Автобиографические заметки *509*, *525*, *547*

Антоновские яблоки 319, 350, 361, 394, *617*, *636*, *643*, *664*

Астры («Все поблекло... Только астры...»). А.Асныка *567*

Байбаки 225, 226, 228, 229, 231, 361, *554*, *643*, *664*, *692*

Без роду-племени 264, 267, 287, 361, *540*, *581*, *601*, *643*, *664*

«Без слов мы навсегда простилися с тобою...». А.Асныка *533*

Белая лошадь (Белая смерть) 346, *634*

Божьи люди *474*

Бродяги («На позабытом тракте к Оренбургу...») *680*

«Бушует полая вода...» 183, *528*, *662*

«Был поздний час — и вдруг над темнотой...» *655*

В августе 374, *653*, *664*

В Альпах («На высоте, на снеговой вершине...») 391, *664*

В Гефсиманском саду («...И в этот час, гласит преданье...») *582*

В деревне 245, 361, *568*, *643*

В Евпаторийских степях («Синеет снеговой простор...») 432, 437, 438, *695*

В июле («Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...») 378, 383, *581*, *624*, *655*

В Колизее. Монолог Манфреда. Д.Байрона 379, *656*

В лесах 226, 229

В лесах над Десною («Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...») *619*

В лесу («Тропинкой темною лесною...») 374, *653*

В летний вечер *579*

В мае («Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...») 327, *623*

В море («Высоко наш флаг трепещет...») *661*

В море («Отчего ты печально, вечернее небо?..») *619*

В ноябре («Опять кругом печалью веет...») 245, *568*

В отъезжем поле («Сумрак ночи к западу уходит...») 327, *623*

«В пустынной вышине...» 345, *633*

В старом городе («С темной башни колокол уныло...») 376, *654*

«В твоих задумчивых, внимательных глазах...» *581*

В феврале («Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...») — см. без заглавия

Важная отрасль нашей промышленности 60, *485*

Велга (Чайка) 257, 263, 264, 267, 315, 361, *567*, *575*, *576*, *580*, *584*, *590*, *643*, *659*, *661*, *664*

«Весеннего ливня мы ждем...» 370, 375, 376, *649*

Весенний вечер («Затрепетали звезды в небе...») 383

Весенняя сказка («Тает снег — и солнце ярко...» *592*

«Весна и ночь, и трепет звезд...» *697*

Вести с родины (Неожиданность) 183, 196, 209, 211, 226, 229, *528*, *544*, *553*, *554*, *556*, *558*

---

* При наличии двух названий одного произведения от первоначального названия дается отсылка к более позднему названию, при котором в скобках дается также первоначальное название.

Страницы текстов писем обозначаются прямыми цифрами, страницы комментариев — курсивом.

Вечерня звезда («Звезда над темными далекими лесами...») 374, 389, *653*
Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича («Солнце уходит в далекие страны...») 215, 219, *548*, *583*
Вирь («Где ельник сумрачный стоит...») 327, *623*
«Во зеленой темной роще...». Т.Г.Шевченко 383, *624*
«Воет буря , хлещут волны...». В.Чайченко *549*
Вознесение Христово («Звон ранней утренней зарею...») 207, *543*
Волченята — см. Кукушка
Воспоминания *597*
«Вчера в степи я слышал отдаленный...» 278, *572*, *594*
«Высоко в просторе неба...» *655*
Геракл («Предание его Гераклом называет...»). А.Асныка 245, *566*, *568*
«...Голубчик! Зачем говорить?..» 77, *489*
Два странника *545*
26-е мая («Поэт нам дорог тем, что он...») 383, *599*
День за день *474*
Деревенский эскиз — см. Танька
Деревня *526*
Диза («Вечернее зимнее солнце...») 432,437, 438, *695*
«Догорел апрельский поздний вечер...» 183, *528*,
Дома («Ночь тепла, светла и золотиста...») 432, 437, 438, *695*
Дон-Жуан. Д.Байрона 434, 435, 437, 438, 440, 441, *696*, *698*
«Еще от дома на дворе...» 183, *528*
«Жаль мне юности, задумчивой и нежной!..» 383
Жизнь Арсеньева *521*
«За днями серыми и темными ночами...» 12, *468*
Забытый фонтан («Рассыпался чертог из янтаря...») (Осенние дни) *680*, *682*
Забытый человек *543*
Завещание («Как умру, похороните...»). Т.Г.Шевченко 383, *624*
Закат («Корабли в багряном зареве заката...») 327, *623*
Заметки *543*
«Звезды ночью весенней нежнее...» 383
«Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...» (Осенняя ночь) 318, 383, *617*, *624*
Зимний день в Оберланде («Лазурным пламенем сияют небеса...») *680*
Золотое дно 396, 397, 433, 437, 438, *669*, *695*, *698*, *702*
«И день настал... Но все ты молчалива...» 207, *543*
«И снилося мне, что осенней порой...» *533*
Из орловской старины. Орловский театр в 20-х годах 36, 37, *477*
Из «Песен о весне» («Зной,— но ясно лазурное небо глядится...») *567*
Из сказки («Все лес и лес. А день темнеет...») 327, 438, *623*, *698*
«Истомлена полдневным зноем...» *581*
К будущей биографии Н.В.Успенского 33, 34, *476, 543*
«К прибрежью моря грустная аллея...» 326, *622*
Каин. Д.Байрона 421, 427, 429, 430, 432, 435, 441, 442, 446–452, *688*, *691*, *694*, *698*, *700*, *704*, *705*, *707*
«Как все спокойно и как все открыто!..» *680*
«Как светла как нарядна весна!..» 318, 383, *617*, *624*
Канун Купалы («Не туман белеет в темной роще...») *697*
Кастрюк 183, 196, 209, 211, 224, 226, *528*, *540*, *544*, *553*, *554*, *664*, *668*
Кляча. С.М.Абрамовича 36, *477*
Кедр («Темный кедр растет среди долины...») 370, 375, 376, 401, *649*
«Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пена...» *680*
«Когда вечернею порою...» 12, *468*
«Когда деревья в светлый майский день...» 345, *634*

Кольцо («В белом песке золотое блеснуло кольцо...») 432, 437, 438, *695*
Кондор («Громады гор, зазубренные скалы...») *680*
Корреспонденции 134, 140, 146, 152, 167, *507*, *513*, *520*, *533*
Костер 374, *653*, *664*
«Крест в долине при дороге...» *680*
Крестьянский кредит в Мценском уезде 60, *485*
Крещенская ночь («Темный ельник снегами, как мехом...») *633*
«Крупный дождь в лесу зеленом...» *591*
Кукушка (Волченята) 264, 267, 361, *581*, *588*, *643*
Лесная дорога («В березовом лесу, где распевают птицы...») 412, *680*, *682*
Листопад («Лес, точно терем расписной...») 323, 326, *620*, *622*, *652*, *662*, *699*
«Листопад», сб. 318, 325, 326, 329, 332, 339, 342–344, 347, 348, 351, 353–357, 361, 364, 366, 388, 409–411, 452, *464*, *616*, *617*, *622*, *625*, *627*, *628*, *632*, *635*, *640*, *641*, *645*, *647*, *651*, *652*, *662*, *679–681*, *694*, *698*
«Любил я в детстве сумрак в храме...» 36, *477*
Манфред. Д.Байрона 417, 418, 421, 427, 429–432, 436, 438, 448, 449, *656*, *686–688*, *691*, *693*, *697*, *698*, *705*
Матери-страдалицы 58, *484*
Мать («И дни, и ночи до утра...») 245, *568*, *582*
Мелитон — см. Скит
Мелкопоместные 134, 137, *507*, *508*
«Мил мне жемчуг нежный,— чистый дар морей!..» 374, 376, *652*
Молодой месяц («Народился месяц молодой...») 327, *623*
«Моя печаль теперь спокойна...» *661*
Мукомольное дело в Елецком уезде 60, *485*
На горах («Пока я шел, я был так мал!..») 379, *656*
На даче (Сутки на даче) 220, 221, 223–226, *551*, *552*, *554*, *555*, *558*, *562*
На Днепре («За синим Днепром, за горами...») 327, *623*
На Донце — см. Святые Горы
На Женевском озере 376, *654*, *675*
На закате («За все Тебя, Господь, благодарю...») 376, *654*
На край света 191, 210, 211, 216, 224, 226, 246, 396, *533*, *542*, *544*, *547–549*, *554*, *557*, *558*, *560*, *562*, *582*, *645*, *664*, *668*, *692*
«“На край света” и другие рассказы», сб. 224–229, 231, 235, 246, 361, 388, 390, 391, 393, 395, *547*, *552–554*, *557*, *558*, *560–563*, *632*, *645*, *646*, *664*, *668*
«На край света. Кастрюк», сб. 224, 226–228, 235–237, *554*, *560–562*, *632*, *645*
На Левкадском утесе («Какие дни, какие муки!..») 239, *564*, *568*
«На морском берегу, на скале...» *483*
На мотив Мюссе («...Однообразные печальные сомненья...») 134, *507*
На озере («На озере, среди лесов зеленых...») 411, 412, *680*, *681*
На окраинах Сиваша («Багряная печальная луна...») *680*
На острове («Люблю я наш обрыв, где дикою грядою...») *658*
На распутье («На распутье в диком древнем поле...») 329, *624*, *670*
На родине («Под небом мертвенно-свинцовым...») — см. На севере
На севере («Под небом мертвенно свинцовым...») 245, *568*, *582*
На французской выставке 108, *499*
На хуторе (Фантазер) 183, 196, 209, 211, 226, 396, *528*, *544*, *546*, *553*, *554*, *664*, *668*
На хуторе («Свечи нагорели, долог зимний вечер...») 383
На Чайке 264, 361, *581*, *643*
На чужой стороне — см. Святая ночь
Над городом *692*

Над могилой С.Я.Надсона («Угас поэт в расцвете силы...») *545*
Над Окой («...Домой я шел по скату вдоль Оки...») 432, 433, 437, 438, *695*
Надежда 398, 403, 404, *664*, *670*, *674*, *675*
Надпись на могильной плите («Несть, Господи, грехов и злодеяний...») 378, 383, *655*
Народные чтения 60, *485*
«Не пугай меня грозою...» 20, *471, 592*
«Не слыхать еще тяжкого грома за лесом...» — см. В июле
Недостатки современной поэзии *470*
Неожиданность — см. Вести с родины
«Неуловимый свет разлился над землею...» *533*
Нефедка *545*
Новая дорога 368, 371, *643*, *664*
«Новые стихотворения», сб. 388, 391–393, 396, 398–405, 407, 409–411, *659*, *663*, *664*, *666*, *667*, *669–672*, *674*, *676*, *677*, *688*, *689*
Новые течения *489, 513*
Новый год 392, *664*, *666*
Ночная вьюга («Когда на темный город сходит...») 245, *568*
«Ночного неба свод далекий...» 374, *652*
Ночь («Высоко полный месяц стоит...») *562*
Ночь («Ищу я в этом мире сочетанья...») 391, 401, *664*
Ночь и день («Старую книгу читаю я в долгие ночи...») 438, *698*
«Ночь, метель... Холодной пылью...» *515*
«Ночь наступила, день угас...» 244, *566*
«Ночь печальна, как мечты мои...» 318, 383, *617*, *624*
Ночью («Стояли ночи северного мая...») — см. без заглавия
«Нынче ночью кто-то долго пел...» 383, *624*
«Нынче ночью поезд шумный...» 44, 50, *512*
«О, замолчи, забудь — не вспоминай о том...» *581*
<О поэзии В.Я.Брюсова> *589*
«О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...». А.Негри 227, *555*
О Чехове *484, 614*
«Облака, как призраки развалин...» 374, *652*, *655*
Освобождение Толстого *475, 529*, *573*
Осенние дни — см. Забытый фонтан
Осенние листья («Листья сухие с деревьев летят...») 16, *470*
Осенняя ночь («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи...») — см. без заглавия
Осенняя ночь («Светло, как днем, и тень за нами бродит...») *661*
Осенняя песня («Ветер осенний в лесах поднимается...») 416
Осень («Таинственно шумит лесная тишина...») *624*
Осенью 392, *664*, *666*
«Осыпаются розы в садах...» 15, *469*
Отдых («Сухо кузнечики в жнивьях трещат...») *619*
«Открыты жнивья золотые...» 383
«Отошли закаты на далекий север...» 374, *652*, *655*
Отрывок *515*
«Отчего так печальна природа?..» 47, *479*
Очень важное постановление 58, *484*
Памяти друга («Вечерних туч над морем шла гряда...») *588*
Памяти Н.И.Пирогова («Я счастлив тем,— не раз он говорил...») 244, 245
Памяти Чехова 449–451, *704*, *705*, *707*
Первая любовь («Перед закатом набежало...») *680*
Первые ручьи («В белом поле, на просторе...») 350, *636*
Перевал 397, *664*
Перед бурей («Тьма затопляет лунный блеск...») 432, 437, 438, *695*
Перед дождем («Какая теплая и темная заря...») 374, *653*

Периодические издания *470*
Песнь о Гайавате. Г.Лонгфелло 198–200, 202, 203, 212, 221, 224, 226–228, 231, 235, 242–245, 264, 267, 269–280, 282, 361, 362, 373, 388, 391, 394, 396, 399, 401–403, 405, 407, 409, 411, 412, 415–420, 428, 430, 436, 438, 452, *463, 464, 538–540*, *546*, *551*, *554*, *565–568*, *576*, *581*, *586*, *588*, *590–593*, *595*, *596*, *604*, *632*, *644*, *651*, *662*, *665*, *667–670*, *672*, *676*, *682*, *685–689*, *694*, *697*, *698*
По вечерней заре («Засинели, темнеют равнины...») *619*
«Под открытым небом», сб. 254, 256, 259, 271, 274, 275, 319, 361, *574*, *576*, *578*, *582*, *588*, *590–592*, *617*, *632*, *664*
Под тучей («Полями пахнет,— свежих трав...») — см. без заглавия
Поздней ночью 359, 362, 366, 368, 370, 373, 378, 382, *644*, *659*, *664*
«Поздняя ночь. В стороне от селения...» 207, *543*
Покров Богородицы — см. Руда
«Полевые цветы», сб. 384, 389, *659–661*, *663*
«Полями пахнет,— свежих трав...» (Под тучей) 384, 401, *659*
«Помню,— долгий, зимний вечер...» 24, *473*
После дождя («Гроза прошла над лесом стороною...») 438, *698*
После половодья («Прошли дожди, апрель теплеет...») 327, *623*
Последняя гроза («Не прохладой, не покоем...») *662*
Поэзия и отвлеченное мышление 12, *468*
Поэт-самоучка *470, 472*
Праздник 105, 134, *499, 507*
Примирение («Ночь темна и долга... Море глухо шумит...») 318, 383, *617*, *624*
«Прости мне, милый друг!.. Те скорбные мгновенья...» 12, *468*
Рассвет («Зеленый цвет морской воды...») 391, *664*
Рассвет («С высоты привет тебе, заря!..») *661*
«Рассказы», сб. (соч., т. 1) 390, 391, 393–399, 402, 405, 407–409, 411, 412, 416, 417, 420, 428, 430, 435, 436, 438, 440, 442, *662, 664, 667–670, 673, 675, 677, 678, 684, 685, 687, 693, 697, 698*
«Рассказы», сб. (соч., т. 5) 411, *681*, *685*
Родине («Они глумятся над тобою...») *581*
Руда (Покров Богородицы) 378–381, 383, 387, *655–657*, *664*
С кургана («Дымится поле, рассвет белеет...») 438, *655*, *698*
Самородки *543*
«Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...» 183, *528*, *662*
«...Светает... Над морем, под пологом туч...» *483*
Свиданье 411, 412, *681*
Святая ночь (На чужой стороне) 209, 211, 226, *540*, *541*, *554*, *558*
Святые Горы (На Донце) 220, 221, 226, 237, *551*, *552*, *554*, *558*, *563*, *664*, *668*
«Скачет пристяжная, снегом обдает...» *591*
Скит 376–378, 380, 383, *624*, *654*, *659*, *664*
«Склон гор, сады и минарет...» *697*
Слава Господу. Апокалипсис, гл. IV («И я узрел: отверста дверь на небе...») 378, 383, *655*
Смерть («Спокойно на погосте под луною...») *680*
«Снились мне цветущие долины...» 20, *471*
«Снова сон, пленительный и сладкий...» 318, 383, *581*, *617*, *624*
Сны 433, 437, 438, *695*, *698*, *702*
Солнечная кура («Вот — будто в небе посветлело...») *537*
Соловьи *515*

Сон-цветок («Это было глухое, тяжелое время...) 403, *673*
Сосны 350, 374, 396, *636*, *653*, *664*, *669*
«Спокойный взор, подобный взору лани...» 378, 383, *655*
Степная ночь («Могилы, ветряки, дороги и курганы...») 383, *620*, *624*
«Стихи и рассказы», сб. 314, 318, 361, 395, *612*, *614*, *617*, *632*, *668*
«Стихотворения 1887–1891 гг.», сб. 35, 36, 58, 87, 134, 139, 141, 155, 184, 186, 211, *463, 469, 477, 493, 509*, *510*, *512*, *515*, *516*, *519*, *520*, *529*, *531*, *545*
«Стихотворения», сб. (соч., т. 2) 391, 409, 410, 416, 417, 420, 428, 430, 436, 438, 442, *665*, *685*, *687*, *697*
«Стихотворения 1903–1906 гг.», сб. (соч., т. 3) *705*
«Стихотворения 1907 г.», сб.(соч., т. 4) *705*
«Стояли ночи северного мая...» (Элегия; Ночью) 378, 383, 401, *655*
Странное *515*
Сумерки («Как дым, седая мгла мороза...») 432, 437, 438, *695*
Сутки на даче — см. На даче
Суходол *469*
«Счастлив я, когда ты голубые...» *581*
Счастье («Весеннего ливня мы ждем...») *680*
«Так небо низко и уныло...» 326, *622*
Танька (Деревенский эскиз) 177, 182, 186, 211, 226, 231, 246, *525*, *528*, *531*, *553*, *554*
Тарантелла — см. Учитель
«Темный кедр растет среди долины...» — см. Кедр
Тишина 374, *653*, *664*
«То разрастаясь, то невнятно...» 183, *528*
Три ночи («Старый сад всю ночь шумел угрюмо...») 47, 147, *479*, *662*
Туман 350, 359, 368, 371, *643*, *664*
Урожай («Опять я дома. Кончен путь...») *619*
Усопшему поэту («Ты, чей блуждающий взор в последние мгновенья...»). Ш.Леконта де Лиля 216, *549*
Утро («Тих и чуток предрассветный час...») *619*
Учан-Су («Свежее веет воздух горный...») *619*
Учитель (Тарантелла) 191, 219, 226, *533*, *550*, *554*, *558*, *562*, *664*, *668*
Фантазер — см. На хуторе
Федосевна 229, *531*
Чайка — см. Велга
Чатырдаг («Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни...»). А.Мицкевича 400, *672*
«Чашу с темным вином подала мне богиня печали...» *680*
Чернозем — см. Золотое дно и Сны
«Что напрасно мечтать! Кто на песню откликнется?..» *680*
«Что шумит задолго пред зарею...» 207, *543*
«Шаман» и Мотька 33, *469, 475, 476*
«Шумели листья, облетая...» *661*
Элегия («Стояли ночи северного мая...») — см. без заглавия
Эпиталама («Озарен был сумрак мрачный...») 378, 383, *655*
Эпитафия («Я девушкой, невестой умерла...») *680*
«Я долго в сумеречном свете...» *697*
«Я покинул тебя... Я навек схоронил...» *581*
Stella maris («Я, заливаемый волнами...») *661*

Географический указатель*

Аккерман 283, *598*
Александрия 281
Александровск 220, *549*, *551*
Алексин 92
Арзамас *665*
Архангельск 382
Аутка 344, 358
Афины *633*

Баденвейлер *703*
Байдары 25, 26
Балаклава 25, 257, 262, 265
Бегичевка *526*
Берлин 143, 330, 334, 340
Берн 337, *628*
Богородицк 48
Больё 436
Большой Фонтан 386, 408, 410–412
Бостон *673*
Бриенц 338
Брюниг 338
Бутырки 210, *467*

Варшава 331, *626*, *630*
Веве 337
Вена 288, 330, 334, 339, 340, 434, *630*, *695*, *696*, *698*
Венев 48
Венеция *633*
Верье 336
Витолия 424
Владивосток 407
Вологда 48, 70, 127, 139, *472*
Воргол 40, 45, 46, 51, 60, 91, 94, 97, 99, 102, 104, 105, 116, 156, 180, 189, 203, *478, 479, 501*
Воронеж 179, 180, 184, 210, 220, 360, 438, 452, *490*

Генуя 441
Глотово 10, 11, 13–15, 18, 19, 21, 36, 37, 56, 87, 88, 102, 111, 113–115, 119, 121–127, 129, 133, 137, 146, 158, 166, 168–171, 179, 204, 318, 319, 375, 376, 446, 452, *467, 472, 474, 500*, *502*, *583*, *615*, *617*, *665*, *691*, *708*
Грасс *573*
Гриндельвальд 334, 335, 337, *628*
Гурзуф 262, 345, 346, 374, 413, *549*, *637*, *682*, *684*

Дрезден 339, 340, *630*

Евпатория 280
Екатеринослав 152, 158, 166, 168, 170, 173, *512*, *547*, *549*, *561*
Елец 10–12, 16–18, 20–22, 24, 27, 29, 31, 33, 34, 43, 45, 46, 57–59, 71, 75–80, 86, 95, 98, 101, 102, 108, 111, 114, 115, 119–121, 125, 129, 130, 132, 134, 136, 144–146, 155, 156, 160, 170, 171, 173, 176, 179, 184, 187–190, 192, 195, 202–204, 211, 243, 315, 316, *463, 466, 472, 478, 479, 483–486, 494, 495, 498, 499, 503*, *504*, *527*, *529*, *532–536*, *541*
Ефремов 11, 12, 177, 189, 315, 316, 319, 320, 323, 343, 344, 371, 374, 376, 377, 392, 393, 443, *498, 525*, *532*, *615*, *618*, *665*, *701*

Женева 332, 333, 335, 336, *505*
Жмеринка 204

Задонск 10, 320

---

* В указатель включены названия только населенных пунктов (сел, деревень, хуторов, городов), упоминаемых в книге.

Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы комментариев — курсивом.

Звенигород 427, *691*

Интерлакен 334, 337, 338, *628*

Казань 210, 406, 423, 426, *496*
Казатин 293
Калуга 57, 92, 268–271, 275, 280, 281, 288, 296–298, 300, 304, 314, *585*, *586*, *607*, *609*, *614*, *615*, *691*
Каменец-Подольск 203, 209, *541*, *544*
Каменка 179, 241, *527*
Кёльн 332, 334, 340, *626*, *627*
Кельце *626*
Киев 92, 113, 140, 187, 238, 275, 293, 384, 411, 412, 448, 450, *465, 472, 531*, *533*, *547*, *602*
Константинополь 256, 257, 281, 282, 284, 310, 311, 316, 344, 421, 423, 425, 427, *597*, *612*, *633*, *687*, *689*
Краснополье 264, 265, 283, 285–291, *580*, *597*, *599*, *601–603*
Кременчуг 96, 322, *547*, *549*, *564*
Кромы *497*
Кронштадт 328, *624*
Курск 50, 51, 57, 138, 192, 197, 370, 371, *482, 645*
Кучук-кой 345, *633*

Леман 336
Липецк 319–321, *618*
Лозанна 334, 337
Лондон *673*
Лубны 176
Люстдорф 220, 222, 240, 255–257, 292, *551*, *575*, *576*, *578*
Люцерн 334, 338, 339

Малаховка 375, 377, 379, 384, 408, 431, *654*, *656*, *659*, *677*, *679*, *691–693*
Мануйловка *619*, *620*
Массандра 314
Ментона *697*
Минск 157, 158
Миргород 239, *564*
Монтрё 337
Москва 15, 33, 57, 71, 86, 91, 101, 102, 104–108, 157, 158, 182–187, 195, 197–199, 201, 207, 209, 212–215, 221–223, 225, 228, 230, 231, 238–243, 246–250, 252, 257, 259, 261–263, 268, 269, 271, 278, 281, 282, 288, 290, 292–295, 297–301, 305, 307, 315, 317–319, 321–326, 328, 329, 339–341, 344, 346, 348, 349, 354, 356, 358, 359, 361, 364, 367, 372, 374, 376, 377, 379–384, 386, 387, 389–392, 394–398, 401–403, 405–410, 412, 413, 415–419, 422, 423, 426–428, 430–433, 437–439, 441, 442, 444, 446–452, 454–457, *466, 469, 470, 473, 486, 491, 496, 497, 499, 516*, *529–531*, *536–538*, *540*, *544–546*, *553–555*, *557*, *564*, *565*, *567*, *569*, *570*, *573*, *574*, *577*, *580*, *581*, *585*, *586*, *588*, *589*, *594*, *597*, *600*, *602*, *604*, *605*, *607*, *608*, *611*, *613*, *614*, *616*, *618–622*, *624*, *625*, *628*, *632*, *633*, *635*, *637*, *639*, *641*, *646*, *650*, *654*, *656–661*, *663–665*, *667*, *669*, *670*, *672*, *677*, *679*, *683–688*, *690*, *691*, *693*, *695*, *696*, *704–708*, *710*
Мюнхен 332, 333, 339, 340, *627*, *629*, *630*
Мюррен 334, 335, 337, 338, *628*

Неаполь 374, *633*
Нежин 256
Нерви *700*
Нижний Новгород 427, 428, 436, *611*, *614*, *664*, *665*, *676*, *691*
Николаев 284, 294, 319, 329, *564*
Никополь *549*
Ницца 351, 434–440, 442, *635*, *636*, *638*, *696*, *697*, *699*, *700*
Новочеркасск 422, *688*

Огневка 178–180, 187–189, 195, 200–204, 207–209, 218, 219, 221–223, 231, 232, 234–236, 239–243, 258, 259, 284, 287–290, 315–324, 342, 343, 348, 350, 354, 357, 361, 364, 367, 368, 370–376, 380–382, 384, 386, 392, 394, 405–407, 409, 412, 414, 415, 425–430, 442–446, 452, *526*, *527*, *532*, *536–538*, *541*, *543*, *552*, *561*, *577*, *601*, *604*, *616*, *618*,

619, *631*, *632*, *644*, *649*, *654*, *657*, *658*, *677*, *682*, *683*, *691*, *703*
Одесса 227, 240, 256–258, 260–286, 291, 292, 294–296, 298, 300–302, 304–308, 310–317, 319, 321, 323, 324, 329–331, 333, 347, 352–354, 356–368, 370, 374, 382, 384–389, 394–404, 408, 409, 412, 418, 420–424, 426, 434, 440, 448–451, *464, 549*, *551*, *564*, *575–577*, *579*, *580*, *585*, *588*, *598*, *607*, *611*, *613*, *614*, *618–621*, *625*, *635*, *638*, *639*, *642*, *643*, *645*, *646*, *649*, *655*, *657–661*, *667*, *669*, *670*, *672*, *673*, *677–679*, *682–684*, *686*, *687*, *690*, *700*, *702*, *705*, *708*
Озёрки 11, 15, 17–21, 23, 30, 31, 36, 38, 40, 42, 52, 53, 77, 87–89, 100–102, 110, 116, 117, 119, 120, 122, 127, 128, 130, 133, 211, *463, 466–469, 475, 476, 502*, *504*, *508*, *545*
Орел 14, 15, 22, 27–29, 31–38, 43, 47, 48, 52, 54–59, 61, 63, 64, 66, 69, 71, 74–76, 78–81, 83–87, 91, 93–98, 100, 102, 103, 105, 107–109, 114–119, 126, 127, 132–139, 143, 145, 146, 148, 151–155, 157–161, 164–168, 171–176, 179, 184, 187, 188, 191, 192, 221, *472, 476–480, 482, 483, 485–488, 490, 491, 493–495, 498, 500*, *503*, *505*, *508–512*, *517*, *519*, *521*, *540*, *545*, *546*, *691*

Павленки 190
Париж 258, 287, 322, 329–335, 340, *469, 577*, *626–628*
Пенза 252, 253, 277, *574*, *594*
Пермь 192
Петербург 195, 196, 201, 207, 209, 212–214, 222–231, 243–247, 249, 263, 264, 267–269, 278, 284, 293, 294, 300, 304, 318, 322, 325–328, 339–341, 378, 391, 396, 407, 416, 417, 429, 439, *465, 469–471, 476, 486, 493, 496, 535*, *537*, *542*, *544*, *546–548*, *553*, *554*, *556*, *557*, *560*, *564*, *566–568*, *573*, *575*, *584*, *585*, *589*, *598*, *608*, *610*, *616*, *619*, *620*, *622*, *623*, *630*, *646*, *655*, *663*, *669*, *670*, *681*, *685*, *691*, *692*, *695*, *698*, *704*, *710*
Петровск-Порт 444
Подольск *665*
Полтава 31, 37, 85, 86, 88, 91–98, 101, 102, 107, 137–140, 142–148, 151–158, 162, 173–178, 182, 184–187, 189, 190–195, 201, 203–205, 209, 210, 212–216, 219, 220, 222, 230, 235–242, 244, 245, 260, 267, 279, 284, 295, *466, 475, 481–483, 492, 494–496, 501*, *502*, *508–511*, *513–515*, *518*, *520*, *522*, *524–526*, *528–536*, *539*, *541*, *542*, *544*, *545*, *549*, *550*, *553*, *561*, *564*, *579*, *584*, *691*
Прага 340, *630*, *631*

Рига 37
Рим 375, *633*
Ромны 157, 158
Ростов-на-Дону *503*, *692*
Рязань 33

Салоники 424
Самара 402
Севастополь 24–27, 192, 262, 413, *614*, *682*
Сен-Жермен 333, 334, *627*
Смирна 282
Смоленск 63, 152–154, 157

Таганрог 362, 370, 373
Терешки 97
Тула 105, 108, 109, 178, 269, 288, 393, *510*
Тун 337

Флоренция 441

Харьков 14, 20, 24, 28, 31, 34, 37, 50–52, 54, 57, 58, 138–140, 144, 152, 155, 166, 174–176, 178, 179, 181, 188, 190, 192, 220, *463, 466, 468, 473, 474, 475, 481, 483, 510*, *512*, *513*, *523*, *524*, *531*, *532*, *534*
Херсон 280

Царицыно 253–256, 317, *573–575*, *601*
Цюрих 288, 339

Чернигов 216, *534*, *549*

Шишаки *564*

Ялта 25, 262, 280, 282, 313–316, 318, 342–348, 350–358, 361, 365, 367–369, 371–374, 381, 382, 386–389, 403–405, 412, 413, 415, *549*, *596*, *597*, *599*, *613*, *614*, *632*, *633*, *635*, *637–639*, *641*, *642*, *646*, *648*, *650*, *653*, *654*, *656*, *658*, *661–663*, *665*, *672*, *676–679*, *682*, *684*, *687*, *704*

Указатель периодических изданий*

Артист — еженед. журнал изящных искусств и литературы (М., 1889–1895) — 138, 139, 141, *479, 509*
Биржевые ведомости — ежеднев. газета (СПб., 1880–1917) — *562*
Бюллетени литературы и жизни — ежемес. журнал (М., 1909–1918) — *612*
Вестник воспитания — научно-популярный журнал (М., 1890–1917) — 240, 250, 259, 272, 281, 284, 382–384, 389, 390, 392, 394, 395, 402, 407, 415, 428, 430, 432, 442, 447, 449, 451, 452, *466, 564, 565, 569, 570, 574, 577, 582, 586, 588, 597, 617, 631, 646, 653, 661, 667, 693, 695, 701, 703, 706*
Вестник всемирной истории — ежемес. журнал новой литературы и исторической науки (СПб., 1899–1902) — 402, *680*
Вестник Европы — ежемес. исторический, политический и литературный журнал (СПб., 1866–1918) — 15, 18, 128, 183, 190, 211, 212, 221, 360, 402, *469–471, 505, 517, 528, 533, 545, 547, 552, 581, 656*
Вестник иностранной литературы — ежемес. литературно-исторический журнал (СПб., 1891–1908, 1910–1916) — *555*
Вестник литературный, политический, научный, художественный с афишами — ежеднев. газета (М., 1884–1895) — 23, 24, *473*
Весы — ежемес. литературный и критический журнал (М., 1904–1909) — *622*
Воспитание и обучение — ежемес. педагогический журнал (СПб., 1866–1917) — *591*
Всемирная иллюстрация — еженед. иллюстрированный журнал (СПб., 1869–1898) — 166, 207, 216, *519, 542, 543, 545, 549*
Всходы — ежемес. иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал для детей старшего возраста (СПб., 1896–1917) — 244, 245, 264, 273, *567, 568, 576, 581, 590, 643*
Вятский край — газета (Вятка, 1895–1898) — *563, 645*
Гласность — ежеднев. газета (СПб., 1897–1898, 1902) — 232, *558*
Дело — ежемес. литературно-политический журнал (СПб., 1866–1888) — *505*
Детское чтение — ежемес. иллюстрированный журнал для семьи и школы (М., 1869–1906) — 237, 259, 274, 321, 374, *549, 562, 565, 568, 572, 574, 576, 578, 590, 591, 607, 609, 610, 612, 619, 632, 633, 643, 653*
Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива» (СПб., 1894–1916) — *563, 645, 656*
Ежемесячный журнал для всех — см. Журнал для всех
Живописное обозрение — еженед. художественно-литературный журнал (СПб., 1876–1905) — 23, 30, *517, 555, 645*
Жизнь — ежемес. литературный, научный и политический журнал (СПб., 1897–1901) — 299, 304, 314, 321, 324–328, 339–341, 350,

* Страницы текстов писем печатаются прямыми цифрами, страницы комментариев — курсивом.

359, 360, 368, 371, 374–376, 378–381, 383, 394, *555*, *556*, *608*, *610*, *614*, *619*, *622*, *623*, *636*, *643*, *650*, *654*, *655*, *657*, *659*, *664*, *667*

Жизнь и искусство — ежеднев. литературно-политическая и художественная газета (Киев, 1893–1900) — 187, 232, 275, 281, *532*, *543*, *557*, *591*, *597*, *645*

Журнал для всех — ежемес. журнал (СПб., 1896–1906) — 275, 317, 318, 350, 378, 380–383, 387, 390, 395, *566*, *567*, *599*, *609*, *616*, *617*, *620*, *623*, *624*, *636*, *654*, *655*, *659*, *664*, *668*, *680*, *697*

Заря — еженед. политически-общественная и литературная газета (М., 1891) — 105, 106, *499*

Звезда — иллюстрированная газета (СПб., 1886–1905) — 68, *487*

Кавказ — ежеднев. официальная газета (Тифлис, 1846–1917) — 225, 232, *554*, *558*

Киевлянин — ежеднев. литературная и политическая газета Юго-Западного края (Киев, 1864–1916) — 191, 201, 226, 235, 402, *533*

Киевская старина — ежемес. исторический журнал (Киев, 1882–1906) — 27

Киевское слово — ежеднев. газета (Киев, 1886–1905) — *543*

Книжки «Недели» — ежемес. литературный журнал, приложение к газете «Неделя» (СПб., 1868–1901) — 12, 15, 19, 20, 22, 24, 36, 58, 154, 211, 212, 350, 360, 382, *468–471, 473, 477, 484, 488*, *512*, *545*, *593*, *624*, *636*

Крымский курьер — ежеднев. газета (Ялта, 1893–1907) — 402, 414, *683*, *684*

Курский листок — ежеднев. газета общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли (Курск, 1882–1906) — 51, *480*

Курьер — ежеднев. газета политики, литературы и общественной жизни (М., 1897–1904) — 277, 278, 280, 324, 345, 347, 370, 371, 374–376, 386, 387, 400, 402, 411, 414, *594*, *596*, *601*, *621*, *633*, *634*, *649*, *652*, *653*, *655*, *661*, *667*, *672*, *680*, *681*, *683*, *684*

Литературный вестник — ежемес. журнал (СПб., 1901–1904) — *680*

Минский листок — газета (Минск, 1886–1902) — *543*, *645*

Мир Божий — ежемес. литературный, научный и политический журнал (СПб., 1892–1906) — 158, 201–203, 209, 211, 212, 235, 237, 244, 245, 267, 272, 321, 326, 360, 374–376, 390, 394, 402, 403, 407, 411, 443, *516*, *540*, *541*, *545*, *556*, *560*, *566–568*, *581*, *582*, *589*, *601*, *619*, *621*, *622*, *636*, *643*, *645*, *652*, *654*, *664*, *667*, *668*, *673*, *674*, *680*, *698*, *702*

Мир искусства — художественно-научный иллюстрированный журнал (СПб., 1899–1904) — 440

Московские ведомости — ежеднев. газета (М., 1756–1917) — 76, 238, *489*

Наблюдатель — ежемес. литературный, политический и ученый журнал с иллюстрациями (СПб., 1882–1904) — 47, 57, 66, 154, 155, 211, *479, 483, 484, 509*, *512*, *515*, *517*, *545*

Народное благо — еженед. иллюстрированный журнал (М., 1898–1917) — 384, *659*

Научное обозрение — ежемес. научно-философский и литературный журнал (СПб., 1894–1903) — 395, *667*

Начало — ежемес. литературный, научный и политический журнал (СПб., 1899) — 279, *595*

Наша жизнь — ежеднев. газета (СПб., 1904–1906) — *708*

Наш журнал — художественно-литературный и общественно-политический журнал (М., 1910–1911) — *472*
Неделя — еженед. газета (СПб., 1868–1901) — 12, 13, 15, 16, 18, 19, 211, 245, 328, 364, 395, *468*, *471*, *593*, *646*, *667*
Нива — еженед. иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни (СПб., 1870–1918) — 69, 215, 244, 379, 382, 395, *548*, *667*, *669*, *710*, *711*
Нижегородский листок — ежеднев. общественно-политическая, литературная и биржевая газета (Нижний Новгород, 1894–1917) — 402
Новое время — ежеднев. газета (СПб., 1868–1917) — 233, 234, 236–238, 402, *545*, *557*, *559*, *561*, *598*, *601*
Новое дело — ежемес. литературный журнал (СПб., 1902) — 402
Новое слово — ежемес. научно-литературный и политический журнал (СПб., 1894–1897) — 205, 209–213, 219, 224, 225, 228, 229, 232–234, 238, 239, 242, 360, 364, 390, *528*, *533*, *542–545*, *547*, *549–551*, *554*, *556*, *559*, *563*, *573*, *574*, *595*, *643*, *646*, *664*, *668*
Новости дня — ежеднев. политическая, общественная и литературная газета (М., 1883–1906) — 143, 353, 402, *595*
Новости и биржевая газета — ежеднев. газета (СПб., 1883–1905) — 140, 146, 152, 153, 167, 237, 402, *504*, *509*, *513*, *547*, *556*, *563*, *645*, *708*
Новый путь — ежемес. журнал (СПб., 1903–1904) — 422, *688*
Образование — ежемес. литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал (СПб., 1892–1909) — 402, *680*
Одесская газета — ежеднев. газета (Одесса, 1896–1898, 1907–1909) — 266, 267
Одесские новости — ежеднев. политическая, научная, литературная, общественная и коммерческая газета (Одесса, 1884–1916) — 237, 267, 280, 365, 366, 400, 402–404, 414, 415, *596*, *642*, *646*, *647*, *671*, *673–675*, *683*
Одесский листок — ежеднев. газета литературы, политики, коммерческих, казенных и частных объявлений (Одесса, 1880–1916) — 232, 279, 395, 400, 402–404, *558*, *588*, *595*, *667*, *671*, *673*, *675*
Орловский вестник — ежеднев. газета общественной жизни, литературы, политики и торговли (Орел, 1876–1916) — 18, 22, 30, 32, 33, 35, 36, 43, 45, 56, 58, 63, 64, 68, 73, 87, 108, 109, 113, 114, 133, 139, 140, 143, 151, 153, 158, 166, 167, 211, 221, 402, *463*, *469–477*, *479*, *480*, *482–485*, *487–491*, *493*, *495*, *499*, *500*, *502*, *507*, *509*, *510*, *513*, *514*, *517*, *519*, *520*, *540*, *541*, *543*, *551*, *691*
Отдых — художественно-литературный ежемес. журнал (СПб., 1900–1903) — 374, *652*, *659*
Отечественные записки — ежемес. журнал (СПб., 1839–1884) — *505*, *539*
Петербургская жизнь — еженед. иллюстрированный журнал общественной жизни, литературы, науки, искусства и спорта (СПб., 1890–1906) — 216, *549*
Полтавские губернские ведомости — ежеднев. газета (Полтава, 1838–1917) — 146, 177, 186, 200, 201, 211, 216, *510*, *513*, *525*, *531*, *537*, *539*, *543*, *545*, *549*, *579*
Правда — ежемес. журнал (СПб., 1888–?) — 411, *681*
Правда — ежемес. журнал искусства, литературы и общественной жизни (М., 1904–1906) — 434, 437, 440, 442, 443, 450, 452, *696*, *700*, *702*, *703*, *705*, *706*

Приднепровский край — ежеднев. газета (Екатеринослав, 1898–1916) — *561*

Путь — ежемес. литературный и общественно-политический журнал (М., 1911–1914) — *472*

Рампа и жизнь — еженед. театрально-художественный журнал (М., 1909–1918) — *616*

Родина — еженед. газета политики и общественной жизни (СПб., 1883–1912) — 16, 22, *470*

Родина — еженед. иллюстрированный журнал, приложение к газете «Родина» (СПб., 1883–1912) — 16, 17, 19, 20, 22–24, 211, 350, *469, 470, 473, 484, 517*, *545*

Родник — ежемес. журнал (СПб., 1882–1917) — 18, 274, 275, *591*

Русская жизнь — ежеднев. газета (СПб., 1890–1895) — 134, 153, 154, 159, 167, *507*, *517*, *520*, *543*

Русская мысль — ежемес. литературно-политический журнал (СПб., 1880–1918) — 12, 27, 41, 95, 122, 215, 219, 221, 223–228, 239, 240, 242, 245, 299, 318, 319, 322, 323, 326, 360, 390, 402, 411, 412, *479, 503*, *548*, *552–554*, *564*, *568*, *589*, *596*, *608*, *617*, *619*, *620*, *623*, *646*, *655*, *664*, *668*, *670*, *671*, *680–682*

Русские ведомости — ежеднев. газета (М., 1863–1918) — 156, 232–234, 238, 321, 364, 402, *504*, *543*, *558*, *642*, *645*, *648*, *710*

Русское богатство — ежемес. литературный, научный и политический журнал (СПб., 1879–1918) — 177, 183, 186, 201, 203, 209, 211, 212, 223, 237, 245, 282, 360, 402, *525*, *528*, *531*, *540*, *544–546*, *553*, *555*, *556*, *562*, *566–568*, *617*, *645*, *668*, *671*, *691*

Русское обозрение — ежемес. журнал (М., 1890–1898, 1901, 1903) — 324, *548*, *621*, *645*

Русь — ежеднев. газета (СПб., 1903–1908) — *702*

Саратовский дневник — ежеднев. газета (Саратов, 1877–1907) — *563*

Сверчок — еженед. юмористический журнал с карикатурами (М., 1886–1891) — 18

Север — еженед. литературно-художественный журнал (СПб., 1888–1914) — 139, 145, 147, 240, 244, 263, *509*, *512*, *520*, *542*, *545*, *555*, *563*, *565*, *567*, *581*, *646*

Северная пчела — ежеднев. политическая и литературная газета (СПб., 1825–1864) — 124, 125

Северные цветы — литературный альманах (М., 1901–1905) — 355, 358, 367, 368, 370, 372, 373, 378, 382, *640*, *642*, *644*, *647*, *649–651*, *659*, *664*

Северный вестник — ежемес. литературно-научный и политический журнал (СПб., 1885–1898) — 12, 15, 18, 47, 58, 134, 154, 155, 211, 212, 360, *468, 469, 479, 484, 503*, *507*, *509*, *512*, *515*, *545*, *617*

Северный край — ежеднев. газета (Ярославль, 1898–1905) — 388, *662*

Сибирь — политико-общественная и литературная газета, посвященная интересам всей Сибири и сопредельных с нею местностей (СПб., 1897–1898) — 235, *560*, *645*

Смоленский вестник — ежеднев. политическая, экономическая и литературная газета (Смоленск, 1878–1903, 1906–1917) — 63, 153, *486, 514*

Сын отечества — ежеднев. газета (СПб., 1862–1900, 1904–1905) — 18, 252, 253, 263, 265, 267, 273, 276–278, 304, 315, *528*, *547*, *566*, *567*, *573*, *574*, *577*, *580*, *582*, *584*, *590*, *593*, *595*, *598*, *600*, *601*, *643*, *646*, *664*, *667*, *708*

Труд — ежемес. вестник литературы и науки, приложение к журналу «Всемирная иллюстрация» (СПб., 1889–1896) — 207, *543*

Харьковские губернские ведомости — ежеднев. газета (Харьков, 1838–1917) — 24, 146, *489, 513*

Экономический журнал — ежемес. журнал (СПб., 1885–1893) — 27, *474*

Эпоха — ежемес. литературный журнал (М., 1886–1888) — 16, 18, *470*

Южанин — ежеднев. политическая, экономическая и литературная газета (Николаев, 1884–1901) — 284

Южное обозрение — ежеднев. политическая, научная, литературная, торгово-промышленная и финансовая газета (Одесса, 1896–1906) — 255, 257–266, 270, 272, 275, 280, 287, 290, 305, 307, 330, 396, 400, 402–404, *464, 576–583*, *585*, *587*, *589–591*, *594*, *596*, *598*, *600*, *601*, *603*, *604*, *607–611*, *635*, *667*, *669*, *671*, *673*, *675*

Южные записки — еженед. журнал (Одесса, 1902–1905) — 440, *700*

Южный край — ежеднев. газета (Харьков, 1880–1919) — 24, 148, *513*

Юный читатель — журнал для семьи и школы (СПб., 1899–1906) — 350, *636*, *643*

Список иллюстраций

И.А.Бунин. Фотография Б.Б.Пейроша. Орел, 1890 2
Автограф письма к В.В.Пащенко. Не позже 6 марта 1891 г. 67
Автограф последней страницы письма к неизвестному лицу.
После 19 марта 1892 г. 149
И.А.Бунин. Москва, 1902 г. 349

Содержание*

От редакции	5	
1. Ю.А.Бунину. 21 мая 1885	10	466
2. Ю.А.Бунину. 6 сентября 1888	10	467
3. Ю.А.Бунину. 15 сентября 1888	11	467
4. Ю.А.Бунину. 15 сентября 1888	11	467
5. Ю.А.Бунину. Между 20 и 23 сентября 1888	13	468
6. Ю.А.Бунину. 29 сентября 1888	13	468
7. Ю.А.Бунину. 14 октября 1888	14	469
8. Ю.А.Бунину. 18 октября 1888	15	469
9. Ю.А.Бунину. 20 ноября 1888	17	470
10. Ю.А.Бунину. 26 декабря 1888	19	471
11. Ю.А.Бунину. 29 декабря 1888	20	472
12. И.А.Белоусову. 19 января 1889	21	472
13. Ю.А.Бунину. 20 января 1889	22	472
14. И.А.Белоусову. 3 февраля 1889	23	473
15. Ю.А.Бунину. 17 марта 1889	24	473
16. А.Н., Л.А., М.А., Е.А., Н.К.Буниным. 13, 14, 15 апреля 1889	24	474
17. Ю.А.Бунину. Июнь 1889	27	474
18. Е.А. и Н.К.Буниным. 17 ноября 1889	28	474
19. Ю.А.Бунину. Начало января 1890	29	475
20. Ю.А.Бунину. До мая 1890	30	475
21. Л.Н.Толстому. 12 июня 1890	31	475
22. Ю.А.Бунину. 28 или 29 июня 1890	31	475
23. Ю.А.Бунину. Середина июля 1890	33	476
24. Ю.А.Бунину. 22 июля 1890	34	476
25. Ю.А.Бунину. 27 июля 1890	36	477
26. Ю.А.Бунину. Между 4 и 8 августа 1890	37	477
27. В.В.Пащенко. 22, 23 августа 1890	38	478
28. В.В.Пащенко. 27 августа 1890	40	478
29. Ю.А.Бунину. 28 августа 1890	42	479
30. В.В.Пащенко. 4, 5, 6 сентября 1890	47	480
31. В.В.Пащенко. 7 сентября 1890	50	480
32. В.В.Пащенко. 8 сентября 1890	50	480
33. Ю.А.Бунину. Между 23 и 26 сентября 1890	52	481
34. В.В.Пащенко. 26 сентября 1890	52	481
35. В.В.Пащенко. 26 сентября 1890	53	481
36. Ю.А.Бунину. 29 сентября 1890	54	481

* В первом столбце указана страница текста, во втором — комментариев к нему.

37. В.В.Пащенко. 6 октября 1890 . . . . 55 482
38. Ю.А.Бунину. 28 октября 1890 . . . . 56 482
39. Ю.А.Бунину. 16 ноября 1890 . . . . 56 482
40. А.Н. и Л.А.Буниным. 18 ноября 1890 . . . . 56 482
41. Ю.А.Бунину. 10 декабря 1890 . . . . 57 482
42. Ю.А.Бунину. 15 декабря 1890 . . . . 57 483
43. А.П.Чехову. Начало января 1891 . . . . 58 484
44. В.Е.Пащенко. 13 января 1891 . . . . 59 484
45. В.В.Пащенко. 17 января 1891 . . . . 59 485
46. В.В.Пащенко. 17 января 1891 . . . . 61 485
47. Ю.А.Бунину. Начало февраля 1891 . . . . 63 486
48. Ю.А.Бунину. Середина февраля 1891 . . . . 63 486
49. В.В.Пащенко. 2 марта 1891 . . . . 64 486
50. В.В.Пащенко. Не позже 6 марта 1891 . . . . 66 487
51. В.В.Пащенко. 6 марта 1891 . . . . 66 487
52. В.В.Пащенко. 7, 8 марта 1891 . . . . 69 487
53. В.В.Пащенко. 8, 9, 11 марта 1891 . . . . 71 488
54. В.В.Пащенко. 29 марта 1891 . . . . 74 488
55. Ю.А.Бунину. Конец марта 1891 . . . . 75 488
56. В.В.Пащенко. 4 апреля 1891 . . . . 76 489
57. Ю.А.Бунину. 4, 9 апреля 1891 . . . . 77 489
58. В.В.Пащенко. 9 апреля 1891 . . . . 79 490
59. В.В.Пащенко. 19 апреля 1891 . . . . 81 490
60. Ю.А.Бунину. 9 мая 1891 . . . . 83 490
61. В.В.Пащенко. Начало мая 1891 . . . . 83 491
62. В.В.Пащенко. 14 мая 1891 . . . . 84 491
63. В.В.Пащенко. 16 мая 1891 . . . . 85 491
64. В.В.Пащенко. 17 мая 1891 . . . . 86 491
65. Ю.А.Бунину. 24 мая 1891 . . . . 87 492
66. Ю.А.Бунину. 29 мая 1891 . . . . 87 493
67. В.В.Пащенко. 13 июня 1891 . . . . 88 494
68. В.В.Пащенко. 18 июня 1891 . . . . 89 495
69. В.В.Пащенко. 22 июня 1891 . . . . 91 495
70. В.В.Пащенко. 23, 24 июня 1891 . . . . 91 495
71. В.В.Пащенко. 28 июня 1891 . . . . 93 496
72. В.В.Пащенко. 1 июля 1891 . . . . 94 496
73. В.В.Пащенко. 7 июля 1891 . . . . 96 497
74. В.В.Пащенко. 12 июля 1891 . . . . 98 497
75. В.В.Пащенко. 14 июля 1891 . . . . 98 497
76. В.В.Пащенко. 16 июля 1891 . . . . 100 497
77. В.В.Пащенко. 18 июля 1891 . . . . 101 498
78. В.В.Пащенко. 20 июля 1891 . . . . 101 498
79. В.В.Пащенко. 21 июля 1891 . . . . 102 498
80. А.Н. и Л.А.Буниным. 22 июля 1891 . . . . 102 498

81. В.В.Пащенко. 22 июля 1891 . . . . 103 498
82. В.В.Пащенко. 26 июля 1891 . . . . 105 499
83. В.В.Пащенко. 27 июля 1891 . . . . 106 499
84. В.В.Пащенко. 30 июля 1891 . . . . 107 499
85. Ю.А.Бунину. 31 июля 1891 . . . . 108 499
86. В.В.Пащенко. 3 августа 1891 . . . . 108 500
87. Ю.А.Бунину. 10 августа 1891 . . . . 109 500
88. В.В.Пащенко. 13 августа 1891 . . . . 110 500
89. В.В.Пащенко. 13 августа 1891 . . . . 111 500
90. В.В.Пащенко. 14 августа 1891 . . . . 113 501
91. Ю.А.Бунину. 15 августа 1891 . . . . 113 501
92. В.В.Пащенко. 15 августа 1891 . . . . 114 501
93. В.В.Пащенко. 22 августа 1891 . . . . 115 501
94. В.В.Пащенко. Август 1891 . . . . 116 501
95. Ю.А.Бунину. Середина сентября 1891 . . . . 116 502
96. А.Н.Бунину. Сентябрь 1891 . . . . 116 502
97. Ю.А.Бунину. 1 октября 1891 . . . . 117 502
98. Ю.А.Бунину. Середина октября 1891 . . . . 118 502
99. Ю.А.Бунину. 24 октября 1891 . . . . 119 503
100. В.В.Пащенко. 31 октября, 1 ноября 1891 . . . . 119 503
101. В.В.Пащенко. 3 ноября 1891 . . . . 121 503
102. В.В.Пащенко. 4 ноября 1891 . . . . 122 504
103. В.В.Пащенко. 6 ноября 1891 . . . . 123 504
104. В.В.Пащенко. 8 ноября 1891 . . . . 124 504
105. В.В.Пащенко. 8 ноября 1891 . . . . 125 505
106. В.В.Пащенко. Между 8 и 12 ноября 1891 . . . . 126 505
107. В.В.Пащенко. 12 ноября 1891 . . . . 127 505
108. Ю.А.Бунину. Между 12 и 14 ноября 1891 . . . . 129 506
109. О.А.Батурской, М.Г.Кошеверовой, В.В.Пащенко.
17 ноября 1891 . . . . 130 506
110. В.В.Пащенко. 17 ноября 1891 . . . . 130 506
111. Ю.А.Бунину. 18 ноября 1891 . . . . 132 506
112. В.В.Пащенко. 21 ноября 1891 . . . . 133 506
113. Ю.А.Бунину. 25 ноября 1891 . . . . 133 507
114. В.В.Пащенко. 4 декабря 1891 . . . . 135 507
115. Ю.А.Бунину. 13 декабря 1891 . . . . 136 507
116. Ю.А.Бунину. 1890–1891 . . . . 136 507
117. В.В.Пащенко. 1891 . . . . 136 508
118. В.В.Пащенко. 1891 . . . . 136 508
119. В.В.Пащенко. 1891 . . . . 136 508
120. Ю.А.Бунину. 1 января 1892 . . . . 137 508
121. В.В.Пащенко. 5 января 1892 . . . . 137 508
122. Ю.А.Бунину. 18 февраля 1892 . . . . 138 508
123. В.В.Пащенко. 26 февраля 1892 . . . . 138 509

124. В.В.Пащенко. 28 февраля 1892 . . . . 139 509
125. В.В.Пащенко. 29 февраля 1892 . . . . 140 509
126. В.В.Пащенко. 2 марта 1892 . . . . 140 510
127. В.В.Пащенко. 3 марта 1892 . . . . 142 510
128.В.В.Пащенко. 4 марта 1892 . . . . 142 510
129. В.В.Пащенко. 13 марта 1892 . . . . 144 511
130. В.В.Пащенко. 16 марта 1892 . . . . 144 511
131. В.В.Пащенко. 17 марта 1892 . . . . 145 513
132. В.В.Пащенко. 19 марта 1892 . . . . 147 513
133. Неизвестному лицу. После 19 марта 1892 . . . . 148 514
134. В.В.Пащенко. 22 марта 1892 . . . . 151 514
135. В.В.Пащенко. 23 марта 1892 . . . . 152 514
136. Е.П.Поливановой. 23 марта 1892 . . . . 153 514
137. В.В.Пащенко. 25 или 26 марта 1892 . . . . 154 515
138. В.В.Пащенко. 29 марта 1892 . . . . 154 515
139. В.В.Пащенко. 10 апреля 1892 . . . . 156 516
140. В.В.Пащенко. 13 апреля 1892 . . . . 157 516
141. Ю.А.Бунину. 18 апреля 1892 . . . . 157 516
142. Ю.А.Бунину. 8 мая 1892 . . . . 158 516
143. В.В.Пащенко. 8 мая 1892 . . . . 159 517
144. В.В.Пащенко. 8 мая 1892 . . . . 159 517
145. В.В.Пащенко. 9 или 10 мая 1892 . . . . 159 517
146. Ю.А.Бунину. 14 мая 1892 . . . . 160 517
147. В.В.Пащенко. Между 15 и 17 мая 1892 . . . . 161 518
148. Ю.А.Бунину. 19 мая 1892 . . . . 164 518
149. Ю.А.Бунину. Между 23 и 26 мая 1892 . . . . 165 519
150. Ю.А.Бунину. После 28 мая 1892. . . . . 166 519
151. Ю.А.Бунину. После 8 июня 1892 . . . . 167 520
152. Ю.А.Бунину. 12 июня 1892. . . . . 167 520
153. Ю.А.Бунину. 14 июня 1892. . . . . 168 520
154. В.В.Пащенко. 19 июня 1892. . . . . 169 521
155. В.В.Пащенко.Между 24 и 27 июня 1892 . . . . 169 521
156. Ю.А.Бунину. 28 июня 1892. . . . . 170 521
157. Ю.А.Бунину. 8 июля 1892. . . . . 171 521
158. Е.А., Л.А., М.А., Н.К.Буниным. 23 июля 1892 . . . . 172 523
159. Ю.А.Бунину. 3 августа 1892 . . . . 172 523
160. Ю.А.Бунину. 10 августа 1892 . . . . 174 524
161. Ю.А.Бунину. 12 августа 1892 . . . . 174 524
162. Ю.А.Бунину. 14 августа 1892 . . . . 175 524
163. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.Буниным. 18 октября 1892 . . . . 176 524
164. Л.А., Е.А., Н.К., М.А.Буниным. 7 января 1893 . . . . 176 525
165. Л.А.Буниной. 26 января 1893 . . . . 176 525
166. Л.Н.Толстому. 7 февраля 1893 . . . . 177 525
167. В.В.Пащенко. Середина мая 1893. . . . . 178 526

168. В.В.Пащенко. Конец мая 1893 . . . . 178 526
169. В.В.Пащенко. 3 июня 1893 . . . . 178 526
170. Ю.А.Бунину. После 30 июня 1893 . . . . 179 527
171. В.В.Пащенко. До 12 июля 1893 . . . . 180 527
172. Ю.А., Л.А., М.А.Буниным. 13 июля 1893 . . . . 181 527
173. Л.Н.Толстому. 15 июля 1893 . . . . 182 528
174. Ю.А.Бунину. Вторая половина июля 1893 . . . . 182 528
175. А.И.Иванчину-Писареву. 4 января 1894 . . . . 183 528
176. В.В.Пащенко. 4 января 1894 . . . . 183 529
177. Ю.А.Бунину. 9 января 1894 . . . . 184 529
178. И.А.Белоусову. 5 февраля 1894 . . . . 184 529
179. Л.Н.Толстому. 15 февраля 1894 . . . . 185 530
180. В.В.Пащенко. 12 марта 1894 . . . . 185 531
181. Письмо в редакцию газеты «Полтавские губернские ведомости». Между 10 и 12 апреля 1894 . . . . 186 531
182. И.А.Белоусову. Апрель 1894 . . . . 186 531
183. И.А.Белоусову. Май 1894 . . . . 187 531
184. Ю.А.Бунину. 11 июля 1894 . . . . 187 532
185. Ю.А.Бунину. 12 или 13 июля 1894 . . . . 188 532
186. В.В.Пащенко. 14 июля 1894 . . . . 189 532
187. Ю.А.Бунину. Между 16 и 19 июля 1894 . . . . 189 532
188. В.В.Пащенко. 21 июля 1894 . . . . 189 532
189. В.В.Пащенко. 27 июля 1894 . . . . 190 533
190. В.В.Пащенко. 29 июля 1894 . . . . 190 533
191. В.В.Пащенко. 4 августа 1894 . . . . 191 533
192. В.В.Пащенко. 10 августа 1894 . . . . 192 534
193. В.В.Пащенко. 18 августа 1894 . . . . 192 534
194. В.В.Пащенко. 22 августа 1894 . . . . 193 534
195. Б.Д.Гринченко. 19 ноября 1894 . . . . 193 534
196. В.В.Пащенко. Ноябрь 1894 . . . . 194 535
197. Ю.А.Бунину. До 20 января 1895 . . . . 195 537
198. В.В.Пащенко. До 20 января 1895 . . . . 195 537
199. А.И.Иванчину-Писареву. 2 февраля 1895 . . . . 196 537
200. В.В.Пащенко. 27 февраля 1895 . . . . 197 538
201. О.А.Михайловой. Между 10 и 12 марта 1895 . . . . 198 538
202. О.А.Михайловой. 13 или 14 марта 1895 . . . . 199 538
203. О.А.Михайловой. 16 марта 1895 . . . . 199 538
204. О.А.Михайловой. 26 марта 1895 . . . . 200 539
205. Ю.А.Бунину. 28 марта 1895 . . . . 200 539
206. Ю.А.Бунину. 3 апреля 1895 . . . . 201 539
207. Ю.А.Бунину. После 3 апреля 1895 . . . . 202 540
208. О.А.Михайловой. 14 апреля 1895 . . . . 202 540
209. Ю.А.Бунину. После 24 апреля 1895 . . . . 202 540
210. Ю.А.Бунину. 30 апреля 1895 . . . . 204 541

211. Ю.А.Бунину. 15 июня 1895 . . . . 204 541
212. Ю.А.Бунину. 17 июня 1895 . . . . 204 541
213. В.В.Пащенко. 30 июня 1895 . . . . 204 542
214. С.Н.Кривенко. 6 июля 1895 . . . . 205 542
215. В.В.Пащенко. Начало июля 1895 . . . . 205 542
216. А.А.Коринфскому. 7 сентября 1895 . . . . 207 542
217. Письмо в редакцию. 15 сентября 1895 . . . . 207 543
218. Ю.А.Бунину. 25 сентября 1895 . . . . 208 543
219. И.А.Белоусову. 30 сентября, 14 октября 1895 . . . . 208 543
220. А.И.Успенскому. 18 октября 1895 . . . . 209 544
221. С.Н.Кривенко. 27 октября 1895 . . . . 210 544
222. А.А.Коринфскому. 18 ноября 1895 . . . . 210 544
223. А.С.Суворину. Середина ноября 1895 . . . . 212 545
224. С.Н.Кашкиной. Начало декабря 1895 . . . . 212 546
225. А.П.Чехову. 11 декабря 1895 . . . . 213 546
226. Неизвестному лицу. 15 декабря 1895 . . . . 213 547
227. Ю.А.Бунину. 31 декабря 1895 . . . . 214 548
228. С.Н.Кашкиной. 21 января 1896 . . . . 214 548
229. А.А.Луговому. 2 февраля 1896 . . . . 215 548
230. Б.Д.Гринченко. 16 февраля 1896 . . . . 215 549
231. Ю.А.Бунину. 3 марта 1896 . . . . 216 549
232. Письмо в редакцию газеты «Полтавские губернские ведомости».
До 13 марта 1896 . . . . 216 549
233. Л.Н.Толстому. 21 марта 1896 . . . . 216 549
234. Ю.А.Бунину. 26 марта 1896 . . . . 218 550
235. И.А.Белоусову. 3 апреля 1896 . . . . 218 550
236. А.П.Баранову. 16 апреля 1896 . . . . 219 550
237. Ю.А.Бунину. 29 апреля 1896 . . . . 219 550
238. С.Н.Кривенко. 1 июня 1896 . . . . 220 550
239. Ю.А.Бунину. 16 июня 1896 . . . . 220 551
240. С.Н.Кривенко. 28 июня 1896 . . . . 220 551
240а. Письмо в редакцию газеты «Орловский вестник».
До 21 августа 1896 . . . . 221 551
241. Ю.А.Бунину. 30 или 31 августа 1896 . . . . 221 552
242. А.М.Федорову. 10 октября 1896 . . . . 221 552
243. Ю.А.Бунину. 15 октября 1896 . . . . 222 552
244. И.А.Белоусову. 26 октября 1896 . . . . 222 552
245. Ю.А.Бунину. 26, 27 октября 1896 . . . . 222 553
246. М.А.Буниной. 29 октября 1896 . . . . 223 553
247. Ю.А.Бунину. 1 ноября 1896 . . . . 224 553
247а. Неизвестному лицу. Между 1 и 5 ноября 1896 . . . . 225 554
248. И.А.Белоусову. 5 ноября 1896 . . . . 225 554
249. Ю.А.Бунину. 5 ноября 1896 . . . . 225 554
250. Ю.А.Бунину. После 5 ноября 1896 . . . . 226 554

251. И.А.Белоусову. 6 ноября 1896 . . . 226 555
252. С.Н.Кашкиной. 6 ноября 1896 . . . 227 555
253. И.А.Белоусову. 11 ноября 1896 . . . 228 555
254. Ю.А.Бунину. 30 ноября 1896 . . . 229 556
255. Ю.А.Бунину. 9 декабря 1896 . . . 230 556
256. П.В.Засодимскому. 22 декабря 1896 . . . 231 557
257. И.А.Белоусову. 30 января 1897 . . . 231 557
257а. Ю.А.Бунину. Между 10 и 20 февраля 1897 . . . 232 557
258. Ю.А.Бунину. После 20 февраля 1897 . . . 232 559
259. С.Н.Кривенко. 23 февраля 1897 . . . 234 559
260. И.А.Белоусову. 28 февраля 1897 . . . 234 560
261. Ю.А.Бунину. Конец февраля 1897 . . . 235 560
262. Ю.А.Бунину. 1 марта 1897 . . . 235 561
263. С.Т.Семенову. 6 марта 1897 . . . 236 561
264. И.А.Белоусову. 15 марта 1897 . . . 236 561
265. А.М.Федорову. После 15 марта 1897 . . . 237 562
266. С.Н.Кривенко. 22 марта 1897 . . . 238 563
267. Ю.А.Бунину. Середина апреля 1897 . . . 238 564
268. И.А.Белоусову. 6 мая 1897 . . . 239 564
269. Ю.А.Бунину. Конец мая 1897 . . . 239 564
270. И.А.Белоусову. 15 июня 1897 . . . 240 564
271. Ю.А.Бунину. 15 июня 1897 . . . 240 565
272. И.А.Белоусову. Июль 1897 . . . 240 565
273. Ю.А.Бунину. Июль 1897 . . . 241 565
274. И.А.Белоусову. До 20 августа 1897 . . . 241 565
275. Ю.А.Бунину. 20 августа 1897 . . . 242 566
276. Ю.А.Бунину. 26 августа 1897 . . . 243 566
277. Ю.А.Бунину. 16 октября 1897 . . . 243 566
278. С.Н.Кривенко. Между 16 и 20 октября 1897 . . . 244 566
279. Ю.А.Бунину. 21 октября 1897 . . . 244 566
280. Н.Д.Телешову. 21 октября 1897 . . . 244 567
281. Ю.А.Бунину. 23 октября 1897 . . . 245 567
282. И.А.Белоусову. 29 октября 1897 . . . 245 568
283. Ю.А.Бунину. 3 ноября 1897 . . . 246 568
284. И.А.Белоусову. 4 ноября 1897 . . . 246 569
285. Н.И.Позднякову. 9 ноября 1897 . . . 247 569
286. Н.Д.Телешову. 27 ноября 1897 . . . 247 569
287. И.А.Белоусову. 27 ноября 1897 . . . 247 569
288. Н.Д.Телешову. 5 декабря 1897 . . . 247 569
289. Н.Д.Телешову. 9 декабря 1897 . . . 248 570
290. Н.Д.Телешову. 15 декабря 1897 . . . 248 571
291. Н.Д.Телешову. 26 декабря 1897 . . . 248 571
292. Н.Д.Телешову. 29 декабря 1897 . . . 249 571
293. Н.В.Гаврилову. 16 января 1898 . . . 249 572

294. Н.Д.Телешову. 22 января 1898 . . . 250 572
295. П.А.Ефремову. 23 марта 1898 . . . 250 572
296. Е.М.Лопатиной. 11 апреля 1898 . . . 250 573
297. С.Н.Кривенко. 6 мая 1898 . . . 252 574
298. Н.В.Гаврилову. 7 мая 1898 . . . 253 574
299. Ю.А.Бунину. 8 или 9 мая 1898 . . . 253 574
300. Ю.А.Бунину. 1 июня 1898 . . . 254 574
301. А.М.Федорову. 1 июня 1898 . . . 254 575
302. Е.М.Лопатиной. 16 июня 1898 . . . 255 575
303. Ю.А.Бунину. 18 июня 1898 . . . 256 575
304. Ю.А.Бунину. 24 июня 1898 . . . 256 575
305. С.Н.Кривенко. Конец июня — начало июля 1898 . . . 257 576
306. Ю.А.Бунину. Между 17 и 19 июля 1898 . . . 257 577
307. П.А.Ефремову. 13 августа 1898 . . . 259 578
308. С.Н.Кривенко. 19 августа 1898 . . . 259 578
309. С.Т.Семенову. Конец августа 1898 . . . 259 578
310. Ю.А.Бунину. Середина сентября 1898 . . . 260 579
311. Н.В.Гаврилову. Середина сентября 1898 . . . 260 579
312. Н.Д.Телешову. 21 сентября 1898 . . . 261 579
313. Ю.А.Бунину. 25 сентября 1898 . . . 261 579
314. Ю.А.Бунину. 1 октября 1898 . . . 262 580
315. Н.В.Гаврилову. 3 октября 1898 . . . 262 580
316. С.Н.Кривенко. 3 октября 1898 . . . 263 580
317. А.А.Коринфскому. 7 октября 1898 . . . 263 580
318. Ю.А.Бунину. 15 октября 1898 . . . 264 581
319. Ю.А.Бунину. 19 октября 1898 . . . 265 583
320. Н.В.Гаврилову. 20 октября 1898 . . . 266 583
321. Н.В.Гаврилову. 22 октября 1898 . . . 266 583
322. С.Н.Кривенко. 26 октября 1898 . . . 267 583
323. Ю.А.Бунину. Конец октября 1898 . . . 267 584
324. Н.В.Гаврилову. Середина ноября 1898 . . . 267 584
325. Ю.А.Бунину. 21 ноября 1898 . . . 268 585
326. И.А.Белоусову. 22 ноября 1898 . . . 268 585
327. Ю.А.Бунину. 29 ноября 1898 . . . 268 585
328. Ю.А.Бунину. 18 или 19 декабря 1898 . . . 269 585
329. А.Н.Буниной (Цакни). 31 декабря 1898 . . . 269 586
330. Н.Д.Телешову. Конец декабря 1898 . . . 269 586
331. Ю.А.Бунину. 18 января 1899 . . . 269 587
332. Н.Д.Телешову. 23 января 1899 . . . 270 587
333. И.А.Белоусову. 9 февраля 1899 . . . 271 587
334. Ю.А.Бунину. Начало февраля 1899 . . . 271 587
335. Н.Д.Телешову. 19 или 20 февраля 1899 . . . 272 589
336. В.Я.Брюсову. 23 февраля 1899 . . . 272 589
337. С.Н.Кривенко. 23 февраля 1899 . . . 273 590

338. И.А.Белоусову. 1 марта 1899 . . . . . 274 590
339. Ю.А.Бунину. 1 марта 1899 . . . . . 275 591
340. Н.Д.Телешову. 9 марта 1899 . . . . . 276 592
341. И.А.Белоусову. Начало марта 1899 . . . . . 276 592
342. Ю.А.Бунину. 14 марта 1899 . . . . . 276 593
343. Н.Д.Телешову. 18 марта 1899 . . . . . 277 594
344. Н.В.Гаврилову. Середина марта 1899 . . . . . 278 594
345. Н.Д.Телешову. 28 марта 1899 . . . . . 278 594
346. Ю.А.Бунину. Между 21 и 29 марта 1899 . . . . . 279 595
347. Ю.А.Бунину. 30 или 31 марта 1899 . . . . . 279 596
348. Ю.А.Бунину. 6 апреля 1899 . . . . . 280 596
349. И.А.Белоусову. 7 апреля 1899 . . . . . 280 596
350. Ю.А.Бунину. 14 апреля 1899 . . . . . 281 597
351. Ю.А.Бунину. 17, 18 апреля 1899 . . . . . 281 597
352. В.Я.Брюсову. 18 апреля 1899 . . . . . 282 597
353. Н.Д.Телешову. 23 апреля 1899 . . . . . 283 598
354. И.А.Белоусову. 24 апреля 1899 . . . . . 283 598
355. В.С.Миролюбову. 26 апреля 1899 . . . . . 283 599
356. Ю.А.Бунину. 4 мая 1899 . . . . . 284 599
357. И.А.Белоусову. Середина мая 1899 . . . . . 285 599
358. В.Я.Брюсову. 25 мая 1899 . . . . . 285 599
359. И.А.Белоусову. Конец мая 1899 . . . . . 285 600
360. Н.Д.Телешову. 3 июня 1899 . . . . . 286 600
361. И.А.Белоусову. 3 июня 1899 . . . . . 286 600
362. Н.Д.Телешову. 18 июня 1899 . . . . . 286 600
363. И.А.Белоусову. 19 июня 1899 . . . . . 287 601
364. Ю.А.Бунину. 23 июня 1899 . . . . . 287 602
365. Ю.А.Бунину. 5 июля 1899 . . . . . 288 602
366. Ю.А.Бунину. 27 июля 1899 . . . . . 288 602
367. И.А.Белоусову. 2 августа 1899 . . . . . 289 603
368. Ю.А.Бунину. 2 августа 1899 . . . . . 289 603
369. Ю.А.Бунину. 2 августа 1899 . . . . . 289 603
370. Н.Д.Телешову. 7 августа 1899 . . . . . 289 603
371. Ю.А.Бунину. 10 августа 1899 . . . . . 290 604
372. Ю.А.Бунину. Середина августа 1899 . . . . . 291 604
373. Н.Д.Телешову. 3 сентября 1899 . . . . . 293 605
374. В.Я.Брюсову. Осень 1897 — до 22 сентября 1899 . . . . . 293 605
375. Ю.А.Бунину. 23 сентября 1899 . . . . . 293 605
376. Ю.А.Бунину. 24 сентября 1899 . . . . . 294 605
377. Ю.А.Бунину. 25 сентября 1899 . . . . . 294 605
378. Ю.А.Бунину. 6 октября 1899 . . . . . 294 606
379. Ю.А.Бунину. 10 октября 1899 . . . . . 294 606
380. Ю.А.Бунину. 15 октября 1899 . . . . . 295 606
381. Ю.А.Бунину. 20 октября 1899 . . . . . 296 606

382. Ю.А.Бунину. 22 октября 1899 . . . 296 606
383. Ю.А.Бунину. 24 или 25 октября 1899 . . . 296 606
384. Н.Д.Телешову. 6 ноября 1899 . . . 298 607
385. Ю.А.Бунину. Начало ноября 1899 . . . 298 607
386. Н.Д.Телешову. 14 ноября 1899 . . . 298 607
387. Ю.А.Бунину. Середина ноября 1899 . . . 300 608
388. В.С.Миролюбову. 29 ноября 1899 . . . 300 609
389. Ю.А.Бунину. Конец ноября 1899 . . . 301 609
390. И.А.Белоусову. 5 декабря 1899 . . . 301 609
391. Ю.А.Бунину. 14 декабря 1899 . . . 302 609
392. Н.Д.Телешову. 16 декабря 1899 . . . 304 610
393. Ю.А.Бунину. 19 или 20 декабря 1899 . . . 305 610
394. Письмо в редакцию газеты «Южное обозрение».
До 23 декабря 1899 . . . 305 610
395. Ю.А.Бунину. 25 декабря 1899 . . . 306 611
396. Н.Д.Телешову. 26 декабря 1899 . . . 307 611
397. Н.Д.Телешову. 31 января 1900 . . . 307 611
398. Ю.А.Бунину. 11 февраля 1900 . . . 307 612
399. Ю.А.Бунину. 19 февраля 1900 . . . 308 612
400. Ю.А.Бунину. 21, 22 февраля 1900 . . . 308 612
401. Ю.А.Бунину. 24 февраля 1900 . . . 310 612
402. Ю.А.Бунину. 24 февраля 1900 . . . 311 612
403. Ю.А.Бунину. 26 февраля 1900 . . . 311 613
404. Ю.А.Бунину. 29 февраля, 1 марта 1900 . . . 312 613
405. Ю.А.Бунину. 2 марта 1900 . . . 313 613
406. Н.Д.Телешову. 2 марта 1900 . . . 313 613
407. Ю.А.Бунину. 18 апреля 1900 . . . 314 613
408. Ю.А.Бунину. До 16 мая 1900 . . . 314 614
409. Ю.А.Бунину. 16 мая 1900 . . . 315 615
410. Ю.А.Бунину. 22 мая 1900 . . . 315 615
411. С.Н.Кривенко. 23 мая 1900 . . . 315 615
412. Ю.А.Бунину. 24 мая 1900 . . . 316 615
413. Н.Д.Телешову. 28 мая 1900 . . . 316 615
414. И.А.Белоусову. Конец мая 1900 . . . 317 616
415. Ю.А.Бунину. Конец мая 1900 . . . 317 616
416. Н.Д.Телешову. 14 июня 1900 . . . 318 616
417. В.С.Миролюбову. До 21 июня 1900 . . . 318 617
418. Ю.А.Бунину. 21 июня 1900 . . . 319 617
419. Ю.А.Бунину. 24 июня 1900 . . . 319 617
420. И.А.Белоусову. Конец июня 1900 . . . 319 618
421. И.А.Белоусову. 16 июля 1900 . . . 320 618
422. Ю.А.Бунину. 16 июля 1900 . . . 320 618
423. Н.Д.Телешову. 16 июля 1900 . . . 320 618
424. Н.Д.Телешову. 28 июля 1900 . . . 321 619

425. А.М.Федорову. 1 августа 1900 . . . . 322 619
426. И.А.Белоусову. До 6 августа 1900 . . . . 323 620
427. В.М.Лаврову. До 6 августа 1900 . . . . 323 620
428. Н.Д.Телешову. 6 августа 1900 . . . . 323 621
429. Ю.А.Бунину. 8 августа 1900 . . . . 324 621
430. В.Я.Брюсову. 29 или 30 августа 1900 . . . . 325 621
431. Н.Д.Телешову. 31 августа 1900 . . . . 325 622
432. Н.Д.Телешову. 3 сентября 1900 . . . . 325 622
433. И.А.Белоусову. 5 сентября 1900 . . . . 326 622
434. Н.Д.Телешову. 5 сентября 1900 . . . . 326 623
435. Ю.А.Бунину. 5 сентября 1900 . . . . 327 623
436. В.С.Миролюбову. 5 сентября 1900 . . . . 327 623
437. Ю.А.Бунину. После 5 сентября 1900 . . . . 328 624
438. Ю.А.Бунину. 13 сентября 1900 . . . . 328 624
439. Ю.А.Бунину. 19 сентября 1900 . . . . 328 624
440. Н.Д.Телешову. 21 сентября 1900 . . . . 328 625
441. И.А.Белоусову. Конец сентября 1900 . . . . 328 625
442. В.Я.Брюсову. 4 октября 1900 . . . . 329 625
443. Ю.А.Бунину. 6 октября 1900 . . . . 329 625
444. Ю.А.Бунину. 10 октября 1900 . . . . 330 626
445. Н.Д.Телешову. 10 октября 1900 . . . . 331 626
446. Е.А. и Н.Д.Телешовым. 12 октября 1900 . . . . 331 626
447. Ю.А.Бунину. 13 октября 1900 . . . . 331 626
448. Ю.А.Бунину. 30(17) октября 1900 . . . . 332 626
449. В.Я.Брюсову. 1 ноября (19 октября) 1900 . . . . 332 627
450. Ю.А.Бунину. 1 ноября (19 октября) 1900 . . . . 332 627
451. Ю.А.Бунину. 6 ноября (24 октября) 1900 . . . . 333 627
452. А.М. и Е.П.Пешковым. 7 ноября (25 октября) 1900 . . . . 333 627
453. В.Я.Брюсову. 9 ноября (27 октября) 1900 . . . . 333 627
454. Ю.А.Бунину. 11 ноября (29 октября) 1900 . . . . 333 628
455. И.А.Белоусову. 9, 12 ноября (27, 30 октября) 1900 . . . . 334 628
456. Ю.А.Бунину. 16(3) ноября 1900 . . . . 334 628
457. Н.Д.Телешову. 17(4) ноября 1900 . . . . 334 628
458. Ю.А.Бунину. 17(4) ноября 1900 . . . . 334 629
459. В.Я.Брюсову. 18(5) ноября 1900 . . . . 335 629
460. Ю.А.Бунину. 18(5) ноября 1900 . . . . 335 629
461. Ю.А.Бунину. 18, 19(5, 6) ноября 1900 . . . . 335 629
462. В.Я.Брюсову. 23(10) ноября 1900 . . . . 339 629
463. Ю.А.Бунину. 23(10) ноября 1900 . . . . 339 630
464. Н.Д.Телешову. 24(11) ноября 1900 . . . . 340 630
465. Ю.А.Бунину. 25(12) ноября 1900 . . . . 340 630
466. Ю.А.Бунину. 13 ноября 1900 . . . . 340 630
467. Н.Д.Телешову. 13 ноября 1900 . . . . 340 630
468. Ю.А.Бунину. 17 ноября 1900 . . . . 341 631

469. Н.Д.Телешову. 17 ноября 1900 . . . . 341 631
470. В.Я.Брюсову. 20 ноября 1900 . . . . 341 631
471. В.Я.Брюсову. 22 ноября 1900 . . . . 341 631
472. В.Я.Брюсову. 15 декабря 1900 . . . . 342 631
473. Ю.А.Бунину. 15 или 16 декабря 1900 . . . . 342 632
474. В.Я.Брюсову. 16 декабря 1900 . . . . 342 632
475. В.Я.Брюсову. 18 декабря 1900 . . . . 343 632
476. Ю.А.Бунину. 19 декабря 1900 . . . . 343 633
477. Н.Д.Телешову. 26 декабря 1900 . . . . 344 633
478. Н.Д.Телешову. 28 декабря 1900 . . . . 344 633
479. Ю.А.Бунину. 31 декабря 1900 . . . . 344 633
480. Н.Д.Телешову. 31 декабря 1900 . . . . 345 634
481. Ю.А.Бунину. 1 января 1901 . . . . 345 634
482. Ю.А.Бунину. 5 января 1901 . . . . 345 634
483. И.А.Белоусову. 12 января 1901 . . . . 346 634
484. Ю.А.Бунину. 12 января 1901 . . . . 346 634
485. А.М.Федорову. 12 января 1901 . . . . 347 635
486. В.Я.Брюсову. 13 января 1901 . . . . 347 635
487. А.П.Чехову. 13 января 1901 . . . . 348 635
488. Ю.А.Бунину. 21 января 1901 . . . . 348 636
489. М.П.Чеховой. 21 января 1901 . . . . 350 636
490. М.П.Чеховой. 22 января 1901 . . . . 350 636
491. Н.Д.Телешову. 24 января 1901 . . . . 351 637
492. В.Я.Брюсову. 28 января 1901 . . . . 351 637
493. А.П.Чехову. 30 января 1901 . . . . 352 638
494. А.М.Федорову. 31 января 1901 . . . . 352 638
495. Ю.А.Бунину. Конец января 1901 . . . . 353 638
496. М.П.Чеховой. 1 февраля 1901 . . . . 353 639
497. Ю.А.Бунину и Д.А.Пушешникову. 3 февраля 1901 . . . . 353 639
498. Ю.А.Бунину. 4 февраля 1901 . . . . 354 639
499. А.Н.Сальникову. 4 февраля 1901 . . . . 355 639
500. В.Я.Брюсову. 5 февраля 1901 . . . . 355 639
501. М.П.Чеховой. 6 февраля 1901 . . . . 356 640
502. Ю.А.Бунину. 8 февраля 1901 . . . . 356 640
503. И.А.Белоусову. 10 февраля 1901 . . . . 356 640
504. Ю.А.Бунину. 10 февраля 1901 . . . . 356 640
505. Н.Д.Телешову. 10 февраля 1901 . . . . 357 641
506. Н.А.Пушешникову. 11 февраля 1901 . . . . 357 641
507. Ю.А.Бунину. 12, 15 февраля 1901 . . . . 357 641
508. М.П.Чеховой. 18 февраля 1901 . . . . 358 641
509. В.Я.Брюсову. 20 или 21 февраля 1901 . . . . 358 642
510. Н.Д.Телешову. 22 февраля 1901 . . . . 359 642
511. В.А.Поссе. После 22 февраля 1901 . . . . 359 642
512. В.А.Поссе. После 22 февраля 1901 . . . . 359 643

513. Ю.А.Бунину. 2 марта 1901 . . . 360 643
514. А.Н.Сальникову. 2 марта 1901 . . . 360 643
515. М.П.Чеховой. 3 марта 1901. . . 361 643
516. В.Я.Брюсову. 4 марта 1901 . . . 362 644
517. В.Я.Брюсову. 6 марта 1901 . . . 362 644
518. Н.А.Пушешникову. 7 марта 1901 . . . 362 644
519. Ю.А.Бунину. 8 марта 1901 . . . 363 644
520. Н.Д.Телешову. 8 марта 1901 . . . 363 644
521. А.П.Чехову. 11 марта 1901 . . . 364 645
522. А.Н.Сальникову. 12 марта 1901 . . . 364 645
523. М.П.Чеховой. 12 марта 1901. . . 365 646
524. Л.Н.Толстому. 14 марта 1901 . . . 365 646
525. А.И.Эртелю. 14 марта 1901. . . 366 646
526. В.Я.Брюсову. 19 марта 1901 . . . 366 647
527. А.П.Чехову. 20 марта 1901 . . . 366 647
528. Н.Д.Телешову. 21 марта 1901 . . . 367 648
529. Ю.А.Бунину. 27, 28 марта 1901 . . . 367 648
530. А.П.Чехову. 28 марта 1901 . . . 368 648
531. Ю.А.Бунину. До 8 апреля 1901 . . . 368 649
532. Ю.А.Бунину. 15 апреля 1901 . . . 370 649
533. В.Я.Брюсову. 18 апреля 1901 . . . 370 649
534. Ю.А.Бунину. 24 апреля 1901 . . . 370 649
535. Ю.А.Бунину. 26 или 27 апреля 1901 . . . 371 650
536. М.П.Чеховой. 28 апреля 1901. . . 371 650
537. Н.Д.Телешову. 30 апреля 1901 . . . 372 650
538. А.П.Чехову. 30 апреля 1901 . . . 372 650
539. С.А.Полякову. 2 мая 1901 . . . 373 651
540. Н.Д.Телешову. 4 мая 1901 . . . 373 651
541. Ю.А.Бунину. 8 мая 1901 . . . 374 652
542. М.П.Чеховой. До 12 мая 1901. . . 374 653
543. Ю.А.Бунину. 18 мая 1901 . . . 375 653
544. В редакцию газеты «Курьер». 20 мая 1901 . . . 375 653
545. Н.Д.Телешову. 20 мая 1901 . . . 375 653
546. И.А.Белоусову. 20 или 21 мая 1901 . . . 375 654
547. О.Л.Книппер-Чеховой. 20 или 21 мая 1901 . . . 376 654
548. Ю.А.Бунину. 28 мая 1901 . . . 376 654
549. М.П.Чеховой. 28 мая 1901 . . . 377 655
550. В.С.Миролюбову. 1 июня 1901 . . . 377 655
551. М.П.Чеховой. 1 июня 1901 . . . 379 656
552. В.Я.Брюсову. 3 июня 1901 . . . 379 656
553. В.С.Миролюбову. 18 июня 1901 . . . 379 656
554. Н.Д.Телешову. 18 июня 1901 . . . 380 657
555. А.М.Горькому. После 18 июня 1901 . . . 380 657
556. А.П.Чехову. 25 июня 1901 . . . 380 657

557. В.С.Миролюбову. 27 июня 1901 . . . . 381 657
558. Н.Д.Телешову. 1 июля 1901 . . . . 381 658
559. И.А.Белоусову. 3 июля 1901 . . . . 381 658
560. М.П.Чеховой. 7 июля 1901 . . . . 382 658
561. В.С.Миролюбову. Начало июля 1901 . . . . 382 658
562. В.Я.Брюсову. 12 июля 1901 . . . . 384 659
563. Н.Д. и Е.А.Телешовым. 27 июля 1901 . . . . 384 659
564. Ю.А.Бунину. 28 июля 1901 . . . . 384 660
565. Ю.А.Бунину. 29 июля 1901 . . . . 384 660
566. Ю.А.Бунину. 31 июля 1901 . . . . 385 660
567. В.П.Климович. 9 августа 1901 . . . . 385 660
568. Н.Д.Телешову. 10 августа 1901 . . . . 385 660
569. А.П.Чехову. 12 августа 1901 . . . . 386 661
570. Ю.А.Бунину. 14 августа 1901 . . . . 386 661
571. Н.Д.Телешову. 14 августа 1901 . . . . 387 661
572. Ю.А.Бунину. 19 или 20 августа 1901 . . . . 387 661
573. Ю.А.Бунину. 31 августа 1901 . . . . 387 662
574. А.П.Чехову. 31 августа 1901 . . . . 388 662
575. С.А.Полякову. 1 сентября 1901 . . . . 388 662
576. В.Я.Брюсову. 1 сентября 1901 . . . . 388 663
577. Н.Д.Телешову. 1 сентября 1901 . . . . 389 663
578. С.Я.Елпатьевскому. 28 сентября 1901 . . . . 389 663
579. К.П.Пятницкому. 17 октября 1901 . . . . 390 663
580. В.М.Лаврову. 28 октября 1901 . . . . 391 664
581. К.П.Пятницкому. 28 октября 1901 . . . . 391 664
582. А.П.Чехову. 11 ноября 1901 . . . . 392 665
583. Ф.И.Шаляпину. 13 ноября 1901 . . . . 392 666
584. К.П.Пятницкому. 24 ноября 1901 . . . . 392 666
585. Н.Д.Телешову. 27 ноября 1901 . . . . 393 666
586. А.А.Карзинкину. 30 ноября 1901 . . . . 393 666
587. К.П.Пятницкому. 15 декабря 1901 . . . . 394 667
588. К.П.Пятницкому. 1 января 1902 . . . . 394 667
589. В.С.Миролюбову. Между 1 и 4 января 1902 . . . . 395 668
590. К.П.Пятницкому. 8 января 1902 . . . . 395 668
591. А.П.Чехову. 11 января 1902 . . . . 396 668
592. К.П.Пятницкому. 12 или 13 января 1902 . . . . 396 669
593. К.П.Пятницкому. 15 января 1902 . . . . 397 669
594. Н.Д.Телешову. 24 января 1902 . . . . 398 670
595. К.П.Пятницкому. 29 января 1902 . . . . 398 670
596. А.А.Карзинкину. 1 февраля 1902 . . . . 399 670
597. Н.Д.Телешову. 5 февраля 1902 . . . . 399 670
598. Н.Д.Телешову. 22 февраля 1902 . . . . 399 671
599. Н.Д.Телешову. 24 февраля 1902 . . . . 400 672
600. Н.Д.Телешову. 28 февраля 1902 . . . . 401 672

601. И.А.Белоусову. 2 марта 1902 . . . . . 401 672
602. К.П.Пятницкому. 4 марта 1902 . . . . . 401 672
603. Н.Д.Телешову. 8 марта 1902 . . . . . 402 673
604. А.А.Карзинкину. 21 марта 1902 . . . . . 403 674
605. Н.Д.Телешову. 21 марта 1902 . . . . . 404 675
606. А.П.Чехову. До 29 марта 1902 . . . . . 404 675
607. А.П.Чехову. 29 марта 1902 . . . . . 404 675
608. Н.Д.Телешову. 20 апреля 1902 . . . . . 404 676
609. С.А.Найденову. Апрель 1902 . . . . . 405 676
610. К.П.Пятницкому. 6 мая 1902 . . . . . 405 676
611. Н.Д.Телешову. 10 мая 1902 . . . . . 405 677
612. И.А.Белоусову. 11 мая 1902 . . . . . 406 677
613. Н.Д.Телешову. 19 мая 1902 . . . . . 406 677
614. С.А.Найденову. 23 мая 1902 . . . . . 406 677
615. А.И.Куприну. 29 мая 1902 . . . . . 406 678
616. В контору издательства «Знание». 2 июня 1902 . . . . . 407 678
617. М.П.Чеховой. 2 июня 1902 . . . . . 407 678
618. С.А.Найденову. 7 июня 1902 . . . . . 408 679
619. С.А.Найденову. 16 июня 1902 . . . . . 408 679
620. К.П.Пятницкому. 17 июня 1902 . . . . . 408 679
621. А.М.Горькому. 27 июня 1902 . . . . . 409 679
622. К.П.Пятницкому. 27 июня 1902 . . . . . 410 680
623. И.А.Белоусову. 29 июня 1902 . . . . . 411 681
624. Н.Д.Телешову. 29 июня 1902 . . . . . 412 682
625. В.М.Лаврову. 7 июля 1902 . . . . . 412 682
626. Н.А.Пушешникову. 1 августа 1902 . . . . . 412 682
627. Н.Д.Телешову. 2 августа 1902 . . . . . 413 682
628. М.П.Чеховой. 2 августа 1902 . . . . . 413 683
629. И.А.Белоусову. После 2 августа 1902 . . . . . 413 683
630. Письмо в редакцию газеты "Курьер". 9 или 10 августа 1902 . . . . . 414 683
631. М.П.Чеховой. 11 августа 1902 . . . . . 415 684
632. С.А.Найденову. 31 августа 1902 . . . . . 415 684
633. К.П.Пятницкому. 12 сентября 1902 . . . . . 415 684
634. К.П.Пятницкому. 30 октября 1902 . . . . . 416 685
635. К.П.Пятницкому. 16 ноября 1902 . . . . . 416 685
636. К.П.Пятницкому. Начало декабря 1902 . . . . . 417 686
637. К.П.Пятницкому. 15 декабря 1902 . . . . . 417 686
638. Н.Д.Телешову. 23 декабря 1902 . . . . . 418 686
639. М.П.Чеховой. 23 декабря 1902 . . . . . 418 686
640. К.П.Пятницкому. 30 декабря 1902 . . . . . 418 687
641. С.П.Боголюбову. 15 января 1903 . . . . . 420 687
642. Н.Д.Телешову. 15 января 1903 . . . . . 421 688
643. К.П.Пятницкому. 16 января 1903 . . . . . 421 688
644. К.П.Пятницкому. 19 января 1903 . . . . . 422 688

645. Н.Д.Телешову. 9 февраля 1903 . . . . . 422 688
646. А.М.Федорову. 9 марта 1903 . . . . . 422 689
647. С.А.Найденову. 16 марта 1903 . . . . . 423 689
648. С.П.Боголюбову. 6 апреля 1903 . . . . . 423 689
649. Н.А.Пушешникову. 24(11) апреля 1903 . . . . . 423 689
650. Н.Д.Телешову. 24(11) апреля 1903 . . . . . 423 690
651. А.П.Чехову. 25(12) апреля 1903 . . . . . 423 690
652. Ю.А.Бунину. 25, 26(12, 13) апреля 1903 . . . . . 423 690
653. И.А.Белоусову. 27 апреля 1903 . . . . . 425 690
654. С.А.Найденову. 27 апреля 1903 . . . . . 426 690
655. Н.Д.Телешову. 30 апреля 1903 . . . . . 426 690
656. А.В.Пешехонову. 5 мая 1903 . . . . . 426 691
657. К.П.Пятницкому. 5 мая 1903 . . . . . 427 691
658. С.А.Найденову. 3 июня 1903 . . . . . 427 691
659. К.П.Пятницкому. 7 июня 1903 . . . . . 428 691
660. Н.Д.Телешову. 7 июня 1903 . . . . . 428 692
661. М.П.Чеховой. 7 июня 1903 . . . . . 429 692
662. Н.Д.Телешову. 30 июня 1903 . . . . . 429 692
663. К.П.Пятницкому. 20 августа 1903 . . . . . 429 692
664. Н.Д.Телешову. 25 августа 1903 . . . . . 430 693
665. К.П.Пятницкому. 2 или 3 сентября 1903 . . . . . 430 693
666. К.П.Пятницкому. 5 сентября 1903 . . . . . 431 693
667. К.П.Пятницкому. 8 октября 1903 . . . . . 431 694
668. К.П.Пятницкому. 17 октября 1903 . . . . . 432 694
669. А.М.Горькому. 1 декабря 1903 . . . . . 432 694
670. К.П.Пятницкому. 6 декабря 1903 . . . . . 432 694
671. К.П.Пятницкому и А.М.Горькому. 11 декабря 1903 . . . . . 433 695
672. К.П.Пятницкому. 12 декабря 1903 . . . . . 433 695
673. К.П.Пятницкому. Середина декабря 1903 . . . . . 433 695
674. Н.А.Пушешникову. 7 января 1904 (25 декабря 1903) 434 695
675. А.М.Федорову. 7 января 1904 (25 декабря 1903) 434 696
676. К.П.Пятницкому. 11 января 1904 (29 декабря 1903) 434 696
677. А.М.Горькому. 16(3) января 1904 . . . . . 435 696
678. А.П.Чехову. 17(4) января 1904 . . . . . 436 696
679. М.П.Чеховой. 17(4) января 1904 . . . . . 436 697
680. В контору издательства «Знание». 18(5) января 1904 . . . . . 436 697
681. В.С.Миролюбову. 21(8) января 1904 . . . . . 437 697
682. В.А.Никольскому. 23(10) января 1904 . . . . . 437 697
683. К.П.Пятницкому. 24(11) января 1904 . . . . . 437 698
684. В.А.Никольскому. 27(14) января 1904 . . . . . 438 698
685. Н.А.Пушешникову. 29(16) января 1904 . . . . . 439 699
686. И.А.Белоусову. 30(17) января 1904 . . . . . 439 699
687. Н.Д.Телешову. 30(17) января 1904 . . . . . 439 699
688. А.М.Федорову. 30(17) января 1904 . . . . . 439 699

689. К.П.Пятницкому. 12 февраля (30 января) 1904 . . . . 440 700
690. А.Н.Бибикову. 22(9) февраля 1904 . . . . 441 700
691. А.М.Горькому. 25(12) февраля 1904 . . . . 441 701
692. К.П.Пятницкому. 20 февраля 1904 . . . . 441 701
693. К.П.Пятницкому. 7 марта 1904 . . . . 441 701
694. К.П.Пятницкому. 24 апреля 1904 . . . . 442 701
695. К.П.Пятницкому. 2 мая 1904 . . . . 443 701
696. А.М.Федорову. 22 мая 1904 . . . . 443 701
697. С.А.Найденову. 3 июня 1904 . . . . 443 702
698. Н.Д.Телешову. 14 июня 1904 . . . . 444 702
699. М.П.Чеховой. 5 июля 1904 . . . . 444 702
700. О.Л.Книппер-Чеховой. 8 июля 1904 . . . . 444 703
701. М.П.Чеховой. 9 июля 1904 . . . . 444 703
702. И.А.Белоусову. 17 июля 1904 . . . . 445 703
703. К.П.Пятницкому. 17 июля 1904 . . . . 445 703
704. А.М.Федорову. 17 июля 1904 . . . . 445 703
705. Н.А.Пушешникову. 14 августа 1904 . . . . 446 703
706. К.П.Пятницкому. 6 сентября 1904 . . . . 446 704
707. К.П.Пятницкому. 24 сентября 1904 . . . . 447 704
708. П.И.Вейнбергу. 27 сентября 1904 . . . . 447 704
709. И.А.Белоусову. 28 сентября 1904 . . . . 447 704
710. К.П.Пятницкому. 28 сентября 1904 . . . . 447 705
711. К.П.Пятницкому. 18 октября 1904 . . . . 448 705
712. А.М.Горькому. 4 ноября 1904 . . . . 448 705
713. К.П.Пятницкому. 4 ноября 1904 . . . . 449 706
714. И.А.Белоусову. 8 ноября 1904 . . . . 450 706
715. В.Я.Абрамовичу. 10 ноября 1904 . . . . 450 706
716. А.М.Горькому. 14 ноября 1904 . . . . 450 706
717. К.П.Пятницкому. 15 ноября 1904 . . . . 451 707
718. К.П.Пятницкому. 24 ноября 1904 . . . . 451 707
719. К.П.Пятницкому. 27 ноября 1904 . . . . 451 707
720. Ф.Ф.Фидлеру. 7 декабря 1904 . . . . 451 707
721. С.А.Найденову. Начало декабря 1904 . . . . 452 708
722. А.М.Горькому. 18 декабря 1904 . . . . 452 708

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА

723. А.П.Чехову. 4 сентября 1900 . . . . 454 708
724. Л.В.Средину. 4 сентября 1900 . . . . 454 708
725. Н.Д.Телешову. 6 декабря 1901 . . . . 454 709
726. Ф.И.Шаляпину. 3 декабря 1902 . . . . 454 709
727. А.П.Чехову. 4 декабря 1902 . . . . 455 709
728. Ф.И.Шаляпину. 8 января 1903 . . . . 456 710
729. В.Г.Короленко. 12 ноября 1903 . . . . 456 710

730. А.Ф.Марксу. Декабрь 1903 . . . . 457 710
Комментарии 459
Список условных сокращений 460
Вступительная статья к комментариям 463

Указатель писем по адресатам 712
Указатель имен 714
Указатель произведений Бунина, упоминаемых в письмах 734
Географический указатель 740
Указатель периодических изданий 744
Список иллюстраций 749

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М.Горького

И.А.Бунин

ПИСЬМА
1885–1904 годов

Корректор
Сченснович Е.Н.

Оригинал-макет изготовлен
Т.И.Мишутиной

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Подписано в печать 3.06.2003. Формат бумаги 70x100 $^1/_{16}$. Гарнитура Бодони.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 48,00. Тираж 1500 экз.
Заказ № 8284

ИМЛИ РАН
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типографии «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6